
Filologicheskoe obozri︠e︡nie

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЖУРНАЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ И ПЕДАГОГИКИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа.
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.
1891.

Содержаніе перваго тома.

От редакціи.

Отдѣлъ первый. Статьи научныя и педагогическія. Хроника.

Стран.

Отдѣлъ второй. Критика и библіографія.

I. Общія характеристики.

II. Обзоръ книгъ.

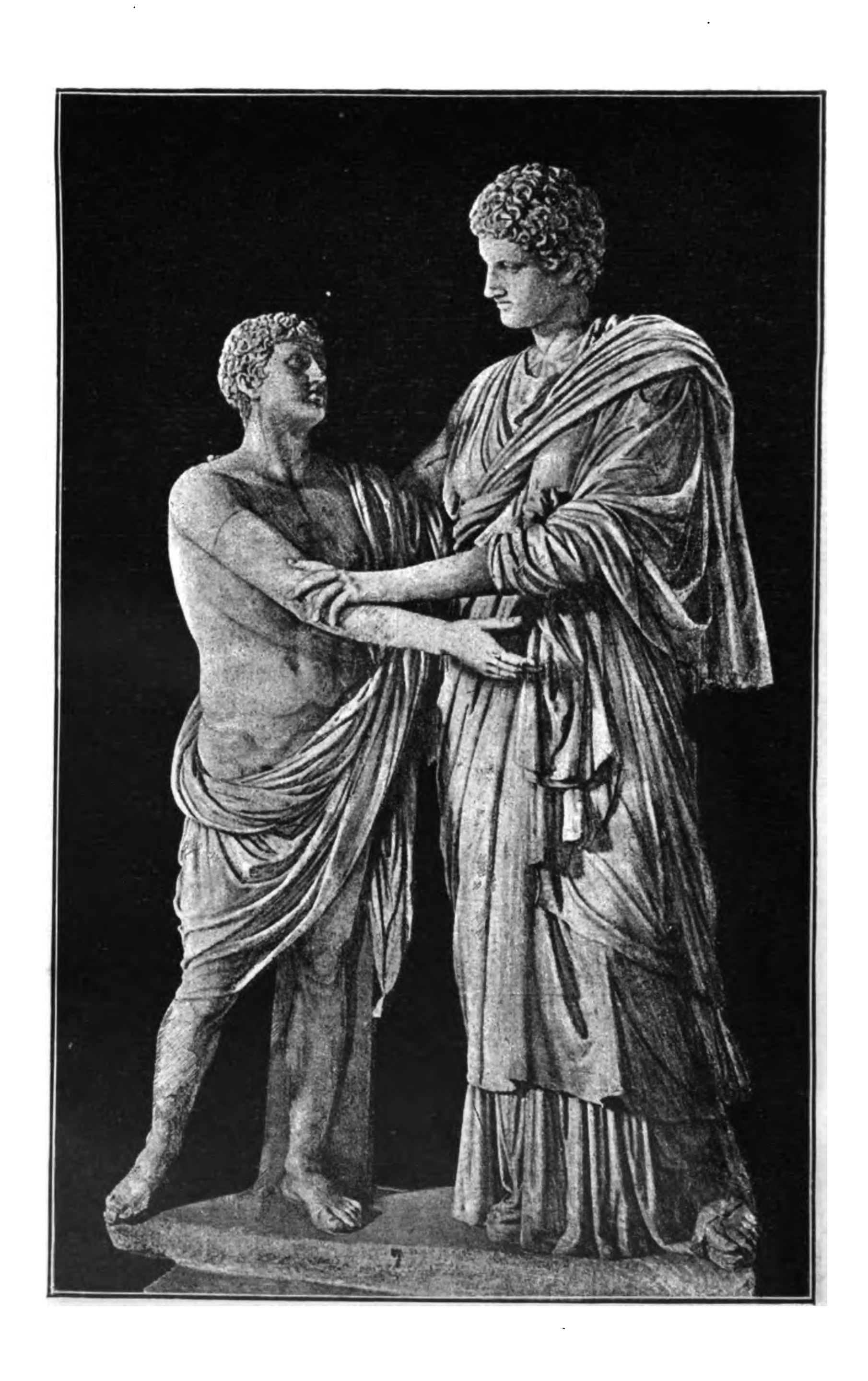
ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

ВЪ ОТДѢЛѢ ПЕРВОМЪ.

Стран. 46, строка 6 св. — вычеркнуть ἄν.
„ 103, „ 6 св. — вм. andes слѣд. чит. audes.
„ „ „ 12 сн. — вм. „въ вопросахъ, въ которыхъ... (напр. и т. д.“ слѣд. чит. „въ вопросахъ (въ которыхъ... напр. и т. д.“
„ 104 „ 1 св. — (въ выноскѣ) вм. numquis nam и ecquis nam слѣд. чит. numquisnam и ecquisnam.

ВЪ ОТДѢЛѢ ВТОРОМЪ.

Стран. 15 строка 12 св. — вм. комическаго слѣд. чит. гномическаго.
„ 16 „ 7 сн. — вм. строки слѣд. чит.: стопы.
„ 78 и 80 „ 2 сн. — вм. *χορυνθία* слѣд. чит.: *χοριυθία*.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Выпуская въ свѣтъ первую книжку „Филологическаго Обозрѣнія“, редакція считаетъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о цѣляхъ и стремленіяхъ издаваемаго ею журнала.

Главнѣйшая и наиболѣе важная цѣль журнала заключается въ объединеніи наличныхъ русскихъ силъ, работающихъ въ области классической филологіи и не имѣвшихъ до сихъ поръ своего спеціальнаго органа. Блестящій успѣхъ въ свое время „Пропилеевъ“, нашедшихъ для выполненія поставленной себѣ задачи достаточно сотрудниковъ, при сравнительно немногочисленныхъ ученыхъ силахъ, даетъ право думать, что въ настоящее время, при наличности болѣе многочисленныхъ силъ, спеціальный филологическій журналъ имѣетъ болѣе, чѣмъ когда-либо, право на существованіе. Редакторовъ одушевляетъ та мысль, что ихъ изданіе дастъ возможность русскимъ филологамъ своевременно отзываться на всѣ тѣ вопросы, которые ставятся постояннымъ движеніемъ впередъ ихъ спеціальной науки, и при этомъ знакомить русское общество, насколько, разумѣется, позволяетъ спеціально-научный характеръ изданія, съ успѣхами той науки, результаты которой не могутъ не интересовать всякаго образованнаго человѣка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ „Филологическое Обозрѣніе“ будетъ служить органомъ русской классической школы. Одною изъ своихъ задачъ оно ставитъ — по мѣрѣ силъ и возможности помочь учителямъ древнихъ языковъ въ ихъ нелегкомъ и сложномъ трудѣ введенія юношества въ богатый внутреннимъ содержаніемъ міръ древнихъ грековъ и римлянъ. Цѣлый рядъ задачъ, впервые выдвинутыхъ новыми учебными планами, требуетъ въ виду успѣха преподаванія и будущности русской классической школы того или иного рѣшенія — и нараждающійся

журналъ будетъ итти навстрѣчу новымъ потребностямъ классической школы, стараясь вызвать несомнѣнно существующія, но имѣвшія еще мало возможности проявиться, оригинальныя русскія педагогическія силы на обсужденіе этихъ вопросовъ и на то или иное ихъ рѣшеніе, которое бы опиралось на многовѣковой опытъ европейской классической школы. Съ цѣлью поставить русскаго учителя au courant хотя бы главнѣйшихъ явленій филологической науки и связанной съ нею дидактики древнихъ языковъ, редакція особенно будетъ заботиться о полнотѣ критическаго (преслѣдующаго, конечно, и свои особыя чисто научныя цѣли) и библіографическаго отдѣла, зная, что учителю, живущему вдали отъ университетскаго города и лишенному порядочной спеціальной библіотеки, трудно и даже невозможно слѣдить за текущей литературой своей спеціальности.

Вотъ въ общихъ чертахъ цѣли и стремленія журнала. Горячее сочувствіе, съ которымъ была встрѣчена со стороны русскихъ филологовъ и педагоговъ мысль объ изданіи „Филологическаго Обозрѣнія", поставившаго себѣ вышеуказанныя цѣли, позволяетъ разсчитывать на то, что эти цѣли найдутъ свое осуществленіе въ новомъ журналѣ. Да послужитъ же онъ на пользу нашей юной филологической наукѣ и обновленной классической школѣ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

СТАТЬИ НАУЧНЫЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ. ХРОНИКА.

I. СТАТЬИ НАУЧНЫЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ.

Къ синтаксису сложныхъ предложеній греческихъ и латинскихъ.

I.

О вопросительныхъ придаточныхъ предложеніяхъ.

Между тѣмъ какъ въ греческомъ языкѣ наклоненія въ косвенныхъ вопросахъ остаются безъ всякаго измѣненія и только отчасти — послѣ историческихъ временъ — замѣняются желательнымъ, правило латинской грамматики гласитъ: въ косвенномъ вопросѣ требуется непремѣнно сослагательное наклоненіе. Съ этимъ въ общемъ согласна фактическая сторона языка такъ-наз. классическихъ писателей, которою и ограничивается школьная грамматика. Однако съ точки зрѣнія научнаго синтаксиса, т.-е. съ той точки зрѣнія, на которой не ограничиваются одною только констатировкою фактовъ, но обращаютъ вниманіе также и на то, откуда эти факты произошли и въ какомъ отношеніи они находятся къ другимъ родственнымъ явленіямъ того же языка въ разные моменты его исторіи, равно какъ и къ явленіямъ другихъ родственныхъ языковъ, возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ при объясненіи фактической стороны упомянутыхъ предложеній какъ въ каждомъ изъ обоихъ древнихъ языковъ въ отдѣльности, такъ и въ сравненіи одного съ другимъ, равно какъ и съ прочими индо-европ. языками. Таковы прежде всего слѣдующіе вопросы: 1) какъ объяснить различіе правилъ для косвенно-вопросительныхъ предложеній въ обоихъ столь близко родственныхъ языкахъ? 2) какое основаніе имѣетъ въ этомъ случаѣ сослагательное въ латинскомъ языкѣ и желательное въ греческомъ? 3) по какой причинѣ желательное въ греческомъ языкѣ ограничивается только

сферою прошедшаго времени? 4) въ какомъ отношеніи находятся эти явленія обоихъ классическихъ языковъ къ остальнымъ индоевропейскимъ языкамъ, т.-е. составляютъ ли эти явленія древнее достояніе индоевропейской группы языковъ вообще или же это только нововведенія, возникшія уже на почвѣ отдѣльно развивающихся языковъ?

Независимо отъ этихъ вопросовъ, касающихся глагольной формы въ косвенно-вопросительныхъ предложеніяхъ, научный синтаксисъ имѣетъ въ виду также и объясненіе происхожденія и значенія вопросительныхъ частицъ, равно какъ и различія, замѣчаемаго въ этомъ отношеніи между прямыми и косвенными вопросительными предложеніями, въ особенности въ греч. языкѣ.

Останавливаясь прежде всего на глагольной формѣ сказуемаго въ косвенно-вопросительныхъ предложеніяхъ, мы замѣчаемъ, что различіе между правилами латинской и греческой грамматикъ объ употребленіи наклоненій въ косвенныхъ вопросахъ значительно сокращается, если принимать во вниманіе не одинъ только классическій періодъ латинскаго языка, но также и архаическую латынь, т.-е. главнымъ образомъ языкъ Плавта и Теренція. Дѣло въ томъ, что въ древней латыни въ косвенныхъ вопросахъ нерѣдко ставится изъявительное, или, точнѣе, сохраняется та глагольная форма, которая должна бы быть, если бъ такой вопросъ сдѣлать независящимъ предложеніемъ. Впрочемъ изрѣдка встрѣчается такое изъявительное также и въ классической латыни, и притомъ, не только у поэтовъ, напр. Catull. 69, 10: admirari desine, *cur fugiunt;* Virg. *ecl.* 5, 7: aspice, *ut* antrum silvestris raris *sparsit* labrusca racemis; id. *A.* 2, 739: *erravitne* via seu lassa resedit, incertum (подр. est.): ib. 6, 614 и др., особенно часто у Проперція (ср. Schäfler, Die sog. syntactischen Gräcismen стр. 92), но даже у самого Цицерона, напр. *Tusc.* 1, 5, 10: dic, quaeso, *num* te illa *terrent; am.* 25, 96: meministis, *quam* popularis lex *videbatur; Att.* 8, 13, 2: et vide, *quam* conversa res *est;* ib. 7, 12, 4: *quo* aut *qua* aut *quid* nobis agendum *est,* nescio и др.; ср. напр. Reisig's Vorlesungen III, стр. 493, прим. 504 (въ обработкѣ Schmalz-a и Landgraf-a). Правда, издатели сочиненій Цицерона всячески стараются освободить послѣдняго отъ подозрѣнія въ несоблюденіи правилъ о косвенномъ вопросѣ, разрѣшая свои недоумѣнія чаще всего тѣмъ, что при помощи знаковъ

препинанія превращаютъ такіе вопросы на видъ въ прямые. Такъ напр. вмѣсто: dic, quaeso, num te illa terrent печатается: dic, quaeso: num te illa terrent? и вмѣсто: quid nobis agendum est, nescio набирается: quid nobis agendum est? nescio. Однако, не говоря уже о томъ, что такая орѳографическая хитристика была, конечно, при тогдашнихъ знакахъ препинанія менѣе удобоисполнима, чѣмъ при современныхъ, уловки этого рода не вызываются крайнею необходимостью, такъ какъ употребленіе изъявительнаго наклоненія въ косвенныхъ вопросахъ не составляетъ ошибки противъ латинскаго языка, а напротивъ, только выходившую въ то время изъ употребленія въ литературномъ языкѣ конструкцію, сохранявшуюся еще въ полной силѣ въ древней латыни, но (и это весьма существенное обстоятельство) только уже въ опредѣленныхъ условіяхъ, имѣющихъ мѣсто также и въ вышеприведенныхъ и имъ подобныхъ примѣрахъ изъ классическаго времени. Не разбирая этихъ условій, Kühner, въ своей Ausf. Grammatik der. lat. Sprache II, стр. 990 сл., выставляетъ на основаніи сочиненія Беккера (De syntaxi interrogationum obliquarum apud priscos scriptores latinos*) слѣдующіе случаи употребленія изъявительнаго:

1) въ зависимости отъ выраженій, имѣющихъ такой смыслъ, какъ „скажи мнѣ“, „спрашиваю тебя“, «я хотѣлъ бы знать» и т. п., каковы напр. dic, dic mihi, cedo mihi, loquere, responde mihi, responde, volo scire, rogo, quaero и т. п. напр. Pl. *Amph.* 377: loquere, quid venisti? *Curc.* 543: scire volo, quoi reddidisti; сослагательное въ этомъ случаѣ въ древней латыни встрѣчается вообще рѣдко и можетъ быть обыкновенно объяснено какъ самостоятельное сослагательное, напр. *Bacch.* 745: loquere, quid scribam (coni. deliberat.);

2) послѣ повелительныхъ, обозначающихъ «посмотри» или «разсуди», а также послѣ обозначающихъ съ ними одно: audin, viden, scin, напр. *Curc.* 311: vide, ut expalluit: *Stich.* 410: videte, quaeso quid potest pecunia; *Men.* 172: observa, quid dabo; *Pers.* 291: specta, quid dedero; *Pers.* 655: audin, quid ait? *Asin.* 636: videtin, viginti minae quid pollent? Также и здѣсь сослагательное

*) Часть этого сочиненія вышла отдѣльно въ качествѣ диссертаціи; обстоятельное извлеченіе изъ труда Беккера вошло въ Historische Syntax der lat. prache Дрегера, II, стр. 434—446.

въ древней латыни бываетъ не очень часто и можетъ быть объяснено, по крайней мѣрѣ отчасти, какъ самостоятельное сослагательное, напр. *Pers.* 154: scin, quid facias (conj. pot. = „что ты долженъ сдѣлать?"): однако не всегда, напр. *Merc.* 103: vosmet videte, quam mihi valde placuerit; объ этомъ примѣрѣ см. ниже;

3) кромѣ того вообще при всякомъ выраженіи въ главномъ предложеніи, если придаточное предложеніе начинается такою формою (мѣстоименіемъ или нарѣчіемъ), которая, смотря по обстоятельствамъ, можетъ имѣть то относительное, то вопросительное значеніе, каковы: qui, quae, quod, quo modo, quemadmodum, quamobrem, quam и ut; такія слова могутъ быть нерѣдко употребляемы произвольно то съ сослаг., то съ изъявительнымъ, и притомъ какъ въ древней, такъ и въ классической латыни, напр. Pl. *Men.* 685: video, quam rem agis; Cic. *R. A.* 30, 83: quaeramus, ubi maleficium et est et inveniri potest; для произвольности наклоненія ср. напр. Cic. *Tusc.* 1, 13, 29: quaere, quorum demonstrantur sepulcra in Graecia; reminiscere, quae tradantur mysteriis. Ясно, что въ такихъ случаяхъ въ классической латыни наклоненіемъ опредѣляется формальный, а иногда и вещественный смыслъ предложенія, такъ какъ напр. quaeramus, ubi maleficium est указываетъ, что мѣсто, гдѣ надо искать настоящаго преступника, извѣстно (= quaeramus ibi, ubi — est), между тѣмъ какъ при quaere, ubi maleficium sit получился бы другой смыслъ: самое мѣсто подлежитъ еще отысканію. Въ другихъ случаяхъ различіе смысла по существу весьма незначительно; но тѣмъ не менѣе для классической латыни не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что при употребленіи изъявительнаго наклоненія въ подобныхъ предложеніяхъ имѣемъ дѣло съ несомнѣнной относительной конструкціей. Напротивъ въ древней латыни имѣемъ и здѣсь несомнѣнное формальное безразличіе относительнаго и вопросительнаго сочетанія, такъ какъ изъявительное наклоненіе встрѣчается не только тамъ, гдѣ относительный характеръ предложенія болѣе или менѣе очевиденъ (напр. Pl. *Men.* 679: uxor rescivit rem omnem, *ut factumst,* ordine = ita rescivit, ut factum est), но и въ такихъ сочетаніяхъ, въ которыхъ относительный смыслъ не можетъ быть объясненъ удовлетворительно никакими натяжками, напр. Pl. *Stich.* 363: *qua causa* missus *es* ad portam, *id*

expedi (при относительномъ смыслѣ было бы необходимо сказать eam или eam causam вмѣсто id; для вопросительнаго смысла этого предложенія ср. также *Rud.* 1102: tu paucis expedi, *quid* postulas); *Most.* 459: non potest dici, *quam* indignum facinus *fecisti* et malum. Дрегеръ l. c. стр. 439 принимаетъ предложенія этого рода за относительныя, въ особенности въ такихъ случаяхъ, какъ: qua causa missus es, id expedi, такъ какъ, по его мнѣнію „deutlicher tritt die Relativbedeutung des Nebensatzes hervor, wenn im Hauptsatze ein Demonstrativ steht". Однако указательное id въ случаяхъ, подобныхъ *Stich.* 363, можетъ служить доказательствомъ относительнаго значенія придаточнаго предложенія столь же мало, какъ и передъ acc. c. inf. или при ut, ср. напр. Cic. *Cat.* IV § 4; *id* est initum consilium, *ut*... nemo... relinquatur; *Verr.* II § 33: *illud* negare non potes, te... iudicasse. Итакъ нѣтъ никакой необходимости вносить при помощи натяжекъ относительный оттѣнокъ туда, гдѣ его нѣтъ, когда даже несомнѣнно вопросительныя мѣстоименія quis, quid безпрепятственно сочетаются съ изъявительнымъ. Не лишнее, однако, замѣтить, что при всѣхъ обоюдозначащихъ формахъ мѣстоименій и нарѣчій сослагательное наклоненіе составляетъ правило также и для архаическаго періода, если одна часть придаточнаго предложенія (особенно подлежащее его) пролептически перенесена въ главное предложеніе, напр. Pl. *Pers.* 635: *patriam* te rogo, quae siet; *Trin.* 88: *istuc negoti* cupio scire, quid siet; Ter. *Eun.* 562: narra *istuc,* quaeso, quid sit = narra, quid sit istuc; ib. 1035: scin *me,* in quibus sim gaudiis. Впрочемъ говорящему возможно даже и въ этомъ случаѣ принять винительный за самостоятельный объектъ главнаго глагола, рядомъ съ такимъ же самостоятельнымъ придаточнымъ предложеніемъ, и тогда можетъ быть и изъявительное, напр. Pl. *Rud.* 869: *viden me,* ut rapior = „посмотри жъ на меня, какъ я..."*).

Итакъ во всѣхъ трехъ вышеизложенныхъ случаяхъ въ древней латыни употребленіе изъявительнаго наклоненія въ косвенно-вопросительныхъ предложеніяхъ составляло весьма обыкновенное

*) Наоборотъ, при перенесеніи части главнаго предложенія въ придаточное изъявительное служитъ въ класс. латыни средствомъ для того, чтобы отмѣтить относительный характеръ предложенія, напр. Cic. *sen.* § 12: nihil admirabilius, quam *quo modo* mortem filii *tulit* = quam modus, quo tulit.

явленіе. Остаткомъ этой древней конструкціи является въ классической латыни общеупотребительная конструкція съ изъявительнымъ выраженій nescio quis, nescio quid и т. п., принимаемыхъ впрочемъ уже какъ бы за одно сложное выраженіе = aliquis, aliquid.

Такими же остатками древней конструкціи, продолжавшей свое существованіе до извѣстной степени въ разговорномъ языкѣ классическаго періода, оказываются также случаи вышеупомянутаго употребленія изъявительнаго наклоненія въ косвенныхъ вопросахъ у классическихъ поэтовъ и отчасти даже у самого Цицерона.

При этомъ однако конструкція косвенныхъ вопросовъ съ изъявительнымъ вообще, какъ въ классической, такъ еще въ архаическій періодъ, находится въ зависимости отъ опредѣленныхъ условій формаціи каждаго отдѣльнаго вопросительнаго предложенія.

Простѣйшая и повидимому древнѣйшая ступень подчиненія вопросительнаго предложенія другому, главному, состоитъ въ чисто механическомъ присоединеніи прямого вопроса безъ всякаго измѣненія его внѣшняго вида. На этой степени развитія остановился ведаическій языкъ, въ которомъ всякій вопросъ неизмѣнно сохраняетъ свой подлинный видъ, при чемъ грамматическая зависимость отмѣчается только внѣшнимъ образомъ при помощи частицы iti (= „молъ") *), прибавляемой обыкновенно въ концѣ вопросительнаго предложенія (рѣдко въ началѣ). Такъ напр. предложеніе: «онъ спрашивалъ, какъ *меня* зовутъ» въ ведаическомъ языкѣ имѣетъ приблизительно слѣдующій видъ: „какъ *тебя* зовутъ? молъ: спросилъ онъ".

Вторая ступень въ развитіи подчиненія вопросительныхъ предложеній обнаруживаетъ приспособленіе личныхъ, временныхъ и мѣстныхъ отношеній подлиннаго прямого вопроса къ точкѣ зрѣнія говорящаго, передающаго этотъ вопросъ. Такъ напр. если мнѣ кто-нибудь вчера предложилъ слѣдующій вопросъ: „Пріидешь *ты завтра ко мнѣ?*" а я сегодня объ этомъ говорю съ третьимъ лицомъ, то въ моей передачѣ вчерашній вопросъ подвергнется

*) Объ этой частицѣ ср. Delbrück, Altindische Syntax стр. 530 сл.; основное значеніе ея было, повидимому, = „такъ" или „это", при чемъ она сперва принадлежала къ составу главнаго предложенія (= „такъ спросилъ онъ" или „это спросилъ онъ").

такой передѣлкѣ личныхъ и временныхъ обстоятельствъ: „Вчера онъ меня спросилъ: прійду ли *я сегодня къ нему*“. Напротивъ вчерашній мой собесѣдникъ, говоря о томъ же предметѣ, скажетъ: „Вчера я его спрашивалъ: прійдетъ ли *онъ сегодня ко мнѣ*“. На этой степени развитія косвенной конструкціи вопросительныхъ предложеній*), обусловленной соотвѣтствующимъ измѣненіемъ обстоятельствъ времени, мѣста и лицъ, остановились славянскіе языки и въ сущности также и греческій языкъ, такъ какъ греческое устройство косвенныхъ вопросовъ состоитъ главнымъ образомъ только въ соотвѣтствующемъ перемѣщеніи личныхъ, временныхъ и мѣстныхъ отношеній, не считая частичной и сравнительно позднѣйшей замѣны футуральнаго сослагательнаго желательнымъ и не считая пока и выработки въ греческомъ языкѣ спеціальныхъ косвенно-вопросительныхъ частицъ.

Третья ступень развитія конструкціи косвенныхъ вопросовъ, находящаяся въ греческомъ языкѣ еще только въ моментѣ созиданія, состоитъ въ обозначеніи косвенности также и въ области наклоненія устраненіемъ изъявительнаго и замѣною его желательнымъ въ греческомъ и сослагательнымъ по-латыни, т.-е. такими наклоненіями, которыя въ этихъ языкахъ пріобрѣли вообще функцію характеризовать всякую косвенную передачу чужихъ словъ. На этой-то степени развитія стоитъ латинскій языкъ съ древнѣйшихъ уже временъ, т.-е. является такимъ, по крайней мѣрѣ, уже при возникновеніи художественной литературы въ Римѣ, однако пока только въ одномъ случаѣ, а именно: если при такомъ подчиненіи вопросительнаго сочиненія дѣйствительно происходитъ какое-либо перемѣщеніе обстоятельствъ, личныхъ, временныхъ или мѣстныхъ, сравнительно съ формаціей ихъ въ прямомъ вопросѣ. Въ этомъ случаѣ въ латинскомъ языкѣ издавна употребляется сослагательное наклоненіе, ср. напр. Pl. *Men.* 114: rogitas, quo *ego eam,* quam rem *agam* (прямой вопросъ имѣлъ бы такой видъ: quo *tu is?* quam *rem agis?*). Мало того: это же самое распространяется также и на такое измѣненіе формы зависящаго вопросительнаго предложенія, при которомъ часть его (именно его подлежащее) переносится пролептически въ главное, о чемъ была рѣчь уже выше.

*) Для косвенной рѣчи вообще ср. Schmitt, Ueber den Ursprung des Substantivsatzes mit Relativpartikeln im Griechischen стр. 63 сл.

Напротивъ изъявительное наклоненіе сохраняется, *если сохраняется подлинный видъ вопросительнаго предложенія также и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ,* какъ въ формально-стилистическомъ устройствѣ сочетанія обоихъ предложеній, такъ и по отношенію къ лицамъ, времени и мѣсту. Къ этому разряду принадлежатъ всѣ вышеприведенные „случаи“ употребленія изъявительнаго наклоненія въ косвенныхъ вопросахъ. Вездѣ тутъ также и въ зависимости вопросъ удерживаетъ безъ измѣненія ту же форму, какую онъ имѣлъ бы, если бъ лицо, имѣющее надобность въ произнесеніи этого вопроса, поставило его прямо, безъ всякой грамматической зависимости. Особенно рельефно выступаетъ неизмѣнное тождество этихъ условій, если произносящій главное предложеніе и ставящій зависимый отъ него вопросъ — одно и то же лицо*). Такъ напр. тотъ же Θерапонтигонъ, говорящій у Pl. *Curc.* 543: scire volo, quoi reddidisti, устранивъ грамматическую зависимость косвеннаго вопроса, сказалъ бы Ликону безъ всякаго измѣненія: Quoi reddidisti? Подобнымъ образомъ у Цицерона или Катулла въ указанныхъ выше мѣстахъ также и безъ всякой зависимости было бы: Num te illa terrent? Cur fugiunt? Если же такой вопросъ въ самостоятельномъ видѣ невозможенъ, то употребляется сослагательное даже и во второмъ изъ вышеуказанныхъ трехъ „случаевъ“. Такъ напр. въ разсказѣ Харина у Плавта (*Merc.* 103) самостоятельность зависящаго предложенія въ данномъ случаѣ не мыслима, такъ какъ vosmet videte здѣсь устранить нельзя (смыслъ этого стиха таковъ: „о томъ, какъ она мнѣ понравилась, вы можете убѣдиться изъ того, что я postridie hospitem adeo, oro ut vendat mihi“). Но еще со времени Теренція языкъ латинскій началъ распространять употребленіе сослагательнаго вообще на всякіе косвенные вопросы (ср. напр. *Heaut.* 820: sed scin, ubi sit nunc tibi tua Bacchis?), пока, наконецъ, классическая проза Цицерона не возвела этого въ общее правило.

Такимъ образомъ завершеніе развитія этой конструкціи въ лат. языкѣ происходитъ на глазахъ исторіи. Еще въ большихъ размѣрахъ касается это такъ наз. замѣнительнаго желательнаго въ греческомъ языкѣ. Такъ какъ въ индо-европейскихъ языкахъ гипотаксисъ вообще развился изъ паратаксиса, то и употребленіе

*) Этимъ объясняется, почему такъ мало примѣровъ съ сослагательнымъ къ перпервому изъ 3-хъ вышеприведенныхъ „случаевъ“ (по Kühner-y).

желательнаго и сослагательнаго наклоненій въ такъ наз. придаточныхъ предложеніяхъ должно было имѣть первоначально одно изъ тѣхъ значеній, въ которыхъ эти наклоненія употреблялись въ самостоятельныхъ или главныхъ предложеніяхъ. Поэтому и при объясненіи греческаго замѣнительнаго желательнаго восходятъ къ какому-либо случаю самостоятельнаго употребленія желательнаго наклоненія въ независимыхъ предложеніяхъ. Brugmann (Griech. Gramm. 2-е изд. § 167), основываясь на сочиненіи Уртеля (Urtel, Ueber den homerischen Gebrauch des Optativs), производитъ его отъ обыкновеннаго потенціальнаго желательнаго (конечно безъ *ἄν*, которое первоначально вообще не составляло необходимой части этой конструкціи, ср. Brugmann l. c. стр. 194) и видитъ исходную точку развитія этой конструкціи въ такихъ предложеніяхъ, какъ напр. *ι* 89: *ἑτάρους προΐειν πεύθεσθαι ἰόντας, οἵτινες ἀνέρες εἶεν*. Здѣсь, по толкованію, принятому Бругманомъ, желательное само по себѣ было первоначально = optativus potentialis (со смысломъ: „какіе бы это могли быть люди"), и только благодаря общему смыслу всего предложенія оно пріобрѣло значеніе субъективности. Но при этомъ самъ Бругманъ тутъ же прибавляетъ: „Какъ это, однако, случилось, что такой optativus obliquus (развившійся изъ opt. pot.) примѣнялся только послѣ прошедшихъ временъ, это не достаточно ясно"*). А между тѣмъ все дѣло именно въ этомъ обстоятельствѣ, которое и должно служить начальнымъ пунктомъ при объясненіи историческаго развитія конструкціи съ замѣнительнымъ желательнымъ. Кромѣ того, повидимому, поступаютъ неправильно, если, говоря о замѣнѣ желательнымъ другихъ наклоненій, подъ послѣдними подразумѣваютъ прежде всего и главнымъ образомъ изъявительное. Вѣдь какъ разъ при изъявительномъ замѣна эта не обязательна, такъ какъ оно нерѣдко сохраняется безъ перемѣны. Напротивъ чередованіе желательнаго замѣнительнаго съ сослагательнымъ совершается, въ особенности въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по строго установившейся нормѣ. По-

---

*) Вотъ подлинныя слова Бругмана (l. c. стр. 193): „Wie es kam, dass der Opt. or. obl. sich auf Verbindung mit einem regierenden Nebentempus einschränkte, scheint mir auch nach Behaghel's und Urtel's Erklärung nicht klar gestellt zu sein... Es fragt sich immer noch, welches Moment gerade diese Assoziation herbeiführte und warum nach der Haupttempora der Ausdruck der Subjektivität durch den Opt. verschmäht wurde".

этому методичнѣе будетъ полагать въ основаніе именно это чередованіе желательнаго съ сослагательнымъ, оставивъ пока въ сторонѣ изъявительное.

Какъ уже замѣчено, значеніе желательныхъ и сослагательныхъ, употребляемыхъ въ придаточныхъ предложеніяхъ, должно основываться на значеніяхъ, которыя эти наклоненія могли имѣть въ главныхъ предложеніяхъ. Такъ напр. вполнѣ очевидно, что сослагательное, употребительное во 2-й формѣ условныхъ періодовъ (по терминологіи грамматики Нидерле) или въ предложеніяхъ цѣли, тождественно съ такъ наз. футуральнымъ сослагательнымъ, встрѣчающимся у Гомера очень часто и въ самостоятельныхъ (главныхъ) предложеніяхъ*), напр. *Α* 262: *οὐ γάρ πω τοίους ἴδον ἀνέρας οὐδὲ ἴδωμαι*. Но въ подобномъ значеніи въ самостоятельныхъ же предложеніяхъ встрѣчается у Гомера**) также и желательное, напр. *Τ* 321: *οὐ μὲν γάρ τι κακώτερον ἄλλο πάθοιμι*. Дельбрюкъ (Conj. u. Opt. стр. 28) называетъ также и это желательное футуральнымъ. Однако, какъ бы ни были близки по своему употребленію оба эти случая (т.-е. футуральное сослаг. и футуральное желат.), они все же въ своемъ основаніи отличались другъ отъ друга навѣрно въ такой же степени, какъ отличается напр. желательное отъ повелительнаго, даже тогда, когда желательное употреблено при случаѣ взамѣнъ повелительнаго. Мы дошли такимъ образомъ до вопроса о томъ, какъ отличаются по значенію оба наклоненія, желательное и сослагательное, т.-е. каково основное значеніе каждаго изъ нихъ.

Формулировка основныхъ значеній отдѣльныхъ типовъ индо-европейской грамматики вообще, и въ частности наклоненій, не легка, какъ можно убѣдиться напр. изъ краткаго обозрѣнія исторіи и литературы этого вопроса въ новѣйшемъ изданіи Рейзиговыхъ Vorlesungen III, стр. 363, прим. 457. Въ свое время надѣемся представить болѣе обстоятельное изложеніе этого дѣла въ томъ видѣ, какъ это сдѣлано нами по отношенію къ категоріи падежей во вступительной части „Падежей“ (стр. 1—76) или по отношенію къ морфологическому объясненію латинской страдательной формы въ „Залогахъ“ (стр. 70—82), или по отношенію къ разнымъ во-

*) Объ употребленіи сослаг. въ значеніи будущаго въ разныхъ языкахъ ср. указанія въ нашихъ „Аористахъ“ стр. 167 сл. и 189.

**) Равно какъ и въ санскритскомъ языкѣ, см. Delbrück, Conj. u. Opt. стр. 200.

просамъ, касающимся морфологіи латинскаго перфекта, въ разныхъ мѣстахъ „Аористовъ". Здѣсь достаточно будетъ упомянуть, что противъ попытки объясненія наклоненій на основаніи трехъ Кантовыхъ категорій: дѣйствительности, возможности и долженствованія, можно возразить, что законы явленій языка далеко не тождественны съ законами логики (примыкаютъ они, напротивъ, къ законамъ психологіи), не говоря уже о томъ, что ради тройственности категорій приходилось бы считать желательное наклоненіе только побочною формою сослагательнаго, какъ это дѣлаетъ напр. Kühner въ его Ausführliche Grammatik der griech. Sprache, II, стр. 166*) Прочія же теоріи, признающія безъ всякихъ оговорокъ фактъ существованія желательнаго на ряду съ остальными наклоненіями, различаются, какія бы ни были ихъ обобщенія, въ сущности только во взглядѣ на основное значеніе желательнаго, при чемъ одни кладутъ въ основаніе то значеніе, которое въ класс. языкѣ свойственно желательному съ *ἄν*, другіе же, напротивъ, значеніе желательнаго безъ *ἄν*. Самую удовлетворительную формулировку обобщеній изъ числа тѣхъ, которые исходятъ изъ значенія желательнаго безъ *ἄν*, представилъ Delbrück въ своемъ сочиненіи: Der Gebrauch des Conjunctivs und Optativs im Sanskrit und Griechischen стр. 11—15, далѣе въ Grundlagen der griech. Syntax стр. 115—117 (гдѣ, однако, онъ допускаетъ и другую возможность толкованія) и, наконецъ, въ Altindische Syntax стр. 302—305 (здѣсь онъ снова возвращается къ основной своей мысли, хотя съ нѣкоторыми оговорками).

Принимая обобщенія Дельбрюка, мы считаемъ возможнымъ признать основнымъ значеніемъ сослагательнаго, желательнаго и повелительнаго выраженіе воли (хотѣнія), желанія и требованія. Каждое изъ этихъ трехъ наклоненій служитъ, согласно съ этимъ объясненіемъ, опредѣленному настроенію самого говорящаго *(ψυχικὴ διάθεσις)*, такъ что изъявительное, не выражающее такого настроенія, а служащее только для указанія на умственное созерцаніе факта, принадлежитъ къ наклоненіямъ лишь въ болѣе обширномъ смыслѣ этого слова. Изъявительное наклоненіе можно было бы

*) Подобнымъ образомъ еще недавно G. H. Müller въ Philol. 1890, стр. 548 сл., принимающій желательное наклоненіе за modus secundarius praeteriti temporis.

назвать наклоненіемъ объективнымъ, остальныя же — наклоненіями субъективными*).

Различіе между волею (Wille) и желаніемъ (Wunsch) заключается, по опредѣленію Дельбрюка (Conj. und. Opt. стр. 16), въ томъ, что въ первомъ случаѣ подразумѣвается стремленіе къ осуществленію обозначенной сослагательнымъ мысли, во второмъ же заявляется, такъ сказать, только простая симпатія или антипатія по отношенію къ высказываемой мысли; другими словами, въ послѣднемъ случаѣ посредствомъ желательнаго отмѣчается только желательность или нежелательность даннаго дѣйствія съ субъективной точки зрѣнія самого говорящаго, безъ всякаго намека на какое-либо стремленіе съ его же стороны къ осуществленію того, что онъ признаетъ желательнымъ, или къ отвращенію нежелательнаго. Мало того: заявленіе о желательности или нежелательности какого-либо дѣйствія само по себѣ даже не заключаетъ въ себѣ непремѣнно указанія на то, достижимо ли то, что признается желательнымъ или нѣтъ (поэтому потенціальная форма условныхъ періодовъ можетъ быть употреблена также объ ирреальныхъ дѣйствіяхъ).

При этомъ, конечно, какъ стремленіе, такъ и желаніе должны быть понимаемы прежде всего какъ внутреннія аффекціи говорящаго, которыя объективно могутъ проявляться съ большею или меньшею силою. На различіи этой энергіи и основывается, повидимому, двойственность значеній, присущая какъ сослагательному, такъ и желательному наклоненію (и существовавшая несомнѣнно уже въ праязыкѣ). Если стремленіе къ осуществленію дѣйствія имѣетъ такъ сказать болѣе реальную окраску, т.-е. если подразумѣвается внѣшнее (объективное) содѣйствіе самого говорящаго осуществленію того, къ чему онъ стремится, то получаемъ тотъ оттѣнокъ сослагательнаго, на которомъ основывается conj. adhortativus и conj. prohibitivus. Но стремленіе это можетъ имѣть и чисто субъективную подкладку, исчерпываясь всецѣло внутренней

*) Соотвѣтственно этому также и условные періоды могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, изъ которыхъ случаи съ изъявительнымъ безъ ἄν (индикативная форма) могутъ быть названы объективной формой условныхъ періодовъ, всѣ же остальные — субъективными; первая приводитъ условное сочетаніе само по себѣ, вторыя же, сверхъ этого, выражаютъ еще субъективное отношеніе къ данной мысли со стороны самого говорящаго, т.-е. сужденіе послѣдняго о томъ, считаетъ ли онъ условіе возможнымъ или ожидаемымъ или несуществующимъ.

аффекціей или тою энергіей мысли, благодаря которой говорящій рѣшительно (убѣжденно) ожидаетъ осуществленія даннаго дѣйствія и такимъ образомъ какъ бы настаиваетъ на его осуществленіи; на этомъ основывается такъ наз. футуральное сослагательное, равно какъ и conj. deliberativus. Оба эти случая отличаются другъ отъ друга примѣрно такъ же точно, какъ отличается конструкція съ союзомъ ut отъ конструкціи съ acc. c. inf. при такихъ глаголахъ, какъ напр. monere, persuadere и т. д. Въ первомъ случаѣ стремленіе или настаиваніе направлено къ тому, *чтобы* что-нибудь было, во второмъ же — къ тому, *что* что-нибудь будетъ. Совершенно аналогично также и различіе между оптативною и потенціальною частью желательнаго наклоненія. Въ первомъ случаѣ говорящій желалъ бы требовать осуществленія дѣйствія, во второмъ онъ желалъ бы лишь утверждать это осуществленіе. Такимъ образомъ различіе напр. между *καί ποτέ τις εἴπῃσι* (съ *κέν* или безъ него) и *εἴποι τις ἄν* будетъ заключаться въ слѣдующемъ: между тѣмъ какъ первое *(εἴπῃσι)* выражаетъ убѣжденіе со стороны говорящаго въ томъ, что такой случай навѣрно будетъ*), второе *(εἴποι)*, напротивъ, указываетъ, что это дѣйствіе кажется ему соотвѣтствующимъ даннымъ обстоятельствамъ и поэтому онъ высказывается въ его пользу (= симпатія), не предрѣшая, однако, своего мнѣнія о фактическомъ осуществленіи этого дѣйствія.

Согласно съ вышеизложеннымъ желательное наклоненіе могло быть безъ затрудненія употребляемо во всѣхъ трехъ временахъ (наст., прош., буд.), между тѣмъ какъ сослагательное по отношенію къ настоящему и прошедшему вообще оказывалось менѣе удобнымъ на томъ основаніи, что фактическое положеніе дѣйствія, относящагося къ настоящему или прошедшему, могло считаться уже извѣстнымъ (въ утвердительномъ или отрицательномъ смыслѣ),

*) Этимъ выясняется далѣе также и различіе между футуральнымъ сослагательнымъ и собственнымъ будущимъ напр. въ условныхъ періодахъ при *ἐάν* съ сослаг. и *εἰ* съ изъяв. будущаго. Послѣднее, представляя собою объективное наклоненіе въ вышеизложенномъ смыслѣ, указываетъ на будущее дѣйствіе чисто объективно, т. е. безъ всякаго со стороны говорящаго лица сужденія о фактическомъ осуществленіи дѣйствія, между тѣмъ какъ сослагательное наклоненіе придаетъ мысли субъективный оттѣнокъ, указывая на убѣжденіе (ожиданіе) самого говорящаго, что дѣйствіе осуществится (поэтому по-русски употребляется въ этомъ случаѣ „когда“ вм. „если“). Впрочемъ въ главныхъ предложеніяхъ будущее вытѣснило собою мало-по-малу футуральное сослагательное, занявъ его мѣсто не только формально, но и по значенію.

а именно или предположительно, и тогда въ распоряженіи говорящаго была форма потенціальная, или же рѣшительно, и въ такомъ случаѣ убѣжденіе въ осуществленіи дѣйствія могло быть выражено объективнымъ образомъ посредствомъ изъявительнаго. Благодаря этому, сослагательное наклоненіе, заключая въ себѣ указаніе на субъективное убѣжденіе говорящаго насчетъ осуществленія дѣйствія, само собою должно было ограничиться преимущественно сферою будущихъ дѣйствій. Этому же должно было содѣйствовать далѣе и то обстоятельство, что индо-европейская группа языковъ, не имѣвшая сперва самостоятельнаго (въ морфологическомъ отношеніи) будущаго времени, должна была прибѣгать въ этомъ случаѣ главнымъ образомъ къ формамъ сослагательнаго наклоненія, къ которому дѣйствительно восходитъ большинство формъ будущаго времени въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ. Выраженіе будущихъ дѣйствій посредствомъ формъ сослагательнаго наклоненія было тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что объективное утвержденіе объ осуществленіи будущихъ дѣйствій, строго говоря, даже невозможно, такъ какъ всякое будущее дѣйствіе до тѣхъ поръ, пока не совершится фактически, существуетъ только въ воображеніи говорящаго или мыслящаго человѣка, и поэтому утвержденіе можетъ быть въ сущности только субъективное, т.-е. говорящій можетъ заявлять только о своемъ убѣжденіи, что такое дѣйствіе совершится. А эта-то *ψυχικὴ διάθεσις* и выражалась посредствомъ сослагательнаго наклоненія. А разъ сослагательное наклоненіе обозначало субъективное ожиданіе со стороны говорящаго, что данное наклоненіе осуществится, то отсюда ясно, почему чужое ожиданіе, передаваемое другимъ лицомъ не въ прямомъ или подлинномъ видѣ, а въ косвенномъ, приспособленномъ къ точкѣ зрѣнія разсказчика, не передается сослагательнымъ, а желательнымъ, которое, какъ выше было замѣчено, можетъ употребляться также по отношенію къ будущимъ дѣйствіямъ (футуральное желательное), при чемъ оно выражаетъ то же самое, что и сослагательное, но безъ указанія на субъективное ожиданіе предстоящаго дѣйствія со стороны самого говорящаго (т.-е., въ данномъ случаѣ, разсказчика). Ср. напр. ζ 112:

ἔνθ' αὖτ' ἄλλ' ἐνόησε θεὰ γλαυκῶπις Ἀθήνη,
ὡς Ὀδυσεὺς ἔγροιτο ἴδοι τ' εὐώπιδα κούρην,
ἥ οἱ Φαιήκων ἀνδρῶν πόλιν ἡγήσαιτο.

Для *Аѳины* это были, конечно, дѣйствія будущія, къ осуществленію которыхъ она стремилась и относительно которыхъ она была убѣждена, что они осуществятся. Но здѣсь говорящимъ является не Аѳина, а поэтъ, разсказывающій о томъ, что̀ тогда дѣлала и чего ожидала Аѳина. Для поэта это уже нѣчто фактически совершившееся и поэтому онъ не употребляетъ формъ сослагательнаго наклоненія, такъ какъ послѣднія могли бы обозначать, что онъ, *поэтъ*, еще только ожидаетъ осуществленія того, о чемъ онъ разсказываетъ. Что это дѣйствительно такъ, видно изъ того, что если ожиданіе осуществленія дѣйствія можетъ имѣть мѣсто также и еще въ то время, когда говорящій о немъ упоминаетъ, то можетъ быть употреблено сослагательное, хотя бы предложеніе находилось въ зависимости отъ формы прошедшаго времени (ср. Weber, Entwickelungsgeschichte der Absichtssätze I, 47 сл., II, 103), напр. *E* 128:

ἀχλὺν δ' αὖ τοι ἀπ' ὀφθαλμῶν ἕλον, ἣ πρὶν ἐπῆεν,
ὄφρ' εὖ γιγνώσκῃς ἠμὲν θεὸν ἠδὲ καὶ ἄνδρα.

И наоборотъ, если говорящій не желаетъ отмѣтить свое ожиданіе, то употребляется желательное наклоненіе даже и послѣ главныхъ временъ (ср. Weber I, 42 сл.; II, 101; Urtel, стр. 12), напр. *H* 339: *πύλας ποιήσομεν, ὄφρα δι' αὐτάων ἱππηλασίη ὁδὸς εἴη.*

Отступленія у Гомера отъ только что изложеннаго употребленія сослагательнаго немногочисленны и сводятся, по крайней мѣрѣ отчасти, къ тому, что говорящій, упоминая о *своемъ собственномъ* (хотя и прошломъ) *ожиданіи* осуществленія дѣйствія, *сохраняетъ* ту форму глагола, которая вообще служитъ для выраженія субъективнаго ожиданія со стороны *самого говорящаго;* таковы напр. *O* 22 *(ῥίπτασκον —, ὄφρ' ἂν ἵκηται)*, *π* 368 сл. *(ἐμίμνομεν —, ἵνα φθίσωμεν)* и др.*).

Такимъ образомъ желательное, замѣнявшее собою всякое сослагательное, которое, какъ выраженіе ожиданія, имѣло бы мѣсто лишь по отношенію къ тому лицу, или прошлому событію, о ко-

*) Эту вольность можно толковать двояко, а именно: какъ остатокъ прежняго болѣе обширнаго употребленія сослагательнаго, или, наоборотъ, какъ попытку расширенія этого употребленія; въ пользу послѣдняго толкованія можно было бы указать на то, что большинство примѣровъ этого рода принадлежитъ Одиссеѣ. Толкованіе, предложенное Веберомъ I, 55, слишкомъ механическое.

торомъ авторъ (разсказчикъ) говоритъ, но не имѣетъ болѣе уже мѣста по отношенію къ самому говорящему или ко времени его рѣчи, пріобрѣло съ теченіемъ времени значеніе характеристическаго признака передачи *чужого* ожиданія. Посредствомъ распространенія этой функціи на всякую чужую мысль вообще желательное стало употребляться мало-по-малу также и взамѣнъ изъявительнаго наклоненія, пріобрѣтая такимъ образомъ характеръ общаго косвеннаго наклоненія (optativus obliquus). Однако у Гомера изъявительное еще только рѣдко замѣняется желательнымъ; такъ напр. ни разу не встрѣчается такое желательное взамѣнъ изъявительнаго въ предложеніяхъ съ *ὡς* или *ὅτι*, зависящихъ отъ verba sentiendi или declarandi. Отсутствіе косвеннаго желательнаго послѣ *ὅτι* замѣчается даже еще у Эсхила, хотя у него уже имѣются примѣры этого рода при *ὡς* = *ὅτι*. Желательное же наклоненіе будущаго времени составляетъ вообще позднѣйшее нововведеніе, не встрѣчающееся еще у Гомера и со времени возникновенія служившее исключительно только въ значеніи opt. obliquus взамѣнъ изъявительнаго (см. Delbrück, Opt. u. Conj. стр. 255), т.-е. возникшее только ради этой именно функціи косвенности и, слѣдовательно, уже только послѣ распространенія замѣнительной конструкціи также и на изъявительное.

Труднѣе объяснить возникновеніе и развитіе *латинскаго* conj. obliquus. Затрудненіе основывается тутъ 1) на томъ, что лат. сослагательное несомнѣнно сложилось изъ двухъ первоначально разнородныхъ слоевъ: собственнаго сослагательнаго и желательнаго, сліяніе которыхъ въ одну категорію обнаруживается съ достаточною ясностью какъ на почвѣ морфологической*), такъ и въ об-

*) *Сослагательное* наклоненіе основъ настоящаго времени характеризовалось a) въ „безпримѣтномъ“ спряженіи смѣнногласнымъ суфиксомъ $^{o}/_{e}$, т.-е. образовалось и спрягалось совершенно такъ, какъ изъявительное наклоненіе въ „тематическомъ“ спряженіи (ср. гом. *ἴ-ο-μεν* при *ἴ-μεν)*; остатокъ этого рода сослагательнаго сохранился въ формѣ будущаго er-o, er-ĭs, er-ĭ-t и пр. изъ *es-o, *es-ĭ-s и пр. и, повидимому, также и въ суфиксѣ -bo, -bĭs, -bĭt и пр. изъ *fu-o (= causl. къ *ἔ-φυ-ν*).

b) Въ „тематическомъ“ спряженіи сослагательное характеризовалось долгимъ ā, замѣнявшимъ собою смѣнногласное $^{o}/_{e}$ изъявительнаго наклоненія; знакъ ā сохранился въ лат. языкѣ безъ перемѣны (въ греч. же языкѣ долгій гласный приспособился къ смѣнногласному суффиксу изъяв. наклоненія), напр. leg-ā-m, leg-ā-s, leg-ā-t (класс. leg-ă-t) и пр.

масти синтаксиса*); 2) соединенное лат. сослагательное служитъ въ значеніи conj. obliquus не просто для обозначенія косвенной мысли (подобно греческому opt. obliquus), но вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ и тѣсную логическую связь между придаточнымъ и главнымъ предложеніями, т.-е. имѣетъ уже отчасти только формальное значеніе, могшее, въ качествѣ шаблона, уклониться далеко отъ первоначальной исходной точки развитія этой конструкціи; и 3) конструкція эта въ извѣстныхъ случаяхъ является сейчасъ при появленіи въ Римѣ художественной литературы вполнѣ уже готовымъ фактомъ, развитіе котораго ускользаетъ такимъ образомъ отъ непосредственнаго изслѣдованія со стороны исторической грамматики.

Изъ придаточныхъ предложеній, въ которыхъ по-латыни употребляется сослагательное, послѣднее прочнѣе всего установлено съ древнѣйшихъ поръ римской письменности въ предложеніяхъ цѣли и слѣдствія, между тѣмъ какъ въ предложеніяхъ времени и причины конструкція съ сослагательнымъ развивается на глазахъ исторіи; косвенно-вопросительныя предложенія стоятъ по срединѣ между обоими этими случаями, такъ какъ одна часть ихъ имѣетъ прочно установившееся сослагательное еще съ доисторическаго времени, въ то время какъ другая часть пріобрѣтаетъ это наклоненіе только уже въ теченіе литературнаго періода. И вотъ какъ разъ въ предложеніяхъ цѣли употребленіе сослагательнаго наклоненія, какъ видно изъ греческаго и санскритскаго языковъ (см. Delbrück, Conj. u. Opt. стр. 59), составляетъ безъ сомнѣнія еще

2. *Желательное* наклоненіе въ основѣ настоящаго времени характеризовалось a) въ „безпримѣтномъ" спряженіи смѣнногласнымъ -ie- (ед. ч.) и -ī- (мн. ч.), напр. s-ie-m (класс. s-i-m), но s-ī-mus.

b) Въ „тематическомъ" спряженіи было вообще только -ie- или только -i-, передъ которымъ, однако, смѣнногласный суффиксъ тематическаго спряженія (°/) сохранялся, а именно въ греч. языкѣ въ видѣ o *(φερ-ο-ι-ς)*, въ лат. же языкѣ въ видѣ e (fer-ē-s изъ *fer-e-ie-s); формы этого рода, слившись по-латыни въ одну группу съ собственнымъ сослагательнымъ, приняли значеніе то сослагательнаго, то будущаго; такъ напр. сослаг. 1-го спряженія amem, ames и пр. основывается на желат.

Въ основѣ перфекта формы собственнаго сослаг. получили значеніе fut. II, между тѣмъ какъ conj. perf. основывается на желат.

*) На собственномъ сослаг. (= греч. сослаг.) основывается conj. adhortativus, conj. dubitativus и conj. prohibitivus; къ желательному же (= греч. желат.) восходитъ conj. optativus, conj. potentialis и оттѣнокъ послѣдняго, conj. concessivus, отчасти также conj. pro imperativo.

праязычную конструкцію, перешедшую также и въ латинскій языкъ. Сослагательное же въ предложеніяхъ слѣдствія основывается, повидимому, на потенціальномъ значеніи этого наклоненіи, т.-е. на первоначальномъ оптативѣ; для воззрѣнія лежащаго въ основаніи этой конструкціи ср. напр. Xen. *Mem.* 4, 8, 11: *Σωκράτης ἐδόκει τοιοῦτος εἶναι, οἷος ἂν εἴη ἄριστός τε καὶ εὐδαιμονέστατος.* По образцу ut consecutivum, основывающемся на относительномъ значеніи слова ut, сослагательное перешло также и на ut explicativum (или epexegeticum); см. объ этомъ ut нашъ Синтаксисъ § 678. А такъ какъ послѣднее ut восходитъ къ косвенно-вопросительному значенію этой частицы (т.-е. тому, которое напр. еще ясно видно у Pl. *Most.* 237: in te hercle certumst principe, *ut* sim parcus, experiri), то эта же конструкція могла отсюда распространиться и на прочія косвенно-вопросительныя предложенія, находящіяся въ такой же тѣсной связи (сперва только логической, потомъ и формальной) съ главнымъ предложеніемъ, какая замѣчается при ut explicativum.

И. Нетушилъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

О раскопкахъ Шлимана въ Троѣ, Микенахъ и Тиринѳѣ.

Schliemann's Ausgrabungen in Troja, Tiryns, Mykenä, Orchomenos, Ithaka im Lichte der heutigen Wissenschaft. Dargestellt von Dr. Carl Schuchhardt, Direcktor des Kestnermuseums zu Hannover. Leipzig 1890.

Excursions archéologiques en Grèce. Mycènes — Délos — Athènes — Olympie — Éleusis — Épidaure — Dodone — Tirynthe — Tanagra. Par Ch. Diehl. Paris 1890.

Bericht über die Ausgrabungen in Troja im Jahre 1890. Von Dr. Heinrich Schliemann. Mit einem Vorwort von Sophie Schliemann und Beiträgen von Dr. Wilhelm Dörpfeld. Leipzig 1891.

Въ XV и въ началѣ XVI стол. отважные мореплаватели, какъ Колумбъ, и смѣлые авантюристы — conquistador'ы, подобные Кортецу и Пизарро, открывали Новый Свѣтъ и новыя страны; въ наше же время дѣйствуютъ открыватели другого рода — такіе египтологи, какъ Шампольонъ, Лепсіусъ, Маріеттъ, Масперо, Эберсъ, Бругшъ, такіе археологи и ассиріологи, какъ Гротефендъ, Ботта, Лэярдъ, Оппертъ, Раулинсонъ, Смитъ и т. под. Они разбираютъ загадочные знаки — письмена неизвѣстныхъ дотолѣ намъ языковъ; изъ нѣдръ земли, изъ-подъ слоя многовѣковаго мусора, они извлекаютъ развалины древнихъ городовъ, храмовъ и дворцовъ, гробницы и муміи знаменитыхъ царей, свитки папируса, надписи и цѣлыя библіотеки, оружіе, утварь и прочіе остатки далекаго прошлаго, и такимъ образомъ предъ нами открывается, можно сказать, новый міръ, съ своими народами, языками, съ своеобразною культурой, о существованіи и развитіи которой раньше и не подозрѣвали или лишь смутно догадывались.

Скончавшійся въ концѣ прошлаго года (26 дек. по нов. ст.) Генрихъ Шлиманъ принадлежалъ къ числу такихъ великихъ открывателей нашего вѣка. Имя этого купца-археолога пользуется особенною извѣстностью и популярностью. И это вполнѣ понятно.

Имя Шлимана связано съ священными именами Трои, Микенъ, Тиринөа, городовъ, окруженныхъ ореоломъ легендарной славы. Его открытія и находки пролили новый, неожиданный свѣтъ на Гомерическій вопросъ и Гомерическую эпоху, на древнѣйшій періодъ греческой исторіи, на давнія культурныя связи и взаимодѣйствія странъ восточнаго побережья Средиземнаго моря; онъ открылъ такъ называемую „*Микенскую культуру*“. Самая судьба Шлимана замѣчательная, почти сказочная, и его біографія полна глубокаго интереса: тутъ предъ нами новое доказательство того, что̀ значитъ энтузіазмъ, вѣра въ свое дѣло, беззавѣтная преданность ему и энергія!

Біографія эта хорошо извѣстна, и мы не будемъ здѣсь останавливаться на ней, а представимъ болѣе или менѣе подробный обзоръ того, что̀ сдѣлано Шлиманомъ, укажемъ, каковы результаты его открытій.

Для знакомства съ дѣятельностью Шлимана и для оцѣнки его открытій имѣется богатый матеріалъ. Самъ Шлиманъ познакомилъ насъ съ своею сказочною судьбою, давъ намъ свою автобіографію въ началѣ книги „Ilios“, и каждое свое открытіе онъ сопровождалъ изданіемъ подробнаго отчета, выходившаго обыкновенно въ видѣ объемистаго тома, со множествомъ рисунковъ, съ предисловіемъ извѣстныхъ ученыхъ, большею частью одновременно на трехъ европейскихъ языкахъ — нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ*).

---

*) Вотъ важнѣйшіе труды Шлимана: „Ithaka, der Peloponnes und Troja. Archäologische Forschungen“. Leipz. 1869; „Trojanische Alterthümer. Bericht über die Ausgrabungen in Troja“. Leipz. 1874; „Atlas Trojanischer Alterthümer. 218 photographische Abbildungen zu dem Berichte über die Ausgrabungen in Troja, 1874; „Mykenae“, Bericht über meine Forschungen und Entdeckungen in Mykenae und Tiryns. Mit einer Vorrede von *W. E. Gladstone*. Leipz. 1878; Ilios, Stadt und Land der Trojaner. Forschungen und Entdeckungen in der Troas und besonders auf der Baustelle von Troja. Mit einer Selbstbiographie des Verfassers, einer Vorrede von *R. Virchow* und Beiträgen von *P. Ascherson, H. Brugsch-Bey, E. Burnouf, Frank Calvert, A. I. Duffield, I. P. Mahaffy, Max Müller, A. Postolaccas, A. H. Sayce* und *R. Virchow*. Mit circa 1800 Abbildungen, Karten und Plänen... Leipz. 1881; „Orchomenos“. Bericht über meine Ausgrabungen im Böotischen Orchomenos. Leipz. 1881; „Reise in der Troas im Mai 1881“. Leipz. 1881; „Troja. Ergebnisse meiner neuesten Ausgrabungen auf der Baustelle von Troja, in den Heldengräbern, Bunarbaschi und andern

Но сочиненіями Шлимана нужно пользоваться съ нѣкоторою осторожностью. Несмотря на свои великія открытія, Шлиманъ былъ все-таки дилеттантъ, безъ надлежащей серьезной научной подготовки, и при всемъ томъ еще — великій энтузіастъ, благоговѣвшій и преклонявшійся предъ Гомеромъ. Для него гомерическія поэмы — подлинный историческій источникъ, даже болѣе того — священная книга, свидѣтельство которой непреложно. Онъ слѣпо, можно сказать наивно, вѣритъ въ дѣйствительность всего того, что̀ повѣствуетъ и описываетъ поэтъ. По Шлиману, все, до мельчайшихъ подробностей, должно было быть и въ дѣйствительности именно такъ, какъ говорится у Гомера. Говоря, напр., объ Итакѣ и открытыхъ имъ циклопическихъ стѣнахъ города, нѣкогда находившагося на вершинѣ горы Аэтъ, онъ замѣчаетъ: „Въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ столицы, подобной этому циклопическому городу... Каждый почитатель Гомера долженъ былъ бы посѣтить Итаку. Ибо нигдѣ въ греческомъ мірѣ воспоминаніе о героической эпохѣ не сохранилось такъ живо и чисто, какъ здѣсь. Тутъ каждый заливъ, каждый источникъ, каждая скала, каждый холмъ, каждая оливковая роща напоминаетъ о божественномъ поэтѣ и его безсмертной Одиссеѣ". И Шлиманъ говоритъ о сталактитовомъ гротѣ у гавани Дексіи, отождествляя его съ пещерою, въ которой Одиссей при содѣйствіи Аѳины спряталъ свои сокровища; о слѣдахъ сельскихъ построекъ, принимая ихъ за жилище Эвмея, и т. д. Въ особенности же увлеченіемъ и слѣпою вѣрою въ дѣйствительность того, что̀ описываетъ Гомеръ, проникнута первая книга Шлимана, посвященная троянскимъ древностямъ, „Trojanische Alterthümer" (1874). Тутъ Шлиманъ не только не сомнѣвается, что имъ открыта именно Гомерическая Троя, но напр. и открытыя имъ ворота смѣло называетъ „Скейскими", остатки большого зданія — дворцомъ Пріама, большой кладъ — сокровищами Пріама. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что впослѣдствіи Шлиманъ сталъ

Orten der Troas im Jahre 1882. Mit Vorrede von Professor *A. H. Sayce*". Leipz. 1884; „Ilios, ville et pays der Troyens". Paris 1885; „Tiryns. Der prähistorische Palast der Könige von Tiryns. Ergebnisse der neuesten Ausgrabungen. Mit Vorrede von Prof. *F. Adler* und Beiträgen von Dr. *W. Dörpfeld*". Leipz. 1886. Недавно, уже послѣ смерти Шлимана, изданъ съ предисловіемъ *Софіи Шлиманъ* и съ прибавленіями *Дерпфельда* „Bericht über die Ausgrabungen in Troja im Jahre 1890". Leipz. 1891.

осторожнѣе въ своихъ толкованіяхъ и выводахъ, и послѣдніе его труды въ научномъ отношеніи стоятъ несравненно выше первыхъ, представляютъ значительный шагъ впередъ. Это слѣдуетъ сказать не только объ „Ilios", гдѣ Шлиманъ ужъ не говоритъ о дворцѣ и кладѣ Пріама, а выражается болѣе обще и неопредѣленно: „домъ владѣтеля города", „большой кладъ" и т. п.

Такимъ образомъ, читателю-неспеціалисту трудно разобраться въ массѣ матеріала, сообщаемаго Шлиманомъ; многое изъ того, что̀ мы находимъ у послѣдняго, требуетъ провѣрки; на основаніи однихъ трудовъ Шлимана трудно составить себѣ ясное представленіе о дѣйствительномъ значеніи его открытій, тѣмъ болѣе, что открытія эти вызвали горячую полемику и обширную литературу. Является, слѣдовательно, настоятельная потребность въ такой книгѣ, которая, соединяя доступность изложенія съ научными достоинствами, представила бы обзоръ открытій Шлимана во всей ихъ совокупности и съ точки зрѣнія современной науки, книга, въ которой бы выводы Шлимана были провѣрены, дѣйствительно важное и цѣнное въ его открытіяхъ было бы выдѣлено и, такъ сказать, резюмировано. Потребность въ такой книгѣ ощущалась тѣмъ болѣе, что сочиненія самого Шлимана, большею частью объемистые томы, роскошно изданные и съ множествомъ рисунковъ, по цѣнѣ далеко не всѣмъ доступны.

И вотъ означенной потребности какъ нельзя лучше во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяетъ изданная въ началѣ прошлаго года книга*) *Schuchhardt'a:* „Ausgrabungen Schliemann's in Troja, Tiryns, Mykenä, Orchomenos, Ithaca im Lichte der heutigen Wissenschaft". Это—сравнительно небольшой томъ (XII+371 стр.), съ портретами Шлимана и его второй жены, съ 6 картами и планами и съ 290 рисунк.; состоитъ онъ изъ 6 главъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ еще свои болѣе мелкія подраздѣленія; первую главу составляетъ біографія Шлимана (стр. 1—23), главы вторая, третья и четвертая посвящены Троѣ (стр. 24—113), Тиринѳу (114—161) и Микенамъ (стр. 162—328), пятая — болѣе мелкимъ открытіямъ въ Орхоменѣ и на Итакѣ (329—337), а въ заключительной, шестой главѣ, представленъ общій очеркъ героической эпохи (338—364). Другимъ прекраснымъ популярнымъ сочине-

*) Готовится новое ея изданіе.

ніемъ является книга *Diehl'я:* „Excursions archéologiques en Grèce“ (1890), въ которой стр. 13—66 посвящены раскопкамъ Шлимана въ Микенахъ и Тиринѳѣ.

Такимъ образомъ эти книги, особенно же Шухгардта, могутъ служить прекраснымъ руководящимъ пособіемъ при обозрѣніи и оцѣнкѣ открытій Шлимана *).

Прежде чѣмъ производить раскопки на мѣстѣ древней Трои, Шлиману еще нужно было предварительно рѣшить, гдѣ искать эту Трою.

Дѣло въ томъ, что вопросъ о мѣстонахожденіи Гомерической Трои былъ спорнымъ. Относительно этого существовало нѣсколько мнѣній. Въ древности господствовало убѣжденіе, что Гомерическая Троя находилась тамъ, гдѣ впослѣдствіи былъ Новый Иліонъ. Такъ, напр., по свидѣтельству Геродота, Ксерксъ, во время своего похода на Грецію, посѣтилъ это мѣсто и принесъ 1000 быковъ въ жертву Аѳинѣ, а маги совершили возліяніе нѣкогда павшимъ здѣсь героямъ. Еще извѣстнѣе другой фактъ: Александръ Македонскій, предпринимая завоеваніе Персіи, посѣтилъ, подобно Ксерксу, Иліонъ и тоже совершилъ тутъ жертвоприношеніе. Болѣе всего способствовалъ процвѣтанію Новаго Иліона одинъ изъ діадоховъ — Лисимахъ; онъ переселилъ туда жителей изъ сосѣднихъ мѣстностей и обнесъ городъ стѣною. Римляне, особенно Юлій Цезарь и Августъ, также покровительствовали Новому Иліону, какъ родинѣ Энея, отъ котораго выводили они свой родъ. Но противъ мнѣнія, что Новый Иліонъ стоитъ на мѣстѣ древней Трои, во II стол. до Р. Хр. выступилъ Димитрій изъ Скепсиса; онъ доказывалъ, что Гомерическая Троя находилась на мѣстѣ такъ называемой „Деревни Илійцевъ“, *Ἰλιέων κώμη* (теперь — Ганаи-Тепе,

*) Изъ полезныхъ популярныхъ пособій можно указать еще на *Baumeister*, „Denkmäler des classischen Altertums“. München und Leipz. 1885—8. 3 Bde., подъ словами: „Mykenä“, „Tiryns“, „Troja“. Чрезвычайно важны труды: *Milchhoefer*, „Die Anfänge der Kunst in Griechenland“. Leipz. 1883, и *Helbig*, „Das Homerische Epos aus den Denkmälern erläutert“. Leipz. 1884 (въ 1887 г. 2-е изданіе). На *русск.* яз. см. статьи: *К. К. Герца*, „Генрихъ Шлиманъ, его жизнь, раскопки и литературные труды“ (Рус. Вѣстн.“, 1882, февр.); *Ѳ. Г. Мищенка*, „Послѣднія раскопки Шлимана на мѣстѣ Трои“ („Кіевск. Унив. Изв.“, 1883, № 1); г. *Теплова*, „Поѣздка въ Троаду. — На раскопкахъ Шлимана“ („Вѣстн. Евр.“, 1889, кн. 8—9); *Ѳ. И. Булгакова*, „Шлиманъ и его археологическая дѣятельность“ („Истор. Вѣстникъ“, 1891, № 2).

противъ Бунарбаши). Наконецъ въ исходѣ прошлаго столѣтія, въ 1790 г., французскій путешественникъ Лешевалье, въ своемъ сочиненіи: „Voyage de la Troade", выступилъ съ новой гипотезой, а именно, что Гомерическую Трою слѣдуетъ искать въ южной части Троянской равнины, тамъ, гдѣ теперь деревня Бунарбаши, у возвышенности Бали-Дагъ. Мнѣніе Лешевалье было принято большинствомъ ученыхъ и было, можно сказать, господствующимъ, когда Шлиманъ приступилъ къ своимъ предварительнымъ розысканіямъ въ Троадѣ.

Шлиманъ вскорѣ убѣдился, что Бунарбаши не можетъ считаться мѣстонахожденіемъ Гомерической Трои, такъ какъ, во-первыхъ, самая мѣстность очень мало соотвѣтствуетъ описанію Гомера, во-вторыхъ, тутъ нѣтъ сколько-нибудь значительнаго слоя мусора, такъ что Шлиманъ почти тотчасъ же дошелъ до материка, и въ-третьихъ, остатки существовавшаго здѣсь укрѣпленія никоимъ образомъ не принадлежатъ глубокой древности и не могутъ считаться „циклопическими". Шлиманъ пришелъ къ непоколебимому убѣжденію, что Гомерическую Трою слѣдуетъ искать на мѣстѣ Новаго Иліона, на холмѣ, называемомъ нынѣ Гиссарликъ, и онъ рѣшилъ именно тутъ предпринять свои грандіозныя раскопки.

Онъ началъ ихъ съ осени 1871 г. и съ нѣкоторыми перерывами велъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, можно сказать до конца жизни. Результатомъ этихъ многолѣтнихъ розысканій было открытіе на Гиссарликѣ *семи* городовъ, послѣдовательно возникавшихъ одинъ за другимъ; изъ этихъ городовъ — пять *доисторическихъ*, шестой, по предположенію Шлимана, — *лидійскій*, а седьмой — извѣстный греко-римскій *Новый Иліонъ*.

Мы не будемъ говорить ни о Новомъ Иліонѣ (въ которомъ Шлиманъ между прочимъ нашелъ прекрасную метопу, съ изображеніемъ Геліоса, управляющаго конями), ни о лидійскомъ городѣ, существованіе котораго, по мнѣнію многихъ, представляется сомнительнымъ, ни о трехъ незначительныхъ доисторическихъ поселеніяхъ; мы остановимся лишь на *первомъ* и *второмъ* городѣ (считая отъ материка), какъ наиболѣе замѣчательныхъ.

Отъ *перваго*, т.-е. древнѣйшаго города остался рядъ параллельныхъ стѣнъ. Внѣшнія стѣны толще (до $2\frac{1}{2}$ метровъ), а внутреннія тоньше; разстояніе между первыми равняется 46 метрамъ. Въ срединѣ, между стѣнами, попадаются развалины домовъ. Парал-

дельныя стѣны, какъ это выяснилось при раскопкахъ 1890 г.*), связывались поперечною стѣною. Встрѣчающіяся въ этомъ городѣ *орудія* — топоры, ножи и проч. — преимущественно *каменныя*, изъ нефрита, діорита, а также изъ порфира. Металлическія вещи составляютъ здѣсь большую рѣдкость; о желѣзѣ нѣтъ и помину. *Сосуды* тутъ преимущественно черные, изъ глины, сдѣланныя большею частью отъ руки; вмѣсто ручекъ у нихъ придѣланы съ боковъ вертикальныя отверстія, чрезъ которыя можно было бы продѣвать веревку или шнуръ. Украшенія на сосудахъ, если и встрѣчаются, то обыкновенно на внутреннемъ краѣ и чрезвычайно просты, примитивны; это — зигзагообразныя линіи и точки, нацарапанныя на глинѣ и наполненныя бѣлымъ мѣломъ. Изрѣдка попадаются слабыя и неумѣлыя попытки изобразить человѣческое лицо.

Гораздо замѣчательнѣе во всѣхъ отношеніяхъ *второй городъ*, принимаемый Шлиманомъ именно за Гомеровскую Трою**). Вокругъ его акрополя шла крѣпкая стѣна, представлявшая многоугольникъ, съ башнями на извѣстномъ разстояніи и съ нѣсколькими воротами. Стѣна эта особенно хорошо сохранилась въ южной своей части. Состоитъ она, во-первыхъ, изъ каменнаго фундамента, внѣшняя сторона котораго сложена изъ большихъ камней и представляетъ покатость въ 45°, а внутренняя, изъ болѣе мелкаго камня, подымается совершенно отвѣсно; уровень этого фундамента вездѣ одинаковъ, а высота различна: она мѣняется сообразно поверхности, на которой возведенъ фундаментъ. Затѣмъ уже на такомъ фундаментѣ возвышается стѣна $3^1/_2$—4 метра толщины. Глиняные кирпичи, изъ коихъ она сложена, высушены на солнцѣ и смѣшаны съ соломой, черепками, раковинами и т. д. Для скрѣпы въ стѣну вдѣланы были толстыя деревянныя балки. Стѣна эта носитъ на себѣ слѣды штукатурки. Изъ воротъ самыя большія среднія или южныя: они представляютъ выступающую впередъ колоссальную башню длиною въ 40 метровъ и шириною въ 18, съ проходомъ въ $3^1/_2$ метра ширины. По предположенію Шухгардта, сверху воротъ, вѣроятно, находилась плоская крыша, и именно въ такомъ видѣ должно представлять себѣ Иліонскую башню, о которой

*) *Schliemann,* Bericht über die Ausgrabungen in Troja im Jahre 1890. Leipz. 1891, стр. 40.

**) Сначала Шлиманъ полагалъ, что Троя — третій городъ отъ материка.

упоминаетъ Гомеръ и которая, по мнѣнію того же Шухгардта, тождественна съ Скейскими воротами. Къ меньшимъ, юго-западнымъ воротамъ вела отлично вымощенная дорога. Позже устроены были еще ворота съ юго-восточной стороны, а главныя, южныя, загорожены стѣною. При раскопкахъ 1890 г. открыты еще ворота на западной сторонѣ.

Внутри стѣнъ, посреди акрополя, кромѣ остатковъ другихъ построекъ, находятся развалины зданія, открытаго въ 1882 г. и принятаго сначала за храмъ; но когда открытъ былъ дворецъ въ Тиринѳѣ, то убѣдились, что и это не храмъ, а подобный же *дворецъ*. Тутъ мы видимъ остатки воротъ, дворцовый дворъ и двѣ главныя половины зданія. Одна изъ нихъ, бо́льшая, состоитъ изъ портика и прилегающей къ нему залы, Гомерическаго мегарона, въ 20 метровъ длины. Посреди залы — остатки большого круглаго очага (въ 4 метра въ поперечникѣ), составлявшаго своего рода „святая святыхъ", святыню, о которой такъ часто говоритъ и Гомеръ. Стѣны залы имѣютъ около $1^1/_2$ метра въ толщину и кладка ихъ совершенно такая же, какъ и стѣнъ вокругъ акрополя, т.-е. на каменномъ фундаментѣ, въ $2^1/_2$ метра вышины, возведена стѣна изъ глиняныхъ кирпичей. Для скрѣпы въ нее тоже вдѣланы деревянныя балки. Крыша зданія, по всей вѣроятности, была плоская, горизонтальная. Рядомъ съ только что описанной находилась другая половина зданія, меньшей величины и съ болѣе тонкими стѣнами. Это, вѣроятно, гинекей, женская половина. Есть предположеніе, что у подножія холма, съ южной, западной и восточной стороны, простирался нижній городъ, окруженный въ свою очередь стѣною.

Изъ находокъ, сдѣланныхъ Шлиманомъ, во второмъ городѣ, больше всего обращаетъ на себя вниманіе такъ называемый „*большой кладъ*". Тутъ было 6 серебряныхъ слитковъ приблизительно равнаго вѣса (отъ 171 до 174 граммовъ), такъ какъ тѣ изъ нихъ, которые были длиннѣе, были тоньше, и наоборотъ, изъ чего Шлиманъ заключилъ, что это были, вѣроятно, своего рода „таланты"; мѣдные, серебряные и золотые сосуды разнообразной формы и величины, при чемъ въ самой большой серебряной вазѣ оказались спрятанными 2 великолѣпныхъ діадемы, золотая головная повязка, до 60 золотыхъ серегъ и 8700 разныхъ мелкихъ золотыхъ вещицъ, какъ-то: колецъ, пуговицъ, продырявленныхъ призмъ и т. п.,

6 золотыхъ браслетовъ и 2 кубка, одинъ изъ нихъ — золотой, другой — изъ электрона (т.-е. изъ смѣси золота и серебра). Кромѣ того, въ составъ клада входили кинжалы, наконечники копій и сѣкиры, все бронзовые или, лучше сказать, почти изъ чистой мѣди. Замѣчательно, что ни здѣсь, ни въ другихъ доисторическихъ поселеніяхъ на Гиссарликѣ мечей не оказалось. Весь упомянутый кладъ представлялъ изъ себя четыреугольную кучу, и Шлиманъ, убѣжденный, что второй городъ есть Гомерическая Троя, взятая непріятелемъ и погибшая въ пламени, сначала объяснялъ это тѣмъ, что въ моментъ приступа драгоцѣнности были брошены въ деревянный ящикъ, который пытались вытащить и спасти, но лица, его несшія, у городской стѣны погибли отъ руки врага или отъ огня; а потомъ Шлиманъ высказалъ предположеніе, что при пожарѣ кладъ могъ упасть изъ верхнихъ этажей дома. Дерпфельдъ полагаетъ, что и въ Троѣ, подобно тому, какъ въ Тиринѳѣ, въ стѣнахъ могли быть цѣлыя галлереи или казематы, своего рода кладовыя, служившія для храненія драгоцѣнныхъ предметовъ; въ такомъ случаѣ „большой кладъ“ могъ храниться именно въ подобномъ помѣщеніи. Кромѣ этого клада, Шлиманомъ потомъ найдено было еще нѣсколько меньшихъ. Во время раскопокъ прошлаго года найдено 2 куска желѣза, слѣдовъ котораго въ доисторическихъ поселеніяхъ Гиссарлика до тѣхъ поръ совсѣмъ не находилось: очевидно оно было тогда большою рѣдкостью и цѣнилось дороже золота*).

Важны найденные въ этомъ городѣ и *глиняные сосуды*. Шлиманъ особенное вниманіе обратилъ на тѣ изъ нихъ, которые представляютъ изображеніе головы. Въ связь съ этимъ онъ приводитъ извѣстный эпитетъ богини Аѳины у Гомера — *γλαυκῶπις*, затѣмъ культъ ея въ Троѣ, хранимый тамъ палладіумъ и проч. Но гораздо проще и правдоподобнѣе объясненіе Вирхова, полагающаго, что это — не что иное, какъ не совсѣмъ удачное, еще неумѣлое и и примитивное изображеніе человѣческаго лица; по крайней мѣрѣ, верхняя часть головы, уши, ротъ — чисто человѣческіе. Подобныя, но еще болѣе грубыя изображенія попадаются и изъ камня, при чемъ на лбу изображены даже волосы, правда, крайне неискусно. Имѣются затѣмъ глиняные сосуды, изображающіе разныхъ

*) *Schliemann*, Bericht über die Ausgrab. in Troja im Jahre 1890, стр. 20.

животныхъ — свинью, бегемота и т. д. Въ большемъ числѣ встрѣчаются кубки съ двумя ручками, соотвѣтствующіе, по мнѣнію Шлимана, *δέπας ἀμφικύπελλον* у Гомера: такіе кубки, наполненные виномъ, служили круговою чашею, переходившею изъ рукъ въ руки во время пира.

Не останавливаясь на разнаго рода оружіи — мѣдныхъ и даже серебряныхъ кинжалахъ, ножахъ, остріяхъ копій, на предметахъ изъ слоновой кости и изъ камня, отмѣтимъ еще экземпляръ небольшого идола (изъ свинца), представляющаго нагую женскую фигуру, съ локономъ волосъ въ видѣ рога около уха, съ скрещеными на груди руками и съ рѣзко обозначенными половыми органами, и золотые предметы — бляхи, браслеты, головные булавки — съ украшеніями въ видѣ спиралей или розетокъ, похожіе на тѣ, которые въ такомъ обиліи встрѣчаются въ Микенахъ. Остается еще упомянуть, что на предметахъ второго города нерѣдко встрѣчаются крестообразныя изображенія, такъ наз. „свастика". Сэйсъ принимаетъ эти изображенія за хеттитскія письмена; другіе полагаютъ, что это не что иное, какъ извѣстный орнаментъ.

Только-что описанный второй городъ Шлиманъ, какъ уже было упомянуто, отождествляетъ съ Гомерическою Троей. И дѣйствительно, есть основаніе думать, что это былъ могущественный городъ, съ крѣпкимъ акрополемъ на возвышенности и дворцомъ, похожимъ на дворцы Гомерическіе, съ нижнимъ городомъ у подножія холма; что онъ существовалъ долго и, въ его существованіи можно отмѣтить не два періода, какъ принимали до послѣдняго времени, а даже три, какъ это показали прошлогоднія раскопки*); наконецъ есть указанія и на то, что городъ этотъ погибъ среди пожара, вслѣдствіе какой-то катастрофы. Но *культура второго города или такъ называемая троянская, открытая Шлиманомъ, несравненно древнѣе культуры Гомерической.* Стоитъ указать хотя бы на примитивный орнаментъ сосудовъ, на обиліе каменныхъ орудій и въ особенности на то, что тутъ почти нѣтъ желѣза**), которое такъ часто упоминается у Гомера. Троянская культура оказывается *древнѣе даже Микенской*, а эту послѣднюю относятъ ко времени до дорянскаго вторженія въ Пелопоннесъ, обыкновенно къ XIII—

*) *Schliemann*, «Bericht...». стр. напр. 21 и друг.

**) Какъ упомянуто выше, въ первый разъ слѣды желѣза найдены только при раскопкахъ 1890 г.

XII в. до Р. Х. Можно лишь предположить, что въ Гомерическихъ поэмахъ сохранился какъ бы отзвукъ далекаго прошлаго, воспоминаніе о томъ, что̀ происходило нѣкогда на Троянской равнинѣ, о томъ, какъ погибъ когда-то существовавшій здѣсь могущественный городъ. Именно къ этому городу могли быть пріурочены позднѣйшія греческія сказанія. Но назывался ли онъ дѣйствительно Троей, это, конечно, иной вопросъ, на который нельзя дать отвѣта. Во всякомъ случаѣ географическое положеніе такъ называемой Трои, лежавшей у Геллеспонта, этого своего рода моста изъ Азіи въ Европу, было таково, что тутъ должны были происходить важныя событія, частая и упорная борьба, столкновенія различныхъ племенъ и т. д.

Что касается характера и типа троянской культуры и ея отношенія къ другимъ культурамъ древняго міра, то въ настоящее время насчетъ этого нельзя еще сказать ничего опредѣленнаго. На ряду съ чертами, чрезвычайно своеобразными, въ Троянской культурѣ можно отмѣтить и нѣкоторыя точки соприкосновенія съ другими культурами. Такъ, нѣкоторыя вазы, какъ напр. съ крышкой, очень похожи на египетскія канопы; другія формы сосудовъ встрѣчаются и на Кипрѣ; между копьями тоже есть сходныя съ тѣми, какія попадаются на Кипрѣ; женскій идолъ изъ свинца напоминаетъ глиняныя изображенія, находимыя въ могилахъ Месопотаміи и Кипра, и каменныя изображенія, встрѣчаемыя на Цикладахъ; нефритъ и слоновая кость указываютъ какъ бы на сношенія — хотя бы и не прямыя — съ внутренней Азіей; орнаментъ въ видѣ спиралей и розетокъ напоминаетъ наконецъ микенскую культуру, тоже открытую Шлиманомъ.

Въ легендарной исторіи Греціи Микены играютъ видную роль. Преданіе гласитъ, что ихъ воздвигъ Персей, при чемъ строителями ихъ были Циклопы; здѣсь царствовалъ его родъ, затѣмъ Пелопиды и Атриды; въ числѣ микенскихъ царей былъ Еврисѳей, на службѣ которому Геркулесъ совершилъ свои знаменитые 12 подвиговъ, и Агамемнонъ, вождь грековъ подъ Троей; Микены были театромъ трагическихъ сценъ и событій: гибели Агамемнона, по возвращеніи изъ Трои убитаго вмѣстѣ съ своими спутниками вѣроломною Клитемнестрою и ея возлюбленнымъ Эгистомъ, горя Электры и кроваваго мщенія Ореста за смерть отца. Вообще поэтическія сказанія грековъ говорятъ намъ о былой славѣ, богатствѣ

и могуществѣ Микенъ, и Гомеръ прямо называетъ ихъ „богатыми золотомъ“. Въ преданіи Микены являются центромъ сильнаго и богатаго царства, резиденціей могучихъ владыкъ.

И это блистательно подтвердили открытія Шлимана.

Микены находились вдали отъ морского берега, по пути изъ Аргоса въ Коринѳъ, и расположены были между двумя высокими горами на платὸ, вызвышающемся на 278 метровъ надъ уровнемъ моря. Ихъ акрополь имѣетъ форму треугольника и окруженъ стѣнами. Развалины этихъ стѣнъ, поражающихъ своею колоссальностью и извѣстныхъ подъ именемъ „циклопическихъ“, сохранились до нашихъ дней. Въ своей кладкѣ онѣ представляютъ троякую технику: въ одномъ мѣстѣ сложены онѣ изъ почти неотдѣланныхъ каменныхъ глыбъ, въ другомъ — изъ четыреугольныхъ глыбъ, положенныхъ правильными горизонтальными слоями, и наконецъ въ третьемъ мѣстѣ онѣ состоятъ изъ отесанныхъ и тщательно приложенныхъ одинъ къ другому многоугольниковъ. Толщина стѣнъ — отъ 3 до 7 метровъ, а мѣстами первоначально доходила, кажется, даже до 14 метровъ: здѣсь были, вѣроятно, галлереи и магазины, подобные тѣмъ, какіе въ настоящее время открыты въ тиринѳскихъ стѣнахъ. Но особенною достопримѣчательностью Микенъ считались знаменитыя „Львиныя ворота“, изъ колоссальныхъ камней, съ изображеніемъ вверху двухъ львовъ, а за предѣлами акрополя — куполообразный памятникъ, могила, слывущая подъ именемъ „Сокровищницы царя Атрея“.

Эти развалины и памятники, остатки былого величія Микенъ, извѣстны были уже съ давнихъ поръ и до нашего времени. Ихъ описывалъ еще Павсаній. Что касается Шлимана, то онъ во время своего пребыванія въ Микенахъ подробнѣе изслѣдовалъ эти памятники; открыто было самое основаніе Львиныхъ воротъ, входъ очищенъ отъ мусора и камней; затѣмъ за предѣлами акрополя открыто было еще 5 куполообразныхъ могилъ, подобныхъ „Сокровищницѣ царя Атрея“; изъ нихъ одна открыта собственно госпожею Шлиманъ и названа по ея имени.

Но главное свое вниманіе Шлиманъ сосредоточилъ на акрополѣ. Какъ было упомянуто, еще въ концѣ 60-хъ годовъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что упоминаемыя Павсаніемъ могилы Агамемнона и его спутниковъ должны находиться не внѣ, а внутри акрополя. И вотъ онъ задается мыслью отыскать эти могилы.

7-го августа 1876 г., внутри акрополя, недалеко отъ Львиныхъ воротъ, раздались первые удары заступа, а чрезъ нѣсколько уже недѣль предъ глазами Шлимана открылся міръ новой, дотолѣ неизвѣстной намъ культуры.

Прежде всего Шлиманомъ открытъ былъ кругъ, 26$^1/_2$ метровъ въ діаметрѣ, состоящій изъ двойного ряда или кольца каменныхъ плитъ, поставленныхъ въ землю вертикально и прикрытыхъ сверху горизонтально положенными плитами. Разстояніе между этими рядами или кольцами равняется 1 метру, высота плитъ — отъ 1 до 1$^1/_2$ м. Со стороны Львиныхъ воротъ имѣется входъ въ кругъ. Шлиманъ полагалъ, что это огороженное мѣсто есть городская площадь, агорà, а плиты — каменныя скамьи, на которыхъ „въ священномъ кругу" возсѣдали старцы, призванные для совѣта и суда. Но дѣло въ томъ, что, какъ замѣчаетъ Шухгардтъ, ограда изъ плитъ слишкомъ высока для скамьи и притомъ Микенскій акрополь заключалъ въ себѣ лишь царскій дворецъ съ его необходимыми принадлежностями; агорà же, по всей вѣроятности, находилась за его предѣлами, подобно тому, какъ у Гомера Алкиной, чтобы собрать свой народъ, спускается къ рынку феаковъ, который устроенъ былъ у самаго берега. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что отрытый Шлиманомъ каменный кругъ имѣетъ отношеніе къ культу умершихъ. Это доказываютъ дальнѣйшія находки Шлимана же. Такъ, нѣсколько ниже круга имъ найденъ овальный алтарь, циклопической постройки, изъ большихъ камней, съ круглымъ посрединѣ отверстіемъ въ видѣ колодца, и 9 могильныхъ *стелъ* изъ ноздреватаго известняка, величиною въ 1—1$^1/_2$ метра. Изъ этихъ стелъ 4 украшены барельефами, представляющими очевидно сцены изъ военной и охотничьей жизни. Напр. изображена колесница; на ней — воинъ, управляющій лошадью, съ боку у него — мечъ, а впереди лошади — человѣкъ съ поднятымъ мечомъ. На другой стелѣ, кромѣ колесницы, возницы и коня, изображено еще животное — собака или, по другому объясненію, левъ. Кромѣ того, на стелахъ этихъ имѣется орнаментъ въ видѣ спиралей, характеризующій вообще памятники микенской культуры.

Наконецъ еще ниже, въ нѣдрахъ земли, Шлиманъ открылъ 5 высѣченныхъ въ скалѣ могилъ, а немного позже, уже по его слѣдамъ, Стаматакисомъ, комиссаромъ греческаго правительства, открыта еще шестая подобная же могила недалеко отъ входа

въ каменный кругъ. Всѣ эти могилы четыреугольныя; внутри стѣнки ихъ обложены камнями. Самая меньшая изъ могилъ имѣетъ около 3 метровъ въ длину и столько же въ ширину, самая большая — 5 и $6^{3}/_{4}$ метровъ. Въ могилахъ этихъ найдено 17 тѣлъ, въ томъ числѣ нѣсколько женскихъ и даже дѣтскихъ. Въ меньшей изъ могилъ — одинъ покойникъ, въ другихъ — по три, а въ самой большой — пять, изъ которыхъ двое лежатъ головою къ сѣверу; всѣ же остальныя тѣла — какъ въ этой, такъ и въ другихъ могилахъ — обращены головой къ востоку. Покойники лежатъ на слоѣ голышей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣнки могилъ закопчены дымомъ, замѣтны и слѣды пепла. Отсюда Шлиманъ предполагаетъ, что тѣла покойниковъ подвергались хотя легкому дѣйствію огня. Но гораздо правдоподобнѣе предположеніе, высказанное Гельбигомъ, что это — слѣды жертвоприношеній и остатки сожженныхъ жертвенныхъ животныхъ. Тѣла покойниковъ сохранились очень хорошо: уцѣлѣли не только скелеты, но и зубы, а на лицѣ одного изъ покойниковъ имѣется даже засохшее мясо и кожа: очеочевидно, трупы подвергались своего рода бальзамированію.

Тѣла покойниковъ, можно сказать, завалены разнаго рода драгоцѣнностями, оружіемъ, утварью. Обиліе, богатство и разнообразіе предметовъ, найденныхъ Шлиманомъ въ могилахъ, изумительны. Въ одной изъ могилъ однихъ бронзовыхъ мечей оказалось 80, въ другой — однѣхъ небольшихъ золотыхъ бляхъ, служившихъ украшеніемъ одежды, найдено болѣе 700 штукъ. На лицахъ нѣкоторыхъ покойниковъ были золотыя маски, воспроизводившія черты умершаго: найдено нѣсколько золотыхъ діадемъ, изъ которыхъ одна, напр., болѣе 2 футовъ длиною, перевязи, нагрудники, на рукахъ — браслеты, одежды унизаны были разнаго рода золотыми украшеніями крестообразной формы, бляхами, листочками съ изображеніемъ спиралей, медузъ, полиповъ и т. п. Найдена масса золотыхъ серегъ, колецъ, перстней, на которыхъ имѣются прекрасныя, необыкновенно живыя, изображенія охоты и сраженія, множество золотыхъ пуговокъ, головныхъ булавокъ, шариковъ изъ янтаря, предметовъ изъ алебастра, горнаго хрусталя и т. д.; найдены даже маленькіе золотые вѣсы!

Изъ оружія особенно замѣчательны бронзовые мечи, обоюдоострые, довольно узкіе, но длинные: ими можно было колоть, но не рубить. На ихъ клинкахъ имѣются накладныя изображенія. На

одномъ, напр., чрезвычайно живо представлена борьба со львами. Львы и обнаженныя части тѣла людей — золотые, одежда (въ родѣ узкихъ и короткихъ штановъ) и щиты — серебряные, а мелкія украшенія на одеждѣ и щитахъ изъ какой-то черной массы; фонъ картины покрытъ темною эмалью. На другой сторонѣ этого меча имѣется изображеніе льва и пяти животныхъ, похожихъ на газель. Или, напр., на другомъ клинкѣ изображено три бѣгущихъ другъ за другомъ льва. На третьемъ мечѣ изображены: берегъ рѣки съ растеніями въ родѣ папируса и хищные звѣри, бросающіеся на птицъ (повидимому утокъ). Рукоятки мечей обтянуты большею частью тонкими золотыми пластинками, съ различными украшеніями. Ножны — деревянныя, тоже украшенныя золотомъ. Найдено множество бронзовыхъ наконечниковъ копій и наконечниковъ стрѣлъ изъ обсидіана; напр. въ одной изъ могилъ послѣднихъ оказалось 35 штукъ.

Сосуды въ микенскихъ могилахъ — глиняные, мѣдные, серебряные и золотые, разной формы: кувшины, вазы, котлы, чаны, кубки. Металлическіе сосуды нерѣдко чрезвычайно массивны, напр. одна изъ золотыхъ чашъ вѣситъ до 4 фунтовъ. Обращаетъ на себя вниманіе золотой кубокъ съ двумя ручками, сверху которыхъ изображено по голубю; Шлиманъ сравниваетъ его съ кубкомъ Нестора, описываемымъ у Гомера. Замѣчательны также: изящная алебастровая ваза съ тремя ручками, кусокъ вазы изъ египетскаго фарфора съ изображеніемъ человѣческой головы и т. д. Что касается сосудовъ изъ глины, то они сдѣланы большею частью при помощи гончарнаго колеса, отличаются замѣчательною легкостью, темно-желтаго цвѣта и могутъ быть подраздѣлены на два рода: одни — лакированные, съ изображеніемъ морскихъ растеній и низшихъ морскихъ животныхъ; другіе — матовые, съ линейнымъ орнаментомъ, особенно со спиралями и т. под.

Въ одной могилѣ найдена прекрасно сдѣланная большая серебряная голова быка съ золотыми рогами и съ розеткой на лбу. Небольшихъ бычачьихъ головъ изъ золота съ двойной сѣкирой между рогами въ той же могилѣ оказалось болѣе 50. Вообще же въ большомъ числѣ встрѣчаются изображенія грифовъ, сфинксовъ, львовъ, орловъ, рыбъ, бабочекъ и т. д. Въ одной могилѣ найдено даже натуральное *страусовое яйцо*.

Изъ *идоловъ*, кромѣ грубыхъ глиняныхъ, обращаютъ на себя вниманіе женскія фигурки изъ золота съ изображеніемъ голубя, пред-

ставляющія, вѣроятно, Астарту. Маленькая, тоже золотая, фигурка, въ сидячемъ положеніи и со скрещенными на груди руками напоминаетъ изображеніе Кибелы или Реи. Найдено и небольшое изображеніе храма, сдѣланное изъ золота, съ двумя голубями на углахъ.

Кромѣ описанныхъ могилъ, Шлиманомъ открыта еще одна внѣ каменнаго круга, непосредственно къ югу отъ него. Изъ сдѣланныхъ тутъ находокъ отмѣтимъ большой золотой перстень съ изображеніемъ дерева, подъ которымъ сидитъ женская фигура; около нея еще 4 фигуры, тоже женскія, изъ которыхъ двѣ маленькія; одна изъ нихъ сзади рветъ плоды съ дерева, остальныя изображены съ цвѣтами въ рукахъ. Между ними — двойная сѣкира, вверху — волнообразная линія, серповидный мѣсяцъ и солнце; кромѣ того съ боку изображена какая-то загадочная фигура съ мечомъ. По распространенному мнѣнію, предъ нами на этомъ перстнѣ изображеніе божества: это — „великая матерь“ Рея или вавилонская Истаръ съ своими спутницами. Шухгардтъ же видитъ тутъ просто сцену изъ обыденной жизни, нѣсколько идиллическаго характера.

Таковы были открытія Шлимана въ Микенахъ. Успѣхъ былъ поразительный и превзошелъ самыя смѣлыя его ожиданія. То, что̀ раньше признавалось лишь поэтическимъ вымысломъ, оказалось дѣйствительностью: сказанія о богатствѣ и могуществѣ Микенъ нашли себѣ полное подтвержденіе; Микены оказались на самомъ дѣлѣ „богатыми золотомъ“, какъ называлъ ихъ Гомеръ. Можно сказать, что въ данномъ случаѣ поэтическая фантазія во многихъ отношеніяхъ оказалась даже ниже дѣйствительности. Шлиманъ предпринялъ свои раскопки въ Микенахъ въ твердой надеждѣ найти упоминаемыя Павсаніемъ могилы Агамемнона и его спутниковъ, и дѣйствительно имъ были найдены могилы, принадлежавшія, несомнѣнно, царямъ. Поэтому намъ вполнѣ понятенъ восторгъ Шлимана, его увлеченіе, его увѣренность, что имъ открыты могилы и тѣла не какихъ-либо другихъ царей, а именно Агамемнона, Кассандры, Эвримедонта и ихъ товарищей, во время пира убитыхъ Клитемнестрою и Эгистомъ, хотя мы можемъ и не раздѣлять этой увѣренности*).

*) Увѣренность Шлимана въ томъ, что имъ открыты могилы и даже тѣла именно Агамемнона и его спутниковъ, основывалась: 1) на словахъ Павсанія; 2) на соображеніи, что тѣла присыпаны были землею, что, слѣдовательно, покойники, на-

О своемъ открытіи Шлиманъ поспѣшилъ извѣстить короля Георга телеграммой и въ концѣ ея говорилъ между прочимъ, что открытыя имъ сокровища „сами по себѣ достаточны для того, чтобы наполнить собой большой музей, который будетъ самымъ чудеснымъ въ мірѣ и который въ теченіе слѣдующихъ столѣтій будетъ привлекать въ Грецію тысячи иностранцевъ со всѣхъ концовъ свѣта". Дѣло въ томъ, что Шлиманъ, согласно существующему въ Греціи закону, по которому все, найденное въ предѣлахъ королевства, должно оставаться собственностью послѣдняго, свои драгоцѣнныя находки предоставилъ Греціи, и такимъ образомъ микенскія древности хранятся теперь въ Аѳинахъ въ Политехніонѣ.

Очень важнымъ дополненіемъ къ микенскимъ находкамъ служатъ открытія Шлимана въ Тиринѳѣ, который является такимъ

ходящіеся въ одной и той же могилѣ, были похоронены одновременно и что всѣ могилы вообще относятся къ одному и тому же періоду, и наконецъ 3) на положеніи тѣлъ въ могилахъ, которое какъ-будто указывало на то, что погребеніе не было совершено съ подобающимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ къ умершимъ: тѣла положены не вдоль, а поперекъ могилъ, и такъ какъ вслѣдствіе этого помѣщеніе оказывалось короткимъ, то трупы находились какъ бы въ согнутомъ положеніи, а голова придавлена къ груди. — На эти доводы Шлимана возражаютъ, что прежде всего ссылка на Павсанія не убѣдительна: слова Павсанія въ данномъ случаѣ допускаютъ различное толкованіе; притомъ описаніе у него Микенъ производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто онъ лично посѣщалъ и осматривалъ Микены и видѣлъ самъ могилы Атрея, Агамемнона и т. д.; тѣхъ же могилъ, которыя открыты Шлиманомъ, Павсаній никоимъ образомъ видѣть не могъ, такъ какъ въ то время онѣ, да и самый каменный кругъ, находившійся надъ ними, покрыты были уже слоемъ земли, и, значитъ, говоря о царскихъ могилахъ, Павсаній разумѣлъ не ихъ *(Schuchhardt)*. Что же касается положенія покойниковъ, то его можно объяснить двояко: или просто тѣмъ, что это было обычное, освященное традиціей положеніе, которое старались придавать покойникамъ *(Diehl)*, или же тѣмъ, что гробницы были прикрыты сверху каменными плитами, лежавшими на деревянныхъ балкахъ, опорой для которыхъ, вѣроятно, служили каменныя стѣнки, выведенныя внутри могилъ; съ теченіемъ времени балки подгнили, плиты свалились внизъ, земля тоже осыпалась, и тѣла покойниковъ были придавлены, стиснуты. Въ пользу такого предположенія говоритъ присутствіе въ могилахъ дерева въ значительномъ количествѣ и каменныхъ плитъ, изъ коихъ одна даже стоитъ на трупѣ *(Schuchhardt)*. Замѣтимъ кстати, что Адлеръ въ своемъ предисловіи къ книгѣ Шлимана: „Tiryns", высказываетъ мнѣніе, что могилы Агамемнона и его спутниковъ, равно какъ и Атрея, — это тѣ куполообразные памятники, которые находятся внѣ акрополя. Во всякомъ случаѣ *культура, открытая Шлиманомъ въ Микенахъ, значительно древнѣе культуры Гомерической.*

образомъ третьимъ главнымъ поприщемъ для необыкновенно плодотворныхъ раскопокъ Шлимана.

Тиринѳъ лежалъ близъ моря, на скалистой возвышенности, подымавшейся до 26 метровъ изъ окружающей болотистой низменности. Развалины его представляютъ груды каменныхъ глыбъ, еще болѣе колоссальныхъ, нежели тѣ, какія находятся въ Микенахъ. Это — остатокъ древнихъ тиринѳскихъ стѣнъ, о которыхъ Павсаній говоритъ, что онѣ, наравнѣ съ такъ называемою „Сокровищницею царя Минія“ въ Орхоменѣ, заслуживаютъ не меньшаго удивленія, чѣмъ египетскія пирамиды. Подобно Микенамъ, и Тиринѳъ считался у грековъ сооруженіемъ Циклоповъ, выходцевъ изъ Ликіи. По преданію — онъ родина Геркулеса; онъ древнѣе Микенъ, которыя возвысившись затмили его славу и даже подчинили его себѣ.

Тиринѳскій акрополь вѣнчалъ собой возвышенность въ 300 метровъ длины и 100 ширины. Возвышенность эта по направленію къ сѣверу нѣсколько понижалась и состояла какъ бы изъ трехъ террасъ [1]). На самой высокой террасѣ, т.-е. на югѣ, находился царскій дворецъ, на средней — помѣщеніе для слугъ и воиновъ, а еще ниже тянулись, вѣроятно, магазины, конюшни и прочія службы. Все это окружено было высокими толстыми стѣнами, сложенными изъ слегка лишь отесанныхъ (да и то не всегда) каменныхъ глыбъ громадныхъ размѣровъ и тяжести, каждая въ 2—3 метра въ длину, 1 метръ въ ширину, а вѣсомъ пудовъ въ 200, иногда даже до 800. Въ промежуткахъ между этими колоссальными глыбами насыпанъ болѣе мелкій камень. Прежде полагали, что тиринѳскія стѣны сложены были безъ всякаго цемента. Теперь открыты слѣды извести. Толщина стѣнъ въ нижней части акрополя 7—8 метровъ, а въ верхней — отъ 5 до 15 и даже до $17^1/_2$ метровъ; сохранившаяся до нашего времени высота равняется $7^1/_2$ м. Стѣны на своемъ протяженіи представляютъ многочисленные вдающіеся и выступающіе углы и снабжены огромными башнями. Давно уже было извѣстно, что въ одномъ или въ двухъ мѣстахъ стѣна заключаетъ въ себѣ параллельныя галлереи, лежащія не на одномъ уровнѣ и, повидимому, имѣющія сообщенія между собою. Теперь оказывается, что въ тиринѳскихъ стѣнахъ существовала цѣлая

---

[1]) См. краткое, популярное, но весьма отчетливое описаніе у *Diehl'я*, Excursions archéologiques en Grèce, стр. 54 сл.

сѣть подземныхъ ходовъ и корридоровъ, что напр. въ южной стѣнѣ верхняя галлерея сообщается съ нижнею, а эта послѣдняя ведетъ въ пять камеръ съ стрѣльчатымъ сводомъ, выстроенныхъ въ толщинѣ стѣнъ, и что въ восточной стѣнѣ было шесть подобныхъ же камеръ. Эти своего рода казематы служили подземными магазинами или кладовыми. Въ корридоры свѣтъ проникалъ чрезъ амбразуру, сдѣланную въ стѣнѣ.

Въ тиринѳскихъ стѣнахъ имѣется два входа. Одинъ — на западной сторонѣ, узкій, предназначенный только для пѣшеходовъ; тутъ лѣстница, отъ которой сохранилось болѣе 60 ступеней, вела къ средней террасѣ, а оттуда еще нѣсколько ступеней вели къ самому дворцу. Другой, главный входъ, или, лучше сказать, въѣздъ находился на восточной сторонѣ. Тутъ дорога, постепенно подымаясь, шла сначала по направленію съ сѣвера на югъ у подножія окружной стѣны акрополя, подъ прикрытіемъ ея выступовъ и башенъ. Дойдя до самой вершины возвышенности, она чрезъ проходъ, оставленный въ окружной стѣнѣ, вступала въ узкій промежутокъ, образуемый слѣва только-что названною стѣною, а справа дворцовыми стѣнами, и шла такимъ образомъ до воротъ, имѣвшихъ крѣпкіе запоры. Миновавши эти ворота, дорога приводила наконецъ къ обширной эспланадѣ, въ юго-восточномъ углу акрополя, гдѣ находились Большіе Пропилеи, служившіе ужъ входомъ въ дворцовыя помѣщенія.

Таковы были тиринѳскія укрѣпленія. Тутъ виденъ строго обдуманный планъ, цѣлая сложная система, и чтобы выполнить подобный планъ, чтобы возвести стѣну изъ огромныхъ камней, вѣсомъ въ 200 и даже въ 800 пудовъ, конечно, нужны были болѣе или менѣе опытные и искусные архитекторы, цѣлые отряды рабочихъ и громадныя средства*).

Обратимся теперь къ дворцу. Большіе Пропилеи ведутъ въ обширный дворъ, окруженный портиками. Въ сѣверо-западномъ углу его находятся Малые Пропилеи; за ними идетъ четыреугольный дворъ, вымощенный мелкимъ камнемъ и также окруженный портиками. Въ южной его части возвышается алтарь Зевса Геркея въ видѣ массивнаго каменнаго четыреугольника; съ сѣвера же прилегаетъ мужская половина дворца. Въ этой половинѣ важнѣе всего — боль-

*) *Diehl*, 57—58.

шая зала для мужчинъ или такъ назыв. мегаронъ, въ 12 метровъ длины и 10 ширины; посреди нея возвышались 4 колонны и между ними — домашній очагъ. Слѣва главнаго строенія были многочисленные корридоры и небольшія комнаты, въ числѣ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе баня или ванная. Ея полъ состоитъ весь изъ одного колоссальнаго камня вѣсомъ по крайней мѣрѣ въ 20000 килограммовъ, т.-е. болѣе 1200 пудовъ; стѣны были обшиты деревянными досками, посрединѣ находилась ванна и устроенъ былъ особый каналъ для стока воды. Направо отъ мужской половины дворца находился гинекей, т.-е. женская половина, не имѣвшая прямого, непосредственнаго сообщенія съ мегарономъ, отдѣленная отъ послѣдняго цѣлымъ рядомъ дверей и узкихъ переходовъ. Здѣсь тоже есть дворъ, окруженный портиками, и четыреугольная зала, подобная мегарону, но только все это меньшихъ размѣровъ. Въ этой же части дворца, наиболѣе удаленной, были спальня, оружейная, казнохранилище и т. под.

Владѣтели Тиринѳа заботились не только объ удобствахъ, но и объ украшеніи своего дворца. Найденъ напр. алебастровый фризъ, украшенный лазуревымъ стекломъ (*κύανος* у Гомера), съ изображеніемъ между прочимъ розетокъ и спиралей, столь часто встрѣчаемыхъ въ Микенахъ. Полъ въ мегаронѣ представляетъ своего рода мозаику или узорчатый коверъ изъ красныхъ и голубыхъ полосъ. Но особенно замѣчательна *стѣнная живопись* (al fresco). Въ древнемъ Тиринѳѣ, какъ оказывается, извѣстно было пять красокъ: бѣлая, черная, желтая, красная, голубая или синяя. Не только имѣются рисунки на стѣнахъ, изображающіе спирали и розетки, но сохранилась даже значительная часть картины, изображающей мчащагося быка, а на немъ человѣка; одной ногой онъ касается спины быка, а другая высоко приподнята въ воздухѣ; лѣвою рукою онъ держитъ быка за рога. Фонъ картины голубой; быкъ — желтый съ красными пятнами. Совершенно аналогичные по своему содержанію рисунки имѣются на золотыхъ чашахъ, найденныхъ недавно, именно лѣтомъ 1889 г., близъ Амиклъ въ Вафіо; рисунки эти представляютъ сцены, и притомъ необыкновенно живыя, изъ обыденной жизни — ловлю и укрощеніе быковъ или охоту за ними.

Что касается предметовъ, найденныхъ Шлиманомъ въ Тиринѳѣ, то тутъ имъ найдены были глиняные идолы, сосуды, изъ которыхъ

замѣчательны вазы съ примитивными изображеніями людей, животныхъ и т. д.

Вѣсть объ открытіи Шлиманомъ въ Тиринѳѣ огромнаго доисторическаго дворца была встрѣчена сначала недовѣріемъ, особенно въ Англіи. Нѣкоторые, напр. архитекторъ Penrose, утверждали, что дворецъ этотъ не что иное, какъ византійское зданіе X или XI в. по Р. Х. Противъ Шлимана выступила и газета Times. По поводу тиринѳскаго дворца въ Лондонѣ состоялся даже торжественный диспутъ между Шлиманомъ и Дерпфельдомъ съ одной стороны и ихъ противниками съ другой. Шлиманъ и Дерпфельдъ одержали полную побѣду, и, въ довершеніе ихъ торжества, въ томъ же 1886 г., греческимъ Археологическимъ обществомъ открыты были и въ Микенахъ развалины дворца, подобнаго тиринѳскому, только меньшихъ размѣровъ, и тоже со стѣнною живописью.

Таковы главнѣйшіе памятники той культуры, которую принято теперь называть *микенскою* и которая открыта Шлиманомъ. И эти памятники не представляютъ нѣчто отдѣльное, изолированное: культура, получившая свое названіе по имени Микенъ, была распространена не въ одной только Арголидѣ. Напр. въ Беотіи, въ Орхоменѣ, подробнѣе изслѣдованномъ Шлиманомъ же, знаменитая „Сокровищница царя Минія" представляетъ сходство съ могилами Микенъ, а скульптурный орнаментъ въ видѣ спиралей и розетокъ на ея потолкѣ совершенно напоминаетъ украшенія тиринѳскаго дворца. Памятники микенской культуры встрѣчаются и въ Ѳессаліи (близъ Воло), и въ Аттикѣ (въ Спатѣ, Мениди, въ самыхъ даже Аѳинахъ), и въ Лаконіи (близъ Амиклъ). Такимъ образомъ культура эта захватывала обширный районъ, отъ самой Ѳессаліи до южной оконечности Пелопоннеса, и именно восточную полосу Эллады, обращенную къ морю, къ культурнымъ странамъ древняго Востока. Сходныя черты встрѣчаются и въ памятникахъ глубокой старины на островахъ Санторинѣ (древн. Ѳерѣ), Родосѣ, Критѣ, Кипрѣ и даже во „второмъ городѣ", или такъ называемой Троѣ на Гиссарликѣ.

На первыхъ порахъ эта роскошная и цвѣтущая культура, дотолѣ намъ совершенно неизвѣстная, поразила изслѣдователей своею своеобразностью. Сравнивали ее съ культурой гомерическою и

находили между ними очень мало общаго: микенская культура оказывалась болѣе древнею и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе роскошною, пышною. При этомъ указывали на грандіозные могильные памятники въ Микенахъ, на иной способъ погребенія покойниковъ, тѣла которыхъ не сожигались, какъ у Гомера, а предавались землѣ, на отсутствіе желѣза и фибулъ. Несомнѣнно, микенская культура носила на себѣ слѣды восточнаго происхожденія и вліянія, имѣла точки соприкосновенія и связь съ культурой Малой Азіи, Финикіи, Египта и острововъ Эгейскаго моря. Такъ напр., львы на микенскихъ воротахъ напоминаютъ намъ Фригію и, пожалуй, Ассирію. Микенскія могилы имѣютъ сходство съ памятниками Фригіи, Каріи, Ликіи. Двойная сѣкира между рогами быка находитъ себѣ аналогію въ позднѣйшемъ карійскомъ гербѣ на монетахъ. Изображенія на перстняхъ сходны съ изображеніями на такъ называемыхъ „островныхъ камняхъ". Женскіе идольчики съ голубями, по всей вѣроятности, изображаютъ Астарту и указываютъ на Финикію и Сирію. Серебряная бычачья голова и нѣкоторые виды серебряныхъ и золотыхъ вазъ, находимые въ Микенахъ, встрѣчаются и на египетскихъ рисункахъ, гдѣ изображаются данники фараона Тутмеса III, приносящіе свои дары: такія головы и вазы преподносятъ „люди земли Кефта", т.-е. финикіяне. Изображенія на клинкахъ, съ ихъ львами и окружающимъ ландшафтомъ, рѣкой и папирусомъ, напоминаютъ намъ долину Нила. Наконецъ страусовое яйцо прямо указываетъ на Востокъ. Столь употребительный въ Микенахъ орнаментъ въ видѣ волнообразныхъ линій, морскихъ растеній, полиповъ и вообще низшихъ морскихъ организмовъ, говоритъ намъ о морскихъ сношеніяхъ, такъ сказать, о приморскомъ характерѣ культуры. Очевидно, различныя культурныя вліянія скрещивались и переплетались именно на Эгейскомъ морѣ, оказывали взаимодѣйствіе другъ на друга, и тутъ видную роль культурныхъ центровъ и, такъ сказать, узловъ должны были играть такіе острова, какъ напр. Критъ.

Чѣмъ дальше шли изслѣдованія, тѣмъ, казалось, болѣе обнаруживалась связь микенской культуры съ Востокомъ. Такъ, напр., подземныя галлереи и комнаты со сводами въ тиринѳскихъ стѣнахъ представляютъ большое сходство съ финикійскими постройками на сѣверномъ берегу Африки, въ такихъ городахъ, какъ Карѳагенъ, Тапсъ, Адруметъ, Утика. Недавно въ Египтѣ найденъ

мечъ съ именемъ фараона Аменготепа, по техникѣ и изображенію львовъ совершенно сходный съ микенскими мечами. Въ 1887 г. въ микенскомъ дворцѣ найденъ скарабей или жукъ, чисто египетской работы, съ іероглифами, обозначающими имя Ти, а это имя носили многія египетскія царицы, между прочимъ и жена Аменготепа III. На островѣ Родосѣ между чисто микенскими предметами встрѣчается скарабей съ именемъ Аменготепа III, и наоборотъ, въ Фаюмѣ найдены микенскія вазы.

Все это говоритъ намъ о вліяніи Востока на культуру микенскую. Объ этомъ же говорятъ намъ и преданія самихъ грековъ. Вспомнимъ, напр., разсказы о переселенцахъ съ Востока, являющихся въ Греціи, объ этихъ выходцахъ изъ Египта, Лидіи, Финикіи, приносящихъ съ собою и сѣмена новой культуры, что̀ особенно ярко выражается въ миѳѣ о Кадмѣ. Въ древнихъ сказаніяхъ такія страны, какъ Фригія, такіе острова, какъ Критъ, играютъ видную роль, а финикіяне являются въ качествѣ купцовъ, продающихъ издѣлія, которыя славятся своею искусною выдѣлкой; о карійцахъ же сохранились преданія, какъ о морскихъ пиратахъ и нѣкогда властелинахъ на Эгейскомъ морѣ.

Но, съ другой стороны, при ближайшемъ изслѣдованіи открываются и все новыя точки соприкосновенія, все новыя посредствующія звенья между микенскою и послѣдующею чисто эллинскою культурою. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно важно открытіе тиринѳскаго дворца, съ его пропилеями и колоннадами, съ его мегарономъ, очагомъ и гинекеемъ, являющагося, такъ сказать, образцомъ дворцовъ гомерическихъ. Тиринѳскія вазы, съ ихъ примитивными изображеніями людей и животныхъ, имѣютъ нѣкоторое сходство съ такъ называемыми „вазами Дипилона", этою древнѣйшею стадіею въ развитіи собственно эллинскаго искусства. А изслѣдованія и раскопки въ Микенахъ, уже по слѣдамъ Шлимана, греческаго Археологическаго общества въ 1887—88 гг. пролили новый свѣтъ на отношеніе микенской культуры къ греческой. Такъ, въ нижнемъ городѣ, т.-е. у подножія акрополя, открыто 52 небольшія могилы; изъ нихъ одна — куполообразная въ родѣ „Сокровищницы царя Атрея", остальныя высѣчены въ скалѣ; расположены онѣ группами; при этомъ найдены бритвы, *круглыя металлическія зеркала* въ оправѣ изъ слоновой кости, кусокъ *стекляной вазы*, пара *желѣзныхъ колецъ* и 3 *бронзовыхъ фибулы*. Послѣднія

двѣ находки чрезвычайно важны: именно въ отсутствіи желѣза и фибулъ до сихъ поръ видѣли одну изъ характерныхъ особенностей микенской культуры и одно изъ главныхъ ея отличій отъ культуры гомерической. Въ довершеніе этого, и на Гиссарликѣ, въ такъ наз. „второмъ городѣ", найдена Шлиманомъ въ 1890 г. пара желѣзныхъ предметовъ.

Но является вопросъ: разъ существовала нѣкогда столь роскошная и довольно широко распространенная культура, то чѣмъ вызвано было ея послѣдующее паденіе? Конецъ могуществу Микенъ, а вмѣстѣ и ихъ культурѣ, положили, какъ думаютъ, тѣ племенныя передвиженія въ Греціи, главнымъ моментомъ которыхъ является вторженіе дорянъ въ Пелопоннесъ: суровые, грубые, воинственные доряне сокрушили роскошную культуру Микенъ*). Поэтому процвѣтаніе послѣдней относятъ ко времени до дорянскаго вторженія, ко второй половинѣ II-го тысячелѣтія до Р. X., обыкновенно къ XIII—XII вв. Въ самомъ развитіи микенской культуры замѣчается нѣсколько стадій: напр. тиринѳскія стѣны относятся къ древнѣйшему періоду; затѣмъ слѣдуютъ шахтообразныя могилы въ Микенахъ; куполообразныя могилы еще новѣе и т. д. Самыя стѣны Микенъ по своей кладкѣ, очевидно, принадлежатъ разнымъ періодамъ: сложенныя изъ каменныхъ глыбъ неотдѣланныхъ — древнѣе, сложенныя изъ многоугольныхъ камней — новѣе.

Какому же народу принадлежала эта культура? Кто были ея „носители", какъ выражаются нѣмцы? Были ли это карійцы, нѣкогда столь могущественные на Эгейскомъ морѣ, о чемъ сохранилось воспоминаніе и у позднѣйшихъ Грековъ? были ли это „ахейцы", которыхъ называетъ Гомеръ? или же это были пресловутые „пелазги", на которыхъ теперь все чаще и чаще начинаютъ указывать?..

*) Недавно одинъ изъ довольно извѣстныхъ современныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, Белохъ, въ статьѣ, помѣщенной въ Rheinisches Museum за 1890 г. подъ заглавіемъ: Die Dorische Wanderung, рядомъ остроумныхъ доводовъ старался доказать, что никакого вторженія дорянъ въ Пелопоннесъ на самомъ дѣлѣ не было, что микенская культура вовсе не была сокрушена насильственно, что между нею и послѣдующею чисто эллинскою культурой нѣтъ той пропасти, какую между ними обыкновенно полагаютъ, а напротивъ существуетъ неразрывная связь: греческая культура является естественнымъ, органическимъ продолженіемъ и прямою преемницею микенской. Белохъ въ своихъ утвержденіяхъ заходитъ часто слишкомъ далеко; но нѣкоторыя его соображенія настолько остроумны и доводы настолько убѣдительны, что съ ними приходится считаться.

За годъ до своей смерти Шлиманъ опять посѣщаетъ Трою и принимается за новыя разысканія на Гиссарликѣ*): ему приходилось отстаивать свое дѣло отъ нападокъ яраго противника, выступившаго съ теоріей, которая подрывала все значеніе сдѣланныхъ открытій.

Нужно замѣтить, что первыя заявленія Шлимана объ его открытіяхъ въ Троѣ, Микенахъ и Тиринѳѣ были встрѣчены съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, особенно въ кругу спеціалистовъ. Выше мы видѣли уже примѣръ этого**). Авторитетные ученые нерѣдко съ презрительной улыбкой отзывались объ открытіяхъ этого „дилетанта", „самоучки", „фантазера". Были даже такіе скептики, которые готовы были отвергать не только гипотезы и объясненія Шлимана, но и самый фактъ открытій, которые полагали, что сдѣланныя находки — мнимыя, что это фальсификація самого Шлимана. Но такое недовѣріе и презрительное отношеніе къ Шлиману мало-помалу стало разсѣиваться въ виду очевидныхъ блистательныхъ результатовъ, добытыхъ имъ, тѣмъ болѣе, что, напр., въ Микенахъ онъ производилъ свои раскопки въ присутствіи комиссаровъ греческаго правительства, а послѣдующія затѣмъ разысканія въ Троѣ и Тиринѳѣ онъ велъ при участіи такихъ ученыхъ, какъ Вирховъ, Бюрнуфъ, Дерпфельдъ. Нашелся однако противникъ непримиримый. Это былъ капитанъ артиллеріи, Эрнстъ Беттихеръ.

Съ 1883 г. въ цѣломъ рядѣ статей и въ отдѣльномъ сочиненіи: „La Troie de Schliemann une nécropole à incinération à la manière assyro-babylonienne", изданномъ въ 1889 г., Беттихеръ доказывалъ, что такъ называемый акрополь на Гиссарликѣ есть не что иное, какъ некрополь, а дворецъ и другія зданія, открытыя Шлиманомъ, — постройки, въ которыхъ сожигались трупы и сохранялись кости, вазы съ изображеніемъ лица — урны, въ которыхъ хранился прахъ; никакого дворца на Гиссарликѣ, утверждалъ Беттихеръ, нѣтъ: онъ существуетъ лишь въ фантазіи Шлимана и Дерпфельда; а когда ему указывали на дворецъ, открытый тѣмъ временемъ и въ Тиринѳѣ, то Беттихеръ возражалъ, что этотъ дворецъ — тоже погребальный домъ. Беттихеръ не останавливался даже предъ обвиненіемъ Шлимана и Дерпфельда въ недобросовѣстности и обманѣ.

*) См. *Schliemann*, „Bericht über die Ausgrabungen in Troja im Jahre 1890".

**) Кстати замѣтимъ, что академикъ Стефани, напр., относилъ микенскія древности къ III в. по Р. Х. и доказывалъ принадлежность ихъ геруламъ.

Тогда, оскорбленные такимъ обвиненіемъ, Шлиманъ и Дерпфельдъ предложили Беттихеру или взять назадъ свои утвержденія, или же вмѣстѣ съ ними отправиться на Гиссарликъ, чтобы лично убѣдиться, кто изъ нихъ правъ, причемъ всѣ расходы по такому путешествію Шлиманъ бралъ на себя. Беттихеръ избралъ послѣднее, и къ началу декабря 1889 г. противники съѣхались на Гиссарликѣ *). Кромѣ того, въ качествѣ безпристрастныхъ свидѣтелей сюда прибыли Штефенъ и Ниманъ, первый — отъ имени Берлинской Академіи Наукъ, а второй — отъ имени Вѣнской. Былъ составленъ протоколъ осмотра Гиссарлика и переговоровъ Шлимана съ Беттихеромъ, подписанъ свидѣтелями и обнародованъ (подъ заглавіемъ: „Hissarlik-Ilion“ 1890). А въ мартѣ 1890 г. собралась международная конференція изъ 8 членовъ, приглашенная для осмотра раскопокъ на Гиссарликѣ Шлиманомъ и Дерпфельдомъ, и эта конференція послѣ изслѣдованія на мѣстѣ вполнѣ согласилась съ упомянутымъ протоколомъ. Шлиманъ и Дерпфельдъ оказались правыми: они съ торжествомъ вышли изъ этого спора. Беттихеръ принужденъ былъ взять назадъ свои обвиненія, но отъ основнаго своего взгляда все-таки не отказался.

Споръ этотъ послужилъ поводомъ къ новымъ тщательнымъ изслѣдованіямъ и раскопкамъ Шлимана и Дерпфельда на Гиссарликѣ. Раскопки эти продолжались до августа прошлаго года. Теперь стѣны „втораго города“ открыты были на всемъ ихъ протяженіи, за исключеніемъ лишь сѣверной части. По словамъ Шлимана, онѣ были снабжены крытою галлереей въ $2^1/_2$ метра вышины; высота всей стѣны, считая фундаментъ и только-что упомянутую галлерею, по Шлиману, доходила, вѣроятно, до $16^1/_2$ метровъ, такъ что троянскія укрѣпленія должны были представлять внушительный и грандіозный видъ. Кромѣ прежнихъ, открыты еще ворота на западной сторонѣ, найдены куски желѣза, обнаружено три періода въ существованіи втораго города и т. д. Затѣмъ въ сѣверо-восточномъ углу акрополя открыты памятники греко-римской эпохи: небольшой театръ, мраморныя статуи въ естественную величину, изображающія, по предположенію Шлимана, Тиберія, Калигулу и

*) Кромѣ упомянутой книжки: „Bericht über die Ausgrabungen in Troja im J. 1890“, см. также статью *Habel*, Heinrich Schliemann und Ernst Bötticher (въ Neue Jahrbücher für Philologie und Pädogogik, 1890, 8—9 Heft, стр. 563 сл.).

Агриппину младшую или же Поппею*), нѣсколько греческихъ надписей, водопроводныя сооруженія и т. под.

Въ письмѣ къ Бисмарку отъ 22 іюля прошлаго года Шлиманъ, сообщая о результатахъ своихъ послѣднихъ раскопокъ на Гиссарликѣ, говоритъ о своемъ утомленіи, о томъ, что онъ пока прекращаетъ работы, но надѣется, если будетъ живъ, съ 1-го марта 1891 г. съ прежнею энергіею опять приняться за нихъ. То же намѣреніе высказываетъ онъ и въ своемъ отчетѣ о раскопкахъ 1890 г. на Гиссарликѣ, въ отчетѣ, изданномъ уже послѣ его смерти**): Шлиману не было суждено возвратиться въ Трою.

Въ своемъ предисловіи къ книгѣ Шлимана: „Ilios", Вирховъ дѣлаетъ вѣрное замѣчаніе, что въ томъ увлеченіи и фантазіи, которыя составляютъ слабую сторону Шлимана, заключается вмѣстѣ съ тѣмъ и тайна его успѣха. И дѣйствительно, безъ воодушевленной вѣры въ дѣйствительность своихъ грезъ, въ дѣйствительность всего того, что описываетъ Гомеръ, Шлиманъ не могъ бы совершить того, что онъ совершилъ. Мы можемъ отвергать его выводы и толкованія, какъ не выдерживающіе критики, какъ фантастическіе; но отъ этого не умалится значеніе сдѣланныхъ имъ открытій и находокъ; онѣ останутся неоцѣнимымъ сокровищемъ въ смыслѣ научнаго матеріала: Шлиманъ приподнялъ ту завѣсу, которая скрывала отъ насъ древнѣйшій періодъ греческой исторіи; онъ открылъ предъ нами новый горизонтъ и поставилъ рядъ проблемъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ придется потрудиться, быть можетъ, еще не одному поколѣнію ученыхъ.

В. Бузескулъ.

---

*) „Revue archéol.", 1890.

**) „Bericht über die Ausgrabungen in Troja im Jahre 1890", на который мы уже не разъ ссылались.

Замѣтки къ трактату Лукіана „о томъ, какъ слѣдуетъ писать исторію“.

Гл. 15. Лукіанъ осмѣиваетъ въ лицѣ Креперея Помпеіополита историковъ, неумѣло подражающихъ Ѳукидиду и заимствующихъ у него не только экономію всего сочиненія, но и цѣлые эпизоды и даже отдѣльные обороты. *Καὶ γὰρ αὖ καὶ τοῦτο ἐπιεικῶς πολὺ νῦν ἐστι, τὸ οἴεσθαι τοῦτ' εἶναι τοῖς Θουκυδίδου ἐοικότα λέγειν, εἰ ὀλίγον ἐντρέψας τὰ αὐτοῦ ἐκείνου λέγοι τις ἄν.* Stephanus передаетъ здѣсь глаг. *ἐντρέπειν* черезъ „mutare“, ссылаясь на другое мѣсто того же Лукіана, *Pseudol.* 14 *τῶν Ἀττικῶν κατὰ χρόνους τινὰς πολλὰ ἐντρεψάντων τῆς αὐτῶν φωνῆς, τοῦτο ἐν τοῖς μάλιστα τοὔνομα* (т.-е. слово *ἀποφράς) διετέλεσεν οὕτως ἀεὶ καὶ πρὸς ἁπάντων αὐτῶν λεγόμενον.* Замѣчательно, что это — оба единственные примѣра; отсюда мы въ правѣ заключить, что слово *ἐντρέπειν* было техническимъ обозначеніемъ реторическаго упражненія, состоявшаго въ пересказѣ своими словами отрывка изъ прочитаннаго автора, при чемъ естественно употребленныя писателемъ выраженія замѣнялись другими. Это заключеніе подтверждается слѣдующей фразой Тацита *(Ann.* XV, 63): Et novissimo quoque momento suppeditante eloquentia (Сенека) advocatis scriptoribus pleraque tradidit, quae in vulgus edita eius verbis invertere supersedeo. Глаголъ invertere въ требуемомъ здѣсь значеніи (Нипперде: „umgestalten“, indem ich seine Gedanken mit meinen Worten wiedergebe) — то же unicum; нѣтъ сомнѣнія, что онъ не что иное, какъ буквальный переводъ греческаго *ἐντρέπειν.* Какъ извѣстно, большинство техническихъ терминовъ римской реторики является буквальнымъ переводомъ съ греческаго (circumlocutio: *περίφρασις,* complexio: *συμπλοκή* и т. д.).

Гл. 22. *Τοὺς δὲ καὶ ποιητικοῖς ὀνόμασιν... ἐν ἱστορίᾳ χρωμένους ποῦ ἄν τις θείη, τοὺς λέγοντας „ἐλέλιξε μὲν ἡ μηχανή, τὸ τεῖχος*

δὲ πεσὸν μεγάλως ἐδούπησε". Что слова *ἐλέλιξε* и *ἐδούπησε* взяты изъ Гомера, какъ это замѣчаетъ Зоммербродтъ, придетъ въ голову каждому; не трудно также догадаться, въ чемъ состояло описываемое историкомъ событіе. Это locus communis въ описаніяхъ осадъ; возьмемъ ради примѣра *Liv.* 21, 8, 5: jam feriebantur arietibus muri... tres deinceps turres quantumque inter eas muri erat cum fragore ingenti prociderant. Но что значитъ *ἐλέλιξεν ἡ μηχανή?* Въ прозѣ *ἐλελίζειν* — глаголъ средняго залога и означаетъ „кричать *ἐλελεῦ*"; но если даже допустить, что цитуемый историкъ былъ способенъ сравнить скрипъ или стукъ тарана съ побѣднымъ крикомъ, то все-таки мы ничего не выигрываемъ: *ἐλελίζειν* въ этомъ значеніи — вовсе не *ποιητικὸν ὄνομα*. А въ требуемомъ самой мыслью значеніи quatiendi *ἐλελίζειν* не можетъ стоять безъ дополненія (ср. *μέγαν δ' ἐλέλιξεν Ὄλυμπον)*. Слѣдуетъ поэтому писать: *ἐλέλιξε μὲν ἡ μηχανὴ τὸ τεῖχος, τὸ δὲ πεσὸν μεγάλως ἐδούπησε*.

Гл. 38. Начало этой главы можетъ по справедливости быть названо самымъ труднымъ мѣстомъ во всемъ трактатѣ. Я привожу его по вульгатному тексту (принятому въ наиболѣе распространенныхъ изданіяхъ Якобица и Зоммербродта), ставя въ скобки слова, которыя (по колляціи Фриче) въ рукописяхъ отсутствуютъ: *ἀλλὰ μὴ μελέτω αὐτῷ* (историку) *μήτε Φίλιππος ἐκκεκομμένος τὸν ὀφθαλμὸν ὑπὸ Ἀστέρος τοῦ Ἀμφιπολίτου τοῦ τοξότου ἐν Ὀλύνθῳ [, ἀλλὰ] τοιοῦτος οἷος ἦν δειχθήσεται, μήτε Ἀλέξανδρος [ὅτι] ἀνιάσεται ἐπὶ τῇ Κλείτου σφαγῇ ὠμῶς ἐν τῷ συμποσίῳ γενομένῃ, εἰ σαφῶς ἀναγράφοιτο*. Предшествуетъ увѣщаніе, чтобы историкъ былъ *ἐλεύθερος τὴν γνώμην* и не походилъ на подкупныхъ судей, которые за плату *(ἐπὶ μισθῷ)* оправдываютъ виновныхъ *(πρὸς χάριν)* и осуждаютъ невинныхъ *(πρὸς ἀπέχθειαν δικάζουσι)*.

Относительно общаго смысла фразы не можетъ быть сомнѣнія; объясненіе Зоммербродта (er scheue sich nicht die Wahrheit zu sagen, selbst auf die Gefahr, dass sie den Unwillen der Mächtigen hervorrufen könnte) совершенно правильно, но онъ поступилъ бы лучше, если бы постарался объяснить спеціальный смыслъ фразы о Филиппѣ съ его вышибленнымъ глазомъ. Къ сожалѣнію, какъ онъ, такъ и другіе толкователи обходятъ этотъ вопросъ молчаніемъ; только у одного изъ болѣе старинныхъ, именно Геснера, я нашелъ несомнѣнно остроумное, хотя и

не выдерживающее критики объясненіе. Геснеръ кстати вспомнилъ о портретѣ царя Антигона, писанномъ Апелломъ, о которомъ говоритъ Плиній 35, 90: pinxit et Antigoni regis imaginem altero lumine orbam primus excogitata ratione vitia condendi; obliquam enim facit (т.-е. написалъ его въ профиль). Историкъ не долженъ vitia condere, подобно Апеллу; онъ долженъ показывать человѣка *οἷος ἦν;* смыслъ получается прекрасный. А что этотъ анекдотъ былъ въ ходу у реторовъ, доказывается параллельнымъ мѣстомъ у Квинтиліана II, 12. — Нехорошо только, что при такомъ толкованіи Лукіанъ, и безъ того уже смѣшавшій Олинѳъ съ Меѳоной и Амфиполь съ Олинѳомъ, оказывается виновнымъ въ третьемъ, еще болѣе крупномъ недосмотрѣ; пришлось бы допустить, что онъ смѣшалъ еще Антигона съ Филиппомъ. Но и кромѣ того, болѣе внимательное обсужденіе нашего мѣста должно указать намъ возможность другого толкованія.

Прежде всего слѣдуетъ настаивать ва томъ, что рѣчь идетъ объ историкѣ, а не о живописцѣ; какъ ни любитъ Лукіанъ приводить параллели изъ исторіи и теоріи изящныхъ искусствъ, онъ всегда дѣлаетъ это ясно. Далѣе онъ приводитъ еще пару примѣровъ *οὐδὲ Κλέων... οὐδὲ ἡ σύμπασα πόλις τῶν Ἀθηναίων:* тутъ по содержанію видно, что онъ имѣетъ въ виду честнаго историка пелопоннесской войны, Ѳукидида. Наша пара состоитъ изъ примѣровъ, также связанныхъ между собою грамматически *(μήτε... μήτε)* и родственныхъ по содержанію; слѣдовательно, и тутъ Лукіанъ имѣетъ въ виду одного историка, поплатившагося за свою честность спутника Александра Великаго — Каллисѳена. Затѣмъ мы должны задать себѣ вопросъ, въ чемъ состояла бы вина историка, который изобразилъ бы Филиппа въ данномъ случаѣ не *οἷος ἦν;* былъ ли бы онъ похожъ на судью, осуждающаго невиннаго, или на судью, оправдывающаго виновнаго. На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ симметрія. Такъ какъ второй примѣръ — умолчаніе о звѣрскомъ поступкѣ съ Клитомъ — показываетъ намъ *δικαστὴν πρὸς χάριν δικάζοντα,* то первый примѣръ долженъ относиться къ судьѣ, судящему *πρὸς ἀπέχθειαν.* Тотъ же результатъ получаемъ мы и инымъ путемъ. Благодаря счастливой случайности, слова Каллисѳена, на которыя намекаетъ Лукіанъ, сохранены намъ въ приписываемыхъ Плутарху т. н. *parallela minora* гл. 8: *Φίλιππος Μεθώνην καὶ Ὄλυνθον βουλόμενος πορθῆσαι καὶ βιαζόμενος ἐπὶ τῷ Σανδάνῳ ποταμῷ διαβῆναι*

μένην, ὑπό τινος τῶν Ὀλυνθίων Ἀστέρος ὀνόματι ἐτοξεύθη τὸν ὀφθαλμόν, εἰπόντος „Ἀστὴρ Φιλίππῳ θανάσιμον πέμπει βέλος“· ὁ δ' ὀπίσω ἀνατηξάμενος πρὸς τοὺς οἰκείους σώζεται ἀπολέσας τὸν ὀφθαλμόν· ὡς Καλλισθένης ἐν τρίτῳ Μακεδονικῶν. Положимъ, что это не настоящій Каллисѳенъ; лживость цитатъ въ par. min. хорошо извѣстна, и мы не имѣемъ права допускать исключеніе именно для нашей. Тѣмъ не менѣе ясно, что Лукіанъ имѣетъ въ виду это мѣсто, такъ какъ именно въ немъ описываемое происшестіе пріурочено къ осадѣ не Меѳоны, а Олинѳа, или вѣрнѣе Меѳоны и Олинѳа, которые нашъ авторъ представлялъ себѣ лежащими рядомъ; нечего и говорить, что Каллисѳенъ, самъ уроженецъ Олинѳа, такой грубой ошибки бы не допустилъ. Въ этой зависимости Лукіана отъ parall. min. нѣтъ ничего страннаго съ тѣхъ поръ, какъ Гиллеръ (Hermes 21, 126) доказалъ, что ими пользовался Эліанъ. А въ томъ, что этотъ анекдотъ о Филиппѣ разсказанъ Каллисѳеномъ honoris causa — сомнѣнія, кажется, быть не можетъ.

Продолжаемъ. Историкъ, говоритъ Лукіанъ, не долженъ умолчать о потерѣ Филиппомъ глаза, не смотря на то, что правдивымъ разсказомъ этого событія онъ можетъ навлечь на себя гнѣвъ... конечно не Филиппа, для котораго этотъ разсказъ былъ почетнымъ. Разгнѣваться на слишкомъ правдолюбиваго историка могъ только сынъ чествуемаго; извѣстно, что Клитъ поплатился жизнью за то, что превозносилъ подвиги Филиппа, умаляя этимъ подвиги самого Александра, *πρεσβεύων μὲν τὰ τοῦ Φιλίππου, καταβάλλων δὲ Ἀλέξανδρόν τε καὶ τὰ τούτου ἔργα*, какъ говоритъ Арріанъ 4, 8, 6.

Смыслъ загадочной фразы такимъ образомъ возстановленъ; остается возстановить ея текстъ. Прежде всего ясно, что объ Александрѣ говорилось въ обоихъ предложеніяхъ и что слѣдовательно слово *Ἀλέξανδρος* во второмъ предложеніи есть интерполяція. На это указываетъ еще и слѣдующее явленіе. Въ рукописяхъ, какъ мы видимъ, начало втораго предложенія читается слѣдующимъ образомъ: *μήτε Ἀλέξανδρος ἀνιάσεται;* тѣмъ не менѣе ясно, что передъ *ἀνιάσεται* пропалъ союзъ (скорѣе *ὅτι*, чѣмъ *ὅς* или *εἰ*); это объясняется именно интерполяціей слова *Ἀλέξανδρος*, которое, будучи написано надъ *ὅτι*, легко могло его вытѣснить. Что касается перваго предложенія, то требуется, какъ мы видѣли, прибл. слѣдующее: „да не смущаетъ его мысль, что Александръ сочтетъ

унизительнымъ для себя разсказъ о Филиппѣ и т. д., если этотъ разсказъ будетъ соотвѣтствовать истинѣ“; этимъ самымъ доказано существованіе лакуны между *μήτε* и *Φίλιππος*. Восполненіе этой лакуны не можетъ не быть болѣе или менѣе гадательнымъ. Моя попытка основана на открытіиНиссена (Rhein Mus. 43, 243 сл.), что Арріанъ писалъ свою *Ἀνάβασις* послѣ Лукіана, отчасти подъ впечатлѣніемъ тѣхъ мѣстъ въ сочиненіяхъ этого послѣдняго, гдѣ говорилось объ Александрѣ, послѣдствіемъ чего была нѣкоторая зависимость Арріана отъ Лукіана въ выраженіяхъ; такъ словамъ Лукіана *Ἀλέξανδρος ἀνιάσεται ἐπὶ τῇ Κλείτου σφαγῇ* соотвѣтствуютъ слова Арріана 4, 8, 5: *καὶ τοῦτον τὸν λόγον ἀνιᾶσαι Ἀλέξανδρον λεχθέντα*. На этомъ основаніи я, имѣя въ виду выписанное выше мѣсто изъ Арріана, предложилъ бы восполнить лакуну слѣдующимъ образомъ: *ἀλλὰ μὴ μελέτω αὐτῷ μή⟨θ' ὅτι καταβάλλειν δόξει Ἀλέξανδρον⟩ Φίλιππος ἐκκεκομμένος ὀφθαλμὸν ὑπὸ Ἀστέρος τοῦ Ἀμφιπολίτου τοῦ τοξότου ἐν Ὀλύνθῳ, ⟨εἰ⟩ τοιοῦτος οἷος ἦν δειχθήσεται, μή⟨θ' ὅτι⟩ ἀνιάσεται ἐπὶ τῇ Κλείτου σφαγῇ ὠμῶς ἐν τῷ συμποσίῳ γενομένῃ, εἰ σαφῶς ἀναγράφοιτο.*

Гл. 50. Лукіанъ совѣтуетъ историку не слишкомъ долго останавливать вниманіе читателя на одномъ и томъ же событіи; лучше, прервавъ разсказъ о немъ, перейти къ другому съ тѣмъ, чтобы послѣ нѣкотораго времени вернуться къ первому. Эту мысль онъ выражаетъ такъ: *καὶ πᾶσι τούτοις μέτρον ἐπιθεὶς μὴ ἐς κόρον μηδ' ἀπειροκάλως μηδὲ νεαρῶς, ἀλλὰ ῥᾳδίως ἀπολυέσθω*. Нарѣчіе *νεαρῶς* тутъ довольно странно; Hemsterhuys переводитъ juveniliter; но безконечная канитель, о которой говоритъ Лукіанъ, скорѣе можетъ быть охарактеризована опредѣленіемъ senilis, чѣмъ juvenilis. Еще менѣе годится переводъ Зоммербродта in tändelnder Weise; такого эпитета скорѣе, кажется, заслуживаетъ историкъ, быстро переходящій отъ одного предмета къ другому, чѣмъ скучный педантъ. Изящный переводчикъ Виландъ прекрасно сознавалъ, что *νεαρῶς* по смыслу совсѣмъ не годится; въ своемъ переводѣ (...dem Leser durch unnötige Weitläufigkeit und unzeitiges Gewäsch Langeweile zu machen) онъ оставилъ это слово безъ вниманія. Я считаю его испорченнымъ и предлагаю... *μὴ ἐς κόρον μηδ' ἀπειροκάλως μηδ' ἀνιαρῶς;* иллюстраціей можетъ служить Ar. *Eq.* 340 *ὕδωρ τε πίνων κἀπιδεικνὺς τοὺς φίλους τ' ἀνιῶν* (о плохомъ ораторѣ).

Гл. 51. Исторія, говоритъ Лукіанъ, должна отражать событія подобно чистому зеркалу; *οὐ γὰρ ὥςπερ τοῖς ῥήτορσι γράφουσιν, ἀλλὰ τὰ μὲν λεχθησόμενα ἔστι καὶ εἰρήσεται· πέπρακται γὰρ ἤδη· δεῖ δὲ τάξαι καὶ εἰπεῖν αὐτά. ὥςτε οὐ τί εἴπωσι ζητητέον αὐτοῖς, ἀλλ' ὅπως εἴπωσιν.* Нетрудно убѣдиться, что слово *εἰρήσεται* здѣсь испорчено: переводчики обращаются за помощью къ наборщикамъ, чтобы добиться хоть какого-нибудь смысла (Hemsterhuys: dicenda praesto sunt et dicentur *omnino;* Wieland: sie sind schon da und **müssen** gesagt werden); или прибѣгаютъ къ непозволительной интерполяціи (Sommerbrodt: der Stoff ist vorhanden und soll [wie er ist, d. i. der Wahrheit gemäss] dargestellt werden); Фриче эту интерполяцію даже вноситъ въ текстъ *(τὰ μὲν λεχθησόμενα ⟨οἷά⟩ ἐστι, καὶ εἰρήσεται).* Но порча въ данномъ случаѣ носитъ иной характеръ.

Не разъ Лукіанъ въ нашемъ трактатѣ проводитъ параллель между исторіографіей и риторикой, пользуясь при этомъ технической терминологіей этой послѣдней; особенно поучительна гл. 53, гдѣ онъ говоритъ объ историческихъ вступленіяхъ: *ὁπόταν δὲ καὶ φροιμιάζηται, ἀπὸ δυοῖν μόνον ἄρξεται, οὐχ ὥςπερ οἱ ῥήτορες ἀπὸ τριῶν, ἀλλὰ τὸ τῆς εὐνοίας παρεὶς προςοχὴν καὶ εὐμάθειαν εὐπορήσει τοῖς ἀκούουσιν* (ср. Anon. *περὶ ῥητορικῆς,* I p. 321 Speng.: *ἔργον προοιμίων εὔνοια, πρόςεξις, εὐμάθεια).* Такъ точно онъ въ нашей главѣ говоритъ о *μέρη* исторіографіи и сравниваетъ ихъ съ *μέρη* риторики. Терминологія этихъ послѣднихъ ко времени Лукіана окончательно установилась; восторжествовала перипатетическая троица *εὕρεσις, τάξις, λέξις* (inventio, dispositio, elocutio).

Возвращаясь къ выписаннымъ словамъ Лукіана, мы тотчасъ же убѣждаемся, что въ словахъ *δεῖ δὲ τάξαι καὶ εἰπεῖν αὐτά* заключенъ намекъ на термины *τάξις* и *λέξις.* Эти два *μέρη* Лукіанъ считаетъ общимъ достояніемъ исторіографіи и риторики. Напротивъ *εὕρεσις* свойственна одной только риторикѣ; историку нечего придумывать матеріалы, они уже найдены заранѣе; эти матеріалы — факты. При такомъ положеніи дѣлъ ясно, что начало нашей фразы должно читать слѣдующимъ образомъ: ... *τὰ μὲν λεχθησόμενα ἔστι καὶ εὕρηται· πέπρακται γὰρ ἤδη· δεῖ δὲ τάξαι καὶ εἰπεῖν αὐτά.*

Θ. Зѣлинскій.

Синтаксическое дѣленіе временъ греческаго глагола.

Обыкновенное дѣленіе временъ греческаго глагола на три части, при чемъ за основаніе дѣленія принимается этимологическій признакъ: основа чистая, основа настоящаго времени и основа perfecti (см. грамм. Коха въ переводѣ Левенштейна § 28), вѣрное въ этимологическомъ отношеніи, въ синтаксическомъ намъ кажется совершенно неправильнымъ. Не говоря уже о томъ, что при такомъ дѣленіи futurum (которое, впрочемъ, далеко не всегда происходитъ отъ чистой основы, напр. *ἔφυγον — φεύξομαι*) относится къ одной рубрикѣ (чистая основа), тогда какъ по значенію оно должно быть отнесено къ двумъ (чистая основа и основа настоящаго), это дѣленіе вмѣстѣ съ тѣмъ и нелогично. Дѣйствительно, praesens, imperfectum, futurum I и aoristus — всѣ обозначаютъ *дѣйствіе*, между тѣмъ какъ perfectum, plusquamperfectum и futurum III означаютъ, строго говоря, не дѣйствіе, но *состояніе*, представляющее результатъ дѣйствія, напр. *τέθνηκα* = я нахожусь въ состояніи мертваго. Такимъ образомъ, основа perfecti находится въ соподчиненіи не съ основой praesentis и aoristi отдѣльно, но съ той и другой вмѣстѣ; другими словами: понятіе значенія формъ основы perfecti находится въ соподчиненіи съ тѣмъ общимъ понятіемъ, части котораго суть значенія формъ praesentis и aoristi. Кромѣ того, какъ сказано выше, здѣсь за основаніе дѣленія въ синтаксическомъ отношеніи взятъ признакъ этимологическій. Дѣленіе будетъ правильно, если мы, принявъ за основаніе дѣленія значеніе формъ, раздѣлимъ ихъ на два рода*): родъ несовершенный, означающій дѣйствіе, и родъ совершенный, означающій состояніе какъ результатъ совершеннаго дѣйствія. Первый классъ въ свою

*) Это дѣленіе заимствовано мною въ главныхъ чертахъ изъ лекцій по спряженію индо-европейскаго глагола проф. Ф. Ѳ. Фортунатова.

очередь подраздѣляется также на два вида: видъ длительный, указывающій на то, что дѣйствіе продолжается или развивается, и видъ недлительный, указывающій только на то, что извѣстное дѣйствіе произошло. Родъ совершенный не дѣлится на виды или, вѣрнѣе сказать, имѣетъ только длительный видъ. Это дѣленіе можно представить въ видѣ слѣдующей таблицы:

	Настоящее.	Прошедшее.	Будущее.
I. Родъ несовершенный:			
1) Видъ длительный .	Praesens.	Imperfectum	Futurum I.
2) Видъ недлительный.	Нѣтъ.	Aoristus.	
II. Родъ совершенный:			
1) Видъ длительный. .	Perfectum.	Plusquam-perfectum.	Futurum III.
2) Видъ недлительный.	Н	ѣ т	ъ.

С. Соболевскій.

Мысли Гербарта о значеніи и преподаваніи древнихъ языковъ.

> „Die alte Geschichte ist der einzig mögliche Stützpunct für paedagogische Behandlung der Sprachen“.
>
> *Herbart.*

Если смотрѣть на древніе языки съ узко-формальной точки зрѣнія, то, конечно, нечего много задумываться надъ ихъ преподаваніемъ: въ этомъ случаѣ все сводится къ затверживанью грамматики, да переводу извѣстной дозы латинскихъ и греческихъ текстовъ въ придачу. Иначе представляется дѣло для того, кто видитъ въ древнихъ языкахъ не одно орудіе „гимнастики ума“, но живую, могучую общеобразовательную силу, способную не только развить интеллектъ питомца, расширить кругозоръ его, но и облагородить его нравственно, наполнивъ душу его высокими идеалами истины, добра и красоты. При такомъ взглядѣ древніе языки выходятъ изъ своего обособленнаго положенія, тѣсно сливаются съ общею семьею учебныхъ предметовъ, перестаютъ изучаться только ради самихъ себя, получаютъ свою надлежащую истово-педагогическую оцѣнку. Учить древнимъ языкамъ уже не значитъ тогда только сообщать тѣ или иныя свѣдѣнія, прививать тотъ или иной навыкъ: учить имъ значитъ стараться дѣлать дѣтей умнѣе, нравственнѣе, человѣчнѣе, словомъ значитъ „воспитывать“. Конечно, привести обученіе въ живую связь съ воспитаніемъ и притомъ такъ, чтобы не пострадало ни то, ни другое,— задача весьма не легкая; но только такое преподаваніе и можетъ благотворно подѣйствовать на душу питомца; а гдѣ дѣло идетъ о благѣ послѣдняго, тамъ нечего жалѣть трудовъ и напряженія.

Идея „воспитывающаго обученія“ принадлежитъ новѣйшей германской педагогіи; впервые она была высказана и обоснована Гербартомъ*). Онъ же въ многочисленныхъ педагогическихъ сочиненіяхъ неоднократно касался вопроса о преподаваніи древнихъ языковъ. Въ мысляхъ его по этому предмету, несмотря на ихъ своеобразіе и противорѣчіе съ обычной школьной рутиной, столько внутренней правды, а главное столько наводящаго на дальнѣйшія размышленія, что мы желали бы ознакомить съ ними въ общихъ чертахъ**) и русскихъ педагоговъ, тѣмъ болѣе что идеи Гербарта и его школы въ Германіи пріобрѣтаютъ за послѣднее время болѣе и болѣе вліянія въ вопросахъ средняго образованія ***).

---

*) Іоганнъ Фридрихъ Гербартъ (1776—1841), извѣстный философъ-психологъ, считается основателемъ т.-н. „научной педагогіи“, опирающейся на этику и психологію. Основное положеніе его педагогіи — нераздѣльность обученія и воспитанія: „Нѣтъ воспитанія безъ обученія: нѣтъ обученія безъ воспитанія“. Хотя Гербартъ при жизни пользовался общимъ уваженіемъ и любовью, какъ даровитый философъ и прекрасный профессоръ (онъ читалъ философію въ Геттингенѣ и Кенигсбергѣ), однако его педагогическія идеи, не перестававшія занимать его до конца жизни, встрѣчали мало сочувствія у современниковъ. Потребовалось нѣсколько десятковъ лѣтъ, нужны были соединенныя усилія послѣдователей философа въ области теоріи и практики (изъ нихъ назовемъ особенно Циллера, Стоя), прежде чѣмъ на эти идеи обратили надлежащее вниманіе. Зато теперь въ литературѣ по вопросамъ средняго образованія въ Германіи не появляется ни одного сколько нибудь значительнаго сочиненія, которое не стояло бы въ извѣстномъ отношеніи къ школѣ Гербарта и такъ или иначе не преслѣдовало бы цѣлей „воспитывающаго обученія“. — Полное собраніе педагогическихъ сочиненій Гербарта имѣется въ настоящее время въ двухъ изданіяхъ: a) Joh. Friedrich Herbart. Paedagogische Schriften, mit Herbarts Biographie, von Fr. Bartholomaei. Langensalza; 1875—1884. b) Joh. Friedr. Herbarts paedagogische Schriften in chronologischer Reihenfolge herausgegeben, mit Einleitung, Anmerkungen und comparativem Register versehen, von O. Willmann, Leipzig in 2 Bn. 1873—1875 (цитаты въ статьѣ приведены по этому изданію). Довольно ясное изложеніе сущности „воспитывающаго обученія“ даетъ брошюра I. G. Ietter: „Erziehender Unterricht“ Altenburg 1890. На русскомъ языкѣ имѣется весьма хорошая статья о Гербартѣ И. Николаевскаго: „Іоганнъ Фридрихъ Гербартъ какъ педагогъ“, помѣщенная въ Ж. М. Н. П. за 1876 г. (т. 187, стр. 11. 47 отд. педагогіи).

**) При обработкѣ нашей статьи имѣлся въ виду обстоятельный трудъ Hans Merian-Genast'a „Die alten Sprachen in der Paedagogik Herbarts“ (Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik. 1890. Abt. II. Heft 4—8).

***) Главнымъ органомъ Гербартовой школы по вопросамъ средняго образованія является журналъ: „Lehrproben und Lehrgänge“ von Frick und Meier.

I.

Что такое «воспитывающее обученіе»? — Дѣленіе учебныхъ предметовъ. — Отношеніе языка къ исторіи. — Мѣсто древнихъ языковъ. — Преподаваніе древней исторіи.

Цѣль воспитанія по Гербарту состоитъ въ *добродѣтели.* Добродѣтель заключаетъ въ себѣ два элемента, вполнѣ гармонирующіе между собою: a) познаніе того, чтó справедливо и хорошо, т.-е. познаніе, опредѣляемое совокупностью нравственныхъ идей; b) соотвѣтствующую этому познанію волю. И познаніе и воля проистекаютъ изъ извѣстнаго круга мыслей, который съ этою цѣлью долженъ быть заранѣе опредѣленъ воспитаніемъ. Опредѣленіе круга мыслей достигается пробужденіемъ многосторонняго и равномѣрнаго интереса*). Многосторонній и равномѣрный интересъ зиждется: a) на знаніи, b) на сочувствіи. Въ области знанія интересъ направляется или къ изученію разнообразныхъ предметовъ и явленій, или къ уразумѣнію ихъ законовъ, или къ ихъ эстетическимъ отношеніямъ; предметомъ сочувствія можетъ быть или отдѣльный человѣкъ, или цѣлое общество, или наконецъ отношеніе къ высшему существу — къ Богу. Отсюда вытекаютъ шесть такъ называемыхъ „видовъ интереса“: a) изъ категоріи знанія: интересъ эмпирическій, спекулятивный, эстетическій; b) изъ категоріи сочувствія: симпатическій, соціальный, религіозный.

Знанія достигаемъ мы при помощи опыта, сочувствіе развивается чрезъ обращеніе въ обществѣ подобныхъ намъ. И того и другого самихъ по себѣ было бы весьма недостаточно, еслибы на помощь не приходило обученіе. Ближайшая задача обученія и есть именно пробужденіе многосторонняго и равномѣрнаго интереса. Сообразно тому, какъ любой изъ видовъ интереса можетъ быть отнесенъ къ двумъ вышеуказаннымъ категоріямъ, и весь учебный матеріалъ дѣлится на двѣ части: a) на науки историческія (въ число которыхъ входитъ и языкознаніе) и b) на науки естественныя (къ которымъ принадлежитъ и математика). Науки естественныя расширяютъ кругъ опытнаго знанія; историческія помимо обогащенія опыта развиваютъ также чувство общности; на этомъ осно-

*) Слово „интересъ“ понимается не въ обыкновенномъ значеніи скоропреходящаго настроенія, но въ смыслѣ силы, дѣйствующей и послѣ узнанія чего-либо и стремящейся къ сохраненію и расширенію умственнаго пріобрѣтенія.

зывается предпочтеніе, отдаваемое послѣднимъ въ общей системѣ воспитанія. „Уже ради одного противодѣйствія эгоизму, — говоритъ Гербартъ, — дѣла человѣческія должны составлять главный предметъ обученія во всякой школѣ, поставившей себѣ цѣлью образовать всего человѣка“ [1]).

Исторія, въ смыслѣ Гербарта, обнимаетъ собою гораздо большій кругъ предметовъ и преслѣдуетъ болѣе широкія задачи, чѣмъ въ обыкновенномъ смыслѣ. Обученіе исторіи должно дать ученику извѣстные образы различныхъ людей и эпохъ, настолько живые и наглядные, чтобы онъ чувствовалъ себя какъ бы перенесеннымъ въ изучаемую эпоху и самъ какъ бы вращался въ обществѣ этихъ людей. Для достиженія этой цѣли нельзя ограничиться простымъ разсказомъ объ отдаленныхъ временахъ; наоборотъ питомцевъ необходимо непосредственно, лично ознакомить съ памятниками тѣхъ временъ, дошедшими до насъ. Самые краснорѣчивые памятники представляетъ несомнѣнно литература, которая возстановляетъ передъ нами цѣльный образъ прошедшаго и посредствомъ которой тѣ люди, съ коими юноши должны вступить въ близкое общеніе, сами говорятъ къ намъ. Здѣсь конечно подразумѣваются не только произведенія историковъ, но и творенія ораторовъ, философовъ и поэтовъ, поскольку таковыя служатъ отраженіемъ своего времени, поскольку они могутъ возбуждать интересъ въ душѣ юноши и своимъ нравственнымъ міровоззрѣніемъ не идутъ въ разрѣзъ съ цѣлію воспитывающаго обученія. Ни въ какомъ изложеніи, ни въ какомъ переводѣ не будутъ говорить эти памятники такъ краснорѣчиво, какъ въ оригиналѣ, на томъ самомъ языкѣ, на которомъ они написаны. Роль языка не ограничивается только тѣмъ, что онъ служитъ для выраженія нашихъ мыслей и чувствъ; въ извѣстной степени самыя наши мысли и чувства зависятъ отъ языка. Отношеніе между языкомъ и исторіей народа взаимное. Языкъ есть продуктъ народнаго духа и, такъ какъ этотъ духъ коренится въ исторіи народа, то и онъ не можетъ быть понятъ безъ послѣдней; но вмѣстѣ съ тѣмъ языкъ есть хранитель этого же народнаго духа, зачастую его переживающій, такъ что послѣдній можетъ быть понятъ лишь чрезъ посредство языка[2]). Отсюда ясно, какое значеніе имѣетъ изученіе языковъ. Они

[1]) II. 522.

[2]) Cp. Lazarus: «Leben der Seele» II. 2. Aufl. S. 214.

необходимы для исторіи, ибо настоящее пониманіе исторіи какого-либо народа немыслимо безъ знанія языка, на которомъ говорилъ этотъ народъ, безъ знакомства съ литературными памятниками, которые онъ по себѣ оставилъ.

Сказанное относительно языка вообще примѣняется Гербартомъ и къ древнимъ языкамъ въ частности. Сами по себѣ какъ предметъ учебно-воспитательный древніе языки не имѣютъ въ его глазахъ никакой цѣны. „Древніе языки изучаютъ единственно ради сочиненій“[1]). „Языки суть знаки; знаки интересуютъ лишь благодаря изображаемымъ имъ предметамъ. Если греческіе писатели какимъ-нибудь образомъ исчезнутъ съ лица земли, то языкъ греческій потеряетъ всякое значеніе, исключая развѣ нѣскольких ученыхъ спеціалистовъ, для которыхъ это будетъ любопытный документъ изъ древняго періода“[2]). „Языки сами по себѣ не даютъ дѣтямъ никакого понятія ни объ эпохѣ, ни о народѣ; для нихъ это трудныя задачи, которыми обременяютъ ихъ учителя“[3]). „Древніе языки — бремя и бремя тяжелое; только одна неизбѣжная необходимость заставляетъ учить имъ“, неоднократно повторяетъ Гербартъ въ своихъ сочиненіяхъ. Необходимость эта основывается на преемственности культуры. „Если обученіе не пройдетъ хотя части своего пути черезъ древніе языки, то мы никогда не въ состояніи будемъ живо представить себѣ древность, съ которой мы такъ неразрывно связаны“[4]). „Наше знаніе станетъ скоро безпочвеннымъ, и мы потеряемъ вѣрнѣйшій критерій для оцѣнки словесныхъ произведеній, если когда-нибудь забудемъ древніе языки“[5]). Древніе языки, особенно греческій, считаетъ Гербартъ существенно необходимымъ знаніемъ для каждаго человѣка, „имѣющаго досугъ и возможность получить законченное образованіе“[6]).

Такимъ образомъ Гербартъ совершенно игнорируетъ формально-образовательную силу, заключающуюся въ изученіи древнихъ языковъ. „Древняя исторія — вотъ единственно возможное основаніе для настоящей педагогической постановки преподаванія древнихъ языковъ“[7]), — говоритъ онъ. „Лишь она даетъ имъ надлежащую точку опоры вначалѣ и служитъ вѣрнѣйшею путеводною нитью при дальнѣйшемъ ихъ изученіи“.

[1]) I. 292. [2]) II. 103. [3]) II. 637. [4]) II. 103. [5]) 470. [6]) I. 14. [7]) II. 637.

Какъ же смотрѣлъ Гербартъ на преподаваніе древней исторіи? Всякое разумное обученіе должно примыкать къ кругу представленій, уже успѣвшихъ сложиться въ душѣ ребенка: новый учебный предметъ можетъ только тогда оказать надлежащее дѣйствіе, когда онъ будетъ содержать элементы, уже находящіеся въ душѣ ребенка, когда онъ будетъ, такъ оказать, сродни ему. „Тщательное разсмотрѣніе вопроса, съ чего именно начинать изученіе исторіи, — говоритъ Гербартъ, — скоро приводитъ къ тому заключенію, что такого пункта соприкосновенія нельзя найти въ современной намъ дѣйствительности. Сфера дѣтская слишкомъ тѣсна и ограничена; сфера взрослыхъ у современныхъ образованныхъ націй слишкомъ высока и обставлена такими условіями, уясненіе которыхъ для мальчика или совсѣмъ невозможно, или по крайней мѣрѣ нежелательно“[1]). Роднымъ для него, наиболѣе подходящимъ къ его дѣтскому мірку является простой и величавый древній міръ. „Нечего бояться того, что древній міръ отдѣленъ отъ насъ на далекое пространство и время: мысли движутся быстро; для нихъ далекое то, что раздѣлено массою побочныхъ представленій и затемнено разнаго рода умственными модификаціями“[2]). „Мальчикъ, да даже еще и юноша, не можетъ смотрѣть въ будущее взрослыхъ, потому что самая ихъ настоящая-то жизнь, — поскольку послѣдняя проявляется въ обществѣ, наукѣ, искусствѣ — для него тайна; настоящее для насъ — для него еще будущее; прошедшее для насъ — какъ разъ подходящее для него настоящее; и спокойное пребываніе въ этомъ прошедшемъ скажетъ ему несравненно болѣе, чѣмъ ускоренное стремленіе въ будущее“[3]).

Важно только, во-первыхъ, выбрать изъ богатой сокровищницы древней литературы матеріалъ, наиболѣе подходящій для учащихся и, во-вторыхъ, наблюсти въ планѣ извѣстную послѣдовательность движенія, такъ чтобы избранный предметъ не забѣгалъ слишкомъ впередъ, но и не отставалъ отъ постоянно зрѣющаго пониманія мальчика. Подобное соотвѣтствіе учебнаго матеріала степени развитія учащагося необходимо для поддержанія всесторонняго интереса и особенно легко достижимо потому, что древняя литература настолько богата источниками для каждаго возраста, для каждой ступени юношескаго развитія, что даетъ возможность въ выборѣ

[1]) I. 291. [2]) I. 385. [3]) II. 260.

матеріала сообразоваться даже съ различными особенностями и темпераментами дѣтей. Вотъ какъ характерно выражается по этому поводу Гербартъ[1]): „Рано должны освоиться будущіе представители своей націи съ древнимъ міромъ, который такъ неразрывно связанъ съ нашимъ временемъ... Но какъ человѣкъ никогда не долженъ весь уходить въ какую-нибудь эпоху, то и мальчикъ и юноша должны чувствовать, что они находятся въ постоянномъ движеніи впередъ; на каждомъ пунктѣ учащагося неотступно должна преслѣдовать мысль: „здѣсь не можетъ остановиться человѣчество". Но въ такомъ случаѣ самый предметъ не долженъ быть ни слишкомъ высокъ, ни слишкомъ низокъ. Предметъ стоитъ слишкомъ низко, если юношу, стремящагося въ современную цивилизованную жизнь, держатъ на Итакѣ или подъ стѣнами Трои; слишкомъ высоко, если дѣти, которымъ въ бурныхъ сходкахъ жителей Итаки грезится тотъ же духъ, что и въ ихъ собственныхъ необыкновенно серьезныхъ совѣщаніяхъ и играхъ, должны съ Мильтіадомъ и Ѳемистокломъ защищать Аѳины, а затѣмъ вскорѣ, ничего не понимая въ политическихъ интересахъ, принимать либо сторону сената, либо сторону народа въ Римѣ" и т. д.

Послѣ этого естественнымъ покажется выводъ Гербарта, что исходнымъ пунктомъ въ изученіи древней исторіи слѣдуетъ считать исторію эллинскаго народа. „Нити исторіи кончаются въ современности, зачатки же нашей культуры коренятся въ мірѣ эллинскомъ: тамъ, въ идеальномъ изображеніи младенчества человѣческаго, въ гомеровскихъ пѣсняхъ, возженъ свѣточъ для всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ"[2]). Только отправляясь отсюда, можно надѣяться достичь правильнаго ознакомленія, истиннаго проникновенія духомъ древности. „Педагогическія цѣли требуютъ, чтобы древо европейской культуры, возросшее въ странѣ эллиновъ, возвышалось прямо и естественно въ душѣ тѣхъ, которые имѣютъ притязаніе называться *образованными* людьми своей родины и такъ или иначе вліять на общественное мнѣніе. Ихъ-то именно и слѣдуетъ предостерегать отъ увлеченій какъ современностью, такъ и обманчивыми призраками искаженнаго прошедшаго, да даже и отъ увлеченія отдѣльными блестящими феноменами древности"[3]).

---

[1]) I. 577. [2]) I. 291. [3]) I. 576.

II.

Предпочтеніе, отдаваемое Гербартомъ греческому языку.— Чтеніе Одиссеи.— Элементарное прохожденіе грамматики. — Чтеніе остальныхъ греческихъ авторовъ. — О преподаваніи латинскаго языка. — Переводы на древніе языки. — Заключеніе.

Въ 1802 году, выступая приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ философіи въ Геттингенѣ, Гербартъ ставитъ между прочимъ слѣдующій тезисъ: „Institutio liberorum a Graecis litteris incipienda est et quidem ab Homeri Odyssea"... Этотъ тезисъ является прямымъ слѣдствіемъ его воззрѣній на преподаваніе древней исторіи и на отношеніе къ ней древнихъ языковъ. Въ то время многіе ученые раздѣляли взгляды Гербарта и отдавали рѣшительное предпочтеніе греческому языку. Но ихъ увлекало восхищеніе эллинской литературой; Гербартъ же основывалъ свои требованія на „главной цѣли всякаго обученія"; неестественный энтузіазмъ эллинистовъ былъ далеко ему не по сердцу. „Ратовать противъ преклоненія предъ греками я считаю такою же прямою своею обязанностью при обученіи, — говоритъ онъ, — какъ и доводить до юношескаго пониманія истинное достоинство греческой литературы, — разумѣю ея необыкновенную естественность. Гомеръ, Геродотъ, Платонъ по душѣ моимъ питомцамъ, насколько они ихъ знаютъ; но чтобы они восхищались ими, я никогда не слыхивалъ" [1]).

Въ числѣ причинъ, заставлявшихъ Гербарта отдавать при первоначальномъ обученіи предпочтеніе греческому, назовемъ: во-первыхъ, необыкновенную живость въ обрисовкѣ характеровъ (особенность Гомера), наглядность сужденія и сила чувства (особенности греческихъ историковъ и философовъ); во-вторыхъ, самостоятельность и первенство греческой культуры сравнительно съ римской („Греція была школою для Рима даже въ его лучшія времена; для чего же намъ обращаться къ ученикамъ, обходя учителей?" [2]); въ-третьихъ, законъ преемственности культуры: „Если все новое, — говоритъ Гербартъ, — не только слѣдуетъ *за* древнимъ, но именно истекаетъ *изъ* него; и если новое изучаютъ ранѣе, съ древнимъ же знакомятся сперва по слухамъ, а потомъ изучаютъ его, составивъ предвзятое мнѣніе, то въ результатѣ получается:

[1]) II. 156. [2]) I. 76.

во-первыхъ, то, что не понимаютъ какъ слѣдуетъ новаго; во-вторыхъ, что на древнее смотрятъ сквозь призму собственнаго воображенія"[1]). Римскіе писатели предполагаютъ знакомство чуть не съ цѣлой эллинской культурой, и потому ихъ мѣсто послѣ Гомера и другихъ грековъ. Превратную постановку дѣла Гербартъ опровергаетъ еще слѣдующимъ соображеніемъ психологическаго характера: „Такъ какъ и Аѳины и Римъ равно чужды намъ, то все дѣло заключается въ соотношеніи двухъ чуждыхъ для насъ группъ представленій, которыя мы хотимъ усвоить путемъ историческаго изученія. Ежели эти группы сначала залягутъ въ превратномъ порядкѣ, то потомъ придется перемѣщать ихъ; но это никогда не удается вполнѣ, ибо активныя представленія (о пассивныхъ нѣтъ и рѣчи: таковыя не имѣютъ значенія для цѣлей воспитанія) нельзя видоизмѣнять по своему желанію, такъ какъ они всегда стремятся удержать принятый разъ порядокъ соединенія". Наконецъ, въ пользу начала съ греческаго яз. Гербартъ приводитъ его сравнительную трудность: „Уже изъ-за того, что греческій языкъ труднѣе латинскаго, слѣдовало бы начинать его раньше"[2]).

На этомъ же основаніи Гербартъ совѣтуетъ начинать обученіе древнимъ языкамъ въ возможно ранніе годы (въ возрастѣ отъ 8—10 лѣтъ). „Уже одна долгая работа, которой требуютъ древніе языки, заставляетъ начинать учить имъ какъ можно ранѣе. Слѣдуетъ съ раннихъ лѣтъ привыкнуть къ звукамъ чужого языка, чтобы онъ пересталъ рѣзать ухо"[3]). Въ этомъ отношеніи Гербартъ намѣренно становится въ разрѣзъ съ господствующими воззрѣніями: „Извѣстно мнѣніе, что трудность уменьшится, если начинать учить древнимъ языкамъ позднѣе: тогда, говорятъ, увеличивается способность къ воспріятію. Наоборотъ: чѣмъ позднѣе, тѣмъ болѣе міросозерцаніе юноши склоняется къ своему окончательному завершенію. Предметамъ, требующимъ памяти, надо начинать учиться какъ можно ранѣе, особенно тамъ, гдѣ вся польза зависитъ отъ пріобрѣтеннаго навыка. Слѣдуетъ начинать рано и подвигаться впередъ медленно, безъ скачковъ и принужденія!"[4]).

Въ своемъ учебномъ планѣ Гербартъ предписываетъ такой порядокъ: „для младшаго возраста — начало греческаго языка; для средняго — начало латинскаго; для старшаго — занятіе новыми языками"[5]).

---

1) II. 156. 2) II. 465. 3) II. 557. 4) II. 636. 5) I. 446.

Изученіе греческаго языка начинается съ чтенія Одиссеи, незамѣнимой въ воспитательномъ обученіи*). „Одиссея, — говоритъ Гербартъ, — превосходитъ всѣ остальныя произведенія древности, подходящія къ дѣтскому возрасту, опредѣленнымъ педагогическимъ воздѣйствіемъ“ [1]). Она какъ нельзя болѣе пригодна для введенія въ древній міръ. „Гомеръ учитъ дѣтей тому, что для нихъ особенно трудно, — живо представлять себѣ нравы и образъ жизни людей, отдѣленныхъ отъ насъ длиннымъ рядомъ вѣковъ“ [2]). Знакомство съ Гомеромъ есть фундаментъ, на коемъ зиждется послѣдующее изученіе древняго міра: „Гомеръ постепенно возбуждаетъ дѣтское вниманіе и постоянно усиливаетъ его; въ концѣ концовъ онъ до такой степени овладѣваетъ дѣтскимъ сердцемъ, что ни одна книга не сравнится съ нимъ въ этомъ отношеніи; онъ оставляетъ по себѣ неизгладимое впечатлѣніе, съ которымъ позднѣе сливаются впечатлѣнія отъ всей древней исторіи и литературы“ [3]). Словомъ, это лучшая, идеальнѣйшая *дѣтская* книга, какую только можно себѣ представить. Въ одномъ мѣстѣ, нападая на *дѣланную* дѣтскую литературу, Гербартъ такими прекрасными словами характеризуетъ всю незамѣнимость въ этомъ отношеніи Гомера: „Дайте дѣтямъ интересный разсказъ, богатый происшествіями, отношеніями, характерами; въ немъ должна быть строго проведена психологическая истина, не превышающая однако дѣтскаго

*) I. M. Гесперъ (1691—1761), одинъ изъ замѣчательныхъ педагоговъ-филологовъ своего времени, почти за столѣтіе раньше выражаетъ тѣже взгляды, что и Гербартъ; ставя вопросъ въ одномъ изъ своихъ педагогическихъ сочиненій: an a Graecis potius, quam a Latinis initium faciendum sit discendi? онъ стоитъ за первое: haberemus enim contextam quasi historiam ingeniorum videremusque incrementa cognitionis et quomodo tamquam succession hereditatis propagata sit eruditio. Всего лучше по его мнѣнію также начинать съ Гомера: „pueri sex(!) annorum iucundius legerent Homerum, quam adulti, nam proprie aptus est pueris“... Практически мысль Гербарта старался до извѣстной степени осуществить H. L. Ahrens, который съ этой цѣлью издалъ: „Griechisches Elementarbuch aus Homer“ (2-te Auflage 1870) и „Griechische Formenlehre des homerischen und attischen Dialektes, zum Gebrauche bei dem Elementarunterrichte“, bei Wandenhoeck und Ruprecht in Göttingen 1852. Результаты: ср. „Eine Neugestaltung des griechischen Unterrichts, besonders des Elementarunterrichtes“ von Dr. O. Hoffmann. Göttingen 1889. Аренсовъ способъ обученія привился было въ Ганноверѣ и заслужилъ общее одобреніе; уничтоженъ благодаря вліянію прусскихъ гимназій.

[1]) II. 638. [2]) I. 54. [3]) II. 82.

чувства и пониманія; въ немъ не должно быть и тѣни намѣренія изобразить что-нибудь особенно дурное или особенно хорошее; пусть незамѣтный, какъ бы самъ-то еще только пробуждающійся нравственный тактъ ведетъ къ тому, чтобы интересъ дѣйствія переходилъ отъ дурного къ хорошему, отъ неправаго къ правому,— вы увидите, какъ разсказъ прикуетъ къ себѣ вниманіе дѣтей, какъ они станутъ еще глубже рыться въ этой правдѣ, добираться до самой сути вещей; вы увидите, какъ разное содержаніе будетъ вызывать и разное съ ихъ стороны сужденіе, какъ удовольствіе отъ смѣны сценъ будетъ имѣть въ результатѣ предпочтеніе лучшаго, — мало того, какъ мальчикъ, который въ нравственномъ отношеніи чувствуетъ себя, можетъ быть, нѣсколько выше, нежели герой или писатель, съ чувствомъ внутренняго удовлетворенія будетъ противопоставлять себя этому низшему міросозерцанію. Еще *одно* качество долженъ имѣть вашъ разсказъ, если вы разсчитываете на продолжительное и сильное дѣйствіе: онъ долженъ быть проникнутъ мужественнымъ величіемъ. Мальчикъ не хуже взрослаго отличаетъ пошлое и обыденное отъ великаго; это различіе для него даже чувствительнѣе, чѣмъ для насъ: ему не хочется быть маленькимъ, онъ стремится быть мужчиной. Взоръ ребенка, если онъ правильно развитъ, устремленъ вдаль, и восьми лѣтъ онъ уже неохотно слушаетъ разныя дѣтскія исторіи. Такъ изображайте же ему такихъ героевъ, какимъ ему самому хочется быть. Только вамъ не найти ихъ въ окружающей средѣ, потому что современные герои не подходятъ подъ дѣтскій идеалъ; не найти его вамъ и въ своемъ воображеніи, ибо оно заполонено педагогическими пожеланіями, вашими собственными знаніями, опытомъ, интересами... Я знаю одну только эпоху,— заключаетъ Гербартъ, — изъ которой можно заимствовать такую повѣсть — это классическое младенчество грековъ; и здѣсь прежде всего представляется мнѣ Одиссея" [1]). Въ воспитательномъ обученіи Одиссея особенно цѣнна потому, что какъ нельзя болѣе содѣйствуетъ развитію равномѣрнаго и разносторонняго интереса. „Въ Одиссеѣ разсказывается длинная, изобилующая приключеніями исторія: этимъ пробуждается интересъ *эмпирическій;* въ ней выводятся всевозможные люди въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ: этимъ возбуждается

---

1) I. 345.

размышленіе о взаимной связи причинъ и слѣдствій въ человѣческомъ обществѣ, слѣдовательно пробуждается интересъ *спекулятивный;* Одиссея есть поэма классическая; хотя какъ таковая она не можетъ быть понята дѣтьми (почему и придется ее перечитывать въ позднѣйшіе годы съ иной точки зрѣнія), однако она представляетъ для дѣтской души самый подходящій матеріалъ въ смыслѣ *эстетическаго* развитія; въ ней изображаются человѣческія страданія и радости и въ большей части случаевъ такъ, что уже маленькій мальчикъ, да онъ-то пожалуй скорѣе всѣхъ, можетъ имъ *симпатизировать;* въ ней рисуются картины общественнаго благосостоянія и бѣдствія, гражданскаго порядка и неурядицы,— этимъ пробуждается интересъ *соціальный,* изъ котораго впослѣдствіи развивается общественный смыслъ; наконецъ, Одиссея учитъ людей подчиняться высшей божественной волѣ, — этимъ она руководитъ къ *религіозному* самоуничиженію, не представляя опасности, при правильномъ веденіи дѣла (дѣтямъ постоянно слѣдуетъ внушать, что это только сказка), вовлечь юныхъ читателей въ поклоненіе языческимъ божествамъ“ [1]).

Для чтенія Одиссеи Гербартъ полагаетъ необходимою нѣкоторую подготовку: a) грамматику въ небольшомъ объемѣ; b) и необходимыя историко-миѳологическія свѣдѣнія. Отрицая возможность изученія древнихъ языковъ ex usu, подобно новымъ языкамъ, Гербартъ выставляетъ какъ главное правило при прохожденіи грамматики „ограниченіе самымъ элементарнымъ и неторопливость“. „Постепенно слѣдуетъ изучать языкъ, постепенно! Нельзя всего вдругъ, особенно основательно!“ „Совершенно безполезно изучать грамматику прямо съ самаго начала до мельчайшихъ подробностей; преподавайте, сколько нужно для ближайшей практической надобности; тогда само собою явится желаніе узнать полнѣе и подробнѣе; а разъ проявилось это стремленіе, дѣло пойдетъ впередъ“ [2]). „На первыхъ порахъ слѣдуетъ разставить какъ бы вѣхи: флексіи, мѣстоименія, частицы“ [3]). Метода преподаванія грамматики въ гербартовскомъ смыслѣ въ настоящее время обстоятельно разработана его послѣдователями (напр. Formalstufen Циллера). Подробное разъясненіе этого метода выходитъ за предѣлы настоящей статьи; мы приведемъ два мѣста изъ сочиненій самого Гербарта,

---

[1]) II. 82. [2]) I. 412. [3]) II. 571.

которыя даютъ намъ нѣкоторое понятіе о его взглядѣ. „Искусство сообщить знаніе знаковъ, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ[1]), то же, что и въ предметномъ обученія. Знаки суть тѣ же вещи; дѣти воспринимаютъ ихъ, вглядываются въ нихъ, изображаютъ ихъ, точь въ точь какъ предметы. Чѣмъ сильнѣе и всестороннѣе воспринимаются они чувствами, тѣмъ лучше. Уясненіе, ассоціація, распредѣленіе, правильное прохожденіе должны пунктуально слѣдовать другъ за другомъ" *). Второе мѣсто касается спеціально преподаванія грамматики: „Здѣсь, — говоритъ Гербартъ, — во-первыхъ, слѣдуетъ различать общія понятія, каковы: число, время, наклоненіе, залогъ, отъ языковыхъ примѣтъ, характеризующихъ тотъ или другой языкъ. Во-вторыхъ, слѣдуетъ отмѣтить обозначеніе отдѣльныхъ понятій и ихъ рядовъ отъ развитія типа спряженія, которое является результатомъ варіаціи этихъ рядовъ... Если нужно научить напримѣръ греческому языку, то, послѣ предварительныхъ свѣдѣній, сперва указываютъ на примѣты постоянныя: какъ-то будущаго, прошедшаго совершеннаго, сослагательнаго, желательнаго, и т. д. и заставляютъ отыскивать ихъ въ отдѣльныхъ словахъ; затѣмъ проходятся менѣе постоянныя примѣты, какъ аномаліи, которыя необходимо заучить на память. Такъ занимаютъ умы дѣтей спряженіемъ, всячески ассоціируя многоразличныя его видоизмѣненія, прежде чѣмъ перейдутъ къ изученію наизусть, хотя и безъ послѣдняго обойтись никакъ нельзя"[2])...

Весьма важное значеніе придаетъ Гербартъ изученію вокабулъ; трудно заучивающихъ слова, по его мнѣнію, совсѣмъ не слѣдуетъ

---

[1]) I. 412. [2]) I. 440.

*) Указаніе на четыре ступени обученія Гербарта, впослѣдствіи полнѣе разработанныя Циллеромъ. По Гербарту: a) уясненіе, — т.-е. выдѣленіе извѣстнаго представленія изъ массы однородныхъ съ нимъ представленій, отвлеченіе его отъ нихъ, такъ чтобы учащійся могъ составить себѣ о немъ ясное и отчетливое понятіе; b) ассоціація, — т.-е. сопоставленіе его съ другими родственными представленіями; c) система, — т.-е. приведеніе всѣхъ представленій въ извѣстный порядокъ; d) метода, — т.-е. примѣненіе составившагося понятія къ отдѣльнымъ явленіямъ и, наоборотъ, подведеніе отдѣльныхъ явленій подъ составившееся понятіе. По Циллеру такихъ ступеней пять: a) анализъ, b) синтезъ, c) ассоціація, d) система, e) метода. Подробное разъясненіе см. у Ietter — стр. 42 и сл., также у Дрбоглава: „Опытъ методики первоначальнаго обученія латинскому языку". Тифлисъ, 1884 (введеніе).

допускать до изученія древнихъ языковъ. Но вначалѣ слѣдуетъ поступать съ большою осторожностью, чтобы не отбить охоты къ ученію на самыхъ первыхъ порахъ. „Въ первые мѣсяцы, — говоритъ Гербартъ, — не слѣдуетъ строго взыскивать за незнаніе словъ. Наоборотъ съ теченіемъ времени заучиванье вокабулъ становится необходимой работой для ученика. Благодаря ему пріобрѣтается значительный запасъ формъ языка; формы эти получаютъ извѣстную точку опоры, къ которой онѣ стоятъ въ томъ или иномъ отношеніи и благодаря которой онѣ получаютъ свое значеніе"[1]). Учитель долженъ запастись большимъ терпѣніемъ: „предварительное произнесеніе словъ вслухъ, чтеніе учениками, повтореніе, примѣры, поясненія всякаго рода"[2]) — вотъ что помогаетъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Особенно полезно прямо сначала выучить значеніе частицъ и мѣстоименій, такъ какъ они главнымъ образомъ облегчаютъ пониманіе конструкціи; хорошо также выучить сперва коренныя слова хотя бы одной книги Одиссеи: тогда легче замѣчаются производныя. Синтаксисъ Гомера не представляетъ особыхъ трудностей для дѣтей, и въ этомъ его большое преимущество, ибо ничто такъ не затрудняетъ начинающаго вообще, какъ сложныя и періодическія строенія чуждой рѣчи, тѣмъ болѣе дѣтей, которыя въ своихъ разговорахъ долго пробавляются исключительно сочиненіемъ, а не подчиненіемъ предложеній.

При сообщеніи свѣдѣній изъ миѳологіи и исторіи должно вкратцѣ познакомить съ географіей страны, затѣмъ разсказать первоначальные греческіе миѳы вплоть до похода аргонавтовъ и троянской войны. Эти подготовительныя работы займутъ приблизительно мѣсяцъ времени. Затѣмъ начинается чтеніе; первое время читается не болѣе трехъ, четырехъ стиховъ въ часъ, съ предварительнымъ переводомъ учителя, точнымъ реальнымъ объясненіемъ, аналитическими и синтетическими упражненіями въ грамматикѣ. Заниматься Одиссеей слѣдуетъ ежедневно не менѣе часа, но не растягивать ея чтенія болѣе чѣмъ на два года, въ продолженіе которыхъ, по мнѣнію Гербарта, можно прочитать *всю* Одиссею. Главная задача при чтеніи — развить симпатическія чувства къ человѣку въ отдѣльности (наблюденіе надъ характеромъ, образованіе вкуса) и въ обществѣ. При этомъ слѣдуетъ остерегаться ослаблять „прелесть

[1]) II. 638. [2]) I. 421.

чудеснаго" въ Гомеровскомъ эпосѣ „чтеніемъ арабскихъ сказокъ и подобныхъ разсказовъ"*)[1]).

Иліада отступаетъ предъ Одиссеей на второй планъ. Она не годится для первоначальнаго обученія, такъ какъ въ ней много грубаго (особенно что касается боговъ), такого, что можетъ оскорбить дѣтское чувство. Читать Иліаду непосредственно за Одиссеей некогда; нельзя же засѣсть за одного Гомера. Ея мѣсто впереди: въ болѣе зрѣломъ возрастѣ необходимо возвратиться къ Гомеру, дабы читать его съ иныхъ точекъ зрѣнія; и тутъ-то Иліада какъ разъ у мѣста.

Писатель, непосредственно примыкающій къ Гомеру, есть Геродотъ: онъ знакомитъ дѣтей въ простой, привлекательной формѣ съ исторіей не отдѣльныхъ лицъ, а цѣлыхъ націй. Какъ историкъ, Геродотъ незамѣнимъ для дѣтей; его слогъ — образецъ для слога всякаго учителя исторіи. Послѣднимъ Гербартъ даетъ такой совѣтъ: „Учитесь слогу у Геродота. Разсказы его прямо надо выучить на память въ вѣрномъ, хорошемъ переводѣ. Дѣйствіе ихъ на дѣтей поразительное**)[2]).

Касательно остальныхъ греческихъ писателей Гербартъ не выставляетъ какой-либо строгой системы; самъ онъ во время своихъ частныхъ занятій нѣсколько разъ видоизмѣнялъ и выборъ сочиненій и порядокъ ихъ. Обыкновенно за Гомеромъ и Геродотомъ слѣдовали: Ѳукидидъ, Ксенофонтъ, Плутархъ, Софоклъ, Эврипидъ и Платонъ.

Не останавливаясь на другихъ писателяхъ, приведемъ отзывы его о Платонѣ. Изъ сочиненій его Гербартъ предлагаетъ читать въ предпослѣднемъ классѣ „Критона" и „Апологію", въ послѣднемъ — 1, 2, 4, 8 книги *Πολιτεία*. Онъ неоднократно указываетъ на великое значеніе Платона для философскаго развитія. „При чтеніи Платона долгъ учителя руководить учениковъ въ исканіи этическихъ идей; добиться этого легко при томъ условіи, если головы учащихся уже начали работать и если учитель понимаетъ,

---

*) О чтеніи Одиссеи см. „Die Odyssee im erziehenden Unterricht" и „Lesebuch aus Homer" von Dr. O. Willmann; ср. также „Zur Behandlung der Odysseesage in Sexta". Lehrproben und Lehrgänge. H. 8. Iuni 1886.

**) О чтеніи Геродота см. „Lesebuch aus Herodot" и „Der elementare Geschichtsunterricht" von Dr. O. Willmann. Verl. Gustav Gräbner in Leipzig 1885.

[1]) II. 639. [2]) II. 614.

что здѣсь предстоитъ дѣлать нѣчто гораздо большее, нежели объяснять слова"[1]). Помимо этого, сочиненія философа косвеннымъ образомъ вліяютъ и на развитіе религіознаго міровоззрѣнія. Платонъ относится къ религіи отрицательно: онъ показываетъ религію древнихъ въ ея истинномъ свѣтѣ, какъ темную сторону древности. Съ другой стороны, у него болѣе, чѣмъ у какого-либо другого писателя древности, выступаетъ идея „Провидѣнія", замѣнившая собою со временъ Сократа понятіе „судьбы", чтó въ свою очередь приближаетъ Платона къ христіанству. „Впечатлѣніе отъ христіанскаго ученія можно особенно усилить чтеніемъ тѣхъ Платоновыхъ діалоговъ, которые относятся къ смерти Сократа, именно чтеніемъ Критона и Апологіи. Они какъ разъ на мѣстѣ предъ изученіемъ богословія"[2]).

Далеко не такъ подробно говоритъ Гербартъ о преподаваніи латинскаго языка. Необходимость его изученія въ его времена была конечно внѣ всякаго сомнѣнія: „это общепринятый языкъ ученыхъ", „ему должно учиться"; кромѣ того, „латынь имѣетъ то преимущество, что даже и при небольшихъ успѣхахъ значительно облегчаетъ изученіе новѣйшихъ языковъ"[3]); но во всякомъ случаѣ въ воспитательномъ обученіи латинскій языкъ занимаетъ лишь второе мѣсто. Гербартъ распредѣляетъ его преподаваніе приблизительно въ такомъ порядкѣ: изученіе начинается вскорѣ послѣ начала греческаго (когда именно, не опредѣлено); въ два первые года, пока идетъ чтеніе Одиссеи, слѣдуетъ вкратцѣ пройти этимологію и переводить отрывки изъ хрестоматіи*), затѣмъ одновременно съ Геродотомъ начать чтеніе Энеиды Вергилія. Хотя послѣдній стоитъ на гораздо высшей ступени культуры, но это уже неизбѣжное условіе всего римскаго. Зато Энеида — эпическое произведеніе; она продолжаетъ исторію троянцевъ и подготовляетъ

---

[1]) II. 133. [2]) II. 612. [3]) II. 557.

*) Вообще же Гербартъ сильно ратовалъ противъ хрестоматій: „Institutio liberorum a Graecis litteris incipienda et quidem ab Homeri Odyssea, nullo omnino prosaico, minime autem chrestomatico libro praemisso", — читается выше приведенный его тезисъ въ полномъ видѣ. „Хрестоматіи — это рапсодіи безъ всякой цѣли; на нихъ жаль потратить недѣлю". „Хрестоматія забыта, какъ только съ ней покончатъ". Въ латинскомъ онъ прибѣгаетъ къ хрестоматіи за неимѣніемъ подходящаго автора, тѣмъ болѣе, что на низшихъ ступеняхъ вся воспитательная задача возложена на Одиссею.

къ чисто римскому".— Настоящее мѣсто римскихъ писателей — въ высшихъ классахъ. „Тонкая воспріимчивость, необходимая при чтеніи римскихъ авторовъ, такъ же индивидуальна, какъ тонкое музыкальное ухо; только небольшое число учениковъ имѣетъ ее,— и, что̀ самое главное, только въ болѣе зрѣлые годы можно надѣяться направить въ эту сторону пробудившійся интересъ юноши". „Великіе, несравненные римскіе писатели—всѣ принадлежатъ позднѣйшему времени" [1]).

Во главѣ этихъ писателей стоятъ Цезарь и Цицеронъ; около нихъ группируются Ливій и Горацій.

Изъ сочиненій Цезаря принимается въ расчетъ Bellum Gallicum; „это сочиненіе, — говоритъ Гербартъ, — должно пройти особенно тщательно; стиль его какъ разъ приближается къ той манерѣ писать, какую желательно было бы привить юношамъ" [2]).

Изъ Цицерона слѣдуетъ читать сперва рѣчи, какъ наиболѣе блестящія произведенія его таланта, затѣмъ философскія сочиненія, требующія однако много поясненій. „Учитель долженъ вслухъ читать или прямо декламировать Цицерона. Ораторъ требуетъ живого голоса; для него недостаточно монотоннаго чтенія учениковъ" [3]). Изъ Ливія рекомендуются преимущественно 21 и 22 книги, чтеніе которыхъ можетъ примкнуть къ чтенію Геродота. — Горацій „особенно богатъ краткими изреченіями, смысломъ которыхъ не слѣдуетъ пренебрегать воспитателю" [4]). —Тацита считаетъ Гербартъ не особенно подходящимъ авторомъ для школьнаго возраста; Плавтъ и Теренцій, бывшіе въ прежнее время въ большомъ ходу, отвергаются вслѣдствіе ихъ содержанія.

Необходимымъ условіемъ для успѣшнаго изученія древнихъ языковъ Гербартъ считаетъ письменные переводы съ родного языка. „Должно упражняться,— говоритъ онъ,— въ писаніи на томъ языкѣ, которому хотятъ научиться". Но, какъ и естественно при его методѣ изученія грамматики по частямъ для ближайшей потребности, переводы эти должны имѣть мѣсто, спустя уже значительное время *послѣ* начала обученія языку. На первыхъ порахъ слѣдуетъ удѣлять какъ можно болѣе времени на чтеніе, ибо чужой языкъ надобно сперва слышать, понимать, замѣчать, словомъ, освоиться съ нимъ, прежде чѣмъ самъ начнешь говорить или писать на немъ.

---

[1]) II. 155. [2]). II 639. [3]) II. 640. [4]) II. 639.

Сперва надобно заучить побольше образцовыхъ мѣстъ изъ древнихъ писателей. Особенно же рекомендуетъ Гербартъ такъ-называемыя *извлеченія* изъ читаннаго, дѣлаемыя на урокѣ подъ наблюденіемъ преподавателя, по предварительномъ обсужденіи всѣмъ классомъ. Извлеченіе не есть подражаніе и не должно быть имъ; это такая же самостоятельная работа, какъ и переводы на родной языкъ по данному тексту. Въ послѣднихъ Гербартъ совѣтуетъ быть какъ можно осторожнѣе, принимать всѣ мѣры, чтобы не допускать появленія массы ошибокъ; лучше хорошенько подготовить работу; ибо корректурныя исправленія весьма рѣдко усвояются учениками и вообще не приносятъ существенной пользы.

Интересна критика Гербарта тогдашнихъ способовъ преподаванія древнихъ языковъ. Сильно возстаетъ онъ противъ рутины и отсталости педагоговъ: „Если бы учителя гимназій занимались какъ слѣдуетъ; если бы пріемы ихъ преподаванія не отставали отъ потребностей времени; если бы все еще не царствовалъ старый, унаслѣдованный отъ древнихъ вѣковъ способъ обученія: то общеніе съ величавымъ и жизнерадостнымъ древнимъ міромъ дало бы учителямъ вмѣстѣ съ хорошимъ настроеніемъ и хорошія методы, а ученикамъ радостное сознаніе своихъ успѣховъ" [1]).

Но что понимали въ педагогіи царившіе тогда въ гимназіи узкіе спеціалисты-филологи? „Положимъ, подобному спеціалисту поручатъ составить планъ занятій по его предмету. Откинувъ въ сторону всякія педагогическія соображенія, онъ начинаетъ разсуждать такимъ образомъ: наука уже даетъ мнѣ и планъ въ руки; ее должно преподавать сообразно съ ея содержаніемъ; въ ней одно предполагаетъ другое. И вотъ, если дѣло идетъ о преподаваніи какого-либо языка, то онъ потребуетъ, чтобы ученикъ сперва прошелъ всю грамматику и лишь за тѣмъ приступилъ къ чтенію; онъ долженъ понимать обыкновенные прозаическіе обороты, прежде чѣмъ учитель объяснитъ ему избранные поэтическіе и т. д." „И какое равнодушіе къ содержанію того, что читается! Что Непотъ, Цезарь, Ливій, Цицеронъ говорятъ о различномъ, учителю нѣтъ дѣла... вѣдь это все латынь, или еще лучше, это мертвый языкъ, т.-е. занятіе лексикономъ и грамматикой... Самое лучшее, — заключаетъ съ ироніей Гербартъ, было бы найти авторовъ, которые ровно ничего не содержали бы! [2])"

[1]) II. 154. [2]) II. 153.

Конечно, въ наше время такое мертвенно-формальное преподаваніе древнихъ языковъ уже, можно сказать, отходитъ въ область преданій. Учебные планы все болѣе стараются приспособить учебный матеріалъ къ степени развитія учащихся. Но все же, положа руку на сердце, мы не можемъ не сознаться, „что суббота для насъ дороже человѣка", что запросы личности учащихся еще мало принимаются въ соображеніе при преподаваніи и что, какъ говорилъ Гербартъ, „интересъ до сихъ поръ не является руководящимъ принципомъ въ обученіи" [1]).

Добиться этого, положить „интересъ" въ основу преподаванія древнихъ языковъ, указать имъ такую точку опоры, находя которую они могли бы вполнѣ проявить таящуюся въ нихъ великую образовательную силу, — вотъ чего хотѣлъ Гербартъ и вотъ въ чемъ его великая заслуга. Пусть многія изъ его мыслей (какъ-то: полное отрицаніе формальнаго образованія, раннее начало преподаванія древнихъ языковъ, начало съ греческаго — наиболѣе труднаго и т. д.) не могутъ быть приняты*): важна и плодотворна общая, положенная имъ въ основу идея: „Только древняя исторія и можетъ служить опорной точкой для педагогически правильной постановки преподаванія древнихъ языковъ."

Разработка же и правильное примѣненіе къ дѣлу этой основной мысли — задача нашего времени.**)

С. Любомудровъ.

---

[1]) II. 87.

*) Самъ Гербартъ былъ преимущественно домашнимъ воспитателемъ. Осуществить свои мысли въ общественномъ обученіи ему удалось временно въ „Koenigsberger Paedagogium, основанномъ въ 1810 году и поставленномъ въ особыя благопріятныя условія. Вотъ отзывъ о немъ одного компетентнаго современника: „Что касается математики и естественныхъ наукъ, то здѣсь особенно благотворно дѣйствовалъ огромный талантъ и любовь къ дѣлу Гербарта; въ наукахъ филологическихъ замѣтны были упущенія въ грамматикѣ, эстетикѣ, реторикѣ и малый навыкъ въ письменныхъ работахъ". Подробнѣе см. статью Николаевскаго, стр. 52—53.

**) Читателямъ, интересующимся этимъ вопросомъ, мы могли бы указать на прекрасную статью R. Sternfeld'a (Zeitschrift für das Gymnasialwesen. 24 (1890) стр. 65 сл.) „Мы не ошибемся, говоритъ авторъ въ концѣ своей статьи, если скажемъ, что только исторія можетъ вложить въ филологію живую душу: иначе послѣдняя въ школѣ всегда обратится въ сухую грамматику, которая можетъ конечно развить формальное мышленіе ученика, но въ весьма малой мѣрѣ способна возбудить его интересъ"...

II. ХРОНИКА.

Археологическая хроника эллинскаго Востока.

Въ послѣднее двадцатилѣтіе особенное распространеніе получилъ способъ изученія древней топографіи и древнихъ памятниковъ посредствомъ раскопокъ. Онѣ дѣлаютъ возможнымъ въ области древняго міра достиженіе такого полнаго и реальнаго знанія, о которомъ нельзя было и подумать полъ-вѣка тому назадъ. Самыя сокровища археологическія за эти послѣднія десятилѣтія удвоились, а способы ихъ изученія до такой степени усовершенствовались, что даже такія недавнія свѣтила археологической науки, какъ Панофка († 1858), Гергардъ († 1867) и О. Янъ († 1869) кажутся теперь уже дѣятелями другой, весьма отдаленной, эпохи, а ихъ взгляды и теоріи, въ значительной степени, имѣютъ лишь историческое значеніе. Рядъ самыхъ неожиданныхъ и самыхъ важныхъ открытій во всѣхъ отрасляхъ вѣдѣнія древняго міра, пронесшійся передъ изумленнымъ взоромъ настоящаго научнаго поколѣнія, можно сравнить только съ великими открытіями эпохи Возрожденія. Слѣдствіемъ такого безпримѣрно быстраго накопленія знаній и усовершенствованія самыхъ методовъ является то быстрое антиквированіе, совершающееся иногда подъ руками составителя, которому подвергаются всякія попытки свода результатовъ или общаго изложенія. Не успѣетъ выйти въ свѣтъ, напр. новое изданіе „Исторіи греческой пластики" Овербека, какъ оно является уже устарѣвшимъ и притомъ въ существеннѣйшихъ частяхъ. Чтобы быть au courant состоянія науки въ каждый данный моментъ, современному археологу надо слѣдить постоянно за большимъ количествомъ повременныхъ изданій на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Въ Европѣ давно уже появились, однако, обзоры, имѣющіе цѣлью облегчить задачу подобнаго слѣженія, становящагося

даже для спеціалистовъ все болѣе и болѣе труднымъ. Не говоря уже о необходимости владѣнія многими языками, слѣдить за новой литературой можно, вообще, только въ большихъ центрахъ, обладающихъ богатыми библіотеками.

Подобные обзоры могутъ быть двоякаго рода. Во 1-хъ, библіографическіе, содержащіе или просто полный списокъ книгъ и статей соотвѣтствующаго содержанія, или сжатое и краткое изложеніе этого послѣдняго*). Во 2-хъ, реальные, т.-е. излагающіе въ краткихъ словахъ сущность новыхъ взглядовъ, высказанныхъ по тому или другому поводу, и отмѣчающіе новыя находки или въ порядкѣ географо-топографическомъ, или по родамъ памятниковъ**).

Мы рѣшаемся, по мѣрѣ нашихъ слабыхъ силъ, предложить подобный обзоръ читателямъ „Филологическаго Обозрѣнія". Въ обзорѣ нашемъ мы ограничимся эллинскимъ Востокомъ. По многимъ соображеніямъ намъ кажется болѣе удобнымъ придать ему характеръ реальный. Во 1-хъ, такой обзоръ всегда болѣе удобочитаемъ, чѣмъ библіографическій, хотя бы и излагающій содержаніе сочиненій. Во 2-хъ, библіографическій обзоръ приноситъ, въ сущности, пользу, какъ указатель книгъ и статей интересныхъ и важныхъ, и подразумѣваетъ, что лицо, пользующееся имъ, познакомится съ этими сочиненіями самостоятельно. Но послѣднее, опять-таки, возможно при условіяхъ, существующихъ у насъ въ Россіи развѣ только въ столицахъ. У большинства же читателей, живущихъ даже въ университетскихъ городахъ, онъ будетъ только напрасно раздражать ихъ любознательность. Въ 3-хъ, самый характеръ на-

---

*) Самые полные библіографическіе обзоры по археологіи въ послѣднее время появляются въ Jahrbuch des Kais. Deutsch. Archäol. Instituts I—VI. 1886—91.

**) Реальные обзоры до послѣдняго времени были въ модѣ у французовъ. Полнотою, знаніемъ дѣла и живостью изложенія отличаются Chroniques d'Orient C. Рейнака въ Revue archéologique (недавно изданныя особой книгою за 1883—90 гг. Paris. Didot). Удобные обзоры помѣщались до послѣдняго времени въ Revue des études grecques, издаваемомъ съ 1888. Въ Bulletin de correspondance Hellénique приступлено къ веденію очень подробной и точной хроники находокъ, цѣнной въ особенности потому, что составляется на мѣстѣ и при содѣйствіи лицъ, производившихъ самыя изслѣдованія. Первый обзоръ помѣщенъ въ послѣдней вышедшей книгѣ (III—IV. Mars — Juin 1891). Такимъ же точно способомъ реферируетъ Hülsen въ Röm. Mittheilungen о работахъ по топографіи Рима.

шей хроники, въ которой будетъ отводиться больше мѣста памятникамъ и находкамъ, чѣмъ изслѣдованіямъ, дѣлаетъ для нея болѣе удобною форму обзора реальнаго, въ родѣ хроникъ Рейнака.

При составленіи хроники мы будемъ пользоваться, по возможности, свѣдѣніями, идущими изъ первыхъ рукъ, какъ оффиціальные отчеты въ *Δελτίον ἀρχαιολογικόν*, *Ἐφημερὶς ἀρχαιολογική*, Bulletin de correspondance Hellénique, Athenische Mitteilungen и т. п. Кромѣ того, имѣя и надѣясь имѣть и въ будущемъ знакомыхъ, занимающихся археологіею спеціально на мѣстѣ, въ Греціи *), мы надѣемся, что будемъ поставлены въ возможность наводить могущія понадобиться справки.

Настоящая статья, долженствующая служить введеніемъ къ собственной „хроникѣ“, распадается на двѣ главныя части: a) характеристика современнаго состоянія археологіи въ Греціи и b) краткій перечень результатовъ замѣчательнѣйшихъ раскопокъ послѣднихъ 20-ти лѣтъ, отъ начала работъ Шлимана въ Гиссарлыкѣ (1870 г.).

Можно сказать, что археологія стоитъ въ настоящее время твердой ногой въ греческомъ королевствѣ. Правительство, сознавая важность изученія древнихъ судебъ отечества, дѣлаетъ всевозможное, чтобы, по мѣрѣ скромныхъ средствъ своихъ, способствовать этому изученію. Самымъ важнымъ нравственнымъ результатомъ этихъ стараній является фактъ, что, несмотря на соперничество богатыхъ и также правительственныхъ иностранныхъ учрежденій, каковы французская археологическая школа **), аѳинское отдѣленіе императорскаго германскаго археологическаго

*) Пока могу указать на С. А. Селиванова, любезно обѣщавшаго мнѣ содѣйствіе въ этомъ духѣ.

**) École française d'Athènes, основанная при Луи Филиппѣ въ 1846 г., преобразована въ 1874. Съ тѣхъ поръ директорами были A. Dumont, P. Foucart (1878—90). Homolle (съ 1890 г.). Съ 1877 года издаетъ Bulletin de Correspondance Hellénique, отличающійся въ особенности богатствомъ новаго эпиграфическаго матеріала. См. Ad. de Ceulener. L'école française d'Athènes. Gent 1880. С. О. Цыбульскій. Французскій археологическій институтъ въ Аѳинахъ. Въ журн. Гимназія. 1891 г.

института*), недавно основанныя школы: англійская, американская**), оно является во главѣ археологическаго дѣла и всему задаетъ тонъ. И достигается это не какими-либо репрессаліями по отношенію къ иностранцамъ — напротивъ и раскопки и всякія другія изслѣдованія весьма легко разрѣшаются, разумѣется подъ руководствомъ и наблюденіемъ правительственнаго комиссара, одного изъ ниже упоминаемыхъ ефоровъ, — но тѣмъ, что оно держитъ себя на высотѣ своего призванія, производя отъ своего имени важныя изслѣдованія. Достаточно упомянуть образцовое систематическое изслѣдованіе акрополя, продолжавшееся четыре слишкомъ года и приведшее къ блестящимъ результатамъ. Завѣдываніе археологическимъ дѣломъ находится въ рукахъ особой коммиссіи при министерствѣ „исповѣданій и просвѣщенія", называемой „ефоріей древностей и музеевъ" (*Ἐφορία τῶν ἀρχαιοτήτων καὶ μουσείων*). Предсѣдательствуетъ въ ефоріи главный ефоръ (*γενικὸς ἔφορος*), въ настоящее время г. Панагіотъ Каввадія (*Καββαδίας*), ведущій съ замѣчательной энергіей и практическимъ знаніемъ дѣла археологическую часть къ усовершенствованію. Ефорія древностей издаетъ *Δελτίον ἀρχαιολογικόν*, въ который входятъ оффиціальные отчеты о раскопкахъ, приращеніяхъ музеевъ и т. п. Отдѣльными книжками *Δελτίον* сталъ появляться съ 1888 г.

Наряду съ „Ефоріей", какъ учрежденіемъ правительственнымъ, слѣдуетъ назвать частное учрежденіе, но также весьма много сдѣ-

---

*) Основано въ 1874 г. Первые секретари O. Lüders, U. Köhler (1874—86. Знаменитый эпиграфикъ, нынѣ берлинскій профессоръ и академикъ), Eug. Petersen, W. Dörpfeld (по спеціальности архитекторъ, производившій массу раскопокъ; наилучшій знатокъ памятниковъ Греціи въ настоящее время). Съ 1876 издаетъ Mitteilungen. См. Michaelis. Geschichte des Deutschen archäologischen Instituts 1829—79. Къ пятидесятилѣтію открытія Института въ Римѣ.

**) Англійская школа имѣетъ въ настоящее время директоромъ Гарднера, а американская, содержимая на средства, доставляемыя складчиною университетовъ Америки, часто мѣняетъ своихъ представителей. Въ настоящее время ею завѣдуетъ Вальдштейнъ. Въ послѣднее время ходили слухи объ основаніи итальянской школы. Намъ прискорбно, конечно, что нѣтъ до сихъ поръ русской школы. Пока дѣло ограничивалось командировками отдѣльныхъ лицъ. Съ 1880 г. были командированы слѣдующія лица: В. В. Латышевъ, В. К. Ернштедтъ, Д. Н. Корольковъ, А. В. Никитскій, Н. И. Новосадскій, авторъ этихъ строкъ, С. А. Селивановъ, Р. А. Леперъ, не считая ученыхъ, бывавшихъ въ Греціи проѣздомъ. Теперь скоро откроется русскій институтъ въ Константинополѣ, главной цѣлью котораго будетъ Византія.

давшее для изученія древностей Греціи. Это „Археологическое греческое общество" (*Ἡ ἐν Ἀθήναις ἀρχαιολογικὴ ἑταιρία)*, имѣющее въ предѣлахъ королевства и за границей (по послѣднему отчету) 224 члена, взносящихъ ежегодно не менѣе 15 драхмъ. или 100 драхмъ единовременно. Кромѣ того общество дважды въ годъ производитъ розыгрышъ лоттереи, ставшей очень популярной и доставляющей ему значительныя суммы. Предсѣдателемъ его состоитъ въ настоящее время А. Контоставлосъ, а секретаремъ Несторъ греческихъ археологовъ, С. А. Куманудисъ, оказавшій большія услуги греческой эпиграфикѣ. Общество основано въ 1837 г. и продолжаетъ свою дѣятельность съ перерывами до настоящаго времени. Дѣятельность эта направлена главнымъ образомъ на изслѣдованіе посредствомъ раскопокъ различныхъ интересныхъ пунктовъ, на собраніе коллекцій древностей посредствомъ покупки и на изданіе памятниковъ. Органъ, издаваемый обществомъ, *Ἐφημερὶς ἀρχαιολογική*, раздѣляется на три серіи: 1-я съ 1837—60 гг.; 2-я съ 1862—74; 3-я съ 1883 до настоящаго времени. Въ промежуткѣ между 1874 и 1883 годами издавался обществомъ профессоровъ аѳинскаго университета *Ἀθήναιον*, общенаучнаго содержанія, въ которомъ издавались и памятники древности, по преимуществу эпиграфическіе. Послѣдняя серія „Ефимериды" по своему внѣшнему изяществу и по рисункамъ не уступаетъ европейскимъ археологическимъ изданіямъ. Кромѣ „Ефимериды", общество публикуетъ еще ежегодные оффиціальные отчеты: „*Πρακτικά*". Такъ какъ раскопки общества ведутся обыкновенно правительственными ефорами, то отчеты *τῶν πρακτικῶν* въ послѣднее время стали тождественны съ отчетами, помѣщаемыми тѣми же лицами въ *Δελτίον*. Такимъ образомъ появленіе *πρακτικῶν* въ прежнемъ видѣ является въ настоящее время излишнимъ, и раздаются голоса, рекомендующіе Обществу сосредоточить все свое вниманіе на „Ефимеридѣ", появляющейся въ послѣднее время довольно неаккуратно, вслѣдствіе нѣсколько пошатнувшихся въ концѣ 80-хъ годовъ средствъ общества *).

*) Изъ греческихъ учрежденій, находящихся въ предѣлахъ Турціи, особое вниманіе на древности обращаютъ: *Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς φιλολογικὸς σύλλογος*, издающій свои труды (1860—1887), и *Εὐαγγελικὴ Σχολή* въ Смирнѣ, издающая *Μουσεῖον καὶ βιβλιοθήκη*, послѣдній выпускъ котораго вышелъ въ 1886 году.

Кромѣ раскопокъ (перечень главнѣйшихъ изъ нихъ мы дадимъ позже) большое вниманіе греческаго правительства обращено въ настоящее время на устройство какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ провинціяхъ музеевъ, стоящихъ на высотѣ современныхъ научныхъ требованій. Благодаря энергіи Каввадіи, музеи Аѳинъ въ нѣсколько лѣтъ стали на европейскую ногу, тогда какъ прежде они представляли собою просто склады мраморовъ, даже толкомъ не инвентаризованные, помѣщающіеся въ подвалообразныхъ камерахъ съ землянымъ поломъ *). Въ его же завѣдываніе положено начало устройству музеевъ по эпархіямъ**). То, что прежде называлось музеями въ греческихъ городкахъ и деревняхъ, было обыкновенно не что иное, какъ комната, иногда въ подвальномъ помѣщеніи, въ зданіи школы или димархіи, заключающая складъ, или иногда просто свалъ древностей, разобраться въ которомъ было чрезвычайно трудно. Заключая въ себѣ вообще мало предметовъ и еще менѣе интересныхъ, такіе музеи, разумѣется, пропадали для большинства путешественниковъ, въ особенности до появленія путеводителя Бедекера, въ которомъ перечислены главнѣйшія изъ подобныхъ собраній. Конечно и теперь еще очень много остается сдѣлать въ этомъ направленіи, такъ какъ вниманіе правительства и средства его поглощены приведеніемъ въ порядокъ аѳинскихъ музеевъ. Но общій планъ преобразованія провинціальныхъ музеевъ намѣченъ, и то, что уже сдѣлано теперь, заслуживаетъ полнаго вниманія и признательности. Кромѣ великолѣпнаго музея Олимпіи, построеннаго на

*) Изъ общихъ публикацій, касающихся аѳинскихъ музеевъ, слѣдуетъ упомянуть: *A. Milchhöfer*, Die Museen Athens. Athen 1881. Общій обзоръ главныхъ предметовъ для туристовъ. *L. v. Sybel*, Katalog der Sculpturen zu Athen. Marburg. 1881. Плодъ громаднаго труда. Полное перечисленіе всѣхъ даже незначительныхъ фрагментовъ, но абсолютно безполезный. Найти что-либо по этому каталогу, не говоря уже теперь, когда все перемѣщено, но и въ пору его составленія, по согласному отзыву всѣхъ занимающихся, невозможно. Фототипическое изданіе Ромаидиса: Les musées d'Athènes остановилось на 2-мъ выпускѣ. Въ общей сложности 16 таблицъ.

**) Королевство раздѣляется на 16 номовъ, номы же на эпархіи. Лучшія свѣдѣнія по археологической топографіи Греціи можно найти въ путеводителѣ Бедекера, Griechenland. 2-е изд. 1888 г., археологическій отдѣлъ котораго составлялся такими спеціалистами, какъ Дерпфельдтъ,Оллингъ, Пургольдъ, Векуле и др. Также въ Meyer's, Orient. I. Спеціальный путеводитель по Аѳинамъ Haussoulier, Athènes et ses environs. Paris 1888.

средства извѣстнаго богача Сингроса, можно назвать музеи Спарты, о-ва Микона, заключающій делосскія находки, о-ва Сиры, долженствующій соединить всѣ остальныя древности Кикладъ. Наконецъ въ Триполицѣ (между древними Тегеей и Мантинеей) проектированъ музей, который сосредоточитъ въ себѣ всѣ древности сѣвернаго Пелопоннеса. Музеи другихъ мѣстъ, какъ Ѳивъ, Дельфъ, Аргоса, Тегеи, Танагры, Еретріи, Херонеи, Ѳеспій, Микенъ и др. еще ждутъ своей реформы.

На основаніи общаго закона наиболѣе замѣчательные предметы, находимые въ предѣлахъ королевства, доставляются въ аѳинскій „Національный археологическій музей“ *(᾽Εθνικὸν ἀρχαιολογικὸν Μουσεῖον)*, еще не вполнѣ оконченный постройкой и лишь на небольшую часть открытый для публики. Пока открыто для обозрѣнія шесть залъ, заключающихъ исключительно скульптуры. Когда музей будетъ окончательно готовъ, то кромѣ еще цѣлаго ряда залъ съ скульптурами меньшаго достоинства, онъ будетъ заключать въ себѣ и антикваріумъ (собраніе мелкихъ древностей: вазъ, терракоттъ, металлическихъ вещей), часть котораго находится пока въ музеѣ Политехнической школы (о которомъ ниже).

Первая изъ доступныхъ публикѣ залъ*) представляетъ богатѣйшее собраніе архаическихъ произведеній, могущее поспорить развѣ лишь съ такимъ же собраніемъ на Акрополѣ. Изучать греческую архаику, вообще, можно теперь только въ Аѳинахъ. Слѣдующіе залы заняты произведеніями позднѣйшихъ эпохъ, между которыми много интересныхъ, но мало выдающихся. Во второй залѣ помѣщаются двѣ античныя копіи Фидіевской Аѳины-Дѣвы, „Элевсинскій рельефъ“, съ изображеніемъ элевсинской тріады, въ Элевсинѣ же найденная голова, признаваемая нѣкоторыми за голову Евбулея, работы Праксителя**). Интереснѣйшими предметами

---

*) См. *Κατάλογος τοῦ κεντρικοῦ ἀρχαιολογικοῦ Μουσείου ὑπὸ Π. Καββαδία. Τεύχη α′ καὶ β′.* Аѳ. 1886—7. Есть и на французскомъ языкѣ. Въ настоящее время приготовляется болѣе полное изданіе. Краткое указаніе на главнѣйшія скульптуры въ упомянутыхъ въ предъид. прим. путеводителяхъ.

**) Это предположеніе въ весьма утвердительной формѣ было высказано одновременно Бенндорфомъ и Фуртвенглеромъ. Оспариваютъ его Вольтерсъ и Кернъ (въ его статьѣ въ Ath. Mitt. 1891 стр. 1 и сл. сопоставлена вся литература вопроса). Бруннъ въ Denkmäler Gr. und Röm. Sculptur подписалъ подъ таблицей съ изображеніемъ этой головы: «Sog. Eubuleus».

третьей залы можно считать фронтонныя группы изъ Эпидавра, изображающія извѣстные сюжеты амазономахіи и кентавромахіи, а также метопы съ изображеніемъ Асклепія Эпидаврійскаго, являющіяся, такимъ образомъ, новымъ подспорьемъ для уразумѣнія стиля произведеній школы Фидія. Въ этой же залѣ извѣстная статуя Гермеса съ о. Андроса. Въ большой четвертой залѣ мало интереснаго. Остановиться можно развѣ на колоссальномъ Посидонѣ съ о. Мелоса и Афродитѣ изъ Эпидавра, отличающейся роскошной драпировкой. Въ проходной пятой залѣ находится мастерской торсъ павшаго на колѣни воина съ о. Делоса, въ которомъ видятъ изображеніе побѣжденнаго галата, можетъ быть составлявшаго часть группы, посвященной кѣмъ-либо изъ пергамскихъ царей *).

Но навѣрное никто не выходилъ безъ глубокаго впечатлѣнія изъ шестой залы — залы надгробій. Работа большинства изъ этихъ памятниковъ не выше посредственности, есть даже несомнѣнные признаки, такъ сказать, рыночнаго приготовленія ихъ, какъ напримѣръ, позднѣе вставленныя головы въ готовый уже торсъ. Но здѣсь производитъ впечатлѣніе не работа, а та струя тихой, но глубокой грусти, которая разлита въ большинствѣ этихъ памятковъ. Когда обозрѣваешь катакомбы и христіанскіе памятники Рима, то выносишь изъ этихъ обителей смерти поднятое, почти радостное настроеніе. Такъ все дышитъ тамъ твердой вѣрой и надеждой на будущую жизнь, на лучшую участь усопшихъ. Здѣсь— наоборотъ самая теплая любовь и самая глубокая скорбь, сознаніе невозвратной, незамѣнимой потери. Усопшій представленъ, по большей части, сидящимъ. Иногда служанка подвязываетъ сандаліи госпожѣ, сбирающейся въ дальній, неизвѣданный путь. Усопшій окруженъ родственниками, прощающимися съ нимъ посредствомъ рукопожатія. Одинъ изъ рельефовъ представляетъ прощаніе матери съ малюткой, стоящей у ея колѣнъ и протягивающей къ ней рученки. Другой — человѣка, сидящаго въ безутѣшной грусти на носу корабля: это, вѣроятно, жертва кораблекрушенія. Наиболѣе древніе изъ такихъ памятниковъ, отличающіеся продолговатой формой и плоскостью рельефа, изображаютъ, обыкновенно, только одну фигуру умершаго, иногда въ сопровожденіи любимой

*) О немъ см. Sal. Reinach, Bull. de Corr. Hellen. 1884, стр. 178; 1889, стр. 113. P. Wolters, Ath. Mitt. 1890, p. 188.

собаки. Воины изображены въ полномъ вооруженіи, иногда въ моментъ своего подвига, стоившаго имъ жизни и т. д. Повторяю, что этотъ отдѣлъ надгробій — если не самая замѣчательная, то оставляющая наиболѣе сильное впечатлѣніе часть музея. Обширная площадь, отдѣляющая зданіе музея отъ улицы, также вся превращена въ подобіе кладбища съ массой второстепенныхъ надгробій и разныхъ другихъ фрагментовъ.

Рядомъ съ центральнымъ музеемъ находится обширное и великолѣпное зданіе Политехнической школы, въ которомъ временно помѣщается, до окончанія центральнаго музея, собраніе древностей, принадлежащее отчасти правительству, отчасти упомянутой Археологической гетеріи *). Частью наиболѣе извѣстною и привлекающею наибольшее количество публики, слѣдуетъ считать, конечно, знаменитое собраніе микенскихъ находокъ покойнаго Шлимана **). Мы не имѣемъ здѣсь возможности хоть сколько-нибудь подробно коснуться этого всемірно-извѣстнаго собранія. Къ нему въ послѣднее время присоединены коллекціи предметовъ „микенскаго" стиля, находившихся въ другихъ мѣстахъ Греціи (Мениди, Спата — въ Аттикѣ, Димини — близъ Воло, Вафіо — въ Лаконикѣ и др.). Но и три остальныя отдѣленія этого музея заслуживаютъ полнаго вниманія даже со стороны обыкновеннаго туриста. Одно изъ нихъ — небольшое, но избранное собраніе египетскихъ древностей, есть подарокъ богатаго грека Іоанна Димитріу, постоянно живущаго въ Александріи. Два другія: коллекція вазъ ***) и терракоттъ ****). Эти послѣднія чрезвычайно богаты и въ особенности въ качественномъ отношеніи оставляютъ далеко за собою многія гораздо болѣе многочисленныя коллекціи, состоящія изъ старыхъ находокъ въ итальянскихъ некрополяхъ (напр. Мюнхенскую, Эрмитажную и др.). Собраніе терракоттъ обладаетъ самыми лучшими экземплярами танагрскихъ и другихъ фабрикъ, безспорная подлинность которыхъ составляетъ не послѣднее ихъ достоинство въ виду массы

*) Краткое обозрѣніе у Бедекера, стр. 95—100.

**) Кромѣ сочиненій, приводимыхъ ниже, когда коснемся самыхъ раскопокъ см. краткій Catalogue des Trésors de Mycènes au Musée d'Athènes. Leipz. 1882, составленный самимъ *Шлиманомъ*.

***) *M. Collignon*, Catalogue des vases peints du musée de la société arch. d'Athènes. Paris, 1878. Устарѣлъ, но новѣйшихъ обработокъ пока не появлялось.

****) *J. Martha*, Cat. des figurines en terre cuite du mus. de la soc. etc. Par. 1880. Тоже устарѣлъ.

самыхъ ловкихъ поддѣлокъ, распространившихся въ послѣднее время по рукамъ любителей и нашедшихъ себѣ доступъ даже въ такіе музеи, какъ Луврскій и Берлинскій. Съ этими коллекціями соединено собраніе разныхъ мелкихъ золотыхъ, бронзовыхъ и т. п. вещей. Въ особенности для насъ интересно въ этихъ произведеніяхъ чисто греческой почвы подчасъ доходящее до тождественности совпаденіе ихъ формъ съ формами вещей, находимыхъ у насъ на югѣ Россіи (нѣкоторыя совершенно особыя формы роскошныхъ вазъ, золотыя серьги съ изображеніемъ амфоръ, Амуровъ и т. п.).

Третье замѣчательнѣйшее собраніе древностей въ Аѳинахъ — это музей Акрополя, помѣщающійся въ двухъ небольшихъ домикахъ, построенныхъ на обрывѣ скалы къ ю. в. отъ Парѳенона и совершенно незамѣтныхъ снизу, съ бульвара Филеллиновъ, огибающаго Акрополь у его южной подошвы. Собственно для публики открыто только одно изъ этихъ зданій, сосредоточивающее въ себѣ все замѣчательнѣйшее изъ находокъ на Акрополѣ *). Здѣсь также царитъ архаика и притомъ въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ, сохранившихъ еще мѣстами значительные слѣды красокъ. Обозрѣніе начинается обыкновенно съ залы, находящейся налѣво отъ вестибюля. Она заключаетъ единственные въ своемъ родѣ фронтонные барельефы изъ мягкаго туфа, изображающіе борьбу Геракла съ Гидрой, Тритономъ (два фронтона) и борьбу Зевса и Геракла съ Тифономъ**), и принадлежащіе, судя по различнымъ размѣрамъ и техникѣ, къ различнымъ зданіямъ до-персидской эпохи. Въ этой-же залѣ находится знаменитая „всходящая на колесницу богиня“, *πίναξ* съ изображеніемъ воина, бронзовая голова воина и много другихъ болѣе мелкихъ произведеній. Вторая зала заключаетъ небольшіе остатки фронтонной группы, изображавшей Аѳину въ борьбѣ съ гигантами, двѣ сидящія статуи Аѳины и весьма грубыхъ архаическихъ всадниковъ. Третья зала наполнена терракоттами и архаическими надписями. Четвертая зала — бронза и архитектурныя части. Пятая зала, между предметами второсте-

*) Перечисленіе главныхъ предметовъ у Бедекера, Мильхöфера, хотя то и другое устарѣло. Въ послѣднее время изданъ: *Πρόχειρος ὁδηγὸς διὰ τὸν ἐπισκέπτην τῆς Ἀκροπόλεως*, котораго я не видалъ.

**) Изъ довольно уже обширной литературы упомяну о статьяхъ Brückner'a Ath. Mitt. 1889, стр. 67 и 1890, стр. 84.

пеннаго достоинства, заключаетъ знаменитаго Гермеса Мосхофора, стоящаго теперь на недавно найденномъ оригинальномъ постаментѣ, съ посвятительной надписью *). Шестая зала представляетъ главную гордость музея. Здѣсь подъ стеклянными колпаками находятся 14 раскрашенныхъ женскихъ торсовъ, въ числѣ которыхъ находится одна статуя, приписываемая нѣкоторыми знаменитому Антенору **). Седьмая и осьмая комнаты заняты скульптурами Пароенона, изъ которыхъ здѣсь мало въ оригиналахъ, но и между этими немногими есть замѣчательные куски; такъ наприм. значительная часть фриза, нѣсколько метопъ и незначительныя части фронтонныхъ группъ. Съ остальныхъ скульптуръ, находящихся, какъ извѣстно, въ Лондонѣ, здѣсь хранятся гипсовые слѣпки. Девятая комната посвящена скульптурамъ балюстрады храма безкрылой Ники и фризу Эрехтейона, и, наконецъ, въ десятой собраны обломки болѣе позднихъ временъ.

Чтобы покончить съ коллекціями древностей, упомяну еще о нѣкоторыхъ частныхъ собраніяхъ, находящихся въ Аоинахъ. Любопытнѣйшимъ изъ нихъ было собраніе троянскихъ находокъ въ домѣ Шлимана. Собраніе это, помѣщавшееся въ двухъ комнатахъ нижняго этажа, незначительно ни по количеству, ни по качеству предметовъ (все лучшее, какъ извѣстно, отдано Шлиманомъ въ Берлинъ). Оно имѣло значеніе, главнымъ образомъ, для самого владѣльца, какъ собраніе предметовъ почему-либо лично интересовавшихъ знаменитаго изслѣдователя и напоминавшихъ ему его многотрудныя и обильныя результатами работы въ Гиссарликѣ. Въ Аоинахъ это собраніе, всегда открытое для желающихъ, было любопытнымъ панданомъ къ сокровищамъ доисторическихъ эпохъ, собранныхъ въ Политехникумѣ. Теперь, послѣ смерти Шлимана, его домашнее собраніе тоже, кажется, перейдетъ въ Берлинъ.

*) См. *Winter*, Ath. Mitt. 1888, стр. 113.

**) Изъ литературы о всѣхъ вообще этихъ статуяхъ слѣдуетъ указать изображенія ихъ въ Musées d'Athènes и въ Antike Denkmäler I. Статьи Lechat въ Bull. de Corr. Hellen. 1890 и Théoxénou (псевдонимъ) въ Gazette Archéol. 1888. I—VI. Что касается статуи Антенора, то ее впервые призналъ за таковую, подыскавъ къ ней базу съ надписью этого художника, Studniczka въ Jahrbuch des Instituts II, стр. 135 сл. Большинство признало его доводы. Противъ принадлежности базы Антенора къ этой статуѣ высказались: E. Gardner, Journ. of Hellen. Stud. X, стр. 278, сл. и Heberdey. Ath. Mitt. 1890, стр. 126 сл.

Другое замѣчательное собраніе — это собраніе г. Константина Карапаноса, греческаго государственнаго человѣка, собственника территоріи знаменитой въ древности своимъ оракуломъ Додоны. Собраніе заключаетъ почти исключительно бронзы и состоитъ, главнымъ образомъ, изъ результатовъ раскопокъ Карапаноса на мѣстѣ древняго святилища*). Нѣкоторые изъ предметовъ единственные въ своемъ родѣ. Замѣчателенъ рядъ свинцовыхъ дощечекъ съ надписями, заключающими вопросы оракулу, гдѣ постоянно вопрошающій обращается къ Зевсу Храмовому и Діонѣ**). Собраніе имѣетъ значеніе въ особенности, какъ коллекція древностей, найденныхъ въ одномъ мѣстѣ, что̀ въ нѣк. отношеніяхъ очень важно. Въ опредѣленные дни и часы оно открыто для публики***).

Слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ коллекціяхъ, составъ которыхъ, однако, подверженъ перемѣнамъ, такъ какъ владѣльцы ихъ занимаются также и продажей древностей. Это коллекціи Ламброса и бывшаго профессора Руссопулоса. Первый обладаетъ, между прочимъ, богатѣйшей коллекціей византійскихъ монетъ, а второй античныхъ. Разумѣется побочная цѣль, преслѣдуемая владѣльцами, заставляетъ ихъ подчасъ прибѣгать къ мѣрамъ, корыя могутъ показаться неудобными съ чисто научной точки зрѣнія. Такъ, напр., они не дозволяютъ копировать свои предметы въ виду того, что коллекціонеры охотнѣе и дороже покупаютъ вещи неизданныя. Кромѣ гг. Ламброса и Руссопулоса, въ Аѳинахъ существуетъ еще масса торговцевъ древностями. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ отличные магазины на лучшихъ улицахъ (Дракопулосъ, Полихронопулосъ, торгующій подъ фирмою „Minerva“ и др.), нѣкоторые ютятся по переулкамъ и тутъ, наряду съ продажей древностей, практикуютъ свое темное ремесло поддѣлокъ и „сдабриванія“ негодныхъ обломковъ****). Вообще контрафакція древностей

*) Замѣчательнѣйшіе предметы изданы Карапаносомъ въ изданіи: Dodone et ses ruines (63 табл.) 2 тома. Paris 1878.

**) Додонскія надписи, заключающія вопросы оракулу, недавно изданы въ извѣстномъ сборникѣ Collitz'a Hoffmann'омъ. Orakelinschriften von Dodona, 1890. О нихъ же см. H. R. Pomtow. Die Orakelinschr. v. D. въ Jahrbücher f. kl. Philol. 1883, стр. 305, слл.

***) Кромѣ собранія г. Карапаноса, мнѣ довелось видѣть небольшую, но интересную коллекцію додонскихъ бронзъ у нашего консула въ Палермо г. Троянскаго, бывшаго прежде консуломъ въ Янинѣ, находящейся по сосѣдству съ Додоной.

****) Не могу не припомнить по этому поводу случая, бывшаго со мной у одного изъ такихъ алхимиковъ. Это былъ мой хорошій знакомый, у котораго, между

чрезвычайно сильно распространена въ Греціи. Не только изъ Аѳинъ и изъ греческихъ городовъ Малой Азіи (въ особенности Смирны), но даже изъ-за границы, изъ Италіи, Австріи, Франціи поддѣльныя древности присылаются на комиссію въ греческіе провинціальные города и даже деревни, такъ какъ многіе туристы съ бо́льшимъ довѣріемъ относятся къ предметамъ, покупаемымъ ими въ деревняхъ *). Разъ коснувшись торговли древностями, нельзя не упомянуть закона, воспрещающаго вывозъ ихъ изъ предѣловъ королевства. Закону этому, въ особенности въ такой абсолютной формѣ, я, по крайней мѣрѣ, не сочувствую. Классическая древность есть достояніе общечеловѣческое и греки, казалось бы, должны были гордиться этимъ. Разумѣется, подобно тому какъ и въ Италіи, законъ могъ бы ограничивать экспортъ древностей предметами, не представляющими ничего изъ ряду вонъ выходящаго, или прямо интереснаго на мѣстѣ. Подобно тому какъ въ Италіи, можно было бы обязать предъявлять древности, назначенныя къ вывозу, въ дирекцію, т.-е. въ греческую ефорію для полученія пропускного листа, предъявляемаго на границѣ. Эта мѣра предупредила бы многія злоупотребленія, къ которымъ прибѣгаютъ теперь и которыя, однако, благодаря содѣйствію самихъ же грековъ, въ большинствѣ случаевъ удаются, и вмѣстѣ съ тѣмъ открыла бы еще одну доходную статью въ бюджетѣ ефоріи.

А. Щукаревъ.

прочимъ, мнѣ удалось купить замѣчательный фрагментъ надписи C. I. A. п. 1, и потому я довольно свободно рылся въ его витринахъ. Однажды, разбираясь въ витринѣ съ мелкими вещами изъ глины, мнѣ удалось между глиняными оттисками съ монетъ (находящимися во множествѣ) увидѣть такой же оттискъ съ обыкновенной резинки, съ чрезвычайно ясной надписью Radir-Gummi. Жалѣю, что тотчасъ же указалъ моему почтенному пріятелю на его шарлатанство и не купилъ эту интересную «древность». Это была, конечно, проба глины. Торговецъ тотчасъ же стеръ ее въ мелкій порошокъ. Другой разъ уже у коллекціонера, подъ рукой торгующаго, — это было въ Патрасѣ, — мнѣ удалось увидѣть «античный» камей съ изображеніемъ памятника Петра Великаго въ Петербургѣ.

*) Разъ въ Триполицѣ моимъ товарищамъ по путешествію предлагали чудную аттическую декадрахму за баснословно дешевую цѣну — 300 драхмъ. (Эта рѣдчайшая монета цѣнится отъ 2 до 3 тысячъ фр.). Мои знакомые чуть не купили, но нашъ гидъ, бывшій во враждѣ съ продавцемъ, вывелъ его на чистую воду, раскрывъ довольно грязную исторію, въ которую замѣшанъ былъ одинъ крупный аѳинскій торговецъ древностями. Исторія впослѣдствіи подтвердилась.

VARIA.

— Французское правительство ассигновало въ нынѣшнемъ году 500.000 франковъ на производство раскопокъ въ Дельфахъ.

— Берлинская Академія Наукъ въ общемъ засѣданіи 4 іюня сего года ассигновала, между прочимъ, 5000 марокъ на продолженіе изданія комментаторовъ Аристотеля, 3000 марокъ на печатаніе дополнительныхъ томовъ къ CIL, и столько же на продолженіе работъ по изд. сборника греческихъ надписей.

— Испанское правительство проектируетъ учрежденіе въ Аѳинахъ археологическаго института на подобіе извѣстнаго нѣмецкаго института.

— Французской академіей въ нын. году даны слѣдующія преміи за сочиненія по класс. филологіи: 1) премія Монтіона (2000 фр.) — Жирару за соч. „Воспитаніе у аѳинянъ въ V и IV в. до Р. Х.". — 2) Изъ премій Жанена — 1200 фр. Октаву Коттро за переводъ „De consolatione philosophiae" Боэція, 1200 фр. Ла-Вилль де-Мирмонту за переводъ Мозеллы Авзонія и 600 фр. Констану за переводъ Саллюстія. — 3) Премія Десперуза въ 1000 фр. Жану Бертеруа за соч. „Античныя женщины". — 4) Перро́ и Шипье за свою „Исторію искусства въ древности" получили премію Фульда. — 5) Премія Бордена (въ 2500 фр.) досталась Гиро за „Исторію поземельной собственности у грековъ". — На преміи 1891 года даны темы: 1) Etudier la tradition des guerres médiques, déterminer les éléments dont elle s'est formée, en examinant le recit d'Hérodote et les données fournies par d'autres écrivains. — 3) Etudier les sources qui ont servi à Tacite pour composer ses annales et ses histoires. — 3) На премію Брюне въ 3000 фр.: Dresser le catalogue des copistes de manuscrits grecs. — На 1892 годъ, на премію Бордена: Rechercher ce que Catulle doit aux poètes alexandrins et ce qu'il doit aux vieux lyriques grecs; на премію Кузена: La philosophie de la nature chez les anciens.

— Въ Керчи, древней Тавридѣ, раскопана большая древне-христіанская гробница; стѣны ея испещрены греческими надписями.

— Frinders Petrie нашелъ въ Файумѣ отрывки изъ Еврипида, которые и были прочитаны Сейсомъ и Магаффи. Рукопись относится ко времени около 230 г. до Р. Х. и заключаетъ въ себѣ конецъ затерянной трагедіи „Антіопа". Оба сына Зевса и Антіопы заявляютъ притязаніе на власть надъ Ѳивами, гдѣ царствуетъ Ликъ. По порученію Зевса Гермесъ водворяетъ миръ и Ликъ уступаетъ; затѣмъ, когда оба брата начинаютъ между собою борьбу, Гермесъ заявляетъ, что подъ звуки Амфіоновой лиры камни сами собой уложатся и образуютъ стѣну вокругъ Ѳивъ.

— Lanciani нашелъ въ Римѣ возлѣ дворца Сфорца-Чезарини знаменитое мѣсто Terentum или Tarentum, гдѣ въ древнія времена справлялся вѣковой юбилейный праздникъ.

— По сообщенію Messager d'Athénes въ мартѣ текущаго года американцы нашли въ Эретріи саркофагъ съ буквами ..ristoteles. Очень возможно, что это гробница знаменитаго Аристотеля, который, по преданію, умеръ въ гор. Халкидѣ у Эврипа.

— Американскій арх. институтъ въ Аѳинахъ подъ руководствомъ своего директора Вальдштейна производитъ въ настоящее время раскопки въ Эретріи (на Эвбеѣ). О найденныхъ тамъ недавно остаткахъ древняго театра Дерпфельдъ сообщаетъ слѣдующее (въ Phil. Wochenschrift 1891, стр. 514): „До сихъ поръ открыто все зданіе сцены и часть орхестры. Сохранилась стѣна фундамента сцены и часть верхней ея стѣны. Передъ собственнымъ зданіемъ сцены нѣтъ логея, но, какъ въ Эпидаврѣ, Мегалополѣ, Аѳинахъ и другихъ городахъ, прямо проскеній, украшенный пилястрами и построенный на томъ же самомъ мѣстѣ и по такому же чертежу, какіе указываетъ Витрувій для греческихъ театровъ своего времени. Эта декораціонная стѣна, іоническаго стиля, имѣетъ по срединѣ одну только дверь, что наблюдается и въ другихъ театрахъ. Вышину ея можно опредѣлить прибл. въ 3—3,50 метра. Передъ нею лежитъ образующая полный кругъ орхестра. Особенность этого театра заключается въ томъ, что полъ сценическаго зданія вслѣдствіе мѣстныхъ условій возвышается на $3^1/_2$ метра надъ стилобатомъ проскенія; слѣдовательно онъ, по всей вѣроятности, лежалъ на одинаковой высотѣ съ крышей послѣдняго. Такимъ образомъ пройти изъ орхестры черезъ дверь проскенія во внутреннее помѣщеніе сцены можно было только при помощи лѣстницы. При раскопкахъ эта лѣстница и была найдена. Оказывается, что къ двери проскенія примыкалъ крытый ходъ подъ поломъ сценич. зданія, который заканчивался лѣстницей, ведшей наверхъ. Актеру же, если ему приходилось удалиться со сцены, не было никакой надобности совершать весь этотъ длинный путь: до новаго выхода онъ могъ стоять за стѣной проскенія („за кулисами"). Но наиболѣе важнымъ результатомъ раскопокъ является открытіе подземнаго хода, ведшаго отъ пространства за проскеніемъ къ самой серединѣ орхестры. Благодаря этому ходу актеръ могъ незамѣтно пробраться изъ внутренняго помѣщенія сцены въ орхестру и неожиданно на ней показаться. Такъ какъ главнымъ возраженіемъ противъ допущенія игры въ орхестрѣ и на ѳимелѣ служила невозможность исчезновенія актера, то это открытіе подземнаго хода является очень важнымъ даннымъ для сужденія о способѣ игры въ древне-греческомъ театрѣ".

— Къ *Odyss.* XIX, 572—575 и XXI, 120—123. Ameis и переработавшій его изданіе Hentze полагали, что топоры при состязаніи жениховъ Пенелопы остріемъ своимъ были воткнуты въ землю на опредѣленномъ разстояніи одинъ отъ другого, притомъ такъ, что головки съ ушками (*στειλειαί* XXI, 422) образовали прямую линію. Ясно, что ушки комментаторы видѣли на концѣ топорища, что рѣшительно ничѣмъ не подтверждается. Ср. и про-

извольный переводъ Жуковскаго. — Допустить, что стрѣлы попадали въ особое кольцо или ушко, бывшее внѣ топора, мѣшаетъ выраженіе *διοϊστεύσειν σιδήρου* (XXI, 97 и др.) = пронизать стрѣлой самое желѣзо, изъ коего были сдѣланы топоры (*πολιόν τε σίδηρον*, ib. 3), имѣвшіе, повидимому, рукоятки изъ мѣди (ср. XXI, 61: *ἔνθα σίδηρος κεῖτο πολὺς καὶ χαλκὸς, ἀέθλια τοῖο ἄνακτος*). Слѣд., на остріѣ топора должны были находиться отверзтія, чрезъ кои пролетала стрѣла. Это и подтверждается найденнымъ въ гробницѣ въ Вафіо бронзовымъ топоромъ, относящимся ко времени до Гомера. Вышина и ширина его — 0,145 м., онъ имѣетъ форму полукруга, по серединѣ коего два отверзтія, одно надъ другимъ. Если вставить такіе топоры рукояткою въ землю, то можно сидя (какъ это сдѣлалъ Одиссей, XXI, 420—423) пронизать ихъ стрѣлой черезъ верхнее, нѣсколько большее, отверзтіе: стоитъ только поставить ихъ въ рядъ, чтобы эти отверзтія (ушки) пришлись по одной прямой линіи. (См. Berl. Phil.-Woch., 1890, стр. 714 слѣд.).

— На 41 съѣздѣ нѣмецкихъ филологовъ и педагоговъ въ засѣданіи 23 мая текущаго года Оскаръ Іегеръ читалъ рефератъ: „О преходящемъ и вѣчномъ въ гуманистическихъ гимназіяхъ“. Положенія реферата заключались въ слѣдующемъ: 1) Гуман. гимназія только тогда можетъ разрѣшить свою задачу, — подготовка молодыхъ людей для университетскихъ занятій — когда въ ея учебномъ планѣ есть центральный предметъ преподаванія съ большимъ противъ другихъ предметовъ числомъ учебныхъ часовъ. 2) Многопредметность подвергаетъ гуманистическую гимназію опасности развлеченія умственныхъ силъ учащихся и черезъ это ихъ ослабленія. Эта опасность значительно увеличилась благодаря, между прочимъ, нѣкоторымъ постановленіямъ собиравшейся въ декабрѣ Берлинской конференціи. 3) Увеличеніе числа уроковъ нѣм. языка столь же мало будетъ способствовать укрѣпленію національнаго духа, какъ и увеличеніе числа уроковъ по Зак. Божію укрѣпленію духа религіознаго или увеличеніе числа часовъ по исторіи — воспитанію историческаго смысла. 4) Изъ занятія латинскимъ и греческимъ языками воспитанники современныхъ нѣмецкихъ гимназій выносятъ гораздо больше, нежели выносили учившіеся въ школахъ прошлыхъ столѣтій: занятіе древними языками создаетъ связь между различными предметами школьнаго изученія, давая послѣднимъ историческую и психологическую основу. 5) Знакомство съ французскимъ и англійскимъ языками и естественноисторическія познанія во всѣ времена имѣли важное значеніе, и въ настоящее время они столько же важны, сколько и во времена Гете или Лессинга. Но изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы они въ дѣлѣ подготовки мальчиковъ и юношей отъ 9 до 17 лѣтняго возраста къ университетскимъ занятіямъ могли замѣнить собою языкъ и литературу древнихъ грековъ и римлянъ. — Послѣ оживленныхъ дебатовъ общество почти единогласно высказалось въ пользу тезисовъ Іегера.

I. СТАТЬИ НАУЧНЫЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ.

Къ синтаксису сложныхъ предложеній греческихъ и латинскихъ*).

I.

О вопросительныхъ придаточныхъ предложеніяхъ.

Пока въ языкѣ преобладало паратактическое построеніе связной рѣчи, до тѣхъ поръ не было повода для какого-либо различія вопросительныхъ частицъ и мѣстоименій, смотря по тому, были ли то прямые вопросы или косвенные. По установленіи же гипотактическаго способа соединенія предложеній могла, конечно, обнаружиться потребность въ такомъ различіи вопросительныхъ словъ. Сравнивая въ этомъ отношеніи латинскій и греческій языки, мы замѣчаемъ, что, между тѣмъ какъ послѣдній выработалъ спеціальныя формы косвенно-вопросительныхъ словъ, въ латинскомъ языкѣ, напротивъ, тѣ же частицы и мѣстоименія могутъ имѣть мѣсто какъ въ прямыхъ, такъ и въ косвенныхъ вопросахъ.

Значеніе косвенно-вопросительной частицы въ вопросахъ цѣлыхъ предложеній (или въ вопросахъ цѣльныхъ**) присвоено въ греческомъ языкѣ словечку εἰ. Такъ какъ объ этимологіи и семазіологическихъ измѣненіяхъ этой частицы будемъ говорить подробнѣе въ одной изъ послѣдующихъ статей, то въ этомъ мѣстѣ можемъ

---

*) Продолженіе.

**) Вопросы бываютъ двоякаго рода: для спрашивающаго можетъ находиться въ неизвѣстности или все содержаніе даннаго предложенія или же одно только какое-либо понятіе, входящее въ составъ этого предложенія; въ первомъ случаѣ будемъ имѣть дѣло съ вопросами цѣлыхъ предложеній (цѣльные вопросы), во второмъ — съ вопросами отдѣльныхъ понятій (частные вопросы); первые отмѣчаются частицами (или просто только при помощи интонаціи, отчасти съ особою разстановкою словъ), вторые — посредствомъ вопросительныхъ мѣстоименій и произведенныхъ отъ нихъ нарѣчій.

ограничиться констатировкою факта, что частица *εἰ* имѣетъ въ греческомъ языкѣ троякое значенiе (или вѣрнѣе употребленiе): 1) желательное = лат. utinam, 2) условное = лат. si и 3) косвенно-вопросительное. Въ своемъ мѣстѣ будетъ изложено, какимъ путемъ второе (условное) значенiе могло возникнуть изъ перваго (желательнаго), и каково основное значенiе этого послѣдняго. Здѣсь же дѣло идетъ только о томъ, какимъ образомъ эта частица могла прiобрѣсти значенiе косвенно-вопросительное. А такъ какъ значенiе это чисто греческое, т.-е. развившееся уже на почвѣ спецiально греческаго языка (параллельно подобному, но гораздо болѣе позднему явленiю латинскаго языка при томъ же союзѣ si), то оно, по всей вѣроятности, не восходитъ къ основному (доисторическому) значенiю этой частицы, а основывается на одномъ изъ остальныхъ двухъ значенiй; другими словами: косвенно-вопросительное значенiе частицы *εἰ* составляетъ лишь особое примѣненiе одного изъ обоихъ производныхъ значенiй, желательнаго или условнаго. Но и тутъ еще кругъ возможностей суживается a priori въ виду строго гипотактическаго характера косвенно-вопросительнаго употребленiя частицы *εἰ*, примыкающаго въ этомъ отношенiи къ условному употребленiю той же частицы. Основное условное значенiе вопросительнаго *εἰ* легко возстановить въ косвенныхъ вопросахъ, зависящихъ отъ глаголовъ „говорить“, въ такихъ фразахъ, какъ напр. *λ* 391: *κατάλεξον, εἴ τινα ἀντιθέων ἑτάρων ἴδες* (= если ты видалъ, то разскажи намъ объ этомъ); *α* 206: *κατάλεξον, εἰ δὴ ἐξ αὐτοῖο τόσος πάις εἰς Ὀδυσῆος; Α* 83: *σὺ δὲ φράσαι, εἴ με σαώσεις* и т. п. Близость условной и косвенно-вопросительной категорiй обнаруживается также при глаголахъ, обозначающихъ ожиданiе, заботу и т. п., такъ какъ напр. выраженiе „ожидаю, не придетъ ли онъ“ можетъ быть сравнено съ такимъ воззрѣнiемъ: „ожидаю на тотъ случай, если онъ придетъ“. Въ особенности же ясенъ условный характеръ раздѣлительныхъ вопросовъ съ *εἴτε — εἴτε*, напр. *Μ* 239: *τῶν (οἰωνῶν) οὔτι μετατρέπομ' οὐδ' ἀλεγίζω, εἴτ' ἐπὶ δεξί' ἴωσι πρὸς Ἠῶ τ' Ἠέλιόν τε, εἴτ' ἐπ' ἀριστερὰ τοίγε ποτὶ ζόφον ἠερόεντα* = „не обращаю вниманiя, какъ *(τε)* въ томъ случаѣ, если *(εἰ)* онѣ летятъ направо, такъ *(τε)* и въ томъ случаѣ, если летятъ налѣво“. Тѣмъ не менѣе нѣтъ нужды предполагать, чтобы косвенно-вопросительное *εἰ* выработалось сперва исключительно на почвѣ раздѣлительныхъ вопросовъ. Этому препят-

ствуетъ прежде всего обыкновенная форма раздѣлительныхъ вопросовъ, указывающая своимъ „или“ (ἤ) на второмъ мѣстѣ на то, что первая половина вопроса (съ εἰ) составляетъ съ главнымъ глаголомъ одну цѣльную конструкцію, передающую вполнѣ законченное представленіе, которому противополагается другое. Къ тому же нѣтъ никакой причины сводить все развитіе этой конструкціи къ одной только исходной точкѣ. Такихъ точекъ отправленія для перехода условнаго значенія слова εἰ въ косвенно-вопросительное могло быть — и было, повидимому, — довольно много, а по ихъ образцу (аналогіи) этотъ же оттѣнокъ значенія могъ постепенно примѣняться и къ другимъ подобнымъ сочетаніямъ, пока выдѣленіе этого оттѣнка, какъ особой конструкціи, не завершилось, наконецъ, соединеніемъ такого же εἰ также и съ глаголомъ, обозначающимъ „спрашивать“. Въ послѣднемъ случаѣ имѣемъ дѣло съ чисто аналогической конструкціей, при которой напрасно было бы доискиваться исходнаго условнаго значенія. А что такое постепенное расширеніе сферы употребленія частицы εἰ возможно, на это указываетъ примѣръ латинскаго языка, приступившаго къ той же процедурѣ съ союзомъ si уже на глазахъ документальной исторіи. Случаи, аналогичные съ тѣми, которые могутъ быть признаны исходными точками для развитія косвенно-вопросительнаго значенія въ частицѣ εἰ, встрѣчаются также и въ латинскомъ языкѣ, напр. Ter. *Eun.* 545: visam, si domi est. Изъ классической латыни принадлежитъ сюда конструкція глаголовъ, обозначающихъ „ожидать“ (exspecto, si) и „пытаться“ (experior, si). Но только Ливій началъ употреблять въ прозѣ это же si также и послѣ глаголовъ, обозначающихъ „спрашивать“ (40, 46 quaesivit, si liceret). Косвенно-вопросительное употребленіе союза si стало распространяться особенно въ христіанское время и перешло потомъ также и въ романскіе языки. Близость косвенно-вопросительной и условной категорій подтверждается фактами также и другихъ языковъ. Такъ напр. чешское jestli (= русск. „если“) употребляется въ томъ и другомъ значеніяхъ, совершенно какъ греч. εἰ. Подобнымъ образомъ нѣмецкое ob имѣло въ древнемъ языкѣ, кромѣ вопросительнаго, также и условное значеніе (= wenn); ср. obschon и wennschon.

Рядомъ съ εἰ встрѣчается въ косвенныхъ простыхъ вопросахъ у Гомера также и частица ἤ, ср. Kühner, Ausführl. Gramm. II

1034, прим. 26; Seiler-Capelle s. v. Несмотря на традиціонное удареніе этого ἤ (съ острымъ удареніемъ), оно, очевидно, тождественно съ вопросительнымъ ἦ въ прямыхъ вопросахъ, и косвенные вопросы, начинающіеся такимъ ἤ = ἦ, должны быть признаны остатками паратактическаго присоединенія зависящихъ вопросительныхъ предложеній, напр. κ 138: ἀλλ' ἄγε μοι τόδε εἰπὲ καὶ ἀτρεκέως κατάλεξον, ἢ καὶ Λαέρτῃ ἄγγελος ἔλθω. Чаще встрѣчается у Гомера такое ἤ въ раздѣлительныхъ косвенныхъ вопросахъ, совершенно аналогично такому же употребленію этой частицы въ прямыхъ раздѣлительныхъ вопросахъ, напр. Δ 16: φραζώμεθα, ἤ... ὄρσομεν ἤ... βάλωμεν. Мало того: Эммануэль Беккеръ въ своемъ изданіи замѣняетъ вообще всякое косвенное εἰ, какъ въ раздѣлительныхъ, такъ и въ простыхъ вопросахъ, формою ἤ, равно какъ и вопросительное εἴτε формою ἤτε, исходя изъ извѣстнаго предположенія, что традиціонный текстъ Гомера есть только результатъ аттической транскрипціи древнѣйшаго письма, не различавшаго въ ороографіи звуковъ ε, η и ει. Однако это ороографическое безразличіе могло касаться лишь такъ наз. несобственнаго дифтонга ει, между тѣмъ какъ въ частицѣ εἰ, согласно ея морфологическому значенію, заключается настоящій (полный) двугласный звукъ. Нельзя поэтому допустить, чтобы различіе, дѣлаемое традиціоннымъ текстомъ Гомера между εἰ и ἤ, заключалось только на произволѣ, хотя, конечно, въ томъ или другомъ частномъ случаѣ могло появиться εἰ, гдѣ было прежде ἤ, а также и наоборотъ. Къ тому же существованіе обѣихъ частицъ въ косвенныхъ вопросахъ у Гомера допускаетъ вполнѣ раціональное объясненіе. Поэтому предположеніе Беккера, къ которому, повидимому, склоняется и Дельбрюкъ (Opt. стр. 77 и 186), не можетъ быть признано правильнымъ. За то, вѣроятно, правильно дѣлаемое имъ различіе въ удареніи, состоящее въ томъ, что въ прямыхъ вопросахъ пишетъ онъ ἦ и ἦ — ἦ, въ косвенныхъ же ἤ и ἤ — ἤ. Правда, по теоріи древнихъ грамматиковъ (ср. Kühner l. c. 1030) у Гомера читалось ἤ — ἦ въ раздѣлительныхъ вопросахъ вообще, какъ прямыхъ, такъ и косвенныхъ. Можно, однако, думать, что здѣсь имѣемъ дѣло съ явленіемъ аналогическимъ, устранившимъ въ силу своей теоріи кажущуюся аномалію между прямымъ ἦ — ἦ и косвеннымъ ἤ — ἤ. Ослабленіе ударенія въ косвенно-вопросительномъ ἤ объясняется ослабленіемъ самостоятельности самого предложе-

нія, т.-е. переходомъ изъ паратаксиса въ гипотаксисъ. Въ раздѣлительныхъ вопросахъ касается это только первой части, непосредственно примыкающей къ главному предложенію; вторая же часть, какъ не зависящая непосредственно отъ главнаго предложенія, сохраняла свою вопросительную частицу въ неизмѣнномъ видѣ, какой она имѣетъ въ самостоятельныхъ предложеніяхъ. При этомъ, однако, слѣдовало бы писать ἠ (безъ ударенія) вмѣсто ἤ, какъ и εἰ пишется безъ ударенія. Написаніе ἤ происходитъ отъ смѣшенія съ раздѣлительнымъ союзомъ ἤ и ἤ—ἤ, происшедшимъ черезъ сліяніе изъ ἠέ = ἠ — ϝέ, вторая часть котораго тождественна съ латинскимъ -ve *). Такъ какъ основное значеніе латинскаго -ve и, повидимому, греч. -ϝε было „и" (таково значеніе этой частицы еще всегда у Плавта, за исключеніемъ соединенія ея съ si, см. Langen, Beiträge стр. 95), то ἠ-ϝέ составляетъ полную параллель къ русскому „или" (изъ и + ли), какъ по своему составу (ἠ = ли, ϝέ = и), такъ по своему семазіологическому переходу отъ значенія вопросительно-раздѣлительной частицы къ значенію просто раздѣлительному (= aut**). Итакъ у Гомера во второй части раздѣлительныхъ вопросовъ, какъ прямыхъ, такъ и косвенныхъ, слѣдуетъ, кажется, читать или ἦ, или ἠέ. Въ позднѣйшее же время слитное ἤ изъ ἠέ совсѣмъ вытѣснило здѣсь первоначальное ἦ. Что же касается происхожденія послѣдней частицы, то она не безъ основанія отождествляется съ утвердительнымъ ἦ („право", „въ самомъ дѣлѣ"), основнымъ значеніемъ котораго Бругманъ (Griech. Gramm. 2-е изд. стр. 222) считаетъ значеніе нѣмецкаго „so", между тѣмъ какъ Deecke (Nebensätze стр. 36) предполагаетъ, какъ основное значеніе „wie". Мы бы предпочли значеніе лат. jam, съ которымъ греч. ἦ, можетъ быть, родственно также и по корню***). Для развитія утвердитель-

*) Это -ve тождественно, по крайней мѣрѣ по корню, съ ведаической энклитикой u (со значеніемъ „и", „также" и т. п., см. Delbrück, Altind. Syntax, стр. 504 сл.), являющейся въ этомъ же видѣ (какъ υ) въ греч. *οὗτος* изъ *ὁ-υ-τος*, *τοῦτο* изъ *τό-υ-το*. Для сопоставленія вед. u съ греч. ϝέ и лат. -ve ср. K. Z. XXXI, стр. 365.

**) О дальнѣйшемъ переходѣ частицы ἤ къ значенію „чѣмъ" при сравнительной степени ср. Ziemer, Vergl. Synt. der Comp. стр. 149 сл.

***) Если ἦ одного корня съ jam, то слѣдовало бы, правда, ожидать *ἧ-съ густымъ придыханіемъ. Однако, по крайней мѣрѣ, ἠέ = ἠ — ἐ = ἠ + ϝέ должно было лишиться густого придыханія вначалѣ по извѣстному правилу греч. фонетики

наго и вопросительнаго значеній изъ основного „уже" (jam) ср. русское: „ужó посмотрю" (jam videro) и „ужели", „не ужели". Изъ этого основного значенія (= jam) объясняется просто также и значеніе слова ἦ — δη (вторая часть котораго одного корня съ лат. -dam), равно какъ и словъ ἠ-μέν ἠ-δέ: ἠ — ἠ обозначаетъ здѣсь jam — jam въ смыслѣ, подобномъ русскомъ „то — то" *). Вопросительное значеніе частицы ἦ является, слѣдовательно, случайнымъ результатомъ частаго употребленія этого слова именно въ вопросительныхъ предложеніяхъ; другими словами: вопросительное значеніе оказывается здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, не развившимся непосредственно на основаніи коренного значенія этого слова, а перенесеннымъ извнѣ изъ окружавшей его среды.

Самая важная вопросительная частица латинскаго языка съ точки зрѣнія исторической грамматики и вмѣстѣ съ тѣмъ самая трудная для объясненія какъ въ синтактическомъ, такъ и этимологическомъ отношеніяхъ, — это частица an. Прежняя школа филологовъ, не знавшая или не признававшая сравнительнаго языкознанія, производила an изъ aisne = „не такъ ли?", которое не подходитъ, однако, ни въ синтактическомъ, ни въ этимологическомъ отношеніи; въ послѣднемъ пунктѣ мѣшаетъ краткость гласнаго въ ăn. Впрочемъ Billroth въ своей латинской грамматикѣ (родоначальницѣ извѣстной грамматики Эллендтъ-Зейфферта) производитъ an изъ autne по слѣдующей пропорціи: an: autne = ac: atque. Современное языковѣдѣніе, воспитанное уже на сравнительномъ методѣ, отождествляетъ лат. an съ греч. ἄν (напр. Bopp, Pott, Corssen Beitr. 304, L. Meyer въ монографіи „AN im Griech., Lat. und Goth." и др.), хотя отчасти съ замѣтнымъ недовѣріемъ; такъ напр. Delbrück, Opt. стр. 89, говоритъ: „вопросъ о томъ, тождественно ли греч. ἄν съ лат. an, оставляю безъ отвѣта", а Brugmann Gr. Gr. стр. 189: „ἄν, какъ кажется,

---

(и вслѣдствіе этого и слитное ἧ). Рядомъ съ ἠ-έ употреблялось также ἦ-ε, долженствовавшее лишиться своего густого придыханія по той же причинѣ. Оба эти случая могли подѣйствовать обратно и на простое ἤ, получившее вслѣдствіе этого такое же придыханіе, какое было въ ἠέ, ἧ и ἦε. Нѣчто подобное имѣемъ также при частицѣ εἰ, какъ будетъ указано въ своемъ мѣстѣ.

*) Сомнительно, однако, чтобы это же ἤ заключалось въ ἐγώνη, τύνη, т.-е. чтобы эти слова состояли изъ ἐγών-η τύν-η, какъ раздѣляетъ ихъ Бругманъ; скорѣе слѣдуетъ дѣлить ἐγώ—νη τύ—νη, несмотря на существованіе формы ἐγών.

тождественно съ лат. ἄν". Дѣло въ томъ, что трудно подыскать подходящую этимологію, на которой можно было бы провѣрить родственность обоихъ словъ. Одни (Kuhn) сопоставляли греч. ἄν съ выше упомянутымъ скр. u (см. возраженія Дельбрюка Opt. стр. 89), другіе производятъ его отъ скр. корня ana*) со значеченіемъ illud, третьи отъ корня anja съ значеніемъ aliud (послѣднія два толкованія повторяются чаще всего), четвертые (Lange, Der hom. Gebrauch der Partikel εἰ) изъ греческаго же α privativum, имѣвшаго и болѣе полную форму αν-**); новѣйшая попытка (Hermes 1890, стр. 463) производитъ греч. ἄν отъ предполагаемаго мѣстоименія *ἀμός съ значеніемъ τὶς***), извлеченнаго изъ ἀμό-θεν, οὐδ-αμοῦ и т. п., при чемъ изъ первоначальнаго *ἀμό (= ср. родъ) вышло будто бы сперва ἀμ' вслѣдствіе элизіи передъ гласными, а далѣе, по обобщеніи формы ἀμ', вслѣдствіе употребленія ея передъ согласными — обычное ἄν. Однако всѣ эти толкованія греческаго ἄν находятся по большей части въ зависимости отъ толкованія греческой же частицы κέν безъ всякаго отношенія къ латинскому an. При томъ самое κέν толкуется разнообразно (ср. Delbrück, Opt. 84 сл.; Osthoff, Perf. 341; Weber, Absichtssätze I, 38; Hermes 1890 стр. 463): Квичала (Zeitschr. f. ö. Gymn. 1864 p. 394) отождествляетъ κέν съ лат. quam, но со значеніемъ, свойственнымъ корню неопредѣленныхъ мѣстоименій, т.-е. = „какъ-нибудь", „можетъ быть", „должно быть"; напротивъ, Остгоффъ сопоставляетъ его съ скр. çam со значеніемъ „хорошо", „можетъ быть", „должно быть", въ то время какъ Дельбрюкъ привлекаетъ къ сравненію санскр. kam, имѣющее самое неопредѣленное (и поэтому разнообразное) значеніе. Какъ скр. kam, такъ и греч. κέν производитъ онъ (стр. 88) отъ мѣстоименнаго корня ka, дающаго вопросительныя и неопредѣленныя мѣстоименія. Примѣняясь къ значенію послѣднихъ, Дельбрюкъ принимаетъ для kam и κέν основное значеніе „когда-нибудь", „какъ-нибудь". Въ этомъ отношеніи сходится его толкованіе съ мнѣніемъ Ланге, производившимъ

*) Скр. корень ana тождественъ съ корнемъ русскаго онъ, оный, отъ котораго происходитъ лат. ollus olim, изъ *on-lo-s; слѣд. отъ этого корня было бы *on, а не an.

**) Kühner (Греч. Гр.) II стр. 204 сл. указываетъ еще производство отъ ἀνά въ значеніи secundum.

***) Ср. Kühner (Греч. Гр.) I стр. 471, прим. 4.

κέν отъ корня неопредѣленнаго мѣстоименія *κο* въ *ὁκότερος, ὅκως* и т. п. и сопоставлявшимъ его съ лат. -cunque (такъ что quicunque = *ὅς κεν*). То же самое принимается новѣйшимъ толкователемъ въ Hermes'ѣ, выставляющимъ, какъ для *κέν*, такъ и для *ἄν* основное значеніе „aliqua ratione", т.-е. „какъ-нибудь", „можетъ быть" *). Производство частицы *κέν* отъ неопредѣленнаго мѣстоименнаго корня по меньшей мѣрѣ возможно **). Найденное же такимъ путемъ основное значеніе (= лат. forte, нѣм. etwa, русск. „можетъ быть", „должно быть") вполнѣ удовлетворительно для объясненія употребленія не только греч. *κέν* и его синонима *ἄν*, но и лат. an. Принимая такое же основное значеніе и для лат. an (= forte), можно безъ труда объяснить сложныя выраженія forsitan и fortassis, изъ которыхъ первое составилось изъ fors sit an, а второе изъ forte an sis (= si vis). Въ обоихъ случаяхъ an можетъ быть принимаемо за синонимъ къ forte или fors sit, при чемъ forte an составляетъ такое же синонимическое сочетаніе, какое имѣетъ напр. при *κέν ἄν* въ одномъ и томъ же предложеніи, далѣе въ *ἦ μήν, αὖθις αὖ*, а также *ἤδη (ἦ* въ основномъ значеніи jam = *δή)*; по-латыни verum vero, sed vero, sed autem, ergo igitur, itaque ergo и др. (ср. Schmalz, Synt. 2-е изд., стр. 468). Будучи употреблено въ вопросѣ, такое an = forte „можетъ быть" служило для выраженія взгляда говорящаго на предполагаемый отвѣтъ подобнымъ образомъ, какъ и nonne заключаетъ въ себѣ выраженіе такого же взгляда со стороны говорящаго; разница между nonne и an заключается только въ степени увѣренности, съ которою говорящій выражаетъ свой взглядъ о содержаніи вопроса и соотвѣтственно этому о характерѣ отвѣта. Сообразно съ этимъ частица an съ предполагаемымъ значеніемъ „можетъ быть", „должно быть" могла употребляться, конечно, не только въ раздѣлительныхъ, но и въ простыхъ вопросахъ. Къ этому основному значенію можно безъ труда возвести многіе простые вопросы съ an даже въ классической латыни; ср. напр. Cic. *sen.* 6, 15: a rebus gerendis senectus abstrahit? quibus? *an*

*) Еще другія толкованія см. въ словарѣ Зейлера s. v. *κέ*.

**) Возможность эта уменьшилась бы, если бы дор. форма *κά* составляла слабую степень корня къ *κέν*, какъ предполагаетъ Kretschmer въ K. Z. XXXI, стр. 365; но послѣдній, высказывая такое мнѣніе, не обратилъ должнаго вниманія на долготу гласнаго въ *κᾱ*.

(можетъ быть, должно быть) iis, quae in iuventute geruntur? Cic. *Att.* 3, 15: Sed quid Curio? *an* illam orationem non legit? Verg. *ecl.* 2, 3, 1: Dic mihi, Damoeta, cuium pecus? *an* Meliboei? (можетъ быть Мелибея?*). Напрасно предполагать, что передъ an подразумѣвается какой-либо другой вопросъ съ utrum. Тѣмъ не менѣе такое толкованіе имѣетъ нѣкоторое основаніе въ томъ смыслѣ, что слово an, благодаря именно своему значенію „можетъ быть", само по себѣ уже указываетъ на то, что рядомъ съ выраженной въ вопросѣ возможностью можетъ существовать еще другая, третья (и т. д.) возможность. Благодаря этому же значенію, частица an оказалась наиболѣе пригодной какъ разъ въ раздѣлительныхъ вопросахъ, приводящихъ двѣ или болѣе такихъ возможностей, тѣмъ болѣе такое же an можетъ быть употреблено даже и помимо вопросовъ, какъ напр. Cic. *fin.* 2, 32, 104: cum ei Simonides, *an quis alius,* artem memoriae polliceretur (а можетъ быть, и кто-нибудь другой); Cic. *Brut.* § 89: *paucis* ante quam mortuus est *an diebus an mensibus* (за нѣсколько, можетъ быть, дней, а можетъ быть, и мѣсяцевъ). Особенность конструкціи раздѣлительныхъ вопросовъ заключается въ томъ, что an употребляется только на второмъ мѣстѣ (не считая случаевъ риторической анафоры). Здѣсь мы имѣемъ дѣло, повидимому, съ такимъ же явленіемъ, какъ при гомерическомъ ἦ во второй части раздѣлительныхъ вопросовъ. Но въ такомъ случаѣ приходится предположить, что конструкція эта развилась прежде всего въ косвенныхъ раздѣлительныхъ вопросахъ, отъ которыхъ этотъ же типъ перенесенъ и на самостоятельные раздѣлительные вопросы. Наоборотъ, предпосылаемое первому вопросу utrum могло имѣть мѣсто сперва только въ самостоятельныхъ вопросахъ, какъ и греческое *πότερον,* такъ какъ слѣдующій, напр., раздѣлительный вопросъ: utrum hoc verum an falsum est разлагается на три генетическія части: 1) utrum? что изъ двухъ (подраз. est)? 2) hoc verum est? правда это? 3) an falsum est? а, можетъ быть, ложь? Слово utrum, слѣдовательно, составляло сперва

*) Если an встрѣчается въ вопросахъ, посредствомъ которыхъ авторъ желаетъ опровергнуть чужое мнѣніе или подкрѣпить свое собственное, то особенность эта зависитъ лишь отъ общаго смысла рѣчи, дающаго понять, что приведенная возможность (an = „можетъ быть") въ данномъ случаѣ немыслима.

самостоятельное*) какъ бы введеніе ко всему раздѣлительному вопросу, а не только къ первой его части. Самостоятельность этого utrum сказывается еще до извѣстной степени въ томъ, что рядомъ съ нимъ въ той же первой части раздѣлительнаго вопроса можетъ стоять еще и ne, напр. Cic. *fin.* 4, 24, 67: *utrum* igitur tandem perspicuis *ne* dubia aperiuntur, *an* dubiis perspicua tolluntur? = 1) utrum igitur tandem? 2) perspicuisne и пр. 3) an dubiis и пр. Итакъ основное значеніе, найденное для *κέν* и черезъ это и для его синонима *ἄν*, даетъ вполнѣ удовлетворительный результатъ также и для объясненія латинскаго an, что̀ и можетъ служить доказательствомъ родственности этихъ частицъ въ обоихъ языкахъ, несмотря на ихъ загадочную этимологію. Оба языка разошлись, однако, въ употребленіи *ἄν* = an, такъ какъ изъ общаго количества возможныхъ примѣненій въ греческомъ утвердилось одно, а въ латинскомъ другое. А такъ какъ латинское an сохранялось въ употребленіи преимущественно только въ вопросительныхъ предложеніяхъ (но не исключительно, какъ свидѣтельствуютъ вышеприведенныя два мѣста изъ Цицерона), и притомъ главнымъ образомъ въ раздѣлительныхъ вопросахъ, то при дальнѣйшемъ развитіи языка, со времени Ливія, частица эта могла, съ одной стороны, пріобрѣтать исподволь значеніе вопросительной частицы, а съ другой, — значеніе просто противительнаго союза (не вопросительной). Въ этомъ положеніи застаемъ ее уже у Тацита, употреблявшаго an отчасти какъ простую вопросительную частицу = num или ne, отчасти же какъ противительный союзъ вперемежку съ vel, ve, sive и даже aut**).

Вопросительное nĕ можетъ быть произведено какъ изъ отрицательнаго nĕ, такъ и изъ утвердительнаго nē (nae) = „право“.

*) Подобнаго происхожденія также частица *ἀλλά* изъ *ἄλλα*, такъ какъ напр. слѣдующее предложеніе: *οὐδὲ μὲν Ἕκτωρ μίμνεν, ἀλλ' ἐφορμᾶται* (O, 688) разлагается такъ: 1) „и не выжидалъ на мѣстѣ Гекторъ“; 2) „другое“ = не то, нѣтъ; 3) „онъ кидается на него“. Таково также русское „но“ изъ ино = иное (*ἄλλα*) и др., ср. мои Пад. стр. 117.

**) Не лишнее, въ видѣ примѣчанія, упомянуть о синтактическомъ толкованіи частицы an, предложенномъ Hinze (de an particulae apud priscos scriptores latinos vi et usu 1887) на основаніи производства отъ санкр. корня anja со значеніемъ aliud. По этому толкованію предложеніе: hoc constat; an tu putas...? значило бы первоначально слѣдующее: „это достовѣрно; ты другое думаешь?, — именно что и пр.?“ Но если принять для an искони противительное значеніе, то многіе случаи употребленія этой частицы останутся довольно непонятными.

При употребленіи отрицательнаго ne въ вопросѣ, мы имѣли бы явленіе, тождественное съ позднѣйшимъ употребленіемъ nonne, т.-е. въ этомъ случаѣ пришлось бы предположить, что слово ne имѣло здѣсь первоначально такое же значеніе, какъ впослѣдствіи nonne, и что обычное его безразличное употребленіе составляетъ результатъ постепеннаго ослабленія первоначальнаго значенія. Если же производить вопросительное ne отъ утвердительнаго nē = „право", то мы имѣли бы опять полнѣйшую аналогію съ греческимъ ἦ. Первое мнѣніе принимаетъ напр. Kühner, II, стр. 1002 и Schmalz § 115 и § 215, для второго ср. Bursian's Jahresb. X, Heft 9, стр. 38. Въ пользу перваго толкованія можно было бы указать прежде всего на краткость гласнаго въ вопросительномъ nĕ, которая объяснялась бы въ этомъ случаѣ безъ всякаго затрудненія тѣмъ, что и отрицательное nĕ имѣло краткій гласный, какъ видно изъ nĕ-que, nĕ-queo, nĕ-fas, nĕg-otium, nĭ-hil, и только отчасти долгій гласный, сохранившійся въ nē (въ значеніи союза), nē-dum, nē-quam, nē-quidquam*). Далѣе также и вытѣсненіе самого nĕ позднѣйшимъ non (сложнымъ изъ ne + oenom = unum) могло бы быть объяснено вліяніемъ новой функціи, которую отрицательное nĕ пріобрѣло въ вопросахъ. Напротивъ энклитическій характеръ вопросительнаго nĕ, трудно объяснимый при производствѣ этого слова изъ отрицательной частицы, говоритъ скорѣе въ пользу второго толкованія; ослабленіе ударенія въ утвердительномъ nē болѣе понятно, чѣмъ при отрицаніи, долженствовавшемъ имѣть въ вопросѣ главное удареніе въ предложеніи, какъ это замѣчаемъ при nonne. При этомъ, правда, необходимо предположить сокращеніе гласнаго ĕ, которое, однако, какъ разъ при энклитикѣ не составляетъ ничего удивительнаго и замѣчается также въ энклитическомъ -tĕ въ tutĕ и istĕ**). Впрочемъ энклитическое nĕ, безъ сомнѣнія, было въ употребленіи также и въ предложеніяхъ не вопросительныхъ съ сохраненіемъ основного значенія. Остатки этого употребленія встрѣчаемъ еще у Горація въ сатирахъ, а именно 1, 10, 21: o seri

*) Также для греч. языка предполагается краткое *νέ (см. Brugmann, Griech. Gr. стр. 223) соотвѣтственно лат. nĕ. Наоборотъ для лат. языка можно предположить, что долгое nē вытѣснило собою болѣе древнее *mē = греч. μή, скр. mā́.

**) О значеніи и происхожденіи -te въ is-te и -se въ i-p-se будетъ у насъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ.

studiorum, qui*ne* (ne = profecto) putetis difficile et mirum, Rhodio quod Pitholeonti contigit! и 2, 3, 97: quas (divitias) qui construxerit, ille clarus erit, fortis, justus, sapiens*ne* etiam („право даже"), et rex et quidquid volet. Издатели, правда, пишутъ и здѣсь вопросительные знаки; однако, если съ этимъ можно согласиться въ первомъ мѣстѣ, то второе не обходится при этомъ безъ очевидной натяжки, все равно, будутъ ли знаки препинанія разставлены такъ: ...fortis, justus. Sapiensne etiam? et rex или же такъ: fortis, justus. „Sapiensne?" Etiam! Et rex и пр. А если въ одной глоссѣ толкуется egone черезъ ego vero, то это соотвѣтствуетъ вполнѣ греч. *ἐγώ-νη, τύ-νη*. Если же вопросительное nĕ происходитъ отъ утвердительнаго nē, которое тождественно съ греч. *νή (ναί)*, а по смыслу и съ *ἦ*, то оно могло быть искони употребительно какъ въ прямыхъ, такъ и въ косвенныхъ вопросахъ безъ всякаго различія*).

Какъ вопросительное nĕ производится обыкновенно отъ отрицательнаго ne, такъ и въ частицѣ num искали нѣкоторые то же самое отрицаніе; такъ напр. Шмальцъ (Synt. § 158), который считаетъ основнымъ значеніемъ для нея „nicht zu irgend einer Zeit", не опредѣляя, однако, второй составной части, слившейся съ ne въ num. Поттъ, первый предложившій это объясненіе, раздѣляетъ num на ne-um, при чемъ -um было бы здѣсь тождественно съ un-въ un·quam (отсюда и у Шмальца выраженіе „zu irgend einer Zeit"); num изъ ne-um заключало бы въ себѣ такое же сліяніе, какъ nunquam изъ ne-unquam. Объясненіе это, однако, предполагаетъ два условія, которыя сами требовали бы какого-либо убѣдительнаго доказательства: во-первыхъ, что вопросительное nĕ произошло изъ отрицательной частицы, и, во-вторыхъ, что корень u, къ которому относится un·quam us-quam us-piam us·que, могъ имѣть значеніе неопредѣленнаго мѣстоименія самъ по себѣ, какъ это требуется для предполагаемаго -um (объ этомъ корнѣ будетъ у насъ еще рѣчь въ отдѣлѣ объ относительныхъ

---

*) Впрочемъ въ Neue Jahrb. 1890, II стр. 447 сдѣлана попытка произвести отрицательное nĕ отъ утвердительнаго nē такимъ образомъ, что напр. ne tu, Eruci, accusator esses ridiculus (Cic. *Rosc. A.* 18, 50) было бы = „ei, ei, du wärest vermutlich (conj. pot. der Vorgangenheit) ein lächerlicher Ankläger gewesen". Однако отриц. nē, повидимому, не что иное, какъ случайное видоизмѣненіе болѣе древняго *me, приспособленное къ отрицательному же nĕ; см. выше.

предложеніяхъ); заключеніе же, построенное на такихъ двухъ сомнительныхъ премиссахъ, не можетъ быть признано убѣдительнымъ. Другое объясненіе частицы num предложено Корсценомъ въ Krit. Beitr. стр. 291 (въ извлеченіи повторено у Kühner'а Лат. грамм. стр. 1008). Онъ отождествляетъ вопросительное num съ частицей времени, заключающейся въ etiam-num и давшей съ суффиксомъ -c обычное nunc (какъ tunc изъ tum); это основное значеніе проглядываетъ, по его мнѣнію, иногда также и въ собственно вопросительномъ num, напр. Cic. *fam.* 11, 27, 1: num quidnam, inquam, novi? что̀ Корссенъ толкуетъ такъ: „Nun (= num) was gibt's denn (= nam) Neues? или Plaut. *Truc.* II, 6, 65*): quid ais nunc tu? numne vis me ire ad cenam? = Was sagst du nun? willst du nun (= num) nicht (= ne), dass ich zum Schmause gehe? Ср. также Reisig's Vorlesungen, Synt. стр. 301. Что же касается формы этой частицы, то Корссенъ считаетъ ее винительнымъ средняго рода отъ того же указательнаго мѣстоименія, отъ котораго происходитъ и винительный женскаго рода nam. Однако временная частица -num (въ etiam-num) и nun-c, вмѣстѣ съ греч. νῦν и νὺν, νυ, нѣм. nun, русск. нынѣ, вед. nū, если происходитъ отъ того же корня**), какъ и вопросительное num, могла сохранить одно изъ многочисленныхъ значеній формы винительнаго падежа (ср. Пад. 123) параллельно съ вопросительнымъ num, могущимъ основываться на другомъ значеніи того же винительнаго. А что нѣтъ нужды считать значеніе вопросительнаго num произведеннымъ изъ значенія временнаго num, въ этомъ убѣждаетъ насъ самостоятельное значеніе частицы nam, которая къ тому же употребляется и въ вопросительныхъ предложеніяхъ подобнымъ же образомъ, какъ и num. Num и nam въ вопросахъ различаются въ сущности только тѣмъ, что первое бываетъ въ „цѣльныхъ“ вопросахъ (вопросахъ предложеній), второе же обыкновенно въ „частныхъ“ вопросахъ (вопросахъ понятій); далѣе и тѣмъ, что nam употребляется обыкновенно какъ

*) Schoell въ своемъ изданіи Truc. стр. 546 читаетъ это мѣсто такъ: quid ais? num tu non nevis? см. тамъ же критическій аппаратъ.

**) Kretschmer въ K. Z. XXXI стр. 387 производитъ ихъ отъ корня, заключающагося въ novus, новый νέος санскр. návas; этимологія эта предложена, впрочемъ, раньше и самимъ Корссеномъ (въ 1 изд. его Aussprache), производившимъ nun-c изъ *novum-ce.

энклитика, подобно ne, напр. quisnam, quidnam, хотя у Плавта и Теренція это же nam встрѣчается также и въ началѣ предложеній, напр. *Most.* 388: ***nam quid*** tu malum, me rogitas? а также и при другомъ расположеніи словъ можетъ отдѣляться отъ мѣстоименія, напр. *Most.* 258: ***quid*** cerussa ***nam*** opust? см. Lorenz, Most. 152. Также отчасти еще у поэтовъ классическаго времени, напр. Verg. *Aen.* 2, 373: festinate viri: ***nam quae*** tam sera moratur segnities? *ecl.* 9, 39: ***quis*** est ***nam*** ludus in undis? Это же nam встрѣчается также и въ предложеніяхъ съ num отдѣльно или вмѣстѣ, напр. Pl. *Mil.* 924: ***num*** ille te ***nam*** novit? Ter. *Heaut.* 517: ***numnam*** haec audivit? Въ классической прозѣ только въ сочетаніи num quisnam, num quidnam (см. Anton, Studien III, стр. 244). Такое употребленіе слова nam объясняется тѣмъ, что это не исключительно причинная частица, а что она вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ нерѣдко и утвердительное (усилительное) значеніе, подобное тому, которое мы выше предположили для ne и какое имѣетъ греческое ἦ, т.-е. значеніе „право“, „дѣйствительно“, „въ самомъ дѣлѣ“, и въ этомъ случаѣ даже соединяется съ hercle; см. Kühner, Lat. Gramm. II, стр. 718 сл. (№ 8 и 9). Мало того, частица enim, повидимому родственная по корню съ nam*), имѣетъ у Плавта еще исключительно только утвердительное значеніе, равное hercle, pol, edepol и т. п., какъ доказалъ Langen, Beitr. 262 сл. Поэтому нельзя не считать возможнымъ, что подобное утвердительное значеніе было нѣкогда свойственно также и вопросительному num, которое въ такомъ случаѣ представляло бы полную аналогію съ развитіемъ значенія въ ne и ἦ. Num и ne были бы, слѣдовательно, искони синонимы, какими они оказываются фактически и въ смыслѣ вопросительныхъ частицъ, по крайней мѣрѣ, въ косвенныхъ вопросахъ. Особенность значенія частицы num въ прямыхъ вопросахъ зависитъ отъ того, что она, не будучи энклити-

*) Enim производится изъ e + nam см. Ziemer, Streifzüge 2 изд. стр. 135 и 154. Однако изъ nam вышло бы -nem въ закрытомъ слогѣ, какъ factus — perfectus. Напротивъ -nim могло возникнуть изъ первоначальнаго -nem, какъ undecim изъ decem. Это подтверждается также и осскимъ inim и умбр. enem. Это -nem, можетъ быть, тождественно съ nem въ nem-pe. Такимъ образомъ получаемъ ту же тройственность num: nam: nem, которая повторяется въ tum: tam: -tem: (i-tem, au-tem) и dum: -dam: -dem; ĕ въ ĕ-nim, повидимому тождественно съ ĕ въ ĕdepol.

кой, выражаетъ вопросъ съ большею настойчивостью*), чѣмъ энклитическое ne; настойчивость же вопроса нерѣдко сама по себѣ заключаетъ въ себѣ указаніе на то, что спрашивающій собственно даже и не считаетъ подлежащимъ вопросу или спору содержаніе даннаго вопросительнаго предложенія, напр. Num negare andes? ну, смѣешь ли ты отрицать? Особенное значеніе частицы num зависитъ, слѣдовательно, не столько отъ нея, сколько отъ самаго содержанія вопроса. Къ тому же num имѣетъ при случаѣ даже и въ прямыхъ вопросахъ**) значеніе, подобное значенію частицы ne, напр. Cic. *Cat.* 1, 5, 13: num dubitas id me imperante facere, quod iam tua sponte faciebas? = dubitasne, такъ какъ Катилина дѣйствительно медлитъ уйти изъ Рима. Въ сочетаніяхъ numne***) и numnam (Kühner, Лат. грамм. II, 1010) заключалось бы подобное соединеніе синонимовъ, какъ при forsitan (см. выше) или при ĕ-nim (ĕ какъ въ ĕ-depol, -nim изъ -nem въ значеніи nam = ἤ) и въ ecce изъ en+ce. Впрочемъ частица num уже въ классическое время начинаетъ мало-по-малу выходить изъ употребленія, а именно прежде всего въ косвенныхъ вопросахъ, въ которыхъ она совсѣмъ не встрѣчается (напр. у Катулла и Тибулла); въ серебряной латыни оно замѣняется все болѣе частицами an и si, пока, наконецъ, не исчезаетъ также и въ прямыхъ вопросахъ (Schmalz, Synt. § 158).

Въ косвенныхъ вопросахъ встрѣчается далѣе также *nonne* (изъ non+ne), но только у Цицерона, да и у него только послѣ глагола quaero (см. Antibarbarus изд. Шмальца s. v.). У другихъ писателей оно употребительно только въ прямыхъ вопросахъ, а у нѣкоторыхъ этой частицы совсѣмъ нѣтъ, какъ напр. у Катулла и Тибулла. У Плавта же частица эта только что начинаетъ зарождаться. Spengel (Die Partikel nonne im Altlatein. 1867) и по его примѣру Schmalz (§ 157) совсѣмъ исключаютъ частицу

*) Съ тою же цѣлью вмѣсто num употребляется также en, но главнымъ образомъ только въ древней латыни; изъ класс. писателей вопросительное en встрѣчается только у Вирг. (напр. *Aen.* 6, 346) и Ливія. Цицеронъ замѣняетъ простое en сложнымъ ecquid, см. ниже.

**) Наоборотъ и въ косвенныхъ вопросахъ встрѣчается обычное для прямыхъ вопросовъ значеніе num; однако напрасно утверждать, что это всегда такъ (попытку этого рода см. въ Neue Jahrb. 1886, II, стр. 615; но ср. ib. 1890, II, стр. 24).

***) O numne ср. Reisig's Vorles. III, стр. 303.

nonne изъ текста Плавта; однако по крайней мѣрѣ въ *Amph.* 539 она засвидѣтельствована всѣми рукописями.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще о частицѣ ec- въ ec-quis, употребляемой какъ въ прямыхъ, такъ и косвенныхъ вопросахъ. Ecquis, по значенію и употребленію, равняется вполнѣ слову numquis*), изъ чего и можно заключить, что ec- и num вполнѣ синонимическія выраженія, и что, слѣдовательно, ec- могло произойти изъ en, употреблявшагося тоже въ смыслѣ num; ср. напр. Verg. *Aen.* 6, 346: *en* (= num) haec promissa fides est? *ecl.* 1, 67: *en* unquam patrios longo post tempore fines videbo? ib. 8, 7: *en* erit unquam illa dies? Съ этимъ ср. напр. Cic. *Sest.* 30, 64: ecquae vox unquam est audita consulum?**).

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что въ латинскомъ языкѣ въ употребленіи вопросительныхъ частицъ не замѣчается никакого существеннаго развитія между прямыми и косвенными вопросами. Особая спеціально косвенно-вопросительная частица si начала вырабатываться только тогда, когда употребленіе сослагательнаго наклоненія въ косвенныхъ вопросахъ перестало быть необходимымъ при всякомъ построеніи предложеній. Но и тогда, въ силу традиціи прочихъ вопросительныхъ частицъ, вопросительное si стало примѣняться также въ прямыхъ вопросахъ (см. Schmalz § 159). Разница между греческимъ и латинскимъ языкомъ въ этомъ отношеніи происходитъ отъ того, что послѣдній искони нашелъ другой путь для обозначенія косвенной зависимости примѣненіемъ сослагательнаго наклоненія сперва въ связи съ соотвѣтствующимъ построеніемъ предложеній, а потомъ и вообще.

Въ греческомъ же языкѣ избранъ для этой цѣли болѣе внѣшній способъ подчиненія при помощи своеобразныхъ частицъ, а именно въ „цѣльныхъ“ вопросахъ при помощи подчинительной частицы *εἰ*, въ „частныхъ“ же посредствомъ частицы *ὁ*, соединяемой съ вопросительнымъ мѣстоименіемъ и нарѣчіемъ на подобіе латинскаго

*) Какъ numquis nam, такъ встрѣчается и ecquis nam, ср. Anton Studien III, стр. 247; далѣе какъ numquid, такъ и ecquid употребляются одинаково въ нарѣчномъ значеніи въ смыслѣ простой вопросительной частицы, и притомъ обѣ не только въ значеніи, свойственномъ обыкновенно частицѣ num, но и въ смыслѣ безразличной частицы ne, см. Anton ib. 246.

**) Döhring въ Neue Jahrb. 1890, 439 производитъ ec-quis изъ et-quis, при чемъ et = etiam; Joh. Schmidt сравниваетъ ecquis съ герм. ethes-wer, ethes-wanne, ethes-lich.

ecquis. Однако между тѣмъ какъ послѣднее употребляется безразлично, какъ въ прямыхъ, такъ и косвенныхъ вопросахъ, греческое *ὅτις* = *ὅςτις*, *ὁποῖος*, *ὅπου* и т. д. ограничиваются только сферою косвенныхъ вопросовъ; нѣкоторые примѣры употребленія этихъ словъ какъ бы въ прямомъ вопросѣ объяснены въ греческой грамматикѣ Кюнера. Производство частицы *ὁ* допускаетъ двоякое толкованіе. Бругманъ (Gr. Gr. 2 изд. § 207), основываясь на дигаммѣ въ локр. *ϝότι* (см. § 98), производитъ также частицу *ὅ* изъ **σϝόδ*, т.-е. принимаетъ ее за средній родъ мѣстоименія *ὅς* = *ϝός*, имѣющаго обыкновенно притяжательное значеніе (ср. suus изъ *sevos, *ἑός* изъ *ἑϝός* = sevos, свой), но также и указательное, какъ въ нѣм. so (ср. лат. si, sei, осск. svai, греч. *εἰ*) или какъ греч. *ὥς* изъ *ϝώς* въ такихъ оборотахъ, какъ *θεὸς ϝώς*. Это предполагаемое **σϝόδ* имѣло значеніе относительнаго союза, замѣняющаго собою относительное мѣстоименіе, подобно нѣм. so (въ ср.-в.-нѣм. и въ устарѣломъ н.-в. нѣм., напр. wenn ich das, so ich zerbrochen habe, wieder baue); подобнымъ образомъ и гот. ei можетъ замѣнять всѣ формы относительнаго мѣстоименія; въ слав. языкахъ встрѣчается такимъ образомъ что, що (мало-русск.), co (чешск.), čo (словацк.), kiž (верхне-луж.), kir (словинск.), ср. напр. „почерпало — каждая рѣчь, що черпаютъ нею, яко ведро, ковшъ“ (Коршъ, Способы стр. 29). Этотъ относительный союзъ *ὅ* = **σϝόδ* соединялся, по Бругману, съ неопредѣленнымъ *τίς*, *πού*, *πώς* и пр., составивъ такимъ образомъ прежде всего неопредѣленно-относительное мѣстоименіе, которое потомъ стало употребляться также и въ косвенно-вопросительныхъ предложеніяхъ. Совсѣмъ иначе толкуетъ это дѣло Deecke (Nebensätze стр. 32). Единичное локр. *ϝότι*, по его мнѣнію, не можетъ имѣть доказательной силы. А такъ какъ, за исключеніемъ этого случая, другихъ слѣдовъ дигаммы здѣсь не имѣется, то *ὅ*, происшедшее, конечно, прежде всего изъ **ὅδ*, можетъ быть объяснено изъ обыкновеннаго относительнаго корня i̯o (имѣвшаго, впрочемъ, нѣкогда и указательное значеніе); въ такомъ случаѣ **ὅδ* было бы **i̯όδ*. Съ относительнымъ **i̯oδ* соединилось-де вопросительное *τίς*, *πότερος* и пр., при чемъ *ὅ* играетъ здѣсь ту же роль, какъ и *ὅτι*, когда оно вводитъ собою прямую рѣчь, такъ что напр. *ἠρώτων αὐτόν· ὁπηλίκος εἴη* = *ἠρώτων (τό), ὃ πηλίκος εἴη*. Такимъ образомъ слова

эти были бы сперва вопросительными, а потомъ только также и относительными. Оба эти мнѣнія случайно находятъ себѣ одинаковую точку опоры въ области ударенія, такъ что Бругманъ можетъ указывать на ὅτι, ὅπου, ὅποι, ὅπως какъ на явные слѣды того, что вторая часть въ этихъ словахъ была энклитическая, т.-е. принадлежала къ разряду неопредѣленныхъ мѣстоименій; Deecke, наоборотъ, имѣетъ право ссылаться на удареніе въ ὁπόσος, ὁποῖος, ὁπότε, ὁπηλίκος, свидѣтельствующее о томъ, что вторая часть трактуется здѣсь не какъ энклитика и что она, поэтому, не можетъ принадлежать къ неопредѣленнымъ мѣстоименіямъ; слѣдовательно, она искони вопросительная. По мнѣнію Бругмана, удареніе было сперва вездѣ на первой части, и только когда эти слова начали употребляться также и въ вопросительномъ значеніи, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ удареніе перенесено на вторую часть въ подражаніе соотвѣтствующимъ простымъ вопросительнымъ мѣстоименіямъ, т.-е. изъ *ὅπηλικος по образцу простого πηλίκος получилось ὁπηλίκος, ὁπόθεν изъ *ὅποθεν по образцу πόθεν и т. д.; при словахъ, вторая часть которыхъ начинается съ τ, сохранилось древнее удареніе благодаря вліянію, которое на ὅτις оказывалось со стороны ὅςτις. Deecke, въ свою очередь, объясняетъ получающееся у него отступленіе въ удареніи вліяніемъ относительнаго мѣстоименія этихъ словъ, не указывая, однако, какимъ образомъ могло развиться это относительное значеніе изъ первоначальнаго вопросительнаго, и не обращая вниманія на то, почему это вліяніе не сказалось во всѣхъ случаяхъ, а только въ нѣкоторыхъ. Тѣмъ не менѣе объясненіе Deecke заслуживаетъ въ общемъ рѣшительнаго предпочтенія передъ объясненіемъ Бругмана, но съ небольшой поправкой, касающейся значенія частицы ὅ. При объясненіи этого ὅ слѣдуетъ исходить не изъ относительнаго значенія лежащаго въ его основаніи корня, какъ это дѣлается одинаково и Бругманомъ и Deecke, а изъ основнаго указательнаго значенія, при чемъ даже безразлично, будемъ ли здѣсь искать корень σϝο съ Бругманомъ или корень ̯ιο съ Deecke, такъ какъ для обоихъ основное указательное значеніе внѣ всякаго сомнѣнія. Съ этимъ видоизмѣненіемъ въ толкованіи значенія частицы ὅ вышеприведенное предложеніе: ἠρώτων, ὁπηλίκος εἴη значило бы первоначально: ἠρώτων ὅ (= это, слѣдующее), πηλίκος εἴη, такъ что указательное ὅ принадлежало бы первоначально не къ составу при-

даточнаго предложенія, а къ составу главнаго; съ подобными явленіями будемъ еще имѣть дѣло въ послѣдующихъ статьяхъ. Вторая часть словъ, сложныхъ съ *ὅ,* состояла бы такимъ образомъ изъ вопросительнаго *τίς, πηλίκος* и т. п., при чемъ основное значеніе этихъ вопросительныхъ словъ сохранилось отчасти безъ ударенія. Не сохранилось оно прежде всего при формахъ съ *τ* вслѣдствіе постепеннаго смѣшенія двухъ рядовъ формъ, какъ принимаетъ и Бругманъ. Дѣло въ томъ, что рядомъ съ *ὅςτις* существовало еще *ὅτις*. Обѣ эти формы именительнаго падежа встрѣчаются еще у Гомера (напр. *ὅτις Γ* 279); впослѣдствіи же двойственность формъ обнаруживалась только въ род. и дат. падежахъ ед. ч., при чемъ *οὗτινος* и *ᾧτινι* относятся къ *ὅςτις,* а *ὅτου* (Гом. *ὅτευ)* и *ὅτῳ* (іон. *ὅτεῳ)* принадлежатъ къ *ὅτις*. Первое, составившись изъ относительнаго *ὅς* и неопредѣленнаго *τὶς,* имѣло значеніе неопредѣленно-относительное = quisquis, quicunque; второе же, происходя изъ первоначально указательнаго *ὅ* и вопросительнаго *τίς,* имѣло искони косвенно-вопросительное значеніе. Отъ смѣшенія обоихъ этихъ мѣстоименій получилось смѣшанное значеніе, перенесенное потомъ и на всѣ сложныя мѣстоименія, начинающіяся съ *ὁ*. Такъ какъ формы род. и дат. *τίνος (τινὸς)* и *τίνι (τινὶ)* представляютъ сравнительно позднее нововведеніе, возникшее на основаніи формы вин. ед. *τίνα* (см. Gust. Meyer, Gr. Gr. стр. 346; Brugmann, Gr. Gr. 2 изд. стр. 131), то первоначальное склоненіе обоихъ рядовъ было приблизительно слѣдующее:

*ὅςτις**)	*ὅτις*	изъ	*ὃ(δ)τίς*
**οὗτου*	*ὅτου*	изъ	*ὃ(δ)τοῦ*
**ᾧτῳ*	*ὅτῳ*	изъ	*ὃ(δ)τῷ*
ὅντιν(α)	*ὅτιν(α)*	изъ	*ὃ(δ)τίν(α).*

Сліяніе обоихъ рядовъ обнаружилось особенно въ род. и дат., такъ какъ *ὅτου* и *ὅτῳ* составляютъ какъ бы средній выводъ изъ **οὗτου* **ᾧτῳ* съ одной стороны и *ὃ τοῦ ὃ τῷ* — съ другой; эти среднія формы въ видѣ *ὅτευ ὅττεο ὅττευ* и *ὅτεῳ* у Гомера един-

*) Впрочемъ, рядомъ съ *ὅςτις* могла имѣть мѣсто и въ этомъ ряду форма *ὅτις,* такъ какъ рядомъ съ *ὅς* также и *ὁ* (такъ наз. членъ) встрѣчается у Гомера въ относительномъ значеніи (и тогда пишется *ὅ*).

ственно употребительны (*οὗτινος* и *ᾧτινι* составляютъ позднѣйшее дополненіе именительнаго *ὅςτις* съ обычнымъ склоненіемъ обѣихъ частей въ самостоятельномъ видѣ). Смѣшеніемъ обоихъ рядовъ объясняется и колебаніе между *τ* и *ττ*. Двойное *ττ* возникло такимъ образомъ, что частица **ὁδ*, примыкая сперва лишь внѣшнимъ образомъ къ мѣстоименію *τίς**), должна была въ произношеніи звучать какъ *ὅτ*, напр. **ὅτ-τί* = *ὅτ-τι*, **ὅτ-τεῦ* = *ὅτ-τευ*. Напротивъ въ рядѣ *ὅςτις* имѣлось, конечно, только одно *τ*, по крайней мѣрѣ въ род. и дат. ед., а, безъ сомнѣнія, и въ формѣ *ὅτι*, такъ какъ обѣ составныя части ясно сознавались какъ два слова и поэтому подвергались всѣмъ фонетическимъ перемѣнамъ на ряду съ самостоятельнымъ *ὅς*, средній родъ котораго, по извѣстному правилу, долженъ былъ лишиться въ концѣ своего *δ*: *ὅ* изъ **ὅδ*, между тѣмъ какъ въ *ὅττι*, вслѣдствіе затемненія значенія первой части, фонетическое правило, измѣнившее самостоятельное **ὅδ* въ *ὅ*, не находило болѣе примѣненія. При словахъ, вторая часть которыхъ начинается съ *π*, такихъ искони двойныхъ формъ не было, и поэтому вездѣ слѣдовало бы ожидать только двухъ *ππ*, напр. *ὅππως*, *ὁππόθεν* и пр. изъ **ὁδ* + *πως*, **ὁδ* + *ποθεν* вслѣдствіе той же ассимиляціи, какъ и въ *ὅττι* изъ *ὁδ* + *τι*. Однако сосуществованіе двойственныхъ формъ съ двумя *ττ* и съ однимъ *τ* вызвало такое же колебаніе и въ словахъ съ *ππ*, вслѣдствіе чего рядомъ съ первоначальнымъ *ὅππως*, *ὁππόθεν* и пр. начали появляться и формы съ однимъ *π*: *ὅπως* *ὁπόθεν*, пока, наконецъ, это упрощеніе не взяло верхъ надъ удвоеніемъ согласнаго какъ при *ττ*, такъ и при *ππ*. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи одержалъ побѣду первый рядъ. Подобную побѣду, хотя не полную, одержалъ тотъ же рядъ также и въ дѣлѣ ударенія. Прежде всего измѣнено удареніе въ склоненіи слова *ὅτις* *ὅττι*, *ὅττευ* и пр. примѣнительно къ мѣсту, которое оно занимало въ склоненіи *ὅςτις*. Далѣе по образцу склоненія единственнаго числа, имѣвшаго во всѣхъ падежахъ по два слога (въ томъ числѣ и въ вин., такъ какъ вмѣсто *τίνα* древнѣе должно было быть **τίν*), удареніе его перенесено также и на всѣ прочія двусложныя слова этого рода, каковы *ὅπου*, *ὅπως* и пр.,

---

*) Въ формѣ *ὅττι* первое *τ* не превращалось въ *σ*, такъ какъ здѣсь дѣло касается внѣшняго sandhi; кромѣ того начальное *τ* въ *τίς τί* не чисто зубное, а собственно нёбное, какъ видно изъ его родства съ quis; ср. K. Z. XXVII, стр. 90.

между тѣмъ какъ въ многосложныхъ сохранилось прежнее удареніе: *ὁπόθεν* и пр.*).

Вопросъ о вопросительномъ или неопредѣленномъ значеніи второй части въ *ὅςτις* и *ὅτις* сталкивается съ вопросомъ о взаимномъ отношеніи обоихъ этихъ значеній, насколько для нихъ служатъ однѣ и тѣ же формы *(τίς* и *τὶς)*. Такъ какъ, однако, это не касается непосредственно синтаксиса сложныхъ предложеній, то достаточно будетъ пока упомянуть, что одни считаютъ неопредѣленное значеніе основнымъ и производятъ изъ него вопросительное (особенно Квичала въ его Untersuchungen auf dem Gebiete der Pronomina), другіе же, наоборотъ, кладутъ въ основаніе вопросительное значеніе и изъ него производятъ значеніе неопредѣленное (ср. Коршъ, Способы стр. 25 и 101).

---

*) Иначе ставитъ вопросъ Wackernagel въ K. Z. XXVII стр. 89 сл. Онъ признаетъ древнимъ индо-евр. типомъ только соединеніе *склоняемаго* относительнаго мѣстоименія ja и *склоняемаго* же неопредѣленнаго мѣстоименія ka, ki, такъ что *ὅςτις* было бы древнѣе, чѣмъ *ὅτι;* сообразно съ этимъ предполагаетъ онъ для *ὅπως ὅπου* и пр. болѣе древнія формы **ὧς πως* **οὗ που* и пр. Образованіе формы съ *ὅ* исходило-де исключительно изъ средняго рода: *ὅττι* и **ὅππο* (отъ предполагаемаго **ὅς πος*). Хотя морфологически не невозможно, чтобы одна форма повлекла за собою цѣлый рядъ другихъ, однако въ семазіологическомъ отношеніи остался бы тутъ совершенно открытымъ вопросъ, почему въ *этомъ* случаѣ греческое относительное мѣстоименіе пріобрѣло значеніе вопросительнаго.

И. Нетушилъ.

Наука объ эпиграфикѣ и мѣсто, занимаемое ею среди другихъ филологическихъ наукъ.

Фридрихъ Августъ Вольфъ въ своей системѣ филологическихъ наукъ ставилъ эпиграфику рядомъ съ исторіей литературы, какъ двѣ близко родственныя дисциплины, имѣющія обѣ предметомъ своимъ памятники письменности. Но знаменитый Августъ Бёкъ, который, собственно говоря, создалъ эпиграфику какъ науку и первый положилъ твердое основаніе методическому изданію и толкованію надписей, на первыхъ страницахъ своего монументальнаго „Корпуса греческихъ надписей“ утверждалъ, что для эпиграфики была бы слишкомъ большая честь, если бы ее поставить на ряду съ исторіей литературы, коей она составляетъ лишь одинъ отдѣлъ, отличаясь отъ нея не по содержанію и характеру памятниковъ, а лишь по матеріалу, на коемъ они начертаны.

Точно такъ же судилъ и ученикъ, а затѣмъ сотрудникъ Бёка Іоганнъ Францъ въ предисловіи къ своей извѣстной книгѣ: Elementa epigraphices graecae. Подлинныя его слова: quodsi quaeris in epigraphice quid sit illud, quod possit in artis formam redigi, palaeographia stilique in titulis conformatio ostendit se atque occurrit; quarum utraque etsi proponi potest quodammodo circumscripta finibus suis, tamen non ejusmodi est, ut divulsa altera ab universa palaeographia, altera a reliqua stilorum demonstratione artem peculiarem constituat, т.-е. если опредѣлить, что въ эпиграфикѣ можетъ быть приведено въ строгонаучную форму, то сами собою выдвигаются на первый планъ характеръ письма и литературная форма надписей: для каждой изъ нихъ, правда, могутъ быть установлены извѣстныя границы по отношенію къ родственнымъ дисциплинамъ, но ни та, ни другая не мыслимы какъ самостоятельныя науки, различныя, съ одной стороны, отъ общей палеографіи, съ другой — отъ общей исторіи стиля. Посему, заключаетъ Францъ, и наука о надписяхъ, или эпиграфика, по методу своему не отличается отъ обыкновенной

филологической критики и герменевтики. Такъ какъ на книгѣ Франца, и теперь еще послѣ полустолѣтія не замѣненной, воспиталось все послѣдующее поколѣніе эпиграфиковъ, то не удивительно, что подобное воззрѣніе на нашу науку и до сихъ поръ можетъ быть названо общепринятымъ, тѣмъ болѣе, что оно весьма сподручно большой массѣ филологовъ, которые благодаря ему пріобрѣтаютъ какъ бы право безъ предварительной подготовки вмѣшиваться и высказывать свое мнѣніе по самымъ сложнымъ вопросамъ эпиграфики.

Но правильно ли это мнѣніе или нѣтъ, можно рѣшить лишь послѣ тщательнаго разбора доказательствъ, приводимыхъ въ его пользу, при чемъ я считаю своею обязанностью по отношенію къ Бёку, великому ученому, впервые ихъ высказавшему, доводы, имъ только помѣченные, развить и пополнить на основаніи необыкновенно расширившихся нашихъ свѣдѣній.

Основное положеніе Бёка, какъ я уже сказалъ, было то, что памятники эпиграфическіе отличаются отъ литературныхъ лишь по матеріалу, на коемъ они начертаны. Именно послѣдніе писались (частные случаи я здѣсь, конечно, оставляю въ сторонѣ) на папирусѣ или пергаментѣ, надписи же гравировались на металлѣ и камнѣ, т.-е. на веществахъ болѣе прочныхъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что писчій матеріалъ не можетъ самъ по себѣ служить основаніемъ дѣленія, хотя бы имъ и обусловливались соотвѣтственно различныя нормы письма: иначе пришлось бы различать и между литературными произведеніями, писанными на пергаментѣ, и тѣми, которыя дошли до насъ на папирусѣ, какъ напр. рѣчи Гиперида, одно изъ стихотвореній Алкмана, трактатъ Аристотеля объ аѳинской политіи, холіамбы Герода и друг., такъ какъ и тутъ разница въ письмѣ такова, что извѣстный ученый V. Gardthausen въ своемъ учебникѣ палеографіи тамъ, гдѣ ему приходится говорить о папирусахъ, впадаетъ въ многочисленныя и довольно грубыя ошибки. Не слѣдуетъ забывать и того, что громадное большинство ученыхъ, занимающихся памятниками словесности, не имѣютъ вовсе дѣла съ оригиналами, а читаютъ ихъ въ транскрипціяхъ, для коихъ употребляется принятый въ печати греческій алфавитъ, совершенно тождественный, будетъ ли оригиналъ написанъ на папирусѣ или пергаментѣ, или же гравированъ на болѣе прочномъ матеріалѣ, камнѣ или металлѣ.

Если внѣшность такимъ образомъ не можетъ служить основаніемъ для различенія двухъ классовъ памятниковъ, то необходимо обратиться къ ихъ внутреннему содержанію и изслѣдовать, не найдутся ли здѣсь такія характерныя для каждаго черты, что ими установится рѣзкая между ними грань.

Бёкъ утверждалъ, что такихъ чертъ не существуетъ. И дѣйствительно если мы бросимъ бѣглый взглядъ на разные виды надписей, то всюду мы подыщемъ имъ аналогіи между литературными памятниками.

Начиная, по справедливости, съ самаго обширнаго класса надписей — народныхъ постановленій, законовъ и договоровъ, мы вспоминаемъ естественно, что цѣлый рядъ таковыхъ же памятниковъ дошелъ до насъ въ исторіи Ѳукидида, въ рѣчахъ Демосѳена и Андокида и у друг. авторовъ; мало того, что договоръ аѳинянъ съ элейцами, аргивянами и мантинейцами, который мы читаемъ въ пятой книгѣ Ѳукидида (cap. 47), найденъ теперь въ каменномъ оригиналѣ (C. I. A. IV, 1. 46 ср. Hermes XII, стр. 368 и 472, равно какъ и экскурсъ Classen'а въ его изданіи Ѳукидида передъ VIII-й книгой), что законъ Драконта о преслѣдованіи убійцы, дошедшій до насъ въ обломкахъ (C. I. A. I, 61), возстановленъ Ульрихомъ Кёлеромъ (въ Hermes II, стр. 27) по документу, помѣщенному въ рѣчи Демосѳена противъ Макартата (XLIII, с. 97), точно такъ, какъ народное постановленіе въ честь извѣстнаго аѳинскаго оратора и государственнаго человѣка IV-го в. Ликурга (C. I. A. II, 240) дополнено по не совсѣмъ точной копіи, внесенной Лже-Плутархомъ въ жизнеописаніе этого оратора (Ps. Plut. Vit. X Orat. p. 252 A).

Другой очень видный классъ надписей, если не по обширности памятниковъ, то по ихъ многочисленности—это вотивныя и надгробныя надписи. Какъ извѣстно, онѣ бываютъ изложены то въ прозѣ, то въ стихотворной формѣ, и эти послѣднія по-гречески именно и носятъ по преимуществу названіе *ἐπιγράμματα;* отъ нихъ и наша наука получила имя эпиграфики, такъ какъ ими раньше всего стали интересоваться образованные люди древности, начиная съ отца исторіи, и изъ нихъ преимущественно ученые составляли свои сборники *ἐπιγραμμάτων;* такъ уже между сочиненіями извѣстнаго аттидографа Филохора упоминается *ἐπιγράμματα Ἀττικά.*

Такъ какъ древніе поэты сочиняли свои эпиграммы дѣйствительно (большею частью на заказъ) съ цѣлью помѣстить ихъ на предметѣ, приносимомъ въ даръ божеству или на надгробномъ памятникѣ, а поэты александрійскіе, у коихъ и этотъ видъ поэзіи обратился въ игру остроумія и въ упражненіе досужаго ума, творили свои произведенія по старымъ испытаннымъ образцамъ, то не удивительно, что въ большинствѣ случаевъ эпиграммы на камняхъ и эпиграммы литературныя, если можно такъ выразиться, походятъ другъ на друга, какъ одна капля воды на другую, и даже не мало найдено на металлѣ и камнѣ такихъ, которыя буквально тождественны съ эпиграммами анѳологіи (напр. С. I. A. I, 388 = Antholog. Palat. VI, 138). Это замѣтилъ уже ученый издатель Палатинской анѳологіи Якобсъ, приведшій и нѣсколько примѣровъ; болѣе же полныя указанія мы находимъ въ книгѣ Kaibel'я: Epigrammata Graeca ex lapidibus collecta 1878, но и они уже должны считаться устарѣвшими и отставшими въ виду невѣроятно возросшаго за послѣднее десятилѣтіе числа этихъ памятниковъ. Новое сопоставленіе всего относящагося сюда матеріала далъ, кажется, Allen въ книгѣ: On greek versification in inscriptions (въ Papers of the American School at Athens IV, p. 1), но это сочиненіе мнѣ было недоступно.

Къ этимъ мелкимъ стихотворнымъ произведеніямъ сами собою примыкаютъ обширные гимны поэта Исилла, сдѣлавшіеся намъ извѣстными при раскопкахъ въ Эпидаврѣ и лишь по литературному достоинству, а не по характеру различающіеся отъ подобныхъ же произведеній напр. его современника Каллимаха (объ этихъ гимнахъ ср. Wilamowitz-Möllendorf, Isyllos von Epidauros въ его Philolog. Unters. B. X. 1886).

Чтобы окончить это сопоставленіе укажу лишь мимоходомъ на руководство грамматики, открытое на аѳинскомъ акрополѣ и истолкованное Кёлеромъ (въ Mitth. d. deutsch. arch. Inst. VIII, 359), на не дошедшее до насъ разсужденіе Метона объ исправленіи календаря, выставленное имъ ко всеобщему свѣдѣнію на каменныхъ плитахъ на аѳинскомъ акрополѣ, и на извѣстную мраморную хронику, найденную на островѣ Паросѣ (куплена граф. Томасомъ Говардомъ Арунделемъ въ 1624 г., хранится въ Bodleiana въ Оксфордѣ, много разъ издавалась, между прочимъ у Карла Мюллера Fragm. Hist. Graec. I, p. 335); какъ та, такъ

и другая „надпись“ по всей справедливости могли бы быть включены въ число сочиненій древнихъ математиковъ и старинныхъ хронографовъ, разсматриваемыхъ исторіей литературы.

Такимъ образомъ казалось бы, что наше бѣглое обозрѣніе эпиграфическихъ памятниковъ подтвердило и доказало воззрѣніе Бёка и Франца на нашу науку, а между тѣмъ оно ошибочно, и ошибочно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, такъ какъ не всякій памятникъ письменности можетъ считаться предметомъ изученія для исторіи литературы, а во-вторыхъ, и это главное, не обращается должнаго вниманія на своеобразный характеръ эпиграфическихъ памятниковъ, существенно отличающихся отъ литературныхъ произведеній какъ по содержанію и цѣли, такъ и по формѣ.

Всѣ надписи, поскольку онѣ составляютъ предметъ эпиграфики, или по крайней мѣрѣ подавляющая ихъ масса, суть юридическіе документы, instrumenta iuris publici et privati, sacri et profani, и какъ таковые и должны быть нами изучаемы.

Такой ихъ характеръ сказывается уже во внѣшней формѣ, въ способѣ изложенія. Не говоря уже о неизмѣнныхъ почти вѣками формулахъ, коими онѣ большею частью начинаются и заключаются, самый текстъ памятниковъ рѣзко отличается отъ современныхъ произведеній литературы по своеобразному стилю, чуждому (по крайней мѣрѣ въ лучшія времена Греціи) всякой витіеватости, съ перваго взгляда почти грубому и неотесанному, въ сущности же замѣчательно точному и лаконически сжатому, — если можно такъ выразиться, монументальному. Своеобразность стиля не составляетъ исключительной особенности греческихъ надписей, она свойственна вообще всѣмъ юридическимъ документамъ, начиная съ древности и до нашего времени. Недостаточно быть хорошимъ латинистомъ, чтобы вникнуть во всѣ тонкости Corporis juris civilis, можно отлично знать французскій языкъ и становиться втупикъ предъ опредѣленіями Code Napoléon: точно такъ же пониманіе и толкованіе греческихъ надписей не обезпечивается хорошимъ знаніемъ правилъ греческой грамматики и законовъ ея стилистики; не достаточно для этого, какъ думалъ Францъ, владѣть всѣми средствами филологической критики и герменевтики: это лучше всего доказываютъ многіе весьма ученые филологи (назову одного только Белоха), которые, приступая неподготовленными къ толкованію надписей, вычитываютъ изъ нихъ невозможныя до смѣшнаго вещи.

Нѣтъ! безъ особой предварительной подготовки, безъ усвоенія спеціальныхъ методовъ эпиграфики нельзя читать, понимать, толковать надписей.

Наоборотъ, по той же причинѣ надписи не могутъ непосредственно и безъ ограниченій служить изученію стиля той эпохи, къ которой онѣ относятся по времени начертанія на камнѣ; конечно, было время, когда ихъ выраженія, ихъ обороты рѣчи, ихъ формулы имѣли непосредственную связь съ живою рѣчью народа, но сколько протекло лѣтъ, вѣковъ съ тѣхъ поръ — вотъ вопросъ! и потому, съ этой точки зрѣнія, онѣ являются свидѣтелями не настоящаго для нихъ, а давнопрошедшаго. Можно ли то же самое сказать хоть объ одномъ памятникѣ литературы?

Но не одна форма изложенія составляетъ характерную особенность надписей, еще болѣе онѣ отличаются по содержанію и цѣли. Цѣль ихъ — служить юридическими актами, документировать извѣстныя права и обязанности. Я не стану распространяться о тѣхъ классахъ надписей, гдѣ цѣль эта вполнѣ очевидна: объ интернаціональныхъ трактатахъ, законахъ и постановленіяхъ отдѣльныхъ общинъ и обществъ, объ актахъ финансоваго управленія и религіознаго культа, о частныхъ документахъ по вещному и обязательственному праву,—тутъ цѣль эта не нуждается въ доказательствахъ, и если подобные документы встрѣчаются и въ нашихъ литературныхъ памятникахъ, въ текстѣ Ѳукидида, Полибія, Демосѳена, Андокида, Плутарха и друг., то и тамъ они служатъ, какъ легко можетъ убѣдиться всякій, той же цѣли, т.-е., по мысли автора, являются и самыми лучшими и самыми подлинными доказательствами извѣстныхъ правовыхъ отношеній.

Я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ лишь относительно двухъ уже упомянутыхъ мною видовъ надписей, гдѣ скорѣе можетъ возникнуть сомнѣніе: надписяхъ вотивныхъ и надгробныхъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что главная и первоначальная цѣль послѣднихъ усвоить права собственности на извѣстное мѣсто данному лицу, хотя и умершему, коего имя вырѣзывалось на гробовой доскѣ. Что онѣ не предназначались для увѣковѣченія памяти, доказывается уже древнѣйшей ихъ формой: „такой-то, сынъ такого-то“ или еще проще: имя покойнаго въ родительномъ падежѣ — вотъ и все, что мы узнаемъ изъ нихъ. Кромѣ того, весьма яснымъ доказательствомъ указаннаго мною юридическаго харак-

тера этихъ надписей служитъ нерѣдко встрѣчаемое въ нихъ опредѣленіе штрафа противъ тѣхъ, которые незаконнымъ образомъ вздумали бы себѣ присвоить погребальное мѣсто (объ этомъ вопросѣ ср. спеціальное изслѣдованіе G. Hirschfeld'а въ Königsberger Studien. H. 1.); этотъ параграфъ, правда, встрѣчается до сихъ поръ наичаще лишь въ надписяхъ позднѣйшаго, римскаго времени, но это показываетъ, по-моему, лишь то, что раньше, въ лучшія времена, права покойныхъ болѣе свято хранились въ силу нравственныхъ убѣжденій и для обезпеченія ихъ достаточно было эти права констатировать въ надгробной надписи (C. I. G. 2824 и 2826). Еще характернѣе, быть можетъ, встрѣчающаяся иногда въ концѣ подобныхъ надписей формула: *τοῖς κληρονόμοις μου οὐκ ἐπακολουθήσει τοῦτο τὸ μνημεῖον;* фраза эта значитъ, что погребальное мѣсто не переходитъ съ остальнымъ достояніемъ по наслѣдству — все свое имущество, всѣ богатства покойный долженъ оставить своимъ наслѣдникамъ, за собой онъ сохраняетъ лишь право на тотъ небольшой клочокъ земли, гдѣ лежитъ его прахъ (C. I. G. 3270).

Наиболѣе сомнительнымъ можетъ быть юридическій характеръ вотивныхъ надписей, начертанныхъ на приношеніяхъ богамъ. Но, во-первыхъ, ими данная вещь усвоялась извѣстному богу, а это было важно особенно тогда, когда въ одномъ и томъ же храмѣ чтилось нѣсколько божествъ (напр. на Делосѣ Аполлонъ, Артемида, Латона), и могло быть сомнительно, кому изъ нихъ была принесена въ даръ та или другая вещь; во-вторыхъ, для самого жертвователя былъ прямой интересъ, чтобы его имя не осталось безызвѣстнымъ, и имъ руководило не одно тщеславіе, иногда ведшее къ тому, что имя настоящаго жертвователя стиралось и замѣнялось ложнымъ (такъ, по свидѣтельству Геродота, на кратерѣ Креза было начертано имя лакедемонянъ). Интересъ жертвователя былъ гораздо болѣе непосредственный и существенный; всякое приношеніе являлось не столько результатомъ истиннаго благочестія (въ нашемъ смыслѣ слова), не знающаго корысти, сколько въ силу извѣстнаго обязательнаго отношенія между человѣкомъ и божествомъ (отсюда и латинское выраженіе religio) — оно было воздаяніемъ за извѣстныя блага, или уже дарованныя божествомъ или ожидаемыя отъ него, что̀ вѣрующіе иногда заявляли въ весьма наивной формѣ: „сіе приношеніе дѣлаю за такія-то благо-

дѣянія, а продлишь ихъ или умножишь, воздамъ и я соотвѣтственно больше". Не удивительно, что при такихъ воззрѣніяхъ вотивныя надписи представляются намъ то въ видѣ квитанцій за выплаченный божеству долгъ (выраженіе напр. Катулла с. 36, 16: acceptum face redditumque votum, т.-е. „пріими обѣтованное и возврати обѣтъ", уже старинной формой face вм. fac и точностью выраженія напоминаетъ юридическій стиль), то въ качествѣ векселей, представляемыхъ ему вѣрующими, такъ сказать, ко взысканію. „Если я когда-либо приносилъ тебѣ жирныя бедра быковъ, то услышь мою молитву", восклицаютъ безграмотные гомеровскіе герои: ихъ болѣе образованные потомки предпочитали посвятить божеству напр. мѣднаго быка (какъ болѣе долговѣчнаго) и на немъ надписать свое имя; какъ люди весьма осторожные и до крайности подозрительные, греки не совсѣмъ полагались на память своихъ боговъ, и легкое напоминаніе о своихъ заслугахъ не считали излишнимъ, тѣмъ болѣе, что за даръ, принесенный божеству, подчасъ могли расплатиться и его жрецы. Подобныя соображенія руководили, по всей вѣроятности, и упомянутымъ уже поэтомъ Исилломъ, когда свои гимны въ честь Асклепія онъ позаботился выставить на мраморныхъ плитахъ въ святилищѣ этого бога въ Эпидаврѣ; за нѣкоторыя благодѣянія, приписанныя имъ этому богу, онъ устроилъ въ честь его торжественную *πομπή*, т.-е. процессію, и дабы сей актъ благочестія не изгладился изъ памяти, онъ увѣковѣчилъ на камнѣ всѣ документы — въ данномъ случаѣ стихи, пѣтые во время процессіи.

Стихотворная форма, въ которую часто бываютъ облечены какъ эти вотивныя, такъ и надгробныя надписи нисколько не измѣняетъ ихъ первоначальнаго юридическаго характера: извѣстно, что въ древнѣйшія времена всѣ правовыя положенія часто излагались въ мѣрной рѣчи; въ данномъ же случаѣ она служила лишь къ вящшему благолѣпію драгоцѣннаго приношенія или изящнаго погребальнаго памятника.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ главные и существенные виды эпиграфическихъ памятниковъ, я не стану останавливаться на такихъ, кои дошли до насъ въ двухъ, трехъ образцахъ, да и никто этого не можетъ отъ меня требовать; страсть увѣковѣчивать свое имя, свои болѣе или менѣе остроумныя мысли — продуктъ не XIX в., а была извѣстна въ сильной мѣрѣ и древнимъ грекамъ, и празд-

ный господинъ, который на островѣ Ѳерѣ приписалъ на чьемъ-то надгробномъ камнѣ *πόρνος*, и тотъ, кто на народномъ постановленіи аѳинскомъ начерталъ: *ὁ δεῖνα κλέπτης*, не думали, конечно, дать намъ юридическій документъ дурной репутаціи этихъ людей, но еще менѣе подобныя выходки могутъ считаться произведеніями изящной литературы.

Наконецъ, общераспространенный въ греческихъ общинахъ обычай опубликовывать законы, постановленія и другіе акты верховной власти при помощи начертанія на деревянныхъ, каменныхъ, металлическихъ плитахъ повелъ къ тому, что и частныя лица стали прибѣгать къ тому же способу, чтобы дать произведеніямъ своего ума большее распространеніе въ публикѣ или бо́льшую долговѣчность. Первая цѣль руководила Метономъ, когда онъ начерталъ свой проектъ исправленія календаря на камнѣ и выставилъ его на аѳинскомъ акрополѣ, она же руководила и неизвѣстнымъ авторомъ найденнаго тамъ же руководства „тахиграфіи", т.-е. стенографіи, какъ мы привыкли говорить (трактатъ этотъ истолкованъ Gomperz'омъ въ Sitz.-Ber. Вѣнской Академіи за 1884 г. стр. 339); вторую цѣль преслѣдовали, вѣроятно, авторы Паросской хроники и такъ наз. Tabulae Iliacae (изображеній изъ троянскаго цикла съ объяснительными подписями), по всей вѣроятности, предназначенныхъ для употребленія въ школѣ и потому требовавшихъ извѣстной прочности. Но всѣ эти только-что приведенные памятники (и я не знаю другихъ въ томъ же родѣ) лишь случайно попали, если можно такъ выразиться, на камень по фантазіи своихъ авторовъ и съ нашей наукой ничего общаго не имѣютъ, кромѣ начертанія на камнѣ, но тутъ именно приходится повторить положеніе Бёка, что „писчій матеріалъ не можетъ быть признанъ достаточнымъ основаніемъ для дѣленія (а слѣдовательно, и для сопоставленія) памятниковъ".

Въ виду всего сказаннаго я осмѣлюсь утверждать, что греческія надписи должны быть разсматриваемы не какъ памятники литературы (хотя послѣдняя, конечно, иногда можетъ пользоваться ими для своихъ цѣлей), а какъ юридическіе документы, требуя посему для своего изученія особыхъ познаній и особаго метода — познаній и метода, составляющихъ именно предметъ нашей науки, эпиграфики.

Послѣдняя является такимъ образомъ наукой вполнѣ самостоятельной по отношенію къ исторіи литературы, но не вполнѣ ей равноправной; такъ какъ памятники изящной литературы всегда имѣютъ и будутъ имѣть значеніе помимо тѣхъ свѣдѣній, кои мы можемъ изъ нихъ черпать, а юридическіе документы важны для насъ лишь какъ источники государственнаго и частнаго права и какъ свидѣтельства правовыхъ понятій даннаго народа, то и исторія литературы по сравненію съ эпиграфикой обладаетъ большимъ достоинствомъ и занимаетъ болѣе почетное мѣсто въ ряду филологическихъ наукъ.

В. Шефферъ.

Horatiana.

Scripsit Theodorus Korsch.

I.

Carm. I, 9, 23 sq.:

Pignusque dereptum lacertis
Aut digito male pertinaci.

Hic cum priores interpretes *male* adverbium fere pro eo, quod est *parum*, accipere soliti essent, nunc, postquam Wölfflinus in libello, quem de comparatione latina scripsit, illud ipsum vocabulum, quandocumque adiectivis vitium significantibus additum esset, non minuendi, sed augendi vim habere demonstravit, exstiterunt non nulli, qui hanc legem in locum, de quo agimus, cadere existimarent exemplo quoque apposito Prudentii *Cathem.* 14: *male pertinax Vincendi studium subiacuit casibus asperis.* Sed quo maiorem fidem habemus Wölfflino, eo minus persuaderi nobis patimur Horatium, poetam etsi non, ut quibusdam videtur, perfectum, at certe elegantem, id dixisse, quod eum dicentem faciamus necesse est, si Prudentiani versus similitudine abutamur. Quis enim credat puellam, quae per iocum se occultaverit vel potius ut amantis studium irritaret, postquam se ipsa prodiderit, eis, quas modo provocabat, blanditiis nimis pertinaciter obsistere? Verum tamen et Wölfflinus illius adverbii usum felicissime, ut cetera, explicavit nec Horatius praeter consuetudinem quicquam absurdi peperit. Nam quoniam *pertinax* ambigue dicitur, ut, siquis in mala aliqua re talem se praestiterit, vitium sit, sin in bona, laudi tribuatur, hic, ubi de pudicitia defendenda agitur, id est de re laudabili, quamvis per simulationem fiat, *male pertinacem* non ita esse positum, ut apud Prudentium, sed ut *male sanum, male fidum, mal fortem* similia dictum esse satis apparet.

II.

Epod. 2, 37 sq.:

Quis non malarum, quas amor curas habet,
Haec inter obliviscitur?

De his versibus Lucianus Müllerus in Prolegomenis editionis II, quae anno MDCCCLXXIX apud Teubnerum Lipsiensem prodiit, scripsit haec: „*Amori* nullus locus in homine faeneratore solique pecuniae dedito; et ne coniugalis quidem foederis hoc modo potuisse fieri mentionem apparet ex sequentibus. Fortasse scribendum *quas ager curas habet,* ut *ager* collective sit dictus, ut saepe. Nam labores et curas vitae rusticae quis ignorat?" Ita Müllerus in Teubneriana altera, in Rickeriana autem, quae Gissae in lucem emissa est, idem, quod illic dubitanter coniecerat, inter ipsa poetae verba exprimendum curavit. Sed mox eum huius inventi paenituit: nam in proxima recensione, quae anno MDCCCLXXXV ex officina eiusdem Teubneri exiit, codicum scripturam restituit, cruce tamen praeposita. Vides virum acutissimum et non gloriolae, sed veri appetentem rem pro dignitate sua gessisse: nam cum volgatam quae dicitur lectionem ferri non posse et perspexit et comprobavit, tum eam, quam ipse proposuerat, medellam, postquam sententiarum nexum acrius rimatus ab re alienam esse iudicavit, etsi tum temporis nullam meliorem praesto habebat, tamen repudiare non veritus est. Neutrum iniuria, quamquam Hirschfelderus in Bursiani relationibus annuis (XI p. 69) de *laboris* vocabulo agens, quo Henricus Müllerus hunc locum sanari posse sperabat, haec pronuntiavit: „aber das folgende *quodsi pudica mulier* spricht ja für die Ueberlieferung", nempe, ut videtur, de uxoris amore cogitans, Gebhardius autem in Fleckeiseni annalibus (130 p. 182), ut illam ipsam Luciani Mülleri coniecturam refelleret, sic Alfium descripsit: „er kennt die curae amoris sehr wohl, um Ruhe vor ihnen zu finden, sehnt er sich nicht zum mindesten in die idyllische Einsamkeit" additque vitam rusticam ab Ovidio inter remedia amoris commendari atque adeo ipsum Ovidii consilium ex Alfii verbis petitum esse.

Vix credibile, atqui
Sic est.

Eumne, qui, simulatque rusticationis laudes absolvit, *omnem redegit Idibus pecuniam, quaerit Kalendis ponere,* curis amoris eo red-

actum esse, ut urbani lucri oblitus Arcadicam illam solitudinem desideraret? Sed fac eum nescioquo amore in urbe cruciari: quid istud ad uxorem rusticam, de qua paullo infra loquitur? num Romae reperire non poterat, quae sibi nuberet? At enim Sabinam vel Appulam volebat. Credat Iudaeus Apella! Si interpretes dulcibus Alfii verbis tamquam consopiti ab eius natura animum averterunt, ut re vera eum *iam iam futurum rusticum* crederent, at Horatius probe meminerat, qualem eum cogitatione concepisset. Quae cum ita sint, tela Cupidinis, undecumque eis Alfium petitum esse conieceris, in illo eius amore nihil prorsus habent negotii. *Agri* autem vocabulum cur Lucianus Müllerus, cum proposuisset, mox retraxerit, causa videtur esse haec. Agri culturam suas curas habere etiam si in universum verum est, tamen hic earum mentionem fieri non sane probabile videtur, quia vitae rusticae non modo quies et tranquillitas, sed etiam labores quasi maxima commoda ab Alfio efferuntur. Sin autem eas agri curas intellegemus, quales sunt eae, quae carm. III, 1, 29 sqq. commemorantur, *verberatae grandine vineae Fundusque mendax, arbore nunc aquas Culpante, nunc torrentia agros Sidera, nunc hiemes iniquas,* huiusmodi calamitatum minime *oblivisci* potest is, qui summam impendit operam, ut, quoad eius fieri possit, eis, quae conseverit produxeritque, talia prohibeat. Quae de *agro* disputavimus, ad illud, quod Müllerum Henricum coniecisse supra dictum est, *laborem* nihilo minus pertinent. Accedit, quod nuda *laboris* mentio non satis explicata est. Quibus a reprehensionibus undique tutum videtur Scrinerii Batavi inventum, quod anno MDCCCLXXXVII Mnemosynae vol. XV p. 325 volgatum est, *Roma quas curas habet;* sed huic machinam admovebo grammaticam, qua et ceteras coniecturas, quae ad hunc locum sanandum adhibitae sunt, et ipsam librorum scripturam collabefacere atque evertere posse videor. Nam quibus locis Horatius hoc genus attractione usus est — sunt autem non amplius duo, quos si non e numero, sed ex ipsa re aestimabis, ad unum reducentur, sat. I, 4, 2: *alii, quorum comoedia prisca virorum est* et 10, 16: *Illi, scripta quibus comoedia prisca viris est* — horum igitur exemplorum rationem longe aliam esse manifestum est: utrumque enim ita comparatum est, ut attractum vocabulum pronomini nihil prorsus addat novi. Tolle, si placet, *virorum* vel *viris:* numquid desiderabis? sin *curas* sustuleris, et vocabulum eximes cum maxime necessarium et adiectivum nomine privabis. Itaque illa duo attractionis

exempla ab hoc *malarum quas amor curas habet* dupliciter differunt: nam nomen habent et nudum et per se supervacaneum. Verum enimvero ut illa, quae tradita sunt, defendi nequeunt, ita remedia a viris doctis ad hunc diem excogitata ipsis, quibus nituntur fundamentis, peccare mihi videntur. Nam equidem corruptelam non in *amoris* mentione odoror — alius enim amor hic potest intellegi ac feminarum, — sed in illo genetivo *malarum*, quem usui Horatiano adversari modo vidimus, potius quaerendam esse existimo. Quod si tenebimus, illud ante omnia investigandum est, cuius rei amorem poeta hic designaverit. Quam enim late hoc vocabulo usus sit, his apparet exemplis: carm. IV, 4, 12: *amor dapis atque pugnae*, sat. II, 1, 10 *a. scribendi*, 3, 78 *argenti*, 244 *pravorum*, epist. I, 1, 36 *laudis*, 7, 85 *habendi*, 16, 52 *virtutis*, artis poet. 469 *famosae mortis*. Atque Alfius, quamvis in ruris voluptatibus animo informandis negotii sui oblitus esse videretur, tamen, cum se totum lucro dedisset, minus quam quisquam alius ignorare poterat eos, quos recenseret, labores non voluptatem solam creare, sed, si recte successissent, etiam divitias afferre eamque ob causam potissimum, non propter rei dulcedinem suscipi solere. Ergo domum suam rusticam non pauperem fingit, sed divitem (v. 65). Neque veri simile esset, si faenerator cogitationibus a persona sua prorsus abhorrentibus ita se abripi pateretur, ut id, in quo versari soleret, ne verbo quidem tangeret. Quod ubi aptius facere potuerat, quam eo loco, quo eum nunc de quodam amore loquentem legimus? Haec ego postquam mecum persecutus sum, in animum induxi in Feti nostri interpretatione requirere, siquid homo poeta in illas tenebras suae lucis intulisset. Inveni autem haec:

Какихъ корыстныхъ думъ такая тишина
Беспечной жизни не развѣетъ?

Scio equidem non defuturos, quibus tale testimonium leve ac paene indignum esse videatur, quia poetae sit, non grammatici sive, ut planius dicam, philologi; sed quicumque in litterarum monumentis explicandis operam collocaverunt, cum in singula potissimum cogitationem intendant, eius, quem forte interpretantur, consilium et sensum non numquam minus facile assecuntur. Atque in scriptores rarius ita peccamus, in poetas vero persaepe; nam verus poetae inter-

pres poeta est. Quid multa? illa, quae exposui, universa consideranti haec mihi coniectura sese obtulit:

*Quis non, **bonorum** quas amor curas habet,*
Haec inter obliviscitur?

Quod nequis forte insanientem me repperisse putet, in Bernensi codice 363, qui est unus ex antiquissimis, sat. I, 1, 79, ubi *bonorum* esse debebat, itidem *malorum* scriptum est, scilicet non intellecta ironia, qua usus Horatius molestias et pericula, quibus avari vita abundat, contrario nomine significare voluit. Nec dissimilis fuit hoc, de quo disputamus, loco eiusdem permutationis causa: nam aliquis, cum *bonorum* genetivum ex *obliviscendi* verbo pendere sibi persuasisset, sententiae inde ortae perversitatem non iniuria miratus obiectum quod videbatur ad suum ingenium refinxit, ut verbo aliquatenus accommodaret. Quamquam nescio an probabilius sit eum, cui faeneratorem debemus amore pereuntem, *bonorum* vocabulum de viris intellexisse; quod si ita est, facere non potuit homo sagacissimus, quin illum *amorem* in mulierculas detorqueret easque, ut par erat, malas. Ceterum eandem mutationem deprehendisse videor in Theognidis v. 423 sq.:

Πολλάκι γὰρ τὸ κακὸν κατακείμενον ἔνδον ἄμεινον,
Ἐσθλὸν δ' ἐξελθὸν λώιον ἢ τὸ κακόν,

ubi elegiaci alterum dimidium sic fere restituendum esse puto:

χεῖρον ἔγεντο κακοῦ

sive aliter, dum haec evadat sententia, bonum, si exierit, malo deterius interdum fieri. Quod quidam cum concoquere non potuisset, deteriori melius substituit, verbis scilicet, non re. Sed, ut ad Horatium revertar, quod coniectura nostra accepta *obliviscendi* verbum genetivum non habet, id non magis offendit, quam quod illo Terentiano

Populo ut placerent quas fecisset fabulas

nominativus desideratur, quippe qui in accusativum abierit.

Докимасія властей въ Драконовой конституціи.

(*Ἀριστοτ. Ἀθ. πολ. 4*).

„Девять архонтовъ и казначеевъ избирали изъ числа имѣющихъ свободнаго имущества не менѣе 10 минъ;... въ стратеги и гиппархи назначали изъ числа тѣхъ, которые показывали свободнаго имущества не менѣе ста минъ и кромѣ того имѣли дѣтей, рожденныхъ отъ законной жены и имѣвшихъ отъ роду болѣе 10 лѣтъ". Слѣдующей фразы нашъ переводчикъ, г. Шубинъ, не перевелъ; не перевели ея также и нѣмецкіе переводчики, Кайбель и Кисслингъ. Изъ послѣдней статьи Рейнака (Revue des études grecques IV 143 сл.) о Драконовой конституціи можно заключить, что ея смыслъ остался непонятнымъ какъ ему, такъ и Кауеру и Гедлему (Classical Review V 166 сл.).

Въ изданіи Кайбеля и Виламовица она имѣетъ слѣдующій видъ: *τούτους δὲ δι...... τοὺς πρυτάνεις καὶ τοὺς στρατηγοὺς καὶ τοὺς ἱππάρχους τοὺς ἕνους μέχρι εὐθυνῶν, ἐγγ[υη]τὰς δ'* (т.-е. *τέτταρας) ἐκ τοῦ αὐτοῦ τέλους δεχομένους οὗπερ οἱ στρατηγοὶ καὶ οἱ ἵππαρχοι.* Пропало, такимъ образомъ, всего одно слово. Конструкціей требуется глаголъ, притомъ въ неопредѣленномъ наклоненіи; изъ двухъ винительныхъ *τούτους δὲ* (т.-е. *τοὺς στρατηγοὺς καὶ τοὺς ἱππάρχους,* какъ видно изъ предыдущаго) и *τοὺς πρυτάνεις... τοὺς ἕνους* одинъ долженъ быть подлежащимъ, другой — дополненіемъ къ этому глаголу; а такъ какъ *οἱ στρατηγοὶ καὶ ἵππαρχοι* повторяется въ обстоятельственномъ предложеніи съ *δεχομένους,* то мы должны подлежащимъ считать *τοὺς πρυτάνεις... τοὺς ἕνους,* а *τούτους δὲ* — дополненіемъ. Въ справедливости нашего предположенія убѣждаетъ насъ и слово *δει,* приписанное корректоромъ надъ началомъ пропавшаго слова. Это вовсе не поправка, какъ полагалъ Кеніонъ — напрасно стали бы мы искать слова, начинающагося съ *δει-*, которое подходило бы къ нашему мѣсту — а verbum finitum *δεῖ,* которое корректоръ прибавилъ, замѣтивъ, что недостаетъ verbum regens къ пропавшему неопредѣленному, равно какъ и къ неопредѣленнымъ въ слѣдующихъ фразахъ — *βουλεύειν, κληροῦσθαι, ἄρχειν, κληροῦν.*

Вотъ что говоритъ намъ грамматика; попробуемъ теперь опредѣлить смыслъ фразы и съ его помощью возстановить пропавшее слово. Перевести фразу можно будетъ пока слѣдующимъ образомъ: „этихъ (т.-е. новыхъ стратеговъ и гиппарховъ) должны....... пританы вмѣстѣ съ прошлогодними стратегами и гиппархами, съ правомъ штрафовать ихъ, принимая отъ каждаго четырехъ поручителей изъ того же сословія, къ которому принадлежатъ и сами стратеги и гиппархи". Итакъ, новоизбранные военачальники должны предстать передъ коллегіей, въ которой принимали участіе и ихъ предшественники, и привести поручителей... въ чемъ? Возможенъ только одинъ отвѣтъ: въ томъ, что они удовлетворяютъ вышеозначеннымъ условіямъ, т.-е. что у нихъ есть свободнаго имущества не менѣе ста минъ и законныя дѣти старше 10 лѣтъ. Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ провѣркой законности избранія новыхъ стратеговъ и гиппарховъ, т.-е. съ ихъ докимасіей.

По свидѣтельству Кеніона и Кайбеля съ Виламовицемъ, отъ пропавшаго слова остались буквы *δι;* если бы это было такъ на самомъ дѣлѣ, то единственнымъ возможнымъ дополненіемъ было бы *δι[αδικάζειν]*. Это слово имѣетъ обыкновенно другое значеніе, но въ одномъ случаѣ (ср. В. В. Латышевъ, Очеркъ греч. древн. I, 204; C I A II 841 b.) *διαδικασία* является синонимомъ слова *δοκιμασία*, означая провѣрку фратріями законности гражданскихъ правъ заподозрѣнныхъ членовъ. Но я имѣю основаніе полагать, что Кеніонъ находился подъ вліяніемъ приписки корректора, принятой имъ за корректуру *(δει)*, а Кайбель съ Виламовицемъ, сличившіе только факсимиле, подъ вліяніемъ Кеніона. Факсимиле сличилъ и я, притомъ довольно тщательно, и могу засвидѣтельствовать, что буквы *ι* нѣтъ, а есть только пятно, очертанія котораго скорѣе дозволяютъ предполагать, что пропавшая буква закруглялась въ нижней своей части, т.-е. была *ε* или *ο*, но не *ι*. Ничто, поэтому, не мѣшаетъ намъ дополнить фразу такъ: *τούτους δὲ δ[οκιμάζειν] τοὺς πρυτάνεις κτέ*[1]).

Ѳ. Зѣлинскій.

---

[1]) Въ полученномъ мною только-что изданіи Herwerden'а и v. Leeuwen'а предлагается *δι[ατηρεῖν]* и *ἐπιμελητάς* вм. *ἐγγυητάς*. Я тщетно доискивался смысла „возстановленной" такимъ образомъ фразы.

О словѣ „lada“ въ ликійскомъ языкѣ.

Ликійскія надписи, какъ извѣстно, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: къ первой относятся эпиграфическіе памятники эллинскаго алфавита и языка, вторая представляетъ собою образцы того алфавита и языка, которые были въ употребленіи у туземныхъ жителей Ликіи трамиловъ[1]) до эллинизаціи ихъ въ эпоху діадоховъ, когда греческій языкъ въ этой области сталъ господствующимъ[2]). Алфавитъ этого второго вида ликійскихъ надписей въ основѣ своей — греческій[3]), но языкъ ихъ долженъ быть признанъ совершенно оригинальнымъ, имѣющимъ весьма мало общаго съ тѣмъ, на которомъ объяснялись эллины.

Уже въ 1831 г. F. A. Grotefend высказывалъ предположеніе о принадлежности ликійскаго языка къ группѣ индо-европейскихъ. Опредѣляя точнѣе мѣсто его въ послѣдней, Dan. Sharpe въ 1841 г. былъ склоненъ относить ликійскій языкъ къ числу иранскихъ[4]). Эту гипотезу старались возможно прочнѣе обосновать M. Schmidt и Savelsberg[5]). Подробно разсматривать различныя теоріи, высказанныя относительно ликійскаго языка, здѣсь я не буду и замѣчу лишь, что были попытки сближать его даже съ албанскимъ нарѣчіемъ[6]).

---

[1]) *Τρεμίλαι* они называются у Гекатея см. Стеф. Виз. п. сл., *Τερμίλαι* у Геродота I, 173, Tramili въ ликійскихъ надписяхъ. Въ послѣднихъ третья буква этого слова изображается посредствомъ знака X, о которомъ М. Шмидтъ говоритъ: „ix we hence concluded, that... X an a with *nasalisation*“... См. „The lycian inscriptions... by Moriz Schmidt“ Jena 1868, p. V.

[2]) См. „Lehrbuch der alten Geographie v. H. Kiepert. Berlin 1878“, p. 124, „Handbuch der griechischen Staatsalterthümer v. G. Gilbert II. 1885“, p. 183.

[3]) Кромѣ упомянутаго выше труда М. Шмидта, см. „Savelsberg. Beiträge zur Entzifferung der lykischen Sprachdenkmäler I, Bonn 1874“ pp. 1—22, „Kirchhoff, Studien zur Geschichte d. griech. Alphabets. 1887“, p. 59 sq.

[4]) См. „Ein Ausflug nach Kleinasien u. Entdeckungen in Lycien von Ch. *Fellows*, übersetzt von *Jul. Th. Zenker*. Leipzig 1853“ p. 409 sqq. Срв. „Vorstudien zur Entzifferung d. lykischen Sprachdenkm.“ въ Kuhns u. Schleichers Beiträge z. vergl. Sprachforsch.“ V, p. 253.

[5]) Кромѣ указанныхъ выше изслѣдованій этихъ ученыхъ, можно назвать M. Schmidt, Neue lykische Studien. Jena 1866; его же „Commentatio de inscriptionibus nonnullis lyciis. Lipsiae 1876“.

[6]) См. O. Blau „Versuch das Lycische aus dem Albanesischen zu erklären“. Срв. „M. Schmidt, The lycian inscriptions“ pg. III. Мнѣніе послѣдняго см. ibid. pg. VIII.

Цѣль настоящей замѣтки иная: остановить вниманіе читателя на одномъ фактѣ, не лишенномъ нѣкотораго интереса.

Во многихъ надписяхъ различныхъ ликійскихъ городовъ (Ксанѳа, Пинаръ, Телмисса, Антифелла, др.) встрѣчается слово „lada“. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда на памятникахъ рядомъ съ ликійскимъ текстомъ помѣщенъ и греческій переводъ (болѣе или менѣе точный), ликійскому „lada“ всегда соотвѣтствуетъ греч. *γυνή* [1]). Именит. пад. ед. ч. читаемъ, напр., въ слѣдующихъ надписяхъ [2]): Tlos № 1, Limyr. №№ 5, 6 (lada), винит. п. ед. ч. Antiphell. № 1, Limyr. №№ 4, 8 (ladu), соотвѣтствующій греч. дательный п. ед. ч. Limyr. №№ 1, 12, 14, 15, 19 и мног. др., Myr. №№ 1, 2, 3, 4, 8, Pinar. № 4, Telm. № 3, др. По мнѣнію М. Шмидта этотъ пад. въ ликійскомъ яз. звучалъ „ladi“, по мнѣнію же большинства изслѣдователей „lade“ (знакъ лик. алф. E первый приравниваетъ „i“, другіе — „e“).

Относительно значенія этого слова между учеными нѣтъ никакого разногласія. Достаточно указать на слѣдующее замѣчаніе М. Шмидта [3]): „...Filium tideimi *uxorem lada* vocatos esse certo scimus“...

Совершенно такое же по своей формѣ и весьма близкое по значенію слово встрѣчается, какъ извѣстно, въ нашемъ родномъ памятникѣ „Словѣ о полку Игоревѣ“:

„Не помыслить мыслію,
Не подумать думою,
Не видать очами —
Намъ милыхъ ладъ своихъ,
А златомъ и серебромъ
И подавно намъ не побрякивать!“

Такъ говорятъ русскія жены, обливаясь горькими слезами. Здѣсь „лада [4]) значитъ „супругъ“. Предполагать въ данномъ случаѣ простое заимствованіе изъ чужого языка едва ли, кажется, воз-

[1]) Иногда въ этомъ смыслѣ употребляется слово „gina“, но весьма рѣдко. См. „Ein Ausflug nach Kleinas. u. Endeck. in Lycien v. Ch. Fellows übersetzt v. Zenker“, p. 450 sq.

[2]) №№ по „The lycian inscriptions ....by M. Schmidt“.

[3]) См. „Commentatio de inscriptionibus nonnullis lyciis“, p. 14.

[4]) Интересно три вышеуказанныхъ падежа лик. „lada“ сопоставить съ славянскими „ЛАДА“, „ЛАДА“, „ЛАДѢ“. Вѣроятно, того же корня сл. „лад-ъ“, „ладный“, „при-лад-ить“ и т. п.

можно. Въ виду принадлежности ликійскаго языка къ числу индо-европейскихъ нѣтъ ничего удивительнаго, если въ немъ найдемъ слова одного корня и почти одного значенія съ славянскими[1]). Равнымъ образомъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что среди племени, которое населяло Ликію и называло себя трамилами, былъ славянскій элементъ, повліявшій и на ихъ языкъ. Быть можетъ, знатоки славянскихъ языковъ послѣ внимательнаго изученія ликійскаго нарѣчія откроютъ наибольшее сходство послѣдняго со славянскою отраслью индо-европейской семьи языковъ. Тогда о присутствіи славянскаго элемента среди трамиловъ можно будетъ говорить съ большею увѣренностью, теперь же какія-либо широкія обобщенія не совсѣмъ умѣстны[2]). Такъ или иначе, но самый фактъ существованія въ ликійскихъ надписяхъ и памятникѣ русской письменности XII вѣка слова одного и того же корня и весьма сходнаго значенія не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Если англичане[3]) съ ликійскимъ „lada“ сопоставляютъ свое „lady“, то тѣмъ болѣе мы имѣемъ право сопоставить упомянутое слово съ нашимъ „лада“.

Въ заключеніе своей замѣтки скажу слѣдующее:

1) неопредѣленное наклоненіе глаголовъ ликійскаго языка имѣетъ такое же окончаніе, какъ въ древне-славянскомъ, т.-е. „ти“: напр., itepitut*i*, что̀, по мнѣнію М. Шмидта, можно перевести *ταφῆναι*[4]);

2) изъ знаковъ ликійскаго алфавита ↑ = e весьма напоминаетъ ѧ кириллицы,)|(= ü, *υ* и особенно Ж = h, х букву ж нашей кириллицы. Срв. ⋊ = Ψ въ надписяхъ Локриды Озольской и Аркадіи. См. Kirchhoff Studien (1887) Taf. II (VI, XI).

С. Селивановъ.

---

[1]) О нѣкоторыхъ словахъ славянскаго корня, сохранившихся до сихъ поръ въ современномъ каппадокійскомъ нарѣчіи, см., напр., „*Μουσεῖον καὶ βιβλιοθήκη τῆς Εὐαγγελικῆς σχολῆς. Περίοδος τετάρτη*. 1880—1884. *Ἐν Σμύρνῃ* 1884“. *σελ.* 85, *ἑπόμ.*

[2]) Замѣчу мимоходомъ, что вопросъ о славянахъ въ Малой Азіи затронутъ былъ недавно на страницахъ одного изъ нашихъ журналовъ; см. „Наблюдатель“ февраль 1891 г. „Славяне и Тевтоны“ (Историко-этнографическій этюдъ) А. А. Быкова стр. 179 слѣд. Статья эта написана бойко и съ большимъ воодушевленіемъ, но съ нѣкоторыми выводами автора согласиться трудно.

[3]) См. „Ein Ausflug nach Kleinasien etc.“, p. 443.

[4]) См. „Commentatio de inscriptionibus nonnullis lyciis“, p. 22.

О методѣ веденія классныхъ переводовъ съ древнихъ языковъ на русскій.

Въ настоящей замѣткѣ, затрогивающей вопросъ, одинаково близкій какъ методикѣ древнихъ классическихъ языковъ, такъ и русскаго, въ виду его сложности, мы предполагаемъ ограничиться только тѣми частностями, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ постановкѣ классныхъ переводовъ исключительно на урокахъ отечественнаго языка. Суживая такимъ образомъ свою задачу, мы вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ показываетъ заглавіе статьи, оставляемъ совершенно въ сторонѣ всѣ иные виды домашнихъ и классныхъ упражненій, въ которыхъ такъ или иначе приходятъ въ соприкосновеніе задачи, преслѣдуемыя преподаваніемъ названныхъ предметовъ. Предлагаемая статья имѣетъ цѣлью лишь отчасти намѣтить путь для дальнѣйшихъ разностороннихъ обсужденій, которыя, будемъ надѣяться, не замедлятъ появиться на страницахъ „Филологическаго Обозрѣнія".

Съ прошлаго академическаго года въ учебныхъ планахъ нашихъ гимназій, вновь пересмотрѣнныхъ специальной комиссіей согласно съ настоятельными указаніями педагогическаго опыта, произошли, какъ извѣстно, нѣкоторыя довольно существенныя преобразованія. Въ частности замѣтнымъ перемѣнамъ подверглись требованія программы по предмету отечественной словесности, въ курсъ которой внесены между прочимъ новыя занятія, хотя и не составляющія особаго отдѣла преподаванія, но примыкающія къ кругу главнѣйшихъ практическихъ упражненій. Эти занятія состоятъ въ систематическихъ, правильно организованныхъ классныхъ переводахъ съ классическихъ языковъ на русскій небольшихъ, но цѣльныхъ и законченныхъ по содержанію отрывковъ избранныхъ произведеній греческой и римской литературы. Не представляя коренного нововведенія по существу, такъ какъ единичные опыты

въ томъ же родѣ бывали и прежде, данная постановка дѣла тѣмъ не менѣе является весьма замѣтнымъ отклоненіемъ отъ установившейся долговременной практики. Извѣстно, что подобныя стилистическія упражненія никогда еще не входили до сихъ поръ въ рамки систематическихъ оффиціальныхъ требованій по предмету отечественнаго языка, и даже лишь очень недавно, никакъ не болѣе четырехъ или пяти лѣтъ, были внесены въ нѣкоторыхъ округахъ особыми циркулярами въ составъ переводныхъ испытаній по обоимъ древнимъ языкамъ. Можно сказать, что такимъ образомъ въ очень недавнее время въ значительномъ большинствѣ гимназій они практиковались отрывочно и случайно, не подчиняясь строгому и правильному контролю, преимущественно по личной инпціативѣ немногихъ преподавателей, при чемъ лишь изрѣдка, въ наиболѣе сомнительныхъ случаяхъ, при оцѣнкѣ ученическихъ работъ на переводныхъ испытаніяхъ, къ обсужденію ихъ привлекались и преподаватели русскаго языка. Въ настоящее время напротивъ, въ виду ожидаемой пользы отъ правильныхъ методическихъ упражненій въ переводахъ съ древнихъ языковъ на отечественный, какъ по характеру ихъ, такъ и по назначенію, постановлено посвящать этимъ упражненіямъ опредѣленные часы не только на урокахъ обоихъ древнихъ языковъ, но также и русскаго. Этой постановкѣ дѣла, повидимому, будутъ соотвѣтствовать усиленные размѣры требованій въ данномъ направленіи на испытаніяхъ въ концѣ учебнаго года. Такимъ образомъ класснымъ переводамъ несомнѣнно предстоитъ въ близкомъ будущемъ занять видное мѣсто въ нашей учебной практикѣ. Цѣль ихъ — связать до извѣстной степени преподаваніе русскаго и классическихъ языковъ и пріучить воспитанниковъ старшихъ классовъ къ вполнѣ правильной и изящной въ смыслѣ литературныхъ требованій передачѣ предложеннаго на урокѣ отрывка древняго писателя, но, разумѣется, въ то же время передачѣ по возможности точной и близкой къ подлиннику.

По существующему теперь убѣжденію, подобные переводы съ древнихъ языковъ представляютъ незамѣнимое преимущество передъ всѣми остальными видами стилистическихъ упражненій на урокахъ русскаго языка, — на томъ основаніи, что они всего менѣе представляютъ удобствъ и возможности для нерадивыхъ учениковъ прибѣгать къ часто практикуемымъ въ подобныхъ случаяхъ школь-

нымъ злоупотребленіямъ съ цѣлью обхода стилистическихъ трудностей. Въ данномъ случаѣ напротивъ, ученикъ, поставленный въ необходимость передать мысль древняго писателя въ близкомъ къ подлиннику переводѣ, ограниченъ точными и неуклонными требованіями. Здѣсь мы имѣемъ еще пока дѣло съ соображеніями чисто стилистическаго характера; можно было бы прибавить къ этому также желаніе, чтобы подобныя упражненія преслѣдовали болѣе широкія цѣли, захватывая вопросъ глубже и стараясь способствовать болѣе сознательному усвоенію учениками самаго духа подлинника, который у менѣе одаренныхъ изъ нихъ иногда ускользаетъ отъ пониманія въ погонѣ за одностороннимъ изученіемъ грамматическаго матеріала. Можно надѣяться, что строго опредѣленныя требованія перевода, не допуская учениковъ скользить по общему смыслу переводимаго мѣста и не позволяя имъ довольствоваться смутнымъ и приблизительнымъ пониманіемъ читаемаго, при благопріятныхъ условіяхъ могли бы способствовать развитію мыслительныхъ способностей учащихся и препятствовать укорененію въ молодыхъ людяхъ свойственной ихъ возрасту поверхностности, а иногда и пагубныхъ задатковъ умственной лѣни. При переводѣ ученикъ обязанъ вполнѣ сознательно разобраться въ каждомъ отдѣльномъ предложеніи, постепенно овладѣть полнымъ смысломъ предложеннаго отрывка, уловить всѣ доступные его пониманію оттѣнки и, наконецъ, подыскать въ родной рѣчи соотвѣтствующую и удачную форму выраженія. Такая задача неизбѣжно предполагаетъ неспѣшное и сосредоточенное вниканіе не только въ общій смыслъ текста, но также и во всѣ встрѣчающіяся въ немъ стилистическія трудности и въ самые изгибы мысли, вызывая тѣмъ самымъ усиленную работу ума и напряженное вниманіе къ дѣлу. Вмѣстѣ съ тѣмъ все это уже само собой обусловливаетъ изощреніе навыка — плавно, отчетливо и красиво излагать мысли. Такъ при тщательномъ и искусномъ руководствѣ такіе переводы могутъ въ значительной мѣрѣ укрѣплять и дисциплинировать мысль, чтó впрочемъ, по нашему искреннему убѣжденію, можно было бы съ успѣхомъ и пользой распространить также и на переводы съ нѣмецкаго языка, въ которомъ тщательно обдуманное построеніе рѣчи часто представляетъ несомнѣнно весьма благодарную почву для соотвѣтствующихъ въ высшей степени образовательныхъ упражненій.

Такимъ образомъ со включеніемъ въ гимназическій курсъ новыхъ обязательныхъ занятій выступаютъ также новыя задачи и цѣли, которыя отнынѣ должны быть неуклонно преслѣдуемы при преподаваніи родного языка: съ одной стороны, названныя стилистическія упражненія предназначаются собственно помогать болѣе успѣшному осуществленію новѣйшей постановки древнихъ языковъ, и въ такомъ случаѣ ихъ роль является служебною*); но, съ другой стороны, имъ принадлежитъ также немаловажное самостоятельное значеніе для преподаванія собственно уже родного языка, въ курсѣ котораго они открываютъ цѣлую область полезныхъ и благодарныхъ упражненій, еще почти не затронутыхъ прежней педагогической практикой.

Несомнѣнно далѣе, что однимъ изъ главнѣйшихъ побужденій, вызвавшихъ указанное измѣненіе въ гимназической программѣ, было издавна настойчиво и строго-послѣдовательно проводимое стремленіе къ концентраціи учебныхъ занятій, заботливо группируемыхъ около основныхъ предметовъ преподаванія, какими въ классическихъ гимназіяхъ являются древніе языки. Какое видное мѣсто отводится новымъ упражненіямъ послѣдней гимназической программой, ясно уже изъ того, что въ перечнѣ обязательныхъ практическихъ занятій по русскому языку они получаютъ первенствующее мѣсто, будучи поставлены даже выше самостоятельныхъ ученическихъ сочиненій. Широкія надежды, возлагаемыя высшимъ учебнымъ начальствомъ преимущественно на указанный родъ упражненій, обусловливаютъ чрезвычайно сложную и отвѣтственную обязанность для учителей русскаго языка, которые въ настоящую минуту призваны озаботиться тщательно-обдуманной постановкой новаго для нихъ дѣла и къ добросовѣстному проведенію его на практикѣ. Въ виду всего сказаннаго, нельзя не пожелать возможно болѣе широкаго обсужденія связанныхъ съ занимающими насъ упражненіями вопросовъ въ нашей педагогической литературѣ въ видѣ руководящихъ статей и замѣтокъ, которыя облегчили бы трудъ множества отдѣльныхъ преподавателей на этомъ нелегкомъ и для многихъ непривычномъ поприщѣ.

*) Какъ извѣстно, такія упражненія, особенно въ старшихъ классахъ, предназначаются до извѣстной степени служить замѣной прежнихъ усиленныхъ требованій при переводахъ съ отечественнаго языка на древніе.

I.

Въ данномъ случаѣ наиболѣе существенное затрудненіе для преподаванія заключается, безъ сомнѣнія, въ совершенномъ отсутствіи опредѣленныхъ, твердо установившихся педагогическихъ традицій и строго выработанной системы, всегда имѣющей такое огромное значеніе въ дѣлѣ преподаванія. Извѣстно, что при преподаваніи каждаго учебнаго предмета система вырабатывается съ одной стороны цѣлымъ рядомъ продолжительныхъ и дружныхъ трудовъ многихъ преподавателей-практиковъ, которые время отъ времени излагаютъ въ печатномъ видѣ результаты накопившихся за много лѣтъ педагогическихъ наблюденій въ особыхъ статьяхъ и руководствахъ; съ другой стороны, она находится также въ большой зависимости отъ успѣховъ и движенія впередъ соотвѣтствующей данному учебному предмету науки.

Въ настоящемъ вопросѣ мы встрѣчаемъ трудности совершенно особаго рода: кромѣ своей новизны, уже по самой сущности дѣла, подобныя стилистическія упражненія стоятъ совершенно въ сторонѣ отъ теоретической науки и, будучи по преимуществу дѣломъ навыка и техники, должны, такъ сказать, сами пролагать себѣ путь къ выработкѣ стройной системы, при чемъ на первое время можно было бы, какъ намъ кажется, намѣтить лишь нѣсколько обязательныхъ условій.

Во-первыхъ, слѣдуетъ обращать заботливое вниманіе на выборъ темы, иногда притомъ неизбѣжно стѣсняемый ограниченностью матеріала, подготовляемаго преподаваніемъ древнихъ языковъ; далѣе, необходимо тщательное разграниченіе задачъ, преслѣдуемыхъ преподаваніемъ нѣсколькихъ соприкасающихся предметовъ, для того, чтобы упражненія на урокахъ одного преподавателя не явились въ глазахъ учениковъ только близкой и безцѣльной варіацией однородныхъ упражненій въ классѣ другого, и столь же необходимо по возможности строго опредѣлить и сдѣлать осязательными границы между требованіями точности и изящества перевода (какъ извѣстно, оба эти условія постоянно находятся какъ бы въ нѣкоторой неизбѣжной борьбѣ). Необходимо наконецъ установить по возможности точное соглашеніе взглядовъ и требованій преподавателей отдѣльныхъ предметовъ; если для дѣла положительно вредны случаи ощутительнаго разногласія, то нежелательны

и непредвидѣнныя разнорѣчія на практикѣ, несмотря на кажущееся предварительное соглашеніе. Кромѣ того, есть много сравнительно мелкихъ затрудненій, касающихся менѣе существенныхъ подробностей класснаго обихода, которыми также не слѣдуетъ пренебрегать, въ родѣ напр. установленія нормальныхъ и строго соотвѣтствующихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требованій при постановкѣ балловъ и хотя бы приблизительнаго соглашенія ихъ въ оцѣнкахъ разныхъ преподавателей древнихъ и русскаго языковъ.

Всѣ намѣченные нами вопросы нуждаются, безъ сомнѣнія, въ неторопливой и строго продуманной коллективной разработкѣ, плодомъ которой должно быть всестороннее разъясненіе вопроса на пользу учащихся, но никакъ не стѣснительная, узкая регламентація. Дѣло это общее для множества такъ или иначе прикосновенныхъ къ нему преподавателей, и было бы крайне легкомысленно и наивно надѣяться дать ему правильный ходъ единоличной попыткой. Мы позволимъ себѣ высказать лишь нѣсколько предварительныхъ соображеній.

Прежде всего, по нашему мнѣнію, избираемый для перевода отрывокъ долженъ быть взятъ уже изъ читаннаго и достаточно знакомаго матеріала, такъ какъ экспромтъ, устремляя вниманіе учениковъ на усвоеніе въ общихъ чертахъ смысла предлагаемаго текста, неизбѣжно отвлекъ бы ихъ отъ технической стороны перевода, которая въ подобныхъ стилистическихъ упражненіяхъ имѣетъ весьма важное значеніе и притомъ особенно на урокахъ русскаго языка. Такія работы могутъ и должны способствовать лучшему пониманію даннаго мѣста, но содержаніе его должно быть уже извѣстно, и при классномъ переводѣ ученикамъ представляется лишь случай усвоить его съ бо́льшей отчетливостью. Иначе самыя упражненія превратились бы, какъ мы говорили, въ ничѣмъ не оправдываемое повтореніе подъ руководствомъ другого учителя, но не подготовленнаго спеціально, тѣхъ же самыхъ занятій, которыя лучше сумѣлъ бы поставить преподаватель-спеціалистъ. Напротивъ, намъ представляется наиболѣе полезнымъ предпочитать при выборѣ отрывки, отдѣленные извѣстнымъ промежуткомъ времени отъ текущихъ занятій. Это поможетъ одновременно достиженію двухъ чрезвычайно полезныхъ цѣлей: во-первыхъ, является лишнее и весьма дѣйствительное побужденіе для учениковъ относиться какъ можно добросовѣстнѣе къ класснымъ заня-

тіямъ и опасаться пробѣловъ при манкировкахъ; во-вторыхъ, этимъ уже сами собой устранятся затрудненія, неизбѣжныя при первоначальномъ ознакомленіи съ текстомъ. Конечно, могутъ встрѣтиться помѣхи, если ученики позабудутъ значеніе иныхъ менѣе употребительныхъ словъ*); но въ извѣстныхъ границахъ преподаватель можетъ оказать имъ помощь и въ этомъ отношеніи, опредѣляя заранѣе, значеніе какихъ именно словъ вполнѣ законно и цѣлесообразно напомнить классу передъ началомъ перевода. Вообще же надо имѣть въ виду, что при переводахъ съ греческаго языка чаще будутъ встрѣчаться у учениковъ затрудненія въ значеніи отдѣльныхъ словъ; при переводахъ съ латинскаго — вопросы о передачѣ цѣлыхъ предложеній, ихъ взаимной связи и проч. Въ виду этого на урокахъ русскаго языка важно назначать чаще переводы именно съ латинскаго языка, а для переводовъ съ греческаго языка — выбирать преимущественно отрывки цѣнные по содержанію и художественности, отодвигая вопросы собственно стилистическіе на второй планъ и по возможности предоставляя ученикамъ, насколько это осуществимо по условіямъ времени, глубже проникнуть въ богатства греческой литературы.

Въ качествѣ единичныхъ случаевъ всегда могутъ еще встрѣтиться затрудненія въ томъ, что ученики, отставшіе вслѣдствіе продолжительной манкировки или поступившіе не въ началѣ учебнаго года, неизбѣжно явятся недостаточно подготовленными къ назначаемой работѣ, чѣмъ поставятъ въ ложное положеніе и учителя, вынужденнаго или совсѣмъ замѣнить предложенный отрывокъ запаснымъ, или по меньшей мѣрѣ оказывать усиленную помощь во время самаго упражненія непосредственными разъясненіями. Всякому понятно, что такая отсталость нѣкоторыхъ учениковъ можетъ происходить даже отъ вполнѣ законныхъ и уважительныхъ причинъ, и тогда оставить ихъ безъ извѣстной помощи преподаватель не имѣетъ ни нравственнаго, ни формальнаго права. Для устраненія подобныхъ случайностей и нарушенія ими правильнаго хода классныхъ занятій, полезно разсчитывать время такъ, чтобы, не затрудняя массы учениковъ, составляющихъ основной контингентъ

*) Избѣгнуть этого не всегда удастся преподавателю посторонняго предмета, обыкновенно не имѣющаго возможности опредѣлить въ точности, какія именно слова должны быть извѣстны классу изъ курса, проходимаго другимъ преподавателемъ.

класса, вмѣстѣ съ тѣмъ не допускать, чтобы наиболѣе способные и знающіе изъ нихъ, исполнивъ работу, непроизводительно тратили время тутъ же на урокѣ и въ присутствіи преподавателя. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ, чтобы избѣгнуть всѣхъ этихъ трудностей, можно считать назначеніе такой работы, которая съ одной стороны, даже являясь для нѣкоторыхъ совершеннымъ экспромтомъ, была бы все-таки по силамъ всѣмъ и не подавала бы повода къ замѣнѣ ея другой работой. Въ такомъ случаѣ отставшіе ученики лучше могутъ быть освобождены отъ извѣстной части заданнаго упражненія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо выбирать работы такъ, чтобы онѣ требовали въ извѣстной мѣрѣ серьезнаго напряженія рѣшительно отъ всѣхъ. Чтобы согласить два указанныхъ нами требованія, по нашему мнѣнію, лучшій способъ слѣдующій.

Въ переводахъ съ латинскаго языка слѣдуетъ отдавать предпочтеніе такимъ отрывкамъ, которые представляли бы не столько трудностей для пониманія, сколько были бы запутаны и сложны въ отношеніи конструкціи. Другими словами, удобнѣе выбирать отрывки, которые нетрудно перевести мысленно, но которые требуютъ значительнаго напряженія для совершенно правильной и гладкой передачи на письмѣ. Это и произойдетъ само собой, если выбирать сложные по конструкціи отрывки изъ писателей, читанныхъ классомъ, а иногда и двумя ниже, при чемъ урокъ состоялъ бы приблизительно строчекъ изъ десяти. Въ этомъ случаѣ лучшіе ученики, имѣя замѣтное преимущество передъ прочими въ основательности познаній, испытывали бы гораздо больше трудностей, состоящихъ въ усиліяхъ побѣдить всѣ шероховатости и придать своей работѣ качества образцовой плавности и изящества, чтобы сдѣлать ее выдающейся.

Но могутъ встрѣтиться для нѣкоторыхъ учениковъ иныя препятствія, въ видѣ напр. недостаточнаго знакомства съ какими-нибудь географическими терминами, или съ какимъ-либо мало извѣстнымъ незначительнымъ племенемъ (при переводѣ изъ Цезаря), или наконецъ даже въ недостаточномъ знакомствѣ съ содержаніемъ предшествующаго отрывка. Такъ какъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло вовсе не съ провѣркой познаній учениковъ, которая всецѣло касается преподаванія древнихъ языковъ, то, очевидно, что всѣхъ подобныхъ случаевъ слѣдуетъ старательно из-

бѣгать. Иначе преподаватель отечественнаго языка можетъ легко поставить себя въ ложное положеніе при оцѣнкѣ работъ, изъ которыхъ иныя могутъ оказаться неудовлетворительными по причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ предметомъ его преподаванія. По нашему же мнѣнію, неудобно оставлять совершенно безъ вниманія и даже безъ извѣстной кары такое обнаруженіе учениками пробѣловъ хотя бы въ области знаній, выходящей изъ предѣловъ спеціальнаго предмета. Подобное отношеніе къ дѣлу укоренило бы въ ученикахъ то ошибочное, но, къ сожалѣнію, слишкомъ распространенное убѣжденіе, — что добросовѣстное исполненіе какой-нибудь работы обязательно лишь настолько, насколько она подлежитъ непосредственному вѣдѣнію извѣстнаго преподавателя.

Въ этомъ-то, кажется намъ, и должно особенно существовать различіе между переводами съ древнихъ языковъ на русскій на урокахъ отечественнаго и классическихъ языковъ: между тѣмъ какъ преподаватели послѣднихъ обязаны стараться при выборѣ работы привлекать къ провѣркѣ усвоеннаго классомъ весь обширный матеріалъ, входящій въ кругъ ихъ преподаванія, обращая вниманіе не на одно только изученіе формъ и умѣніе правильно переводить, но, главнымъ образомъ, на другія, болѣе живыя и разумныя стороны при изученіи древнихъ писателей, — преподаватели родного языка должны стоять на стражѣ интересовъ представляемаго ими предмета въ гимназіяхъ.

Указанныя требованія мы считаемъ совершенно обязательными для успѣха дѣла; но кромѣ того возможны второстепенные вопросы: какъ слѣдуетъ подготовлять учениковъ къ каждой отдѣльной работѣ, какими пользоваться пріемами при исправленіи и разъясненіи обыкновенно встрѣчающихся въ работахъ ошибокъ, въ какое отношеніе должны быть поставлены классныя упражненія къ экзаменнымъ и проч. Разсмотрѣть сколько-нибудь обстоятельно всѣ эти вопросы рѣшительно невозможно въ небольшой статьѣ, и потому мы остановимся еще лишь на нѣкоторыхъ болѣе общихъ вопросахъ методики.

II.

Безъ сомнѣнія, многія изъ необходимыхъ требованій при переводахъ сами собой очевидны для учениковъ, безъ всякихъ предварительныхъ объясненій со стороны преподавателя. Такъ, каждому

ученику старшихъ классовъ достаточно извѣстно заранѣе, что въ переводахъ не можетъ быть допускаема тяжелая и запутанная конструкція, или частое повтореніе случаевъ однородной конструкціи, а тѣмъ болѣе повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ въ предѣлахъ того же предложенія и вообще все то, что̀ принято обыкновенно называть шероховатостью и невыработанностью слога. Всякій изъ нихъ, конечно, станетъ самъ, по мѣрѣ пріобрѣтеннаго навыка и умѣнія, избѣгать безпорядочной разстановки словъ и цѣлыхъ предложеній. Для всего этого вполнѣ достаточно уже той доли опыта и теоретическихъ указаній, которыя выноситъ большинство учениковъ изъ упражненій по русскому языку въ младшихъ классахъ гимназій.

Но при переводахъ съ древнихъ языковъ практика дѣла съ первыхъ же шаговъ поставитъ передъ учениками много несравненно болѣе серьезныхъ и существенныхъ трудностей; имъ тотчасъ же придется рѣшать довольно сложные вопросы, требующіе въ сущности нѣкотораго вниманія даже со стороны каждаго опытнаго и вполнѣ знакомаго съ языкомъ переводчика. Таковы вопросы о томъ, какъ именно поступить каждый разъ въ случаѣ необходимости разбить слишкомъ распространенное предложеніе съ сложной конструкціей, какая столь обычна у римскихъ писателей, не исключая и тѣхъ изъ нихъ, которые основательно признаются наиболѣе легкими для изученія, какъ напр. Цезарь или въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже Корнелій Непотъ (особенно въ длинныхъ предложеніяхъ съ косвенной рѣчью).

Кромѣ того тотчасъ же возникаютъ вопросы: въ какой мѣрѣ допускать свободу при обращеніи съ подлинникомъ при передачѣ на русскій языкъ: можно ли и притомъ когда и какъ именно можно замѣнять придаточныя предложенія самостоятельными, уничтожая между ними свойственную латинской конструкціи синтаксическую связь; какъ разрѣшать сокращенныя предложенія въ полныя; когда и какъ именно изъ одного латинскаго періода слѣдуетъ сдѣлать два или даже три въ русскомъ переводѣ; когда придаточныя, относящіяся къ другимъ и уже довольно распространеннымъ придаточнымъ предложеніямъ, можно и должно, по условіямъ русской рѣчи, поставить въ скобки (а въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ даже отнести иныя незначительныя подробности въ выноску) и проч. и проч.

Все это, будучи вообще дѣломъ до крайности условнымъ и неопредѣленнымъ по существу, допускаетъ, однако, нѣкоторую систематизацію и при опытномъ и искусномъ руководствѣ можетъ быть безспорно доведено, хотя, конечно, не безъ усиленнаго напряженія со стороны учителя, до той степени отчетливости, о которой мы скажемъ ниже.

Всѣ раньше указанныя частныя затрудненія совершенно блѣднѣютъ въ сравненіи съ другими, болѣе общаго характера, считаться съ которыми предстоитъ одинаково всѣмъ лицамъ, привлекаемымъ къ руководительству интересующими насъ занятіями.

Прежде всего каждому понятно, что преслѣдуемые преподаваніемъ результаты должны быть всегда вполнѣ осязательны и очевидны, а этого всего труднѣе добиться въ данномъ случаѣ. Совсѣмъ иное дѣло переводы съ русскаго языка на древніе, гдѣ требованія могутъ быть установлены гораздо опредѣленнѣе и точнѣе, гдѣ несравненно яснѣе и конкретнѣе по самому существу объясненія допущенныхъ учениками ошибокъ и промаховъ, — тогда какъ напротивъ при переводахъ съ древнихъ языковъ на русскій руководителю придется безпрерывно встрѣчаться съ вопросами спорными и съ трудомъ поддающимися отчетливой авторитетной критикѣ.

Вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается переводовъ съ иностранныхъ языковъ, субъективное, а подчасъ и произвольное отношеніе къ возникающимъ вопросамъ почти неустранимо, такъ какъ самыя требованія стиля, разсматриваемыя не въ общихъ своихъ основаніяхъ, а въ тонкостяхъ и частностяхъ, естественно выдвигаютъ въ качествѣ главнаго руководящаго принципа не столько способность соображенія, всегда и всюду представляющую самый надежный критерій, почему она и является первымъ и необходимымъ условіемъ во всѣхъ наукахъ, а вкусъ къ изящному. Послѣдній справедливо считается также въ высокой степени образовательнымъ началомъ и чрезвычайно полезнымъ въ качествѣ дополняющаго и уравновѣшивающаго дѣятельность холодной разсудочной способности, но, по общему признанію, имѣетъ уже наибо́льшее примѣненіе въ области не наукъ, а искусствъ.

Отсюда слѣдуетъ, что при руководствѣ изящными переводами кромѣ безукоризненнаго знанія преподавателемъ даннаго иностраннаго языка важнѣйшимъ и совершенно обязательнымъ для успѣха дѣла условіемъ долженъ быть еще опытъ и тонкій внутренній тактъ,

указывающій переводчику надлежащую мѣру хотя бы въ отступленіяхъ отъ буквальной точности въ интересахъ болѣе совершенной передачи текста на родной языкъ и въ интересахъ сохраненія духа подлинника. Едва ли нужно прибавлять, что послѣднее условіе представляло иногда серьезныя трудности для людей, посвятившихъ всю жизнь призванію переводчика. (Мы говоримъ здѣсь, конечно, не о переводчикахъ-ремесленникахъ.)

Такимъ образомъ всѣ такія упражненія, гдѣ первенствующимъ условіемъ является тонкій и правильно воспитываемый вкусъ, хоть и не должны уступать первое мѣсто научнымъ занятіямъ въ точномъ смыслѣ слова, но въ то же время не подлежитъ никакому сомнѣнію, что вообще требованія вкуса менѣе устойчивы и не поддаются точному опредѣленію, значительно уступая въ этомъ случаѣ для каждаго очевиднымъ и обязательнымъ требованіямъ соображенія. И это опять слѣдуетъ отнести къ серьезнымъ трудностямъ открывающейся передъ нами задачи.

Мы говорили раньше, что предлагаемыя ученикамъ задачи при переводахъ съ древнихъ языковъ должны быть выбираемы чрезвычайно осмотрительно, и конечно — согласно съ строжайшимъ соблюденіемъ основного педагогическаго принципа — располагать работы по степени ихъ правильно возрастающей трудности. Несомнѣнно также, что каждое новое упражненіе должно имѣть прочную опору въ пріобрѣтенныхъ знаніяхъ и навыкѣ, вынесенныхъ учениками изъ соотвѣтствующихъ предыдущихъ упражненій. Но насколько легко признать эту безспорную азбуку педагогическаго искусства, настолько же въ сущности трудно достигнуть безусловно послѣдовательно осуществленія этихъ правилъ на дѣлѣ.

Систему необходимо найти, выработать. Для этого, какъ намъ кажется, полезнѣе всего въ данномъ случаѣ при исправленіи ученическихъ работъ устремить самымъ напряженнымъ образомъ вниманіе на отыскиваніе такихъ яркихъ типическихъ случаевъ, которые должны потомъ не только служить надежной путеводной звѣздой самому преподавателю, но должны также прочно засѣсть въ памяти учениковъ и, такъ сказать, находиться постоянно во время работъ передъ ихъ глазами, служа вполнѣ законной помощью и руководствомъ для нихъ во время классныхъ упражненій. Поэтому мы рекомендовали бы обратить настойчивое вниманіе при исправленіи ученическихъ работъ на такіе примѣры, подобные ко-

торымъ могутъ повторяться при каждомъ слѣдующемъ переводѣ. Скажемъ больше: насколько возможно, слѣдуетъ, особенно въ первое время, заботиться умножать количество такихъ случаевъ, предлагаемыхъ ученикамъ въ классѣ, хотя бы помощью искусственнаго подбора. Необходимо заботиться, чтобы въ преподаванiе не вкралась непозволительная съ педагогической точки зрѣнiя безпринципность; необходимо предупреждать возможность неопредѣленной расплывчивости и обилiя хотя бы и дѣльныхъ, но не объединенныхъ никакой связующей нитью стилистическихъ объясненiй...

Преподаватель въ разсматриваемомъ случаѣ обязанъ больше, чѣмъ когда-либо, заботиться о соблюденiи должной мѣры и не позволять себѣ, въ увлеченiи частностями и мелочами, забывать о главной цѣли упражненiй, имѣющихъ исключительно педагогическое значенiе и внѣ его совершенно непримѣнимыхъ.

Приведемъ въ поясненiе нашей мысли нѣсколько конкретныхъ иллюстрацiй.

Въ предложенномъ отрывкѣ легко могутъ встрѣтиться выраженiя, допускающiя на русскомъ языкѣ передачу ихъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ соотвѣтственно требованiямъ синтаксическаго строя русской рѣчи, также замѣну точнаго буквальнаго перевода какимъ-нибудь вполнѣ соотвѣтствующимъ идiотизмомъ, сообщающимъ слогу характеръ свободнаго, свойственнаго именно русской рѣчи изложенiя. Такими случаями особенно надо дорожить и усиленно обращать на нихъ всякiй разъ вниманiе учениковъ, показывая послѣднимъ наглядно и, такъ сказать, осязательно разницу въ любимыхъ оборотахъ и прiемахъ рѣчи каждаго языка. Но такими примѣрами нельзя злоупотреблять на первыхъ порахъ; напротивъ, ихъ слѣдуетъ приберегать уже на то время, когда такъ называемые мною типическiе случаи найдены и разъяснены.

Такъ, гораздо важнѣе тотчасъ же разъяснить ученикамъ взаимное отношенiе этимологическихъ формъ изучаемыхъ языковъ и наиболѣе употребительные въ нихъ синтаксическiе (но общiе, не исключительные) прiемы рѣчи. Напримѣръ, отсутствiе въ латинскомъ языкѣ всѣхъ формъ, соотвѣтствующихъ нашимъ дѣепричастiямъ и причастiямъ настоящаго времени страдательнаго залога или прошедшаго времени дѣйствительнаго залога, — отсутствiе этихъ формъ въ латинскомъ языкѣ естественно должно повести къ указанiю разныхъ способовъ ихъ перевода. Такъ, participium

futuri activi можетъ быть переводимо помощью словъ: „намѣренъ", „готовъ", иногда дѣепричастіемъ „желая" или причастіемъ „имѣющій" и проч. Напротивъ такіе примѣры, которые требуютъ полнаго измѣненія конструкціи на русскомъ языкѣ, должны быть отложены (напр. при переводѣ словъ Югурты о Римѣ: „O urbem venalem et mature perituram, si emptorem invenerit"). При переводѣ причастія страдательнаго залога прошедшаго времени должно быть отмѣчено, что, будучи отнесено къ другому подлежащему, оно можетъ замѣняться на русскомъ языкѣ причастіемъ прошедшаго же времени, но уже дѣйствительнаго залога.

Далѣе, нѣкоторыя слишкомъ отвлеченныя по смыслу слова и выраженія латинскаго подлинника могутъ быть передаваемы въ русскомъ переводѣ болѣе свойственными нашему языку конкретными словами или óбразными выраженіями, чтò особенно часто можетъ имѣть мѣсто при передачѣ какого-нибудь глагола съ отвлеченнымъ значеніемъ. Такъ глаголъ necare, согласно требованію смысла, можетъ быть переведенъ не глаголомъ убить, но казнить.

Вотъ чтó называю я здѣсь типическими случаями, отъ которыхъ, по моему мнѣнію, надо отличать замѣчанія, имѣющія частный характеръ. Напримѣръ, объясненіе того, что слово invitus можно часто переводить нарѣчіями неохотно, поневолѣ, что выраженіе absentem aliquem accusare слѣдуетъ перевести по-русски не обвинить кого-нибудь въ отсутствіи, но обвинить заочно, т.-е. такимъ нарѣчіемъ, соотвѣтствующаго которому не существуетъ въ латинскомъ языкѣ, но которымъ здѣсь вполнѣ умѣстно воспользоваться, — такое объясненіе носитъ уже частный характеръ. Такихъ частныхъ объясненій при случайномъ веденіи дѣла, да и вообще всегда, будетъ не мало по сущности занятій, но именно они не должны преобладать, и особенно въ самомъ началѣ.

И разрозненныя стилистическія указанія должны приносить пользу; но есть опасность, чтобы они не обратились въ неудобоваримое нагроможденіе нетвердо запоминаемыхъ и неотчетливо представляющихся впослѣдствіи сознанію сырыхъ фактовъ. Масса такихъ отдѣльныхъ объясненій угрожаетъ превратиться въ балластъ, сбивающій съ толку и запутывающій лучшихъ учениковъ и пропускаемый мимо ушей зауряднымъ большинствомъ класса.

Надо заботиться также, чтобы и типическіе случаи, если они недостаточно ярко оттѣнены, не тонули и не терялись безъ пользы

въ хаосѣ частностей. Но если необходимо вообще усиленно стремиться къ возможной группировкѣ замѣчаній, то съ другой стороны, намѣтивъ извѣстные типическіе пріемы, слѣдуетъ всячески стараться подводить подъ такія обобщенія и отдѣльные случаи. Такъ, согласно вышеуказанному правилу, по которому отвлеченныя по значенію латинскія выраженія замѣняются болѣе частными и конкретными, — въ выраженіи: „falso queritur de natura sua genus humanum, quod forte potius, quam natura regatur“ слово falso можно передать не словомъ „ложно“, но словомъ „неосновательно“. Ложнымъ сужденіе можетъ быть или вслѣдствіе сознательнаго намѣренія говорящаго, или же вслѣдствіе невольной ошибки; здѣсь мы имѣемъ дѣло со вторымъ случаемъ. Также gratum memoremque videri значитъ: казаться благодарнымъ и признательнымъ; помнящій — слово болѣе общаго значенія, признательный означаетъ только того, кто помнитъ оказанное ему добро. Указавъ на нѣкоторыхъ примѣрахъ, что иногда у поэта какое-либо слово можетъ быть употреблено sensu praegnanti или sensu activo, sensu passivo и проч., можно объяснить, что caeci ignes (у Виргилія) можно перевести: невидимые огни, и т. п.

Второе главное требованіе состоитъ въ томъ, что, при примѣненіи указанныхъ общихъ правилъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ слѣдуетъ держаться разумной мѣры, чтобы переводы не писались по шаблонамъ и чтобы тѣмъ не стирался отъ избитыхъ пріемовъ характеръ подлинника. Такъ, при передачѣ простой, безыскусственной рѣчи нельзя требовать безусловно вылощеннаго слога, который явился бы въ такомъ случаѣ неумѣстнымъ. Переводчикъ Библіи поступилъ бы нелѣпо, педантически навязывая вѣчной книгѣ вмѣсто простого и величаваго изложенія требованія современнаго условнаго склада литературной рѣчи; и наоборотъ, высоко цѣня вообще передачу Карамзинымъ старинной рѣчи, нельзя одобрить витіеватаго, въ духѣ современнаго краснорѣчія, переложенія рѣчи древлянскихъ пословъ въ первой части его безсмертнаго труда.

Въ отношеніи переводовъ именно съ древнихъ языковъ мы могли бы указать, болѣе или менѣе какъ образецъ въ только-что указанномъ отношеніи, новѣйшіе переводы г. Мищенка, который при передачѣ Геродота нерѣдко сознательно и вполнѣ умѣстно допускаетъ употребленіе оборотовъ и конструкцій, не совсѣмъ безукоризненныхъ съ точки зрѣнія принятаго у насъ литературнаго из-

ложенія. Въ самомъ дѣлѣ, при переводѣ Геродота вполнѣ можетъ быть иной разъ допущено повтореніе слова въ томъ же предложеніи, тамъ, гдѣ это было бы явной стилистической погрѣшностью при передачѣ Тацита или Ливія. Точно такъ же и въ нашей лѣтописи, съ той же цѣлью сохраненія наивнаго склада рѣчи, должны быть употребляемы при переводѣ соотвѣтствующія выраженія и пріемы. Напр. послѣ неоднократныхъ упоминаній о князя Малѣ въ рѣчи древлянскихъ князей очень характерно и въ своемъ родѣ не лишено эффекта наивное поясненіе лѣтописца: „а было ему имя Малъ, древлянскому-то князю". Удачно также, по нашему мнѣнію, удержано покойнымъ Водовозовымъ въ его переводѣ троекратное почти сряду повтореніе слова лодка для передачи безыскусственной простоты лѣтописнаго разсказа: „завтра я пошлю за вами, вы же молвите: не ѣдемъ ни на коняхъ, и пѣшкомъ не идемъ, а несите-ка насъ въ лодкѣ, и понесутъ васъ въ лодкѣ, — и опустила ихъ въ лодку"...

Такимъ образомъ должно всегда сообразоваться съ духомъ подлинника и всячески остерегаться исказить его, и при этомъ, необходимо, сохраняя всѣ оттѣнки передаваемаго на другомъ языкѣ, все же разнообразить пріемы перевода. Понятно, что для опредѣленія надлежащей мѣры, въ какой именно степени слѣдуетъ жертвовать буквальной точностью изяществу перевода, отъ переводчика требуется не столько даже основательное знаніе, сколько извѣстный тактъ и даже талантъ. Идеальное пониманіе и выполненіе переводчикомъ лежащихъ на немъ обязанностей вообще гораздо меньше зависитъ отъ трудолюбія и знаній, нежели отъ природнаго дара, что̀ доказывается извѣстными всѣмъ примѣрами: кому неизвѣстно, что Жуковскій, не зная совсѣмъ греческаго языка, но, будучи въ высшей степени одаренъ талантомъ переводчика, несравненно изящнѣе Гнѣдича переводилъ Гомера.

На высшихъ ступеняхъ упражненій въ переводахъ съ древнихъ языковъ желательно было бы передать ученикамъ также нѣкоторую долю уже не умѣнія, а искусства переводить, при чемъ преподаватель долженъ заблаговременно выяснить передъ классомъ обязательныя для учениковъ соображенія и собственное пониманіе дѣла. Но мы говоримъ объ идеалахъ, которые не только лично для себя считаемъ недостижимыми, но полагаемъ, что немногіе вообще учителя, да даже и университетскіе преподаватели (древ-

нихъ языковъ) могли бы удовлетворить этимъ требованіямъ, ибо, какъ мы говорили, компетентность знатока здѣсь еще очень недостаточна. Но это не невозможно, и въ исключительныхъ случаяхъ осуществилось бы въ рукахъ избранныхъ преподавателей и профессоровъ.

III.

Слѣдующимъ безусловно необходимымъ и важнымъ условіемъ для успѣха разсматриваемыхъ занятій мы считаемъ совершенно спокойное и сосредоточенное во время работы настроеніе духа учениковъ, отнюдь не мучимыхъ тревожными опасеніями не кончить въ срокъ данную работу, встрѣтить безпощадныя требованія и т. п. Но всего хуже, если ихъ будетъ смущать страхъ не попасть въ тонъ требованій придирчиваго учителя, такъ какъ вообще въ дѣлѣ воспитанія не можетъ быть ничего пагубнѣе удручающей паники. Даже въ интересахъ образованія характера и бодраго и сознательнаго отношенія къ жизни слѣдуетъ предупреждать всѣми возможными мѣрами безпокойную торопливость и безплодныя волненія. При нормальныхъ условіяхъ подобное напряженное психическое состояніе, вредное для здоровья, можетъ являться лишь естественнымъ и неизбѣжнымъ наказаніемъ, которое навлекаютъ на себя иногда сами нерадивые ученики своей безпечностью и неумѣніемъ распорядиться временемъ. Здѣсь школа, разумѣется, неотвѣтственна; но зато во всемъ, что̀ касается условій, въ которыя она ставитъ сама своихъ питомцевъ, общество въ правѣ надѣяться и требовать, что она приложитъ всѣ зависящія отъ нея усилія, чтобы обставить воспитанниковъ наиболѣе благопріятными условіями для полученія основательнаго образованія, для воспитанія и выработки характера и наконецъ для сохраненія здоровья.

Намъ кажется, что именно въ вопросѣ о правильномъ веденіи переводовъ съ иностранныхъ языковъ на русскій можно признавать разумнымъ и плодотворнымъ только бодрый и увѣренный въ себѣ трудъ, больше, чѣмъ гдѣ-либо: дѣло касается здѣсь изящнаго вкуса, слѣдовательно всякое низведеніе такого труда на степень ремесленной механической выучки, заключающейся въ усвоеніи сноровокъ и приспособленій къ экзаменнымъ формальностямъ, грозитъ погубить все дѣло, лишивъ его всякаго обра-

зовательнаго значенія и превративъ и его также въ жалкую, никому ненужную формальность. Если бы дѣло почему-нибудь было поставлено такимъ образомъ, то пришлось бы только пожалѣть о дорогихъ часахъ воспріимчиваго возраста учащихся.

Поэтому и со стороны учителя желательно установленіе точныхъ и вполнѣ опредѣленныхъ требованій. Если бы на первое время они по необходимости явились нѣсколько неустойчивыми, какъ неизбѣжный результатъ всякой пробы, то было бы желательно, чтобы поскорѣе выработались какія-нибудь методическія руководства, посвященныя данному вопросу, которыхъ особенно слѣдуетъ ожидать отъ преподавателей латинскаго языка, какъ болѣе труднаго и болѣе полезнаго для такихъ упражненій.

Если такія систематическія требованія болѣе или менѣе опредѣлятся, то они могутъ быть прямо и отчетливо заявляемы передъ классомъ (разумѣется послѣ необходимыхъ объясненій), и тогда можно будетъ сказать, что важнѣйшая часть дѣла исполнена.

Остальное будетъ относиться уже въ сущности къ послѣдовательному проведенію разъ навсегда ясно намѣченнаго принципа. Въ такомъ случаѣ на обязанности учениковъ будетъ припоминаніе сдѣланныхъ имъ при разборѣ предыдущихъ упражненій замѣтокъ, безъ всякихъ съ ихъ стороны (кромѣ раньше указанныхъ исключительныхъ случаевъ) разспросовъ во время работъ о разныхъ мелочахъ, которыя могутъ неожиданно представиться во всякой работѣ. Когда ученику болѣе или менѣе отчетливо рисуется идеалъ образцовой работы и извѣстны малѣйшія требованія преподавателя, то въ случаѣ новой невольной ошибки (т.-е. происшедшей не отъ небрежности), онъ уже самъ, безъ объясненій учителя, обязанъ найти для себя достаточныя указанія въ общемъ характерѣ классныхъ требованій. Такая отчасти уже самостоятельная работа мысли учениковъ была бы несомнѣннымъ свидѣтельствомъ успѣха самаго дѣла.

Для совершенно неопытныхъ преподавателей прибавимъ еще указаніе на серьезную опасность для дѣла, если оцѣнка работъ будетъ представляться ученикамъ недостаточно мотивированной и въ то же время сильно расходящейся съ ихъ предварительными ожиданіями. Такое положеніе дѣла можетъ съ самаго начала невыгодно отразиться на настроеніи цѣлаго класса и становится рѣшительно деморализирующимъ въ случаѣ повтореній.

Подводя итогъ всему сказанному, мы еще разъ настойчиво повторяемъ, что новыя занятія не должны сдѣлаться новымъ бременемъ для учениковъ, и трудъ класса при переводахъ долженъ имѣть характеръ бодраго стремленія къ ясно поставленной цѣли. Въ противномъ случаѣ все можетъ свестись на безплодное обремененіе учителя механическимъ исправленіемъ груды случайныхъ и не поддающихся ясной группировкѣ ошибокъ, а для учениковъ — на равнодушное отбываніе наугадъ исполняемыхъ работъ, въ успѣшномъ ходѣ которыхъ они не будутъ увѣрены.

В. Шенрокъ.

Археологическая хроника эллинскаго Востока.

Переходя теперь къ обзору важнѣйшихъ изъ существующихъ на почвѣ Эллады остатковъ древности, по преимуществу вызванныхъ на свѣтъ Божій раскопками послѣдняго двадцатилѣтія, мы на первыхъ же порахъ считаемъ необходимымъ нѣсколько измѣнить первоначальный планъ. Мы предполагали положить исходнымъ пунктомъ начало работъ Шлимана на Гиссарлыкѣ, т.-е. 1871 годъ, но статья В. П. Бузескула, въ предшествующей книжкѣ „Филологическаго Обозрѣнія“, представляющая отчетливый и подробный обзоръ не только троянскихъ, но и прочихъ раскопокъ Шлимана, избавляетъ насъ отъ необходимости еще разъ останавливаться на этихъ раскопкахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ по упомянутой, такъ и по другимъ причинамъ, для насъ теперь представляется болѣе удобнымъ расположить настоящій разборъ новѣйшихъ раскопокъ не въ хронологическомъ порядкѣ ихъ производства, а въ порядкѣ топографическомъ, потому что при этой системѣ легко будетъ коснуться вкратцѣ многихъ археологически интересныхъ пунктовъ, о которыхъ иначе не пришлось бы упоминать. Сознаемся, что попытка изложить на нѣсколькихъ страницахъ археологическую топографію эллинскаго Востока нѣсколько рискована и что при этомъ легко впасть или въ сухость, или въ поверхностность. Мы не коснемся здѣсь пока археологическихъ находокъ истекающаго (1891-го) года, болѣе подробному обзору которыхъ будетъ посвящена слѣдующая хроника.

Замѣчательнѣйшій въ археологическомъ отношеніи пунктъ сѣверной Греціи есть безспорно Додона, знаменитая своимъ оракуломъ Зевса. Додона лежитъ внѣ территоріи современнаго греческаго королевства, въ Эпирѣ, къ западу отъ Іоаннины и ея озера,

въ низменной мѣстности съ суровымъ, бурнымъ климатомъ, заслужившимъ Додонѣ еще въ Гомеровскихъ пѣсняхъ эпитетъ *δυσχείμερος*. Раскопки въ Додонѣ были произведены въ 1876 г. Константиномъ Карапаносомъ, какъ мы упоминали уже въ предыдущей хроникѣ[1]). Святилище додонское находится у подножья холма, укрѣпленнаго стѣною съ башнями и бывшаго акрополемъ. Въ склонѣ этого холма прекрасно сохранился древній театръ. У подножія холма открытъ раскопками Карапаноса *τέμενος* Зевса Додонскаго[2]), также окруженный стѣною, съ рядомъ построекъ, назначеніе которыхъ, кромѣ самаго храма, въ точности неизвѣстно. Храмъ этотъ, какъ и многіе древніе храмы, былъ превращенъ въ христіанскую церковь, чѣмъ, вѣроятно, и объясняются особенности его плана по сравненію съ обычнымъ расположеніемъ греческихъ храмовъ. Въ священный округъ ведутъ Пропилеи, находящіеся въ одномъ изъ его угловъ. Внутри округа вдоль стѣнъ идутъ портики, предназначавшіеся, какъ и во всѣхъ святилищахъ, отчасти для того, чтобы служить убѣжищемъ отъ дурной погоды, отчасти для помѣщенія въ нихъ различныхъ приношеній *(ἀναθήματα)*. Передъ портиками рядъ постаментовъ, также предназначавшихся для приношеній. Карапаносу не удалось найти ни крупныхъ произведеній искусства, ни предметовъ, имѣющихъ особенно большую матеріальную цѣну. Додоново святилище было не особенно богато и кромѣ того нѣсколько разъ подвергалось разграбленію. Зато найдено большое количество въ высшей степени интересныхъ бронзъ, о которыхъ мы упоминали въ предшествующей хроникѣ.

Кромѣ Додоны сѣверная Эллада не представляетъ никакихъ пунктовъ особенно интересныхъ въ археологическомъ отношеніи. Стоитъ только развѣ упомянуть о томъ, что близъ деревушки Димини, въ одномъ часѣ разстоянія отъ Воло и недалеко отъ развалинъ древнихъ Пагасъ *(Παγασαί)*, въ 1887 г. изслѣдована куполообразная гробница, въ которой найдены предметы такъ на-

---

1) См. тамъ же и въ прим. на стр. 84 главную литературу.

2) Въ первой хроникѣ я перевелъ *Ζεὺς Νάιος* — „Зевсъ храмовый", имѣя при этомъ въ виду такіе эпитеты какъ *Ἀθηνᾶ Προναία* и т. п. Я упустилъ тогда изъ виду, что обыкновенно эпитетъ *νάιος* сближаютъ съ глаголомъ *νάω* — течь и видѣть въ додонскомъ Зевсѣ бога влаги. Но, мнѣ кажется, и данное мною объясненіе имѣетъ право на существованіе.

зываемой „микенской“ культуры, помѣщенные въ Аѳинахъ, въ музеѣ археологическаго общества, вмѣстѣ съ находками Шлимана.

Въ западной части средней Эллады тоже нѣтъ замѣчательныхъ остатковъ и не производилось большихъ изслѣдованій. Первымъ интереснымъ пунктомъ здѣсь являются Дельфы. Изслѣдованія, до сихъ поръ здѣсь произведенныя, несмотря на всю важность открытыхъ памятниковъ преимущественно эпиграфическихъ, не могутъ назваться соотвѣтствующими славѣ и значенію этого святилища, одного изъ центровъ греческаго міра. Раскопки производились пока членами французской археологической школы въ Аѳинахъ[1]). Въ настоящее время заключенъ договоръ между греческимъ и французскимъ правительствами о предоставленіи послѣднему правъ на полную раскопку Дельфъ, при чемъ жалкая деревушка Кастрí, ютящаяся въ периболѣ древняго святилища, будетъ снесена. Въ слѣдующихъ хроникахъ мы надѣемся съ должной подробностью слѣдить за этими раскопками, которыя должны начаться весною. Послѣ моего пребыванія въ Дельфахъ зимою 1887 года, никакихъ новыхъ раскопокъ произведено не было, такъ что мои личныя воспоминанія въ данномъ случаѣ вполнѣ совпадаютъ съ состояніемъ Дельфъ въ настоящее время, какъ оно описано напр. у Помтова и у Бедекера. Дельфійское святилище расположено у подножья двухъ отвѣсныхъ скалъ, отроговъ Парнасса, называвшихся въ древности Федріадами. Онѣ сходятся подъ тупымъ угломъ, оставляя между собою весьма узкое ущелье, изъ котораго вытекаетъ знаменитый своей, сообщавшей вдохновеніе, водою касталійскій ключъ[2]). Подъ западной изъ Федріадъ находилась главная часть священнаго округа Дельфъ. Въ настоящее время раскопками очищена только часть стѣны, которая облицовывала колоссальные фундаменты храма (все святилище находится на сильно наклоненной поверхности, а потому для полученія горизонтальной площади для постройки храма требовались искусственныя сооруженія) и еще

[1]) Главная литература: C. Wescher et E. Foucart: Inscriptions recueillies à Delphes et publiées pour la première fois. Par. 1863. P. Foucart, Mémoire sur les ruines et l'histoire de Delphes. Archives des missions scientif. et litteraires. Ser. II Vol. II. Par 1865. Его же, Décrets des amphictions de D. Bull. de Corr. Hell. VII. 1882 p. 409 sqq. B. Haussoullier, Fouilles à Dodone, Bull. de Corr. Hell. V, 1881. H. Pomtow, Beiträge zur Topographie von Delphi. Berl. 1889.

[2]) Теперь Касталія служитъ портомойней. Sic transit gloria mundi!

нѣкоторыя отдѣльныя части. Огромные полигональные, но прекрасно отесанные и пригнанные другъ къ другу камни этой стѣны всѣ исписаны эпиграфическими текстами, въ большинствѣ случаевъ относящимися къ освобожденію рабовъ при посредствѣ продажи божеству, а также заключающими различныя постановленія амфиктіоновъ, дельфійцевъ и т. д. (всѣхъ надписей болѣе 600). Пока стѣна открыта на протяженіе около 80 метровъ, но она тянется еще приблизительно на столько-же. Впрочемъ Помтовъ въ 1887 г. сдѣлалъ небольшую раскопку въ западной, до сихъ поръ еще неоткрытой части стѣны и очистилъ небольшой кусокъ близъ западнаго ея угла, но на этомъ кускѣ надписей не оказалось, такъ что остается неизвѣстнымъ, много ли еще текстовъ скрываетъ нераскопанная часть стѣны. Отъ собственнаго храма видна только небольшая часть крепидомы, въ нижней его части. Судя по сохранившимся жерновамъ колоннъ, онъ былъ снаружи украшенъ туфовой дорійской колоннадой и внутри мраморными колоннами іонійскаго стиля. Южнѣе фундамента храма сохранилась часть древняго перибола. Кромѣ того между Касталіей и храмомъ обнаружена раскопками часть портика аѳинянъ, постройка котораго по Павсанію (X. 11. 5) относится къ началу Пелопоннесской войны. Впрочемъ большинство ученыхъ относили его къ болѣе ранней эпохѣ, какъ напр. къ эпохѣ Писистратидовъ (Inscriptiones Gr. antiquissimae n. 3a), къ морской битвѣ при Эгинѣ 460 года (Haussoullier. Bull. de Corr. Hellen. 1881 p. 12. Ditt. Syll. n. 4). Недавно Кёлеръ (Rh. Mus. 1891 стр. 1) предложилъ новую датировку, отождествляя сраженіе съ пелопоннесцами, упоминающееся въ посвятительной надписи, съ одной изъ морскихъ битвъ аѳинянъ съ эгинетами въ ихъ войнѣ, которую онъ вслѣдъ за Гротомъ и Дункеромъ, помѣщаетъ послѣ сраженія при Мараѳонѣ, (съ чѣмъ, однако, трудно согласиться).

Кромѣ того при раскопкахъ найдено не мало отдѣльныхъ памятниковъ, преимущественно эпиграфическихъ. Скульптуръ мало и, притомъ, почти безъ исключенія всѣ въ фрагментарномъ видѣ. Самая деревушка Кастри заключаетъ въ своихъ дрянныхъ, грязныхъ проулкахъ и стѣнахъ домовъ цѣлую массу драгоцѣнностей, которыя до сихъ поръ были погребены въ этой, въ полномъ смыслѣ слова, навозной кучѣ. Достаточно сказать, что часть крестьянскихъ домовъ ютится на остаткахъ театра, о степени сохранности кото-

раго пока совершенно нельзя судить. Помтовъ въ своей книгѣ о топографіи Дельфъ неоднократно и въ высшей степени рѣзко нападаетъ на небрежность французскихъ археологовъ, какъ при раскопкахъ, такъ и при изданіи напр. эпиграфическихъ памятниковъ. Рѣзкость его переходитъ подчасъ въ инсинуацію прямо на добросовѣстность французскихъ археологовъ, причемъ онъ утверждаетъ, что такъ же они поступали на Делосѣ и въ другихъ мѣстахъ; нечего и говорить, что тонъ Помтова совершенно неизвинителенъ, но фактическая сторона его упрековъ, къ сожалѣнію, совершенно вѣрна въ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ относительно Дельфъ. Онъ несомнѣнно показалъ, что французы пропускали цѣлыя строки въ надписяхъ, списывавшихся ими, даже цѣлые документы, что добрая половина открытыхъ документовъ до сихъ поръ не издана и т. д.[1]).

Въ остальной Фокидѣ нѣтъ ничего особенно интереснаго. Въ Беотіи есть нѣсколько пунктовъ, могущихъ быть названными интересными въ археологическомъ отношеніи. Первымъ по дорогѣ изъ Дельфъ будетъ Херонея, въ которой сохранился театръ, вырубленный въ скалѣ, и фрагменты льва, поставленнаго надъ могилой ѳиванцевъ, павшихъ въ битвѣ 338-го года. Маленькій музей заключаетъ въ себѣ почти только надписи. Въ Ливадіи также есть крошечный музей. Въ 1887 г. здѣсь, на мѣстѣ знаменитаго святилища Трофонія, предпринималъ раскопки Шлиманъ, но онѣ не привели ни къ какому результату. Въ Орхоменѣ, древнѣйшей столицѣ царства Миніевъ, лежащемъ на $2^1/_2$ часа разстоянія къ сѣв. отъ Ливадіи, тотъ же Шлиманъ изслѣдовалъ одну изъ замѣ-

[1]) Еще раньше Помтова пропускъ цѣлой строки въ знаменитомъ спискѣ проксеновъ дельфійскихъ указалъ А. В. Никитскій въ Ath. Mitt. X, p. 101, гдѣ приводятся и другія исправленія текста. Въ Берлинѣ я, представляясь въ первый разъ Кирхгофу, засталъ его, повидимому, подъ живымъ впечатлѣніемъ разсказовъ Помтова о работѣ французскихъ археологовъ надъ дельфійскими надписями. Надо было видѣть священное негодованіе этого патріарха греческой эпиграфики, когда онъ передавалъ разсказъ Помтова о небрежныхъ копіяхъ и въ особенности о томъ, что такую массу надписей дельфійскихъ Haussoullier до сихъ поръ держитъ въ портфелѣ. Такъ же, но въ еще бо́льшей пропорціи поступаетъ Homolle относительно делосскихъ надписей, изъ которыхъ еще масса неиздана. Но въ томъ же грѣшны отчасти и нѣмцы по отношенію къ надписямъ Олимпіи. А. В. Никитскій въ Ж. М. Н. Пр. 1884 г., кн. 9 издалъ одну изъ нихъ, остававшуюся до него неизвѣстной.

чательнѣйшихъ купольныхъ усыпальницъ, такъ называемую (со временъ Павсанія) сокровищницу Минія. Въ боковомъ покоѣ этой усыпальницы стѣны и потолокъ были украшены орнаментомъ изъ спиралей, представляющимъ наиболѣе совершенный образецъ этого рода орнаментаціи, которая встрѣчается и въ Тиринѳѣ и вообще весьма распространена въ металлической техникѣ „бронзоваго вѣка". Кромѣ этой усыпальницы, отъ древняго Орхомена сохранился акрополь, помѣщающійся на скалѣ, на которую ведутъ 88 вырубленныхъ въ ней ступеней. Въ близлежащемъ монастырѣ Скрину, занимающемъ мѣсто знаменитаго святилища Харитъ, находится также не малое количество надписей.

Изъ Ливадіи въ Ѳивы ведутъ двѣ дороги: одна прямая, съ дилижанснымъ сообщеніемъ, не представляющая ничего особеннаго, другая болѣе длинная, но зато и болѣе интересная для археолога. Это горная тропинка, которая проходитъ черезъ долину Музъ въ Геликонѣ, и ведетъ въ Ѳеспіи, Левктры и Платеи. Святилище геликонскихъ Музъ было изслѣдовано французской школой въ 1889—90 гг. Найдены остатки храма, театръ, хорошо сохранившійся и неимѣющій логея, что подтверждаетъ новую теорію относительно греческихъ театровъ, выставленную Дерпфельдтомъ[1]), кромѣ того еще портикъ, который въ моментъ раскопокъ былъ полонъ разными мелкими предметами, много надписей и т. д.[2]). Французская же школа производила раскопку и въ развалинахъ древнихъ Ѳеспій[3]). Въ близлежащей деревушкѣ Еримóкасто имѣется музей также преимущественно съ эпиграфическими памятниками, между которыми есть и хорошія надгробныя стелы. Левктры не оставили по себѣ никакихъ памятниковъ, кромѣ нѣкоторыхъ архитектурныхъ фрагментовъ и надписей, вдѣланныхъ въ стѣны сосѣднихъ деревень и церквей. Напротивъ, въ Платеяхъ

---

1) Дерпфельдтъ давно уже обѣщаетъ спеціальное сочиненіе о греческихъ театрахъ, котораго всѣ археологи ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. Пока его теорія кратко изложена въ статьѣ Theatergebäude сборника Баумейстера, принадлежащей сотруднику Дерпфельдта, архитектору Каверо, и въ нѣкоторыхъ полемическихъ замѣткахъ самого Дерпфельдта въ разныхъ журналахъ. На русск. яз. В. В. Латышевъ. Очерки греческихъ древностей II Спб. 1889, стр. 246 слл. Павлуцкій. Скенографія у грековъ. Кіевск. Унив. Изв. 1888. С. О. Цыбульскій. Греческій театръ. Съ двумя таблицами. Царское Село 1891.

2) Bull. de Corr. Hellen. 1891, p. 448 и приведенная въ прим. 1 литература.

3) ibid.

весьма недавно производились изслѣдованія американской школой. Результаты получились преимущественно эпиграфическіе. Современныя Ѳивы, — незначительный городокъ, занимающій плоскую возвышенность древняго акрополя Ѳивъ, Кадмеи. Остатковъ древнихъ сооруженій въ Ѳивахъ не сохранилось (за исключеніемъ древнихъ фундаментовъ церкви св. Евангелиста Луки за городомъ, можетъ быть обозначающихъ мѣсто храма Аполлона Исменія. Въ алтарѣ этой церкви сохранился поздній саркофагъ, считаемый народомъ за саркофагъ Евангелиста). Въ Ѳивахъ есть также музей, заключающій преимущественно надписи. Въ разстояніи $1^1/_4$ часа пути отъ Ѳивъ къ западу, по прямой дорогѣ въ Ливадію, въ 1887—88 гг. германскимъ археологическимъ институтомъ было раскопано извѣстное въ древности святилище кабировъ. Найдены остатки храма, подвергавшагося передѣлкамъ въ разныя эпохи. Въ храмѣ жертвенная яма. Изъ произведеній искусства найдены многочисленные фрагменты вазъ, на замѣчательнѣйшемъ изъ которыхъ изображенъ Кабиръ въ типѣ Діониса, сынъ его *(ὁ παῖς)* и затѣмъ еще аллегорическія существа изъ культа Кабировъ *(Μίτος, Κράτεια* и *Πρατόλαος)*. Имена ихъ приписаны. Еще въ большемъ количествѣ найдены бронзовыя и терракоттовыя фигуры быковъ и другихъ животныхъ съ надписями: *Καβίρῳ* или *Καβίρῳ καὶ τῷ παιδί* [1]).

Въ восточной и сѣверной Беотіи интереснѣйшій пунктъ, безспорно, изслѣдованныя французской археологической школой развалины святилища Птойскаго Аполлона у западнаго берега Копаидскаго озера, теперь осушаемаго. Раскопки эти богаты результатами. Открыто святилище и цѣлый рядъ архаическихъ нагихъ мужскихъ фигуръ, типа, представители котораго были находимы и раньше, и который извѣстенъ подъ именемъ „Аполлона" (Аполлоны: Ѳерскій, Тенейскій, Актійскіе и др.). Открытіе ряда подобныхъ изображеній, различныхъ по эпохѣ и техникѣ исполненія отъ первыхъ попытокъ до зрѣлаго архаизма, готоваго перейти въ зрѣлое искусство, весьма важно для исторіи древней пластики. Кромѣ того найдена масса бронзъ и надписей, проли-

[1]) Результаты раскопокъ пока въ Athenische Mitteilungen 1888 и 1890. Приготовляется Институтомъ спеціальная публикація. На русск. яз. см. мою замѣтку съ мѣста раскопокъ въ Зап. Имп. Р. Арх. Общ. III, стр. 466 и Н. И. Новосадскаго. Культъ кабировъ въ древней Греціи стр. 19 и 126 сл.

вающихъ свѣтъ на культъ Аполлона, храмовое хозяйство, агоны, дававшіеся при святилищѣ и т. д.[1]). Недалеко отъ святилища близъ деревни Кардица находятся развалины древней Акрефіи. Далѣе на сѣверъ, по дорогѣ, ведущей вокругъ Копаидскаго оз. въ Орхоменъ, замѣчательны весьма хорошо сохранившіеся остатки катабоѳръ, т.-е. подземныхъ каналовъ, посредствомъ которыхъ излишекъ воды озера спускался въ море. Наибольшая изъ этихъ катабоѳръ, лежащая близъ деревни Коккину, можетъ быть даже посѣщаема. Увѣряютъ, что въ сухое время по ея жерлу можно идти нѣсколько сотъ шаговъ[2]). Кромѣ того, на этой же дорогѣ,— развалины Ларимны, раздѣлявшейся, по примѣру многихъ древнихъ и современныхъ греческихъ мѣстечекъ, на нижній и верхній города, лежащіе на нѣкоторомъ разстояніи. Зимою жили въ долинѣ, а лѣтомъ перебирались на гору, покидая зимнія жилья до слѣдующей зимы.

Въ юго-восточной Беотіи главный интересъ представляютъ Танагра и Оропское святилище Амфіарая. Первая находится въ часѣ разстоянія отъ деревни Скимитари, гдѣ имѣется музей, въ которомъ сосредоточена главная масса находокъ въ некрополяхъ Танагры (лучшія вещи отчасти отправлены въ Аѳины, отчасти попали въ частныя руки и украшаютъ теперь музеи Европы, какъ Берлинскій, Императорскій Эрмитажъ, Музей Лувра и т. д.). Танагра, незначительный беотійскій городокъ, получила громкое имя въ послѣднее время даже среди диллетантовъ и профановъ въ археологіи, благодаря прелестнымъ фигуркамъ изъ терракотты, изображающимъ мотивы интимной частной жизни и находимымъ въ ея неисчерпаемыхъ некрополяхъ. Фигуры эти переносятъ зрителя, какъ и вообще всѣ предметы домашняго обихода, въ древній міръ гораздо живѣе, чѣмъ произведенія большого искусства. Въ атмосферѣ антикваріумовъ Эрмитажа, Берлина, Аѳинскаго музея, равно какъ въ Помпеѣ и Неаполитанскомъ музеѣ, чувствуешь себя въ несравненно болѣе интимныхъ отношеніяхъ къ древнимъ, чѣмъ проходя въ тѣхъ же музеяхъ галлереи холодныхъ и величествен-

[1]) См. общ. обзоръ у Diehl'я, Excursion etc. p. 189 сля., гдѣ главнѣйшая литература. Holleaux, производившій раскопки, приготовляетъ спеціальное сочиненіе.

[2]) Лучшія свѣдѣнія о современномъ состояніи катабоѳръ даетъ Лоллингъ у Бедекера: Griechenland², стр. 190 сля.

ныхъ мраморовъ. Этимъ-то и цѣнны небольшія танагрскія фигурки, представляющія изъ себя, въ сущности, конечно продуктъ скорѣе ремесла, чѣмъ искусства. Кому изъ любителей древности не извѣстны онѣ, если не въ оригиналахъ, то, по крайней мѣрѣ, по изображеніямъ или по копіямъ. Раскопки некрополей Танагры, могилы которыхъ надо считать тысячами, предпринимались нѣсколько разъ, начиная съ 1870 по 1889 годы. Но, къ сожалѣнію, научнымъ образомъ раскопки стали производиться лишь сравнительно весьма поздно, когда уже сливки были сняты секретными раскопками крестьянъ[1]). Но, кромѣ некрополей, Танагра сохранила и кое-что отъ самой себя, какъ города. Хорошо сохранившійся периболъ стѣнъ съ 40—50 башнями, трое воротъ, театръ, фундаменты храмовъ — живые свидѣтели прошлаго Танагры. Другой интересъ представляютъ развалины святилища Амфіарая близъ Оропа. Здѣсь, подобно Додонѣ и Акрефіи, найдено святилище съ оракуломъ. Раскопки начаты въ 1884 г. и продолжались съ перерывами, но не особенно энергично. По находкамъ Оропское святилище Амфіарая далеко уступаетъ святилищу Аполлона Птойскаго, но, повидимому, раскопки могутъ еще продолжаться, такъ какъ далеко не весь священный округъ раскопанъ. Открыты: храмъ эллинистическихъ временъ, театръ, интересный по хорошей сохранности древне-греческой сцены, опять-таки безъ логея и съ круглой орхестрой, весьма длинный портикъ, много пьедесталовъ статуй, изъ которыхъ нѣкоторые снабжены надписями художниковъ, отчасти неизвѣстныхъ, кое-какія скульптуры второстепеннаго достоинства и масса надписей[2]).

Обычная дорога изъ Беотіи въ Аттику идетъ изъ Ѳивъ черезъ Элевсинъ и отсюда, черезъ проходъ Дафни, въ Аѳины. При перевалѣ черезъ Киѳеронъ дорога идетъ мимо хорошо сохранившихся стѣнъ Элевѳеръ, одной изъ пограничныхъ крѣпостей. Не менѣе

[1]) О раскопкахъ Танагры и ея фигуринахъ см. граціозное описаніе у Diehl, Excursions. p. 337 сл. и литература въ прим. 1, гдѣ не упомянутъ капитальный трудъ Фуртвенглера, Sammlung Saburoff (или на фр. яз. Collection Sabouroff), въ которомъ изданы экземпляры этого собранія, принадлежащіе теперь Эрмитажу.

[2]) О раскопкахъ Оропскаго святилища нѣтъ удобнаго общедоступнаго изложенія. См. Бедекеръ[2], стр. 183. Reinach Chroniques, указатель подъ Amphiareon и Oropos. Планъ святилища въ *Πρακτικά* 1884, театра — 1886, надписи — въ различныхъ годахъ Ефимериды новой серіи.

хорошо сохранившіяся развалины другой, — Филы, находится въ дикой лѣсистой мѣстности къ востоку отъ Элевѳеръ. Мы послѣдуемъ въ нашемъ мысленномъ странствованіи по этой дорогѣ и, прежде чѣмъ прибыть въ Аѳины, остановимся въ Элевсинѣ. На мѣстѣ этого священнаго пункта, чудно расположеннаго на берегу залива въ виду холмистаго Саламина[1]), находится только албанская деревушка Левсина, жители которой (въ особенности женщины и дѣти), несмотря на то, что живутъ въ часѣ съ небольшимъ разстоянія по желѣзной дорогѣ до Аѳинъ, плохо понимаютъ по-гречески. Но оставимъ Левсину и ея албанцевъ и обратимся къ тому, что и теперь, какъ въ древности, наиболѣе всего привлекаетъ въ Элевсинѣ вниманіе образованныхъ людей. Знаменитое святилище также раскопано недавно на средства археологическаго общества. Входъ въ священный округъ открывается такъ-называемыми „Большими Пропилеями", близъ которыхъ видны фундаменты храмины Артемиды Пропилеи. Пропилеи эти — копія аѳинскихъ, но построены, кажется, въ римское время. За „Большими Пропилеями" слѣдуютъ „Малыя". Какъ видно изъ надписи на архитравѣ, они реставрированы въ I в. до Р. Хр. Аппіемъ Клавдіемъ Пульхромъ. Близъ Малыхъ Пропилей, въ скалѣ акрополя элевсинскаго находится гротъ, передъ которымъ фундаменты храма. Судя по открытымъ здѣсь предметамъ, это — храмъ Плутона. Наконецъ, пройдя еще нѣсколько сооруженій, назначеніе которыхъ неясно, мы вступаемъ боковымъ входомъ въ главное святилище Элевсина, *μυστικὸς σηκός*, залу, гдѣ посвященные присутствовали при таинственныхъ священнодѣйствіяхъ. Предназначенная, въ противоположность прочимъ греческимъ святилищамъ, для помѣщенія большого числа людей, она представляетъ единственный въ своемъ родѣ примѣръ внутренняго расположенія. Это громадный квадратъ, около 50 метр. въ длину и ширину, внутри котораго стоялъ цѣлый лѣсъ изъ 42 колоннъ, расположенныхъ въ шесть рядовъ. Зала имѣла шесть входовъ, по два въ боковыхъ и въ передней стѣнѣ, тогда какъ задняя стѣна святилища была не что иное, какъ выравненная скала акрополя, къ которому оно пристроено. Назначеніе колоннъ очевидно: онѣ поддерживали потолокъ этой залы, въ которой, при

---

[1]) Не знаю, былъ ли, или нѣтъ г. Семирадскій въ Элевсинѣ, но у него удивительно вѣрно схвачены на его „Фринѣ" и очертанія Саламина и это прелестное синее море, всегда спокойное въ этомъ мѣстѣ.

закрытыхъ дверяхъ, долженъ былъ господствовать полнѣйшій мракъ. Вокругъ всей залы тянутся ступени, числомъ восемь, широкія и высокія, предназначенныя, очевидно, для сидѣнья. Ступени эти частію вырѣзаны въ скалѣ (въ задней части святилища), частію представляютъ искусственное сооруженіе. Надъ этой залой помѣщается второй этажъ святилища, доступъ въ который былъ возможенъ посредствомъ двухъ внѣшнихъ лѣстницъ, вырубленныхъ въ скалѣ, вдоль боковыхъ стѣнъ храма. Лѣстницы приводятъ на вырубленную же въ скалѣ продолговатую террасу, съ которой, вѣроятно, былъ входъ въ этотъ второй этажъ. Кромѣ лѣстницъ и террасы, о существованіи второго этажа свидѣтельствуютъ найденныя въ святилищѣ капители колоннъ меньшаго размѣра, чѣмъ капители колоннъ нижняго этажа. Въ описанномъ видѣ *μυστικὸς σηκός* былъ произведеніемъ знаменитаго Иктина, строителя Пареенона. Но раскопки помогли узнать и планъ до-иктиновскаго святилища, которое, судя по матеріалу и техникѣ, происходитъ изъ эпохи Писистратидовъ. Удивительно, что по идеѣ планъ древняго святилища тождественъ съ планомъ иктиновскаго, такъ что нельзя приписывать, какъ это дѣлали прежде, геніальной изобрѣтательности Иктина созданіе этой необычной, спеціально для особенностей культа принаровленной, формы священнаго зданія. Онъ, напротивъ, держался древняго расположенія, только чисто внѣшнимъ образомъ увеличивъ его. Основанія древняго храма лежатъ подъ помостомъ новаго въ ю.-в. его углу, при чемъ линіи наружной стѣны совпадаютъ. Онъ гораздо меньше, но также былъ снабженъ двадцатью пятью колоннами, разставленными въ пять рядовъ. Въ IV вѣкѣ, въ эпоху управленія Аѳинами Димитрія Фалерейскаго (317—307), была пристроена къ храму знаменитымъ въ то время архитекторомъ Филономъ къ наружной, каменной стѣнѣ храма крытая галлерея, также обнаруженная раскопками археологическаго общества. Галлерея служила, повидимому, не только украшеніемъ, но въ то же время и контрфорсомъ храма, прочность котораго начала въ то время дѣлаться сомнительною. Съ упомянутой террасы можно легко взобраться на вершину невысокаго акрополя Элевсинскаго, гдѣ сохранились фундаменты храма. Акрополь этотъ имѣлъ и стратегическое значеніе. Здѣсь постоянно имѣлся гарнизонъ, такъ какъ Элевсинъ находится какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ раздѣляются дороги, ведущія изъ Аѳинъ

въ Беотію и въ Пелопоннесъ. Кромѣ остатковъ построекъ, раскопки Элевсина вызвали на свѣтъ не мало памятниковъ скульптурныхъ, большинство которыхъ, какъ впрочемъ и при всѣхъ раскопкахъ, поздняго времени. Но между ними есть и такія цѣнныя вещи, какъ голова Эвбулея, упомянутая нами въ предыдущей хроникѣ (стр. 79) и признаваемая нѣкоторыми за произведеніе Праксителя. Нечего и говорить, что масса надписей, отчасти очень важныхъ для изученія внѣшняго культа элевсинскаго, найдена также и при этихъ раскопкахъ. Близъ самыхъ раскопокъ помѣщается домикъ, гдѣ проживаетъ Эфоръ, и (прежде) сараеобразное помѣщеніе — „музей". Теперь вещи, оставленныя въ Элевсинѣ, помѣщены въ новый, болѣе просторный и болѣе приличный музей, кажется спеціально вновь построенный. Въ самой деревушкѣ Левсина, на выѣздѣ по направленію къ Аѳинамъ, стоитъ старинная церковь св. Захарія, построенная на древнихъ фундаментахъ и почти цѣликомъ состоящая изъ античныхъ фрагментовъ. Она находится, какъ предполагаютъ, на мѣстѣ святилища Триптолема. Близъ нея былъ найденъ знаменитый „Элевсинскій рельефъ", также мною упомянутый въ прошлой хроникѣ[1]).

А. Щукаревъ.

---

[1]) Литературу см. у Diehl'я, стр. 277. Лучшіе планы Blavett'а въ Bull. de Corr. Hell. 1885 и послѣдній Дерпфельдта, приложенный къ *Πρακτικά* 1887 г. и изданному на фр. яз. эфоромъ Филіемъ путеводителю по Элевсину: Fouilles d'Éleusis 1889, кишащему хронологическими ошибками и неточностями. На русск. яз. см. описаніе раскопокъ Д. Н. Королькова, Ж. М. Н. Пр. 1884. Н. И. Новосадскій, Элевсинскія мистеріи Спб. 1887. В. В. Латышевъ, Очеркъ греч. древностей II, 204 сл.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

I. ОБЩІЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

О нѣкоторыхъ опредѣленіяхъ въ исторіи античнаго искусства.

По поводу сочиненія «Учебникъ исторіи профессора А. Трачевскаго. Древняя исторія. Второе, исправленное изданіе. Съ 52 рисунками, 4 картами и 3 планами». С.-Петербургъ 1889.

I.

Профессору Трачевскому, если не ошибаемся, первому изъ нашихъ составителей учебныхъ руководствъ по исторіи пришла счастливая мысль придать большее значеніе исторіи искусства у народовъ древности, чѣмъ это дѣлалось другими русскими авторами однородныхъ сочиненій. Этой мысли нельзя не сочувствовать, потому что освѣщеніе античнаго міра съ этой стороны несравненно цѣлесообразнѣе въ педагогическомъ отношеніи, чѣмъ не въ мѣру подробное изложеніе политической и внѣшней жизни народовъ съ неизбѣжною массою хронологическихъ цыфръ, собственныхъ именъ, разныхъ числовыхъ опредѣленій, всего, что такъ скоро и столь безслѣдно исчезаетъ изъ памяти молодого поколѣнія и что дѣлаетъ изъ исторіи предметъ сухой и скучный.

Оттого-то по справедливости привѣтствовались въ прежнее время попытки нашихъ писателей-педагоговъ оживить изложеніе исторіи внесеніемъ бытового элемента и основныхъ чертъ религіознаго міросозерцанія. Выясненіе главнѣйшихъ явленій общественной и частной жизни и изложеніе существенно-важныхъ чертъ изъ области миѳологіи и древняго богослуженія стали изображать предъ учащимся юношествомъ древній міръ съ его болѣе понятной и привлекательной стороны. Профессоръ Трачевскій въ обрисовкѣ культурно-исторической роли народовъ пошелъ далѣе, обративъ должное вниманіе на искусство, какъ

на одинъ изъ существенныхъ фактовъ въ міровой жизни. Поэтому пишетъ ли онъ о странахъ Востока, Египта, Ассиріи, Финикіи и пр. — вездѣ особое мѣсто онъ отводитъ изложенію состоянія искусствъ у тѣхъ народовъ. Но еще подробнѣе — говоря относительно — останавливается онъ на этомъ предметѣ при изложеніи греческой и римской исторіи. Здѣсь почтенный авторъ представляетъ обозрѣніе искусствъ по ихъ эпохамъ, чтò должно давать конечно болѣе полное и правильное понятіе объ античной архитектурѣ, ваяніи, живописи.

Въ цѣляхъ наибольшей ясности и убѣдительности онъ снабдилъ книгу значительнымъ количествомъ удовлетворительно исполненныхъ рисунковъ съ памятниковъ древняго зодчества, скульптуры и частію живописи, а также художественными реставраціями храмовъ, общественныхъ зданій, частныхъ домовъ и т. д.

Назначеніе книги служить руководствомъ „дорогимъ интересамъ русской школы и русскаго образованія“, выходъ ея вторымъ изданіемъ въ иллюстрированномъ и потому привлекательномъ и не для одного учащагося юношества видѣ, общественное положеніе автора — все это вызываетъ особенное вниманіе къ его сочиненію, которое, вѣроятно, также побудитъ нашихъ спеціалистовъ по исторіи высказать свое должное сужденіе, не отказываясь отъ указаній матеріала, подлежащаго измѣненію въ дальнѣйшихъ изданіяхъ „Учебника исторіи“, какъ то было сдѣлано въ свое время по отношенію къ первому изданію профессоромъ В. Г. Васильевскимъ на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія [1]).

Мы позволяемъ себѣ остановиться здѣсь только на вышенамѣченной сторонѣ книги, на ея ученіи объ искусствѣ и при этомъ ограничиваемся лишь искусствомъ классическихъ народовъ, грековъ и римлянъ. Нѣкоторыя частности этого ученія представляются намъ или не вполнѣ точными, или, по своей краткости, не достаточно ясными.

Начинаемъ съ греческаго зодчества.

Стр. 173. „[Въ V в.] явилось много изящныхъ храмовъ, особенно въ Аттикѣ; они стали красивѣе.... Колонны съузились

1) Ж. М. Н. Пр. 1884, кн. № 10.

къ верху, вытянулись и покрылись красивами ложбинками». Въ этомъ сообщеніи возбуждаетъ недоумѣніе рѣчь о съуженіи колоннъ къ верху и каннелюрѣ ихъ, какъ характеристической принадлежности храмовой архитектуры V-го вѣка до Р. Хр. И съуженіе греческой колонны и покрытіе ея ложбинками существовали въ сооруженіяхъ гораздо болѣе ранняго времени. Колонны каннелированы даже въ самомъ древнемъ изъ сохранившихся дорическихъ зданій, именно храмѣ Геры въ Олимпіи. Построенный въ доисторическое время изъ дерева, этотъ храмъ послѣ былъ перестроенъ, при чемъ деревянныя колонны [еще Павзаній видѣлъ одну колонну дубовую въ опистодомѣ его, V, 16, 1: *ἐν δὲ τῷ ὀπισθοδόμῳ δρυὸς ὁ ἕτερος τῶν κιόνων ἐστί.*] замѣнялись каменными только по мѣрѣ обветшанія и полной ихъ негодности. Процессъ этой замѣны тянулся долго, какъ можно судить по различію въ толщинѣ, въ капителяхъ и числу ложбинокъ на колоннахъ (на одной колоннѣ 16, на другихъ 20). Остатки послѣднихъ или стоятъ на своихъ прежнихъ мѣстахъ, или лежатъ подлѣ самаго храма, и ни одинъ барабанъ не уполномочиваетъ насъ заключать, что эти каменныя колонны были когда-либо безъ каннелюры. Также чрезвычайно древней порѣ принадлежитъ постройка святилища надъ колодцемъ въ Кадаккіо на о. Корфу, гдѣ стояло по 6 колоннъ на узкихъ сторонахъ и по 12 на продольныхъ. Колонны также всѣ каннелированы. Обратимся ли мы къ памятникамъ конца VII и начала VI ст., какъ двумъ древнѣйшимъ храмамъ въ Селинунтѣ (D и C по обозначенію Serradifalco, Antichità della Sicilia), къ храму Димитры въ Пестумѣ, или такъ назыв. „Базиликѣ“ того же города – во всѣхъ этихъ памятникахъ періода созиданія дорическаго стиля мы встрѣчаемъ неизбѣжную каннелюру. Колебанія только въ числѣ желобковъ, которое въ колоннахъ пестумскаго храма Димитры достигаетъ даже до 24, но нѣтъ ни одной колонны гладкой. Изъ другихъ памятниковъ VI ст. извѣстны два храма въ Селинунтѣ (F и G), такъ назыв. храмъ Артемиды въ Сиракузахъ, храмъ въ Коринѳѣ, храмъ въ Ассосѣ въ Мизіи — и лишь относительно одного селинунтскаго храма (G), оставшагося не оконченнымъ, можемъ сказать, что каннелюра не была проведена съ обычной послѣдовательностью. То же явленіе продолжается обязательно въ по-

стройкахъ вполнѣ сложившагося и достигшаго извѣстнаго совершенства дорическаго стиля изъ времени приблизительно съ половины VI ст., какъ храмъ Посидона въ Пестумѣ съ его каннелюрой колоннъ въ 24 борозды, такъ наз. храмъ Геракла въ Акрагасѣ (Agrigentum, нынѣ Girgenti) съ такимъ же числомъ бороздъ, и другіе храмы этого города, храмъ Зевса, храмъ такъ наз. Juno Lacinia и Concordia, и т. д. и т. д.

Никоимъ образомъ не можетъ быть отнесено къ V ст. и съуженіе колонъ къ верху, какъ отличительная черта архитектуры этого времени. Различіе діаметра нижняго и верхняго барабановъ колонны встрѣчается также въ храмѣ Геры въ Олимпіи, не говоря о другихъ примѣрахъ, представляющихъ къ тому же этотъ архитектурный пріемъ въ болѣе рѣзкой формѣ. Характеристика архитектуры V в., данная въ этомъ мѣстѣ, расходится, по отношенію къ дорическому стилю, съ собственными словами нашего автора на стр. 141, гдѣ говорится, что дорическая колонна уже „вполнѣ развилась“ въ періодъ времени отъ 850—500 г. до Р. Хр.

Не согласуются подчеркнутыя нами слова проф. Трачевскаго съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла и относительно іоническаго стиля. Храмъ Геры въ Самосѣ, построенный во второй четверти VI ст., храмъ Артемиды Эфесской, начатый тѣмъ же архитекторомъ Өеодоромъ Самосскимъ, что и предъ симъ названный, представляютъ въ своихъ остаткахъ колонны, покрытыя бороздами.

Стр. 175. „Тогда же [т.-е. въ V в.] Каллимахъ изобрѣлъ новый, коринөскій стиль, который отличался отъ іоническаго только капителью, изображающею чашечку распустившагося цвѣтка“. Это догматическое отнесеніе изобрѣтенія коринөскаго стиля къ Каллимаху, жившему во второй половинѣ V-го вѣка не можетъ быть принято послѣ того, что сдѣлано спеціальными изслѣдованіями по исторіи даннаго стиля. И начало коринөскаго чина греческаго зодчества теряется въ такой же отдаленной древности, какъ дорическаго и іоническаго. О Каллимахѣ, какъ изобрѣтателѣ его, давно не упоминаютъ болѣе и руководства по классической археологіи. Конечно, можно привести въ этомъ случаѣ разсказъ Витрувія (IV, 1, 9 слѣд.) о томъ, какъ кормилица одной коринөской дѣвушки, умершей

въ полномъ расцвѣтѣ силъ, собравши въ корзину всѣ ея любимыя вещи, снесла ее на могилу и, закрывши черепицей, поставила ее на памятникъ, какъ случайно лежавшій здѣсь корешокъ аканѳа вслѣдствіе очутившейся надъ нимъ тяжести весною далъ ростки, вѣтки и листья, которыя, вытягиваясь по бокамъ корзины, обвили ее всю, а вѣтви сверхъ сего завились еще и въ волюты. Каллимахъ, извѣстный аѳинскій скульпторъ, проходя мимо памятника, будто бы пораженъ былъ этой игрой природы и перенесъ форму корзины, обвитой листьями аканѳа, на капитель колонны. Но этотъ анекдотъ издавна оцѣненъ по достоинству — и никто болѣе не придаетъ ему серьезнаго значенія. Если Каллимахъ и игралъ какую-нибудь роль въ исторіи коринѳскаго стиля, то конечно тѣмъ, что придалъ ему болѣе прочныя, теоретически установленныя формы. Но неоспоримъ конечно фактъ, что примѣненіе этого стиля относится въ наибольшей степени къ позднѣйшему времени, начиная съ V ст., какъ указываютъ примѣры коринѳскихъ колоннъ въ храмѣ Аполлона въ Фигаліи (Аркадія), въ храмѣ Аполлона Дидимейскаго въ Милетѣ, на памятникѣ Лизикрата въ Аѳинахъ (послѣ 335 г. до Р. Хр.), въ Филиппейонѣ въ Олимпіи и т. д., не говоря о болѣе позднихъ памятникахъ.

Стр. 212. „Во второмъ періодѣ (вѣкъ Перикла), который называется первою эпохою искусствъ... въ зодчествѣ господствовалъ іоническій стиль“. Это сообщеніе о господствѣ іоническаго стиля надъ дорическимъ въ вѣкъ Перикла не можетъ быть принято безъ ущерба истинѣ. Чтобъ не упоминать о такъ наз. храмѣ Ѳезея, выстроенномъ, можетъ быть, при Кимонѣ, Парѳенонъ, Пропилеи въ Аѳинахъ (о 6-ти іоническихъ колоннахъ ихъ говорится ниже), храмъ Великихъ Мистерій въ Элевзинѣ, храмъ Зевсавъ Олимпіи, храмъ Аполлона въ Фигаліи (іоническія и одна дорическая колонны были здѣсь только внутри храма) — все это грандіозныя сооруженія не іоническаго стиля. И что могъ бы нашъ авторъ противопоставить этимъ памятникамъ изъ исторіи іоническаго ордена греческой архитектуры? Маленькій храмикъ на р. Илиссѣ (V в.) въ Аѳинахъ, храмъ такъ назыв. „Безкрылой Побѣды“ на аѳинскомъ Акрополѣ, и чуднымъ изяществомъ блиставшій Эрехѳеонъ, окончаніе котораго къ тому же принадлежитъ послѣ-Перикловскому времени,

нисколько не говорятъ о господствѣ іоническаго стиля надъ дорическимъ собственно въ вѣкъ Перикла, а два послѣдніе храма лишь свидѣтельствуютъ о томъ изяществѣ, котораго достигли постройки этого ордена въ V-мъ вѣкѣ въ Аѳинахъ, благодаря развитію художественныхъ вкусовъ и успѣхамъ строительной и скульптурной техники въ это время[1]). Изъ современныхъ Парѳенону построекъ іоническаго стиля въ другихъ частяхъ Греціи слѣдуетъ конечно указать на величественный храмъ Аполлона Дидимейскаго близъ Милета; но вѣдь этого слишкомъ мало для положенія, выставленнаго г. Трачевскимъ.

Отъ ошибокъ въ исторіи архитектурныхъ стилей Греціи переходимъ къ описанію памятниковъ.

Тамъ же. „Чудомъ искуества были Пропилеи или „преддверіе", чрезъ которое всходили на Акрополь. Это три галлереи изъ іоническихъ колоннъ, кончавшіяся съ обѣихъ сторонъ дорическими портиками, каждый съ пятью пролетами; сохранился только портикъ, служившій пинакотекой (картинной галлереей)". Это опредѣленіе проф. Трачевскаго рѣшительнымъ образомъ опровергается дѣйствительною формою памятника. Всякій внимательно изучавшій планъ аѳинскихъ Пропилей по рисункамъ и тѣмъ болѣе люди, видѣвшіе это сооруженіе на мѣстѣ, хорошо

---

1) Трудно опредѣлить, на чемъ основалъ нашъ авторъ это ученіе о господствѣ іоническаго стиля надъ дорическимъ въ эту пору, когда *какъ разъ обратный фактъ* констатируется *даже наиболѣе доступными* сочиненіями по исторіи архитектуры. Ср. напр. Lübke, Geschichte d. Architectur I[4], 138: Auch jetzt bleibt der *dorische Styl noch vorwiegend in Anwendung*. Aber seine Formen sind zu edelster Anmuth gemildert, und hier erst zeigt rer sich in jener glücklichen Verschmelzung von dorischer Kraft und ionischer Grazie, welche den Bauwerken dieser Zeit den Stempel vollendeter Schönheit aufprägt. Die Verhältnisse werden schlanker, leichter, ohne darum an Würde zu verlieren. Der ängstlich befangene, schwerfällige Ausdruck mühsamen Stützens weicht einem elastischen, kühnen Aufstreben. In der Beziehung der tragenden Glieder zu den getragenen herrscht eine vollkommene Harmonie, und dieser Grundton klingt durch alle einzelnen Detailformen mit zauberhafter Schönheit hindurch. Aber auch der *ionische Styl* erfährt jetzt erst auf dem Boden Attika's einen Adel, eine Würde der Durchbildung, welche ihm nirgend anderswo in solchem Maasse zu Theil geworden ist. Er gewann aus dem Einwirkungen dorischer Elemente jene männlichere Kraft, welche seinen lieblicheren Formen den Charakter geisterfüllten Lebens verlieh. И эта характеристика имъ дѣлается для всего періода отъ Кимона до Македонскаго владычества (470—338 до Р. Х.).

знаютъ, что эти священныя врата Акрополя представляютъ собою три соединенныя вмѣстѣ зданія — центральное, главное и большее по размѣрамъ, чрезъ которое и проложенъ былъ входъ на Акрополь, и два боковыя крыла, лежащія на сѣверо-западъ и юго-западъ отъ главнаго, изъ которыхъ первое заключало и помѣщеніе пинакотеки. Восходя по западному склону Акрополя и приближаясь къ Пропилеямъ, мы имѣемъ по правую руку дорическій портикъ, по лѣвую, параллельно правому, зданіе пинакотеки. Но эти боковыя сооруженія не представляютъ изъ себя „портиковъ съ пятью пролетами“ и напрасно нашъ авторъ утверждаетъ, что сохранился только „портикъ, служившій пинакотекой“. Пяти пролетовъ здѣсь нѣтъ, никогда не было и быть не могло, потому что эти второстепенныя зданія въ пять нефовъ подавили бы центральную, главную часть Пропилей. Доселѣ сохранились оба крыла, только лѣвое гораздо лучше праваго. Объемъ ихъ не одинаковъ. Правое или южное зданіе много меньше)6,243 метр. въ глубину и 8,968 метр. въ ширину) лѣваго или сѣвернаго (8,96 метр. + 5,055 метр. въ глубину и 10,765 метр. въ ширину). Отличаются они и по своему внутреннему расположенію. Южное крыло имѣетъ форму портика, открывавшагося на двѣ стороны, сѣверную и западную, въ послѣднемъ случаѣ по направленію къ храму такъ наз. „Безкрылой Побѣды“. Совершенно иную внутреннюю конструкцію имѣетъ сѣверное крыло, раздѣленное на два различныя помѣщенія, на дорическій портикъ съ тремя колоннами во фронтѣ (какъ и южное крыло) и на закрытый четвероугольный покой съ дверью и двумя окнами. Этотъ-то задній покой и назывался пинакотекой отъ храненія здѣсь картинъ, между которыми находились и произведенія знаменитаго Полигнота. При такомъ характерѣ и назначеніи этихъ боковыхъ зданій ни о какихъ пяти пролетахъ здѣсь не могло быть и рѣчи.

Откуда же проф. Трачевскій взялъ это число пролетовъ? Не должно же быть оно случайнымъ, ни на чемъ не основаннымъ. Число пять по отношенію къ аѳинскимъ Пропилеямъ не случайно и встрѣчается три раза, а не два, какъ слѣдуетъ изъ вышеприведеннаго описанія нашего автора. Въ центральномъ зданіи Пропилей находятся пять воротъ, и соотвѣтственно имъ по пяти междустолпій въ обоихъ дорическихъ портикахъ, при-

легающихъ къ этому зданію съ запада и востока. Стѣна съ прорѣзанными въ ней пятью воротами составляетъ зерно всего сооруженія и потому неизвѣстно, какимъ образомъ упоминаніе о немъ не вошло въ опредѣленіе нашего автора. Эта стѣна съ пятью вратами, изъ которыхъ большія занимаютъ средину и самыя малыя стоятъ по концамъ, дѣлитъ центральную часть Пропилей на двѣ неравныя части, большую западную и меньшую, расположенную на востокъ. Западная состоитъ изъ галлереи, раздѣленной поперекъ двумя рядами іоническихъ колоннъ (по 3 колонны на той и другой сторонѣ), поставленныхъ по бокамъ главнаго пути, и снаружи украшенной дорической колоннадой, подпирающей фронтонъ. Восточная часть, которая лежитъ за вратами и открывается на Акрополь, гораздо меньше первой и имѣетъ видъ дорическаго портика съ фронтономъ, соотвѣтствующимъ западному. Во всемъ зданіи Пропилей іоническихъ колоннъ 6, дорическихъ 12.

Оба портика сохранились въ достаточной степени, и нынѣ путешественникъ съ западной колоннады съ восторгомъ наслаждается зрѣлищемъ на лежащіе предъ нимъ ареопагъ, пниксъ, холмъ Нимфъ, „храмъ Ѳезея“ и далѣе, на долину, тянущуюся къ Пирею и морю, тогда какъ съ восточнаго портика открываются для него сразу величественныя руины Эрехѳеона, Парѳенона и всей внутренности Акрополя. Если же нашъ авторъ—что весьма вѣроятно — разумѣетъ въ предыдущемъ описаніи эти портики „съ пятью пролетами каждый“, то трудно рѣшить, что заставило его сказать о сохраненіи только одного изъ нихъ, неизвѣстно котораго, и назвать его помѣщеніемъ пинакотеки, которой здѣсь никогда не было. Съ другой стороны, куда въ такомъ случаѣ дѣвались въ его опредѣленіи стѣна съ пятью вратами и тѣ боковыя сооруженія, о которыхъ говорили мы въ самомъ началѣ и которыя стоятъ на своихъ мѣстахъ и понынѣ?

Странная судьба этого всемірно-извѣстнаго памятника въ нашей учебной литературѣ. По имени онъ близокъ всякому учившему хотя немного древнюю исторію, всякій связываетъ это сооруженіе съ эпохой Перикла и съ аѳинскимъ Акрополемъ, а между тѣмъ едва ли многіе изъ нашей молодежи ясно представляютъ его дѣйствительный планъ и форму главнаго зданія и второстепенныхъ частей. На эту мысль наводитъ насъ и опи-

саніе Пропилей, данное другимъ нашимъ педагогомъ, руководство котораго по древней исторіи пользуется въ нашей средней школѣ большимъ и вполнѣ заслуженнымъ распространеніемъ. Разумѣемъ „Исторію Греціи и Рима" Я. Г. Гуревича, гдѣ на стр. 97 (4 изд. СПБ. 1886) читается такое опредѣленіе занимающаго насъ памятника: „Входъ въ Акрополь составляли Пропилеи. Это была крытая мраморная колоннада съ четырьмя боковыми входами и съ четырьмя расположенными по обѣимъ сторонамъ главаго входа мраморными залами, украшенными произведеніями знаменитѣйшихъ живописцевъ, особенно Полигнота. Къ Пропилеямъ вела широкая мраморная лѣстница". Не говоря о чрезвычайной краткости этого описанія, изъ котораго пользующійся книгою г. Гуревича не узнаетъ, какого стиля была эта колоннада, дорическаго или іоническаго или соединеніемъ того и другого, и о неточности названія 4-хъ боковыхъ входовъ, это опредѣленіе сообщаетъ намъ свѣдѣніе о цѣлыхъ „четырехъ мраморныхъ залахъ, украшенныхъ произведеніями знаменитыхъ живописцевъ". О какихъ же четырехъ залахъ идетъ здѣсь рѣчь? Если подъ этимъ авторъ разумѣетъ два боковые нефа центральной галлереи и два крыла, о которыхъ мы говорили выше, то на чемъ основано это извѣстіе о живописи знаменитыхъ мастеровъ, украшавшей будто бы всѣ четыре помѣщенія? Если бы это было такъ въ дѣйствительности, то почему принято называть пинакотекой только задній покой лѣваго крыла или, принимая pars pro toto, только это сѣверное крыло? Основаніемъ же этого, прочно стоящаго въ классической археологіи, названія служатъ слова Павзанія (I, 22, 6): *Ἔστι δὲ ἐν ἀριστερᾷ τῶν Προπυλαίων οἴκημα ἔχον γραφάς*. Вслѣдъ за этимъ періэгетъ представляетъ перечень тѣхъ картинъ, которыя, устоявъ противъ разрушительнаго дѣйствія времени, сохранились до его дней и которыя онъ видѣлъ здѣсь самъ. Сюжеты этихъ картинъ большею частію миѳологическіе, напр. Діомедъ, похищающій лукъ Филоктета на о. Лимносѣ, Одиссей, уносящій Палладіумъ изъ Иліона, убіеніе Орестомъ Эгисѳа и Пиладомъ дѣтей Навплія, пришедшихъ на защиту Эгисѳа, воспитаніе Ахилла на о. Скиросѣ между дѣвушками — картина Полигнота, приближеніе Одиссея къ дѣвушкамъ, купавшимся вмѣстѣ съ Навсикаей — картина того же

мастера, возвращеніе Персея съ головою Медузы на о. Сериѳъ къ Полидекту и др. Въ числѣ историческихъ Павзаній отмѣтилъ Алкивіада съ знаками побѣды, одержанной его конями на ристалищѣ въ Немеѣ; къ жанровымъ принадлежали Мальчикъ съ кувшиномъ и Борецъ — послѣдній работы Тименета. И ни слова не говорится о размѣщеніи этихъ или другихъ картинъ „въ четырехъ мраморныхъ залахъ", какъ утверждаетъ г. Гуревичъ. Другихъ свидѣтельствъ древности объ этомъ также нѣтъ никакихъ.

Стр. 214. Говоря объ искусствѣ IV в. до Р. Хр. и въ частности о надгробныхъ памятникахъ, проф. Трачевскій пишетъ: „Большіе монументы принадлежатъ Малой Азіи, особенно Ликіи, гдѣ (въ Ксанѳѣ) славилась „Гробница Гарпага"— храмикъ, похожій на Парѳенонъ, работы Скопаса". Такъ кратко и рѣшительно нашъ авторъ учитъ о памятникѣ, доставившемъ столько заботъ и недоумѣній лучшимъ спеціалистамъ въ области греческаго искусства и занимающемъ ихъ и доселѣ, несмотря на 50 лѣтъ, протекшихъ въ разъясненіи памятника со времени его открытія. Въ этой работѣ принимали дѣятельное участіе такіе ученые, какъ Велькеръ, Урлихсъ, Михаэлисъ, Овербекъ, Фуртвенглеръ, чтобы не упоминать о другихъ. Названіе этого монумента Гробницею Гарпага, проскользнувшее было въ слѣдъ за открытіемъ его, было забраковано съ самаго начала, какъ совершенно ошибочное и нисколько не оправдываемое скульптурными изображеніями, изобильно его украшающими. Съ тѣхъ поръ оно болѣе не повторяется въ наукѣ, такъ что напрасно потерялъ бы время тотъ, кто сталъ бы разыскивать это имя по оглавленіямъ въ общихъ трудахъ по исторіи скульптуры: Овербека, Меррея (A. S. Murray), Митчель (L. Mitchell), Перри (Perry), Любке; такого памятника въ оглавленіяхъ онъ не найдетъ. Предлагались въ наукѣ для этого памятника различныя названія[1]), но настоящаго имени и доселѣ не найдено, а потому принято называть его условнымъ именемъ „Памятника съ Нереидами" по статуямъ Нереидъ, входящимъ въ скульптурныя украшенія этого памятника. Проф. Трачевскій

[1]) Болѣе вѣроятнымъ считается объясненіе Урлихса, по мнѣнію котораго это — надгробный памятникъ ликійскаго царя или вѣрнѣе персидскаго сатрапа Перикла, взявшаго осадою портовый городъ Телмессъ прибл. въ 50 олимп.

опредѣляетъ этотъ монументъ какъ „храмикъ похожій на Пареенонъ", но такое сближеніе неправильно уже потому, что Пареенонъ — храмъ дорической архитектуры, а этотъ „Памятникъ съ Нереидами" — постройка іоническаго ордена. Стоитъ только сравнить этотъ высокій, совершенно отвѣсный и украшенный двумя скульптурными фризами постаментъ, на которомъ покоится ναός, cella, или обратить вниманіе на количественное отношеніе колоннъ, идущихъ по узкимъ и продольнымъ сторонамъ этого περίπτερος (4 : 6 въ этомъ памятникѣ и 8 : 17 въ Пареенонѣ); стоитъ не упустить изъ виду, что колонны спереди и сзади целлы идутъ только въ одинъ рядъ въ нашемъ памятникѣ; стоитъ всмотрѣться въ іоническій характеръ целлы — характеръ, заставившій нѣкоторыхъ ученыхъ видѣть здѣсь копированіе аѳинскаго Эрехѳеона; стоитъ взять это въ расчетъ, чтобы убѣдиться въ рѣшительной невозможности уподобленія „Памятника съ Нереидами" Пареенону.

Не менѣе ново и столько же неточно отнесеніе этого памятника къ Скопасу. Хотя въ молодости Скопасъ и занимался архитектурными работами (имъ построенъ былъ храмъ Аѳины въ Тегеѣ), но нигдѣ не говорится въ древнихъ литературахъ ни о построеніи имъ этого памятника въ Ксанѳѣ, ни о принадлежности его рѣзцу скульптурныхъ украшеній (лишь въ Нереидахъ видятъ подражаніе Ніобидамъ).

О разнохарактерности стилей многочисленныхъ изваяній, украшавшихъ это сооруженіе въ различныхъ частяхъ его, существуетъ цѣлая полемическая литература. Англійскій путешественникъ Феллоусъ, открывшій этотъ памятникъ, отнесъ его къ 500 г. до Р. Хр. А такой знатокъ античной пластики, какъ Овербекъ, считалъ фризы целлы и архитрава „римскою работою самаго поздняго времени" — взглядъ, возбудившій опыты опроверженія въ другихъ ученыхъ. Можно ли было, въ виду такого положенія вопроса, категорически назвать этотъ памятникъ „Гробницею Гарпага" и притомъ работы Скопаса? Какимъ же образомъ Скопасъ въ IV ст. могъ строить и украшать скульптурами гробницу Гарпага, жившаго въ VI в.? И по чьему заказу могла бы производиться такая, дорого стóящая работа?

Тамъ же. Перечисляя памятники зодчества и ваянія, нашъ авторъ продолжаетъ: „Другой памятникъ, найденный у древ-

няго Галикарнасса, считался „чудомъ свѣта": это — Мавзолей, имя котораго стало означать памятникъ вообще. Онъ былъ поставленъ вдовой Мавзола и состоялъ изъ храмика, съ пирамидою на крышѣ, украшенною статуей покойника". Въ подчеркнутомъ нами опредѣленіи формы памятника, получившаго названіе „чуда свѣта древнихъ", сооруженія, имя котораго перешло какъ нарицательное на колоссальные и роскошные надгробные монументы, мы усматриваемъ только неловкость выраженія. „Храмикъ съ пирамидою на крышѣ, украшенною статуей покойника",— особенно столь колоссальною, какъ находящаяся теперь въ Британскомъ Музеѣ статуя Мавзола, уже одна сама по себѣ способная [если бы только она могла стоять тамъ] продавить крышу „храмика" — хотя и былъ бы, пожалуй, нѣкоторымъ чудомъ, но не въ этомъ, выставленномъ нашимъ авторомъ, архитектурномъ отличіи заключалась слава Мавзолея. И не эта „пирамида на крышѣ" храмика возбуждала удивленіе современниковъ и потомства... Страннымъ при этомъ опредѣленіи кажется читателю совершенное умолчаніе о массѣ скульптурныхъ украшеній, которыми въ такомъ изумительномъ изобиліи блисталъ Мавзолей и которыя даже въ сохранившемся до нашего времени количествѣ занимаютъ неизгладимую страницу въ исторіи греческой пластики. Неяснымъ остается и умолчаніе о Скопасѣ, участіе котораго въ скульптурныхъ работахъ этого памятника внѣ всякаго сомнѣнія. Читатель недоумѣваетъ, почему имя этого художника пріурочено, какъ фактъ общеизвѣстный, къ памятнику, отношеніе къ которому ничѣмъ не доказано, и опущено при Мавзолеѣ, славѣ котораго Скопасъ несомнѣнно послужилъ?

Ошибки проф. Трачевскаго въ исторіи античной архитектуры этимъ не исчерпываются; всѣхъ случаевъ ихъ мы здѣсь, по недостатку мѣста, не пересчитываемъ; желаемъ только обратить вниманіе почтеннаго автора на этотъ матеріалъ его книги, несомнѣнно нуждающійся въ исправленіяхъ.

И. Цвѣтаевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

II. ОБЗОРЪ КНИГЪ.

В. Ернштедтъ. Порфирьевскіе отрывки изъ аттической комедіи. Палеографическіе и филологическіе этюды. С.-Петербургъ 1891.

Отрывки, возстановленію и объясненію которыхъ посвящена разбираемая книга, были раньше извѣстны только отчасти; въ 1876 г. Кобетъ издалъ въ IV томѣ „Мнемосины" два отрывка, найденные тридцатью годами ранѣе Тишендорфомъ въ одномъ изъ монастырей Востока. Публикація Кобета при всѣхъ ея недостаткахъ — зависѣвшихъ впрочемъ исключительно отъ неполноты доставленныхъ издателю матеріаловъ — была признана очень крупнымъ явленіемъ: изданные имъ отрывки были переиздаваемы другими, мало-по-малу о нихъ составилась маленькая литература. Необыкновенный интересъ, съ которымъ ученый міръ отнесся къ нимъ, легко объясняется, если принять во вниманіе, что они впервые знакомили насъ со сценической техникой Менандра, о которой сохраненные древними авторами выдержки, преимущественно комическаго содержанія, не давали никакого понятія. Конечно, надежнымъ основаніемъ для критической работы надъ отрывками могла бы быть только оригинальная ихъ рукопись, а не сообщенная Тишендорфомъ Кобету копія, но эта рукопись, найденная Тишендорфомъ въ сороковыхъ годахъ и съ тѣхъ поръ не показывавшаяся на свѣтъ, считалась затерянной и пришлось довольствоваться копіей.

Теперь мы знаемъ, что эта рукопись не затеряна. Ее нашелъ вторично, въ 1850 г., епископъ Порфирій Успенскій въ монастырѣ св. Екатерины на Синаѣ; отъ него она въ 1883 г. перешла въ С.-Петербургскую Публичную Библіотеку, гдѣ и обрѣла достойнаго изслѣдователя въ лицѣ автора разбираемой книги. Сколь серьезно г. Ернштедтъ отнесся къ своей задачѣ, видно, между прочимъ, изъ того, что онъ лишь къ осени минувшаго года, послѣ семилѣтней работы, рѣшился познакомить ученый міръ съ результатами своихъ изслѣдованій. Ученый міръ поспѣшитъ отблагодарить г. Ернштедта за его труды, если не на словахъ, то на дѣлѣ, извлекая изъ нихъ ту пользу, которую они могутъ принести наукѣ; но въ настоящемъ случаѣ дѣло имѣетъ еще другую сторону. Книга г. Ернштедта написана по-русски; это обстоятельство не помѣшаетъ распространенію ея содержанія на Западѣ; въ ближайшемъ будущемъ мы можемъ ожидать появленія въ заграничныхъ журналахъ болѣе или менѣе подробныхъ и умѣлыхъ извлеченій изъ нея. Но все же русскіе филологи обладаютъ въ данномъ случаѣ немаловажнымъ преимуществомъ передъ иностранными. Было бы очень грустно, если бы они не пожелали воспользоваться имъ; такіе случаи бываютъ далеко не часто.

Счастливая находка въ области классической филологіи, будучи даромъ случайности, тѣмъ не менѣе сама по себѣ можетъ сдѣлать имя находчика извѣстнымъ; это *ἄπονον χάρμα*, но вмѣстѣ съ тѣмъ *ἔργων πρὸ πάντων βιότῳ φάος*. Но г. Ерництедтъ, разумѣется, не могъ удовольствоваться этимъ *ἄπονον χάρμα*, которое, однако, въ настоящемъ случаѣ было бы само по себѣ не маловажной заслугой передъ наукой. Нашедши рукопись, онъ счелъ долгомъ вторично ее прочитать, прочитавъ — возстановить по мѣрѣ возможности первоначальный текстъ, окончивъ и эту задачу, указать на новые результаты въ области литературы, языка и палеографіи, которымъ мы обязаны его находкѣ.

Начнемъ съ первой части, чтенія рукописи. О его трудности прекрасные и удобочитаемые снимки г. Ерництедта не даютъ никакого представленія; что же касается его результатовъ, то достаточно будетъ замѣтить, что прочитанный г. Ерництедтомъ текстъ объемомъ болѣе, чѣмъ вдвое превосходитъ текстъ Тишендорфа. Тишендорфъ прочиталъ всего два отрывка, одинъ въ 25 стиховъ, начинающійся словами *πῶς εἰσιν* (I a у г. Ерництедта), другой въ 20 стиховъ, начинающійся словами *ἄνθρωπος οἶνον* (II a); эти два отрывка написаны на двухъ отдѣльныхъ лоскуткахъ. Г. Ерництедтъ прочиталъ, во-первыхъ, эти два отрывка лучше, чѣмъ Тишендорфъ; конечно, при опытности Тишендорфа, какъ палеографа, результатъ вторичнаго чтенія не могъ быть значительнымъ, онъ ограничивается одной или нѣсколькими буквами въ каждомъ стихѣ, но для возстановленія менандрова текста часто и этотъ выигрышъ имѣлъ рѣшающее значеніе. Во-вторыхъ, г. Ерництедтъ прочиталъ и *находящійся на оборотѣ* обоихъ лоскутковъ текстъ, незамѣченный Тишендорфомъ (для объясненія этого послѣдняго обстоятельства г. Ерництедтъ, относящійся вообще съ большимъ уваженіемъ къ своему предшественнику, предполагаетъ, что оба лоскутка въ то время, когда ихъ нашелъ Тишендорфъ, были приклеены къ доскамъ переплета старинной книги, и что только преосв. Порфирій осторожно отклеилъ ихъ и этимъ далъ возможность прочесть другую ихъ сторону). Такимъ образомъ получилось два новыхъ отрывка, равныхъ по объему отрывкамъ Тишендорфа: одинъ, начинающійся словомъ *Διο]νυσίων* (I b), другой — словами *ἀγα]θόν τί σοι γένοιτο* (II b). Наконецъ, въ третьихъ, г. Ерництедтъ нашелъ еще третій лоскутокъ (III), интересный, какъ пособіе — очень оригинальное, какъ мы увидимъ — для возстановленія текста отрывка *ἀγαθόν τι*.

Но какъ ни блестящи результаты чтенія рукописи, ихъ важность для науки сильно ограничивалась жалкимъ положеніемъ разобраннаго текста. Ни одинъ стихъ не сохраненъ сполна; въ большинствѣ случаевъ сохранены только четыре строки изъ шести. Вотъ почему возстановленіе первоначальнаго текста представляло значительныя затрудненія: требовалось тонкое и глубокое знаніе аттической рѣчи и комическаго тона для того, чтобы рѣшаться на такую попытку съ надеждой на успѣхъ. — Въ двухъ отрывкахъ: *πῶς εἰσιν* и *ἄνθρωπος* г. Ерництедтъ имѣлъ нѣсколько предшественниковъ, именно Кобета, Виламовица, Гомперца, Фриче, Кока и Вейля. Изъ нихъ самымъ серьезнымъ былъ Кобетъ; онъ, прежде всего, доказалъ,

что безымянные отрывки, присланные ему Тишендорфомъ, принадлежатъ Менандру; онъ, затѣмъ, благополучно возстановилъ немало отдѣльныхъ стиховъ, причемъ особенно остроумнымъ было возстановленіе ст. 16 сл. отрывка *πῶς εἰσιν*. Собственно только Кобетъ и можетъ быть названъ въ тѣсномъ смыслѣ предшественникомъ г. Ернштедта; о Гомперцѣ, Фриче, Кокѣ и Вейлѣ можно только сказать, что чтеніе г. Ернштедта подтвердило ту или другую изъ ихъ догадокъ; что касается Вилямовица, то онъ и въ этомъ отношеніи оказался такимъ же неудачникомъ, какъ и по вопросу о геліеѣ, Діонисіи Періегетѣ, Павсаніи и др.; правда, г. Ернштедтъ считаетъ возможнымъ принять одну изъ его конъектуръ, предварительно исправивъ ее (отр. *πῶς εἰσιν* ст. 12 *αὐτοσόβος: αὐτοσόβητος*), но это одно изъ немногихъ мѣстъ, гдѣ его возстановленіе представляется спорнымъ. — Изъ отрывковъ, найденныхъ впервые г. Ернштедтомъ, прочитанный на оборотѣ отрывка *πῶς εἰσιν* отрывокъ *Διονυσίων* не допускаетъ пока, по его мнѣнію, возстановленія текста; г. Ернштедтъ ограничивается возстановленіемъ его содержанія, но при этомъ получается замѣчательный и очень важный результатъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже. Блистательнымъ можетъ быть названо возстановленіе отрывка *ἀγαθόν ṭι*, которое мы приведемъ въ видѣ образчика:

Γ. ⌣ — ἀγα]θόν τί σοι γένοιτο. — Β. μὴ λέγε
ταῦτ', ὦ φίλ'.] — Γ. οὐκ εἰς κόρακας; οἰμώξει μακρά. —
Α. ἀλλ' εἶμι ν]ῦν εἴσω σαφῶς τε πυθόμενος
τὰ πράγματ' ε]ὖ τὰ τῆς θυγατρὸς βουλεύσομαι. —
Γ. φέρε ποῦ τ]όπον πρὸς τοῦτον ἤδη προσβάλω,
ἵν' ἐκεῖθ]εν αὐτῷ τοῦτον ἥκοντ' ἐνθάδε
φράσω]μεν; — Β. οἷον κίναδος· οἰκίαν ποεῖ
Διὸς ἄβα]τον. — Γ. πολλὰς ἐβουλόμην ἅμα. —
Β. πολλάς;] — Γ. μίαν μὲν τὴν ἐφεξῆς. — Β. τὴν ἐμήν; —
Γ. τὴν σή]ν γ'. ἴωμεν δεῦρο πρὸς Χαρίσιον. —
Β. ἴωμ]εν, ὡς καὶ μερακυλλίων ὄχλος
εἰς τ]ὸν τόπον τις ἔρχεθ' ὑποβεβρεγμ[ένων. —
Γ. ἦ μὴν] ἐνοχλεῖν εὔκαιρον εἶναί μ[οι δοκεῖ.

Изъ дѣйствующихъ лицъ, по предположенію г. Ернштедта, А — отецъ молодой замужней женщины, жалующейся на распутную жизнь мужа, Г — честный рабъ послѣдняго, В — leno, естественно огорченный прибытіемъ тестя своего кліента. Замѣтимъ, что чередованіе лицъ обозначается въ рукописи только точкой надъ строкой.

Послѣ 13 стиха всѣ, очевидно, уходятъ (А ушелъ еще раньше, послѣ ст. 4); конецъ сцены, или, вѣрнѣе, акта обозначается въ рукописи длинной чертой подъ послѣднимъ стихомъ. Далѣе идетъ, въ видѣ заглавія слѣдующаго акта, знакъ Ρ; отъ начала самаго акта сохранилось только слѣдующее:

επι.......παντα ταυθ...............
οι...................................
καιτ.................................

Тѣмъ не менѣе г. Ернштедту удалось возстановить цѣлыхъ четыре начальныхъ стиха новаго акта. Тутъ ему пришелъ на помощь, прежде всего, третій лоскутокъ, о которомъ рѣчь была выше. На этомъ лоскуткѣ сохранился, кромѣ оригинальнаго текста, отпечатокъ началъ шести строкъ, причемъ буквы идутъ, разумѣется, справа на лѣво. Въ первоначальномъ направленіи выходитъ:

επισ
οιομ
καιτο
οδεσπ
ογερω
ουδελο

причемъ нетрудно убѣдиться, что начала первыхъ трехъ стиховъ — тожественны съ началами первыхъ строкъ новаго акта въ отрывкѣ *ἀγαθόν τι.* Но и комбинація первоначальнаго отрывка съ его отпечаткомъ — комбинація, къ слову сказать, чисто романическая, составляющая, кажется, unicum въ исторіи филологическихъ находокъ — не даетъ удовлетворительнаго результата; смыслъ отрывка все таки остается неразгаданнымъ, а о возстановленіи текста и подавно не можетъ быть рѣчи. Тутъ г. Ернштедту подала помощь — и этотъ разъ рѣшительную — его замѣчательная начитанность; онъ открылъ отрывокъ изъ Менандра (fgm. 581), гласящій такъ:

ἐμοὶ πόλις ἐστὶ καὶ καταφυγὴ καὶ νόμος
καὶ τοῦ δικαίου τοῦ τ' ἀδίκου παντὸς κριτής
ὁ δεσπότης· πρὸς τοῦτον ἕνα δεῖ ζῆν ἐμέ.

Комбинируя этотъ отрывокъ съ остатками начала новаго акта, г. Ернштедтъ получаетъ слѣдующее окончательное его возстановленіе:

Ἐπισ[φαλῆ μὲν] πάντα τἀνθ[ρώπων· ἐμοί,]
οἴμ[αι, πόλις ἐστὶ καὶ καταφυγὴ καὶ νόμος]
καὶ το[ῦ δικαίου τοῦ τ' ἀδίκου παντὸς κριτής]
ὁ δεσπ[ότης· πρὸς τοῦτον ἕνα δεῖ ζῆν ἐμέ.]

Получается начало монолога вѣрнаго раба.

Таковы результаты трудовъ г. Ернштедта по части возстановленія текста Менандра. Относительно остальныхъ его изслѣдованій мы въ подробности входить не будемъ. Что касается прежде всего палеографіи, то спеціалисты найдутъ множество драгоцѣнныхъ матеріаловъ въ особенности въ первой главѣ (стр. 1—53); мы ограничимся указаніемъ на экскурсъ о вышеупомянутомъ Р (стр. 220—231), въ которомъ г. Ернштедтъ справедливо усматриваетъ условный знакъ, означающій появленіе дѣйствующаго лица, спеціально раба. По части языка отмѣтимъ изслѣдованія о *κατ' ἀγοράν* (стр. 62 сл.), о *χοῖνιξ* въ значеніи насущный хлѣбъ (стр. 68 сл.), *-ει* и *-ῃ* какъ окончанія 2 лица страд. зал. (стр. 76—80); тутъ кстати г. Ернштедтъ доказываетъ нелѣпость перешедшихъ и въ наши грамматики мнимыхъ исключеній *βούλει οἴει ὄψει,* (чему въ видахъ упрощенія преподаванія можно только порадоваться), объ *ἀνασπᾶν τὰς ὀφρῦς* (стр. 95—106), о *μὴ ὥρασιν ἵκοιο* (стр. 113—136), объ *εἶεν* (стр. 140 сл.), объ *ὀβολοῦ* и *τοῦ ὀβολοῦ* (стр. 185—189), объ *ἄβατον* (стр. 213 сл.), о *μέτρα* и *μέλη* (стр. 221 пр.). Какъ эти этюды ни интересны, ихъ далеко превосходятъ и интересомъ, и важностью выводы въ области исторіи греческой словесности. Еще Кобетъ остроумно доказалъ, что отрывокъ *πῶς εἰσιν* принадлежитъ Менандру; по отношенію

къ отрывку *ἄνθρωπος*, записанному на другомъ лоскуткѣ, вопросъ оставался открытымъ; точно также оставался открытымъ для обоихъ отрывковъ вопросъ о комедіи, изъ которой они заимствованы. Г. Ернштедтъ доказалъ, что всѣ вообще „порфирьевскіе“ отрывки принадлежатъ Менандру; отрывокъ *ἄνθρωπος* записанъ на оборотѣ отрывка *ἀγαθόν τι*, а принадлежность послѣдняго Менандру доказывается сближеніемъ съ fgm. 581, о которомъ рѣчь была выше. Но это далеко не все. Отрывокъ *Διονυσίων*, какъ мы видѣли выше, не можетъ быть возстановленъ текстуально, но его содержаніе можетъ быть возстановлено точно и несомнѣнно; а такъ какъ онъ взятъ изъ пролога, то его содержаніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *ὑπόθεσις* всей комедіи. Благодаря поистинѣ чудесной случайности, Донатъ сохранилъ намъ пересказъ менандровой комедіи „*φάσμα*“, съ которымъ эта *ὑπόθεσις* совпадаетъ точь въ точь.

Пора, однако, кончить. Нечего и говорить, что въ этомъ рефератѣ я коснулся только главныхъ пунктовъ, да и то не всѣхъ; читатель не долженъ, поэтому, думать, что содержаніе книги г. Ернштедта въ немъ исчерпано. Это вовсе не было моей цѣлью; я хотѣлъ только довести до свѣдѣнія филологовъ, которымъ это, при младенческомъ состояніи книжнаго дѣла у насъ, могло остаться неизвѣстнымъ, о появленіи книги, которой можетъ гордиться наша филологическая литература.

Θ. Зѣлинскій.

De praepositionum usu Aristophaneo. Scripsit Sergius Sobolewski. Mosquae. MDCCCXC (VI + 229 + IV. 8°).

Въ сочиненіи подъ приведеннымъ выше заглавіемъ г. Соболевскій, какъ ясно обозначено имъ въ началѣ введенія, поставилъ себѣ цѣлью возможно полное обслѣдованіе употребленія предлоговъ въ языкѣ Аристофана, основанное на критической провѣркѣ всѣхъ, относящихся сюда мѣстъ въ комедіяхъ и фрагментахъ этого автора.

Критика, которой подверглось это сочиненіе какъ со стороны русскихъ, такъ и иностранныхъ ученыхъ[1]), въ достаточной мѣрѣ выяснила уже достоинство его изслѣдованій и справедливо отмѣтила точность и надежность его наблюденій. Обра-

---

[1]) См. журналъ Мин. Нар. Просв. за апрѣль 1891 г., стр. 437—447 въ статьѣ г. П. Н.; The American Journal of Philology 1890 г., vol. XI, 3 (whole № 43), p. 371 f. въ весьма обстоятельномъ обзорѣ проф. Gildersleeve'a; Neue philologische Rundschau 1891, № 17, S. 259 въ краткой рецензіи извѣстнаго знатока Аристофана, Отто Кэлера. Рецензія въ чешскихъ „Филологическихъ Листахъ“ г. Чада осталась мнѣ неизвѣстной.

тила она вниманіе и на добросовѣстныя усилія автора дать всякій разъ полное разъясненіе причинъ, склонившихъ его къ выбору того или другого чтенія.

И по нашему мнѣнію трудъ г. Соболевскаго является въ высшей степени цѣннымъ пріобрѣтеніемъ научной литературы по аттическому синтаксису главнымъ образомъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Потому, что изслѣдованію подвергнутъ языкъ писателя, отъ котораго дошло до насъ сравнительно большое количество произведеній, по самой метрической формѣ своей исключающихъ возможность слишкомъ произвольнаго обращенія съ текстомъ, а по близости ихъ словоупотребленія къ языку прозы позволяющихъ провѣрять добытыми здѣсь результатами и рукописное преданіе обширной прозаической литературы раннихъ аттиковъ[1]).

2) Не только вслѣдствіе полноты собраній г. Соболевскаго и надежности представляемыхъ имъ статистическихъ данныхъ[2]), но и потому, что г. Соболевскій взялъ на себя тяжелый трудъ выписать вполнѣ всѣ мѣста, на которыхъ онъ строитъ свои выводы, представляя по поводу каждаго спорнаго мѣста свое толкованіе и всякій разъ разъясняя и критическую достовѣрность принимаемаго имъ чтенія.

Читателю такимъ образомъ предлагается не только полный сводъ мѣстъ, разъясняющихъ одинъ изъ труднѣйшихъ отдѣловъ аттическаго синтаксиса, но ему даются вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ средства для составленія себѣ самостоятельнаго сужденія о правильности дѣлаемыхъ заключеній.

Что среди отдѣльныхъ и подчасъ крайне разнородныхъ изслѣдованій, которыхъ потребовала масса спорныхъ мѣстъ, разбираемыхъ г. Соболевскимъ, попадаются многія, окончательный выводъ которыхъ не можетъ одинаково удовлетворить всѣхъ толкователей Аристофана, понятно само собою. Да и самъ

---

[1]) Разумѣется, конечно, комическій діалогъ. Проф. Gildersleeve совершенно справедливо цитуетъ въ этомъ отношеніи выводъ Rutherford'a въ его New Phrynichus, p. 38: Modes of expression inadmissible in prose were equally inadmissible in comedy except when they were employed for malice propense and to give colour to the work. Это послѣднее обстоятельство, само собою разумѣется, принято во вниманіе и г. Соболевскимъ (ср. напр. стр. 5, 27, 74, 100, 139, 140 и т. д.).

[2]) Это одинаково подтверждаетъ и г. П. Н., провѣрившій показанія г. Соболевскаго касательно предлога *ἐν*, въ которыхъ указанъ имъ лишь одинъ пропускъ (*Thesm.* 15: *καὶ ζῷ' ἐν αὑτῷ ξυνετέκνου κινούμενα)*, и Кэлеръ, произведшій такую же провѣрку на предлогахъ *ἀπό, ἀντί, σύν, ἀνά*. Справедливо сожалѣетъ однако Кэлеръ объ исключеніи г. Соболевскимъ изъ своего изслѣдованія употребленія глаголовъ, сложенныхъ съ предлогами, значенія предлоговъ въ composita и нѣкоторыхъ другихъ соединеній съ предлогами. Я напр. замѣтилъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ нѣкоторую непослѣдовательность: на ряду съ *εἰς αὐτίκα* (*P.* 367) и *εἰσαῦθις* (*Eccl.* 983), на стр. 57 я не нашелъ *πρὸ πάλαι* (*Equ.* 1145).

авторъ не скрываетъ отъ себя возможности различнаго толкованія отдѣльныхъ выраженій, ясно вездѣ сознавая (см. напр. стр. 84) ненадежность рукописнаго преданія и недостаточность нашего историческаго знанія, особенно необходимаго для толкованія такого автора, какъ Аристофанъ. Во многихъ мѣстахъ къ тому же и выборъ исправленія можетъ быть весьма разнообразенъ. Какъ рѣшить напр. въ настоящее время, слѣдуетъ ли предпочесть въ *Ach.* 1222 чтеніе *ὡς τοὺς Πιττάλου* или *εἰς τὰ Πιττάλου* (г. Соболевскій на стр. 45 предлагаетъ не безъ основанія и *εἰς τοὺς Πιττάλου)?* Вѣрно одно, что ркп. чтеніе не можетъ удовлетворять насъ по той причинѣ, что, какъ утверждаетъ г. Соболевскій, пользуясь своими наблюденіями, „in ejusmodi locutionibus nomina articulo carere solent“ (г. Соболевскій, конечно, имѣетъ въ виду словоупотребленіе аттиковъ). Но выборъ правильнаго чтенія, конечно, уже зависитъ отъ того, придадимъ ли мы большее значеніе ст. *Vesp.* 1440 (1432) *χαράτρεχ' εἰς τὰ Πιττάλου,* или ст. *Ach.* 1224, гдѣ Дикэополидъ, пародируя восклицаніе Ламаха, заявляетъ: *ὡς τοὺς κριτάς μ' ἐκφέρετε*, ибо возможно и то и другое. А затѣмъ, надо и то сказать, нѣкоторыя замѣчанія Аристофана требуютъ подчасъ знанія и такихъ подробностей, отчетливое знакомство съ которыми доведется, пожалуй, пріобрѣсти не всякому филологу, какъ напр. въ весьма интересномъ для греческаго словоупотребленія примѣрѣ касательно разныхъ *συνουσίας γένη*, обсуждаемомъ авторомъ на стр. 52.

Очень рѣдки, во всякомъ случаѣ, мѣста, гдѣ соображенія г. Соболевскаго возбуждаютъ сомнѣніе въ ихъ правильности на томъ основаніи, что авторомъ кое что не договорено, или же потому, что имъ не приняты въ соображеніе всѣ обстоятельства дѣла.

Рецензентъ Ж. Мин. Н. Пр. указалъ напр. весьма вѣрно на возможность безъ всякой натяжки понимать ст. въ *Av.* 525 даже при обычномъ чтеніи, если обратить вниманіе на значеніе слова *ἱερόν* не только въ смыслѣ храмовой постройки, но и ограды храма (у Соб. стр. 9). Я съ своей стороны тоже желалъ бы болѣе обстоятельнаго разъясненія нѣкоторыхъ мѣстъ.

Въ *Equ.* 742 напр. (Соб. стр. 70), Фельзенъ, повидимому, совершенно справедливо напоминаетъ въ своемъ изданіи, что приняты въ соображеніе при толкованіи этого мѣста должны быть не только дѣйствія Клеона по отношенію къ стратегамъ подъ Пилосомъ, но и тѣ дебаты, которые въ Аѳинахъ вызваны были ходомъ дѣла при Сфактеріи и результатомъ которыхъ, послѣ отказа Никія, который тоже вѣдь *ὑπέφευγε τὸν πλοῦν* по показанію Ѳук. въ IV, 28, явилась отправка Клеона (ср. Plut. *Nic.* 8). Тогда, быть можетъ, не показалось бы г. Соболевскому столь

неудачной остроумная поправка Кока, измѣняющаго ὑποδραμόντων въ ὑποτρεμόντων, ибо читая здѣсь:

ὅτι; στρατηγῶν ὑποτρεμόντων, ἐκ Πύλου,
πλεύσας ἐκεῖσε, τοὺς Λάκωνας ἤγαγεν,

мы во-первыхъ получили бы полное соотвѣтствіе отвѣту колбасника на это замѣчаніе въ ст. 744 — 745:

ἐγὼ δὲ περιπατῶν γ' ἀπ' ἐργαστηρίου
ἕψοντος ἑτέρου τὴν χύτραν ὑφειλόμην,

а во-вторыхъ, сравнивая ὑποτρέχειν съ ѳукидидовскимъ ὑποφεύγειν, могли бы подойти и еще ближе къ исправленію этого мѣста.

Точно такъ же и въ *Lys*. 488—9 (Соб. стр. 116) нѣтъ, повидимому, никакой надобности думать о томъ, чтобы διά с. acc. принято было въ значеніи ἕνεκα (и у г. Соб. на стр. 116 это мѣсто является единичнымъ случаемъ предполагаемаго имъ значенія). Обрати онъ болѣе вниманія на ходъ сцены, онъ, мнѣ кажется, усмотрѣлъ бы, что удивленіе пробула:

διὰ τἀργύριον πολεμοῦμεν γάρ;

именно и возбуждается парадоксальнымъ на первый взглядъ утвержденіемъ Лисистраты, будто бы деньги служатъ главной причиной (не цѣлью) войны и всякаго рода волненій въ Греціи. Придать такое необычное значеніе предлогу διά с. acc. заставили г. Соболевскаго слѣдующіе затѣмъ стихи 490 — 491:

ἵνα γὰρ Πείσανδρος ἔχοι κλέπτειν χοἱ ταῖς ἀρχαῖς ἐπέχοντες,
ἀεί τινα κορκορυγὴν ἐκύκων. Οἱ νῦν τοῦδ' ἕνεκα δρώντων κτλ.,

но они, несомнѣнно, служатъ только дальнѣйшимъ развитіемъ мысли Лисистраты, но никакъ не тождественны съ первымъ, показавшимся столь неяснымъ пробулу, утвержденіемъ ея.

Впрочемъ, разъ уже зашла рѣчь о значеніи предлоговъ[1]), не могу скрыть, что весьма сомнительнымъ показалось мнѣ и отождествленіе г. Соболевскимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ предлога ἐν съ ἐπί с. gen. (Соб. стр. 19). Уже самъ авторъ не могъ не замѣтить по поводу первыхъ же приводимыхъ имъ примѣровъ, что „ἐν fortasse „inter“ valet, ut nos dicimus „въ горахъ“, quod non plane idem est atque „на горахъ“. Разсматривая всѣ остальные примѣры для этого ἐν, мы легко убѣдимся, что и въ нихъ всякій разъ принимается во вниманіе понятіе не о поверхности, на которой происходитъ что-либо, но о проникновеніи внутрь какого-либо предмета, вполнѣ подходящее къ обычному значенію этого предлога и вполнѣ ясно высту-

[1]) Ср. сюда и замѣчанія проф. Gildersleeve'а о διά с. gen. и διά с. acc. на стр. 372 его рецензіи.

пающее, идетъ ли рѣчь о морщинахъ, бороздящихъ лицо, или о буквахъ, врѣзаемыхъ въ камень, о башнѣ, въ которой помѣщается стража (*φυλακαὶ καθεστήκασι ἐν τοῖσι πύργοις* не = Hom. *εἱστήκει θεῖον ἐπὶ πύργον*, съ которыми сравниваетъ его г. Соболевскій) и т. п. Какъ здѣсь, такъ и при разборѣ предлога *εἰς* на стр. 51 слѣд. и *ἐκ*, будто бы въ значеніи *ἀπό*, на стр. 74, г. Соболевскій напрасно, по нашему мнѣнію, оставилъ безъ вниманія основное значеніе группъ

ἐν, *εἰς* и *ἐξ*
ἐπί c. gen., *ἐπί* c. acc. и *ἀπό*.

При всей близости подчасъ отдѣльныхъ случаевъ ихъ употребленія, вполнѣ, какъ кажется, онѣ никогда не сливаются; отдѣльные предлоги, повидимому, съ особенной любовью употребляются именно въ извѣстныхъ сочетаніяхъ, и мы скорѣе ожидали бы отъ автора разграниченія ихъ сферы, разъясненія причинъ, почему извѣстныя существительныя особенно охотно сочиняются съ извѣстнымъ предлогомъ, нежели простое перечисленіе примѣровъ, гдѣ сродство ихъ употребленія является чисто внѣшнимъ или же прямо кажущимся.

Вполнѣ удачна за то, какъ мнѣ думается, полемика г. Соболевскаго съ Крюгеромъ по поводу черезчуръ уже тонкаго различія, проводимаго этимъ послѣднимъ между употребленіемъ предлога *ἐπί* c. gen. и *ἐπί* c. dat. въ мѣстномъ значеніи. Да и вообще всѣ замѣчанія чисто синтаксическаго свойства у г. Соболевскаго свидѣтельствуютъ объ очень тонкой наблюдательности, вдумчивости и полномъ знаніи и самаго дѣла, и научной литературы предмета[1]).

Спорить съ почтеннымъ авторомъ я бы взялся только насчетъ одного мѣста въ *Ach.* 273 (Соб. стр. 68), гдѣ, какъ кажется, его возраженіе противъ А. Миллера и Блейдза по поводу соединенія ими словъ *ἐκ τοῦ φελλέως* съ *τὴν Στρυμοδώρου Θρᾷτταν* не вполнѣ вѣрно. На самомъ дѣлѣ, существительное съ предлогомъ, служащее опредѣленіемъ къ другому существительному съ членомъ, въ большинствѣ случаевъ, конечно, должно быть помѣщаемо или между членомъ и существительнымъ, или послѣ существительнаго, но съ повтореннымъ членомъ, такъ что руко-

---

[1]) При отсутствіи въ Москвѣ какихъ-либо большихъ филологическихъ библіотекъ русскому ученому нѣтъ почти никакой возможности услѣдить за всей мелкой литературой по предмету. Не мудрено, слѣдовательно, если г. Соболевскому осталась неизвѣстной утрехтская диссертація I. F. L. Montijn'a, посвященная тому же предмету. Судя однако по отзывамъ объ этой послѣдней у Кэлера, большой пользы оказать нашему ученому она бы не могла. Скорѣе можно было бы пожалѣть о незнакомствѣ его съ диссертаціей Кребса о предлогахъ у Полибія (Schanz, Beiträge zur hist. Synt. d. Griech. Sprache, Bd. I. S. 1—147). Въ методическомъ отношеніи она очень поучительна.

писное чтеніе въ Thuc. VI, 55: *ἡ στήλη περὶ τῆς τῶν τυράννων ἀδικίας ἡ ἐν τῇ ἀκροπόλει σταθεῖσα* должно быть, повидимому, несомнѣнно исправляемо въ *ἡ στήλη ἡ περὶ κτλ.* (по предложенію И. Беккера и Крюгера).

Есть однако два случая, гдѣ это правило допускаетъ исключеніе:

1) Когда при сущ. съ членомъ стоятъ два опредѣленія. Ср. Krüg. 50, 10, 8 съ приведенными тамъ примѣрами, изъ коихъ напр. *τὸν αὐτοῦ ἔδωκεν ἀγρὸν Ἐλευσῖνι* (Is. XI, 41) или *μετὰ δὲ τὴν τῶν τυράννων κατάλυσιν ἐκ τῆς Ἑλλάδος* (Thuc. I, 18) служатъ прямой аналогіей къ нашему мѣсту.

2) Когда существительное, при коемъ находится такое опредѣленіе, состоящее изъ сущ. съ предлогомъ, заключаетъ въ себѣ понятіе глагола. Ср. напр. такіе примѣры, какъ *ἡ συγκομιδὴ ἐκ τῶν ἀγρῶν εἰς τὸ ἄστυ* (Thuc. II, 52) и примѣры, въ большомъ количествѣ собранные у Krüger'а (Histor.-philol. Studien, Bd. II. S. 77 fg.), на основаніи которыхъ можно, пожалуй, подойти къ пониманію и *Ach.* 636 (у Соб. исправленъ на стр. 96): *ἀπὸ τῶν πόλεων οἱ πρέσβεις ἐξαπατῶντες*, несмотря на болѣе обычное словоупотребленіе: *οἱ ἐξ Ἀθηνῶν πρέσβεις* или *πρέσβεις* (безъ члена) *ἀπὸ τῶν πόλεων* (Соб. стр. 42).

Конечно, большинство собственно Аристофановскихъ примѣровъ крайне спорны, и г. Соболевскій совершенно правъ, такъ или иначе исправляя почти всѣ случаи такого употребленія въ нихъ, но въ данномъ мѣстѣ вопросъ слѣдовало бы разъяснить болѣе обстоятельно, тѣмъ болѣе, что утвержденіе г. Соболевскаго, будто „in talibus locis neminem habitasse probabile est" врядъ ли можетъ убѣдить читателя. Пастухи, гонявшіе сюда стада, по необходимости должны были подолгу жить въ такихъ мѣстахъ, могли и воровать дрова — хоть для костровъ — изъ сосѣднихъ рощъ, а въ одной изъ этихъ послѣднихъ могла разыграться и смакуемая Дикэополидомъ сценка съ дѣвушкой *ἐκ τοῦ φελλέως*.

Впрочемъ, всѣ эти немногочисленныя замѣчанія имѣютъ въ виду только убѣдить г. Соболевскаго, съ какимъ интересомъ старался я усвоить себѣ результаты его изслѣдованій. На основаніи собственнаго опыта я могу смѣло рекомендовать его трудъ не только всѣмъ, интересующимся исторической грамматикой греч. языка, но и тѣмъ, которые дорожатъ научнымъ толкованіемъ Аристофана. И тѣ и другіе найдутъ въ немъ для себя весьма цѣнное пособіе.

А. Шварцъ.

Quaestiones Sapphicae. Scripsit phil. mag. Ioannes Luniak. Казань 1888.

Исторія пятнадцатаго посланія Овидія въ мнѣніяхъ новѣйшихъ ученыхъ не дѣлаетъ чести нашей наукѣ. Въ началѣ имъ пользовались наравнѣ съ прочими посланіями какъ подлиннымъ произведеніемъ Овидія; затѣмъ появились сомнѣнія, облеченныя въ болѣе или менѣе нелестную для дѣйствительнаго автора заподозрѣннаго посланія форму, было время, когда ни одинъ уважающій себя филологъ не позволялъ себѣ цитаты Ov. *ep.* XV; въ послѣдніе годы, однако, нашлось нѣсколько защитниковъ подлинности злополучной поэмы; наконецъ проф. Луньякъ старается доказать, что она написана на основаніи оригинальныхъ стихотвореній лезбосской пѣвицы и должна поэтому служить первоклассным источникомъ не только для ея біографіи, но въ извѣстной мѣрѣ также и для оцѣнки ея поэтическаго таланта. Что касается авторства Овидія, то г. Луньякъ не только самъ въ немъ не сомнѣвается, но считаетъ излишнимъ даже обсудить этотъ вопросъ, называя toti plumbei тѣхъ, кто послѣ Компаретти, Беренса, де-Вриса и Зедльмайера позволяетъ себѣ сомнѣваться въ подлинности саффиной эпистулы.

Сравненіе съ презрѣннымъ металломъ Сатурна ни для кого не лестно; правда, Лахманъ еще менѣе стѣснялся въ своихъ сужденіяхъ, но вѣдь то былъ Лахманъ, авторитеты же, передъ которыми мы, по мнѣнію г. Луньяка, должны преклониться, врядъ ли заслуживаютъ такого культа; одинъ изъ нихъ эллинистъ, другой въ теченіе всей своей жизни чувствовалъ инстинктивное влеченіе ко всему превратному, остальные совсѣмъ незначительны. Авторитеты, такимъ образомъ, не въ пользу авторства Овидія, а это обстоятельство не изъ маловажныхъ; въ такого рода вопросахъ т. н. чутье имѣетъ большое значеніе. Разумныхъ же доводовъ г. Луньякъ не приводитъ вовсе; онъ довольствуется ссылкой на своихъ соратниковъ, поименованныхъ выше. Не думаю однако, чтобы онъ бралъ всю ихъ аргументацію на свою отвѣтственность; а въ такомъ случаѣ ему слѣдовало указать на тѣ ихъ доказательства, которыя онъ считаетъ убѣдительными; тогда мы могли бы и поспорить съ нимъ. Отъ себя онъ только (стр. 98 сл.) пытается устранить нѣсколько пунктовъ, смущающихъ защитниковъ подлинности посланія; при томъ furialis Erichtho (ст. 139), ясно доказывающая, по мнѣнію противниковъ, что авторъ посланія жилъ послѣ Лукана, измѣняется въ furialis Alecto; подъ этимъ именемъ было написано для объясненія сл. erinys, а изъ *eri*nys и Ale*cto* получилось ericto, что̀ и читается въ большинствѣ рукописей (это, впрочемъ, вовсе не lectio monstruosa, какъ выражается авторъ; въ тѣ времена c и ch писались promiscue, ср. carus — charus, Barcas — Barchas и т. п.). Но, вопервыхъ, вѣроятно ли, чтобы слово Erichtho, такъ хорошо укладывающееся въ стопѣ и прекрасное по смыслу, получилось случайно, чисто механическимъ путемъ? А во вторыхъ — какъ

уже было заявлено г. Луньяку съ совершенно ненужной рѣзкостью — сокращеніе перваго слога въ словѣ Alecto, противорѣчащее usus'у римскихъ поэтовъ, *въ конъектурѣ* терпимо быть не можетъ.

По моему убѣжденію, саффиной эпистулѣ и впредь придется оставаться подъ сомнѣніемъ; но вопросъ объ ея отношеніи къ стихотвореніямъ Саффо отъ этого вопроса не зависитъ. Пѣсни Саффо читались, какъ доказываютъ перифразы Лонга, до сравнительно позднихъ временъ; ничто не мѣшаетъ допустить, что ихъ зналъ и авторъ нашего посланія. Остается только убѣдиться въ этомъ индуктивнымъ путемъ. Это и дѣлаетъ авторъ на стр. 17—43 своего труда; такъ какъ эти страницы — самая важная часть книги, то мы должны заняться ими подробнѣе.

Никто не сомнѣвается въ томъ, что ер. VII (Дидона) написана на основаніи четвертой книги Энеиды. Тутъ мы находимъ параллели въ родѣ слѣдующихъ: Ov. ep. VII, 177 сл. Pro meritis et siqua tibi devovimus[1]) ultra, Pro spe conjugii tempora parva peto, Dum freta mitescunt et amor, dum tempore et usu Fortiter edisco tristia posse pati = Verg. *Aen.* IV, 431 сл. Non jam conjugium antiquum, quod prodidit oro, Tempus inane peto, requiem spatiumque furori, Dum mea me victam doceat fortuna dolere; ep. 99 Est mihi marmorea sacratus in aede Sychaeus; Oppositae frondes velleraque alba tegunt. Hinc ego me sensi noto quater ore citari, Ipse sono tenui dixit: Elissa, veni. = *Aen.* IV 457 сл. Praeterea fuit in tectis de marmore templum Conjugis antiqui, miro quod honore colebat, velleribus niveis et festa fronde revinctum: Hinc exaudiri voces et verba vocantis Visa viri. Такихъ примѣровъ много; если г. Луньякъ утверждаетъ, что ер. XV имѣетъ основаніемъ стихотворенія Саффо, то онъ долженъ указать такія же параллели между эпистулой и пѣснями древней стихотворицы; отрывочное состояніе послѣднихъ сдѣлаетъ насъ менѣе требовательными относительно числа параллельныхъ мѣстъ, но никакъ не относительно степени ихъ сходства. — Къ сожалѣнію наша надежда не сбывается; въ этомъ читатели могутъ убѣдиться сами на основаніи слѣдующихъ пробъ[2]):

III. Ov. *ep.* 21 Est in te facies... O facies oculis insidiosa meis = Sapph. *fgm.* 29 *στᾶθι κἄντα φίλος... καὶ τὰν ἐπ' ὄσσοις ἀμπέτασον χάριν*. У Саффо, говоритъ г. Луньякъ, oculi синекдоха вм. лицо; выходитъ, такимъ образомъ, что и у Фаона, и у юноши, о которомъ говоритъ Саффо, было красивое лицо. Сходство замѣчательное... Но при болѣе внимательномъ отношеніи къ отрывку и это сходство пропадаетъ; Аѳиней приводитъ его со словами... *καὶ ἡ Σαπφὼ δὲ πρὸς τὸν ὑπερβαλλόντως θαυμαζόμενον τὴν μορφὴν καὶ καλὸν*

---

1) Такъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ писать; G (лучш. рук.) m. 1 debobimus, m. 2 debebimus; въ изданія попало послѣднее чтеніе, не дающее смысла. Отн. мысли ср. 89 сл. Fluctibus ejectum tuta statione recepi Vixque bene audito nomine regna dedi. His tamen officiis utinam contenta fuissem! Ei mihi, concubitus fama sepulta viget (cod: et mihi — foret).

2) Въ виду невозможности обсудить всѣ номера и желательности чисто механическаго выбора я намѣренъ привести только номера, дѣлимые на 8.

εἶναι νομιζόμενον; слѣдовательно, слова Саффо произнесены съ ироніей, или по крайней мѣрѣ съ укоризной.

VI. „Sententia feminam aetate jam provectiore juveni ad matrimonium minus aptam esse et v. 85 sq. et fgm. 75 extat: Quid mirum, si me primae lanuginis aetas Abstulit atque anni quos vir amare potest? = οὐ γὰρ τλάσομ' ἔγω ξυνοίκην νέῳ γ'ἔσσα γεραιτέρα. Какъ это ни непріятно, но придется допустить, что г. Луньякъ просто не понялъ мысли римскаго поэта, при всей ея простотѣ („Удивительно ли, что меня плѣнилъ [твой] возрастъ перваго пуха и [твои] годы, которые [еще] можетъ любить мущина“ [ср. 91 Hunc Venus in caelum curru vexisset eburno, Sed videt et Marti posse placere suo.]—мысль скверная, къ слову сказать, которой мы не желали бы встрѣтить въ пѣсняхъ Саффо); г. Луньякъ понималъ цитуемое двустишіе очевидно прибл. такъ: „возрастъ перваго пуха и годы, когда женщина нравится мущинѣ, уже покинули меня“, причемъ выходитъ, что теперь у Саффо выросла борода. Что дѣйствительно г. Луньякъ понялъ наше двустишіе именно такъ, подтверждается и стр. 67 „et sane comicis poetis argumentum haud contemnendum offerebatur: poetria enim, quam jam „primae lanuginis aetas abstulit“ etc... juvenis... amore capitur etc“. При правильномъ пониманіи всякое сходство исчезаетъ.

IX. ep. 51 Nunc tibi Sicelides veniunt nova praeda puellae fgm. 22 τίν'ἄλλον ἀνθρώπων ἔμεθεν φίλησθα. Въ формѣ никакого сходства нѣтъ; сходство въ содержаніи ограничивается общимъ всей эротической поэзіи всѣхъ народовъ мотивомъ ревности. Къ тому же это отрывокъ безыменный; Бергкъ считаетъ его haud dubie принадлежащимъ Саффо, г. Луньякъ ex poetriae in Phaonem carmine depromptum opinatur, но вѣдь opinari можно что угодно.

XII. Pudenter fere eisdem verbis apud utrumque coitus mentionem fieri videbimus collato ep. v. 133 cum fgm. 28: ulteriora pudet narrare = αἰ... μή τι ϝείπην γλῶσσ'ἐκύκα κάκον, αἴδως κέ σ'οὐ κίχανεν ὄππατ', ἄλλ' ἔλεγες περὶ τῶ δικαίως. Сходство опять ограничивается общимъ всякой эротической поэзіи мотивомъ; самъ Овидій нерѣдко имъ пользуется, ничуть не думая при этомъ о Саффо.

XV. ep. 157 Est nitidus vitroque magis perlucidus omni Fons sacer... Quem supra ramos extendit aquatica lotos Una nemus = fgm. 4 ἀμφὶ δὲ ψῦχρον κελάδει δι' ὕσδων μαλίνων, αἰθυσσομένων δὲ φύλλων κῶμα καταρρεῖ. Выходитъ, что вдоль вѣтвей яблони стекаетъ вода источника; но нѣсколько далѣе г. Луньякъ отказывается отъ этого нѣсколько страннаго представленія, полагая, что подлежащее къ κελάδει — aura. Но въ чемъ же тогда сходство?

Далѣе слѣдуютъ второстепенныя параллели, еще менѣе убѣдительныя. При такомъ положеніи вещей я не могу согласиться съ авторомъ, утверждающимъ (стр. 43) etiamsi dimidiam partem eorum quae protuli, eis missam facias... nihilominus ea quoque dimidia pars, quae reliqua erit, sufficiet ad demonstrandum Ovidium non solum sententias, fabulas, imagines, singulas notiones ex ipsis poetriae carminibus mutuatum suae epistulae accomodasse,

sed etiam totum carmen ad poetriae archetypum composuise. Остается не dimidia pars, а ровно нуль; если къ параллелямъ ставить такія скромныя требованія, то можно доказать все что угодно. Мнѣ приходить въ голову мысль, что авторъ саффиной эпистулы писалъ на основаніи... хотя бы „Экклесіазусъ" Аристофана. Перечитываю „Экклесіазусы" и поражаюсь множествомъ схожихъ мѣстъ: 1) *ep.* 121 omne videbat Vulgus; eram lacero pectus aperta sinu = *Eccl.* 89 *εἰ πλήρης τύχοι Ὁ δῆμος ὢν κἄπειθ' ὑπερβαίνουσά τις Ἀναβαλλομένη δείξειε τὸν Φορμίσιον.* — 2) *ep.* 155 Sappho desertos cantat amores = *Eccl.* 880 *ἕστηκα... μινυρομένη τι πρὸς ἐμαυτὴν μέλος* — 3) ep. 9 Uror, ut indomitis ignem exercentibus euris etc. = Eccl. 954 *πάνυ γάρ τις ἔρως με δονεῖ.* — 4) ep. 201 Lesbides infamem quae me fecistis amatae = Eccl. 920 *δοκεῖς δέ μοι καὶ λάμβδα κατὰ τοὺς Λεσβίους.* — 5) ep. 19 aliae... quas non sine crimine amavi = Eccl. *γυνή μέ τις νύκτωρ ἑταίρα καὶ φίλη* (Праксагоры). — 6) ep. 21. 86 (о Фаонѣ) est in te facies... atque anni quos vir amare potest=Eccl. 427 *εὐπρεπὴς νεανίας Λευκός τις ἀνεπήδησεν*, cf. ep. 37 Et variis (= Саффо) albae (= Фаонъ) junguntur saepe columbae. — 7) ep. 27 At mihi Pegasides blandissima carmina dicunt = Eccl. 882 *Μοῦσαι, δεῦρ' ἴτ' ἐπὶ τοὐμὸν στόμα Μελύδριον εὑροῦσαί τι.* — 8) ep. 42 Unam jurabas usque decere loqui = Eccl. 516 *Οὐδεμιᾷ γὰρ δεινοτέρᾳ* (sc. *λέγειν*) *σου ξυμμίξασ' οἶδα γυναικί.* — 9) ep. 57 Erycina... Nam tua sum = Eccl. 999 *Μὰ τὴν Ἀφροδίτην, ἥ μ' ἔλαχε κληρουμένη* (гов. старуха). — 10) Харaксъ Quasque male amisit, nunc male quaerit opes = Eccl. 603 *πλοῦτον... μὴ καταθεὶς ψευδορκήσει κἀκτήσατο γὰρ διὰ τοῦτο.* — 11) ep. 76 Non Arabum noctes rore capillus olet = Eccl. 524 *βασανίσαι ἔξεστι... εἰ τῆς κεφαλῆς ὄζω μύρου* (Праксагора) — И т. д.

Въ остальныхъ частяхъ своего труда г. Луньякъ дѣлаетъ дальнѣйшіе выводы изъ своего главнаго положенія; признавая положеніе недоказаннымъ, мы этимъ самымъ произносимъ приговоръ и этимъ выводамъ. Но и въ частностяхъ мы находимъ много неудовлетворительнаго. Прекрасную гипотезу К. О. Миллера о Фаонѣ нельзя голословно устранять, какъ это дѣлаетъ г. Луньякъ; слѣдовало, по крайней мѣрѣ, коснуться ея миѳологическаго основанія.—Къ предложенной имъ этимологіи (*φάων* = *πάων* = *τάων* = *ταῶς* „павлинъ") трудно отнестись серьезно: для всѣхъ ясно, что *Φάων: φάος* = *Κλέων: κλέος;* вообще г. Луньяку по части этимологій не везетъ. Относительно же главнаго вопроса — источника саффиной эпистулы — изслѣдованіе г. Луньяка, помимо его воли, даетъ слѣдующій отвѣтъ: этимъ источникомъ была исключительно біографія пѣвицы, та самая біографія, въ которой г. Луньякъ усматриваетъ второстепенный источникъ; среди фактическихъ данныхъ, встрѣчающихся въ эпистулѣ, нѣтъ ни одного, которое не могло бы быть почерпнуто изъ такой біографіи.

Напомню, въ заключеніе, что трудъ г. Луньяка свидѣтельствуетъ о значительной начитанности какъ въ древней, такъ и въ новой литературѣ; отмѣтить это слѣдуетъ, такъ какъ самъ авторъ жалуется на невыгодныя условія, при которыхъ ему приходилось работать, и опасается, что они вредно отзовутся на его книгѣ.

Ѳ. Зѣлинскій.

Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft, herausg. von Iwan Müller. II. Band: Griech. und Lat. Sprachwissenschaft. Zweite neubearbeitete Auflage. Nördlingen 1890 (A. Griechische Grammatik von K. Brugmann, B. Lateinische Grammatik von Stolz und Schmalz, C. Lexicographie, D. Rhetorik, E. Metrik, Anhang: Musik).

Въ настоящемъ рефератѣ ограничиваемся только первыми двумя отдѣлами (о греч. и лат. грамматикахъ), составляющими двѣ трети всего тома въ 900 слишкомъ страницъ.

Языковѣдѣніе есть наука историческая, насколько ей подлежитъ изученіе происхожденія и развитія человѣческой рѣчи какъ вообще, такъ и въ отдѣльныхъ ея типахъ. Подобно историку, языковѣдъ имѣетъ въ виду установить съ одной стороны возможно ближе къ истинѣ частные факты изслѣдуемаго языка въ данный моментъ жизни народа и, сопоставляя эти моменты, найти хронологическую послѣдовательность измѣненій, происходившихъ въ языкѣ, а съ другой — доискаться причинъ, вызвавшихъ ту или другую перемѣну. А такъ какъ языкъ, какъ явленіе, есть результатъ не только физическихъ, но и психическихъ условій человѣческой природы, то и причины языковыхъ преобразованій и нововведеній могутъ быть то физіологическія, то психологическія. Надлежащая оцѣнка психологической стороны языковыхъ явленій составляетъ одну изъ главныхъ заслугъ современной школы индо-европейскаго языковѣдѣнія, прозванной въ началѣ своей дѣятельности младограмматической, въ противоположность къ прежней школѣ, напиравшей на естественно-историческую подкладку языка, который она сравнивала даже прямо съ живымъ организмомъ. Однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ признаковъ новаго направленія въ этомъ отношеніи является обильное примѣненіе аналогіи, какъ принципа, обусловливавшаго возникновеніе разныхъ нововведеній въ языкѣ въ подражееніе чему-нибудь подобному, существовавшему уже раньше въ томъ же языкѣ. Однако школа эта не исключительно, и даже не преимущественно психологическая, такъ какъ она обращаетъ усиленное вниманіе также и на физіологическую сторону рѣчи, какъ функціи языковыхъ органовъ человѣка. Въ этомъ отношеніи однимъ изъ наиболѣе характеристическихъ признаковъ этой школы оказывается открытіе

существованія въ предполагаемомъ индо-европ. праязыкѣ такъ называемыхъ nasalis sonans и liquida sonans, т.-е. слоговыхъ *m n r l*, какія существуютъ также и во многихъ современныхъ языкахъ, напр. чешскомъ и нѣмецкомъ (ср. нѣм. oben и ober, выговаривающіяся какъ ŏbn̥ ŏbr̥). Открытіе это, въ совокупности съ установленіемъ праязычной тройственности гласныхъ *a e o*, перевернуло вверхъ дномъ всю фонетику индо-европейскихъ языковъ, въ томъ числѣ и греческаго и латинскаго, насколько дѣло идетъ о матеріалѣ, унаслѣдованномъ ими отъ праязыка. Рядомъ съ причинами явленій, изслѣдуется и послѣдовательность явленій или исторія языковъ въ элементарномъ смыслѣ этого слова. Въ этомъ отношеніи весьма интересно для насъ, классиковъ, что въ противоположность къ прежнему преувеличиванію значенія санскрита для сравнительнаго языковѣдѣнія, теперь въ цѣломъ рядѣ случаевъ установлено первенство греческаго языка въ смыслѣ большей древности и сохранности его формъ, каково напр. открытіе праязычной тройственности звуковъ *a e o*, считавшихся прежде результатомъ распаденія первоначальнаго *a* въ томъ видѣ, какъ оно имѣется въ санскритскомъ языкѣ.

Современная постановка индо-европейской сравнительной грамматики важна также и въ томъ, что основные принципы ея примѣнимы не къ одной только фонетикѣ и морфологіи, которыми прежде исчерпывалось сравнительное языковѣдѣніе, но также и къ синтаксису. Правда, въ этой области сдѣлано пока еще слишкомъ мало; но изъ этого немногаго наиболѣе пользы извлечено какъ разъ для греч. синтаксиса, въ то время какъ для синтаксиса лат. языка не имѣемъ пока ничего подобнаго Дельбрюковымъ Grundlagen der griech. Syntax и Синтаксису Бругмана, вошедшему въ его греческую грамматику. Скудость этой области объясняется преимущественно двумя причинами. Съ одной стороны, пріемы синтактическаго изслѣдованія все же нѣсколько другіе, чѣмъ въ другихъ частяхъ. Ибо между тѣмъ какъ по отношенію къ фонетикѣ и морфологіи нѣтъ нужды выходить изъ сферы индо-европейской группы языковъ, при изслѣдованіи синтактическихъ явленій могутъ оказать важную услугу аналогичныя явленія языковъ другихъ группъ. Въ синтаксисѣ такимъ образомъ индоевропейская сравнительная грамматика въ значительной степени соприкасается съ всеобщимъ языковѣдѣніемъ. Съ другой стороны, и синтаксисъ отдѣльныхъ языковъ индо-европ. группы разработанъ далеко не равномѣрно какъ по объему, такъ и по методу. Даже важнѣйшій изъ нихъ, санскритскій, не составляетъ въ этомъ исключенія, несмотря на всю важность трудовъ Дельбрюка по этой части.

Такимъ образомъ вниманіе современнаго сравнительнаго языковѣдѣнія попрежнему сосредоточено главнымъ образомъ на фонетикѣ и морфологіи, подразумѣвая подъ послѣдней какъ ученіе о склоненіяхъ и спряженіяхъ, такъ и вообще словообразованіе. Но и здѣсь едва еще даже затронутъ вопросъ о томъ, что морфологія есть не что иное, какъ остатки отдаленной доисторической эпохи синтаксиса индо-европ. праязыка.

Дожидается своей очереди также и систематическая обработка этимологіи (корнесловіе). Въ этомъ отношеніи любопытна попытка внести въ современную грамматическую науку, сверхъ установленія основного значенія словъ сообразно со значеніемъ найденнаго корня, еще другую часть лексикографіи, а именно семазіологію, или ученіе о развитіи и видоизмѣненіяхъ значенія отдѣльныхъ словъ (ср. напр. различіе значеній въ os, orator, orare). Но здѣсь замѣчается нѣкоторое недоразумѣніе. Семазіологія не можетъ быть признана самостоятельною грамматическою дисциплиной, а лишь дополненіемъ и развитіемъ этимологіи, такъ какъ послѣдняя, вмѣстѣ съ корнемъ, указываетъ основное значеніе слова, первая же дальнѣйшую исторію развитія этого значенія. Тѣмъ не менѣе выдѣленіе и систематизація семазіологіи возможна столько же, сколько это допускается напр. при стилистикѣ. Нужно сожалѣть, что въ Handbuch-ѣ Ивана Мюллера семазіологія не нашла себѣ подобающаго мѣста, несмотря на присутствіе особаго отдѣла, посвященнаго лексикографіи и притомъ порученнаго въ латинской своей части тому же лицу, которому принадлежитъ и переработка 2-й части Рейзиговыхъ Vorlesungen (см. ниже). Не совсѣмъ правильно и то, что въ томѣ, озаглавленномъ „Греческое и латинское языковѣдѣніе", реторика обработана не съ грамматической точки зрѣнія, а съ технической, примѣнительно къ практическимъ требованіямъ древняго ораторскаго искусства.

Языковѣдѣніе, даже и въ теперешнемъ своемъ фазисѣ, является не только не достаточно полнымъ: его нельзя также назвать вполнѣ законченнымъ даже и въ тѣхъ частяхъ, которыя болѣе всего разрабатываются имъ. Незаконченность въ значительной степени зависитъ отъ понятнаго увлеченія со стороны „молодого" направленія въ примѣненіи установленныхъ имъ принциповъ, влекущее за собою большое колебаніе въ частныхъ выводахъ. Тѣмъ не менѣе многіе результаты, достигнутые въ области фонетики и морфологіи, столь существенны и важны, что до извѣстной степени приходится съ ними считаться даже и школьной грамматикѣ (ср. напр. новѣйшее изданіе I части грамматики Нидерле-Мейера).

Удобнымъ пособіемъ для ознакомленія съ греко-латинской фонетикой и морфологіей въ „младо-грамматическомъ" освѣ-

щеніи служатъ, кромѣ труда Густава Мейера для греч. грамматики и 2-го изданія Швейцеръ-Зидлера для латинской, главнымъ образомъ очерки этихъ дисциплинъ въ Handbuch-ѣ Ив. Мюллера, появившіеся уже 2-мъ изданіемъ. Особенно важенъ трудъ Бругмана. Цѣль Handbuch-а состоитъ въ томъ, чтобы дать возможность съ наименьшею тратою времени оріентироваться въ той или другой дисциплинѣ классической филологіи примѣнительно къ новѣйшимъ результатамъ данной науки. Бругманъ, стоя во главѣ новой школы языковѣдовъ, оказался въ состояніи выполнить взятую на себя задачу съ наибольшимъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе что, сравнительно съ многими другими представителями этого направленія, онъ обладаетъ отчетливымъ и удобопонятнымъ слогомъ и умѣньемъ оттѣнять существенное отъ второстепеннаго. При этомъ нельзя видѣть особенной бѣды въ томъ, что, вопреки цѣли Handbuch-а, онъ нерѣдко оставляетъ въ сторонѣ толкованія другихъ, отдавая предпочтеніе (по большей части заслуженное) своимъ собственнымъ.

Вся грамматика Бругмана, увеличенная въ настоящемъ изданіи на сто страницъ слишкомъ (въ 1 изд. было 125 стр., теперь 236), раздѣляется на 4 части: a) введеніе въ греч. грамматику, b) греч. фонетика, c) греч. морфологія, d) греч. синтаксисъ.

Въ § 1 „Введенія“ идетъ рѣчь объ исторіи греческаго языковѣдѣнія, при чемъ надлежащее вниманіе обращено на отношеніе класс. филологіи къ сравнительной грамматикѣ, въ § 2 характеризуются вкратцѣ основные принципы Бругмановой школы, и наконецъ въ § 3 слѣдуетъ обозрѣніе греч. діалектовъ. Послѣдній параграфъ подвергся во 2 изданіи значительному расширенію и введена отчасти другая группировка діалектовъ. Нѣсколько, однако, странно, что Бругманъ уклоняется тутъ отъ отвѣта на вопросъ о происхожденіи гомерическаго діалекта, довольствуясь фактическимъ замѣчаніемъ, что „это языкъ искусственный, въ которомъ смѣшаны формы разныхъ временъ и разныхъ діалектовъ и который въ этомъ видѣ никогда не могъ быть разговорнымъ языкомъ народа“. Однако чѣмъ же вызвано возникновеніе такого „искусственнаго“ языка, и какимъ путемъ произошло это смѣшеніе діалектовъ? Безъ сомнѣнія, въ основаніи этой „искусственности“ лежатъ естественныя условія развитія. Если не что иное, то по крайней мѣрѣ сюжеты гомерическаго эпоса занесены на іоническую почву изъ эолическаго сѣвера, гдѣ находилась сама Троя. Присутствіе же въ іоническомъ текстѣ элементовъ какого другого діалекта, болѣе всего похожаго на „эолическій“, могло произойти или отъ того, что эти чужіе элементы съ теченіемъ времени внесены въ первоначально чисто іоническій текстъ, или же это, наоборотъ, остатки болѣе древняго состоянія этого текста, подвергшагося современемъ

іонизаціи. Само по себѣ возможно и то и другое; но въ связи съ содержаніемъ гомерическихъ поэмъ болѣе вѣроятна вторая возможность. Поэтому попытка Фикка возстановить гомерическій текстъ въ первоначальной эолической формѣ заслуживаетъ болѣе вниманія, чѣмъ ей удѣлено у Бругмана (ограничившагося одними библіографическими данными), такъ какъ ею доказано, съ какою легкостью множество гомерическихъ стиховъ можетъ быть переложено на эолическій діалектъ. Кстати можно замѣтить, что посредникомъ въ дѣлѣ іонизаціи гомерическаго текста могъ явиться до извѣстной степени городъ Скепсисъ съ его тиранической династіей „Энеадовъ". Кромѣ вопроса о „происхожденіи" языка Гомера, Бругману не слѣдовало обходить молчаніемъ и послѣдующую исторію гомеровскаго текста, имѣющую столь важное значеніе напр. въ вопросѣ о такъ наз. растяженіи, который онъ, впрочемъ, тоже обходитъ (на стр. 38) простымъ указаніемъ на литературу этого вопроса.

Отдѣлъ о фонетикѣ раздѣленъ на слѣдующія группы: 1) произношеніе буквъ, 2) гласные, носовые и плавные (имѣвшіе въ 1 изданіи всѣ втроемъ общее обозначеніе Sonorlaute), 3) смычные (нѣмые), 4) спиранты, 5) особыя измѣненія звуковыхъ группъ, 6) удареніе.

Въ § 5, неправильно подведенномъ подъ заглавіе „гласные, носовые и плавные", прибавлены во 2 изданіи весьма полезныя, хотя къ сожалѣнію слишкомъ краткія, звукофизіологическія замѣчанія подъ заглавіемъ: „Фонетическія объясненія". Къ § 10 прибавлено интересное примѣчаніе о томъ, что даже такія важныя формы у Гомера какъ *θεά*, *Ἑρμείας*, *Ἀτρείδαο* врядъ ли чисто іоническія, но основанія такого сужденія не даны. Расширенъ § 11, трактующій объ индо-европ. праязычномъ полугласномъ (изображенномъ у него перевернутымъ вверхъ курсивнымъ *e* т.-е. *ə*), имѣвшемъ подобіе съ ц-сл. ъ и ь или, точнѣе м. б., съ семитическимъ шва, хотя самъ Бругманъ страннымъ образомъ рекомендуетъ (стр. 23, прим. подъ чертой) произносить его какъ нѣмецкое ä. Въ § 12 слѣдовало бы яснѣе указать физіологическую разницу (т.-е. способъ произношенія) звуковъ i̯ и u̯ съ одной стороны и спирантовъ j и v съ другой, тѣмъ болѣе, что греч. ϝ равнялось въ произношеніи скорѣе u̯, чѣмъ v, какъ замѣчаетъ самъ Бругманъ (стр. 30 подъ чертой); звукъ u̯ можно бы сравнить съ діалектическимъ произношеніемъ русскаго в въ концѣ словъ почти какъ у, напр. „совъ" почти = „соу". Предположеніе о долгихъ носовыхъ сонантахъ (n̥̄, m̥̄), помѣщенное въ 1 изд. въ примѣчаніи и съ недовѣріемъ, внесено теперь съ одобреніемъ

въ текстъ; то же самое касается долгихъ плавныхъ сонантовъ въ § 23. Пополненъ и притомъ существенно измѣненъ во 2 изданіи важный § 24, трактующій о томъ, что̀ въ прежнее время называли подъемомъ (Steigerung), а теперь отзвукомъ (Ablaut) или смѣногласіемъ (Vocalabstufung). Между тѣмъ какъ въ 1 изданіи устанавливались три степени смѣногласія: низкая (слабая), средняя и высокая (сильная), напр. *γν*: *γεν*: *γον*, *πιϑ*: *πειϑ*: *ποιϑ*, теперь допускаются только двѣ главныя степени: низкая (слабая) и высокая (сильная), но съ нѣсколькими подстепенями въ каждой, а именно: въ слабой степени два вида (tonlos и nebentonig по терминологіи Остгоффа), въ сильной же даже цѣлые четыре, названные первой, второй и пр. сильной степенью. При этомъ терминологія перваго изданія соотвѣтствуетъ новой въ слѣдующемъ порядкѣ: прежняя слабая степень осталась при томъ же поименованіи (Tiefstufe), но съ прибавленіемъ tonlose (или nebentonige); прежняя средняя степень переименована теперь въ первую сильную; затѣмъ 3 и 4 степенями считаются тѣ случаи, въ которыхъ появляется долгое *η* (= 3 степень) и *ω* (= 4 степень), соотвѣтственно краткимъ *ε* (= 1 степень) и *ο* (= 2 степень), напр. *δυσ-μενής* при *μένος* и *μενες* —. Позволительно, однако, сомнѣваться въ томъ, насколько необходимо такое нововведеніе, по крайней мѣрѣ въ этомъ видѣ, такъ какъ оно объясняетъ въ сущности только низкую степень (стр. 24, послѣднія двѣ строчки), между тѣмъ какъ высокія степени просто лишь „перенумерованы". Изложеніе § 34 о придыхательныхъ нельзя назвать достаточно яснымъ, вслѣдствіе чего и соотвѣтствующая диссимиляція въ § 60 вышла не достаточно ясной; а между тѣмъ уже на основаніи латинской транскрипціи (напр. Philippus) можно прямо сказать, что греч. *φ* звучало приблизительно какъ *пх*; то же самое видно изъ удвоенія (*π* въ *πέ-φευγα* могло получиться только въ томъ случаѣ, если и въ началѣ корня *φευ* слышался звукъ *π*, т.-е. если *πέφευγα* произносилось приблизительно такъ: *пепхеуга*). „Перестановка" звука *i̯* въ *φαίνω* изъ *φανi̯ω* названа въ § 54 эпентезисомъ, между тѣмъ какъ тутъ же въ примѣчаніи другія слова этого рода, напр. *κτείνω φϑείρω* (произведенныя въ § 30 изъ *κτενi̯ω φϑερi̯ω*) отнесены къ „замѣнительному растяженію", о которомъ рѣчь идетъ въ § 56; однако изъ изложенія Бругмана не легко понять, почему нужно дѣлать такое различіе въ объясненіи повидимому однородныхъ явленій.

Подобныя замѣчанія можно было бы сдѣлать также и по отношенію къ морфологіи, распадающейся на слѣдующіе отдѣлы: 1) предварительныя замѣчанія, 2) именная и мѣстоименная флексія [съ тремя подраздѣленіями: a) образованіе именныхъ основъ, b) именные падежи, c) мѣстоименное склоненіе], 3) „приложе-

ніе“ (ко 2-му нумеру), заключающее въ себѣ: a) степени сравненія, b) числительныя, c) именное сложеніе; наконецъ 4) глагольная флексія съ надлежащими подраздѣленіями. Уже одно это дѣленіе нельзя назвать удачнымъ въ виду внесенія смѣшаннаго номера 3, прозваннаго къ тому же Anhang-омъ. Вошедшій въ этотъ Anhang отдѣлъ объ именномъ словосложеніи (§§ 102 сл.), подвергся во 2 изданіи полной передѣлкѣ и въ настоящемъ видѣ составляетъ безъ сомнѣнія лучшую по цѣльности и систематичности часть всей греческой грамматики Бругмана.

Нельзя назвать удачною также и систему обозрѣнія глагольныхъ основъ. Въ особенности обнаруживается это неудобство по отношенію къ аористамъ, не получившимъ цѣльнаго изложенія. Изъ общей массы аористовъ выдѣлены въ особую рубрику только сигматическія основы (§ 136 сл.), остальныя же разбросаны по разнымъ параграфамъ, касающимся преимущественно основъ настоящаго времени, и этой участи подверглись не только такъ наз. вторые аористы дѣйств. (и возвр.) залога, но также и страд. аористы на *-ην* и *-θην*. Не получается цѣльнаго представленія также и объ отдѣльныхъ типахъ греческаго спряженія; особенно же недостаточно то, что̀ въ разныхъ мѣстахъ книги можно найти о слитномъ спряженіи.

Не имѣя здѣсь возможности входить въ подробный разборъ отдѣльныхъ толкованій, принимаемыхъ Бругманомъ въ морфологіи, мы приведемъ, для характеристики какъ самой книги, такъ и самаго направленія той школы, въ духѣ которой она написана, краткія свѣдѣнія изъ содержанія нѣсколькихъ параграфовъ.

Въ § 77 разныя формы суффикса *вин. ед.* сведены къ одному -m, имѣвшему то значеніе согласнаго (послѣ гласныхъ), и тогда оно = греч. *ν*, то значеніе сонанта (послѣ согласныхъ) и тогда оно = греч. *α*, напр. *χώρα-ν*, но *νῆ(ϝ)-α* изъ nāv-m̥ = лат. nav-em. Во 2 изданіи благоразумно опущена теперь ужасная на видъ форма *potni(i̯)-m̥m, выставленная въ 1 изд. какъ первообразъ греческаго *πότναιν*.

Въ § 97 при *род. ед.* внесено теперь въ текстъ указаніе на смѣногласіе суффикса -os (давшаго въ лат. языкѣ -us) и -es (= лат. -is) и даже просто -s въ *χώρᾱ-ς* (хотя допускается здѣсь и возможность сліянія основного *ᾱ* съ -os или -es); смѣногласіе ряда -os, -es, -s такое же, какъ напр. въ *γον, γεν, γν*. Основательно замѣчаніе въ примѣчаніи къ этому параграфу о формѣ *Πλᾱσιᾱϝο*, игравшей нѣкогда такую же роль, какъ латинское Prosepnais.

Въ § 81 суффиксомъ *дат. ед.* выставлено -ai̯, которое, слившись съ конечными звуками основъ на -ā и -o (1 и 2 склон.), дало еще въ праязыкѣ -āi̯ и -ōi̯ = греч. *ᾳ* и *ῳ*.

По § 82 суффиксъ *локатива* ед. ч. былъ ĭ, который при основахъ на -о даетъ окончаніе oį = греч. *-οι (οἴκοι)* или, съ смѣногласіемъ, -eį = греч. *ει (πανδημεί)*. Окончаніе -*αι* не объясняется; но можно думать, что подобное смѣногласіе, какъ и при основахъ на -о, существовало также и при основахъ на -ā, т. е. рядомъ съ -āį (параллельно къ -oi) существовало и ǎį (параллельно къ -eį), сохранившееся въ греч. *χαμαί* и т. п. Даже гом. форма *πόλῃ* рядомъ съ *πόλει* можетъ представлять собою ту же смѣногласную двойственность; но Бругманъ предпочитаетъ видѣть здѣсь особый типъ.

По § 83 суффиксомъ инструменталя признается -ă, сохранившееся будто въ греч. *ἅμ-α*. Съ основами на -ā это a слилось еще въ праязыкѣ въ -ā, съ основами на -о то въ ō, то въ -ē; въ послѣднемъ случаѣ оказывается то же смѣногласіе, какъ и въ локативѣ.

Въ § 84 Бругманъ колеблется насчетъ объясненія формъ двойств. ч. основъ на -о, напр. *ἵππω*, такъ какъ -*ω* могло произойти изъ -о + е или же оно можетъ быть = праяз. -ōu (скр. -āu). Но во всякомъ случаѣ, по его мнѣнію, по аналогіи муж. рода *ἵππω* преобразованъ не только средній родъ, напр. *ζυγώ* (вмѣсто ожидаемаго **ζυγοί*), но даже и форма основъ на -ā, напр. *χώρᾱ* вмѣсто ожидаемаго *χῶραι*. Послѣднее, хотя и сохранилось въ греч. языкѣ, но уже въ значеніи множ. числа, въ которомъ оно (по § 86) вытѣснило древнюю форму множ. числа на -ās (изъ -ā + es), сохранившуюся напр. въ италійскихъ діалектахъ; подобнымъ образомъ при основахъ на -о первоначальное -ōs (изъ -ŏ + es) вытѣснено окончаніемъ *οι*, принадлежавшимъ первоначально только мѣстоименному склоненію.

Греческій суффиксъ вин. мн. -*ας* произошелъ (§ 87), какъ и -*α* въ ед. ч., изъ слогового -n̥s съ nasalis sonans.

Суффиксъ средняго рода мн. ч. (по § 88) = индо-европ. шва (см. выше), давшему греч. *ᾰ*; основы на -о имѣли первоначально долгое ā (очевидно вслѣдствіе сліянія).

Въ род. мн. (§ 89) имѣлся суффиксъ -ōm; отъ сліянія съ основами на -о получилось долгое -*ων*, которое перенесено потомъ и на другія основы. Слѣдовало, м. б., прибавить, что это перенесеніе долгаго -*ων* произошло не безъ вліянія долготы въ мѣстоименномъ окончаніи этого суффикса -(*σ*)*ων*, тѣмъ болѣе, что послѣдній цѣликомъ усвоенъ основами на -ā, такъ какъ напр. *θεάων* объясняется изъ **θεά-σων*.

Суффиксъ локатива множ. числа -*σι*, преобразовался изъ -su примѣнительно къ суффиксу локатива ед. ч. (§ 90). Такими локативами признаются не только обычныя формы 3 склоненія (ср. *πατρά-σι*), но и др.-атт. *ταμίᾱ-σι* (позднѣе только въ нарѣчныхъ

формахъ, напр. *θύρα-σι*), а также и гом. *λύκοι-σι*, при чемъ гласный i, въ послѣднемъ случаѣ, обозначалъ, по мнѣнію Бругмана (§ 93), множ. число; по образцу 2 склоненія появилось также и въ 1 склон. *χώραι-σι* вм. **χώρᾱ-σι*. Напротивъ форма *λύκοις* = инструменталю (§ 91) изъ первоначальнаго **λύκωι̯-ς*; по образцу *λύκοις* образовано вновь *χώραις*, такъ что совпаденіе греческаго *-αις* съ итал. -aís (лат. -eis, -is), по изложенію Бругмана, является дѣломъ случая. Однако ср. наши замѣчанія объ этихъ формахъ въ „Падежахъ" стр. 326. Подобнымъ образомъ § 92 о суффиксѣ *-φι* ср. съ нашимъ изложеніемъ въ „Пад." стр. 341 сл.

Приводимъ еще нѣсколько выдержекъ изъ отдѣла о глагольной флексіи, а именно изъ статьи о личныхъ окончаніяхъ (см. нашу статью въ Ж. М. Н. Пр. 1883, ноябрь „Нѣсколько вопросовъ морфологіи лат. глагола", стр. 189 сл.).

Долготу суффикса -ō въ *1 ед.* (§ 107) Бругманъ объясняетъ предположительно изъ сліянія краткаго основного -о съ особымъ личнымъ окончаніемъ -а; ср. -а въ перфектѣ, въ объясненіи котораго Бругманъ, однако, колеблется, допуская также толкованіе изъ -m̥ (nasalis sonans).

Окончаніе во *2 ед.* *φέρεις* произошло изъ **φερει* = *φερε-(σ)ι*, къ которому вновь присоединилось личное окончаніе -ς; такимъ образомъ въ *φέρεις* заключаются оба суффикса *-σι* и -ς. Что же касается послѣдняго суффикса вообще, то Бругманъ допускаетъ теперь, что такое -ς могло быть искони присущимъ не только историческимъ временамъ, но и главнымъ, на ряду съ суффиксомъ *-σι*, т.-е. въ наст. времени могли быть сперва двѣ параллельныя формы **φερε-σι* и **φερε-ς*, такъ что *φέρεις* является какъ бы среднимъ выводомъ изъ обѣихъ. Въ формахъ *τίθη-ς δίδω-ς* сохранилась форма съ суффиксомъ -ς, такъ какъ изъ первоначальнаго **τιθη-(σ)ι* должно было получиться слитное **τιθῃ*, а съ присоединеніемъ суффикса *-σ* **τιθῃς*. Древняя двойственность допускается Бругманомъ также при формахъ *ἐσ-σί* и *εἶ* изъ *ἐ(σ)ι*, чѣмъ устраняется искусственное толкованіе первой изъ нихъ.

При *3 ед.* происхожденіе формы *φέρει* представляется Бругману въ слѣдующемъ видѣ: какъ было **φερες* въ наст. времени, такъ могло быть и **φερετ*, долженствовавшее перейти, по спеціально греч. фонетикѣ, въ **φερε*, которое потомъ преобразовано въ *φέρει* по аналогической пропорціи съ *φέροις φέροι, ἔφερες ἔφερε*, въ которыхъ 3 лицо отличается отъ второго только отсутствіемъ звука -ς.

Въ *3 мн.* окончаніе *-ντι* дало разные результаты, какъ и суффиксы вин. падежа, смотря по тому, было ли согласнымъ звукомъ (послѣ гласныхъ, напр. *φέροντι* и далѣе *φέρουσι*) или,

напротивъ, сонантомъ (nasalis sonans), при чемъ ударенное -ń̥ti переходило въ *-αντι* и далѣе въ долгое *-ᾱσι* (какъ *-ουσι* изъ *οντι*), между тѣмъ какъ изъ -n̥ti безъ ударенія получалось краткое *-ᾰσι* безъ n, какъ и *-ᾰται*, *-ᾰτο* изъ -n̥tai, -n̥to.

Филологъ, не занимающійся спеціально сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, но желающій познакомиться съ современными результатами этой науки въ приложеніи къ греч. грамматикѣ, почерпнетъ изъ книги Бругмана массу поучительныхъ свѣдѣній и притомъ, такъ сказать, прямо изъ первыхъ рукъ. Примѣнительно къ назначенію книги, 2 изданіе обнаруживаетъ замѣтное стремленіе облечь изложеніе въ возможно общедоступною (элементарную) форму. Послѣдующія изданія, нужно полагать, изгладятъ еще болѣе впечатлѣніе конспекта университетскихъ лекцій, получавшееся при чтеніи 1-го изданія.

Въ слѣдующей книжкѣ „Филологическаго Обозрѣнія" перейдемъ къ лат. фонетикѣ и морфологіи Шмальца; о синтаксисѣ же Бругмана будемъ говорить одновременно съ разсужденіемъ по поводу синтаксиса Шмальца.

И. Нетушилъ.

K. Reisig's Vorlesungen über lat. Sprachwissenschaft mit den Anmerkungen von Friedrich Haase. I. Band („этимологія") neu bearbeitet von H. Hagen 1881; III. Band (синтаксисъ) neu bearbeitet von I. H. Schmalz und Dr. G. Landgraf 1888; II. Band (семазіологія) neu bearbeitet von F. Heerdegen 1890.

Нѣкогда славившіяся лекціи по лат. грамматикѣ Рейзига, переизданныя Фридрихомъ Газе, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія изданы снова нѣсколькими учеными, оставившими, по примѣру Газе, текстъ Рейзига въ I и III томахъ безъ существенныхъ перемѣнъ, равно какъ и примѣчанія Рейзига, присоединивъ къ нимъ свои собственныя. Принадлежность первоначальному автору, равно какъ и прежнему и новымъ издателямъ, отмѣчена при помощи типографскихъ знаковъ. Такимъ образомъ легко прослѣдить исторію отдѣльныхъ вопросовъ лат. грамматики, такъ сказать, въ подлинникѣ.

Текстъ Рейзига, какъ по изложенію предмета, такъ и нерѣдко даже по содержанію, устарѣлъ настолько, что значеніе новаго изданія заключается главнымъ образомъ въ примѣчаніяхъ теперешнихъ издателей. Въ особенности въ синтаксисѣ заключается такая огромная масса матеріала къ исторіи лат. языка и лат. грамматики, какую не встрѣтимъ ни въ какой

другой книгѣ по этому предмету. Матеріалъ этотъ, вслѣдствіе своеобразной системы Рейзига, правда, сильно разбросанъ, особенно въ нѣкоторыхъ статьяхъ; но онъ теперь легко доступенъ, благодаря подробнымъ реестрамъ, составленнымъ Ландграфомъ и приложеннымъ ко 2 тому (вышедшему послѣднимъ).

Но какъ ни цѣненъ собранный новыми издателями матеріалъ, значеніе этой книги и теперь уже умаляется въ значительной степени существующими уже сочиненіями Нейе, Дрегера, Кюнера, Шмальца, а въ скоромъ времени оно, вѣроятно, будетъ утрачено окончательно послѣ появленія въ свѣтъ объявленнаго уже Тейбнеромъ (Mitth. 1891, № 3) изданія 4-томной научной грамматики лат. языка, подготовляемой Ландграфомъ, Шмальцемъ, Штольцемъ и Вагенеромъ при содѣйствіи Вёльфлина.

Впрочемъ второй томъ „Лекцій" въ обработкѣ Гердегена находится на особомъ положеніи. Кромѣ текста Рейзига, съ примѣчаніями Газе и новаго издателя, послѣднимъ прибавленъ вновь составленный имъ очеркъ семазіологіи подъ заглавіемъ „Grundzüge der lat. Bedeutungslehre". Очеркъ этотъ, занимающій бóльшую половину тома, сохранитъ свое значеніе и послѣ появленія упомянутой выше пространной грамматики, какъ единственный пока опытъ систематизаціи этой части науки примѣнительно къ современнымъ требованіямъ. Содержаніе очерка Гердегена слѣдующее. Собственному систематическому изложенію предпослана вступительная часть, заключающая въ себѣ слѣдующія заглавія: a) Введеніе, b) Задача латинской семазіологіи, c) Отношеніе ея къ прочимъ грамматическимъ дисциплинамъ. Затѣмъ слѣдуетъ первая или общая часть: a) Введеніе, b) Объ историческомъ развитіи значеній латинскихъ словъ, c) Измѣненіе значеній и ихъ объемъ; значеніе и употребленіе. Наконецъ идетъ вторая или спеціальная часть: a) Введеніе, b) Перенесеніе значеній, c) Суженіе значеній (детерминація); d) Мѣстоименное перенесеніе и суженіе значеній; e) Субституція и уклоненіе значеній.

Какъ изъ этого оглавленія видно, Гердегенъ принимаетъ три основные принципа, которыми исчерпываются всѣ случаи измѣненія въ значеніи словъ. Принципы эти слѣдующіе: перенесеніе (translatio), суженіе (determinatio) и субституція. Изъ этихъ трехъ принциповъ самые главные — первые два, между тѣмъ какъ третій составляетъ лишь своего рода прибавленіе къ нимъ. При этомъ „перенесеніе значенія" и „суженіе значенія" являются прямой противоположностью другъ другу, такъ какъ въ первомъ случаѣ происходитъ расширеніе объема значенія съ сокращеніемъ его содержанія, во второмъ, наоборотъ, суженіе объема съ обогащеніемъ содержанія. Переносное значеніе словъ столь обычное явленіе, что не нуждается въ по-

ясненія или примѣрѣ. Для суженія или ограниченія значеній интереснымъ и притомъ нагляднымъ примѣромъ можетъ служить слово templum. Происходя отъ корня tem („рѣжу“ въ греч. *τέμνω*), оно означаетъ сперва „отрѣзанное“, „отрывокъ“, „кусокъ“ вообще, затѣмъ спеціально „кусокъ (участокъ) земли“, еще частнѣе „участокъ земли, приписанный къ какому-либо святилищу“ (о причинѣ этого ограниченія значенія см. въ комментаріи И. Нетушила къ Ливію I гл. VI § 4) и, наконецъ, еще съ бóльшимъ ограниченіемъ „зданіе священное, находящееся на такомъ участкѣ земли“ = „храмъ“; рядомъ съ этимъ постепеннымъ суженіемъ значенія происходило и нѣкоторое расширеніе, основанное на перенесеніи: 1) объ участкѣ видимаго горизонта, освященномъ авгуромъ во время авспицій и 2) о всякомъ освященномъ мѣстѣ, хотя бъ и было оно освящено только ad hoc, напр. для комицій. Сюда же принадлежитъ употребленіе въ ту или другую сторону такъ называемыхъ voces mediae, о которыхъ слѣдовало Гердегену упомянуть спеціально въ этомъ отдѣлѣ; такъ напр. fortuna означаетъ „судьбу“ вообще, но обыкновенно употребляется только въ хорошую сторону — о „счастьѣ“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ основное общее значеніе утрачено и сохранилось только одно изъ обоихъ направленій, въ хорошую или въ дурную сторону. Изъ примѣровъ, приведенныхъ Гердегеномъ, укажемъ на слово latro, обозначавшее вообще „вооруженнаго человѣка“, также въ хорошемъ смыслѣ = „наемникъ“ *(ξένος)* или вообще = miles; такимъ же образомъ hostis (по этимологіи = „гость“) обозначало сперва всякаго иноземца или чужого; русское „гость“ сохранило хорошій смыслъ, лат. же hostis пріобрѣло съ теченіемъ времени исключительно только значеніе „врагъ“. Наконецъ, подъ субституціей разумѣетъ Гердегенъ тѣ случаи, въ которыхъ одно слово начинаетъ замѣнять собою другое, синонимическое, напр. audire (въ особенности въ соединеніи съ bene или male) въ томъ значеніи, которое прежде было свойственно слову cluere; или dicere = *δείκνυμι*, замѣнившее слово orare въ значеніи „говорить“, вслѣдствіе чего, въ свою очередь orare получило болѣе ограниченное значеніе „просить“.

И. Н.

Сборникъ статей по классической древности. Изданіе Кіев. Отд. Общ. классич. филол. и педагог. Вып. III. К. 1887 (268 стр. 8⁰).

Кіевское отдѣленіе Общества классической филологіи и педагогики подарило русскую филологическую литературу уже многими полезными трудами, въ числѣ которыхъ періодическій „Сборникъ статей по классической древности“ занимаетъ не послѣднее мѣсто. Въ настоящее время имѣются три выпуска этого сборника и объявленъ четвертый. Если принять во вниманіе тѣ матеріальныя затрудненія, съ которыми, какъ это явствуетъ изъ недавно опубликованнаго отчета, приходится бороться Обществу, то нельзя не подивиться энергіи и настойчивости его членовъ. Тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ пользуемся случаемъ, чтобы напомнить читателямъ о его трудахъ, всячески достойныхъ вниманія.

Третій выпускъ помянутаго „Сборника“ вышелъ въ свѣтъ уже около четырехъ лѣтъ тому назадъ, и настоящая замѣтка о немъ является нѣсколько запоздалою. Выпускъ этотъ заключаетъ въ себѣ четыре отдѣльныя, довольно объемистыя статьи. Всѣ онѣ, очевидно, предназначаются для образованной публики вообще и, какъ по содержанію своему, такъ и по изложенію, простому и ясному, могутъ составить и для неспеціалистовъ доступное и интересное чтеніе, хотя двѣ изъ нихъ („Этнографическій очеркъ древней Италіи“ В. Петра и „Культъ Весты въ древнемъ Римѣ“ И. Турцевича) обставлены весьма полнымъ ученымъ аппаратомъ и имѣютъ характеръ самостоятельныхъ изслѣдованій.

Сочиненіе г. Петра распадается на двѣ половины: въ первой авторъ послѣдовательно излагаетъ исторію заселенія Италіи, дѣлая краткую характеристику каждаго племени и стараясь опредѣлить его отношеніе къ другимъ племенамъ, во второй же — слѣдитъ за постепеннымъ распространеніемъ латинскаго элемента по всей странѣ. Несмотря на запутанность вопроса и обиліе выписокъ изъ источниковъ, авторъ искусно справился съ матеріаломъ и представилъ движеніе италійскихъ племенъ въ отчетливой картинѣ. Можно лишь пожалѣть, что не всѣ народности, составлявшія населеніе древней Италіи, разсмотрѣны имъ съ одинаковою обстоятельностью. Такъ, напр.,

своего отношенія къ спорному вопросу объ этрускахъ или рассинахъ и о ихъ происхожденіи г. Петръ нигдѣ не высказалъ ясно и вообще слишкомъ мало мѣста удѣлилъ въ своемъ трудѣ этому важному ингредіенту италійскаго населенія, о которомъ теперь, послѣ работъ Дееке, Бугге, Тайлора, Шеффера и др., все же можно было бы сказать многое не совсѣмъ безынтересное для русскаго читателя. Г. Петръ примыкаетъ къ тѣмъ изслѣдователямъ, которые считаютъ этрусковъ племенемъ анарійскимъ (стр. 22); но, какъ извѣстно, и противоположное мнѣніе до сихъ поръ не оставлено и въ свою защиту можетъ сослаться на солидные ученые авторитеты. Вообще, по нашему мнѣнію, тонъ догматическаго изложенія опасенъ и неудобенъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о вопросахъ древнѣйшей исторіи Италіи, — гдѣ, что ни шагъ, то загадка. По этой причинѣ мы считаемъ упущеніемъ со стороны автора и то, что, говоря о сабинянахъ и ихъ столкновеніи съ латинянами, онъ не упомянулъ, хотя бы honoris causa, о гипотезѣ сабинскаго владычества надъ Римомъ. Слѣды такого владычества, обнаруженные Швеглеромъ, Ине (Röm. Gesch. I, стр. 17 сл.) и Фольквардсеномъ (Rhein. Mus. 33, стр. 538 слл.), не настолько малочисленны, чтобы ихъ можно было игнорировать.

Г. Турцевичъ далъ для „Сборника“ большую статью о культѣ Весты и институтѣ весталокъ. Нельзя было выбрать темы благодарнѣе и удачнѣе, послѣ того какъ плодотворныя раскопки въ Римѣ доставили по вопросу о культѣ Весты столько новаго матеріала, а изслѣдованія Іордана и Прейнера въ такой мѣрѣ обновили къ нему интересъ. Къ сожалѣнію, имѣющаяся въ „Сборникѣ“ часть труда г. Турцевича не заключаетъ въ себѣ ни исторіи раскопокъ, ни подробнаго изложенія ихъ результатовъ. Она имѣетъ дѣло лишь съ антикварными подробностями Вестина культа. Послѣ общихъ замѣчаній о культѣ огня вообще и культѣ очага въ частности, авторъ разсматриваетъ способъ назначенія весталокъ, ихъ отношеніе къ коллегіи понтификовъ, ихъ обязанности и положеніе, ихъ образъ жизни и т. п. Въ изложеніи своемъ авторъ, очевидно, не претендуетъ на полноту (иначе онъ, быть можетъ, на стр. 183 сл. не обошелъ бы молчаніемъ попытку нѣкоторыхъ новѣйшихъ ученыхъ установить отношеніе между числомъ весталокъ и числомъ древнихъ трибъ), но выдающіеся моменты римскаго служенія Вестѣ старается изобразить съ возможною обстоятельностью и для этого приводитъ культурно-историческія параллели изъ религіи и быта различныхъ племенъ земного шара, сохраняющихъ обычай постояннаго поддерживанія огня. Непонятно только, почему при этомъ оставленъ въ сторонѣ

безспорно родственный греческій культъ Гестіи, который имѣетъ столько общаго съ римскимъ поклоненіемъ Вестѣ[1]).

Кромѣ названныхъ двухъ статей въ „Сборникѣ“ имѣется еще небольшая работа Ѳ. Ярыша „Книжное дѣло у древнихъ грековъ и римлянъ“, составленная главнымъ образомъ по Бирту, Марквардту, Беккеру и Шмитцу, и переводъ отрывка изъ извѣстнаго сочиненія Г. Буассье „Excursions archéologiques“ подъ назв. „Вилла Гадріана“. Къ книгѣ приложены двѣ таблицы: сравнительное изображеніе древнихъ алфавитовъ и планъ виллы Гадріана.

Случайно или нѣтъ, — неизмѣримо бо́льшая часть разсматриваемаго выпуска посвящена Риму. На долю Греціи пришлась лишь первая глава статьи г. Ярыша.

А. Деревицкій.

W. H. Roscher, Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. Erster Band (Aba — Hysiris). Mit zahlreichen Abbildungen. Leipz. 1884—1890 (VIII + 3024 столб. 8).

Наше время ознаменовано въ области филологической литетературы появленіемъ цѣлаго ряда изданій болѣе или менѣе общаго, энциклопедическаго характера, затѣваемыхъ по большей части въ грандіозномъ масштабѣ, а потому и требующихъ коллективной работы многихъ ученыхъ: „Словарь греческихъ и римскихъ древностей“ Дарамберга и Сальо, два параллельныхъ изданія „Памятниковъ древности“ Баумейстера, извѣстное руководство Ив. Мюллера, систематическія собранія античныхъ памятниковъ въ родѣ тѣхъ, которыя издаются Германскимъ Археологическимъ институтомъ, Брунномъ и Арндтомъ, Курціусомъ и Адлеромъ и др., наконецъ монументальный „Словарь греческой и римской миѳологіи“, предпринятый около семи лѣтъ тому назадъ извѣстнымъ миѳоло-

---

[1]) Существенное отличіе римской Весты г. Турцевичъ видитъ, между прочимъ, въ томъ, что ея культъ находился въ вѣдѣніи жрицъ-женщинъ, между тѣмъ какъ „культъ государственнаго очага у грековъ поручался вездѣ и всегда мужчинамъ“ (стр. 181). Однако тѣ вдовы, которыя въ Дельфахъ (*Πυθοῖ*), по словамъ Плутарха (*Num.* 9), поддерживали неугасаемый огонь, были вѣдь также служительницами Гестіи, почитавшейся во многихъ мѣстахъ Греціи въ качествѣ *σύνεδρος* Аполлона. Срв. h. Homer. 24: *Ἱστίη, ἥτε ἄνακτος Ἀπόλλωνος ἑκάτοιο Πυθοῖ ἐν ἠγαθέῃ ἱερὸν δόμον ἀμφιπολεύεις κτλ.* (см. примѣч. Гемолля къ этому мѣсту). Въ святилищѣ беотійскаго союза неугасаемый огонь также поддерживали женщины (Paus. IX, 84). Срв. теперь Preuner Hestia въ Рошеровскомъ „Миѳол. Словарѣ“.

гомъ Рошеромъ, — все это лишь самыя выдающіяся литературныя явленія указаннаго порядка. При подавляющей массѣ частныхъ изысканій, при невѣроятномъ ростѣ и крайней спеціализаціи ученой литературы, зачастую даже обработка менѣе крупнаго отдѣла какой-нибудь филологической дисциплины заставляетъ изслѣдователя искать товарищей и пособниковъ, и трудъ, задуманный и начатый однимъ лицомъ, превращается такимъ образомъ мало-по-малу въ коллективную работу. Самоновѣйшій образчикъ такого явленія представляетъ недавно вышедшая въ свѣтъ книга Суземиля „Gesch. der griech. Litteratur in der Alexandrinerzeit" (срв. Vorwort, стр. VI).

Мы не станемъ говорить о тѣхъ удобствахъ и выгодахъ, которыя представляетъ принципъ раздѣленія труда въ примѣненіи къ большимъ справочнымъ книгамъ, при составленіи коихъ имѣется въ виду главнымъ образомъ исчерпывающая полнота содержанія. Эти удобства и выгоды очевидны, и врядъ ли кто нынѣ безъ оговорки согласится съ Ла-Брюйеромъ, утверждавшимъ когда-то въ началѣ своихъ „Характеровъ", что „еще не было видано образцоваго произведенія ума, которое было бы трудомъ нѣсколькихъ лицъ". Если недостатки при такомъ участіи многихъ работниковъ въ произведеніи одной ученой работы и неизбѣжны, то изъ нихъ обыкновенно существеннымъ является лишь отсутствіе строгой выдержанности и единства въ обработкѣ отдѣльныхъ частей, — въ особенности когда этотъ недостатокъ ощущается не только во внѣшнемъ характерѣ различныхъ статей или отдѣловъ, въ стилѣ, въ манерѣ изложенія, въ большей или меньшей глубинѣ и обстоятельности, но и въ самой точкѣ зрѣнія на предметъ.

Послѣднее, между прочимъ, весьма возможно въ изданіи, подобномъ тому, которое мы теперь имѣемъ въ виду. Ни одна научная область не представляетъ столько простора для произвола субъективныхъ предположеній, догадокъ, гипотезъ, какъ миѳологія. Матеріалъ, подлежащій изслѣдованію миѳолога, отличается большою эластичностью и допускаетъ самую разнообразную группировку, поддается самымъ разнообразнымъ толкованіямъ, служитъ для самыхъ разнообразныхъ выводовъ. Потребно напряженное вниманіе редактора и нуженъ строгій подборъ сотрудниковъ для того, чтобы отдѣльныя статьи „Миѳологическаго словаря", вышедшія изъ разныхъ лабораторій, могли быть сплочены въ живое, органическое цѣлое. Нельзя поэтому не отнестись съ полнымъ одобреніемъ къ заявленію г. Рошера, что для него и его пособниковъ „при составленіи отдѣльныхъ статей на первомъ планѣ стояло по возможности объективное, сжатое и вмѣстѣ съ тѣмъ полное, постоянно утверждающееся на источникахъ изложеніе

сохраненныхъ литературнымъ преданіемъ миѳовъ, равно какъ и относящихся къ нимъ культовъ, при надлежащемъ пользованіи памятниками образовательныхъ искусствъ; толкованіе же миѳовъ стояло уже на второмъ планѣ: оно давалось съ подробностью или даже полагалось въ основаніе изложенія лишь тамъ, гдѣ оно несомнѣнно или по крайней мѣрѣ вѣроятно". И слѣдуетъ признаться, что тенденція эта до сихъ поръ въ книгѣ выдержана довольно послѣдовательно, при чемъ въ большинствѣ случаевъ читатель находитъ помимо толкованія, принимаемаго авторомъ, и сжатый сводъ иныхъ имѣющихся въ литературѣ толкованій.

Наиболѣе крупными отдѣлами представляются слѣдующіе: Ахиллъ, Эантъ, Эней, Афродита, Аполлонъ, Арей, Аргонавты, Артемида, Асклепій, Аѳина, Діонисъ, Діоскуры, Фортуна, Гиганты, Горгоны, Гера, Гераклъ (покамѣстъ готова лишь вторая часть, посвященная вопросамъ такъ назыв. „художественной миѳологіи"), Геркулесъ (въ двухъ редакціяхъ), Гермесъ, Герой, Гестія. Не можемъ не обратить особеннаго вниманія читателя на превосходную статью Ф. Денекена о герояхъ (Heros), занимающую въ словарѣ болѣе 150 столбцовъ убористой печати. Главный интересъ этой статьи заключается въ весьма полномъ и мастерскомъ очеркѣ апоѳеоза умершихъ людей (ст. 2516 слл.). Многія стороны древняго культа мертвыхъ стали уясняться лишь въ самое послѣднее время, отчасти благодаря открытію новыхъ эпиграфическихъ данныхъ, пролившихъ яркій свѣтъ и на относящіяся сюда литературныя свидѣтельства. Г. Денекенъ разсматриваетъ отдѣльные случаи обожествленія умершихъ или, точнѣе, сопричисленія ихъ къ лику героевъ (Heroisirung, греч. *ἀφηρωΐζειν*) въ хронологическомъ порядкѣ и пытается топографическими указаніями опредѣлить степень распространенія этого религіознаго обычая. При этомъ онъ затрогиваетъ, какъ и слѣдовало ожидать, вопросъ объ отношеніи культа героевъ къ внутренней организаціи различныхъ обществъ и корпорацій въ древней Греціи, — вопросъ, выдвинутый нынѣ вновь на очередь замѣчательными трудами Фукара (Les associations réligieuses en Grèce) и Виламовица (Phil. Unters. IV, стр. 263 слл.).

Въ статьѣ объ Аполлонѣ, принадлежащей самому Рошеру, желательно было бы болѣе подробное изложеніе того, что относится къ мантической функціи божества: глава IV, посвященная этому предмету (ст. 434), отличается конспективнымъ характеромъ и представляетъ пробѣлы (напр. *Ἀπ. Σμινθεύς* и мантическое значеніе мыши въ Аполлоновомъ культѣ обойдены молчаніемъ; вмѣсто перечисленія Аполлоновыхъ оракуловъ, во всякомъ случаѣ нелишняго въ миѳологическомъ словарѣ, сдѣ-

дана ссылка на Шемана, Германа и Ринка, а дельфійскому оракулу посвящено лишь 15 строкъ). Въ этомъ отношеніи соотвѣтствующія части статей „Amphiaraos“, „Asklepios“, „Gaia“ обставлены лучше и богаче матеріаломъ. Наоборотъ непропорціонально длиннымъ кажется намъ отступленіе о диѳирамбѣ и драмѣ въ отдѣлѣ о Діонисѣ, — особенно если сравнить это отступленіе съ тѣмъ немногимъ, что сказано въ словарѣ объ Аполлонѣ, какъ божествѣ музыки и поэзіи. Въ общемъ, впрочемъ, статья о Діонисѣ, составленная Фойгтомъ, принадлежитъ къ числу лучшихъ и даетъ обстоятельное объясненіе вакхическаго оргіазма въ духѣ Маннгардта. Съ интересомъ читается и обилуетъ литературными указаніями статья Шерера „Hades“; къ сожалѣнію, при перечисленіи культовъ этого божества въ ней пропущены синопскій и проистекшій отъ послѣдняго александрійскій (срв. Plut. De Is. et Osyr. c. 28), пользовавшійся такимъ выдающимся значеніемъ во времена Птолемеевъ. Заслуживаютъ также вниманія отдѣлы, веденные Раппомъ (Attis, Bellerophon, Eos, Helios, Hephaistos и др.).

Важнѣйшіе вопросы художественной миѳологіи разработаны Фуртвенглеромъ, Тремеромъ (Thraemer) и Шереромъ, и нѣкоторыя статьи, сюда относящіяся (напр. Діонисъ, Гераклъ и др.), достигли весьма почтенныхъ размѣровъ. Выборъ иллюстрацій сдѣланъ толково, при чемъ издатели, естественно, останавливали свое вниманіе преимущественно на наиболѣе характерныхъ памятникахъ искусства, а отчасти и на наименѣе извѣстныхъ и неизданныхъ. Не мѣшало бы нумеровать отдѣльныя фигуры, что сдѣлано не вездѣ. Въ иныхъ, болѣе важныхъ случаяхъ можно было бы пожелать большаго обилія изображеній. Напр. Фидіеву Аѳину *Παρθένος* слѣдовало бы представить тремя (Athena Varvakion, Ath. Lenormant, гемма Аспазія), а не одною только копіею; въ статьѣ о гигантахъ недостаетъ снимка съ метопъ Парѳенона; нѣтъ также снимковъ съ селинунтскихъ метопъ въ статьяхъ „Gorgonen“ и „Herakles“. Иногда (въ особенности при рисункахъ памятниковъ, впервые изданныхъ) желательно было бы указаніе масштаба и точное обозначеніе мѣста нахожденія памятника.

Въ дополненіе къ греко-римской миѳологіи редакторомъ словаря включены въ его составъ многія статьи, относящіяся къ миѳологіи народовъ востока, этрусковъ и кельтовъ и принадлежащія Эд. Мейеру, Штейдингу, Дрекслеру и Дееке. Хотя нѣкоторыя божества, вошедшія такимъ образомъ въ словарь, и не имѣютъ никакихъ точекъ соприкосновенія съ кругомъ божествъ классическаго пантеона (напр. Alanteboda, Eaecus, Hinthial и т. п.), а нѣкоторыя изъ нихъ даже и сомнительны (напр. Arciaco), тѣмъ не менѣе нельзя не порадоваться этому

существенному обогащенію книги, помогающему между прочимъ намъ, классикамъ, подчасъ оріентироваться въ литературѣ, правда, смежной, но чужой научной области и всегда представляющему интересное и поучительное чтеніе. Дрекслеръ кромѣ того сдѣлалъ кое-гдѣ и нумизматическія указанія, опять таки существенно дополняющія ту часть словаря, которая посвящена художественной миѳологіи.

Редакціоннымъ недосмотромъ слѣдуетъ признать отсутствіе однообразной программы въ изложеніи крупныхъ отдѣловъ. Для лицъ, поставленныхъ въ необходимость часто обращаться за справками къ словарю, существованіе опредѣленнаго порядка рубрикъ не безразлично. Между тѣмъ въ одномъ мѣстѣ мы находимъ перечисленіе символовъ и атрибутовъ божества въ первой (миѳологической) части отдѣла, въ другомъ — это перечисленіе отнесено къ послѣдней (художественной) части (срв. Apollon и Artemis); этимологическое объясненіе имени то стоитъ, какъ и должно, во главѣ статьи, то присоединено въ концѣ, въ видѣ аппендикса; въ однихъ отдѣлахъ есть на лицо топографическія указанія, въ другихъ они отсутствуютъ; одни авторы выдѣляютъ миѳологическія параллели въ особую рубрику, другіе вовсе не приводятъ такихъ параллелей. Словомъ, во внѣшнемъ распредѣленіи и отчасти даже въ выборѣ матеріала редакторомъ, очевидно, предоставлена сотрудникамъ полная свобода, что̀ для читателей имѣетъ свои неудобства.

Въ видѣ прибавленія ко второму тому обѣщана, кромѣ обзора миѳографіи у древнихъ, исторія новѣйшихъ миѳологическихъ теорій. То и другое вполнѣ цѣлесообразно и достойно завершитъ колоссальный трудъ, начатый и съ такою настойчивостью и энергіею продолжаемый г. Рошеромъ вмѣстѣ съ все возрастающимъ обществомъ даровитыхъ товарищей. Первый томъ этого труда уже успѣлъ сдѣлаться настольною книгою у всѣхъ друзей классической филологіи и античнаго искусства. Остается пожелать, чтобы по возможности скорѣе къ нему присоединился второй, содержаніе котораго обѣщаетъ быть еще богаче и интереснѣе.

А. Деревицкій.

O. Ribbeck. Geschichte der Römischen Dichtung. Stuttgart. I, 1887. II, 1888.

Первый томъ книги О. Риббека обнимаетъ собой исторію римской поэзіи отъ зачатковъ ея до вѣка Августа, второй — вѣкъ Августа. Почтенный ученый, отдавшій всю свою жизнь спеціальному изученію римскихъ поэтовъ и почти ни одного сколько-нибудь замѣтнаго или темнаго вопроса въ этой области не оставившій безъ всесторонней разработки, — такой ученый задумалъ освѣтить намъ общіе результаты своихъ детальныхъ работъ, захотѣлъ дать своей научной дѣятельности нѣкотораго рода обобщеніе, если можно такъ выразиться. Побужденія, руководившія авторомъ при составленіи книги, сразу становятся для насъ ясны при взглядѣ на вступительныя страницы 1-го тома — послѣдній посвященъ видному представителю нѣмецкой литературы П. Гейзе[1]). Ясно такимъ образомъ, что Риббекъ хотѣлъ написать не сухое, ученое изслѣдованіе, которое было бы по плечу только спеціалистамъ, но книгу, способную возбудить живой интересъ въ широкой массѣ читающей и мыслящей публики безъ различія профессій; онъ, по его собственнымъ словамъ, хотѣлъ пополнить давно чувствовавшійся въ литературѣ пробѣлъ — „грубый скелетъ облечь плотью и по силѣ возможности вызвать къ жизни" [2]). И рѣдко кому было бы легче выполнить эту задачу, чѣмъ О. Риббеку. Такую книгу нельзя написать прямо по тѣмъ или другимъ источникамъ и пособіямъ — это есть, повторяемъ, фокусъ цѣлой жизни глубокаго ученаго таланта. Подавляющая эрудиція и полное господство надъ источниками дали Риббеку возможность дѣлать совершенно неожиданныя сопоставленія и распоряжаться своимъ матеріаломъ съ истинно виртуозной легкостью. Мы воздержимся отъ изложенія содержанія книги и отъ приведенія подробныхъ иллюстрацій къ нашему разбору, потому что рѣдко можно встрѣтить сочиненіе болѣе послѣдовательное, въ рѣдкомъ трудѣ опредѣленные, сознательно выработанные методы изслѣдованія находятъ на каждой страницѣ болѣе тщательное примѣненіе — мы просто теряемся въ выборѣ наиболѣе выпук-

---

[1]) An Paul Heyse, V—VI.

[2]) Ibid.

лыхъ примѣровъ. Книгу можно прямо рекомендовать какъ высоко-научное приложеніе тѣхъ пріемовъ, которыхъ долженъ держаться изслѣдователь при разработкѣ исторіи римской (да и не одной римской) литературы, и съ этой точки зрѣнія она должна имѣть огромное воспитательное значеніе: мы не знаемъ, напр., другой книги, которая бы принесла больше пользы и удовольствія начинающему студенту при первыхъ шагахъ его филологическаго образованія.

По существу книга представляетъ очень мало новаго: все почти ея содержаніе мы можемъ отыскать на страницахъ спеціальныхъ журналовъ и монографій за подписью или самого автора, или другихъ изслѣдователей[1]). Но постоянно имѣя въ виду составъ своихъ читателей, Риббекъ совершенно основательно опустилъ всякія цитаты[2]), полемику, вообще весь ученый аппаратъ; это однако не отразилось на степени научнаго достоинства книги: мы всегда ясно видимъ мотивы, которые привели автора къ тому или другому выводу или заставили его принять чью-либо чужую мысль; онъ никогда не выдаетъ возможное за достовѣрное, предположеніе за прочный выводъ, умѣетъ сохранить чувство мѣры и не выйти за предѣлы своего часто очень скуднаго матеріала. Послѣднее особенно бросается въ глаза въ I томѣ, гдѣ автору почти все время приходится имѣть дѣло съ „развалинами, осколками и обломками“[3]). Достаточно прочитать, напр., его страницы о Цециліи или Пакувіи, чтобы изумиться мастерству, съ которымъ онъ даетъ цѣльную и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ правдивую фигуру поэта на основаніи пустячныхъ отрывковъ его произведеній и нѣсколькихъ строкъ о немъ у позднѣйшихъ писателей; Риббекъ не упускаетъ изъ виду ничего, что можетъ пролить свѣтъ на характеръ писателя или его твореній: языкъ, метръ и сухіе, повидимому, вопросы дипломатическаго преданія — все у него дѣлаетъ свое дѣло.

Основная мысль книги — прямая зависимость римской литературы отъ греческой, и потому всѣ усилія автора направлены на проведеніе границы между заимствованнымъ римлянами у грековъ и проявленіемъ оригинальнаго римскаго творчества. Но и въ предѣлахъ самой римской литературы онъ старается показать преемственность явленій и прослѣдить въ содержаніи, языкѣ и даже въ пріемахъ возрожденіе у даннаго писателя его литературныхъ предковъ. Руководясь такимъ историческимъ

[1]) Положимъ, въ главѣ объ Энніи можно усмотрѣть знакомство автора съ сочиненіями L. Müller'а, E. Zarncke, Vahlen'а, Bergk'а и др.

[2]) Изъ новыхъ ученыхъ упоминается, если мы не ошибаемся, одинъ только Нибуръ (I. 8).

[3]) Посвященіе, V.

методомъ, изучая писателей во времени, Риббекъ не забываетъ изучать ихъ и въ пространствѣ; для этого онъ даетъ характеристики литературныхъ кружковъ, взвѣшиваетъ политическія и общественныя условія, среди которыхъ складывалась литературная физіономія писателя, отмѣчаетъ его происхожденіе, климатъ родины, матеріальныя условія жизни, наконецъ случайныя знакомства. У него нѣтъ отдѣльныхъ рубрикъ: „біографія писателя“, „оцѣнка его произведеній“ и т. п., онъ переплетаетъ одно другимъ, при чемъ содержаніе литературныхъ произведеній излагается имъ не въ порядкѣ изданія, а въ порядкѣ, истекающемъ изъ внутренняго смысла произведеній, сообразно съ извѣстными пріемами автора, по типамъ его сочиненій и т. п. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ мы получаемъ связный рядъ живыхъ образовъ, и у насъ по мѣрѣ знакомства съ книгой крѣпнетъ убѣжденіе, что римская литература есть извѣстный органическій процессъ, въ которомъ не было такъ называемыхъ „одиноко-стоящихъ“ явленій. Книга написана вполнѣ современнымъ намъ тономъ и очень образнымъ, даже иногда вычурнымъ языкомъ; находя съ Риббекомъ романсы у Горація*), читая характеристики современной Овидію золотой молодежи и львицъ тогдашняго общества, мы положительно забываемся и иной разъ можемъ подумать, что рѣчь идетъ не о Римѣ I-го в., а о Вѣнѣ или Парижѣ XIX-го в.

Не можемъ въ концѣ не выразить сожалѣнія, что эта изящная и по внѣшности и по внутреннему содержанію книга до сихъ поръ не переведена на русскій языкъ. Правда, переводъ ея представляетъ огромныя трудности благодаря необыкновенной картинности и блеску языка, но трудности эти искупаются для переводчика сознаніемъ важности заслуги его не только передъ спеціальной наукой, но и передъ всѣми тѣми слоями русскаго общества, которые не о хлѣбѣ единомъ живы бываютъ.

Ал. С—овъ.

*) II, 250.

Учебный атласъ античнаго ваянія, составилъ проф. И. Цвѣтаевъ, т. I. Архаическій періодъ (издано въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ). **Изданіе Кабинета Искусствъ Импер. Моск. Университета.**

Къ первому тому собранныхъ проф. И. Цвѣтаевымъ фотографій, исполненныхъ въ заведеніи г. Гольдберга, приложено пока только краткое оглавленіе, но, какъ мы слышали, предполагается болѣе обстоятельное и подробное описаніе въ родѣ нѣмецкихъ изданій подобнаго рода (напр. Seemann'а); несомнѣнно, что тогда изданіе много выиграетъ. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ оно представляетъ лучшее пособіе по древнему искусству, какъ по полнотѣ и разнообразію собраннаго въ немъ матеріала, такъ и по внѣшнему исполненію. Правда, что для студентовъ университета атласъ этотъ едва ли доступенъ по цѣнѣ; хотя она и назначена безъ всякаго дохода для издавшаго атласъ учрежденія, но все-таки оказывается довольно высокой, такъ что одинъ первый томъ, въ 43 большихъ таблицы, стоитъ свыше 15 рублей, а такихъ томовъ еще предвидится, по крайней мѣрѣ, два, при чемъ второй, судя по вышедшей уже его части, представляющей для публики большій сравнительно съ 1-мъ томомъ интересъ, обойдется еще дороже. Но университетъ, вѣроятно, не замедлитъ сдѣлать этотъ атласъ болѣе доступнымъ, такъ какъ для занятій археологіей это изданіе весьма полезно и цѣнно. Намъ кажется, что, стремясь къ полнотѣ, составитель отчасти упустилъ изъ виду матеріальную сторону дѣла; иначе онъ, вѣроятно, исключилъ бы изъ таблицъ нѣкоторые монументы, не имѣющіе особенной важности, особенно въ таблицахъ 8—20 и др. Напр. цѣлыхъ двѣ таблицы (27 и 28) наполнены довольно однообразными женскими статуями, найденными на аѳинскомъ акрополѣ; изъ данныхъ въ атласѣ 12 фигуръ за-глаза довольно было бы привести половину. Впрочемъ, спѣшимъ оговориться, полнота лучше недостатка, а указываемое изданіе, если чѣмъ и грѣшитъ, то только полнотой. Мы замѣтили лишь одинъ пропускъ, именно Аполлона Наксосскаго среди опять-таки длиннаго ряда архаическихъ Аполлоновъ. Что касается до архаистической скульптуры, то, хотя этотъ отдѣлъ въ атласѣ и весьма не великъ, всего двѣ таблицы (9 фигуръ), но понятіе объ этомъ родѣ памятниковъ изъ нихъ получается довольно полное. Остается пожелать проф. Цвѣтаеву довести свое дѣло до конца и позаботиться такъ или иначе сдѣлать это изданіе доступнымъ для учащихся.

Что же касается текста, то желательно на первыхъ же порахъ имѣть указанія относительно мѣстонахожденія каждаго памятника, а также откуда почерпнуто составителемъ данное имъ изображеніе, причемъ важна точность при составленіи такого указателя. Напечатанное „предварительное оглавленіе“ ничего этого не даетъ и составлено до того спѣшно, что цифры таблицъ перепутаны: находимъ двѣ одиннадцатыхъ таблицы и совсѣмъ нѣтъ 18-й.

В. А.

А. Шварцъ. *[Ξενοφῶντος] Ἀθηναίων πολιτεία.* **О государствѣ аѳинскомъ, сочиненіе неизвѣстнаго автора V-го вѣка до Р. Х. Критическое изслѣдованіе. Москва 1891** (II + 178. 8°).

Значеніе, которое имѣетъ трактатъ подъ приведеннымъ выше заглавіемъ для исторіи Аѳинъ V-го вѣка, и почти безнадежное состояніе, въ которомъ находится его текстъ, уже издавна привлекали на него вниманіе историковъ и эллинистовъ. Начиная съ извѣстнаго политико-эконома Рошера, впервые обратившаго серьезное вниманіе на цѣнность заключающихся въ трактатѣ мыслей, и А. Бёка, выставившаго гипотезу о принадлежности его Критію, весьма многіе филологи (назовемъ Кирхгофа, Кобета, К. Ваксмута, Ланге, Миллеръ-Штрюбинга и т. д.) пытались собрать нужные матеріалы для его объясненія и разобраться въ тѣхъ противорѣчіяхъ, которыя подмѣчены были въ текстѣ трактата уже прежними издателями. Трудъ нашего ученаго преслѣдуетъ тѣ же задачи. Въ пяти параграфахъ введенія дается обзоръ предложенныхъ уже мнѣній для разъясненія смысла трактата, обосновывается новая гипотеза касательно происхожденія его (болѣе всего примыкающая къ воззрѣнію Кобета и К. Ваксмута), и дѣлается попытка точнѣе опредѣлить положеніе этого оригинальнаго произведенія среди политической литературы древнихъ аттиковъ. За введеніемъ слѣдуетъ греческій текстъ съ указаніемъ важнѣйшихъ отступленій отъ широко распространеннаго (3-го) изданія Кирхгофа, при чемъ въ примѣчаніяхъ дается сводъ и наиболѣе замѣчательныхъ догадокъ новыхъ ученыхъ касательно того или другого мѣста; наконецъ идутъ обширныя примѣчанія, въ которыхъ, по словамъ автора, преслѣдовалась двоякая цѣль, а именно: представить, по возможности, полное подтвержденіе тому изложенію мыслей, которое дано было во введеніи, и дать подробное толкованіе нѣкоторыхъ, наиболѣе спорныхъ мѣстъ. Само собою разумѣется, автору приходится при этомъ коснуться цѣлаго ряда историческихъ и грамматическихъ вопросовъ, новое разрѣшеніе которыхъ, безъ сомнѣнія, заинтересуетъ спеціалистовъ*).

— *α* —

*) Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ журнала ред. надѣется помѣстить подробный отчетъ объ этой интересной книгѣ.

Classical Texts from Papyri in the British Museum, including the newly discovered poems of Herodas, edited by F. G. Kenyon, M. A. Fellow of Magdalen College, Oxford, Assistant in the Department of Manuscripts Br. M., with autotype Facsimiles of Mss. Printed by order of the Trustees (7 Iuly, 1891).

Издавая, въ концѣ прошлаго года, вновь отысканное сочиненіе Аристотеля о государственномъ устройствѣ Аѳинъ, управленіе Британскаго Музея тогда же извѣщало о пріобрѣтеніи имъ еще нѣкоторыхъ египетскихъ папирусовъ съ фрагментами греческихъ писателей. Лѣтомъ текущаго года, благодаря неутомимой дѣятельности служащихъ въ Британскомъ Музеѣ лицъ, тексты этихъ папирусовъ уже сдѣланы достояніемъ ученаго міра въ изящномъ изданіи, вышедшемъ въ Лондонѣ подъ выше приведеннымъ заглавіемъ.

Наиболѣе интересными новинками этого тома являются, безспорно, семь стихотвореній ямбографа Герода[1]), фрагментъ рѣчи[2]), приписываемой издателями оратору Гипериду, и отрывки краткаго грамматическаго трактата, принадлежащаго, какъ значится на папирусѣ, грамматику Трифону[3]) *(Τρύφωνος τέχνη γραμματική)*. Кромѣ того, здѣсь же помѣщены колляціи съ папирусовъ, содержащихъ уже ранѣе извѣстныя намъ произведенія Демосѳена и Исократа (Dem. *epist. III* и Isocr. *de pace)* и нѣсколько фрагментовъ со стихами Гомера (*B* 101—*Δ* 40[4]) и небольшіе отрывки изъ *A*, *Γ*, *Δ*, *E*, *Z*, *Σ*, *Ψ* и *Ω)*.

---

[1]) Стихотворенія эти, цитуемыя подъ названіемъ *Μιμίαμβοι* у Стобея, написаны іоническимъ діалектомъ, общимъ для ямбической поэзіи, хотя съ примѣсью дорическихъ, повидимому, формъ, такъ называемыми холіамбами, и состоятъ изъ краткихъ діалоговъ, изображающихъ занимательныя сцены изъ повседневной жизни, въ родѣ XV-й идилліи Ѳеокрита и *ἑταιρικοὶ διάλογοι* Лукіана. Содержитъ каждое изъ этихъ стихотвореній отъ 85 до 129 стиховъ. Сюжетъ достаточно характеризуется приписанными заглавіями: *Μαστροπός, Πορνοβοσκός, Διδάσκαλος, Ἀσκληπίῳ ἀνατιθεῖσαι ἢ θυσιάζουσαι* (съ любопытными для исторіи искусства подробностями), *Ζηλότυπος, Φιλιάζουσαι ἢ ἰδιάζουσαι* (интимный разговоръ пріятельницъ), *Ἐκυτεύς*. Среди небольшихъ фрагментовъ той же рукописи находятся заглавія и двухъ не сохранившихся стихотвореній: *ἐνύπνιον* и *ἀπονηστιζόμεναι*.

[2]) *κατὰ Φ[ιλι]ππίδου*.

[3]) Въ сохранившихся фрагментахъ рѣчь идетъ о личныхъ и притяжательныхъ мѣстоименіяхъ *(ἀντωνυμίαι)* и несклоняемыхъ частяхъ рѣчи: предлогахъ *(προθέσεις)*, нарѣчіяхъ *(ἐπιῤῥήματα)* и союзахъ *(σύνδεσμοι)*.

[4]) Этотъ фрагментъ открытъ былъ А. С. Harris'омъ еще въ 1854 г., но въ Британскій Музей поступилъ только въ 1888 г. Это по объему наибольшій фрагментъ Иліады изъ всѣхъ, до сихъ поръ отысканныхъ на папирусахъ, и предста-

Трудъ чтенія папируса, какъ и при изданіи Аристотелевой *Ἀθηναίων πολιτεία,* взялъ на себя Kenyon. Списки его однако провѣрены были еще г. Warner'омъ и содѣйствіе при изданіи ему оказано было и со стороны профессоровъ Jebb'а, Sandys'а, Hicks'а и Rutherford'а.

Изданы тексты различно. Фрагменты прозаическихъ сочиненій Гиперида и Трифона изданы обычнымъ способомъ съ знаками препинанія и употребительными надстрочными знаками. Стихотворенія Героды представлены въ точномъ снимкѣ съ рукописи, съ соблюденіемъ всѣхъ ошибокъ писцовъ, безъ всякой попытки эмендаціи или даже раздѣленія предложеній. Критическое установленіе текста, въ виду особенностей діалекта и многихъ малоупотребительныхъ и неясныхъ словъ, потребовало бы, по мнѣнію издателей, продолжительныхъ изыскапій и надолго затянуло бы появленіе текста въ печати. Управленіе музея однако считало желательнымъ привлеченіе возможно большаго количества ученыхъ къ критикѣ и экзегезѣ этихъ произведеній и предпочло тотчасъ же издать то, что̀ могло быть разобрано въ рукописи. Впрочемъ, краткое содержаніе отысканныхъ стихотвореній, насколько они теперь уже могли быть поняты, литературныя справки по поводу этого малоизвѣстнаго поэта и сохраненныхъ намъ другими писателями фрагментовъ его (они состоятъ изъ нѣсколькихъ строкъ, цитованныхъ Стобеемъ и Аѳенеемъ) предлагаются читателю во введеніи и приложеніяхъ.

Цѣнными введеніями и замѣтками вышеназванныхъ ученыхъ снабжены и остальные фрагменты этого тома, могущіе, какъ кажется, въ свою очередь надолго занять вниманіе эллинистовъ.

Наконецъ, къ книгѣ приложено 9 фотографическихъ снимковъ съ письма папирусовъ, представляющихъ громадный интересъ и для палеографіи.

вляетъ еще ту особенность, что отдѣланъ въ формѣ не свитка, но книги. На 9-ти составляющихъ его листахъ, сложенныхъ пополамъ, всякій разъ исписана стихами только верхняя страница (всего 18 стр.); оборотная сторона оставлена свободной, хотя позднѣе три изъ этихъ чистыхъ страницъ употреблены были на переписку вышеупомянутаго грамматическаго трактата Трифона. Текстъ, помимо любопытныхъ разночтеній, интересенъ тѣмъ, что въ *B* каталогъ кораблей (ст. 494—877) пропущенъ, но начальные его стихи 484—493 помѣщены въ рукописи. Для исторіи книжнаго дѣла въ древности этотъ фрагментъ имѣетъ весьма большой интересъ.

А. Ш.

Ein ästhetischer Kommentar zu Homers Ilias von Prof. Dr. Ed. Kammer. Paderborn 1889 (344 стр.).

Заглавіе разбираемой книги не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея содержанію; автору слѣдовало прибавить „und ein unästhetischer Kommentar zur unhomerischen Ilias“, такъ какъ этотъ послѣдній занимаетъ около половины книги. Съ него мы и начнемъ.

Судя по всему, авторъ писалъ и для ученыхъ, и вообще для образованныхъ людей, интересующихся поэмами Гомера; оттого то онъ, очевидно, и выдержки изъ Иліады приводитъ не въ подлинникѣ, а въ нѣмецкомъ переводѣ. Задача эта сама по себѣ заслуживаетъ всякаго поощренія; непонятно только, почему авторъ счелъ нужнымъ предлагать этимъ своимъ читателямъ полемическій разборъ тѣхъ частей нашей Иліады, которыя онъ называетъ „Ein- und Zudichtungen der ursprünglichen Ilias“, считая только эту послѣднюю принадлежащей Гомеру. Если чрезмѣрная добросовѣстность не дозволяла ему ограничиться категорическимъ выдѣленіемъ изъ теперешней Иліады того, что онъ считаетъ собственностью Гомера, то онъ могъ развить свои воззрѣнія на этотъ вопросъ въ особомъ приложеніи: тогда читатель-неспеціалистъ зналъ бы, что̀ ему слѣдуетъ прочесть, и чего можно не читать; теперь же только первыя 99 страницъ доступны неспеціалисту, будучи посвящены исключительно „первоначальной“ Иліадѣ; остальное онъ долженъ оставить въ сторонѣ. Дѣйствительно, допустимъ, что „образованный“ читатель пожелалъ возобновить знакомство съ красотами гомеровскаго міра и избралъ руководителемъ г. Каммера; допустимъ, что онъ, по счастливой случайности, раскрылъ рапсодію, которую этотъ послѣдній признаетъ частью первоначальной Иліады, напр. XVI. Сначала все идетъ хорошо; онъ съ интересомъ слѣдитъ за умѣлымъ и изящнымъ изложеніемъ автора. Но вотъ онъ наталкивается на „Eindichtung“ — напр. смерть Сарпедона. Тотчасъ тонъ г. Каммера мѣняется, изъ спокойнаго дѣлается раздраженнымъ, изъ возвышеннаго — низьменнымъ и вульгарнымъ; по адресу несчастнаго баяна, позволившаго себѣ вставить въ гомеровскую поэму эпизодъ собственнаго изобрѣтенія, летятъ бранныя выраженія въ родѣ roh, trivial, läppisch, erbärmlich, Maulhelden — неужели такой разборъ можетъ доставить образованному читателю „эстетическое“ наслажденіе? А между тѣмъ имъ наполнена почти половина книги.

Но перейдемъ къ разбору гомеровской Иліады. Здѣсь авторъ дѣйствительно очутился на высотѣ своей задачи: этотъ разборъ читается съ истиннымъ наслажденіемъ. На стр. 3—39 г. Каммеръ даетъ мастерской пересказъ этой первоначальной Иліады; величественная драма, искаженная и затемненная позднѣйшими вставками, воскресаетъ передъ нами таковой, какой она была задумана поэтомъ. Прекрасна также вторая глава: „die Menschen der ursprünglichen Ilias“; это — изслѣдованіе о міросозерцаніи человѣка гомеровскихъ временъ, его отношеніи къ окружающей природѣ, одушевленной и неодушевленной, его взглядамъ на свою собственную жизнь и ея формы. Если бы вся книга г. Каммера была въ этомъ духѣ, то она могла бы служить прекраснымъ введеніемъ къ Иліадѣ и во всякомъ случаѣ заслуживала бы перевода, напр., на русскій языкъ. Но третья глава (объ Ein- und Zudichtungen) и вся вторая часть (разборъ отдѣльныхъ книгъ) рѣшительно портятъ впечатлѣніе первыхъ двухъ главъ, и если бы тѣмъ не менѣе книга г. Каммера нашла себѣ переводчика, то мы попросили бы этого послѣдняго избавить насъ отъ всего относящагося къ Nachdichter'амъ, которыхъ г. Каммеръ бранитъ *ὑπὲρ αἶσαν οὐδὲ κατ' αἶσαν*.

Въ предисловіи г. Каммеръ высказываетъ очень трезвое и здравое сужденіе о чтеніи Гомера въ гимназіяхъ, которое заслуживаетъ вниманія и съ нашей стороны. Да будетъ мнѣ дозволено сказать по этому поводу нѣсколько словъ. „Гомеровскому вопросу“ въ школѣ не мѣсто, — это совершенно правильно; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы результаты „высшей критики“ Гомера вовсе не интересовали школы. Посольство Ѳетиды въ XXIV рапсодіи, напримѣръ, — позднѣйшая вставка; объ этомъ школа можетъ и не заботиться. Но вѣдь это еще не все; эта вставка значительно ниже, по своему поэтическому достоинству, чѣмъ остальныя сцены этой книги: она портитъ впечатлѣніе безсмертнаго свиданія Пріама съ Ахилломъ; отсюда прямо слѣдуетъ, что ее читать въ гимназіяхъ нельзя. То же относится и къ другимъ вставкамъ. А если такъ, то требованіе здраваго смысла заключается въ слѣдующемъ. Иліада венеціанскихъ рукописей должна быть предоставлена филологамъ; для чтенія въ гимназіяхъ слѣдуетъ возсоздать гомеровскую пѣснь о гнѣвѣ Ахилла. Эта „пѣснь“ будетъ состоять изъ слѣдующихъ рапсодій: I. Ссора царей (*A*—искл. 430—496). II. Собраніе ахейскаго войска (*B* искл. 53—86 и 477—785). III. Подвиги Діомеда (*Δ* 272—456 и части *E*). IV. Свиданіе Гектора съ Андромахой (*Z*). V. Подвиги Гектора (*H* 1—12 и бо́льшая часть *Θ*). VI. Посольство къ Ахиллу (*I* почти вся). VII. Долонея (*K* почти вся). VIII. Подвиги Ага-

мемнона (Λ до 596 ст.) IX. Посольство Патрокла (Λ 597—848, части M и O). X. Подвиги и смерть Патрокла (Π почти вся). XI. Горе Ахилла (части P и почти вся Σ). XII. Примиреніе царей (части T и Y). XIII. Смерть Гектора (части Φ и X). XIV. Тризна Патрокла (Ψ почти вся). XV. Пріамъ у Ахилла (Ω искл. 24—142). Эту „пѣснь" мы должны имѣть, прежде всего, въ особомъ некомментированномъ изданіи, которое будетъ на половину меньше нашей нынѣшней Иліады; затѣмъ нужно будетъ послѣдовательно издавать отдѣльныя ея рапсодіи съ объяснительными примѣчаніями; наконецъ нужно будетъ приноровить къ этой „пѣсни" и переводъ Гнѣдича. Этого требуетъ, повторяю, здравый смыслъ; г. Каммеръ полагаетъ, что только врожденный его соотечественникамъ педантизмъ могъ заставить ихъ уклониться отъ исполненія такого яснаго требованія. А если такъ, то quid oportet nos facere?

Ѳ. Зѣлинскій.

Тита Макція Плавта „Горшокъ" (Aulularia), переводъ А. Фета. Москва, 1891 г.

Мы полагаемъ, что читатель, не знакомый съ Плавтомъ, вынесетъ изъ чтенія перевода г. Фета весьма хорошее впечатлѣніе о самомъ переводѣ, какъ литературномъ произведеніи, и о талантѣ Плавта составитъ себѣ, если не вполнѣ вѣрное, то не превратное и не невыгодное для римскаго комика представленіе. Это, безъ сомнѣнія, большое достоинство перевода, являющагося такимъ образомъ не простымъ „переложеніемъ" словъ переводимаго автора, а воспроизведеніемъ его творенія, быть можетъ, и нѣсколько вольнымъ, но въ общемъ вѣрно отражающимъ характеръ подлинника. Такой переводъ могъ дать лишь переводчикъ, не только способный болѣе или менѣе точно и отчетливо понять подлинникъ, но въ то же время свободно и широко распоряжающійся богатствами языка, на который онъ переводитъ, и обладающій значительной долей творчества въ области слова и крупнымъ поэтическимъ дарованіемъ. Филологъ, тѣмъ болѣе спеціалистъ по Плавту, отдавая полную справедливость талантливости перевода г. Фета въ общей сложности, замѣтитъ въ немъ, безъ сомнѣнія, не мало недочетовъ и погрѣшностей въ частностяхъ, но и онъ, навѣрно, найдетъ въ немъ много такого, что съ удовольствіемъ занесетъ на поля своего экземпляра Авлюляріи.

Если переводъ г. Фета въ цѣломъ рядѣ случаевъ страдаетъ неточностью, вызванной какъ неудовлетворительнымъ пониманіемъ дѣйствительно трудныхъ мѣстъ, такъ и нѣкоторой поверхностностью отношенія переводчика къ тексту, то, съ другой стороны, многія трудныя для передачи на другой языкъ мѣста переведены г. Фетомъ весьма удачно и мѣтко, нерѣдко даже мастерски; этимъ въ значительной степени искупаются допущенные неточности и промахи въ переводѣ. Относительно послѣднихъ замѣтимъ кстати, что они рѣдко влекутъ за собой такія явныя несообразности, какъ напр. стр. 56, ст. 116—120:

Гдѣ старецъ золото запряталъ, подмѣчаю;
И только онъ ушелъ, я съ дерева слѣзаю
И достаю горшокъ, что златомъ начиненъ.
Уходитъ тутъ старикъ; меня не видитъ онъ,
Затѣмъ что по пути пустился я другому.

По переводу оказывается, что „уходитъ“ уже „ушедшій“. Въ подлинникѣ сказано: „video recipere se senem“, что̀ можно перевести хоть такъ:

Гляжу, старикъ назадъ; меня жъ не видитъ онъ.

или стр. 60, ст. 171 и слѣд.

Евкл. Накажи
Тебя Зевесъ, какъ ты не знаешь.

Въ подлинникѣ Евкліонъ говоритъ Ликониду, заявляющему о своемъ незнаніи, на какую покражу намекаетъ старикъ, слѣдующее:

Ita te amabit Iuppiter
ut tu nescis.

т.-е. „Юпитеръ будетъ (или: пусть будетъ) къ тебѣ такъ милостивъ, какъ ты не знаешь“, другими словами „согласно правдивости твоихъ словъ“.

Переводъ выражаетъ какъ разъ обратное; требуется или „Награди | тебя Зевесъ[1]), какъ ты не знаешь!“ или „Накажи тебя Юпитеръ! ты вѣдь знаешь“.

Стр. 51, ст. 58 и слѣд.:

Строб. Хоть пропа̀сть, коль снесъ я что съ собой.

Евкл. Или хотѣлъ унесть. Встряхни-ка плащъ-то свой.

---

[1]) Впрочемъ, въ переводахъ латинскихъ авторовъ слѣдуетъ избѣгать греческихъ миѳологическихъ именъ, если имѣются соотвѣтствующія латинскія.

Тутъ не вѣренъ переводъ и не вѣрно распредѣленіе словъ между говорящими лицами.

У Плавта сказано:

Di me perdant, si ego tui quicquam abstuli
Nive adeo abstulisse vellem.

т.-е. „да погубятъ меня боги, если я похитилъ что-нибудь изъ твоей собственности или не хотѣлъ бы похитить"

Само собой разумѣется, что послѣднія слова „или не хотѣлъ бы похитить" принадлежатъ тоже Стробилу, который произноситъ ихъ въ сторону: онъ, въ самомъ дѣлѣ, ничего не похитилъ, но не прочь похитить при удобномъ случаѣ. Въ нашихъ рукописяхъ эти слова, правда, отведены Евкліону, но уже въ ed. princ., равно какъ и въ другихъ старинныхъ изданіяхъ (напр. въ рѣдкой Iuntina I, 1514 г.), мы находимъ вѣрное распредѣленіе; къ нему же вернулись и новѣйшіе издатели, такъ какъ въ устахъ Евкліона такая прибавка къ клятвѣ Стробила не имѣетъ смысла. Вполнѣ вѣрный переводъ разсматриваемаго мѣста безъ труда укладывается въ рамкахъ стиховъ г. Фета:

Строб. Хоть пропасть, коль снесъ я что съ собой —
Иль не хотѣлъ бы снесть[1]). — Евкл. Встряхни-ка плащъ-то свой.

Невѣрное распредѣленіе перешло въ переводъ г. Фета изъ изданія Ноэля-де-Верже, которому онъ слѣдовалъ, считая его почему то классическимъ[2]) (Предисл., стр. VI). Вообще нельзя не пожалѣть о томъ, что почтенный переводчикъ не пользовался текстомъ Гётца (G. Goetz, Ричлевское изд., 1881) или англійскимъ комментированнымъ изданіемъ Вагнера (W. Wagner, Cambridge, 1881 (1876[2]). Имѣя подъ руками болѣе исправный текстъ и дѣльный комментарій, г. Фетъ избѣгъ бы доброй половины допущенныхъ имъ промаховъ. Въ изданіи Ноэля прельстило г. Фета главнымъ образомъ то, что въ немъ „стихи съ наиболѣе крупною площадною солью выпущены" (Предисл. VI). Вполнѣ соглашаясь съ похвальнымъ и уважительнымъ желаніемъ почтеннаго переводчика избавить читателя отъ нѣкоторыхъ Плавтовскихъ нескромностей, мы тѣмъ не менѣе полагаемъ, что съ „крупною площадною солью" въ нашей комедіи онъ справился бы лучше, слѣдуя собственному эстетическому

1) Невѣрно переведены эти слова и у г. М. П. П—скаго, Ж. М. Н. Пр., дек. 1888, стр. 183: „Да пусть меня накажутъ боги, если | хоть что-нибудь унесъ или желалъ стянуть"; — но распредѣленіе репликъ тутъ вѣрно.

2) Вѣроятно, вслѣдствіе смѣшенія двухъ разныхъ значеній французскаго прилаг. „classique".

чутью и вкусу, чѣмъ руководствуясь указаніями Ноэля-де-Вержѐ. Г. Фетъ по собственному почину выпустилъ бы, безъ сомнѣнія, v. 251. 285. 286. 304. 305. 637, можетъ быть, и v. 691. 692 и 797[1]), и комедія Плавта отъ этого, въ самомъ дѣлѣ, не пострадала бы; но мы полагаемъ, что почтенный переводчикъ иначе поступилъ бы съ v. 28. 29. 30. 33 и 36 пролога, не содержащими никакой „крупной площадной соли", а просто заурядное обозначеніе факта, котораго въ нашей комедіи, какъ шила въ мѣшкѣ, не утаишь. Если г. Фетъ не усумнился оставить въ своемъ переводѣ 43-й стихъ II-го акта (v. 163), нисколько не смягчая выраженія подлинника, то онъ могъ смѣло перевести подходящими русскими словами выше указанные стихи и не заставлять читателей и тѣмъ болѣе читательницъ (Предисл., стр. V) уже во 2-й сценѣ I-го акта рѣшать довольно пикантный вопросъ, съ чего это „благочестивой" дѣвушкѣ, о замужествѣ которой только еще хлопочетъ Ларъ, вдругъ „пора родить?" Разрѣшеніе этой загадки, сначала нѣсколько игривое вслѣдствіе недоразумѣнія между Евкліономъ и Ликонидомъ, наступаетъ лишь въ послѣдней сценѣ IV-го акта, а до тѣхъ поръ репутація ни въ чемъ неповинной дѣвушки остается подъ сомнѣніемъ, и читатели да читательницы предоставлены собственнымъ догадкамъ. Такая предохранительная мѣра достигаетъ, по нашему мнѣнію, лишь нежелательной цѣли. — Вдобавокъ, вслѣдствіе упомянутыхъ пропусковъ въ прологѣ „ст. 31 пролога непонятенъ: кто такой этотъ юный Ликонидъ?" —

Не совсѣмъ мы согласны также съ формой, въ которую г. Фетъ облекъ свой переводъ Плавтовой комедіи; то, что по этому поводу говоритъ уважаемый переводчикъ въ предисловіи (стр. III), по нашему мнѣнію, не вполнѣ справедливо. Если сочиненіе, написанное стихами, теряетъ, по замѣчанію г. Фета, „свою физіономію и запахъ" въ прозаическомъ переводѣ, то палліата теряетъ ихъ, во всякомъ случаѣ, на половину отъ однообразія формы, отождествляющей ее съ сплошной декламаціей, каковой палліата, походившая болѣе на нашу комическую оперу или оперетку, чѣмъ на обыкновенную нашу комедію, вовсе не была. Далѣе риѳма, внося въ античную драму чуждый ей элементъ, налагаетъ, кромѣ того, на переводчика такое стѣсненіе, съ которымъ не всегда благополучно справлялся даже такой опытный и искусный версификаторъ, какъ г. Фетъ. Мы могли бы привести изъ „Горшка", кромѣ ряда не совсѣмъ безукоризненныхъ риѳмъ, и не мало примѣровъ неточности перевода (пропусковъ, вставокъ, измѣненій)[2]), вызванной ни чѣмъ инымъ, какъ тре-

---

[1]) Цитуемъ по изд. Гётца.— Послѣдніе три стиха можно бы и оставить, развѣ смягчивъ нѣкоторыя выраженія въ 691 и 797.

[2]) Нѣсколько такихъ случаевъ см. ниже.

бованіями риѳмы и почти въ половинѣ всей пьесы сравнительно короткимъ объемомъ стиха (12 и 13 слоговъ вм. 15 и 16), въ который г. Фетъ облекъ не только простой діалогъ (diverbium) — противъ чего мы не возражаемъ, — но и всѣ кантики (cantica), т.-е. партіи драмы, предназначавшіяся на сценѣ для пѣнія подъ акомпаниментъ музыки. Кантики, писанные сплошными ямбами или трохеями, слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, переводить стихами подлинника, не представляющими ни неразрѣшенныхъ загадокъ, ни непреодолимыхъ затрудненій для подражанія, разъ ихъ размѣръ не идетъ въ разрѣзъ съ просодическими и ритмическими качествами русскаго языка и, вдобавокъ, усвоенъ нашей поэзіей. Что касается кантиковъ (или частей кантиковъ) лирическихъ, отличающихся полиметріей или размѣрами, неудобными для подражанія, то переводчикъ воленъ облекать ихъ въ любую метрическую форму, подходящую по ритму къ содержанію[1]) (за исключеніемъ, конечно, стиха простого діалога). Къ послѣднему пріему „Aulularia“ даетъ, правда, меньше поводовъ, чѣмъ нѣкоторыя другія пьесы Плавта, но къ нему все-таки можно было прибѣгнуть напр. въ началѣ II-го акта (ст. 1—15) и въ сценѣ отчаянія Евкліона (9-я сц. IV-го акта).

Прежде чѣмъ перейти къ указанію отдѣльныхъ погрѣшностей перевода, мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу сообщаемыхъ г. Фетомъ въ предисловіи свѣдѣній о Плавтѣ, оказывающихся, къ сожалѣнію, большею частью невѣрными. Напрасно г. Фетъ относитъ рожденіе Плавта ко времени около 224 г. до Р. Х.: для этого нѣтъ никакихъ основаній. Напротивъ, всѣ дошедшія до насъ извѣстія о жизни и литературной дѣятельности Плавта заставляютъ насъ относить рожденіе римскаго комика къ концу 50-хъ годовъ 3-го вѣка до Р. Х. Далѣе намъ ничего неизвѣстно о томъ, что Плавту было суждено „увеселять тріумфальныя празднества Марцелловъ и Сципіоновъ“. Невѣрно также, что мы знаемъ, что большая часть комедій Плавта была играна въ Римѣ около конца 2-й пунической войны: во время 2-й пунич. войны (но когда, не извѣстно) играна была, безъ сомнѣнія, Cistellaria (I, 3, 54), вѣроятно, также Menaechmi (ок. 215 г.?), можетъ быть, и Miles (204—186 г.). Объ Amphitruo, Captivi и Mostellaria нельзя сказать ничего; Stichus былъ игранъ въ 200 г., а остальныя изъ дошедшихъ до насъ комедій Плавта — между 196 и 186 г.; Pseudolus, повидимому, въ 191 г. Стало-быть, большая часть дошедшихъ комедій Плавта играна уже во 2-мъ в. до Р. Х., въ теченіе послѣднихъ 12 лѣтъ жизни поэта. Ни на чемъ не основано

1) Такъ поступилъ г. И. Х—къ въ своемъ переводѣ Менехмовъ, Ж. М. Н. Пр. 1887 г.

и болѣе чѣмъ неправдоподобно утвержденіе, будто Плавтъ самъ былъ актеромъ въ собственныхъ произведеніяхъ. Въ Стихѣ и Эпидикѣ (вѣроятно, и въ нѣкоторыхъ другихъ комедіяхъ) игралъ Гай Публилій Полліонъ съ своей труппой; больше мы ничего не знаемъ. Свою литературную дѣятельность Плавтъ началъ, по свидѣтельству Геллія (III, 3, 14), черпавшаго изъ Варрона и другихъ источниковъ, только въ пору своего пребыванія въ услуженіи у мельника[1]), а не раньше; его коммерческимъ предпріятіямъ внѣ Рима предшествовала ближе намъ неизвѣстная служба при актерахъ (artifices scenici). Годъ смерти Плавта намъ точно извѣстенъ изъ Цицерона (*Brut.* § 60). Если Плавтъ, сочиняя своего Псевдола (не позже 191 г.), былъ уже старикомъ (Cic. *de sen.* XIV, § 50), то въ годъ его смерти (184 г.) ему могло быть не 40, а слишкомъ 60 лѣтъ. Плавту приписывалось не 120, а до 130 комедій (Gell. III, 3, 11)[2]), между которыми несомнѣнно подлинными признавалось не 23, а 21; но Элій Стилонъ, учитель Варрона, признавалъ таковыми 25[3]), а Варронъ, повидимому, 40[4]). Въ числѣ греческихъ комиковъ, пьесы которыхъ передѣлывалъ Плавтъ, съ бóльшимъ правомъ можно было упомянуть о Менандрѣ, чѣмъ объ Эпихармѣ, такъ какъ

„Плавтъ съ успѣхомъ идетъ Сикулійцу вослѣдъ Эпихарму" не у Горація, у котораго (*Epist.* II, 1, 58) онъ „спѣшитъ по примѣру Эпихарма", а лишь въ не совсѣмъ точномъ переводѣ г. Фета. Плавтъ не могъ стѣсняться выраженіями, не прошедшими „черезъ школу грамматиковъ и риторовъ", такъ какъ въ его время ни тѣхъ, ни другихъ въ Римѣ не было. Горація въ негодованіе приводила мнимая небрежность Плавтовскаго стихосложенія; нынѣ о ней рѣчи быть не можетъ. Сомнѣваться въ подлинности сообщаемыхъ Ноніемъ Марцелломъ (4 вѣкъ) отрывковъ изъ Aul. нѣтъ никакого основанія. Въ приводимомъ г. Фетомъ отрывкѣ слѣдуетъ, однако, читать „ecfodiebam", не „affodiebam", и переводить „вырывалъ" вм. „зарывалъ". Выведенное Урцеемъ и другими изъ упомянутыхъ отрывковъ заключеніе объ окончательной судьбѣ „Горшка", безъ сомнѣнія, вѣрно. Жаль, что г. Фетъ, составляя біографію Плавта, не воспользовался хоть столь доступной книгой, какъ лекціи по римской литературѣ В. И. Модестова.

---

[1]) Тоже у Іеронима.

[2]) По Сервію (*Praef. in Aen.*, p. 4, 15 Th.) 100.

[3]) Gell. III, 3, 12.

[4]) Gell. III, 3, 1 и слѣд.; Ritschl, Parerga, p. 128.

Переходимъ къ указанію нѣкоторыхъ погрѣшностей въ переводѣ и примѣчаніяхъ, которыя легко можно исправить въ новомъ его изданіи.

Стр. 3, ст. 5: „былъ преданъ“, врядъ ли можно сказать объ отношеніяхъ божества къ человѣку.

Стр. 3, ст. 7: „подъ алтарь“; лучше и ближе къ подл.: „подъ очагъ“.

Стр. 3, ст. 9 и слѣд.: необходимо или распространить парентезу до „кладъ“ включительно и поставить тутъ запятую (ибо предложеніе „что.... не рѣшился“ зависитъ отъ „такъ онъ въ душѣ скупился“) или читать въ началѣ ст. 10 „то“ вм. „что“.

Стр. 3, примѣч. 1: „Ихъ почти смѣшивали съ душами“ не ясно и сбивчиво; лучше: „Поклоненіе ларамъ... и беретъ свое начало въ культѣ умершихъ предковъ (Manes)“.

Стр. 4, ст. 14: „чтобъ могъ онъ“ не вяжется съ слѣдующими затѣмъ словами; требуется или: „чтобъ жилъ съ б. трудомъ...“ или: „что жить съ большимъ трудомъ могъ онъ да въ скудной долѣ“.

Стр. 4, ст. 16: „Я началъ ожидать, чтобъ сынъ меня почтилъ“ не соотвѣтствуетъ тексту и — да проститъ насъ уважаемый переводчикъ — какъ будто не совсѣмъ правильно и складно.

Стр. 6, ст. 11: „Ужъ боги пусть меня повѣсятъ“, врядъ ли можно сказать; у Плавта сказано: „довели бы меня ужъ лучше боги до петли, т.-е. внушили бы мнѣ лучше мысль повѣситься“.

Стр. 6, ст. 16: „ohe“ не значитъ „ого“, а „довольно!“ „стой!“

Стр. 6, ст. 23: „глупца“ слишкомъ сильно: въ подл. imprudenti.

Стр. 7, ст. 29 и 32: „чѣмъ онъ заболѣваетъ“ и „чѣмъ боленъ господинъ“ — однообразно и слабо: у Плавта рѣчь идетъ о „помѣшательствѣ“ и о „причудахъ“.

Стр. 7, примѣч. къ ст. 38: у Плавта не можетъ быть рѣчи о буквѣ (такъ наз. I longa), вошедшей въ употребленіе лишь въ 1-мъ в. до Р. Х.; вдобавокъ, ею обозначалось долгое i и j, а не два i. — „Una littera longa“ = одна длинная буква, т.-е. просто I (i), представляющее собой одну длинную черту, на которую похожъ повѣшенный.

Стр. 8, ст. 54: слѣдовало выразить противоположеніе, какъ въ текстѣ: „Коль будетъ живъ огонь, погаснешь ты въ мгновенье“.

Стр. 8, ст. 55: о водѣ врядъ ли можно сказать: „ушла со двора“.

Стр. 8, ст. 63: Стафила говоритъ, что Bona Fortuna вовсе и не приближается къ дому Евкліона.

Стр. 10, ст. 7: не „за цѣлыя сто лѣтъ“, а „ни въ какое время“, т.-е. никогда.

Стр. 10, ст. 7 и 8: единой и единый — однообразно.

Стр. 13, ст. 34: какъ у другихъ переводчиковъ, не исключая и нѣмецкаго (Binder-a), такъ и у г. Фета этотъ стихъ переведенъ невѣрно: на замѣчаніе Евноміи „in rem hoc tuamst" Мегадоръ отвѣчаетъ съ ироніей: „ut quidem prius quam ducam emoriar" = hoc scilicet in meam rem est ut prius quam ducam emoriar, т.-е. „да, въ томъ (моя польза), чтобъ раньше умереть, чѣмъ въ бракъ вступить". Срв. *Pseud.* 336. 337; *Rud.* 220. Только такой отвѣтъ вяжется съ предыдущимъ и послѣдующимъ, но никакъ не „клятва" скорѣе умереть, чѣмъ жениться, др. сл. „зарокъ" ни въ какомъ случаѣ не жениться.

Стр. 13, ст. 38 и 39: между этими стихами нѣтъ логической связи. Если бъ г. Фетъ пользовался лучшимъ изданіемъ, то онъ, безъ сомнѣнія, перевелъ бы лучше. Дѣло въ томъ, что во 2-мъ стихѣ слѣдуетъ съ рукописями читать „sed est", а не „sed es" (Bothe), и „nam" вм. явной глоссы „natu". Сталобыть:

Sed est grandior: nam mulieris est aetas media.

Сохраняя риѳму г. Фета, мы переводимъ оба стиха такъ:

Невѣста съ деньгами, братъ, мной припасена,
Но не изъ молодыхъ, а среднихъ лѣтъ она.

Такъ какъ ст. 40 остался у г. Фета одинокимъ (безъ риѳмы), то не лучше ли будетъ неумѣстное „пока" замѣнить хоть словомъ „тебя"?

Стр. 13, ст. 48: „clamores, imperia" не значитъ „привѣтствій, почестей"; рѣчь идетъ о крикахъ и приказаніяхъ (крикливыхъ приказаніяхъ или повелительныхъ крикахъ), раздающихся въ домѣ, гдѣ водворяется жена съ большимъ приданымъ.

Стр. 14, ст. 55: лучше: „въ часъ добрый", какъ II, 134.

Стр. 14, ст. 57: „nescio unde" = alicunde, т.-е. откуда-то.

Стр. 15, ст. 59: „curiales" не значитъ „чиновные", а члены одной куріи; перевести можно „наши".

Стр. 15, ст. 66: вм. „Ты кажется здоровъ?" лучше „Надѣюсь, ты здоровъ?"

Стр. 17, ст. 84 — 86: Мегадоръ не заикнулся еще Евкліону о дочери; поэтому въ ст. 85 не можетъ стоять „считаетъ", что̀ означало бы повторительное дѣйствіе; необходимо — будущее „сочтетъ".— „Parcior" не значитъ „опасливый"; послѣ ст. 85 въ подлинникѣ, вѣроятно, пропущенъ стихъ. Впрочемъ, ходъ мыслей можетъ быть и такой: мое сватовство пойдетъ туго, такъ какъ Евкліонъ приметъ его за насмѣшку, да къ тому онъ скупъ, такъ что, пожалуй, откажетъ, чтобъ не входить въ издержки.

Стр. 17, ст. 88: „былъ задохнуться радъ“ совсѣмъ не соотвѣтствуетъ тексту (exanimatus fui). Виновата риѳма.

Стр. 17, ст. 90: „безъ раздраженья“ — слишкомъ сильно.

Стр. 18, ст. 98: „и ей“ не ясно, такъ какъ о дочери Евкліона въ переводѣ идетъ рѣчь только въ слѣдующемъ стихѣ; не лучше ли будетъ: „ко благу мнѣ, тебѣ и дочери твоей“.

Стр. 18, ст. 100: „въ твоемъ быту“ (tuis factis) — ужъ слишкомъ вольно.

Стр. 19, ст. 108: „бѣдняжку“ неумѣстная вставка ради риѳмы; Евкліонъ говоритъ только о томъ, какія послѣдствія бракъ его дочери съ Мегадоромъ имѣлъ бы для него — Евкліона.

Стр. 19, ст. 119: „Честь ея приданаго цѣннѣй“; въ „moratus“ заключается указаніе на „нравъ, характеръ“.

Стр. 19, ст. 120: „что кладъ сыскалъ я малый“; „малый“ лишняя и сбивчивая прибавка ради довольно сомнительной риѳмы (пожалуй).

Стр. 21, ст. 27, 2-й снизу: „иду, готовлю все“, врядъ ли можно сказать; „не инакъ“, взятое ради риѳмы, не передаетъ ни одной изъ извѣстныхъ намъ версій конца этого стиха и не вяжется съ предыдущими словами.

Стр. 22, ст. 143—145. Переводъ этихъ стиховъ, не соотвѣтствуя подлиннику, находится въ противорѣчіи съ концомъ I-го акта (ст. 65), гдѣ Евкліонъ, уходя, приказываетъ Стафилѣ итти въ домъ и запереть послѣдній накрѣпко (ambobus pessulis). Согласно такому приказанію, Стафила находится въ домѣ и является во II-мъ актѣ на сцену лишь на зовъ Евкліона „heus, Staphyla, te voco“. — Въ переводѣ г. Фета Евкліонъ посылаетъ въ домъ Стафилу, которой на сценѣ вовсе нѣтъ.

Стр. 23, ст. 157: „все же“ — лишняя и неумѣстная вставка.

Стр. 24, ст. 170: о „дымовой трубѣ“ у Плавта нѣтъ и не можетъ быть рѣчи.

Стр. 25, ст. 172: о „вздохахъ“ въ подлинникѣ не говорится.

Стр. 25, ст. 176: вмѣсто неподходящаго „пожалуй“ лучше было бы „не худо“; впрочемъ, все мѣсто можно перевести и такъ:

Тысченку какъ-нибудь нельзя ль намъ выпросить
У старика того, чтобъ ею откупиться.

Стр. 25, ст. 181: вмѣсто „что смертный твой“ лучше „старикъ-то твой“, несмотря на „mortalem“ подлинника.

Стр. 25, ст. 183: „pulmentum“ не „кашица“ (такой коршунъ не ѣстъ и снесть не можетъ), а съѣстное, кромѣ хлѣба, вообще; въ данномъ случаѣ, безъ сомнѣнія, мясо, ломоть мяса; срв. Hor. *Sat.* II, 2, 34: mullum, in singula quem minuas pulmenta necessest. — Въ виду этого мы переводимъ:

Ломоть мясца на дняхъ снесъ ястребъ у него.

Стр. 26, ст. 122: „Онъ поваръ рыночный“ не годится, такъ какъ всѣ нанимавшіеся для экстренныхъ случаевъ повара были рыночные; на рынкѣ они предлагали свои услуги нуждавшимся въ нихъ (см. v. 280 sq.; *Pseud.* 800. 807 и др.). Переводъ этого стиха вообще весьма не легокъ въ виду трудности его толкованія и не безусловной твердости чтенія „nundinalis“. Къ предлагаемому г. Фетомъ въ примѣчаніи толкованію скорѣе подошло бы:

Базарный поваръ онъ: разъ въ девять дней зовутъ
Его къ стряпнѣ.

Другіе, читая „nundialis“ вм. „nundinalis“, разумѣютъ повара для поминокъ: „поминальнаго, поминочнаго“.— Мы полагаемъ, что словомъ „nundinalis“ Плавтъ просто намекаетъ на то, что данный поваръ, не внушая довѣрія нанимателямъ, рѣдко (разъ въ недѣлю) находитъ себѣ занятіе, что поэтъ и поясняетъ словами: „in nonum diem solet ire coetum“. На основаніи такого толкованія мы перевели бы это спорное мѣсто такъ:

Онъ поваръ рѣдкостный: разъ въ девять дней берутъ
Его постряпать.

Не мѣшаетъ сравнить *Pseud.* 791 — 809.

Стр. 27, ст. 206: „старомъ“ лишняя и неумѣстная вставка ради риѳмы.

Стр. 28, ст. 209. Противоположеніе требуетъ: „у насъ же кутерьма“ или „у насъ вотъ кутерьма“.

Стр. 29, ст. 224: Какъ видно изъ ст. 228, „asseres“ тутъ не значитъ „шесты“, а „балки“ или „бревна“; стало-быть лучше:

Ст. Дровъ тоже нѣтъ у насъ. — Конгр. Но бревна
(балки) есть вѣдь тутъ?

Стр. 29, ст. 229. „идите сами“ не соотвѣтствуетъ ни тексту, ни ситуаціи.

Стр. 30, ст. 234 слѣд. Эти два стиха кажутся намъ въ переводѣ не совсѣмъ понятными (не хотѣлъ ли г. Фетъ поставить знакъ вопроса послѣ „будутъ“?); мы предложили бы примѣрно такое измѣненіе въ переводѣ г. Фета:

А сами коль все поѣдятъ, что стряпать будутъ,
У горнихъ будетъ постъ, у нижнихъ мясоѣдъ.

„Superi“ и „inferi“ сказано съ легко понятнымъ намекомъ.

Стр. 30, примѣч. къ 7-й сценѣ.— Евкліонъ возвращается домой не „взбѣшенный“ (см. ст. 252—254), а, напротивъ, весьма довольный тѣмъ, что ему удалось избѣжать издержекъ. Гнѣвъ его на продавцовъ успѣлъ уже давно улечься; см. ст. 245—251.

Стр. 31, ст. 244: вм. „что нечего купить“ слѣдовало сказать „что не на что купить“ (quoniam nihil est qui emam).

Стр. 31, ст. 260: лучше „убьютъ“ вм. „умру“; этотъ стихъ врядъ ли подлинный: Ричль поставилъ его послѣ v. 242.

Стр. 31, ст. 264. Какъ въ ст. 260, такъ и тутъ рѣчь идетъ о матеріальномъ разореніи, отождествляемомъ Евкліономъ съ гибелью; въ виду этого, сохраняя риѳму, мы предложили бы такой переводъ:

Что жъ не бѣгу я, воръ пока не разорилъ?

Стр. 32, примѣч. къ сценѣ: Антраксъ даетъ приказаніе поварамъ; лучше „своимъ помощникамъ“. И на слѣдующей страницѣ, ст. 7, мы предпочли бы:

Дубьемъ прогналъ меня онъ и помощниковъ.

Стр. 32, ст. 273: ради ясности мы перевели бы весь стихъ хоть такъ:

„Бѣгу: того жъ не вышло бъ у моей прислуги“.

Не будь готовой риѳмы, можно было бы перевести гораздо лучше.

Стр. 36, ст. 47: о „сволочи“ не говорится у Плавта.

Стр. 39, ст. 84: чтеніе „tutor“ (въ cod. Lips. и ed. princ.) нынѣ всѣми оставлено, какъ и еще болѣе безсмысленное „sutor“ другихъ рукописей; Гётцъ читаетъ „rumor“.

Стр. 40, ст. 102: переводъ этого стиха, какъ и нѣкоторыхъ другихъ, особенно болѣе трудныхъ мѣстъ, сдѣланъ, очевидно, не съ подлинника, а съ иностраннаго перевода; самостоятельнѣе и лучше перевелъ г. П—скій:

Но это все еще пустякъ, бездѣлка
Въ сравненіи съ расходами иными.

Стр. 41, ст. 129: этотъ стихъ лучше начинать съ „а“, чѣмъ съ „вѣдь“, не смотря на „nam“ подлинника; послѣднее замѣняетъ тутъ, какъ часто у Плавта, цѣлую мысль: „ничего подобнаго не бываетъ, когда женишься на безприданницѣ; она вѣдь и т. д.“.

Стр. 41, ст. 130: вмѣсто „тотчасъ“ лучше „вѣрно“.

Стр. 41, ст. 130: вмѣсто неяснаго „да вотъ онъ (кто?) у дверей“ мы предложили бы: „но вотъ и тесть нашъ тутъ“; это и ближе къ подлиннику.

Стр. 42, ст. 144: въ подлинникѣ сказано, въ сущности, то же самое, что на стр. 16, ст. 70 (v. 190 подл.), т.-е.: что же ты не говоришь со мной, а бормочешь что-то про себя?

Стр. 42, ст. 148: во избѣжаніе лишней и неумѣстной вставки „сверхъ закона“ мы предложили бы такой переводъ всего стиха:

Однихъ вѣдь поваровъ наслалъ полъ-легіона.

Стр. 43, ст. 151: вмѣсто „пастыремъ“ лучше даже „сторожемъ“.

Стр. 43, ст. 155: „кушанья“ готовятъ повара изъ присланныхъ Мегадоромъ припасовъ; поэтому лучше: „затѣмъ припасы то жъ...“

Стр. 46, ст. 1, примѣч.: съ этимъ примѣчаніемъ не согласуется сказанное о Стробилѣ въ перечнѣ дѣйствующихъ лицъ.

Стр. 48, ст. 33: „кого избралъ подругой“ нельзя сказать объ отношеніяхъ Ликонида къ дочери Евкліона. Не разрушая риѳмы, мы переводимъ данное мѣсто такъ:

Отецъ, кажись, онъ той, что баринъ мой супругой
Имѣть не прочь.

Стр. 48, ст. 38: въ примѣчаніи къ этому стиху слѣдуетъ выпустить слова „или ворóны“, такъ какъ карканье вороны слѣва считалось, напротивъ, хорошимъ предзнаменованіемъ; см. *Asin.* 259 и слѣд.

Стр. 48, ст. 41: вмѣсто „чего жъ не побѣгу я?“ правильнѣе: „чего же не бѣгу я?“.

Стр. 49, ст. 43: переводъ этого стиха, не соотвѣтствуя подлиннику, противорѣчитъ и дѣйствительности: Стробилъ вѣдь не пропалъ. У Плавта сказано: „появившись, ты долженъ погибнуть“; peris — peribis, какъ нерѣдко.

Стр. 50, ст. 50: вмѣсто „что дѣлать-то?“ лучше: „отдать-то что?“

Стр. 51, ст. 56: „вѣдь ты не правъ?“ слишкомъ слабо; мы предложили бы:

Строб. Въ обидѣ повинись! Евкл. Что не висишь ужъ, каюсь.

Стр. 54, ст. 81: такой „крупной площадной соли“ въ подлинникѣ нѣтъ; срв. *Capt.* 656.

Стр. 54, ст. 90: ближе къ подлиннику и вѣрнѣе будетъ:

Чудесно! Небо, видимо, мнѣ счастье шлетъ!

Стр. 56, ст. 110: мы предпочли бы хоть такой, болѣе точный переводъ:

Грифоновъ, горы золота что стерегутъ.

Впрочемъ, „gripis“ лишь ненужная конъектура Франкена: рукописи даютъ „picis“ и „pici“, послѣднее и Ноній, безъ сомнѣнія, вѣрно. Сообразно съ этимъ въ началѣ стиха лучше читать:

И дятловъ, горы золота и т. д.

Стр. 57, ст. 130: вмѣсто „удрученъ“ лучше „сокрушенъ“.

Стр. 57, ст. 132: „О, я пропалъ ужасно!“ врядъ ли хорошо сказано. Чтобъ не разстроить риѳмы, мы вынуждены остановиться на переводѣ: „Погибъ я! все напрасно!“, хотя онъ лишь отдаленно передаетъ подлинникъ: perditissimus ego sum omnium in terra.

Стр. 58, ст. 140: „вотъ я разстроенъ“ — слишкомъ слабо и вяло въ положеніи Евкліона и не соотвѣтствуетъ тексту.

Стр. 58, ст. 146: въ переводѣ упоминаніе о богѣ въ данномъ случаѣ врядъ ли умѣстно; лучше ужъ „бѣсъ, нечистый, демонъ“, напр. „знать, демонъ побудилъ (подстрекнулъ) къ тому“.

Стр. 59, ст. 153: „ахъ нѣтъ!“ — слишкомъ наивное возраженіе на угрозу: „хотѣли боги тожъ, чтобъ я тебя повѣсилъ“. — Въ подлинникѣ сказано „ne istuc dixis“ = „не говори такихъ рѣчей“, т.-е. „не сердись, не гнѣвайся“; въ рамкахъ готоваго стиха укладывается лишь близкое по смыслу „смягчись!“ или „прости!“ — „Молчи“ не подходитъ къ положенію Ликонида.

Стр. 59, ст. 159 — 160: Вину и хмелю быть
Въ презрѣньи, коль твори, что вздумаетъ, влюбленный.

Мы не понимаемъ, почему быть въ презрѣніи вину и хмелю, если творитъ, что вздумаетъ, не пьяный, а влюбленный, или не пьяный влюбленный. У Плавта логично сказано:

nimis vilest vinum atque amor,
Si ebrio atque amanti impune facere quod lubeat licet.

Все буквально, правда, не легко помѣстить въ болѣе короткихъ русскихъ стихахъ, но необходимое сокращеніе высказанной мысли не можетъ коснуться самыхъ существенныхъ ея частей. — Не желая разрушить готовую риѳму, мы переводимъ разсматриваемое мѣсто такъ:

Любви и хмелю быть
Въ презрѣньи, правъ коль всюду пьяный и влюбленный.

Стр. 59, ст. 161: „Вѣдь я же здѣсь винюсь, безумствомъ увлеченный“. Яснѣе было бы:

Вѣдь я же здѣсь винюсь въ безумномъ увлеченьи. Такъ какъ такимъ переводомъ разрушается риѳма, то мы предложили бы слѣдующій, не менѣе близкій къ подлиннику переводъ: „Прости, что сдѣлалъ я, безумствомъ увлеченный“.

Стр. 61, ст. 173: вмѣсто повторявшагося уже много разъ „снесъ“ лучше просто „взялъ“, тѣмъ болѣе что Ликонидъ отвѣчаетъ: „не бралъ, не говорилъ“.

Стр. 63, ст. 195: переводъ не вѣренъ: Евкліонъ жалуется не на издержки ради Мегадора — ихъ онъ вовсе и не дѣлалъ, — а на то, что онъ, опасаясь мнимыхъ козней Мегадора

(стр. 44, ст. 170 слѣд.), стало-быть, изъ-за Мегадора (quem propter) лишился клада. Смыслъ подлинника можно передать съ достаточной точностью и съ сохраненіемъ риѳмы хоть такъ:

Лишился клада я — увы! — изъ-за него.

Стр. 63, ст. 196. 197: эти два стиха представляютъ неполный и вообще неудовлетворительный переводъ трехъ прекрасныхъ и характерныхъ стиховъ подлинника. Лучше, но все же не вполнѣ удовлетворительно и вѣрно, они переданы въ шести стихахъ г. М. П. П—скимъ (см. выше). У Плавта сказано:

Lyc. Bóno animo's, benedíce: nunc quae rés tibi et gnataé tuae
Béne felicitérque vortat: íta di faxint, ínquito.
Eucl. Ita di fáciant. Lyc. Ét mihi ita di fáciant. audi núnciam.

Евкліонъ, узнавъ объ отказѣ Мегадора жениться на его дочери, разражается противъ Мегадора страшнымъ проклятіемъ (ст. 194). Приступая къ своему предложенію вступить въ бракъ съ дочерью Евкліона, Ликонидъ прежде всего призываетъ послѣдняго къ спокойствію и прекращенію проклятій и брани (benedice = fave lingua = noli maledicere), однимъ словомъ, рѣчей, не подходящихъ къ начинаемому имъ важному дѣлу. Далѣе, по римскому обычаю, онъ благочестиво высказываетъ пожеланіе, чтобы начинаемое послужило во благо тѣмъ лицамъ, коихъ оно главнымъ образомъ касается. Во избѣжаніе какого-нибудь неподходящаго возраженія со стороны недоумѣвающаго старика, молодой человѣкъ подсказываетъ ему обычный и требуемый въ такихъ случаяхъ благочестивый отвѣтъ. Высказавъ затѣмъ благопожеланіе и себѣ, Ликонидъ приступаетъ къ дѣлу: онъ проситъ прощенія у Евкліона, сознается въ своей винѣ и проситъ руки оскорбленной имъ дѣвушки.

Не претендуя на образцовый переводъ, мы передаемъ разсмотрѣнные стихи такъ:

Лик. Ты успокойся! не злословь! — Тебѣ во благо
И дочери твоей! — скажи же: дай-то богъ!
Евкл. Да, дай-то богъ! — Лик. Дай богъ и мнѣ! — Теперь послушай.

Такъ какъ въ данномъ случаѣ мы не исправляемъ перевода г. Фета, а даемъ свой, то мы не сочли нужнымъ стѣснять себя риѳмой, тѣмъ болѣе, что у г. Фета вышло однимъ стихомъ меньше.

Вотъ всѣ болѣе или менѣе важныя погрѣшности и неточности перевода г. Фета, на которыя мы сочли нужнымъ обратить вниманіе уважаемаго переводчика на случай новаго изданія его труда. Мы далеки отъ претензіи ставить предложенные

нами переводы отдѣльныхъ мѣстъ въ примѣръ талантливому переводчику-поэту: мы лишь предпочли стихотворный переводъ прозаическому, такъ какъ онъ являлся самъ собой.— Какъ нами было уже заявлено, всѣ перечисленныя погрѣшности перевода г. Фета въ избыткѣ искупаются какъ общею его талантливостью, такъ и массою прекрасныхъ частностей. Мы убѣждены въ томъ, что всѣ любители и цѣнители римской поэзіи, читая переводъ Авлюляріи, вмѣстѣ съ нами возымѣютъ желаніе прочесть и другія творенія великаго римскаго поэта въ талантливомъ переводѣ его русскаго собрата.

О. Шеборъ.

Таблицы для нагляднаго изученія и преподаванія греческихъ и римскихъ древностей. Сост. Ст. Цыбульскій. Табл. I и II съ объяснительнымъ текстомъ. Военное дѣло у древнихъ грековъ. Часть I: вооруженіе и составъ греческаго войска. Спб. и Москва, 1889 г.*).

Цѣль, которую преслѣдовалъ г. Цыбульскій при составленіи своихъ таблицъ, выражается въ слѣдующихъ словахъ „предисловія ко всему изданію“, приложеннаго къ объяснительному тексту: „Въ нашей педагогической литературѣ ощущается потребность въ такомъ изданіи, которое облегчало бы воспитанникамъ гимназій пониманіе древняго классическаго міра [?] и способствовало осмысленному чтенію авторовъ“ [разумѣется древнихъ]. Авторъ находитъ, что существующія учебныя пособія, въ родѣ реальнаго словаря Любкера или книги Велишскаго, слишкомъ обширны и дороги для того, чтобы сдѣлаться настольными книгами гимназистовъ, а учебникъ древностей безъ иллюстрацій заставляетъ преподавателя всякій разъ, когда онъ пожелаетъ дать ученикамъ болѣе ясное и полное представленіе о томъ или другомъ древнемъ предметѣ, или рисовать его на классной доскѣ, что отнимаетъ много времени и не для всякаго преподавателя возможно, или показывать его изображенія въ альбомахъ, атласахъ и т. п. пособіяхъ, при чемъ весь классъ сразу не можетъ видѣть даннаго изображенія, и учащіеся знакомятся съ предметомъ мимолетно, не успѣ-

---

*) Настоящая рецензія написана еще въ началѣ 1890 г., до выхода въ свѣтъ двухъ новыхъ таблицъ изданія г. Цыбульскаго. Появленіе ея въ свѣтъ въ настоящее время оказывается, быть можетъ, нѣсколько запоздалымъ, но все-таки, полагаемъ, не лишнимъ для правильной оцѣнки предпринятаго г. Цыбульскимъ труда. Къ сожалѣнію, обстоятельства не позволили автору присоединить къ этой рецензіи замѣчанія о вновь вышедшихъ двухъ таблицахъ.

вая запечатлѣть въ памяти представленія о немъ. Эти совершенно справедливыя соображенія побудили автора приступить къ изданію стѣнныхъ таблицъ, которыя могли бы служить нагляднымъ пособіемъ при ознакомленіи учащихся съ вещественными памятниками быта древнихъ грековъ и римлянъ, давая ученикамъ „ясное и точное понятіе о томъ или другомъ предметѣ, какимъ онъ представляется въ описаніяхъ читаемыхъ ими классическихъ авторовъ и по реальнымъ памятникамъ", и въ то же время „запечатлѣвая въ памяти учащихся точное названіе (на одномъ изъ древнихъ языковъ) даннаго предмета съ поименованіемъ всѣхъ составныхъ частей его". Къ таблицамъ авторъ счелъ необходимымъ прилагать „соотвѣтственный текстъ, составленный на основаніи произведеній древнихъ писателей, читаемыхъ въ гимназіяхъ, и имѣющій цѣлью привести въ одно цѣлое все, что ученику извѣстно о данномъ предметѣ по тому или другому классику". Задача, которую поставилъ себѣ г. Цыбульскій, не можетъ не вызвать къ себѣ живѣйшаго сочувствія со стороны всякаго педагога, разумно смотрящаго на цѣль преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ и не увлекающагося сухимъ и узкимъ грамматически-экстемпоральнымъ направленіемъ; таблицы, задуманныя г. Цыбульскимъ, должны заслуживать самой горячей рекомендаціи и самаго широкаго распространенія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, если ихъ исполненіе и прилагаемый къ нимъ текстъ будутъ удовлетворять научнымъ и педагогическимъ требованіямъ, хотя бы не особенно строгимъ. Но къ сожалѣнію, при разсмотрѣніи уже выпущенныхъ въ свѣтъ двухъ таблицъ и относящагося къ нимъ текста, въ нихъ не трудно открыть различнаго рода промахи и недостатки, которые въ значительной степени обязаны своимъ происхожденіемъ, конечно, новизнѣ предпринятаго издателемъ дѣла, отсутствію компетентныхъ совѣтовъ и указаній, недостатку пособій и другимъ неблагопріятнымъ условіямъ работы въ провинціальномъ городѣ, но тѣмъ не менѣе не могутъ не ослаблять благопріятнаго впечатлѣнія, получаемаго при первомъ взглядѣ на таблицы. Приступая къ указанію важнѣйшихъ изъ этихъ недостатковъ, мы сначала сдѣлаемъ краткую оговорку относительно плана таблицъ, намѣченнаго въ предисловіи, затѣмъ разсмотримъ вкратцѣ объяснительный текстъ и наконецъ самыя таблицы.

Г. Цыбульскій говоритъ, что изданіе его таблицъ будетъ состоять изъ 3-хъ серій; содержаніе 15-ти таблицъ первой серіи уже опредѣлено и подробно перечислено въ предисловіи, а относительно остальныхъ сказано только, что „вторая серія будетъ обнимать домашнія древности и религіозный бытъ, а третья будетъ заключать планы главнѣйшихъ битвъ въ гре-

ческой исторіи и топографію замѣчательныхъ мѣстностей древности". Что касается до таблицъ первой серіи, то большинство ихъ будетъ относиться къ военному и морскому дѣлу грековъ и римлянъ, но между ними вставлено нѣсколько такихъ, которыя не имѣютъ къ нему ни малѣйшаго отношенія и такимъ образомъ отнимаютъ у первой серіи ея спеціально-военный характеръ. Поэтому нѣкоторыя изъ нихъ лучше было бы отнести во вторую серію (именно таблицы IX—XIII: греческія и римскія монеты, греческій и римскій домъ, греческій театръ), другія въ третью (XIV—XV: планы Аѳинъ и Рима). Конечно, это не важно, но стройность и опредѣленность плана изданія значительно выиграла бы отъ такого перемѣщенія. Объяснительный текстъ начинается введеніемъ, въ которомъ авторъ даетъ перечень источниковъ и пособій*), изложенный очень сжато и не всегда ясно. Изъ числа древнихъ авторовъ онъ называетъ здѣсь главнымъ образомъ тѣхъ, которые читаются въ гимназіяхъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ указываетъ исключительно ихъ значеніе для изученія военныхъ древностей, иногда въ такихъ выраженіяхъ, изъ которыхъ неопытный читатель можетъ вывести, что, кромѣ этого значенія, указываемый авторъ ничѣмъ не замѣчателенъ**); въ другихъ случаяхъ г. Цыбульскій даетъ болѣе обширную характеристику автора или отдѣльнаго литературнаго произведенія, безъ всякаго указанія на его значеніе для военныхъ древностей***); нѣкоторыя изъ такихъ характеристикъ вышли изъ подъ пера г. Цыбульскаго въ странномъ и неудобопонятномъ видѣ, какъ напр. замѣчаніе относительно Ксенофонтова сочиненія *Ἑλληνικά*, гдѣ нашъ авторъ говоритъ, что оно, несмотря на недостатки (въ числѣ которыхъ отмѣчены: историческія погрѣшности, хронологическія несообразности, пристрастіе къ Спартѣ), „не лишено важности, какъ матеріалъ [?!] для разсматриваемаго нами отдѣла греческихъ древностей". На основаніи этой тирады можно подумать, будто все значеніе названнаго произведенія въ томъ только и заключается, что изъ него можно черпать

*) Нужно отмѣтить, что г. Цыбульскій не дѣлаетъ различія между понятіями „источникъ" и „пособіе" и неоднократно ставитъ первое слово вмѣсто второго. Напр. на стр. 8-й: „изъ новыхъ сочиненій, которыя могутъ служить источниками для разсматриваемаго нами вопроса, особенно важны слѣдующія". Или (тамъ же, примѣч.): „Изданія, которыя служили мнѣ источниками при составленіи настоящаго пособія" и т. д.

**) Напр. о Гомерѣ: „Среди писателей на первомъ планѣ долженъ быть упомянутъ безсмертный Гомеръ — *Ὅμηρος*, поэмы котораго, особенно Иліада, служатъ источникомъ для ознакомленія съ военнымъ дѣломъ въ героическую эпоху".

***) Напр. о Демосѳенѣ: „Лучшимъ выразителемъ эпохи Филиппа Македонскаго служитъ ораторъ Демосѳенъ — *Δημοσθένης* (род. около 385 г. до Р. Х.), геройски боровшійся съ нимъ словомъ и обличавшій всѣ поступки и нечестивые замыслы македонскаго царя".

кое-что для изученія военныхъ древностей. Далѣе авторъ называетъ 31 заглавіе произведеній новой литературы, между которыми на ряду съ серьезными и важными научными трудами безъ всякаго разбора и оговорокъ ставитъ и мелкія монографіи по спеціальнымъ вопросамъ, и краткіе учебники (въ родѣ Бойезена въ переводѣ Земберга), и реальные словари (Рича, Любкера), и популярныя сочиненія въ родѣ Велишскаго. Само собой разумѣется, что новая литература по военнымъ древностямъ не исчерпывается этими тремя десятками книгъ и брошюръ; но и изъ этого числа 10 сочиненій не отмѣчены звѣздочкою, т.-е. не служили автору „источниками" и, по всей вѣроятности, извѣстны ему по наслышкѣ. Въ заключеніе авторъ упоминаетъ о четырехъ важныхъ археологическихъ изданіяхъ, періодически выходящихъ въ Аѳинахъ, но характеризуетъ ихъ такъ, что незнакомый съ ними читатель получаетъ совершенно превратное понятіе объ ихъ содержаніи и значеніи: „Съ новѣйшими изслѣдованіями, касающимися разсматриваемаго нами отдѣла греческихъ древностей, знакомятъ насъ между прочимъ статьи, помѣщаемыя въ издаваемыхъ въ Аѳинахъ спеціальныхъ журналахъ". Прочитавъ эту фразу всякій подумаетъ, что эти „спеціальные журналы" содержатъ въ себѣ главнымъ образомъ или исключительно критическія статьи о новыхъ сочиненіяхъ по военнымъ древностямъ, чего на самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ. Странность этой тирады объясняется впрочемъ не незнакомствомъ автора съ аѳинскими періодическими изданіями, такъ какъ намъ достовѣрно извѣстно, что онъ лично посѣтилъ Аѳины въ 1886 году, а скорѣе тѣмъ, что онъ не вполнѣ свободно владѣетъ русскимъ языкомъ *).

Объяснительный текстъ къ таблицамъ состоитъ изъ двухъ главъ: 1) вооруженіе (стр. 13—40); 2) устройство греческаго войска (стр. 41—53). Первая глава въ свою очередь дѣлится на 3 параграфа: 1) оружіе догомеровскаго періода; 2) оружіе героическаго періода; 3) оружіе исторической эпохи. Что разумѣетъ авторъ подъ „догомеровскимъ періодомъ", читателямъ остается неизвѣстнымъ, такъ какъ онъ ограничивается заявленіемъ, что съ оружіемъ этого періода „мы ознакомляемся главнымъ образомъ по микенскимъ раскопкамъ Шлимана". Авторъ, очевидно, упустилъ изъ виду, что его трудъ предназначается главнымъ образомъ для такихъ читателей, которые не имѣютъ понятія ни о микенскихъ, ни о другихъ раскопкахъ Шлимана, или знаютъ о нихъ очень мало. Необходимо было хотя вкратцѣ

*) Изъ нѣкоторыхъ примѣровъ, которые мы могли бы привести въ подтвержденіе этого предположенія, ограничимся однимъ (стр. 20-я): „Вмѣсто слова θώρηξ Гомеръ употребляетъ еще *χιτών*, который дѣлался также изъ мѣди (*Iliad*. XIII, 439)".

объяснить, что это за раскопки, почему ученые относятъ къ „догомеровскому періоду“ найденные при нихъ предметы и какое приблизительно время обнимаетъ этотъ періодъ. Параграфы о вооруженіи героическаго періода и исторической эпохи изложены, вообще говоря, довольно подробно и обстоятельно, хотя и въ нихъ неоднократно встрѣчаются неточности, противорѣчія и неловкія фразы. Напр. на стр. 50-й авторъ говоритъ, что *κυνέη* былъ шлемъ безъ налобника и султана, но въ числѣ относящихся къ такому шлему эпитетовъ приводитъ *τετράφαλος* (*Iliad.* XII, 385), противорѣчащій такому представленію; на стр. 16-й вверху называетъ *φάλος* „налобникомъ“, а внизу признаетъ самымъ вѣрнымъ то мнѣніе, что *φάλος* у Гомера „не обозначаетъ частей шлема, прикрывающихъ лобъ или щеки“; на той же страницѣ называетъ *φάλαρα* „нависочниками“, а на слѣдующей говоритъ, что „на основаніи новыхъ изслѣдованій можно предположить, что это былъ родъ выпуклости — шишекъ на шлемѣ“. На стр. 21-й невѣрно объясненіе выраженія *πρώτη ἄντυξ* (у щита). Въ заключеніи описанія каждаго вида доспѣховъ и наступательнаго оружія героической эпохи авторъ указываетъ его вѣсъ въ фунтахъ (напр. „шлемъ вѣсилъ 6 фунтовъ, панцырь вѣсилъ 22—23 фунта“ и т. д.). Противъ этихъ показаній можно возразить: 1) что никакъ нельзя думать, чтобы всѣ панцыри, шлемы и др. доспѣхи того времени были одинаковаго вѣса; 2) что для опредѣленія ихъ вѣса у насъ нѣтъ никакихъ точныхъ данныхъ; данныя, относящіяся къ исторической эпохѣ, лучше было бы помѣстить въ слѣдующемъ § и притомъ не голословно, а съ указаніемъ свидѣтельствъ авторовъ или сохранившихся памятниковъ. На стр. 32-й не выяснена разница между коринѳскимъ и аттическимъ шлемомъ. На стр. 35-й внизу совершенно не къ мѣсту приведено свидѣтельство Геродота о заимствованіи щита и шлема у египтянъ.

Глава 2-я, трактующая объ устройствѣ греческаго войска, раздѣляется на два параграфа: 1) героическій періодъ; 2) историческій періодъ. Въ послѣднемъ § изложеніе подраздѣлено на 4 рубрики: а) „Спартанское государство“; б) „Аѳинское государство“; в) „Греческіе наемники. Ификратъ“; г) „Македонскій періодъ“. Вся эта глава по своимъ достоинствамъ значительно уступаетъ предыдущей. Авторъ какъ будто утомился или потерялъ интересъ къ своему труду и потому, несмотря на важность вопросовъ, трактуемыхъ въ этой главѣ, и на то, что большинство ихъ хорошо разработано трудами новыхъ ученыхъ, излагаетъ ихъ коротко и запутанно и нерѣдко допускаетъ болѣе или менѣе крупные промахи. Мы отмѣтимъ только то, что наиболѣе бросается въ глаза. На стр. 41-й устройству

войска въ героическій періодъ посвящено всего 12 строкъ, изъ коихъ двѣ заняты цитатами. На страницѣ 43-й совершенно невѣрно сказано, что спартанскіе полемархи были командирами отдѣльныхъ частей лоха; авторъ ссылается при этомъ на Геродота (VII, 173), но тамъ сказано вовсе не о командирѣ отдѣльной части лоха, а о главнокомандующемъ спартанской арміей. Точно также не вѣрно на стр. 46-й основанное на свидѣтельствѣ Ѳукидида (II, 13) утвержденіе, что въ Аѳинахъ „каждый пѣхотный полкъ состоялъ изъ 1300 гоплитовъ“: у Ѳукидида сказано только, что передъ началомъ пелопоннесской войны въ Аѳинахъ было 13000 гоплитовъ, не считая 16000 гарнизонныхъ и охранявшихъ стѣны, но нѣтъ ни слова о томъ, чтобы эти 13000 были раздѣлены поровну на 10 полковъ; впрочемъ г. Цыбульскій внизу той же страницы говоритъ уже, что „число воиновъ какъ въ лохѣ, такъ и въ цѣломъ полку не всегда было одинаково“, и такимъ образомъ опровергаетъ свои прежнія слова, самъ того не замѣчая. Далѣе; на той же страницѣ не вѣрно замѣчаніе, что „члены одной филы не всегда служили въ одномъ полку“ и на стр. 47-й, что „стратеги начальствовали надъ войскомъ поочередно“. Здѣсь опять (какъ въ вышеприведенномъ свидѣтельствѣ Ѳукидида) изъ показанія Геродота, относящагося къ одному случаю, именно къ Мараѳонской битвѣ, выведено общее правило. Съ большимъ удивленіемъ прочитали мы на стр. 49-й, что греческіе наемники Кира Младшаго совершили свое знаменитое отступленіе подъ предводительствомъ Ксенофонта. Какъ извѣстно, послѣ убіенія Клеарха и др. главнымъ начальникомъ войска былъ избранъ Хирисофъ. Не меньшее удивленіе возбуждаютъ и слѣдующія двѣ тирады. Стр. 50: „Весьма интересныя подробности первой большой экспедиціи греческихъ наемниковъ извѣстны ученикамъ изъ читаемаго ими сочиненія Ксенофонта „*Ἀνάβασις*“. Поэтому мы на нихъ останавливаться не будемъ“. Стр. 53-я: „Отличнымъ источникомъ для ознакомленія съ македонской военной тактикой Александра служитъ Арріанъ, авторъ, читаемый въ гимназіяхъ, къ сочиненію котораго мы отсылаемъ любопытныхъ, довольствуясь здѣсь самыми общими указаніями по данному вопросу“. Не говоря уже о томъ, что отъ учениковъ V-го и VI-го классовъ нельзя требовать, чтобы они сами могли привести въ стройную систему свѣдѣнія, пріобрѣтенныя ими при чтеніи Ксенофонта и Арріана, тѣмъ болѣе, что *Ἀνάβασις* врядъ ли гдѣ прочитывается цѣликомъ, а Арріанъ въ VI-мъ классѣ и прежде читался очень рѣдко, съ нынѣшняго же года и совсѣмъ не будетъ читаться, и потому въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя авторъ предполагаетъ имѣющимися у учениковъ, неминуемо должны оставаться болѣе или менѣе существенные пробѣлы, —

эти двѣ тирады прямо противорѣчатъ тому заманчивому обѣщанію, которое авторъ далъ въ „предисловіи ко всему изданію“: тамъ вѣдь онъ задавался именно цѣлью „привести въ одно цѣлое все, что ученику извѣстно о данномъ предметѣ по тому или другому классику“. Неужели же двѣ выписанныя нами фразы „приводятъ въ одно цѣлое“ то, что извѣстно (или можетъ быть извѣстно) гимназистамъ изъ сочиненій Ксенофонта и Арріана? Онѣ только приводятъ читателя къ предположенію, что автору должно быть надоѣло писать его „объяснительный текстъ“, и онъ всячески старался поскорѣе отъ него отдѣлаться. Въ заключеніе отмѣтимъ, что хотя текстъ вообще исправенъ въ корректурномъ отношеніи, но кое-гдѣ остались неудобныя опечатки, напр. стр. 22-я *ἀμφιβρότης* вм. *ἀμφιβρότη (ἀσπίς)*, стр. 25-я *ἐνδεκάπηχυ* — 15 локтевое, стр. 26-я *πώμα* вм. *πῶμα*.

Обращаясь теперь къ самымъ таблицамъ, мы должны сказать, что первое впечатлѣніе отъ нихъ получается весьма благопріятное: онѣ невольно подкупаютъ зрителя изяществомъ исполненія, блескомъ, разнообразіемъ и нѣжностью красокъ. Намъ кажется, что онѣ даже черезчуръ щегольски раскрашены и раззолочены (см. особенно табл. 1). Уменьшеніе количества красокъ, золота и серебра, быть можетъ, ослабило бы до нѣкоторой степени впечатлѣніе, но зато способствовало бы уменьшенію цѣны таблицъ, которая теперь не можетъ не быть признана слишкомъ высокою. Правда, въ настоящее время, при пріобрѣтеніи вновь выходящихъ таблицъ по одной или по двѣ, ихъ дороговизна не особенно ощутительна, но современемъ общее собраніе таблицъ всѣхъ 3-хъ серій будетъ представлять собою пособіе, весьма почтенное по цѣнѣ и не всякому учебному заведенію доступное. Взгляды, которыми руководствовался авторъ относительно изображаемыхъ на таблицахъ предметовъ, формулированы въ „предисловіи къ объяснительному тексту“ такъ: „Таблицы... представляютъ изображенные на нихъ предметы въ такомъ видѣ, въ какомъ они **должны были или могли** существовать въ эпоху, современную тому или другому упоминанію о нихъ у авторовъ... Измѣненія на таблицахъ противъ настоящаго вида представленныхъ на нихъ предметовъ состоятъ въ слѣдующемъ. Если рисунокъ представленъ по древней живописи на вазѣ (какъ именно и представлено большинство предметовъ, изображенныхъ на вышедшихъ 2-хъ таблицахъ), гдѣ, какъ извѣстно, число красокъ было весьма ограниченно, въ такомъ случаѣ приходилось въ изображеніи того или другого предмета по возможности приближаться къ должной дѣйствительности... Конечно, для этой цѣли я долженъ былъ сообразоваться съ указаніями древнихъ авторовъ, напримѣръ, относительно цвѣта мѣди, которая у Гомера называется красной, и т. п. Иногда, впрочемъ весьма

рѣдко, приходилось измѣнять позу той или другой фигуры, сравнительно съ оригиналомъ, напр., положеніе правой руки у гимнета на 2-й таблицѣ (см. ψιλός)". Изъ всего этого слѣдуетъ, что изображенія на таблицахъ представляютъ собой не точныя копіи предметовъ, сохранившихся до нашихъ временъ или изображенныхъ на древнихъ памятникахъ, а реставраціи, въ композиціи которыхъ играла болѣе или менѣе значительную роль фантазія автора. Хотя онъ и подчеркиваетъ свою осторожность въ выборѣ красокъ или измѣненіи фигуръ сравнительно съ оригиналами, но тѣмъ не менѣе участіе фантазіи выказывается иногда очень ярко, напримѣръ въ раскраскѣ одеждъ воиновъ на таблицѣ 2-й, въ измѣненіи противъ оригинала фигуры древняго воина *(ἀρχαῖος στρατιώτης)* на той же таблицѣ и нѣкоторыхъ предметовъ вооруженія на табл. 1-й, какъ напримѣръ керченскихъ поножъ. *Ἀρχαῖος στρατιώτης* представленъ такъ, что, сравнивая его съ оригиналомъ (живопись на микенской вазѣ), не видишь рѣшительно никакого сходства и удивляешься, какимъ образомъ могла явиться на таблицѣ эта грубая фигура съ лицомъ янки и свирѣпыми глазами. Вслѣдствіе этихъ произвольныхъ измѣненій, многія изображенія на таблицахъ г. Цыбульскаго не могутъ имѣть никакого научнаго значенія. Мы не будемъ здѣсь касаться вопроса о томъ, дѣйствительно ли всѣ помѣщенныя на таблицахъ изображенія скопированы съ наилучшихъ оригиналовъ и представляютъ собою наиболѣе типическіе образцы того или другого предмета, не будемъ потому, что для многихъ предметовъ существуетъ большое количество хорошихъ оригиналовъ и выборъ между ними можетъ вполнѣ зависѣть отъ личнаго вкуса; но не можемъ умолчать о томъ, что во многихъ случаяхъ подписи подъ изображеніями и предложенныя въ „объяснительномъ текстѣ" поясненія могутъ дать учащимся неточное или даже превратное понятіе о предметѣ, или по крайней мѣрѣ не соотвѣтствуютъ вышеприведенному обѣщанію автора представлять предметы „въ такомъ видѣ, въ какомъ они должны были или могли существовать въ эпоху, современную тому или другому упоминанію о нихъ у авторовъ". Такъ, всѣ изображенія предметовъ вооруженія героическаго періода сняты съ оригиналовъ исторической эпохи, и одни и тѣ же изображенія являются иллюстраціями къ описаніямъ вооруженія того и другого періода. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Относительно шлема на стр. 16 мы читаемъ, что „образцомъ закрытаго гомеровскаго шлема можетъ служить шлемъ на 1-й таблицѣ, *κόρυς κορυνθία*—на лѣвую сторону, къ бюсту Аѳины Паллады, найденному въ предѣлахъ Тускулума" *), а на страницѣ 32-й

*) Замѣтимъ, что авторъ всегда указываетъ, съ какого памятника снято то или другое изображеніе, но умалчиваетъ, какими изданіями памятниковъ онъ пользо-

тотъ же шлемъ рекомендуется, какъ образецъ „перваго вида коринѳскихъ шлемовъ". Отсюда всякій учащійся съ полнымъ правомъ сдѣлаетъ выводъ. что гомеровскіе герои носили коринѳскіе шлемы. На стр. 21-й поножи, найденныя вблизи Керчи и изображенныя на таблицѣ 1-й, представляются въ качествѣ образчика поножъ эпохи Гомера. На стр. 24-й сказано, что „помѣщенное на табл. 1-й изображеніе меча — *ἐγχειρίδιον* (найденное въ провинціи Пармѣ) можетъ служить въ извѣстной степени иллюстраціей гомеровскаго меча", а на стр. 37-й то же изображеніе рекомендуется, какъ иллюстрація кинжала исторической эпохи. Послѣднее, конечно, гораздо правильнѣе; но неопытный читатель можетъ заключить, что мечи гомеровской эпохи и кинжалы эпохи исторической суть одно и то же. Изображеніе овальнаго щита на стр. 22-й указывается какъ иллюстрація щита гомеровскаго, а на стр. 34-й — какъ віотійскаго исторической эпохи. На стр. 36-й обувь воиновъ на микенской вазѣ очень древней эпохи представляется, какъ служащая „въ нѣкоторой степени" образцомъ такъ-называемыхъ ификратидъ (т.-е. обуви, введенной извѣстнымъ Ификратомъ). Лаконская *ξυήλη*, какъ видно изъ замѣчанія на стр. 38-й, представлена по барельефу изъ города Ксанѳа, съ изображеніемъ ликійцевъ, а не лакедемонянъ, и т. д. Впрочемъ, несмотря на неудачный выборъ нѣкоторыхъ изображеній и указанныя объясненія, могущія вызывать недоумѣніе учащихся, рисунки 1-й таблицы могутъ, вообще говоря, служить недурными иллюстраціями греческаго вооруженія, конечно, если не гнаться за полной точностью представленія. Не то на таблицѣ 2-й: здѣсь изъ 6-ти изображенныхъ фигуръ (4 раскрашенныхъ и 2 небольшихъ нераскрашенныхъ) ровно половина представляются намъ совершенно неумѣстными, — именно: 1) фигура съ подписью *ἀρχαῖος στρατιώτης (πελταστής),* 2) *Ἀμαζών* и 3) *τοξότης*. Что касается до первой фигуры, представленной по живописи на очень древней вазѣ, найденной Шлиманомъ въ Микенахъ (см. стр. 30), то 1) изображенія на ней, несмотря на ихъ огромную археологическую важность, не могутъ быть названы типическими образцами древнѣйшаго одѣянія и вооруженія, и нельзя сказать, насколько они вѣрны дѣйствительности; 2) на таблицѣ изображеніе, какъ мы уже замѣтили, представлено очень неточно и фантастично; 3) надпись можетъ подать поводъ къ большому недоумѣнію; дѣло въ томъ, что учащіеся, привыкнувъ разумѣть подъ *πελταστής* только извѣстный родъ войска, усовершенствованный Ификратомъ, не сообразятъ, что изображенную

вался. Большинство рисунковъ предметовъ вооруженія, изображенныхъ на табл. 1-й, имѣется въ извѣстномъ изданіи Баумейстера „Denkmäler d. klass. Alterthums", статья „Waffen" и др.

на таблицѣ странную рогатую фигуру авторъ совершенно произвольно назвалъ пелтастомъ только по ея щиту, имѣющему сходство со щитомъ пелтастовъ, примутъ ее за типическаго представителя этого рода войска и поймутъ свою ошибку только тогда, когда прочтутъ въ текстѣ подробности объ изображеніи; но текстъ не у всякаго гимназиста будетъ подъ руками и не всякій догадается заглянуть въ него, чтобы разрѣшить свое недоумѣніе относительно этой фигуры. Изображеніе амазонки также не можетъ быть названо типическимъ, и мы положительно недоумѣваемъ, зачѣмъ оно дано. Авторъ на стр. 39 говоритъ, что „изображеніе это для насъ важно въ томъ отношеніи, что древніе памятники искусства представляютъ совершенно въ такомъ же самомъ костюмѣ азіатскихъ стрѣлковъ". Но на это можно возразить, что, судя по заглавію, на таблицахъ должны быть изображенія греческихъ воиновъ, а не азіатскихъ. Или авторъ вѣритъ, что амазонки въ самомъ дѣлѣ составляли особый видъ греческаго войска? Въ сидящей влѣво отъ амазонки фигурѣ съ подписью „τοξότης" опытный взглядъ сразу узнаетъ скиѳа съ Куль-обской вазы, но гимназистъ, можно ручаться почти навѣрное, приметъ ее за изображеніе греческаго стрѣлка, если не отыщетъ внизу стр. 39-й объясн. текста надлежащаго указанія. Мы рѣшительно не понимаемъ, какъ самъ авторъ не догадался, въ какое заблужденіе вводитъ онъ юношей, и зачѣмъ ему понадобились амазонки и скиѳы. По нашему мнѣнію, на этой таблицѣ слѣдовало помѣстить: 1) гомеровскаго воина по одному изъ хорошихъ изображеній, относящихся къ миѳу о Троянской войнѣ (ихъ не мало), 2) гоплита исторической эпохи, 3) настоящаго, а не рогатаго пелтаста, 4) легко-вооруженнаго и, пожалуй, 5) одного изъ представителей македонскаго войска.

Обращаясь теперь къ частностямъ, мы должны замѣтить, что на 1-й таблицѣ многіе предметы изображены въ слишкомъ маломъ масштабѣ, такъ что детали изображенія исчезаютъ уже на разстояніи 2—3 аршинъ (см. напримѣръ, мечи, части копья и проч.), показывать ихъ одновременно цѣлому классу оказывается невозможнымъ, и, стало-быть, цѣль, къ которой стремился авторъ, не достигается. Надписи при предметахъ расположены иногда очень неудачно, то по бокамъ, то наискось, то сверху внизъ, такъ-что зрителю приходится нагибать голову то влѣво, то вправо; невольно думается, не было ли у автора затаенной цѣли помочь учителямъ гимнастики въ упражненіяхъ мускуловъ шеи? Впрочемъ, нѣкоторыя надписи даже совсѣмъ невозможно прочесть, если таблица виситъ на стѣнѣ, такъ какъ для прочтенія необходимо повернуть ее низомъ вверхъ. См. напр. надписи *κύμβαχος* и *λόφος* при *κόρυς κορυνθία, κορώνη* при *τόξον* (внизу). Нѣкоторыя надписи, обозначающія части вооту-

женія, сдѣланы такимъ мелкимъ шрифтомъ, что не обладающему особенно острымъ зрѣніемъ трудно прочесть ихъ уже на разстояніи аршина. Слѣдовало бы всѣ надписи расположить горизонтальными строками и напечатать достаточно крупнымъ шрифтомъ; если этого нельзя было сдѣлать при мелкихъ частяхъ оружія и доспѣховъ, то лучше было бы обозначить ихъ буквами и гдѣ-нибудь въ сторонкѣ помѣстить объясненіе буквъ (какъ дѣлается, напр., на географическихъ картахъ), или, помѣщая надпись при предметѣ, стрѣлками указывать, къ какой части предмета она относится.

Вотъ главнѣйшіе недостатки, промахи и недосмотры, которые замѣчаются въ таблицахъ г. Цыбульскаго и въ объяснительномъ къ нимъ текстѣ. Нельзя не признать ихъ довольно важными; но такъ какъ въ текстѣ они относятся преимущественно ко 2-й главѣ, тогда какъ первая представляется въ общемъ изложенною вѣрно, а въ таблицахъ касаются лишь нѣкоторыхъ отдѣльныхъ изображеній и въ значительной степени возмѣщаются привлекательностью и изяществомъ исполненія, не могущими не заинтересовать учащихся, то разсмотрѣнныя таблицы г. Цыбульскаго могутъ быть признаны полезнымъ нагляднымъ пособіемъ при чтеніи греческихъ писателей.

В. Латышевъ.

Графъ Павелъ Капнистъ. Классицизмъ, какъ необходимая основа гимназическаго образованія. М. 1891.

Нисколько не отрицая значенія реальнаго образованія, которое должно пользоваться такимъ же уваженіемъ, какъ и классическое, авторъ выступаетъ на защиту послѣдняго — единственно въ виду тѣхъ обвиненій, которыми осыпаютъ классическую школу. Гр. Капнистъ начинаетъ свой трудъ (распадающійся на 5 главъ) съ обзора и критики статей по вопросамъ средняго образованія у насъ и на Западѣ, — преимущественно восьми статей „Вѣстника Европы“ (мартъ — октябрь 1890). Опроверженіе невѣрныхъ выводовъ, а также исправленіе фактическихъ неточностей, на которыхъ основаны эти выводы противниковъ классицизма, составляетъ главную задачу автора, который свои мнѣнія постоянно подтверждаетъ ссылками на сочиненія извѣстнѣйшихъ педагоговъ и ученыхъ. При подробномъ разборѣ указанныхъ выше статей „Вѣстника Европы“ авторъ обращаетъ особое вниманіе на брошюру г. Еленева, съ которымъ солидаренъ этотъ журналъ въ своихъ мнѣніяхъ о гимназическомъ образованіи. — Говоря объ образованіи вообще, необходимо отдѣлять вопросъ о системѣ образованія (цѣль, которую преслѣдуетъ школа извѣстнаго типа) отъ вопроса объ организаціи школы (объемъ и методы преподаванія, необходимые для достиженія намѣчен-

ной цѣли). Не уяснивъ себѣ этихъ принципіальныхъ вопросовъ, г. Еленевъ выступаетъ съ обвиненіями противъ нашихъ гимназій. Онъ обвиняетъ ихъ, во-первыхъ, въ переутомленіи учащихся, которые будто бы обременены чрезмѣрнымъ числомъ уроковъ, неправильнымъ распредѣленіемъ учебнаго дня и обширными домашними работами. Затѣмъ наши гимназіи, по мнѣнію г. Еленева, страдаютъ многопредметностью, которой онѣ превосходятъ германскія и французскія школы. Подробно возражая (гл. II) на каждое изъ этихъ обвиненій, гр. Капнистъ прежде всего указываетъ, что степень утомленія учащихся не зависитъ вовсе отъ системы образованія, положенной въ основу школы, и что, если требовать отъ школы заботы о физическомъ воспитаніи дѣтей, то надо предоставить въ ея распоряженіе необходимое время и свободу дѣйствія, а затѣмъ и средства. Что же касается вопроса о многопредметности, то наши гимназіи вовсе не страдаютъ ею, какъ это видно изъ сравнительной таблицы предметовъ, входящихъ въ курсъ гимназій русскихъ, прусскихъ, австрійскихъ и французскихъ лицеевъ. Преподаваніе въ гимназіи естественныхъ наукъ, которое предлагаетъ г. Еленевъ, не приведетъ къ сокращенію числа учебныхъ предметовъ, а напротивъ нарушитъ такъ наз. концентрацію преподаванія. Сосредоточеніе приблизительно половины учебнаго времени на немногочисленной группѣ главныхъ предметовъ есть первое существенное условіе общеобразовательной школы, готовящей къ университетскому образованію. Строго научный (а не утилитарный) характеръ послѣдняго опредѣляетъ собою и характеръ средней школы, готовящей къ университету. Отсюда, при рѣшеніи вопроса объ учебной организаціи гимназіи, возникаетъ второе необходимое условіе средней школы: общій характеръ образованія и научная постановка методовъ преподаванія, чѣмъ гимназія рѣзко отличается отъ профессіональной школы. Смѣшивать оба эти типа школы (какъ дѣлаетъ, напр., г. Еленевъ) весьма ошибочно, и едва ли не въ этомъ смѣшеніи заключается главный источникъ того болѣзненнаго состоянія, въ которомъ теперь находится школьный вопросъ въ Германіи. — Какіе же предметы, по самому существу, наиболѣе соотвѣтствуютъ указанному выше характеру гимназическаго образованія? Этотъ вопросъ авторъ рѣшаетъ такимъ образомъ (гл. III). Законъ Божій, какъ основа религіозно-нравственнаго воспитанія, которое должно проникать во всю жизнь школы, и русскій языкъ какъ предметъ, объединяющій все остальное преподаваніе, — оба эти предмета стоятъ внѣ общей группировки предметовъ гимназическаго курса. Что касается математики, то ея преподаваніе должно носить строго научный характеръ, потому что только въ такомъ видѣ она развиваетъ въ учащихся способность мышленія и твердое усвоеніе основныхъ понятій. Но одна математика, при всемъ своемъ значеніи, даетъ этому развитію одностороннее направленіе. „Истиннымъ предметомъ изученія (какъ сказалъ Гёте) все-таки остается человѣкъ". (гл. IV) Какъ исторія развитія образованія, такъ и практика учебнаго дѣла всѣхъ образованныхъ странъ показываетъ, что въ основѣ общаго образованія всегда и повсюду лежатъ гуманистическія науки. Изъ этихъ наукъ одно только языковѣдѣніе можетъ занять центральное положеніе къ кругу учебныхъ предметовъ гимназическаго курса (гл. V). Языкознаніе

во всѣ времена играло громадную роль въ образованіи человѣчества и въ наше время, пополняясь математикой, составляетъ главную основу общаго образованія: это — единственный матеріалъ, который, при совершенной элементарности преподаванія и при соотвѣтствіи возрасту и пониманію учащихся, обладаетъ строгой послѣдовательностью и заставляетъ постоянно работать логическія, мыслительныя способности учащихся. Изъ всѣхъ языковъ наиболѣе пригодными для такихъ цѣлей образованія являются древніе классическіе языки латинскій и греческій, на которыхъ удобнѣе всего изучать логику и законы языка. При этомъ необходимо преподаваніе обоихъ древнихъ языковъ, безъ чего гимназія утратила бы значеніе классической школы, готовящей къ высшему, научному образованію. — Послѣ обзора предметовъ гимназическаго курса авторъ такъ резюмируетъ свои выводы. 1) Необходимымъ условіемъ благоустроенной школы является ясное и твердое опредѣленіе сущности той системы, которая лежитъ въ основѣ образованія. 2) Школа должна учить не многимъ предметамъ, но основательно (non multa, sed multum). 3) Концентрація преподаванія на двухъ-трехъ предметахъ необходима для всякой школы, а въ особенности — классической, которая имѣетъ преимущественно научный характеръ. 4) Утилитарное направленіе несовмѣстимо съ общимъ образованіемъ. 5) Методическое объединеніе преподаванія всѣхъ предметовъ, согласованіе съ основными принципами школы, составляетъ ея главную силу и достоинство. 6) Необходимымъ условіемъ классической школы является тщательное, систематическое изученіе древнихъ языковъ, а затѣмъ не менѣе внимательное изученіе литературы. 7) Школа не будетъ классической при изученіи только одного древняго языка. 8) Изученіе древнихъ языковъ должно начинаться возможно раньше (съ 10—11 лѣтъ). Наконецъ, 9) серьезное изученіе древнихъ языковъ, при своей трудности, требуетъ значительнаго времени. Поэтому говорить объ „умѣренномъ классицизмѣ“ (съ сокращеннымъ числомъ часовъ по древнимъ языкамъ) — значитъ лишать его всей его сущности.

Таковы основныя мысли вышедшей въ свѣтъ первой части труда гр. П. А. Капниста. Авторъ надѣется въ будущемъ представить отчетъ о положеніи школьнаго дѣла въ Германіи и Франціи и сопоставить это положеніе съ тѣмъ, что мы въ настоящее время видимъ у насъ.

А. Л.

III. ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

а) Русскіе журналы.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. LX (1891). 1, 2, 3 (янв. февр. мартъ).

1. Отд. класс. фил. **Wulfius,** De quintae Heroidis Ovidianae fontibus, стр. 1—15. Овидій въ пятой героидѣ (Энона къ Парису) несомнѣнно слѣдовалъ одному изъ поэтовъ Александрійской эпохи, такъ какъ болѣе древніе писатели не знаютъ подробностей, сообщаемыхъ Овидіемъ. Изъ алекс. поэтовъ источникомъ ему могли всего меньше служить Никандръ и Ликофронъ; всего вѣроятнѣе Овидій свой разсказъ о любви Эноны и Париса заимствовалъ изъ „Александра" Евфоріона. — Метафизика Аристотеля, перев. **П. Первова** и **В. Розанова,** стр. 16—43 (продолженіе нач. въ 1890 г.). — **Э. Радловъ,** „Объ истолкованіи" Аристотеля, стр. 45—64. Переводъ, снабженный введеніемъ, въ которомъ сначала приводится литература трактата и его толкованія вплоть до нашего времени, а потомъ излагается его содержаніе.

2. Отд. класс. фил. **Э. Радловъ,** „Объ истолкованіи" Аристотеля (Окончаніе) стр. 65—92.—Надгробная пѣснь Адонису, Біона Смирнскаго, перев. разм. подл. **В. Л.,** стр. 93—96.

3. Критика и библ. **Krumbacher,** Geschichte der Byzantinischen Literatur von Iustinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches. München 1891. „Книга Кр—а блещетъ прекрасными свѣтовыми отдѣлами... и представляетъ собою капитальное произведеніе въ области византиновѣдѣнія". *Ѳ. Успенскій.* — **Р. Пельманъ,** Краткій очеркъ греческой исторіи, перев. Н. Шамонина М. 1890. „Переводъ вообще исполненъ съ знаніемъ языка и пониманіемъ дѣла, но во многихъ мѣстахъ теменъ и неудобопонятенъ".— Отд. класс. фил. **В. Модестовъ,** Вопросъ о греческомъ чтеніи (произношеніи), стр. 92—121. Высказавъ ту мысль, что правописаніе грековъ, какъ и всякаго народа, нигдѣ не выражало собою всѣхъ оттѣнковъ произношенія, авторъ останавливается на исторіи произношенія спорныхъ буквъ. „За произношеніе дифтонга *αι* не позже V стол. до Р. Х. (чтобъ не ходить дальше), какъ долгаго (открытаго) э, говорятъ не только беотійскія надписи, гдѣ онъ въ концѣ V стол., т.-е. со введеніемъ въ Беотіи Эвклидова алфавита, замѣняется *η*, а раньше нерѣдко замѣнялся *αε*, но и надписи изъ Аттики, съ двухъ острововъ — іонійскаго и эолійскаго, свидѣтельство грамматика Геродіана объ эолійскомъ употребленіи въ нѣкоторыхъ словахъ *αι* вм. *η*, эпиграмма Каллимаха и, наконецъ, постоянная замѣна этого дифтонга въ латинскомъ языкѣ посредствомъ ae (Aeschylus,

Aetna и др.), какъ и наоборотъ (*Αἰμίλιος, Καῖσαρ* и др.)". — Замѣна дифтонга *ει* посредствомъ *ι* раньше всего началась въ Беотіи; въ другихъ странахъ смѣшеніе это нерѣдко уже въ V стол. до Р. Х. (надпись гортинская, аттическая V в., изъ Пирея IV ст., въ кориноскихъ надп. собств. имена), а съ конца III в. до Р. Х. упрощеніе дифтонга *ει* стало всеобщимъ въ Элладѣ. Въ лат. транскрипціи *ει* = ī, иногда ē (Darīus, Darēus, Antiochīa). — Дифтонгъ *οι* въ древнихъ беот. надп. писался *οε* (значитъ близко къ лат. oe), а съ III в. начинается замѣна его буквой *υ* (напр. въ надписяхъ критскихъ III в. до Р. Х., пантикапейской поздняго времени); въ Аттикѣ *οι* иногда замѣняло *ει*. — „Буква *η*, какъ знакъ долгаго ē, держалась въ произношеніи образованныхъ людей нѣсколько столѣтій и послѣ Р. Х.; у римлянъ она всегда передавалась посредствомъ e. Но въ народной массѣ превращеніе *η* въ *ι* существовало въ очень раннее время" (приводятся слѣды въ надписяхъ: гортинской, съ о-ва Карпаоа и другихъ поздней эпохи; греч. транскрипція: Scipio = *Σκηπίων* и др.). — Наконецъ, *β* и *υ* въ дифтонгахъ *αυ* и *ευ* въ древнихъ надписяхъ часто замѣнялись посредствомъ *Ϝ*. — На основаніи этихъ данныхъ авторъ отвергаетъ научность теоріи эразмистовъ. — Наконецъ излагается исторія борьбы двухъ произношеній, начиная съ Эразма, при чемъ авторъ съ особенной подробностью останавливается на положеніи вопроса въ настоящее время какъ въ Россіи, такъ и за границей, гдѣ т.-наз. рейхлиновское произношеніе, по словамъ автора, пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе сторонниковъ. — **N. Novossadsky,** Responsum Jo. Toepffero, стр. 122—128. Отвѣтъ на рецензію книги „Елевсинскія мистеріи" въ Deutsche Litteraturzt. (1888 p. 1406 sqq.)... „Ex eis quae dixi Toepfferum exiguam et ut ita dicam e longinquo tantum libri mei notionem percepisse, de eis autem paucis, quae accurate legit, iustitia non servata tractasse apparet".

Гимназія IV (1891) 1—3 (въ одной книгѣ).

Г. Янчевецкій, Гомеръ въ классѣ, стр. 1—8. Поурочное распредѣленіе Одиссеи и Иліады, такъ что каждая поэма, лишь за ничтожными пропусками, прочитывается въ одинъ годъ сполна; прибавлены двѣ ученическихъ работы по Гомеру на темы: Евриклея, *Κύων*. — **Schrader,** Гимназіи и реальныя училища. Воспитаніе и обученіе. Перев. съ 4 изд., стр. 1—80. — **Шиллеръ,** Методика преподаванія предметовъ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, перев. со 2-го изд. Н. Кораблева, стр. 1—66. — **Учебные планы австрійскихъ гимназій** (продолженіе), стр. 37—70: Чтеніе латинскихъ авторовъ; греч. грамматика и авторы. — **С. Цыбульскій,** Французскій археологическій институтъ въ Аѳинахъ, стр. 70—82. Краткая исторія института со времени его основанія и перечисленіе главныхъ членовъ его съ указаніемъ ихъ сочиненій и заслугъ. Заключеніе: необходимо основать русскій институтъ въ Аѳинахъ. — **А. Солонникіо,** Анализъ діалога Платона „Хармидъ", стр. 8—15. Объектъ цѣломудрія, какъ самопознанія; цѣломудріе есть самопознаніе, имѣющее **двѣ цѣли**: 1) познаніе мыслящей субстанціи человѣка, 2) этической его

природы. — **С. Николаевъ,** Письма изъ Германіи: IV. Борьба за и противъ классической школы, стр. 17—42. — **А. Тиховъ,** Образованность и наука у древнихъ грековъ и римлянъ, стр. 1—19: популярная статья о культурѣ античныхъ народовъ. — **Вартелеми,** Путешествіе молодого Анахарсиса, пер. подъ ред. Янчевецкаго, стр. 79—100 (въ приложеніи).

Ученыя записки Императорскаго Казанскаго Университета. LVIII (1891). Кн. первая (янв. — февр.)

В. Л. Переводы изъ греческихъ поэтовъ, стр. 129—138. Изъ Θеокрита, идилліи: IV (Пастухи Баттъ и Коридонъ), V (Соперники), XIX (Эротъ-воришка), XX (Отвергнутый пастушокъ). — Къ веснѣ (стихотв. Мелеагра Гадарскаго). Всѣ переводы сдѣланы размѣромъ подлинниковъ и сопровождаются примѣчаніями.

Вѣра и Разумъ. VIII (1891), 1—6 (янв., февр., мартъ).

№ 3. Отд. философіи. **Θ. Зеленогорскій,** Циники, психологическій, соціальный и моральный этюдъ (стр. 97—121). Послѣ изложенія исторіи цинической школы въ лицѣ ея представителей: Антисθена, Діогена и Кратеса и ея ученія о жизни по природѣ и разуму, авторъ останавливается на сочиненіяхъ Грота и Гладича и, признавая циниковъ явленіемъ чисто-греческимъ, опровергаетъ мнѣніе этихъ ученыхъ, будто циники являются подражателями индійскихъ гимнософистовъ.

№ 6. Ученіе Аристотеля и его школы (перипатетической) о Богѣ (продолженіе). Рефератъ объ этой статьѣ будетъ въ слѣд. книжкѣ „Фил. Обозр.“.

Историческое Обозрѣніе. 2-я книжка (1891).

Историческія новости. **В. П. Бузескулъ.** Новооткрытый трактатъ Аристотеля объ аθинской демократіи, стр. 221—239. Трактатъ Аристотеля *Ἀθηναίων πολιτεία* (безъ начала и съ сильно попорченнымъ концомъ) найденъ въ Египтѣ написаннымъ на оборотной сторонѣ папирусовъ, которые хранятся теперь въ Британскомъ Музеѣ. Впервые трактатъ этотъ появился въ изданіи Кеніона (2 изд. 1891). Судя по нѣкоторымъ даннымъ, списокъ слѣдуетъ отнести къ концу I или началу II вѣка по Р. Х. Трактатъ имѣетъ двѣ части. Въ первой изъ нихъ, излагающей событія до 403 г., онъ освѣщаетъ съ новыхъ сторонъ тотъ процессъ, путемъ котораго совершился переходъ отъ монархіи къ демократіи, проливаетъ свѣтъ на дѣятельность Драконта, какъ политическаго реформатора, и Солона, сообщая при этомъ неизвѣстныя доселѣ выдержки изъ стихотвореній послѣдняго, даетъ новое представленіе о развитіи демократіи и характерѣ ея вождей, о реформѣ ареопага, о сиссахθіи, о дикастеріи, о Клисθеновомъ законодательствѣ, дѣятельности Перикла, о выступившихъ послѣ него демагогахъ, наконецъ, объ олигархіи четырехсотъ. Вторая часть трактата содержитъ опи-

саніе строя Аѳинъ въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ существовалъ при Аристотелѣ въ IV в. Эта часть содержитъ мало новаго, потому что съ нею познакомили насъ черпавшіе отсюда свои свѣдѣнія лексикографы. Значеніе вновооткрытаго трактата и его важность для греческой исторіи огромны. На основаніи новыхъ данныхъ придется передѣлать теперь историческій матеріалъ даже учебниковъ греческой исторіи.

Историческій Вѣстникъ, XII (1891). 1, 2, 3 (янв., февр., мартъ).

Кн. 2. Ѳ. Булгаковъ, Шлиманъ и его археологическая дѣятельность, стр. 521—548. Послѣ краткой оцѣнки археологической дѣятельности Шлимана, дается популярное описаніе раскопокъ въ Троѣ, Микенахъ, Итакѣ, Тиринѳѣ, на Киѳерѣ и Сфактеріи, при чемъ нѣкоторыя изъ находокъ воспроизведены въ рисункахъ. Въ концѣ статьи сообщаются краткія свѣдѣнія изъ жизни покойнаго археолога.

Русское Обозрѣніе, II (1891). 1, 2, 3 (янв., февр., мартъ).

Кн. 1 и 2. Е. Ѳ., Къ вопросу объ египетской миѳологіи и религіи, стр. 151—187 и 559—586. Констатируя рѣзкое разногласіе среди ученыхъ египтологовъ во мнѣніяхъ о самой сущности религіи египтянъ, считаемой одними монотеистическою (Бругшъ), другими политеистической (Масперо), авторъ статьи, соглашаясь съ третьими (де-Броссъ, Пичманъ, Видеманъ), признаетъ религію египтянъ фетишизмомъ, что особенно краснорѣчиво доказывается ихъ вѣрованіями въ загробную жизнь и связанными съ этимъ погребальными обрядами, описаніе которыхъ и занимаетъ вторую часть статьи.

Кн. 2. Отдѣлъ критики и библіографіи. Т. Макція Плавта „Горшокъ“ (Aulularia), переводъ **А. Фета**. М. 1891, стр. 917—928. Сравненіе этого перевода съ переводомъ М. П—скаго въ Ж. М. Н. Пр. за 1888, 12 заставляетъ отдать рѣшительное предпочтеніе переводу поэта передъ переводомъ ученаго. *Ю. Кулаковскій.*

Русская Мысль, 1891. 1, 2, 3 (янв., февр., мартъ).

Кн. 2 и 3. М. Н. Р., Картины античнаго міра, стр. 176—193 и 150—188. Исторія отношеній Клеопатры къ Цезарю и Антонію.

Вѣстникъ Европы, 1891. 1, 2, 3 (янв., февр., мартъ).

Кн 1. Скованный Прометей, трагедія Эсхила, перев. (въ стихахъ) **Мережковскаго. — Кн. 1, 2 и 3. А. Окольскій,** Реформа классическихъ гимназій во Франціи.

Вѣстникъ Воспитанія, II (1891). 1, 2, 3 (янв., февр., мартъ).

Кн. 2. NN, Открытіе педагогической Америки. Статья знакомитъ съ внутреннею жизнью и устройствомъ средняго учебнаго заведенія City College въ Нью-Іоркѣ, основаннаго въ 1848 г. City College имѣетъ три отдѣленія: классическое, научное и промышленное; время ученія —

5 лѣтъ. Въ первый годъ назначено 5 латинскихъ часовъ въ недѣлю (при 20 часахъ недѣльныхъ по всѣмъ предметамъ); греческаго нѣтъ. Во второй годъ на лат. и греческій отводится по 3 часа въ недѣлю (при всѣхъ 20). Въ третій годъ на латинскій 2 часа и на греческій 3 часа (при 21 всего). Въ четвертый годъ — на латинскій 4 (во 2-е полугодіе — 2 часа), на греческій — 3 часа (при всѣхъ 20). Въ пятый годъ — на латинскій 3 часа и и столько же на греческій (при 20 ч. всего). Поступаютъ въ City College юноши въ возрастѣ 14—15 лѣтъ, уже прошедшіе низшую школу. По отзыву французскаго писателя, Charles Bigot, результаты, достигаемые Колледжемъ въ древнихъ языкахъ, „поразительны".

b) Иностранные журналы.

Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik. CXLIII и CXLIV (1891), 1—3.

1. Heft. I. **F. Blass.** Ein neues Epigramm aus Kreta, стр. 1—6. Разбирается съ діалектической стороны одна надпись на храмѣ Матери боговъ. — **E. Kurtz,** Zu Michael Apostolios, стр. 6—8, исправляетъ и толкуетъ нѣкоторыя поговорочныя выраженія. — **H. Blumner,** Die Metapher bei Herodotos, стр. 9—52. Авторъ, принимая постоянно въ соображеніе поэтическую литературу, предшествующую Геродоту и современную ему, разсматриваетъ безыскусственныя и искусственныя переносы понятій, означающихъ воспринимаемыя внѣшними чувствами качества предметовъ, равно какъ дѣйствія и состоянія, имѣющія общій смыслъ, отъ одной конкретной области къ другой конкретной и далѣе къ абстрактной; затѣмъ приводятся тропы, заимствованные отъ частей и функцій человѣческаго тѣла, отъ одежды и жилья, изъ ежедневнаго обихода, изъ жизни животныхъ и растеній и изъ другихъ областей природы. Выводъ: на ряду съ метафорами, ставшими во времена Геродота общимъ достояніемъ языка, у него встрѣчаются метафоры поэтическія, особ. гомеровскія, главнымъ образомъ въ рѣчахъ. — **Fr. Rühl,** Die Ueberlieferung von Xenophons Hipparchikos, стр. 53—65. Различаются двѣ вѣтви рукописнаго преданія, къ которымъ при установленіи текста слѣдуетъ относиться эклектически. — **A. Faust,** Der neue Stern vom Jahre 134 v. Chr., стр. 65—66. На основаніи словъ Эннія у Cic. *de div.* I, 107 и одного китайскаго источника доказывается, что слово avis у Юлія Обсеквента с. 27 значитъ „звѣзда". — **L. Mendelssohn,** Analecta Tulliana. Критическія замѣтки къ письмамъ Цицерона.

II. **Th. Vogel,** Die Nachahmung Ciceros auf unseren Gymnasien, стр. 1—8. Авторъ вооружается противъ господствующей въ нѣмецкихъ гимназіяхъ погоней за стилемъ Цицерона, замѣчая, что подобный пуризмъ, родоначальникомъ котораго является въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія Зейфертъ съ его „palaestra, scholae, progymnasmata", служитъ болѣе во вредъ, чѣмъ на пользу въ гимназіи, ставя учениковъ и учителей въ весьма затруднительное положеніе. Авторъ требуетъ болѣе свободы для

письменныхъ работъ; грозное „это не встрѣчается у Цицерона и Цезаря“ не должно висѣть надъ ученикомъ въ видѣ Дамоклова меча; пусть слогъ его напоминаетъ Ливія и Тацита, — что за бѣда? это плодъ его чтенія, его знакомства съ этими писателями, языкъ которыхъ въ свое время считался тоже образцовымъ. — **P. Dörwald,** Einige Fragen zur Reform des Gymnasialunterrichts, стр. 8—20. Желательно устраненіе нѣкоторыхъ недостатковъ въ преподаваніи древнихъ языковъ: a) при изученіи грамматики не слѣдуетъ разсчитывать исключительно на память, но слѣдуетъ призывать на помощь и разумъ, прибѣгая къ генетическому объясненію, къ сравненію явленій языковъ древнихъ и родного, къ раскрытію психологическаго смысла синтаксическихъ оборотовъ, b) не должно къ чтенію примѣшивать грамматики — для нея есть свои часы и роль ея чисто служебная, c) при оцѣнкѣ ученическихъ познаній слѣдуетъ руководствоваться не столько письменными работами, сколько устными отвѣтами, d) при выборѣ чтенія слѣдуетъ имѣть въ виду исключительно соображенія дидактическаго характера: слѣдуетъ выбирать такія произведенія, которыя, будучи взяты въ отдѣльности, соприкасались бы съ остальными предметами учебнаго курса, въ общемъ же представляли бы сплошное цѣлое, по которому ученикъ могъ бы составить ясное понятіе о религіи и нравахъ, наукѣ и искусствѣ, исторіи и политикѣ древняго міра. Впрочемъ авторъ лишь отчасти указываетъ, какъ бы онъ думалъ осуществить на практикѣ это дидактическое требованіе. — **G. Völcker,** Zum späteren Beginn des lateinischen Unterrichts, стр. 20—30. Исходя изъ того положенія, что всякое разумное обученіе должно примыкать къ кругу мыслей, уже составившемуся въ головѣ ученика, авторъ требуетъ до тѣхъ поръ не начинать обученія чужому языку, пока дѣти не освоятся основательно съ роднымъ; но и тутъ прежде древняго языка они должны ознакомиться съ какимъ-либо новымъ, какъ болѣе близкимъ къ нимъ, напримѣръ французскимъ. Такимъ образомъ изученіе латинскаго языка должно начинаться на двѣнадцатомъ, а греческаго на четырнадцатомъ году. Тогда, по мнѣнію автора, механическій способъ заучиванья, не возбуждающій никакого интереса, можно будетъ замѣнить болѣе разумнымъ; успѣхи учениковъ улучшатся; самый вопросъ о переутомленіи перестанетъ существовать. Опровергая противныя мнѣнія, въ подтвержденіе своего взгляда авторъ приводитъ и разбираетъ статью Штейнталя (Philol. Wochenschr. 1888. № 48) и брошюру Латмана (Welche Veränderungen des Lehrplans in den alten Sprachen würden erforderlich sein, wenn der fremdsprachliche Unterricht mit dem französischen begonnen wird — Progr. zu Clausthal 1888). — **Stoewer,** Ueber gymnastische, musikalische und declamatorische Schulfeierlichkeiten.

2. Heft. I. **O. Rossbach.** Epica, стр. 81—102. Критическія и литературно-историческія замѣтки къ послѣгомеровскимъ эпикамъ, между прочимъ, къ гомеровскимъ гимнамъ, батрахоміомахіи и др. — **O. Crusius,** *θεῶν ἐν γούνασι κεῖται*, стр. 102—106. Доказывается несообразность чтенія Weck'a: *θεῶν ἔν γ'οὔνασι κεῖται.* „Отношеніе Века къ гом. тексту — неуваженіе къ хорошему преданію и слѣпая увѣренность въ истинности соб-

ственныхъ измышленій — является типическимъ для извѣстнаго направленія новѣйшей гомер. критики". — **H. v. Kleist,** Der eingeschobene Genitiv des Ganzen bei Thuc., стр. 107—114. Во всѣхъ приведенныхъ мѣстахъ gen. part. можетъ быть понятъ какъ attributivus, кромѣ VIII, 76, 6. — **E. Weissenborn,** Zu Xenophons Apomnemoneumata; стр. 114—119. Доказывается, что разговоръ съ Θеодотой (III, 11) имѣетъ чисто-нравственную тенденцію, вопреки мнѣнію Целлера (Phil. d. Griech. II², 74), видящаго въ этомъ діалогѣ примѣръ того, что Сократъ искалъ даже такого знанія, которое на практикѣ можетъ служить безнравственнымъ цѣлямъ. § 13 и 14 — несомнѣнная вставка. — **E. Dittrich,** Zu Lycophrons Alexandra, стр. 119; zu Antimachos, стр. 120. — **O. E. Schmidt,** M. Tullius Cicero beim Ausbruch des Bürgerkrieges, стр. 121—130. Авторъ рѣшительно становится на защиту Цицерона противъ обвиненій, взводимыхъ на него Друманомъ и Момзеномъ, и выставляетъ знаменитаго оратора сторонникомъ мирныхъ реформъ въ области госуд. управленія и противникомъ перевѣса одной изъ враждовавшихъ партій (какъ Цезаревой, такъ и Помпеевой) надъ другой. — **E. Körner,** M. Tullius Tiros Freilassung, стр. 130—132; относитъ самый фактъ къ 53 г. до Р. Х. — **M. Kinderlin,** Zum 7. Buche des Quintil., стр. 132—136. — **F. Schröder,** Zu Catullus, стр. 137; zu Tacitus Annalen, стр. 138. — **H. Probst,** Zu Tacitus Hist., стр. 139—144. — **J. Schmalz,** Multi = complures. Встрѣчается и у Цицерона.

II. **C. Hermann,** Das daktylo-epitritische Versmass bei Pindar und die neuere rhythmologische Theorie*). — **Stoewer,** Ueber gymnastische, musikalische und declamatorische Schulfeierlichkeiten (окончаніе).

3. Heft. I. **H. Welzhofer,** Zur Geschichte der Perserkriege, стр. 145—159. Въ первой главѣ говорится о походѣ Мардонія въ 492 году; во второй — о мнимыхъ вооруженіяхъ Дарія и Ксеркса, направленныхъ противъ Греціи. — Походъ не былъ направленъ ни противъ Эретріи и Аθинъ, ни противъ всей Греціи. Мардоній имѣлъ въ виду прежде всего докончить усмиреніе іонійскаго возстанія. Покончивъ съ Іоніей, онъ обратился противъ Θракіи и Македоніи и, достигнувъ своей цѣли, возвратился назадъ. — Въ разсказѣ объ обширныхъ вооруженіяхъ Дарія и Ксеркса противъ Греціи Геродотъ передаетъ то, о чемъ въ его время ходили толки, сообщая иногда противорѣчащіе одинъ другому факты, особенно гдѣ дѣло касается участія аθинянъ. Прорытіе Аθона было вызвано потребностями торговыхъ сношеній. До самаго конца 481 года Персія была спокойна и не думала о вооруженіяхъ. Дарій не имѣлъ въ виду вторженія въ Грецію, и Ксерксъ цѣлые годы не рѣшался удовлетворить просьбамъ Алевадовъ и Пизистратидовъ. — **H. Mauer,** Handschriftliches zu Thukydides, стр. 159—164. — **R. Peppmüller,** Ein Emendationsvorschlag zur Ilias, стр. 164; предлагается въ Hom. Ψ 48 читать *στυγερῇ πειθώμεθα γαστρί* (вм. *δαιτί*). — **K. Tümpel,** Arcadische Telchinen, стр. 165—167;

*) По поводу этой статьи въ ближайшей книжкѣ „Фил. Обоз." будетъ помѣщена критическая замѣтка.

доказывается, что телхины обитали въ Аркадіи. — **R. Meister,** Ein Heros Naulochos? стр. 167—168. Въ эпиграммѣ на базѣ статуи изъ Пріены *Ναόλοχον* есть названіе гавани.— **Ch. Cron,** Zu Platons Enthyphron (15-е), стр. 169—176. Слова *ὅτι βιωσοίμην* слѣдуетъ считать зависящими отъ *ἐνδειξάμενος*. — **K. Liebhod,** Zu Herodotos, стр. 176. Въ 3,19 читать *συνεστρατεύοντο*. — **I. Sommerbrodt,** Zu Lukianos, стр. 185—192. — **M. Gertz,** Zu Aristoteles *Ἀθηναίων πολιτεία,* стр. 192. — **M. C. P. Schmidt,** Kleine Beobachtungen zum lateinischen Sprachgebrauch, стр. 193—197. Разбираются обороты: vitare ne; defendere съ acc. c. inf., ut или ne; addere, adicere, adiungere какъ verba dicendi; servare или observare съ ut и ne; usque eo ut; inquam съ дат. п. — **P. Loewe,** Zu Ovidius Metamorphosen, стр. 198. Въ V, 546 ab alis переводить слѣдуетъ: „начиная отъ плечъ". — **I. Lange,** Zu Caesars Bellum Gallicum, стр. 199—209. Исправляется цѣлый рядъ мѣстъ посредствомъ вставокъ или устраненія нѣкоторыхъ словъ. — **K. Hachmann,** Zu Tacitus Germania, стр. 209—214; разбираются слова Тацита (гл. 2) о происхожденіи слова Germani.

II. **W. Soltau,** Eine Stunde Chronologie im Gymnasium, стр. 124—133. При чтеніи въ классѣ Ливія, Цицерона, Виргилія, Горація слѣдуетъ обращать вниманіе на хронологію. Также и при чтеніи Цезаря не мѣшаетъ познакомить учениковъ съ главнѣйшими вопросами римскаго календаря.

Hermes XXVI (1891), 1.

B. Niese, Die ältere Geschichte Messeniens, стр. 1—32. Вся древнѣйшая исторія Мессеніи, какою она является у Павсанія, Эфора, Исократа, Платона и въ „Кресфонтѣ" Еврипида, сочинена уже послѣ 370 года. Все въ ней налажено на спартанскій образецъ, какъ въ области культа, такъ и въ древнихъ сказаніяхъ. Исторія Мессенія послѣ нашествія дорянъ также представляетъ собою отголосокъ спартанскихъ миѳовъ; въ спартанскомъ же смыслѣ толковались и географическія названія (*Μεσσήνη* въ Одиссеѣ XXI, 13 слѣд. — названіе области, объяснялась какъ обозначеніе части Лакедемона). Относительно войнъ Мессеніи со Спартой не существуетъ собственно мессенскихъ источниковъ; преданіе о первыхъ двухъ войнахъ — чисто спартанскаго происхожденія. Сопоставляя хронологическія данныя, авторъ относитъ начало спартанскаго господства въ Мессеніи ко времени около 600 г. до Р. Х. — **Joh. Geffken,** Zwei Dramen des Lykophron, стр. 33—42. Попытка возстановленія по скуднымъ отрывкамъ содержанія драмъ „Навплій" и „Элефеноръ". — **U. Köhler,** Zur Geschichte des amphilochischen Krieges, стр. 43—50. Толкуя надпись на обломкѣ найденной на аѳинскомъ акрополѣ стелы, содержащую текстъ постановленія народнаго собранія (отъ времени 360—320 гг.), авторъ приходитъ къ заключенію, что постановленіе это касается реставраціи побѣднаго памятника, поставленнаго Демосѳеномъ въ 425 г. по рѣшенію нар. собранія въ память счастливаго окончанія Амфилоховой войны. — **K. Wernicke,** Die Polizeiwache auf der Burg v. Athen., стр. 51—75. Одна надпись, относя-

щаяся прибл. къ 440 г. до Р. Х., гласитъ, что народъ изъ религіозныхъ побужденій постановилъ уничтожить убѣжище для бѣглыхъ рабовъ и воровъ и поставить у входа на Акрополь сторожевой постъ въ нарочно для него выстроенномъ помѣщеніи. Калликрату поручено было руководить постройкой. Авторъ тутъ распространяется о разницѣ между *ἀρχιτέκτων* и *ἐργολάβος* и о дѣятельности строительной коммиссіи; затѣмъ говоритъ о *ἱπποτοξόται*, которые представляли собою отрядъ рабовъ, и о пѣшихъ *τοξόται* (это были критяне, а не скиѳы). Корпусъ полицейскихъ дѣлился на 10 компаній, изъ которыхъ каждая, подобно филамъ, дѣлилась на триттіи. Предсѣдательствовавшая фила должна была всегда ставить стражей на Акрополь. — **A. Höck,** Das Odrysenreich in Thrakien im V. u. IV. Jahrh., стр. 76—117. Авторъ, насколько возможно, по источникамъ разсказываетъ объ основаніи царства одрисовъ Тересомъ I, о царствованіи Ситалка и Севѳа I, о внутреннихъ безурядицахъ при Медокѣ и Севѳѣ II, о возвышеніи царства при Котисѣ I, о раздѣленіи его по смерти послѣдняго, о постепенномъ подчиненіи отдѣльныхъ его частей власти македонскихъ царей (Филиппа II, Керсоблептъ) и о судьбѣ отдѣльныхъ потомковъ царскаго рода въ эпоху Александра. При этомъ исправляются взгляды Курціуса, Дройзена и др. Въ концѣ приложена хронологическая таблица. — **P. Kretschmer,** Epigraphische Bemerkungen, стр. 118—127. 1) къ C. I. A. IV, p. 118; 2) къ надписи, помѣщенной въ Amer. Journ. of. Arch. I, 1885, табл. X; 3) къ надписи въ Arch. Jahrb. IV, 1889, стр. 93. — **B. Keil,** De avium Aristophaneae folio rescripto, стр. 128—136. О палимпсестахъ въ Cod. Laur. plut. LX, 9, содержащихъ Aristoph. Av. 1393—1453 со схоліями. — **G. Wissowa,** Der Tempel des Quirinus in Rom, стр. 137—144. Aedes Quirini находился въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояло древнее sacellum Quirini, близъ collis Quirinalis, за паркомъ императорскаго дворца. Наконецъ Виссова устанавливаетъ мѣстоположеніе воротъ: Quirinalis, Sanqualis и Fontinalis. — Miscellen. **Th. Mommsen,** Zu dem Senatsbeschluss von Tabae, стр. 145—148. — **U. Köhler,** Fünf neue Inschriften aus Ambrakia und Larissa, стр. 148—150. — **O. Hirschfeld**, Die flamines perpetui in Africa, стр. 150—152. Это не пожизненная должность; титулъ, какъ право на почетъ, оставался послѣ сложенія должности жреца. — **M. Rubensohn,** Gegen das Wassertrinken, стр. 153—156. По поводу одной эпиграммы въ Anth. pal. IX. 406, приписываемой авторомъ Антипатру Ѳессалійскому. — **P. Stengel,** стр. 157—159, объясняетъ гомеровскія слова: *θυήεις* (*βωμὸς θυήεις* = жертвенный алтарь). *θύελλα* = вихрь, гонящій передъ собой тучи пыли или пѣну морскую и *θυόεις* (*θυόεν νέφος* = стремительно несущееся облако). — **G. K. Müller,** Zur Etymologie d. Part. *ἄν*, стр. 159.

Rheinisches Museum für Philologie. XLVI (1891), 1.

U. Köhler, Die Halle der Athener in Delphi, стр. 1—8: въ 1880 г. Haussoullier открылъ въ Дельфахъ остатки изящнаго портика, который онъ отождествилъ съ описаннымъ у Павсанія (X, 11, 6) портикомъ аѳи-

нянъ. Авторъ, на основаніи посвятительной надписи относитъ его ко времени персидскихъ войнъ; онъ долженъ былъ служить „монументальной защитой для посвященныхъ аѳинянами даровъ" и отличался соотвѣтствующими цѣли размѣрами. — **M. Kiderlin,** Zu Quintilianus стр. 9—24: замѣтки по критикѣ текста отдѣльныхъ мѣстъ кн. X. — **A. Dieterich,** Schlafscenen auf der attischen Bühne, стр. 25—46: Прослѣдивъ исторію сценъ со спящими героями, авторъ приходитъ къ выводу, что „Трахиніянки" Софокла написаны послѣ „Геракла" Еврипида, между 422 и 415 г. до Р. Хр. — **K. Dziatzko,** Zur Geschichte der Bembo-Handschrift des Terenz, стр. 47—53. — **J. G. Sprengel,** Die Quellen des älteren Plinius im 12. und 13. Buch der Naturgeschichte, стр. 54—70: Авторъ признаетъ источниками для этихъ книгъ Плинія, слѣд.: по ботаникѣ — Юба и Гигинъ, мелочи изъ Трога, Корн. Непота, Виргилія, Муціана; по медицинѣ — Секстій Нигеръ; по приготовленію мазей — Аполлодоръ, Фабіанъ; по исторіи и анекдотамъ: Варронъ, Флавій Прокулій, Клавдій Цезарь; по географіи — Себозъ; изъ поэтовъ — Гомеръ и Виргилій; главный же источникъ — географическія сочиненія Юбы. — **E. Graf,** *Διαύλιον*, стр. 71—76: это слово означаетъ тоже, что *αὔλημα*. Въ извѣстныхъ намъ драмахъ нѣтъ основанія принимать еще находящагося за сценой флейтиста: музыкантъ былъ только одинъ, среди хора (за сценой — только въ „Лягушкахъ" Аристофана). — **J. Schmidt,** Ein Beitrag zur Chronologie der Schriften Tertullians und der Proconsuln von Afrika, стр. 77—98: „De corona" написано въ августѣ или сентябрѣ 211 г., „ad Scapulam" — въ 212 г., послѣ 14 августа. Въ 209 г. проконсуломъ Африки былъ Т. Флавій Децимъ, въ 210—211 г. (или въ 209—211) — Валерій Пудентъ, въ 211—213 г. Скапула; Веспроній Кандидъ былъ, можетъ быть, въ 18⁹/₃—193 г. — **G. Oehmichen,** Die Hilfskreislinien in Vitruvs Theatergrundriss, стр. 99—105: толкованіе мѣста о театрѣ, стр. 120, 10 слд. по изд. Мюллера-Штрюбинга. — **C. Frick,** Die Weltchronik vom Jahre 452, стр. 106, 111. — **A. Elter,** Vaticanum, стр. 112—138: Mons Vaticanus первоначально не было названіемъ, пріуроченнымъ къ какому-либо пункту Ватикана (Vaticanum — названіе цѣлой мѣстности). О томъ, какой изъ холмовъ разумѣется подъ этимъ именемъ у древнихъ писателей, всякій разъ надобно заключать по общей связи всего мѣста, напр. у Горац. c. I, 20 разум. нын. Gianicolo. Во времена Горація и Ювенала Vaticanus mons не б. собств. именемъ. Первоначально Ватиканомъ называлось этрусское поселеніе, а затѣмъ вся земля между Тибромъ и холмами. Со временъ постройки Неронова цирка это названіе было пріурочено къ нему. Въ позднѣйшія времена Vaticanum стали называться гробница и соборъ св. Петра, а вся та мѣстность — mons Vaticanus *κατ' ἐξοχήν* — Miscellen. — **A. Ludwich,** Zu Aeschylos Eumeniden, стр. 139 слд.: къ стиху 105, гдѣ онъ читаетъ: *ἀνήμερος δὲ μοῖρα προσκόποις βροτῶν*. — **A. Frederking,** Zu Sophokles Antigone, стр. 144 сл. къ стих. 839—848; въ ст. 847 вм. *οἵα* читаетъ *οἵα* (одна). — **Fr. Rühl,** Wann schrieb Zosimos, стр. 146 сл.: при Анастасіи, послѣ 501 г. — **F. Schlee,** Zum Lau-

rentianus XXXVIII, 24, стр. 147 слд.: о рукописяхъ Теренція.—**M. Manitius,** Zu Commodian, стр. 150 слд.: Коммодіанъ въ Instructiones пользовался „Дистихами" Катона; слѣд., „Дистихи" возникли въ первую половину III в. по Р. X. (отмѣчается ихъ не христіанскій характеръ).—**Th. Birt,** Nachträgliches zur Apocolocyntosis und Apotheosis des Seneca, стр. 152 сл. — **A. Schöne,** Zu Tacitus, стр. 153 сл.: читаетъ въ *Histor.* II, 100: an quod evenit inter malos, ut atsimiles sibi, eadem illos pravitas inpulerit; къ *Agric.* c. 6: idem praeturae inerti erat silentium и c. 25: infesta (существ.) hostilis exercitus in itinere. — **O. Seeck,** Neue Finsternissdaten zur römischen Chronologie, стр. 154 слд. (по теоріи Matzat'a).— **F. B.,** Das älteste lateinische Räthsel, стр. 159 сл. —**A. Papadopulos-Kerameus,** Zum Bündnissvertrag zwischen Rom und Methymna, стр. 160.

Zeitschrift für die oesterreichischen Gymnasien. XLII (1891), 1—3.

1. A. Bauer, Der Todestag Alexanders des Grossen, стр. 1—13. Разсказы Плутарха (с. 75 слѣд.) и Арріана (VII, 24 слѣд.) не примиримы. Оказывается, что Плутархъ пропустилъ одинъ день. Принявъ это въ соображеніе, слѣдуетъ считать днемъ смерти Александра 29 Дайсія, а не 28. — **I. Lengsteiner,** Horaz III 30, стр. 13—16. Слова Sume superbiam etc. слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ: „О муза, возгордись"... что придаетъ мѣсту слишкомъ надменный тонъ, а скорѣе въ такомъ: „Прими, муза, мое чувство, можетъ быть, и чрезмѣрной гордости, на которую я имѣю право по своимъ заслугамъ". — Критика и библіографія.

2. H. Müller, Zwei Oden des Horaz, стр. 97—103. Стихотвореніе къ Постуму (II, 14) по тону примыкаетъ къ предыдущему и представляетъ собою не серіозную оду, а насмѣшку надъ глупымъ человѣкомъ. Въ одѣ II 20 третья строфа, гдѣ говорится о превращеніи въ существо, покрытое перьями, получаетъ ясный смыслъ, если видѣть въ ней описаніе превращенія въ сирену; поэтъ сравниваетъ себя съ сиреной. Смыслъ всей оды: я буду безсмертенъ, если не въ завистливомъ Римѣ, то у варваровъ. — Критика и библіографія.

3. I. Stowasser, Der Schiffbruch des Horaz. Стр. 193—197. Въ стих. I 28 пловецъ, потерпѣвшій крушеніе, есть живой человѣкъ, это самъ поэтъ (срв. III 4, 28). Какъ стих. I 34 есть отказъ отъ эпикуреизма, такъ вышеуказанная ода (I 28) представляетъ собою палинодію пиѳагорейскаго міровоззрѣнія. *Me Illyricis notus obruit undis* значитъ: южный вѣтеръ залилъ меня волнами, какія онъ всегда поднимаетъ на Адріатическомъ морѣ. — **I. Hilberg,** Zu Horatius und Velleius, стр. 197—200. Hor. I 2, 21 объясняется такимъ представленіемъ, что тѣла враговъ служатъ наилучшими оселками для мечей: „въ междоусобной войнѣ граждане точили свои мечи на гражданахъ же". Горацій имѣетъ въ виду и проскрипціи. — **K. Wotke,** Handschriftliche Beiträge zu Statius, стр. 200—202. —Въ редакціонной статьѣ о результатахъ засѣданій берлинской конференціи по школьному вопросу послѣ сравненія постановленій конференціи съ тѣмъ, что уже

вошло въ жизнь австрійскихъ гимназій, выводится заключеніе, что лучшія изъ этихъ постановленій давно уже осуществлены въ Австріи. — Критика и библіографія.

Zeitschrift für das Gymnasialwesen. XLV (1891) 1—3.

1. **N. Skworzow** (директоръ Нѣж. лицея), Zur Frage über die Vorbildung von Gymnasiallehrern, стр. 1—18. Авторъ предлагаетъ основаніе педагогическихъ семинарій, которыя, будучи самостоятельными учрежденіями, опирались бы па университетъ, какъ на фундаментъ, а результаты своей дѣятельности отдавали бы непосредственно гимназіи. — **R. Menge,** Homer und das Ithaka der Wirklichkeit, стр. 52—62. Менге, самъ посѣтившій Итаку, доказываетъ, что описаніе этого острова у Гомера основано на личныхъ впечатлѣніяхъ, и что нынѣшняя Итака въ общемъ соотвѣтствуетъ изображенію древняго поэта. Самый городъ лежалъ у „Полисской бухты", соотвѣств. гом. гавани, тамъ же плодородныя нивы указываютъ на помѣстье Лаэрта. Плато́ у „Кораксовыхъ скалъ" — пастбища Эвмея; тутъ же по близости скала, упоминаемая въ Одисс. 14, 399 и у подошвы ея ключъ Аретуза; южнѣе у самаго спуска плато находится гавань, гдѣ высаживался Телемахъ, въ то время какъ женихи подстерегали его на о-вкѣ Астерисъ-Даскаліонъ въ проливѣ между Итакой и Кефалленіей. Также гомеровское описаніе грота нимфъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. — Рецензіи. — Jahresberichte: **P. Schwenke,** Ciceros Reden. **R. Engelmann,** Archäologie.

2, 3. O. Weissenfels, Die verloren gegangene Harmonie des Körperlichen und Geistigen, стр. 65—83. — Рецензіи. — Jahresberichte: **R. Engelmann,** Archäologie.

Archiv für Geschichte der Philosophie. Band IV (1891), 1.

P. Tannery, Une opinion faussement attribuée à Pythagore, стр. 1—11. Ошибочно приписывается Пиѳагору опредѣленіе разстоянія между землею, луной и солнцемъ. Первый Эвдоксъ, ученикъ Архита, принимался за вычисленіе отношенія разстояній солнца и луны отъ земли, а ученіе о гармоніи сферъ не было извѣстно еще Филолаю. Приписываемая Пливіемъ (*n. h.* II, 19 слѣд.) и Цензориномъ (*d. d. nat.* 13) Пиѳагору теорія о сходствѣ между всѣми планетами и струнами лиры — позднѣйшаго происхожденія. Эти писатели въ своемъ сообщеніи опирались на Варрона и греческіе источники сомнительнаго достоинства. — **M. Offner,** Zur Beurteilung des Melissos, стр. 12—33. Доказывается, что 1) нелѣпая аргументація (fr. 7), основанная на смѣшеніи безконечности времени и пространства, не можетъ быть приписана Мелиссу; 2) въ дошедшихъ отрывкахъ вовсе нѣтъ слѣдовъ такого смѣшенія; 3) Аристотель не направляетъ своей критики на это смѣшеніе понятій; онъ порицаетъ самый принципъ безконечности *τοῦ ὄντος*, а не его логическое обоснованіе. Наконецъ, все недоразумѣніе авторъ приписываетъ комментаторамъ Аристотеля. — **A. Döring,** Die Disposition von Xenophons Memorabilien als Hülfs-

mittel positiver Kritik, стр. 34—60. Ксенофонтовы Меморабиліи (это заглавіе не исходитъ отъ самого автора) представляютъ собою въ сущности апологію Сократа и въ значительной своей части являются строго расчлененнымъ органическимъ цѣлымъ. Рядомъ съ распаденіемъ Меморабилій на двѣ части, обусловленнымъ двумя направленными противъ Сократа обвиненіями (въ безбожіи и развращеніи юношества), замѣчается и другое дѣленіе ихъ на двѣ части: отрицательную — опроверженіе обвиненій и положительную — оправданіе Сократа. Эти двѣ части далеко не равны по объему. Отрицательная часть обнимаетъ только двѣ первыя главы. Положительная же распадается также на два неравные отдѣла. 1) Полезное вліяніе, какое Сократъ имѣлъ на окружающихъ своимъ поведеніемъ (*ἔργῳ*, но сюда же относится и *λέγειν*, насколько оно не равнозначуще съ *διαλέγεσθαι*): a) характеристическія черты религіознаго настроенія Сократа и b) его воздержаніе отъ чувственныхъ удовольствій (I 3). — 2) Спасительное дѣйствіе Сократовскаго умѣнія подчиняться, подавлять свою личность (I 4 до конца): a) религіозное обоснованіе этого подчиненія; b) ученіе о воздержаніи во внѣшнихъ потребностяхъ (I 5—II 1, исключая I 7, что скорѣе можно разсматривать какъ введеніе къ III 1 слѣд.); c) благодарность въ отношеніи къ матери (II 2); d) Сократъ миритъ двухъ братьевъ (II, 3); e) ученіе о дружбѣ (II 4—6); f) истинный смыслъ изреченія *ἔργον οὐδὲν ὄνειδος* (II 7—10); g) политическіе совѣты (III 1—7); h) III 8—14 — единственная часть, не имѣющая тѣсной связи съ цѣлымъ. Заключеніе: истинно-воспитательное воздѣйствіе Сократа на его учениковъ (IV 1—7). Подъ Евѳидемомъ (въ IV 2 и далѣе), по всей вѣроятности, скрывается самъ Ксенофонтъ. Изложенный планъ нарушается вставками: I 7, IV 4 и б. м. I 2, 12—48. — **H. Diels**, Bericht über die deutsche Litteratur der Vorsokratiker 1889, стр. 111—120. — **E. Zeller**, Die deutsche Litteratur über die sokratische, platonische und aristotelische Philosophie 1889.— Остальныя статьи не имѣютъ отношенія къ древней философіи.

Jahresbericht über die Fortschritte der classischen Alterthumswissenschaft, begr. v. C. Bursian, herausg. v. Iwan v. Müller. XIX (1891), Heft 1—5. Помѣщены отчеты:

О литературѣ по Цезарю за 1883—1890, Heller'a; 2. Abth. стр. 1—118.

О литературѣ по латинскимъ грамматическимъ писателямъ за 1877—1890; Götz'a; 2. Abth., стр. 119—170.

О литературѣ по Теренцію и прочимъ сценич. писателямъ, кромѣ Плавта, за 1884—1888, Spengel'a, — 2. Abth., стр. 171—176. (Продолженіе будетъ).

О литературѣ по исторіи школъ съ древними яз. за 1887—1888, Hartfelder'a; 3. Abth. стр. 1—96. (Продолженіе будетъ).

IV. НОВЫЯ КНИГИ.

а) Вышедшія въ Россіи (въ 1891 г. по 1 сентября).

Адольфъ, А. Истинное образованіе и классицизмъ. Рѣчь. М. — 40 к.

Алексѣевъ, В. Лукіанъ, перев. съ греч. Вып. 3. СПБ. — 75 к.

Аппельротъ, В. Краткій синтаксисъ греческаго языка. М. — 45 к.

Ардашевъ, Н. Переписка Цицерона, какъ матеріалъ для біографіи Цезаря М. — 2 р.

Благовѣщенскій, Н. М. Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры (съ рисунками) СПБ. — 1 р. 50 к.

Бѣляевъ. Сочиненіе Аристотеля о государственномъ устройствѣ Аѳинъ. Казань.

В. Л. Переводы изъ греческихъ поэтовъ. Казань.

Виноградовъ, П. Начальный курсъ латинскаго языка. Учебная книжка для перваго класса. 2 изд. М. — 50 к.

Горбатовъ, А. Горація оды. Введеніе и примѣчанія. Казань. — 1 р. 50 к.

Григоревскій, И. Курсъ греческаго языка по Курціусу и Коху. Часть I. Этимологія. СПБ. — 1 р.

Деревицкій, А. О новомъ трактатѣ Аристотеля и его значеніи для исторіи аѳинской демократіи. Харьковъ. — 25 к.

Джеббъ. Исторія греческой литературы, перев. съ англ. М. — 1 р.

Кохъ, Э. Упражненія по греческой этимологіи. Часть 2-я, курсъ IV класса. М. — 75 к.

Кунской, П. Древняя исторія въ отрывкахъ изъ источниковъ. Пособіе при нач. изученіи исторіи. Часть I. Тифлисъ. — 1 р. 50 к.

Ланговой, А. Избранныя рѣчи Цицерона. Текстъ съ объявленіями. Вып. I. Рѣчи: De imp. Cn. Pomp., pro Archia, pro Milone. Часть I. Лат. текстъ со введеніемъ и указ. предметовъ и собств именъ. М. — 50 к.

Левенштейнъ, Я. *Ἀνάβασις Ξενοφῶντος*. Съ примѣчаніями. 2 изд., внові обработанное. Съ картой Малой Азіи. М. — 1 р. 20 к.

Левенштейнъ, Я. Memorabilia Xenophontis, съ объясненіями. М. — 75 к.

Лихотинскій, С. Очеркъ употребленія причастій у Тацита. Гл. I. Общія замѣчанія объ употребленіи причастныхъ оборотовъ для обозначенія времени. (Оттискъ изъ Унив. Изв.). Кіевъ.

Менге, Г. Матеріалы для повторенія греч. синтаксиса, въ русской обработкѣ А. Адольфа и Е. Сыроѣчковскаго. Часть. I. Русскій текстъ. Часть II. Греч. текстъ. М. — 1 р.

Миллеръ, В. и Кнауэръ. Руководство къ изученію санскрита (грамм., текстъ и словарь) СПБ. 1 р. 50 к.

Нагуевскій, Д. Энеида Виргилія. Полное изданіе въ одномъ томѣ, съ введеніемъ и комментаріемъ. Казань. — 3 р. 60 к.

Никифоровъ, В. Латинская грамматика, сост. по Штегману. Изд. 2-ое, исправленное. М. — 1 р.

Олсуфьевъ, А. графъ. Марціалъ. Біографическій очеркъ. М. — 1 р.

Орловскій, С. и Фаминскій, В. Греческая хрестоматія, т. I. Вып. 5-ый. Пять рѣчей Демосѳена, съ біографіей Д. и примѣч. Изд. 2-ое. СПБ. — 35 к.

Орѣшниковъ, А. Описаніе древне-греческихъ монетъ, принадлежащихъ Имп. М. Ун. (съ 3-мя таблицами снимковъ). Москва.

Петръ, В. И. Къ вопросу о латинской орѳоэпіи, съ добавленіемъ статьи: „Могутъ ли латинскіе губные звуки p, b, f служить замѣстителями арійскихъ нёбныхъ k, g, gh". Кіевъ.

Плутархъ. Сравнительныя жизнеописанія. Съ греч. пер. В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. Т. I. Тезей и Ромулъ. (Дешевая библ. Суворина). СПБ. — 15 к.

Покровскій, М. Лингвистическія замѣтки въ области латинской грамматики. (Оттискъ изъ Р. Ф. Вѣстн.). Варшава.

Полововъ, А. Рѣчь Цицерона за П. Суллу, перев. съ лат. М. — 40 к.

Приселковъ, А. Пособіе для первоначальнаго обученія греческому языку. Для 3-го и 1-го полуг. 4-го кл. Изд. 2. Тифлисъ. — 45 к.

Радецкій, С. и Соколовъ, В. Латинская хрестоматія для низшихъ классовъ. Примѣнительно къ треб. учеб. плановъ. М. — 1 р.

Санчурскій, Н. Краткая грамматика латинскаго языка. Примѣнительно къ уч. программамъ. Часть I. Этимологія. Начальныя правила синтаксиса. СПБ. — 60 к.

Сборникъ статей по классической филологіи. Вып. I. и II. СПБ.

Семеновичъ, И. Латинская хрестоматія для низшихъ классовъ гимназій. Примѣнит. къ новымъ уч. планамъ. Москва. Часть I и II (курсъ 1 и 2 кл.) — 1 р. Часть III и IV (курсъ 3 и 4 кл.). — 1 р.

Сербовъ, И. Латинскій синтаксисъ въ изложеніи Дютрэ, по методу, употребляемому въ средне-учебныхъ заведеніяхъ Франціи, съ измѣненіями примѣнительно къ русскому яз. Херсонъ.— 1 р. 20 к.

Сидоровъ и Кеслеръ. Краткая грамматика латинскаго языка. Изд. 5-ое, исправленное и дополненное. СПБ. — 1 р. 20 к.

Скворцовъ, Н. Объ университетскомъ ученіи вообще и историко-филологическомъ въ частности. Москва.

Сперанскій, Н. и Аппельротъ, В. Этимологія греческаго языка М. — 1 р.

Сыроѣчковскій, Е. Начальная латинская хрестоматія. Вып. 2-й. Курсъ 2-го кл. М. — 50 к. Вокабулярій къ курсу 2-го кл. М. — 15 к.

Фетъ, А. Эпиграммы Марціала, — стихотворный перев. и объясненія. Двѣ части. М. — 4 р.

Ходобай, Ю. Латинская грамматика. Курсъ гимназическій. Изд. 9-ое, вновь обработанное примѣнительно къ новымъ уч. пл. А. Адольфомъ. М. — 90 к.

Цыбульскій, С. Греческій театръ. XII и XIII табл. для нагляднаго преп. и изученія греч. и римскихъ древностей. СПБ. — 4 р. Объяснительный текстъ къ таблицамъ XII и XIII. Царское Село. — 40 к.

Черный, Э. Начальная греческая хрестоматія. Связныя статьи. Часть I. Изд. 2-ое. М. — 75 к.

Шестаковъ, Д. Гомеровскіе гимны I, IV, XXVIII. Переводъ съ греч. Казань.

Эзоповы басни (Дешевая семейная библіотека). М. — 10 к.

---

b) Вышедшія за границей (въ 1891 г. по 1 іюля*).

Geist, H. Was bieten die antiken Historiker der modern. Jugend? Posen.

Gemoll, A. Das Gymnasium und der Kampf gegen die Socialdemokratie. Striegau.

Guhrauer, H. Bemerkungen zum Kunstunterricht auf dem Gymnasium. Wittenberg.

Hartel, W. v. Ueber Aufgaben und Ziele der classischen Philologie. 2 Aufl. Prag. — 75 Pf.

Verhandlungen der Direktorenversammlungen, Bd. 31 u. 32. Berlin. — 8 M. u. 7 M.

Weizsäcker, P. Ueber die Bedeutung der Archäologie für das Gymnasium. Tübingen. — 30 Pf.

Anthologia lyrica graeca, ed. Bergk-Hiller. 4 Aufl. Leipzig. — 3 M.

Aristoteles Schrift vom Staatswesen der Athener, deutsch v. G. Kaibel u. A. Kiessling. Strassburg. — 2 M.

Bénard, Ch. L'esthétique d'Aristote et de ses successeurs. Paris.

Demosthenes. Ausgewähte Reden, erklärt v. A. Westermann. 3 Aufl. von E. Rosenberg. Berlin.—1 M. 80 Pf.

Euripides. Sept Tragédies. Texte grec: Hippolyte, Médée, Hécube, Iphigénie en Tauride, Electre, Oreste. Recension nouvelle, avec commentaire, introduction et des notices par H. Weil. Paris. — 12 fr.

Herodotus. Zweites Buch mit sachlichen Erläuterungen von A. Wiedemann. Leipzig. — 12 M.

Schubert, R. Herodots Darstellung der Cyrussage. Breslau. — 2 M. 40 Pf.

Homeri Ilias. Scholarum in usum ed. P. Cauer. Pars I et II. Prag. — 6 M. 50 Pf.

Kluge, H. Plan der Iliaslektüre, in 2 Jahreskursen entworfen. Leipzig. — 75 Pf.

Pfudel. Die Wiederholungen bei Homer. Liegnitz.

Plutarchs Lebensbeschreibungen grosser Helden als eine Geschichte der Griechen und Römer. 2 Bde. Leipzig.— 12 M.

Sophocles. Antigone, herausg. von I. Rappold. 2 Th. Wien. — 1 M. 40 Pf.

Becker, I. Die Ueberarbeitung des ursprünglichen Oedipus von Sophokles. Cleve.

Thucydides. Für den Schulgebrauch erklärt von I. Sitzler. I Buch. Gotha.— 2 M. 10 Pf.

Tragici. Ueber das Wesen der Schicksalstragödie von A. Rosicat. Königsberg.

Xenophon. Historia graeca, rec. O. Keller. Leipzig. — 10 M.

Vollbrecht, F. Wörterbuch zu Xenophons Anabasis. 7 Aufl. Leipzig. — 1 M. 80 Pf.

---

*) Этотъ указатель ограничивается изданіями, наиболѣе важными, и главнымъ образомъ такими, которыя могутъ имѣть отношеніе (въ широкомъ значеніи слова) къ чтенію и толкованію древнихъ авторовъ, равно какъ къ древностямъ, исторіи и литературѣ грековъ и римлянъ. — Полный указатель всѣхъ появляющихся въ свѣтъ книгъ и брошюръ по классической филологіи и рецензій на нихъ выходитъ уже 18-ый годъ въ Берлинѣ, у издателя Кальвари, подъ заглавіемъ:

Peters, K. Anthologie aus den römischen Elegikern. Mit besonderer Berücksichtigung Ovids. Mit Kommentar. 1 Heft. Gotha. — 1 M. 50 Pf.

Schulze, K. P. Römische Elegiker in Auswahl. Berlin. — 2 M. 40 Pf.

Caesaris de bello Gallico commentarii. Edition nouvelle, avec des notes par Constans et Denis. Ouvrage enrichi de cartes et illustré. 3 ed. Paris.

Schmidt, I. Commentar zu Caesars Denkwürdigkeiten über den Gallischen Krieg. Für den Schulg. herausg. Prag. — 1 M. 20 Pf.

Ciceronis scripta quae manserunt omnia. Recognovit C. F. Müller. Pars. I. Opera rhetorica. Vol. II. Leipzig. — 2 M. 10 Pf.

— Ausgewählte Reden. Erklärt v. K. Halm. 3 Bd. Die Reden gegen Catilina und für Archias. 13 Aufl. v. A. Laubmann. Berlin. — 1 M. 20 Pf.

— Rede gegen Q. Caecilius. Für den Schulgebrauch erklärt von K. Hachtmann. Gotha. — 45 Pf.

— 1, 4 u. 14 philippische Rede für d. Schulg. herausg. v. Gast. Leipzig.— 60 Pf.

— Oratio pro T. Annio Milone. Texte latin publié avec une introduction historique, une analyse du discours et des notes par Lechatellier. Paris.— 1 fr.

Aly, F. Cicero. Sein Leben und seine Schriften. Berlin. — 3 M. 40 Pf.; въ перепл. 4 M. 60 Pf.

Boissier, G. Ciceron et ses amis. Étude sur la société romaine du temps de César. Ausgewählte Abschnitte, zum Schulg. herausg. v. K. Mayer. Halle. — 1 M. 20 Pf.

Cornelius Nepos. Post Halmium recognovit A. Fleckeisen. Mit Wörterbuch für den Schulg. herausg. von H. Haacke. 11 Aufl. Leipzig. — 1 M. 20 Pf.

Horatius. Oden und Epoden. Im Versmass der Urschrift übersetzt u. mit Anm. versehen von I. C. Köhler. Halle. — 50 Pf.

— Briefe. Im Versmass d. Urschrift verdeutscht v. A. Bacmeister und O. Keller. Leipzig. — 2 M. 40 Pf.; въ перепл. 3 M. 20 Pf.

Born, B. Bemerkungen zu einigen Oden des Horaz mit besonderer Berücksichtigung der Wortstellung. Magdeburg.

Hartmann, I. De Horatio poeta. Leiden. — 5 M.

Schneidewin, M. Die Horazische Lebensweisheit. Hannover. — 1 M.

Livii ab urbe condita liber XXI. Für den Schulg. erklärt von Ed. Wölflin. 4 Aufl. Leipzig. — 1 M. 20 Pf.

Vergilii opera recensuit ac notis illustravit I. Lejard. 3 ed. Paris (768 стр.).

— Opera. Edition classique, avec une biographie et des notes, par Ch. Aubertin. Paris. (588 стр.).

„Bibliotheca philologica classica. Verzeichniss der auf dem Gebiete der class. Alterthumswissenschaft erschienenen Bücher, Zeitschriften, Dissertationen, Programm-Abl., Aufsätze in Zeitschriften und Recensionen", въ видѣ приложенія къ „Jahresbericht über die Fortschr. d. class. Alt." и отдѣльно, четыре раза въ годъ (стоитъ 6 марокъ). Слѣдуетъ отмѣтить также изданіе: „Bibliotheca philologica. Vierteljährige systematische Bibliographie der auf dem Gebiete der class. Philologie und Alterthumswissenschaft sowie der Neuphilologie neu erschienenen Schriften und Zeitschriften-Aufsätze", herausg. v. Aug. Blau; выходитъ 43-ій годъ въ Геттингенѣ у Ванденгека и Рупрехта (стоитъ 4 м. 40 ф.). Также въ видѣ приложенія къ журналу „Neue Jahrbücher f. Phil. u. Pädag.".

Fick, A. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. 4 Aufl., bearb. v. A. Bezzenberger, A. Fick, u. Wh. Stokes. 1 Th. Wortschatz der Grundsprache, der arischen und der westeuropäischen Spracheinheit von A. Fick. Göttingen. — 14 M.

Gabelenz. G. v. der. Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherige Ergebnisse. Leipzig. — 14 M.

Grasserie, R. de la, Etudes de grammaire comparée. Essais de phonétique dynamique ou historique comparée. Paris. — 8 fr.

Gresse, H. Beiträge zur Syntax der griechischen Mediums und Passivums. Framburg.

Hoffmann Otto. Die griechischen Dialekte in ihrem historischen Zusammenhange, mit den wichtigsten ihrer Quellen dargestellt. I Bd. Der Südachäische Dialekt. Göttingen. — 8 M.

Kühner, R. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. I Th. Elementar- und Formenlehre. 3 Aufl. in 2 Bdn. In neuer Bearbeitung besorgt von Fr. Blass. 1 Bd. — 12 M.

Ellendt-Seyffert's Lateinische Grammatik. 35 unveränd. Aufl. Bearb. von M. A. Seyffert u. W. Fries. Berlin. — 2 M. 50 Pf.

Harre, P. Lateinische Schulgrammatik. 3 Aufl. I Formenlehre. Berlin.— 1 M. 20 Pf.

Koch, A. Deutsch-lateinisches Taschenwörterbuch. Nebst Anh. der geogr. Eigennamen. 6 Aufl. — 1 M. 50 Pf.

Studien auf dem Gebiete des archaischen Latein, herausg. v. W. Studemund. 2 Bd. Berlin. — 9 M.

Schwegler, A. Geschichte der Philosophie im Umriss. Ein Leitfaden zur Uebersicht. 15 Aufl. von R. Köber. Stuttgart. — 4 M.

Rex, E. Abriss der Geschichte der antiken Litteratur. Berlin. — 40 Pf.

Marshall, I. A short history of Greck philosophy. London. — 7 M. 20 Pf.

Susemihl, F. Geschichte der griechischen Litteratur in der Alexandrinerzeit, I. Leipzig. 16 M.

Jeanroy et A. Puech. Histoire de la littérature latine. Paris. — 2 fr. 75.

Zöller, M. Grundriss der Geschichte der römischen Litteratur. Münster. — 3 M. 60 Pf.

Rheinhard, H. Album des klass. Altertums zur Anschauung für Jung und Alt, besonders zum Gebrauch in Gelehrtenschulen. 76 Taf. mit Text. 3 Aufl. (in 12 Lief.) Gera. — 1 Lief. à 1 M.

Allègre, F. Etude sur la déesse grecque Tyché, sa signification religieuse et morale, son culte et ses représentations figurées. Paris 5 fr.

Boissier, G. La fin du paganisme. Étude sur les dernières luttes religieuses en accident au IV Siècle. 2 vols. Paris. — 15 fr.

Forchhammer, P. W. Prolegomena zur Mythologie als Wissenschaft und Lexicon der Mythensprache. Kiel. — 5 M.

Charmes, G. L'Egypte. Archéologie, histoire, litterature. Paris. — 3 fr. 50.

Delitch, Fr. Geschichte Babyloniens und Assyriens. 2 Aufl. Stuttgart. — 3 M.

Maspero, G. Histoire de l'Orient. Paris. — 2 fr. 50.

Zeche, A. Lehrbuch der Geschichte des Altertums. Laibach. — 3 M.

Abbot, E. Pericles and the Golden Age of Athens. London. — 6 M.

Goyau, G. Chronologie de l'empire romain. A l'usages des classes. Paris. — 6 fr.

Stadelmann, F. Erziehung und Unterricht bei Griechen und Römern. Triest. — 3 M. 50 Pf.

Stein, P. Ueber Piraterie im Alterthum. I. Cöthen.

Fröhlich, F. Das Kriegswesen Caesars. 3 Th. Zürich. — 4 M. 60 Pf.

Fustel de Coulanges. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. La Gaule romaine. Paris. — 7 fr. 50.

Hubert, F. G. Römische Staatsaltertümer. 3 Aufl. v. Kopps Röm. Literaturgesch. u. Alterth. Berlin.

Olympia. Die Ergebnisse der von dem Deutschen Reich veranstalteten Ausgrabungen; herausg. von E. Curtius und Fr. Adler. 4 Bd. (Furtwängler: Die Bronzen). Mit 71 Taf. u. Abbild. Berlin. — 300 M.

Restaurations des monuments antiques par les architectes etc. Thermes de Dioclétien, par. E. Paulin. Paris. — 220 fr.

Schulz, W. Die Harmonie in der Baukunst. Nachweis der Proportionalität in den Bauwerken des griech. Alterthums. Hannover. — 10 M.

Редакторы-Издатели: **А. Адольфъ, В. Аппельротъ.**

12) Дѣти и птицы. Проф. **Д. Н. Кайгородова**; 13) Отношеніе семьи и школы къ вопросу о репетиторствѣ. **М. И. Крыгина**; 14) Къ вопросу о переутомленіи учащихся. **С. А. Будаевскаго**; 15) Профессіональная школа и подъемъ отечественной промышленности. **М. Л. Песковскаго**; 16) Цѣль и средства преподаванія низшей математики. **С. И. Шохоръ-Троцкаго**; 17) Къ вопросу о преподаваніи естественныхъ наукъ въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. **П. Ф. Лесгафта**; 18) Преподаваніе географіи въ послѣднее пятидесятилѣтіе и желательная постановка этого предмета въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. **А. И. Пулковскаго**; 19) Очерки частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія въ Россіи (народныя чтенія, частныя воскресныя школы и народныя библіотеки). **Я. В. Абрамова**; 20) Народное образованіе въ Московской губерніи (къ двадцатипятилѣтію земскихъ учрежденій). **И. П. Бѣлоконскаго**; 21) Народное образованіе въ Восточной Сибири. **Его же**; 22) Къ вопросу о значеніи и задачахъ русской народной школы. **А. М. Тютрюмова**; 23) Спеціальныя практическія задачи русской народной школы. **Н. А. Феликсова**; 24) Какія училища нужны для Петербурга. **К. К. Сентъ-Илера**; 25) Къ вопросу о журналѣ для народа и народной школы (по поводу „Читальни народной школы" за 1890 годъ). **А. М. Калмыковой**; 26) Къ вопросу о книгѣ въ жизни нашихъ дѣтей и юношества (Разборъ девяти новыхъ книгъ для дѣтскаго чтенія). **Ея же.**

Въ вышедшихъ книжкахъ помѣщены также рецензіи на нѣкоторыя педагогическія сочиненія, брошюры и руководства, дано обозрѣніе нѣсколькихъ педагогическихъ журналовъ, иностранныхъ и русскихъ, за 1890 г., рядъ статей по хроникѣ школьной жизни въ Германіи и въ Россіи и наконецъ библіографическій указатель педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія, вышедшихъ съ 1-го ноября 1890 г. по 1-е апрѣля 1891 года.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголъ Лиговки и Бассейной, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, „Новаго Времени", а также и въ книжномъ складѣ А. М. Калмыковой. Подписная цѣна въ Петербургѣ безъ доставки — *шесть рублей* въ годъ; съ доставкою *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ;* для иногороднихъ съ пересылкой — *семь рублей*. Гг. учителямъ и учительницамъ сельскихъ и начальныхъ городскихъ школъ дѣлается съ подписной платы одинъ рубль уступки.

Въ „Русской Школѣ" принимаютъ участіе слѣд. лица: **Я. В. Абрамовъ И. Ѳ. Анненскій, М. А. Антоновичъ, В. Л. Бернштаммъ, Н. И. Билибинъ, С. К. Буличъ, И. П. Бѣлоконскій, проф. Н. И. Быстровъ, проф. В. Г. Васильевскій, П. И. Вейнбергъ, Н. Х. Вессель, Е. Н. Водовозова, В. А. Воскресенскій, З. Б. Вулихъ, Е. М. Гаршинъ, В. П. Геннингъ, М. Ю. Гольдштейнъ, Н. Г. Дебольскій, М. И. Демковъ, П. В. Засодимскій, проф. Д. Н. Кайгородовъ, А. М. Калмыкова, П. Ѳ. Каптеревъ, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. А. И. Кирпичниковъ, Я. И. Ковальскій, проф. Ю. А. Кулаковскій, проф. А. Н. Ланге, проф. П. Ф. Лесгафтъ, І. Э. Мандельштаммъ, В. В. Михайловъ, К. Н. Модзалевскій, проф. В. И. Модестовъ, П. О. Морозовъ, Л. Е. Оболенскій, проф. Н. А. Осокинъ, А. Н. Острогорскій, В. П. Острогорскій, І. И. Паульсонъ, М. Л. Песковскій, Н. И. Позняковъ, В. Л. Розенбергъ, Д. Д. Семеновъ, В. Д. Сиповскій, К. К. Сентъ-Иллеръ, В. И. Срезневскій, А. Н. Страннолюбскій, проф. А. С. Трачевскій, К. Ю. Цируль, Вл. А. Шидловскій, проф. В. А. Шидловскій, С. И. Шохоръ-Троцкій, проф. Эрисманъ** и нѣкоторые другіе.

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ.*

От Редакціи Иллюстрированнаго собранія греческихъ и римскихъ классиковъ.

До настоящаго времени вышли слѣд. выпуски:

А. Римскіе классики.

Вергилій. Энеида. I п. съ введеніемъ, примѣчаніями, 27 рис. и географ. картою. Объясн. проф. *Д. И. Нагуевскій.* Изд. 4-ое.—50 коп. 3-ье изд. реком. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв.

Вергилій. Энеида. II п. съ введеніемъ, примѣчаніями. 13 рис. и географ. картою. Объясн. проф. *Д. И. Нагуевскій.* Изд. 3-ье.—50 коп.

Корнелій Непотъ. Избранныя біографіи съ введеніемъ, примѣчаніями, 43 рис. и географ. картою. Объясн. *Л. А. Георгіевскій.*—70 коп Реком. Учен. Комит.

Ливій. I кн. съ введеніемъ, примѣчаніями, 40 рис., 2 географ. картами и планомъ Рима. Объясн. проф. *И. В. Нетушилъ.* — 80 коп. Реком. Учен. Комит.

Ливій. XXI кн. съ введеніемъ, примѣчаніями, 27 рис. и 2 географ. картами. Объясн. проф. *Ѳ. Ф. Зѣлинскій.*—1 р. Реком. Учен. Комит.

Овидій. Избранныя стихотворенія съ введеніемъ, примѣчаніями, 56 рис. и картою звѣзднаго неба. Объясн. проф. *И. В. Нетушилъ.*—1 руб. Реком. Учен. Комит.

Саллюстій. Югуртинская война съ введеніемъ, примѣчаніями, 24 рис. и географ. картой. Объясн. *К. А. Зембергъ.* изд. 2-е.—70 коп. 1-ое изд одобр. Учен. Комит.

Цезарь. Записки о галльской войнѣ. I кн. съ введеніемъ, примѣчаніями, 32 рис., 2 планами сраженій и географ. картою. Объясн. *С. А. Манштейнъ.*—60 коп. Реком. Учен. Комит.

Цицеронъ. Рѣчи противъ Катилины съ введеніемъ, примѣчаніями, 7 рисунками, геогр. картами и планами Рима и римскаго форума. Объясн. проф. *И. В. Нетушилъ.*—70 коп.

Б. Греческіе классики.

Гомеръ. Иліада. I п. съ введеніемъ, примѣчаніями, 15 рис. и географ. картою. Объясн. *С. А. Манштейнъ.*—50 к. Реком. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв.

Гомеръ. Иліада. III п. съ введеніемъ, примѣчаніями, 22 рис. и географ. картой. Объясн. *Ст. Ос. Цыбульскій.*—50 коп.

Гомеръ. Одиссея. I п. съ введеніемъ, примѣчаніями и 17 рис. Объясн. *С. А. Радецкій.* Изд. 2-ое.—50 коп. 1-ое изд. реком. Учен. Комит.

Ксенофонтъ. Анабасисъ. I кн. съ введеніемъ, примѣчаніями. 47 рис. и картою М. Азіи. Объясн. *Л. А. Георгіевскій.* Изд. 2-ое.—50 коп. 1-ое изд. реком. Учен. Комит.

Ксенофонтъ. Анабасисъ. II кн. съ введеніемъ, примѣчаніями, 32 рис. и картою М. Азіи. Объясн. *Л. А. Георгіевскій.* Изд. 2-ое. 40 коп. 1-ое изд. реком. Учен. Комит.

Платонъ. Апологія Сократа съ введеніемъ, примѣч. и 5 рис. Объясн. *А. О. Поспишилъ.* Изд. 3-ье.—70 коп. 2-ое изд. реком. Учен. Комит.

Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ будетъ постоянно пополняться новыми выпусками.

Главный складъ изданія находится у Сергѣя Андреевича Манштейна (Царское Село, Императорская Николаевская гимназія), куда и просятъ обращаться съ требованіями.

Учебныя заведенія, выписывающія вышеозначенныя книги прямо изъ Главнаго склада, получаютъ, **если пожелаютъ,** *на каждые 5 сполна оплаченныхъ экземпляровъ 1 безплатный экземпляръ для недостаточныхъ учениковъ.*

Пересылка производится на счетъ покупателей; книги высылаются гг. книгопродавцамъ и частнымъ лицамъ съ наложеннымъ платежемъ.

Тамъ же продается:

Манштейнъ, С. А. Матеріалы для усвоенія греческой этимологіи и ключъ къ нимъ. Пособіе для гимназистовъ, для всѣхъ готовящихся къ испытаніямъ зрѣлости и для репетиторовъ.—1 руб. Одобр. Учен. Комит.

I. ОБЩІЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

О нѣкоторыхъ опредѣленіяхъ въ исторіи античнаго искусства*).

По поводу сочиненія «Учебникъ исторіи профессора А. Трачевскаго. Древняя исторія. Второе, исправленное изданіе. Съ 52 рисунками, 4 картами и 3 планами» С.-Петербургъ 1889.

II.

Отъ зодчества переходимъ къ ваянію.

Стр. 141. Здѣсь прежде всего обращаетъ наше вниманіе неразличеніе авторомъ барельефа отъ горельефа, отъ формы ronde-bosse и совсѣмъ круглыхъ статуй. Описывая дорическій храмъ, проф. Трачевскій говоритъ, что „фронтоны его щеголяли барельефами". Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ (стр. 173), что „отъ Фидія сохранились только прелестные барельефы Пареенона". Отнесеніе барельефныхъ украшеній къ фронтонамъ греческихъ храмовъ не можетъ быть оправдано и доказано ни однимъ извѣстнымъ намъ примѣромъ, ни однимъ сохранившимся памятникомъ. Неужели фронтонныя группы храма Аѳины въ Эгинѣ, эти знаменитые Эгинскіе мраморы, или колоссальныя статуи фронтоновъ храма Зевса Олимпійскаго или всемірно прославленные и въ изуродованномъ видѣ безподобные мраморы фронтоновъ Пареенона, изъ которыхъ каждый поражаетъ насъ и своими размѣрами, неужели можно называть все это барельефами? Не барельефы украшали и фронтоны греческихъ храмовъ древнѣйшей эпохи, какъ доказываютъ теперь открытія на аѳинскомъ акрополѣ, знакомящія насъ съ большими и далеко выступающими изъ фона группами, которыя находились во фронтонахъ старинныхъ храмовъ, разрушенныхъ персами. — Если проф. Трачевскій называетъ барельефами фронтонныя группы, то для него барельефы, конечно, и изваянія, украшавшія метопы дориче-

*) Окончаніе.

скихъ храмовъ, какъ можно судить по тому, что всей скульптурѣ Пароенона, уцѣлѣвшей отъ разрушенія, онъ далъ названіе барельефовъ.

Это злоупотребленіе терминомъ впрочемъ у него черта общая съ другими нашими педагогами и писателями. Не останавливаясь на прочихъ, укажемъ на недавно вышедшій большой трудъ подъ названіемъ: „Павсанія. Описаніе Эллады или Путешествіе по Греціи во II-мъ вѣкѣ по Р. Хр. Переводъ съ греческаго съ толкованіями и съ приложеніемъ статей: Историко-литературное значеніе Павсанія, Краткій очеркъ исторіи греческаго искусства, Родословныя таблицы эллинскихъ династій и пр. Г. Янчевецкаго, директора Ревельской гимназіи". СПБ. 1887—1889. Эта книга, заключающая въ себѣ болѣе 1000 страницъ большого формата и убористаго шрифта, говоритъ намъ прежде всего о массѣ времени и труда, положенныхъ на избранное дѣло и о несомнѣнной любви автора-педагога къ филологическимъ и художественно-историческимъ занятіямъ. Такой писатель, какъ Павсаній, давшій наукѣ классической археологіи столь много драгоцѣнныхъ свѣдѣній о Греціи во II ст. христіанской эры, перевода и комментарія заслуживалъ. Для большей ясности и полноты, г. Янчевецкій въ интересахъ читателей снабдилъ свой трудъ, между прочимъ, и переводомъ „Очерка исторіи греческаго искусства", написаннаго извѣстнымъ спеціалистомъ проф. Рейнгардомъ Кекулé. За все это русскій читатель долженъ быть ему благодаренъ, особенно памятуя, что труды подобнаго рода предпринимаются и исполняются лишь изъ чистой любви къ наукѣ. Но тѣмъ болѣе приходится сожалѣть, что уже начало его книги, именно очеркъ исторіи греческаго искусства, страдаетъ такими недостатками, которые человѣка новаго въ предметѣ снабдятъ свѣдѣніями совершенно ложными, а читателя, знающаго дѣло, поразятъ непріятно и уронятъ несомнѣнно въ глазахъ его и цѣну всей книги. Г-нъ Янчевецкій пишетъ о фронтонныхъ эгинскихъ барельефахъ (стр. LVII), о фронтонныхъ барельефахъ мегарской сокровищницы въ Олимпіи, о метопныхъ барельефахъ храма F въ Селинунтѣ (стр. LVIII), о фронтонныхъ барельефахъ Пароенона (стр. LXXI) и пр. — Далѣе изъ этого очерка исторіи греческаго искусства мы узнаемъ совершенно

неожиданно о сохраненіи фресокъ, какъ юношескаго произведенія Фидія въ храмѣ Өисея въ Аөинахъ, и эти фрески тѣмъ замѣчательнѣе, тѣмъ новѣе въ исторіи искусства, что онѣ были скульптурныя (стр. LXVI). Такія же, по словамъ г. Янчевецкаго, „фрески окружали cella въ видѣ узкой ленты“ въ Пареенонѣ (стр. LXVIII); существуютъ фрески храма Аөины-Ники (т.-наз. Безкрылой Побѣды), которыя стоятъ далеко ниже скульптуръ Пареенона (стр. LXXI). Въ другомъ мѣстѣ (стр. LXXIII) нашимъ переводчикомъ рекомендуются „монументальныя скульптуры-фрески храма Аполлона въ Вассахъ, въ Аркадіи“, или рельефныя фрески на знаменитомъ Пергамскомъ алтарѣ (стр. XCI) и т. д. Новостью является, конечно, и извѣстіе г. Янчевецкаго, что „между оригинальными твореніями Праксителя извѣстна — статуя юнаго Аполлона, прислонившагося къ стволу дерева, вверхъ по которому карабкается бѣлка“ (стр. LXXIX). Доселѣ исторія греческаго ваянія знала нѣсколько копій съ такъ наз. Аполлона, убивающаго ящерицу *(Ἀπόλλων Σαυροκτόνος)*, но объ Аполлонѣ, имѣющемъ дѣло съ бѣлкою, въ наукѣ до сихъ поръ не было слышно. Новостью отличается и сообщеніе, что знаменитая статуя Капитолійскаго музея „Умирающій галлъ“ прежде называлась „Умирающимъ воиномъ“ и что подъ этимъ именемъ она воспѣта Байрономъ (стр. XC).

Откуда же, можетъ быть, спроситъ читатель, взялъ нашъ переводчикъ эти фрески Фидія и вообще какія-то скульптурныя фрески, найденныя въ Аөинахъ, въ Аркадіи, въ Пергамѣ и пр.? Секретъ объясняется тѣмъ, что г. Янчевецкій передалъ словомъ фреска нѣмецкое Fries = фризъ, карнизъ... Оттого у него и явились „монументальныя скульптуры — фрески“ или „скульптурныя фрески“ вмѣсто скульптурные фризы. Далѣе, изъ „Умирающаго гладіатора“, какъ неправильно называли раньше капитолійскую статую, онъ сдѣлалъ „Умирающаго воина“, забывая, что у Байрона читается такъ:

I see before me the Gladiator lie:
He leans upon his hand-his manly brow
Consents to death etc.

Childe Harold, canto IV, CXL.

Смѣшеніемъ нѣмецкихъ словъ Eichhörnchen и Eidechse объясняется и появленіе изъ подъ пера нашего переводчика бѣлки вм. ящерицы...

Но возвращаемся къ труду проф. Трачевскаго.

Стр. 212. „Во второмъ періодѣ (вѣкъ Перикла) преобладало ваяніе, посвященное преимущественно изображенію боговъ и украшенію храмовъ... Это искусство, которое сосредоточилось въ Аѳинахъ, самостоятельно, но идеально до сухости; для оживленія своихъ строгихъ типовъ художникъ прибѣгалъ къ полихроміи (раскраска) и къ соединенію разныхъ матеріаловъ (чаще всего статуи дѣлались изъ слоновой кости съ золотомъ). Третій періодъ (IV в.) отличается реализмомъ... Тогда полихромія изчезла; статуи дѣлались уже изъ одного мрамора“. Это ученіе о раскраскѣ статуй или точнѣе скульптурныхъ произведеній изъ мрамора, о такъ назыв. полихроміи, какъ характеристической принадлежности греческаго искусства въ вѣкъ Перикла, и объ исчезновеніи ея въ IV ст., вѣкѣ Скопаса, Праксителя и Лисиппа не можетъ быть принято никоимъ образомъ: такъ расходится оно съ свидѣтельствомъ самихъ памятниковъ, со свидѣтельствомъ древнихъ писателей и состояніемъ вопроса о полихроміи античной скульптуры въ современной наукѣ. Раскрашиваніе скульптуръ въ различные цвѣта не представляетъ ничего характернаго для вѣка Перикла, нисколько не исчезла она изъ практики и въ IV в. Полихромія существовала въ греческой скульптурѣ съ самыхъ древнихъ ея временъ, будучи перенесена съ Востока (въ Ассиріи и въ Египтѣ и въ другихъ странахъ), такъ любившаго пеструю и яркую окраску своихъ изваяній. Сначала полихромія употреблялась въ Греціи въ деревянныхъ идолахъ, которые облекались въ цвѣтныя, яркія ткани и окрашивались въ цвѣта, сильно бьющіе въ глаза. Съ дерева она была перенесена и на терракотту, на камень, на мраморъ. Каменные идолы, открываемые въ новое время на Цикладскихъ островахъ и въ другихъ частяхъ Греціи и принадлежащіе къ доисторической порѣ греческой скульптуры, въ многочисленныхъ примѣрахъ носятъ несомнѣнные слѣды окраски: на нихъ выписывались глаза, ротъ и пр. Минуя другіе примѣры окрашиванія скульптурныхъ произведеній въ разныхъ

мѣстахъ Греціи, укажемъ на цѣлый рядъ женскихъ мраморныхъ статуй, найденныхъ на аѳинскомъ акрополѣ въ послѣдніе годы. Всѣ онѣ принадлежатъ по художественному стилю ко времени до-персидскихъ войнъ; при нашествіи персовъ на Аѳины, онѣ были разбиты и изуродованы; позднѣе ихъ, какъ потерявшихъ значеніе, аѳиняне, при возстановленіи святынь акрополя, собрали вмѣстѣ и зарыли въ землю. Аѳинскія раскопки новаго времени представляютъ не только отдѣльныя статуи, но и цѣлыя группы, нѣкогда служившія украшеніемъ храмовыхъ фронтоновъ. Тогда какъ въ этихъ статуяхъ различные цвѣта, зеленый, красный, голубой и ярко-синій, употреблялись для раскраски волосъ, глазъ, діадемы и различныхъ частей одежды, фронтонныя группы являются обильно выкрашенными во всемъ ихъ объемѣ. Тѣламъ былъ приданъ ярко-розовый цвѣтъ, бороды окрашены въ голубой, волосы въ блѣдно-желтый или палевый и т. д. Не говоря о множествѣ или даже о всѣхъ другихъ памятникахъ архаическаго періода греческой пластики, носящихъ на себѣ несомнѣнные слѣды красокъ, укажемъ на существованіе полихроміи въ эгинскихъ фронтонныхъ группахъ или въ скульптурныхъ украшеніяхъ храма Зевса въ Олимпіи. При такомъ положеніи дѣла, становится непонятной характеристика, данная нашимъ ученымъ скульпторамъ времени Перикла.

Столь же загадочно и его утвержденіе объ исчезновеніи полихроміи изъ области ваянія въ IV в. до Р. Хр., когда мы знаемъ, что Пракситель считалъ лучшими тѣ изъ своихъ мраморныхъ изваяній, которыя были украшены кистью знаменитаго живописца Никіи[1]); когда его Гермесъ съ маленькимъ Діонисомъ, найденный въ Олимпіи, носитъ на себѣ слѣды красокъ; когда обильная раскраска усиливала эффектъ рельефовъ Мавзолея; когда краски видны на многихъ надгробныхъ рельефахъ IV в., открываемыхъ въ Аѳинахъ; когда Платонъ говоритъ о раскрашиваніи статуй, о *γράφειν ἀνδριάντας*[2]); когда у

[1]) Plin. *N. H.* XXXV, 133: hic est Nicias, de quo dicebat Praxiteles interrogatus quae maxime opera sua probaret in marmoribus: quibus Nicias manum admovisset; tantum circumlitioni eius tribuebat.

[2]) Plato *Respub.* IV, 420 C: *ὥσπερ οὖν ἂν εἰ ἡμᾶς ἀνδριάντας γράφοντας προσελθών τις ἔψεγε λέγων, ὅτι οὐ τοῖς καλλίστοις τοῦ ζῴου τὰ κάλ-*

Плутарха рядомъ съ мастерами, намащавшими изваянія воскомъ (ἀγαλμάτων ἐγκαυσταί), позолотчиками ихъ (χρυσωταί) называются и окрашиватели ихъ (βαφεῖς)[1]; когда, наконецъ, памятники и живописи и скульптуры, найденные въ Помпеяхъ, говорятъ намъ о существованіи обычая скульпторовъ пользоваться услугами живописи въ вѣкъ римской имперіи. Прохожденіе полихроміи чрезъ всѣ періоды античнаго ваянія — фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. Вопросъ здѣсь можетъ быть только о размѣрахъ примѣненія ея въ пластикѣ въ разное время и въ памятникахъ различнаго назначенія, и при рѣшеніи его никакъ нельзя будетъ сказать вмѣстѣ съ проф. Трачевскимъ, что „въ IV в. до Р. Хр. полихромія изчезла" изъ скульптуры. И ничего подобнаго почтенный авторъ не сказалъ бы, если бы онъ хотя до нѣкоторой степени ознакомился съ новѣйшими сочиненіями по этому вопросу проф. Трея (Georg Treu, Sollen wir unsre Statuen bemalen? Berlin 1884) и Альта (Theodor Alt, Die Grenzen der Kunst und die Buntfarbigkeit der Antike. Berlin 1886) или прочелъ соотвѣтственныя мѣста у Блюмнера (Blümner,Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste III, стр. 200 и слѣд.) или у Баумейстера (Baumeister, Denkmäler des klassischen Altertums. III, стр. 1343 и слѣд.).

Заключая наши замѣчанія на этотъ отдѣлъ его книги, не можемъ не выразить недоумѣнія относительно подбора памятниковъ искусства, указываемыхъ авторомъ: почему напримѣръ онъ говоритъ о бронзовой статуѣ „Молящагося мальчика", неизвѣстно кому принадлежащей и первостепеннаго значенія въ исторіи эллинскаго ваянія не имѣющей, и не упоминаетъ ни словомъ о Гермесѣ Праксителя; почему обходитъ молчаніемъ памятники скульптуры храма Зевса въ Олимпіи, равно какъ ни единаго намека не проронилъ онъ ни о раскопкахъ Олимпіи, ни объ открытіи знаменитыхъ горельефовъ Пергамскаго алтаря Зевса, столь сильно освѣтившихъ вопросъ о характерѣ скульптуры Пергамской школы. Повидимому, интересы классической археологіи послѣднихъ десятилѣтій, столь богатыхъ великими открытіями, не близки нашему историку. Даже Шли-

λιστα φάρμακα προστίθεμεν· οἱ γὰρ ὀφθαλμοὶ, κάλλιστον ὄν, οὐκ ὀστρείῳ ἐναληλιμμένοι εἶεν, ἀλλὰ μέλανι etc.

[1]) Plut. *Glor. Athen.* VI, 348 F..... μᾶλλον δὲ ὡς ἀγαλμάτων.

манъ съ его раскопками въ Троадѣ, въ Арголидѣ, въ Беотіи и на Итакѣ не привлекъ его вниманіе въ должной степени. Правда на стр. 92 онъ говоритъ: „Шлиманъ открылъ недавно на мѣстѣ Трои развалины трехъ (!) древнѣйшихъ поселеній частью каменнаго, частью бронзоваго вѣка" и на стр. 108: „недавно Шлиманъ нашелъ остатки Трои въ курганахъ у мѣстечка (!!) Гиссарликъ". Но эти-то цитаты и показываютъ, какъ мало точности въ свѣдѣніяхъ проф. Трачевскаго о трудахъ знаменитаго своею энергіей и своимъ счастьемъ археолога. Въ разъясненіе этихъ частностей входить здѣсь мы не станемъ, въ виду существованія нѣсколькихъ статей о Шлиманѣ въ нашей періодической печати и особенно въ виду прекраснаго очерка, посвященнаго открытіямъ этого ученаго В. П. Бузескуломъ въ первой книгѣ нашего журнала.

Какъ въ первой, такъ и въ этой статьѣ мы не имѣли намѣренія корректировать всѣ ошибки „Учебника Исторіи" по отдѣлу античнаго искусства. И здѣсь мы желали только указаніемъ нѣсколькихъ фактовъ обратить вниманіе автора на необходимость подвергнуть этотъ отдѣлъ коренному пересмотру въ слѣдующемъ изданіи его книги.

Примѣчаніе. Пользуемся случаемъ сдѣлать слѣдующее необходимое дополненіе къ первой статьѣ (выше, отд. II, стр. 8), гдѣ къ словамъ: „Изъ современныхъ Пареенону построекъ іоническаго стиля въ другихъ частяхъ Греціи слѣдуетъ, конечно, указать на величественный храмъ Аполлона Дидимейскаго близъ Милета" слѣдуетъ прибавить: „если бы только принять догадку К. О. Мюллера (Handb. d. Arch. d. Kunst. 3-е Aufl. стр. 97) о времени возстановленія его Пэоніемъ и Дафнидомъ Милетскимъ". Это вопросъ очень сложный и рѣшаемый весьма различно: нѣкоторыми изъ новѣйшихъ изслѣдователей, какъ Рэйе, послѣдней датой ставится даже время 350—334 г. до Р. Х. (Rayet, Etudes d'archéologie et d'art, стр. 115 и слѣд.), и обыкновенно новая постройка этого колоссальнаго храма относится къ IV в., какъ это стоитъ и у нашего автора (стр. 213).

И. Цвѣтаевъ.

Вопросъ о пеласгахъ.

Otto Crusius, Beiträge zur griechischen Mythologie. Leipzig 1886 (pp. 28, in 4°).

Hesselmeyer, Die Pelasgerfrage und ihre Lösbarkeit. (Studien zur alten Geschichte, erstes Heft.) Tübingen 1890 (pp. XIII + 162).

Сопоставляя здѣсь заголовки двухъ, раздѣленныхъ четырехлѣтнимъ промежуткомъ, ученыхъ работъ по вопросу о пеласгахъ, позволимъ себѣ начать нашу замѣтку съ повторенія старой истины, что послѣднее и новѣйшее далеко не всегда бываетъ въ то же время и лучшимъ. Тогда какъ работа Крузіуса представляетъ собою научное изслѣдованіе, въ которомъ все ясно, послѣдовательно и, какъ намъ думается, неуязвимо,— въ новой работѣ Гессельмейера все сомнительно, проблематично, гадательно и совершенно не убѣдительно. Такой характеръ работы Гессельмейера тѣмъ неожиданнѣе, что онъ выступаетъ какъ ученикъ извѣстнаго тюбингенскаго профессора Альфреда фонъ-Гутшмида († 1887). Подъ его эгиду поставилъ онъ свою работу какъ самымъ посвященіемъ ея „памяти дорогого учителя", такъ и частыми ссылками въ своемъ изложеніи на его имя, его мысли, его ученые принципы. Ознакомившись съ трудомъ Гессельмейера, мы вполнѣ сомнѣваемся въ томъ, чтобы покойный общій нашъ учитель могъ одобрить произведеніе своего ученика, и притомъ не только за самые выводы, но также и за постановку вопроса, а равно за методъ и характеръ изслѣдованія. Представитель и ревнитель точнаго знанія, обладавшій удивительной широтой и поражавшій всѣхъ его знавшихъ разнообразіемъ познаній, покойный Гутшмидъ былъ въ своихъ ученыхъ трудахъ и работахъ прежде и больше всего строгимъ и остроумнымъ критикомъ подлежавшаго изслѣдованію матеріала. Онъ не проявлялъ вообще склонности строить широкія теоріи, давать обстоятельныя и полныя картины, быть историкомъ-художникомъ. Не былъ онъ критикомъ исключительно, но критическое отношеніе къ источникамъ историческаго знанія было преобладающей чертой его умственнаго склада и научной дѣятельности. Правда, онъ часто вооружался

и противъ „гиперкритики“, но въ еще большей степени были ему нелюбезны широкія и смѣлыя гипотезы, основанныя на шаткихъ данныхъ и домыслахъ. Часто въ своихъ лекціяхъ обзывалъ онъ ихъ рѣзкимъ словомъ „Unsinn“, не считая нужнымъ останавливаться на нихъ и опровергать доводы, на которыхъ онѣ основаны. Тамъ, гдѣ онъ самъ строилъ теорію послѣ своей критики подлежавшаго матеріала и давалъ ясные и точные отвѣты на темные и запутанные вопросы, тамъ уже не могло быть сомнѣнія въ томъ, что найдена истина, ни для многочисленныхъ почитателей его ученаго авторитета, ни даже для его ученыхъ недоброжелателей. А въ этихъ послѣднихъ не было недостатка у покойнаго, такъ какъ онъ, мягкій и ласковый въ личномъ обращеніи, былъ часто строгъ и настойчивъ въ своей сильной, подчасъ даже безпощадной критикѣ.

Что же сдѣлалъ ученикъ Гутшмида въ работѣ, посвященной памяти учителя? Онъ избралъ своимъ девизомъ слѣдующія слова Ренана (они приведены у него по-нѣмецки, даемъ ихъ русскій переводъ): „Искусство историка состоитъ въ томъ, чтобы изъ наполовину истинныхъ чертъ создать истинное цѣлое“. И дѣйствительно, онъ далъ ясный, полный, широкій отвѣтъ на одинъ изъ наиболѣе темныхъ вопросовъ начальной греческой исторіи. Авторъ не указалъ, гдѣ и по какому поводу высказалъ Ренанъ приведенную выше мысль. Ему, историку-художнику, имѣвшему дѣло по преимуществу съ вопросами совсѣмъ другого рода и характера, было вполнѣ естественно такъ формулировать идеалъ историка. Но иное дѣло судьба христіанства первыхъ вѣковъ и совсѣмъ другое — темныя дебри началъ исторіи. Здѣсь историкъ долженъ быть прежде всего и больше всего критикомъ, и въ результатѣ этой критики зачастую приходится ему удовлетворяться положеніями большей или меньшей вѣроятности, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ онъ дать вполнѣ точныя, ясныя и не подлежащія спору положенія. Становясь подъ эгиду Гутшмида и стремясь найти „истинное цѣлое“, авторъ допустилъ противорѣчія, и духъ учителя не живетъ въ посвященной его памяти работѣ.

Болѣе опытный и методичный изслѣдователь, Крузіусъ, въ своей работѣ сталъ также подъ эгиду Гутшмида. Въ са-

момъ началѣ своей работы привелъ онъ одно замѣчаніе покойнаго, высказанное имъ въ одной рецензіи, а именно, что во всѣхъ изслѣдованіяхъ о доисторическомъ необходимо исходить отъ исторически-достовѣрнаго, что это есть естественная и необходимая основа во всѣхъ ученыхъ исканіяхъ этого рода. Крузіусъ выдержалъ этотъ завѣтъ Гутшмида и далъ по вопросу о пеласгахъ нѣчто вполнѣ научное и убѣдительное. Крузіусъ не задавался цѣлью обновить этотъ старый вопросъ, расширить его, дать ему свое оригинальное рѣшеніе, какъ сдѣлалъ Гессельмейеръ. Но и тотъ не обновилъ его, а лишь, самъ того не замѣчая и даже отрицаясь, завелъ его въ старыя дебри, куда не разъ съ нимъ заходили изслѣдователи стараго времени.

Еще въ пору Нибура имѣлъ вопросъ о пеласгахъ обширную литературу, и этотъ великій изслѣдователь сознавался, что она наводила на него „отвращеніе" (Eckel), поддаваясь которому онъ „избѣгалъ вообще говорить о пеласгахъ" [1]). Но преодолѣвъ это отвращеніе, Нибуръ ввелъ позднѣе вопросъ о Пеласгахъ въ кругъ своихъ изслѣдованій по древнѣйшей этнографіи Италіи и утвердился по отношенію къ нему въ мысли, которую формулировалъ въ слѣдующихъ словахъ: „не какъ гипотезу, но съ полнымъ историческимъ убѣжденіемъ говорю я, что было время, когда пеласги, въ ту пору, быть можетъ, самый распространенный изъ всѣхъ народовъ Европы, жили отъ По и Арно до Босфора; только во Ѳракіи ихъ обиталища были настолько разорваны (другими народностями), что сѣверные острова Эгейскаго моря поддерживали цѣпь между тирренами Азіи и пеласгическимъ Аргосомъ" [2]).

Но еще раньше, чѣмъ Нибуръ пришелъ къ этому заключенію [3]), знаменитый Карлъ Отфридъ Мюллеръ въ своемъ капитальномъ изслѣдованіи о началахъ греческой исторіи убѣдительно доказывалъ необходимость совершенно раздѣлить въ вопросѣ о пеласгахъ Грецію отъ Италіи. Въ пеласгахъ Греціи видѣлъ онъ племя, исторія котораго вращается въ предѣлахъ: Беотія—

[1]) Römische Geschichte. I, p. 23 (изд. 1873 года).

[2]) Ibid. p. 44.

[3]) Второе изданіе Исторіи Нибура вышло въ 1826 году, а трудъ Мюллера въ 1820.

Аттика — сѣверные предѣлы Эгейскаго моря, и которое позднѣе исчезло; а въ той италійской народности, которую эллины называли тирренами, считалъ онъ необходимымъ признать „сѣверный народъ“ [1]).

Отъ „блестящей фантазіи“ Нибура, какъ выразился Моммзенъ, отказалась и отстала наука послѣдующаго времени. Вопросъ о пеласгахъ введенъ былъ опять въ узкія рамки разсмотрѣнія о началѣ греческой исторіи. Во многихъ авторитетныхъ для настоящаго времени трудахъ по греческой исторіи возобладало рѣшеніе вопроса о пеласгахъ, формулированное, напримѣръ, у Дункера въ такихъ словахъ: „Итакъ, мы можемъ сказать съ полною увѣренностью, что пеласги, ахейцы и эллины не были тремя различными народами, а что это суть скорѣе имена, обозначающія три различные періода греческой исторіи, три слѣдующія другъ за другомъ стадіи развитія греческаго народа“ [2]). Но съ этой теоріей, по которой пеласги вовсе исчезаютъ какъ этнографическій типъ, согласны далеко не всѣ ученые. Не раздѣлялъ ея и покойный Гутшмидъ. Въ курсѣ греческой исторіи, который читалъ онъ въ зимнемъ семестрѣ 1879—1880 года, когда пишущій эти строки состоялъ въ числѣ его слушателей, Гутшмидъ, коснувшись въ общемъ введеніи вопроса о пеласгахъ, высказался за необходимость признать въ нихъ особое племя, чуждое грекамъ, и притомъ народъ мореходовъ. Основывался онъ на прямомъ смыслѣ показаній Геродота и Ѳукидида. Что до ближайшаго опредѣленія расы, къ которой слѣдуетъ причислить пеласговъ, то Гутшмидъ въ этомъ отношеніи не высказывалъ опредѣленнаго мнѣнія въ своемъ курсѣ. Прибавимъ, что многіе видѣли въ пеласгахъ семитовъ, объясняя ихъ имя изъ слова Pelischtim, т.-е. филистимляне. Знаменитый географъ Кипертъ, принимая это объясненіе имени пеласговъ, считалъ нужнымъ оговорить, что оно никакъ не должно вести къ отождествленію пеласговъ съ сирійскими филистимлянами [3]).

[1]) Geschichte der Hellenischen Stämme und Städte. Erster Band. 1820, p. 448.— Мюллеръ ссылается при этомъ и на авторитетъ Нибура.

[2]) Max Duncker, Geschichte des Alterthums. V. Band, p. 20 (изд. 1881 года). Это мнѣніе раздѣляютъ Курціусъ и Шёманъ.

[3]) Lehrbuch der alten Geographie. Berlin 1878, p. 242. — Cp. Hermann, Lehrbuch der griechischen Staatsalterthümer, § 6 прим. 11 (изд. 1884 года).

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній переходимъ къ отчету о двухъ, названныхъ выше, новыхъ работахъ по старому вопросу. — Крузіусъ въ своемъ изслѣдованіи исходитъ отъ сопоставленія свѣдѣній Геродота о мѣстожительствѣ и переселеніяхъ пеласговъ. Эти данныя позволяютъ утверждать, что въ эпоху персидскихъ войнъ они жили исключительно на берегахъ моря и островахъ (Крестонъ на Термейскомъ заливѣ, Плакія и Скилака на берегахъ Пропонтиды на востокъ отъ Кизика, острова Лемносъ и Имбросъ). Въ древнія времена жили они на Гиметтѣ въ Аттикѣ и занимали равнины Беотіи и Өессаліи (стр. 4—8). Свидѣтельства Геродота (I,57) и Өукидида (IV, 109) о томъ, что пеласги были варвары по языку, понимаетъ Крузіусъ въ томъ смыслѣ, что пеласги были племенемъ различной отъ эллиновъ національности и расы. Сказаніе, изложенное у Геродота (VI, 137) по Гекатею, объ изгнаніи пеласговъ изъ Аттики позволяетъ, по мнѣнію автора, заключить, что въ болѣе раннюю пору пеласги не были исключительно мореходами, а были народомъ земледѣльческимъ. Преданіе о *πελασγικὸν τεῖχος* въ Аөинахъ обобщаетъ авторъ въ томъ смыслѣ, что пеласги были градостроителями. Отсюда уже въ древности объяснялось наименованіе ихъ *Τυῤῥηνοί*, какъ соорудители башенъ (Dion. Halik. I, 26). Что до религіи пеласговъ, то среди усвоенныхъ греками культовъ былъ одинъ, который единогласно признавался пеласгическимъ. Это — культъ кабировъ. Авторъ подробно останавливается на сведеніи и критикѣ данныхъ объ этомъ культѣ, что̀ и составляетъ главную и наибольшую часть его работы (стр. 10—26). Имя *Κάβειροι* изъясняетъ онъ изъ семитическаго kabirim, что значитъ: великіе, могучіе. Эта давно уже указанная этимологія находитъ себѣ полное подтвержденіе въ названіи кабировъ *μεγάλοι θεοί*, которое засвидѣтельствовано на надписяхъ и въ текстахъ, какъ переводъ имени кабировъ.

Мы не войдемъ здѣсь въ подробное изложеніе замѣчаній автора о богахъ, которые почитались подъ именемъ Кабировъ, и о легендахъ, привлеченныхъ имъ къ изслѣдованію; укажемъ лишь выводы. — Религія пеласговъ обнимала боговъ: 1) аграрныхъ и 2) покровителей мореходства и торговли. Свой выводъ формулируетъ авторъ въ такихъ словахъ: пеласги — „строи-

тели башенъ и земледѣльцы, которые противопоставляются эллинамъ постоянно какъ враги, должны быть признаны восточнымъ народомъ, если и не семитическаго происхожденія, то однако владѣвшимъ семитической культурой“ (стр. 26). Въ заключеніе авторъ высказываетъ намекъ на возможность связи между Деметрой и Реей-Кибелой и національности пеласговъ съ фригійцами.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе изслѣдованія Крузіуса. Въ отчетливомъ сознаніи значенія и силы отдѣльныхъ данныхъ, авторъ методически свелъ ихъ въ цѣльную и стройную аргументацію. Иначе обстоитъ дѣло въ работѣ Гессельмейера. Выше было указано на его желаніе возсоздать „истинное цѣлое“, столь мало примѣнимое въ подобнаго рода вопросахъ. Такая цѣль по необходимости требуетъ приниженія критическаго отношенія къ даннымъ и большаго простора фантазіи. Онъ и выставляетъ, какъ щитъ для своего пути, наименованіе своего метода критическо-консервативнымъ. Относясь съ довѣріемъ къ даннымъ, удобнымъ для его общей мысли и свободно ихъ обобщая, привлекаетъ онъ широко историческую аналогію, какъ способъ доказательства. Знакомство автора какъ съ источниками, такъ и ученой литературой заслуживаетъ полнаго признанія. Онъ задѣваетъ по пути такое множество историческихъ гипотезъ, контроверсовъ, теорій и мнѣній, трактуетъ онъ ихъ съ такой свободой точнаго знанія о современномъ положеніи вопроса, что глубокая ученость автора и ученое его остроуміе стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія. Но за всѣмъ тѣмъ книга его неубѣдительна.

Свое изслѣдованіе авторъ раздѣлилъ на четыре главы. Тремъ первымъ далъ онъ названіе „доказательствъ“ (Beweis), а именно: географическое, лингвистическое, миѳологическое; глава четвертая озаглавлена: „выводы для исторіи“. Авторъ много потрудился надъ самой формой изложенія и для удобства читателя часто резюмируетъ свою аргументацію. Вотъ что ставитъ онъ, какъ результатъ своего географическаго разсмотрѣнія вопроса.

Древнѣйшее населеніе материка Эллады составляли пеласги, они же и лелеги. По языку и расѣ народность эта чужда эллинамъ, вторгнувшимся съ сѣвера и черезъ Этолію проник-

шимъ въ Пелопоннесъ. Пеласги удержали за собой приморскіе пункты по обоимъ берегамъ, удержались въ Аркадіи, перешли на острова Эгейскаго моря. Одна часть племени уцѣлѣла на мѣстѣ во время эллинскаго вторженія и, эллинизовавшись впослѣдствіи, стала іонянами. Часть племени выселилась въ Италію, другая по островамъ Эгейскаго моря проникла въ Малую Азію. Въ этомъ послѣднемъ движеніи пеласги удержались кое-гдѣ на берегахъ Өракіи. Долго сохраняли они свою національность на островахъ Лемносѣ, Имбросѣ и Самоөракіи. Выгодное географическое положеніе этихъ острововъ, дававшее населенію возможность и выгоды морского разбоя, создало здѣсь для нихъ условія относительнаго процвѣтанія. На островахъ Эгейскаго моря пеласги пострадали отъ карійцевъ и грековъ, исчезли въ борьбѣ или смѣшались съ побѣдителями (стр. 23).

Во второй главѣ авторъ старается подтвердить эти свои широкія предположенія — ибо они не только не доказаны, но и въ значительномъ большинствѣ не могутъ быть доказаны, — данными о языкѣ. Онъ подробно развиваетъ мысль о томъ, что наименованіе пеласговъ словомъ *βάρβαροι* непреложно свидѣтельствуетъ о коренномъ отличіи ихъ языка отъ эллинскаго, и тѣмъ самымъ вынуждаетъ признать въ нихъ народность неарійской расы. За неимѣніемъ какихъ-либо остатковъ языка пеласговъ, онъ останавливается на словѣ *λάρισσα,* которое засвидѣтельствовано древними какъ пеласгическое въ значеніи: укрѣпленное мѣсто. Слѣдуя Pauli, признаетъ онъ суффиксъ *ασα, ασσα, ισσα* — негреческимъ. А такъ какъ этотъ суффиксъ встрѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ именахъ городовъ, то, по мнѣнію автора, города эти придется признать принадлежавшими пеласгамъ. Къ этому тощему соображенію присоединяется одна сравнительно новая данная, а именно: камень съ двумя загадочными надписями, найденный въ 1886 году на островѣ Лемносѣ. Надписи эти были изданы въ томъ же году норвежскимъ ученымъ Софусомъ Бугге (Der Ursprung der Etrusker. Christiania 1886) и объяснены имъ изъ никому невѣдомаго и доселѣ спорнаго языка этрусковъ. Гессельмейеръ входитъ по этому поводу въ обсужденіе вопроса объ этрускахъ (стр. 33—43) и приходитъ къ выводу, что этруски и пеласги суть двѣ обособившіяся части одной семьи народовъ, которую

греко-италики застали какъ туземцевъ при своемъ вторженіи въ предѣлы, получившіе впослѣдствіи ихъ имена (стр. 43). Въ третьей главѣ авторъ, по слѣдамъ Крузіуса, часто впрочемъ ему возражая въ деталяхъ, широко распространяется о религіи пеласговъ и признаетъ ея содержаніемъ обожаніе хтоническихъ божествъ. Въ послѣдней главѣ авторъ путемъ аналогіи старается подтвердить свое положеніе о пеласгахъ, какъ о первоначальномъ населеніи (Urvolk) Эллады. Проявляя обширную эрудицію, сопоставляетъ онъ свѣдѣнія о существованіи первобытнаго населенія въ разныхъ странахъ, какъ-то: Китай, Иранъ, область Тигра и Евфрата, Египетъ, Палестина, Финикія, Сирія, Малая Азія, сѣверо-востокъ Европы, Германія, Франція, Испанія. Послѣ этого обзора авторъ останавливается подробнѣе на Италіи, первобытное населеніе которой видитъ онъ въ этрускахъ. Это мнѣніе оказывается въ противорѣчіи съ выводами современныхъ изслѣдованій по этрусскому вопросу путемъ изученія археологическаго матеріала, въ которыхъ съ большой вѣроятностью доказано положеніе, что этруски явились на почву Италіи позднѣе италиковъ. Возраженіе автора Гельбигу, главному представителю этого рода изученій италійской древности, не лишены критическаго остроумія, но они мало убѣдительны.

Возвращаясь послѣ этихъ аналогій къ Элладѣ и пеласгамъ, Гессельмейеръ настаиваетъ на непринадлежности послѣднихъ къ арійской семьѣ народовъ и характеризуетъ степень культуры „первобытнаго населенія“ этой страны. Пришельцы эллины были ниже туземцевъ въ культурномъ отношеніи. Тогда какъ первые были еще въ полукочевомъ быту, вторые пахали землю *(ἄργος)* и знали укрѣпленные города *(λάρισσα)*. Раздѣленные на многія племена (перрэбы, гэмоны, гіанты, кранаи, аоны, темники, лелеги и др.), знали они царскую власть. Ихъ цари были въ то же время и первосвященниками своихъ племенъ. Отъ пеласговъ усвоили эллины сооруженіе домовъ и хлѣбопашество, а вмѣстѣ съ послѣднимъ и связанные съ нимъ зачатки календаря. Храненіе мѣстныхъ культовъ осталось въ рукахъ пеласгическихъ фамилій прежнихъ царей, которые утеряли теперь всякое политическое значеніе. Отъ пеласговъ усвоили эллины культъ кабировъ; наслѣдіемъ отъ нихъ остались и элевзинскія мистеріи.

Таково содержаніе „изслѣдованія“ Гессельмейера. То, что въ немъ вѣрно — не ново, а то, что ново, или проблематично, или недостовѣрно. Обширная ученость, которую онъ обнаруживаетъ въ своихъ историческихъ аналогіяхъ, а равно и въ возраженіяхъ на разныя неудобныя для него теоріи и рѣшенія разныхъ частныхъ вопросовъ, составляя сама по себѣ безспорное достоинство его работы, оказывается не въ силахъ служить ей въ главной и существенной ея цѣли, а именно: за ново рѣшить вопросъ о пеласгахъ. Въ гораздо меньшемъ ореолѣ учености, но въ простомъ и непосредственномъ отношеніи къ источникамъ вопросъ этотъ могъ бы быть трактованъ имъ съ большей надеждой на успѣхъ его рѣшенія, чѣмъ какъ это случилось теперь, ибо авторъ не прибавилъ своей работой ничего къ тому немногому, что можетъ считаться утвержденнымъ, какъ весьма вѣроятное, въ предшествующихъ работахъ по тому же вопросу.

Намъ остается отмѣтить, что Гессельмейеръ приложилъ къ своей работѣ въ видѣ экскурса разборъ гипотезы Курціуса объ іонянахъ (стр. 129—135). Гипотеза эта, по которой греческое населеніе малоазійскаго берега признается кореннымъ и туземнымъ въ тѣхъ мѣстахъ, считалась давно погребенной; но въ послѣднее время ее освѣтилъ Гольмъ въ своей Исторіи Греціи. Возобновляя аргументы, которыми въ свое время изгонялъ ее покойный Гутшмидъ, авторъ убѣдительно возстаетъ противъ этого оживленія ненужнаго призрака.

Юліанъ Кулаковскій.

II. ОБЗОРЪ КНИГЪ.

Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Iussu et impensis Societatis Archaeolog. Imp. Russ. ed. B. Latyschev. Vol. I. 1885, Vol. II. 1890.

Въ наше время было бы не только безполезно, но и смѣшно указывать на то громадное значеніе, какое имѣютъ эпиграфическіе памятники для изученія всѣхъ сторонъ античной жизни, исторіи какъ политической, такъ и литературной, правовыхъ учрежденій, какъ и частнаго быта, наконецъ — last not least — языка народнаго съ его различными діалектами. Уже съ самаго Возрожденія наукъ ученые стали интересоваться надписями, какъ живыми свидѣтелями древности, но сначала на нихъ смотрѣли больше, какъ на извѣстнаго рода курьезы и рѣдкости, и только постепенно между филологами получилъ преобладаніе взглядъ, высказанный уже Киріакомъ Анконитанскимъ въ началѣ XV в.: maiorem longe quam ipsi libri fidem et notitiam praestare videntur. Съ этихъ же поръ начались повторенныя попытки собрать всѣ извѣстныя тогда надписи in absolutissimum corpus, какъ гласитъ громкое названіе перваго подобнаго сборника, составленнаго гейдельбергскимъ профессоромъ Яномъ Грутеромъ по указаніямъ знаменитаго Скалигера въ 1616 г., но всѣ подобныя попытки, предпринятыя на собственныя средства лицами, недостаточно подготовленными, не могли имѣть надлежащаго успѣха. Лишь въ началѣ нынѣшняго столѣтія Берлинская Академія Наукъ, по предложенію Нибура, Шлейермахера, Бутмана и Имм. Беккера, взяла на себя трудъ и издержки по составленію полнаго корпуса греческихъ надписей и поручила это дѣло Августу Бёку, показавшему въ своей „Политической экономіи аѳинянъ“, какихъ результатовъ можно достигнуть при раціональномъ ихъ изученіи: тогда только изданіе и обработка надписей были поставлены на научную почву, — съ выхода въ свѣтъ перваго выпуска въ 1825 г. должно датировать начало новой науки объ эпиграфикѣ. Помимо всѣхъ другихъ заслугъ Бёка, особенно важно въ его изданіи установленіе строгаго и притомъ разумнаго плана: между тѣмъ какъ прежніе издатели группировали надписи безъ различія происхожденія по ихъ содержанію (способъ, пригодный для небольшого лишь числа памятниковъ), Бёкъ распредѣлялъ ихъ

сначала по мѣстностямъ, а затѣмъ только внутри каждой группы по содержанію, что удивительно облегчало возможность ими пользоваться для научной работы. 11-й отдѣлъ (во 2-мъ томѣ) заключаетъ Inscriptiones Sarmatiae cum Chersoneso Taurica. Тѣмъ не менѣе этотъ корпусъ даже раньше своего окончанія оказался не соотвѣтствующимъ всѣмъ потребностямъ: не только, въ виду начавшихся со второй трети нынѣшняго столѣтія во всѣхъ областяхъ античнаго міра разысканій и раскопокъ въ болѣе основательной и систематической формѣ, количество извѣстныхъ надписей возросло по крайней мѣрѣ вчетверо, но еще вреднѣе оказалось то обстоятельство, что Бёкъ, едва ли самъ видѣвшій десятокъ надписей, издавалъ ихъ на основаніи противорѣчивыхъ и большею частью недостовѣрныхъ снимковъ, которые онъ исправлялъ подобно всякимъ рукописямъ какого-нибудь автора съ замѣчательнымъ критическимъ тактомъ, но и съ неменьшей смѣлостью, что ему и было выставлено на видъ въ строгой критикѣ Г. Германна (въ Leipzig. Literat.-Zeit. 1825 № 238—41). Впервые, однако, противъ такого способа изданія древнихъ надписей возвысилъ свой голосъ знаменитый проф. Т. Моммсенъ (Ueber Plan und Ausführung eines Corp. Inscr. Lat. Rom. 1847), когда та же Академія задумала по образцу и нормамъ греческаго корпуса издать латинскій (за это стояли оба Zumpt'a): — онъ требовалъ, чтобы были взяты новые точные снимки со всѣхъ существующихъ надписей и только для исчезнувшихъ или испорченныхъ временемъ были приняты въ расчетъ, и то съ разборомъ, старыя копіи. Чтобы доказать на дѣлѣ справедливость своихъ требованій, онъ на частныя свои средства объѣздилъ въ два года всю южную Италію, всюду отыскивая надписи и снимая съ нихъ точныя копіи — въ результатѣ получилось образцовое изданіе Inscriptiones Regni Neapolitani Latinae 1852 г. Послѣ этого о старомъ способѣ изданія надписей не могло быть и рѣчи, и принципы Моммсена восторжествовали и были положены въ основу порученнаго ему Академіей корпуса латинскихъ надписей. Вскорѣ послѣ этого Берлинская Академія Наукъ рѣшилась предпринять на новыхъ, оправдавшихся на дѣлѣ, началахъ новое изданіе греческаго корпуса, коего первая часть—собраніе аттическихъ надписей — нынѣ закончена подъ редакціей Кирхгофа, Келера, Диттенбергера, вторая часть (Inscriptiones Italiae et Siciliae, Britanniae, Galliae, Hispaniae, Germaniae graecae) издана недавно Кайбелемъ, а часть, обнимающая надписи Мегары, Беотіи, Фокиды, готовится къ изданію подъ редакціей Доллинга. При такихъ обстоятельствахъ наше Петербургское Археологическое Общество предприняло патріотическое дѣло, задумавъ въ 1879 г. переиздать и пополнить отдѣлъ Бёков-

скагó корпуса, заключающій въ себѣ греческія надписи, найденныя на почвѣ Россіи, главнымъ образомъ у сѣвернаго прибрежья Черного моря; рѣшено было, однако, прибавить къ нимъ и малочисленныя латинскія надписи, не заслуживавшія отдѣльной публикаціи, но зато исключить изъ сборника греческія и латинскія надписи, открытыя на Кавказѣ, такъ какъ онѣ уже раньше вышли въ образцовомъ изданіи такого знатока, какъ проф. И. В. Помяловскій: почетное, но трудное дѣло это было возложено на В. В. Латышева, который уже многими цѣнными статьями по эпиграфикѣ (въ Mittheil. d. deutsch. Arch. Inst. zu Athen, Bull. et Corresp. Hellen. и Журн. Мин. Нар. Просв.) доказалъ свою подготовленность къ такому порученію.

До сихъ поръ вышло этого изданія два тома, заключающіе въ себѣ настоящія монументальныя надписи, между тѣмъ какъ третій, еще не изданный, будетъ содержать въ себѣ такъ-наз. supellex varia, т.-е. надписи, начертанныя на разной утвари, преимущественно на ушкахъ амфоръ. Въ распредѣленіи матеріала издатель слѣдовалъ принципамъ Бёка, т.-е. держался географическаго порядка: первый томъ, изданный 6 лѣтъ тому назадъ, содержитъ надписи Тиры, Ольбіи, Таврическаго Херсонеса, Неаполя и нѣкоторыхъ мелкихъ мѣстечекъ; второй, вышедшій въ прошломъ году, заключаетъ надписи Боспоранскаго царства, раздѣленныя по четыремъ его городамъ, Пантикапеѣ, Фанагоріи, Горгиппіи и Танаидѣ. Для тѣхъ мѣстъ, отъ коихъ дошло до насъ болѣе значительное число надписей (такъ отъ Ольбіи, Херсонеса и четырехъ городовъ Боспора), послѣднія разбиты по классамъ и рубрикамъ, измѣняющимся соотвѣтственно имѣющемуся матеріалу, но всегда цѣлесообразнымъ и дающимъ возможность съ легкостью подыскать требующіеся читателю документы. Издатель, какъ и слѣдовало отъ него ожидать, не удовольствовался перепечаткою надписей со старыхъ и часто не достаточно точныхъ копій, а объѣздивъ большую часть мѣстъ, гдѣ онѣ теперь хранятся, большую часть списалъ самъ и взялъ съ нихъ снимки, немногія лишь издалъ по снимкамъ самыхъ надежныхъ лицъ и только тѣ надписи, которыхъ мѣстонахожденія ему не удалось открыть, опубликовалъ по старымъ изданіямъ. Всѣхъ надписей въ двухъ томахъ мы находимъ 761 (въ томъ числѣ 8 латинскихъ и 2 на обоихъ языкахъ): первая часть содержитъ 250, вторая — остальныя 511 надписей, считая двѣ двойныя (235 и 431) и всѣ добавленія, коихъ въ этомъ томѣ 39. Изъ этого числа 289 (117 + 172) надписей еще нигдѣ не были опубликованы и издаются здѣсь въ первый разъ, т.-е. почти $^{2}/_{5}$ всего сборника: хотя эти новыя надписи были большею частью фрагментированы, и только немного крупныхъ и особенно цѣнныхъ уда-

лось издателю открыть, тѣмъ не менѣе должно отдать ему справедливость, что рѣдкій томъ берлинскаго корпуса можетъ хвастаться подобнымъ обогащеніемъ. Если мы притомъ сравнимъ наше изданіе съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ (XI-мъ) въ Бековскомъ корпусѣ греческихъ надписей, то найдемъ въ послѣднемъ лишь 78 нумеровъ (отъ 2057—2134) и вмѣстѣ со всѣми Addenda 138 надписей: слѣдовательно на 615 (не считая латинскихъ) надписей Сборникъ содержитъ сравнительно больше, или другими словами число ихъ съ тѣхъ поръ возросло въ $4^1/_2$ раза. Правда, какъ мы уже видѣли, больше половины этихъ прибавившихся надписей было уже раньше составленія Сборника опубликовано въ разныхъ журналахъ и другихъ изданіяхъ, но не говоря уже о томъ, что всѣ онѣ были снова провѣрены издателемъ и такимъ образомъ являются въ исправленномъ (и часто дополненномъ) видѣ, мы теперь имѣемъ ихъ всѣ предъ собою соединенными вмѣстѣ и сопоставленными въ удобномъ порядкѣ, а не принуждены искать ихъ по различнымъ закоулкамъ. Насколько подобное собраніе облегчаетъ всякую научную работу, можетъ вполнѣ оцѣнить лишь тотъ, кому самому приходилось часто имѣть дѣло съ эпиграфическимъ матеріаломъ, разсѣяннымъ по различнымъ изданіямъ: по личному опыту могу засвидѣтельствовать, что единственное средство для достиженія солидныхъ результатовъ въ такомъ случаѣ — выписать всѣ разрозненныя надписи, т.-е. самому себѣ составить родъ корпуса. Но подобный способъ работы возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если кто нуждается въ надписяхъ извѣстной мѣстности для цѣльнаго научнаго труда, а если комунибудь интересна лишь справка по спеціальному вопросу, напр. существовали ли извѣстные магистраты въ данной мѣстности, какія имена мѣсяцевъ были въ употребленіи, встрѣчается ли та или другая форма языка въ извѣстныхъ надписяхъ и т. д., какое требуется самоотверженіе отъ изслѣдователя, чтобы перелистать всѣ изданія, гдѣ онъ, можетъ быть, ничего не найдетъ по интересующему его вопросу! какое онъ имѣетъ ручательство, что, потративъ много времени на поиски, онъ не пропуститъ именно важнаго для него документа, опубликованнаго въ какомъ-нибудь недоступномъ или неизвѣстномъ ему изданіи! По отношенію напр. къ занимающимъ насъ южно-русскимъ надписямъ до сихъ поръ приходилось не только просматривать Comptes-rendus de la commiss. arch. 1859—81 г. и 15 томовъ Записокъ Одесскаго Общества исторіи и древностей, не только имѣть дѣло съ довольно рѣдкими книгами и изданіями (которыя могли быть доступны даже не во всякомъ университетскомъ городѣ нашего отечества), но искать эпиграфическіе памятники въ такихъ изданіяхъ, гдѣ ихъ никто, кажется, не

ожидалъ бы: только изъ Сборника напр. я узналъ, что нѣсколько греческихъ надписей было издано въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ (только за 1875 г.) — имѣвши студентомъ все изданіе подъ руками, я не подозрѣвалъ этого факта. Въ виду всего этого не слишкомъ смѣло будетъ сказать, что В. В. Латышевъ, сдѣлавъ впервые громадное число надписей общедоступными и издавъ остальныя (Бёковскія) въ болѣе достовѣрномъ видѣ, такъ сказать, открылъ намъ наново наши богатства и далъ обильный матеріалъ для изученія какъ ученымъ, занимающимся эпиграфикой спеціально, такъ и историкамъ. Лучшее доказательство того значенія, какое имѣетъ для науки его Сборникъ, далъ почтенный издатель самъ въ трехъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, въ коихъ резюмировалъ выводы, получаемые главнымъ образомъ изъ эпиграфическаго матеріала относительно исторіи и учрежденій трехъ важнѣйшихъ центровъ греческой жизни на нашемъ южномъ прибрежьи: Объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольбіи 1887 г. Эпиграфическія данныя о государственномъ устройствѣ Херсониса Таврическаго въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г. іюнь (переведено самимъ авторомъ на французскій языкъ и издано въ Bull. d. Corr. Hell. IX, p. 265) и наконецъ краткое, но блестящее изслѣдованіе объ исторіи и учрежденіяхъ Боспоранскаго царства, предпосланное въ видѣ введенія ко второму тому Сборника (стр. VIII—LVI: здѣсь авторъ воспользовался съ большимъ умѣньемъ и данными нумизматическими).

Указавъ такимъ образомъ общій характеръ и важное значеніе разсматриваемаго изданія, мы затѣмъ остановимся еще на нѣкоторыхъ частностяхъ. Самый текстъ надписей, конечно, изданъ согласно всѣмъ требованіямъ современной эпиграфической критики: сначала напечатанъ въ типахъ, по возможности передающихъ форму подлинника (съ указаніемъ въ особенно интересныхъ случаяхъ и вида самаго камня, напр. II, n° 219, 232, или по крайней мѣрѣ факсимиле надписи, напр. II, n° 97, 140, 159, 469, 470), при чемъ должно замѣтить, что въ разнообразіи и вѣрности типографскихъ знаковъ нашъ Сборникъ даже превосходитъ, кажется, корпусы Берлинской Академіи; далѣе слѣдуетъ транскрипція въ обыкновенный греческій алфавитъ съ дополненіями автора, ясно обозначенными какъ таковыя. Относительно послѣднихъ должно замѣтить, что авторъ, обладая большою опытностью и тонкимъ критическимъ талантомъ (тѣмъ, что нѣмцы называютъ divinatorische Kritik), даетъ много остроумныхъ дополненій, съ коими невольно всякій согласится, но иногда эта его способность и желаніе представить связный отрывокъ увлекаетъ его слишкомъ далеко и ведетъ къ неправдоподобнымъ конъектурамъ, которыя ученаго эпигра-

фика, конечно, не обманутъ, но могутъ ввести въ заблужденіе новичка, привыкшаго вѣрить печатному слову; изъ нѣсколькихъ намѣченныхъ мною увлеченій подобнаго рода, которыя было бы неудобно здѣсь перечислять, я укажу лишь одно. Въ II, n° 2 читается ......*αιδες* ......*ηδονιοις* ......*υλλιωνι* ......*αν και* и издатель изъ этого возстановляетъ (по аналогіи съ n° 1): *Παιρισάδης καὶ παῖδες ἔδοσαν* .....*Χαλκηδονίοις τῷ δεῖνι καὶ* .... *υλλίωνι καὶ ἐκγόνοις προξενίαν καὶ* etc.; но помимо того, что остатки черезчуръ незначительны для подобнаго дополненія (вм. *προξενίαν* напр. могло быть *πολιτείαν, ἀτέλειαν καὶ ἀσυλίαν* и т. д.), встрѣчаются нѣкоторыя противорѣчія противъ обычной формулировки такихъ документовъ: во-первыхъ, имя народа *(ἐθνικόν)* стоитъ послѣ, а не передъ именемъ лица; во-вторыхъ, послѣднее обыкновенно сопровождается отчествомъ, наконецъ трудно придумать, чѣмъ бы восполнить пробѣлъ между *ἔδοσαν* и *Χαλκηδονίοις* — во всякомъ случаѣ чуть ли не послѣ каждаго слова приходится ставить вопросительный знакъ.

Передъ этимъ двойнымъ текстомъ стоятъ замѣчанія насчетъ времени и мѣста нахожденія камня, мѣста его храненія, прежнихъ изданій и пособій, коими пользовался издатель (собственные, чужіе снимки и т. д.); послѣ текста слѣдуютъ, кромѣ критическихъ примѣчаній и иногда довольно обильныхъ разночтеній, еще и комментаріи автора, если надпись въ таковыхъ нуждается, и представляется для нихъ возможность. И въ томъ и другомъ случаѣ авторъ удаляется отъ образца корпуса аттическихъ надписей и слѣдуетъ больше примѣру Бёка. Если относительно комментарія, который въ Corp. Inscr. Att. для сбереженія мѣста доведенъ до минимума, весьма цѣлесообразно, что издатель при меньшемъ числѣ надписей не такъ поскупился на объясненія (хотя и не входилъ въ такія подробности какъ Бёкъ), то я не могу того же сказать относительно разночтеній, гдѣ примѣръ У. Кёлера мнѣ кажется болѣе заслуживающимъ похвалы. Варіанты эти могутъ не только сбить неопытнаго читателя, но и знатока ввести въ сомнѣніе, насколько онъ можетъ довѣрять издателю и въ какихъ мѣстахъ долженъ отдать предпочтеніе его предшественникамъ, особенно когда издатель не отмѣчаетъ, гдѣ онъ ручается за свое чтеніе и гдѣ возможна была съ его стороны ошибка: если бы напр. его самого не сбило въ II, n° 3 чтеніе Dubois *ΟΠΑΝ*, то онъ бы не дополнилъ имя отца Левкона въ *Σατύρο(υ)*, а въ *Σατύρω* — дорическая форма, соотвѣтствующая *Παντικαπαίταν*. Разночтенія допустимы лишь въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, когда оригиналъ надписи пропалъ; во-вторыхъ, когда извѣстное мѣсто на камнѣ сильно стерто, и можно предположить, что предшественники видѣли его въ лучшемъ состояніи, но въ послѣднемъ

случаѣ издатель и обязанъ это оговорить и указать именно тѣ буквы, которыя пострадали отъ времени. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда надпись и на камнѣ и особенно на оттискѣ читается вполнѣ несомнѣнно, указаніе варіантовъ по вышесказанному должно считаться не только безполезнымъ, но положительно вреднымъ.

Между тѣмъ какъ остальная часть изданія написана на латинскомъ языкѣ, что дѣлаетъ его доступнымъ для ученыхъ всѣхъ національностей, къ каждой надписи приложенъ еще переводъ на русскій языкъ. Насчетъ достоинства этого перевода распространяться я не стану: онъ всегда, разумѣется, точенъ и безошибоченъ, но на мой личный вкусъ могъ бы быть иногда свободнѣе и менѣе дословенъ, отъ чего иногда получаются неясныя и неудобныя выраженія: I, n° 3: „повелѣли признавать ихъ достойными чести гражданами“ — понятно вполнѣ только при чтеніи латинскаго текста; я перевожу: „повелѣли удостоить всѣхъ гражданъ этой привилегіи“. I, n° 16: „вся гаванная часть и прилегающая къ рынку“ — можно думать, что рѣчь идетъ объ одной части; я перевожу: „именно расположенная близъ гавани — вся (на этомъ словѣ лежитъ сильное удареніе) и та, которая прилегаетъ къ рынку, — до того мѣста“ и т. д. Но подобныя погрѣшности всегда легче указать въ чужомъ переводѣ, нежели избѣжать въ своемъ собственномъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ, кажется, проистекаютъ изъ желанія автора сдѣлать пользованіе надписями доступнымъ и тѣмъ, кто не обладаетъ достаточными познаніями въ греческомъ языкѣ, чтобы изучать оригиналы. Если такова была руководящая мысль при этихъ переводахъ („visum est eis nostratibus esse subveniendum, qui titulorum sermonis minus essent periti“), то, конечно, точность перевода была suprema lex для издателя; но именно эту основную идею я не могу не назвать ошибочной: для большой публики эти документы представляютъ слишкомъ мало интереса (и за границей она на нихъ не обращаетъ вниманія), а для людей, занимающихся ими ex officio, знаніе греческаго языка должно считаться обязательнымъ — къ сожалѣнію, у насъ въ Россіи еще не вывелись ученые, которые воображаютъ, что могутъ даже писать по исторіи древности, не владѣя классическими языками, но потакать ихъ недобросовѣстному отношенію къ дѣлу я не вижу ни малѣйшаго повода. Вмѣстѣ съ тѣмъ еще съ другой точки зрѣнія эти переводы являются неудобными: прекрасное изданіе южно-русскихъ надписей, исполненное рукой мастера, обильное разнообразными документами, уже по близкому соприкосновенію къ отечественной исторіи, какъ нельзя лучше было бы приспособлено для практическихъ занятій по эпиграфикѣ, но этому

препятствуютъ переводы, которыми воспользовались бы, конечно, слушатели — результатъ подобныхъ занятій былъ бы иллюзорный.

Къ каждому тому приложены богатые Indices, которые раздѣлены на шесть рубрикъ (1. Geographica et topographica. 2. Res publicae. 3. Res sacrae. 4. Nomina. 5. Grammatica et orthographica. 7. Notabilia varia), которыя въ свою очередь распадаются на различныя подраздѣленія. О пользѣ, необходимости даже указателей въ подобнаго рода трудѣ нечего и говорить — она слишкомъ очевидна, такъ какъ безъ нихъ всякая работа по Сборнику была бы сопряжена съ громадной тратой времени. Вообще можно сказать о данныхъ указателяхъ, что они составлены и распредѣлены въ высшей степени цѣлесообразно. Въ частностяхъ же относительно ихъ полноты высказаться крайне затруднительно, такъ какъ только постоянное пользованіе ими можетъ открыть пропуски, ошибки и недосмотры: въ отдѣлѣ Res publicae, спеціально меня интересовавшемъ, не удалось усмотрѣть ни одного существеннаго пробѣла — должно думать, что и остальные дали бы подобный же результатъ, свидѣтельствующій о неутомимой аккуратности издателя въ этой чрезвычайно скучной работѣ.

Седьмую рубрику въ обоихъ томахъ составляетъ index locorum, ubi lapides servantur, въ коемъ грустное впечатлѣніе производятъ многочисленные нумера подъ заголовкомъ: perierunt! Какъ мало умѣютъ у насъ цѣнить эти драгоцѣнные остатки старины, доказываетъ печальное повѣствованіе издателя о томъ, какъ цѣлый рядъ надписей, отправленныхъ въ Москву на Политехническую выставку 1872 г. и оставленныхъ тамъ для помѣщенія въ строившійся Историческій музей, пропалъ безъ вѣсти!

Ко второму тому приложены еще два общіе обѣимъ частямъ указателя: 8. Index librorum, in quibus tituli in hanc syllogen recepti editi aut explicati sunt; 9. Numeri titulorum huius syllogae cum prioribus editionibus comparantur. Послѣдній указатель весьма важенъ въ тѣхъ случаяхъ, когда надпись, цитируемую гдѣ-либо по старому изданію, желательно отыскать въ новомъ Сборникѣ: въ этомъ отношеніи послѣдній опередилъ изданіе аттическихъ надписей, хотя въ послѣднемъ по гораздо большему числу цитатъ, съ коими приходится имѣть дѣло въ ученой литературѣ, подобный указатель составляетъ настоятельную потребность, и его отсутствіе даетъ себя чувствовать въ часовыхъ проволочкахъ.

Ко второму же тому приложены и двѣ тщательно исполненныя карты: Боспоранскаго царства и Сѣвернаго прибрежья Понта Эвксинскаго. Ихъ авторомъ, такъ какъ онъ не обозна-

чемъ, долженъ считаться самъ издатель. Замѣчу еще мимоходомъ, что Сборникъ по формату своему несравненно удобнѣе фоліантовъ берлинскихъ корпусовъ, по элегантной внѣшности мало въ чемъ имъ уступаетъ (бумага нѣсколько тонка и затрудняетъ быстрое перелистованіе, при коемъ она легко рвется), а по дешевизнѣ значительно ихъ превосходитъ.

Такимъ образомъ изданіе южно-русскихъ надписей, несмотря на нѣкоторыя частныя уклоненія отъ своихъ берлинскихъ прототиповъ, по научному достоинству и значенію имъ нисколько не уступаетъ и составляетъ блестящій памятникъ классической филологіи въ Россіи, что признала и Берлинская Академія Наукъ, избравъ В. В. Латышева своимъ членомъ-корреспондентомъ — честь, рѣдко достающаяся въ удѣлъ иностраннымъ ученымъ: изъ нашихъ филологовъ ею пользовался до сихъ поръ (уже 30 лѣтъ) лишь академикъ А. Наукъ.

В. Шефферъ.

Erwin Rohde. Psyche. Seelencult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen. Erste Hälfte. Freiburg i. B. 1890 (294 стр.).

Эрвинъ Роде извѣстенъ и у насъ какъ авторъ классическаго изслѣдованія о греческомъ романѣ, которое можно смѣло назвать лучшимъ сочиненіемъ въ области классической филологіи въ тѣсномъ смыслѣ за послѣднюю четверть вѣка. Со времени появленія этой книги, т.-е. съ 1876 г., ея авторъ, въ противоположность къ неистощимой плодовитости своего антагониста Виламовица, ограничивался крайне немногочисленными, хотя и очень интересными статьями и статейками въ Rheinisches Museum; видно было, что онъ бережетъ свои силы для новаго капитальнаго сочиненія въ стилѣ перваго. Наконецъ его первая половина появилась въ прошломъ году. Она была для филологовъ вдвойнѣ пріятной новинкой; громкое имя ея автора заставило бы насъ отнестись съ интересомъ ко всякому произведенію его пера, каково бы ни было его содержаніе; въ настоящемъ же случаѣ предметъ изслѣдованія можетъ быть названъ интереснѣйшимъ изъ интересныхъ — мнѣнія о душѣ и ея безсмертіи не греческихъ философовъ: они намъ достаточно извѣстны — а самого греческаго народа въ различные періоды его существованія. Разумѣется, и объ этомъ предметѣ писали раньше — назову геніально-одностороннее сочиненіе Фюстель-де-Куланжа (La cité antique) и просто одностороннее сочиненіе Липперта (Die Religionen der europ. Culturvölker), пропуская антрополо-

говъ; но для успѣшнаго рѣшенія столь темнаго и труднаго вопроса требовалось соединеніе обширныхъ и глубокихъ познаній въ области греческой филологіи съ таковыми же познаніями въ области антропологіи. Требовалось, откровенно говоря, и еще одно качество, но о немъ рѣчь будетъ впереди.

При чтеніи новаго сочиненія Эрвина Роде невольно напрашивается сравненіе его съ вышеупомянутой книгой о греческомъ романѣ. Съ одной стороны поразительное сходство; и тутъ и тамъ мы находимъ ту же могучую силу синтеза, въ которой Роде не имѣетъ равнаго себѣ внутри предѣловъ классической филологіи, и тутъ и тамъ насъ плѣняетъ зрѣлище трудной и упорной, но притомъ спокойной и величавой борьбы съ матеріей труженика духа, вносящаго свѣтъ въ хаосъ и воздвигающаго стройное зданіе изъ разрозненныхъ и загадочныхъ обломковъ. Съ другой стороны столь же поразительный контрастъ. Тамъ — тщательная и любовная отдѣлка деталей; онѣ составляютъ большею частью самую ткань, такъ сказать, изложенія, онѣ же сопровождаютъ его въ видѣ безчисленнаго множества болѣе или менѣе мелкихъ, но всегда интересныхъ и поучительныхъ экскурсовъ. Здѣсь — широкое и размашистое письмо; нашъ интересъ сосредоточивается на немногихъ, сравнительно, ярко освѣщенныхъ пунктахъ, детали только изрѣдка находятъ себѣ убѣжище въ экскурсахъ, далеко не столь многочисленныхъ и разнообразныхъ, какъ въ „Греческомъ романѣ". Тамъ сравнительно малоинтересная тема — многіе ли занимаются въ настоящее время Лономъ и Ксенофонтомъ Эфесскимъ? — пріобрѣтаетъ важность и блескъ благодаря изложенію автора, охватывая чуть ли не всѣ произведенія греческой литературы; читатель выноситъ изъ чтенія книги парадоксальное на первый взглядъ убѣжденіе, что можно быть филологомъ, не прочитавъ ни одного представителя греческаго романа, но нельзя быть филологомъ, не прочитавъ книги Роде о немъ. Здѣсь, наоборотъ, громкая тема „о душѣ и ея безсмертіи" суживается до неузнаваемости подъ перомъ автора, всячески старающагося устранить мнѣніе, будто эти великія въ жизни новѣйшихъ народовъ слова были таковыми же и въ древности; въ спорѣ объ этомъ предметѣ между филологами и антропологами Роде рѣшительно становится на сторону послѣднихъ. Весьма вѣроятно, поэтому, что многіе разстанутся съ его книгой не безъ нѣкотораго разочарованія.

Это, вѣроятно, еще и потому, что блистательное начало изслѣдованія возбуждаетъ черезмѣрныя ожиданія относительно его дальнѣйшаго хода. Гомеровская религія, доказываетъ авторъ, не допускаетъ общенія души умершаго съ живыми послѣ того, какъ трупъ покойнаго преданъ пламени; съ этого мгновенія

онъ влачитъ безсознательное и безцѣльное существованіе въ царствѣ Аида, будучи навѣки изгнанъ изъ міра живыхъ. Если же въ гомеровской поэзіи встрѣчается упоминовеніе обрядовъ, указывающихъ на возможность такого общенія, то въ нихъ слѣдуетъ признать „рудименты“ болѣе стариннаго вѣрованія, согласно которому душа погребеннаго (а не сожженнаго) покойника обитаетъ въ его могилѣ и поддерживаетъ различно обусловленныя сношенія съ живыми. Это вѣрованіе продолжаетъ существовать въ европейской Греціи и послѣ Гомера. Такимъ образомъ гомеровская культура стоитъ въ этомъ отношеніи особнякомъ; представленія аѳинянъ классическаго періода о душѣ, какъ это ни странно, стариннѣе, чѣмъ представленія іонійцевъ гомеровской эпохи, образовавшіяся подъ вліяніемъ, съ одной стороны, перехода отъ погребенія труповъ къ сожженію ихъ, съ другой стороны выселенія іонійцевъ изъ старинной родины, въ которой остались, пользуясь прежнимъ почетомъ, гробницы ихъ предковъ. Этотъ взглядъ на гомеровскую культуру въ высшей степени интересенъ и плодотворенъ; такой же регрессъ позднѣйшаго міровоззрѣнія въ сравненіи съ гомеровскимъ можно усмотрѣть и въ другихъ областяхъ умственной жизни грековъ (достаточно будетъ указать на понятія объ *ἀλάστωρ*'ѣ, подъ гнетомъ котораго находились еще современники Эсхила); мнѣ думается, что открытіе Роде можетъ послужить точкой отправленія для новой и болѣе правильной теоріи развитія древне-эллинской морали.

Во второмъ отдѣлѣ Роде обсуждаетъ вторую возможность прекращенія земной жизни человѣка, о которой Гомеръ упоминаетъ изрѣдка, именно исчезновеніе человѣка, по волѣ боговъ, изъ среды живыхъ и его переселеніе въ другой, лучшій міръ (Entrückung); сюда относится поэтическое представленіе объ елисейскихъ поляхъ. Здѣсь впервые сказывается непріязненное отношеніе автора къ его темѣ. Онъ безпощадно разрушаетъ наши предразсудки относительно этихъ елисейскихъ полей. Прежде всего эти „поля пришествія“ — созданіе не религіознаго, а чисто поэтическаго инстинкта. Во-вторыхъ, блаженная жизнь въ этомъ уголкѣ міра не представлялась пѣвцу (или интерполятору) IV пѣсни Одиссеи наградой за благочестивую жизнь; pauci, dis geniti, potuere. Это, однако, не упрекъ; es ist zweifelhaft, говоритъ авторъ, ob dem Dichter der Ilias solche Zukunft seiner Helden würdig... erschienen wäre (стр. 78).— Вторую главу этого отдѣла составляетъ прекрасное объясненіе гесіодовской притчи о пяти поколѣніяхъ: такъ какъ эта притча, въ редакціи Овидія, читается въ гимназіяхъ, то особый интересъ этой главы (стр. 84—103) очевиденъ. Ея результаты отличаются какъ новизной, такъ и убѣдительностью; всѣ сенти-

ментально безсодержательныя объясненія знаменитой притчи отнынѣ неумѣстны. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта глава является и очень удачнымъ дополненіемъ къ первому отдѣлу; тамъ авторъ указывалъ на „рудименты“ старинныхъ вѣрованій въ гомеровской поэзіи, здѣсь онъ на одномъ примѣрѣ доказываетъ вліяніе гомеровской поэзіи на эти старинныя вѣрованія въ европейской Греціи.

До сихъ поръ гомеровскій эпосъ служилъ намъ путеводителемъ; въ слѣдующихъ отдѣлахъ мы разстаемся съ нимъ и переходимъ къ вѣрованіямъ исторической Греціи. Изъ нихъ первые три посвящены культу выбывшихъ изъ живого міра; мы должны употребить это неопредѣленное выраженіе, такъ какъ между ними есть интересный классъ духовъ пещеръ, которые нѣкогда были людьми, но затѣмъ, по волѣ боговъ, были поглощены землею, не испытавъ смерти. Къ этимъ „Höhlengötter“ Роде причисляетъ, кромѣ второстепенныхъ божествъ, Амфіарая, Трофонія и Асклепія; по его мнѣнію, это были первоначально мѣстныя божества, низведенныя на степень смертныхъ людей вліяніемъ гомеровскаго эпоса, который не допускалъ существованія чисто мѣстныхъ боговъ. Переходя затѣмъ къ культу умершихъ, Роде дѣлитъ ихъ на двѣ категоріи — „героевъ“ (въ сакральномъ смыслѣ) и обыкновенныхъ смертныхъ. Въ культѣ и тѣхъ и другихъ Роде усматриваетъ продолженіе культа догомеровскаго періода. Вліяніе гомеровскаго эпоса нанесло ему, какъ доказываетъ Гесіодъ, серьезный ущербъ; чѣмъ же объяснить его расширеніе въ классическомъ періодѣ греческой исторіи? Обаяніе гомеровской поэзіи было подорвано воздѣйствіемъ оракула въ Дельфахъ; эта прекрасная мысль, развитая авторомъ въ особенности на стр. 250, находитъ себѣ подтвержденіе и въ другихъ областяхъ религіозной жизни грековъ; назовемъ, ради примѣра, того же *ἀλάστωρ*'а. Вообще было бы очень желательно, чтобы такой знатокъ древнегреческой жизни, какъ Роде, изложилъ въ возможно широкой рамкѣ вліяніе дельфійскаго оракула на греческую культуру; можно съ увѣренностью предположить, что такое изслѣдованіе сильно измѣнило бы наши взгляды на греческую исторію, въ особенности въ древнѣйшемъ ея періодѣ, и сдѣлало бы окончательно невозможными такія нелѣпыя статьи, какъ недавняя белоховская о переселеніи дорійцевъ. Вообще изъ обоихъ отдѣловъ о культѣ умершихъ („die Heroen“ и „der Seelencult“) я отдаю предпочтеніе первому; здѣсь задача автора была труднѣе, предшественниковъ, можно сказать, не было вовсе (Денекенъ, авторъ дѣльной статьи „Heros“ въ словарѣ Рошера, предшественникомъ Роде не былъ). Конечно, и второй отдѣлъ имѣетъ свои достоинства; но изъ трехъ главъ, на которыя

онъ распадается, средняя („Pflege und Verehrung der Todten") радикально новыхъ мыслей не содержитъ, а для первой („Cultus der chthonischen Götter") и третьей („Elemente des Seelencultes in Blutrache und Mordsühne") Роде имѣлъ очень почтенныхъ предшественниковъ — H. D. Müller'а (Mythologie der griechischen Stämme) и K. O. Müller'а (изданіе „Евменидъ" Эсхила). Правда, что Роде отвергаетъ объясненіе хтоническихъ божествъ, которое даетъ H. D. Müller, считая очевидно лишнимъ опровергнуть ихъ, но доводы этого послѣдняго не изъ такихъ, чтобы разлетѣться въ ничто отъ одного противопоставленія другой теоріи.

Послѣдніе два отдѣла посвящены представленіямъ о загробной жизни въ классическій періодъ греческой исторіи; онѣ озаглавлены „Die Mysterien von Eleusis" и „Vorstellungen vom Leben im Jenseits". Послѣдняя тема, однако, далеко не исчерпана, такъ какъ соотвѣтствующій отдѣлъ обнимаетъ только представленія позднѣйшаго эпоса, комедіи V-го вѣка и Полигнота. Остальное дастъ намъ, повидимому, „вторая половина". Что будетъ ея содержаніемъ? Въ одномъ примѣчаніи авторъ обѣщаетъ намъ изложеніе тайнаго ученія секты орфиковъ; это будетъ очень интересно и послѣ Лобека, хотя бы въ виду того, что автору поневолѣ придется имѣть дѣло со своимъ замѣчательнымъ противникомъ Виламовицемъ, котораго онъ до сихъ поръ упорно замалчивалъ (тотъ же методъ, впрочемъ, соблюдается и съ противной стороны). А затѣмъ греческая эсхатологія все болѣе и болѣе поддается вліянію ученія философовъ, сначала Платона, затѣмъ Эпикура, наконецъ новопиѳагорейцевъ и новоплатониковъ; автору трудно будетъ обойти молчаніемъ эти столь важныя направленія греческой мысли. Какъ видно, интересъ книги Роде далеко не исчерпывается ея первой половиной; *μάντις εἰμ' ἐσθλῶν ἀγώνων*. Но пока вернемся къ тому, что у насъ подъ рукой, т.-е. къ послѣднимъ двумъ отдѣламъ первой половины.

„Элевсинскія мистеріи"... мы врядъ ли ошибемся утверждая, что всякій, кто приступилъ къ чтенію книги Роде ради ея темы, отнесется съ особымъ интересомъ къ этому отдѣлу. Правда, въ немъ всего 20 страницъ (256—276); но именно эта краткость, не дозволявшая автору пускаться въ изслѣдованіе мелочей, заставляетъ насъ ожидать изложенія главныхъ пунктовъ интересующаго насъ вопроса въ томъ видѣ, въ которомъ онъ отражается въ умѣ одного изъ лучшихъ представителей новѣйшей науки. Одинъ изъ такихъ пунктовъ — это самый фактъ тщательнаго сохраненія посвященными элевсинской тайны; какъ его объяснить? „Очень просто, auszuplaudern gab es nichts; въ элевсинскомъ ученіи не было ничего таинственнаго;

таинственными были только внѣшніе обряды". Но вѣдь эти обряды должны же были имѣть символическое значеніе, благодаря которому посвященные проникались вѣрой въ ожидающее ихъ въ загробной жизни блаженство? „О символикѣ въ смыслѣ Крейцера пора бы перестать говорить; вѣру въ загробную жизнь посвященные приносили съ собой, а обѣщаніе блаженства могло заключаться въ словѣ гіерофанта къ посвященнымъ". Но какъ же, при этомъ чисто внѣшнемъ характерѣ церемоній, объяснить себѣ ихъ глубокое вліяніе на греческую мораль? „Никакого нравственнаго вліянія элевсинскія мистеріи не имѣли, да и не могли имѣть, такъ какъ блаженство было обѣщано всѣмъ посвященнымъ, а посвящались, если исключить убійцъ, всѣ желающіе". Это объясненіе, конечно, очень просто, хотя и не ново; это, въ сущности, тѣ же лобековскія fallaciae poparum, будто бы водившихъ за носъ лучшихъ представителей des gedankenreichsten Volkes der Welt. Но оно слишкомъ просто, и поэтому вѣрится съ трудомъ. Трудно вѣрить, чтобы Деметра, „вскормившая умъ Эсхила" и давшая міру перваго проповѣдника гуманности и любви къ врагу, не имѣла таки ровно никакого вліянія на нравственность своихъ адептовъ; трудно вѣрить, чтобы насмѣшка Діогена: „воръ Патекіонъ, будучи посвященъ, будетъ имѣть лучшую участь послѣ смерти, чѣмъ Эпаминондъ" была дѣйствительнымъ смысломъ элевсинскаго обѣщанія, а не пародіей на него; тѣмъ болѣе трудно, что мы имѣемъ положительныя свидѣтельства — Андокида объ обѣщаніи карать преступниковъ и спасать невинныхъ, даваемомъ посвященными, и Аристофана о томъ, что блаженство въ загробной жизни обусловливалось не только посвященіемъ, но и благочестивой жизнью, сказывающейся прежде всего въ любви къ ближнему. Отъ перваго свидѣтельства Роде попытался отдѣлаться (стр. 275, 3 wie das gemeint ist, bleibt unklar), второе онъ только вскользь упоминаетъ, не желая, очевидно, признать его важность. Та же непріязнь ко всякой эсхатологіи характеризуетъ и послѣдній отдѣлъ („Представленія о загробной жизни"), въ которомъ Роде старается выставить греческій народъ вполнѣ невиннымъ въ тѣхъ эсхатологическихъ представленіяхъ, которыя мы встрѣчаемъ въ его поэзіи. Кербера выдумалъ Гомеръ, Харона авторъ Миніады, и т. д. Постараемся спасти, по крайней мѣрѣ, Харона; этимологическое совпаденіе именъ *Χάρων* и *Χάρις* получаетъ особую важность, если сообразить, 1) что первый впервые упоминается въ Миніадѣ, а вторая была племенной богиней имено миніевъ, 2) что Харита была дочерью Евриномы и Зевса, а Евриномъ въ картинѣ Полигнота является геніемъ тлѣнія. Очевидно *Εὐρυνόμη=Γῆ* (ср. *χϑὼν εὐρυάγυια, εὐρεῖα)*, *Εὐρύνομος=Ζεὺς χϑόνιος*,

ихъ дѣти — Харонъ и Харита въ миѳологіи миніевъ.— Важнѣе утвержденіе Роде, что греки не признавали до Платона суда надъ душой. Если понимать его такъ, какъ очевидно требуетъ Роде, т.-е. что, по мнѣніямъ древнихъ грековъ, участь хорошихъ и дурныхъ была послѣ смерти одинакова, то съ нимъ трудно будетъ согласиться. Во имя чего, въ самомъ дѣлѣ, умираетъ первая мученица — Антигона? *Πλείων χρόνος*, говоритъ она (стр. 74) въ оправданіе своего поступка, *ὃν δεῖ μ' ἀρέσκειν τοῖς κάτω τῶν ἐνθάδε;* понятны ли эти слова, если ее послѣ смерти ждетъ такая же участь, какъ и Исмену, и самого Креонта? Конечно, авторъ правъ, полагая, что кара трехъ гомеровскихъ грѣшниковъ, а равно и Данаидъ (послѣднюю онъ, кстати замѣчу, прекрасно объясняетъ на стр. 292) не имѣла прототипическаго значенія; но отсюда до полной tabula rasa еще далеко. Люди при жизни подвержены постоянному надзору и строгому, хотя и не скорому, суду небесныхъ боговъ, по смерти же дѣлаются подданными подземныхъ божествъ, которыя знаютъ милаго и немилаго изъ нихъ — какъ это доказываетъ знаменитое мѣсто Платонова Критона (гл. 16), въ которомъ выражено вовсе не философское, а популярное ученіе. Чѣмъ же объяснить этотъ выборъ, если не дѣйствіями человѣка въ теченіе земной жизни? *μίμνοντι δὲ καὶ πάθος ἀνθεῖ,* сказалъ бы Эсхилъ и тутъ.

Конецъ книги Роде звучитъ диссонансомъ; при всѣхъ блестящихъ качествахъ автора ему недостаетъ одного — способности вдумываться въ ahnungsvolle Verschwommenheit, какъ онъ насмѣшливо выражается, народныхъ вѣрованій. Онъ обладалъ этой способностью еще въ то время, когда выступалъ защитникомъ своего друга „Діонисова пѣвца“ Фридриха Ниче, автора чарующей книги о „рожденіи трагедіи духомъ музыки“. Теперь уже не тѣ времена; Ниче давно пересталъ быть Діонисовымъ пѣвцомъ, а глаза Роде, привыкшіе къ блеску „аполлоновскаго“ міросозерцанія, ничего не различаютъ въ таинственномъ полумракѣ Діониса и Деметры. Объ этомъ можно сожалѣть; но лучше обождать „вторую половину“.

Ѳ. Зѣлинскій.

Imhoof-Blumer. Griechische Münzen. München 1890. (Aus den Abhandl. der K. bayer. Akad. der Wiss. XVIII. Bd. — 270 S. mit 378 Abbildungen auf 14 Lichtdrucktafeln).

Большая часть нумизматическихъ сочиненій для неспеціалиста не представляетъ никакого интереса, и всевозможные „описанія“ и „каталоги“ монетъ представляютъ изъ себя не что иное, какъ археологическій сырой матеріалъ, понятный для специалиста и получающій лишь тогда общій интересъ, когда онъ предстанетъ въ обработанномъ видѣ изъ рукъ опытнаго нумизмата. Но, къ сожалѣнію, такихъ нумизматовъ, занимающихся нумизматикою, какъ одною изъ вспомогательныхъ наукъ исторіи, очень немного, и если я назову имена Моммсена, Саллета, Геда (Head), Гарднера, Ваддингтона, Рейнака (Reinach), Имгофъ-Блумера, то этимъ, пожалуй, и ограничится весь списокъ ученыхъ нумизматовъ, нынѣ живущихъ. Особенною неутомимостью и многочисленными трудами отличается швейцарскій нумизматъ (изъ Винтертура) Имгофъ-Блумеръ. Обладая самъ одною изъ лучшихъ въ Европѣ частныхъ коллекцій монетъ древняго міра, онъ, сверхъ того, имѣетъ богатое собраніе слѣпковъ съ монетъ европейскихъ музеевъ, что даетъ ему возможность имѣть обширный матеріалъ для изслѣдованій.

Если я перечту рядъ названій нѣкоторыхъ изданныхъ имъ въ теченіе 80-хъ годовъ сочиненій: монеты царей Пергамской династіи, портретныя изображенія на монетахъ эллинскихъ народовъ (изданіе для школъ), нумизматическій комментарій къ Павсанію, изображенія животныхъ и растеній на древнихъ монетахъ и геммахъ — то самыя названія говорятъ, что изслѣдованія Имгофа клонятся къ изученію монетъ, какъ вспомогательнаго матеріала къ исторіи и къ исторіи искусства.

Послѣдній его трудъ „Griechische Münzen“ есть дополненіе къ изданному въ 1883 г. Амстердамскою Академіею Наукъ обширному сочиненію „Monnaies grecques“. „Griechische Münzen“ заключаютъ въ себѣ много новыхъ, неизданныхъ монетъ, принадлежащихъ, главнымъ образомъ, Малой Азіи (европейскихъ монетъ 96, мало-азіатскихъ 817), но я не буду останавливаться на нихъ, а познакомлю вкратцѣ съ главнѣйшими результатами его изслѣдованій.

Имгофъ обратилъ особенное вниманіе на монеты Малой Азіи и преимущественно Понта, носящія цыфры разныхъ эръ (лѣтосчисленій). Какъ извѣстно, въ древности огромное количество городовъ имѣли собственное лѣтосчисленіе (болѣе 60 различныхъ эръ извѣстны въ нумизматикѣ, но иногда одну и ту же эру, напр. Селевкидскую, употребляли 20 городовъ, Помпейскую

11 городовъ и т. д.), начинавшееся съ какого-нибудь важнаго для нихъ событія, но далеко не всѣ эры можно считать вѣрно опредѣленными. Имгофъ, съ помощью монетъ, точно утвердилъ начало лѣтосчисленія семи понтійскихъ городовъ:

Амасіи	2	г.	до Р. Х.,	считавшееся прежде съ	7	г.	до Р. Х.
Севастополя	2	„	„				
Амиса	31	„	„	„ „	33	„	„
Команы	35	„	по Р. Х.	„ „	40	„	по Р. Х.
Керасунта	64	„	„	„ „	63	„	„
Неокесаріи, Трапезунта, Зелы (Zela)	63	г.	по Р. Х.				

Главнымъ источникомъ опредѣленія эръ Имгофъ беретъ монеты упомянутыхъ городовъ, чеканенныя въ римскую эпоху; монеты этого времени, носящія изображенія императоровъ и одновременно года собственныхъ эръ, особенно удобны для опредѣленія, такъ какъ начало и конецъ правленія всѣхъ римскихъ императоровъ точно извѣстны. Особый интересъ представляетъ опредѣленіе эры Амиса: 31 годъ совпадаетъ съ годомъ Актійскаго сраженія, послѣ котораго были изгнаны, по словамъ Страбона, тиранны изъ Амиса; слѣдовательно эра Амиса есть эра Актійская. Я позволю себѣ въ дополненіе къ изслѣдованію Имгофа объ эрахъ упомянуть о пропущенной имъ эрѣ Пиѳодориды, вдовы Полемона I, царя Понта. Монеты Пиѳодориды носятъ цыфры какого-то лѣтосчисленія, считаемаго нумизматами за эру Зелы (Zela, мѣсто пораженія Фарнака Юліемъ Цезаремъ въ 47 г. до Р. Х.), но позднѣйшія находки монетъ Пиѳодориды съ новыми годами позволяютъ, безъ сомнѣнія, считать эру этой царицы Актійскою, т.-е. съ 31 г.

Интересенъ затронутый Имгофомъ вопросъ о правахъ изображенія царскаго портрета на городской монетѣ. Извѣстно, что портреты помѣщались только на монетахъ, носящихъ имя царя или вообще династа, монеты же городскія имѣли исключительно изображенія боговъ или мѣстныхъ героевъ, но догадка Имгофа, видящаго на нѣкоторыхъ монетахъ Амиса портретъ знаменитаго Митридата Эвпатора ребенкомъ, съ чѣмъ можно согласиться, заставляетъ взглянуть иначе на этотъ вопросъ и, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ мнимые Діонисы, Ареи (какъ ихъ объясняютъ при описаніи монетъ) получатъ настоящія свои имена.

Многіе изъ городовъ, упомянутыхъ древними географами, не оставили послѣ себя не только монетъ, но даже и эпиграфическихъ памятниковъ; Имгофу удалось найти слѣдующія, интересныя для древней географіи, монеты:

Гимиліона (Himilion), крѣпости въ Пафлагоніи, упомянутой Страбономъ. Керы (Kerai) въ Писидіи — этотъ городъ, кажется, нигдѣ не упомянутъ и только на одной монетѣ города Кремны съ надписью *ΚΡΗΜΝΕΩΝ ΚΑΙ ΚΕΡΑΕΙΤΩΝ* встрѣчается это имя. Имгофъ, по аналогіи съ другими двухъ-именными монетами, вывелъ заключеніе о существованіи города Керъ и подтвердилъ монетою съ надписью *ΚΕ*, относимою прежде къ острову Кеосу, Кераму и др., и наконецъ Термесса-Ойноанда, поселка писидійскаго Термесса; этотъ городъ извѣстенъ изъ надписей, изд. Ваддингтономъ (Voyage, III, № 1232) и въ Bull. de cor. hell. X, 216—235.

Для изобразительной миѳологіи трудъ Имгофа далъ богатый матеріалъ, особенно для иконографіи азіатскихъ божествъ; упомяну о монетѣ временъ Каракаллы сирійскаго города Аскалона съ изображеніемъ азіатизированнаго египетскаго божества въ родѣ Озириса, съ бичемъ въ рукахъ, стоящаго на трехъ львахъ; затѣмъ одна изъ изданныхъ имъ монетъ Гіерополя (въ Сиріи) имѣетъ интересное изображеніе храма съ помѣщенными внутри знаменами римскихъ легіоновъ и съ сидящими по бокамъ храма двумя сирійскими божествами Вааломъ Кеваномъ и Атергатитою; каждое божество имѣетъ по сторонамъ по быку. — Въ заключеніе моей замѣтки долженъ упомянуть о безукоризненной внѣшности изданія, какой не достигало ни одно изъ русскихъ изданій: буквы надписей на монетахъ вырѣзаны соотвѣтственно характеру буквъ той эпохи, къ которой монета относится; монограммы и разнообразные знаки, встрѣчающіеся на монетахъ, помѣщены въ текстѣ, а не на отдѣльной таблицѣ, и наконецъ фототипическія таблицы монетъ сдѣланы такъ хорошо, что вполнѣ замѣняютъ оригиналы.

А. Орѣшниковъ.

Описаніе древне-греческихъ монетъ, принадлежащихъ Импер. Московскому Университету. Москва, 1891 г. Изданіе Кабинета изящныхъ искусствъ при Импер. Московск. Унив. 352 стр.

Это описаніе, сдѣланное умѣлою рукой А. В. Орѣшникова, представляетъ большой, изящно изданный томъ, къ которому приложены три фототипическихъ таблицы наиболѣе выдающихся экземпляровъ монетъ изъ коллекціи Московскаго Университета. Коллекція эта, основанная еще въ 1770 г., скоро, благодаря щедрымъ пожертвованіямъ частныхъ лицъ и покупкамъ самого Университета, значительно возрасла: послѣ богатаго

вклада, сдѣланнаго въ 1803 г. П. Г. Демидовымъ, московскій минцъ-кабинетъ могъ уже служить отличнымъ мѣстомъ для занятій нумизматикой; весьма значительная уже въ началѣ этого столѣтія, коллекція Кабинета въ концѣ 70-хъ годовъ достигла совсѣмъ почтенной цыфры — 19,482 экземпляровъ. Но долгое время всѣ монеты находились въ безпорядкѣ и были совершенно недоступны какъ для публики, такъ и для студентовъ. Теперь книга г. Орѣшникова дѣлаетъ эту коллекцію доступной для изученія, за что нельзя не поблагодарить составителя описанія, взявшаго на себя не малый и притомъ кропотливый трудъ, на который потрачено имъ нѣсколько лѣтъ. Работа исполнена необыкновенно тщательно, съ указаніемъ при каждомъ номерѣ его литературы. Приложенные указатели — географическихъ именъ и именъ царей, — равно какъ собраніе монограммъ и три таблицы наиболѣе выдающихся монетъ, несомнѣнно, весьма полезны: жаль, что нѣтъ index rerum, иногда необходимаго и для не-нумизматовъ. Въ заключеніе этой замѣтки пожелаемъ превосходной книгѣ г. Орѣшникова успѣха, чтобы она послужила средствомъ къ ознакомленію русскаго ученаго міра съ національною нашей коллекціей въ Москвѣ.

В. А.

Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft, herausg. von Iwan Müller. II. Band: Griech. und Lat. Sprachwissenschaft. Zweite neubearbeitete Auflage. Nördlingen 1890 (A. Griechische Grammatik von K. Brugmann, B. Lateinische Grammatik von Fr. Stolz und I. G. Schmalz, C. Lexicographie, D. Rhetorik, E. Metrik, Anhang: Musik).

Переходимъ къ фонетикѣ и морфологіи латинскаго языка, обработанныхъ Штольцемъ.

Для того, чтобы оцѣнить по достоинству трудъ Штольца, мы должны принять прежде всего въ соображеніе нѣкоторыя обстоятельства, зависящія съ одной стороны отъ **автора**, а съ другой стороны отъ **самого предмета**. Что касается обстоятельствъ **перваго рода**, то, помимо общаго неудобства для этого труда, долженствующаго выдержать параллель съ трудомъ Бругмана, Штольцъ затруднилъ свое положеніе еще и тѣмъ, что рѣшился приспособиться какъ можно ближе къ **изложенію и плану**, принятымъ Бругманомъ для греческой грамматики. И если **планъ** сочиненія Бругмана оказался не совсѣмъ удобнымъ даже для него же самого, то не вышелъ онъ лучше и изъ-подъ пера Штольца, вслѣдствіе чего и сочиненіе послѣдняго изобилуетъ разными методическими недостатками, общими и частными. Подобно Бругману, и Штольцъ не знаетъ напр., гдѣ и какъ пріурочить слитные глаголы (= 1, 2 и 4

спряженія); объ этомъ столь крупномъ и любопытномъ морфологическомъ вопросѣ не только не получается изъ его книги никакого цѣльнаго представленія, но даже и въ частностяхъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно въ фонетикѣ, не дано разъясненій въ достаточной мѣрѣ. Иногда объ одномъ и томъ же предметѣ говорится частью въ одномъ мѣстѣ, частью въ другомъ; такъ напр. на стр. 271 преподается исторія двугласныхъ, хотя о двугласныхъ же была рѣчь уже раньше на стр. 259. Далѣе въ изложеніи предмета Штольцъ оказывается въ рѣшительной невыгодѣ передъ Бругманомъ, такъ какъ послѣдній, стоя во главѣ современной школы сравнительныхъ языковѣдовъ, не стѣсняется смѣло высказывать свои мысли въ качествѣ признаннаго авторитета, между тѣмъ какъ Штольцу, оказывающемуся болѣе воспроизводительнымъ, чѣмъ производительнымъ талантомъ, остается въ большинствѣ случаевъ просто только реферировать. Но и тутъ, вмѣсто того, чтобы вкратцѣ представить самую суть дѣла, онъ нерѣдко отдѣлывается одними ссылками на литературу даннаго вопроса. Такъ напр., на стр. 276 формулировано одно объясненіе слѣдующимъ образомъ: „Формы alis, Cornelis я объяснялъ прежде такъ-то, теперь же признаю болѣе правильнымъ толкованіе Штрейтберга, изложенное тамъ-то“; въ чемъ, однако, состоитъ это „болѣе правильное“ толкованіе, предоставляется самому читателю справиться въ указанныхъ мѣстахъ, между тѣмъ какъ „менѣе правильное“ толкованіе тутъ же изложено по существу. Но и помимо этого, въ толкованіяхъ Штольца многое иногда недосказано. Такъ напр., трудно уразумѣть безъ поясненія разницу между § 52 и § 53 (индо-европ. gh даетъ по § 52 по-латыни h, g, f, а по § 53 опять-таки h, g, f), не говоря даже о томъ, что и распредѣленіе матеріала между этими двумя параграфами недостаточно тщательно (такъ unguis и pinguis отнесены къ § 53, между тѣмъ какъ мѣсто ихъ должно быть, повидимому, въ § 52).

Что же касается, наконецъ, самаго предмета, то латинскій языкъ является далеко не столь удобнымъ объектомъ для сравнительныхъ реконструкцій, какъ языкъ греческій, такъ какъ первый ушелъ значительно дальше втораго отъ того состоянія, которое было свойственно общему индо-европейскому праязыку въ моментъ возникновенія частныхъ индо-европ. языковъ, и которое составляетъ исходную и вмѣстѣ съ тѣмъ заключительную точку всякихъ реконструкцій. Поэтому нѐ легко придать научному изложенію этого предмета общедоступную, т.-е. по возможности элементарную форму, какая требуется назначеніемъ Handbuch'а, и многія схематическія объясненія могутъ показаться непосвященному читателю еще болѣе фантастиче-

скими, чѣмъ въ области греческаго языка. Кромѣ того, матеріалъ, представляемый латинскимъ языкомъ, вообще обработанъ и обслѣдованъ далеко менѣе греческаго, чѣмъ и объясняется замѣчаемая иногда шаткость объясненій Штольца (напр. на стр. 258 подкрѣпляется толкованіе ipse изъ *ep-so заявленіемъ совсѣмъ неосновательнымъ, будто ipse „eine andere Erklärung nicht gut zulässt“).

Подобно греч. грамматикѣ Бругмана, трудъ Штольца распадается 1) на введеніе, 2) фонетику и 3) морфологію съ тѣми же подраздѣленіями, въ томъ числѣ и съ Anhang'омъ, заключающимъ въ себѣ: a) числительныя, b) степени сравненія и c) именное словосложеніе. Впрочемъ содержаніе введенія Штольца совпадаетъ только отчасти съ введеніемъ Бругмана, уступая при этомъ послѣднему какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи, несмотря на присутствіе самостоятельнаго отдѣла, посвященнаго исторіи латинскаго литературнаго языка. Особенно нужно сожалѣть о недостаточности отдѣла (въ $1^{1}/_{2}$ стр.), трактующаго объ отношеніи лат. языка къ прочимъ индо-европ. языкамъ вообще и къ италійскимъ нарѣчіямъ въ частности, и это тѣмъ болѣе, что издатели Handbuch'а совсѣмъ исключили изъ его программы діалектологію, какъ греческую, такъ и италійскую.

Весьма умѣстенъ отдѣлъ, поставленный во главѣ фонетики, касающійся лат. письменъ, лат. ороографіи и ороэпіи*). Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что лат. алфавитъ въ древнѣйшемъ своемъ видѣ былъ не что иное, какъ чисто греческій, а именно того типа, который извѣстенъ подъ именемъ халкидическаго и одною изъ особенностей котораго является употребленіе буквы X не въ значеніи русскаго х, а въ смыслѣ кс.

Алфавитъ этотъ былъ въ употребленіи у кампанскихъ грековъ (въ томъ числѣ главнымъ образомъ въ Кумахъ, игравшихъ около времени возникновенія республики въ Римѣ первенствующую роль въ средней Италіи во всѣхъ отношеніяхъ); отъ этихъ грековъ перенята халкидическая азбука италійскими народами. Но тутъ-то происходитъ довольно загадочное явленіе, состоящее въ томъ, что, между тѣмъ какъ прочіе народы средней Италіи (въ томъ числѣ даже кампанскіе оски, ближайшіе сосѣди, а потомъ и соперники Кумъ) приняли свой алфавитъ не прямо отъ грековъ, а черезъ посредство этрусковъ, римляне, напротивъ, несмотря на близкое сосѣдство Этруріи, позаимствовали свои письмена у болѣе отдаленныхъ куманцевъ. Обстоятельство это весьма важно для освѣщенія соотвѣт-

*) Послѣднему предмету посвящено вышедшее недавно спеціальное сочиненіе В. И. Петра „Къ вопросу о латинской ороэпіи“. Кіевъ 1891.

ствующаго періода римской исторіи, и на него не лишнее было указать.

Къ замѣчаніямъ объ алфавитѣ присоединены Штольцемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о римскихъ цыфрахъ; но свѣдѣнія эти слишкомъ отрывочны и неполны. Такъ объяснены въ достаточной мѣрѣ знаки C изъ ⊙ и M изъ Φ, но не объяснены и даже не упомянуты весьма обычные знаки ∞ и C|Ͻ; объясненіе знака D не договорено и поэтому совсѣмъ непонятно; для знака X, хотя и дано объясненіе, но тутъ же опровергнуто, не будучи замѣнено другимъ; о знакѣ V и пр. совсѣмъ не упомянуто. Дѣло это можно бы вкратцѣ представить въ слѣдующемъ видѣ (отчасти согласно съ Т. Моммзеномъ въ Hermes XXII стр. 596 сл. и XXIII, стр. 152 сл.). Наличныя цыфры, употреблявшіяся римлянами, состоятъ изъ двухъ наслоеній:

1) Къ древнѣйшему слою, восходящему ко времени до знакомства съ греч. письменами, принадлежатъ цыфры I (II, III, IIII), V и X, при чемъ, по самому распространенному толкованію, одобренному также и Моммзеномъ, знакъ I обозначаетъ 1 палецъ (II = 2 пальца и т. д.), V составляетъ сокращенный знакъ, изображавшій всю пятерню, наконецъ X представляетъ собою изображеніе двухъ кистей рукъ, соприкасающихся корнями (>< или X);

2) второй слой состоитъ въ употребленіи нѣкоторыхъ письменъ греч. (халк.) алфавита въ значеніи цыфръ. Буквы эти, оказавшіяся ненужными для лат. алфавита въ подлинномъ значеніи, слѣдующія: ⊗ или ⊙, имѣвшая значеніе буквы ϑ, принята для выраженія цыфры 100, Φ (со значеніемъ φ) для выраженія цыфры 1000 и Ѱ (со значеніемъ χ, хотя по формѣ = ψ) для обозначенія цыфры 50. Знакъ ⊙ могъ дать, путемъ, указаннымъ у Штольца, вслѣдствіе постепеннаго упрощенія, позднѣйшее C въ случайномъ соотвѣтствіи съ начальной буквой слова centum, какъ и Ѱ дало ⊥ и, наконецъ, L безъ всякаго соотвѣтствія съ quinquaginta. Подобнымъ образомъ и знакъ Φ могъ перейти постепенно, какъ полагаетъ Штольцъ, черезъ Ⴇ въ позднѣйшее M = mille; но такъ какъ этотъ знакъ для 1000 сравнительно слишкомъ поздній (со временъ Августа), то правильнѣе будетъ усматривать здѣсь сознательное нововведеніе по аналогіи съ C = centum. Болѣе древніе знаки для 1000 были ∞ и C|Ͻ, представляющіе собою видоизмѣненія основного Φ. А такъ какъ противопоставленное CͻЭ въ C|Ͻ

служитъ какъ бы знакомъ умноженія простого C на 10, то этимъ воспользовались и для дальнѣйшаго умноженія на 10, такъ что CCIↃↃ = 10.000, CCCIↃↃↃ = 100.000; послѣдній же знакъ въ скорописи далъ ↈ на columna rostrata. Половина знака ↀ или CIↃ, т.-е. D или IↃ послужило для обозначенія $^1/_2$ тысячи, т.-е. 500; подобнымъ образомъ IↃↃ (т.-е. половина отъ CCIↃↃ) = 5000 и т. д.

Подобною неполнотою отличаются и прочіе вступительные параграфы фонетики; особенно безсодержателенъ § 55, трактующій о соотвѣтствіи латинскихъ звуковъ звуковому матеріалу индо-европ. праязыка.

Зато спеціальные параграфы фонетики (начиная съ § 7) являются значительно полнѣе. Мало того, положительно замѣчается стремленіе накопить возможно болѣе примѣровъ на каждый отдѣльный случай. И какъ разъ въ этомъ и заключается главная заслуга труда Штольца, сумѣвшаго съ наивозможною сжатостью сгруппировать и освѣтить обширный языковой матеріалъ съ обильными указаніями на литературу отдѣльныхъ вопросовъ, равно какъ и на аналогичные факты родственныхъ языковъ (преимущественно санскр. и греч.). Заслуга эта не умаляется отъ того, что съ особеннымъ усердіемъ отмѣчаетъ онъ всякія менѣе обычныя слова и формы (нерѣдко часто графическія), не брезгая даже матеріаломъ надписи на квиринальскомъ горшечкѣ, подлинность которой болѣе чѣмъ сомнительна.

При такомъ обиліи матеріала и въ виду выше указанныхъ невыгодныхъ условій этого труда читатель встрѣчаетъ много поводовъ для несогласій и возраженій. Мы помѣщаемъ здѣсь нѣкоторыя для характеристики работы Штольца.

Упомянутая зависимость Штольца отъ Бругмана обнаруживается напр. въ употребленіи знаковъ u̯ и i̯ вмѣсто обычныхъ v и j, которыя у него совсѣмъ изъяты изъ употребленія. Мотивировано это на стр. 257 (подъ чертой) слѣдующимъ образомъ: „Eine Scheidung zwischen indog. u̯ und v durchzuführen ist noch nicht gelungen: ich schreibe also (!) u̯“. Почему же не наоборотъ: „ich schreibe also v“? Это было бы и проще и, можетъ быть, ближе къ истинѣ. Зато не мѣшало бы Штольцу сгруппировать хотя нѣкоторые случаи, изъ которыхъ можно заключить, что и въ лат. языкѣ существовало отчасти произношеніе u̯, каковы напр.: 1) переходъ ev (т.-е. -eu̯) въ ov; 2) дальнѣйшій переходъ -ov (т.-е. ou̯) въ u; 3) чередованіе суффиксовъ -uo- (mortuos) и -vo- (salvos) и др.; сюда же принадлежитъ и двухсложное чтеніе въ quattuor, tenuis, genua и, наоборотъ, трехсложное въ solvo и пр. Таково, конечно, и

односложное чтеніе словъ въ родѣ navem, ovis, ovo; однако простымъ уравненіемъ „ = nau̯em ou̯is ou̯o“ (стр. 262, 3) чтеніе это не объяснено, въ особенности при nau̯em; послѣднее могло звучать въ небрежной скороговоркѣ просто = *naum, какъ можно судить по извѣстному изъ Цицерона анекдоту о Cauneas (двусмысліе: 1. = Cauneas, т.-е. ficus и 2. = cave ne eas).

Отдѣлъ о смѣногласіи (Vocalabstufung, стр. 263) принадлежитъ къ числу болѣе удачныхъ во всей книгѣ, опять-таки вслѣдствіе тѣсной зависимости отъ Бругмана. Подобно послѣднему Штольцъ принимаетъ во 2-мъ изд. (вмѣсто тройной степени смѣногласія въ 1-мъ изд.) дѣленіе на двѣ главныя степени съ нѣсколькими подстепенями. Но для латинскаго языка получается тутъ нѣчто прямо невозможное и даже совсѣмъ непонятное безъ подробныхъ объясненій. Такъ напр., по книгѣ Штольца совсѣмъ непонятно, почему корни pĕt- (peto), ĕs- (es-se) должны быть причислены къ 1 Hochstufe, въ то время какъ однородный корень pĕd (pĕd-is) названъ nebentonige Tiefstufe; почему ăg-ilis заключаетъ въ себѣ корень съ nebentonige Tiefstufe, ăgo, напротивъ, съ 1 Hochstufe; почему при fīdo принимается 1 Hochstufe (рядомъ съ fĭdes = tonlose Tiefstufe), напротивъ vīdi (рядомъ съ vĭdere) объясняется какъ побочная форма низкой степени (Doppelform der Tiefstufe) и т. д. Мы не хотимъ тутъ разбирать, насколько все это вѣрно по существу; но во всякомъ случаѣ изъ одной книги Штольца никто не въ состояніи не то, чтобы убѣдиться, что это дѣйствительно такъ, но даже хотя бы понять, что это можетъ такъ быть.

Но и независимо отъ Бругмана многое не достаточно обдумано. Такъ напр., въ отдѣлѣ о сліяніи двухъ разнородныхъ гласныхъ (стр. 276) дается, между прочимъ, формула: a + ō = ō, извлеченная изъ amō = *ama-i̯ō; затѣмъ продолжаетъ Штольцъ: „amāmus amant (Grundf. *amai̯omos *amai̯ont) sind demnach (!) Analogiebildungen“. Но онъ упустилъ изъ виду, что въ послѣднихъ двухъ формахъ имѣемъ дѣло не съ долгимъ ō, а съ краткимъ ŏ, вслѣдствіе чего получается случай, охарактеризованный немного выше самимъ Штольцемъ слѣдующимъ образомъ: „при сліяніи двухъ разнородныхъ гласныхъ преодолѣваетъ первый изъ нихъ, если второй кратокъ“, вслѣдъ за чѣмъ онъ же даетъ формулу: a + ŏ = ā (mālo изъ mau̯olo). Такимъ образомъ и amāmus изъ *amai̯ŏmos и amant изъ *amai̯ŏnt были бы совершенно правильны. Но кромѣ того незачѣмъ возводить amāmus къ *amai̯ŏmos; вѣрнѣе предположить *amai̯emos съ тѣмъ же „соединительнымъ“ гласнымъ, который имѣется въ неслитномъ (3) спряженіи: legĭmus изъ *legĕmos. Въ такомъ случаѣ и docēmus заключало бы въ себѣ правильное сліяніе изъ *docei̯emos. Наконецъ и при docent, хотя аналогія, пови-

димому, несомнѣнна, но не непосредственно съ amant, а съ формою причастія (docens, docentis), суффиксъ котораго признается родственнымъ суффиксу 3 мн. -nt, при чемъ не должно упускать изъ виду смѣногласіе °/ₑ, бывшее свойственнымъ также и этому причастію (ср. у Штольца, стр. 287).

На стр. 262 объяснена форма перфекта domui изъ *domaui, *domoui, и подобнымъ образомъ abluo изъ *ablavo *ablouo. Переходъ av- въ -ov- самъ по себѣ сомнителенъ и тѣмъ болѣе въ формѣ domui. Что же касается сложнаго abluo, то изъ *ablavo могло выйти сперва *ablĕvo съ ослабленіемъ а въ е во второй части сложныхъ словъ (сохранившемся впослѣдствіи только въ закрытыхъ слогахъ, напр. perfectus, между тѣмъ какъ въ открытыхъ ослабилось оно даже въ i, напр. perficio изъ *pérfĕcio *perfăcio), а затѣмъ изъ *ablĕvo должно было получиться совсѣмъ правильно *ablovo или *ablouo и, наконецъ, abluo.

На стр. 274 дано правило: „oi переходитъ въ ū, за исключеніемъ foedus Poeni poena". Но здѣсь какъ разъ было бы желательно имѣть объясненіе этого исключенія, если только „die Lautgesetze wirken ausnahmslos". По этому же поводу сказано тамъ же, что „вмѣсто ū пишется иногда ō, напр. nōn"; значитъ въ дѣйствительности произносилось это слово иначе?

Колебаніе между f и b въ началѣ нѣкоторыхъ словъ (стр. 295) поддалось бы легко объясненію, если бъ допустить здѣсь просто оско-сабинское вліяніе, какъ оно допускается напр. въ словѣ bos. Къ этому же вліянію можетъ быть отнесено также и различіе въ окончаніи имен. падежа собственныхъ именъ, каковы Corneli(s) при Cornelio(s); далѣе собственныя имена на -asius, -esius, -isius (стр. 299) и еще кое-что другое. Подобнымъ образомъ на стр. 299 напрасно причислено basium къ echtlateinische Wörter; слово это привезено въ Римъ пѣвцомъ Лезбіи изъ его родной Вероны и только черезъ него пріобрѣло право гражданства въ римской литературѣ. Странно также замѣчаніе на стр. 310 относительно losna, будто „an dessen lat. Ursprunge nicht zu zweifeln ist"; losna навѣрно не чисто лат. форма, хотя лат. luna и произошло, по всей вѣроятности, изъ *loucsna, подобнымъ образомъ какъ пелигнійское prismu не можетъ быть названо лат. формой, несмотря на то, что лат. prīmus дѣйствительно могло произойти изъ *pris-mo-s.

Статья, озаглавленная „Древнѣйшее удареніе лат. языка" (стр. 319), составлена вполнѣ въ духѣ Корссеновой теоріи, противъ которой мы высказывались еще въ Аор. стр. 188—190. Однако изъ матеріала, приводимаго защитниками предположенія, будто въ древнѣйшее время всякое лат. слово имѣло удареніе какъ можно дальше отъ конца, т.-е. на 1-мъ слогѣ (по-

добно современному чешскому языку), можно сдѣлать совсѣмъ другіе выводы, чѣмъ тѣ, которые приводитъ Штольцъ. По нашему мнѣнію, можно положительно утверждать только слѣдующее:

a) Удареніе ставилось прежде на 3-мъ слогѣ отъ конца также въ томъ случаѣ, если предпослѣдній слогъ былъ дологъ только по положенію, но не по природѣ; этимъ объясняется festra (нѣм. fénster) изъ fénĕstra, далѣе, ослабленіе гласнаго a въ e въ Tarĕntum изъ *Tárantum, talĕntum изъ *tálantum и др.

b) Удареніе могло стоять и на 4-мъ слогѣ отъ конца, но только въ томъ случаѣ, если гласный третьяго слога, стоявшій между muta и liquida или наоборотъ, имѣлъ характеръ сварабхактическаго полугласнаго, не восполняющаго обычную мору полныхъ слоговъ; этимъ объясняется напр. bálneum изъ *bálineum (у Плавта balineae) = βαλανεῖον.

c) Сложныя слова (и это самый крупный случай) имѣли прежде главное удареніе на первой составной части, вслѣдствіе чего оказывалась позади слога съ удареніемъ не только вся вторая часть, но и конецъ первой; этимъ и объясняется столь обычное ослабленіе коренного гласнаго второй части, равно какъ и нерѣдкое опущеніе конечнаго гласнаго въ первой части, напр. officina изъ *óp(i)-ficina *ópi-facina, opifex изъ *ópi-fac-s, Iuppiter изъ *Ioús-pater, Benventod изъ Béne-ventod и т. д.; сюда же принадлежитъ не только сложеніе съ предлогами (напр. conficio изъ *cón-facio, reccidi изъ *ré-cecidi) и съ удвоеніемъ (cecidi изъ *cécadi), но также съ нѣкоторыми суффиксами степеней сравненія (optumus изъ ópitumus) и даже съ другими суффиксами (изъ числа болѣе полновѣсныхъ), напр. ferculum изъ fériculum; кстати будетъ вспомнить, что въ санскр. даже нѣкоторые падежные суффиксы подвергаются правиламъ внѣшняго sandhi, т.-е. формы этого рода трактуются какъ бы сложныя. Какъ сложное слово ходило также Pollux изъ *Pol(u)-doucs = *Polu-deuces.

Этими тремя группами исчерпываются всѣ „доказательства" Штольца въ пользу принятой имъ теоріи, если не считать нѣкоторыхъ заимствованныхъ словъ (въ родѣ áncŏra при ἄγκῡρα), въ которыхъ, кромѣ ударенія, и просодія гласныхъ не всегда совпадаетъ съ подлинникомъ.

Ограничиваемся этими замѣчаніями по поводу нѣкоторыхъ мѣстъ изъ фонетики, чтобы не слишкомъ удлинить нашъ рефератъ. Въ этихъ же видахъ мы преднамѣренно выбрали въ предыдущемъ главнымъ образомъ такіе фонетическіе вопросы, которые затрогиваютъ и морфологію.

Въ общемъ сочиненіе Штольца оказывается и во второмъ изданіи не достаточно систематическимъ и далеко не цѣльнымъ

изложеніемъ мало разработаннаго предмета. Тѣмъ не менѣе значеніе этого труда немаловажно, во-первыхъ, какъ первой попытки научной обработки лат. фонетики и морфологіи въ современномъ духѣ, и во-вторыхъ, какъ богатаго сборника языкового матеріала съ научнымъ къ нему аппаратомъ. Для перваго же ознакомленія съ этими дисциплинами сочиненію Штольца слѣдуетъ предпочесть грамматику Швейцеръ-Зидлера (въ новѣйшей обработкѣ) и, пожалуй, даже сочиненіе V. Henry (Précis de grammaire comparée du Grec et du Latin).

И. Нетушилъ.

Н. М. Благовѣщенскій, Винкельманъ и поздніе эпохи греческой скульптуры. С.-Петербургъ 1891 (149 стр. in 8°, съ рисунками).

Поздніе эпохи греческой скульптуры, о которыхъ говоритъ книжка подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, были въ послѣднее время на Западѣ предметомъ немалочисленныхъ и весьма серьезныхъ изслѣдованій. Еще недавно длинный рядъ скульптурныхъ памятниковъ, которыми по преимуществу наполнены наши музеи, представлялся лишь хаотической массой, трудно поддающейся какой бы то ни было группировкѣ и классификаціи. Несмотря на нерѣдкія надписи, передающія намъ имена создававшихъ эти памятники художниковъ, значеніе этихъ послѣднихъ, ихъ цѣли, художественные пріемы, самостоятельность ихъ работъ и ихъ отличія другъ отъ друга представлялись намъ въ крайне неясныхъ очертаніяхъ, и мы часто склонны были допускать извѣстную оригинальность и заслуги тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ мы имѣемъ лишь довольно посредственныя копіи или искаженныя академической манерностью подражанія стариннымъ и болѣе совершеннымъ образцамъ. Въ новѣйшее время пролито особенно много свѣта на эти произведенія. Разборъ напр. издѣлій такъ-называемой „ново-аттической“ школы, которой еще Бруннъ[1]) считалъ возможнымъ приписывать переработку типа Книдской Афродиты Праксителя въ типъ Медичейской Венеры, весьма наглядно показалъ, что даже эта „сомнительная заслуга“ должна быть отнята у представителей этого направленія, что они умѣли только выбирать между „nobilia opera in toto orbe“ и что на самомъ дѣлѣ, подобно школѣ Пасителя, они были простыми подражателями или прямо копистами и реставраторами, даже и въ этой дѣятельности

---

1) Geschichte der griech. Künstler, I, S. 560 fg.

являвшимися послѣдователями ранѣе, какъ думаютъ, въ Пергамѣ, Аѳинахъ и Александрiи возникшихъ направленiй [1]). Съ другой стороны, благодаря тому же пристальному изслѣдованiю, а также благодаря нѣкоторымъ новымъ находкамъ, удалось точнѣе опредѣлить историческое значенiе и тѣхъ дѣйствительно новыхъ стремленiй, которыми ознаменовали себя эпохи, близко слѣдовавшiя за паденiемъ политической свободы въ древней Грецiи. Благодаря настойчивымъ изысканiямъ Шрейбера все болѣе и болѣе становится понятной намъ своеобразная манера александрiйскихъ художниковъ [2]); благодаря находкамъ пергамскихъ мраморовъ въ значительной мѣрѣ выясняется для насъ роль, которую играли художники III и II вѣка, дѣйствовавшiе въ Родосѣ и Пергамѣ, этихъ важныхъ, послѣ Александрiи, художественныхъ центрахъ эллинистическаго Востока. Но именно выясняется, — ибо никакъ не слѣдуетъ думать, чтобы эта находка въ чемъ-либо „подрывала" тотъ давнишнiй взглядъ на эту роль, который ранѣе высказывался К. О. Миллеромъ [3]), а въ недавнее время особенно прочно установленъ былъ Гейнр. Брунномъ. Правда, въ первыя минуты ознакомленiя съ пергамскими рельефами и подъ влiянiемъ сильнаго впечатлѣнiя, которое они производятъ, нѣкоторые изъ наиболѣе восторженныхъ поклонниковъ всего новаго, считали себя въ правѣ придавать необычное значенiе этимъ скульптурамъ и видѣть въ нихъ какое-то откровенiе [4]). Но на ряду съ ихъ голосами почти тотчасъ же раздались и трезвыя предостереженiя. Уже въ 1880 году, на съѣздѣ филологовъ и педагоговъ въ Штеттинѣ, грейфсвальдскiй проф. Прейнеръ въ тщательно обдуманномъ рефератѣ предупреждалъ противъ излишняго увлеченiя пергамскими рельефами [5]). Онъ тогда же указалъ и на невѣрность выставленныхъ Конце положенiй насчетъ того, что этими скульптурами, во-первыхъ, „устраняется будто бы слишкомъ низкое представленiе о временахъ такъ-называемаго

---

1) См. Fr. Hauser, Die neu-attischen Reliefs, Stuttgart. 1889. Книга даетъ гораздо болѣе, чѣмъ обѣщаетъ ея скромное заглавiе. Цѣлый рядъ произведенiй позднихъ эпохъ греч. пластики находитъ въ ней вполнѣ научное и умѣлое разъясненiе.

2) Ср. его изслѣдованiя въ Mittheil. des deutsch. archäol. Instituts in Athen, Bd. X. Heft. 4. (1885) S. 380; Die Brunnenreliefs aus Palazzo Grimani. Leipzig 1888; его изданiе эллинистическихъ рельефовъ и недавнiй докладъ на съѣздѣ нѣмецкихъ филологовъ въ Мюнхенѣ, содержанiе котораго сообщено въ современныхъ научныхъ изданiяхъ.

3) K. O. Müller, Handbuch der Archäol. der Kunst, 3-te Aufl. S. 149. ff.

4) У насъ выразителемъ такихъ чувствъ явился И. С. Тургеневъ въ письмѣ въ „Вѣстникѣ Европы" за 1880 г. Письмо это слишкомъ восторженнымъ нашелъ и г. Благовѣщенскiй.

5) См. Verhandlungen der 35 Versammlung deutsch. Philologen und Schulmänner. Leipzig, Teubner, 1881. S. 180 и 190.

упадка“, ибо уже давно никто не сомнѣвался въ томъ, что въ III и II вѣкѣ еще были великіе художники; во-вторыхъ, что „измѣняются будто бы наши узкія представленія о пергамской школѣ“, ибо на самомъ дѣлѣ теперь только подтверждается то мнѣніе о ней, которое составилось уже на основаніи подобранной Брунномъ группы Галатовъ; въ-третьихъ наконецъ, что „этими скульптурами и вообще расширяется наше представленіе о древнемъ искусствѣ“, такъ какъ, несмотря на многіе негреческіе мотивы этихъ рельефовъ, они въ сущности только развиваютъ мотивы, зачатки коихъ встрѣчаются въ произведеніяхъ болѣе ранняго времени. Сопоставленія, которыя затѣмъ сдѣлалъ самъ Конце и ближе изучавшіе пергамскіе рельефы Кекуле, Тренделенбургъ, Murray и др.[1]), а наконецъ и мастерской, детальный разборъ всѣхъ отличающихъ эти скульптуры особенностей, который выполненъ былъ Брунномъ[2]), — всѣ они достаточно выяснили и степень самостоятельности работавшихъ въ Пергамѣ художниковъ и ихъ родство со всѣми другими культурными теченіями, которыя отличаютъ эпоху діадоховъ, а наконецъ точнѣе намѣтили и то развитіе, которое въ предѣлахъ даже эпохи діадоховъ замѣчается въ произведеніяхъ тогдашней скульптуры[3]). Работа, такимъ образомъ, ведется живо и энергично по всѣмъ отдѣламъ этого періода, значеніе отдѣльныхъ направленій въ исторіи греческаго искусства отъ Александра до Антониновъ выясняется все болѣе и болѣе и, хотя попрежнему среди выдающихся археологовъ все еще находится мало такихъ, которые вмѣстѣ съ Тиршемъ и Штаромъ[4]) взялись бы защищать положеніе Висконти насчетъ l'état stationnaire de la sculpture chez les anciens depuis Periclès jusqu'aux Antonins, хотя всѣ они заботятся лишь о пониманіи искусства извѣстнаго періода въ связи со всей остальной культурой этихъ періодовъ и продолжаютъ такимъ образомъ дѣло Винкельмана, но, конечно, среди нихъ не найдется уже теперь такихъ завзятыхъ поклонниковъ этого перваго создателя исто-

---

1) См. Conze, Vorläuf. Bericht über die Ergebnisse der Ausgrabungen zu Pergamon. Berlin 1880, въ Jahrbuch der kön. preuss. Kunstsamml. Bd. 1. S. 52, 55, 60, 184, 61 f.; Kekulé, Zur Deutung und Zeitbestimmung des Laokoon (Berlin, Spemann); Ad. Trendelenburg, Die Laokoongruppe und Gigantenfries des Pergam. Altars. Berlin, K. Gaertner, 1884; A. S. Murray, A history of greck Sculpture. London 1883, vol. II, p. 376 и д.

2) H. Brunn: Über die kunstgeschichtliche Stellung der Pergamenischen Gigantomachie въ Jahrbuch der kön. preus. Kunstsammlungen V Bd. 3 Heft. 1884.

3) См. особенно мѣткія замѣтки Брунна въ упомянутомъ сейчасъ изслѣдованіи, стр. 60 слѣд.

4) Разумѣю Ad. Stahr, Torso. Kunst, Künstler und Kunstwerke des griech. und röm. Alterthums 2-te Ausg. 1878, одно изъ весьма талантливыхъ сочиненій по искусству, въ которомъ та же точка зрѣнія, которой держится г. Благовѣщенскій, защищается съ особеннымъ умѣньемъ и знаніемъ дѣла.

ріи античнаго искусства, которые бы раздѣляли всѣ его увлеченія. Ни одному изъ нихъ не остается неизвѣстнымъ, съ какимъ однообразнымъ подборомъ памятниковъ приходилось имѣть дѣло Винкельману и какъ часто долженъ былъ онъ рѣшать нѣкоторые вопросы болѣе при помощи своей геніальной дивинаціи, нежели при помощи аккуратнаго хронологическаго распредѣленія этихъ памятниковъ.

Все это мы считаемъ нужнымъ напомнить въ виду того, что читателю помѣщенной въ заголовкѣ нашей замѣтки книжки можетъ казаться, будто и сейчасъ споръ, нѣкогда ведшійся по поводу нѣкоторыхъ положеній Винкельмана между Висконти и Тиршемъ съ одной стороны и К. О. Миллеромъ — съ другой [1]), сохраняетъ еще свое практическое значеніе для науки, и что до сихъ поръ такіе ученые, какъ Гейнр. Бруннъ, только по какому-то капризу силятся отстаивать свои по Винкельману составленные взгляды на эти позднія эпохи или, какъ выражается авторъ нашего этюда, только по „доктринерской косности" (см. стр. 143) позволяютъ себѣ отрицать достоинства даже такихъ произведеній, какъ пергамская гигантомахія, не говоря уже о еще болѣе позднихъ произведеніяхъ греко-римской пластики, передъ которыми благоговѣетъ нашъ авторъ, но которыя его противниками считаются или плохими копіями съ болѣе совершенныхъ образцовъ или неудачными ихъ видоизмѣненіями. И возраженія противъ нѣкоторыхъ, никѣмъ уже не поддерживаемыхъ, положеній Винкельмана и нѣсколько смѣлая въ настоящее время попытка возстановить довѣріе къ основному тезису Висконти кажутся намъ несвоевременными. Смѣемъ думать, что и отъ Брунна и отъ другихъ новѣйшихъ изслѣдователей этого періода нисколько не укрылось высокое значеніе — особенно съ точки зрѣнія художественной техники — многихъ изъ упоминаемыхъ нашимъ авторомъ памятниковъ [2]), но что этихъ изслѣдователей не столько интересуетъ рекомендація тѣхъ или другихъ произведеній, какъ предметовъ эстетическаго наслажденія, обширной публикѣ, сколько опредѣленіе мѣста, которое они занимаютъ въ исторіи античнаго искусства. Отсюда ведетъ свое начало и интересъ къ детальному и притомъ сравнительному изслѣдованію стилистическихъ особенностей этихъ произведеній, которое такъ мало цѣнитъ нашъ авторъ; этимъ обусловливается и вниманіе къ вложенному въ нихъ содержанію, кото-

---

[1]) Ср. особенно его статьи: Die Geschichte der griech. Kunst und ihre neuesten Darsteller, 1826 и 1827 въ K. O. Müller's Kunstarchäologische Werke, hsgb. v. S. Calvary, II Bd, S. 91 fg.

[2]) Ср. напр. то, что говоритъ Brunn (l. l. p. 37) о Лаокоонѣ; о высокихъ достоинствахъ пергамскихъ рельефовъ на стр. 56 и passim.

рое въ немалой степени отличается отъ чисто греческихъ воззрѣній на дѣло.

Вотъ именно эту историческую точку зрѣнія, играющую главную роль въ произведеніяхъ археологовъ новаго времени, нашъ авторъ рѣшительно не хочетъ признать (ср. особ. стр. 136). Одинъ разъ (стр. 141) онъ даже энергически отстаиваетъ право судить о художественномъ значеніи античныхъ произведеній искусства такихъ лицъ, которыхъ онъ признаетъ „знатоками искусства (очевидно, знатоками его техники) даже и въ томъ случаѣ, если они не отличаются особенными свѣдѣніями по исторіи искусства". (Эти лица стоятъ, въ его мнѣніи, повидимому, выше археологовъ, т.-е. свѣдущихъ по исторіи искусства лицъ).

Конечно, никто не станетъ отнимать у неспеціалистовъ права оцѣнки художественныхъ произведеній, — это право, мимоходомъ сказать, отстаивалъ уже Аристотель[1]), — но нельзя не напомнить, что и для произносящей приговоры публики не лишнимъ будетъ позаботиться о расширеніи своего кругозора при ознакомленіи съ этими произведеніями; отъ ученаго же, пытающагося путемъ сравненія (ср. стр. 8, 108, 133) установить достоинство извѣстныхъ памятниковъ, можно и прямо ожидать бóльшаго вниманія къ исторіи искусства. Нельзя напр. противопоставлять пергамскую гигантомахію прямо произведеніямъ эпохи Фидія и утверждать, что въ этихъ пергамскихъ рельефахъ греческая пластика выступила будто бы впервые на путь реализма и паѳоса[2]), забывая, что здѣсь собственно является только возведеннымъ въ односторонній принципъ то, чтò въ извѣстныхъ предѣлахъ явилось разработаннымъ уже въ эпоху второго расцвѣта древне-греческой пластики, когда во многомъ указаны были пути для позднѣйшихъ художниковъ; нельзя безъ какихъ-либо вѣскихъ доказательствъ утверждать, чтобы римское искусство стояло въ какой-то прямой зависимости отъ пергамскаго[3]); нельзя, наконецъ, говорить о чисто греческой обработкѣ божескихъ типовъ въ эту эпоху, когда нѣкоторые восточные мотивы подмѣчаются даже въ гигантомахіи[4]).

---

[1]) Aristot. Polit. p. 1281 b 9: *διὸ καὶ κρίνουσιν ἄμεινον οἱ πολλοὶ καὶ τὰ τῆς μουσικῆς ἔργα καὶ τὰ τῶν ποιητῶν*, хотя, конечно, тамъ, гдѣ дѣло идетъ о *κοιναὶ ἔννοιαι*, а не о научныхъ вопросахъ, и съ характеристической оговоркой: *εἰ μὲν οὖν περὶ πάντα δῆμον καὶ περὶ πᾶν πλῆθος ἐνδέχεται ταύτην εἶναι τὴν διαφορὰν τῶν πολλῶν πρὸς τοὺς ὀλίγους σπουδαίους, ἄδηλον* (ср. Spengel. Arist. Stud. II, S. 66).

[2]) См. особенно неточныя показанія на этотъ счетъ на стр. 7 и 59 и ср. Preuner l. l. p. 182.

[3]) См. стр. 61 и повтореніе этого заявленія на стр. 83.

[4]) Ср. Preuner l. l. p. 189.

Впрочемъ, помимо этого нерасположенія къ научной исторіи искусства, нѣсколько непріятно дѣйствуетъ на читателя пренебреженіе нашего автора къ современнымъ изслѣдователямъ, удивляетъ его незнакомство съ нѣкоторыми изъ новѣйшихъ находокъ (имъ просмотрѣно, напр., такое важное для его цѣлей произведеніе, какъ Ника изъ Самоѳракіи), поражаетъ, наконецъ, и то обстоятельство, оговоренное и въ предисловіи, что, взявшись говорить о позднихъ эпохахъ греческой скульптуры, авторъ всѣ свои доказательства беретъ изъ эпохи III и II в. до Р. Х., когда, конечно, не могъ еще рѣзко сказаться упадокъ скульптуры и когда, какъ признаетъ даже главный изъ знакомыхъ г. Благовѣщенскому противниковъ Тирша, К. О. Миллеръ, es keinem Zweifel unterworfen ist, dass die Kunstschulen Griechenlands.... in einem blühenden Zustande waren, und in einzelnen von den Mustern der besten Zeit genährten Gemüthern noch lange der reine Kunstsinn der früheren Periode lebendig blieb (Handb. der Archäol. 3-te Aufl., § 147).

Но при всемъ томъ труду г. Благовѣщенскаго нельзя отказать въ свойственномъ его автору изяществѣ изложенія и любовномъ отношеніи къ разбираемымъ имъ памятникамъ. Эти достоинства дѣлаютъ весьма пріятнымъ и занимательнымъ чтеніе книги. При бѣдности, поэтому, нашей литературы по античному искусству, надо думать, книжка эта сослужитъ свою службу лицамъ, впервые приступающимъ къ изученію затронутыхъ въ ней вопросовъ.

А. Шварцъ.

R. Menge et S. Preuss, Lexicon Caesarianum. Leipzig 1890. (Выпусками съ 1884 г.).

Осенью 1884 г. произошло нѣчто небывалое въ области классической филологіи: появились первые выпуски сразу трехъ полныхъ словарей къ Цезарю, а именно: Мергета (Merguet), Мейзеля (Meusel) и, наконецъ, Менге и Прейсса. Изъ нихъ Мергетъ довелъ до конца свой словарь въ 1886 г., вторыми же оказались Менге и Прейссъ въ 1890 г. Всѣ эти три словаря являются полными въ томъ смыслѣ, что указываютъ не только всѣ слова и ихъ значенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ мѣста, въ которыхъ читается то или другое слово въ каждомъ изъ своихъ значеній или сочетаній. Поэтому предназначаются они не столько для нуждъ школы (къ услугамъ которой имѣются у нѣмцевъ многочисленные учебные словари, въ родѣ словаря

Эбелинга къ обоимъ сочиненіямъ Цезаря, или Эйхерта къ bell. gall., подобные русскимъ словарямъ Блюсса и Шрамека), сколько для того, чтобы служить пособіями при работахъ болѣе научнаго характера, касающихся либо экзегезы какой-нибудь части текста при помощи сравненія съ другими однородными мѣстами, либо установленія текста въ сомнительныхъ случаяхъ; весьма существенно значеніе подобныхъ пособій также и въ вопросахъ, относящихся къ исторіи того или другого грамматическаго явленія въ лат. языкѣ, равно какъ и того мѣста, которое въ историческомъ развитіи извѣстнаго явленія занимаетъ данный авторъ, насколько, конечно, эти явленія вообще поддаются лексикографической обработкѣ. Въ виду такого рода цѣлей, наименѣе удовлетворительнымъ съ точки зрѣнія научнаго пособія долженъ быть признанъ словарь Мергета, хотя и онъ имѣетъ также нѣкоторыя преимущества передъ остальными двумя, каково 1) то обстоятельство, что его словарь обнимаетъ не только несомнѣнныя сочиненія Цезаря, но также и сочиненія его продолжателей, и 2) то, что способъ составленія словаря Мергета болѣе практиченъ, чѣмъ въ обоихъ остальныхъ, дозволяя легко оріентироваться въ массѣ сообщаемаго матеріала и найти нужное мѣсто съ наименьшею тратою времени. Но достоинства эти не искупаются недостатками, вытекающими главнымъ образомъ изъ того, что книга Мергета, составленная исключительно по одной редакціи текста (Ниппердея), не обращаетъ никакого вниманія на критику текста; изслѣдователю приходится, слѣдовательно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ самому провѣрять текстъ по какому-либо изданію съ критическимъ аппаратомъ.

Эта потребность предусмотрѣна и удовлетворена словарями Менге-Прейсса и Мейзеля, такъ какъ въ обоихъ этихъ словаряхъ приводятся не только рукописныя разночтенія, но также и данныя конъектуральной критики, при чемъ, однако, словарь Мейзеля стоитъ даже нѣсколько выше словаря Менге-Прейсса, въ особенности въ вопросахъ рукописной традиціи. Мейзель превосходитъ Менге-Прейсса также и въ томъ, что указываетъ сочиненія, трактующія объ отдѣльныхъ предметахъ изъ такъ наз. реалій, между тѣмъ какъ Менге и Прейссъ въ ссылкахъ на филологическую литературу далеко не такъ щедры. Далѣе полнота лексикальнаго матеріала понята у Мейзеля нѣсколько шире, чемъ у Менге-Прейсса, опустившихъ совсѣмъ собственныя имена. Наконецъ, у Мейзеля выписаны всѣ приводимыя имъ мѣста изъ текста Цезаря безъ всякихъ сокращеній. Такимъ образомъ словарь Мейзеля является работой, можно сказать, образцовой во всѣхъ отношеніяхъ; но зато и вышелъ онъ гораздо объемистѣе и слѣдовательно дороже словаря Менге-Прейсса. Послѣдній является какъ бы только сокращенною пере-

работкою перваго, сохраняющею, однако, всѣ главнѣйшія достоинства своего соперника. Оба эти словаря касаются только подлинныхъ сочиненій Цезаря; но словарь Менге-Прейсса имѣетъ свое дополненіе въ полномъ же словарѣ къ псевдо-цезаріанскимъ сочиненіямъ, изданномъ раньше (въ 1884 г.) однимъ изъ составителей новаго словаря, именно Прейссомъ.

И. Н.

K. E. Georges, Lexicon der lateinischen Wortformen. Leipzig 1890. (Выпусками съ 1888 г.).

Новый трудъ престарѣлаго лексикографа составляетъ весьма полезное пріобрѣтеніе какъ для науки, такъ и для школы. По отношенію къ послѣдней „Словарь формъ" является удобнѣйшимъ и вполнѣ надежнымъ пособіемъ для всякаго рода справокъ, касающихся большей или меньшей „правильности" какой-либо формы или какого-либо начертанія слова. Въ алфавитномъ порядкѣ приводятся здѣсь ороографическія и морфологическія (изъ такъ-наз. „этимологіи") особенности, распредѣленныя въ грамматикахъ систематично по соотвѣтствующимъ параграфамъ. Для каждой формы, болѣе или менѣе рѣдкой, перечисляются всѣ мѣста изъ римской литературы, въ которыхъ она читается въ лучшихъ современныхъ изданіяхъ, начиная съ авторовъ архаическаго періода и кончая позднѣйшими представителями серебряной латыни. Поэтому для всякаго, кто желаетъ поскорѣе навести какую либо справку, напр. о томъ, что̀ лучше: glaeba или gleba, parentum или parentium, можетъ ли быть допущена форма gladium вмѣсто gladius и т. д., книга Георгеса вполнѣ замѣняетъ всякія ороографическіе указатели, равно какъ и пространныя справочныя этимологіи лат. языка (въ родѣ Кюнера и даже Нейе).

Вмѣстѣ съ тѣмъ эта книга облегчаетъ трудъ собиранія матеріала по вопросамъ изъ исторіи латинскаго языка, насколько дѣло касается по крайней мѣрѣ морфологіи. Такъ напр. составленное нами обозрѣніе депоненцій, колеблющихся между активнымъ и пассивнымъ значеніемъ своихъ медіальныхъ формъ („Залоги" стр. 104 сл.), могло бы теперь, при помощи „Словаря формъ" Георгеса, выйти и полнѣе и точнѣе, не говоря даже объ облегченіи и сокращеніи самаго труда. Конечно, какъ научное пособіе, „Словарь формъ" не можетъ быть признанъ вполнѣ удовлетворительнымъ. Во-первыхъ: приводимый имъ матеріалъ, какъ по отношенію къ самимъ формамъ, такъ и по отношенію къ ссылкамъ на мѣста, въ которыхъ онѣ читаются,

примыкаетъ исключительно къ тѣмъ редакціямъ текстовъ, которыя имѣются въ нѣкоторыхъ избранныхъ изданіяхъ. Между тѣмъ отъ вполнѣ научнаго словаря требуется, чтобы онъ, не ограничиваясь однимъ какимъ-либо изданіемъ, давалъ намъ по крайней мѣрѣ самое существенное изъ критическаго аппарата къ каждому отдѣльному мѣсту, сообщая не только важнѣйшіе варіанты рукописей, но и, насколько необходимо, результаты конъектуральной критики. Мало того: научный словарь долженъ давать также и всѣ необходимыя указанія на труды ученыхъ изслѣдователей, имѣющіе для даннаго мѣста болѣе или менѣе важное значеніе. Къ тому же „Словарь формъ“ Георгеса съ научной точки зрѣнія оказывается даже и недостаточно полнымъ, такъ какъ для исторіи латинскаго языка весьма важенъ тотъ громадный матеріалъ, который заключается въ изданныхъ доселѣ сборникахъ латинскихъ надписей; между тѣмъ у Георгеса надписи привлекаются лишь кое-гдѣ и случайно. Наконецъ и самое распредѣленіе словаря, какъ научнаго пособія, должно было быть нѣсколько иное. Если даже не принимать чисто корнесловнаго порядка, которымъ воспользовались напр. Bréal и Bailly въ своемъ Dictionnaire étymologique latin (2 изд. 1886), то по крайней мѣрѣ такіе случаи, какъ напр. сведеніе всѣхъ сложныхъ глаголовъ въ одну рубрику съ основнымъ ихъ глаголомъ, не могли бы показаться неудобными даже въ собственно учебномъ пособіи, такъ какъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ алфавита въ крайнемъ случаѣ могли бы быть помѣщены ссылки на главную статью (такъ напр., глаголъ pono могъ бы быть помѣщенъ въ статьѣ o sino съ ссылкою на нее въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ буквы P). Наконецъ, и нѣкоторые термины, употребляемые Георгесомъ, въ настоящее время устарѣли; такъ напр., r въ окончаніи неопредѣленнаго накл. страд. зал. -ier называется у него все еще „парагогическимъ“, т.-е. приставнымъ; род. падежъ причастій наст. вр. на -um (напр. parentum отъ pareo) названъ „синкопированнымъ“. Не ясно также, почему на словѣ aïdilis поставлены puncta diaereseos. Кое-что, могшее найти мѣсто въ „Словарѣ формъ“, совсѣмъ пропущено, напр. abundatus = abundans, auguro: auguror и др.

И. Н.

Учебный атласъ античнаго ваянія, составилъ Ив. Цвѣтаевъ (для студентовъ Импер. Московск. Унив.). **I. Греческое ваяніе. М. 1890.**

Еще разъ возвращаемся къ книгѣ, полный заголовокъ которой выписанъ выше, чтобы исправить нѣкоторую неточность, вкравшуюся, по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, въ первую замѣтку о ней, помѣщенную въ предъидущей книжкѣ журнала. Мы говорили тамъ о „предварительномъ оглавленіи", тогда какъ оно уже замѣнено настоящимъ „оглавленіемъ", напечатаннымъ въ форматѣ самого атласа и свободнымъ отъ указанныхъ нами недосмотровъ. Въ предисловіи составитель, сознавая всю трудность своей задачи, самъ указываетъ на нѣкоторые пропуски, неизбѣжные при новизнѣ и сложности подобной работы, обѣщая восполнить ихъ при 2-омъ изданіи, которое будетъ исполнено фототипіей и, слѣдовательно, станетъ значительно дешевле перваго. „Тамъ", говорится въ предисловіи,—„будутъ помѣщены и желательныя дополненія, какъ образцы архаической скульптуры съ о. Кипра, барельефы древняго храма Артемиды въ Эфесѣ, сожженнаго Геростратомъ, бронзовая статуетка Аполлона съ о. Наксоса или статуетка Аполлона, принадлежащая Британскому музею и считаемая нѣкоторыми за копію статуи Канаха, и пр." —Еще разъ пожелаемъ успѣха и благополучнаго окончанія этому труду, которому, несомнѣнно, того же пожелаетъ каждый любитель изящнаго и каждый, кого интересуетъ античное искусство.

В. А.

А. Деревицкій. О началѣ историко-литературныхъ занятій въ древней Греціи. Харьковъ 1891 (VIII + 226 in 8°).

Авторъ главнымъ образомъ имѣетъ въ виду, какъ и самъ онъ говоритъ въ предисловіи, лишь одну часть трудовъ, относящихся къ александрійской эпохѣ греческой образованности и связанныхъ съ существованіемъ александрійскаго музея и птоломеевой библіотеки — именно „таблицы" Каллимаха и работы его ближайшихъ послѣдователей. Но этимъ трудамъ посвящена лишь вторая половина книги (гл. III и IV, стр. 105 – 222), первая же половина занята изложеніемъ исторіи двухъ названныхъ учрежденій (гл. II, стр. 41—104), которому предшествуетъ краткій очеркъ историко - литературныхъ занятій въ Греціи въ до-александрійскій періодъ. Такимъ образомъ читатель долженъ вынести убѣжденіе, что труды александрійскихъ каталогизаторовъ не были явленіемъ одиночнымъ, а явились выраженіемъ давно назрѣвшей потребности, какъ бы итогомъ историко-литературныхъ занятій всего предшествовавшаго времени.

Слѣдуетъ замѣтить, что автору въ разсмотрѣніи главныхъ изъ поставленныхъ имъ вопросовъ — объ устройствѣ александрійскаго музея и библіотеки и о каталогахъ (*πίνακες*) этой библіотеки — приходилось имѣть дѣло со скудными и разрозненными фактами, по которымъ трудно составить

полное представленіе о трактуемомъ предметѣ. Этимъ объясняется та проблематичность изложенія, которая особенно бросается въ глаза при чтеніи всей книги. — Во второй главѣ авторъ сначала устанавливаетъ время учрежденія библіотеки и музея, доказывая, что ихъ учредителемъ былъ Птоломей Сотеръ, вопреки мнѣнію болѣе распространенному, по которому основателемъ этихъ учрежденій былъ Птоломей Филадельфъ; затѣмъ съ особенной подробностью говорится объ организаціи музея, который, какъ доказываетъ авторъ, былъ точной копіей перипатетическаго музея Θеофраста въ Аѳинахъ, и объ устройствѣ александрійскаго книгохранилища, причемъ авторъ пытается дать рѣшеніе нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ (напр. о количествѣ свитковъ при Птоломеяхъ, о *βίβλοι σύμμικτοι* и *βίβλοι ἀμιγεῖς* и др.); наконецъ, вкратцѣ излагается конечная судьба Птоломеевыхъ учрежденій. Главное содержаніе слѣдующей III главы составляетъ рѣшеніе вопроса о (недошедшихъ до насъ) каллимаховыхъ таблицахъ (ихъ заглавіе по словарю Свиды таково: *Πίνακες τῶν ἐν πάσῃ παιδείᾳ διαλαμψάντων καὶ ὧν συνέγραψαν* — въ 120 книгахъ). Тутъ существенными являются вопросы о томъ, каковы были размѣры каллимахова труда, его планъ, содержаніе, его историко-литературное значеніе и, наконецъ, его судьба. Авторъ приходитъ къ такому выводу, что это былъ „толковый каталогъ александрійской библіотеки и первая попытка систематическаго распредѣленія всѣхъ наличныхъ произведеній греческой литературы по родамъ ея“ (стр. 154); приписанное же Свидою Каллимаху сочиненіе „*πίναξ τῶν κατὰ χρόνους καὶ ἀπ' ἀρχῆς γενομένων διδασκάλων*“ считаетъ „такъ сказать, зерномъ, изъ котораго выросли таблицы въ 120 книгахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ звеномъ, соединявшимъ пинакографическую дѣятельность александрійцевъ съ историко-литературными трудами Аристотеля (*Διδασκαλίαι*) и перипатетиковъ“ (стр. 170). Въ концѣ главы разбирается вопросъ объ эпиграммахъ Каллимаха и объ его книгѣ *Μουσεῖον* и устанавливается прямое отношеніе этихъ сочиненій къ главному труду ихъ автора.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о двухъ заключающихся въ книгѣ экскурсахъ: первый „О роли Писистрата въ исторіи Гомеровской критики“ — довольно большой, приложенъ къ первой главѣ, и второй — „нѣсколько словъ о стихометріи“ — при третьей главѣ и имѣетъ отношеніе къ исторіи книжнаго дѣла въ древности.

Таково въ общихъ чертахъ главное содержаніе новаго труда А. Н. Деревицкаго, давшаго уже русской ученой литературѣ солидный трудъ „О Гомеровскихъ гимнахъ“.

А. В. А.

Павсанія. Описаніе Эллады или путешествіе по Греціи во II-мъ вѣкѣ по Р. Х. Переводъ съ греч. съ толкованіями и съ приложеніемъ статей: Историко-литературное значеніе Павсанія, Краткій очеркъ исторіи греч. искусства и проч. Г. Янчевецкаго. Изд. П. Луковникова. Спб. 1887—89 (839 стр. 8°).

Недостатокъ въ хорошихъ, полныхъ переводахъ классическихъ авторовъ древности, давно живо ощущавшійся русскою образованною публикою, въ послѣдніе годы сталъ мало по малу восполняться. Труды гг. Ѳ. Г. Мищенка, В. И. Модестова, А. А. Фета и мн. др. доставили теперь лицамъ, лишеннымъ знанія древнихъ языковъ или знающимъ ихъ недостаточно, возможность ближе ознакомиться съ выдающимися произведеніями древнихъ литературъ, каковы творенія Геродота, Ѳукидида, Полибія, Тацита, важнѣйшихъ римскихъ поэтовъ и проч. Къ этимъ серьезнымъ и добросовѣстнымъ переводчикамъ принадлежитъ и г. Янчевецкій. Всѣмъ извѣстно изданное имъ полное собраніе сочиненій Ксенофонта въ русскомъ переводѣ съ примѣчаніями и историко-литературными свѣдѣніями объ авторѣ. Кромѣ того онъ напечаталъ въ „Филологическихъ Запискахъ" (1875, V; 1876, IV) переводы изъ Ѳеокрита, а два года тому назадъ выпустилъ въ свѣтъ объемистый томъ, длинное заглавіе котораго приведено выше. Томъ этотъ посвященъ періегету Павсанію.

Значеніе Павсанія велико не столько вслѣдствіе литературныхъ достоинствъ его сочиненія, сколько вслѣдствіе цѣнности матеріала, имъ собраннаго. Какъ авторъ, писавшій небрежнымъ, неряшливымъ, не всегда яснымъ, утомительно безцвѣтнымъ, а порой даже и несовсѣмъ правильнымъ языкомъ, Павсаній не заслуживалъ бы и десятой доли того вниманія, которое ему оказывается, если бы, пользуясь по истинѣ изумительною начитанностью и располагая такими сокровищами древней литературы, которыя нынѣ намъ уже недоступны, онъ не сообщилъ своей книгѣ того матеріальнаго интереса, какой можетъ быть присущъ полному и аккуратному своду фактическихъ данныхъ изъ области религіи, культа, быта, искусства, преданій и политической жизни древнихъ грековъ. За неимѣніемъ твореній Полемона, Артемидора, Истра и цѣлой фаланги другихъ писателей, коими Павсаній усердно пользовался частью непосредственно, частью изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, мы поневолѣ должны высоко цѣнить его эксцерпты, безъ которыхъ многія стороны культурной исторіи Греціи были бы для насъ lettres closes.

Изъ сказаннаго ясно, что для человѣка, принявшагося переводить на другой языкъ „Періегезу" Павсанія, какъ бы сама

собою устраняется одна изъ наиболѣе существенныхъ трудностей, обыкновенно представляющихся переводчику: для него нѣтъ уже огромной важности и первой необходимости сохранить въ своемъ переводѣ всѣ особенности выраженія, всѣ тонкости стиля, всю, такъ сказать, физіономію подлинника въ такой мѣрѣ, въ какой это важно и необходимо напр. для переводчиковъ Өукидида, Демосөена или Тацита. Тамъ, гдѣ весь интересъ исключительно сосредоточенъ на матеріальномъ содержаніи, — гдѣ форма занимаетъ послѣднее мѣсто, никто не станетъ требовать отъ переводчика ничего, кромѣ вѣрной передачи *мысли*, и всякій охотно проститъ ему отступленіе отъ внѣшнихъ подробностей *выраженія* этой мысли.

Такъ, повидимому, смотрѣлъ на свою задачу и самъ г. Янчевецкій, зачастую свободно отступающій отъ текста оригинала въ видахъ ясности и удобочитаемости перевода,— и это не худо. Худо то, что явныя ошибки, происшедшія, очевидно, отъ недосмотра или торопливости, попадаются въ его почтенномъ трудѣ чаще, нежели слѣдовало бы. Вотъ нѣсколько примѣровъ, выбранныхъ на удачу:

I, 40, 1: „[Өеагенъ]... имѣлъ женою дочь аөинскаго Килона" (греч. *Θεαγένης, οὗ... ἐπεμνήσθην, θυγατέρα αὐτὸν συνοικίσαι Κύλωνι Ἀθηναίῳ;* при этомъ у г. Янчевецкаго сдѣлана ссылка на I, 28, 1, гдѣ совершенно правильно дочь Өеагена значится женою Килона).

II, 15, 5: „Этотъ Инахъ" и проч. Слѣдуетъ: „этотъ Фороней" и проч., ибо греч. *τοῦτον δέ* въ указанномъ мѣстѣ относится къ предшествующему *Φορωνεῖ*, а не къ *Ἴναχον*, что̀ совершенно ясно и изъ дальнѣйшаго: *σὺν δὲ αὐτῷ Κηφισόν τε καὶ Ἀστερίωνα καὶ τὸν Ἴναχον ποταμόν.*

III, 14, 9: Фраза: „*νυκτεριναὶ δὲ ἥ τε Κολοφωνίων θυσία καὶ τῶν ἐν Λακεδαίμονι ἐφήβων καθεστήκασιν*" переведена такъ: „но и въ Лакедемонѣ жертвы приносятся ночью".

IV, 9, 1: „*δαπάνῃ τε γὰρ χρημάτων ἀπειρήκεσαν [οἱ Μεσσήνιοι], ἃ τῶν πόλεων ἀνήλισκον ἐς τὰς φρουράς*" передано г. Янчевецкимъ по-русски слѣдующимъ образомъ: „сборы на содержаніе страны (?) разорили пограничные города (?)". — Въ той же книгѣ (IV), гл. 20, 8, слова: „мужъ той женщины, которая въ его отсутствіе угощала пастуха" представляютъ забавный и нельзя сказать, чтобы удачный эвфемизмъ для выраженія греческаго „*τῆς ὑπὸ τοῦ βουκόλου μοιχευομένης ὁ ἀνήρ*".

VI, 22, 5: „развалины Пилоса, въ 40 ст. отъ Илиды"; въ подлинникѣ — *ὀγδοήκοντα στάδια.* — Тамъ же (23, 1) длинная фраза: „*Ἐν δὲ Ἤλιδι.... δρᾶν καθέστηκε*" съ ущербомъ для ясности выраженія сокращена переводчикомъ такъ: „въ Илидѣ замѣчательна древняя гимнасія и приготовленіе въ ней атле-

товъ къ Олимпійскимъ играмъ". Кто приготовлялъ атлетовъ и какъ они приготовлялись? — вправѣ спросить читатель, не имѣющій подъ рукою оригинала и потому не знающій, что въ текстѣ рѣчь идетъ о предварительныхъ упражненіяхъ, — такъ сказать, репетиціяхъ, предшествовавшихъ публичному выступленію атлетовъ на олимпійскихъ состязаніяхъ.

VIII, 41, 3. Слова: „ἔς τε τὸ ἄνω καμπὰς καὶ αὖθις ἐπιστροφὰς παρεχόμενος πλείστας" оставлены безъ перевода; впрочемъ, пропускъ этотъ не единственный.

Неточности встрѣчаются въ разсматриваемомъ переводѣ также нерѣдко. I, 1, 2 словами: „корабельныя мастерскія" переданъ греческій терминъ „νεώσοικοι", что, какъ извѣстно, означало и верфь, и нѣчто въ родѣ морского арсенала, и мѣсто стоянки кораблей во время прекращенія навигаціи. За неимѣніемъ вполнѣ подходящаго выраженія въ русскомъ языкѣ слѣдовало бы дать объясненіе въ подстрочномъ примѣчаніи. — II, 14, 1 „въ пяти стадіяхъ отъ Флiунта" и проч.; въ греч. текстѣ здѣсь указано разстояніе далеко не такъ опредѣлительно: „πέντε που σταδίους μάλιστα" (этого рода неточности въ нашемъ переводѣ очень часты).— V, 12, 7 различія между ἤλεκτρον = янтарь и „ἤλεκτρον" въ смыслѣ особеннаго металлическаго сплава не выяснено ни въ текстѣ, гдѣ лучше было бы употребить слово „электръ", ни въ примѣчаніи, и слова: „обыкновенный янтарь (греч. τὸ δὲ ἄλλο ἤλεκτρον) — смѣсь серебра съ золотомъ" должны возбудитьнедоумѣніе въ русскомъ читателѣ*).— V, 15, 10 термины: „ксилей" (ξυλεύς) и „дровяникъ" одинаково темны и непонятны. — V, 16, 6: „онѣ же ставятъ два хоровода: одинъ носитъ имя Фискои, другой Ипподаміи". Неясно. Въ оригиналѣ стоитъ: „αἱ δὲ ἑκκαίδεκα γυναῖκες καὶ χοροὺς δύο ἱστᾶσι, καὶ τὸν μὲν Φυσκόας τῶν χορῶν, τὸν δὲ Ἱπποδαμείας καλοῦσι". — VI, 19, 13: „на карнизѣ сокровищницы" и т. д. Строкою ниже: „а надъ карнизомъ прибитъ щитъ", и проч. Слово „карнизъ" является здѣсь эквивалентомъ греч. „ἀετός", что не совсѣмъ вѣрно: „ἡ γὰρ ἐπὶ τοῖς προπυλαίοις κατασκευὴ ἀετοῦ μιμεῖται σχῆμα, ἀποτεταχότος τὰ πτερά" (Bekk. Anecd. 343). Правильнѣе перевелъ г. Янчевецкій тотъ же терминъ на стр. 459 (V, 10, 3), гдѣ описывается храмъ Зевса въ Олимпіи:„вышина его до фронтона [орла] 68 футовъ" и проч.

Наиболѣе удачными слѣдуетъ признать въ переводѣ тѣ мѣста, гдѣ простое описаніе смѣняется историческимъ разсказомъ, какъ напр. въ повѣствованіи о нашествіи „галатовъ" (кстати: отчего „галатовъ", а не „галловъ?"), о мессенскихъ войнахъ,

*) „Электръ", т.-е. металлическій сплавъ, а не „янтарь", разумѣется также и VIII, 18, 5 (у Янчевецкаго стр. 627). Наоборотъ IX, 41, 5, гдѣ г. Янчевецкій переводитъ „унизанное электромъ", кажется, имѣется въ виду янтарь.

о войнахъ ахейцевъ, о Филопименѣ. При значительной близости къ подлиннику въ указанныхъ мѣстахъ переводъ отличается большою гладкостью, иногда даже изяществомъ, и читается съ удовольствіемъ. Напротивъ, прорицанія оракула и стихотворныя надписи переведены не искусно и не всегда понятно. Такія слова, какъ китофагъ *(κητοφάγος* X, 12, 3, гдѣ лучше было бы принять конъектуру Шубарта *σιτοφάγοιο),* „килидоны" *(Κηληδόνες)* и т. п., нуждаются либо въ иной передачѣ, либо въ комментаріи.

О непослѣдовательности въ транскрипціи собственныхъ именъ можно было бы не говорить, еслибы г. Янчевецкій, пишущій „Ермъ" (Гермесъ), „Пелопоннисъ", „Илида" и проч., не обнаруживалъ явнаго стремленія быть въ этомъ отношеніи послѣдовательнымъ. Похвальное стремленіе это не привело къ желанной цѣли: книга пестритъ формами, идущими въ разрѣзъ съ принятою переводчикомъ системою,— доказательство того, какъ трудно бороться съ привычною традиціею. Чтобы не быть голословнымъ, приведу два — три примѣра: стр. 361 „Фивеонъ", но стр. 347 (и индѣ) „Фивея" = греч. *Φοιβαῖον;* стр. 347 „ефебы" вм. ожидаемаго „ефивы"; стр. 454 „ипервореи", но въ слѣдующей же строкѣ „Борей"; „Птоломеи" въ первой половинѣ книги, „Птолемеи" — въ послѣдней; стр. 638 „Герей" вм. „Ирей" *(Ηραιεύς),* „Гера" вм. „Ира"; стр. 650 „Филоктетъ" вм. „Филоктитъ" и проч.

Свои примѣчанія къ переводу г. Янчевецкій, какъ и самъ онъ заявляетъ въ предисловіи, заимствовалъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ комментаторовъ Павсанія и изъ извѣстной книги Бедекера. Этотъ матеріалъ онъ дополнилъ соотвѣтствующими выписками изъ „Bulletin de correspondance Hellénique", сдѣланными по его просьбѣ умѣлою рукою В. В. Латышева. Кромѣ того переводчикъ счелъ нужнымъ предпослать своему труду статью Шубарта объ историко-литературномъ значеніи Павсанія, составленный Кекуле очеркъ исторіи греческаго искусства, списокъ ваятелей и живописцевъ, упоминаемыхъ Павсаніемъ, (по Брунну) и рядъ родословныхъ таблицъ (по Видашу и Клинтону). Несмотря на странные подчасъ промахи, встрѣчающіеся въ переводѣ указанныхъ статей, каждый, кому понадобится Павсаній въ русскомъ переводѣ, можетъ только поблагодарить за эти статьи г. Янчевецкаго. Я позволю себѣ только выразить сожалѣніе, что переводчикъ вмѣсто означенной статьи Шубарта, стоящаго вмѣстѣ съ Гурлиттомъ, Бенкеромъ и др. на сторонѣ горячихъ поклонниковъ и защитниковъ Павсанія, не воспользовался въ должной мѣрѣ трудами ученыхъ противоположнаго направленія (Виламовица, Калькманна и друг.) и не представилъ намъ на основаніи тѣхъ пособій, которыми распо-

лагалъ, самостоятельнаго этюда о Павсаніи, болѣе умѣреннаго и безпристрастнаго, нежели трудъ Шубарта.

Въ заключеніе, считая долгомъ рекомендовать разсматриваемую книгу всѣмъ любителямъ историческаго чтенія, а больше всего людямъ, интересующимся судьбами искусства, не могу не пожелать, чтобы капитальное произведеніе, о которомъ мы здѣсь говорили, не было послѣднимъ звеномъ въ длинной цѣпи переводовъ, сдѣланныхъ г. Янчевецкимъ съ усердіемъ и добросовѣстностью.

А. Деревицкій.

A. Baumeister, Bilderhefte aus dem griechischen und römischen Altertum, München 1889.

H. Rheinhard, Album des klassischen Altertums zur Anschauung für Jung und Alt, besonders zum Gebrauch in Gelehrtenschulen, 3. Aufl. Stuttgart 1891.

Das alte Rom mit dem Triumphzuge Kaiser Constantin's im Jahre 312 n. Chr. Rundgemälde von den k. Prof. J. Bühlmann und Al. Wagner in München. München 1890.

R. Engelmann, Bilder-Atlas zum Homer. Leipz. 1889.

R. Engelmann, Bilder-Atlas zu Ovids Metamorphosen. Leipz. 1890.

Развитіе въ ученикахъ чувства изящнаго составляетъ, несомнѣнно, не послѣднюю задачу классической школы: къ этому ведетъ (или, по крайней мѣрѣ, должно вести) чтеніе греческихъ и римскихъ прозаиковъ и поэтовъ. Но красота внутренняя, выраженная словомъ, равно какъ и красота самого слова, мало еще понятна для юнаго возраста и, кромѣ того, при одномъ этомъ средствѣ, развитіе эстетическаго чувства было бы одностороннее. Реализація прекраснаго въ созданіяхъ античнаго искусства является въ этомъ случаѣ на помощь: созерцаніе того или другого произведенія живописи или скульптуры даетъ каждому ученику возможность, при надлежащемъ руководствѣ, выяснить уже жившее въ немъ смутное сознаніе прекраснаго; знакомя его съ идеаломъ древности, оно даетъ ему хоть элементарный критерій для сужденія о прекрасномъ, облагороживаетъ собственные его помыслы и возноситъ самого его до мечты объ идеалѣ. Все это дается и въ каждомъ великомъ произведеніи литературы, но, повторяю, то, что видятъ глаза, сильнѣе дѣйствуетъ, нежели воспринимаемое слухомъ, даже на человѣка необразованнаго.

Все значеніе памятниковъ древняго искусства, стремившагося создать идеалъ божественно-человѣческой красоты, для развитія вкуса учащихся

прекрасно понималъ составитель тѣхъ Bilderhefte, которыя указаны нами выше, А. Баумейстеръ, доказавшій необходимость и значеніе ознакомленія учениковъ съ этой стороной древности въ брошюрѣ: „Gymnasialreform und Anschauung im klassischen Unterricht (München, 1889)“, представляющей введеніе къ изданному имъ атласу. Не укрылась отъ него и вторая задача подобнаго рода изданій: они должны познакомить учащагося съ нѣкоторыми сторонами и подробностями быта древнихъ, служа иллюстраціей къ тому или другому мѣсту читаемаго въ классѣ автора и, слѣдовательно, содѣйствуя полному его пониманію. Обѣ эти цѣли одинаково важны: въ одномъ случаѣ обогащается умъ новыми знаніями, въ другомъ сердце — новыми впечатлѣніями; а сплошь и рядомъ обѣ цѣли достигаются одновременно. Поэтому понятно, почему Баумейстеръ придалъ такой разнообразный характеръ своему изданію: тутъ ученикъ, читающій Цезаря, найдетъ всѣ нужные ему предметы военнаго обихода; тутъ и воспитанникъ VIII кл., при чтеніи трагика, увидитъ всю театральную обстановку древности[1]; тутъ, наконецъ, для каждаго класса есть рядъ высоко-художественныхъ созданій искусства, какъ Зевсъ Отриколи, Гермесъ Праксителя и т. д. и т. д., которыя подѣйствуютъ своей вѣчно-юной красотой. Рисунки (ихъ 872) исполнены превосходно, нѣкоторые даже красками, и сравнительная дешевизна книги (около 8 рублей) объясняется только тѣмъ, что они всѣ взяты изъ большаго собранія того же Баумейстера, уже вышедшаго вторымъ изданіемъ, въ трехъ томахъ, Denkmäler des klass. Altertums, которое, кстати сказать, должно бы быть настольною книгой каждаго учителя-филолога. Главный недостатокъ этого школьнаго атласа, отмѣченный и нѣмецкою критикой, заключается въ отсутствіи опредѣленнаго плана при распредѣленіи по мѣстамъ отдѣльныхъ рисунковъ; но онъ нѣсколько сглаживается помѣщеннымъ передъ рисунками указателемъ, гдѣ всѣ изображенія подведены подъ извѣстныя группы: 1. Оружіе, война, гимнастика, игры; 2. Изображенія боговъ и т. д. Отсутствіе текста дѣлаетъ для учениковъ затруднительнымъ пользованіе книгой безъ посторонняго руководства, но при живомъ комментаріи учителя она, несомнѣнно, окажетъ хорошую услугу въ классныхъ занятіяхъ древними авторами.

Съ такимъ же удовольствіемъ обращаюсь я и къ „Альбому“ Рейнгарда, полный заголовокъ котораго указанъ выше и который вышелъ теперь третьимъ изданіемъ[2]). Этотъ альбомъ, заключающій въ себѣ 76 большихъ, исполненныхъ за немногими исключеніями въ краскахъ таблицъ, обнимаетъ собою всѣ отдѣлы древностей, знакомство съ которыми желательно для гимназистовъ, по крайней мѣрѣ старшихъ классовъ. Рисунки дѣлятся на 7 группъ: 1) греческія и римскія зданія и виды мѣстностей (39 таблицъ); 2) римскій домъ (40—46); 3) миѳологія и культъ (47—52); 4) театръ (53—56); 5) во-

---

[1]) Для ознакомленія съ бытовыми древностями особенно важенъ изданный Зееманомъ въ Лейпцигѣ Kulturhistorischer Bilder-Atlas, I: Griechen und Römer, bearb. v. Th. Schreiber (100 таблицъ) съ книжкой текста.

[2]) Перепечатано со 2-го безъ перемѣнъ.

енное дѣло (57—63); 6) одежда, статуи, бюсты (64—73); 7) вазы, геммы и монеты (74—76 табл.). Къ каждой таблицѣ имѣется описательный текстъ, составленный хотя и кратко, но достаточно полно и ясно, и знакомящій какъ съ цѣлыми городами (Аѳинами, Олимпіей, Спартой, Коринѳомъ, Помпеями), такъ и съ отдѣльными памятниками и зданіями въ нихъ (акрополь, пропилеи, эрехтейонъ, ѳесейонъ, храмъ Аѳины на Эгинѣ, форумъ, капитолій, колизей, храмъ Весты и т. д.); текстъ къ таблицамъ 40—46 знакомитъ съ устройствомъ римскаго дома и съ тѣми вещами, которыя извѣстны подъ общимъ именемъ supellex. Вакханаліи, жертвоприношенія, похоронные обряды, театральное дѣло, война на сушѣ и на морѣ, тріумфальное шествіе — все это дано въ прекрасныхъ рисункахъ и съ должными разъясненіями въ текстѣ. Наиболѣе слабъ отдѣлъ 6-ой „статуи и бюсты", гдѣ мы видимъ группу Лаокоона (70), Ніобу съ дочерью (71) и двѣ таблицы бюстовъ боговъ и знаменитыхъ дѣятелей и цезарей (72 и 73); съ изображеніями боговъ этотъ атласъ не знакомитъ ученика, и въ этомъ отношеніи Bilderhefte Баумейстера стоятъ гораздо выше, хотя, замѣтимъ кстати, мы не знаемъ лучшаго по исполненію, и въ то же время сравнительно доступнаго по цѣнѣ изданія по художественной миѳологіи, нежели Heroen-und Götter-gestalten Ланглея. „Альбомъ" Рейнгарда особенно цѣненъ исполненными отлично, въ мягкихъ краскахъ, видами мѣстностей и зданій; по исполненію и по объему даже той части, которая касается Рима, онъ значительно превосходитъ извѣстное дешевое изданіе Циглера-Ziegler. Das Alte Rom.

Риму вообще посчастливилось болѣе, нежели Аѳинамъ. Изящныя фотографіи съ картинъ художниковъ Бюльмана и Вагнера, изданныя въ видѣ панорамы — восемь отдѣльныхъ фотограф. видовъ, соединенныхъ въ видѣ длинной складной ленты — представляютъ Римъ при Константинѣ въ тотъ моментъ, когда послѣдній послѣ побѣды надъ Максентіемъ при Мильвіевомъ мосту (312 г. по Р. Х.) совершаетъ тріумфальный въѣздъ въ Капитолій. Если развернуть эту ленту и представить себѣ концы ея соединенными такъ, чтобы получился кругъ съ изображеніями на внутренней сторонѣ, то передъ зрителемъ, находящимся внутри этого круга, развернется панорама древняго Рима. Зритель предполагается стоящимъ на сѣв. вост. краю Капитолійскаго холма передъ храмомъ Юноны Монеты. Между храмами Юноны Монеты и Юпитера Капитолійскаго открывается видъ на Марсово поле; видна часть Марцеллова театра, театръ Помпея, портикъ Октавіи, циркъ Фламинія и др. зданія, а вдали мавзолеи Августа и Траяна; ставъ лицомъ къ храму Юпитера Капитолійскаго и дѣлая постепенно поворотъ на лѣво, зритель видитъ Палатинъ съ прилегающимъ къ нему Большимъ Циркомъ, далѣе форумъ съ базиликами, храмами, арками, и наконецъ рядъ роскошныхъ императорскихъ форумовъ. Эти картины, полныя жизни и блеска, должны произвести сильное впечатлѣніе на зрителя и запечатлѣть въ его памяти величественное зрѣлище, являемое вѣчнымъ городомъ; съ этой стороны подобные рисунки (т.-е. реставраціи) имѣютъ большое значеніе. Руины, какъ бы онѣ ни были грандіозны и прекрасны, не такъ привлекаютъ юныя сердца, какъ возстановленіе древности въ живомъ ея видѣ; поэтому, этотъ

альбомъ отлично пополняетъ собой оба, указанные нами выше, и Рейнгарда, и Циглера [1]).

Совершенно особую цѣль, наконецъ, преслѣдуютъ оба „атласа“ Энгельмана: они даютъ древнія изображенія сценъ, описываемыхъ у Гомера и Овидія, и должны ознакомить ученика съ тѣмъ, какъ сами древніе представляли себѣ описанныя у этихъ поэтовъ картины. Едва-ли и самая цѣль подобнаго рода подходитъ для гимназіи, и еще болѣе сомнительно для насъ, чтобы надо было осуществлять эту цѣль такъ, какъ это дѣлаетъ Энгельманъ, собравшій въ атласѣ къ Гомеру значительное число рисунковъ на вазахъ (часто архаичныхъ) и помпейскихъ картинахъ (въ большинствѣ случаевъ плохо сохранившихся) и дающій очень немного истинно художественныхъ изображеній изъ области скульптуры, какъ бюстъ Гомера (Zu Homer, Ilias, 1), статуя Мелеагра (ib. 55), группа: Менелай съ трупомъ Патрокла (ib. 77), статуя дискобола (ib 101), отдыхающаго Гермеса (ib 110), Одиссей (Odyss., 34). Остальные рисунки, — не говоря уже о томъ, что нѣкоторые изъ нихъ не совсѣмъ удобны по содержанію или исполненію для показыванія въ классѣ (напр. Zu Odyss. 51), — не достигнутъ рѣшительно своей цѣли отчасти по комическому исполненію въ архаическомъ стилѣ, отчасти по чрезвычайно плохой сохранности (напр. Zu Odyss. 12, 17, 36, 38 и др.; zu Ilias 35, 78 и др.); они способны только вызвать улыбку на лицѣ ученика и вселить въ него ложное презрительное чувство къ этимъ дѣтскимъ попыткамъ еще только нараждающагося искусства. Лишь нѣсколько не дурно исполненныхъ помпейскихъ картинъ, иллюстрирующихъ приключенія Одиссея, да весьма немного другихъ рисунковъ могутъ быть выбраны изъ всего атласа для ознакомленія съ ними учениковъ. Имъ надо предлагать лучшія произведенія древности, чтобы научить ихъ любить ее, чтобы заронить въ ихъ душу хоть искру сознанія о той великой художественной жизни, которая отличаетъ древній міръ.

„Атласъ къ Овидіевымъ метаморфозамъ“ выполненъ совершенно такъ же и столь же мало, на нашъ взглядъ, пригоденъ для школьнаго употребленія. Мы должны щадить скромность воспитанниковъ; пріучать же ихъ къ смакованію рисунковъ, подобныхъ 9, 10, 13, 14, 74, гдѣ мы видимъ Аполлона, преслѣдующаго Дафну, Борея, уносящаго дочь Эрехеея, сцены съ Іо и др., — едва-ли педагогично: выборъ рисунковъ для школы долженъ быть болѣе строгъ, и все, что можетъ вызвать двусмысленную улыбку, должно быть устранено изъ школьнаго атласа, каковымъ, однако, хочетъ сдѣлать свое изданіе Энгельманъ, какъ это видно изъ его предисловія къ гомеров-

[1]) Не мѣшаетъ тутъ отмѣтить и вышедшую въ 1886 году въ Лейпцигѣ у Зеемана книгу P. Менге „Einführung in die antike Kunst“ съ атласомъ, Bilderatlas zur Einf. in die ant. K. v. R. Menge. Атласъ содержитъ 35 таблицъ изображеній реставрированныхъ и нереставрированныхъ памятниковъ древняго искусства (включая и восточное) изъ всѣхъ его областей, а книга представляетъ весьма дѣльный конспектъ по исторіи древн. искусства, начиная съ египетскаго и кончая римскимъ поздней эпохи.

скому атласу. Но собранные издателемъ рисунки, съ краткимъ объяснительнымъ текстомъ и съ указаніемъ, откуда взятъ рисунокъ и гдѣ находится тотъ или другой изображенный въ атласѣ памятникъ, имѣютъ свое значеніе и интересны для археолога, какъ иллюстраціи современныя, или почти современныя, или во всякомъ случаѣ древнія, къ классическимъ авторамъ. Это скорѣе ученое, нежели учебное изданіе.

Единственный [1]) изданный въ Россіи атласъ античнаго искусства есть пока атласъ проф. Цвѣтаева, но онъ назначенъ для студентовъ, для систематически научнаго изученія искусства; ученики же гимназій остаются до сихъ поръ безъ такого необходимаго пособія. Нѣмецкій Schüler можетъ находить удовольствіе въ изученіи класс. древности, она представляется ему въ привлекательномъ видѣ. Спрашивается, что же сдѣлали мы для того, чтобы заставить русское юношество полюбить этотъ античный міръ, этотъ міръ красоты *κατ' ἐξοχήν*?

В. Аппельротъ.

Bilder-Atlas zu Caesars Büchern de bello gallico. Mit über 100 Illustrationen und 7 Karten. Herausg. v. Raimund Oehler. Leipzig 1890. (78 стр. и XXIX таблицъ).

Движеніе, начавшееся въ Германіи, а по ея примѣру и у насъ, противъ узко-грамматическаго преподаванія древнихъ языковъ, вызвало какъ тамъ, такъ и тутъ не только краткія и упрощенныя грамматики, но и рядъ пособій для нагляднаго объясненія древнихъ авторовъ. Укажемъ у насъ напр. на прекрасныя въ общемъ таблицы С. Цыбульскаго и на рядъ комментированныхъ и снабженныхъ иллюстраціями изданій древнихъ классиковъ; что касается Германіи, то тамъ различные Bilderhefte, Bilder-Atlanten въ послѣднее время стали модой. Этому движенію остается только радоваться: ознакомленіе учащихся съ вещественными памятниками древности и наглядное изображеніе мѣстъ, гдѣ происходили описанныя у древнихъ авторовъ событія, несомнѣнно болѣе способствуютъ развитію эстетическаго вкуса и интереса къ чтенію классиковъ, чѣмъ одно грамматическое толкованіе послѣднихъ въ связи съ механическимъ переводомъ предложеннаго текста.

Къ такимъ новымъ пособіямъ принадлежитъ и книга съ выписаннымъ нами заглавіемъ.

Это изящное изданіе состоитъ изъ двухъ частей: текста и иллюстрацій. Текстъ содержитъ 1) двѣ статьи: „римское военное дѣло у Цезаря“ (войско и флотъ) и „одежда и вооруженіе галловъ“ и 2) подробныя объясненія иллюстрацій. Статья о военномъ дѣлѣ составлена по Марквардту (Röm. Staatsverwaltung Bd. II [2]) и, главнымъ образомъ, по Фрелиху (F. Fröhlich,

---

[1]) Не говорю о прекрасныхъ таблицахъ г. Цыбульскаго, ибо онѣ преслѣдуютъ чисто практическую цѣль — ознакомленіе учениковъ съ древностями.

Das Kriegswesen Caesars, Zürich 1890[1]), и сообщаетъ довольно много новыхъ взглядовъ на нѣкоторые пункты военнаго дѣла у римлянъ въ эпоху Цезаря, напр. о численности легіона, о lixae, объ agger, о штурмѣ городовъ и др. Главный недостатокъ изложенія — это краткость его и сухость, во многихъ мѣстахъ одно перечисленіе техническихъ терминовъ. Но при всемъ томъ нельзя его упрекнуть въ неполнотѣ. Нѣтъ вопроса по части военнаго дѣла, который не нашелъ бы себѣ въ разбираемой книгѣ поясненія. Авторъ даже затрогиваетъ вещи, совсѣмъ не попадающіяся у Цезаря, напр. poenula, thorax stadios, terebra и др. — Совершенно новымъ является отдѣлъ о флотѣ. Собственно говоря, этотъ отдѣлъ, въ такомъ объемѣ и съ такими подробностями, съ какими онъ является у Элера, вовсе не соотвѣтствуетъ потребностямъ при чтеніи „Галльской войны“ Цезаря, гдѣ описаніе морскихъ сраженій занимаетъ весьма незначительное мѣсто, и даже Кранеръ въ своемъ обширномъ введеніи совсѣмъ не касается морского дѣла. Притомъ авторъ приводитъ столько спеціальныхъ терминовъ на разныхъ языкахъ (особенно много новыхъ терминовъ: Gordings, Raanocken, Backstag, гл. hissen, fieren и др. т. под. слова, не говоря уже о греч. и лат.), что этотъ отдѣлъ для русскихъ читателей (да, вѣроятно, и для нѣмецкихъ) является положительно неудобочитаемымъ и мало понятнымъ. — Далѣе идетъ статья объ одеждѣ и вооруженіи галловъ. Она нова и интересна, и, судя по довольно многочисленнымъ ссылкамъ на разные ученые труды, читатель можетъ полагаться на достовѣрность сообщаемыхъ данныхъ.

Текстъ оканчивается описаніемъ иллюстрацій. Но сначала поговоримъ о самыхъ иллюстраціяхъ.

Читателя поражаетъ масса рисунковъ съ барельефовъ, статуй, монетъ, моделей, реконструкцій различныхъ сооруженій. Но при внимательномъ разсмотрѣніи добрая треть всего этого могла быть не помѣщена въ атласѣ даже съ пользою для дѣла. Для учащихся дѣтей негодятся тѣ античныя изображенія, гдѣ въ грубой, условной формѣ представлены, напр., agmen quadratum (рис. 30), какъ римскіе солдаты поджигаютъ германскую деревню (36), военный совѣтъ германскихъ вождей (37), парадъ всадниковъ (40) и др. под. Такія изображенія вызовутъ у ученика смѣхъ, а не интересъ. Не годятся также ничего не говорящіе ученику рельефы, какъ: Траянъ раздаетъ солдатамъ дары, (32) или: тріумфъ имп. М. Аврелія (39), или: хозяева купеческихъ кораблей, стоящихъ въ гавани (55). Нѣкоторыя изображенія неизвѣстно какъ и попали въ Атласъ къ „Зап. о галльской войнѣ“, какъ напр. 16: Августъ какъ полководецъ (статуя въ Ватиканѣ) или 54: египетскій корабль 1700 года до Р. Х. Наиболѣе же интересными и поучительными являются изображенія различнаго оружія, римскаго и

---

[1]) Авторъ пользовался лишь первой частію (I. Schaffung und Gestaltung der Kriegsmittel). Вторая и третья части (II. Ausbildung und Erhaltung der Kriegsmittel. III. Gebrauch und Führung der Kriegsmittel) вышли послѣ изданія его труда. Книга Фрелиха, можно сказать, упразднила извѣстное соч. Рюстова: Heerwesen und Kriegführung C. Julius Caesar. 2. Aufl. Nordhausen 1862.

галльскаго, вооруженныхъ воиновъ (съ надгробныхъ памятниковъ), но особенно реконструкціи, напр. катапульты и баллисты, моста черезъ Рейнъ, воздвигнутой подъ Аварикомъ осадной плотины, профиль осаднаго вала и устроенныхъ подъ Алезіей препятствій, галльской стѣны (хотя ея реконструкція совсѣмъ не согласуется съ описаніемъ Цезаря, B. G. VII, 23). Послѣдніе рисунки (кромѣ катапульты и баллисты) сдѣланы съ моделей, находящихся въ Сенъ-Жерменскомъ музеѣ, гдѣ собраны богатѣйшія коллекціи галло-римскихъ древностей. — Удивительно, что кромѣ мало говорящаго ученику изображенія цезарева лагеря у р. Аксоны (Aisne) по Гелеру, лагерь римскій почти совсѣмъ не иллюстрированъ. Нельзя же удовольствоваться рельефомъ (45) траяновой колонны, изображающимъ, какъ императоръ приноситъ жертву въ лагерѣ.

Что касается картъ, то этотъ отдѣлъ весьма не полонъ. Помѣщено всего семь картъ, изъ которыхъ пять исполнены по Наполеону и двѣ по Кампену. Существеннымъ упущеніемъ можно считать отсутствіе карты къ B. G. I 23—26 (пораженіе гельветовъ), къ I 42—53 (пораженіе Аріовиста) и къ V 24—37 (истребленіе 15 римскихъ когортъ). Атласъ Кампена и Рейнгардовское изданіе Цезаря въ этомъ случаѣ имѣютъ большое преимущество передъ атласомъ Элера. Наконецъ, отмѣчу также отсутствіе общей карты Галліи съ показаніемъ путей Цезаря, какъ это сдѣлано на картахъ Гелера и Рейнгарда.

Описаніе рисунковъ чрезвычайно полно и обстоятельно; всякій разъ указывается, откуда взятъ рисунокъ, и разъясняются даже мелкія подробности. Тутъ много интереснаго и поучительнаго.

Вообще разсмотрѣнный атласъ къ Цезарю представляетъ собою, по полнотѣ собранія иллюстрацій, весьма полезное пособіе при классномъ чтеніи Цезаря, разумѣется, для учителя, хотя нѣкоторые рисунки могутъ быть показаны ученикамъ и даже должны не мало ихъ заинтересовать. — Кстати замѣчу, что въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ того же автора атласъ къ Ливію (предполагается около 30 картъ и плановъ и др. рис.). Это будетъ первой попыткой подобнаго рода и весьма интересной новинкой.

А. В. А.

П. Овидій Назонъ, Избранныя стихотворенія. Латинскій текстъ съ введеніемъ и указателемъ собственныхъ именъ, составленными Андреемъ Адольфомъ. Москва 1890. — П. Овидій Назонъ, Избранныя стихотворенія. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 66 рисунками и картою звѣзднаго неба. Объяснилъ проф. И. Нетушилъ. Царское Село 1891.

Единственное почти пособіе по Овидію, изданіе Смирнова - Павлова, съ честью служившее русской классической школѣ въ теченіе столькихъ лѣтъ (съ 1869 г.), имѣло одинъ крупный недостатокъ, повлекшій за собою, хотя и не существенное, но все же весьма замѣтное послѣдствіе для поколѣній, пользовавшихся этой книгой. Дѣло въ томъ, что изданіе Смирнова-Павлова заключаетъ въ себѣ только „Избранныя басни изъ Метаморфозъ",

т.-е. изъ сочиненія, написаннаго гексаметромъ; изъ сочиненій же, составленныхъ элегическимъ стихомъ, въ книгу Смирнова-Павлова не вошло ни одного отрывка. А такъ какъ, кромѣ Овидія, въ гимназіи читаются по-латыни изъ поэтовъ еще только Вергилій и Горацій, у которыхъ элегическаго размѣра не имѣется, то изъ гимназій выходили многочисленные выпуски, въ глаза не видавшіе латинскаго элегическаго двустишія, равно какъ и греческаго, если не считать случайныхъ оракуловъ у Геродота. Такой нѣсколько странный пробѣлъ и послужилъ, очевидно, причиной къ тому, что выше указанные издатели „Избранныхъ стихотвореній Овидія", почти одновременно и во всякомъ случаѣ независимо другъ отъ друга приняли въ составленныя ими изборники, сверхъ отрывковъ изъ „Метаморфозъ", также и нѣкоторыя части изъ сочиненій, написанныхъ элегическимъ размѣромъ.

Такимъ образомъ въ изданіе Адольфа вошли отрывки изъ Скорбей (10 писемъ), изъ Понтійскихъ писемъ (3 письма), изъ Героидъ (2 письма) и изъ Фастовъ (10 отрывковъ) при 35 разсказахъ изъ Метаморфозъ. Все это составляетъ около $7^1/_2$ тысячъ стиховъ. Каждому нумеру предпослано сжатое, но изложенное съ достаточною полнотою содержаніе отрывка. Въ началѣ книги, въ введеніи, помѣщенъ очеркъ жизни и поэтической дѣятельности Овидія, а въ концѣ — указатель собственныхъ именъ съ необходимыми для цѣли книги поясненіями. Изъ предисловія видно, что составитель надѣется со временемъ издать отдѣльной книгой объясненія къ настоящему сборнику.

Въ изданіи проф. Нетушила текстовый матеріалъ гораздо болѣе ограниченъ, представляя собою лишь около $2^1/_2$ тысячъ стиховъ. Сюда вошли 22 отрывка изъ Метаморфозъ, 1 изъ Фастовъ и 2 изъ Тристій (Скорбей) и, кромѣ того, рядъ изреченій (sententiae) Овидія, состоящихъ изъ 1—6 стиховъ. Введеніе заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: 1) біографію поэта; 2) перечень и изложеніе содержанія главнѣйшихъ сочиненій Овидія; 3) характеристику поэзіи Овидія; 4) языкъ стихотвореній Овидія; 5) краткія свѣдѣнія изъ просодіи и метрики; 6) краткій очеркъ римской миѳологіи; 7) замѣчанія объ астрономіи и метеорологіи у Овидія; въ концѣ введенія приложенъ указатель именъ, встѣчающихся въ очеркѣ римской миѳологіи. Въ комментаріи главное вниманіе сосредоточено на возможно точной и удачной передачѣ латинскаго текста на русскій языкъ, основанной на правильномъ пониманіи мѣста.

Текстъ въ обоихъ изданіяхъ представляетъ собою школьную вульгату, основанную главнымъ образомъ на изданіи Меркеля. Тѣмъ не менѣе редакція нѣкоторыхъ мѣстъ оказывается различной; ср. напр. интересный въ критическомъ отношеніи заключительный стихъ въ разсказѣ о Филемонѣ и Бавкидѣ; въ изданіи Адольфа читается онъ такъ:

Cura pii dis sunt, et qui coluere, coluntur,

въ изданіи же Нетушила онъ имѣетъ слѣдующій видъ:

Curae dum di sint, et qui coluere, colantur.

И. Л—тинъ.

Латинская грамматика. По Штегману составилъ В. Никифоровъ. Изд. второе, исправленное. Москва, 1891 (стр. 294, in 8°).

Грамматика г. Никифорова, представляющая съ нѣкоторыми измѣненіями переводъ очень распространеннаго теперь въ Германіи руководства Карла Штегмана, основана исключительно на языкѣ классической прозы: особенности другихъ авторовъ, напр. поэтовъ и Ливія, совершенно игнорируются[1]). Въ этомъ отношеніи разсматриваемая нами книга едва ли удовлетворяетъ вполнѣ настоящей программѣ. Но такъ какъ у насъ еще не существуетъ руководства, вполнѣ удовлетворяющаго теперешнимъ потребностямъ школы, да и едва ли оно можетъ быть скоро издано, то книга г. Никифорова является однимъ изъ лучшихъ учебниковъ латинской грамматики на русскомъ языкѣ: она имѣетъ то преимущество предъ другими руководствами, что изучаемый матеріалъ въ ней, согласно требованіямъ программы, сокращенъ почти до минимума. Кромѣ того, какъ самъ Штегманъ, такъ и его переводчикъ, употребляли всѣ возможныя средства, чтобъ облегчить изученіе грамматики: правила изложены коротко, ясно и точно; чтобы ученикъ обратилъ вниманіе на какое-либо слово, оно напечатано особымъ шрифтомъ[2]); основныя правила отличены отъ менѣе важныхъ также шрифтомъ. Г. Никифорова можно упрекнуть за то, что онъ иногда ужъ чрезмѣрно старается приспособить свое изложеніе къ пониманію учениковъ или, вѣрнѣе сказать, къ пониманію плохихъ учениковъ: такъ, въ § 207, говоря о послѣдовательности временъ въ предложеніяхъ слѣдствія, зависящихъ отъ praeteritum, и упомянувъ о томъ, что при глаголахъ со значеніемъ „случаться" ставится coni. impf., онъ въ концѣ параграфа еще прибавляетъ: „само собою разумѣется, что coni. impf. бываетъ при этихъ глаголахъ въ томъ случаѣ, если они поставлены въ одномъ изъ прошедшихъ временъ". Переводъ г. Никифорова сдѣланъ правильно и тщательно; внѣшній видъ

---

[1]) Въ переводѣ г. Никифорова мы замѣтили только въ двухъ мѣстахъ отступленіе отъ этого: на стр. 150 онъ дѣлаетъ замѣчаніе объ употребленіи accusativus Graecus у поэтовъ и на стр. 228 упоминаетъ объ употребленіи coniunctivus при antequam и priusquam у Ливія и Непота въ чисто временномъ значеніи. Въ первомъ изданіи его грамматики такихъ замѣтокъ было нѣсколько больше.

[2]) Впрочемъ г. Никифоровъ иногда злоупотребляетъ этимъ средствомъ: нерѣдко страница его книги представляется совершенно пестрой вслѣдствіе обилія различныхъ шрифтовъ; у него мы насчитали 9 шрифтовъ: обыкновенный, жирный, курсивъ, жирный курсивъ, разставка, простой мелкій, мелкій жирный, мелкій курсивъ, мелкая разставка. Такое обиліе шрифтовъ едва ли приноситъ много пользы: оно скоро утомляетъ вниманіе читателя и, слѣд., не достигаетъ своей цѣли.

книги также прекрасный. Отъ перваго изданія второе мало отличается въ существенныхъ чертахъ, но мелкихъ измѣненій очень много: кое-что выпущено, кое-что добавлено, многія правила иначе изложены, менѣе важныя правила, напечатанныя въ первомъ изданіи крупнымъ шрифтомъ, теперь напечатаны мелкимъ; въ примѣрахъ часто дается переводъ отдѣльныхъ выраженій, которыя могли бы затруднять ученика; кромѣ того, въ концѣ книги приложена глава о тропахъ и фигурахъ и списокъ уклоняющихся глаголовъ для II класса; наконецъ, цѣна книги нѣсколько понижена.

Нѣкоторыя правила являются въ грамматикѣ Никифорова, согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ, въ болѣе правильномъ видѣ, чѣмъ они излагались до сихъ поръ, напр. о глаголахъ долженствованія и возможности въ apodosis'ѣ условнаго періода § 231 (ср. напр. Элл.-Зейфф. § 272, 3, пр. 1); о способахъ выраженія будущаго въ coniunctivus, когда глаголъ не имѣетъ partic. fut. act. или поставленъ въ страд. зал. § 208, прим. (ср. Элл.-Зейфф. § 246) и т. д. Но при всѣхъ этихъ достоинствахъ, трудъ г. Никифорова, какъ всегда бываетъ, имѣетъ и недостатки, — errare humanum est; на нѣкоторые изъ нихъ я считаю нелишнимъ указать.

Г. Никифоровъ, слѣдуя Штегману, подводитъ подъ рубрику genetivus partitivus такіе случаи, какъ modius frumenti, multum pecuniae и даже tria milia equitum; то же самое мы встрѣчаемъ и въ другихъ грамматикахъ, какъ напр. у Элл.-Зейфф. Что род. пад. въ этихъ случаяхъ совсѣмъ иного типа, чѣмъ напр. въ quis mortalium, maior fratrum, это всякому видно даже изъ русскаго перевода, и Мадвигъ, — умный и точный Мадвигъ, на грамматику котораго слишкомъ мало у насъ обращаютъ вниманія, — тщательно отдѣляетъ такіе родительные другъ отъ друга (Lat. Sprachlehre, 3. Aufl. §§ 284 — 285), обозначая ихъ названіями gen. partitivus и gen. generis; различаетъ эти два случая также и г. Нетушилъ въ своемъ малоизвѣстномъ нашимъ педагогамъ ученомъ и подробномъ изслѣдованіи „о падежахъ" (стр. 154), называя такой род. какъ „фунтъ золота" — обозначающимъ отношеніе мѣры къ измѣряемому, gen. quantitatis. — Приводя таблицу дѣленія временъ лат. глагола на главныя и историческія (стр. 195), г. Никифоровъ причисляетъ perf. praes. къ временамъ главнымъ, а perf. hist. — къ историческимъ. Такое дѣленіе намъ кажется непослѣдовательнымъ. Сами римляне едва ли ясно сознавали разницу между этими перфектами, какъ и мы не сознаемъ ея въ такихъ предложеніяхъ, какъ „Ливій написалъ свою исторію въ такомъ-то году" и я „уже написалъ письмо". Въ практическомъ отношеніи это дѣленіе тоже неважно, потому что и perf. praes. по отношенію къ послѣдова-

тельности временъ разсматривается, по большей части, также какъ историческое время. Наконецъ, если включать такое дѣленіе въ таблицу, то слѣдовало бы и praesens дѣлить на двѣ части, такъ какъ и оно по отношенію къ послѣдовательности временъ принимается то за главное (собственно praes.), то за историческое время (praes. hist.), и греч. аористъ также, потому что онъ употребляется и въ собственномъ аористическомъ значеніи, и въ значеніи перфекта (напр. ἦλθον иногда = ἐλήλυθα), при чемъ въ послѣднемъ случаѣ въ предложеніяхъ цѣли послѣ него можетъ стоять и coniunctivus совершенно такъ же, какъ послѣ лат. perf. praes., и optativus. Такимъ образомъ, достаточно лишь въ текстѣ указать на двоякое значеніе лат. перфекта, а въ таблицѣ его отнести только къ историч. временамъ.

Эти недостатки принадлежатъ Штегману, и г. Никифоровъ только перенесъ ихъ въ свой переводъ. Но есть нѣсколько ошибокъ и недосмотровъ, въ которыхъ виноватъ исключительно переводчикъ. Такъ, въ § 161, пр. 1, онъ переводитъ фразу „за три года до смерти Сципіона" между прочимъ посредствомъ tribus annis, quibus (или cum) Scipio mortuus est, что можетъ значить только „спустя три года послѣ смерти Сц."— Въ § 233 онъ говоритъ, что nisi „ставится обыкновенно въ томъ случаѣ, когда главное предложеніе отрицательное; si non употребляется обыкновенно при противоположеніяхъ": какъ же передать тогда наше „если не", когда нѣтъ противоположенія и когда главное предложеніе утвердительное? Ясно, что правило о nisi невѣрно, такъ какъ этотъ союзъ свободно можетъ стоять и послѣ утвердительнаго главнаго предложенія; а правило о si non неполно, потому что si non ставится еще и тогда, когда отрицаніе относится къ отдѣльному слову предложенія.

Упомянемъ еще о нѣкоторыхъ менѣе важныхъ пунктахъ. Говоря о временахъ неопредѣленнаго наклоненія (§ 185), слѣдовало бы упомянуть, что inf. praes. означаетъ не только дѣйствіе, современное съ дѣйствіемъ verbi finiti, но и предстоящее, именно послѣ verba voluntatis; кромѣ того, было бы хорошо здѣсь дать практическое правило, что inf. perf. и fut. ставятся лишь тогда, когда по-русски стоитъ союзъ „что" съ прош. или буд., а наше неопред. накл. (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда оно зависитъ отъ глаголовъ „обѣщать, надѣяться" и т. д.) и предложенія съ союзомъ „чтобы" (конечно, когда они должны быть переведены чрезъ инфинитивную конструкцію) выражаются посредствомъ inf. praes. Въ § 192 говорится о переводѣ русскаго дѣепричастія между прочимъ посредствомъ предложенія съ союзомъ cum съ coni. plqp.: здѣсь, очевидно, не предусмотрѣны такіе случаи, какъ „пріѣхавши въ Римъ, я на-

пишу тебѣ" (cum venero), „возвращаясь домой, я ложусь спать" (cum redii); не упомянуто въ томъ же § о возможности переводить дѣепричастіе съ отрицаніемъ посредствомъ предлога sine c. abl. (dimisi eum sine laudatione = „не похваливъ") и чрезъ предложеніе съ союзомъ antequam (antequam verbum faceret, de sella surrexit atque abiit = „не сказавъ еще ни слова"; membris utimur, priusquam didicimus, cuius ea utilitatis causa habeamus = „еще не понимая"). — Въ § 193, прим., говоря о переводѣ русскихъ отглагольныхъ существительныхъ чрезъ герундивъ или герундій и part. perf. pass., г. Никифоровъ упоминаетъ лишь о томъ значеніи герундива, когда онъ указываетъ на дѣйствіе предстоящее по отношенію къ verbum regens, хотя самъ же приводитъ примѣръ Brutus in liberanda patria est interfectus, гдѣ дѣйствія герундива и главнаго глагола современны.

Въ § 199, пр. 2, не упомянуто о самомъ простомъ переводѣ impf. de conatu посредствомъ нашего прош. несов. вида въ родѣ „давалъ" [1]). — Неполно ученіе о plqp. и fut. II въ §§ 200 и 201, такъ какъ пропущены тѣ случаи употребленія plqpf. и fut. II въ главныхъ предложеніяхъ, которые соотвѣтствуютъ греческимъ plqpf. и fut. III и о которыхъ счелъ нужнымъ упомянуть даже Штегманъ, а также описательныя формы, состоящія изъ part. perf. pass. съ глаголомъ esse, которыя Мадвигъ (§ 344) называетъ временами „des bewirkten Zustandes": именно потому, что эти описанія, вмѣстѣ съ описаніемъ посредствомъ глагола habeo съ part. perf. pass., служатъ лучшимъ средствомъ для передачи греч. perf., plqpf. и fut. III на лат. яз. — Невѣрнымъ кажется намъ также и слѣд. правило относительно fut. II (§ 201, 2): „fut. II ставится и въ главномъ предл., если дѣйствіе послѣдняго отождествляется съ дѣйствіемъ придаточнаго, выраженнымъ посредствомъ fut. II", въ доказательство чего приводится примѣръ: pergratum mihi feceris, si (если = тѣмъ, что) de amicitia disputaris; вѣрнѣе сказать, что это бываетъ тогда, когда дѣйствіе гл. предл. оканчивается въ одно время съ другимъ (Madv. § 340, Anm. 2): во многихъ случаяхъ, напр. Nep. Epam. c. 10 huius de virtutibus vitaque satis erit dictum, si hoc unum adiecero, ни о какомъ отождествленіи дѣйствій не можетъ быть и рѣчи. Въ § 204 г. Никифоровъ говоритъ, что дѣйствіе прид. предл. можетъ быть или одновременнымъ, или предше-

---

[1]) На этомъ конативномъ значеніи нашего прош. несов. вида основана между прочимъ слѣд. шутка: А. спрашиваетъ Б.: „поднималъ ли ты колоколъ Ивана Великаго?" Б. отвѣчаетъ: „нѣтъ; а ты?" А. говоритъ: „а я поднималъ", добавляя при этомъ: „только не поднялъ". Эта шутка возможна именно благодаря двусмысленности формы „поднималъ", которую Б. понимаетъ просто какъ прош. продолженнаго вида, а А. какъ попытку къ дѣйствію (= „пробовалъ поднять").

ствующимъ дѣйствію гл. предл., забывая при этомъ, что оно можетъ быть и послѣдующимъ по отношенію къ дѣйствію гл. предл. (напр. въ предложеніяхъ съ союзомъ antequam). Въ § 209 не совсѣмъ ясно опредѣляется разница между ignoscere debes „ты долженъ былъ бы простить = ты долженъ простить" и ignoscere debebas „ты долженъ былъ бы простить, но ты не прощаешь"; кажется, Примъ въ своемъ изслѣдованіи Die irrealen Bedingungssätze bei Cicero und Caesar въ Philologus V. Supplementband, p. 303, вполнѣ справедливо утверждаетъ, что въ подобныхъ случаяхъ, именно когда нельзя подразумѣвать никакого условія, различія между ind. praes. и ind. impf. замѣтнаго нѣтъ; только въ относительныхъ предложеніяхъ impf. значительно болѣе употребителенъ, а въ фигурѣ praeteritio, напротивъ, употребляется исключительно praesens. Да и вообще весь этотъ § объ употребленіи изъявит. накл. вм. сослагат. отъ глаголовъ, обозначающихъ возможность и долженствованіе, слѣдовало бы изложить болѣе точно и подробно на основаніи вышеупомянутаго изслѣдованія, такъ какъ во многихъ случаяхъ coniunct. отъ этихъ глаголовъ даже болѣе употребителенъ, чѣмъ indicativus.

Неправильно, по нашему мнѣнію, опредѣляетъ г. Никифоровъ потенціальную форму условія: „условіе и слѣдствіе представляются лишь возможными или вѣроятными" (§ 231, 2). О вѣроятности условія не можетъ быть и рѣчи: во-первыхъ, иногда дѣлается предположеніе, которое на самомъ дѣлѣ вовсе осуществиться не можетъ (напр. въ извѣстномъ мѣстѣ изъ Цицерона, приводимомъ и у г. Никифорова безъ всякаго даже поясненія: haec si tecum patria loquatur, nonne impetrare debeat?); во-вторыхъ, даже предположеніе о чемъ-либо возможномъ нерѣдко высказывается говорящимъ посредствомъ этой формы условія въ такомъ смыслѣ, что говорящій все-таки не ожидаетъ, чтобъ оно на самомъ дѣлѣ сбылось (Madv. § 347). Строго говоря, даже названіе этого случая возможнымъ не вѣрно, по справедливому замѣчанію Миллера (Cic. Lael. ed. Seyffert - Müller, p. 54); хорошо опредѣляетъ его Риманъ въ своей грамматикѣ (Syntaxe latine d'après les principes de la grammaire historique par O. Riemann. Paris 1886) § 206: „предположеніе выражается этой формой просто какъ идея, какъ продуктъ воображенія, и этотъ оборотъ употребляется какъ для выраженія предположенія, не осуществимаго на самомъ дѣлѣ, когда оно относится къ будущему, такъ и предположенія, осуществимаго на самомъ дѣлѣ, хотя болѣе или менѣе сомнительнаго". — Неполно формулировано у г. Никифорова правило о формѣ apodosis'а ирреальнаго условія въ acc. c. inf.: „предыдущее остается безъ перемѣны, а въ послѣдующемъ вм. coni. imperf. ставится (очень рѣдко) infin. на urum esse, вм. coni. plqp. ста-

вится infin. на urum fuisse“ (§ 232, 1). Что же ставится *часто* вм. coni. impf.? Равнымъ образомъ, и въ примѣчаніи къ этому §: „если глаголъ не образуетъ part. fut. act. или поставленъ въ страдат. залогѣ, то употребляется (впрочемъ очень рѣдко) описаніе futurum fuisse ut (съ coni. impf.)“ — слѣдовало бы сказать, что̀ дѣлается обыкновенно въ такомъ случаѣ.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ пропускахъ и добавленіяхъ сравнительно съ подлинникомъ тамъ, гдѣ, по нашему мнѣнію, не слѣдовало бы отступать отъ него. Въ § 210, 1 — г. Никифоровъ пропускаетъ довольно важное примѣчаніе Штегмана о томъ, что coni. potentialis, за исключеніемъ 1 л. ед. ч. и вопросовъ съ quis, употребляется только при неопред. подлежащемъ, а въ другихъ случаяхъ бываютъ иные обороты. Въ § 237, пр. 1 опущено интересное наблюденіе Штегмана, что въ относит. предложеніяхъ, заключающихъ въ себѣ оттѣнокъ причины, слѣдствія и уступленія, можетъ стоять какъ coni., такъ и indic., смотря по тому, желаетъ ли говорящій выразительно указать на этотъ оттѣнокъ, или нѣтъ. Въ § 241, пр. 3 г. Никифоровъ лаконически выражается: „non quaero, quae te causa impulerit — я не спрашиваю о причинѣ, которая побудила тебя“, откуда ученикъ ничего не выведетъ; Штегманъ говоритъ объ этомъ подробнѣе: „объектъ глагола sentiendi или dicendi вмѣстѣ съ относит. предложеніемъ, опредѣляющимъ его, по-латыни обращается въ косв. вопросъ“. — Нѣкоторыя примѣчанія г. Никифорова намъ кажутся, наоборотъ, излишними, напр. § 231, 2, пр. 1 объ употребленіи si или ut si съ coni. praes. и perf. въ exempla ficta, такъ какъ этотъ случай ничѣмъ не отличается отъ всякаго другого условія въ потенціальной формѣ. Безполезно также и пр. 2 въ этомъ же § о томъ, что иногда протазисъ первой формы соединяется съ аподозисомъ второй: или надо сказать, когда это бываетъ, или совсѣмъ пропустить такое примѣчаніе.

С. Соболевскій.

Краткая грамматика латинскаго языка. Примѣнительно къ учебнымъ планамъ 1890 г. составилъ Н. Санчурскій. Ч. I-я. 1. Этимологія. 2. Начальныя правила синтаксиса. С.-Петербургъ 1891 (стр. VIII+88).

Прежнія грамматики переполнены исключеніями и перечнями. Заучиваніемъ огромной массы исключеній, отступленій и перечней думали достигнуть основательности знанія. Правда, если правило есть обобщеніе всѣхъ однородныхъ случаевъ, а исключеніе есть указаніе нѣскольких, строго опредѣленныхъ част-

ныхъ случаевъ, не могущихъ войти въ родовое обобщеніе, то къ методически-точному и несомнѣнному выводу мы приходимъ только тогда, если сначала перебираемъ мысленно всѣ исключенія, а потомъ уже обращаемся къ правилу. Прежде чѣмъ примѣнить правило, мы должны удостовѣриться, не нужно ли въ данномъ случаѣ примѣнить исключеніе; а иначе мы рискуемъ ошибиться, и тѣмъ больше нашъ рискъ, чѣмъ меньше знаменатель дроби, выражающей отношеніе исключенія къ правилу. Если мы хотимъ избѣжать всякаго риска, мы должны при переводѣ каждаго слова припомнить мысленно всѣ исключенія, относящіяся ко всѣмъ грамматическимъ категоріямъ, по которымъ разбирается данное слово, и если въ 20-ти фразахъ ученикъ встрѣчаетъ 60 именъ, то ему 60 разъ придется припомнить всѣ исключенія относительно рода и окончаній даннаго склоненія, относительно употребленія падежей и т. д.; переводъ одной фразы будетъ сопровождаться мысленнымъ „повтореніемъ“ цѣлой сотни примѣчаній и исключеній, на каждомъ урокѣ придется много разъ „повторить“ всю грамматику со всѣми примѣчаніями, въ теченіе года придется повторить ее не одинъ десятокъ тысячъ разъ... Къ счастью, нашъ мыслительный процессъ совершается обыкновенно въ обратномъ порядкѣ: такъ какъ число случаевъ, обнимаемыхъ правиломъ, неизмѣримо больше числа случаевъ, подходящихъ подъ исключеніе, то къ правильному результату мы приходимъ обыкновенно по закону математической теоріи вѣроятности, вовсе и не обдумывая исключеній. Если словъ на *us* мужескаго рода 2000, а къ исключеніямъ ихъ относится 10, то въ 1990 случаяхъ, даже не зная объ исключеніяхъ, мы не ошибемся въ родѣ въ силу закона теоріи вѣроятностей. Въ ежедневной мыслительной работѣ мы пользуемся несравненно менѣе точными обобщеніями; многія научныя области довольствуются выводами, основанными только на теоріи вѣроятности. Что же касается учениковъ, то они всегда идутъ вторымъ путемъ: это нашъ нормальный процессъ мышленія. Если же при обычномъ ходѣ мысли мы игнорируемъ исключенія, а руководимся непосредственно законами и правилами, то для чего же посвящается столько школьнаго времени на заучиванье безконечныхъ исключеній? Степень основательности нашихъ знаній обратно пропорціональна числу исключеній: чѣмъ больше мы принимаемъ въ расчетъ исключеній, тѣмъ менѣе основателенъ и точенъ нашъ выводъ, и высшей основательности знанія мы достигнемъ тогда, когда вполнѣ увѣрены, что исключеній нѣтъ. Учитель обязанъ всякими мѣрами доводить ученика до этой увѣренности въ несомнѣнной точности своихъ выводовъ и знаній. Если же ученику вслѣдъ за правиломъ сейчасъ же сообщили исключенія,

то его сразу поставили на самую шаткую почву, сразу принудили дѣйствовать на-авось, потому что итти постоянно первымъ путемъ — отъ исключеній къ правилу — немыслимо, а второй путь неразлученъ съ постоянными опасеніями ошибиться. Ученикъ идетъ вторымъ путемъ, а исключенія остаются совершенно въ сторонѣ при его умственной работѣ, и вся роль ихъ чисто отрицательная: они парализуютъ основательность знанія, сами не принося никакой пользы. Пока не пріобрѣтена прочность знаній, исключенія совершенно неумѣстны: дисциплинировать умъ необходимо на методически-точной работѣ, а не на случайностяхъ и вѣроятностяхъ.

Чѣмъ рѣже встрѣчается данное исключеніе на практикѣ, тѣмъ безполезнѣе его заучивать предварительно, до того момента, когда оно встрѣтится на практикѣ. Какихъ только „раритетовъ" не преподносятъ мальчугану лѣтъ 11—12, который долженъ безъ всякаго употребленія свято хранить ихъ лѣтъ 5—7 въ своей памяти, пока они не встрѣтятся (если только встрѣтятся) у какого-нибудь автора. Не проще ли было бы знакомить съ этими рѣдкостями при самомъ чтеніи текста, безъ предварительнаго механическаго заучиванья?

Въ виду вышеуказанной отрицательной роли исключеній нельзя не сочувствовать появленію „краткихъ" грамматикъ, въ которыхъ сообщается только необходимое, а отдѣлъ исключеній и перечней по возможности урѣзанъ. Въ лежащей передъ нами книжкѣ этимологія изложена всего на 75-ти страничкахъ, но и при такомъ объемѣ нѣкоторыя статьи пригодны скорѣе для справокъ при чтеніи текста, чѣмъ для систематическаго изученія (напр., о словахъ на *um* въ род. мн. 2 скл., о сокращеніи род. на *ii*, дат. на *ui*, о греческихъ окончаніяхъ, дробяхъ, архаическихъ формахъ глагола, о словахъ съ оконч. *e* и *i* въ 3 скл., и др.), а нѣкоторыя статьи прямо излишни, напр. о долготѣ гласныхъ въ стихахъ (3 стр.), о mobilia (это совершенно излишняя категорія), о дѣленіи существительныхъ по значенію, о дѣленіи падежей на прямые и косвенные (все это умѣстнѣе въ русской грамматикѣ), о прилагательныхъ, не имѣющихъ степеней сравненія, и о разныхъ defectiva и abundantia. Въ самомъ дѣлѣ, почему, напр., изъ тысячи прилагательныхъ, не имѣющихъ сравн. ст., только четыре удостоились чести попасть въ грамматику? Вѣдь этой степени не имѣютъ не только всѣ относительныя прил., но и цѣлая масса качественныхъ, означающихъ такіе признаки, которые не могутъ измѣряться по степени. Если falsus, sacer, diversus не имѣютъ сравн. ст., то это не потому, что этой степени не допускаетъ грамматика, а потому, что одинъ предметъ не можетъ быть „ложнѣе", „священнѣе" или „различнѣе" другого, и пре-

восх. ст. этихъ словъ указываетъ не на превосходство даннаго предмета передъ остальными, а на высокую степень качества, безъ отношенія къ другимъ предметамъ; точно такъ же и возрастъ человѣка означается не степенями одного слова, а разными словами, такъ что вмѣсто превосходной степени отъ iuvenis, adolescens мы сказали бы puer и т. д. Или вотъ, напр., перечисляются существительныя, имѣющія „во мн. ч. особое значеніе, котораго въ ед. ч. не имѣютъ“ (19). Во-первыхъ, странно, что эти слова попали въ разрядъ defectiva, когда у нихъ формъ даже больше, чѣмъ нужно; во вторыхъ, мы не видимъ во мн. ч. „особыхъ“ значеній. Если намъ говорятъ, что rostra значитъ „ораторская каѳедра“, то вмѣсто перевода намъ даютъ объясненіе, вмѣсто конкретнаго предмета означаютъ неопредѣленно-родовое понятіе (то же было бы, если бы, напр., иностранцы московскій Кузнецкій Мостъ называли словами, которыя въ переводѣ значили бы „главная улица“, „лучшая улица“ и т. п.). Finis въ ед. ч. значитъ „предѣлъ“ и во мн. „предѣлы“; если же намъ говорятъ, что fines значитъ „область“, то это показываетъ только то, что въ послѣднемъ случаѣ на предметъ смотрятъ съ другой стороны, а не съ той, какъ въ первомъ (fines указываетъ на границы страны, „область“ — на то, что страна объединена властью — „обвласть“); точно такъ же на „письмо“ мы смотримъ, какъ на нѣчто „написанное“, а римляне смотрѣли, какъ на собраніе „буквъ“, и т. п.; съ другой стороны, и ед. ч. auxilium, copia можетъ указывать на войско, pars на партію, fortuna на матеріальное довольство и т. д. Суженіе и расширеніе понятій есть самое обычное явленіе при переводахъ, но урегулированье этихъ суженій и расширеній — трудъ, совершенно непосильный для элементарной грамматики.

Но считая нѣкоторыя статьи лишними, въ другихъ мѣстахъ мы желали бы встрѣтить больше полноты, напр. въ отдѣлѣ о неправильныхъ степеняхъ сравненія, гдѣ нѣтъ даже перевода словъ maior, plus и др., не говоря уже объ особенностяхъ употребленія. Многія статьи отличаются слишкомъ конспективной формой, требующей со стороны учителя не мало объясненій. Кромѣ того есть мѣста, гдѣ желаніе быть краткимъ повело къ неясности и неточности. Приведемъ образцы. Родъ опредѣляется окончаніемъ, „а также и значеніемъ“ (5), — при такой редакціи правила ученикъ не будетъ знать, гдѣ и какой критерій предпочитается. Числ. разд. ставятся будто тогда, если „число при нѣсколькихъ предметахъ (?) относится (?) къ каждому въ отдѣльности“ (27). Quis „имѣетъ болѣе слабое значеніе, чѣмъ aliquis, и потому (?) употребляется энклитически“ (32), а ниже поясняется, „т.-е. ставится позади какого-нибудь слова“.

Но что такое „слабое значеніе“ и не всякое ли слово можетъ стоять позади другого слова? Туманно объясненіе терминовъ „отлож. залогъ“ („потому что они отложили (?), утратили“ одинъ залогъ, какъ будто „отложить“ значитъ „утратить“), verbum finitum (неужели причастіе, напр., менѣе „опредѣленно выражаетъ понятіе о дѣйствіи или состояніи“, чѣмъ coniunctivus?). Передача на лат. яз. русскихъ причастій наст. д. з. и прош. стр. з. объяснена такъ: „хвалимый, будучи хвалимъ=тотъ котораго хвалятъ; (is) qui laudatur, или = когда (если) хвалятъ — cum, si laudatur, и т. п.“ (36). Что чему равно въ этомъ причудливомъ уравненіи? неужели, напр., „будучи хвалимъ“ = тотъ, котораго хвалятъ? Что значитъ такая фраза: „нѣкоторые глаголы употребляются безлично только въ опредѣленномъ значеніи: apparet очевидно (appareo являюсь)“? — Изъ прил. на ilis немногія образуютъ степени ср.“ (23), „на us съ предыдущею гласною (а также и другія прил.)“ (ib.), „на вопросъ: въ какомъ году? (и на подобные вопросы)“ (27), въ тв. ставятся „названія времени (и другія слова)“ (81), — какое реальное содержаніе имѣютъ для ученика всѣ эти таинственныя слова „и другія“, „и подобные“, „немногія“? Въ таблицѣ неопр. мѣстоименій трудно понять, когда обозначеніе „сущ.“ и „прил.“ относится ко всѣмъ родамъ и когда къ одному среднему, почему quidam „сущ.“ значитъ „одинъ“, а quidam „прил.“ не имѣетъ этого значенія; почему нѣтъ значеній, образованныхъ съ помощью частицъ *то* и *либо*, почему при nullus нѣтъ самаго употребительнаго значенія „ни одинъ“, почему изъ нѣсколькихъ значеній aliquis взято одно, и т. д. Мѣст. hic „указ. на 1 л.“, iste „указ. на 2 л.“, — безъ примѣровъ это непонятно, да и не точно: мѣстоименія эти указываютъ не на самыя лица, а на предметы, принадлежащіе или относящіеся къ этимъ лицамъ. — „Quis? quid? склоняется во многомъ не такъ, какъ qui“. Числ. разд. употребляются „при plurale tantum (если оно означаетъ одинъ предметъ и переводится ед. числомъ)“ (27), — но развѣ напр. denae litterae переводится ед. числомъ? „На слѣдующую строку переносится столько согласныхъ, сколько ихъ можетъ стоять въ началѣ лат. слова“ (2), — но вѣдь „столько“ указываетъ на число, а не качество буквъ. Впрочемъ, если бы даже сказано было „тѣ группы, съ которыхъ можетъ начинаться лат. слово“, ученикъ все-таки не могъ бы воспользоваться этимъ правиломъ, пока не узналъ бы всего словаря словъ. H есть „только знакъ придыханія, поэтому“ (?) не произносится (2), — совершенно непонятна въ такомъ случаѣ роль этого знака.

Иногда сообщаются данныя, которыя могутъ быть понятны только послѣ знакомства съ деталями синтаксиса. Напр., на стр. 28 говорится, что мѣст. 3 л. „замѣняется возвратнымъ

reflexivum: sui себя". Правило это поставитъ ученика въ полный тупикъ, не говоря уже о томъ, что оно противорѣчитъ правилу, сообщаемому на слѣдующей же страницѣ, что „мѣст. *sui себя* употребляется только въ возвратномъ значеніи" (мы, собственно говоря, не понимаемъ, для чего это говорится: вѣдь это все равно, что сказать: ego употребляется только въ значеніи я). Есть правила, заключающія простую тавтологію: „количество времени... называется количествомъ" (2). Есть положенія, съ которыми трудно согласиться: Богъ читается Бохъ и не даетъ понятія о произношеніи h; въ страд. знач. безлично употребляются далеко не „всѣ глаголы вообще" (56); прямая рѣчь не то же, что „подлинная" (55); каждое данное окончаніе именъ, измѣняясь по падежамъ и числамъ, далеко не всегда измѣняется по склоненіямъ (5); едва ли умѣстно въ спряженіе гл. fio вставлять формы fore, futurum esse (близость и даже тождество значеній не даетъ права для смѣшенія грамм. формъ) или различать два глагола: differo различаюсь и differo откладываю (если въ первомъ значеніи нѣтъ у глагола perf., то это потому, что этого не допускаетъ смыслъ, и по-русски нѣтъ формы „различился"). Многія мѣста неточны или неясны вслѣдствіе неполноты выраженія. Особенно рѣзка неполнота въ переводѣ глагольныхъ формъ, помѣщенныхъ въ парадигмахъ; напр. въ таблицѣ правильнаго спряженія не указана цѣлая масса значеній: ты долженъ похвалить, gerund. похвалить, меня будутъ хвалить, я буду хвалимъ, sup. прочесть, прочти, быть прочтеннымъ, прочитанный, я буду разрушать, разрушь, ger. и sup. разрушить, буду слушать, меня будутъ слушать, слышанный, быть услышаннымъ и т. д.; зато есть такія выраженія, какъ „меня читаютъ", „меня разрушаютъ", — изъ цѣлаго словаря не выбрать глаголовъ, которые годились бы во всѣхъ формахъ! Точно такъ же неполно указаны способы перевода формъ опис. спряж. и отлож. гл. Другіе случаи неполноты выраженія: „при подл. 1 и 2 л. берутся м. ego и tu" (29), нужно добавить „для перевода русскаго *себя*"; „на men ср. р., но на en м. р." (15), — нужно добавить „безъ буквы m"; „ср. р. прилагательныхъ" (78), — нужно добавить „и мѣст."; у недост. глаг. infinitivus есть, а недостаетъ не только praesens (54); если satisfacio = удовлетворяю, то неясно, что значитъ satisfio; неизвѣстно, что значитъ inferus (вѣдь не значитъ же оно „Тосканскій" (24), и т. п. Отмѣтимъ наконецъ неправильныя выраженія и разныя необычныя слова: „q всегда сопровождается буквою *u* и = кв" (не q = кв, а сочетаніе qu); „мужчины, рѣки" и т. д. — муж. р. (5, 9); „погодникъ"(?) (12), „сопровожденный" (48), „долженствованіе"(?) (47), „книги не суть" (79), „остаюсь въ остаткѣ" (62), „по причинѣ

денегъ“ (60). Неудобны и такія сокращенія, какъ: „я во главѣ ч. л.“ (?), „g.— d.—ac.: vim“, и др.

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что онъ „старался быть самостоятельнымъ“, перечисляетъ русскіе, нѣмецкіе, англійскіе и французскіе источники и указываетъ 7 пунктовъ, въ которыхъ его учебникъ „представляетъ особенности“: I. „Склоненіе существительныхъ изложено по одному общему плану“. V. „Опис. спряженіе и отчасти спряженіе глаголовъ отлож. изложены въ болѣе наглядной и простой формѣ“. По этимъ пунктамъ мы, по правдѣ сказать, не нашли въ грамматикѣ ничего особеннаго. II. „Третье склоненіе въ значительной степени упрощено, благодаря а) болѣе краткому и простому правилу о родѣ именъ и b) болѣе наглядной и послѣдовательной параллели между особенностями сущ—ыхъ и прил—ыхъ“. Правило о родѣ изложено такъ: „на *o* и *r* — муж. р., на *s* и *x* — женск. р., на *e*, *ma* и согласныя (кромѣ r, s, x) — ср. р.“ Благодаря такой редакціи, окончанія *ar, ur, os, ex,* неравн. на *es* попали въ исключенія. Изъ приведенныхъ нами соображеній о роли исключеній вполнѣ очевидно, что такая редакція значительно портитъ дѣло. Въ самомъ дѣлѣ, если руководствоваться правиломъ, то рискъ ошибиться въ каждомъ данномъ случаѣ почти равняется вѣроятности опредѣлить родъ правильно; поневолѣ приходится въ каждомъ случаѣ перебирать мысленно всѣ исключенія (даже самыя неважныя), а мы видѣли, насколько это исполнимо. Но этого мало: подъ огромнымъ обобщеніемъ „на согласныя“ на самомъ дѣлѣ скрывается два слова lac и caput и двѣ буквы *l* и *n*. Такъ какъ исключенія при обычной мыслительной работѣ обыкновенно игнорируются, то при формулированіи ихъ вся задача должна быть направлена къ тому, чтобы они какъ можно легче вспоминались, гдѣ нужно. Самая удобная форма изложенія — это перечисленіе всѣхъ словъ, отступающихъ отъ правила. Если ученикъ училъ, что „ignis, panis, crinis, finis — муж. р.“, то, встрѣтивъ въ текстѣ ignis, онъ безъ труда припомнитъ и особенность этого слова; но несравненно труднѣе вызвать ассоціацію, если правило будетъ изложено такъ: „слова на *nis* — муж. р.“ (15). Если намъ скажутъ, что ubus имѣютъ „двусложныя слова на cus“ (16), то, чтобы не ошибиться, мы должны въ каждомъ случаѣ постановки дат. или тв. мн. 4-мъ скл. спросить себя, не двусложное ли данное слово и не оканчивается ли оно на cus. Чтобы устранить эту безполезную работу, стóитъ только вмѣсто ненужнаго обобщенія замѣтить, что ubus имѣютъ слова: lacus, arcus, ficus, quercus. Къ неудачнымъ обобщеніямъ мы относимъ и правило, какъ спрягается capio: „подобно глаголамъ 4-го спр. съ тою только разницею, что i всегда кратко и передъ r и на концѣ

слова переходитъ въ e“ (46), — а capi? Но вѣдь эта разница и дѣлаетъ 4-ое спр. третьимъ.

Далѣе авторъ ставитъ себѣ въ заслугу, что онъ внесъ правила о переводѣ слова свой, о тв. и род. при степеняхъ сравненія, объ употребленіи числ. раздѣлительныхъ (п. III) и представилъ „сильно уклонающуюся отъ общепринятаго типа“ таблицу спряженій (п. IV). Но уклоненія мы нашли только въ томъ, что въ таблицѣ опущено пов. стр. (давно пора!) и сослаг. поставлено не рядомъ съ изъяв., а на другой страницѣ, послѣ повел., но зато сколько опущено русскихъ значеній и какой хаосъ въ видовыхъ формахъ русскаго глагола! Далѣе авторъ останавливаетъ вниманіе на своей системѣ въ перечнѣ глаголовъ, отступающихъ въ образованіи perf. и sup. (п. VI), но какая тутъ польза въ системѣ? Не думаемъ, чтобы нашлись педагоги, которые заставляли бы заучивать эти глаголы подъ рядъ. Да и самая система далеко не завидная: вотъ, напр., три группы перваго спряженія: 1. ui, itum (tum), 2. si, — , 3. i, tum, но бѣда въ томъ, что ко второй группѣ ничего не относится, а къ третьей группѣ можно отнести всѣ глаголы: вѣдь perf. гдѣ угодно на *i*, да и sup. въ 1-мъ спр. вездѣ на tum. Къ этимологіи присоединено 10 страницъ синтаксическихъ правилъ (п. VII), изложенныхъ „индуктивнымъ методомъ“. Отъ обычнаго это изложеніе отличается впрочемъ только тѣмъ, что здѣсь напечатаны сначала примѣры, а потомъ правила, а не наоборотъ. Правила изложены не всегда удачно. Мы думаемъ, напр., что на вопросъ „развѣ ты не читаешь?“ можно иногда отвѣтить и „нѣтъ“, а на вопросъ „развѣ ты читаешь?“ возможенъ отвѣтъ „да“.

Нельзя сказать и того, чтобы грамматика эта пыталась выпутаться изъ обычной путаницы въ терминологіи. Тутъ встрѣчаемся и съ „мѣстоименными прилагательными“, которыя въ то же время могутъ быть даже еще „числительными“ (33), и съ „непереходнымъ значеніемъ“ дѣйств. залога (44), и съ imperativus passivi въ отложительномъ глаголѣ (44), и съ наклоненіемъ (неопредѣленное), не относящимся къ наклоненіямъ (34).

На послѣдней страничкѣ книги находимъ приложеніе „выраженій церк.-слав. и русск. яз., сходныхъ въ синтаксическомъ отношеніи съ латинскими“. Что поучительнаго въ этихъ формахъ? Другое дѣло было бы, если бы эти церк.-сл. формы были органическимъ продуктомъ этого самаго языка, а то вѣдь это грецизмы, рабское подражаніе греческому тексту, не имѣющее корней въ самомъ духѣ языка. Но ужъ совершенно странно встрѣчать такіе „раритеты“ изъ Державина и Дмитріева, какъ: „Тебя душа моя быть чаетъ. Имъ печатный каждый листъ быть кажется святымъ“. Мало ли гдѣ встрѣчается всякихъ

курьезныхъ искаженій языка, всякихъ странныхъ и „самодѣльныхъ“ оборотовъ, но съ какой же стати собирать ихъ въ элементарныя грамматики латинскаго языка? Латинская грамматика учитъ, чѣмъ отличается латинскій языкъ отъ русскаго, а сходство съ латинскимъ имѣетъ русскій языкъ не въ этихъ самодѣльныхъ фразахъ, а въ той огромнѣйшей массѣ явленій, которыя потому и не входятъ въ латинскія грамматики, что не отличаются отъ соотвѣтственныхъ явленій въ латинскомъ языкѣ.

П. Первовъ.

Schularbeit und Hausarbeit. Ein Vortrag von H. Schiller. Berlin 1891 (51 стр. 8°).

Брошюра эта принадлежитъ извѣстному филологу и знатоку классической школы, директору гимназіи въ Гиссенѣ и автору весьма распространенной практической педагогики для учителей гимназій. Она заключаетъ въ себѣ рѣчь, составленную авторомъ для берлинской конференціи и состоящую въ рѣшеніи одного изъ поставленныхъ конференціей вопросовъ: насколько возможно, даже при уменьшеніи общаго числа учебныхъ часовъ, перенести центръ тяжести ученическихъ занятій въ классъ, особенно для младшаго возраста, посредствомъ интенсивнаго методическаго преподаванія?

Что касается до уменьшенія числа учебныхъ часовъ, то авторъ ограничивается замѣчаніемъ, что это уменьшеніе безъ измѣненія самой цѣли преподаванія древнихъ языковъ поведетъ только къ увеличенію домашней работы и нисколько не рѣшитъ вопроса о „переутомленіи“, которое въ данномъ случаѣ имѣется въ виду конференціей. Рѣшеніе же этого вопроса заключается, по мнѣнію автора, въ установленіи правильнаго отношенія домашнихъ занятій учениковъ къ занятіямъ класснымъ подъ руководствомъ учителя. На послѣдній пунктъ авторъ обращаетъ особое вниманіе и высказываетъ рядъ такихъ замѣчаній и педагогическихъ аксіомъ, которыя, по нашему мнѣнію, не могутъ не заинтересовать и русскаго педагога.

Классныя занятія, предварительно замѣчаетъ Шиллеръ, никогда не могутъ и не должны упразднить домашнихъ занятій ученика. Послѣднія должны дать уму и волѣ учащагося такое направленіе, какого не можетъ дать имъ школа, опираясь только на себя. Значеніе домашнихъ занятій для духовнаго развитія учащихся прекрасно охарактеризовано было еще въ постановленіи школьной медицинской коммиссіи отъ 10 дек. 1883 года. „Конечно, не все равно, говорится въ ея постановленіи, какая работа предлагается на домъ; одна механическая работа, напр. списываніе, простое заучиваніе наизусть, въ весьма малой степени и даже совсѣмъ не развиваетъ искусства самопомощи въ умственныхъ занятіяхъ. Ученикъ долженъ прежде всего выучиться самостоятельно пользоваться своимъ словаремъ, грамматикой и другими учебниками; онъ долженъ безъ торопливости упорядочить

запоминаемый матеріалъ, чтобы въ случаѣ надобности, воспроизводить его и создавать между отдѣльными фактами необходимую связь; онъ долженъ отдѣльное явленіе постигать во всевозможныхъ модуляціяхъ и критически отнестись къ каждой изъ нихъ. Такимъ-то путемъ развивается въ полной мѣрѣ способность и охота къ труду. Разумѣется, школа должна дать къ тому толчокъ и указать пути, но возлагать на нее задачу достигнуть всего существеннаго на урокахъ въ классѣ — значитъ указывать ей слишкомъ узкія цѣли". Такимъ образомъ домашнія занятія имѣютъ свое особое значеніе и особыя, хотя и обусловленныя классной работой, цѣли.

Несмотря однако на признаніе въ теоріи такого разграниченія этихъ двухъ видовъ ученическихъ занятій, педагогическая практика значительно расходится съ теоріей; предметомъ домашнихъ занятій на практикѣ часто дѣлается то, что должно служить предметомъ классныхъ занятій, вслѣдствіе чего первыя подчасъ бываютъ причиной обремененія учащихся.

Сознавая этотъ недостатокъ современной школы, Шиллеръ и дѣлаетъ попытку указать путь къ избавленію ея отъ указанной аномаліи. Попытка автора тѣмъ любопытна, что онъ не нарушаетъ основного характера гуманистической школы и остается на чисто дидактической почвѣ. Мы послѣдуемъ за нимъ въ его аргументаціяхъ и выводахъ.

При преподаваніи должно принимать въ соображеніе троякую духовную дѣятельность учащагося: воспріятіе (внѣшнее и внутреннее), мышленіе и воспроизведеніе (или упражненіе). Всѣ три эти вида дѣятельности должны входить въ каждый актъ ученія, такъ какъ изъ ихъ совокупности возникаетъ истинное знаніе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ есть и дѣятельная сила. Искусство учителя состоитъ въ томъ, чтобъ подготовлять этотъ процессъ ученія; но, дѣятельно помогая ученикамъ младшаго возраста, оно должно отступать на задній планъ по мѣрѣ того, какъ ученикъ становится все болѣе самостоятельнымъ духовно. Раньше всего можно предоставить ученику въ качествѣ самостоятельной дѣятельности (иначе говоря, домашней работы) дѣятельность воспроизведенія; позже всего — дѣятельность воспріятія и мышленія. Указать въ точности, когда должно сдѣлать послѣднее, разумѣется, невозможно, но такъ какъ для школы необходима схематизація, то приблизительно можно установить предѣлъ, основываясь на томъ наблюденіи, что у большинства учениковъ между 12 и 14 годами проявляется уже нѣкоторая самостоятельность воспріятія и мышленія.

Этотъ-то принципъ и долженъ быть регулирующимъ началомъ въ распредѣленіи классныхъ и домашнихъ занятій.

Переходя затѣмъ къ класснымъ занятіямъ, авторъ ставитъ вопросъ: что же надо понимать подъ интенсивнымъ методомъ преподаванія? и отвѣчаетъ на него такъ: подъ интенсивнымъ методомъ преподаванія надо разумѣть упрощеніе преподаванія на установленныхъ психологіей основаніяхъ безъ устраненія цѣнныхъ воспитательныхъ моментовъ преподаванія. Въ конкретномъ видѣ это требованіе представится такъ:

1) Учебный матеріалъ на всѣхъ ступеняхъ слѣдуетъ ограничить элементами знанія.

2) Такъ какъ знанія имѣютъ тѣмъ болѣе цѣнности для духовнаго развитія учащагося, чѣмъ въ большей зависимости они находятся отъ выводовъ изъ пріобрѣтенныхъ уже знаній или отъ наблюденій, которыя составляютъ основу воспріятія, то выработку знаній надо предоставить главнымъ образомъ преподаванію, которое должно вызывать къ дѣятельности умственныя силы учащихся; знанія эти должны служить исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшей работы.

3) Отдѣльные предметы преподаванія должно свести въ органическое цѣлое и тѣмъ преобразовать преподаваніе въ духѣ единства.

Для осуществленія требованій пунктовъ 1-го и 2-го авторъ прежде всего рѣшительно требуетъ замѣны практикующейся нынѣ предметной системы преподаванія системой классной, т.-е. предоставленія одному преподавателю возможно больше предметовъ (хоть бы и всѣхъ) въ одномъ классѣ. Онъ указываетъ на то зло, которое внесено въ нѣмецкую гимназію спеціалистами, ушедшими въ своихъ требованіяхъ далеко за предѣлы элементовъ знаній, нужныхъ для общеобразовательной школы. Упрекъ прежде всего относится къ древнимъ языкамъ, но и другіе предметы не чужды этого недостатка. Классная система, по мнѣнію автора, должна устранить изъ школы крайнюю спеціализацію въ преподаваніи и благодѣтельно отозваться на упрощеніи послѣдняго, не говоря уже о нравственныхъ послѣдствіяхъ этой реформы. Пока она не будетъ осуществлена, до тѣхъ поръ всѣ заботы объ ограниченіи учебнаго матеріала грамматики древнихъ и новыхъ языковъ, объ установленіи лучшихъ способовъ заучиванія вокабулъ, точныхъ программъ по отдѣльнымъ предметамъ и др. под. — не принесутъ благодѣтельныхъ послѣдствій, такъ какъ указанные вопросы лучше рѣшаются въ общемъ ходѣ обученія, на который именно и не обращается вниманія.

Существенное также значеніе для достиженія требованій 1-го и 2-го имѣетъ и правильно-методически поставленное преподаваніе отдѣльныхъ предметовъ. Мы останавливаемся на латинскомъ языкѣ, такъ какъ и авторъ останавливается на немъ ради примѣра. Было время (16-й и первая половина 17-го вѣка), когда этотъ языкъ изучался для чисто практической цѣли, ибо былъ языкомъ образованнаго общества. Тогда при изученіи латыни важную роль играли вокабуларіи и фразеологіи, грамматика же отодвигалась на задній планъ; legere, scribere, loqui — вотъ что нужно было для учениковъ, и эта цѣль достигалась единствомъ учебнаго матеріала и преподаванія. Въ нашъ вѣкъ потребности кореннымъ образомъ измѣнились Такъ назыв. формальное образованіе стало цѣлью обученія. Грамматика получила значеніе какъ практическая логика, письменный переводъ съ отеч. яз. какъ примѣненіе этой логики, и для упражненій въ немъ были составлены даже особыя книжки. При этомъ вокабуларіи и мн. др. осталось попрежнему какъ будто говорить по-латыни все еще составляло цѣль изученія языка. И вотъ начала все больше и больше сказываться разрозненность въ преподаваніи: одинъ матеріалъ находилъ ученикъ въ вокабуларіи, другой — въ хрестоматіи, еще другой—у автора, опять новый—въ книгахъ упражненій и грамматикѣ. А число учебныхъ часовъ, назначенныхъ для латинскаго языка;

все уменьшалось. Послѣдствіемъ всего этого явилось обремененіе памяти учениковъ массой разрозненнаго, ничѣмъ не связаннаго матеріала и жалобы на скудость результатовъ, достигаемыхъ обученіемъ. Новѣйшая педагогика вновь хочетъ возстановить прежнее единство, группируя все преподаваніе латинскаго языка вокругъ чтенія авторовъ. Задачей преподаванія лат. языка является уже ознакомленіе учащихся съ римской литературой; содержаніе авторовъ и хорошій ихъ переводъ на отечеств. языкъ составляютъ главное дѣло. Рядомъ съ этимъ преслѣдуются и цѣли „формальнаго образованія", но грамматика является уже только средствомъ и занимаетъ подчиненное положеніе. Слѣдствія, проистекающія отсюда, весьма значительны, но и теперь еще они не вездѣ сознаны и не вездѣ строго проведены въ школьную практику. Даже учебные планы (прусскіе 1882 г.), стоящіе на этой методической точкѣ зрѣнія, иногда допускаютъ другую тенденцію и содержатъ внутреннія противорѣчія. Для устраненія ихъ авторъ требуетъ:

1) полнаго изгнанія вокабуларіевъ и фразеологій. Языковой матеріалъ должно почерпать изъ чтенія авторовъ, ибо лат. яз. теперь изучается для чтенія и пониманія этихъ послѣднихъ. Это отразится на облегченіи домашнихъ работъ, такъ какъ несравненно легче изучать тѣ же вокабулы и фразы въ живой связи языка.

2) Всѣ упражненія должны примыкать къ чтенію авторовъ. Печатные тексты для переводовъ на лат. яз. должны быть замѣнены устными упражненіями (обратный переводъ и перифразы) въ связи съ читаемымъ текстомъ автора.

3) И грамматика должна примыкать къ чтенію. Лучше всего ученикъ пойметъ извѣстное явленіе языка, которое должно быть имъ усвоено, только тогда, когда онъ усматриваетъ его въ живой, связной рѣчи. Эта психологическая аксіома, къ сожалѣнію, слишкомъ часто забывается. Если бы ея не забывали, то ученики изучали бы грамматику при чтеніи автора подъ руководствомъ учителя путемъ собственнаго наблюденія и исходя отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, а не выучивали бы ее только догматически по учебнику. Лишь первымъ путемъ — его называютъ индуктивнымъ — и изощряется самостоятельность наблюденія и мышленія. Но при этомъ достигается еще двоякая выгода. Во-первыхъ, вся грамматика выучивается при чтеніи, не отнимая особыхъ часовъ, и, во-вторыхъ, само собой и единственно-раціональнымъ путемъ достигается ограниченіе учебнаго матеріала тѣми явленіями, которыя нужны ученику для пониманіяавтора. При этомъ можно и не отказываться отъ систематики; ученики время отъ времени могутъ обозрѣвать систематически всѣ попадавшіяся явленія, но опять-таки подъ руководствомъ учителя.

Всѣ указанныя мѣры были осуществлены авторомъ въ своей гимназіи и черезъ 13 лѣтъ онѣ дали слѣдующіе результаты: ученики обнаруживали хорошее пониманіе авторовъ и не особенно обширныя, но зато очень прочныя свѣдѣнія изъ языка и реалій.

Что сказано о латинскомъ языкѣ, то Шиллеръ считаетъ обязательнымъ и для другихъ языковъ. Но въ виду упрощенія преподаванія языковъ въ гимназіяхъ, авторъ считаетъ нужнымъ высказать одно соображеніе общаго свойства. Если, говоритъ онъ, при изученіи какого-либо языка изучены основы его грамматики, то при изученіи грамматики другихъ языковъ упоминанія заслуживаютъ только ихъ особенности сравнительно съ языкомъ изученнымъ. Педагогика давно уже сознала это, и краткая параллельная грамматика весьма желательна. Но все сдѣланное въ этой области удовлетворяетъ скорѣе требованіямъ науки, нежели преподаванія. Пока нѣтъ такой идеальной грамматики, существующія грамматики должны подвергаться сокращеніямъ и упрощеніямъ. Авторъ при этомъ считаетъ нужнымъ упомянуть, что для потребностей его гиссенской гимназіи греческій синтаксисъ изложенъ на $6^1/_2$ страницахъ, при чемъ главную часть его составляетъ собраніе примѣровъ въ метрической формѣ, которое можно назвать сборникомъ нравственныхъ изреченій грековъ.

На этомъ мы заканчиваемъ свой рефератъ о любопытной брошюрѣ Шиллера; мы не исчерпали и половины ея содержанія: такъ мы совсѣмъ не коснулисъ третьяго пункта, гдѣ авторъ высказываетъ оригинальный и глубокомысленный взглядъ на объединеніе всѣхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ отдѣльныхъ классахъ, въ одно органическое цѣлое, проникнутое опредѣленной идеей, при чемъ мимоходомъ касается многихъ весьма важныхъ сторонъ школьнаго обученія. Но за всѣмъ этимъ любопытныхъ отсылаемъ къ самой брошюрѣ.

А. В. А.

III. ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

а) Русскіе журналы.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. LX (1891). 4, 5, 6 (апр., май, іюнь).

4. Критика и библіографія. — **S. Sobolewski,** De praepositionum usu Aristophaneo, стр. 437—447. „Не удивительно, что работа, исполненная такъ добросовѣстно, съ такимъ знаніемъ и умѣніемъ, дала не мало результатовъ, полезныхъ и для греч. грамматики, и для изученія Аристофана, и для разныхъ другихъ отдѣловъ греч. филологіи (напр. метрики)". *П. Н.* — Книжныя новости. **Н. Благовѣщенскій,** Винкельманъ и позднія эпохи греч. скульптуры, стр. 463. „Кромѣ солидной учености, авторъ обнаруживаетъ и блестящій даръ изложенія". — Отдѣлъ класс. филологіи. **С. Селивановъ.** Нѣсколько неизданныхъ родосскихъ надписей, стр. 1—24. Текстъ шести надписей и толкованіе ихъ особенно по отношенію къ алфавиту. Въ заключеніи высказывается догадка, что Артемида Кекійская почиталась въ мѣстности, назыв. нынѣ Еримокекія (= *Ἐρημοκέκοια*). — **Ѳ. Мищенко,** къ Полибію, стр. 25—32. Указавъ на важность VI кн. Полибія и на разнообразіе источниковъ, изъ коихъ она была возстановлена, авторъ переходитъ къ толкованію VI, 19,2—3 (ed. Hultsch), гдѣ признаетъ пробѣлъ передъ *τῶν λοιπῶν*, понимаетъ *πεζοί* въ обоихъ случаяхъ какъ противоположеніе *ἱππεῦσι* и вм. *εἴκοσι* читаетъ (вм. съ Казобономъ) *δεκαέξ* (= *ἓξ καὶ δέκα*, Bütner); и въ VI, 24,4: *τῶν δὲ γροσφομάχων τοὺς ἐπιβάλλοντας κατὰ τὸ πλῆθος ἴσους ἐπὶ πάντα τὰ μέρη διένειμαν* принимаетъ переводъ Казобона: velites vero, prout ipsorum numerus est, aequabiliter in omnes partes dividunt (считая неточнымъ переводъ Швейггейзера). — **О. Шеборъ,** Къ Плавту, стр. 33—44, Въ *Aulul.* 425 читаетъ: Tene! Co. — At hercle cum magno malo tuo, si hoc caput sentit, гдѣ tene приписывается Евкліону (вм. sine, относимаго къ словамъ Конгріона). Но вѣрнѣе всего, что послѣ sine въ рукоп. пропускъ, можетъ быть читалось такъ: Co. Sine. Eu. At nón sinam, scelús viri: iam vápulabis. Co. At hércle etc. **В. Владиславлевъ,** Изъ римскихъ поэтовъ. Изъ Марціала, Катулла и Бибакула (перев. въ стих.), стр. 45—48.

5. М. Куторга, Изъ неизданныхъ его сочиненій, стр. 78—120. Водвореніе на Западѣ изученія эллинства съ эпохи Возрожденія, гл. 1—3; въ послѣдней гл. идетъ рѣчь о дѣятельности Димитрія Халкондила, Іоанна Ласкариса, Альда Мануція и др. издателей эллин. авторовъ въ XV и XVI в. — Критика и библіографія. **B. Latyschev,** Inscriptiones antiquae

orae septentr. Ponti Euxini. vol. II, стр. 171—182. „Обширный эпиграфич. матеріалъ... нынѣ собранъ воедино въ надежной и вѣрной обработкѣ". *Юл. Кулаковскій.* — Отдѣлъ класс. филологіи. **И. Холоднякъ,** Horat. Sat. II, 3,25—32, стр. 49—57. Авторъ комбинируетъ роли Дамасиппа и Горація слѣд. обр. Damas. ...unde frequentia Mercuriale Imposuere mihi cognomen compita. Horat. Novi Et miror, morbi purgatum te illius; atqui Emovit veterem mire novus.... Damas. Ut solet: in cor Traiecto lateris miseri capitisve dolore.... Horat. Ut lethargicus hic, cum fit pugil, et medicum urget; Dum ne quid simile huic, esto ut libet! Damas. O bone, ne te etc. — „Аѳинское государственное устройство" Аристотеля, русск. переводъ, гл. 1—18, стр. 58—70.

Ѳ. М. Куторга, Изъ неизданныхъ его сочиненій (продолж., гл. 4—6), стр. 216—251. Эллинство за предѣлами Альпъ, Агрикола, Эразмъ, Рейхлинъ, Скалигеръ и др. Эллинская литература у византійскихъ грековъ; новогреч. языкъ. Вліяніе изученія эллинства на развитіе европейскихъ народовъ. — Отдѣлъ классич. филологіи. — „Аѳинское государственное устройство" Аристотеля (перев.), гл. 18—28, стр. 71—79.— **И. Нетушилъ,** Объ основныхъ значеніяхъ греческихъ временъ, стр. 81—108. Категорія временъ, равно какъ морфологическое ея обозначеніе при индо-европ. глаголѣ есть явленіе позднѣйшее. Основное понятіе, обусловившее первоначальное главное различіе глагольныхъ формъ въ инд. языкахъ есть понятіе совершеннаго и несовершеннаго видовъ. Эти виды употребляются сообразно съ тѣмъ, желаетъ ли говорящій отмѣтить только исходный или заключительный моментъ какого-либо дѣйствія, или же наоборотъ — все протяженіе времени, въ теченіе котораго развивалось дѣйствіе, и рѣзко отличаются отъ того, что мы называемъ теперь временемъ.— Установивъ для греч. языка только двоякій видъ дѣйствія, авторъ затѣмъ разсматриваетъ времена a) соверш. вида, b) несоверш. вида и c) „времена, составляющія сравн. позднія нововведенія"— perf. и fut.

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета. LVIII (1891). Кн. вторая и третья.

Кн. 2. В. Л. Переводы изъ греческихъ поэтовъ (размѣромъ подл.), стр. 64—74. Изъ стихотвореній Солона. Седмицы человѣческой жизни. — Стих. Эзопа.— Эпиграммы Демодока — Изъ анакреонт. пѣсенъ. Ужаленный Эротъ. — Изъ Ѳеокрита. Идилліи: VIII (Пѣвцы Дафнидъ и Меналкъ). XXI (Рыбаки).— На смерть Адониса (стих. неизв. поэта).— **Д. Шестаковъ.** Аѳинско-аргосскій союзный договоръ 420 года до Р. X. и передача его Ѳукидидомъ, стр. 75—92. Вопреки Кирхгофу (Hermes XII, 368 слѣд.) доказывается, что подлинный текстъ надписи, содержащей отрывки этого договора (найденной на аѳ. акроп. въ 1877 г.), не даетъ намъ ни въ одномъ мѣстѣ к.-л. дополненія или поправки къ содержанію договорнаго акта у Ѳукидида (V, 43—46), всѣ уклоненія котораго отъ надписи ограничиваются незначительными измѣненіями въ слогѣ, вызванными стре-

мленіемъ къ простотѣ и сжатости литературнаго изложенія.— **Крит. и библ.** *Ἀθηναίων πολιτεία* Аристотеля, стр. 275—287. Послѣ краткаго изложенія содержанія *Д. Б.* отмѣчаетъ важность трактата для исторіи аѳинскаго государственнаго устройства.

Кіевскія Университетскія Извѣстія. XXXI (1891), 1—6 (янв.—іюнь).

№ 1. С. Лихотинскій, Очеркъ употребленія причастій у Тацита. Гл. I (вмѣсто введенія). Общія замѣчанія о причастныхъ оборотахъ.— Выводы сводятся къ слѣд. Причастные обороты, имѣя основнымъ своимъ назначеніемъ обозначать рядъ дѣйствій, независимыхъ другъ отъ друга и „связанныхъ" между собою только послѣдовательностію во времени, находятъ однако примѣненіе въ двухъ случаяхъ, гдѣ требуется обозначить, повидимому, не одну только послѣдовательность фактовъ, именно: гдѣ обозначаемые факты находятся между собой въ т.-наз. „противительномъ" отношеніи и 2) гдѣ они представляются вліяющими на дальнѣйшія дѣйствія. Такимъ образомъ являются зачатки перехода причастныхъ констр. въ тѣ области, которыя принадлежатъ собственно инымъ построеніямъ, но при этомъ значеніе ихъ и формы (т.-е. формальныя условія употребленія) остаются неизмѣнными. У Тацита же замѣчается и развитіе самыхъ формъ прич. конструкцій.

№№ 5 и 6. А. Гиляровъ. Источники о софистахъ. Платонъ, какъ историческій свидѣтель. (Это изслѣд. вышло отдѣльной книгой; см. ниже „Новыя книги").

Русскій Филологическій Вѣстникъ, (XIII) 1891. 1, 2.

№ 2. М. Покровскій, Лингвистическія замѣтки въ области латинской грамматики, стр. 272—287. § 1. Взаимодѣйствія во второмъ и четвертомъ склоненіяхъ. Главной причиной этого взаимодѣйствія авторъ считаетъ старинную двойственность основы во многихъ именахъ (напр. domus и мн. др.) и категоріяхъ именъ (им. на tus, отглаг. сущ. съ основой на tu- и др.). § 2. Связь основъ на tu- и на ti- (t-); основа на u- параллельно съ основой на согласную безъ u. Этими явленіями объясняются образованія, какъ alituum, ritu и rite, noctu и nocte.

Гимназія. IV (1891), 4—6 (въ одной книгѣ).

H. Schiller, Методика преподаванія предметовъ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ (перев., продолженіе), стр. 67—108. Преподаваніе родного языка; въ V кл. рекомендуются сочиненія на темы изъ Цезаря или Овидія, которыя должны быть подготовлены на урокѣ латинскаго автора. Переводы изъ Овидія и Цезаря на родной языкъ не рекомендуются. — **К. Ф. Негельсбахъ,** Вѣроученіе Гомера, перев. подъ ред. Г. Янчевецкаго, XXI+12. — **М. Куклинъ,** Къ вопросу о веденіи письменныхъ упражненій по древнимъ языкамъ, стр. 50—62. Авторъ разъясняетъ нѣкоторые пункты учебн. плановъ, касающіеся переводовъ съ

древнихъ яз. и на древніе языки. Что касается первыхъ, то, по мнѣнію автора, достаточно восьми такихъ работъ въ годъ, но слѣдуетъ въ этомъ предоставить свободу преподавателю; если послѣдній плохо владѣетъ русскимъ яз., то ему лучше дѣлать поменьше письменныхъ переводовъ. Кромѣ цѣльныхъ отрывковъ, уже въ младшихъ классахъ (лат. съ III, греч. съ IV кл.) можно предлагать для перевода отдѣльныя предложенія (исправлять въ классѣ же). Работу слѣдуетъ производить обычнымъ порядкомъ, аккуратно и грамотно; исправленіе ея учителемъ русскаго яз. едва ли необходимо, ибо главная цѣль такой работы — пониманіе текста. Для урегулированія требованій признается важнымъ просмотръ этихъ работъ (по временамъ) директоромъ. — **С. Гинтовтъ,** Условія, при которыхъ изученіе древнихъ языковъ въ гимназіяхъ можетъ имѣть общевоспитательное значеніе, стр. 63—70. При выборѣ автора (или его сочиненія) для чтенія должно руководиться только педагогическими соображеніями о его воспитательномъ значеніи; напр. рѣчь Цицерона pro Roscio Amerino не соотвѣтствуетъ воспитательнымъ цѣлямъ. — **С. Воскресенскій,** Изъ жизни классической школы, стр. 70—75. Разумное чтеніе авторовъ съ пользою для развитія учениковъ не возможно безъ обстоятельнаго знанія грамматики.—Нельзя ограничиваться только переводами новаго и нечитаннаго, безъ предварительной подготовки, чтобы прочесть больше, ибо это ведетъ къ полузнанію. — Недостаточность теоретическаго знанія рус. яз. мѣшаетъ ученику отчетливо усвоивать синтаксисъ древнихъ яз., которые должны проходиться параллельно. — **П. Первовъ,** Преподаваніе латинской грамматики. III. Спряженіе глаголовъ. 1. Залогъ, стр. 75—85. Съ одной стороны несоотвѣтствіе залоговъ въ латинскомъ и русскомъ языкахъ и съ другой стороны невозможность, при первоначальномъ ознакомленіи съ лат. языкомъ, различать смысловыя категоріи (= залоги) лат. глагола (если мы ихъ и различаемъ, то основываемся исключительно на русскомъ значеніи слова), заставляетъ 1) установить строгое различіе между залогомъ и тою другою грамматич. категоріей, которая смѣшивается съ залогомъ и неправильно называется его именемъ, и 2) свести смысловую категорію залога на формальную категорію рода глагола, какъ единственно доступную для непосредственнаго пониманія. Терминомъ для обозначенія формальныхъ грамматич. категорій авторъ беретъ genus (родъ) и устанавляетъ ихъ двѣ: genus activum (по-русски простой родъ, amo, fio) и genus passivum (сложный родъ, amatus sum, hortor, morior). — Критика. **Н. Санчурскій,** Латинская грамматика, ч. 1 и 2, стр. 138—142. Этимологія при весьма маломъ объемѣ даетъ въ простой формѣ все необходимое для пониманія авторовъ. Полезны и прибавленныя къ ней „начальныя правила синтаксиса" (особ. для 2-го кл.). *С. Гинтовтъ.* — Horatii Carmina, rec. I. Schebor, стр. 142—143. „Цѣнный вкладъ въ нашу филологическую литературу". *С. Гинтовтъ.* — Латинская грамматика **Ходобая,** въ обраб. А. Адольфа, стр. 143—147. „Послѣдняя обработка, нужно надѣяться, еще болѣе упрочитъ популярность этого учебника". *М. Куклинъ.*—41-й съѣздъ нѣмецкихъ филологовъ и педагоговъ въ Мюнхенѣ, **С. Николаева.**

Вѣра и Разумъ. VIII (1891), 7—12 (апрѣль, май, іюнь).

№№ 9 и 12. Отд. философіи. **И. Корсунскій,** Ученіе Аристотеля и его школы (перипатетической) о Богѣ (продолженіе, В. и Р. VII, № 23 и VIII, № 6), стр. 361—384, 518—538. Изложивъ самое ученіе Аристотеля о божествѣ, авторъ разсматриваетъ отношеніе философа къ народной религіи и отмѣчаетъ при этомъ, что Ар., относясь къ народной религіи положительно, различалъ въ ней *θεῖον* и *μυθικόν,* а въ миѳахъ старался отыскать религіозно-философскую идею. Затѣмъ разъясняется отношеніе Аристотеля къ его предшественникамъ, Анаксагору и Платону, и наконецъ вкратцѣ излагаются взгляды на божество учениковъ Аристотеля и послѣдователей его школы.

№ 12. Отд. философіи. **А. Введенскій,** Демоніонъ Сократа, стр. 483—517. Послѣ разсмотрѣнія исторически засвидѣтельствованныхъ фактовъ проявленія демоніона въ жизни Сократа, авторъ переходитъ къ психологическому объясненію этого феномена. Авторъ считаетъ демоніонъ сложнымъ психологическимъ явленіемъ и видитъ въ немъ слѣдующіе психологическіе моменты: 1) интуицію, т.-е. усмотрѣніе въ себѣ полусознательныхъ воспріятій, — чувствованій, идей и т. п.; 2) доходившую до паѳоса, энтузіазма любовь Сократа (эросъ) къ истинѣ и благу, обусловливавшую живость интуиціи, и ея частную форму — симпатію, обусловливавшую живость предчувствія по отношенію къ другимъ; 3) вѣру въ божественный характеръ явленія и, наконецъ, 4) нѣкоторую психологическую иллюзію, т.-е. невольную объективацію субъективнаго процесса. Съ метафизической точки зрѣнія г. Введенскій склоненъ видѣть въ демоніонѣ дѣйствіе Высшей Силы, проявившейся въ Сократѣ, какъ одна изъ формъ естественнаго откровенія Божія.

Прибавленія къ Твореніямъ Святыхъ Отцевъ въ русскомъ переводѣ, изд. Моск. Духовной Академіи, 1891, кн. I—IV.

Кн. IV. I. Татарскій, Религіозный элементъ въ эпосѣ Гомера, стр. 577—620. Отмѣтивъ то огромное значеніе, какое для естественнаго образованія религіозныхъ представленій древнихъ грековъ имѣлъ гомеровскій эпосъ, гдѣ прежнее космогоническое и чисто стихійное значеніе эллинскихъ божествъ уступаетъ мѣсто развитію духовныхъ характерныхъ свойствъ каждаго бога въ его личныхъ сношеніяхъ съ человѣкомъ, авторъ задается цѣлью показать, какъ это осуществилъ Гомеръ (гл. I) и какимъ образомъ миѳологія, просвѣтленная у него поэзіей, въ свою очередь благопріятно отразилась на человѣческомъ кругѣ его эпопей (гл. II). Великую заслугу Гомера авторъ полагаетъ въ томъ, что онъ въ своемъ эпосѣ сдѣлалъ наглядною высокую истину божественнаго руководительства въ важнѣйшихъ предпріятіяхъ человѣка при полномъ сохраненіи послѣднимъ своей индивидуальной независимости.

Историческій Вѣстникъ, XII (1891). 4, 5, 6 (апрѣль, май, іюнь).

Кн. 4. Отдѣлъ критики и библіографіи. Новый источникъ для исторіи Аѳинъ (по поводу Кеніонова изд. новооткрытаго трактата Аристотеля), стр. 241—244. *А. Н. Деревицкій* вкратцѣ излагаетъ содержаніе трактата и отмѣчаетъ его важное значеніе для исторической науки.

Кн. 6. Отдѣлъ критики и библіографіи. **І. Г. Дройзенъ,** Исторія эллинизма, перев. М. Шелгунова съ французскаго изданія. Т. I. Исторія Александра Великаго. М. 1891 г., стр. 738—740. Это выдающееся научное сочиненіе страдаетъ основнымъ недостаткомъ: пристрастіемъ къ личности Александра Великаго и преувеличеніемъ воздѣйствія на восточные народы занесенныхъ къ нимъ Александромъ началъ эллинской образованности. *С. А—въ.*

Пантеонъ Литературы, IV (1891). 1, 2.

2. Лукіанъ въ пер. **В. Алексѣева** (XI—XVIII). Зевксидъ, Гармонидъ, Скиѳъ, О печали по умершимъ, Гиппій, Гераклъ, Разговоръ съ Гесіодомъ, Желанія. — Послѣдняя элегія Проперція (IV, II), переводъ размѣр. подл. **А. Адольфа.**

Русское Обозрѣніе, II (1891). 4, 5, 6 (апрѣль, май, іюнь).

Кн. 6. Отдѣлъ критики и библіографіи. Марціалъ. Біографическій очеркъ графа **Олсуфьева,** стр. 913—918. „Трудъ гр. Олсуфьева является весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ русской филологической науки". *Д. Павловъ.*

Русскій Вѣстникъ. Томы 212, 213, 214 (1891), кн. 1—6 (янв.—іюнь).

Кн. 4. Отдѣлъ критики. Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. **Н. М. Благовѣщенскаго,** Спб. 1891, стр. 372—385. „И въ этомъ новѣйшемъ трудѣ мы встрѣчаемъ всѣ выдающіяся достоинства учено-литературнаго таланта нашего маститаго автора, его широкое эстетическое образованіе и прелесть его изящнаго, художественнаго слова, какимъ владѣютъ немногіе". *И. Цвѣтаевъ.*

Кн. 6. Н. А. Любимовъ, Изученіе природы въ древности и въ новое время, стр. 3—43 (продолженіе, см. Р. В. 1890 г. кн. 9). Гл. V. Платоново-Аристотелево міровоззрѣніе. Общая характеристика ученія Платона. Гл. VI. Вѣрованія Платона. Гл. VII. Философское ученіе Платона.

Русская Мысль, (XII) 1891. 4, 5, 6 (апрѣль, май, іюнь).

Кн. 4. Отдѣлъ библ. Aristotle on the const. of. Athens, ed. by Kenyon 1891. Содержаніе и значеніе трактата — очень важны.

Кн. 5. Отдѣлъ библ. **И. М. Благовѣщенскій**, Винкельманъ и т. д. „Интересный предметъ, умное изложеніе, прекрасно исполненные рисунки пророчатъ книгѣ успѣхъ среди любителей изящнаго".

Кн. 6. Отдѣлъ библ. Histoire ancienne. Egypte, Assyrie, par. **S. Maspero.** P. 1890. Книга заслуживаетъ особаго вниманія, какъ полезное чтеніе для юношества.

Наблюдатель, X (1891), 1—6 (январь—іюнь).

Кн. 3. Отдѣлъ „Новыя книги". **Дройзенъ,** Исторія эллинизма, пер. М. Шелгунова. Т. I, М. 1891. Въ книгѣ есть излишнія примѣчанія и приложенія. Основная мысль сочиненія, что походы Александра распространили на Востокѣ эллинизмъ, есть парадоксъ. Языкъ перевода правильный и литературный.

Кн. 6. Отдѣлъ „Новыя книги". Исторія педагогики, **Карла Шмидта.** Т. I. До-христіанская эпоха. Перев. Э. Циммермана. М. 1891. Переводъ этого классическаго сочиненія по педагогикѣ, сдѣланный тяжелымъ, часто неправильнымъ языкомъ, несмотря на его недостатки, нужно признать цѣннымъ пріобрѣтеніемъ.

b) Иностранные журналы.

Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes. XV (1891), livr. 1. 2.

1. H. Weil, Du discours de Lysias sur le rétablissement de la démocratie athénienne, p. 1—5. Отдавая должное изданію рѣчи *Περὶ Λυσίου* Діонисія Галикарнасскаго, выполненному гг. Desrousseaux и Egger на основаніи коллаціи всѣхъ манускриптовъ, авторъ указываетъ на возможность иного толкованія и чтенія нѣкот. мѣстъ. — **L. Havet,** Laeviana, p. 6—13. Критическія замѣтки.— **L. Vernier,** La versification latine populaire en Afrique: Commodien et Verecundus, p. 14—33. Особенность указ. авторовъ заключается въ произвольномъ пользованіи долгими и краткими гласными, различіе между которыми въ ихъ время, повидимому, было утрачено: Верекундъ, начиная стихъ съ Cúr ăbórtivó, думалъ, что онъ подражаетъ Виргиліеву aút illaúdatí, ибо слова эти имѣютъ одинаковое число слоговъ и одинаковую акцентуацію, краткости же а онъ не чувствовалъ. — **O. Riemann,** Remarques sur diverses questions de syntaxe latine (продолженіе), p. 34—40. Описаніе inf. на urum esse замѣняетъ собой coniunct. potentialis (scribam), а на urum fuisse — conj. irrealis imperf. и plusquamp. (и scriberem и scripsissem), что подтверждается примѣрами. Примѣровъ же, гдѣ бы inf. на urum esse замѣнялъ conj. irrealis imperf. — нѣтъ, ибо четыре существующихъ примѣра (изъ Цицерона и Цезаря) сомнительны [у Цезаря, De bello gall. V, 29,1-я Vassis читаетъ Eburones.... venturos (т.-е. fuisse). Sese (вм. esse) non hostem etc.].— **Fr. Plessis,** Propertiana, p. 41—45. Толкованіе мѣстъ IV, 1,17—20, гдѣ

celebrare (ст. 19) принимается за infin., зависящій отъ nulli cura fuit, a Palilia qualia nunc — дополненіе къ celebrare; accenso faeno (ст. 19) = причемъ зажигались соломенные костры (черта, характеризующая древнія Палиліи). — IV, 1,78: авторъ читаетъ: aversis lacrimas (глаголъ) chartis; aversus Apollo. — II, 1,37—38 — необычное значеніе hic и ille подтверждается стихами изъ Ovid. Trist. I, 2,23 - 24. — II, 13,19: авторъ читаетъ nec multa longa etc. — **J. Martha,** Note sur la composition du ch. XIV du „Brutus", p. 46—50. Возраженія на статью Г. Іордана (въ Hermes, VI, p. 196—213). — **H. d'Arbois de Jubainville,** Juliae Alpis ou Vallis Duriae, p. 51—55. Отвергается поправка Мадвига, читавшаго у Ливія V, 34, 8, per Taurinos saltus vallemque Duriae Alpis transcenderunt (Галлы въ Италію ок. 400 г. до Р. Хр.) вм. per Taurinos saltusque Juliae Alpis transcenderunt, гдѣ заключается, повидимому, несообразность, ибо Alpis Iulia и Taurini далеки другъ отъ друга; но, м. б., Ливій имѣлъ въ виду двѣ арміи галловъ, вступившихъ сразу въ Италію съ сѣв.-вост. и сѣв.-зап. — **S. Dosson,** A propos de la question de Tacite, p. 56—58. Цитатами изъ писателей начала XV в. по Р. Хр. доказывается, что уже тогда сочиненія Тацита были извѣстны (вопреки мнѣнію—Hochart'a). — **E. Audouin,** Note sur quelques passages du „De bello civili", p. 59—60. Къ I, 15, гдѣ данныя Цезаремъ цифры для гарнизона Корфинія расходятся съ показаніями Помпея (Cic. ad Att. VIII, 11 A и др.), что 12 когортъ было у Домиція, 14 у Вибуллія и 5 у Гирра; авторъ отдаетъ предпочтеніе показанію Помпея. — Къ I, 30: соглашается съ поправкою Гофмана „cum legionibus II" вм. III. — **L. Havet,** Noniana, p. 61—64. — **L. Havet,** Enniana, p. 65—75. Критич. замѣтки. — **G. Doncieux,** De qui sont les élégies 2—6 du livre IV de Tibulle, p. 76—81. Элегіи 2, 4, 6 исходятъ отъ одного Тибулла, 7—12 принадлежитъ только Сульпиціи, 3 и 5 — обоимъ вмѣстѣ, причемъ первой принадлежитъ идея, чувство, нѣсколько выразительныхъ стиховъ, а второму — композиція и прелесть поэзіи. — **G. D.,** Examen d'une correction de Baehrens à la „Vita Tibulli", p. 82. Вм. Albius Tibullus, eques regalis Бэренсъ предложилъ A. T., eques R. e Gabis, гдѣ R. = Romanus, (откуда ясно возникновеніе рукоп. *regalis*) но грамм. вѣрнѣе будетъ: eques R. Gabis; во всякомъ случаѣ теперь понятны слова Горація въ Epist. I, 4 къ Альбію (Тибуллу): in regione Pedana, ибо Габіи лежатъ между Пренесте и Педумомъ. — **O. R.,** Platon, République, III, p. 405, b—c, p. 83—84. Въ словахъ Сократа послѣ *νυστάζοντος δικαστοῦ*; R. прибавляетъ *ἢ οὔ*; — чѣмъ и объясняется слѣдующій отвѣтъ Главкона. — Bulletin bibliographique, p. 86—96. — Въ приложеніи обзоръ нѣмецкой журн. литературы за 1890 г., p. 1—16.

2. R. Dareste, Un nouveau fragment des lois de Solon, p. 97. Въ новыхъ женевскихъ схоліяхъ къ Гомеру читаются слѣд. слова Солона: *ἐξούλης· ἐάν τις ἐξίλλῃ ὧν ἄν τις δίκῃ νικήσῃ, οὗ ἂν ἄξιον ᾖ, καὶ εἰς δημόσιον ὀφλανεῖ καὶ τῷ ἰδιώτῃ, ἑκατέροις.* — **B. Haussoullier,** Aristote *Ἀθηναίων πολιτεία*, p. 98—100. Возстановляетъ текстъ о дикастеріяхъ, по Кеніону, p. 161—162. — **A. Jahn,** Chemica graeca, e codic. mss. Monacensi 112

et Bernensi 579, p. 101—115: текстъ и критич. примѣч. на латинск. яз. — **J. Keelhoff**, *Ἔπιπλα, ἐπίπλοα*, p. 116. К. возстановляетъ у Herodot. I, 94 *ἔπιπλα* вм. *ἐπίπλοα*, нигдѣ болѣе не встрѣчающагося.— **L. Vernier**, Notes sur Commodien, p. 117—130. Критич. замѣтки. — **L. Havet**, Acciana, p. 130, 131. Критическія замѣтки. — **H. Lebègue**, Nouveaux problèmes de comput, p. 132—138. Замѣтки и поправки къ подписямъ на среднев. рукописяхъ древ. авторовъ, опредѣляющимъ время ихъ происхожденія. — **Colonel Stoffel**, Remarques sur l'ouvrage intitulé: Das Kriegswesen Cäsars, par M. Franz Fröhlich, p. 139—155. Указываются нѣкоторыя погрѣшности этой книги. — **J. Psichari**, Sophocle, El. 1—10 et 159, p. 155—156. Переходъ нѣсколькихъ километровъ на протяженіи десяти стиховъ объясняется устройствомъ сцены: нѣсколько шаговъ, сдѣланныхъ актерами, производили, безъ труда, иллюзію перемѣщенія ихъ изъ одного города въ другой (ст. 1—10: Аргосъ, храмъ Геры, Микены). Къ ст. 159 *κρυπτᾶ τ' ἀχέων ἐν ἥβα*, по сравн. со ст. 19, дается переводъ „несчастная юность“ (jeunesse de malheurs = jeunesse malheureuse).—Bulletin bibliographique, p. 156—160.—Въ приложеніи обзоръ нѣмецкихъ журналовъ (продолженіе), p. 17—64.

Revue des études grecques. Tome IV, (1891). №№ 13, 14.

№ 13. Association pour l'encouragement des études grecques en France, p. I—XXXII. Уставъ общества.— Рѣчь президента Масперо. — Отчетъ секретаря за 189⁰/₁ годъ, изъ коего видно, что трудъ Б. В. Латышева Inscriptiones etc., за свои крупныя достоинства, награжденъ половинной преміей Зографа. — Денежный отчетъ и списокъ членовъ-учредителей. — **R. de Tascher**, Les cultes ioniens en Attique et les origines de l'histoire athénienne, p. 1—23. Являясь сторонникомъ гипотезы о переселеніи іонянъ въ Аттику изъ Малой Азіи черезъ острова, авторъ ищетъ подтвержденія ея въ мѣстныхъ аттическихъ религіозныхъ преданіяхъ и культахъ іоническихъ боговъ и героевъ (Аполлонъ, Посейдонъ, Ксуөъ, Іонъ, Эгей, Өесей, Эрисихтонъ). Мѣстности, гдѣ ихъ культъ сохранился въ историческую эпоху, указываютъ на путь іонянъ (восточное побережье Аттики), а преданія — на ту борьбу, которую пришлось вести пришлымъ богамъ съ туземными. *Ἀπόλλων πατρῷος* явился, вѣроятно, во время уже окончательнаго сліянія іонянъ съ автохтонами. Исторія Өесея является отголоскомъ революціи въ соціальныхъ и политическихъ условіяхъ страны, а самъ онъ миөич. олицетвореніемъ древне-іоническаго элемента. — **Sylvain Lévi.** La Grèce et l'Inde d'après les documents indiens p. 24—45. Въ памятникахъ древняго Индостана находимъ много указаній на то впечатлѣніе, которое оставили греки (Yavana по инд. произношенію = *Ἰάϝονες*) среди индусовъ, при своемъ соприкосновеніи съ ними. Но дѣятельныя сношенія грековъ съ Индіей начались уже послѣ Александра Македонскаго. Греки имѣли большое вліяніе на науки, искусства и м. б. на литературу индусовъ. Греціи также обязана Индія той извѣстностью, которою она пользовалась въ средніе вѣка. Авторъ дѣлаетъ много экскур-

совъ въ область лингвистики и приводитъ массу словъ и собственныхъ именъ, перешедшихъ отъ грековъ въ индостанскія языки. **A. H. Sayce.** Inscriptions grecques d' Égypte. p. 46—57. **Charles Baron.** De l'unité de composition dans le Phèdre de Platon p. 58—62. Небольшая замѣтка, въ которой авторъ доказываетъ единство композиціи въ указ. діалогѣ, основная мысль котораго — вести къ благу черезъ любовь. — Notes et documents. — **H. Omont,** L'edition de la palaeographia Graeca de Montfaucon, p. 63—69. — **E. Legrand,** Poésies inédites de Theodore Prodrome, p. 70—73; Contribution a la biographie de Simon Portius, p. 74—81. — **Th. Reinach,** La constitution de Dracon et la constitution de l'an 411, d'après Aristote, p. 82—85. Въ изложеніи Драконовой конституціи у Арист. *Ἀθην. πολ.* гл. 4 авторъ видитъ тенденціозную интерполяцію какого-то приверженца умѣренной олигархіи, который для чаемой имъ конституціи желалъ имѣть историческій прецедентъ. Авторъ исправляетъ текстъ Кеніона посредствомъ радикальныхъ перестановокъ предложеній. — **Th. Reinach,** Un poème grec sur la mort de Louis XVI, p. 86—88. Стихотвореніе изъ 53 гексам. взято изъ современнаго событію журнала *Ἐφημερίς*, изд. въ Вѣнѣ.

№ 14. D-r G. Costomiris, Études sur les écrits inédits des anciens médecins grecs, p. 97—110 (продолженіе, см. ib. II, p. 343; III, p. 145). Рѣчь идетъ о врачахъ: Александрѣ софистѣ и царѣ (Алекс. Великій обладалъ медицинскими познаніями), Тимоѳеѣ грамматикѣ, Львѣ философѣ, Ѳеофанѣ Ноннѣ и о *τὰ ἐφόδια* (переводъ съ арабскаго, конца X в.) и ихъ рукописяхъ. — **G. Schlumberger,** Sceaux byzantins inédits, p. 111—142. (см. ib. II, p. 245), съ рисунками медалей. — **Th. Reinach,** Aristote ou Critias, p. 143—158: Главы: IV (о законодательствѣ Драконта), начало гл. VIII (о выборной системѣ, введенной Солономъ) и большую часть гл. XXV (о роли Ѳемистокла въ политическомъ приниженіи Ареопага), изъ недавно найденнаго соч. *Ἀθηναίων πολιτεία* авторъ считаетъ не согласными съ исторической истиной и не принадлежащими Аристотелю; они вставлены александрійскимъ глоссаторомъ изъ сочиненія извѣстнаго олигарха Критія, которое также назыв. *Ἀθηναίων πολιτεία*. — **P. Girard,** Thespis et les débuts de la tragédie, p. 159—170. Въ гл. I указывается предполагаемое содержаніе трагедій Ѳесписа, который ввелъ въ свои пьесы національныя легенды въ качествѣ фабулы (напр. его *Ἠίθεοι*, несомнѣнно, говоритъ о Ѳесеѣ, освободившемъ Аѳины отъ дани Минотавру). Въ гл. II выясняется заслуга Ѳесписа по отношенію къ внѣшней сторонѣ драматическаго представленія, гдѣ онъ добился бо́льшей сценической иллюзіи: главнымъ нововведеніемъ его было изобрѣтеніе особыхъ масокъ (бѣлыхъ) для женскихъ ролей, что̀ онъ, можетъ быть, заимствовалъ отъ Эвмареса, впервые ставшаго рисовать женскія лица бѣлою краской (Эвмаресъ относится къ половинѣ VI в., а Ѳесписъ участвовалъ въ первомъ трагическомъ состязаніи въ 535 г.). — Notes et documents. **T. R.** Inscription archaïque d'Argos, p. 171—173. — **Al.-Emm. Contoléon,** Inscriptions d'Asie Mineure, p. 174 сл. (4 надписи изъ Ѳіатиры въ Лидіи). — **T. R.** Bulletin

archéologique, p. 189—193.—D. B. Correspondance grecque, p. 194—197.—Nouvelles diverses, p. 198—204.—Bibliographie, p. 205—207.

Journal des Savants. 1891. 1—6. (Janvier — Juin).

1. Charles Lèvêque, Damascius, стр. 17—29. По поводу сочиненій Дамаскія, изданныхъ Рюэллемъ, авторъ излагаетъ біографію этого послѣдняго представителя неоплатонизма въ Аѳинахъ и. говоритъ о значеніи его для своего времени (V в. послѣ Р. X). — **Jules Girard,** Un empereur Byzantin au X siècle. I article; стр. 30—45. Продолженіе въ март. кн., стр. 162—174 и оконч. въ апр. кн., стр. 226—236. На основаніи сочиненія Schlumberger'a о Никифорѣ Фокѣ описываются обычаи и порядки, господствовавшіе въ Византіи при этомъ императорѣ.— **R. Dareste,** Assemblées provinciales dans l'empire Romain, стр. 46—54. На основаніи сочиненія Поля Гиро о провинціальныхъ собраніяхъ во времена римской имперіи, авторъ устанавливаетъ главнѣйшія черты этихъ учрежденій, не имѣвшихъ, правда, политическаго значенія, но составлявшихъ посредствующее звено между провинціальной администраціей и императоромъ.

2. M. Berthelot, Sur la trace des Écrits alchimiques grecs conservés dans les écrits latins et sur la transmission des docrines alchimiques au moyen âge., стр. 124—132.

4. H. Weil, Aristote.— Constitution d'Athènes, стр. 197—214. На основаніи Кеніонова изданія и факсимиле папирусовъ обсуждается вопросъ о подлинности соч. объ аѳ. политіи и о времени его составленія. Оказывается, что трактатъ былъ оконченъ въ 323 году до Р. X.; далѣе, что въ гл. 5 заключается не замѣченный Кеніономъ пентаметръ Солона *τήν τε φιλαργυρίην τήν θ' ὑπερηφανίην*. Наконецъ авторъ останавливается на изображеніяхъ у Аристотеля нѣк. политическихъ личностей.

5. H. Weil, Aristote. — Constitution d'Athènes, стр. 257—273. Излагаются черты государственнаго устройства Аѳинъ по второй части Арист. трактата. — **Ch. Lévêque,** по сочиненію Chaignet, Histoire de la psychologie des Grecs (2 и 3 томы), излагается метафизическая психологія грековъ, стр. 274—285.

6. Georges Perrot, Rapport sur les fouilles de Troie, стр. 338—346. На основаніи сочиненій Шлимана: „Ilios“ и „Bericht ueber die Ausgr. in Troia im J. 1890“, авторъ сообщаетъ результаты раскопокъ покойнаго археолога на мѣстѣ древней Трои. Выводъ: историческая основа Иліады не находится въ непосредственной связи съ мѣстностью и исторіей Трои; древнее сказаніе подверглось свободной поэтической обработкѣ и, когда оно было пріурочено къ Троѣ, то для изображенія театра событій были заимствованы черты троянской мѣстности. — **M. Berthelot,** Traditions techniques de la chimie antique chez les alchimistes latins du moyen âge, стр. 370—384.

Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik. CXLIII и CXLIV (1891), 4—6.

4. Heft. I. **S. Brandt,** Lactantius und Lucretius, стр. 225—259. Приводя мѣста изъ Лактанція, гдѣ послѣдній цитируетъ Лукреція, авторъ останавливается на тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ Лактанцій оспариваетъ эпик. теорію познанія, физику, естественную исторію культуры и ученіе о богахъ, и приходитъ къ тому заключенію, что Лактанцій трактуетъ эти вопросы какъ риторъ. Далѣе доказывается, что Лактанцію было совершенно неизвѣстно сообщаемое Гіеронимомъ преданіе о помѣшательствѣ и самоубійствѣ Лукреція, и, такъ какъ это преданіе оставалось неизвѣстнымъ и въ школѣ Арнобія, то отсюда слѣдуетъ выводъ, что сообщеніе Светонія, передаваемое Гіеронимомъ, не опиралось на общеизвѣстную традицію и теряетъ всякую достовѣрность.—**F. Poland,** Zu Arist. Ἀθην. πολιτ. стр. 260.— **F. Hultsch,** Das Pheidonische Masssystem nach Aristoteles, стр. 262—264. Фейдонова мѣра сыпучихъ и жидкихъ тѣлъ была на $^1/_{12}$ меньше аттической. — **F. Polle,** Ueber die Bedingungssätze, стр. 264—266. Установляются слѣдующіе случаи условныхъ періодовъ: 1) теоретическій (si habeo, do; *εἰ ἔχω, δίδωμι*). 2) практическій (si habebo [accepero], dabo; *ἐὰν σχῶ, δώσω),* 3) возможный (si habeam, dem; *εἰ ἔχοιμι, διδοίην ἄν)* и 4) противоп. дѣйствительности (si haberem, darem, *εἰ εἶχον, ἐδίδουν ἄν). —* **F. Knoke,** Über den Gebrauch von *plures* bei Q. Curtius Rufus, стр. 267—278. Авторъ утверждаетъ, что какъ у Тацита, такъ и у Курція Руфа, *plures* имѣетъ значеніе сравнительной степени. — **A. Sonny,** Rhagae — Thara — Tabae, стр. 277—280. Эти три названія, приводимыя Арріаномъ, Юстиномъ и Курціемъ при описаніи преслѣдованія Александромъ Дарія, означаютъ одну мѣстность. — **Polle,** Zu Ciceros Catilinarien, стр. 280. Предлагается въ III, 5 чтеніе: bipertito latuerunt. — **P. Seliger,** zu Platons Phaidros (246 b—c), стр. 286—287. — Zu Aristoteles Nikomachischer Ethik (A, I, 1094 a 1.).

5. Heft I. **G. F. Unger,** Die Glaubwürdigkeit der kapitolinischen Consultafeln, (стр. 288—321; продолж. будетъ). Авторъ защищаетъ противъ Моммсена (Röm. Forschungen) и Цихоріуса (De fastis consularibus antiquissimis) достовѣрность капитолійскихъ (такъ наз. по нынѣшнему мѣсту ихъ храненія) консульскихъ списковъ.— **H. Stadtmüller,** Zur Anthologia Palatina, стр. 322—335. Критическія замѣтки къ тексту (1—16). — **Fr. Blass,** Zu der naxischen Inschrift der Timandre, стр. 336—337. Замѣчанія касаются алфавита надписи.— **L. Mendelssohn,** Analecta Tulliana, стр. 337—352 (продолж. см. Heft. I.). Крит. замѣтки къ письмамъ Цицерона. — **J. H. Schmalz,** Ersatz des fehlenden Particips von esse, стр. 352. Указываются случаи употребленія constitutus въ значеніи *ὤν* (въ поздней лат.). — **A. Teuber,** Zur Kritik der Terentiusscholien des Donatus, стр. 353—368.

II. **Th. Vogel,** Eine Lücke in der lateinischen Classenlektüre der Gymnasien, стр. 209—218. Не одобряя погони за ознакомленіемъ учениковъ съ тонкостями языка, авторъ настаиваетъ на расширеніи круга читаемыхъ писателей. Съ этою цѣлію, въ дополненіе къ читаемымъ въ последнемъ классѣ „Анналамъ“ и „Германіи“ Тацита, онъ рекомендуетъ составить хрестоматію изъ писателей „argenteae aetatis“, преимущественно Сенеки, Квинтиліана, Плинія Старшаго. Выборъ отрывковъ долженъ быть сдѣланъ исключительно на основаніи эстетическихъ и культурно-историческихъ соображеній. Въ этомъ отношеніи названные писатели даютъ особенно благодарный матеріалъ. Они гораздо доступнѣе чисто-человѣческимъ интересамъ, нежели писатели классическаго періода, всецѣло поглощенные идеей государственности.

6. Heft I. **R. Peppmüller,** Über die incertae sedis fragmenta Homerica, стр. 369—383. Эти отрывки отчасти представляютъ собою гомеровскіе стихи въ свободной передачѣ, отчасти могутъ быть отнесены къ кикликамъ, а нѣкоторыхъ нельзя отнести ни къ Гомеру, ни къ кикликамъ. — **Fr. Polle,** Zu Verg. Aen. VII, 378, стр. 384. Предлагается чтеніе *materque Mycenae* вм. mediaeque M. — **O. Crusius,** Die Anwendung von Vollnamen und Kurznamen bei derselben Person und Verwandtes, стр. 385—394. Собраніе относящагося сюда матеріала въ дополненіе къ даннымъ, собраннымъ у Фикка (Die griech. Personennamen) и другихъ.— **Ch. Cron,** Zu Thukydides, стр. 395—401. Слова въ VII, 86, 5... *διὰ τὴν πᾶσαν ἐς ἀρετὴν νενομισμένην ἐπιτήδευσιν* толкуются по отношенію къ общему смыслу всего мѣста (о печальной участи Никія) и значенію отдѣльныхъ словъ, особ. *ἀρετὴν* (авторъ понимаетъ въ см. *καλόν)* и *νενομισμένην*. — **E. Wörner,** Zu Platons Phaidon (66[c]), стр. 402—404. Гл. *φρονῆσαι* авторъ понимаетъ въ смыслѣ „познать“, а слова: *ὑπ᾽ αὐτοῦ* (т.-е. *σώματος) οὐδὲ φρονῆσαι ἡμῖν ἐγγίγνεται οὐδέποτε οὐδέν* въ виду предыдущаго *τὸ λεγόμενον* считаетъ за цитату изъ какого-то поэта, только въ свободной передачѣ.— **K. Niemeyer,** Zu Arist. *Ἀθ. πολ.*, стр. 405—415. Критическія замѣтки къ нѣк. мѣстамъ Арист. трактата и разсмотрѣніе наиболѣе важныхъ пунктовъ теорій Кауера и Юліуса Шварча, изъ которыхъ первый приписываетъ трактатъ одному изъ аристотеликовъ, второй — Деметрію Фалерскому. — **E. Hasse,** Artikel und Pronomen des Dualis beim Femininum im attischen Dialekt, стр. 416—418. На основаніи надписей авторъ устанавливаетъ случаи употребленія указ. формъ. — **F. Hultsch,** Zu Polybius, стр. 419—420. Въ IV, 18, 8 предлагается чтеніе *κατεσκευασμένον* вм. *κατασκεύασμα*. — **R. Oehler,** Sagunt und seine Belagerung durch Hannibal, eine topographische Studie, стр. 421—428. Выводы: 1) Древній Сагунтъ лежалъ только на возвышенности, 2) къ сдачѣ онъ могъ быть принужденъ только голодомъ; 3) Ливій въ двухъ мѣстахъ (XXI, 8, 2 и 5. 11, 11) допускаетъ реторическія преувеличенія, которыя доказываютъ, что онъ самъ (или авторъ, служившій ему источникомъ, — Целій Антипатръ) не видѣлъ Сагунта. — **G. Goetz,** Zu dem Gronovscholiasten des Cicero, стр. 429—432.

Hermes. XXVI (1891). 2.

J. Vahlen, Varia. XXXVIII, стр. 161—169. Объясняются ambigue dicta у Цицерона, *ad Att.* I, 16 tribuni non tam aerati quam ut appellantur aerarii, и у Аристофана, *Eq.* 428.— **H. Holländer,** Zur Ueberlieferung der Homerischen Hymnen, стр. 170—177. I—III. Устанавливается взаимная зависимость нѣкоторыхъ кодексовъ и принадлежность ихъ къ тому или другому классу. IV. О нѣкот. чтеніяхъ, исходящихъ отъ рапсодовъ. — **E. Maass,** Theokrits Dionysos aus einer Inschrift erläutert, стр. 178—190. *Ἱερὸς λόγος* у Өеокрита ид. XXVI, пріуроченный къ Дракану, мысу на о-вѣ Косѣ, совершенно тождественъ съ описаніемъ культа въ одной позднегреческой надписи изъ Магнезіи на Меандрѣ; на Косѣ, куда черезъ Өивы занесенъ былъ изъ Эпира культъ Діониса, было, по крайней мѣрѣ, три праздника въ честь этого бога и, вѣроятно, столько же святилищъ.— **U. v. Wilamowitz-Möllendorff,** Die sieben Thore Thebens, стр. 191—242. На основаніи личныхъ наблюденій и мѣстныхъ изслѣдованій въ 1890 году авторъ рѣшительно опровергаетъ Фабриція, который также на основаніи собственныхъ наблюденій установилъ направленіе өивскихъ стѣнъ, которыя будто бы въ древнѣйшія времена охватывали три холма и имѣли въ окружности 43 стадіи, равно какъ положеніе семи вратъ. Эти семь вратъ В. относитъ въ область фантазіи и доказываетъ, что во времена Эврипида өивскій акрополь лежалъ между источникомъ Диркой и рѣчкой Исменомъ. Прослѣдивъ исторію города Өивъ отъ 480 года до македонской эпохи, авторъ дѣлаетъ выводъ, что во времена трагиковъ өивская крѣпость представлялась для того времени грандіознымъ сооруженіемъ и могла заслужить въ отношеніи къ миөическимъ временамъ эпитеты *καλλίπυργος* и *ἑπτάπυλος;* въ позднѣйшую же эпоху это старинное укрѣпленіе не существовало. Указанія на семь вратъ у Эсхила, Эврипида, Стація, Аполлодора и Павсанія даютъ двѣнадцать или тринадцать различныхъ именъ, за которыми авторъ признаетъ не топографическое, а поэтическое значеніе. „Семь вратъ" ведутъ начало отъ „Өиваиды" Эсхила и въ дѣйствительности никогда не существовали. „Только для нападенія на семь вратъ имѣетъ значеніе то обстоятельство, что насчитывалось семь аргивскихъ героевъ; только для нападенія семи на Өивы послѣднія являются семивратнымъ городомъ". Лишь загадочныя для насъ имена воротъ: *Ἠλέκτραι Προιτίδες Νῆιται,* б. м. соотвѣтствуютъ дѣйствительно существовавшимъ врагамъ гомеровскихъ Өивъ. — **H. Diels,** De Dionysii et Photii lexicis, стр. 243—261. Нѣтъ никакихъ слѣдовъ второй рецензіи Діонисіева лексикона въ XII стол. — Единственный кодексъ Фотіева лексикона (Galeanus), помимо отсутствія цѣлыхъ листовъ, во многихъ мѣстахъ не полонъ.— **K. Strecker,** Zu Erotian, стр. 262—306. Главнымъ источникомъ его словаря къ Гиппократу служитъ лексиконъ Бакхейя.— **R. Reitzenstein,** Die Inhaltsangabe im Archetypus der Kallimachos Hss. стр. 308—314. Кринагоръ въ Anthol. IX. 545, излагающій

содержаніе Каллимаховой Гекалы, имѣетъ источникомъ только предисловіе самого Каллимаха; также и другія строки Кринагора о Гекалѣ являются свободнымъ переложеніемъ изъ Каллимаха—Miscellen. **A. Behr,** Zu Plinius n. h. VI, 5, 121, стр. 315; мѣсто это есть легкомысленная выписка изъ Геродота I, 181. — **W. Kroll,** Zum Archipresbyter Leo und Julius Valerius, стр. 316.— **B. Kindt,** Zu Sext. Aurelius Victor de Caesaribus, стр. 317—318. — **R. Meister,** Weihinschrift eines bronzenen Stufenbasis.

Philologus. Band I (1891), Heft 1.

E. Rohde, Die Abfassungszeit des Platonischen Theaetet, стр. 1—12 (продолженіе). Отвѣтъ на статью Целлера въ Archiv f. Gesch. d. Philosophie IV стр. 189 слѣд. (см. ниже въ рефератѣ объ этомъ журналѣ). Авторъ доказываетъ основательность своихъ аргументовъ въ пользу предположенія, что діалогъ написанъ не ранѣе 371 г. до Р. X. — **R. Opitz,** Über den Weiberspiegel des Semonides von Amorgos, стр. 13—30. Стихотвореніе Симонида „Зеркало женщинъ“ (fs. 7) написано совершенно въ гесіодовскомъ духѣ (*Ζεὺς γὰρ μέγιστον τοῦτ' ἐποίησεν κακὸν Γυναῖκας,* срв. Hes. Th. 600), но ямбическій поэтъ идетъ еще дальше, производя различные типы женщинъ отъ животныхъ. Послѣдняя мысль не оригинальна и коренится въ народныхъ воззрѣніяхъ. Доказавъ это, авторъ далѣе разсматриваетъ стих. Симонида со стороны его композиціи. — **J. M. Stahl,** Kratippos und Thukydides, стр. 31—42. Авторъ защищаетъ свой взглядъ на Кратиппа какъ продолжателя Ѳукидидова сочиненія, не бывшаго современникомъ знаменитаго историка и задававшагося цѣлью пополнить разсказъ Ѳукидида изложеніемъ позднѣйшихъ событій, до которыхъ тотъ не дошелъ. Въ этомъ смыслѣ надо понимать слова Діон. Галик. (de Thuc. iud. c. 6), что Кратиппъ *συνήγαγε τὰ παραλειφθέντα ὑπ' αὐτοῦ* (т.-е. *Θουκυδίδου*).— **K. Tümpel,** Zur Analyse und Kritik von Diodorus V, 55, стр. 43—48. — **K. Prächter,** Metopos, Theages und Archytas bei Stobaeus Flor. I, 64, 67 ff; стр. 49—57. Указанные мнимо-пиѳагорейскіе отрывки этическаго содержанія содержатъ, по мнѣнію автора, перипатетическое ученіе 1-го вѣка по Р. X. — **A. E. Anspach,** Librorum de re publica a Cicerone scriptorum loci nonnulli emendati, стр. 58—64. — **O. Günther,** Zur Textkritik des Ammianus Marcellinus, стр. 65—73. — **Ed. Ströbel,** Zu Ciceros Tusculanen, 81—85. — **G. Busolt,** Kallias, des Kalliades Sohn, стр. 86—92. Доказывается, что тотъ Каллій, который внесъ финансовый законъ 435/4 года, и тотъ, который въ 433/2 предложилъ союзъ съ Регіумомъ и Леонтинами, равно какъ и тотъ, который одержалъ побѣду подъ Потидеей лѣтомъ 432/1 года, есть одно и тоже лицо — Каллій, сынъ Калліада, по дему *Αἰξωνεύς,* выдающійся политическій другъ Перикла. — **O. Crusius,** Die Epiphanie der Sirene, стр. 93—108. Приводятся доказательства въ пользу призрачной (gespensterhafte) и связанной съ культомъ усопшихъ природы сиренъ; съ этой точки зрѣнія авторъ объясняетъ одинъ рельефъ (у Schreiber'a Reliefbilder, Taf. LXI),

изображающій явленіе сирены. — **A. Mommsen,** Die attischen Skirabräuche, стр. 108—130. Первоначальное значеніе скирофорій, празднествъ въ честь Деметры и Аѳины, состояло, по мнѣнію автора, въ принесеніи этимъ божествамъ *Σκίρα*, Земледѣльческой жертвы изъ *γῆ σκιράς*, т.-е. известки, употреблявшейся въ качествѣ удобренія почвы. Авторъ сначала разсматриваетъ словоупотребленіе, этимологію и прежнія объясненія этого загадочнаго празднества (Преллера и Роберта), затѣмъ трактуетъ о значеніи гипса и известки въ древнемъ земледѣліи и объясняетъ смыслъ и значеніе лѣтнихъ и осеннихъ скирофорій. Наконецъ, на основаніи сдѣланныхъ выводовъ толкуется схолія къ Лукіану, изданная Э. Роде въ Rhein. Mus. XXV, стр. 549. — **Th. Zielinski,** Erysichthon, стр. 131—162. Передавъ разсказъ объ Эрисихтонѣ по Овидію (*Metam.* VIII, 728 слѣд.), авторъ устанавливаетъ четыре главныя его отличія отъ болѣе древней Каллимаховой передачи того же разсказа (въ шестомъ гимнѣ): 1) Срубленное Эрисихтономъ дерево у Каллимаха есть только любимое дерево Деметры, а не мѣсто жительства Дріады, 2) у Каллимаха нѣтъ рѣчи о „Голодѣ", Деметра непосредственно сама наказываетъ преступника, 3) Эрисихтонъ у Каллимаха юнъ и не имѣетъ дочери; эпизода съ Местрой нѣтъ у Каллимаха 4) у Каллимаха Эрисихтонъ дѣлается нищимъ и не поѣдаетъ самъ себя, какъ у Овидія. Авторъ доказываетъ, что черты, свойственныя только Овидіеву разсказу, носятъ на себѣ древній и подлинно сказочный характеръ. Изъ четвертаго пункта видно, что Овидій слилъ двѣ традиціи: одну, Каллимахову, по которой Эрисихтонъ умеръ отъ голода, и другую, по которой онъ въ сумасшествіи терзалъ свое тѣло (древность этой трагедіи видна изъ вложеннаго въ нее принципа соотвѣтствія наказанія съ преступленіемъ). Второе отступленіе Овидія отъ Каллимаха, посылка „Голода", есть матеріализація метафоры — олицетвореніе въ чисто-римскомъ духѣ. — Что касается до эпизода съ Местрой, то древность его авторъ доказываетъ 1) именемъ ея отца (*Αἴθων* — сынъ Геліоса [*αἴθων Ἥλιος*], слѣд. Местра внучка солнца), 2) ея собственнымъ именемъ (*Μήστρα* значитъ „мудрая" [*μήδομαι*] и т. обр. тожественна съ Медеей, тоже внучкой солнца), 3) самымъ содержаніемъ разсказа, древность и сказочный характеръ котораго доказывается путемъ сравненія его съ сказками другихъ временъ и народовъ, схожими съ нимъ по основному мотиву (способность превращенія). — Наконецъ отвергнувъ „антропологическое" толкованіе миѳа объ Эрисихтонѣ, предложенное О. Крузіусомъ (см. Roscher. Lex. d. Myth. I, столб. 1373 слѣд.), по которому Эрисихтонъ, какъ показываетъ имя, есть „взрыватель земли", т.-е. героизированный земледѣлецъ, и все сказаніе получаетъ этическій характеръ, — проф. Зѣлинскій локализируетъ преданіе, пріурочивая его къ тріопическому святилищу, и объясняетъ Эрисихтона гипостасой Посейдона, а въ легендѣ о немъ видитъ сказаніе о спорѣ изъ за земли между Посейдономъ и Деметрой, двумя главными (и единственными до дорійскаго нашествія) божествами тріопическаго святилища. — **O. Crusius,** Ein Liederfragment auf einer antiken Statuenbasis, стр. 163—172. — Miscellen, стр. 173—184.

Rheinisches Museum für Philologie. XLVI (1891), 2.

A. Papadopulo-Kerameus, Apollodori bibliothecae fragmenta Sabbaitica, стр. 161—192. Сообщаются отрывки изъ „Аполлодоровой Библіотеки" по одной рукописи, находящейся въ Іерусалимскомъ собраніи рукописей, устроенномъ стараніями патріарха Никодима I. — **K. Buresch,** *ΓΕΓΟΝΑΝ* und anderes Vulgärgriechisch, стр. 193—232. Для знакомства съ александрійско-египетскимъ діалектомъ главнымъ, но не вполнѣ еще оцѣненнымъ, источникомъ служатъ унціальныя рукописи Новаго Завѣта; формами этого діалекта слѣдуетъ считать тѣ необыкновенныя образованія, которыя попадаются напр. въ синайскомъ кодексѣ; таковы между прочимъ формы 3 plur. perf., какъ напр. *γέγοναν*. — **Fr. Bücheler,** Altes Latein, стр. 233—243 (продолженіе). XVI. Форма acieris (въ отр. Плавта) такъ относится къ acies, какъ speres къ spes; уменьшительное къ ней — acisculus. XVII. terruncius (Plaut. *Capt.* 477) — таково правильное начертаніе: terr (изъ ters) есть древняя форма числит. нарѣчія. XVIII. Первоначальнымъ знакомъ для centum было O = Θ (какъ для 1000 Φ, для 50 X). XIX. У Присціана форма compes показана какъ древняя къ compos (compotis).—Форма compes (отъ pes pedis) какъ Nom. вовсе не существовала въ лат. яз.; только въ эпоху Августа къ употреблявшемуся въ см. существительнаго прил. (мн. ч.) compedeis (sc. catenae) compedium образовано было по аналогіи съ основой ped- единственное число; уравненіе основы compedi- съ ped- повлекло за собой измѣненіе въ родѣ: первонач. женск. р. переходитъ въ муж. только во времена Горація. — **F. Cauer,** Omphale, стр. 244—249. Миѳъ объ Омфалѣ указываетъ на первенствовавшее въ семьѣ положеніе лидійскихъ женщинъ, являясь отголоскомъ т.-наз. „материнскаго права", отчасти сохранившагося у древнихъ народовъ Малой Азіи. Въ лидійскомъ героѣ, который, будучи подданнымъ своей жены, царицы, совершаетъ великіе подвиги, греки признали своего Геракла, а чтобы оправдать фактъ подчиненія его женщинѣ, придумали двоякій мотивъ, психологическій и правовой (искупленіе за убійство). Послѣдній мотивъ является въ позднѣйшихъ источникахъ.— **I. M. Stahl,** Über athenische Amnestiebeschlüsse, стр. 250—286. Разсматривается шесть болѣе или менѣе точно извѣстныхъ намъ аѳинскихъ амнистій: 1. солоновская, 2. одна изъ временъ персидскихъ войнъ, 3. патроклидова, 4. выговоренная по Лисандрову миру, 5. объявленная послѣ изгнанія тридцати и 6. послѣдовавшая послѣ херонейской битвы. — **C. Hosius,** Symbola ad poëtas latinos, стр. 287—298. Приводятся рукописныя чтенія нѣк. мѣстъ Ювенала, Овидія, Присціана, Клавдіана и Марціала. — **Th. Kock,** Euripides Fragm. 935 (Nauck[2]), стр. 299—310. Опровергаются доводы, выставленные Виламовицемъ противъ подлинности отрывка. — **O. Rossbach,** Schediasma criticum, стр. 311—317. Критич. замѣтки къ Петронію, Силію Италику, Фронтину, Апулею и Симмаху. — Miscellen. **O. Crusius,** Babriana, стр. 318—321. — **C. Fr. Mueller,** Ignatii Diaconi acrostichon alphabeticum, стр. 320—323. — **M. Ihm,** Zu Iosephus Flavius, стр. 323. — **B. Kübler,** Ad

Dionem Cassium, стр. 324—326. Исправляются нѣкоторыя мѣста.— **Fr. Susemihl,** Zu Diogenes Laertios VII, 54, стр. 326 слѣд.— **C. Wachsmuth,** Zur Topographie von Athen, стр. 327—329. На основаніи Аристотеля *'Αϑ. πολ.* p. 42, 9 слѣд. (Ken.) подверждается сообщеніе Павсанія, что Θесейонъ лежалъ близъ Анаксйона; въ концѣ статьи говорится о назначеніи *'Ακτή* (близъ Пирея).— **C. Wachsmuth,** Pentadenbände der Handschriften klassischer Schriftsteller, стр. 329—331. Доказывается, что пергаментныя рукописи болѣе обширныхъ историческихъ сочиненій древности обыкновенно дѣлились на пятикнижія.— **O. R.** Propertius, стр. 331—333, IV, 2. Предлагается чтеніе curvarier; 13 слѣд.: huic трижды вм. hic; 19: iaces falsus; 4, 47: potabitur; 83 слѣд.: ascensus dubiis... remissus — praemia erant somno; 94: praemia fontis; 9, 24: laurus вм. lucus; 34: hospita valla; 60: unda fluit. — **O. R.** Reden des Sallust, стр. 333. Подъ словами: orationes Sallustii у Sen. *controv.* 3 *praef.* 8 надо разумѣть рѣчи, произнесенныя самимъ Саллюстіемъ и изданныя отдѣльно отъ его историческихъ сочиненій.—**J. Schmidt,** Zur politischen Geographie der africanischen Provinzen, стр. 334—336.

Archiv für Geschichte der Philosophie. Band IV (1891), 2.

E. Zeller, Die Abfassungszeit des Platonischen Theätet, стр. 189—214. Опровергая выводы Эрвина Роде (въ Philol. XLIX, 2; см. выше) о времени составленія Платономъ своего діалога „Θеэтетъ", Целлеръ защищаетъ свои собственные взгляды на этотъ предметъ (Gesch. d. griech. Phil. II, 2³ стр. 461 слѣд.; Sitzungsber. d. Berl. Akad. d. W. 1886 и 1887), причемъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ исправляетъ ихъ и дополняетъ. Коринѳскою войной, о которой говорится во вступленіи діалога, можетъ быть только война 394-го и слѣд. годовъ, а не 368-го. Отвѣтъ Эвклида Терпсіону (142 A „Я ходилъ на пристань встрѣтить Θеэтета, котораго везли въ Аѳины изъ коринѳскаго лагеря") понятенъ только тогда, когда составленіе діалога падаетъ на самое время коринѳ. войны или на время непосредственно слѣдовавшее за нею. Сравненіе въ 165 D несомнѣнно намекаетъ на Ификрата и его пелтастовъ, и примѣненіе его въ данномъ мѣстѣ получаетъ смыслъ лишь при томъ предположеніи, что Платонъ имѣетъ въ виду недавнія событія. Доказательство, почерпаемое Роде изъ Theät. 174 E слѣд. и направленное противъ Целлера, неудачно. Потомкомъ Геракла съ двадцатью пятью предками не можетъ быть ни Агесилай, ни его сынъ Архидамъ. Да и согласно греческому словоупотребленію подъ словами *πρόγονοι* и *ἀπόγονοι* не слѣдуетъ разумѣть только предковъ и потомковъ, связанныхъ непосредственнымъ родствомъ; эти слова имѣютъ болѣе широкій смыслъ, обнимая и побочныхъ къ мужской линіи родственниковъ; въ спискахъ же спартанскихъ царей, по всей вѣроятности, предки совпадали съ предшественниками по трону. Царь, котораго Платонъ имѣлъ въ виду, есть Агесиполисъ I; за послѣдняго говоритъ и то обстоятельство, что, на ряду съ Агесилаемъ, онъ является единственнымъ спартанскимъ царемъ времени коринѳской войны 394-го года. На основаніи этихъ данныхъ, а также по

внутреннимъ причинамъ, какъ напр. развитія платоновскаго ученія, отношеніе „Өеэтета" къ другимъ діалогамъ и нѣк. др., написаніе разсматриваемаго діалога слѣдуетъ относить во времени между 392 и 390 годами, вѣроятнѣе всего къ 391 г.—**P. Seliger,** Platons Phaidros, стр. 215—238. Взглядъ Бовица, полагавшаго главный смыслъ Федра во второй его части и отрицавшаго самостоятельное значеніе рѣчей первой части, уже потому неправиленъ, что онъ признаетъ связь по содержанію только между третьей рѣчью и развиваемыми во второй части риторическими положеніями, не принимая въ расчетъ двѣ первыя рѣчи, хотя онѣ касаются того же предмета, что и третья рѣчь, именно любви. Изъ 266A и слѣд. вытекаетъ, что первая рѣчь Сократа составляетъ необходимое восполненіе второй; къ тому же приводитъ и точное сравненіе содержанія обѣихъ рѣчей. Подобное отношеніе существуетъ между рѣчами: Лисія и первой сократовской. На три рѣчи нельзя смотрѣть только какъ на примѣры къ теоретическимъ положеніямъ второй части. Въ первой части Платонъ говоритъ о философскомъ стремленіи въ человѣкѣ, которое есть не что иное, какъ стараніе души припоминать и возстановлять идеи, созерцавшіяся ею въ жизни до-мірной, и о любви, какъ о восторженномъ выраженіи этого стремленія. А эта тема (о созерцаніи идей) приводитъ его къ рѣчи о до-мірномъ существованіи души вообще и затѣмъ о безсмертіи. Пространность изложенія происходитъ отъ желанія Платона показать способъ раскрытія философскихъ вопросовъ. Во второй части и слѣдуетъ изложеніе діалектическаго метода. Риторика такимъ образомъ должна стоять въ такомъ же отношеніи къ діалектикѣ, какъ любовь въ двухъ первыхъ рѣчахъ къ любви въ третьей рѣчи, и весь діалогъ, по содержанію и по формѣ, даетъ какъ бы очеркъ платонической философіи.— **H. Hoffmann,** Der Platonische Philebus und die Ideenlehre, стр. 239—242. Въ „Филебѣ" Платонъ даетъ совершенно новую постановку своему ученію объ идеяхъ. Покидая идеалистическую точку зрѣнія, онъ становится на сторону реалистическаго міровоззрѣнія и выводитъ идею высшаго блага, это солнце въ мірѣ идей по его ученію въ „Государствѣ", изъ взаимодѣйствія двухъ факторовъ, предѣльнаго и безпредѣльнаго. Высшее благо, *τὸ ἓν καὶ πολλὰ τῆς ἡδονῆς καὶ φρονήσεως*, является здѣсь продуктомъ компромисса, которому Платонъ даже не рѣшается приписать *οὐσίαν*. „Филебъ" представляетъ собою послѣднюю реалистическую фазу платоновской мысли, ту фазу, высшимъ выраженіемъ и завершеніемъ которой являются „Законы".—**J. Dräseke,** Zwei Bestreiter des Proklos, стр. 243—250. Авторъ доказываетъ, что было два Николая Мееонскихъ; свои „Опроверженія Прокла" они писали: старшій въ тридцатыхъ годахъ XII стол. по Р. Х., младшій лѣтъ сто спустя. — Остальныя статьи не имѣютъ отношенія къ древней философіи.

Zeitschrift für die oesterreichischen Gymnasien. XLII (1891), 4—6.

4. **E. Holzner,** Zu Euripides, стр. 294—296. Авторъ читаетъ *El.* 1019: *οὐχ ὥστε θνήσκειν οὖς ἐγεινάμην ἐγώ*, fr. 426: *τά τοι μέγιστα πάντ' ἀπείργασται βροτοῖς τολμῶσι νικᾶν*, fr. 608: *ἐν τοῖσι μὲν δεινοῖσι ἀσφαλεῖς*

φίλοι.—**J. M. Stowasser,** Zu Placidus (76.24).—**K. Wotke,** Wie verfuhr man beim Abschreiben der Handschriften im Mittelalter, стр.296–297. Судя по одной рукописи IX столѣтія, авторъ доказываетъ, что въ тѣ времена былъ обычай раздѣлять, назначенную для переписки рукопись на нѣсколько частей и отдавать ихъ одновременно нѣсколькимъ переписчикамъ.— Критика и библіографія.

5. A. Polaschek, Vielhaberi in Pseudocaesarianos adnotationes criticae, стр. 385—389. Замѣтки къ тексту Bellum Hispaniense по Чернóвицкому манускрипту 1861 года. — **A. Kornitzer,** Zu Ciceros vierter Rede gegen Catilina, стр. 389—392. Авторъ приводитъ всѣ мѣста, доказывающія, что 4-я рѣчь противъ Катилины была произнесена не въ храмѣ Юпитера Статора, но въ храмѣ Согласія.— **R. Novák,** Zur Historia Augusta, стр. 392—394. Въ *Hadr.* XXII, 47 iudex означаетъ городского префекта, замѣстителя императора. — Zu Quintilianus: *Inst.* I, 1, 32; *Decl.* p. 292, 2 Ri; 370, 9. — Критика и библіографія.

6. J. Simon-Krems, Epigraphische Beiträge zum Griechischen Thesaurus, стр. 481—493. Дополненія къ лексикону Куманудиса (1883).— **F. Löbl,** Zur Genusbestimmung der Substantiva der konsonantischen Deklination im griechischen Elementarunterricht, стр. 536—542. — Критика и библіографія.

Zeitschrift für das Gymnasialwesen. XLV (1891), 4—6.

4. Jahresberichte: **E. Naumann,** Homer.

5. R. Schenk, Das Bildungsziel des Gymnasiums und die Privatlectüre, стр. 264—280. Вся реформа гимназій должна состоять въ возвратѣ къ ихъ старому типу, сила котораго заключалась въ замкнутомъ единствѣ образовательныхъ элементовъ. Должно возстановить основную идею гимназіи: воспитаніе къ самостоятельной научной дѣятельности; цѣль гимназіи не въ томъ, чтобы сообщить воспитаннику нѣчто готовое и непосредственно приложимое къ жизни, *τὸ εἰδέναι,* а въ пробужденіи въ немъ научнаго интереса, *τὸ ὀρέγεσθαι τοῦ εἰδέναι.* Для этой цѣли въ преподаваніи древнихъ яз. особенную цѣнность имѣетъ приватное чтеніе авторовъ. Оно должно имѣть задачей — закруглить и завершить т. наз. статарное чтеніе. Абитуріентъ не долженъ только „отвѣдать" всевозможныхъ авторовъ, нѣтъ, онъ долженъ посредствомъ усиленнаго чтенія немногихъ избранныхъ авторовъ глубоко окунуться въ потокъ духовной жизни древнихъ. — Исходя изъ этихъ положеній авторъ излагаетъ раціональный методъ и точно устанавливаетъ объемъ приватнаго чтенія. — Рецензіи — Jahresberichte: **E. Naumann,** Homer (окончаніе); **H. I. Müller,** Livius.

6. R. Tieffenbach, Verteilung des geschichtlichen Lehrstoffs, стр. 321—330.— Рецензіи. — Jahresberichte: **H. I. Müller,** Livius; **H. Kallenberg,** Herodot.

Gymnasium. IX (1891), 1—12.

A. Ahlheim, Beitrag zur Behandlung der Vergillektüre, стлб. 1—8. Образецъ классказо разбора отрывка изъ Энеиды (II 750—795) и совмѣстной съ учениками выработки плана для сочиненія на тему: „заслуживаетъ ли Эней эпитета pius?"— **J. Weisweiler,** Eine wissenschaftliche lateinische Schulgrammatik, стлб. 189—202 и 229—244. Основательный и подробный разборъ синтаксическаго матеріала латинской грамматики съ дидактической точки зрѣнія. — **H. Eichler,** Zur Bedeutung der Leistungen im extemporierten und im präparierten Herübersetzen für die Beurteilung der Schüler, стлб. 270—278. Доказывается, что для оцѣнки познаній и умственнаго развитія ученика гораздо большее значеніе имѣетъ переводъ автора, предварительно имъ приготовленный, нежели переводъ ex tempore. M. Wetzel, ред. журнала, въ примѣчаніи къ этой статьѣ, нѣсколько ограничиваетъ выводъ автора, требуя, чтобъ оцѣнка ученика, главнымъ образомъ, основывалась на устныхъ и письменныхъ переводахъ не читанныхъ еще мѣстъ; въ такихъ переводахъ и должны состоять почти всѣ письменныя работы, исполняемыя въ классѣ. — **H. Hagelüken,** Über Mustersätze zu den syntaktischen und stilistischen Regeln im lateinischen, стлб. 374—378. Авторъ, обращаясь къ составителямъ латинскихъ грамматикъ, предлагаетъ давать примѣры не на каждое отдѣльное синт. или стилист. правило, а такіе, которые бы заключали въ себѣ примѣненіе нѣсколькихъ правилъ. Заучиваніе черезчуръ многихъ примѣровъ безполезно и обременительно для учащихся.

Listy Filologické. XVIII (1891), 1—3.

V. Steinmann, Studie homerské, стр. 1—23. Нѣкоторыя гомеровскія формы глаголовъ: *ἵζω, ἐπέπλεγον, χέω, φημί* (какъ *φάμενος, φαίην* и др.) имѣютъ въ текстѣ значеніе аориста и потому должны или считаться, или (именно формы отъ *ἵζω*) замѣняться формами аористическими.— **F. Krejčí,** O mythu Platonově, стр. 23—30 и 161—170. Отмѣтивъ важное значеніе встрѣчающихся у Платона миѳовъ для пониманія платоновской философіи и строгое различіе, какое дѣлаетъ Платонъ между *λόγος* (мысль, основанная на дедукціи) и *μῦθος* (мысль, опирающаяся на авторитетѣ — боговъ, жрецовъ, пѣвцовъ), авторъ доказываетъ, что миѳы у Платона служатъ 1) подтвержденіемъ его теоретическихъ выводовъ, 2) выраженіемъ того, что мысль, въ нихъ заключающаяся, есть только гипотеза, 3) риторическимъ средствомъ для болѣе рельефнаго выраженія мысли; наконецъ разсматриваетъ взгляды нѣк. ученыхъ, изъ которыхъ одни видѣли въ миѳахъ Платона слабую сторону его филос. системы, другіе смотрѣли на нихъ, какъ на литературный пріемъ, третьи, наконецъ, приписывали имъ особенный мистическій смыслъ; и доказывается ихъ неосновательность. — **F. Krsek,** Literatura římska na Rusi, стр. 170—177 (начало статьи).

Отд. критики. **S. Sobolewski**, De praepositionum usu Aristophaneo, стр. 136—138. *F. Cada* отмѣчаетъ тщательность и научную точность этого обильнаго результатами изслѣдованія.

Berliner Philologische Wochenschrift*). XI (1891), 1—26.

H. Haupt, Neue philologische Erscheinungen aus Russland, стлб. 125—128. Краткая характеристика изданій: журнала „Гимназія“, Павсанія въ пер. Г. Янчевецкаго; Основы библіографіи по ист. римск. лит. Д. Нагуевскаго; In quaestiones Sapph. observ., его же; Федеративная Эллада и Полибій Ѳ. Мищенки; Периклъ В. Бузескула и Къ вопросу о началѣ Рима Ю. Кулаковскаго. — **Val. v. Schoeffer**, рец. книги А. Щукарева „Изслѣдованія въ области каталога аѳ. архонтовъ III в. до Р. Х.“, стлб. 144—148. Выводъ: сочин. А. Щ., несмотря на нѣк. недостатки въ частностяхъ, пред ставляетъ явленіе въ высшей степени цѣнное по своимъ результатамъ. — **H. Stadtmüller**, рец. книги: J. Lunák, Quaestiones Sapphicae, стлб. 453—456. Выводъ: рядомъ съ результатами весьма сомнительной достовѣрности въ книгѣ есть много достойнаго вниманія и для ученыхъ, не согласныхъ съ выводами автора. — **J. Netušil**, Zur Etymologie von pontifex und der ursprünglichen Bedeutung des Kollegiums, стлб. 867—868. Высокое положеніе коллегіи понтификовъ въ жреческой іерархіи не было таковымъ первоначально, а явилось съ теченіемъ времени. Первоначально это была (какъ показываетъ этимологія: pons въ древн. знач. есть „путь“ „дорога“) свѣтская коллегія, обязанность которой состояла въ проложеніи дорогъ (улицъ) въ городѣ и сохраненіи ихъ въ хорошемъ состояніи. Религіозное значеніе коллегія получила вслѣдствіе того значенія, какое имѣло хорошее состояніе общественныхъ дорогъ (особенно въ низкихъ, затопляемыхъ частяхъ Рима) для многочисленныхъ религіозныхъ процессій. Современемъ она стала представлять собою какъ бы центральный органъ этихъ процессій и приняла на себя наблюденіе за процессіоннымъ календаремъ и точнымъ отбываніемъ процессій — въ чемъ и состояла основа всѣхъ позднѣйшихъ правъ и обязанностей коллегіи. Юридическія ея функціи явились уже въ сравн. позднія времена.

Jahresbericht über die Fortschritte der classischen Alterthumswissenschaft, begr. v. C. Bursian, heraus. v. Iwan Müller, XIX (1891), Heft 6. 7. Помѣщены обозрѣнія научной литературы:

по Пиндару за 1888—1890 L. Bornemann'а 1. Abth. стр. 1—16 (оконч. будетъ);

по Теренцію и прочимъ сценическимъ авторамъ, кромѣ Плавта, за 1884—1888, A. Spengel'я 2. Abth. стр. 177—240 (продолженіе);

по исторіи школъ съ древними яз. за 1887 и 1888, K. Hartfelder'а 3. Abth., стр. 97—112 (окончаніе);

по греческимъ сакральнымъ древностямъ (6. Art.: Elis), 3. Abth, стр. 113—144.

*) Въ еженедѣльныхъ журналахъ отмѣчаются только труды русскихъ ученыхъ и статьи по поводу книгъ, изданныхъ въ Россіи.

IV. НОВЫЯ КНИГИ.

а) Вышедшія въ Россіи.

Алексѣевъ, В. Хрестоматія по исторіи древней Греціи въ отрывкахъ изъ древне-классическихъ писателей. Для старшихъ классовъ гимназіи. Вып. I.— 60 коп.

Аристотель, Аѳинское государственное устройство, перев. Н. Шубина, СПБ. — 40 к.

Бласс, Фр. Герменевтика и критика, перев. Л. Ф. Воеводскій. Одесса.

Богуславскій, Е. Интересъ изученія древне-римской литературы. Изд. 2, дополн. Екатеринодаръ. — 25 к.

Вейсенфельсъ, О. Горацій. Значеніе для цѣлей гимназическаго преподаванія и принципы толкованія въ классѣ. Изд. журнала „Гимназія". Митава.

Виноградовъ, Н. Начальный курсъ латинскаго языка. Учебная книжка для 1-го класса. Изд. 2-е. М. — 60 к.

Вышеславцевъ, М. Анекдоты, изреченія и пословицы изъ жизни древняго міра. Новгородъ.

Геродотъ. Греко-персидскія войны. Греческій текстъ съ примѣчаніями и статьями о Геродотѣ и ново-іоническомъ діалектѣ, сост. I. Г о б з о й. Съ картой. Изд. 2-е. М. — 1 р.

Гиляровъ, А. Источники о софистахъ. Платонъ, какъ историческій свидѣтель. I. Методологія и свидѣтельства о софистахъ. Кіевъ. — 2 р. 50 к.

Гоу и Рейнахъ, Минерва. Введеніе къ изученію школьныхъ классиковъ. Пер. П. П е р в о в ъ. Рига. — 1 р.

Григоревскій, М. Сборникъ греческихъ и русскихъ примѣровъ для упражненій въ греческой этимологіи. Сост. по Везенеру. Изд. 5-е. СПБ.

Гуляевъ, А. Предбрачный даръ въ римскомъ правѣ и въ памятникахъ византійскаго законодательства. Дерптъ.

Гуссé, Г. Знаменитыя куртизанки древнихъ вѣковъ (Аспазія, Клеопатра и Ѳеодора). СПБ. — 1 р.

Демосѳенъ. Рѣчи: Олинѳская и первая противъ Филиппа, съ 2-мя рисунками и картой Греціи. Изд. Н. К о р е н ь к о в ъ. — М. — 1 р.

Дютшке. Олимпъ. Миѳологія древнихъ римлянъ и грековъ. Перев. съ нѣмецкаго М. Коршъ. Съ 6-ю гравюрами и 47-ю рисунками въ текстѣ. СПБ. — 1 р. 50 к.

Исаенковъ, Вл. Учебникъ греческаго синтаксиса.—80 к.

Исократъ. Торжественное похвальное слово. Переводъ Н. К о р е н ь к о в а. Калуга. — 50 к.

Казанскій, А. Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса. ц. 2 р. 50 к.

Кеммерлингъ, Мих. Первая латинская книга для трехъ младшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Ч. I. Упражненія. Ч. II. Словарь. Изд. 2-е. СПБ. — За обѣ части 1 р. 25 к.

Крашенинниковъ, М. Римскіе муниципальные жрецы и жрицы. Этнографическое изслѣдованіе. СПБ. — 1 р. 75 к.

Лопатинскій, Л. Руководство для первоначальнаго обученія латинскому языку въ трехъ низшихъ классахъ. Ч. I. Краткая латинская грамматика. Изд. 5-е. М. — 45 коп.

Михайловскій, М. Латинская грамматика. Этимологія и синтаксисъ. Изд. 4-е. СПБ. — 80 к.

Муссеміусъ, В. Русско-латинскій словарь. СПБ. — 2 р. 50 коп.

Мюллеръ, Максъ. Наука о мысли. Перев. В. Чуйко. СПБ. — 2 р. 50 к.

Павликовскій, К. и Исаенковъ, В. Книга упражненій по латинской этимологіи. Сост. по Везенеру. Изд. 4-е, вновь переработанное. М. — 1 р.

Плутархъ, Тесей и Камиллъ; русск. перев. В. Алексѣева. Дешевая библ. II. — 15 к.

Радецкій, С. Введеніе къ чтенію Гомера. М. — 35 к.

Семеновичъ, Ив. Вокабуларій ко II части латинской хрестоматіи. М. — 5 к.

Sobolewski, S. Syntaxis Aristophaneae capita selecta. De sententiarum condicionalium temporalium relativarum forma et usu. M. — 1 р. 50 к.

Софоклъ. Электра. Трагедія. Перев. съ греч. М. Занкова. (Дешевая библіотека). СПБ. — 12 к.

Стефановъ, А. Элементарный поурочный и практическій курсъ греческой этимологіи, съ программой или вопросами для повторенія. 1—2 курсъ (3—4 класса). СПБ. — 2 р. 15 к.

Сыроѣчковскій, Евгеній. Начальная латинская хрестоматія для 3-хъ первыхъ классовъ гимназіи. Вып. I. Курсъ I-го класса. Изд. 2-е. М.

— Вокабуларій къ курсу перваго класса начальной латинской хрестоматіи. Изд. 2-е.

Цицеронъ, М. Туллій. Рѣчи противъ Катилины. Переводъ В. Алексѣева, съ введеніемъ и примѣчан. СПБ. — 85 к.

Цицеронъ. Рѣчь о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. I. Текстъ. II. Комментарій, сост. А. Гофманомъ Изд. 4-е. СПБ. — За обѣ части 70 к.

Шефферъ, В. Аѳинское гражданство и народное собраніе. Часть I. Основы государства и дѣленіе гражданъ въ Аѳинахъ. Москва.

Шраменъ, И. Lhomond. De viris illustribus Romae a Romulo ad Augustum. Обработано для русскихъ учебныхъ заведеній. Съ картой. Изд. 4-е. СПБ.— 90 коп.

---

b) Вышедшія за границей.

Apelt, O. Beiträge zur Geschichte der griech. Philosophie. Leipzig. — 10 M.

Arbois de Jubainville, Les noms gaulois chez César et Hirtius (De bello Gallico). Avec la collaboration de E. Ernault et G. Dottin. I. Bouillon. — 4 fr.

Aristoteles, *πολιτεία Ἀθηναίων,* edd. G. Kaibel et U. de Wilamowitz-Moellendorf. Berlin.—1, 80 M.

Aristotelis qui fertur liber *Ἀθηναίων πολιτεία.* Post Kenyonem edid. H. van Herwerden et J. van Leeuwen. Leiden. — 6 M.

Arnold, Th. Die griechischen Studien des Horaz. Neu herausg. von W. Fries. Halle. — 2 M.

Audouin, E. Etude sommaire des dialectes grecs littéraires (autres que l'Attique) homérique, nouvelionien, dorien, éolien. Préface par O. Riemann. Paris. 3 fr.

Baenitz, M. Das neue Gymnasium und das neue Realgymnasium. Berlin.— 1 M.

Bahnsch, Fr. Die Zukunft des griech. Sprachunterrichts auf den Gymnasien. — 0,50 M.

Bartholomae, Chr. Studien zur indogermanischen Sprachgeschichte. II. Halle.— 7 M.

Bauer, Ad. Litterarische und historische Forschungen zu Aristoteles'*Ἀθην·πολιτεία*. München.— 3 M.

Beurlier, Le culte impérial, son histoire et son organisation, depuis Auguste jusqu'à Justinien. Thorin. — 7, 50 fr.

Boltz, A. Die Kyklopen ein historisches Volk. Sprachlich nachgewiesen.— 1 M.

Cauer, Fr. Hat Aristoteles die Schrift vom Staate der Athener geschrieben? Ihr Ursprung und ihr Wert für die ältere athenische Geschichte. Stuttgart.— 1 M.

Ciceros Rede de imperio Cn. Pompei nach pädagogischen Gesichtspunkten erkl. von Dr. F. Thürmen. — 1, 40 M.

Croiset, A. et M. Histoire de la littérature grecque. III. Thorin. — 8 fr.

Curtius, E. Die Stadtgeschichte von Athen. Berlin.— 16 M.

Erhardt, L. Ueber die Grundlagen uns. höh. Schulbildung, Berlin.—1 M.

Gardthausen, V. Augustus und seine Zeit. Leipzig. I.— 10 M.; II.— 6 M.

Gebhart, Fr. Gedankengang Horazischer Oden in dispositioneller Uebersicht, nebst einem kritisch-exegetischen Anhang. München.—1, 50 M.

Gemoll, W. Die Realien bei Horaz. I Heft, (Tiere u. Pflanzen,—Kleidung u. Wohnung).— 1, 80 M.

Haupt, C. Livius-Kommentar f. d. Schulgebrauch. III: Kommentar zu Buch III. Leipzig.— 0, 80 M.

Herzog, E. Geschichte und System der röm. Staatsverfassung. 2 Bde. Leipzig.— 33 M.

Homers Odyssee in verkürzter Ausgabe. Für den Schulgebrauch von A. Christ (mit 13 Abb. u. 1 Karte). Leipzig.— 1, 70 M.

Horatius, rec. Guil. Mewes. II. Berlin.— 1, 80 M.

Keller, O. Latein. Volksetymologie und Verwandtes, Leipzig.— 10 M.

Klötzer, J. Die griechische Erziehung in Homers Ilias und Odyssee. Ein Beitrag zur Geschichte der Erziehung im Altertum. Diss. Leipzig. — 1, 25 M.

Körber, W. Erziehung, Unterricht und Idealismus, Breslau.— 1 M.

Kreyher, J. L'Annaeus Seneca und seine Beziehungen zum Urchristentum.— 5 M.

Livius. Ab urbe condita liber IX. Für d. Schulgebrauch erkl. von F. Luterbacher. Mit 1 Karte der furculae Caudinae. Leipzig.— 1, 20 M.

Mahaffy, A history of classical Greek literature. I. 3 rd ed.— 4, 6 sh.

Mayr, A. Ueber Tendenz und Abfassungszeit des Sophokleischen Oedipus auf Kolonos. Gel. München.

Meyer, P. Des Aristoteles Politik und die *Ἀθηναίων πολιτεία*. Nebst einer Litteraturübersicht. Bonn. — 1, 20 M.

Müller, A. Die neueren Arbeiten aus dem Gebiete des griech. Bühnenwesens, Göttingen.— 2, 50 M.

Philippson, Alf. Der Peloponnes. Versuch einer Landeskunde auf geologischer Grundlage (съ рис.). 1 Abt Berlin.— 45 M.

Plato, Protagoras, ed. by B. T. Turner. Percival.— 6 sh.

Seignobos, Histoire narrative et descriptive de la Grèce ancienne. Colin.— 4 fr.

Schuchhardt, C. Schliemanns Ausgrabungen, 2 Aufl. Leipz. 405 стр.—8 M.

Sittl, K. Die Patrizierzeit der griechischen Kunst (mit 3 Tafeln). Würzburg.— 2 M.

Sonntag, M. Vergil als bukolischer Dichter. Leipzig.— 5 M.

Sophocle, Oedipe à Colone. Texte grec, avec des notes philologiques et littéraire en français, par M. Feuillatre, Belin.

Stadelmann, F. Erziehung und Unterricht bei den Griechen und Römern. Triest.— 3, 50 M.

Vidal-Lablache, Atlas historique et géographique, 7 livr. Colin.— 1, 25 fr.

Weise, O. Charakteristik der lateinischen Sprache. Ein Versuch. Leipzig.— 2, 40 M.

Weisweiler, J. Die Litteratür und Geschichte des klass. Altertums im Dienste der nationalen und patriot. Jugenderziehung. Paderborn.—0, 60 M.

Zemmrich, J. Toteninseln und verwandte geographiche Mythen (mit 1 Karte). Diss. Leipzig.

Zielinski, Th. *Βορειγόνων*. Gel. München.

О. И. ПѢХОВСКІЙ

(некрологъ).

Печальное извѣстіе о смерти незабвеннаго моего учителя Осипа Ивановича Пѣховскаго, послѣдовавшей въ Варшавѣ 27-го іюня сего года, дошло до меня всего лишь двѣ—три недѣли тому назадъ, и я спѣшу почтить память покойнаго этими, къ сожалѣнію, запоздалыми строками.

О. И. Пѣховскій, отставной заслуженный профессоръ Харьковскаго университета, принадлежалъ къ числу выдающихся знатоковъ литературы, искусства и быта народовъ классической древности и около сорока лѣтъ состоялъ на службѣ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствуя съ неутомимымъ рвеніемъ на поприщѣ преподаванія древнихъ языковъ сперва въ Москвѣ, а съ 1870 г. — въ Харьковѣ. Онъ родился въ Познани въ 1816 г. и первоначальное образованіе свое получилъ въ познанской гимназіи. Послѣ двухлѣтняго пребыванія „кандидатомъ дополнительнаго педагогическаго курса“ онъ былъ принятъ въ іюлѣ 1839 г. въ число студентовъ Московскаго университета, прямо на третій курсъ философскаго факультета, по первому (словесному) отдѣленію послѣдняго. Повидимому, тогдашніе московскіе профессора скоро замѣтили въ молодомъ человѣкѣ и недюжинныя способности, и трудолюбіе, и интересъ къ предметамъ классической филологіи, такъ какъ тотчасъ по окончаніи курса Пѣховскій былъ ими оставленъ при университетѣ для приготовленія къ высшимъ ученымъ степенямъ, со включеніемъ въ число питомцевъ Педагогическаго Института. Два года занимался онъ въ этомъ учрежденіи, а въ августѣ 1843 г. состоялся приказъ о командированіи его за границу для изученія римской словесности и древностей. Пѣховскій оставилъ Москву, чтобы посѣтить Берлинъ, Лейпцигъ и другіе университетскіе города Германіи, а затѣмъ отправиться въ Италію, въ Римъ.

Не мѣшаетъ припомнить, что въ началѣ сороковыхъ годовъ филологическая наука имѣла на Западѣ, особенно въ Германіи, множество блестящихъ представителей. Это было время, когда въ

Кенигсбергѣ пожинали лавры Лобекъ и Лерсъ, въ Боннѣ — Велькеръ и Ричль, въ Бреславлѣ — К. О. Мюллеръ, въ Гёттингенѣ — Шнейдевинъ, въ Галле — Бернгарди, когда въ Лейпцигѣ дѣйствовалъ еще Готтфридъ Германъ, основатель и глава критико-грамматической школы, а въ Берлинѣ читалъ лекціи Августъ Бёкъ, самый крупный представитель историко-антикварнаго направленія. Окруженные многочисленными учениками, почитателями и послѣдователями, Германъ и Бёкъ соперничали другъ съ другомъ. Они находились между собою, по выраженію самого Бёка, „въ странныхъ отношеніяхъ дружбы, поддерживаемой постоянными взаимными нападеніями“ (in dem sonderbaren Verhältniss einer durch wechselseitige Befehdungen unterhaltenen Freundschaft). О. И. Пѣховскій слушалъ не только ихъ обоихъ, но и многихъ другихъ знаменитыхъ профессоровъ того времени; однако тѣснѣе всего примкнулъ онъ къ кружку Германа и на всю жизнь сохранилъ благоговѣйную память объ этомъ геніальномъ человѣкѣ, подъ вліяніемъ котораго въ немъ самомъ развился интересъ и вкусъ къ изслѣдованіямъ въ области языка, къ критическому изученію рукописнаго преданія, къ вопросамъ метрики, къ чтенію и эстетическому толкованію поэтическихъ произведеній древности. Особенно же близко сошелся онъ съ зятемъ Германа Морицемъ Гауптомъ, извѣстнымъ издателемъ Вергилія, Горація, Катулла и другихъ римскихъ поэтовъ.

Въ августѣ 1848 г. Пѣховскій возвратился въ Россію и въ слѣдующемъ году былъ опредѣленъ на службу въ Московскій университетъ адъюнктомъ по каѳедрѣ греческой словесности. Въ 1854 г. онъ защищалъ свою магистерскую диссертацію, въ 1868 г. получилъ степень доктора, а съ 1870 г., какъ сказано, перешелъ на службу въ Харьковъ, гдѣ и состоялъ профессоромъ греческой словесности вплоть до 1885 г. Тяжкая болѣзнь заставила его выйти въ отставку и, оправившись отъ нея, онъ уже не возвращался къ преподавательской дѣятельности. Послѣдніе годы своей жизни онъ проводилъ частью въ Краковѣ, частью въ Варшавѣ, гдѣ и умеръ.

О. И. Пѣховскій въ высокой степени обладалъ знаніемъ своего предмета. Читая въ продолженіе многихъ лѣтъ лекціи по греческимъ древностямъ и по исторіи греческой литературы, онъ успѣлъ обработать эти два предмета въ видѣ прекрасныхъ курсовъ, отличавшихся строгою систематичностью, полнотою и самостоятельностью

сужденія. Они остались неизданными и извѣстны лишь его непосредственнымъ ученикамъ. Кромѣ того покойный профессоръ отводилъ въ своихъ лекціяхъ мѣсто и толкованію древнихъ авторовъ, и можно сказать, что самую сильную сторону его составляла критика и эксегеза греческихъ поэтовъ, особенно же Гомера, Софокла и Эсхила. Глубина пониманія соединялась въ немъ съ горячимъ воодушевленіемъ. Онъ умѣлъ не упустить изъ виду при объясненіи ни одной мало-мальски важной детали, умѣлъ подмѣтить и истолковать малѣйшіе оттѣнки въ выраженіи мысли, умѣлъ выяснить значеніе каждой части въ экономіи цѣлаго. Онъ никогда не забывалъ, что въ поэтическомъ произведеніи смыслъ отдѣльныхъ мѣстъ долженъ прежде всего опредѣляться ихъ отношеніемъ къ идеѣ цѣлаго, и при оцѣнкѣ предлагаемыхъ эмендацій текста эта мысль служила для него основнымъ критеріемъ. Какъ критикъ, онъ придерживался консервативнаго направленія. Его честолюбіемъ было по возможности защитить и отстоять преданіе, и онъ дѣлалъ это съ рѣдкою основательностью и замѣчательнымъ остроуміемъ. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда чтеніе подлинника оказывалось явно и безнадежно испорченнымъ, онъ прибѣгалъ къ конъектурѣ, но при этомъ, подобно Герману, онъ отдавалъ предпочтеніе критикѣ дивинаторной передъ дипломатическою.

Писалъ онъ мало, и кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ статей, напечатанныхъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и въ „Приложеніяхъ къ протоколамъ засѣданій совѣта Имп. Харьк. унив.“, намъ извѣстны лишь два крупныхъ его сочиненія: „De Horatii Flacci epistola ad Pisones“ и „De ironia Iliadis“. Оба они составлены на латинскомъ языкѣ, которымъ покойный владѣлъ въ совершенствѣ. При этомъ нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что въ гомеровскомъ вопросѣ, который затронутъ имъ въ трактатѣ „Объ ироническомъ въ Иліадѣ“, Пѣховскій совершенно разошелся съ Германомъ, допустившимъ, какъ извѣстно, для Иліады существованіе различныхъ поэтовъ въ силу разнаго рода внутреннихъ противорѣчій, несходствъ въ языкѣ и метрѣ, различій въ поэтической обработкѣ сюжета и проч. Пѣховскій напротивъ примкнулъ къ представителямъ консервативной критики и пытался доказать единство Иліады въ томъ же духѣ, хотя и иными пріемами, какъ доказывалъ единство этой поэмы Нитшъ. Своимъ воззрѣніямъ, высказаннымъ въ названномъ сочиненіи,

покойный оставался вѣренъ до конца, считая какъ бы святотатствомъ всякія посягательства на неприкосновенность Иліады и не признавая даже примирительныхъ теорій Грота, Шёмана и др.

О. И. Пѣховскій не былъ узкимъ спеціалистомъ. Онъ отличался рѣдкою любознательностью и широкимъ энциклопедическимъ образованіемъ. Начитанность его была огромна. Онъ равно интересовался и исторіей, и философіей, и искусствами, и языкознаніемъ, и политикой. Санскритскому и литовскому языкамъ онъ началъ учиться уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Этою его многосторонностью, этою чисто юношескою отзывчивостью на высшіе запросы духа, этою горячею любовью къ знанію въ такой же мѣрѣ, какъ и нравственною высотою личности покойнаго объясняется тотъ авторитетъ и то уваженіе, которымъ пользовался Осипъ Ивановичъ въ кругу не только своихъ учениковъ, но и вообще лицъ, знавшихъ его близко.

Кончина его не была ни для кого чѣмъ-нибудь неожиданнымъ. Онъ давно завершилъ поприще общественной дѣятельности и умеръ въ глубокой старости. Тѣмъ не менѣе многимъ изъ его бывшихъ слушателей всгрустнется, когда они узнаютъ, что не стало ихъ добраго, безконечно преданнаго своему дѣлу наставника.

Sit tibi terra levis, molliter ossa cubent!

А. Деревицкій.

12 ноября, 1891 года.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ КРУЖКА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ДРЕВНИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

Среди преподавателей древнихъ языковъ въ Москвѣ возникла мысль образовать кружокъ для обсужденія вопросовъ по классической филологіи, имѣющихъ отношеніе къ преподаванію древнихъ языковъ въ средней школѣ. Предположено было съ этой цѣлью собираться одинъ разъ въ мѣсяцъ, и 4-го февраля 1889 г. состоялось первое собраніе преподавателей древнихъ языковъ, на которомъ были выработаны основныя положенія, опредѣляющія цѣль, составъ и предполагаемый образъ дѣйствій Кружка. Затѣмъ въ ожиданіи окончательной выработки и утвержденія правительствомъ устава Кружка рѣшено было собираться подъ временнымъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ. Наконецъ 30-го іюня 1890 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ утвержденіи устава. 15-го сентября того же года состоялось первое послѣ оффиціальнаго утвержденія собраніе, на которомъ единогласно избранъ былъ предсѣдателемъ Владиміръ Дмитріевичъ Исаенковъ, окружный инспекторъ Московскаго учебнаго округа.

По 1-ое августа 1891 года Кружокъ имѣлъ двадцать три засѣданія. На нихъ были прочитаны и обсуждались слѣдующіе рефераты:

В. Г. Аппельрота: Разборъ книги Тегге: „Учебникъ латинской синонимики“ въ перев. С. Рожанковскаго. — *А. В. Адольфа:* О сочетаніи методическихъ принциповъ въ преподаваніи латинскаго языка, преимущественно въ низшихъ классахъ гимназіи. — *И. Ѳ. Збраславскаго:* Объ употребленіи cum temporale. — *А. С. Владимірскаго:* Сравненіе грамматики Зейфферта съ грамматикой Гарре. — *И. Г. Семеновича:* Сравненіе синтаксисовъ Зейфферта и Шульца въ ихъ русской обработкѣ. — *В. Г. Аппельрота:* О преподаваніи греческой этимологіи въ гимназіяхъ. — *А. С. Владимірскаго:* Біографія Лукіана (опытъ введенія въ школьное изданіе

Л.). — *И. Ѳ. Збраславскаго:* Нравственное ученіе Сократа по Ксенофонту. — *А. Н. Быкова:* Ученіе Цицерона о дружбѣ. — *В. П. Недачина:* Къ вопросу о преподаваніи лат. яз. въ четырехъ низшихъ классахъ. — *В. Д. Исаенкова:* Глава изъ учебника греческаго синтаксиса. — *В. Ѳ. Эйнгорна:* Разборъ книги Мейрера „Pauli sextani liber". — *А. В. Адольфа:* О значеніи древнихъ поэтовъ для эстетическаго воспитанія и о толкованіи ихъ въ классѣ. — *Его же:* Опытъ эстетическаго разбора Овидіева разсказа о Ніобѣ (Metam. V I, 146—312) и Виргиліева — о деревянномъ конѣ (Aen. II, 1—66). — *В. Г. Аппельрота:* Поэтика Аристотеля въ гимназическомъ преподаваніи. — *В. Н. Фаминскаго:* О чтеніи древнихъ авторовъ въ старшихъ классахъ гимназіи. — *А. С. Владимірскаго:* Разборъ греческой грамматики Курца и Фризендорфа.— *Я. А. Левенштейна:* Введеніе къ школьному изданію Ксенофонтовыхъ „Воспоминаній о Сократѣ". — *С. И. Любомудрова:* О классномъ чтеніи Цезаревыхъ записокъ о галльской войнѣ. — *В. П. Недачина:* Опытъ выработки методическихъ положеній для стилистической передачи на русскій яз. латинскихъ прозаиковъ. — *А. В. Адольфа:* О возможныхъ сокращеніяхъ и упрощеніяхъ въ школьномъ латинскомъ синтаксисѣ.

Въ настоящее время Кружокъ состоитъ изъ предсѣдателя, шести почетныхъ членовъ (попечителя Моск. уч. окр. графа П. А. Капниста, помощника попечителя К. И. Садокова, и профессоровъ: Г. А. Иванова, Ѳ. Е. Корша, И. В. Цвѣтаева и А. Н. Шварца) и тридцати восьми дѣйствительныхъ членовъ.

Редакторы-издатели: **А. Адольфъ, В. Аппельротъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

на журналъ классической филологіи и педагогики, подъ названіемъ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ".

Программа журнала: 1. Оригинальныя статьи и замѣтки научнаго характера по классической филологіи и дидактическаго — по преподаванію классическихъ языковъ и совмѣстно съ ними русскаго. 2. Рецензіи и замѣтки о книгахъ и статьяхъ по классической филологіи и по педагогикѣ. 3. Краткія свѣдѣнія о статьяхъ по классической филологіи и по педагогикѣ въ текущей журнальной русской и заграничной литературѣ. 4. Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ и педагогическихъ обществъ. 5. Библіографія. 6. Объявленія. — Въ приложеніи: греческіе и римскіе классики въ русскомъ переводѣ (будутъ помѣщаться только съ 1893 года).

Сроки выхода: четыре раза въ годъ (въ февралѣ, апрѣлѣ, октябрѣ и декабрѣ) книжками. Двѣ книжки будутъ составлять отдѣльный томъ въ объемѣ двадцати печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна съ пересылкой: на годъ (съ 1 янв.) шесть рублей, на полгода три рубля. Двѣ книжки 1891 года стоятъ три рубля съ пересылкой. — Доставка журнала съ наложеннымъ платежемъ не принимается. — За перемѣну адреса подписчики доплачиваютъ двадцать коп. марками. — Частныя объявленія отъ книгопродавцевъ и издателей — по расчету, считая за страницу 25 рублей.

Подписка принимается въ редакціи „Филологическаго Обозрѣнія" (адресъ Почтамту извѣстенъ) и въ книжныхъ магазинахъ: А. Ланга (Москва, Кузнецкій Мостъ, д. кн. Гагарина) и А. Суворина (въ Москвѣ и С.-Петербургѣ).

Редакторы-издатели: ***А. Адольфъ, В. Аппельротъ.***

Отъ редакціи.

1. Обратную пересылку рукописей редакція принимаетъ на себя только за счетъ авторовъ.

2. О пригодности или непригодности рукописи для напечатанія редакція извѣщаетъ авторовъ только въ томъ случаѣ, если для этой цѣли приложена семи-коп. марка; свѣдѣнія такого рода редакція можетъ дать автору не ранѣе, чѣмъ черезъ двѣ недѣли.

Редакція обращается къ гг. авторамъ и издателямъ книгъ, имѣющихъ отношеніе къ классической филологіи и педагогикѣ, съ просьбой присылать въ редакцію по экземпляру ихъ изданій для своевременнаго оповѣщенія о выходѣ ихъ въ отдѣлѣ „Новыя книги". О каждой присланной въ редакцію книгѣ будетъ помѣщена библіографическая замѣтка, а о болѣе выдающихся — критическій отзывъ въ одной изъ книжекъ журнала.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

12) Дѣти и птицы, проф. **Д. Н. Кайгородова**; 13) Отношеніе семьи и школы къ вопросу о репетиторствѣ, **М. И. Крыгина**; 14) Къ вопросу о переутомленіи учащихся, **С. А. Будневскаго**; 15) Профессіональная школа и подъемъ отечественной промышленности, **М. Л. Песковскаго**; 16) Цѣль и средства преподаванія низшей математики, **С. И. Шохоръ-Троцкаго**; 17) Къ вопросу о преподаваніи естественныхъ наукъ въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, **П. Ф. Лесгафта**; 18) Преподаваніе географіи въ послѣднее пятидесятилѣтіе и желательная постановка этого предмета въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, **А. И. Пуликовскаго**; 19) Очерки частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія въ Россіи (народныя чтенія, частныя воскресныя школы и народныя библіотеки), **Я. В. Абрамова**; 20) Народное образованіе въ Московской губерніи (къ двадцатипятилѣтію земскихъ учрежденій), **И. П. Бѣлоконскаго**; 21) Народное образованіе въ Восточной Сибири. **Его же**; 22) Къ вопросу о значеніи и задачахъ русской народной школы. **А. М. Тютрюмова**; 23) Спеціальныя практическія задачи русской народной школы. **Н. А. Феликсова**; 24) Какія училища нужны для Петербурга. **К. К. Сентъ-Илера**; 25) Къ вопросу о журналѣ для народа и народной школы (по поводу „Читальни народной школы" за 1890 годъ). **А. М. Калмыковой**; 26) Къ вопросу о книгѣ въ жизни нашихъ дѣтей и юношества (Разборъ девяти новыхъ книгъ для дѣтскаго чтенія). **Ея же.**

Въ вышедшихъ книжкахъ помѣщены также рецензіи на нѣкоторыя педагогическія сочиненія, брошюры и руководства, дано обозрѣніе нѣсколькихъ педагогическихъ журналовъ, иностранныхъ и русскихъ, за 1890 г., рядъ статей по хроникѣ школьной жизни въ Германіи и въ Россіи и наконецъ библіографическій указатель педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія, вышедшихъ съ 1-го ноября 1890 г. по 1-е апрѣля 1891 года.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголъ Лиговки и Бассейной, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, „Новаго Времени", а также и въ книжномъ складѣ А. М. Калмыковой. Подписная цѣна въ Петербургѣ безъ доставки — *шесть рублей* въ годъ; съ доставкою *шесть рублей пятьдесятъ копеекъ;* для иногороднихъ съ пересылкой — *семь рублей*. Гг. учителямъ и учительницамъ сельскихъ и начальныхъ городскихъ школъ дѣлается съ подписной платы одинъ рубль уступки.

Въ „Русской Школѣ" принимаютъ участіе слѣд. лица: **Я. В. Абрамовъ, И. Ѳ. Анненскій, М. А. Антоновичъ, В. Л. Бернштаммъ, Н. И. Билибинъ, С. К. Буличъ, И. П. Бѣлоконскій, проф. Н. И. Быстровъ, проф. В. Г. Васильевскій, П. И. Вейнбергъ, Н. Х. Вессель Е. Н. Водовозова, В. А. Воскресенскій, З. Б. Вулихъ, Е. М. Гаршинъ, В. П. Геннингъ М. Ю. Гольдштейнъ, Н. Г. Дебольскій, М. И. Демковъ, П. В. Засодимскій, проф. Д. Н. Кайгородовъ, А. М. Калмыкова, П. Ѳ. Каптеревъ, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. А. И. Кирпичниковъ, Я. И. Ковальскій, проф. Ю. А. Кулаковскій, проф. А. Н. Ланго, проф. П. Ф. Лесгафтъ, І. Э. Мандельштаммъ, В. В. Михайловъ, К. Н. Модзалевскій, проф. В. И. Модестовъ, П. О. Морозовъ, Л. Е. Оболенскій, проф. Н. А. Осокинъ, А. Н. Острогорскій, В. П. Острогорскій, І. И. Паульсонъ, М. Л. Песковскій, Н. И. Позняковъ, В. Л. Розенбергъ, Д. Д. Семеновъ, В. Д. Сиповскій, К. К. Сентъ-Иллеръ, В. И. Срезневскій, А. Н Страннолюбскій, проф. А. С. Трачевскій, К. Ю. Цируль, Вл. А. Шидловскій, проф. В. А. Шидловскій, С. И. Шохоръ-Троцкій, проф. Эрисманъ** и нѣкоторые другіе.

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ*.

XX

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XX

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЖУРНАЛЪ

КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ

И

ПЕДАГОГИКИ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа,
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., домъ Лисснера.
1892.

X X

Содержаніе второго тома.

Отдѣлъ первый. Статьи научныя и педагогическія. Хроника.

III. Обзоръ журналовъ (за второе полугодіе 1891 года).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

ВЪ ОТДѢЛѢ ПЕРВОМЪ:

Стран. 43, строка 7 сн. — послѣ слова „Palat" слѣд. чит.: p. LXXXIII sq.
„ 44 „ 7 сн. — вм. „Geogr. Monach. contin. V c. 16" слѣд. чит.: „Geogr. Monach. Contin. Несовершеннолѣтіе Константина VIII, глава 16".
„ 54 „ 14 св. — вм. 1229 слѣд. читать 1829.

ВЪ ОТДѢЛѢ ВТОРОМЪ:

Стран. 56, строка 21 сн. — вм. „тенденціозныхъ, написанныхъ" слѣд. чит. „тенденціозное, написанное".
„ 94 „ 23 сн. — вм. „авторовъ" слѣдуетъ читать „аттическихъ авторовъ".
„ 116 „ 23 сн. — вм. „т. II" слѣд. читать „т. I".
„ 130 „ 6 св. — вычеркнуть слова: Nicht...einmahl.
„ 159 „ 15 св. — вм. „агоноѳетіей" „агоноѳесіей".

Въ первомъ томѣ „Фил. Обозр." не указаны слѣд. погрѣшности:

Отд. 2. стр. 113, строка 5 св. — вм. „блестящей фантазіи" слѣд. читать „блестящихъ фантазій".
„ 118 „ 4 сн. — вм. „освѣтилъ" чит. „освѣжилъ".
„ 138 „ 20 сн. — вм. „Лономъ" чит. „Лонгомъ".
„ 214 „ 2 сн. — вм. „Нитушъ" чит. „Нитцшъ".

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

СТАТЬИ НАУЧНЫЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ. ХРОНИКА.

17

I. СТАТЬИ НАУЧНЫЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ.

О значеніи слова „satura“ въ исторіи римской литературы.

Въ настоящей статьѣ я не намѣренъ разсматривать трудный и спорный до сихъ поръ вопросъ объ основномъ значеніи выставленнаго мною въ заглавіи слова: я постараюсь отвѣтить на другой вопросъ, на вопросъ о томъ, что подразумѣвалось подъ satura въ разные періоды исторіи римской литературы. Я считаю себя въ правѣ поставить этотъ вопросъ, хотя въ учебникахъ до сихъ поръ не замѣтно было никакого существеннаго разногласія относительно того, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать вышеупомянутый терминъ. Лишь въ новѣйшее время Kiessling[1]) и Leo[2]) высказывали свое сомнѣніе въ правильности общепринятаго взгляда, но и имъ не удалось вытѣснить его окончательно, какъ это видно изъ новѣйшаго очерка исторіи римской литературы Schanz'a[3]), гдѣ вопросъ о возникновеніи и развитіи римской сатиры изложенъ такъ, какъ это дѣлается обыкновенно. Я пытаюсь дать нѣсколько дополненій къ доводамъ выше названныхъ ученыхъ.

Извѣстно, что по обычной теоріи развитіе римской сатиры совершилось слѣдующимъ образомъ: слово satura служило сначала для обозначенія шуточнаго пѣнія или перебранки сценическаго характера, затѣмъ Энній началъ его примѣнять въ другомъ смыслѣ, назвавъ сатирами сборникъ стихотвореній различнаго содержанія; это новое значеніе стало преобладать надъ прежнимъ, пока наконецъ, подъ вліяніемъ Луцилiевой сатиры, слово satura не получило значеніе сатиры въ современномъ смыслѣ, которое и осталось за нимъ до настоящаго времени.

---

1) Kiessling, Q. Horatius Flaccus Satiren, Berlin 1886, p. VII—IX.

2) Leo Hermes XXIV.

3) Schanz, Geschichte der römischen Litteratur въ „Handbuch der klassischen Alterthumswissenschaft“. Bd. VIII. München 1890, p. 13—14 и 88—90.

Для примѣра я сошлюсь на соотвѣтствующія мѣста въ учебникѣ Teuffel'я и въ прекрасномъ сочиненіи Ribbeck'a. Teuffel [1]) говоритъ слѣдующее: „Въ satura съ самаго начала, кажется („scheint“), преобладалъ драматическій элементъ. Это были, по всей вѣроятности („wohl“), веселыя игры сельской молодежи, отдѣльныя пѣсни или комическіе разсказы, сопровождаемые плясками и жестикуляціями, подъ аккомпаниментъ tibiae; относительно внѣшнихъ поводовъ и относительно содержанія онѣ были еще разнообразнѣе фесценнинъ. Онѣ были связаны съ общими празднествами, и, когда сооружена была въ Римѣ публичная сцена въ 390 году города, странствующіе пѣвцы стали исполнять ихъ и на послѣдней. Позднѣе, когда въ составъ общественныхъ увеселеній уже вошли и художественныя драмы по греческому образцу, онѣ были присоединены къ послѣднимъ, и вслѣдствіе этого мало-по-малу получали названіе Nachspiele, exodia...“ Въ слѣдующемъ примѣчаніи р. 6 Teuffel откровенно сознается въ томъ, что всѣ толкованія о satura болѣе или менѣе туманны и шатки („über die satura ist alles dunkel und unsicher“), и какъ на единственное свидѣтельство въ пользу всего вышеизложеннаго онъ ссылается на извѣстное мѣсто Ливія (VII 2), гдѣ упоминается объ impletae modis saturae. Далѣе въ § 28, стр. 43 Teuffel продолжаетъ: „Сатира сдѣлалась литературнымъ родомъ благодаря Эннію, давшему одному сборнику стихотвореній разнообразнаго содержанія заглавіе saturae. Примѣру его слѣдовали, быть можетъ, его племянникъ Пакувій и несомнѣнно римскій всадникъ Гай Луцилій. Въ сатирѣ послѣдняго преобладала критика современнаго общества, и этотъ элементъ съ тѣхъ поръ сдѣлался однимъ изъ главныхъ признаковъ въ понятіи сатиры“.

Съ изложеніемъ Teuffel'я, въ общемъ, согласуются разсужденія Ribbeck'a. На стр. 8 онъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Какъ въ Аттикѣ и въ другихъ частяхъ Греціи, такъ и въ Италіи, по исконному обычаю, во время жатвы и сбора винограда поселяне и виноградари предавались удовольствіямъ и веселью. Въ праздникъ Liber'a они, надѣвъ маски, отправлялись изъ деревни въ городъ, переходя изъ одной улицы въ другую и везя съ собою повозку, на которой выставленъ былъ фантастическій символъ

[1]) Teuffel, Geschichte der römischen Literatur. Leipzig 1890. § 6, p. 5.

порождающей силы природы. Отъ послѣдняго и колкіе и, разумѣется, безыскусственные стихи, которыми перебрасывались участвующіе во время празднества, назывались versus fescennini, т.-е. стихами фесценновъ. Пастухи, одѣтые въ козлиныя шкуры, назывались saturi, какъ греческіе *σάτυροι*, т.-е. козлами, ихъ колкія шутки — satura, шуткою козловъ. Лишь изъ этого значенія, но уже въ раннюю пору, развилось значеніе „сытый“, въ виду того, что упомянутые шаловливые шуты были полны пищи и питья“.

Затѣмъ на стр. 48 внизу, упомянувъ о Сотадѣ и его *λόγοι Ἰωνικοί*, Ribbeck говоритъ слѣдующее: „Какъ легко долженъ былъ совершиться переходъ отъ подобныхъ обнаруженій пресыщенной фантазіи и другихъ мелочей серьезнаго и шаловливаго характера, какія порождала греческая мелочная литература въ значительномъ количествѣ, къ тому роду литературы, на который римляне впослѣдствіи столь охотно смотрѣли какъ на продуктъ собственнаго національнаго творчества! Точно такъ же, какъ блюдо съ разными плодами, или пирогъ, составленный изъ различныхъ частей, назывались satura, такъ и Энніева сатира представляла собою quodlibet, разнообразный по тону, содержанію и внѣшней формѣ. Это были какъ бы летучіе листы, въ которыхъ авторъ сообщалъ своимъ землякамъ все, что его занимало для забавы, поощренія, просвѣщенія, увеселенія и поученія. Уже Энній отводилъ соотвѣтственное мѣсто діалогическому элементу, напоминающему народный фарсъ древней сатиры; послѣдній и навсегда остался свойственъ этимъ легкимъ литературнымъ произведеніямъ (Plaudereien)“.

Приведя слова двухъ наиболѣе извѣстныхъ представителей исторіи римской литературы, я позволяю себѣ высказать нѣкоторое сомнѣніе въ вѣрности принятой почти всѣми знатоками теоріи. Сомнѣніе это возникло у меня уже лѣтъ пять тому назадъ, когда мнѣ приходилось объяснять слушателямъ своимъ нѣсколько сатиръ Горація. Лишь послѣ того я узналъ, что Kiessling и Leo держатся того же взгляда какъ и я, но тѣмъ не менѣе, я думаю, что статья моя не будетъ излишня. По крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи она можетъ служить дополненіемъ и подтвержденіемъ мнѣнія названныхъ ученыхъ.

По обыкновенному взгляду слово satura до Эннія уже имѣло свое твердое значеніе — въ литературномъ отношеніи; подъ этимъ

словомъ будто бы подразумѣвали шуточное пѣніе съ соотвѣтствующей мимикой. Если такъ, то мы въ правѣ спросить, какимъ образомъ Энній могъ прійти къ мысли примѣнить это слово въ совершенно иномъ значеніи, обозначить имъ стихотворенія неопредѣленнаго характера, назначенныя для чтенія, а никоимъ образомъ не для сценическаго представленія? Teuffel вовсе не задается цѣлью объяснить такой странный переходъ значенія и ограничивается лишь тѣмъ, что констатируетъ его какъ фактъ, между тѣмъ какъ Ribbeck и Schanz видятъ точку соприкосновенія въ діалогическомъ элементѣ, которымъ въ самомъ дѣлѣ всегда отличалась и литературная сатира. Объясненіе это мнѣ кажется не совсѣмъ удовлетворительнымъ. Если римляне дѣйствительно подъ satura подразумѣвали нѣчто въ родѣ современной оперетки, т.-е. одно цѣлое, состоящее изъ текста, музыки и пляски, то едва ли Энній нашелъ бы нужнымъ употреблять слово въ другомъ смыслѣ. Но спрашивается, дѣйствительно ли слово satura имѣло приписываемое ему значеніе фарса или оперетки? По моему, это далеко не такъ доказано, какъ обыкновенно думаютъ.

Отъ какого значенія слова satura намъ слѣдуетъ исходить? Отъ значенія: „фарсъ“, „оперетка“ или же отъ значенія: стихотвореніе разнообразнаго, неопредѣленнаго содержанія и неопредѣленной внѣшней формы? Я думаю, отъ того значенія, которое принадлежитъ этому слову во всей римской литературѣ, начиная съ Эннія, т.-е. отъ значенія quodlibet, potpourri и т. п. Значеніе это не подлежитъ сомнѣнію и достаточно подтверждается аналогіей выраженій lanx satura и lex satura.

Разборомъ предложеннаго Ribbeck'омъ словопроизводства я не стану задаваться: задачу эту я вполнѣ предоставляю сравнительнымъ языковѣдамъ — меня здѣсь интересуетъ только фактическое значеніе или примѣненіе названнаго слова въ римской литературѣ. Итакъ дѣло обстоитъ слѣдующимъ образомъ: съ одной стороны мы имѣемъ цѣлый рядъ мѣстъ, гдѣ встрѣчается одно и то же извѣстное намъ значеніе, съ другой стороны имѣется одно только мѣсто, гдѣ, кажется, слово примѣнено въ нѣсколько иномъ значеніи. Въ такомъ случаѣ филологическій методъ требуетъ отъ насъ подробнаго и тщательнаго разбора даннаго мѣста, и только въ случаѣ крайности мы въ правѣ установить особое значеніе слова, но при этомъ должны стараться объяснить возникновеніе

этого значенія изъ обыкновеннаго. Liv. VII 2 является единственнымъ свидѣтельствомъ о такъ-называемой древней, сценической сатирѣ, или, лучше сказать, единственнымъ кажущимся доказательствомъ того, что римляне свои нескладныя національныя сценическія игры называли въ извѣстное время сатирами.

Ливій говоритъ: sine carmine ullo, sine imitandorum carminum actu, ludiones ex Etruria acciti ad tibicinis modos saltantes haud indecoros motus more Tusco dabant, т.-е. приглашенные изъ Этруріи актеры исполняли пляску подъ музыку по этрусскому обычаю, безъ всякаго пѣнія и безъ соотвѣтствующихъ пѣнію движеній. Imitari deinde eos iuventus, simul inconditis inter se iocularia fundentes versibus, coepere; nec absoni a voce motus erant. Значитъ, римская молодежь стала подражать иностраннымъ актерамъ, соединивъ ихъ пляску съ шуточнымъ попеременнымъ пѣніемъ, повидимому съ исконными versus Fescennini, о которыхъ идетъ рѣчь ниже; иначе говоря: подъ этрусскимъ вліяніемъ древніе національные фарсы были обставлены богаче присоединеніемъ къ нимъ орхестическаго элемента. Ливій продолжаетъ: accepta itaque res saepiusque usurpando excitata. vernaculis artificibus, quia ister Tusco verbo ludius vocabatur, nomen histrionibus inditum — такъ образовалось у римлянъ сословіе актеровъ. Это не могло не повліять на развитіе указанныхъ нескладныхъ сценическихъ игръ: qui non, sicut ante, fescennino versu similem incompositum temere ac rudem alternis iaciebant, sed impletas modis saturas descripto iam ad tibicinem cantu motuque congruenti peragebant. Значеніе приведенныхъ словъ не можетъ быть инымъ, кромѣ слѣдующаго: фарсы получали болѣе или менѣе художественный характеръ; отказавшись отъ свойственной фесценнинамъ неправильности и неопредѣленности, актеры, относительно музыкальной части, перестали импровизировать и начали заранѣе сочинять соотвѣтствующую тексту музыку; въ связи съ этой реформою тексты пѣсенъ также измѣнялись. Актеры распѣвали уже не inconditos versus, а saturas. Здѣсь встрѣчается впервые интересующее насъ слово satura. Какое значеніе она имѣетъ въ данномъ мѣстѣ? Какъ мнѣ кажется, изъ самой связи мыслей явствуетъ, что логическое удареніе тутъ поставлено Ливіемъ или его источникомъ на impletas modis и descripto iam ad tibicinem cantu, а никакъ не на saturas. Тотъ писатель, отъ котораго Ливій

заимствовалъ данное показаніе, не говоритъ, будто подобныя шуточныя представленія сценически-мимическаго характера назывались или стали называться saturae; авторъ нашъ указываетъ лишь на то, что актеры начали заранѣе сочинять музыку, при чемъ приготовленный для самаго пѣнія текстъ назывался satura. Разъ музыка сочинялась заранѣе, то это было мыслимо только лишь въ томъ случаѣ, если и текстъ, къ которому она должна была подойти, заготовлялся раньше до самаго представленія: слѣдовательно, импровизація прекратилась и была замѣнена болѣе или менѣе художественною подготовкою. Въ рукахъ актеровъ національныя грубыя импровизаціи получили болѣе обработанный характеръ, какъ въ музыкальномъ отношеніи, такъ и относительно текста. Текстъ обозначенъ словомъ satura; и если мы станемъ разсматривать слова Ливія безъ предубѣжденія, то и здѣсь можемъ понимать satura только въ обыкновенномъ значеніи, въ значеніи quodlibet, т.-е. тексты не носили какого бы то ни было опредѣленнаго характера, но отличались большимъ разнообразіемъ содержанія и внѣшней формы. Но такой quodlibet всегда былъ сочиненъ извѣстнымъ авторомъ, всегда имѣлъ видъ литературнаго произведенія. Итакъ Ливій повѣствуетъ, что saturae, т.-е. potpourris, распѣваемыя актерами на сценѣ, были снабжены заранѣе сочиненной музыкой. Другого смысла я въ его словахъ открыть не могу. Подъ satura въ данномъ мѣстѣ не подразумѣвается совокупность всего того, что было слышно и видно на сценѣ, но только часть, только текстъ, при этомъ слово наше не примѣнено здѣсь въ какомъ-нибудь спеціальномъ, техническомъ значеніи, но въ обыкновенномъ, общемъ. И дѣйствительно, трудно сказать, какимъ другимъ словомъ авторъ могъ характеризовать текстъ новыхъ болѣе развитыхъ драматическихъ игръ. Слово carmen, уже имѣющее свое опредѣленное значеніе, не было совсѣмъ умѣстно, слово versus, употребленное выше, также не подходило; третье слово fabula примѣнено ниже въ другомъ смыслѣ, и если авторъ не хотѣлъ прибѣгнуть къ обстоятельному перифразу, ему осталось только слово satura, введенное въ римскую литературу Энніемъ для обозначенія стихотвореній неопредѣленнаго характера, не входящихъ въ составъ того или иного изъ установленныхъ родовъ поэзіи.

Слѣдующія слова Ливія не оставляютъ, какъ мнѣ кажется, ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что слово satura примѣнено писа-

телемъ въ обыкновенномъ смыслѣ: Livius post aliquot annos, qui ab saturis ausus est primus argumento fabulam serere.... Тутъ, очевидно, свободныя и неопредѣленныя saturae противопоставляются настоящимъ драмамъ по греческому образцу, которыя со временъ Ливiя составляли текстъ упомянутыхъ общественныхъ сценическихъ игръ, т.-е. и въ этомъ мѣстѣ satura обозначаетъ только текстъ, а не совокупность данной игры. Итакъ обыкновеннаго значенiя вполнѣ достаточно для объясненiя нашего мѣста, нѣтъ никакой необходимости понимать его иначе.

Можно итти еще дальше. Изъ послѣднихъ словъ Ливiя мы въ правѣ заключить, 1) что выше характеризованныя мимическiя и сценическiя игры въ ихъ совокупности не назывались saturae и 2) что даже такъ-называемая сценическая satura не имѣла ничего общаго съ exodia. Поэтому Teuffel, по которому она сначала служила въ театрѣ „послѣигрiемъ“, не можетъ ссылаться на текстъ Ливiя. Дѣло въ слѣдующемъ. Ливiй говоритъ: Iuventus histrionibus fabellarum actu relicto, ipsa inter se more antiquo ridicula intexta versibus iactitare coepit, quae exodia postea appellata consertaque fabellis potissimum Atellanis sunt. Я думаю, если названiе satura было принято для обозначенiя нацiональныхъ игръ римской молодежи, то авторъ по крайней мѣрѣ на этомъ мѣстѣ долженъ былъ имъ воспользоваться. Вмѣсто того онъ опять избѣгаетъ опредѣленнаго выраженiя. Ливiй нигдѣ не говоритъ, что „saturae“ съ возникновенiя регулярныхъ драмъ были переименованы въ exodia, но что ridicula intexta versibus послѣ того, какъ они были связаны со сценическими представленiями въ качествѣ „послѣигрiй“, получили названiе „exodia“. Какое названiе они носили до этого времени — неизвѣстно. На это не имѣется никакихъ указанiй.

Затѣмъ я позволю себѣ замѣтить, что въ текстѣ Ливiя слѣдуетъ различать impletae modis saturae отъ radicula intexta versibus. Первыя находились въ рукахъ актеровъ, принадлежали исключительно имъ и въ концѣ концовъ преобразовались въ драмы. Вторыя оставались достоянiемъ нацiональной молодежи и впослѣдствiи назывались exodia. Итакъ изъ текста Ливiя вытекаетъ, что между saturae или, лучше сказать, между болѣе или менѣе художественными представленiями актеровъ, — текстъ которыхъ авторъ называетъ saturae — съ одной стороны, и между exodia, совпадаю-

щими съ нескладными шутками римской молодежи, съ другой, не имѣется никакой органической связи. Напротивъ, мы имѣемъ два параллельныхъ развитія. Исходнымъ пунктомъ того и другого является пляска этрусскихъ ludiones — carmina fescennina. Съ одной стороны, актеры развивали ихъ дальше, начавъ сочинять соотвѣтствующіе музыкальному акомпанименту тексты (saturae), пока Андроникъ не совершилъ окончательный переходъ къ греческой драмѣ; съ другой стороны, первоначальныя увеселенія продолжали существовать въ прежнемъ видѣ и начали примѣняться въ качествѣ exodia.

Итакъ, пора устранить изъ учебниковъ любимый терминъ „древняя, сценическая сатира“. Разумѣется и въ Италіи поселяне праздновали жатву и другіе веселые дни маскарадами и колкими, шаловливыми пѣніями, но никто не въ состояніи доказать, что подобныя вещи когда-нибудь назывались saturae. Въ текстѣ Ливія слово это вовсе не относится къ подобнымъ нескладнымъ играмъ, а примѣнено въ совершенно иномъ значеніи.

Мы должны оставаться при томъ мнѣніи, что до Эннія слово saturae не имѣло никакого техническаго значенія, но служило — или по крайней мѣрѣ могло служить — для обозначенія всякаго mixtum compositum, давъ ему опредѣленное литературное значеніе, и подъ вліяніемъ созданной имъ терминологіи тотъ писатель, отъ котораго Ливій заимствовалъ VII 2, воспользовался имъ для обозначенія текстовъ, распѣвавшихся римскими актерами на сценѣ до временъ Ливія Андроника.

Вкратцѣ: 1) Изложеніе исторіи римской сатиры слѣдуетъ начинать съ Эннія, а не съ какой-то „сценической сатиры“.

2) Хотя изложеніе доисторическаго или долитературнаго періода римской литературы не можетъ не касаться versus fescennini и подобныхъ явленій, тѣмъ не менѣе оно должно избѣгать термина „satura“.

Іосифъ Лецiусъ.

Къ синтаксису сложныхъ предложеній греческихъ и латинскихъ.

II.

Объ относительныхъ предложеніяхъ.

Между тѣмъ какъ греческое относительное мѣстоименіе *ὅς* находится въ близкомъ синтактическомъ родствѣ съ указательнымъ мѣстоименіемъ *ὁ* (*ὅ*), — въ особенности, конечно, въ языкѣ Гомера, — латинское относительное мѣстоименіе qui примыкаетъ непосредственно къ вопросительному мѣстоименію, какъ въ синтактическомъ, такъ даже и морфологическомъ отношеніяхъ. Въ виду этого возникаетъ вопросъ: на чемъ основывается такое взаимодѣйствіе съ одной стороны относительной и указательной категорій, а съ другой — относительной же категоріи съ вопросительной? А это въ свою очередь равносильно вопросу о происхожденіи относительной категоріи предложеній греческихъ и латинскихъ. Вопросъ этотъ важенъ для научной грамматики не только самъ по себѣ, но и потому, что, какъ будетъ въ своемъ мѣстѣ указано, относительное мѣстоименіе послужило источникомъ возникновенія наибольшаго количества подчинительныхъ союзовъ. Весьма значительная часть придаточныхъ предложеній съ союзами составляетъ, такимъ образомъ, въ своемъ основаніи лишь особое примѣненіе относительнаго подчиненія.

Относительнымъ мѣстоименіемъ въ греческомъ языкѣ служитъ преимущественно слово *ὅς, ἥ, ὅ*. Относительно его производства существуютъ два мнѣнія[1]). Одни (Квичала въ Sitzungsberichte der Wiener Akademie 1870 Bd. 67, стр. 117 сл., слѣдуя Лотт-

---

[1]) Не считая упоминаемаго у Виндиша (Ursprung des Relativpronomens in den indogerm. Sprachen, стр. 209) производства Савельсберга отъ корня kva, такъ что *ὅς=κϝός*. Кстати можно замѣтить, что упомянутое сочиненіе Виндиша касается семазіологіи почти всѣхъ мѣстоименій, разбираемыхъ по поводу заглавной темы.

неру K. Z. IX, 320; ср. также G. Meyer, Gr. Gr. § 436) производятъ относительное ὅς отъ того же корня, какъ и притяжательное ὅς, а именно отъ корня sva (т.-е. su̯o). Напротивъ, другіе (въ томъ числѣ напр. и Brugmann, Gr. Gr.) различаютъ оба ὅς: относительное ὅς производитъ Бругманъ (§ 204, по примѣру еще Боппа, Курціуса, Шлейхера, Виндиша и др.) отъ указательнаго корня i̯o (скр. jas, jâ, jad, зенд. jaç [jô], jâ, jaṭ, ц.-сл. и-же, ꙗ-же, ѥ-же), въ то время какъ притяжательное ὅς отнесено (§ 98) къ корню sva, за которымъ, впрочемъ, тоже признается первоначально указательное значеніе (сохранившееся, по Бругману, въ ὥς гом. ϝός, относимомъ имъ именно къ этому корню[1]). По этому объясненію густое придыханіе въ ὅς, ἥ, ὅ произошло изъ i̯, между тѣмъ какъ то же самое придыханіе въ ὁ, ἡ, τό (сравнительно съ санскр. sa-(s), sâ, tad и зенд. hô, hâ, taḥ) основывается на первоначальномъ s (ср. Brugmann, Gr. Gr. §§ 51 и 94). Но происходитъ ли относительное ὅς отъ корня su̯o[2]) или корня i̯o, во всякомъ случаѣ основное указательное значеніе для обоихъ корней и черезъ это и для греч. относительнаго мѣстоименія достаточно ясно. Правда, одно изъ главныхъ доказательствъ въ пользу этого положенія, именно указательное употребленіе слова ὅς въ такихъ оборотахъ, какъ ἦ δ' ὅς, καὶ ὅς и т. п., устраняется Бругманомъ (Gr. Gr. § 203 прим.) производствомъ этого ὅς отъ первоначальнаго *so·s т.-е. отождествленіемъ его съ ὁ, такъ что это ὅς отличалось бы отъ ὁ такимъ образомъ, какъ санскр. sa-ḥ отъ санскр. sa (§ 94); вслѣдствіе чего у Бругмана получаются три ὅς: 1) притяжательное отъ корня suo, 2) относительное отъ корня i̯o и 3) указательное отъ корня so[3]). Однако послѣднему толкованію мѣшаетъ

---

1) Однако ср. Windisch, стр. 215 сл., гдѣ онъ указываетъ возможную причину просодическаго различія предшествующихъ передъ ὅς и ὥς слоговъ, при одинаковомъ производствѣ обоихъ словъ отъ корня i̯o.

2) Производство отъ корня su̯o предложено главнымъ образомъ ради упоминаемаго въ нашей статьѣ о косв. вопросахъ (Фил. Обозр. I, 2, стр. 105) локрійскаго ϝότι (ср. Windisch, стр. 212); однако если бъ и нужно было возводить ὁ въ ὅ-τι къ корню su̯o, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что и обычное относительное ὅς принадлежитъ къ тому же корню, какъ можно убѣдиться изъ нашего изложенія въ указ. мѣстѣ.

3) Указанный корень so существовалъ нѣкогда также и въ лат. яз., — однако замѣчательно, что всѣ примѣры этого рода (sum = cum, sos = eos, sam = eam и др.) цитируются только изъ Эннія.

форма средняго рода *ὅ* (*M* 344; 357; *Ψ* 9; *ω* 190; *ὃ γὰρ γέρας ἐστὶ θανόντων*), доказывающее, что по крайней мѣрѣ въ сознаніи пѣвцовъ этихъ текстовъ Гомера указательное *ὅς* ставилось въ одинъ рядъ съ относительнымъ *ὅς, ἥ, ὅ*, а не съ *ὁ, ἡ, τό*. Аналогическое возникновеніе средняго рода *ὅ*, принимаемое Бругманомъ (§ 203 прим.), столь же мало правдоподобно, какъ и предположенія Deecke (Griech. u. lat. Nebensätze стр. 30), доводящаго здѣсь вліяніе аналогіи до крайности. Древнее указательное значеніе относительнаго *ὅς—ὅ* могло держаться благодаря тому, что въ значеніи „такъ" укрѣпилась форма *ὧς* или *ὥς* (= *τώς*, изрѣдка встрѣчающемуся у Гомера, напр. *Γ* 415; *τ* 234): какъ употреблялось съ нарѣчіемъ *καὶ ὥς, οὐδ' ὥς* и т. п. такъ могъ сохраниться древній указательный смыслъ также и въ мѣстоименіи *καὶ ὅς, οὐδ' ὅς* и т. п., при чемъ здѣсь даже совершенно безразлично этимологическое производство указательнаго *ὧς* или *ὥς*[1]). Впрочемъ различное производство относительнаго *ὅς* и указательнаго *ὅς* предположено Бругманомъ, кажется, только въ угоду санскритской грамматикѣ, по которой мѣстоименіе jas jâ jad съ древнѣйшихъ поръ (т.-е. еще въ ведахъ) имѣетъ уже только исключительно подчинительное (относительное) значеніе безъ всякихъ остатковъ указательной функціи, см. Delbrück, Conj. u. Opt. стр. 32. Однако, даже если отдѣлить указательное *ὅς* отъ относительнаго, то и въ такомъ случаѣ не установится полная синтактическая аналогія между греч. и санскр. языками; ибо между тѣмъ какъ въ послѣднемъ съ древнѣйшихъ же поръ (Delbr. l. c.) мѣстоименіе jas, jâ, jad является единственнымъ относительнымъ корнемъ, не раздѣляющимъ этой функціи ни съ какимъ другимъ мѣстоименіемъ, въ греческомъ языкѣ рядомъ съ *ὅς, ἥ, ὅ*, встрѣчается въ относительномъ значеніи также еще и мѣстоименіе *ὁ, ἡ, τό* (въ самостоятельномъ значеніи лучше съ удареніемъ *ὅ, ἥ*, согласно Беккеру).

Мѣстоименіе *ὁ* (*ὅ*), *ἡ* (*ἥ*), *τό* имѣетъ у Гомера двоякое значе-

[1]) Обыкновенно относятъ его тоже къ корню i̯o (напр. Deecke l. c.). Соотношеніе между *ὡς* (какъ) — *ὧς* (такъ) совершенно такое, какъ между *ὅς* (который) — *ὅς* (тотъ), ср. *Z*, 59; *H*, 160; *δ*, 653 или какъ между нѣм. der (который) — der (тотъ). Но Бругманъ различаетъ также и троякое *ὡς*, подобно троякому *ὅς*, различая притомъ въ нарѣчіи и даже удареніе: 1) *ὡς* безъ ударенія „какъ" отъ корня i̯o, 2) *ὥς* съ острымъ удареніемъ „какъ" (*θεὸς ὥς*) отъ su̯o (скр. svá), 3) *ὧς* съ облеченнымъ удареніемъ „такъ" отъ корня so, см. Gr. Gr. 2, стр. 224.

ніе: указательное и относительное[1]). Къ указательному ὁ, ἡ, τὸ присоединяется обыкновенно μέν или, и это чаще всего, δέ; рѣдко употребляется оно такъ безъ этихъ частицъ (напр. α 31; Η 148: τοῦ ὅγε τεύχε' ἔχων), между тѣмъ какъ къ относительному ὅ, ἥ, τό присоединяется часто ῥά, какъ и къ относительному же ὅς. Двусмысленность одинокаго ὁ (ὅ), ἡ (ἥ), τό сходна съ такою же двусмысленностью нарѣчія ἔνθα, могущаго имѣть (также у Гомера) то указательное, то относительное значеніе. Частица ῥά (ἄρα, ἄρ) играетъ здѣсь ту же роль, какъ и частица „же" въ ц.-сл. „и-же", составившемся изъ того же корня i̯o, какъ и греч. ὅς = санскр. jas, и изъ частицы „же" = γέ. Частица „же" обозначаетъ здѣсь связь съ предыдущимъ, примыкая къ чему-либо только-что сказанному; подобнымъ образомъ при оборотахъ: „кто же?", „иди же!", „тотъ же" непремѣнно предполагается какая-либо мысль или какой-либо фактъ, вызвавшій этотъ вопросъ, это понуканіе, это сужденіе о тождествѣ, см. Коршъ, Способы стр. 21, прим. 4[2]). Нѣчто подобное обозначаетъ, очевидно, также и частица ἄρα, ἄρ, ῥά[3]). Грамматики до Гартунга видѣли въ ἄρα указаніе на естественное слѣдствіе изъ предыдущаго. Напротивъ, Гартунгъ находилъ, что частица эта вводитъ нѣчто неожиданное и удивительное. Döderlein возвратился опять къ прежнему толкованію, полагая, что частица ἄρα выражаетъ слѣдствіе, ожидаемое по естественной связи[4]). Изъ новѣйшихъ трактовали о значеніи этой частицы Бругманъ (въ Berichte der sächs. Ges. der Wiss. Bd. 35, стр. 38 сл.; ср. также Gr. Gr.[2], стр. 221) и Per Persson (Stu-

---

[1]) Впрочемъ и переходъ къ позднѣйшему значенію этого мѣстоименія въ смыслѣ члена намѣченъ уже кое-гдѣ и въ текстѣ Гомера, напр. Α 11, ср. Stolz, Wien. Stud. XII, стр. 12.

[2]) Тамъ же, стр. 100, о „же", обозначающемъ тождество, и о его отношеніи къ „жде", которое могло бы служить доказательствомъ противъ сопоставленія „же" съ γέ.

[3]) Форма ῥά встрѣчается у Гомера только послѣ односложныхъ словъ, (а также при ὅ-τι, ἐπ-εί), см. Hermes XXI, стр. 563 сл. Всѣ три формы происходятъ, вѣроятно, изъ основного $\underset{\circ}{r}$, при чемъ ἄρ основывается на ударенномъ $\underset{\circ}{\acute{r}}$, ῥά, напротивъ, на энклитическомъ $\underset{\circ}{r}$ безъ ударенія (см. K. Z. XXXI, стр. 364, 394 и 469); наконецъ, ἄρα могло произойти изъ комбинаціи обѣихъ формъ: ἄρ и ῥά. Ср. также Brugmann, M. U. II, 228, прим.; G. Meyer, Gr. Gr.[2], 64; Schmidt, Pluralb... 47; Stolz, Wien. St. XII, 9.

[4]) Ср. Bäumlein, Untersuchungen über die griech. Part. стр. 19 сл.

dia etymologica 1886, стр. 18 сл.). Послѣдній, производя ἄρα отъ предполагаемаго мѣстоименнаго корня, кладетъ въ основаніе значеніе продолженія или присоединенія, которое заключается, будто, напр. въ *Ω* 788: *ἦμος δ' ἠριγένεια φάνη ῥοδοδάκτυλος ἠώς, τῆμος ἄρ' ἀμφὶ πυρὴν κλυτοῦ Ἕκτορος ἤγρετο λαός*. Напротивъ Бругманъ относитъ ее къ глагольному корню *ἄρμενος* (*ἀραρίσκω, ἄρτι*, artus) и видитъ ея основное значеніе въ выраженіи непосредственнаго совпаденія, соотвѣтствія, согласованія по отношенію ко времени, мѣсту, количеству, равно какъ и въ выраженіи соотвѣтствія съ дѣйствительностью, съ чѣмъ-нибудь прежде сказаннымъ и т. д. То значеніе, которое Перссонъ полагаетъ основнымъ, Бругманъ считаетъ второстепеннымъ, но такъ, что изъ него развилось значеніе слѣдствія. Если указанное Бругманомъ производство частицы *ἄρα* и не лишено нѣкотораго сомнѣнія, то все-таки нельзя не согласиться съ нимъ, что изъ основного значенія „совпаденія" легче всего объяснить большую часть случаевъ употребленія этого словечка. Къ этому же предполагаемому основному значенію весьма близко подходитъ ея функція указывать на что-нибудь только-что (ср. *ἄρτι*) сказанное или задуманное, напр. *A*, 458: *ὣς ἔφατ' εὐχόμενος, τοῦ δ' ἔκλυε Φοῖβος Ἀπόλλων· αὐτὰρ ἐπεὶ ῥ' εὔξαντο* и пр.: здѣсь *ῥά* = „какъ только-что было сказано". Такъ какъ отмѣчаемая посредствомъ *ἄρα* связь съ предыдущимъ можетъ быть самая разнообразная, то и получаются для этой частицы разные оттѣнки значенія, обусловленные случайнымъ смысломъ этой связи. Такимъ образомъ *ἄρα* можетъ обозначать „вслѣдъ за тѣмъ", „тогда", напр. *β*, 2: *ἦμος δ' ἠριγένεια φάνη ῥοδοδάκτυλος Ἠώς, ὄρνυτ' ἄρ' ἐξ εὐνῆφιν Ὀδυσσῆος φίλος υἱός* или *A*, 68: *ἤτοι ὅγ' ὣς εἰπὼν κατ' ἄρ' ἕζετο* (въ качествѣ такого supplementum participii встрѣчается *ἄρα* еще у Ксенофонта); также и обыкновенное заключительное *ἄρα* = *οὖν* значитъ собственно „какъ видно (явствуетъ) изъ только-что сказаннаго" и др. Сюда же принадлежитъ далѣе и то *ῥά*, которое присоединяется къ относительному *ὅ* и *ὅς*, указывая на то, что эти мѣстоименія относятся къ чему-либо только-что сказанному; другими словами: *ῥά* служитъ здѣсь какъ бы только поясненіемъ основного анафорическаго смысла этихъ мѣстоименій.

Дѣло въ томъ, что по отношенію къ указательнымъ мѣстоименіямъ нужно различать два значенія, такъ какъ a) посредствомъ

нихъ можно указывать на какой-либо предметъ, взятый самъ по себѣ, изъ числа окружающихъ говорящаго вещей: объективно-дейктическое значеніе, или же b) посредствомъ нихъ можно указывать на что-нибудь такое, что передъ тѣмъ въ рѣчи было упомянуто: субъективно-дейктическое или анафорическое значеніе [1]). Различіе это отмѣчено еще Аполлоніемъ Дисколомъ [2]): *πᾶσα ἀντωνυμία ἢ δεικτική ἐστιν ἢ ἀναφορική* (ср. Windisch стр. 252; Добіашъ, Синтаксисъ Аполлонія Дискола стр. 80). Первый случай характеризуетъ онъ же еще терминомъ *δεῖξις τῆς ὄψεως* (указаніе, воспринимаемое зрѣніемъ), второй же — терминомъ *δεῖξις τοῦ νοῦ* (указаніе, воспринимаемое лишь взорами ума); еще иначе выражаетъ онъ то же самое терминами *πρώτη γνῶσις* (первое или непосредственное познаваніе) и *δευτέρα γνῶσις* (повторительное познаваніе, происходящее отъ того, что разъ уже воспринятое вновь приводится на память). Различіе этихъ двухъ случаевъ существенно важно для семазіологіи всѣхъ указательныхъ мѣстоименій. Самый извѣстный примѣръ совмѣстнаго употребленія обоихъ значеній составляетъ латинское hic, которое въ косвенной рѣчи во второмъ (анафорическомъ) значеніи можетъ оставаться безъ измѣненія, въ первомъ же замѣняется мѣстоименіями is или ille. Оба значенія свойственны также греческимъ *οὗτος* и *ἐκεῖνος*, между тѣмъ какъ *ὅδε* имѣетъ только первое значеніе, *αὐτός* только второе (ср. Windisch стр. 324 сл.). Это второе значеніе, какъ болѣе отвлеченное или переносное, должно быть производимо изъ перваго, которое такимъ образомъ и считается основнымъ для всѣхъ простыхъ указательныхъ мѣстоименій (ср. Delbrück, Conj. u. Opt. стр. 31). Поэтому также и для корня i̯o необходимо принять первоначальное объективно-дейктическое значеніе (Windisch стр. 316; Delbrück 32), которое, однако, еще въ праязыкѣ уступило мѣсто уже почти всецѣло (слѣды его см. у Виндиша l. c.) переносному,

---

[1]) Разборъ этой „внутренней" (innere) *δεῖξις* ср. у Frenzel'я, Entwickelung des relativischen Satzbaues im Griech., стр. 34 сл.

[2]) Любопытно, что тотъ же Аполлоній Дисколъ даетъ такое объясненіе для acc. c. inf., которое весьма близко къ современному научному толкованію этой конструкціи, разсматриваемой въ обыкновенныхъ „практическихъ" грамматикахъ неправильно какъ сокращенное придаточное предложеніе, ср. Jolly, Geschichte des Infinitivus, стр. 243 сл.; Добіашъ, Синтаксисъ Аполлонія Дискола, стр. 159 прим.

анафорическому значенію*), изъ котораго развилось относительное значеніе въ санскр., зенд., греч. и слав. языкахъ**).

Анафорическое значеніе, лежащее въ основаніи относительнаго значенія, требуетъ непремѣнно присутствія двухъ предложеній, изъ которыхъ въ первомъ называется извѣстный предметъ (*πρώτη γνῶσις*), во второмъ же высказывается какое-либо относящееся къ этому предмету значеніе (*δευτέρα γνῶσις*). Стоящее во главѣ второго предложенія анафорическое мѣстоименіе указываетъ такимъ образомъ тождество какой-либо составной части обоихъ этихъ предложеній (Коршъ, Способы стр. 22). Но второе предложеніе, смотря по обстоятельствамъ, можетъ заключать въ себѣ то главную мысль, сравнительно съ предыдущими (напр. Caes. b. g. I, 2: apud Helvetios longe nobilissimus fuit Orgetorix. is ... civitati persuasit, ut de finibus suis exirent), то, напротивъ, лишь второстепенную мысль или простое поясненіе. На почвѣ послѣдняго разряда и возникла относительная категорія мѣстоименій, между тѣмъ какъ мѣстоименія, сохранившія способность выражать тотъ и другой частный случай анафоры***), не выдѣлялись изъ общей среды указательной категоріи.

Для поясненія возьмемъ *ὁ, ἡ, τό,* какъ мѣстоименіе, употреблявшееся безспорно какъ въ указательномъ, такъ и относительномъ значеніяхъ и разсмотримъ такой примѣръ употребленія этого мѣстоименія, гдѣ присутствіе какой-либо пояснительной частицы (*ῥά, δέ*) не предрѣшаетъ такого или другого пониманія даннаго мѣста. Напр. *Α* 321:

ἀλλ' ὅγε Ταλθύβιόν τε καὶ Εὐρυβάτην προςέειπε,
τώ οἱ ἔσαν κήρυκε καὶ ὀτρηρὼ θεράποντε.

---

*) Анафорическое значеніе имѣетъ между прочимъ и лат. is, относящееся къ санскр. jas, какъ напр. основа ali- къ основѣ alio-. Можно также принимать форму is за слабую степень (tiefstufige Form къ *jos, ср. K. Z. XXXI, стр. 365.

**) Съ другой стороны изъ анафорическаго же значенія развилась категорія возвратныхъ мѣстоименій (ср. Windisch, стр. 340), а именно (такъ какъ древній санскритъ и зендъ не имѣютъ еще возвратныхъ формъ въ смыслѣ существительныхъ, см. Windisch, 330) прежде всего въ формѣ прилагательнаго *ὅς* или *ἑός*, обозначавшаго первоначально нѣчто подобное русскому „ихвій“ или точнѣе сербскому „његовъ“. Анафора вращается здѣсь въ предѣлахъ одного и того же предложенія, между тѣмъ какъ при относительной категоріи она имѣетъ мѣсто отъ предложенія къ предложенію.

***) Эту анафору не слѣдуетъ смѣшивать съ риторическою анафорой, подъ которой подразумѣвается повтореніе |одного и того же слова въ началѣ двухъ или болѣе предложеній (или частей предложенія).

=„онъ обратился къ Т. и Е.: это были его глашатаи“ („эти у него были глашатаями“). Посредствомъ *τώ* указывается здѣсь на нѣчто, только-что упомянутое. Само по себѣ это *τώ* можетъ быть признано за обыкновенное анафорическое указательное мѣстоименіе. Если тѣмъ не менѣе чувствуется тутъ оттѣнокъ, близкій къ значенію относительнаго предложенія, то это происходитъ отъ того, что предложеніе это, сравнительно съ первымъ предложеніемъ, заключаетъ въ себѣ лишь второстепенную мысль, служащую для поясненія предыдущаго: онъ обратился къ нимъ именно потому, что это были его глашатаи. Второе предложеніе, заключая въ себѣ пояснительное замѣчаніе, имѣетъ такимъ образомъ по отношенію къ мысли, выраженной въ первомъ предложеніи, чисто служебное значеніе. У Гомера нерѣдко зависитъ только отъ большей или меньшей ясности служебнаго значенія предложенія, начинающагося съ *ὁ, ἡ, τό*, чтобы рѣшить, имѣетъ ли послѣднее указательный или относительный смыслъ, напр. *H* 148:

αὐτὰρ ἐπεὶ Λυκάοργος ἐνὶ μεγάροισιν ἐγήρα,
δῶκε δ' Ἐρευθαλίωνι, φίλῳ θεράποντι, φορῆναι·
τοῦ ὅγε τεύχε' ἔχων προκαλίζετο πάντας ἀρίστους.

Здѣсь предложеніе, начинающееся съ *τοῦ*, заключаетъ въ себѣ главную для даннаго контекста мысль, для которой, наоборотъ, предшествующее служитъ поясненіемъ одной части ея (именно, въ чьихъ доспѣхахъ дѣйствующее лицо появляется въ качествѣ *πρόμαχος*). Поэтому мѣстоименіе *τοῦ* принимаемъ здѣсь за указательное мѣстоименіе, несмотря на отсутствіе частицы *δέ*. Изъ этого легко понять, почему къ указательному *ὁ, ἡ, τό* присоединяются особенно часто именно разъединяющія частицы *μέν* и *δέ*, въ то время какъ при относительномъ оттѣнкѣ употребляется нерѣдко сплачивающая частица *ἄρα*. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что дѣленіе относительныхъ предложеній на необходимыя и не необходимыя (Windisch стр. 417) не имѣетъ особеннаго значенія для разбираемаго вопроса, для котораго, наоборотъ, существенно служебное значеніе предложенія съ анафорическимъ мѣстоименіемъ.

Возникновеніе особыхъ относительныхъ мѣстоименій произошло такимъ образомъ, что то или другое указательное мѣстоименіе сузилось въ своемъ примѣненіи на столько, что сперва ограничилось только сферою анафорическаго значенія, отбросивъ объективно-дейктическую функцію, а затѣмъ, при дальнѣйшемъ развитіи,

произошло еще большее сокращеніе сферы употребленія тѣмъ, что такое мѣстоименіе стало употребляться только въ предложеніяхъ, имѣвшихъ служебное значеніе по отношенію къ тому предложенію, на которое указывало данное анафорическое мѣстоименіе. Такимъ именно путемъ, нужно полагать, развилось исключительно (или почти исключительно) относительное значеніе греч. мѣстоименія *ὅς, ἥ, ὅ* изъ первоначальнаго анафорическо-указательнаго, которое, впрочемъ, во многихъ примѣрахъ не трудно возстановить, напр. *ο* 310:

καὶ ἅμ' ἡγεμόν' ἐσθλὸν ὄπασσον,
ὅς κέ με κεῖσ' ἀγάγῃ.

Это сочетаніе имѣло первоначально такой смыслъ: „дай мнѣ хорошаго провожатаго: этотъ, можетъ быть (=*κὲν*), доведетъ (сосл.= буд.) меня туда“. Въ другихъ случаяхъ, особенно въ такъ-наз. необходимыхъ относительныхъ предложеніяхъ, возстановленіе первоначальнаго указательнаго значенія*) становится, правда, болѣе или менѣе затруднительнымъ, такъ какъ всякая новая конструкція, разъ она достаточно окрѣпнетъ, примѣняется уже чисто шаблоннымъ образомъ. Шаблонное примѣненіе готовой относительной конструкціи сказывается у Гомера также и въ соединеніи мѣстоименія *ὅς* съ частицей *τέ*, являющейся, можетъ быть, какъ бы окаменѣлымъ свидѣтелемъ прежняго указательнаго значенія слова *ὅς*, т.-е. остаткомъ съ того времени, когда предложеніе съ *ὅς* чувствовалось какъ самостоятельное (главное) предложеніе, см. Delbrück Conj. u. Opt. стр. 52; напр. *I* 117 (съ объясненіемъ у Дельбрюка стр. 43):

ἀντί νυ πολλῶν
λαῶν ἐστιν ἀνήρ, ὅντε Ζεὺς κῆρι φιλήσῃ.

Здѣсь не легко уже возсоздать прежнее самостоятельное значеніе второго предложенія съ указательнымъ смысломъ мѣстоименія (*ὅντε* = „и этого“ въ смыслѣ „этого-то“)**). Тѣмъ не менѣе въ

*) Анафорическое значеніе, лежащее въ основаніи относительной категоріи, подкрѣпляется иногда лишнимъ указательнымъ мѣстоименіемъ (въ томъ же предложеніи), напр. Her. 4, 44: *Ἰνδὸν ποταμόν, ὃς κροκοδείλους δεύτερος οὗτος ποταμῶν πάντων παρέχεται.*

**) Впрочемъ, не лишено, м. б., значенія, что при возстановленіи первоначальнаго смысла какъ разъ передъ *ὅςτε* приходится подразумѣвать общее понятіе „кто-то“, которое въ этомъ мѣстѣ выражено словомъ *ἀνήρ*, ср. Delbrück, Conj. u. Opt., стр. 42 и 46. Основное значеніе этого *-τε*, можетъ быть, было обобщающее (ср. quis-que, qui-cumque), а не соединительное.

Иліадѣ изъ 9 относительныхъ предложеній начинается еще одно съ ὅςτε, въ то время какъ въ Одиссеѣ уже одно изъ 16 (Frenzel, Entwickelung стр. 81).

Ясно, что превращеніе одного какого-либо указательнаго мѣстоименія въ относительное есть дѣло случая и сводится къ тому далеко нерѣдкому явленію въ исторіи языковъ, благодаря которому двѣ или болѣе синонимическихъ формы (или слова) различаются съ теченіемъ времени такимъ образомъ, что одному изъ синонимовъ присвоивается преимущественно одно изъ разныхъ возможныхъ значеній, а другому опять преимущественно другое*), слѣдствіемъ чего является суженіе (determinatio) значенія каждаго изъ нихъ, притомъ нерѣдко въ разной степени и, конечно, въ разныхъ направленіяхъ.

Если же и греческое относительное мѣстоименіе развилось путемъ суженія значенія изъ указательнаго мѣстоименія, указывающаго назадъ на нѣчто предыдущее, то изъ этого слѣдуетъ, что греческія относительныя предложенія должны были первоначально слѣдовать за главными. И дѣйствительно, относительное предложеніе впереди главнаго встрѣчается во всей Иліадѣ только 39 разъ, а въ Одиссеѣ и того меньше, именно только 11 разъ (Frenzel стр. 51, съ ссылкою на Lammert'a, De pronomine relativo Homerico, 1874)**). Постановка относительнаго предложенія, развившагося вышеуказаннымъ путемъ, впереди главнаго предложенія свидѣтельствуетъ уже о значительной степени развитія этой конструкціи въ смыслѣ подчиненія. „Грамматическое подчиненіе всегда ощущается опредѣленнѣе, когда подчиняемое предшествуетъ подчиняющему, такъ какъ послѣ перваго смыслъ, очевидно, не законченъ, и слушатель ждетъ, что̀ будетъ дальше, тогда какъ слѣдующее за подчиняющимъ легко можетъ представиться ему чѣмъ-то въ родѣ посторонняго привѣска. Въ тѣхъ языкахъ, въ которыхъ подчиненіе развито въ высшей степени, какъ въ тюркскихъ, монгольскомъ и манчжурскомъ, всѣ подчиняемыя слова и предложенія предшествуютъ подчиняющимъ“ (Коршъ, Способы 90). До этой степени развитія относительной категоріи дошелъ также

*) Въ противномъ случаѣ одинъ изъ синонимовъ беретъ верхъ, вытѣсняя своего конкурента мало-по-малу изъ употребленія.

**) Несмотря на это, самъ Frenzel считаетъ такую постановку основною, называя противоположную разстановку обоихъ предложеній correlatio inversa.

и санскритъ, употребляющій вообще чаще всего относительное предложеніе впереди главнаго (Delbrück, Opt. u. Conj., стр. 33).

Впрочемъ даже еще на той ступени развитія этой конструкціи, когда въ мѣстоименіи чувствовался еще указательный смыслъ, языкъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи средство, при помощи котораго позднѣйшее относительное предложеніе въ риторическихъ видахъ могло быть поставляемо впереди другого (позднѣйшаго главнаго) предложенія. Средство это состоитъ въ точномъ повтореніи одной и той же мѣстоименной формы въ началѣ обоихъ предложеній, примѣры чему имѣются еще у Гомера, и притомъ не только для *ὁ, ἡ, τό*, напр. *A* 125: *ἀλλὰ τὰ μὲν πολίων ἐξεπράθομεν, τὰ δέδασται*, но и для *ὅς, ἥ, ὅ*, напр. *Γ* 132: *οἳ πρὶν ἐπ' ἀλλήλοισι φέρον πολύδακρυν Ἄρηα, οἳ δὲ νῦν ἕαται σιγῇ*. Обратное сочетаніе у Θеогнида: *ἀλλ' ὃς λώιος, ὃς μὴ πλεόνεσσι μέλοι* свидѣтельствуетъ уже о механическомъ подражаніи древней конструкціи*).

Какъ уже замѣчено выше, въ санскритскомъ языкѣ относительная конструкція является уже вполнѣ сложившимся достояніемъ языка: корень ja, съ одной стороны, не имѣетъ уже никакого другого значенія, кромѣ относительнаго, а съ другой стороны, въ значеніи относительнаго мѣстоименія не употребляется никакой другой корень, кромѣ ja. Подобнымъ образомъ также и въ греческомъ языкѣ мѣстоименіе *ὅς* съ древнѣйшихъ поръ находится уже весьма близко къ окончательному закрѣпленію за нимъ относительной функціи, хотя на первыхъ порахъ приходится ему выдерживать конкурренцію мѣстоименія *ὁ, ἡ, τό*. Но что относительное значеніе корня i̯o не было еще въ праязыкѣ чѣмъ-то прочно установившимся (хотя были тамъ безъ сомнѣнія уже зачатки этого), видно изъ того, что между индо-европ. языками есть значительное количество такихъ, которые въ этомъ отношеніи пошли совсѣмъ другимъ путемъ, выработавъ относительную категорію на почвѣ вопросительныхъ предложеній; таковы языки италійскіе, кельтскій, германскіе, литовскій, славянскіе. Изъ нихъ нѣкоторые, въ томъ числѣ славянскіе и, какъ ниже будетъ указано, также и италійскіе совмѣщаютъ оба способа возникновенія отно-

*) Нѣсколько другого рода двойное *πρίν*, напр. Il. XXIV, 781: *μὴ πρὶν πημανέειν, πρὶν δωδεκάτη μόλῃ ἠώς*. Ближе стоитъ Catull. 62, 45: sic virgo, dum intacta manet, dum cara suis est.

сительной категоріи. Особенно поучительны языки славянскіе, различавшіе нѣкогда мѣстоименія „якій“ („якъ“ и пр.) и „какой“ („какъ“ и пр.) тѣмъ образомъ, что начинающіяся съ j имѣли сперва (индоевроп. праязыкъ) относительное значеніе (основанное на анафорическомъ указательномъ, какъ и санскр. jas, а также и церк.-сл. и-же, чешск. jen-ž), между тѣмъ какъ начинающіяся съ k принадлежали къ вопросительнымъ (какъ и скр. kis и kas, лат. quis и т. д.). Со временемъ, однако (слав. праязыкъ) оба ряда формъ сблизились семазіологически настолько, что оба могли быть употребляемы въ обоихъ значеніяхъ: относительномъ и вопросительномъ (ср. греч. ὅςτις, лат. qui), сдѣлавшись такимъ образомъ синонимами. При дальнѣйшемъ развитіи (частныя слав. нарѣчія) одинъ изъ обоихъ синонимическихъ рядовъ началъ пріобрѣтать преобладающее употребленіе въ ущербъ другому ряду*), при чемъ, однако, одни изъ слав. нарѣчій отдавали предпочтеніе одному ряду, другія — другому. Результатомъ этого явилось то, что въ великорусскихъ нарѣчіяхъ относительно-вопросительное значеніе осталось за словами, начинающимися съ к (какой, какъ), между тѣмъ какъ другія нарѣчія, напр. малорусское, чешское выдвинули слова, начинающіяся съ j (якій, якъ, jaký, jak, хотя, впрочемъ, съ исключеніями, каковы: kdo, který). Такимъ образомъ на почвѣ славянскихъ нарѣчій вопросительный корень пріобрѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ и относительную функцію. Буквально то же самое имѣемъ также и въ латинскомъ языкѣ и родственныхъ ему италійскихъ діалектахъ.

Обширную почву для близкихъ соприкосновеній между относительной и вопросительной категоріями представляютъ тѣ предложенія, о которыхъ у насъ была рѣчь въ статьѣ о косвенныхъ вопросахъ Фил. Обозр. т. I, отд. 1, стр. 4 сл., т.-е. тѣ предложенія, которыя по-латыни могутъ быть понимаемы то какъ косвенные вопросы (съ сосл.), то какъ относительныя предложенія (съ изъяв.). Въ особенности важны тѣ случаи, въ которыхъ главный глаголъ можетъ быть подведенъ подъ общее понятіе „знать“. Въ санскрит-

*) То же самое коснулось относительно „и-же“, мало-по-малу вытѣсненнаго относительно-вопросительными синонимами его „который“, „къто“, „чьто“; по Козловскому (Arch. f. slav. Phil. 1890, стр. 110 сл.) колебаніе между относительными „и-же“ и „къто“ замѣчается еще въ 12 стол., между тѣмъ какъ въ 13 вѣкѣ употребленіе слова „къто“ составляетъ уже правило.

скомъ языкѣ употребленіе относительнаго мѣстоименія jas составляетъ здѣсь правило даже въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ при переводѣ на лат. языкъ косвенный вопросъ оказался бы необходимымъ, см. Delbrück, Altind. Synt., стр. 569. Такое употребленіе относительнаго *ὅς* встрѣчается также у Гомера (см. Kühner II², стр. 942; Windisch, стр. 211; Delbrück, Conj. u. Opt., стр. 41; Brugmann, Gr. Gr. § 204), напр. *B* 365: *γνώσῃ ἔπειθ', ὅς θ' ἡγεμόνων κακὸς ὅς τέ νυ λαῶν, ἠδ' ὅς κ' ἐσθλὸς ἔῃσι* *). Въ этой относительной конструкціи лежитъ такой смыслъ: „ты узнаешь потомъ кого-то (= *τε* послѣ *ὅς*, см. выше стр. 19, пр. 2), который окажется...". Послѣ Гомера эта конструкція еще нѣсколько расширилась, такъ какъ такимъ же образомъ употребляется не только *ὅς* и (у Геродота) *ὅ, ἥ, τό*, напр. Thuc. 1, 137: *φράζει τῷ ναυκλήρῳ, ὅςτις ἐστὶ καὶ δι' ἃ φεύγει.* Her. 1, 56: *ἐφρόντιζε ἱστορέων, τοὺς ἂν Ἑλλήνων προςκτήσαιτο φίλους*, но, наоборотъ, также вопросительное *τίς* вмѣсто относительнаго предложенія, напр. Soph. *El.* 316: *ὡς νῦν ἀπόντος ἱστόρει, τί σοι φίλον* (см. Kühner II², стр. 1018; Коршъ стр. 90 сл.). Примѣры, подобные только что приведеннымъ, объясняются, кромѣ общей почвы, допускающей такое сближеніе относительной и вопросительной категоріи, въ частности еще тѣмъ, что двойственное относительно-вопросительное значеніе сложнаго *ὅςτις* начало переноситься также и на простыя *ὅς* и *τίς*. Это объясненіе заслуживаетъ предпочтеніе передъ мнѣніемъ Бругмана (Gr. Gr. § 206), будто это произошло подъ вліяніемъ сосуществованія *ὅςτις* и *ὅτις* (см. статью о косв. вопросахъ), что́ неумѣстно уже потому, что такое употребленіе простого *τίς* не встрѣчается какъ разъ у Гомера, у котораго одного можно еще предполагать сознательное различіе значенія между *ὅςτις* и *ὅτις*. Правда, такое смѣшеніе категорій, относительной и вопросительной, ограничилось въ греч. языкѣ только единичными случаями (хотя не особенно рѣдкими); но и такъ служитъ оно достаточнымъ мѣриломъ возможности слиянія относительной категоріи съ вопросительной и наоборотъ.

Перенесеніе относительной функціи на вопросительныя мѣстоименія, начинающіяся по латыни съ qu, а въ другихъ италійскихъ нарѣчіяхъ съ p, принадлежитъ времени, далеко предшествовавшему

*) См. также *Φ* 609; *Υ* 21; *Ν* 278; *Ψ* 498; *Η* 171; *ρ* 363; *β* 45; *π* 317 = *χ* 418; *γ* 165; *τ* 219.

возникновенію литературы въ Римѣ; поэтому не можетъ быть подробно прослѣженъ путь, которымъ осуществилось это смѣшеніе обѣихъ категорій. Но въ общемъ переходъ вопросительнаго значенія въ относительное указанъ вѣрно у г. Корша (Спос. 24) схематическимъ разборомъ слѣдующихъ предложеній:

относ.: exequias ire cui commodum est, ito
= вопр.: exequias ire cui commodum est? ito.

относ.: кто хочетъ слушать пѣсни, тотъ пусть идетъ сюда.
= вопр.: кто хочетъ слушать пѣсни? тотъ пусть идетъ сюда.

Согласно этому объясненію оба предложенія имѣли первоначально самостоятельное значеніе и соединеніе ихъ было паратактическое. Подчинительное же сочетаніе получилось вслѣдствіе ослабленія вопросительной интонаціи, оказавшагося возможнымъ именно потому, что оба предложенія составляли одно логическое цѣлое. При такомъ возникновеніи относительныхъ предложеній послѣднія должны были стоять первоначально впереди главныхъ, т.-е. какъ разъ наоборотъ, чѣмъ въ греческомъ языкѣ. И дѣйствительно, еще въ древней латыни постановка относительнаго предложенія впереди главнаго составляетъ правило (ср. Frenzel, Entwickelung стр. 51 съ ссылкою на Paetzolt-a; Schäfler, Syntaktische Graezismen стр. 90 сл.).

Deecke (Nebensätze стр. 39), не зная этого объясненія, предлагаетъ другое, далеко менѣе удовлетворительное, при которомъ, однако, сохраняется порядокъ предложеній, установленный выше по отношенію къ корню io̯. Онъ кладетъ въ основаніе аттрибутивное (прилагательное) мѣстоименіе qui quae quod, разлагая предложеніе:

punietur vir, qui hominem occidit такимъ образомъ:
punietur vir. — Qui? — Hominem occidit (ille); non

audivimus verba, quae dixistis такимъ образомъ:
audivimus verba. — Quae? — Dixistis (ea).

Подобнымъ образомъ толкуетъ это дѣло и Schmalz (§ 238), который разлагаетъ, напр. Ter. *Phorm.* 947: argentum, quod habes, condonamus te такимъ образомъ: argentum — quod argentum? — habes! — condonamus te. Очевидно, толкованія Deecke и Шмальца не только слишкомъ искусственны сравнительно съ объясненіемъ г. Корша, но уступаютъ послѣднему также и по отно-

шенію къ объясненію нѣкоторыхъ явленій синтаксиса латинскихъ относительныхъ предложеній, легко объяснимыхъ при первоначальной постановкѣ относительнаго предложенія впереди главнаго.

Если латинскому языку искони былъ свойственъ такой порядокъ предложеній: впереди относительное, потомъ главное, то въ случаѣ аттрибутивнаго смысла мѣстоименія qui quae quod (= прилаг.) существительное его помѣщалось, конечно, въ придаточномъ предложеніи, стоящемъ впереди, между тѣмъ какъ въ главномъ предложеніи существительное (при указательномъ мѣстоименіи или безъ него) подразумѣвалось (syllepsis) или же еще разъ повторялось, какъ это составляетъ правило въ древнемъ куріальномъ слогѣ*). Повтореніе существительнаго въ главномъ предложеніи можно считать еще остаткомъ прежняго паратаксиса, при которомъ оба предложенія были самостоятельными. Чаще всего встрѣчается это повтореніе въ формулахъ съ res, dies, locus; даже въ текстѣ Цезаря читается, напр. (1,16): Caesar intellexit diem instare, quo die frumentum militibus metiri oporteret. Обыкновенно же повторительное существительное, въ качествѣ плеоназма, опускается, напр. Cic. *Tusc.* 1, 18, 41: quam quisque norit ortem, in hac (подр. arte) se exerceat, что̀ составляетъ переводъ слѣдующаго мѣста у Аристофана (Осы 1431): *ἔρδοι τις ἣν ἕκαστος εἰδείη τέχνην*. Ту же фразу перевели два римскіе поэта такимъ образомъ: Hor. *ep.* 1, 14, 44: quam scit uterque, libens, censebo, exerceat artem и Propert. 2, 1, 46: qua pote quisque, in ea conterat arte diem. Отъ прозаическаго перевода Цицерона отличается ихъ переводъ только тѣмъ, что syllepsis существительнаго**) примѣненъ на первомъ мѣстѣ (вмѣсто: quam artem scit uterque; qua arte pote quisque)***); порядокъ же предложеній сохраненъ чисто латинскій.

---

*) Schmalz § 240 приписываетъ это народному говору. Съ этимъ можно согласиться въ томъ смыслѣ, что полнота куріальнаго слога, стремившагося къ возможной ясности, коренилась въ характерѣ національнаго языка.

**) Ср. подобный силлепсисъ въ такъ наз. обратномъ согласованіи, напр. hic est meus liber вм. hic (liber) est meus liber.

***) Согласно съ этимъ изложеніемъ дѣла пресловутое Вергиліево (1,573) urbem quam statuo, vestra est не нужно объяснять никакими аттракціями, а слѣдуетъ здѣсь видѣть простую инверсію (*ἀναστροφή*) словъ вмѣсто: quam urbem statuo, vestra est, срв. подобную инверсіи предлоговъ: hunc post, ripam apud Euphrastis. Bach (de attractione quae dicitur inversa apud scriptores latinos, 1888) объясняетъ

Первоначальною постановкою относительнаго предложенія впереди главнаго объясняются удобно вообще многіе случаи употребленія имени (сущ. и прилаг.) въ относительномъ предложеніи, напр. Corn. Nep. 2, 4, 3: Themistocles noctu de servis suis, quem habuit fidelissimum, ad Xerxem misit = Quem de servis Th. habuit fidelissimum, (eum) noctu ad Xerxem misit. На этой же традиціи языка можетъ основываться также и извѣстное правило о постановкѣ относительнаго предложенія въ трехчленныхъ періодахъ, напр. Romam cum venero, quae cognovero, scribam ad te.

Впрочемъ, какъ по-гречески, такъ и по-латыни возможна была инверсія предложеній по риторическимъ причинамъ, напр. Pl. *Epid.* 472: Heus foras educite, quam introduxistis fidicinam (= Quam introduxistis fidicinam, (eam) foras educite); здѣсь поставлено главное предложеніе впереди придаточнаго потому, что въ этомъ мѣстѣ лежитъ удареніе на приказаніи: „эй, вы тамъ въ домѣ, приведите сюда и пр.“. Подобнымъ образомъ Hor. *sat.* 1, 10, 16: illi, scripta quibus comoedia prisca viris est, hoc stabant проще всего объяснить инверсіей изъ: Quibus viris prisca comoedia scripta est, illi hoc stabant.

Есть, однако, нѣкоторыя синтактическія особенности относительныхъ предложеній, которыя, повидимому, возникли изъ того, что, какъ ниже будетъ указано, въ италійскихъ языкахъ, кромѣ вопросительнаго корня, имѣется еще другая струя, слившаяся съ относительной категоріей. Таково 1) такъ-наз. сочинительное qui quae quod (въ началѣ главныхъ предложеній или цѣлыхъ періодовъ) и 2) аппозитивное qui quae quod, напр. Amanus Syriam a Cilicia dividit, qui mons erat hostium plenus sempiternorum. Оба эти случая, родственные между собою, основываются, повидимому, на указательномъ (анафорическомъ) смыслѣ мѣстоименія: „А. отдѣляетъ С. отъ К.: эта гора и пр.“. Schmalz § 241 пытается также и здѣсь возстановить, конечно по-своему, вопросительное значеніе мѣстоименія: „eigentlich Amanus mons; qui mons? = was war mit dem Berge? Antwort: erat hostium plenus“. Какъ видно, получается ужъ нѣчто совсѣмъ невозможное.

это такъ: urbem (ali)quam statuo; (ea urbs) vestra est. Но это объясненіе восходитъ ужъ слишкомъ назадъ, касаясь вопроса о взаимномъ отношеніи вопросительнаго и неопредѣленнаго значенія корня quo.

Напротивъ такъ-наз. аттракцію легче какъ-будто объяснить при толкованіи Deecke и Schmalz'a. Послѣдній (§ 244) разлагаетъ извѣстное мѣсто у Hor. *sat.* 1, 6, 14: notante iudice quo nosti populo такимъ образомъ: notante iudice. — Quo? — Nosti: (именно) populo. Но правдоподобность такого толкованія умаляется уже тѣмъ, что̀ говоритъ далѣе самъ Шмальцъ, именно что тутъ имѣется „инстинктивное возвращеніе къ старинѣ". „Инстинктъ" имѣлъ бы смыслъ только въ томъ случаѣ, если бъ такая аттракція соотвѣтствовала непрерывной традиціи языка, которой въ данномъ случаѣ совсѣмъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ Шмальца, такъ какъ не имѣется ничего такого во всей древней латыни вплоть до Корнифиція (1, 7, 11: ut statim apertis rationibus, quibus [вм. quas] perscripsimus, attentum faciamus auditorem). Напротивъ, тутъ имѣемъ дѣло рѣшительно съ грецизмомъ, оказавшимся возможнымъ потому, что нѣчто подобное было возможно и по-латыни на основаніи простого силлепсиса, напр. natus patre, quo diximus (подр. eum natum esse); imitamur, quos cuique visum est (подр. imitari); te suspicor iisdem rebus, quibus me ipsum, commoveri и т. п., см. Kühner II², стр. 847; 531. Къ этому силлепсису подходитъ весьма близко и вышеприведенное мѣсто изъ Корнифиція, представляющее собою древнѣйшій примѣръ свободной аттракціи въ римской литературѣ (= ut attentum faciamus auditorem apertis rationibus, quibus eum attentum fieri posse perscripsimus). Что тутъ неудобно говорить о какомъ-то „инстинктѣ" латинскаго языка, видно изъ того, что даже въ греческомъ языкѣ аттракція не составляетъ древняго состоянія языка. По крайней мѣрѣ у Гомера ея еще совсѣмъ нѣтъ; у Геродота она то примѣняется, то не примѣняется; у Θукидида аттракція уже преобладаетъ, а у болѣе позднихъ встрѣчается еще чаще, см. Reisert, Zur Attraction der Relativsätze in der griech. Prosa (ср. Woch. f. klass. Phil. 1890, 1114 и слѣд.; Berl. Phil. Woch. 1890, 282 и слѣд.).

Въ пользу толкованія Deecke и Schmalz'a можно было бы до нѣкоторой степени указывать еще и на то, что въ смыслѣ относительнаго мѣстоименія употребляется вообще только прилагательная форма вопросительнаго мѣстоименія qui quae quod. Однако это ограниченіе употребленія, безъ сомнѣнія, такое же дѣло случая, какъ и употребленіе въ однѣхъ формахъ указательнаго суффикса i

(qui изъ que-i, quae изъ quă-i), между тѣмъ какъ въ другихъ его не имѣется (напр. quod и quid, хотя умбр. puř-e = *quod+i, piř-e или piř-i нов. pirs-i или pirs-e = *quid-i). Это видно изъ того, что въ осскомъ и умбрійскомъ нарѣчіяхъ употребляется pis = относит. qui, напр. осск. pis cevs Bantins fust = qui civis Bantinus fuerit, умбр. pisest totar Tarsinater = qui (quisquis) est civitatis Tadinatis. Подобнымъ образомъ и въ древней латыни употребленіе формъ quis и quid въ значеніи относительномъ не неизвѣстно; напр. на одной надписи (извѣстной, впрочемъ, только въ копіи): sei quis arvorsu hac faxit, (ceiv)ium quis volet, pro judicatod manum inject(i)o estod; Cato r. r. 148: dominus vino quid volet faciat; также еще у Геллія XIII, 23, 8: quis erat egregia atque praestanti fortitudine, Nero appellatus est. Наконецъ и въ классической латыни сохранилось это въ quisquis, quidquid, въ которыхъ, судя по *ὅστις*, первое quis, quid = относ., второе же = неопред.

Переходомъ вопросительнаго корня quo/e въ относительную категорію можно объяснить также и форму нѣкоторыхъ падежей*), обнаруживающихъ въ своемъ составѣ лишнее i. Звукъ этотъ, повидимому, однороденъ съ греческимъ дейктическимъ *ι* въ *οὑτοσι* и. т. п. и служитъ для указанія на соотносительную мысль въ главномъ предложеніи. Какъ hic, haec, такъ и qui, quae основываются на слабой формѣ корня: que и he для муж. рода (quo/e) и quă и hă для женскаго (quā/ă): que+i, he+i+c(e), quă+i, hă-i-c(e); напротивъ въ умбр. poi (poe, poei) примѣнена сильная основа po = quo. Присутствіемъ и значеніемъ указательнаго элемента i (тождественнаго съ корнемъ i въ i-s) объясняется также предпочтеніе, отданное формѣ qui (передъ quis) въ значеніи относительнаго мѣстоименія.

Вопросительныя и относительныя мѣстоименія латинскаго языка происходятъ, слѣдовательно, отъ вопросительныхъ корней qo/e

*) Точнѣе нѣкоторыхъ формъ именительнаго падежа, въ виду того, что формы род. и дат. ед. врядъ ли заключаютъ въ себѣ дейктическое i, такъ какъ род. quojus (такъ всегда на надписяхъ республиканскаго времени), равно какъ и hujus и ejus, не что иное, какъ „окаменѣлая" форма притяжательная (= чей) = quo + i̯o-s какъ meus изъ me + i̯o-s. Долгота перваго слога перешла сюда изъ дат. ед. quoi (cui), huic, ei (двусложныя quoi-ei, ei-ei сравнительно моложе, какъ видно уже изъ того, что при huic такой формы нѣтъ).

и qi, о существованіи которыхъ ср. K. Z. XXIX, стр. 148*). Есть однако нѣкоторыя вопросительно-относительныя слова (ŭter, unde, ŭbi, ŭti), которыя образованы, повидимому, отъ другого корня, именно u: u-bi отъ u- какъ i-bi отъ i-, u-n-de какъ i-n-de (см. Падежи стр. 123), u-ti какъ i-ti-dem, u-ter какъ i-terum. Прежде производили и эти слова отъ корня quo, принимая въ нихъ отпаденіе звука c (q), подтвержденіе чего видѣли въ существованіи рядомъ съ ubi формъ si-cubi, ne-cubi, nun-cubi, рядомъ съ unde — ne-cunde, si-cunde, рядомъ съ uter — ne-cuter, рядомъ съ ubiubi и undeunde также ubicubi и ubicunde и, наконецъ, рядомъ съ aliubi aliunde также alicubi alicunde, въ послѣднемъ случаѣ, впрочемъ, съ различіемъ значенія. Возраженія, которыя можно сдѣлать противъ производства ubi изъ cubi и пр. (ср. Bersu, Die Gutturalen im Latein стр. 138 сл.), столь вѣски, что новѣйшіе языковѣды считаютъ такое толкованіе теперь устраненнымъ. Тѣмъ не менѣе Deecke (Nebensätze стр. 37) находитъ все еще возможнымъ отстаивать прежнюю теорію по слѣдующимъ двумъ причинамъ. Во-первыхъ, въ Кейловомъ корпусѣ древнихъ грамматиковъ (IV, 199, 16) приводится древнее cube = ubi, при чемъ, по мнѣнію Deecke, исключена возможность простой выдумки грамматика въ виду конечнаго e; выдумка, по его мнѣнію, имѣла бы форму cubi. Однако, какъ разъ грамматикъ-архаистъ, зная то, что̀ говоритъ напр. Квинтиліанъ (I, 7, 24)**), могъ какъ разъ изобразить мнимое cube съ e въ концѣ, ради архаическаго колорита. Важнѣе другая причина, указываемая Deecke, что въ такомъ случаѣ латинскій языкъ съ своимъ мѣстоименнымъ корнемъ u стоялъ бы совершенно одиноко среди всѣхъ италійскихъ діалектовъ, не знающихъ будто никакихъ формъ отъ корня u, такъ что даже лат. ubi = умбр. pufe, осск. puf, лат.

*) Къ корню qi принадлежатъ слѣдующія формы: quis = санскр. kis, греч. τίς, осск.-умбр. pis (ср. осск. suae pis = si quis, умбр. sve pis = si quis), quid = осск. pid (по Фесту pitpit = quidquid), quem (какъ напр. igne-m отъ основы igni-), quibus. Къ корню qo/e = πο или κο (см. G. Meyer § 437), осск.-умбр. po принадлежатъ a) формы съ слабою степенью корня: qui им. ед. и мн. (изъ que-i), quīs = quibus (изъ que-is, ср. „Падежи“ стр. 326); b) формы съ сильной основой: quod, quom (параллельно съ quem), quo, quorum, quos, также cujus (ср. πο-ἰο-ς) и cui; сомнительно quī = quo, ср. „Падежи“ стр. 340.

**) „Sibe“ et „quase“ scriptum in multorum libris est, T. Livium ita his usum ex Pediano comperi, qui et ipse eum sequebatur; haec nos i littera finimus.

ut = осск. pous, пел. puus, умбр. puze, pusei, pusi, лат. utrique = осск. potorospíd, лат. utriusque = умбр. putrespe. Конечно, такое исключительное положеніе латинскаго языка было бы нѣсколько странно, но все же не абсолютно невозможно. Также и въ италійскихъ діалектахъ могли прежде существовать какія-либо формы отъ корня u, вытѣсненныя съ теченіемъ времени формами, примыкавшими къ корню quo. И дѣйствительно: въ пользу послѣдняго предположенія можно указать на одну пелигнійскую надпись, въ которой читаются слѣдующія слова: uus pritrome pacris puus ecic lexe lifar и пр.; какъ ни трудно пониманіе этой надписи, все-таки если здѣсь puus, что̀ весьма вѣроятно, = осск. pous = лат. ut, то форма uus, очевидно соотвѣтствующая слѣдующему за нимъ puus, можетъ обозначать ita, совершенно согласно съ зенд. uiti = „такъ“ (Коршъ, Ж. М. Н. Пр. 1887, 8 стр. 340; срв. статью Козловскаго въ K. Z. XXX, стр. 564). Съ пелигнійскимъ uus можетъ быть далѣе тождественно по корню латинское us- въ us-quam, us-piam, n-us-quam. Къ этому же корню принадлежала бы и санскр. энклитическая частица u, имѣющая въ ригъ-ведѣ дейктическое и анафорическое значеніе (см. Delbrück, Altind. Synt. стр. 504 сл.), а также звукъ *υ*, заключающійся въ *οὗτος*, такъ какъ напр. $\tau o\tilde{v}\tau o = {}^{*}\tau\acute{o} + \upsilon + \tau o$ (см. Brugmann, Gr. Gr. § 94; Kretschmer K. Z. XXXI, стр. 364). Если это такъ, то и латинскія слова, произведенныя отъ корня u, имѣли первоначально указательное значеніе, изъ котораго могло развиться относительное значеніе тѣмъ же путемъ, какъ при греческомъ *ὅς*. А разъ эти формы примкнули къ одному изъ значеній корня quo, то отсюда къ полному уравненію и въ прочихъ значеніяхъ (вопрос., неопр.) былъ уже только одинъ шагъ. Такимъ образомъ, напр. нарѣчія unquam, usquam, uspiam, usque вполнѣ подчинились въ своемъ употребленіи и значеніи аналогіи мѣстоименій quisquam, quispiam и quisque.

Итакъ въ латинскомъ языкѣ было, повидимому, время, когда къ услугамъ относительной категоріи существовали два совершенно различные способа: одинъ, основывающійся на вопросительномъ мѣстоименіи, другой на анафорическомъ указательномъ корнѣ u; ср. подобное сосуществованіе „иже“ и „который“. Тогда-то и могли быть въ ходу и нѣкоторыя двойныя формы, какъ напр. ubi отъ корня u рядомъ съ-cubi отъ корня quo и т. д. Въ прочихъ же

италійскихъ нарѣчіяхъ этого не было на томъ основаніи, что корень u, насколько онъ употреблялся, сохранилъ такъ попрежнему свое указательное значеніе, не сближаясь съ относительной категоріей; для нихъ оставался, слѣдовательно, только одинъ изъ обоихъ указанныхъ путей, именно образованіе соотвѣтствующихъ формъ только отъ вопросительно-относительнаго корня. Въ латинскомъ же языкѣ оба ряда параллельныхъ формъ, опять-таки насколько онѣ успѣли выработаться, начали подвергаться дифференцированію, весьма обычному въ подобныхъ случаяхъ, какъ выше уже замѣчено, при чемъ въ простыхъ формахъ установилось употребленіе одного ряда: ubi, unde и пр., въ сложныхъ же — другого: -cubi, -cunde. При этомъ нельзя не замѣтить, что и послѣднія формы испытали на себѣ вліяніе аналогіи параллельныхъ ubi, unde и пр., такъ какъ безъ этого вліянія нужно было бы ожидать *-quobi, -quonde и пр. Подобнымъ образомъ и италійскія формы, въ родѣ puus, могли получить свой вокализмъ подъ вліяніемъ соотносительныхъ формъ отъ корня u, въ родѣ uus. Это объясненіе, по крайней мѣрѣ, столь же возможно, какъ и предположеніе Бругмана (Grundriss I, стр. 323) о томъ, что здѣсь произошло смѣшеніе не двухъ корней (qo и u), а трехъ: u, qo и qu, изъ которыхъ послѣдній имѣется въ санскр. kú-tra.

Въ заключеніе еще небольшое замѣчаніе съ возвращеніемъ къ значенію словечка *ὅδ въ *ὅδ-τί = ὅττι (Фил. Обозр. т. I, отд. 1, стр. 105 сл.). Большинство латинскихъ и греческихъ союзовъ произведено, какъ ниже будетъ изложено, отъ относительнаго мѣстоименія, при чемъ лишь отчасти можно восходить къ основному значенію даннаго корня, въ греческомъ — къ указательному, въ латинскомъ — къ вопросительному. Въ большинствѣ случаевъ возникновеніе соотвѣтствующихъ союзовъ предполагаетъ относительную категорію уже вполнѣ сложившуюся. Мало того: на ряду съ союзами, произведенными отъ относительнаго мѣстоименія, въ нѣкоторыхъ языкахъ также и самое это мѣстоименіе съ теченіемъ времени начинаетъ превращаться въ неизмѣняемую частицу, своего рода относительный союзъ, употребляемый неизмѣнно въ смыслѣ разныхъ падежныхъ формъ склоняемаго мѣстоименія, прежде всего въ значеніи именительнаго падежа всѣхъ трехъ родовъ, а затѣмъ и косвенныхъ падежей, и тогда отношеніе послѣднихъ выражается особо указательнымъ мѣстоименіемъ, напр. „нема тоей дивчиноньки,

що я въ ей кохався“, Коршъ, стр. 28. Это явленіе составляетъ, очевидно, уже заключительную фазу развитія относительной конструкціи. А между тѣмъ по вышеупомянутому толкованію Бругманомъ частицы *ὅδ = „что̀“ нужно было бы отнести это чуть ли не къ самому началу развитія относительнаго значенія указательныхъ корней σϝο и jo. Это тѣмъ болѣе невѣроятно, что и вообще въ греческомъ языкѣ не находимъ никакихъ другихъ слѣдовъ подобнаго относительнаго союза. Не встрѣчаемъ ихъ также и въ латинскомъ языкѣ. Но въ умбрійскомъ и, м. б., осскомъ діалектахъ это явленіе было отчасти по крайней мѣрѣ извѣстно, но, повидимому, только еще въ области именительнаго падежа. Умбрійское puř-e = лат. *quod+i употребляется въ такъ наз. др.-умбр. частяхъ Игувинскихъ таблицъ, написанныхъ національнымъ письмомъ, еще исключительно только въ значеніи средняго рода = quod. Напротивъ, въ ново-умбр. частяхъ, написанныхъ латинскимъ шрифтомъ, это же puř-e, получившее въ латинской транскрипціи формы pors-e, pors-i, pors-ei встрѣчается уже въ значеніи им. муж. рода ед. ч. = ὅσπερ, въ значеніи им. муж. рода множ. числа*) и въ значеніи им. средняго рода множ. ч., см. index verborum у Бюхелера, Umbrica s. v. po-. Напр. vasor verisco Treblanir, porsi ocrer pehaner paca ostensendi, eo iso ostendu = „жаровни у воротъ Треблансвихъ, что̀ будутъ употреблены при очищеніи кремля, пусть будутъ употреблены такимъ образомъ“, ср. Bücheler l. c. стр. 51. Впрочемъ толкованіе это принадлежитъ не Бюхелеру (принимающему здѣсь какой-то суффиксъ-de), а, сколько мнѣ извѣстно, Зубатому; ср. List. Fil. XV, 368; XVI, 200. Послѣдній открылъ это же самое явленіе также и въ одномъ мѣстѣ осскаго текста на tabula Bantina (ib. XIII, 209): pr. suae praefucus, pod post exae Bansae fust, suae pis op eizois com a(l)trud ligud acum herest и пр. = praetor sive praefucus, qui (букв. „что̀“) posthac Bantiae fuerit, si quis apud eos lege agere volet и пр.

И. Нетушилъ.

---

*) Въ др.-умбр. текстѣ имѣется еще правильное pur-e, pur-i = *quos+i, хотя, правда, уже съ r вмѣсто s (между двумя гласными).

ΑΡΙΣΤΟΤΕΛΟΥΣ ΑΘΗΝΑΙΩΝ ΠΟΛΙΤΕΙΑ

(Глава четвертая).

Четвертая глава начинается, по дѣленію Кеніона, такъ: *ἡ μὲν οὖν πρώτη πολιτεία ταύτην εἶχε τὴν ὑπογραφήν. μετὰ δὲ ταῦτα χρόνου τινὸς οὐ πολλοῦ διελθόντος ἐπ' Ἀρισταίχμου ἄρχοντος Δράκων τοὺς θεσμοὺς ἔθηκεν.* Слова: *ἡ... πρώτη πολιτεία*, дѣлаются понятными при сравненіи съ 41-й главою, гдѣ въ § 2 говорится: *δευτέρα δὲ καὶ πρώτη μετὰ ταῦτα... ἔχουσα πολιτείας τάξιν ἡ ἐπὶ Θησέως γενομένη*, именно *πολιτεία* употреблено, очевидно, какъ противоположность къ *βασιλεία*, *τυραννίς*, *μοναρχία*, такъ что Ѳесеево государственное устройство названо первымъ въ томъ смыслѣ, что при немъ въ управленіи государствомъ впервые стали принимать участіе сами граждане. Но затѣмъ слѣдуютъ слова: *μετὰ δὲ ταῦτα χρόνου τινὸς οὐ πολλοῦ διελθόντος*... Спрашивается, какъ понять *μετὰ ταῦτα?* Въ виду слѣдующаго: *χρόνου τινὸς οὐ πολλοῦ διελθόντος* нужно непремѣнно принять, что авторъ исходитъ отъ какого-нибудь опредѣленнаго хронологическаго пункта. Этимъ пунктомъ можетъ быть, конечно, только время введенія Ѳесеева устройства. Въ такомъ случаѣ не поддаются объясненію слова: *χρόνου τινὸς οὐ πολλοῦ διελθόντος*, такъ какъ выходитъ, что Драконъ по истеченіи непродолжительнаго времени послѣ Ѳесеевой политіи издалъ законы. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что Аристотель такъ не могъ выразиться. Можетъ быть, *οὐ πολλοῦ* есть глосса къ *τινός*, которая должна быть устранена изъ текста, но и такъ остается непонятнымъ *μετὰ ταῦτα*. Объ этомъ мы еще будемъ говорить ниже.

Далѣе сказано: *Δράκων τοὺς θεσμοὺς ἔθηκεν.* По поводу этихъ словъ прежде всего нужно замѣтить, что членъ *τοὺς (θεσμούς)* указываетъ на извѣстные *θεσμοί*, простое упоминаніе которыхъ должно вызвать въ читателѣ ясное представленіе о нихъ, такъ что авторъ можетъ о нихъ не распространяться. Перехожу къ слову *θεσμούς*. Аристотель два раза говоритъ о Драконовыхъ за-

конахъ: *Pol.* II, 2.1274 b15 и *Rhet.* II, 23.1400 b21. Въ обоихъ мѣстахъ онъ называетъ ихъ *νόμοι*. Въ нашей *Ἀθ. πολ.* два раза упоминаются *Δράκοντος θεσμοί*: въ разбираемомъ мѣстѣ и въ началѣ 7-й главы. Въ 41-й главѣ говорится о государственномъ устройствѣ при Драконѣ и прибавлено: *ἐν ᾗ καὶ νόμους ἀνέγραψαν πρῶτον*. Разница между *θεσμοί* и *νόμοι* извѣстна, извѣстно также, что Драконовы законы обозначаются обыкновенно словомъ *θεσμοί*. Какъ же понять послѣ этого то, что Аристотель законы Дракона называетъ и *θεσμοί* и *νόμοι?* Какъ согласовать выраженія: съ одной стороны *Δράκοντος θεσμοί*, а съ другой—*ἐν ᾗ καὶ νόμους ἀνέγραψαν πρῶτον?* Въ первомъ случаѣ законы изданы Дракономъ, а во второмъ—они записаны при Драконѣ. Полагаю, что разница между тѣмъ и другимъ слишкомъ велика, чтобы допустить возможность употребленія Аристотелемъ обоихъ выраженій объ одномъ и томъ же предметѣ. Къ этому присоединяется еще то, что нигдѣ, сколько мнѣ извѣстно, о законодателѣ не встрѣчается выраженіе *θεσμοὺς τιθέναι*, которое и само по себѣ едва ли возможно, такъ какъ *θεσμοί* — законы, исходящіе отъ боговъ, обычное право, которое не можетъ исходить отъ человѣка. Мы имѣемъ, слѣдовательно, противорѣчіе въ самомъ трактатѣ, а въ разбираемомъ мѣстѣ — выраженіе, котораго нельзя признать Аристотелевскимъ. Можно допустить, что первоначально въ разбираемомъ мѣстѣ было написано *νόμους*, а *τοὺς θεσμοὺς* было глоссою и попало ошибочно въ текстъ; все-таки остается противорѣчіе между *νόμους ἔθηκεν* и *ἐν ᾗ καὶ νόμους ἀνέγραψαν πρῶτον*.

Затѣмъ слѣдуютъ слова: *ἡ δὲ τάξις αὕτη τόνδε τὸν τρόπον εἶχε*, которыя представляютъ большое затрудненіе. Дѣло въ томъ, что Аристотель *Pol.* II, 12.1274 b15 говоритъ: *Δράκοντος δὲ νόμοι μὲν εἰσι, πολιτείᾳ δ' ὑπαρχούσῃ τοὺς νόμους ἔθηκεν· ἴδιον δ' ἐν τοῖς νόμοις οὐδέν ἐστιν ὅτι καὶ μνείας ἄξιον, πλὴν ἡ χαλεπότης διὰ τὸ τῆς ζημίας μέγεθος*. Здѣсь прямо сказано, что государственнаго устройства Драконъ не измѣнялъ, что онъ далъ законы существующему государственному устройству. По изложенію въ приведенномъ мѣстѣ *Ἀθ. πολ.* (*ἡ δὲ τάξις αὕτη*, этотъ строй) выходитъ, что Драконъ установилъ именно государственное устройство. Въ виду этого, Кеніонъ прямо говоритъ, что теперь не можетъ уже подлежать сомнѣнію то, что 12-я глава 2-й книги „Политики" принадлежитъ не Аристотелю. Но дѣло еще далеко не такъ несомнѣнно,

чтобы высказать такой рѣшительный приговоръ. Дѣло вотъ въ чемъ: въ 41-й главѣ *Ἀθ. πολ.* перечислено одиннадцать послѣдовательныхъ измѣненій государственнаго строя Аѳинъ, при чемъ они опредѣляются какъ первое, второе и т. д. Первымъ названо устройство при Іонѣ, вторымъ — устройство при Ѳесеѣ, третьимъ — устройство при Солонѣ. О Драконовомъ устройствѣ сказано: *μετὰ δὲ ταύτην ἡ ἐπὶ Δράκοντος, ἐν ᾗ καὶ νόμους ἀνέγραψαν πρῶτον,* т.-е. за Ѳесеевымъ слѣдовало устройство при Драконѣ; но ему не удѣляется мѣсто самостоятельнаго государственнаго устройства, такъ какъ оно не обозначено числительнымъ и занимаетъ неопредѣленное мѣсто среди устройствъ Ѳесея и Солона. Полагаю, что Аристотель не могъ такъ выразиться, если онъ дѣйствительно приписывалъ Дракону измѣненіе государственнаго устройства.

Какъ же понять соотвѣтствующія одно другому сообщенія въ 4-й и въ 41-й главахъ? Мнѣ дѣло представляется въ такомъ видѣ: въ 41-й главѣ Дракону не было приписано измѣненіе государственнаго устройства, а было сказано, что во время Ѳесеева устройства были записаны Драконовы законы. Эти слова были впослѣдствіи измѣнены для того, чтобы получить соотвѣтствіе съ 4-й главою.

Нужно еще остановиться на началѣ 3-й главы: *ἦν δ' ἡ τάξις τῆς ἀρχαίας πολιτείας τῆς πρὸ Δράκοντος τοιάδε.* При сравненіи текста по факсимиле оказывается, что правильность возстановленія словъ: *πρὸ Δράκοντος τοιάδε* можетъ быть подвергнута сомнѣнію. Въ факсимиле видны неразборчивые знаки, затѣмъ слѣдуетъ пропускъ до конца фразы. Не берусь рѣшить, какъ должны быть прочитаны эти знаки, но сомнѣваюсь, чтобы въ нихъ заключалось *πρό;* скорѣе можно предположить *πρῶτον* или *πρώτης*. Въ такомъ случаѣ и *Δράκοντος* едва ли вѣрно, и выраженіе это не можетъ служить подтвержденіемъ того, что въ нашемъ трактатѣ Дракону приписывалось измѣненіе государственнаго устройства.

Наконецъ, если даже признать 12-ю главу 2-й книги Политики интерполированною, то этимъ еще не исключается возможность заимствованія словъ, относящихся къ Дракону, именно изъ Аристотелевой *Ἀθ. πολ.*, чѣмъ опять-таки доказывалось бы, что въ ней Дракону не приписывалось измѣненіе государственнаго устройства.

Если вѣрно мое предположеніе о томъ, что въ нашемъ трактатѣ Дракону первоначально не было приписано это измѣненіе[1]), то дѣлается непонятнымъ выраженіе въ 4-й главѣ: *ἡ δὲ τάξις αὕτη τόνδε τὸν τρόπον εἶχε*. Дѣло въ томъ, что въ разобранныхъ выше словахъ 4-й главы Дракону во всякомъ случаѣ не приписывается измѣненіе государственнаго устройства, а между тѣмъ *ἡ τάξις αὕτη* можетъ быть отнесено только къ устройству, данному Дракономъ. Нѣсколько лучшій смыслъ получается, если читать *ἡ τάξις αὐτή*, т.-е. „самое устройство", при чемъ, конечно, эти слова должны относиться не къ Драконову устройству. Но почему же это чтеніе лучше, и къ чему отнести эти слова?

Въ началѣ 3-й главы сказано: *ἦν δ' ἡ τάξις τῆς ἀρχαίας πολιτείας κτλ.*, затѣмъ слѣдуетъ: *τὰς μὲν ἀρχὰς καθίστασαν ἀριστίνδην καὶ πλουτίνδην*, т.-е. на должности назначали людей по достоинству (или по знатности) и по богатству. Въ 4-й главѣ непосредственно за словами: *ἡ δὲ τάξις αὕτη* (?) *τόνδε τὸν τρόπον εἶχε*, слѣдуетъ перечисленіе тѣхъ условій, съ которыми было связано право участія въ государственномъ управленіи. Такимъ образомъ, въ томъ и другомъ мѣстѣ *τάξις*, очевидно, должно быть понято какъ распредѣленіе между гражданами правъ на занятіе той или иной должности. Подобнымъ же образомъ должно быть понято слово *τάξις* и въ началѣ 5-й главы: *τοιαύτης δὲ τῆς τάξεως οὔσης ἐν τῇ πολιτείᾳ καὶ τῶν πολλῶν δουλευόντων τοῖς ὀλίγοις ἀντέστη τοῖς γνωρίμοις ὁ δῆμος*, т.-е. при такомъ распредѣленіи правъ (на участіе) въ управленіи и при порабощеніи массы немногими, народъ возсталъ противъ знатныхъ. Въ подтвержденіе того, что слово *τάξις* у Аристотеля имѣетъ иногда такое значеніе, я могу привести слѣдующее: *Pol.* III, 11 говорится о массѣ *(πλῆθος τῶν πολιτῶν)* и затѣмъ (1281^{b}32): *διόπερ καὶ Σόλων καὶ τῶν ἄλλων τινὲς νομοθετῶν τάττουσιν ἐπί τε τὰς ἀρχαιρεσίας καὶ τὰς εὐθύνας τῶν ἀρχόντων, ἄρχειν δὲ κατὰ μόνας οὐκ ἐῶσιν...* и далѣе: *ἔχει δ' ἡ τάξις αὕτη τῆς πολιτείας ἀπορίαν κτλ.* „поэтому Солонъ и нѣкоторые изъ остальныхъ законодателей назначаютъ (массу гражданъ, *πλῆθος τῶν πολιτῶν*) на избранія должностныхъ лицъ и на отчетность ихъ, но не позволяютъ занимать отдѣльныхъ должностей", т.-е.

[1]) Headlam (Classical Review. April. 1891. p. 169 sq.) и Reinach (Revue des études grecques. T. IV, 1891, № 13) высказали убѣжденіе, что изложеніе Драконова государственнаго устройства есть интерполяція.

другими словами: эти законодатели даютъ массѣ такія-то права. Слѣдующія затѣмъ слова получаютъ такое значеніе: „но это распредѣленіе правъ въ государственномъ управленіи имѣетъ недостатокъ“. *Pol.* IV, 1. 1289a15: *πολιτεία μὲν γάρ ἐστι τάξις ταῖς πόλεσιν ἡ περὶ τὰς ἀρχάς, τίνα τρόπον νενέμηνται κτλ.* „политія есть устройство въ государствахъ, относящееся къ должностямъ, какимъ образомъ онѣ распредѣлены“. Здѣсь слово *τάξις* прямо разъясняется словомъ *νέμειν.*

Итакъ, мы имѣемъ полное основаніе понимать въ приведенномъ мѣстѣ 4-й главы слово *τάξις* въ смыслѣ распредѣленія правъ на участіе въ государственномъ управленіи между гражданами. Если такъ, то дѣло представляется въ такомъ видѣ: въ 3-й главѣ переименованы должностныя лица, а словами: *ἡ δὲ τάξις αὐτὴ τόνδε τὸν τρόπον εἶχε* возобновляется прерванное изложеніе въ началѣ 3-й главы: *ἦν δ' ἡ τάξις τῆς ἀρχαίας πολιτείας...· τὰς μὲν ἀρχὰς καθίστασαν ἀριστίνδην καὶ πλουτίνδην·*

Остается, такимъ образомъ, непонятною вставка: *μετὰ δὲ ταῦτα — Δράκων τοὺς θεσμοὺς (νόμους) ἔθηκεν.* По самому своему характеру и въ виду словъ: *μετὰ δὲ ταῦτα,* эта вставка не вяжется съ систематическимъ изложеніемъ государственнаго строя до Солона, т.-е. съ изложеніемъ 3-й и 4-й главъ, такъ что ее можно бы принять просто за интерполяцію для согласованія съ 41-й главою, если бы въ ней не было спеціальнаго указанія архонта, при которомъ Драконъ издалъ свои законы. Въ виду этого указанія мы не имѣемъ права сомнѣваться въ томъ, что опредѣленіе времени законодательства Дракона принадлежитъ Аристотелю, но этимъ не исключается возможность того, что указаніе этой даты стоитъ не на своемъ мѣстѣ.

Два предположенія мнѣ кажутся не лишенными вѣроятности: или 1) вся вставка попала сюда цѣликомъ изъ утраченнаго начала трактата, гдѣ излагались неурядицы и вызванныя ими реформы (какъ въ 1-й и 2-й главахъ), или 2), что вѣроятнѣе, она попала сюда въ видоизмѣненной формѣ изъ того мѣста 41-й главы, гдѣ говорится о Драконовомъ законодательствѣ.

Раньше я говорилъ о томъ, что въ 41-й главѣ произошла порча первоначальнаго текста и что она произведена для согласованія сообщенія этой главы со словами 4-й главы. Этому, повидимому, противорѣчитъ высказанное теперь предположеніе. Но это противо-

рѣчіе лишь кажущееся. Дѣло мнѣ представляется такъ: въ 41-й главѣ было сказано, что во время Θесеева государственнаго устройства при архонтѣ Аристэхмѣ были записаны Драконовы законы. Это было высказано, можетъ быть, въ такой формѣ: *δευτέρα δὲ (*sc. *μεταβολὴ)... ἡ ἐπὶ Θησέως γενομένη, μικρὸν παρεγκλίνουσα τῆς βασιλικῆς, ἐν ᾗ ἐπ' Ἀρισταίχμου ἄρχοντος καὶ νόμους τοὺς Δράκοντος ἀνέγραψαν πρῶτον.* Это было понято такъ, что при Драконѣ было измѣнено государственное устройство. Такое пониманіе могло быть вызвано порчею или неясностью въ текстѣ. Въ предшествующемъ изложеніи о Драконовомъ устройствѣ не говорилось ничего. И вотъ, ученый переписчикъ, а можетъ быть и ученикъ Аристотеля, приводившій въ порядокъ разбросанныя замѣтки своего учителя, пріурочилъ замѣтку о Драконѣ, современникѣ Аристэхма, къ тому мѣсту, на которомъ она стоитъ теперь въ 4-й главѣ. При этомъ упоминаніе Аристэхма онъ исключилъ изъ 41-й главы, придавъ выраженію форму, болѣе соотвѣтствующую его пониманію роли Дракона. Внесеніемъ замѣтки о Драконѣ въ 4-ю главу онъ придалъ значеніе самостоятельныхъ государственныхъ устройствъ двумъ сторонамъ, съ которыхъ описано одно и то же устройство. Если выбросить въ 4-й главѣ слова: *μετὰ δὲ ταῦτα — ἔθηκεν*, и читать далѣе *αὐτή* вмѣсто *αὕτη*, то связь получается удовлетворительная.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы наталкиваемся на новыя затрудненія различнаго характера. Я остановлюсь на тѣхъ изъ нихъ, которыя обусловлены самымъ изложеніемъ.

Прежде всего обращаюсь къ словамъ: *τούτους δὲ δι...... τοὺς πρυτάνεις καὶ τοὺς στρατηγοὺς καὶ τοὺς ἱππάρχους τοὺς ἕνους μέχρι εὐθυνῶν.* Пропускъ въ этомъ мѣстѣ проф. Зѣлинскій (Филологич. Обозрѣніе, т. I, отд. I стр. 125 сл.) восполняетъ словомъ *δοκιμάζειν*. Само по себѣ это слово здѣсь умѣстно, но мнѣ кажется, что связать его съ *μέχρι εὐθυνῶν* невозможно. Проф. Зѣлинскій даетъ такой переводъ послѣднихъ словъ: „съ правомъ штрафовать", но вѣдь *μέχρι εὐθυνῶν* могло бы значить только „до штрафа", т. е. этими словами обозначалось бы именно то, что штрафовать названныя лица не имѣютъ права. Точный переводъ былъ бы таковъ: „пританы и т. д. изслѣдуютъ правоспособность извѣстныхъ лицъ для занятія должности стратега и гиппарха до того момента, когда наступаетъ наложеніе на нихъ штрафа". Если бы здѣсь

должна была быть выражена мысль, что пританы и т. д. изслѣдуютъ правоспособность, а для штрафованія, въ случаѣ надобности передаютъ ихъ другимъ лицамъ, то навѣрно была бы названа и самая компетентная инстанція, налагающая штрафы. Болѣе вѣроятнымъ мнѣ кажется чтеніе *διατηρεῖν*, которое предложили Herwerden и Leeuwen (но безъ *ἔδει*, которое вставляютъ эти издатели). При такомъ чтеніи получается смыслъ: „эти наблюдаютъ за прошлогодними пританами и т. д. до сдачи ими отчета", т.-е. подлежащимъ должно быть *τούτους*, а дополненіемъ — *τοὺς πρυτάνεις κτλ.* Въ факсимиле довольно ясно видны знаки: *δ..ειν*[1]). Что касается *ι* за *δ*, то черточка за *δ* скорѣе походитъ на жилку въ самомъ папирусѣ[2]). На пространствѣ между *δ* и *ειν* могло быть написано двѣ буквы. Надъ строкою есть знаки, но ихъ трудно разобрать. То, что издатели принимаютъ за *δ* или *α*, есть пятно, которое можно толковать различно, равно какъ можно толковать различно и знаки принимаемыя за *ει*, тѣмъ болѣе, что за ними, повидимому, слѣдовали еще какіе-то знаки (между прочимъ нѣчто въ родѣ *χ*). Въ виду этого можно предположить, что приписка надъ строкою есть просто пополненіе пропуска, а не самостоятельное слово, и въ такомъ случаѣ конечно слово, которое должно быть возстановлено, можетъ состоять изъ большаго числа буквъ, чѣмъ сколько ихъ можетъ помѣститься на пространствѣ между *δ* и *ειν*, видимыми въ строкѣ. Поэтому возстановленіе первоначальнаго слова должно быть дѣломъ дивинаціи. Во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что *εὔθυναι* должно быть понято какъ „сдача отчета" и отнесено къ „прошлогоднимъ пританамъ и т. д.".

Между аргументами, свидѣтельствующими о томъ, что 4-я глава интерполирована, Headlam выставляетъ и то, что не разъяснена роль пританов. Это однако, по моему мнѣнію, не доказываетъ ничего, такъ какъ вѣдь о роли стратеговъ и гиппарховъ тоже не сказано ничего, равно какъ и о казначеяхъ *(ταμίαι)*, которые названы немного выше въ той же главѣ. Странность немотивированнаго упоминанія пританов есть, по моему, странность для насъ, такъ какъ мы не знаемъ изъ другихъ источниковъ роли ихъ, а если бы ее знали, то можетъ быть, это упоминаніе не показалось бы

1) На послѣднія три буквы никто не указалъ до сихъ поръ.

2) Въ статьѣ проф. Зѣлинскаго несовсѣмъ ясно, какое *ι* онъ принимаетъ за пятно.

намъ страннымъ, какъ не кажется страннымъ упоминаніе казначеевъ, стратеговъ и гиппарховъ. Кромѣ того, вѣдь рѣчь объ этихъ должностныхъ лицахъ могла быть въ утерянномъ началѣ трактата.

Болѣе основательно сомнѣніе, которое высказалъ Headlam относительно совѣта *(βουλή)* изъ 401 члена. Нельзя не согласиться съ его замѣчаніемъ, что слова въ 8-ой главѣ: *βουλὴν δ' ἐποίησε τετρακοσίους*, относящіяся къ Солону, имѣютъ значеніе: „учредилъ совѣтъ четырехсотъ", а не „измѣнилъ число членовъ его". Въ 21-й главѣ, гдѣ говорится объ измѣненіи Клисѳеномъ числа членовъ *βουλή*, прямо сказано: *βουλή* онъ установилъ въ 500 вмѣсто 400 *(τὴν βουλὴν πεντακοσίους ἀντὶ τετρακοσίων κατέστησεν)*. Такимъ образомъ сообщеніе въ 4-ой главѣ объ учрежденіи совѣта изъ 401 члена можетъ быть подвергнуто сомнѣнію. Къ этому нужно прибавить еще слѣдующее: вслѣдъ за этимъ сообщеніемъ въ 4-ой главѣ слѣдують слова: *κληροῦσθαι δὲ καὶ ταύτην καὶ τὰς ἄλλας ἀρχὰς κτλ.*, а раньше сказано: *ᾕροῦντο δὲ τοὺς μὲν ἐννέα ἄρχοντας......, τὰς δ' ἄλλας ἀρχὰς κτλ.* Какъ согласовать эти сообщенія? Одинъ разъ говорится, что должностныя лица избирались, а затѣмъ, что они назначались по жребію. Очевидно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ интерполяціею, въ которой учрежденія позднѣйшаго времени отнесены къ до-Солонову времени. Такъ же точно и далѣе все то, что говорится о жребіи, должно быть исключено изъ текста, какъ посторонняя вставка.

Въ высшей степени сомнительны и слова: *εἰ δέ τις τῶν βουλευτῶν, ὅταν ἕδρα βουλῆς ἢ ἐκκλησίας ᾖ, ἐκλείποι τὴν σύνοδον, ἀπέτινον ὁ μὲν πεντακοσιομέδιμνος τρεῖς δραχμάς, ὁ δὲ ἱππεὺς δύο, ὁ ζευγίτης δὲ μίαν.* Здѣсь говорится о дѣленія на классы, которое приписывается Солону не только въ другихъ источникахъ, но и въ нашей *Ἀθ. πολ.* Именно, въ 7-ой главѣ сказано, что Солонъ ввелъ дѣленіе *(διεῖλεν)* на пентакосіомедимновъ и т. д. Въ этомъ мѣстѣ, правда, текстъ вѣроятно не совсѣмъ правиленъ, на что совершенно основательно указали Кайбель и Виламовицъ въ своихъ изданіяхъ, но не можетъ подлежать сомнѣнію, что мы здѣсь имѣемъ дѣло именно съ тѣмъ сообщеніемъ, на которое ссылается Гарпократіонъ s. v. *ἱππάς: .... Ἀριστοτέλης δ' ἐν Ἀθηναίων πολιτείᾳ φησὶν ὅτι Σόλων εἰς τέτταρα διεῖλε τέλη τὸ πᾶν πλῆθος Ἀθηναίων, πεντακοσιομεδίμνους καὶ ἱππέας καὶ ζευγίτας καὶ θῆτας,* и s. v. *πεντακοσιο-*

μέδιμνον: ὅτι δ' τέλη ἐποίησεν Ἀθηναίων ἁπάντων Σόλων, ὧν ἦσαν καὶ οἱ πεντακοσιομέδιμνοι, δεδήλωκεν Ἀριστοτέλης ἐν Ἀθηναίων πολιτείᾳ.

Что касается самаго текста 7, 2 нашего трактата, то его можно возстановить такъ: *καὶ διέταξε τὴν πολιτείαν τόνδε τὸν τρόπον· κατὰ τιμήματα διεῖλεν κτλ.* Дѣло въ томъ, что въ промежуткѣ между *τρόπον* и *τιμήματα* могъ стоять, судя по пространству, знакъ *κ*, которымъ обозначается въ рукописи *κατά*, а *πολιτεία* въ этомъ мѣстѣ можетъ имѣть значеніе „совокупность гражданъ", какъ Arist. *Pol.* IV, 4. 1292^a 34; 13. 1297^b 1, 13, 16. При такомъ пониманіи слова *πολιτεία* дѣлается болѣе понятнымъ и обозначеніе классовъ именами существительными въ единственномъ числѣ, а не прилагательными (*ἱππικόν* и т. д.), какъ слѣдовало бы ожидать, если бы относить эти слова къ *τέλη*.

Возвращаюсь къ дѣленію на четыре класса: пентакосіомедимновъ, всадниковъ, зевгитовъ и ѳетовъ. Мы видимъ, что и въ нашемъ трактатѣ это дѣленіе приписывается Солону. Но какъ же понять въ такомъ случаѣ слова: *καθάπερ διῄρητο καὶ πρότερον*, въ 7-ой главѣ? И Herwerden и Leeuwen говорятъ, что они представляютъ интерполяцію, вставленную для согласованія описанія реформы Солона съ интерполированнымъ изложеніемъ въ 4 ой главѣ. Это конечно возможно, но не несомнѣнно вѣрно. Эти слова могутъ относиться просто къ дѣленію на классы вообще или, можетъ быть, къ дѣленію именно на четыре класса. Объ этомъ дѣленіи говорится въ 4-ой главѣ. Тамъ сказано, что правами гражданства пользовались *οἱ ὅπλα παρεχόμενοι*, затѣмъ, что архонты и казначеи избирались изъ обладавшихъ такимъ-то состояніемъ, другія должностныя лица — изъ предъявлявшихъ оружіе, стратеги и гиппархи — изъ обладавшихъ такимъ-то состояніемъ и имѣвшихъ такихъ-то дѣтей. Такимъ образомъ въ 4-ой главѣ поименовано несомнѣнно 3 класса гражданъ; можно предположить, что ихъ было и четыре и что только благодаря порчѣ въ текстѣ (можетъ быть въ словахъ: *τὰς δ' ἄλλας ἀρχὰς ἐλάττους ἐκ τῶν ὅπλα παρεχομένων*)[1]) этотъ классъ не указанъ.

Такимъ образомъ и слова: *καθάπερ διῄρητο καὶ πρότερον*, не могутъ служить доказательствомъ того, что дѣленіе на пентакосіомедимновъ и т. д. существовало до Солона, а изъ самаго изло-

[1]) Ср. замѣчаніе Кайбеля и Виламовица къ этимъ словамъ.

женія явствуетъ, что весь § 3-й въ 4-й главѣ (*βουλεύειν δὲ τετρακοσίους καὶ ἕνα — ζευγίτης δὲ μίαν*) есть интерполяція.

Далѣе слѣдуетъ изложеніе функцій ареопага (§ 4-й). Спеціально о функціяхъ этого совѣта говорится въ нашемъ трактатѣ три раза: въ 3-ей, 4-ой и 8-ой (§ 4-й) главахъ. Въ 8-й главѣ говорится объ ареопагѣ по законодательству Солона, причемъ употреблено выраженіе: *ὥσπερ ὑπῆρχεν καὶ πρότερον ἐπίσκοπος οὖσα τῆς πολιτείας*. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ манерѣ Аристотеля указывать на изложенные раньше сходные или тождественные факты. Въ четвертой главѣ этого нѣтъ, а между тѣмъ въ этой главѣ называются функціи ареопага, которыя по крайней мѣрѣ въ одномъ пунктѣ вполнѣ совпадаютъ съ тѣмъ, что сказано о нихъ въ 3-ей главѣ. Именно въ 4-ой главѣ сказано: *ἡ δὲ βουλὴ ἡ ἐξ Ἀρείου πάγου φύλαξ ἦν τῶν νόμων*, а въ 3 ей: *ἡ δὲ τῶν Ἀρεοπαγιτῶν βουλὴ τὴν μὲν τάξιν εἶχε τοῦ διατηρεῖν τοὺς νόμους*. Это наводитъ на мысль, что или въ 4-ой главѣ описаніе ареопага интерполировано, или въ 3-ей. Посмотримъ, нѣтъ ли какихъ-нибудь другихъ указаній на это.

Въ 3-ей главѣ сказано между прочимъ: *διῴκει δὲ τὰ πλεῖστα καὶ τὰ μέγιστα τῶν ἐν τῇ πόλει, καὶ κολάζουσα καὶ ζημιοῦσα πάντας τοὺς ἀκοσμοῦντας κυρίως*, т.-е. „(ареопагъ) завѣдывалъ большинствомъ государственныхъ дѣлъ и важнѣйшими изъ нихъ, и наказывая и штрафуя собственной властью всѣхъ нарушающихъ порядокъ". Такимъ образомъ выходитъ, что важнѣйшею функціей въ государственномъ управленіи было наложеніе наказаній, т.-е. судебная власть, а между тѣмъ въ Политикѣ (IV, 14) судебная власть стоитъ на третьемъ мѣстѣ (1298ᵃ 3: *τρίτον δέ τι τὸ δικαζον*). Это несогласіе само по себѣ, конечно, еще не даетъ права дѣлать никакихъ выводовъ, но сравнивая сообщеніе въ 3-ей главѣ съ тѣмъ, что сказано въ 8-ой, мы должны прійти къ заключенію, что въ 3-ей главѣ редакція приведеннаго выше мѣста не можетъ принадлежать Аристотелю. Для облегченія сравненія между сообщеніями 3-ей и 8-ой главъ привожу собственныя мѣста изъ той и другой.

Въ 8-ой главѣ сказано:	Въ 3-ей главѣ сказано:
τὴν δὲ τῶν Ἀρεοπαγιτῶν (sc. *βουλὴν*) *ἔταξεν ἐπὶ τὸ νομοφυλακεῖν, ὥσπερ ὑπῆρχεν καὶ πρότερον ἐπί-*	*ἡ δὲ τῶν Ἀρεοπαγιτῶν βουλὴ τὴν μὲν τάξιν εἶχε τοῦ διατηρεῖν τοὺς νόμους,*

σκοπος οὖσα τῆς πολιτείας· καὶ τά τε ἄλλα τὰ πλεῖστα καὶ τὰ μέγιστα τῶν πολιτικῶν διετήρει καὶ τοὺς ἁμαρτάνοντας ηὔθυνεν κυρία οὖσα τοῦ ζημιοῦν καὶ κολάζειν κτλ.	*διώκει δὲ τὰ πλεῖστα καὶ τὰ μέγιστα τῶν ἐν τῇ πόλει, καὶ κολάζουσα καὶ ζημιοῦσα πάντας τοὺς ἀκοσμοῦντας κυρίως.*

Въ виду бросающагося въ глаза сходства въ выраженіяхъ между изложеніемъ въ 3-ей и 8-ой главахъ не будетъ, полагаю, слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что въ 3-ей главѣ мы имѣемъ неудачное сокращеніе стройнаго изложенія въ 8-ой главѣ, гдѣ право налагать наказанія названо рядомъ съ важнѣйшими государственными функціями, а не какъ важнѣйшая функція. Къ этому присоединяется еще то, что слова въ 3-ей главѣ: *ἡ γὰρ αἵρεσις τῶν ἀρχόντων ἀριστίνδην καὶ πλουτίνδην ἦν κτλ.* не вяжутся съ предшествующимъ изложеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая причинная (*γὰρ*) связь между правомъ ареопага наказывать собственной властью и тѣмъ, что архонты, изъ которыхъ составлялся ареопагъ, избирались *ἀριστίνδην καὶ πλουτίνδην?* Полагаю, что несвязность изложенія въ 3-ей главѣ очевидна.

Посмотримъ теперь, что говорится въ 4-ой главѣ объ ареопагѣ. Здѣсь ему приписывается обязанность наблюдать за должностными лицами, которая въ описаніи Солоновой политіи не упоминается*); затѣмъ говорится, что ареопагу подавались жалобы (*ἐξῆν δὲ τῷ ἀδικουμένῳ πρὸς τὴν τῶν Ἀρεοπαγιτῶν βουλὴν εἰσαγγέλλειν*), о чемъ въ изложеніи солоновой политіи тоже не говорится. Не упоминается объ этихъ двухъ функціяхъ ареопага и въ 3-ей главѣ, что тоже служитъ доказательствомъ заимствованія разсмотрѣннаго отрывка 3-ей главы изъ 8-ой главы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и доказательствомъ того, что въ 4-ой главѣ мы имѣемъ первоначальное изложеніе функцій ареопага въ до-солоново время. Но въ концѣ 3-ей главы мы имѣемъ сообщеніе о томъ, что архонты дѣлались ареопагитами и что одна только эта власть осталась пожизненною и въ послѣдующее время. Сами по себѣ эти сообщенія могутъ конечно исходить отъ Аристотеля, но невозможно допустить, чтобы Аристотель могъ ихъ написать въ такой связи и въ такой формулировкѣ, въ какой они дошли до насъ. На отсутствіе связи съ

*) Ср. впрочемъ сообщеніе въ 8-й главѣ о томъ, что въ древности ареопагъ назначалъ своей властью должностныхъ лицъ.

предшествующимъ (*γάρ*) я уже указалъ выше. Не менѣе *γάρ* въ этомъ мѣстѣ непонятно и *διό:* вѣдь не могло же избраніе архонтовъ по достоинству и богатству или то, что архонты дѣлались ареопагитами, служить причиною пожизненнаго сохраненія ареопагитами своей должности, что такое устройство удержалось и въ послѣдующее время. Весь отрывокъ въ концѣ 3-ей главы носитъ на себѣ ясные слѣды интерполяціи, составленной для того, чтобы дать описаніе роли ареопага и во время, предшествующее Дракону.

Если выкинуть изъ 3-ей главы отрывокъ объ ареопагѣ, то дѣлается лишнимъ одно изъ двухъ выраженій: *τὰ μὲν οὖν περὶ τὰς ἀρχὰς τοῦτον εἶχε τὸν τρόπον* въ 3-ей главѣ, или *ἡ μὲν οὖν πρώτη πολιτεία ταύτην εἶχε τὴν ὑπογραφήν* — въ 4-ой. Выборъ здѣсь не труденъ. Второе изъ этихъ выраженій стоитъ между интерполяціями и, очевидно, составлено для того, чтобы создать границу между Драконовымъ государственнымъ устройствомъ и предшествующимъ ему, между тѣмъ какъ первымъ устанавливается совершенно естественное противопоставленіе должностей распредѣленію правъ на занятіе ихъ между гражданами.

Итакъ, неправильно понятое сообщеніе Аристотеля о Драконѣ вызвало рядъ интерполяцій въ 3-ей и 4-й главахъ, за исключеніемъ которыхъ получается такой текстъ 4-ой главы: *τὰ μὲν οὖν περὶ τὰς ἀρχὰς τοῦτον εἶχε τὸν τρόπον. ἡ δὲ τάξις αὐτὴ τόνδε τὸν τρόπον εἶχε*[1]· *ἀπεδέδοτο μὲν ἡ πολιτεία τοῖς ὅπλα παρεχομένοις. ᾑροῦντο δὲ τοὺς μὲν ἐννέα ἄρχοντας καὶ τοὺς ταμίας οὐσίαν κεκτημένους οὐκ ἔλαττω δέκα μνῶν ἐλευθέραν, τὰς δ' ἄλλας ἀρχὰς τὰς ἐλάττους ἐκ τῶν ὅπλα παρεχομένων* (?), *στρατηγοὺς δὲ καὶ ἱππάρχους οὐσίαν ἀποφαίνοντας οὐκ ἔλαττον ἢ ἑκατὸν* (?) *μνῶν ἐλευθέραν καὶ παῖδας ἐκ γαμετῆς γυναικὸς γνησίους ὑπὲρ δέκα ἔτη γεγονότας· τούτους δὲ διατηρεῖν* (?) *τοὺς πρυτάνεις καὶ τοὺς στρατηγοὺς καὶ τοὺς ἱππάρχους τοὺς ἕνους μέχρι εὐθυνῶν, ἐγγυητὰς δ' ἐκ τοῦ αὐτοῦ τέλους δεχομένους οὕπερ οἱ στρατηγοὶ καὶ οἱ ἵππαρχοι. ἡ δὲ βουλὴ ἡ ἐξ Ἀρείου πάγου κτλ.*

Г. Шульцъ.

6 янв. 1892 г.

---

[1]) Можетъ быть словъ: *τὸν τρόπον εἶχε,* первоначально въ текстѣ не было, чѣмъ можно было бы объяснить отсутствіе члена *τὸν* въ рукописи.

Три греческія эпиграммы въ схоліи архіепископа Ареѳы.

Вопросъ о взаимномъ отношеніи главныхъ двухъ дошедшихъ до насъ сборниковъ греческихъ эпиграммъ, т.-е. антологій Палатинской и Планудіевой, далеко еще не можетъ считаться рѣшеннымъ. Jacobs[1]) и Finsler[2]) высказываютъ предложеніе, что Максимъ Планудій (около 1300 г.) при составленіи своей *ἀνθολογία διαφόρων ἐπιγραμμάτων* не имѣлъ подъ рукою самостоятельныхъ источниковъ, а пользовался исключительно тѣмъ самымъ сборникомъ эпиграммъ, составленнымъ въ началѣ X вѣка Константиномъ Кефалою, который сохранился въ рукописи XI вѣка, принадлежащей Палатинской библіотекѣ въ Гейдельбергѣ, хотя и имѣлъ редакцію его болѣе полную, чѣмъ дошедшая до насъ. Иного мнѣнія новѣйшій изслѣдователь интересующаго насъ вопроса Wolters[3]). Не отрицая того, что Планудій главнымъ образомъ пользовался сборникомъ Константина Кефалы, онъ тѣмъ не менѣе допускаетъ возможность, что ученый византійскій монахъ кромѣ того могъ черпать изъ другихъ, независимыхъ отъ Кефалы, источниковъ, изъ тѣхъ самыхъ, по которымъ послѣдній четырьмя столѣтіями раньше составилъ свою антологію.

Вполнѣ раздѣляя взглядъ Вольтерса, считаемъ нелишнимъ указать на новый аргументъ въ его пользу.

Въ схоліяхъ[4]) урбинской рукописи Діона Хрисостома (cod.

---

1) Prolegom. ad Anthol. Palat.

2) Kritische Untersuch. zur Geschichte der griech. Anthol. p. 47.

3) De epigramm. Graecorum anthologiis pp. 18. 27.

4) Схоліи эти изданы только отчасти, и то небрежно и по плохому списку, Ф. Морелемъ въ изданіи Діона Хрисостома Lutetiae 1604. (= Рейске II, стр 543—720). О томъ, что онѣ составлены Ареѳою, ср. пока Кобета въ изданіи Діона Хрисостома A. Emperius'a стр. 792.

Vaticano-Urbinas 124), составленныхъ въ началѣ X столѣтія архіепископомъ каппадокійской Кесаріи Ареѳою[1]) къ ог. II § 63 (= p. 96 Reiske) читается слѣдующее примѣчаніе:

Ἀθήνησιν ἐν τῷ πρυτανείῳ παρὰ ποτὸν ᾖδετό τινα εἴς τινα οἷον Ἁρμόδιον Ἄδμητον Τελαμῶνα εἰρῆσθαι δ' αὐτὰ σκολιὰ καὶ ἀντίφρασιν. σκολιὰ γὰρ ὅτι ῥᾴδια καὶ ὀλιγόστιχα ὡς ἐπιγράμματα ᾔδετο ὑπὸ τῶν ἀντιπροτεινόντων. ἠλέγχοντο δὲ οἱ μὴ ᾄδοντες ὡς ἄμουσοι[2])....
Ἕτερα παροίνια σκολιά.

(I) *εἴθ' ἄνεμος γενόμην, καὶ σὺ στείχουσα παρ' αὐγὰς*
στήθεα γυμνώσεις καί με πνέοντα λάβοις.

(II) *εἴθε ῥόδον γενόμην ὑποπόρφυρον, ὄφρα μὲ χερσὶν*
ἀραμένη χιονοῖς στήθεσσιν χαρίσῃ.

(III) *εἴθε κρίνον γενόμην ἀργεννάον, ὄφρα με ῥισὶν*
ἀρσαμένη μᾶλλον σῆς χροτιῆς κορέσεις.

Мнимыя *παροίνια σκολιά* — эпиграммы, вошедшія въ составъ обоихъ сборниковъ. Въ Палатинской антологіи первыя двѣ стоятъ въ V книгѣ подъ №№ 83 и 84 какъ *ἀδέσποτα;* третья помѣщена въ XV книгѣ подъ № 35 и приписывается нѣкоему Ѳеофану. У Плануділя всѣ три соединены въ одно подъ № 117 VII книги, и авторомъ ошибочно названъ Діонисій Софистъ вслѣдствіе того, что предшествующая эпиграмма 116 (= Anthol. Pal. V 82) принадлежитъ ему.

Если сравнить текстъ эпиграммъ въ Ареѳовой схоліи, какъ она

---

[1]) Въ 895 г. Ареѳа былъ діакономъ въ Патрасѣ (запись Кларковой рукописи Платона); въ 914 г. онъ былъ уже архіепископомъ Кесарійскимъ (запись cod. Paris. 451); эту самую каѳедру онъ занималъ еще въ 922 г. (запись рукописи № 394 Московской Синод. библ.). Ср. E. Maass въ Mélanges Graux стр. 748 сл.— Въ одномъ мѣстѣ схолій къ Діону Хр. говорится объ опустошеніи Эллады болгарами: допускается возможность, что послѣдніе разорили даже акрополь Ѳивъ *(εἰ μὴ καὶ ταύτην Βούλγαροι κατεστρέψαντο).* Здѣсь очевидно подразумѣвается разгромъ Эллады и Пелопоннеса послѣ несчастной битвы при Ахелоѣ 20 августа 917 года (Goerg. Monach. Contin. V c. 16 ср. житіе св. Луки, Migne 111 p. 450[c]). Слѣдовательно схоліи къ Діону Хр. были составлены Ареѳою немногимъ позже 917 г.— Интересно, что въ составъ Палатинской антологіи вошли и эпиграммы Ареѳы: XV 32—34.

[2]) Эта первая часть схоліи почти дословно повторена Ареѳою въ схоліяхъ къ Платону, писанныхъ имъ собственноручно на поляхъ Кларковой рукописи: ad Gorg. p. 461[e] (Plato ed. C. F. Hermann t. VI B. G. Teubner Lipsiae 1853).

сохранена въ урбинской рукописи, съ текстомъ Палатинской антологіи, то мы встрѣчаемъ слѣдующія разночтенія:

I 1. *καὶ σὺ]σὺ δὲ* (Jacobs послѣ *δὲ* прибавляетъ *δή)*
2. *γυμνώσεις]γυμνώσαις.*

II 2. Anth. Palat: *ἀρσαμένη χαρίσῃ στήθεσι χιονέοις*

III 1. *ῥισὶν]χερσίν.*
2. *κορέσεις]κορέσῃς.*

У Планудія встрѣчаются слѣдующія разночтенія:

I 1. *καὶ σὺ]σὺ δέ γε*
2. *γυμνώσεις]γυμνώσαις.*

II 2. Anthol. Planud: *ἀραμένη κομίσαις στήθεσι χιονέοις*

III 1. *ἀργεννάον]λευκόχροον.*
ῥισὶν]χερσίν.
2. *ἀρσαμένη]ἀραμένη*
κορέσεις]κορέσῃς.

Текстъ эпиграммъ у Ареѳы сохранился въ общемъ пожалуй даже хуже, чѣмъ въ нашихъ сборникахъ. Но одно мѣсто Кесарійскій архіепископъ читалъ въ болѣе исправномъ видѣ, чѣмъ и Константинъ Кефала и Планудій. III 1 чтеніе *ῥισὶν*, встрѣчающееся въ схоліи Ареѳы, по смыслу несомнѣнно заслуживаетъ предпочтеніе передъ *χερσὶν* обѣихъ антологій. Въ двухъ другихъ случаяхъ вѣрное чтеніе Ареѳы раздѣляется то однимъ, то другимъ изъ нашихъ сборниковъ. II 2 *ἀραμένη* (отъ *αἴρω)*, что имѣютъ Ареѳа и Планудій, гораздо лучше, чѣмъ *ἀρσαμένη* (отъ *ἀραρίσκω)* Палатинской антологіи, потому что при послѣднемъ *χερσίν* было бы излишне. Въ III 2 наоборотъ Палатинскій сборникъ вмѣстѣ съ Ареѳою сохранили болѣе вѣрное чтеніе *ἀρσαμένη*, тогда какъ у Планудія стоитъ *ἀραμένη*, что не идетъ къ *ῥισὶν*. Всѣ эти ошибки, очевидно, объясняются ассимиляціей[1]): *ῥισὶν* было искажено подъ вліяніемъ предыдущаго *χερσὶν, ἀραμένη* (въ Anth. Palat.) подъ вліяніемъ слѣдующаго *ἀρσαμένη, ἀρσαμένη* (у Планудія) подъ влія-

---

1) Ср. F. Blass. у Ив. Мюллера Handb. d. Class. Altertums-Wiss. I, стр. 42: „Aus dem Geschriebenen haftet ein Wort noch eine kleine Weile fest, oder aus dem vorweg Gelesenen prägt sich etwas fester ein; dies Wort nun wird mechanisch für ein anderes gesetzt, welches irgendwelche, noch so geringe Aehnlichkeit hat, oder es übt auf dies einen angleichenden Einfluss“.

ніемъ предыдущаго *ἀραμένη*. Конечно, такая ассимиляція могла произойти только въ томъ случаѣ, если всѣ три эпиграммы стояли подрядъ. Такъ какъ двѣ изъ приведенныхъ ошибокъ встрѣчаются въ Палатинской антологіи, гдѣ третья эпиграмма разъединена съ остальными и помѣщена даже въ другой книгѣ, то должно предположить, что обѣ ошибки произошли уже въ источникѣ Константина Кефалы. Въ немъ всѣ три эпиграммы, очевидно, стояли вмѣстѣ, какъ ихъ и приводитъ Ареѳа. Этотъ порядокъ сохранился и у Планудія, который въ данномъ случаѣ, стало быть, стоитъ ближе къ первоисточнику, чѣмъ Константинъ Кефала, несмотря на значительный промежутокъ времени, отдѣляющій обоихъ.

А. Сонни.

Οὐδέ (μηδέ) и καὶ ου (καὶ μή).

1) По общему правилу *οὐδέ* (*μηδέ*) у аттиковъ въ значеніи „и не“ ставится послѣ отрицательнаго члена, а послѣ утвердительнаго употребляется *καὶ οὔ* (*καὶ μή*). Мнѣ встрѣтился примѣръ, представляющій, повидимому, исключеніе изъ этого правила: Aristoph. *Equit.* 769 *εἰ μή σε φιλῶ καὶ μὴ στέργω*, гдѣ причина отступленія для меня непонятна. Но легко объясняется, составляя только кажущееся отступленіе, *καὶ οὔ* въ слѣд. мѣстѣ: Plat. *Gorg.* 521 D. E. *ἅτε οὖν οὐ πρὸς χάριν λέγων τοὺς λόγους, — ἀλλὰ πρὸς τὸ βέλτιστον, οὐ πρὸς τὸ ἥδιστον, καὶ οὐκ ἐθέλων ποιεῖν ἃ σὺ παραινεῖς*, здѣсь первый членъ положительный, такъ какъ отрицаніе относится только къ словамъ *πρὸς χάριν* и *πρὸς τὸ ἥδιστον*.

2) *Οὐδέ* (*μηδέ*) въ противительномъ значеніи, по ученію Кюнера (Ausf. Gr. II p. 883), а также, повидимому, и Крюгера (Gr. II, 69, 60, Anm.), не встрѣчается въ аттической прозѣ, которая взамѣнъ того употребляетъ *ἀλλ' οὔ* и *καὶ οὔ* (*ἀλλὰ μή* и *καὶ μή*). Однако у Аристофана *Plut.* 448, въ мѣстѣ, написанномъ самымъ обыкновеннымъ аттическимъ діалектомъ, такое именно значеніе, какъ кажется, имѣетъ союзъ *μηδέ*: *δεινότατον ἔργον παρὰ πολὺ ἔργων ἁπάντων ἐργασόμεθ', εἰ τὸν θεὸν ἔρημον ἀπολιπόντε ποι φευξούμεθα τηνδὶ* (*= τὴν Πενίαν*) *δεδιότε, μηδὲ διαμαχούμεθα* „если мы убѣжимъ, *а не* будемъ сражаться“.

С. Соболевскій.

Имена прилагательныя на -bilis у Плавта и Теренція.

Имена прилагательныя на-bilis имѣютъ во всей римской литературѣ (насколько намъ удалось прослѣдить) до 550 представителей, изъ которыхъ очень многіе перешли и въ новѣйшіе языки и здѣсь также находятъ себѣ довольно частое употребленіе. Какъ всякій легко замѣтитъ, они отличаются тою особенностью, что суффиксъ, при помощи котораго они образованы, не только присоединяется къ основамъ различныхъ грамматическихъ категорій (глагольнымъ и именнымъ), но и сообщаетъ словамъ, даже образованнымъ отъ одной грамматической категоріи, различное значеніе; при этомъ, кромѣ того, глагольныя основы предъ этимъ суффиксомъ являются то въ чистомъ, то въ распространенномъ видѣ. Такъ напр., aerumnabilis, naturabilis, образованы отъ именныхъ основъ, flebilis, terribilis — отъ глагольныхъ; terribilis по значенію не однородно съ mobilis; plausibilis, visibilis, comprehensibilis заключаютъ въ себѣ распространенную глагольную основу, amabilis, patibilis — чистую. Въ виду этого намъ кажется не безынтереснымъ разсмотрѣть, какое именно значеніе суффикса -bili- слѣдуетъ признать въ латинскомъ языкѣ древнѣйшимъ и къ какого рода основамъ этотъ суффиксъ первоначально присоединялся. Для этого мы обращаемся къ памятникамъ доклассической латыни.

Вопросъ объ интересующихъ насъ именахъ прилагательныхъ въ доклассической латыни затрогивался уже не однимъ ученымъ. Мы находимъ по этому вопросу кое-какія указанія во всѣхъ извѣстныхъ намъ комментаріяхъ къ Плавту и Теренцію (у Брикса къ *Capt.* 56, у Лоренца къ *Most.* 1162, *Mil.* 544, у Дзятцко къ *Phorm.* 226), а года три тому назадъ Ганссенъ посвятилъ ему спеціальную статью: „die Activbedeutung der Adiectiva auf -bilis

im archaischen Latein", помѣщенную въ журн. „Philologus", т. XLVII, стр. 274 и слѣд., въ которой онъ, между прочимъ, вопреки своимъ предшественникамъ, допускаетъ для данныхъ именъ прилагательныхъ въ архаической латыни только пассивное значеніе и его модификаціи, но отвергаетъ активное. Въ виду этого разногласія, а также нѣкоторой неполноты и неточностей, усмотрѣнныхъ нами у всѣхъ занимавшихся даннымъ вопросомъ ученыхъ, не исключая и Ганссена, мы позволяемъ себѣ изложить свое мнѣніе, ограничиваясь притомъ лишь комедіями Плавта и Теренція, какъ капитальнѣйшими памятниками доклассическаго періода римской литературы и латинскаго языка.

Отмѣтимъ прежде всего тотъ фактъ, что всѣ слова съ суффиксомъ -bili-, встрѣчающіяся у нашихъ авторовъ, произведены отъ основъ глагольныхъ, voluptabilis (*Epid.* 21) и exitiabilis (*Epid.* 606) не могутъ служить исключеніемъ въ полномъ смыслѣ слова, хотя глаголовъ, отъ которыхъ они могли бы быть образованы, въ латинскомъ языкѣ мы не находимъ [1]).

Затѣмъ, у Плавта и Теренція суффиксъ -bili- присоединяется исключительно къ чистой глагольной основѣ, ничѣмъ не распространенной; если основа заканчивается на согласный звукъ (кромѣ *v*), то между нею и суффиксомъ вставляется краткое ĭ (utibilis, invendibilis, но mobilis — изъ mov + bilis). Распространенную основу мы видимъ только въ inlutibilis (*Men.* 168); но это слово тамъ не укладывается въ размѣръ и дается только цитатою у Нонія, но не рукописями.

Какое же значеніе могъ придать суффиксъ -bilĭ- имени прилагательному [2]), произведенному отъ глагольной основы? Рѣшить этотъ вопросъ можно, по нашему мнѣнію, только путемъ разбора даннаго суффикса, такъ какъ онъ очевидно сложный. Въ составъ его входитъ простой суффиксъ -li-, встрѣчающійся, кромѣ именъ прил. на -bilis, еще и въ другихъ отглагольныхъ именахъ прила-

[1]) Подобно этому у Плавта встрѣчается много им. прил. (или, вѣрнѣе, причастій) на -atus, къ которымъ соотвѣтствующихъ глаголовъ въ лат. языкѣ нѣтъ и которыя тѣмъ не менѣе должны считаться отглагольными, какъ напр. aliatus (*Most.* 48), patibulatus (*Most.* 56), manuleatus (*Pseud.* 738), indusiatus, patagiatus (*Epid.* 231), candidatus, hostiatus (*Rud.* 270) и др.

[2]) Мы говоримъ „имени прилагательному", потому что всѣ остальныя слова, въ которыхъ встрѣчается этотъ суффиксъ, произведены отъ именъ прилагательныхъ.

гательныхъ. Разсматривая всѣ отглагольныя имена прилагательныя съ суфф. -li-, мы признаемъ возможнымъ дѣленіе ихъ на три группы, такъ что къ первой отнесутся тѣ, въ которыхъ глагольная основа ничѣмъ не распространена (facilis, fragilis, docilis, debilis и под.), ко второй — тѣ, въ которыхъ она распространена звукомъ t (или s), къ третьей — имена прил. на -bilis. Имена прил. второй группы имѣютъ у нашихъ авторовъ значеніе, близко подходящее къ значенію part. perfecti passivi; такъ fissile caput (*Aul.* 440) почти то же, что fissum caput („проломленная голова"), tonsilia tapetia *(Pseud.* 147) = tonsa tapetia („стриженые ковры"), piscatus electilis *(Most.* 730) = „изысканныя рыбныя блюда", vasa fictilia (*Poen.* 836 fictiles epistulae) = „вылѣпленные изъ глины сосуды" и т. д. Это наводитъ на мысль, что звукъ t (или замѣняющій его s), которымъ распространяется глагольная основа въ этихъ именахъ прилагательныхъ, есть примѣта participii perfecti passivi[1]). По аналогіи же съ этимъ отчего не допустить, что и въ третьей группѣ звукъ b есть также примѣта глагольной формы — будущаго времени на -bo (такую форму futuri въ архаическомъ языкѣ могли имѣть всѣ глаголы, какъ видно изъ reddibo у Плавта — отъ reddo), такъ что, напр., optabilis такъ относится къ optabo, какъ utilis къ utor? А если допустить и это, по нашему мнѣнію, не слишкомъ смѣлое предположеніе, то, принимая еще во вниманіе, что первая группа именъ прил. отглагольныхъ на -lis никогда не выходила изъ предѣловъ чисто-пассивнаго значенія, мы придемъ къ довольно вѣроятному заключенію, что три группы отглагольныхъ именъ прилагательныхъ на -lis первоначально близко подходили по значенію къ причастіямъ страдательнаго залога настоящаго, прошедшаго и будущаго временъ. Затѣмъ вторая группа могла удержать основное значеніе, первая же и третья — принять оттѣнокъ потенціальный, подобно нѣкоторымъ причастіямъ настоящаго времени русскаго и латинскаго языка (напр. „рѣшающее значеніе", „движимое имущество", „невыносимая жара", „невѣсомая частица"; patiens = is qui pati potest, prudens = is, qui providere potest) и греческимъ причастіямъ будущаго времени (напр. Xen. *Anab.* II, 4, 22:

---

[1]) t, которое, какъ извѣстно, переходитъ въ s, если глагольная основа заканчивается зубнымъ согласнымъ (cessum изъ *ced + tum).

τῆς χώρας πολλῆς οὔσης καὶ τῶν ἐργαζομένων ἐνόντων, также *τίς ὁ κωλύσων;* и т. п.).

Но возможность, какъ совершенно вѣрно различаетъ Ганссенъ въ упомянутой статьѣ на стр. 275, можетъ быть двоякая: матеріальная и моральная (у Ганссена wirkliche und moralische Möglichkeit). Матеріальная возможность состоитъ въ томъ, что извѣстный предметъ, все равно, по какимъ причинамъ[1]), легко можетъ стать объектомъ того или другого дѣйствія; моральная возможность всегда зависитъ отъ внутреннихъ свойствъ самаго предмета, отъ его сущности или содержанія. Матеріальная возможность можетъ перейти въ дѣйствительность въ любое время; осуществленіе морально-возможнаго по большей части ожидается въ будущемъ, потому что этотъ видъ возможности не заключаетъ въ себѣ понятія удобоисполнимости[2]). Но зато онъ, въ сущности, есть нѣчто большее, чѣмъ простая возможность; представляя собою логическій выводъ изъ сущности самаго объекта, моральная возможность имѣетъ оттѣнокъ вѣроятія, долженствованія, приблизительно въ такой степени, какая выражается глаголами decet и oportet и прил. dignus.

И вотъ, изъ этихъ двухъ видовъ возможности первая группа отглагольныхъ именъ прилагательныхъ на-lis стала обозначать, какъ и слѣдовало ожидать, возможность матеріальную (такъ, facilis = „могущій въ любое время быть сдѣланнымъ", fragilis = „могущій въ любое время быть сломаннымъ" и т. д.), между тѣмъ какъ третья группа, какъ у Плавта и Теренція, такъ и вообще во всѣхъ памятникахъ лат. языка, имѣетъ значеніе то матеріальной, то моральной возможности (flebilis[3]) = „достойный быть оплаканнымъ", а не „могущій б. опл.", потому что оплакивать возможно кого угодно; также точно amabilis, venerabilis; наоборотъ, значеніе матеріальной возможности въ сл. patibilis = „способный", agitabilis = „подвижной", sanabilis = „поддающійся лѣченію" и т. под.). Вопросъ въ томъ, которое изъ этихъ двухъ значеній признать за болѣе раннее.

---

[1]) Иногда въ силу простой случайности.

[2]) Поэтому матеріальную возможность можно бы иначе назвать возможностью въ настоящемъ времени, а моральную возможностью — въ будущемъ.

[3]) Hor. c. I, 24, 9: multis ille bonis flebilis occidit.

Ганссенъ, повидимому, склоненъ считать болѣе древнимъ матеріальное значеніе; по крайней мѣрѣ, онъ въ своей статьѣ на первомъ мѣстѣ перечисляетъ примѣры именно на это значеніе, а затѣмъ (стр. 276) говоритъ о переходѣ его въ моральное.

Намъ, напротивъ того, морально-потенціальное значеніе именъ прилагательныхъ на -bilis кажется болѣе древнимъ, и вотъ на какихъ основаніяхъ:

1) трудно допустить, чтобы простой суффиксъ -li- и сложный -bili- исконн ничѣмъ не отличались по значенію, особенно въ виду совмѣстнаго существованія именъ прилагательныхъ, образованныхъ отъ одной и той же основы съ тѣмъ и съ другимъ суффиксомъ[1]);

2) въ силу предполагаемой нами связи именъ прил. на -bilis съ формами futuri на -bo, наиболѣе подходящимъ для нихъ кажется намъ именно значеніе моральной возможности, какъ возможности въ будущемъ;

3) къ тому же въ древнѣйшихъ памятникахъ римской литературы по числу примѣровъ морально-потенціальное значеніе данныхъ именъ прилагательныхъ является преобладающимъ.

Итакъ, не претендуя, конечно, на абсолютную достовѣрность нашего мнѣнія, мы полагаемъ, что первоначально имена прилагательныя на -bilis по значенію близко подходили къ причастіямъ страдательнаго залога будущаго времени, а первымъ видоизмѣненіемъ этого значенія было значеніе пассивно-морально-потенціальное. Переходимъ къ перечню именъ прилагательныхъ, имѣющихъ у Плавта и Теренція это послѣднее значеніе.

А. У Плавта морально потенціальное значеніе имѣютъ слѣдующія им. прилъ на-bilis.

1) aequiperabilis (отъ гл. aequiperare въ знач. comparare, какъ *Mil.* 12) = „достойный идти въ сравненіе" — *Curc.* 168: quid vidisti aut quid videbis magis dis aequiperabile? (говоритъ Федромъ о своей возлюбленной); *Trin.* 466 sq.: ita tu nunc dicis non esse aequiperabilis vostras cum nostris factiones atque

1) Такой примѣръ намъ извѣстенъ только одинъ — utibilis и utilis; да и то первое изъ этихъ словъ встрѣчается только у Плавта и разъ у Теренція. Но такъ какъ мы не можемъ признать слова utibilis за образованное самимъ Плавтомъ то мы должны допустить существованіе въ древнѣйшемъ языкѣ еще и другихъ такихъ же параллельныхъ формъ на -lis и -bilis.

opes? (такъ перифразируетъ Фильтонъ слова Лесбоника въ ст. 452: cum vostra nostra non est aequa factio).

2) amabilis = „достойный любви", т.-е. „прелестный, милый" (греч. ἐπέραστος) — *Asin.* 674: nimis bella's atque amabilis; *Stich.* 737: mea suavis amabilis amoena (оба раза amabilis служитъ эпитетомъ хорошенькихъ женщинъ).

3) inamabilis = „недостойный любви", — *Bacch.* 614: inamabilis inlepidus vivo (ср. ст. 616 sq.: nequior nemost neque indignior.... quem quisquam homo amet).

4) castigabilis = „заслуживающій порицанія" — *Trin.* 44: admisit in se culpam castigabilem.

5) credibilis = „заслуживающій вѣры", „вѣроятный" отсюда „возможный" — *Bacch.* 616: credibile hoc est? (= „возможно ли?") *Merc.* 210: neque ille credet neque credibilest; *Poen.* 1229: credibile ecastor dicit; crede huic, mi pater; *Trin.* 606: non credibile dices.— at tu nullus edepol creduas.

6) incredibliis = „невѣроятный" (о вещахъ), „недостойный довѣрія" (о лицахъ) — *Rud.* 912: miro modo atque incredibili; *Bacch.* 614: incredibilis inposque animi.

7) donabilis = „стоющій награды", въ ирон. смыслѣ — *Rud.* 654: edepol hominem infortunio praedicas donabilem (говорится о ленонѣ, послѣ того какъ въ предыдущихъ стихахъ дана его характеристика).

8) excruciabilis = „заслуживающій пытки" — *Cist.* IV, 1, init.: nullam ego me vidisse credo magis anum excruciabilem, quam illaec est; quae dudum fassast mihi quaene infitias eat (ср. ст. 8). Возможно, впрочемъ, и такое толкованіе этого мѣста: „я не видалъ старухи, которая бы лучше этой умѣла подвергать людей пыткѣ (т.-е. выводить изъ терпѣнія)", при каковомъ толкованіи excruciabilis получило бы активный смыслъ; но мы (какъ и Ганссенъ) считаемъ лучшимъ первое толкованіе.

9) memorabilis = греч. ἀξιόμνηστος, ἄξιος λόγου — *Capt.* 684: at erit mi hoc factum mortuo memorabile (т.-е. „то, что я пожертвовалъ собою ради своего господина"); *Curc.* 8: istuc quidem nec bellumst nec memorabile (если господинъ исполняетъ рабскія обязанности); *Stich.* 729: hoc memorabilest: ego tu sum, tu's ego; uni animi sumus (говоритъ Стихъ своему сопернику въ любви).

Почти тоже обозначаетъ

10) conmemorabilis = „достопамятный“ — *Pseud.* 525: pugnam claram et conmemorabilem.

11) mirabilis = „достойный удивленія“ — *Epid.* 225: quid istuc tam mirabilest? (что женщина можетъ надѣть на себя impluvium, если иногда нарядъ женщины есть цѣлое состояніе); *Trin.* 931: quos locos adiisti? — nimium mirimodis mirabiles („такія страны, гдѣ есть чему подивиться“; рѣчь идетъ о Селевкіи, Македоніи, Азіи, Аравіи и т. п.).

12) nobilis = dignus qui notus sit („заслуживающій извѣстности“, отсюда „славный“, „замѣчательный“, „знатный“) — *Cist.* I, 2, 6: adulescens quidam hic adprime nobilis; *Poen.* 758: die festo celebri nobilique Aphrodisiis („высокоторжественный день“); *Rud.* 619: innocentum qui se scelere nolunt fieri nobilis („не хотятъ заслужить извѣстности“); *Trin.* 831: semper mendicis modesti sint (sc. di) .... nobilis apud homines. Смыслъ послѣдняго стиха, составленнаго изъ двухъ, разрозненныхъ въ рукописяхъ, частей, не совсѣмъ ясенъ, хотя, по всей видимости, nobilis въ немъ выражаетъ противоположность къ mendicus. Впрочемъ Ричль и Лангенъ считаютъ весь стихъ за интерполяцію.

Противоположный смыслъ имѣетъ

13) ignobilis — *Amph.* 440: vapulabis, ni hinc abis, ignobilis (бранное слово, подобно тому, какъ nobilis могло бы служить почетнымъ эпитетомъ).

14) optabilis = „желательный“ — *Bacch.* 159 sq.: conpendium edepol aetati haud optabile fecisti, quem istanc nactu's impudentiam.

Почти тоже означаетъ и

15) exoptabilis — *Stich.* 395: praecucurri ut nuntiarem nuntium exoptabilem („желанную вѣсть“).

16) intestabilis = „недостойный быть призваннымъ въ качествѣ свидѣтеля“, отс. „безчестный“, „лишенный добраго имени“. Ганссенъ напрасно видитъ въ этомъ словѣ матеріально-потенціальное значеніе: оно обозначаетъ не человѣка, „не могущаго“ быть свидѣтелемъ (напр., по болѣзни), но того, кто разъ навсегда „лишенъ права“ давать свидѣтельскія показанія, какъ недостойный этой чести (ср., напр., цитируемое у Ганссена на стр. 275 мѣсто изъ XII tab.). Впрочемъ у Плавта это слово въ обоихъ мѣстахъ, гдѣ

оно встрѣчается, представляетъ каламбуръ, основанный на двоякомъ значеніи слова testis: *Curc.* 30, рабъ говоритъ своему влюбленному господину: „semper curato, ne sis intestabilis“ (въ предыдущемъ стихѣ онъ совѣтовалъ ему не компрометировать себя недозволенной любовной связью), и *Mil.* 1417, воинъ, прося пощады у людей, собирающихся наказать его, какъ прелюбодѣя, обѣщаетъ имъ между прочимъ не мстить за это наказаніе и на вопросъ Периплекомена: „quid, si id non faxis?“ отвѣчаетъ: „ut vivam semper intestabilis“. Впрочемъ, intestabilis можетъ имѣть и активный смыслъ: „не имѣющій права призывать другихъ въ свидѣтели“, и, можетъ быть, Плавтъ употребилъ его именно въ этомъ смыслѣ; такъ можно думать на основаніи *Mil.* 1416 (si intestatus non abeo hinc etc., гдѣ intestatus, такъ сказать, представляетъ параллель къ intestabilis въ слѣд. стихѣ) и *Curc.* 32 (quod amas, amato testibus [1]) praesentibus — отвѣтъ раба на вопросъ, что значатъ его слова въ ст. 30).

17) utibilis. Этому слову Ганссенъ приписываетъ не пассивное, а причинное значеніе („causale Bedeutung“): „служащій причиною пользы“, принимая за основное значеніе гл. uti — „извлекать пользу“ (Nutzen ziehen). А такъ какъ, по его теоріи, при такого рода глаголахъ, обозначающихъ состояніе, грамматическій субъектъ, какъ находящійся въ этомъ состояніи, интранзитивенъ, а объектъ, какъ причина состоянія транзитивенъ (стр. 290), т.-е., иначе говоря, грамматическій субъектъ является логическимъ объектомъ (и наоборотъ), то значеніе, придаваемое имъ прич. utibilis, пришлось бы почти приравнять активному (ибо, если по смыслу uti почти = iuvari, то utibilis = iuvans). Мы считаемъ однако первоначальнымъ значеніемъ гл. uti „употреблять“, „имѣть дѣло съ к.-н. или ч.-н.“, а значеніе „извлекать пользу“ — уже вторичнымъ, ереноснымъ; заключаемъ же мы это изъ цѣлаго ряда примѣровъ въ которыхъ этотъ глаголъ употребленъ въ примѣненіи къ такимъ предметамъ, отъ которыхъ завѣдомо никакой пользы нельзя ожидать. Такъ, *Trin.* 258. Лиситель говоритъ: „apage amor: non places, nil ego ted utor“ не въ смыслѣ „я отъ тебя не получаю никакой пользы“, но въ смыслѣ „я съ тобой не имѣю (не хочу имѣть) никакого дѣла“ (тоже, что въ ст. 266); также *Stich.* 13

[1]) testibus — также двусмысленно.

(hoc crucior, patrem inprobi viri officio uti) и въ друг. прим. Въ такомъ случаѣ при гл. uti грамматическій объектъ будетъ и логическимъ объектомъ, и utibilis будетъ значить „dignus quo (или вѣрнѣе quem, потому что uti первоначально соединялось, повидимому, съ accus.) utaris", т.-е. будетъ имѣть пассивное морально-потенціальное значеніе, въ каковомъ оно у Плавта является синонимомъ къ commodus, особенно въ примѣненіи къ лицамъ. Всего яснѣе, кажется, это значеніе сл. utibilis видно *Bacch.* I. (стихѣ, правда, отрывочномъ), гдѣ ingenium utibile не можетъ значить ни „полезный характеръ", ни „удобный характеръ", но „такой характеръ, который дѣлаетъ человѣка достойнымъ того, чтобы съ нимъ водились другіе", т.-е. „порядочность, благородство" (въ противоположность къ vernilitas — „подлость"). Въ другихъ Плавтовскихъ мѣстахъ utibilis можно переводить чрезъ „полезный", „выгодный", „удобный" и т. п., но нѣтъ никакой надобности ставить это въ связь со значеніемъ глагола uti; ибо какъ въ словѣ commodus изъ первоначальнаго значенія „такой, какъ слѣдуетъ"[1]) развилось впослѣдствіи значеніе „полезный", независимо отъ значенія сл. modus, такъ и въ словѣ utibilis могло произойти тоже самое независимо отъ значенія гл. uti. Морально-потенціальное же значеніе этого имени прил. не утратилось ни въ одномъ примѣрѣ: servi utibiles (*Most.* 858 sq. и, по ошибкѣ, *Men.* 984) обозначаетъ рабовъ, съ которыми господамъ стóитъ имѣть дѣло; consilium utibile (*Mil.* 613 и *Trin.* 748) — планъ, заслуживающій примѣненія; locus utibilis (*Merc.* 1005) — мѣсто, на которомъ слѣдуетъ оставаться.

18) verberabilis = „заслуживающій побоевъ" — *Aul.* 633: verberabilissume; etiam rogitas? non fur, sed trifur!

Къ этимъ 18 именамъ прил. присоединяется еще одно, встрѣчающееся въ не-плавтовскомъ прологѣ къ ком. „Captivi", а именно:

19) inmemorabilis — *Capt.* 56: neque spurcidici insunt vorsus inmemorabiles („стихи, которые, въ виду ихъ грязнаго содержанія, не годится произносить").

В. У Теренція морально-потенціальное значеніе имѣютъ слѣдующія имена прил. на — bilis:

[1]) Такъ опредѣляетъ значеніе этого слова Лангенъ, Beitr. z. Krit. u. Erkl. d. Pl., стр. 253.

1) credibilis — какъ у Плавта — *Andr.* 625: hocine credibile aut memorabile?

2) incredibilis — какъ у Плавта, но только въ примѣненіи къ предметамъ — *Eun.* 1049 sq: incredibilia Parmeno modo quae narravit; *Heaut.* 624: viu me istuc tibi, etsi incredibilest, credere? *Phorm.* 239: praeter spem atque incredibile hoc mi optigit; ibid. 247; incredibilest, quantum erum antideo sapientia; *Hec.* 377: incredibili re atque atroci percitus.

3) memorabilis — какъ у Плавта — *Heaut.* 314: non fit sine periclo facinus magnum nec memorabile.

4) mirabilis — какъ у Плавта — *Heaut.* 387: vos esse huius modi et nos non esse haud mirabilest.

5) nobilis — какъ у Плавта, но исключительно въ значеніи „знатный“ — *Eun.* 204: adulescentem adeo nobilem; ibid. 952: scis eam civem hinc esse et fratrem eius esse adprime nobilem? *Heaut.* 609: ditem et nobilem; *Ad.* 15: homines nobiles (знатные друзья Теренція); ibid. 502: potentes, dites, fortunati, nobiles. Такое же значеніе имѣетъ это слово и *Heaut.* 227 (amica meast magnifica, sumptuosa, nobilis), гдѣ Гансеенъ переводитъ его чрезъ „Stadtbekannt“ („извѣстна всему городу“), лишая его такимъ образомъ всякаго потенціальнаго значенія, но намъ оно кажется употребленнымъ съ ироніей: amica, о которой здѣсь идетъ рѣчь, „знатной“ въ буквальномъ смыслѣ, конечно, быть не могла, но могла подражать знатнымъ, живя на широкую ногу (magnifice, sumptuose), а потому и называется иронически: „важной барыней“.

6) ignobilis — против. nobilis („незнатный“, „простого званія“), но безъ позорнаго оттѣнка — *Phorm.* 120: virginem indotatam atque ignobilem.

7) utibilis — какъ у Плавта — *Phorm.* 690: quid minus utibile fuit, quam hoc ulcus tangere? что Гансеенъ вполнѣ вѣрно, хотя и не вполнѣ согласно со своимъ, приведеннымъ нами выше, объясненіемъ слова utibilis, передаетъ чрезъ quid minus uti oportuit etc.

Замѣтимъ, что разсмотрѣнныя нами только-что имена прилагательныя по значенію близко подходятъ къ герундиву (такъ-наз. part. fut. passivi), который, какъ извѣстно, иногда употребляется съ болѣе слабымъ, чѣмъ обыкновенно, значеніемъ долженствованія.

Такое употребленіе герундива встрѣчается уже у Плавта, и если, съ одной стороны, verberabilis — почти тоже, что verberandus, homo infortunio donabilis — почти = h. inf. donandus, то съ другой — въ такихъ мѣстахъ, какъ *Pers*. 521 (forma expetunda liberalem mulierem), *Most*. 854 sq. (canem... abducat aliquis face, etsi non metuendast), *Rud*. 345. (haud miranda facta dicis) *Trin*. 826. (spurcificum, inmanem, intolerandum, vesanum), *Cas*. 528 (caedundu's tu homo), или Ter. *Eun*. 681. (ne conparandus hic quidem ad illum est), герундивъ безъ ущерба для смысла могъ бы быть замѣненъ соотвѣтствующимъ именемъ прил. на — bilis. А потому морально-потенціональное значеніе данныхъ именъ прилагательныхъ можно назвать иначе герундивнымъ.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему обзору именъ прилагательныхъ на — bilis, остановимся на одномъ изъ приведенныхъ нами выше — на сл. incredibilis. Будучи (*Bacch*. 614) употреблено о лицѣ, это имя прил. имѣетъ субъектомъ не прямой объектъ гл. credere, а косвенный, что однако не мѣшаетъ причислять его къ именамъ прил. пассивнаго значенія. Дѣло въ томъ, что, какъ извѣстно, въ греческомъ языкѣ глаголы страдательнаго залога нерѣдко имѣютъ субъектомъ косвенное (дательное) дополненіе дѣйствительнаго залога (*φθονοῦμαι, ἐπιτρέπομαι* и т. п.), что, какъ подражаніе, попадается иногда и у римскихъ авторовъ (invideor — Hor. *Ep*. II, 3, 56).

Эту особенность раздѣляютъ и имена прилагательныя пассивнаго значенія: такъ *πιστός* можетъ обозначать и предметъ, могущій быть принятымъ на вѣру, и лицо, заслуживающее довѣрія; также употребляется и *ἄπιστος*. Очень возможно, что Плавтъ, переводя съ греческаго, въ данномъ мѣстѣ передалъ *ἄπιστος* черезъ incredibilis, не задумываясь надъ значеніемъ этого слова въ данномъ мѣстѣ, или же, что онъ сознательно допустилъ грецизмъ; вѣдь грецизмы у него попадаются. Во всякомъ случаѣ, incredibilis *Bacch*. 614 имѣетъ при себѣ субъектомъ объектъ глагола, отъ основы котораго образовано, а потому и можетъ считаться именемъ прилагательнымъ пассивнаго значенія.

Н. Гельвихъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ Полибію.

XII 4 8: *διὰ γὰρ τὴν πολυχειρίαν καὶ τὴν λοιπὴν χορηγίαν μεγάλα συμβαίνει τὰ συβόσια κατὰ τὴν Ἰταλίαν ὑπάρχειν.* Намъ кажется, достаточно изолировать это предложеніе, чтобы невозможность рукописнаго чтенія почувствовалась со всею неотразимостью. Рѣчь идетъ о томъ, что въ Италіи существуютъ огромныя стада свиней въ зависимости отъ обилія рабочихъ рукъ и всякаго рода достатка. Во-первыхъ, въ какомъ отношеніи обиліе рабочихъ рукъ *(πολυχειρία)* могло находиться къ многочисленности свиней въ стадахъ? Швейггейзеръ, разумѣющій подъ греч. терминомъ то многолюдства населенія вообще (magna hominum frequentia), то многочисленность рабочихъ (hominum opus facientium), объясняетъ обиліе свиней въ Италіи тѣмъ, что многочисленное хорошо работающее населеніе нуждалось въ обильной мясной пищѣ (qui cum culturam agrorum atque vitium exercerent, adeoque sedulo opus facerent, valido cibo indigebant et carnibus multum vescebantur). При этомъ пониманіи, очевидно усвоиваемомъ и послѣдующими издателями нашего историка, насилуется значеніе предлога *διά:* рекомендуемое Швейггейзеромъ объясненіе совершенно не примѣнимо къ словамъ *καὶ τὴν λοιπὴν χορηγίαν;* въ одномъ случаѣ *διά* означало бы ради чего-нибудь, въ другомъ — по причинѣ. Очевидно, слѣдовательно, что *πολυχειρία* въ смыслѣ ли многолюдства населенія вообще, или многолюдства рабочаго населенія трудно соединимо съ словами *μεγάλα τὰ συβόσια*. Во-вторыхъ, сочетаніе *πολυχειρία καὶ ἡ λοιπὴ χορηγία* явно не возможно: многолюдство и достатокъ (или довольсгво) вообще. Словамъ *καὶ τὴν λοιπὴν χορηγίαν* должно было въ оригиналѣ предшествовать слово, указывающее на благосостояніе Италіи въ какомъ-нибудь существенномъ отношеніи, чтобы автору можно было въ видѣ дополненія ввести въ свою рѣчь указаніе на благосостояніе Италіи и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, благосостояніе въ смыслѣ прежде всего обилія продовольствія. Такимъ словомъ могло быть только *πολυκαρπία*, встрѣчающееся уже съ одной стороны у Ксенофонта, съ другой — у Діодора, вообще находившагося въ большой зависимости отъ Полибія. Обиліе полевыхъ плодовъ, прежде всего хлѣбныхъ, потомъ довольство во всѣхъ другихъ отношеніяхъ разсматривались Полибіемъ какъ условіе, благопріятное разведенію свиней въ Италіи. Въ той же связи съ плодородіемъ почвы, съ обиліемъ

хлѣба и съѣстныхъ припасовъ вообще, въ частности съ обиліемъ желудей, говоритъ авторъ о свиноводствѣ въ Италіи въ другомъ мѣстѣ, II 15: въ обоихъ мѣстахъ употребляются даже сходные обороты рѣчи (срвн. *σίτου τε γὰρ τοσαύτην ἀφθονίαν ὑπάρχειν συμβαίνει κατὰ τοὺς τόπους.... τὴν ὁλοσχερεστάτην χορηγίαν* II 15 3). Итакъ нѣтъ чего-либо похожаго на зависимость обилія свиней отъ многолюдства населенія Италіи, хотя говорится и о немъ (*τὸ πλῆθος τῶν ἀνδρῶν* II 15).

Въ базельскомъ изданіи Гервагія (1549) вм. *πολυχειρίαν* читается *πολυχοιρίαν* multitudo porcorum, что производитъ тавтологію, какъ замѣтилъ уже Рейске (propter multitudinem porcorum sunt magni greges porcorum); къ тому же всѣ до сихъ поръ извѣстные списки даютъ *πολυχειρίαν*. Это послѣднее слово вездѣ у Полибія (VIII 5 3 36 11. X 30 8) означаетъ обиліе рабочихъ рукъ и уже по этому самому трудно допустить въ нашемъ мѣстѣ: свиное мясо, по словамъ историка (II 15 3), требовалось какъ для мѣстнаго населенія, такъ и для римскихъ войскъ. При чемъ же и здѣсь многочисленность рабочихъ рукъ? Потому-то Швейггейзеръ и Казобонъ вынуждены отождествлять *τὴν πολυχειρίαν* и *τὸ πλῆθος ἀνδρῶν*. Но и эта вольность, какъ мы видѣли, не устраняетъ трудности.

Θ. Мищенко.

Къ Вергилію.

Aen. II, 8 sq.

et iam nox umida caelo
praecipitat suadentque cadentia sidera somnos.

Къ этому мѣсту Каппесъ даетъ такое примѣчаніе: caelo = per caelum. — cadentia sidera, die untergehenden Gestirne, mit Begiebung auf nox praecipitat caelo. Es war also schon nach Mitternacht. — Это толкованіе искусно приноровлено къ данному положенію, указывая на требуемый ходомъ событій поздній часъ ночи, но оно идетъ въ разрѣзъ со строгимъ толкованіемъ текста. Послѣдній точнѣе и вѣрнѣе толкуется большинствомъ комментаторовъ, въ томъ числѣ, напр. г. Орловскимъ[1]): nox... praecipitat = „быстро опускается"; cadentia = occidentia, „опускающіяся" звѣзды, т. е. постепенно блѣднѣющія и исчезающія на зарѣ. — Подобнымъ образомъ поясняетъ текстъ и г. Нагуевскій[2]): caelo (de caelo) praecipitat — богиня ночи, прибывъ на своей колесницѣ на дальній западъ, къ океану, погружается въ его волны, заканчивая этимъ ночное время. — cadentia = occidentia, т. к. ночь уже на исходѣ.

[1]) Энеида Вергилія, кн. 2-я. Одесса 1885.
[2]) Вергилій, Энеида, II пѣснь. Иллюстр. собр. греч. и рим. клас. Царское Село 1891.

Выраженіе „nox caelo (= de caelo) praecipitat“ само по себѣ, безъ сомнѣнія, можетъ означать время съ полуночи до зари, но „cadentia sidera“ указываютъ на исходъ ночи; послѣднее ясно видно изъ Aen. IV, 80 sq.

Post ubi digressi, lumenque obscura vicissim
luna premit suadentque cadentia sidera somnos.

Въ данномъ случаѣ Каппесъ вѣрнѣе, но противорѣча самому себѣ, толкуетъ: die sidera cadentia neigen sich am Himmelsgewölbe vor der nahenden Aurora. Нѣмецкій комментаторъ замѣтилъ, что въ указанныхъ мѣстахъ Энеиды рѣчь идетъ о разныхъ временахъ ночи, но онъ не поколебался приписать поэту употребленіе одного и того же выраженія для ихъ обозначенія; отсюда и противорѣчіе въ толкованія.

Въ Aen. IV, 80 sq. рѣчь идетъ, безъ сомнѣнія, о ночи на исходѣ, когда кончилось не только пированіе, но и вторичный разсказъ Энея о паденіи Трои (ст. 78 и слѣд.), послѣ чего всѣ разошлись. Не то видимъ мы въ началѣ 2-й книги[1]): тутъ кончается только пиръ, правда, затянувшійся вслѣдствіе разспросовъ влюбленной Дидоны (см. I, 748), но все-таки не могшій дотянуться до зари, если за нимъ слѣдовало повѣствованіе Энея (2-я и 3-я книги), послѣ котораго Дидона успѣла соснуть (IV, 5), и все же проснулась раннимъ утромъ, ибо (IV, 6 sq.) postera Phoebea lustrabat lampade terras humentemque Aurora polo dimoverat umbram, cum sic unanimam adloquitur male sana sororem. Между тѣмъ по толкуемому безъ натяжекъ преданію выходитъ, что разсказъ Энея начался чуть ли не на разсвѣтѣ, т.-е. почти въ то самое время, когда (по IV, 6 sq.) Дидона уже опять просыпается и вступаетъ въ бесѣду съ сестрой.

Мы не рѣшаемся объяснять такую несообразность неоконченностью Энеиды, а полагаемъ, что причина ея кроется въ порчѣ преданія. Въ такомъ предположеніи убѣждаетъ насъ еще одно обстоятельство: въ самомъ дѣлѣ, умѣстно ли напоминаніе о томъ, что „пора спать“ въ устахъ гостя Дидоны, собирающагося, по желанію юной царицы Карѳагена, повѣствовать объ ужасахъ взятія Трои и о своихъ странствованіяхъ и злоключеніяхъ.

Мы полагаемъ, что нѣтъ, и въ виду указанныхъ затрудненій, считаемъ слова „suadentque cadentia sidera somnos“, правда, старинной[2]), но все-таки болѣе поздней вставкой, заимствованной изъ IV, 81 съ цѣлью дополненія неполнаго 9-го стиха II-й пѣсни. Слова „et iam nox humida caelo praecipitat“, по нашему мнѣ-

[1]) На несовмѣстимость упомянутаго выше толкованія г. Нагуевскаго (и др.) съ изображаемой поэтомъ дѣйствительностью обратилъ наше вниманіе въ частной бесѣдѣ И. В. Помяловскій.

[2]) Ср. Serv. ad Aen. I, 753 и II, 9.

нію, значать: къ тому влажная ночь уже спускается съ небосклона, т.-е. ночь, достигши высшей точки своего пути, спускается внизъ, другими словами, время перевалило за полночь. Указаніемъ на позднее время поэтъ заставляетъ Энея галантно мотивировать относительную краткость (ст. 10 et (sic) breviter... audire, scil. lubet) своего разсказа. Что касается неполнаго стиха въ началѣ книги, то ср. X, 17.

О. Шеборъ.

Мелкія замѣтки къ латинской грамматикѣ.

Въ латинскихъ грамматикахъ я не нашелъ указанія на то, что imperfectum иногда употребляется, повидимому, вмѣсто plusquamperfectum для обозначенія длительнаго дѣйствія или состоянія, предшествующаго дѣйствію главнаго предложенія. Таково, напр., употребленіе его въ двухъ слѣдующихъ мѣстахъ: Ter. *Andr.* 37: feci ex servo ut esses libertus mihi, propterea quod servibas liberaliter, и особенно ясно у Cic. *de div.* II, 68, 142 meridiationes addidi, quibus uti antea non solebam.

Къ ученію о послѣдовательности временъ въ лат. яз. a) Хорошій примѣръ къ ученію о послѣдовательности временъ представляетъ Cic. *Nat. D.* I, 20, 53: docuit nos, – natura effectum esse mundum — tamque eam rem esse facilem, ut innumerabiles natura mundos effectura sit, efficiat, effecerit. b) Praesens coni. послѣ quin поставлено вмѣсто описанія на-urus sim, несмотря на то, что глаголъ сказуемаго имѣетъ супинъ (ср. грамм. Штегмана-Никифорова, изд. 2, § 208, 2, прим.) въ слѣд. мѣстѣ: Cic. *de fin.* II, 26, 83 an vero, si fructibus et emolumentis et utilitatibus amicitias colemus, si nulla caritas erit, quae faciat amicitiam ipsam sua sponte, vi sua, ex se et propter se expetendam, dubium est, quin fundos et insulas amicis anteponamus?

Въ учебникахъ лат. грамматики по большей части не дѣлается указаній на то, что дѣлается съ потенціальной формой условія въ косвенной рѣчи. Кюнеръ (Lat. Gr. II, p. 1034), приводя схему разныхъ формъ условныхъ предложеній въ косвенной рѣчи, для потенціальной формы приводитъ слѣд. примѣръ (своего сочиненія):

Si hoc dicas, erres { Censeo, si hoc dicas, te errare.
Censebam, si hoc diceres, te erraturum esse.

Проф. Нетушилъ въ своемъ подробномъ синтаксисѣ лат. яз. § 725 совершенно правильно замѣчаетъ, что потенціальное сослагательное наст. вр. можетъ относиться не только къ настоящему, но и къ будущему времени, сообразно съ чѣмъ и опредѣляется форма неопредѣленнаго наклоненія, въ которое оно можетъ перейти,

напр., Caes. g. 1, 44: Si per populum Romanum stipendium remittatur, non minus libenter sese recusaturum populi Romani amicitiam, quam appetierit. Что касается этого примѣра, то, какъ мнѣ кажется, онъ ничего не доказываетъ, потому что съ такимъ же, если не съ большимъ правомъ, мы можемъ считать remittatur и recusaturum происшедшими изъ fut. ind. прямой рѣчи. Правило же, данное г. Нетушиломъ, мнѣ кажется вполнѣ вѣрнымъ, и я думаю даже, что praesens coni. въ аподозисѣ всегда должно переходить въ infin. futuri или равняющееся ему по смыслу выраженіе (напр., posse съ inf.). Вотъ одинъ несомнѣнный примѣръ потенціальной формы въ косв. рѣчи: Cic. *de fin.* III, 1, 1 voluptatem quidem, si ipsa pro se loquatur nec tam pertinaces habeat patronos, concessuram arbitror dignitati. Etenim sit impudens, si virtuti diutius repugnet aut si honestis iucunda anteponat etc. Другой примѣръ, который можетъ быть сюда отнесенъ, слѣд.: Cic. *de fin.* II, 26, 84 num igitur utiliorem tibi hunc Triarium putas esse posse, quam si tua sint Puteolis granaria? (въ прямой рѣчи могло бы быть: num utilior sit... si sint).

Въ греческихъ грамматикахъ обыкновенно дѣлается указаніе на то, что при coniunctivus dubitativus часто ставится слово *βούλει βούλεσθε* (Kuehner. II, p. 186); въ руководствахъ по латинскому языку, сколько мнѣ извѣстно, о подобномъ оборотѣ ничего не упоминается; что онъ однако существовалъ и въ латинскомъ яз., видно изъ многихъ мѣстъ лат. комедіи, напр., изъ слѣдующаго стиха Теренція (*Phorm.* 102): voltisne eamus visere? Другія мѣста см. у Holtze Synt. prisc. scr. Lat. II, p. 166.

У Авла Геллія мнѣ встрѣтилось замѣчательное мѣсто, въ которомъ слово qui въ разныхъ падежахъ повторяется пять разъ подъ рядъ XIII, 20 (18), 3 adulescens quispiam, quod ex eius sermonibus coniectare potui, non abhorrens a literis, „hic", inquit, „est M. Cato, non cognomento Nepos, sed M. Catonis Censorii ex filio nepos, qui pater fuit M. Catonis, praetorii viri, qui bello civili Uticae necem sibi gladio manu sua conscivit, de cuius vita liber est M. Ciceronis, qui inscribitur laus Catonis, quem in eodem libro idem Cicero pronepotem fuisse dicit M. Catonis Censorii".

Интересный примѣръ того, какъ въ придаточномъ предложеніи косвенной рѣчи избѣгнуто двусмысленное мѣстоименіе suus, представляетъ слѣд. мѣсто Авла Геллія (XIII, 7, 1): Mulier dicebat habuisse se faciendi causam, quoniam idem illi maritus et filius alterum filium mulieris, ex viro priore genitum, occidissent.

С. Соболевскій.

II. ХРОНИКА.

Археологическая хроника эллинскаго Востока[1]).

Изъ Элевсина насъ приведетъ въ Аѳины дорога, совпадающая почти на всемъ своемъ протяженіи съ древней „священной дорогой". По выходѣ изъ селенія, она извивается по берегу моря, проходитъ мимо озеръ или, лучше сказать, лимановъ, называвшихся *Ῥειτοί* и считавшихся границею собственно элевсинской области, и затѣмъ круто поворачиваетъ влѣво, въ горы Скараманга́ (называвшіяся въ древности *Αἰγάλεως*), открывающія въ этомъ мѣстѣ узкій проходъ Дафнійскій, названный такъ по монастырю въ немъ находящемуся и унаслѣдовавшему, какъ полагаютъ, свое названіе отъ древности. Павсаній упоминаетъ въ этомъ мѣстѣ святилище Аполлона (I 37), которому, какъ извѣстно, былъ посвященъ лавръ *(δάφνη)*; роща, пережившая культъ своего бога, и дала, по всей вѣроятности, имя этой мѣстности. Монастырь основанъ въ эпоху франкскаго владычества, и храмъ его обладаетъ прекрасными, къ сожалѣнію въ самомъ печальномъ видѣ находящимися, византійскими мозаиками[2]). Дворъ и монастырскія постройки возведены отчасти изъ античнаго матеріала. Іонійскія колонки, вмуравленныя въ стѣны, здѣсь находятся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ гербами крестоносцевъ и лиліями Бурбоновъ. Это мирный и одинъ изъ рѣдкихъ въ Греціи идиллическихъ уголковъ, которыми такъ богата ея роскошная сосѣдка—Италія. Нѣсколько ближе къ Элевсину чѣмъ Дафни, налѣво отъ дороги, вниманіе путешественника останавливаетъ большое количество нишъ, вырубленныхъ

---

[1]) Продолженіе; см. т. I, отд. 1, стр. 73 и слѣд. 148 и слѣд.

[2]) Baedeker, Griechenland[3], стр. 115. Въ послѣднее время приняты были мѣры къ предохраненію купола и мозаикъ Дафни отъ разрушенія, и съ этой цѣлью былъ выписанъ итальянскій техникъ C. Novelli и итальянскіе мозаичисты. См. *Δελτ. Ἀρχ.* 1889 стр. 68 сл. 1890, 104. Монографія: *Λαμπάκης. Ἀρχαιολογία τῆς μονῆς τοῦ Δαφνίου.* Аѳ. 1890.

въ скалѣ. Къ этой скалѣ (подобно элевсинскому телестерію) было пристроено святилище Афродиты, упоминаемое Павсаніемъ (ib.). Подъ нишами рядъ изгладившихся отъ времени, позднихъ надписей.

Пройдя ущелье, мы вступаемъ уже въ аттическую равнину. Горизонтъ составляетъ черная стѣна Гиметта, который здѣсь является особенно величественнымъ. Ликабеттъ кажется просто какой-то небольшой конусообразной кучей песку, а акрополь съ его храмами — игрушкой. Вправо — гладкая равнина вплоть до моря съ Саламиномъ и прекрасно, какъ на ладони, виднаго Пирея. По мѣрѣ приближенія, возвышенности Аѳинъ выростаютъ, а Гиметтъ отступаетъ все далѣе и уменьшается. Дорога вступаетъ въ Аѳины близъ главныхъ воротъ древняго города, называвшихся *Δίπυλον*[1]).

Дипилъ и его ближайшія окрестности раскопаны археологическимъ обществомъ въ нѣсколько пріемовъ, начиная съ 1873 года. Раскопки дозволили близко познакомиться съ устройствомъ этого весьма важнаго и въ стратегическомъ отношеніи пункта. Оправдывая свое названіе, этотъ въѣздъ въ городъ состоялъ изъ двухъ широкихъ воротъ, между которыми находился окруженный со всѣхъ сторонъ стѣнами дворъ. Непріятель, попавшій, форсировавъ первыя ворота, въ эту западню, страшно терпѣлъ отъ защитниковъ города, занимавшихъ всѣ стѣны и отстаивавшихъ, натурально запертыя, вторыя ворота. Такъ случилось напр. въ 200 г. съ Филиппомъ V (Liv. XXXI 24)[2]). Но Дипилъ интересенъ для насъ

---

[1]) Изъ неизмѣримой литературы по топографіи и древностямъ Аѳинъ назову здѣсь: Leake, Topography of Athens and the demi. Lond. 1841 (нѣм. пер. Baiter und Sauppe. Zürich, 1844). Устарѣло, но до сихъ поръ продолжаетъ быть основнымъ. C. Wachsmuth. Die Stadt Athen im Altertum I. 1874. II. 1889. Опытъ исторіи города Аѳинъ съ обширнымъ введеніемъ объ источникахъ. Въ самое недавнее время обобщилъ всѣ свои предыдущія изслѣдованія E. Curtius, Die Stadtgeschichte von Athen, съ обзоромъ источниковъ Milchhöfer'а. Berl. 1892. Атласы: Karten von Attika, по съемкѣ офицеровъ прусскаго генеральнаго штаба съ нанесеніемъ всѣхъ памятниковъ, Berl. 1881—89, съ текстомъ Milchhöfer'а, и Atlas von Athen, E. Curtius'а и Kaupert'а. Berl. 1878. Компендіарныя изложенія, стоящія на высотѣ новѣйшихъ открытій, даютъ: Milchhöfer, статья „Athen“ въ „Denkmäler“ Baumeister'а, и Lolling въ энциклопедіи Iw. Müller'а III.

[2]) О раскопкахъ Дипила см. въ особ. G. v. Alten въ Ath. Mitteil. III, табл. 3, 4 и текстъ стр. 28 сл. *Πρακτικά* 1880. Новѣйшія раскопки *Ἀρχ. Δ.* 1890, стр. 114.

еще въ другомъ отношеніи. Близъ него, внѣ городской черты, въ тѣхъ же раскопкахъ найдена часть кладбища, многіе изъ памятниковъ котораго, прекрасно сохранившіеся, находятся in situ. Памятники эти расположены вдоль развѣтвляющихся отъ Дипила двухъ дорогъ въ Пирей и „священной дороги" въ Элевсинъ. Замѣчательно, что нѣкоторые изъ нихъ находятся гораздо ниже другихъ, такъ что уже въ древности почва здѣсь была неровная. Ближайшіе къ городскимъ воротамъ памятники происходятъ изъ самаго начала IV в. (напр. извѣстный монументъ Дексилея 394 г.), что заставляетъ считать за эпоху основанія этого кладбища именно это время, или, самое раннее, конецъ V в. Помимо прекрасныхъ надгробій, кладбище Дипила наградило науку археологіи еще рядомъ цѣнныхъ памятниковъ. Это древнѣйшій, послѣ такъ-наз. „микенскаго", типъ вазъ — „дипиловскія вазы" [1]). Орнаментъ этихъ вазъ состоитъ изъ дѣтски-несовершенныхъ человѣческихъ фигуръ и геометрическихъ орнаментовъ.

Нижній городъ представляетъ не мало интересныхъ въ археологическомъ отношеніи пунктовъ. Каждая земляная работа, каждая закладка фундамента въ Аѳинахъ обыкновенно не остается безъ результатовъ для археологіи. Чаще всего находятъ просто какіе-нибудь фундаменты. Къ сожалѣнію, обыкновенно при этомъ дѣло ограничивается частной съемкой раскопанной мѣстности. Я не говорю, конечно, объ оставленіи незастроеннымъ или незакрытымъ всякаго такого мѣста — это невозможно среди города, — но слѣдовало бы имѣть топографическій планъ всего города, на который въ одномъ масштабѣ и наносить всѣ подобныя находки. Результатъ для топографіи отъ этого можетъ быть громадный; постепенно такимъ образомъ можно опредѣлить направленіе улицъ, вообще весь планъ древняго города. И, по нашему мнѣнію, это для Аѳинъ еще не поздно, такъ какъ именно въ самой интересной для топографовъ-археологовъ части, т.-е. непосредственно къ сѣверу отъ Акрополя, находятся старые кварталы, которые только еще начинаютъ застраиваться на современный ладъ, такъ что по-

---

[1]) О вазахъ Дипила см. A. Conze въ Sitzungsber. Wien. Ak. 1870, который еще до открытія могилъ Дипила обратилъ вниманіе на вазы этого рода въ разныхъ коллекціяхъ и считалъ ихъ древнѣйшими на греческой почвѣ. Новѣйшая литература у v. Rohden, Vasenkunde въ „Denkmäler" Baumeister'a, III, стр. 1940 и слѣд.

строекъ, а слѣдовательно и земляныхъ работъ здѣсь предстоитъ еще масса. Лѣтъ черезъ двадцать, можетъ быть, будетъ уже поздно, такъ какъ соединять частныя съемки, сдѣланныя въ разныхъ масштабахъ и всякій разъ ad hoc, почти невозможно. Гораздо старательнѣе, чѣмъ за результатомъ земляныхъ работъ, слѣдятъ археологическія власти въ Аѳинахъ за находками гробницъ въ чертѣ города. Находки послѣдняго рода свидѣтельствуютъ всегда о томъ, что данный пунктъ находился внѣ городскихъ стѣнъ и такимъ образомъ получается возможность приблизительно узнать направленіе послѣднихъ.

Самымъ важнымъ изъ сохранившихся памятниковъ нижняго города слѣдуетъ считать такъ-наз. храмъ Ѳесея, одинъ изъ наилучше сохранившихся древнихъ храмовъ, благодаря тому, что служилъ въ средніе вѣка христіанскою церковью. Въ отождествленіи его съ однимъ изъ упоминаемыхъ Павсаніемъ храмовъ современные ученые не согласны; не согласны они и въ опредѣленіи времени его постройки. Его богатое скульптурное убранство (два фриза: одинъ съ изображеніемъ кентавромахіи, другой съ невыясненнымъ до сихъ поръ изображеніемъ и 18 метопъ съ изображеніемъ подвиговъ Ѳесея и Геракла) нѣкоторые считаютъ непосредственно предшествующимъ скульптурамъ Парѳенона, другіе возникшимъ подъ ихъ вліяніемъ [1]). Послѣ храма Ѳесея заслуживаютъ особаго вниманія среди остатковъ нижняго города:

1) Хорегическій монументъ Лисикрата, изящный, совершенно своеобразный памятникъ 335/4 г. до Р. Хр., служившій пьедесталомъ для треножника, на фризѣ котораго изображено извѣстное граціозное сказаніе о Діонисѣ и тирренскихъ корабельщикахъ [2]).

2) Башня вѣтровъ, названная такъ по рельефамъ, украшающимъ восемь ея сторонъ и изображающимъ восемь главныхъ

---

[1]) О храмѣ Ѳесея см. статью Theseion въ „Denkmäler" Baumeister'а и приведенную тамъ литературу. Я не имѣю, къ сожалѣнію, въ настоящее время, подъ руками монументальнаго изданія Brunn'а и Brukmann'а, Denkmäler Griechischer und Röm. Sculptur, и поэтому не во всѣхъ случаяхъ могу дѣлать ссылки на это изданіе. Метопы храма Ѳесея изданы на табл. 152, 153.

[2]) О памятникѣ Лисикрата см. Baumeister, Denkm. II, стр. 838 и сл. и приведенную тамъ литературу. Въ послѣднее время мѣсто, среди котораго стоитъ этотъ прелестный памятникъ, находящееся среди самаго грязнаго квартала Аѳинъ, приведено, по возможности, въ приличный видъ. См. Ἀρχ. Δελτ. 1889, стр. 67.

вѣтровъ въ видѣ крылатыхъ геніевъ. Это уже гораздо болѣе позднее произведеніе, что̀ выдаетъ съ перваго же взгляда ремесленная, грубая работа рельефовъ. Зданіе воздвигнуто въ I в. до Р. Хр. и упоминается у Витрувія (I. 6. 4)[1].

3) Ворота агоры, находящіяся нѣсколько западнѣе Башни вѣтровъ, построены въ эпоху Августа въ честь Аѳины Ἀρχηγέτις. Сохранились неполнѣ. На колоссальной мраморной доскѣ, стоящей рядомъ in situ, написанъ длинный декретъ императора Адріана, регулирующій вывозъ оливковаго масла.

Въ 1890 году были предприняты раскопки близъ Башни вѣтровъ, результатомъ которыхъ была находка зданія огромныхъ размѣровъ, очевидно рынка. Оказывается — ворота агоры были ничѣмъ инымъ, какъ входомъ въ это зданіе[2].

4) Остатки храма Зевса Олимпійскаго. Отъ этого громаднѣйшаго сооруженія осталась въ настоящее время только группа пятнадцати колоссальныхъ колоннъ съ частью архитрава надъ ними. Храмъ имѣлъ замѣчательную судьбу. Начатый при Писистратѣ и прекращенный постройкою по изгнаніи тиранновъ, онъ стоялъ въ неоконченномъ видѣ до Антіоха IV Епифана, который около 174 г. до Р. Хр. предпринялъ его окончаніе, поручивъ постройку архитектору Коссуцію. Но смерть Антіоха застала храмъ неоконченнымъ. Сулла отвезъ нѣкоторыя колонны его въ Римъ, гдѣ онѣ были употреблены при постройкѣ храма Юпитера Капитолійскаго. При Августѣ союзные съ Римомъ цари и народы опять рѣшили въ складчину докончить храмъ, но приведено ли было въ дѣйствіе это рѣшеніе, — неизвѣстно. Наконецъ при Адріанѣ, спустя почти семь столѣтій съ эпохи основанія, храмъ былъ законченъ. Въ это время, помимо культа Зевса, храмъ сдѣлался центромъ „панэллинской“ амфиктіоніи. Колоссальная статуя императора стояла рядомъ съ хрисэлефантинной статуей бога, и кромѣ того священный округъ былъ наполненъ статуями, которыя изображали его же и были посвящены различными греческими и

---

[1]) См. статью Windeturm въ „Denkmäler“ Baumeister'a, III, стр. 2112. Рельефы изданы у Brunn-Bruckmann'a.

[2]) Stuart and Revett, I, гл. 1, табл. 4, 1, и у Baumeister'a, рис. N. 271. Надпись: C. I. A. III. 38. О вновонайденномъ зданіи рынка см. E. Curtius. Stadtgesch., стр. 256 рис. 80.

азіатскими городами. Пьедесталы нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились [1]).

5) Ворота Адріана, стоящія подъ угломъ къ округу Олимпійскаго святилища, можетъ быть, въ линіи древнихъ (Ѳемистокловскихъ) стѣнъ. По крайней мѣрѣ сохранившаяся на нихъ надпись характеризуетъ ихъ, какъ границу Ѳесеевыхъ и Адріановыхъ Аѳинъ [2]).

Изъ остатковъ, важныхъ болѣе въ топографическомъ, нежели собственно въ археологическомъ отношеніи, заслуживаютъ упоминанія: Портикъ Аттала, такъ наз. Портикъ гигантовъ, Діогеніонъ, большое зданіе, можетъ быть, тождественное съ библіотекой Адріана, упоминаемой Павсаніемъ [3]),— всѣ въ сѣверной части. Юго-западная часть Аѳинъ почти не занята постройками новаго города, но тѣмъ не менѣе памятниковъ здѣсь нѣтъ. Скалистыя возвышенности, здѣсь находящіяся (Пниксъ, Мусей, теперь называемый Филопаппомъ, по имени похороненнаго на немъ коммагенскаго царька, такъ наз. Холмъ Нимфъ, Ареопагъ), почти сплошь покрыты слѣдами древнихъ жилищъ, вырубленныхъ прямо въ скалахъ. Курціусъ [4]) считаетъ эти жилища чуть ли не обиталищами доисторическихъ кранаевъ, Дёрпфельдъ [5]), напротивъ, видитъ въ нихъ жилища исторической эпохи. Замѣчательнѣйшимъ мѣстомъ въ этомъ „городѣ въ скалахъ“ — Felsenstadt, какъ его принято называть съ легкой руки Курціуса, безспорно слѣдуетъ

---

1) Остатки Писистратовскаго фундамента открыли Penrose и Dörpfeldt см. Ath. Mitt. XI. 349. Свидѣтельство древнихъ у Milchhöfer'а въ книгѣ E. Curtius'a, Die Stadtgeschichte и т. д. стр. XII и сл. Надписи на базахъ C. I. A. III. 479 и сл. По изслѣдованіямъ Пенроза, храмъ, считавшійся прежде за *δεκάστυλος* оказался *ὀκτάστυλος*.

2) Изображена у Stuart. III. гл. 3. табл. 20 ф. 1; Baumeister, I. fig. 287 и III Taf. LXXX. fig. 8. Taf. LXXXI. fig. 7. Надпись на сторонѣ, обращенной къ Акрополю: *αἵδ' εἴσ' Ἀθῆναι Θησέως ἡ πρὶν πόλις*. На обращенной къ олимпійскому святилищу: *αἵδ' εἴσ' Ἀδριανοῦ καὶ οὐχὶ Θησέως πόλις*.

3) Paus. I. 18. 9; срв. E. Curtius Stadtgesch. 265 сл. Раскопки производились въ 1885—6 годахъ. Планъ въ *Πρακτικά* 1885 г. (Аѳ. 1886) и описаніе Кумануднса стр. 13 и сл. Подробнѣе и съ новымъ планомъ *Νικολαΐδης Ἐφ. Ἀρχ.* 1888, стр. 57 и сл.

4) Сначала въ текстѣ къ Sieben Karten zur Topographie Athens. 1868. Потомъ съ подробнымъ планомъ всѣхъ остатковъ въ Atlas von Athen. 1878. Теперь тоже самое повторяетъ въ Stadtgeschichte, стр. 28.

5) Знаю это изъ устнаго сообщенія Дёрпфельда.

считать Пниксъ, гдѣ сохранилась прекрасно вырубленная въ скалѣ *βῆμα*. Курціусъ, впрочемъ, считаетъ это не за мѣсто народныхъ собраній, а за „скалистый алтарь Зевса Высочайшаго“, основываясь на позднѣйшихъ надписяхъ, найденныхъ здѣсь въ нишахъ[1]). Въ новѣйшее время, однако, большинство изслѣдователей склонно видѣть въ этой мѣстности Пниксъ[2]). Наконецъ, въ восточной части города (въ королевскомъ саду, близъ новаго зданія выставки, подъ русской церковью и т. д.) найдено нѣсколько фундаментовъ и мозаичныхъ половъ, относящихся, очевидно, къ позднѣйшему, Адріановскому городу.

Но самый замѣчательный въ археологическомъ отношеніи пунктъ въ Аѳинахъ — это, конечно, Акрополь[3]). Это одно изъ тѣхъ немногихъ мѣстъ, гдѣ всецѣло переносишься въ древній міръ и впечатлѣніе отъ которыхъ не изглаживается въ теченіе всей жизни. Необыкновенное чувство овладѣваетъ человѣкомъ, неравнодушнымъ къ древности, при мысли, что онъ находится въ той обстановкѣ, среди тѣхъ святилищъ, которыя возникали въ цвѣтущія времена Греціи. Передъ вами сцена, гдѣ давались трагедіи Эсхила, комедіи Аристофана. Передъ зрителями, сидѣвшими на этихъ самыхъ мѣстахъ, рисовался этотъ самый ландшафтъ съ чудной лазурью моря и неба, съ Эгиной, съ берегами Пелопоннеса. Самое разрушенное состояніе храмовъ Акрополя дозволяетъ иногда глубже заглянуть въ самыя сокровенныя детали геніальныхъ замысловъ ихъ строителей. Что было неизвѣстно людямъ, видѣвшимъ этотъ центръ центра Греціи во всемъ его блескѣ, то извѣстно теперь намъ, позднимъ эпигонамъ, подходящимъ къ этимъ развѣнчаннымъ святынямъ, такъ сказать, со скальпелемъ изслѣдователей. Мы знаемъ теперь первоначальный планъ Мнесикловыхъ пропилеевъ,

---

1) C. I. A. III. 148—155.

2) См. сопоставленіе мнѣній у Лоллинга Topogr. Ath. (Handbuch, Iw. Müll. III) стр. 333 прим. 1.

3) Изъ спеціальныхъ работъ о всемъ Акрополѣ заслуживаютъ упоминанія: Beulé. L'acropole d'Athènes. 2 тома. Par. 1853. Устарѣло. Ad. Boetticher. Die Akropolis von Athen. Berl. 1888. Сочиненіе, написанное, къ сожалѣнію, во время производства послѣднихъ большихъ раскопокъ, продолжавшихся съ 1885—89 годъ, еще до ихъ окончанія, почему, какъ говорится, подъ руками устарѣло. Важное сопоставленіе всѣхъ наличныхъ свидѣтельствъ древности см. у Jahn-Michaelis. Pausaniae descriptio arcis Athenarum. Bonn, 1880.

вслѣдствіе ближайшимъ образомъ неизвѣстныхъ причинъ не приведенный въ исполненіе; намъ извѣстно, какимъ образомъ въ эпоху Кимона искусственно расширяли плато Акрополя и закладывали гигантскіе фундаменты подъ предполагавшійся тогда еще въ бóльшихъ, чѣмъ при Периклѣ, размѣрахъ Парѳенонъ; наконецъ мы можемъ, подобно Кювье, возстановившему по одному зубу допотопнаго животнаго его остовъ, возстановить на основаніи различныхъ обломковъ картину до персидскаго Акрополя, Акрополя царей и Писистратидовъ! Это доказательство величайшаго развитія археологической науки и ея торжество!

Обыкновеннымъ путемъ, по которому всходятъ на Акрополь, служитъ бульваръ Филеллиновъ, который отъ Олимпійскаго святилища тянется вдоль южной подошвы Акрополя, затѣмъ заворачиваетъ къ сѣверу и проходитъ между Акрополемъ, Ареопагомъ и эспланадой съ храмомъ Ѳесея съ правой стороны и Мусеемъ (или Филопаппомъ), Пниксомъ и Холмомъ Нимфъ съ лѣвой. Эта дорога хорошо приготовляетъ къ впечатлѣніямъ, ожидающимъ пилигрима античныхъ святынь на скалѣ Акрополя или въ упомянутыхъ мѣстахъ, гдѣ новыя постройки почти не мѣшаютъ впечатлѣнію древности. Въ послѣднее время моего пребыванія въ Греціи — увы! — и здѣсь стали возводиться, близъ самой подошвы Пникса, дрянные домишки. Кромѣ того, скалы, съ упомянутыми раньше слѣдами древнихъ жилищъ, служатъ каменоломней, противъ чего давно подымались и въ Греціи и за границей голоса ревнителей древности. Дай Богъ, чтобы и тому и другому былъ положенъ предѣлъ и чтобы самая священная часть древняго города, остававшаяся до сихъ поръ, подобно форуму и Палатину въ Римѣ, изъятою изъ суеты и прозы современной жизни, оставалась такою навсегда. Шумъ и сутолока самаго населеннаго и грязнаго квартала Аѳинъ оставляютъ идущаго на Акрополь у того мѣста, гдѣ отъ бульвара Филеллиновъ (немного не доходя до театра Діониса) отдѣляется дорога, по которой проходитъ въ Фалеръ паровая конка. Нѣсколько десятковъ шаговъ дальше—и вы изъ атмосферы бакалейныхъ лавокъ, грязныхъ жилищъ овечьихъ пастуховъ, изъ атмосферы, наполненной криками погонщиковъ, мальчишекъ и ословъ, (бабьи голоса рѣдко раздаются въ Греціи и вообще на Востокѣ) попадаете въ полосу священной тишины и нѣмого спокойствія. Двѣ минуты тому назадъ на васъ смотрѣли съ безвкусного бал-

кона одного изъ послѣднихъ домовъ карикатурные бюсты, „лубочнаго рѣзца нелѣпныя затѣи“ — и вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, вы стоите передъ священнымъ округомъ Діониса, вступаете въ него, и величіе древняго міра охватываетъ васъ, ничѣмъ не нарушаемое.

Священный округъ Діониса, при первомъ вступленіи въ него, представляетъ поле развалинъ. Театра еще не видно изъ-за задней стѣны сцены. Между нимъ и бульваромъ находятся два святилища Діониса, отъ которыхъ цѣлы только фундаменты. Одно, что ближе къ дорогѣ, нѣсколько большее и лучше сохранившееся, происходитъ, быть можетъ, изъ эпохи Писистратидовъ, другое, стоящее къ нему нѣсколько подъ угломъ, повидимому еще древнѣе. Это древнѣйшій центръ всего священнаго округа, храмъ Діониса Элевѳерейскаго (*Διόνυσος Ἐλευθερεύς*). Пройдя по коридорообразному проходу, образующемуся отчасти древними фундаментами зданія сцены, отчасти разставленными на этихъ послѣднихъ различными пьедесталами, надписями и т. п. результатами неоднократно въ этомъ округѣ производившихся раскопокъ, вы подходите къ новой калиткѣ, которая уже открывается прямо на орхестру театра. Самое зданіе театра, въ томъ видѣ, какъ оно дошло до насъ, представляетъ остатки того вида, который оно имѣло послѣ реставраціи при императорѣ Адріанѣ. Раскопки послѣднихъ лѣтъ привели къ замѣчательному выводу, который до сихъ поръ не всѣми раздѣляется главнымъ образомъ потому, что еще не изложенъ и не обоснованъ подробно авторомъ его, Дёрпфельдомъ [1]). А именно при этихъ раскопкахъ найдены несомнѣнные остатки другой орхестры, лежащей южнѣе, чѣмъ извѣстная прежде, и представляющей неясный кругъ. Это-то и было перво-

[1]) Раскопки въ театрахъ Діониса производились нѣсколько разъ. Первыя были произведены прусскимъ майоромъ Штракомъ въ 1862; продолжались археологическимъ обществомъ до 1865. Затѣмъ снова подвинулись при раскопкахъ Асклепіона въ 1877 году. Древнѣйшая орхестра найдена при раскопкахъ германскаго археологическаго института въ 1886 году. Кромѣ того была произведена также германскимъ институтомъ небольшая раскопка въ верхней части театра въ 1889 году. О первыхъ см. Milchhöfer Athen въ Baum. Denkm. I стр. 190. О послѣдней *Δελτ. Ἀρχ.* 1889, стр. 50. Планъ съ орхестрой у E. Curtius, Stadtgeschichte, стр. 78. Результаты своихъ изслѣдованій Дёрпфельдъ обѣщаетъ издать въ особомъ объемистомъ изслѣдованіи. Пока — у Kawerau Baum. Denkm. III. Theatergebäude, стр. 1730.

начальное мѣсто Діонисовскихъ хороводовъ и немногосложныхъ драматическихъ сценъ. Народъ сидѣлъ вокругъ этого мѣста на временныхъ деревянныхъ мѣстахъ, которыя однажды рухнули подъ зрителями [1]). Разсказъ этотъ извѣстенъ былъ и раньше, и раньше приблизительно такъ представляли себѣ всѣ ученые начатки греческой драмы, но не существовало никакого сомнѣнія, что въ эпоху Перикла, въ эпоху дѣятельности великихъ трагиковъ, аѳиняне обладали уже великолѣпнымъ мраморнымъ театромъ, именно такого устройства, какое описывается у Витрувія и, казалось, подтверждается памятниками. Но Дёрпфельдъ, на основаніи техническихъ и другихъ соображеній (камень съ надписью V-го вѣка, употребленный какъ строительный матеріалъ и т. п.), берется утверждать, что театръ былъ построенъ не раньше эпохи, когда завѣдывалъ аѳинскими финансами знаменитый Ликургъ (современникъ Александра Великаго).

Также и относительно того, что надо разумѣть подъ греческой сценой, Дёрпфельдъ пришелъ къ радикально противоположнымъ выводамъ, по сравненію съ прежними изслѣдователями. Оказывается, это не было возвышеніе, на которомъ играли, а стѣна, или нарисованная декорація, передъ которой происходило дѣйствіе. Сцена же, какую мы видимъ теперь въ театрѣ Діониса и другихъ древнихъ театрахъ, есть нововведеніе уже римскаго времени. Теорія эта переворачиваетъ весь вопросъ о греческомъ театрѣ, и тѣмъ не менѣе, несмотря на свою кажущуюся парадоксальность, несмотря на то, что она въ подробностяхъ еще не обоснована ея главнымъ представителемъ, она принята теперь почти всѣми, въ особенности людьми, имѣющими возможность судить о технической сторонѣ.

Поднимаясь по ступенямъ одной изъ лѣстницъ, разрѣзающихъ театръ Діониса на 13 „клиньевъ“ *(κερκίδες)*, соотвѣтственно числу филъ при императорѣ Адріанѣ, и пройдя проходъ *(διάζωμα)*, отдѣляющій верхнюю часть театра отъ нижней, мы подымается къ святилищу Асклепія, находящемуся на уступѣ скалы Акрополя, непосредственно надъ южной его стѣною. Еще прежде, чѣмъ войти въ священный округъ Асклепія, вниманіе наше останавливается на пещерѣ въ скалѣ, находящейся надъ театромъ. Теперь

[1]) Suid. s. v. *Πρατίνας;* событіе относится къ Ol. LXX, 1=500 до Р. X.

въ этой пещерѣ находится часовня „Печерской Богоматери" *(Παναγία Σπηλιότεσσα)* съ ключемъ минеральной воды, въ древности же здѣсь стоялъ хорегическій монументъ Өрасилла, разрушенный въ 1827 г. турецкими бомбами. Остатки его находятся въ Лондонѣ[1]). Святилище Асклепія очищено отъ земли, наваленной съ Акрополя съ эпохи первыхъ раскопокъ на этомъ послѣднемъ въ 1876—77 гг. археологическимъ Обществомъ[2]). Здѣсь подобно тому, какъ въ священномъ округѣ Діониса, — два храмика, одинъ старше, другой новѣе, кромѣ того, два портика, служившіе, повидимому, для помѣщенія больныхъ, и два источника, изъ которыхъ одинъ только-что упомянутъ. Всѣ постройки реставрированы и увеличены въ римское время. Нѣкоторые фундаменты къ западу отъ округа Асклепія отождествляются съ святилищемъ Өемиды и Исиды. Идя далѣе къ западу вы подходите къ Одеону Ирода Аттика, и именно къ верхнимъ рядамъ его сидѣній. По лѣстницамъ, раздѣляющимъ и здѣсь ряды сидѣній на нѣсколько клиньевъ, можно спуститься въ самое зданіе[3]). Одеонъ этотъ какъ-то забытъ въ послѣднее время. Хорошо сохранилось зданіе сцены, типичный фасадъ котораго въ арочномъ стилѣ выходитъ на бульваръ Филеллиновъ. Отъ Иродовскаго Одеона въ прежнее время проходили къ Пропилеямъ черезъ ворота въ стѣнѣ турецкой эпохи. Сводистый проходъ этой же эпохи велъ прежде отсюда къ выходу на шоссе, отдѣляющееся отъ бульвара Филеллиновъ и подымающееся нѣсколькими извивами на пологій въ этомъ мѣстѣ склонъ Акрополя. Въ настоящее время всѣ позднѣйшія зданія и стѣны удалены съ Акрополя, и онъ огражденъ отъ храма Ники Безкрылой до одной изъ башенъ такъ называемыхъ воротъ Beulé (по имени открывшаго ихъ ученаго; см. выше прим. 3 на стр. 71) временной желѣзной рѣшеткой[4]). Эти послѣднія поздняго времени и составлены изъ плитъ и кусковъ мрамора, предназначавшихся прежде для

---

1) Статуя издана у Brunn-Bruckmann'а, табл. 119. Прочую литературу смотри у Friederichs-Wolters'а, Bausteine etc. n. 1329; Baumeister I. p. 193.

2) Литература о раскопкахъ: Baumeister, I p. 194. Результаты хорошо сопоставлены у P. Girard, L'Asclepieion d'Athènes. Paris. 1881 (Biblioth. des écoles Franc. de R. et d'Ath. XXIII).

3) Объ Одеонѣ Ирода см. Tückermann, Das Odeum des Herodes und der Regilla zu Athen. Bonn. 1868. Iwanoff. Ann. d. Inst. 1858, стр. 213 сл.

4) *Δελτίον 'Αρχ.* 1889, стр. 23. 117. 223.

другихъ зданій. Такъ Келеру удалось въ 1885 году доказать, что для постройки этихъ воротъ былъ употребленъ хорегическій монументъ, построенный въ 320/19 г. Никіемъ, сыномъ Никодима[1]). Въ настоящее время, кажется, эти ворота служатъ входомъ на Акрополь. Отъ воротъ Beulé, находящихся какъ разъ противъ средняго крыла Пропилеевъ, вела къ этимъ последнимъ широкая лѣстница, происходящая, какъ впервые доказалъ нашъ соотечественникъ С. Ивановъ, братъ знаменитаго художника А. Иванова[2]), не изъ классической эпохи, а римской. Состояніе же всхода на Акрополь при Периклѣ и въ послѣдующее время въ точности неизвѣстно.

Первое изъ зданій, составляющихъ неувядаемую славу Акрополя — это Пропилеи[3]). Они были построены въ теченіе пяти лѣтъ Мнесикломъ, которому здѣсь предстояла трудная и вмѣстѣ съ тѣмъ благодарная задача изобрѣсти совершенно новый типъ роскошнаго декоративнаго зданія. Описывать зданіе въ томъ видѣ, какъ оно дошло до насъ, было бы излишне — оно слишкомъ извѣстно. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, Дёрпфельду принадлежитъ честь добытія совершенно новыхъ результатовъ на матеріалѣ, который казался давнымъ давно всѣмъ извѣстнымъ. Въ замѣчательномъ изслѣдованіи (см. прим.), основанномъ, какъ всегда, на самыхъ тончайшихъ наблюденіяхъ стиля, техники и всѣхъ мельчайшихъ подробностей, Дёрпфельдъ блестяще доказалъ, что первоначальный проектъ строителя Пропилеевъ былъ гораздо шире. Правое крыло должно было имѣть одинаковую величину съ лѣвымъ, такъ называемой Пинакотекой. Кромѣ того съ внутренней стороны Акрополя и къ Пинакотекѣ и къ правому крылу должно было примыкать по просторному портику. Проектированное такимъ образомъ зданіе именно въ южной своей части должно было отчасти

[1]) Ath. Mitteilungen. 1885. X. Архитектурная часть изслѣдованія принадлежитъ Дёрпфельду (стр. 219 слл.), — эпиграфическая Келеру (стр. 281 слл.).

[2]) Въ Annali d. Inst. 1861 стр. 275 сл. Онъ завѣщалъ свой домъ въ Римѣ и капиталъ германскому археологическому институту съ условіемъ, чтобы послѣдній издалъ рисунки его знаменитаго брата. Институтъ хотя нѣсколько медленно, но превосходно исполняетъ это завѣщаніе.

[3]) Главное сочиненіе о нихъ: R. Bohn. Die Propyläen der Akropolis zu Athen. Berl. 1882. Оно въ нѣкоторой степени антиквировано упомянутыми изслѣдованіями Дёрпфельда въ X томѣ Ath. Mitt. (1885), съ планомъ.

загораживать проходъ изъ Акрополя къ храмику Безкрылой Ники, стоящему на бастіонѣ, выступающемъ какъ разъ передъ правымъ крыломъ Пропилеевъ, отчасти урѣзывать территорію, которая входила въ составъ священнаго округа Артемиды Бравроніи, находящагося непосредственно къ востоку отъ Пропилеевъ на Акрополѣ. Можетъ быть вслѣдствіе того, что деньги потребовались на военныя приготовленія[1]), постройка Пропилеевъ приведена была къ концу спѣшно и въ болѣе скромномъ видѣ, чѣмъ предполагалось. Собственно говоря, они остались даже неоконченными, такъ какъ на сторонѣ, обращенной внутрь Акрополя, съ каменныхъ брусьевъ, изъ которыхъ возведены стѣны, не стесаны выступы, оставленные на нихъ съ цѣлью облегченія поднятія брусьевъ наверхъ. Передъ правымъ крыломъ Пропилеевъ на бастіонѣ, воздвигнутомъ въ эпоху Кимона, на томъ самомъ мѣстѣ, съ котораго, по преданію, старый Эгей смотрѣлъ на море, ожидая прибытія Өесея[2]), воздвигнутъ былъ также еще при Кимонѣ граціозный храмикъ Аѳины-Ники, называвшейся въ просторѣчіи Безкрылой Никой. Храмикъ этотъ вновь выстроенъ изъ древняго матеріала (встроеннаго прежде въ турецкую батарею, здѣсь находившуюся) въ 1835—1836 годахъ Россомъ, Шаубертомъ и Ганзеномъ. Въ концѣ V вѣка онъ былъ обведенъ рѣшеткой, укрѣпленной на мраморной баллюстрадѣ съ чудными рельефами, которые изображали богинь Побѣды возводящими трофеи, ведущими быковъ и т. д. въ присутствіи Аѳины[3]).

Отъ храмика Ники открывается одинъ изъ тѣхъ видовъ, которыми можно наслаждаться только въ благословенныхъ природой классическихъ странахъ. Вся равнина аттическая *(πεδίον)* у вашихъ ногъ. Прямо-тянущійся вплоть до моря оливковый лѣсъ, знаменитый уже въ древности, Фалеръ, Пирей, Саламинъ и берега Пелопоннеса съ Акрокоринѳомъ и громадной, иногда покрытой

---

1) Өукидидъ (II. 13) говоритъ, что наибольшая, накопленная въ аѳинской казнѣ сумма равнялось 9700 талантамъ: „*ἀφ ὧν ἔς τε τὰ προπύλαια τῆς ἀκροπόλεως καὶ τἆλλα οἰκοδομήματα καὶ ἐς Ποτίδαιαν* (т.-е. на осаду) *ἀπανηλώθη*“. Это свидѣтельство пополняется свидѣтельствомъ Геліодора (у Harpocr. s. v. *Προπύλαια ταῦτα*), что на постройку Пропилей (и другихъ зданій?) было употреблено 2012 талантовъ.

2) Paus. I. 22. 5. Lolling, Heroon des Aigeus. Ath. Mitt. XI, стр. 322 сля.

3) Ross-Schaubert-Hansen. Der Tempel der Nike Apteros. Berl. 1839. Балюстрада публикована R. Kekulé. Die Reliefs an der Balustrade der Athena Nike. Stuttgart 1881.

снѣгомъ, аркадской Зиріей (древ. Килленой). Налѣво (т.-е. на югъ и юго-востокъ) черезъ Филопаппъ и другіе холмы видно опять то же море. Контуры пелопоннесскихъ горъ сопровождаютъ и здѣсь взоры наблюдателя. Видны островъ Эгина, берега Пелопоннесской Акте съ Трезеномъ. Гиметтъ своей длинной, однообразной массой, представляетъ здѣсь задній планъ картины. Въ особенности хороша эта картина при закатѣ солнца (ее воспѣваетъ Байронъ въ началѣ 3-й пѣсни своего Корсара), заходящаго за вершины Эгалея. Еще лучше, чѣмъ съ бастіона Ники, наблюдать закатъ солнца со ступеней Парѳенона. Когда свѣтило нижнимъ краемъ своимъ коснется горизонта, тогда совершается какое-то чудо. Все, что есть на Акрополѣ и во всемъ сосѣднемъ пейзажѣ блестящаго или яркаго, загорается будто волшебнымъ огнемъ: горитъ зіяющее пятно каменоломенъ далекаго Пентеликона, горятъ стекла въ домахъ нижняго города, верхи домовъ и купола церквей, горитъ старый Парѳенонъ, точно оживающій на эти нѣсколько мгновеній; колонны его кажутся прозрачными (этотъ феноменъ я наблюдалъ очень много разъ). Но вотъ солнце закатилось. Сразу все покрывается трауромъ. Чернѣе кажется и самая скала Акрополя. А если вы обернетесь на Парѳенонъ, то онъ, только что, казалось, бывшій готовымъ воскреснуть къ новой жизни, кажется суровой, угрюмой массой; могильнымъ памятникомъ угрюмо возвышается онъ среди остатковъ былого величія и славы города своей богини.

Когда вы проходите Пропилеи и вступаете на священную скалу, вашимъ глазамъ представляется слѣдующая картина. Скала замѣтно возвышается отъ Пропилеевъ къ центру Акрополя. Направо, на самомъ высокомъ мѣстѣ, да еще вдобавокъ на крепидомѣ, стоитъ, властно царя надъ всѣмъ окружающимъ, Парѳенонъ. Онъ и теперь импонируетъ зрителю, несмотря на всѣ пронесшіяся надъ нимъ превратности судьбы. Налѣво въ почтительномъ разстояніи отъ Парѳенона высятся стѣны Эрехтейона съ его знаменитымъ портикомъ Каріатидъ. Между Пропилеями и Парѳенономъ все пространство скалы покрыто (по крайней мѣрѣ было въ мое время [1]) разными архитектурными кусками, остатками старыхъ фундамен-

[1]) Въ настоящее время надписи, не имѣющія топографическаго значенія, перевесены въ центральный музей, скульптурные фрагменты въ музеи акрополя, а архитектурныя части разставлены около тѣхъ зданій, къ которымъ онѣ относятся. См. *Δελτ. Ἀρχ.* мѣста, цитированныя въ прим. 4 на стр. 75.

товъ и т. п. Кое-гдѣ въ скалахъ вырублены ступени[1]). Таково первое впечатлѣніе.

Теперь мы возвратимся къ нашему краткому, сухому перечню фактовъ, добытыхъ послѣдними раскопками 1885—1890 гг. раскопками, которыя дѣлаютъ эпоху въ исторіи археологическихъ открытій послѣдняго двадцатилѣтія и результаты которыхъ далеко еще не всѣ должнымъ образомъ утилизированы.

Тотчасъ же вслѣдъ за Пропилеями направо, на нѣкоторомъ возвышеніи, находится священный округъ Артемиды Бравронской. Въ этомъ округѣ найденъ пьедесталъ упоминаемаго здѣсь Павсаніемъ (I. 23, 8) бронзоваго подражанія троянскому коню, съ именемъ жертвователя Харедема с. Евангела изъ Койлы, упоминаемаго у схоліаста Аристофана (Aves 1128). По очищеніи округа отъ массы архитектурныхъ частей, принадлежащихъ Пропилеямъ, въ немъ не найдено никакихъ фундаментовъ храма. Имѣются надписи, заключающія инвентари священныхъ предметовъ, принадлежавшихъ святилищу (C. I. A. II, 751 сл.). Статуя богини, по свидѣтельству Павсанія, принадлежала рѣзцу Праксителя.

Между округомъ Артемиды Бравроніи и Парѳенономъ искали святилища Аѳины Эрганы[2]). Текстъ Павсанія, на которомъ основывается это исканіе, такъ неясенъ, что можно, пожалуй, утверждать, что онъ и не думалъ въ данномъ мѣстѣ ни о какомъ святилищѣ Аѳины Эрганы, а просто, къ слову, упомянулъ, что Аѳина почиталась между прочимъ и подъ такимъ наименованіемъ. Но на Акрополѣ найдено пять надписей[3]), упоминающихъ о посвященіяхъ Аѳинѣ Эрганѣ. Кромѣ того, она же упоминается въ одной надписи, найденной въ Одеонѣ Ирода (C. I. A. II. 1329) и въ одной надгробной надписи (C. I. A. III. 1330), такъ что гдѣ-нибудь на Акрополѣ былъ ея, если не храмъ, то по крайней мѣрѣ алтарь; но гдѣ именно — это кажется мнѣ неразрѣшеннымъ и неразрѣшимымъ вопросомъ, въ виду того, что врядъ ли могутъ быть найдены на Акрополѣ какіе-нибудь новые матеріалы. Въ на-

---

[1]) Наилучшимъ топографическимъ планомъ Акрополя является теперь приложенный къ Stadtgeschichte Curtius'а табл. V.

[2]) Съ легкой руки Ulrichs'а (Reisen und Forschungen II, стр. 148 сл.), впервые объяснившаго крайне темное (и, очевидно, испорченное) мѣсто Павсанія I. 24.

[3]) C. I. A. II. 1429. 1434. 1428. 1438. *Δελτ. Ἀρχ.* 1888 стр. 138. I. Изъ нихъ двѣ къ западу отъ Парѳенона.

стоящее же время не только между Бравроніономъ и Пареенономъ, но и вообще на Акрополѣ не найдено ни храма, ни жертвенника, который можно было бы съ большей или меньшей достовѣрностью приписать Эрганѣ[1]). — Приблизительно на полпути между Пропилеями и Эрехтейономъ находятся давно извѣстные остатки фундамента Аѳины *Πρόμαχος*.

Теперь мы приближаемся къ Пареенону. Послѣднія раскопки, какъ я уже замѣтилъ, дозволили намъ проникнуть въ самую исторію созданія этого храма. Оказывается, что фундаментъ для него былъ заложенъ еще Кимономъ. Это доказываетъ опять Дёрпфельдъ съ его обычной неопровержимой ясностью доводовъ. По свидѣтельству Плутарха (*Cim.* 13) и Непота (*Cim.* 2), Кимонъ построилъ на добычу, взятую при Эвримедонтѣ, южную стѣну Акрополя. Истинное значеніе этой стѣны выяснилось только при раскопкахъ послѣднихъ лѣтъ. Оказывается она не что иное, какъ контрфорсъ, поддерживающій массу земли, насыпанной между нею и фундаментомъ Пареенона. И стѣна и фундаментъ имѣютъ неразрывную связь между собою. Дёрпфельдъ доказалъ, что даже постройка ихъ производилась вполнѣ параллельно, такъ что сначала возводились на одинаковую высоту стѣна и фундаментъ и затѣмъ насыпался слой земли и мусору (въ который входили, между прочимъ и обломки до-персидскихъ скульптуръ и архитектурныхъ частей); потомъ опять стѣна и фундаментъ продолжались, и опять пространство между ними засыпалось и т. д. Между прочимъ найдена между Кимоновской стѣной и фундаментомъ въ нижнихъ слояхъ насыпи еще стѣна, служившая, по всей вѣроятности, для облегченія постройки фундамента, такъ какъ между нею и послѣднимъ, по мѣрѣ его возвышенія, пространство, еще раньше окончанія собственной южной стѣны, заполнялось землей, и такимъ образомъ устранялась необходимость постройки лѣсовъ[2]).

---

[1]) Dörpfeld (Ath. Mitt. XIV. 1889. Chalkothek und Ergane-Tempel), блестящимъ образомъ доказывая, что зданіе, найденное на такъ-называемой террасѣ Аѳины-Эрганы есть халкотека, упоминаемая въ спискахъ сокровищъ богини, отстаиваетъ мнѣніе, что особаго храма Эрганы на Акрополѣ не существовало. Упомянутыя надписи онъ приписываетъ Аѳинѣ Поліадѣ, т.-е. отождествляетъ послѣднюю съ Эрганой, а въ *ναός*, упоминаемомъ въ указанномъ мѣстѣ Павсанія, видитъ до-персидское святилище, что совершенно невѣроятно; см. прим. 3, стр. 82.

[2]) Athenische Mitt. XIII. Litteratur und Funde. Подобный же способъ насыпанія у сѣверной стѣны. Ib. XI, стр. 162 сл.

Фундаментъ Парѳенона — въ высшей степени солидное и искусное сооруженіе. Подъ нимъ скала круто обрывается къ югу, такъ что въ юго-восточномъ углу вышина фундамента доходитъ до 17 рядовъ громадныхъ каменныхъ брусьевъ, тогда какъ на западѣ на скалѣ лежатъ только два ряда этихъ брусьевъ[1]). Отъ описанія самаго Парѳенона я опять-таки здѣсь отказываюсь, такъ какъ онъ извѣстенъ давно ужъ, и новыя раскопки ничего существеннаго не измѣнили въ нашихъ представленіяхъ о его реставраціи. Что касается самой статуи Аѳины-Дѣвы, то о ней или, лучше, объ исторіи ея созданія, проливаетъ новый свѣтъ надпись, главный фрагментъ которой найденъ при новыхъ раскопкахъ[2]).

Къ востоку отъ Парѳенона давно лежалъ большой кусокъ закругляющагося архитрава, принадлежащаго храму Рима и Августа (надпись въ C. I. A. III. 63). При послѣднихъ раскопкахъ обнаружены другія архитектурныя части, дозволяющія реставрировать этотъ храмикъ.

Эрехтейонъ, храмъ Аѳины Поліады и Посидона Эрехтея, несмотря на то, что вся внутренность его была тщательно изслѣдована, остался въ прежнемъ видѣ, и относительно его наши знанія нисколько не увеличились. Большое число архитектурныхъ частей, прежде разбросанныхъ по всей поверхности Акрополя, собрано около храма. Близъ Пропилеевъ найдена большая надпись, передающая новыя подробности о постройкѣ Эрехтейона. Эта надпись присоединяется къ другой подобной, ранѣе уже извѣстной[3]).

Выше я упоминулъ о томъ, что новыя раскопки дали возмож-

---

[1]) Curtius, Stadtgeschichte, рисунки 22 и 23 на страницахъ 128, 129.

[2]) О Парѳенонѣ главное сочиненіе Michaelis, Der Parthenon. Leipzig 1851. Устарѣло. Книга снабжена атласомъ чрезвычайно плохихъ рисунковъ съ скульптуръ Парѳенона, клише которыхъ тѣмъ не менѣе переходятъ изъ книги въ книгу. Много поправокъ и новаго, какъ всегда, внесъ Дёрпфельдъ, Ath. Mitt., VI, стр. 283 сл. Прежде извѣстный фрагментъ надписи: C. I. A. I. 298. Новый: Foucart Bull. de corr. Hellen. 1889, стр. 171, и лучше Köhler, Sitzungsberichte der Berl. Akad. 1889, p. 223. Теперь долженъ быть публикованъ въ третьемъ прибавленіи къ I-му тому C. I. A. (= C. I. A. IV. 3), вышедшему недавно, котораго не имѣю подъ руками.

[3]) Объ Эрехтейонѣ вообще см. литературу у Lolling'a (Iw. Müller's Handb. III, стр. 352) Прежняя надпись о постройкѣ Эрехтейона C. I. A. I. 322. Новая: *Δελτίον* 1888, стр. 87 сл. Ath. Mitt. 1888, стр. 229; 1889, стр. 349 см. комментарій Michaelis'a.

ность узнать до-персидское состояніе Акрополя — и это, можетъ быть, одинъ изъ главнѣйшихъ ихъ результатовъ. Геродотъ, Ѳукидидъ и другіе писатели упоминаютъ о „пеласгической стѣнѣ". Что такое эта пеласгическая стѣна — объ этомъ шли долгіе споры. Одни, какъ Курціусъ [1]) полагали, что стѣна эта должна была окружать Акрополь, другіе видѣли въ этомъ *πελασγικόν* только укрѣпленіе, защищавшее входъ на Акрополь съ западной, наиболѣе доступной стороны [2]). Благодаря послѣднимъ раскопкамъ и этотъ вопросъ выяснился. На всемъ южномъ склонѣ, начиная отъ Пропилеевъ и до зданій музеевъ, найдены остатки этой стѣны, линія которой можетъ быть возстановлена и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она не сохранилась. Къ сѣверу и преимущественно сѣверо-востоку отъ Эрехтейона, между нимъ и стѣной Акрополя найдены остатки зданія такой точно постройки, какъ дворцы Тиринѳа, Микенъ и Трои. Найдены на Акрополѣ и черепки „микенскихъ" сосудовъ. Очевидно въ этихъ остаткахъ зданія надо видѣть дворецъ царей аѳинскихъ, въ которомъ жилъ и Писистратъ. Дворецъ непосредственно соединялся съ святилищемъ покровительницы города и мѣстнаго героя. Здѣсь то и были найдены знаменитыя женскія статуи архаической эпохи, о которыхъ я упоминалъ въ первой книжкѣ нашего журнала.

Но самымъ блестящимъ и неожиданнымъ открытіемъ въ теченіе всѣхъ раскопокъ было открытіе главнаго до-персидскаго святилища, лежащаго между позднѣйшимъ Эрехтейономъ и Парѳенономъ, вплоть около перваго и даже отчасти подъ его фундаментомъ. Прежде на планахъ Акрополя здѣсь обозначалась терраса передъ Эрехтейономъ. Честь открытія и объясненія плана этого святилища принадлежитъ тому же Дёрпфельду [3]). Его целла, съ совершенно

---

[1]) E. Curtius. Eleusinion und Pelargikon. Sitzungsber. der Berl. Akad. 1884, стр. 499 сл.

[2]) C. Wachsmuth, Stadt Athen. I, стр. 289 сл. Lolling у Iw. Müller'a стр. 338, прим. 1.

[3]) Ath. Mitt. X, стр. 275 сл.; XI, 337 сл.; XII, стр. 25 сл. Дёрпфельдъ увлекся своимъ открытіемъ и выставилъ совершенно невѣроятное предположеніе, что этотъ храмъ существовалъ и въ историческое время на ряду съ Парѳенономъ и Эрехтейономъ и даже, что его видѣлъ и упоминаетъ Павсаній. Противъ этого Petersen ibid. XII, стр. 62 сл. На основаніи послѣ того найденной надписи Lolling заключилъ, что этотъ храмъ тождественъ съ упоминаемымъ въ надписяхъ Гекатомпедомъ (*Ἑκατόμπεδον*. Αѳ. 1890. изъ *Ἀθηνᾶ* 1890, стр. 627). Дёрпфельдъ

особымъ внутреннимъ раздѣленіемъ, происходитъ, по мнѣнію Дёрпфельда, изъ до-писистратовскихъ временъ. При этомъ послѣднемъ древнее святилище, можетъ быть тождественное съ упоминаемымъ Гомеромъ „славнымъ домомъ Эрехтея“, было возвеличено и украшено. Вокругъ него былъ выстроенъ портикъ, и на этомъ портикѣ надъ древнимъ храмомъ вознеслась новая крыша, уже съ мраморными метопами и съ скульптурами, остатки которыхъ, какъ удалось показать Студничкѣ[1]), сохранились еще до насъ. Это-то и есть *μέγαρον*, сожженный персами. Извѣстные слѣды спора Аѳины съ Посидономъ — маслина и источникъ морской воды находились непосредственно къ сѣверу отъ храма, и лишь въ позднѣйшее время надъ этими святынями былъ выстроенъ извѣстный намъ Эрехтейонъ. Храмъ съ находящимся съ нимъ въ непосредственной связи царскимъ дворцомъ былъ соединенъ съ нижнимъ городомъ тремя ходами посредствомъ лѣстницъ, изъ которыхъ только одна была извѣстна до послѣднихъ раскопокъ. Кромѣ храма и дворца на до-персидскомъ Акрополѣ было еще нѣсколько зданій (до насъ дошли фрагменты семи различныхъ карнизовъ[2]), ни мѣста, ни назначенія которыхъ нельзя опредѣлить. Къ этимъ зданіямъ, разумѣется, принадлежали и тѣ туфовые фронтонные рельефы, о которыхъ я упоминалъ въ первой статьѣ.

Бросаютъ свѣтъ раскопки и на то, какъ возстановляли аѳиняне свой кремль послѣ персидскаго погрома. До Кимона, повидимому, ограничились провизорнымъ возстановленіемъ храма. Лишь этотъ послѣдній задумалъ превратить Акрополь изъ крѣпости, чѣмъ онъ былъ раньше (теперь онъ потерялъ это значеніе, такъ какъ весь городъ былъ окруженъ Ѳемистокловой стѣной), въ религіозный центръ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ памятникъ великой борьбы съ персами. Съ этой послѣдней цѣлью были вставлены въ сѣверо-западную часть стѣны значительныя части фриза до-персидскаго святилища, чтобы онѣ служили вѣчнымъ напоминаніемъ о святотатствѣ варваровъ. Сѣверо-восточная часть перибола замка, какъ прекрасно показалъ Дёрпфельдъ, сооружена въ болѣе позднее, повидимому, Периклов-

---

возражалъ ему въ Ath. Mitt. XV (1890) стр. 421 сл. Предположеніе Дёрпфельда отчасти принято E. Curtius'омъ, Stadtgeschichte стр. 182.

1) Ath. Mitt. XI. 185 сл.

2) Ath. Mitt. XI. 162 сл.

ское время. Въ эту часть вставлены неканеллированные жернова колоннъ, но уже не изъ туфа, каковы были колонны до-персидскаго святилища, а изъ мрамора. И размѣръ, и матеріалъ, и неоконченное состояніе этихъ жерновов неоспоримо доказываютъ, что они предназначались для прерваннаго постройкою Кимоновскаго Парѳенона.

Такимъ образомъ чисто техническія наблюденія срываютъ самымъ неожиданнымъ образомъ печати съ казавшейся навсегда закрытою для насъ книги — древнѣйшей исторіи города Аѳинъ.

А. Щукаревъ.

Изъ Аѳинъ.

Засѣданіе французской археологической школы, происходившее ${}^{15}/_{27}$ января, отличалось большимъ оживленіемъ. По обыкновенію собралось значительное число какъ археологовъ-спеціалистовъ, такъ и любителей. Вниманію ихъ были предложены три реферата.

Первый принадлежалъ члену французской школы Жубену (Joubin), который излагалъ свои соображенія относительно одной критской архаической статуи, относя ее къ такъ-называемому дедалическому стилю, процвѣтавшему на островѣ Критѣ въ VII вѣкѣ до Р. Х. Сравнивъ упомянутую статую съ произведеніями ваянія въ Аттикѣ, Беотіи и Аркадіи, онъ пришелъ къ заключенію о вліяніи критской школы на произведенія искусства указанныхъ областей материковой Греціи.

Послѣ Жубена говорилъ директоръ французской школы Омолль (Homolle). Рефератъ его имѣлъ главнымъ образомъ эпиграфическій интересъ. Какъ спеціально занимающійся эпиграфикой, я не могу отказать себѣ въ удовольствіи остановиться нѣсколько подробнѣе на рефератѣ этого извѣстнаго своей талантливостью ученаго.

Въ Bullet. de corr. hell. XI (1887), p. 275 (Fouilles de Délos) Фужеръ (Fougères) опубликовалъ найденную имъ на островѣ Миконѣ надпись, первая строка которой гласитъ:

ιδι μερανωι και θεαις νυνφα

Издатель дополнилъ ее слѣдующимъ образомъ: Τῶ]ι Δὶ Μερανῶι καὶ θεαῖς νύνφα[ις, замѣтивъ, что «l'épithète de Μερανός appliquée à Ζεύς se rencontre ici pour la première fois, du moins à ma connaissance».

Въ Rev. critique того же года С. Ренакъ (Salomon Reinach) предложилъ такое чтеніе упомянутой надписи:

Ἴσ]ιδι [κοι]ράνῳ κτλ.

Стараясь оправдать свое безцеремонное отношеніе къ тексту копіи и защитить предположенный имъ необычный титулъ богини, онъ писалъ: «L'épithète κοίρανος, appliquée à Osiris, se lit dans une inscription grecque du Musée du Louvre» (C. I. G. № 3724)... Замѣтимъ отъ себя, что Ренакъ здѣсь не совсѣмъ точно выражается: въ указанной имъ надписи Οσειρις называется „πατὴρ χρυσοστέφανος, πολύσεμνος" (vs. 3), но эпитетъ „κοίρανος ἀθανάτων" принадлежитъ Аммону (vs. 5); далѣе, въ той же надписи упоминается и Исида, но какъ „μάκαιρα θεά, μήτηρ πολυώνυμος" (vs. 6).

Вмѣсто чтеній Фужера и Ренака Омолль предложилъ свое:

Δι]ὶ Διμερανῷ κτλ.,

основываясь на надписи, опубликованной у Le Bas, Voyag. arch. II (2) Moesie inférieure № 1572.

ΔΙΙ ΔΙΜΕΡΑΝΩ
ΧΡΥΣΙΩΝ ΕΥΧΗΝ
ΑΝΕΘΗΚΕΝ

Чтеніе Омолля можно привѣтствовать какъ вполнѣ несомнѣнное. Ζεὺς Διμερανός, вѣроятно, названъ такъ по мѣстности, гдѣ почитался; срв. Ζεὺς Φρύγιος, Λαβρανδεύς и т. п.

Другая догадка Омолля касается одного слова, встрѣчающагося въ давно извѣстной надписи (tabulae Heracleenses) и для всѣхъ толкователей представлявшаго камень преткновенія.

Ради удобства читателей приведемъ здѣсь нѣсколько строкъ, среди которыхъ находится упомянутое слово:

αἰ δέ τίς κα ἐπιβῆι ἢ νέμει ἢ φέρει τι τῖν ἐν τᾶι ἱαρᾶι
γᾶι ἢ τῶν δενδρέων τι κόπτηι ἢ θραύηι ἢ πριῶι ἢ ἄλλο τι
σινήται, ὁ μεμισθωμένος ἐγδικαξή-
ται ὡς *πολιστων* καὶ ὅτι κα λάβει, αὐτὸς ἑξεῖ.

Цитируемъ по сборнику «Inscriptiones graecae Siciliae et Italiae... ed. G. Kaibel 1890» № 645 (I) vs. 128 — 130 = C. I. G. № 5774 = = Cauer Delectus² № 40.

Кайбель въ примѣчаніи къ vs. 130 говоритъ: „πολιστων latet sive corruptela sive lacuna». У Кауера послѣ πολιστων стоитъ знакъ вопроса и въ примѣчаніяхъ ничего не сказано объ этомъ словѣ, Францъ же, вполнѣ справедливо указывая на невозможность чтенія πολιστῶν[1]) (отъ сомнительнаго πολίστης) въ надписи дорическаго діалекта, предлагаетъ [ἀ]πολίστων („ἀπόλιστος, i. e. ἄπολις eo fere sensu dictum, quo dicitur περιπολιστικός circumforaneus»). Омолль, не измѣняя текста надписи, видитъ въ πολιστων превосходную степень прилаг. πολύς и читаетъ πολίστων. Хотя такая форма вм. πλεῖστος нигдѣ, насколько намъ извѣстно, не встрѣчается, однако образованіе ея не представляетъ ничего страннаго, являясь вполнѣ аналогичнымъ общеизвѣстнымъ образованіямъ типа τάχιστος отъ ταχύς, ἥδιστος отъ ἡδύς и т. п.

Обратимся къ тексту приведенныхъ выше строкъ надписи. Смыслъ ихъ ясенъ: въ случаѣ преступныхъ дѣйствій какихъ-либо злоумышленниковъ противъ арендуемой священной земли, арендаторъ ея въ правѣ совершить дѣло правосудія, т.-е. отомстить злодѣямъ (ὡς πολίστων = ὡς πλείστων = какъ можно сильнѣе, по мнѣнію Омолля) и, что бы ни взялъ у нихъ, можетъ этимъ владѣть самъ.

Долженъ замѣтить, что, соглашаясь съ Омоллемъ относительно толкованія πολιστων, мы ожидали бы въ указанномъ мѣстѣ скорѣе ὡς πόλιστα = ὡς πλεῖστα. Можно, конечно, съ натяжкой разсматривать πολίστων, какъ зависящее отъ ἐγδιχαξή-ται, но нельзя ли проще объяснить такъ затруднявшее всѣхъ толкователей слово? Я осмѣливаюсь предложить слѣдующую гипотезу: πολιστων не одно слово, какъ полагаютъ обыкновенно, а два, именно πόλις и τῶν = τούτων. Употребленіе члена въ значеніи указательнаго мѣстоименія мы встрѣчаемъ въ этой же самой надписи (напр., vs. 107 sq. ἂν αὐτὰ τὰ......, ἂν ἃ καὶ.... = сообразно съ самымъ тѣмъ же = тѣмъ же образомъ vs. 126 ἂν αὐτὰ σὲ τὰ καὶ εἴ τινες....). При такомъ пониманіи выраженіе „ἐγδιχαξήται ὡς πόλις τῶν“ получитъ смыслъ: «можетъ совершить дѣло правосудія, какъ городъ ихъ», т.-е. злоумышленниковъ (городъ, къ которому принадлежатъ они) совершилъ бы это дѣло. Арендатору такимъ образомъ для защиты отъ воровъ, грабителей, разбойниковъ предоставляются такія права, какія обыкновенно принадлежатъ не частному человѣку, но судебной власти

---

[1]) У Гесихія до исправленія Фосса читали: „πολίστην· Σικελίαν ἀντὶ τοῦ νήσου“ вм. πόλις τὴν κτλ. Hesych. Alex. lex. M. Schmidt s. v. πόλις. Въ Steph. Thesaurus подъ сл. πολίστης между прочимъ сказано: „scriptura, ut videtur, vitiosa pro πολιτῶν“.

въ государствѣ, предоставляется право собственнаго суда, т.-е. мести. Это узаконеніе безнаказаннаго самосуда въ крайнихъ случаяхъ прекрасно иллюстрируется словами: „καὶ ὅτι κα λάβει, αὐτὸς ἕξεῖ". Мое чтеніе просто и не требуетъ введенія необычныхъ грамматическихъ формъ. Правда, простое не всегда синонимъ истиннаго, но, какъ бы то ни было, представляю свою догадку на судъ читателей.

Въ концѣ своего реферата Омолль предложилъ новое исправленіе текста Paus. Descr. Graeciae I, XXIV, 3: ΣΠΟΥΔΑΙΩΝ ΕΛΑΙΑ вмѣсто традиціоннаго Σπουδαίων δαίμων. Извѣстно, что это мѣсто издавна считалось испорченнымъ и вызывало разнообразныя поправки (напр. Ἰουδαίων δαίμων, ὁ Βουταδῶν δαίμων, Ὑπουδαίων δαίμ. и т. п.). Въ виду того, что обсужденіе конъектуры Омолля вывело бы насъ за рамки настоящей краткой корреспонденціи, мы обратимся теперь къ реферату, которымъ закончилось засѣданіе французской школы. Онъ принадлежалъ ординарному директору американской археологической школы Вальдштейну. Во время раскопокъ, произведенныхъ американской школой на островѣ Эвбеѣ (въ мѣстности древней Эретріи), открыто было нѣсколько древнихъ могилъ и въ одной изъ нихъ небольшая статуя, два стиля и перо. Надгробная надпись гласила:

Βιότη Ἀριστοτέλου.

Это было около времени опубликованія въ свѣтъ новооткрытаго сочиненія Аристотеля. Вальдштейнъ высказалъ тогда предположеніе, что въ указанныхъ выше могилахъ покоится прахъ великаго философа и его семейства. Но скоро противъ этого мнѣнія приведены были вѣскія возраженія[1]), и сомнѣнія не разсѣялись до сихъ поръ. Въ своемъ рефератѣ Вальдштейнъ поставилъ себѣ цѣлью, ослабивъ силу упомянутыхъ возраженій, указать на «вѣроятность» мнѣнія, котораго онъ держится. Особенной убѣдительностью доводы его не отличались. То обстоятельство, что въ могилѣ найдены два стиля и перо, заставляетъ видѣть въ покойникѣ какого-либо литературнаго дѣятеля (философа, оратора и т. п.), но былъ ли это Аристотель или иной кто, остается неизвѣстнымъ.

Въ заключеніе своей корреспонденціи сообщу читателямъ печальную новость. $^{16}/_{28}$ января въ $5^{1}/_{2}$ часовъ пополудни скончался въ Аѳинахъ из-

[1]) α) Аристотель скончался въ Халкидѣ, а не въ Эретріи, β) нельзя доказать, что Аристотель надгробной надписи — лицо тождественное философу Аристотелю, γ) отсутствіе данныхъ, подтверждающихъ, что статуя — изображеніе именно Аристотеля.

вѣстный поэтъ, публицистъ, ученый и государственный дѣятель Александръ Ризо Рангависъ (Ἀλέξανδρος Ῥίζος Ῥαγκαβῆς) послѣ долгой восьмидесятитрехлѣтней жизни, всецѣло посвященной имъ на пользу родной страны. Родился онъ 23 декабря 1809 г. въ Фанарѣ. Когда вспыхнуло греческое возстаніе и полились потоки христіанской крови, семейство Рангависовъ, бѣжавъ изъ Константинополя, нашло себѣ пріютъ въ нашей Одессѣ, гдѣ и получилъ будущій славный дѣятель, тогда еще мальчикъ, свое первоначальное образованіе. Отсюда онъ отправился въ Мюнхенъ для поступленія въ военную школу. Возвратившись на родину при Каподистріи, онъ первое время служилъ въ военной службѣ, но весьма недолго. Отдавшись природнымъ влеченіямъ къ литературной и научной дѣятельности, Рангависъ скоро занялъ постъ профессора археологіи. Пользуясь постоянно уваженіемъ и любовью греческаго общества, онъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и затѣмъ народнаго просвѣщенія, однимъ изъ главныхъ редакторовъ журнала „η Πανδώρα“. Съ 1860-хъ гг. начинается его дѣятельность на дипломатическомъ поприщѣ: онъ былъ посланникомъ и во Франціи, гдѣ пользовался необыкновенной популярностью, благодаря своему остроумію, и въ Америкѣ, и въ Турціи, и въ Германіи, откуда воротился въ Грецію только 4 года тому назадъ. Литературно-научная дѣятельность Рангависа была необыкновенно разнообразна: онъ писалъ драмы и лирическія стихотворенія, публицистическія статьи, ученые трактаты по топографіи, исторіи греческаго искусства, эпиграфикѣ и т. п. Кто изъ археологовъ не знаетъ его «Antiquités Helléniques»? Ему же принадлежитъ идея основанія греческаго археологическаго общества. На торжественныя похороны Рангависа, происходившія 17 января, собралась масса народу. Миръ праху твоему, неустанный труженикъ!

С. Селивановъ.

Аѳины, $^{13}/_{20}$ января 1892 г.

Общество археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

Засѣданіе 19 декабря 1891 г.

Дѣйствительный членъ Общества В. В. Латышевъ сдѣлалъ сообщеніе о весьма интересной греческой надписи, найденной недавно при раскопкахъ, производимыхъ Императорской Археологической Коммиссіей въ мѣстности древняго Херсонеса Таврическаго, близъ нынѣшняго Севастополя. Большая мраморная плита, на которой была вырѣзана надпись, найдена разбитою на двѣ части, но отъ этого пострадала только одна строка, содержаніе которой легко можетъ быть возстановлено. По мнѣнію докладчика, надпись относится приблизительно къ 1-й половинѣ III вѣка до Р. Хр. Она содержитъ въ себѣ полный текстъ присяги, которую давали всѣ граждане, по всей вѣроятности, по достиженіи гражданскаго совершеннолѣтія. Именами Зевса, Земли, Солнца, Дѣвы (мѣстной богини), боговъ и богинь олимпійскихъ и мѣстныхъ героевъ, они клялись единодушно пещись о благосостояніи и свободѣ города и гражданъ, не измѣнять отечеству и не предавать въ руки враговъ ни одного изъ его владѣній, не нарушать демократическаго образа правленія и не дозволять другимъ измѣны или нарушенія формы правленія, но своевременно доводить о подобныхъ замыслахъ до свѣдѣнія даміурговъ (высшихъ магистратовъ), въ случаѣ выбора въ число даміурговъ или членовъ государственнаго совѣта исполнять эти должности какъ можно лучше и справедливѣе, никому не выдавать государственныхъ тайнъ во вредъ городу, не брать и не давать съ подобною цѣлью взятокъ, не злоумышлять противъ отдѣльныхъ честныхъ гражданъ и не давать другимъ злоумышлять, но доводить о злоумышленникахъ до свѣдѣнія государственной власти и судить ихъ по законамъ, не вступать въ заговоры противъ отечества или отдѣльныхъ честныхъ согражданъ, а о существующихъ заговорахъ доводить до свѣдѣнія даміурговъ, наконецъ не нарушать существующихъ правилъ о хлѣбной торговлѣ.

Въ своемъ комментаріи къ этой надписи, докладчикъ выяснилъ ея значеніе какъ вообще для греческихъ государственныхъ древностей, такъ и въ частности для пополненія нашихъ свѣдѣній объ исторіи, государственномъ устройствѣ и религіи Херсонеса. Текстъ надписи съ переводомъ и комментаріемъ г. Латышева будетъ напечатанъ въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ «Матеріаловъ для археологіи Россіи», издаваемыхъ Императорскою Археологическою Коммиссіею.

Императорское Московское Археологическое Общество.

Засѣданіе 20 декабря 1891 г.

Въ апрѣлѣ 1891 года въ селѣ Парутинѣ, отстоящемъ въ одной верстѣ отъ городища древней Ольвіи, сдѣлана была находка весьма интересныхъ древностей, пріобрѣтенныхъ вслѣдъ за тѣмъ московскимъ коллекціонеромъ Д. А. Постниковымъ. Обнаружены были древности въ античной усыпальницѣ, раскопанной мѣстными крестьянами, состоявшія изъ деревяннаго ложа, истлѣвшіе куски котораго еще видѣлъ впервые обратившій вниманіе на эти предметы А. В. Орѣшниковъ, изъ бронзовыхъ ножекъ ложа, различныхъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній, покрывавшихъ тѣло покойницы (судя по украшеніямъ, это непремѣнно должна была быть женщина), монеты, находившейся во рту ея, и нѣсколькихъ глиняныхъ сосудовъ, размѣщенныхъ вокругъ трупа.

Докладу объ этихъ древностяхъ и посвящено было засѣданіе Московскаго Археологическаго Общества, при чемъ интересъ его возвышался тѣмъ, что, судя по слухамъ, большинство петербургскихъ археологовъ, членовъ Археологической Коммиссіи, отнеслось съ величайшимъ сомнѣніемъ къ коллекціи г. Постникова и видѣло въ вещахъ, ее составляющихъ, грубую италіанскую поддѣлку.

Докладчиками были хранитель Историческаго музея А. В. Орѣшниковъ и проф. А. Н. Шварцъ.

Сообщивъ подробности о мѣстѣ находки и обстоятельствахъ, при коихъ найдены были вещи, А. В. Орѣшниковъ, докладывавшій первымъ, остановился главнымъ образомъ на золотыхъ и серебряныхъ вещахъ клада. По его мнѣнію, наиболѣе оригинальной подробностью погребенія было покрытіе лица покойницы золотыми тонкими пластинками съ контурными очертаніями глазъ, рта и ушей. Нѣкоторую аналогію этимъ украшеніямъ онъ могъ найти только въ тѣхъ подражаніяхъ головной прическѣ, которыя найдены были въ гробницѣ Павловскаго кургана, близъ Керчи, и въ курганѣ «Большой Близницы». Подражанія изъ золота или другого металла отдѣльнымъ частямъ лица до сихъ поръ находимо не было и, какъ полагалъ г. Орѣшниковъ, найденныя украшенія лица покойницы могли быть сравнены только съ тѣми погребальными масками, которыя въ разное время находимы были какъ въ предѣлахъ южной Россіи, такъ и въ разныхъ мѣстностяхъ западной Европы.

Подвергнувъ обстоятельному разбору наиболѣе извѣстные типы такихъ масокъ, докладчикъ находилъ возможнымъ допустить предположеніе, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ замѣной болѣе обычнаго украшенія лица покойника, вызванной, быть можетъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ печальную для Ольвіи эпоху, къ которой относилъ докладчикъ зарытіе могилы, едва ли можно было найти въ данной мѣстности золотыхъ дѣлъ мастера для изготовленія настоящей маски.

Въ работѣ золотыхъ листьевъ вѣнца покойницы, въ серьгахъ, вдѣтыхъ въ ея уши, и въ серебряномъ, сильно окислившемся медальонѣ обронной работы, г. Орѣшниковъ находилъ мало замѣчательнаго; въ ожерельѣ онъ указывалъ на несомнѣнные признаки упадка вкуса и на пристрастіе къ цвѣтнымъ стекламъ, покрывающимъ отдѣльныя части этого шейнаго убора. Особеннаго вниманія, по его мнѣнію, заслуживаетъ только одна изъ привѣсокъ ожерелья, имѣющая форму бабочки съ распущенными крыльями, хотя болѣе по способу ея выполненія, нежели по значенію, ибо какой-либо религіозный или профилактическій характеръ украшеніе это, какъ думаетъ г. Орѣшниковъ, врядъ ли имѣло.

Затѣмъ, въ заключеніи своего доклада, г. Орѣшниковъ очень подробно остановился на монетѣ Харона, найденной въ черепѣ покойницы. Монета эта серебряная, чеканенная въ Ольвіи, и имѣетъ на лицевой сторонѣ голову Аполлона, на оборотной лиру. Для опредѣленія эпохи погребенія монета имѣетъ большое значеніе. По стилю своему она можетъ быть отнесена къ I столѣтію до Р. Хр., но клеймо, находящееся на лицевой ея сторонѣ, показываетъ, по мнѣнію г. Орѣшникова, что она признана была годной къ обращенію много лѣтъ спустя. Принимая, поэтому, въ соображеніе историческія судьбы Ольвіи, докладчикъ находилъ возможнымъ опредѣлить съ достаточной вѣроятностью эпоху погребенія I вѣкомъ по Р. Хр.

Къ вопросу о возможности поддѣлки г. Орѣшниковъ отнесся съ большой осторожностью и въ различныхъ мѣстахъ своего доклада привелъ цѣлый рядъ соображеній, говорящихъ за подлинность коллекціи.

Докладъ проф. Шварца посвященъ былъ глиняннымъ сосудамъ коллекціи, коихъ, за исключеніемъ небольшой римской лампочки, найдено было три: одна небольшая ваза съ тисненымъ орнаментомъ обычной работы позднѣйшаго времени, сосудъ для мазей въ формѣ довольно грубо изваяннаго льва и наконецъ ваза необычной формы, напоминающей наши кружки, покрытая зеленой глазурью и украшенная рельефнымъ изображеніемъ суда Париса.

Противъ подлинности этой вазы, составляющей, по мнѣнію докладчика, наиболѣе цѣнный предметъ всей коллекціи, особенно рѣшительно высказывались петербургскіе археологи.

Сомнѣнія ихъ основывались, какъ сообщилъ г. Шварцъ, главнымъ образомъ на необычномъ трактованіи сюжета въ рельефѣ, украшающемъ вазу; но, кромѣ того, смущала Археологическую Коммиссію, повидимому, и весьма оригинальная техника вазы.

На этихъ двухъ пунктахъ поэтому сосредоточились и замѣчанія докладчика. Представивъ подробное описаніе рельефа и краткій историческій очеркъ изображенія суда Париса на греческихъ вазахъ, онъ прежде всего остановилъ вниманіе присутствующихъ на раздѣленіи всей сцены на двѣ обособленныя группы, обстоятельство, само по себѣ не лишенное значенія при опредѣленіи времени изготовленія вазы. Затѣмъ, на основаніи нѣкоторыхъ особенностей въ изображеніи Гермеса, заключая о комическомъ характерѣ обѣихъ частей сцены, г. Шварцъ попытался разъяснить значеніе отдѣльныхъ фигуръ въ группѣ трехъ богинь, занимающихъ переднюю часть вазы, и обстоятельно истолковать и тотъ грубо-циничный жестъ (ἀνάσυρμα), который дѣлаетъ занимающая центральное мѣсто сцены Гера. Комическое трактованіе такой опошлившейся отъ частаго изображенія сцены, какъ судъ Париса, по мнѣнію докладчика, не должно удивлять насъ: аналогія для него существуетъ. Важно только прослѣдить, гдѣ и подъ какимъ вліяніемъ могла возникнуть травестія этого сюжета въ томъ видѣ, какъ мы ее наблюдаемъ на этой вазѣ. Различныя соображенія привели г. Шварца къ заключенію, что могла она возникнуть скорѣе всего въ гелленистическихъ государствахъ, особенно въ Александріи, и оттуда перейти къ римлянамъ.

Техника вазы, по его мнѣнію, такого же происхожденія, но такъ какъ по поводу этой техники далеко еще не достигнуто соглашенія даже между выдающимися археологами, то докладчикъ очень подробно остановился на разборѣ различныхъ сортовъ гелленистической и римской глазури и на тѣхъ памятникахъ, которые представляютъ аналогію съ найденной въ Парутинѣ вазой. Въ заключеніе г. Шварцъ привелъ нѣкоторыя данныя, на основаніи которыхъ онъ рѣшается помышлять о сравнительно позднемъ изготовленіи этого сосуда (онъ тоже высказывается за I-й вѣкъ по Р. Хр.) и вкратцѣ резюмировать доказательства, которыя, по его мнѣнію, говорятъ противъ мысли о поддѣлкѣ.

Надо надѣяться, что Московское Археологическое Общество не задержитъ опубликованіе означенныхъ докладовъ съ нужными рисунками и что такимъ образомъ откроется путь для научнаго обсужденія вопроса о происхожденіи этихъ крайне-интересныхъ древностей.

Засѣданіе 31 января 1892 г.

По открытіи засѣданія проф. И. В. Цвѣтаевъ, напомнивъ Обществу о предстоящемъ 13 февраля пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ ученой дѣятельности Н. М. Благовѣщенскаго, указалъ въ историческомъ очеркѣ на научныя и педагогическія заслуги юбиляра и предложилъ избрать его въ дѣйствительные члены Общества. Предложеніе это было принято единогласно.

А. М. Мироновъ сдѣлалъ сообщеніе: «Загробная жизнь въ изображеніяхъ греческой живописи на вазахъ». Референтъ подробно изложилъ платоновскіе миѳы о загробной жизни по діалогамъ «Федонъ» и «Государство» и, поставивъ въ связь съ этими миѳами вазовыя изображенія, изъ которыхъ нѣкоторыя, наиболѣе извѣстныя, и были имъ при этомъ описаны и показаны, старался объяснить какъ сходство, такъ и различіе въ той и другой передачѣ воззрѣній на загробную жизнь. — Въ возникшихъ по поводу доклада преніяхъ проф. П. Г. Виноградовъ указалъ референту на то, что сопоставлять съ вазовыми изображеніями слѣдовало не платоновскіе миѳы, которыхъ нельзя выдавать за народныя воззрѣнія, а гомеровскую *νέκυια;* тогда не затруднительно было бы объяснить то отсутствіе дѣленія загробнаго міра на мѣстопребываніе добрыхъ и злыхъ, которое такъ ярко проглядываетъ въ вазовой живописи. Проф. И. В. Цвѣтаевъ также указалъ на недостаточно ярко проведенную референтомъ границу между воззрѣніями народа и философовъ.

В. М. Сысоевъ прочелъ сообщеніе: «Греческія клейма на ручкахъ амфоръ и черепицахъ изъ южной Россіи». — Въ настоящее время существуетъ около 6000 ручекъ отъ родосскихъ, книдскихъ и друг. амфоръ; въ московскихъ музеяхъ ихъ есть болѣе 600, и всѣ онѣ найдены въ древней Ольвіи, Керчи и другихъ мѣстахъ южной Россіи. Референтъ подробно остановился на надписяхъ этихъ ручекъ, въ которыхъ обозначается мѣсяцъ, когда амфора была сдѣлана, имя городского магистрата, налагавшаго клеймо, иногда и имя мастера и мѣсто производства.

Наконецъ В. И. Сизовъ по поводу сдѣланнаго А. Н. Шварцемъ въ прошломъ засѣданіи сообщенія о парутинской вазѣ съ остатками зеленой глазури замѣтилъ, что въ собраніяхъ Историческаго Музея есть такая же ваза, найденная въ Грузіи въ древнемъ могильникѣ, относимомъ къ V—I в. до Р. Х., и что это обстоятельство служитъ подтвержденіемъ мнѣнія А. Н. Шварца о древности парутинской находки и, можетъ быть, указаніемъ на одновременное вліяніе на южную Россію и кавказской культуры.

Николай Михайловичъ Благовѣщенскій.

По поводу пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности.

13 февраля текущаго года исполняется 50 лѣтъ со времени вступленія Николая Михайловича Благовѣщенскаго на ученое поприще. Считаемъ поэтому своимъ долгомъ посвятить нѣсколько строкъ имени этого старѣйшаго изъ русскихъ филологовъ, отдающихъ силы свои изученію античнаго міра, и много потрудившагося для отечественной науки, литературы и университетской школы въ этомъ направленіи.

Н. М. Благовѣщенскій родился 2 апрѣля 1821 г. въ С.-Петербургѣ, въ духовной семьѣ. По достиженіи имъ отроческаго возраста, онъ помѣщенъ былъ въ Главный Педагогическій Институтъ, гдѣ и получилъ среднее и высшее образованіе. Пребываніе будущаго филолога въ этомъ заведеніи совпало съ лучшей порою этого учрежденія, когда во главѣ его стоялъ Ѳ. И. Мейендорфъ, человѣкъ широкаго образованія и большихъ административныхъ дарованій. Благодаря его непреклонной энергіи, лучшіе студенты Историко-Филологическаго отдѣленія Института выносили отсюда не только основательное теоретическое знаніе древнихъ языковъ, но и практическое владѣніе латинскою рѣчью, подобно тому какъ всѣ лучшіе студенты пріобрѣтали здѣсь возможность практическаго изученія французскаго и нѣмецкаго языка. Питомцы этого почтеннаго заведенія послѣ не только свободно читали на этихъ языкахъ, но и бѣгло говорили на нихъ.

По окончаніи курса въ 1841 г., г. Благовѣщенскій, какъ одинъ изъ лучшихъ кандидатовъ выпуска, отправленъ былъ за границу на три года для приготовленія къ профессорскому званію. Спеціально рекомендованный Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія

особому покровительству знаменитаго въ то время лейпцигскаго профессора Отфрида Германа, онъ провелъ подъ его руководствомъ въ Лейпцигѣ два года, слушая лекціи всѣхъ профессоровъ классической филологіи, археологіи и древней философіи и участвуя въ ихъ приватныхъ семинаріяхъ. На третій годъ нашъ молодой ученый переселился въ Гейдельбергъ, гдѣ въ то время пользовался большой славою именитый Крейцеръ. Вліянію этого профессора г. Благовѣщенскій обязанъ тѣмъ живымъ интересомъ къ художественной археологіи, который съ самыхъ первыхъ поръ своей учено-литературной дѣятельности онъ сохранилъ до дней маститой старости, доказавъ здѣсь и любовь, и изящный вкусъ, и знаніе памятниковъ античнаго искусства.

По возвращеніи изъ за границы, г. Благовѣщенскій читалъ пробную лекцію, по заведенному тогда порядку, въ Академіи Наукъ на латинскомъ языкѣ и затѣмъ получилъ назначеніе въ Императорскій Казанскій университетъ на каѳедру римской словесности. Здѣсь, какъ видно изъ воспоминаній современниковъ, онъ сразу занялъ выдающееся положеніе среди другихъ членовъ факультета особою любовью къ своей наукѣ и тѣмъ даромъ изящнаго слова, который всегда сопровождалъ его на лекціяхъ, публичныхъ и университетскихъ. Вотъ, напримѣръ, въ какихъ словахъ вспоминаетъ о немъ на страницахъ „Волжскаго Вѣстника" почтенный авторъ исторіи Казанскаго университета, заслуженный профессоръ Н. Н. Буличъ по поводу появленія послѣдней книги нашего ученаго: „Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры". Начавши рѣчь съ благотворнаго вліянія на университетъ извѣстнаго юриста и уже давно умершаго Д. И. Мейера, этого въ свое время Грановскаго, дѣятельность котораго, благодаря многочисленнымъ воспоминаніямъ его слушателей, стала ясною и для позднѣйшихъ поколѣній Казани, профессоръ Буличъ продолжаетъ: „Н. М. Благовѣщенскій, товарищъ Мейера, самый близкій къ нему человѣкъ, подобно ему явившійся прямо изъ-за границы, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ приготовленія въ нѣмецкихъ университетахъ у первыхъ классическихъ филологовъ того времени, на каѳедру римской словесности, внесъ такое же оживленіе въ эту каѳедру, какое вносилъ съ своей стороны въ юридическій факультетъ его товарищъ и другъ, Мейеръ. До Н. М. Благовѣщенскаго каѳедры классическихъ языковъ и литературъ заняты

были нѣмецкими профессорами; русскіе ученые никогда не занимали ихъ до того времени. Н. М. Благовѣщенскій принесъ съ собою интересъ къ наукѣ; онъ умѣлъ занять своихъ слушателей предметомъ и оставилъ, несмотря на краткость пребыванія своего въ Казани, глубокій слѣдъ въ тѣхъ слушателяхъ, которые имѣли счастіе учиться у него. Не даромъ Казанскій университетъ въ недавнее время включилъ Н. М. въ число своихъ почетныхъ членовъ. Намъ, знавшимъ его въ тѣ далекіе годы, когда началась его ученая карьера, живо припомнилось то одушевленіе, которое вносилъ онъ въ свою аудиторію, когда мы прочитали послѣднюю его книжку о позднихъ эпохахъ греческой скульптуры. Онъ остался вѣренъ самому себѣ и тому направленію науки, которое онъ усвоилъ въ строгой германской школѣ. Ничего подобнаго до него не было въ Казанскомъ университетѣ. Онъ первый заговорилъ о художественныхъ образахъ классической скульптуры, съ которыми только что познакомился въ европейскихъ музеяхъ, и, несмотря на скудость имѣвшихся тогда пособій въ университетѣ для знакомства съ этою стороною классической древности, онъ умѣлъ вызвать интересъ къ ней въ своихъ слушателяхъ. Эта сторона изученія древняго міра была пропущена прежними университетскими уставами и только уставы 1863 и 84 годовъ ввели ее въ университетское преподаваніе... Послѣдняя книга маститаго ученаго, такъ много потрудившагося на пользу латинской словесности, обработка которой у насъ такъ бѣдна оригинальными трудами, намъ напомнила живымъ образомъ начало его профессорской карьеры. Онъ оживилъ тогда совершенно мертвое дѣло, онъ внесъ новыя начала въ дѣло изученія древности и до сихъ поръ остался вѣренъ преданіямъ и убѣжденіямъ, усвоеннымъ въ молодости" (Волжскій Вѣстникъ № отъ 19 марта 1891 г.).

Этотъ частный голосъ современника какъ нельзя болѣе сходится съ тою оффиціальною оцѣнкою ученой и профессорской дѣятельности нашего филолога, которую представилъ Историко-Филологическій факультетъ Казанскаго университета Совѣту, при возведеніи Н. М. Благовѣщенскаго въ почетные члены въ минувшемъ году. „Съ самаго начала и до нашихъ дней — говорится здѣсь, — на профессорской каѳедрѣ и въ литературѣ Н. М. Благовѣщенскій обнаруживалъ выдающуюся энергію въ разработкѣ разныхъ во-

просовъ избранной спеціальности, и его блестящія дарованія, огромный литературный талантъ въ связи съ тщательностью отдѣлки въ каждой работѣ, давно завоевали ему видное мѣсто въ исторіи русской науки и просвѣщенія. Заслуги Благовѣщенскаго получаютъ тѣмъ бо́льшее право на признательность современниковъ, что онъ былъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ піонеровъ живого, всесторонняго изученія античной культуры, что онъ на всемъ пути многолѣтней практической и ученой дѣятельности остался неизмѣнно вѣренъ тѣмъ широкимъ просвѣтительнымъ началамъ этого изученія, какія были заложены имъ въ сотрудничествѣ съ Катковымъ и Леонтьевымъ, тогда еще только профессорами и учеными, а равно съ Грановскимъ и Кудрявцевымъ, въ прекрасномъ изданіи 50-хъ годовъ, въ „Пропилеяхъ". Правда, съ того времени многое измѣнилось, столь успѣшно начатое дѣло увѣнчалось успѣхомъ не въ той мѣрѣ, въ какой можно было ожидать, судя по началу, но Н. М. въ томъ неповиненъ. Читайте его послѣдніе труды: „Римскіе кліенты Домиціанова вѣка", „Винкельманъ" и пр. или немного болѣе раннее изданіе „Сатиры Персія", — здѣсь вы чувствуете то же горячее увлеченіе предметомъ, какое отличало его первые учено-литературные опыты, посвященные римской комедіи и трагедіи, древне-греческому искусству, и обезпечило широкую извѣстность за его монографіями о Гораціи, Ювеналѣ и другихъ предметахъ науки объ античномъ мірѣ, за его изящными переводами труднѣйшихъ латинскихъ писателей и научными комментаріями къ нимъ. Начитанность Н. М. въ древнихъ писателяхъ, знаніе современной ученой литературы, даръ блестящаго изложенія всегда служили для него средствомъ къ достиженію одной и той же цѣли: усвоить русскому образованному обществу живое пониманіе того, что̀ есть просвѣтительнаго и облагораживающаго въ литературныхъ и вещественныхъ памятникахъ античной жизни, что способно поднять уровень гуманнаго образованія въ нашей странѣ. Вотъ почему читатель Н. М. извлекаетъ изъ его ученыхъ трудовъ не одно спеціальное знаніе трактуемаго предмета: въ немъ онъ находитъ опытнаго руководителя, дающаго ему и твердыя точки опоры, и вѣрную нить для того, чтобы разобраться во множествѣ подробностей, уловить ихъ внутреннюю связь и получить ясную картину цѣлой эпохи. Гуманистъ-ученый Н. М. Благовѣщенскій является

самымъ достойнымъ выразителемъ въ Россіи того направленія въ изученіи древняго міра, которое повсюду сопровождалось подъемомъ интересовъ въ обществѣ къ наукѣ, просвѣщенію и главному разсаднику ихъ — университету.

Ко времени казанской службы г. Благовѣщенскаго относятся его магистерская диссертація: De hieratica, quam dicunt, artis Graecorum statuariae periodo и докторскій трудъ: De Romanorum tragoedia, — темы, обработанныя имъ и по-русски, первая въ „Пропилеяхъ" (I кн.) подъ заглавіемъ: „О гіератикѣ въ древнемъ греческомъ искусствѣ" и вторая, ранѣе того, въ статьѣ „О судьбахъ римской трагедіи" въ Журн. Мин. Нар. Просв. (1848, кн. 6). Въ Казани же имъ задуманы и написаны статьи и изслѣдованія, помѣщенныя послѣ въ дальнѣйшихъ книгахъ „Пропилеевъ": „О началѣ римской комедіи", „Ателланы", „Римскія пантомимы", „Баіи". Сюда же должны быть отнесены его „Казанскія письма", рядъ корреспонденцій, печатавшихся въ Московскихъ Вѣдомостяхъ въ 1851 и 1852 гг. и весьма рельефно рисующихъ умственную жизнь Казани. Отсюда между многимъ другимъ русская публика узнавала о значеніи блестящихъ лекцій профессоровъ Бутлерова и Мейера для казанскихъ студентовъ и казанскаго общества.

Съ начала 50-хъ годовъ профессоръ Благовѣщенскій переведенъ былъ на службу въ С.-Петербургскій университетъ и Главный Педагогическій Институтъ, гдѣ въ 1853 г. и произнесъ свою и доселѣ въ западной наукѣ пользующуюся значеніемъ актовую рѣчь De carminibus convivalibus eorumque in vetustissima Romanorum historia condenda momento (Petropoli 1853).

Съ переходомъ въ столицу учено-литературныя связи нашего филолога расширились, какъ можно судить по тому, что съ тѣхъ поръ, почти ежегодно, въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, его статьи, изслѣдованія, замѣтки появляются на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ" редакціи Краевскаго, дававшихъ въ ту эпоху пріютъ огромному количеству ученыхъ и изящно написанныхъ статей и очерковъ по исторіи русской и иностранной, исторіи литературы отечественной и западно-европейской, филологіи и другимъ областямъ знанія, „Русскаго Вѣстника", „Журнала Мин. Народн. Просв.", „Русскаго Слова" изд. гр. Кушелева-Безбородко, въ Энциклопедическомъ Словарѣ 1861—64 гг. и въ „Актахъ С.-Петербургскаго университета". До 1864 г. Н. М. Благовѣщенскимъ написана была его

именитая книга „Горацій и его время", выдержавшая потомъ два изданія (Спб. 1864 и Варшава 1878). Окончивши этотъ трудъ, онъ приступилъ къ тщательной обработкѣ своего превосходнаго изданія сатиръ Персія съ переводомъ и комментаріями, которое и появилось отдѣльной книгой въ 1873 г. въ С.-Петербургѣ. Разставшись съ этимъ, знаменитымъ по своей трудности, писателемъ, онъ началъ готовить переводъ и обширный комментарій сатиръ Ювенала, этого третьяго изъ римскихъ авторовъ, которымъ Н. М. отдалъ и отдаетъ столько любви и увлеченія. Его прекрасные прозаическіе переводы, сопровождаемые учеными объясненіями, продолжаютъ появляться въ Журн. Мин. Нар. Просв. до сихъ поръ.

Съ 1873 г. Н. М. Благовѣщенскій получилъ Высочайшее назначеніе въ ректоры Варшавскаго университета, гдѣ и пробылъ онъ десять лѣтъ. Продолжая чтеніе лекцій по толкованію латинскихъ поэтовъ и по исторіи римской литературы, онъ въ эти годы замѣтно склонился къ прежнимъ своимъ занятіямъ исторіей греческаго искусства и преимущественно къ изученію памятниковъ скульптуры позднихъ эпохъ. Результатомъ студій этого рода была его публичная лекція въ Варшавѣ о Родосской школѣ греческой пластики и позднѣе появившіяся въ „Вѣстникѣ Изящныхъ Искусствъ" статьи „О Пергамской школѣ" и „О художественномъ значеніи позднихъ эпохъ античной скульптуры". Всѣ эти очерки, написанные съ необыкновенной и читателю сообщающейся любовью автора къ памятникамъ древняго искусства и изложенные блестящимъ языкомъ, объединены въ вышецитованной книгѣ „Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры".

Къ послѣднимъ годамъ ученой дѣятельности маститаго филолога принадлежитъ его обширная статья „Римскіе кліенты Домиціанова вѣка", появившаяся въ „Русской Мысли" (мартъ 1890 г.) и носящая на себѣ всѣ выше характеризованныя черты трудовъ его, горячую любовь къ предмету изслѣдованія, способность обнять цѣлое и выставить на первый планъ существенно важное, изящную прелесть переводовъ и блескъ остальнаго изложенія.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ заявить, что Н. М. Благовѣщенскій былъ однимъ изъ гуманнѣйшихъ профессоровъ, всегда готовымъ на помощь словомъ и дѣломъ своимъ слушателямъ, и потому не мало между его многочисленными учениками такихъ, которые его совѣтамъ, его помощи и ходатайству въ высшихъ

административныхъ сферахъ, издавна доступныхъ ему по званіямъ его сначала члена Ученаго Комитета, потомъ ректора Варшавскаго университета и, наконецъ, члена Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія, обязаны своими первыми успѣхами на научномъ и жизненномъ пути. А ученики его разсѣяны повсюду, и уже многіе изъ нихъ занимаютъ видное общественное и государственное положеніе.

И. Цвѣтаевъ.

Москва, 8-го февраля 1892 г.

I. СТАТЬИ НАУЧНЫЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ.

Художникъ Менелай и его группа.

αἴνιγμα δυσεύρετον καὶ δύσλυτον.

Исторія искусствъ знаетъ имена многихъ художниковъ, которые не только отличались въ своихъ работахъ высокою степенью мастерства, но глубоко интересовались и общими вопросами художественнаго творчества, не жалѣя времени и силъ для ихъ разработки. Наиболѣе извѣстенъ въ этомъ отношеніи Леонардо да Винчи, бывшій въ сущности столько же ученымъ, сколько и художникомъ. Перечитайте его сочиненія, познакомьтесь съ его эскизами, набросками, невыполненными планами и проч., хранимыми, какъ драгоцѣнныя реликвіи, въ различныхъ западныхъ музеяхъ, и вы составите себѣ ясное представленіе и о той многосторонности, которая была счастливымъ удѣломъ геніальнаго флорентинца, и о тѣхъ великихъ идеяхъ и широкихъ замыслахъ, которые роились въ его головѣ и занимали его умъ. При изумительной техникѣ, какою онъ обладалъ, Леонардо придавалъ теоріи искуства огромное значеніе и самъ производилъ въ этой области плодотворныя изысканія, какъ о томъ свидѣтельствуютъ извѣстные его трактаты „О перспективѣ", „О свѣтѣ и тѣняхъ", „О живописи". Онъ даже говаривалъ, что теорія-то именно и есть самое главное, такъ какъ ея примѣненіе есть уже не что иное, какъ дѣло школьной выправки. „Теорія — генералъ", выражался онъ съ обычною ему образностью, „практика — солдаты".

Важность теоретическихъ познаній для художника признавали — хотя, быть можетъ, и не въ такой степени, какъ Леонардо, — и древніе мастера. Есть даже одна область искусства, въ которой именно по части научной разработки теоретическихъ вопросовъ древній міръ достигъ наибольшихъ успѣховъ: это музыка. Что

касается изобразительныхъ искусствъ, то и здѣсь весьма рано появились попытки регламентировать въ формѣ общихъ опредѣленій и правилъ запасъ практическихъ пріемовъ, накопленный въ художественныхъ школахъ Греціи въ продолженіе цѣлаго ряда вѣковъ чисто эмпирическимъ путемъ, и эти попытки послужили основаніемъ и толчкомъ для дальнѣйшихъ работъ, затрогивавшихъ области эстетики и теоріи искусства. Есть напр. извѣстіе, что уже Поликлетъ составилъ для своихъ учениковъ особое руководство, въ которомъ изложилъ свое ученіе о нормальныхъ пропорціяхъ человѣческаго тѣла[1]). Это руководство должно было служить какъ бы поясненіемъ къ его скульптурнымъ произведеніямъ, въ которыхъ неизмѣнно развивался и варіировался на разные лады установленный имъ каноническій типъ[2]). Впослѣдствіи тотъ же вопросъ о пропорціяхъ занималъ и другихъ художниковъ, не разъ подвергавшихъ провѣркѣ, критикѣ и разнороднымъ измѣненіямъ Поликлетовъ „канонъ“. Не говоря уже о Лисиппѣ, для котораго этотъ „канонъ“ служилъ точкою отправленія и который поэтому Поликлетова „копьеносца“ называлъ своимъ учителемъ, были мастера, пытавшіеся — и, кажется, не безъ успѣха, — распространить между прочимъ и на фигуры живописныхъ изображеній законъ отношеній и соразмѣрности, установленный аргосскимъ ваятелемъ. Таковъ былъ напр. знаменитый ученикъ Эвмолпа, живописецъ Памфилъ. Въ зависимости отъ теоретическихъ студій аргиво-сикіонской школы Памфилъ, владѣвшій въ такой же мѣрѣ перомъ, какъ и кистью, посвятилъ теоретической сторонѣ искусства нѣсколько ученыхъ изслѣдованій, и они, повидимому, весьма много способствовали тому, что сознаніе важности и необходимости солидной теоретической подготовки для художественной дѣятельности еще глубже проникло въ среду греческаго общества. Въ школѣ Памфила эта тенденція сохранялась непрерывно: подъ его вліяніемъ Меланѳій составилъ свой трактатъ „*περὶ ζωγραφικῆς*“; подъ обаяніемъ его авторитета славный Апеллъ, уже успѣвшій заслужить громкую репутацію первокласснаго мастера, надолго оставилъ кисть, чтобы пополнить пробѣлы въ своихъ теоретическихъ познаніяхъ, наконецъ подъ его же руководствомъ и, такъ

1) Galen, De plac. Hippocr. et Plat. V, 3.
2) Plin. XXXIV, 55.

сказать, по его слѣдамъ Асклепіодоръ сталъ работать надъ ученіемъ вопроса о симметріи.

Объектомъ цѣлой литературы искусство становится въ особенности въ вѣкъ александрійской образованности. Извѣстно, что характернѣйшею чертою этого вѣка было стремленіе къ кропотливому собранію и сохраненію доставшагося отъ прежнихъ временъ культурнаго наслѣдія. Въ тѣхъ центрахъ политической и умственной жизни, которые по смерти Александра Великаго создались на развалинахъ его всемірной монархіи, особенно замѣтно проявлялось это стремленіе. Лагиды въ Александріи, Атталиды въ Пергамѣ, Селевкиды въ Антіохіи и другіе властители наперерывъ старались разыскать и пріобрѣсти въ собственность все, что только еще сохранилось отъ произведеній классической литературы и античнаго искусства. На пути такого благороднаго соревнованія возникли не одни только знаменитѣйшія въ древности книгохранилища, — александрійское и пергамское, — но и составились драгоцѣнныя художественныя коллекціи. Такъ напр. у Аѳенея разсказывается со словъ Калликсена родосскаго о великолѣпной палаткѣ Птолемея II Филадельфа, разукрашенной чудесами древнегреческаго искусства. Наслѣдникъ Филадельфа Эвергетъ I ревностно пополнялъ художественное собраніе своего отца и при этомъ, повидимому, дѣйствовалъ не безъ опредѣленнаго плана: по свидѣтельству Плутарха, онъ особенно хлопоталъ о пріобрѣтеніи картинъ сикіонской школы. Атталъ I въ свою очередь не отставалъ отъ Птолемеевъ въ погонѣ за произведеніями искусства. Привлекая къ своему двору лучшихъ художниковъ своего времени, онъ не забывалъ и о прежнихъ мастерахъ и скупалъ ихъ работы за баснословно большія деньги. Понятно, что сосредоточеніе величайшихъ художественныхъ памятниковъ разныхъ вѣковъ, разныхъ стилей и школъ въ галлереяхъ, созданныхъ названными правителями, должно было въ сильной степени способствовать пробужденію интереса къ изученію исторіи и теоріи искусства. Поэтому не удивительно, если вѣкъ Птолемеевъ и Атталидовъ былъ богатъ учеными, избравшими поприщемъ своихъ изслѣдованій область искусства. Подобно тому какъ возникновеніе великихъ библіотекъ Александріи и Пергама обусловливало собою то широкое развитіе, какого достигли въ этихъ мѣстахъ грамматическія и историко-литературныя занятія, появленіе обширныхъ художественныхъ кол-

лекцій здѣсь же, бокъ-о-бокъ съ богатѣйшими книжными собраніями, не могло не вызвать и въ другой научной области, въ области художественной археологіи и эстетической критики, небывалаго дотолѣ движенія. О литературныхъ явленіяхъ, бывшихъ плодами такого движенія, здѣсь не мѣсто распространяться; но мы упомянемъ имена Менехма, Ксенократа (Plin. XXXIV, 83), Калликсена, Адея, Артемона и др., — писателей, посвятившихъ различнымъ отраслямъ искусства цѣлый рядъ спеціальныхъ трактатовъ и общихъ сочиненій.

Римское завоеваніе повлекло за собою безпощадное разграбленіе греческихъ городовъ, и роль всемірнаго музея отъ Аѳинъ и Александріи перешла къ суровому преемнику ихъ политическаго могущества и культурнаго значенія. За сокровищами искусствъ потянулись въ новую столицу міра и художники, привлекаемые щедротами римскихъ меценатовъ. Такимъ образомъ ареною художественной дѣятельности греческихъ мастеровъ становится Лаціумъ съ его столицею, выросшею на берегахъ Тибра. Здѣсь, въ Римѣ, сосредоточиваются студіи лучшихъ художниковъ, а равно продолжаются и тѣ научныя занятія, которыхъ предметомъ служило искусство и которыя начались въ Аргосѣ и Сикіонѣ, а затѣмъ перешли въ Пергамъ и Александрію.

Эту связь между искусствомъ, какъ дѣятельностью, и искусствомъ, какъ объектомъ науки, весьма не мѣшаетъ имѣть въ виду, когда разсмотрѣнію подлежатъ произведенія, подобныя тому, которое служитъ предметомъ настоящей замѣтки. Въ эпоху цезаризма производительная сила греческаго художественнаго генія давно отжила свою цвѣтущую пору и уступила мѣсто кропотливому педантизму. Очагъ живого вдохновенія погасъ, и тѣмъ охотнѣе призывалъ художникъ науку на помощь ослабѣвшей фантазіи, мечтая богатствомъ теоретическихъ свѣдѣній возмѣстить недостатокъ творческой силы. Усидчивость, прилежаніе, тщательная ученая подготовка, умѣнье эффектно комбинировать традиціонныя формы, техническая сноровка, — вотъ качества, которыми покупались лавры. Въ искусствѣ царила манерность. Глубокое, неподдѣльное чувство смѣнилось либо напыщеннымъ паѳосомъ, либо искусственно-подогрѣтою чувствительностью, художественная простота, сила и выразительность старыхъ мастеровъ уступили свое мѣсто бездушнымъ декораціямъ, условности и вычурности. Преж-

ную игру жизни, движенія и свѣта заслонили собою безжизненныя, блѣдныя тѣни, мертвыя порожденія школьнаго формализма и подражательности.

Разумѣется, и на этомъ сѣромъ фонѣ появлялись отъ времени до времени произведенія, отмѣченныя печатью таланта и выдѣлявшіяся изъ безцвѣтной массы совершенно ординарныхъ продуктовъ оскудѣнія художественнаго творчества. Но еще Гейне сказалъ: „искусство — зеркало человѣческой жизни“, — и вкусы греко-римской эпохи не могли не отражаться въ самыхъ крупныхъ памятникахъ искусства, ею произведенныхъ.

Слѣды этихъ вкусовъ носитъ на себѣ и знаменитая группа художника Менелая, вышедшая изъ школы Пасителя. Послѣдній жилъ и дѣйствовалъ въ Римѣ въ концѣ перваго дохристіанскаго столѣтія, былъ по профессіи скульпторомъ и торевтомъ и слылъ авторомъ обширнаго сочиненія (въ пяти книгахъ), носившаго, повидимому, названіе *„περὶ ἐνδόξων* или *περὶ θαυμασίων κατὰ πᾶσαν τὴν οἰκουμένην ἔργων“* [1]). Какъ замѣчательный теоретикъ, Паситель пользовался большимъ вліяніемъ въ артистическихъ сферахъ своего времени, имѣлъ очень многихъ учениковъ, и мы знаемъ его болѣе именно какъ главу школы, нежели какъ художника. Необыкновенная аккуратность, точность, обдуманность и серьезное вниманіе къ малѣйшимъ мелочамъ, — таковы свойства, которыми отличался онъ въ своей артистической дѣятельности, и ими между прочимъ объясняется то засвидѣтельствованное Плиніемъ обстоятельство, что особенное значеніе онъ придавалъ тщательной отдѣлкѣ глиняной модели. Лѣпку изъ глины Паситель называлъ матерью всѣхъ прочихъ видовъ скульптуры, — „plasticen matrem caelaturae et statuariae sculpturaeque dixit“ (Plin., XXXV, 156), — и не брался ни за одну работу, не изготовивъ и не отдѣлавъ предварительно глиняной формы. Черта эта, — разъ ужъ она отмѣчается какъ нѣчто не совсѣмъ заурядное, — не была, вѣроятно, въ равной мѣрѣ свойственна всѣмъ древнимъ мастерамъ, и мы въ правѣ усматривать въ ней указаніе на особую добросовѣстность

---

[1]) Plin. XXXV, 39. Срв. Susemihl, Gesch. der griech. Litteratur in der Alexandrinerzeit. I, стр. 525. По Бурсіану (Ersch u. Gruber, Encycl. 82, 384) заглавіе пасителевой работы было: *„περὶ τῶν καθ' ὅλην τὴν οἰκουμένην θαυμαζομένων ἔργων“*; по Яву — *„περὶ ἐνδόξων* или *παραδόξων ἔργων“* (Baumeister, Denkm. 1190 b).

и осторожность Пасителя, на его неуклонное стремленіе вполнѣ овладѣть содержаніемъ задуманнаго произведенія и во всѣхъ мелкихъ и второстепенныхъ подробностяхъ провѣрить созданный въ воображеніи и выношенный въ душѣ художественный образъ.

Паситель отличался рѣдкимъ трудолюбіемъ и плодовитостью: онъ ваялъ и изъ мрамора, и изъ слоновой кости, и изъ золота, и изъ бронзы, побѣдоносно справляясь съ техническими трудностями. Къ сожалѣнію, время безжалостно истребило его работы, и даже по названію намъ извѣстны только двѣ изъ нихъ (въ томъ числѣ изображеніе актера Росція). Но въ 1769 г. близъ Porta Salaria въ Римѣ была вырыта мраморная статуя, имѣвшая внизу надпись: *Στέφανος, Πασιτέλους μαθητής, ἐποίει.* Другой памятникъ античнаго искусства, находящійся тамъ же, въ Римѣ, въ Villa Ludovisi, и представляющій группу изъ двухъ фигуръ, — мужской и женской, — снабженъ также надписью: *Μενέλαος, Στεφάνου μαθητής, ἐποίει.* Эти эпиграфическія данныя устанавливаютъ такимъ образомъ преемственную связь между Пасителемъ и двумя представителями его школы, и мы, слѣдовательно, пріобрѣтаемъ возможность судить о ней не по однимъ только голымъ отзывамъ древнихъ критиковъ, но на болѣе твердомъ основаніи автопсіи.

Группа художника Менелая давно уже служитъ предметомъ внимательнаго изученія, и въ ней не осталось ни одной не изслѣдованной и не обсужденной подробности; тѣмъ не менѣе это отнюдь не значитъ, что всѣ вопросы, ею возбуждаемые и къ ней относящіеся, удовлетворительно и окончательно порѣшены. Напротивъ, это одно изъ тѣхъ произведеній, которымъ суждено вѣчно дразнить нашъ умъ неотвязною загадкою и къ которымъ не перестанутъ обращаться изслѣдователи съ новыми предположеніями и гипотезами.

Группа имѣетъ около двухъ метровъ вышины. Она изображаетъ сцену какихъ-то нѣжныхъ сердечныхъ изліяній между мужчиною, — молодымъ, безбородымъ, едва вступившимъ въ юношескій возрастъ, можетъ быть, сыномъ или братомъ, — и женщиною, какъ-то любовно, но вмѣстѣ и покровительственно, съ сознаніемъ своего старшинства, преклоняющей слухъ къ его рѣчамъ и взирающей на него съ выраженіемъ сочувствія и тихой грусти. „Это — сцена свиданія послѣ долгой горестной разлуки“, говорите вы себѣ при первомъ взглядѣ на произведеніе Менелая, и, чѣмъ пристальнѣе

и пытливѣе всматриваетесь въ группу, тѣмъ все болѣе крѣпнетъ въ васъ убѣжденіе въ правильности вашего толкованія. Да, несомнѣнно, художникъ изобразилъ свиданіе, но не въ первый моментъ радостной встрѣчи близкихъ, милыхъ другъ другу существъ, когда сила эмоціи ищетъ проявленія въ рѣзкихъ, страстныхъ, порывистыхъ формахъ: онъ предпочелъ моментъ послѣдующій, когда паѳосъ уступаетъ мѣсто болѣе спокойному состоянію духа, эмоціональный колоритъ смягчается и душевное волненіе входитъ въ предѣлы. Слезы, объятія, поцѣлуи, горячія ласки, — всѣ эти признаки охватившаго душу стихійнаго чувства отсутствуютъ въ нашемъ памятникѣ; но въ немъ сохранены слѣды того, что все это было и что лица группы еще не вполнѣ освободились отъ напора сильныхъ ощущеній, только что испытанныхъ: ихъ руки сплелись, ихъ взоры обращены другъ на друга, въ ихъ позахъ чувствуется, видится что-то влекущее ихъ другъ къ другу. Это — та минута, когда послѣ восклицаній и несвязныхъ обрывистыхъ словъ снова вступаетъ въ свои права рефлексія и начинается оживленный обмѣнъ воспоминаній, распросовъ и признаній, — минута, на которую налагаютъ свой отпечатокъ и радости настоящаго, и пережитыя въ прошломъ огорченія.

Говоря такимъ образомъ, мы впрочемъ только формулируемъ то общее впечатлѣніе, которое Менелаева группа непосредственно производитъ на зрителя, но еще далеки отъ прямого ея истолкованія. Если жъ бы мы попытались ближе опредѣлить значеніе изваянныхъ художникомъ фигуръ, — другими словами, попытались угадать, откуда взяты имъ эти лица и эта ситуація, послужившія фономъ для разработки сложнаго психологическаго мотива, то неминуемо очутились бы въ великомъ затрудненіи. Дѣло въ томъ, что обѣ фигуры группы слишкомъ блѣдны, слишкомъ безличны, слишкомъ безхарактерны, и на это указалъ уже Бруннъ. Художникъ не позаботился присоединить къ нимъ какой-нибудь аттрибутъ, который бы могъ хотя немного содѣйствовать разрѣшенію загадки. Отношеніе между лицами, соединенными въ группу, обозначено слишкомъ общими и неопредѣленными чертами. Нашъ памятникъ изображаетъ сцену изліяній, — не страсть въ моментъ сильнѣйшаго ея проявленія, не дѣйствіе, способное зрителю сразу объяснить и то, что было передъ симъ, до той минуты, которая закрѣплена художникомъ, и то, что за нею послѣдуетъ,

а длительное состояніе, недостаточно ярко характеризуемое при помощи средствъ, которыми располагаетъ ваятель. Я увѣренъ, что, если бы за тему, выбранную Менелаемъ, взялся живописецъ, то, при полномъ тождествѣ композиціи, мы на его картинѣ прочли бы отвѣтъ на всѣ вопросы, возникающіе нынѣ въ умѣ при взглядѣ на группу Менелая: выраженіе глазъ, тонкая, неуловимая, но многозначительная игра красокъ и чертъ, — словомъ, та „музыка физіономіи", въ которой выливается со всею сложностью своихъ перипетій психическое состояніе человѣка, все то, что его волнуетъ и оживляетъ, — изобразить это въ силахъ только живопись, а зачастую, какъ напр. и въ нашемъ случаѣ, въ этомъ-то именно и заключается вся суть. Наша группа стоитъ на рубежѣ между стилемъ пластическимъ и стилемъ живописнымъ; она воплощаетъ въ себѣ идею, для выраженія которой оказывается не то что безсильнымъ, а недостаточнымъ языкъ линій и формъ. Одинъ нѣмецкій теоретикъ говоритъ: „das Hindrängen zum Scenisch-Dramatischen ist ein characteristisches Zeichen, dass die Plastik über ihre Gränzen hinaus will; sie will ihner Höhepunkt noch mehr erhöhen und sinkt"[1]). Эти слова вполнѣ приложимы къ разсматриваемому памятнику, нѣсколько страдающему театральною аффектаціею.

Изъ сказаннаго явствуетъ, какъ трудно мало-мальски спеціализировать произведеніе Менелая, совлечь съ него значеніе общей художественной формулы, пріурочить его къ тому или другому изъ числа сюжетовъ, находившихся въ репертуарѣ древнихъ художниковъ, и съ увѣренностью признать въ немъ воспроизведеніе какой-нибудь знакомой миѳологической темы. Параллельно существуютъ и непрерывно нараждаются самыя разнообразныя толкованія загадочной группы. Чего и кого не усматривали только изслѣдователи въ двухъ фигурахъ Менелая? Винкельманъ, а вслѣдъ за нимъ Велькеръ и многіе другіе предполагали, что Менелай въ настоящемъ случаѣ изобразилъ сцену свиданія между Орестомъ и Электрою, и нужно отдать справедливость этому предположенію, — оно наименѣе уязвимо. Въ общемъ наша группа, пожалуй, до извѣстной степени соотвѣтствуетъ ситуаціи, которую обрисовалъ напр. Софоклъ въ ст. 1217—1383 трагедіи „Электра", и Винкельманъ утверждалъ даже, что глаза юноши, долженствующаго изображать

[1]) Lemcke, Populäre Aesthetik, стр. 369.

Ореста, какъ бы еще полны слезъ и вѣки его припухли отъ плача. Текстъ названной трагедіи даетъ между прочимъ, по мнѣнію того же ученаго, подходящее объясненіе и для коротко-остриженныхъ волосъ, которыми отличены обѣ фигуры Менелаевой группы. Остриженные волосы были у древнихъ знакомъ рабства, печали, принадлежности къ жреческому сословію и т. п., — словомъ, имѣли точно опредѣленное значеніе, и въ нашемъ случаѣ этимъ признакомъ художникъ могъ охарактеризовать тяготѣющее надъ Орестомъ и Электрою несчастіе, ту фатальную бѣду, которая омрачаетъ туманомъ грусти даже свѣтлый часъ ихъ родственнаго свиданія. Въ самомъ дѣлѣ, объ отрѣзанныхъ волосахъ есть рѣчь въ Софокловой драмѣ: въ началѣ ея Электра приглашаетъ сестру свою Хрисоѳемиду возложить на отчую могилу, какъ даръ своей любви, взамѣнъ богатыхъ приношеній Клитемнестры, единственное, что̀ при ихъ бѣдности имъ доступно, — свои волосы (ст. 448 сл.):

σὺ δέ, говоритъ она,
τεμοῦσα κρατὸς βοστρύχων ἄκρας φόβας
κἀμοῦ ταλαίνης, σμικρὰ μὲν τάδ᾽, ἀλλ᾽ ὅμως
ἄχω, δὸς αὐτῷ, τήνδ᾽ ἀλιπαρῆ τρίχα κτέ.[1]).

Но, если со стороны этого признака (который впрочемъ лишь въ отношеніи Электры достаточно мотивированъ) и со стороны общаго настроенія, господствующаго въ группѣ, объясненіе, предложенное Винкельманомъ, и оказывается довольно правдоподобнымъ, то нельзя не примѣтить, что характеръ обоихъ лицъ группы, взятыхъ въ отдѣльности, плохо вяжется съ тѣмъ представленіемъ объ Орестѣ и Электрѣ, которое сложилось у насъ на основаніи поэтическаго ихъ изображенія. Въ высокой, пышно задрапированной складками одежды женской фигурѣ, изваянной Менелаемъ, вы не видите героической Электры Софокла съ ея порывистостью, страстностью, экзальтаціею, съ ея горячимъ воодушевленіемъ, съ ея отвагою, съ ея готовностью на отчаянно-смѣлые подвиги, — со всѣми тѣми чертами, которыя находятся въ такомъ рѣшительномъ противорѣчіи съ характеромъ сестры Хрисоѳемиды, принужденной робко напоминать ей о ея естествѣ: *γυνὴ μὲν οὐδ᾽ ἀνὴρ ἔφυς, σθένεις δ᾽ ἔλασσον τῶν ἐναντίων χερί.* Это ли та дѣвушка,

[1]) Срв. Eurip. *El.* v. 241: *καὶ κρᾶτα πλόκαμόν τ᾽ ἐσκυθισμένον ξυρῷ.*

серьезная, глубокая, полная огня, дышащая несокрушимою энергіею, которая и въ своемъ младшемъ братѣ видитъ не просто близкаго человѣка, но прежде всего единственнаго мужского представителя своего славнаго рода, носителя идеи фамильной чести, будущаго мстителя за смерть отца? Передъ нами скорѣе женщина, пожившая и утомленная вынесенными страданіями, давно утратившая пылъ и одушевленіе молодости. Въ этомъ отношеніи контрастъ между нею и мужскою фигурой настолько великъ, настолько рѣзокъ, что мы не усумнимся признать въ ней скорѣе мать, нежели сестру стоящаго подлѣ нея юноши. Намъ думается даже, что, если бы эта фигура дошла до насъ по какому-либо несчастному случаю одна, безъ своего дополненія, и мы такимъ образомъ были лишены возможности провести параллель между нею и имъ, то и тогда въ ней, если можно такъ выразиться, „матрональность" проявлялась бы съ достаточною опредѣленностью и ясностью.

Въ мнимомъ Орестѣ также не находимъ присущихъ этому герою чертъ. Вмѣсто юноши, рано созрѣвшаго и принявшаго на себя сознательно и свободно исполненіе тяжелой обязанности въ отношеніи къ памяти отца, мы видимъ передъ собою почти отрока, экспансивнаго и простого, мысли котораго совершенно поглощены интересомъ настоящей минуты. На немъ нѣтъ мрачнаго покрывала, окутывающаго у трагиковъ фигуру Ореста, Гамлета древности. Въ немъ ничѣмъ не проявляется человѣкъ, надъ которымъ во имя высшаго нравственнаго закона о возмездіи тяготѣетъ роковая необходимость казнить собственную мать. Менелаевъ Орестъ, если только подлинно это Орестъ, такъ же въ сущности безличенъ, какъ и его сестра[1]).

Эти и подобныя соображенія помѣшали многимъ удовлетвориться толкованіемъ Винкельмана. Такъ Панофка предпочиталъ видѣть въ лицахъ Менелаевой группы Гипполита и Федру, Шульцъ и Буркгардтъ усматривали въ нихъ Телемаха и Пенелопу, Милленъ — Андромаху и Астіанакта, Флашъ — Ореста и Ифигенію, Янсенъ —

[1]) Весьма поучительно сравнить группу Менелая съ группою его учителя Стефана, хранимою въ Неаполѣ. Она также изображаетъ мужчину въ объятіяхъ женщины, — какъ думаютъ, Ореста и Электру. Стóитъ сопоставить вмѣстѣ оба памятника, чтобы вынести убѣжденіе въ полной невозможности видѣть и въ томъ, и въ другомъ воспроизведеніе одного и того же сюжета, — въ такой степени различна въ нихъ художественная концепція.

Эѳру и Демофонта, Янъ — Эпита и Мерону, и т. д. Были и такіе, которые находили, что въ нашемъ памятникѣ изображено вовсе не свиданіе, а разставанье, — представленъ моментъ, предшествующій разлукѣ, и соотвѣтственно съ такимъ пониманіемъ толковали фигуры, то какъ Гилла и Деяниру (Кекюлé), то какъ Ѳесея и Эѳру (Гельбигъ) и проч.[1]). Ученые, стоявшіе на сторонѣ объясненія группы изъ фактовъ древней исторіи (напр. Тиршъ), на мѣсто героевъ древней саги подставляли Октавію и Марцелла, либо Папирія съ его матерью. Наконецъ въ недавнее время было высказано мнѣніе, что, быть можетъ, въ интерпретаціи группы слѣдуетъ принять за основаніе совершенно иной принципъ, оставляя въ сторонѣ данныя миѳологіи и исторіи. Такъ какъ разсматриваемое произведеніе не лишено нѣкоторыхъ чертъ сходства съ рельефами на греческихъ саркофагахъ, то сторонники этого послѣдняго взгляда полагаютъ, что Менелаева группа могла служить надгробнымъ памятникомъ и выражать напр. трогательную разлуку сына съ матерью и т. п. Форма подпоры, находящейся у лѣвой ноги юноши, нѣсколько напоминаетъ форму могильной стелы и какъ бы подтверждаетъ такое толкованіе.

Мы не станемъ разсматривать въ подробности всѣ эти гипотезы. Ихъ изъяны и недочеты давно указаны, и уже самая многочисленность ихъ весьма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что въ настоящемъ случаѣ можно только гадать, не утверждая ничего положительно. При разнообразіи имѣющихся въ наличности толкованій, всякая новая попытка объяснить загадочную группу сводится, кажется, въ сущности къ тому, чтобы въ литературныхъ памятникахъ подыскать такую ситуацію, которая подходила бы къ фигурамъ группы ближе, нежели другія, доселѣ подысканныя. Предпринимая такую попытку, мы отнюдь не настаиваемъ на безусловной вѣрности своего предположенія; но мы считаемъ преждевременнымъ слагать оружіе въ виду несостоятельности или недостаточности предложенныхъ раньше толкованій и положительно отказываемся думать вмѣстѣ съ Шрейберомъ и другими, будто для Менелая все дѣло было вовсе не въ содержаніи, а единственно въ правильности архитектоническаго построенія, въ красотѣ линій, въ гармоніи ихъ сочетаній, въ эффектной группировкѣ фигуръ, —

---

[1]) Overbeck, Gesch. d. griech. Plastik. II^3, стр. 417 сл.

словомъ, въ формѣ и въ одной только формѣ. Разсматриваемая группа, несмотря на нѣкоторый схематизмъ и изысканность, все же принадлежитъ къ числу несомнѣнно идейныхъ произведеній и не можетъ быть относима въ разрядъ школьныхъ моделей, долженствовавшихъ, совершенно независимо отъ содержанія, служить лишь нагляднымъ образцомъ примѣненія разнаго рода теоретическихъ правилъ и положеній.

Признаемся, намъ кажется очень удачною мысль искать объясненія для нашего памятника въ числѣ Еврипидовыхъ сюжетовъ. Какъ поэтъ въ высокой степени субъективный и изъ всѣхъ греческихъ поэтовъ классическаго періода наиболѣе ученый, Еврипидъ не пользовался популярностью среди своихъ современниковъ, но за то позднѣйшія поколѣнія получили вкусъ и интересъ къ его пьесамъ. Въ ту пору, когда поэзія греческихъ подвиговъ уступила честь и мѣсто поэзіи частной, личной жизни, когда наклонность къ чувствительному, сентиментальному, романическому влила новую оживляющую струю въ литературную дѣятельность древнихъ народовъ и повела къ созданію новаго литературнаго рода, которому предстояла блестящая будущность, трагедіи Еврипида съ ихъ эротическими сюжетами, съ ихъ сложною, запутанною интригою, съ ихъ пассивными героями, съ ихъ увлекательною діалектикою страсти [1]) вдругъ поднялись въ цѣнѣ, и не мудрено, если предѣлы вліянія ихъ охватывали не одну лишь литературную, но и вообще художественную сферу дѣятельности грековъ и римлянъ разсматриваемой эпохи. Въ пластикѣ эллиническаго и римскаго времени нерѣдко приходится наталкиваться на различные слѣды этого вліянія, и я думаю, что оно сказалось и въ группѣ Менелая. Но не Федру и Гипполита, не Меропу и Эпита, не Ифигенію съ Орестомъ вижу я въ лицахъ этой группы, а скорѣе склоненъ усматривать въ нихъ Креузу и Іона, героевъ Еврипидовой трагедіи „Іонъ".

Миѳъ объ Іонѣ, разработанный Еврипидомъ, гласитъ слѣдующее. У Креузы, дочери аѳинскаго царя Эрехѳея, родился отъ бога Аполлона сынъ. Боясь отчаго гнѣва, мать отнесла ребенка въ ту самую пещеру, которая прежде служила мѣстомъ ея свиданій съ Фебомъ, и здѣсь оставила его на произволъ судьбы. Гермесъ

[1]) См. характеристику этого поэта у Rhode, Griech. Roman, стр. 31 сл.

взялъ новорожденнаго и перенесъ его въ Дельфы, гдѣ пиѳія взростила его. Съ достиженіемъ юношескаго возраста Іонъ (такъ звали мальчика) сталъ служителемъ Аполлона и хранителемъ ключей отъ дельфійскаго храма. Между тѣмъ Креуза вышла замужъ за эолова сына Ксуѳа. Бракъ этотъ былъ бездѣтенъ, и супруги, скорбя о своемъ неплодіи, рѣшили отправиться въ Дельфы для совѣщанія съ оракуломъ Аполлона. Здѣсь произволеніемъ божества Ксуѳу впадаетъ на умъ намѣреніе усыновить сына своей жены, котораго онъ, какъ и всѣ, считаетъ за безроднаго сироту. Но Креуза, подозрѣвая въ пріемышѣ плодъ какой-нибудь тайной привязанности своего мужа, всѣмъ существомъ своимъ противится осуществленію этого намѣренія и хочетъ даже отравить Іона. Преступный замыселъ ея случайно обнаруживается, и вотъ ей за дерзкое посягательство на жизнь аполлонова жреца уже грозитъ смертная казнь, какъ вдругъ открывается тайна происхожденія юноши, и все дѣло счастливо завершается принятіемъ Іона въ семью Ксуѳа.

Моментъ, избранный нашимъ художникомъ, это — сцена обрѣтенія матерью давно оплакиваемаго сына въ лицѣ аполлонова служителя. Іонъ и Креуза признали кровную связь, неразрывно соединяющую ихъ другъ съ другомъ; но для Ксуѳа связь эта навсегда должна остаться тайною, и эта печальная необходимость набрасываетъ на радостное свиданіе тѣнь грусти. Креуза страшится мужа, содрагается при мысли о смертельной опасности, только что угрожавшей ея сыну, а потомъ и ей самой, не безъ стѣсненія въ груди вспоминаетъ о далекомъ прошломъ, о своей любви къ Аполлону, и не безъ опасенія смотритъ на будущее: *ἔτι φόβῳ τρέμω*, восклицаетъ она. Но въ душу ея, волнуемую разными скорбными чувствами, при видѣ нежданно обрѣтеннаго сына, естественно, закрадывается и сладостная надежда:

ἰὼ ἰὼ δειναὶ μὲν αἱ τότε τύχαι,
δεινὰ δὲ καὶ τάδ' ἑλισσόμεσθ' ἐκεῖθεν
ἐνθάδε δυστυχίαισιν
εὐτυχίαις τε πάλιν,
μεθίσταται δὲ πνεύματα.
μενέτω. τὰ πάροιθεν ἅλις κακά. νῦν δ'
ἐγένετό τις οὖρος ἐκ κακῶν, ὦ παῖ [1]).

---

[1]) Eurip. Ion., v. 1503—1509.

Всѣ рѣчи Креузы въ сценѣ признанія носятъ на себѣ примѣтный слѣдъ весьма сложнаго комплекса душевныхъ движеній; но эта борьба чувствъ умѣряется въ ней рефлексіею, столь приличною ея возрасту. Въ ней нѣтъ той непосредственности, той воспріимчивости, той свѣжести и цѣльности впечатлѣній, какую проявляетъ юноша Іонъ. Онъ отдается всецѣло радостямъ настоящей минуты. Его безпокоитъ и заботитъ только одно, — всю ли правду открыла ему мать и дѣйствительно ли онъ сынъ Аполлона.

И вотъ представьте себѣ, что Менелаева группа выражаетъ именно этотъ вопросъ:

τὰ δ' ἄλλα πρός σε βούλομαι μόνην φράσαι·
δεῦρ' ἔλθ'· ἐς οὖς γὰρ τοὺς λόγους εἰπεῖν θέλω
καὶ περικαλύψαι τοῖσι πράγμασι σκότον.
ὅρα σύ, μῆτερ, μὴ σφαλεῖσ' ἃ παρθένοις
ἐγγίγνεται νοσήματ' εἰς κρυπτοὺς γάμους,
ἔπειτα τῷ θεῷ προστίθῃς τὴν αἰτίαν.
καὶ τοὐμὸν αἰσχρὸν ἀποφυγεῖν πειρωμένη
Φοίβῳ τεκεῖν με φῇς, τεκοῦσ' οὐκ ἐκ θεοῦ[1]).

Іонъ возбужденъ: онъ вперилъ взоръ въ лицо матери съ выраженіемъ напряженнаго ожиданія, онъ протянулъ къ ней правую руку, какъ бы умоляя не скрывать отъ него истины. Чтобы облегчить ей тяжелое признаніе, онъ отзываетъ ее въ сторону, для разговора наединѣ *(δεῦρ' ἴθι)*, — и въ этомъ кроется разгадка его нѣсколько странной позы, позволявшей, какъ мы видѣли, инымъ критикамъ усматривать въ нашей группѣ изображеніе разлуки, а не свиданія. Но въ Креузѣ нѣтъ и слѣдовъ смущенія или замѣшательства: какъ бы въ успокоеніе взволнованнаго сына она беретъ его за руку, и сейчасъ изъ ея устъ онъ опять услышитъ подтвержденіе всего того, что уже она успѣла сообщить ему раньше.

Когда я прочитываю соотвѣтствующее мѣсто изъ Еврипидовой трагедіи и стараюсь представить себѣ полную картину всѣхъ симптомовъ душевной драмы, изображенной поэтомъ, какъ воспроизвела бы ихъ выразительная игра даровитыхъ актеровъ, въ умѣ моемъ возникаютъ образы, весьма близкіе къ лицамъ Менелаевой группы.

[1]) Ibid. v. 1520 sqq.

При той широкой извѣстности, какою пользовался миѳъ объ Іонѣ, неудивительно, если греческій мастеръ, вдохновленный Еврипидомъ, остановилъ на немъ вниманіе. И хотя я повторяю, что излагаемыя здѣсь мысли считаю не за что иное, какъ за догадку, тѣмъ не менѣе укажу и еще на одно соображеніе въ пользу вѣроятности этой догадки.

Единственнымъ признакомъ, способнымъ сообщить мало-мальски индивидуальный характеръ фигурамъ нашего памятника, оказываются, какъ сказано, остриженные волосы. Весьма возможно, что признакъ этотъ ровно ничего не говоритъ: въ тяжелой и однообразной обработкѣ волосъ, одинаково имѣющихъ и у мущины, и у женщины видъ плохо сдѣланнаго парика, слѣдуетъ, можетъ быть, видѣть просто дань модѣ, поощрявшей искусственную подделку подъ архаическій стиль. Тенденціи Пасителевой школы, насколько онѣ намъ извѣстны по скуднымъ указаніямъ нашихъ источниковъ, отнюдь не противорѣчатъ такому предположенію.

Есть своего рода пикантная красота въ этомъ присутствіи архаическихъ чертъ въ блестящихъ продуктахъ пышнаго разцвѣта скульптурной техники, и пресыщенный вкусъ римскихъ эстетиковъ любилъ такую красоту. Но допустимъ, что намъ необходимо считаться съ названнымъ признакомъ, тогда не должны ли мы искать въ остриженныхъ волосахъ Іона указанія на его священнослужительскую функцію? Не должны ли мы по нимъ сразу заключить, что передъ нами жрецъ Аполлона, *„χρυσοφύλαξ τοῦ θεοῦ ταμίας τε πάντων πιστός“* (Ion. v. 54 sq.), *„θεοῖσι δούλαν χέρ' ἔχων, — εὐφάμοις δὲ πόνοις μοχθεῖν οὐκ ἀποκάμνων“* (ibid. v. 133, sq.)? Не слѣдуетъ ли въ этомъ признакѣ видѣть нить, соединяющую свободную композицію художника съ ея поэтическимъ alter ego? Труднѣе объяснить тотъ же самый мотивъ по отношенію къ Креузѣ. Не могъ ли онъ напр. означать ея недавнее обреченіе на смертную казнь? Современная художнику публика понимала таинственный языкъ условныхъ знаковъ, и Менелай, можетъ быть, на это разсчитывалъ. Посредствомъ означеннаго признака онъ, можетъ быть, имѣлъ намѣреніе вызвать въ зрителѣ представленіе о жертвѣ, обреченной на смерть, и такимъ образомъ сгустить мрачное облако скорби, нависшее надъ фигурами его группы. Можетъ быть, и самый текстъ нашей трагедіи (ср. ст. 1266 слл.) подалъ ему поводъ сообщить эту новую, дополнительную черту его художественному образу.

Какъ бы то ни было, категорическій отвѣтъ на поставленные вопросы является дѣломъ рискованнымъ. Разумѣется, положеніе критика было бы легче, если бы въ числѣ факторовъ, участвовавшихъ въ созданіи разсматриваемаго памятника, не было ухищреній ученаго педантизма, сообщившаго произведенію Менелая характеръ продукта эклектической работы. Нашъ художникъ принадлежитъ къ числу тѣхъ вышколенныхъ мастеровъ, которые любятъ выступать во всеоружіи блестящей техники и богатыхъ историческихъ и теоретическихъ познаній. Онъ подошелъ къ своей задачѣ не прямо и не спроста. Его работѣ чужда наивность непосредственнаго творчества. Въ ней сочетаются и переплетаются слѣды самыхъ противоположныхъ вѣяній и тенденцій. Такъ, во-первыхъ, художникъ замѣтно старается дать намъ доказательства тщательнаго изученія натуры. Онъ въ такой мѣрѣ вѣренъ своимъ оригиналамъ, что были люди, считавшіе фигуры его группы даже за портреты. Въ зависимости отъ формъ, которыя окружали его въ современной ему дѣйствительности, онъ и въ деталяхъ боится дать волю фантазіи: греческое одѣяніе, въ которое облечены эти фигуры, лежитъ на нихъ какъ то слишкомъ по-римски. Это какъ бы нѣсколько принижаетъ его произведеніе, лишая его болѣе высокаго идеальнаго полета, но совершенно въ духѣ школы, прославленный глава которой однажды едва не поплатился жизнью за рвеніе, съ какимъ штудировалъ натуру среди клѣтокъ, наполненныхъ дикими животными (срв. Plin. XXXVI, 39). Съ другой стороны къ этимъ реалистическимъ наклонностямъ автора нашей группы примѣшивается совершенно противорѣчащее имъ стремленіе къ архаической условности и символизму, — парадоксальная черта, составляющая характерное знаменіе времени. Лавируя между реальными данными окружающей жизни и мертвыми, каноническими типами отжитаго прошлаго, художникъ силится примирить эти противоположности путемъ самыхъ сложныхъ и утонченныхъ комбинацій. И эффектъ, котораго онъ достигаетъ, поразителенъ. Въ его группѣ есть что-то плѣнительное, чарующее, сильно дѣйствующее на душу зрителя. Въ ней нѣтъ только цѣльности и ясности художественнаго замысла, принесенныхъ въ жертву претензіи и и формализму.

А. Деревицкій.

Геродъ и его бытовыя сценки.

Публичная лекція, читанная 5-го марта 1892 г. въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

Истекшій 1891 годъ надолго останется памятнымъ въ исторіи классической филологіи; онъ принесъ намъ, не говоря о болѣе мелкихъ новинкахъ, два крупныхъ и драгоцѣнныхъ дара — книгу Аристотеля о государствѣ аѳинскомъ и бытовыя сценки Герода. Какой счастливой случайности обязаны мы этими двумя находками — объ этомъ соблюдается пока тѣми, кому знать надлежитъ, упорное и знаменательное молчаніе; лишь самый фактъ случайности остается несомнѣннымъ, а съ установленіемъ этого факта устраняется всякая надобность задавать себѣ вопросъ о связи между обоими крупными приращеніями греческой письменности. Тѣмъ не менѣе, благодаря второй случайности, связь эта существуетъ; историкъ греческой словесности, желающій опредѣлить мѣсто Герода въ интересующей его наукѣ, долженъ будетъ избрать исходной точкой Аристотеля и новонайденный его трактатъ; солидный и серьезный опытъ ученѣйшаго изъ греческихъ философовъ и игривыя картинки одного изъ наименѣе серьезныхъ греческихъ поэтовъ находятся въ довольно тѣсной причинной связи другъ съ другомъ, и только установленіе этой связи даетъ намъ возможность правильно судить о послѣднемъ.

Въ третью четверть четвертаго вѣка до Р. Х. родительница нашей культуры представляла печальную, безотрадную картину — безотрадную не потому, что ея содержаніемъ была отчаянная и безнадежная борьба лучшихъ греческихъ государствъ за свою независимость, а потому, что въ этихъ самыхъ государствахъ люди измельчали и не были болѣе въ силахъ нести тяжелое бремя геройства, завѣщанное имъ предками. Все же въ этой мрачной картинѣ мы находимъ одно мѣсто, освѣщенное самыми яркими лучами солнца, мѣсто, гдѣ нашелъ себѣ убѣжище геній прогресса,

давно уже покинувшій народное вѣче и поле брани. Это мѣсто — роща Аполлона Ликейскаго въ Аѳинахъ, гдѣ училъ и бесѣдовалъ Аристотель. Никогда до этого и никогда послѣ этого опытъ организаціи и централизаціи науки не былъ сдѣланъ въ столь широкихъ размѣрахъ и съ такой надеждой на успѣхъ. Я не буду говорить здѣсь о самомъ руководителѣ, этомъ единственномъ человѣкѣ, знавшемъ рѣшительно все, что было доступно знанію въ тѣ времена, — а этого было гораздо болѣе, чѣмъ склонны думать люди, незнакомые съ представителями греческой науки; едва ли не важнѣе учености Аристотеля, которой онъ никому завѣщать не могъ, была его организаторская дѣятельность. Онъ назначалъ каждому изъ своихъ учениковъ соотвѣтствующую его таланту работу; подъ его руководствомъ и при его непосредственномъ участіи образовался этотъ кладъ учености, который остался послѣ смерти учителя достояніемъ его школы и продолжалъ носить имя того, кто былъ душой общества и наложилъ на общее дѣло печать своего духа. Кладъ этотъ состоялъ, какъ извѣстно, изъ трехъ категорій сочиненій: 1) сочиненій, дающихъ эмпирическіе матеріалы къ отдѣльнымъ наукамъ; 2) сочиненій, имѣющихъ содержаніемъ философско-теоретическое изложеніе этихъ наукъ, и 3) сочиненій популярныхъ, назначенныхъ для болѣе широкаго круга читателей. О послѣднемъ разрядѣ мы ничего почти не знаемъ; ко второму принадлежатъ всѣ сохранившіяся намъ подлинныя сочиненія Аристотеля, кромѣ одного — именно трактата о государствѣ Аѳинскомъ, единственнаго представителя перваго разряда.

Этотъ трактатъ содержитъ довольно пространное изложеніе какъ исторіи, такъ и системы аѳинской конституціи и былъ частью очень обширнаго сочиненія, носившаго заглавіе *πολιτεῖαι* и имѣвшаго содержаніемъ систему и повидимому исторію конституцій 158-ми почти исключительно греческихъ государствъ. Вотъ какихъ исполинскихъ размѣровъ былъ субстратъ, на которомъ Аристотель воздвигъ небольшое по объему зданіе своей „политики“. Мы знаемъ, что и для другихъ философско-теоретическихъ сочиненій Аристотеля существовали въ древности такіе субстраты; намъ они не сохранены.

Но родной сестрой политики по мнѣнію Аристотеля была этика. Обѣ эти науки превосходятъ важностью всѣ остальныя, обѣ онѣ имѣютъ практическую и притомъ общую цѣль; эта цѣль — осу-

ществленіе идеи добра. Нельзя думать, чтобы философъ, построившій свою „политику“ на такомъ огромномъ фундаментѣ, какъ 158 книгъ *πολιτειῶν*, свою „этику“ создалъ апріорнымъ путемъ; другими словами, мы должны допустить сочиненіе, относившееся къ „этикѣ“ Аристотеля точно такъ же, какъ его 158 книгъ *πολιτειῶν* относятся къ его „политикѣ“. Ставя вопросъ такимъ образомъ, мы почти что рѣшаемъ его; дѣйствительно, мы получаемъ пропорцію, три члена которой извѣстны, а при такихъ условіяхъ неизвѣстный четвертый членъ можетъ быть опредѣленъ безъ всякихъ затрудненій. Этотъ неизвѣстный членъ будетъ имѣть содержаніемъ описаніе опредѣленнаго числа человѣческихъ характеровъ, подобно тому, какъ *πολιτεῖαι* имѣли содержаніемъ описаніе опредѣленнаго числа государственныхъ конституцій; но, конечно, характеры эти не будутъ характерами опредѣленныхъ лицъ — современниковъ Аристотеля, что̀ было бы нескончаемо и безсмысленно. Въ этомъ отношеніи методъ автора нашего x'а долженъ былъ существенно отличаться отъ метода автора „политій“. Чтобы воздвигнуть прочное основаніе эмпирической этики недостаточно было копировать характеры встрѣчныхъ лицъ; надобно было предварительно, путемъ наблюденія и психологическаго анализа, выдѣлить въ сложномъ механизмѣ характера данной личности существенное среди случайнаго, дать этому существенному наименованіе, прослѣдить это существенное въ характерахъ другихъ лицъ, у которыхъ оно проявляется съ большей силой, и такимъ образомъ найти типическаго представителя того существеннаго, о которомъ идетъ рѣчь; его-то портретъ необходимъ для эмпирической этики, и собраніе такихъ портретовъ будетъ именно сочиненіемъ, котораго мы доискиваемся x'омъ нашей пропорціи. Другими словами: субстратомъ Аристотелевой этики была обширная этологія, построенная на тѣхъ же началахъ и по тому же методу, какъ и медицинская патологія; это послѣднее сравненіе мы будемъ имѣть въ виду и въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего разсужденія.

Сочиненіе, о которомъ идетъ рѣчь, дѣйствительно существовало въ древности; оно ходило подъ именемъ Ѳеофраста, лучшаго друга и ученика Аристотеля, и носило заглавіе *περὶ ἠθῶν*[1]). Намъ

[1]) Относительно сказаннаго здѣсь объ уцѣлѣвшихъ *χαρακτῆρες* Ѳеофраста и его сочиненія *περὶ ἠθῶν* сошлюсь на введеніе Petersen'а къ его изданію (1859 г.); замѣчанія Christ'а о Ѳеофрастѣ (Griech. Litteraturgesch. 436) не стоятъ на высотѣ

оно извѣстно довольно точно благодаря сохранившимся тремъ извлеченіямъ, содержащимъ описанія тридцати характеровъ. Конечно, извлеченіе никогда не можетъ замѣнить подлинника; къ тому же въ данномъ случаѣ эксцерпторы не только тщательно пропустили все, что было сказано Ѳеофрастомъ о цѣли его сочиненія, но одинъ изъ нихъ еще прибавилъ отъ себя предисловіе, долго вводившее въ заблужденіе читателей. Очевидно, эксцерпторъ самъ заблуждался; онъ дѣлалъ извлеченіе изъ сочиненія, въ которомъ было описано много дурныхъ и смѣшныхъ сторонъ человѣческаго характера; не мудрено, что онъ приписалъ этому сочиненію цѣль моралистическую: „дабы наши сыновья стали лучше, видя по оставленнымъ имъ въ назиданіе примѣрамъ, какіе люди наиболѣе достойны того, чтобы съ ними поддерживать сношенія", какъ онъ самъ выражается въ предисловіи. Не такъ давно Ѳеофрастъ попалъ даже въ сатирики. Одинъ нашъ современникъ пожелалъ подарить русской публикѣ переводъ одного извлеченія изъ его *περὶ ἠθῶν*, но по незнанію пересолилъ и — очевидно съ желаніемъ сдѣлать свой переводъ интереснѣе — написалъ его такимъ крѣпкимъ слогомъ, какой навѣрное никогда не грезился даже эксцерптору, не говоря уже о тонкомъ и благовоспитанномъ Ѳеофрастѣ; на основаніи то этого перевода одинъ критикъ — не филологъ, впрочемъ, — сначала произвелъ Ѳеофраста въ сатирики, а затѣмъ выбранилъ его за его блѣдность и отсутствіе сатирической соли. На самомъ же дѣлѣ сочиненіе Ѳеофраста имѣетъ не моралистическій и уже конечно не сатирическій, а исключительно этологическій характеръ. Моралистъ Сенека и сатирикъ Ювеналъ описываютъ человѣческіе пороки съ цѣлью возбудить отвращеніе къ нимъ, — этологъ Ѳеофрастъ описываетъ тѣ же пороки съ цѣлью изученія ихъ; первые пишутъ страстнымъ и гнѣвнымъ, послѣдній — спокойнымъ и дѣловымъ тономъ. Насколько Ѳеофрастъ отличается отъ моралистовъ и сатириковъ, настолько онъ приближается къ медикамъ, изучающимъ болѣзни человѣческаго тѣла и объясняющимъ намъ, по какимъ симптомамъ можно узнать какую болѣзнь. Возьмемъ, ради примѣра, начало десятой характеристики: „о скаредствѣ (*μικρολογια*): подъ скаредствомъ мы понимаемъ превосходящую разумную мѣру бережливость по отношенію къ деньгамъ;

науки. Мое разсужденіе объ Аристотелѣ въ примѣчаніяхъ не нуждается, являясь лишь отчасти новымъ освѣщеніемъ общеизвѣстныхъ фактовъ.

скареднымъ мы называемъ человѣка, который, напримѣръ, уступая свой домъ друзьямъ для собранія, взыскиваетъ по $^1/_2$ обола съ человѣка, или, видя что его рабъ разбилъ горшокъ или сковороду, дѣлаетъ ему соотвѣтствующій вычетъ изъ его порціи, или не дозволяетъ поднять упавшую съ его дерева маслину или финикъ и т. д.". Таковы всѣ тридцать характеристикъ; сперва идетъ опредѣленіе болѣзни души, затѣмъ симптомы, по которымъ она узнается. Нетрудно представить себѣ, какую важность должно было имѣть обширное сочиненіе, изъ котораго извлечены сохранившіеся намъ жалкіе эксцерпты, для такой этики, каковой была этика Аристотеля, въ которой проводилось ученіе о virtus in medio, о томъ, что каждая добродѣтель есть качество среднее между двумя пороками, бережливость, напримѣръ, качество среднее между скаредствомъ и расточительностью. А если такъ, то мы, конечно, не ошибемся, признавая Аристотеля вдохновителемъ этого столь необходимаго для его всенаучной лабораторіи сочиненія.

Постараемся представить себѣ этотъ фактъ во всей его важности. Аристотелю понадобилась, въ числѣ другихъ сочиненій, образующихъ его стройную энциклопедію человѣческихъ знаній, также и этика, разборъ нравственныхъ свойствъ человѣческой души. Каждый изъ его предшественниковъ, имѣя дѣло съ подобнаго рода задачей, просто изложилъ бы то, до чего онъ додумался бы своимъ умомъ, основываясь на томъ, чему научила его жизнь. Аристотель поступаетъ иначе; онъ говоритъ своимъ ученикамъ: „идите въ народъ и наблюдайте за всѣми; не гнушайтесь неприглядныхъ чертъ людей, съ которыми вы будете имѣть дѣло; онѣ для васъ важнѣе ихъ свѣтлыхъ сторонъ, подобно тому какъ для медиковъ больные люди важнѣе, чѣмъ здоровые. Не пренебрегайте мелочами; онѣ легче всего ускользаютъ отъ наблюдателя, а между тѣмъ именно онѣ составляютъ характеры тѣхъ людей, которые, въ свою очередь, составляютъ общество. Не увлекайтесь; вы должны постоянно помнить, что вы — естествоиспытатели, и что единственное чувство, которое вы должны ощущать при видѣ предмета вашихъ наблюденій, — любознательность". Такъ приблизительно долженъ былъ выразиться Аристотель. Его устами наука устранила преграду, отдѣлявшую ее до тѣхъ поръ отъ жизни. Про Сократа Цицеронъ говоритъ, что онъ свелъ философію съ неба и поселилъ ее въ хижинахъ людей; Аристотель сдѣлалъ тоже

самое съ наукой: онъ объявилъ весь окружающій насъ міръ ея предметомъ. Послѣдствія этого слова были чрезвычайно замѣчательны. До тѣхъ поръ эллины, можно сказать, не знали реализма въ полномъ смыслѣ слова: въ высокомъ искусствѣ, включая туда и поэзію, онъ подчинялся идеализму, въ низменномъ былъ низведенъ до карикатуры; произведеніе искусства должно было или облагороживать человѣка своей красотой, или веселить его своей уродливостью; чувство простой и безпристрастной любознательности не предполагалось существующимъ у публики. Теперь все это мѣняется; вся окружающая насъ пустая и мелочная жизнь была объявлена интересной — и вотъ реализмъ широкой струей вливается въ искусство и поэзію. Скульптура ощущаетъ на себѣ его вліяніе; ваятели изображаютъ, рядомъ съ богами и героями, обыкновенныя и грубыя физіономіи пастуховъ, рыбаковъ, деревенскихъ бабъ и мальчишекъ; живопись слѣдуетъ примѣру скульптуры, — создается жанръ. Въ поэзіи комедія прежде всего поддается новому теченію; она изгоняетъ карикатуру и пасквиль и превращается въ ту картину нравовъ, которая и понынѣ до нѣкоторой степени плѣняетъ насъ въ твореніяхъ Мольера — до нѣкоторой степени, такъ какъ то, что было естественнымъ и реальнымъ у Менандра, сдѣлалось условнымъ у его французскаго подражателя. Вообще поэзія благодаря своимъ твердо выработаннымъ формамъ мало годилась для воспріятія новаго содержанія; тѣмъ не менѣе теченіе реализма было столь мощно, что эти формы не устояли. Если не считать трагедіи, о судьбѣ которой въ тѣ времена мы ничего не знаемъ, то всѣ отрасли поэзіи, продолжавшія свое существованіе, прониклись реализмомъ. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ человѣку, котораго мы привыкли считать творцомъ т. н. александрійской поэзіи — Каллимаху. Какой родъ поэзіи, казалось бы, менѣе доступенъ реализму, чѣмъ гимны въ честь боговъ? Тѣмъ не менѣе реализмъ проникаетъ и туда; въ гимнѣ Каллимаха въ честь Артемиды мы находимъ очень интересную въ этомъ отношеніи картинку. Описывается, какъ малолѣтняя Артемида отправилась къ Киклопамъ добывать себѣ вооруженіе; поэтъ рисуетъ намъ жилище Киклоповъ, ихъ страшный видъ, ихъ работу. Подруги Артемиды — всѣ онѣ были девятилѣтними дѣвочками — нерепугались, увидѣвъ этихъ чудовищъ; поэтъ ихъ извиняетъ (ст. 64): „Имъ не грѣшно было испугаться ихъ; даже тѣ дочери блажен-

ныхъ, которыя не очень маленькія, не могутъ безъ страха видѣть Киклоповъ; и когда кто либо изъ дѣвочекъ не слушается своей матери, тогда мать стращаетъ свою дочку Киклопомъ, и вслѣдъ за тѣмъ изъ угла дома вылѣзаетъ Гермесъ, выпачкавъ все тѣло сажей, и пугаетъ дѣвочку; она же, закрывъ личико руками, бросается на лоно матери". Все это могло произойти и безъ сомнѣнія часто происходило въ семейной жизни современниковъ Каллимаха. Гермесъ здѣсь просто — проказникъ - старшій братъ, приходящій на помощь матери не столько съ педагогической цѣлью, сколько для своего удовольствія, чтобы самому посмѣяться на счетъ трусихи-сестры. Конечно, поэтъ не постарался объяснить намъ, какимъ образомъ у небожителей завелась вся эта дѣтвора; онъ прекрасно зналъ, что никто изъ его современниковъ не задастъ ему такого вопроса. Читая такіе гимны, невольно вспоминаешь религіозную живопись временъ Возрожденія, когда художники также мало стѣснялись со своими сюжетами и вводили обстановку обыденной жизни въ изображенія священныхъ сценъ; параллель эта тѣмъ удачнѣе, что въ обоихъ случаяхъ сигналъ ко вторженію реализма въ искусства былъ данъ наукой.

Послѣ гимновъ сдалась и эпическая поэзія; тотъ же Каллимахъ посвятилъ прекрасный эпосъ — „Гекалу" описанію угощенія аѳинскаго царя Ѳесея деревенской старушкой Гекалой, при чемъ были описаны съ большимъ реализмомъ, какъ сама хозяйка, такъ и убранство ея убогой хижины и скромныя блюда, которыми она потчивала своего высокаго гостя; этотъ примѣръ нашелъ себѣ подражателей. Тѣмъ не менѣе надобно сознаться, что это проникновеніе старыхъ формъ новымъ содержаніемъ было само по себѣ противно духу реализма — по крайней мѣрѣ того реализма, котораго требовалъ Аристотель. Въ комедіи нашъ интересъ сосредоточивается на фабулѣ, а фабула въ слишкомъ широкихъ размѣрахъ пользуется моментомъ случайности, чтобы быть вполнѣ реалистичной. Въ гимнахъ и эпосахъ выступаютъ боги и герои, — реализмъ играетъ второстепенную роль. Новое содержаніе требовало новой формы; это прекрасно понялъ современникъ Каллимаха, одинъ изъ лучшихъ поэтовъ Эллады — Ѳеокритъ. Спѣшу замѣтить, что Ѳеокритъ не былъ реалистомъ; онъ былъ скорѣе поэтомъ романтическаго направленія, можно даже сказать, что въ этомъ заключается его главная сила. Но въ нѣкоторыхъ своихъ стихотво-

реніяхъ онъ уступаетъ новымъ вѣяніямъ и приближается къ Каллимаху, а въ одномъ даже заходитъ значительно далѣе его. Это стихотвореніе — „Праздникъ Адониса"; его ядро — гимнъ въ честь этого несчастнаго любимца Афродиты. Итакъ, мы опять имѣемъ дѣло съ гимнической поэзіей; дана возможность, стало быть, сравнить Ѳеокрита съ Каллимахомъ, и результатъ сравненія рѣшительно въ пользу Ѳеокрита. Реалистическій элементъ не внесенъ Ѳеокритомъ въ самый гимнъ, какъ это было сдѣлано Каллимахомъ; ему посвящена особая бытовая сценка, внѣшнимъ образомъ соединенная съ гимномъ. Одна женщина-мѣщанка навѣщаетъ другую; поболтавъ другъ съ дружкой всласть, главнымъ образомъ о своихъ мужьяхъ, онѣ отправляются на праздникъ Адониса, слушаютъ гимнъ въ его честь и затѣмъ возвращаются домой. Фабула, стало быть, самая простая; не она привлекаетъ къ себѣ нашъ интересъ. Для самого поэта самымъ главнымъ былъ, повидимому, гимнъ, но насъ плѣняетъ не онъ, а именно обѣ собесѣдницы-мѣщанки и ихъ пустыя рѣчи, дышащія естественностью и жизненной правдой. Повидимому, авторъ этого стихотворенія изучалъ людей именно такъ, какъ этого требовалъ Аристотель; онъ почти что уже нашелъ форму, въ которой нуждалась поэзія съ тѣхъ поръ, какъ къ ней было предъявлено требованіе чистаго реализма — форму этологической поэмы. Я говорю „почти что", такъ какъ Ѳеокритъ не только оставилъ въ своемъ стихотвореніи чуждый реализму элементъ — именно гимнъ въ честь Адониса — но даже сдѣлалъ его ядромъ всего стихотворенія. Чтобы осуществить форму этологической поэмы, оставалось сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ — отбросить совсѣмъ это ядро и оставить одну только сценку. Ѳеокритъ этого шага не сдѣлалъ очевидно потому, что онъ былъ въ душѣ не реалистомъ, а романтикомъ.

До 1891 года мы должны были предполагать, что этотъ шагъ вовсе не былъ сдѣланъ. Ѳеокритъ оставался для насъ самымъ реалистическимъ поэтомъ т. н. эллинистическаго періода. Нынѣ же, благодаря счастливой находкѣ, мы знаемъ, что этотъ пробѣлъ былъ восполненъ послѣдователемъ и почитателемъ Ѳеокрита — именно тѣмъ поэтомъ, которому посвященъ настоящій очеркъ. Геродъ[1]

[1]) Основнымъ изданіемъ была до сихъ поръ перепечатка папируса, данная открывателемъ Герода Kenyon'омъ въ его Classical texts from papyri in the British Museum, Лондонъ 1891, стр. 1—40; отнынѣ ее замѣняетъ фотографическій сни-

представляетъ собою предѣльную точку въ томъ направленіи греческой мысли, исходной точкой котораго было поставленное Аристотелемъ требованіе, чтобы путемъ изученія характеровъ окружающихъ насъ людей былъ заложенъ фундаментъ достаточно солидный для того, чтобы нести на себѣ зданіе эмпирической этики; чего достигъ въ дѣловой, ученой прозѣ Ѳеофрастъ, къ чему стремились, каждый въ своей области, Менандръ, Каллимахъ, Ѳеокритъ, то осуществилъ Героdъ. Его мы должны считать творцомъ этологической поэмы, всецѣло посвященной изображенію нравовъ окружающихъ насъ людей, безъ всякихъ побочныхъ соображеній, притомъ изображенію ихъ ради одной только любознательности, а не въ видахъ проповѣди или сатиры. Еще разъ подчеркиваю эту послѣднюю разницу: Героdъ, подобно Ѳеофрасту, былъ этологомъ, а не моралистомъ или сатирикомъ.

Въ этомъ его значеніе; онъ понялъ въ чемъ состояло требованіе его времени, и создалъ тотъ родъ поэзіи, который наиболѣе соотвѣтствовалъ этому требованію. Отсюда слѣдуетъ, что онъ былъ замѣчательнымъ человѣкомъ, но далеко еще не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ великимъ поэтомъ. Напротивъ, Ѳеокритъ, какъ поэтъ,

---

момъ, которымъ *я*, однако, не имѣлъ возможности пользоваться непосредственно. Мелкіе отрывки, прочитанные послѣ появленія перепечатки, были изданы Kenyon'омъ особо, сверхъ того они читаются въ Revue de philologie за нынѣшній годъ, и въ обоихъ послѣднихъ поименованныхъ ниже изданіяхъ. Первую попытку представить удобочитаемый текстъ сдѣлалъ Rutherford (*Ἡρώνδου μιμίαμβοι*. Herondas. A first recension. Лондонъ, 1891; на-дняхъ появилось второе изданіе, которое, судя по рецензіи Крузіуса [Literar. Centralbl. отъ 6 февраля] немногимъ отличается отъ перваго). Эту попытку слѣдуетъ признать крайне неудачной: авторъ съ возмутительнымъ своеволіемъ переиначиваетъ традицію, которую мы можемъ признать превосходной, и со всѣмъ этимъ заставляетъ Герода выражаться неясно и безграмотно (рецензія Крузіуса въ Lit. Centralbl. 1891 № 40, слишкомъ снисходительна. Строго, но справедливо судитъ Diels въ Deutsche Literaturzeitg. 1891 № 39). Въ настоящее время можно пользоваться изданіями: Herwerden'а (Mnemosyne 1892) и Bücheler'а (Боннъ 1892 г.; оно взято мною въ основу); въ скоромъ времени должно появиться изданіе Crusius'а (Лейпцигъ), которымъ *я*, благодаря любезности издателя, могъ пользоваться въ корректурныхъ листахъ. Отдѣльно были издаваемы сценка I — Bücheler'омъ (Rhein. Mus. 1891, стр. 632), часть II-ой — Crusius'омъ (въ имѣющей появиться 4-й книжкѣ 49-го тома Philologus'а); III — Crusius'омъ (тамъ же) и Gercke и Günther'омъ (Wochenschrift f. class. Philologie 1891, № 48); IV — Kaibel'емъ (Hermes, 1891, стр. 587); V — Kaibel'емъ (тамъ же); отдѣльно изданныя сценки снабжены краткимъ экзегетическимъ комментаріемъ, изъ полныхъ только изданіе Rutherford'а.

стоитъ выше его, и если мы затрудняемся произнести то же сужденіе относительно Каллимаха, то виною тому, по всей вѣроятности, несчастная случайность, лишившая насъ возможности читать его Гекалу и Этія. Не всегда реформаторы бываютъ великими людьми; очень часто человѣкъ дѣлается реформаторомъ не столько благодаря своимъ положительнымъ качествамъ, сколько благодаря одному отрицательному — отсутствію сердечной теплоты, привязывающей насъ къ традиціи, хотя бы и сто разъ признанной нами отжившею свой вѣкъ. Но, какъ я уже сказалъ, Геродъ, во всякомъ случаѣ, поэтъ замѣчательный и заслуживающій того, чтобы мы познакомились съ нимъ ближе — т.-е., говоря точнѣе, съ его стихотвореніями, такъ какъ объ его жизни мы почти ничего не знаемъ. Въ первой его сценкѣ читается восторженная похвала Египту и его „доброму царю"; отсюда мы можемъ заключить, что Геродъ жилъ при дворѣ египетскаго царя или, по крайней мѣрѣ, намѣревался посѣтить этотъ дворъ, подобно Ѳеокриту; тамъ же упоминается „святыня боготворенной четы брата-сестры" и упоминается при такой обстановкѣ, что мы принуждены считать царя, о которомъ говоритъ Геродъ, тожественнымъ съ тѣмъ, который посвятилъ своимъ родителямъ эту святыню, т.-е. съ Птолемеемъ III Евергетомъ (247—222). Двѣ другія сценки имѣютъ театромъ дѣйствія островъ Косъ, но такъ какъ герои этихъ сценокъ представлены чужестранцами, то ясно, что самъ поэтъ не былъ родомъ изъ Коса; это доказывается еще и тѣмъ фактомъ, что онъ писалъ не на дорическомъ, а на іоническомъ нарѣчіи. Въ одной изъ этихъ сценокъ, именно въ четвертой, одна изъ собесѣдницъ съ апломбомъ называетъ живописца Апелла эфесцемъ, хотя не было никакой надобности называть его родину, да къ тому же Апеллъ родился не въ Эфесѣ, а въ Колофонѣ, и только впослѣдствіи получилъ гражданскія права въ Эфесѣ. Это наводитъ насъ на мысль, что герои нашего поэта, а съ ними и онъ самъ были эфесцами. Заключеніе это подтверждается однимъ мѣстомъ въ первой сценкѣ, именно выраженіемъ „хоромы нашей богини" въ смыслѣ „рай земной"; отсюда видно, что городъ, о которомъ идетъ рѣчь, славился культомъ одной богини, а это какъ нельзя лучше подходитъ къ Эфесу, обладавшему именно въ тѣ времена роскошнымъ храмомъ Артемиды [1]). Вотъ и все, что мы знаемъ о личности нашего поэта.

[1]) Вполнѣ сознавая гадательность этой гипотезы, я все же считаю ее болѣе

Зато мы должны быть благодарны судьбѣ, возвратившей намъ недавно семь полныхъ его стихотвореній, каждое длиною среднимъ

правдоподобной, чѣмъ двѣ другія, высказанныя до сихъ поръ. Небезинтереснымъ будетъ взвѣсить шансы за и противъ обѣихъ послѣднихъ.

I. Косъ. Эта мысль должна прійти каждому въ голову при чтеніи второй, третьей и четвертой сценокъ; во второй сценѣ ясно предполагается Косъ; для четвертой это, по крайней мѣрѣ, очень вѣроятно, такъ какъ дѣйствіе происходитъ въ знаменитомъ, украшенномъ Апелломъ и другими мастерами храмѣ Асклепія, а изъ трехъ прославленныхъ культомъ Асклепія городовъ, называемыхъ въ молитвѣ Коккалы (ст. 1).

Χαίροις ἄναξ Παίηον, ὃς μέδεις Τρίκκης
καὶ Κῶν γλυκεῖαν κἠπίδαυρον ᾤκηκας

только Косъ получаетъ почетный эпитетъ. Дѣйствительно, Кайбель полагаетъ, что Randъ auf Kos dichtete, выражаясь довольно осторожно. — Противъ Коса говорятъ, кромѣ названныхъ въ текстѣ двухъ причинъ, еще слѣдующія: 1) имена собственныя, насколько они не являются общегреческими, имѣютъ несомнѣнно іоническій или варварскій, а не дорическій колоритъ; 2) въ отрывкѣ изъ пролога, открытомъ недавно, поэтъ говоритъ про себя, что „его слава“ (*ἐμὸν κλέος*)

μεθ' Ἱππώνακτα τὸν πάλαι κ.εῖνον›
‹τ› ἀ κύλλ' ἀείδειν Ξουθίδαις

Потомки Ксуѳа, разумѣется, іонійцы; такъ объяснялъ это слово и Гесихій (*Ξουθίδαι οἱ Ἴωνες*; глосса заимствована изъ Ликофрона 987, какъ замѣтилъ приведшій ее Бюхелеръ). А если Randъ писалъ для іонійцевъ, то онъ не могъ быть косцемъ. 3) Прославленіе Коса, какъ города гостепріимнаго, во второй сценкѣ (ст. 31 сл.).

νῦν δ' οἱ μὲν ἐόντες τῆς πόλιος καλυπτῆρες
καὶ τῇ γενῇ φυσῶντες οὐκ ἴσον τούτῳ
πρὸς τοὺς νόμους βλέπουσι, κἠμὲ τὸν ξεῖνον
οὐδεὶς πολίτης ἠλόησεν

при всей своей комической формѣ, обусловливаемой маской ленона, указываетъ на то, что поэтъ пользовался гостепріимствомъ его жителей. Съ этой точки зрѣнія можно сравнить приведенное мѣсто съ похвалами, расточаемыми Пиндаромъ гостепріимной Эгинѣ (*Isthm.* V[VI]70). Впрочемъ слѣдуетъ обратить вниманіе на отношенія Коса, родины Птолемея Филадельфа, къ египетской династіи. 4) Выраженіе (I, ст. 26) *κεῖ* (т.-е. въ Египтѣ) *δ' ἐστὶν οἶκος τῆς θεοῦ* (illic autem est domus deae, Бюхелеръ) въ Косѣ непонятно.

II. Кизикъ былъ предположенъ Rutherford'омъ, по крайней мѣрѣ, какъ сцена для 3-ей и 7-ой поэмъ. Противъ этого ограниченія мы должны протестовать; такъ какъ нигдѣ въ этихъ сценкахъ Кизикъ по имени не названъ, то читатели Герода могли догадаться объ этой локализаціи только въ томъ случаѣ, если она была естественной, т.-е. если поэтъ самъ былъ родомъ изъ Кизика, если весь сборникъ носилъ заглавіе *Ἡρώδου τοῦ Κυζικηνοῦ*; а если такъ, то герои Герода вездѣ должны считаться кизикенцами и сценой дѣйствія вездѣ, гдѣ не

числомъ въ 100 стиховъ. Каждое стихотвореніе представляетъ собою законченную сценку изъ быта маленькихъ людей — современ-

названъ другой городъ и героя не изображены пришлыми, долженъ считаться Кизикъ. — Вообще за Кизикъ говорятъ слѣдующіе пункты, приведенные Рёзерфордомъ: 1) III 45 упоминается монета *ἡμαιθον*; Р. ссылается на глоссу Гесихія *ἥμαιθον: ἡμιωβόλιον· διώβολον παρὰ Κυζικηνοῖς*, изъ которой, однако, не слѣдуетъ, чтобы *ἥμαιθον* было въ оборотѣ исключительно, или даже преимущественно, у кизикенцевъ; а чтобы у Герода эта монета равнялась двумъ оболамъ, нигдѣ не сказано. Совершенно напротивъ: Метротима жалуется, что ей за каждую черепицу приходится платить *τρί ἥμαιθα*, а нельзя же допустить, чтобы черепицы въ Кизикѣ стоили по драхмѣ штука! — 2) Обстоятельство, что въ 3-й сценкѣ the school holidays are the days sacred to Apollo Р. сближаетъ съ преданіемъ, по которому основатель города, миѳическій Кизикъ, былъ сыномъ Аполлона, но самъ объявляетъ это сближеніе недоказательнымъ. — 3) Поговорка *τῇ Ἀκέσεω σεληναίῃ*; Р. ссылается на то, что Акесій былъ кормчимъ Нелея, Нелей основателемъ Милета, а Милетъ метрополіей Кизика. Но развѣ смыслъ темной поговорки отъ этого становится яснѣе? — 4) Самый серьезный аргументъ Р. заключается въ слѣдующихъ стихахъ седьмой сценки (ст. 87 сл.).

τῇ γὰρ εἰκοστῇ
τοῦ Ταυρεῶνος ἡκατῇ γάμον ποιεῖ
τῆς Ἀρτακηνῆς.

Правда, что слова Р. we only know of *Ταυρεών* as a Cyzicene month не совсѣмъ точны; какъ замѣтилъ Бюхелеръ, Taureonem Neptuno ut videtur sacrum mensem Iones habuere Samii Cyziceni Sinopenses и вѣроятно многіе другіе; все же противъ Коса говоритъ и это обстоятельство. Изъ важной роли, которую играетъ Геката, можно только вывести заключеніе, что дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ городовъ Малой Азіи. Но чрезвычайно интересно имя *Ἀρτακηνή*. Р. ссылается на *Ἀρτάκη*, предмѣстье Кизика (*Ἀρτάκης τοῦ ἐν τῇ Κυζικηνῶν νήσῳ χωρίου* Strabo XIII 583 гл. 4; *Μιλήσιοι συνῴκισαν... ἐν τῇ Κυζικηνῶν νήσῳ Ἀρτάκην Κύζικον* XIV 635 гл. 6; проще было бы сослаться на свидѣтельство Геродота IV 14 *ἄνδρα Κυζικηνὸν ἥκοντα ἐξ Ἀρτάκης πόλιος* и VI 33, гдѣ повѣствуется о разрушеніи этого города персами; слѣдовало также сослаться на *Ἀρτακίη*, источникъ близъ Кизика (Apoll Rhod. I 957) и Артака (*Ἀρτάκης*), имя одного изъ доліоновъ, спутниковъ героя Кизика (тамъ же ст. 1047). Такимъ образомъ можно сказать, что шансы въ пользу Кизика довольно серьезны. Но противъ него одно рѣшающее обстоятельство: никоимъ образомъ нельзя допустить, чтобы героини IV сценки, пришедшія помолиться въ Косъ женщины, были родомъ изъ дальняго Кизика; сами онѣ говорятъ (ст. 14) *οὐ γάρ τι πολλὴν οὐδ' ἕτοιμον ἀντλεῦμεν*. Могли ли онѣ совершить столь далекое морское путешествіе? Несомнѣнно городъ, о которомъ была рѣчь, лежалъ въ близости Коса; внутри его горизонта, такъ сказать, лежатъ Делосъ (III 51), Хіосъ (VI 58), Эриѳры (ibid.), гора Латмъ (VIII 10); на сосѣдство Лидіи указываютъ имена *Κανδᾶς* (VI 87) и *Κανδᾶτις* (VII 29, ср. *Κανδαύλης*); ничто не указываетъ на сосѣдство Чернаго моря.

никовъ и, повидимому, земляковъ Герода. Фабула, какъ и слѣдовало ожидать, вездѣ отличается простотой и обыденностью; высокаго полета мыслей и красоты слога мы требовать не въ правѣ; точно также естественность и, такъ сказать, безнамѣренность подбора исключали нравоучительную или сатирическую тенденцію. Поэтъ пишетъ безъ всякой задней мысли; онъ какъ бы говоритъ читателю: „кому интересно послушать рѣчи кумушекъ и богомолокъ, самодурокъ-барынь и сердитыхъ матушекъ, строгихъ учителей и проказниковъ-мальчугановъ, ремесленниковъ и людей неопрятной профессіи, — тотъ можетъ взять въ руки мою книжку; но пусть онъ ничего не требуетъ кромѣ голой правды; мои герои говорятъ стихами, а не прозой, но во всемъ остальномъ они — точные снимки съ тѣхъ, которыхъ вы ежедневно можете найти на улицахъ и у прилавка, на паперти храмовъ и въ засѣданіи суда, въ убогихъ хижинахъ и еще болѣе убогихъ квартиркахъ третьяго этажа; кому не интересны подлинники, тому не совѣтую заниматься и этими моими портретами". Въ этомъ существенная разница между Геродомъ и Менандромъ, даже совершенно независимо отъ фабулы: Менандръ при всемъ своемъ реализмѣ остается художникомъ, Геродъ не болѣе какъ добросовѣстный копистъ.

Въ нашъ вѣкъ фотографической живописи и экспериментальнаго романа такое отношеніе автора къ своему сюжету является вполнѣ естественнымъ; съ этой точки зрѣнія можно сказать, что Геродъ избралъ для своего воскресенія очень удобный моментъ; но отсюда еще далеко не слѣдуетъ, чтобы Геродъ былъ въ наши дни писателемъ вполнѣ понятнымъ и для тѣхъ, кто можетъ завести съ нимъ знакомство только при посредничествѣ переводчика. Всѣмъ извѣстно, какъ трудно передать на чужомъ языкѣ особенности народной рѣчи: именно то, что въ подлинникѣ сразу поражаетъ насъ своей жизненной правдой, въ переводѣ выходитъ безцвѣтнымъ и даже книжнымъ. И все таки переводъ остается, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, единственнымъ средствомъ, которымъ мы располагаемъ для того, чтобы дать представленіе о Геродѣ лицамъ, не имѣющимъ возможности читать его въ подлинникѣ; необходимо только, чтобы они прониклись убѣжденіемъ, что это очень недостаточное сходство, и что въ подлинникѣ они нашли бы навѣрное превосходнымъ то, что въ переводѣ кажется имъ только сноснымъ.

Возьмемъ, ради примѣра, третью сценку. Метротима, женщина преклонныхъ лѣтъ, входитъ, въ крайнемъ волненіи, въ домъ своего ближайшаго родственника[1]), учителя Ламприска, ведя за руку своего сына Коккала, здороваго мальчугана прибл. 12—14 лѣтъ. Слишкомъ много у нея накипѣло на душѣ; ея рѣчь льется какъ потокъ, и по всему видно, что она кончитъ нескоро, хотя цѣль своего посѣщенія она высказала уже съ первыхъ словъ. „Да благословятъ тебя, Ламприскъ, любезныя музы и дадутъ тебѣ испытать всякую радость и насладиться жизнью! Вели рабу поднять этого негодяя себѣ на плечи[2]) и дай ему такую порку, чтобы его скверная душа осталась ему на однѣхъ губахъ. Онъ совершенно разорилъ меня бѣдную своей игрой въ „орла и рѣшетку“[3]); да, бабокъ ему теперь уже мало; онъ придумалъ для меня еще болѣе тяжкое наказаніе. Спроси-ка его, гдѣ квартира его учителя — куда мнѣ каждое тридцатое число (охъ, ужъ это мнѣ тридцатое число!) приходится идти съ платой, хотя бы я навзрыдъ плакала — не скоро найдется онъ отвѣтить тебѣ; за то

---

[1]) Это требуетъ доказательствъ. Прежде всего, зачѣмъ она обращается къ Ламприску? Учителемъ ея сына онъ не былъ; тотъ обучался грамотѣ у „грамматиста“, а что послѣдній не былъ тожественъ съ Ламприскомъ, доказываетъ ст. 8.

κοῦ μὲν ἡ θύρη κεῖται
τοῦ γραμματιστέω καὶ τριηκὰς ἡ πικρὴ
τὸν μισθὸν αἰτεῖ κῆν τὰ Ναννάκου κλαύσω.

Такимъ образомъ остается предположить, что онъ былъ ея ближайшимъ родственникомъ. О степени родства дозволяетъ сдѣлать заключеніе ст. 72; мальчикъ Котталъ, которому угрожаетъ порка, проситъ Ламприска сжалиться въ слѣдующихъ словахъ:

πρός σε τῶν Μουσέων
καὶ τοῦ γενείου τῆς τε Κοττίδος ψυχῆς

(Переводъ Бюхелера et capitale tuum ingenium, данный на томъ основаніи, что дорическое *κοττίς* по Полидевку II 29 то же что *κεφαλή*, очевидно не болѣе какъ lusus ingenii. Что сказалъ бы онъ о фразѣ: *πρὸς τῆς κεφαλῆς ψυχῆς*? О дорической формѣ я и не говорю). Блаженная душа покойной Коттиды призывается заступницей Коттала передъ разгнѣваннымъ учителемъ; очевидно, Коттида была соединяющимъ звеномъ между обоими домами, а такъ какъ Коттал получилъ свое имя въ честь ея, то естественнѣе всего будетъ допустить, что она была сестрой его отца и женой Ламприска.

[2]) Ст. 3 *κατ' ὤμου δεῖρον*; иллюстраціей можетъ служить помпеянская картина, публикованная м. пр. Baumeister'омъ, Denkmäler III 1590.

[3]) *χαλκίνδα* ст. 6; что это азартная игра — доказывается смысломъ; въ текстѣ данъ примѣрный переводъ.

вертепъ, гдѣ живутъ носильщики и бѣглые рабы — этотъ онъ твердо знаетъ и другому показать можетъ. Бѣдная доска, которую я исправно натираю воскомъ каждый мѣсяцъ, лежитъ сиротой у ножки его кровати — той, что ближе къ стѣнѣ; онъ ненавидитъ ее пуще смерти, а если и возьметъ когда-либо въ руки, то и тогда ничего путнаго не напишетъ, а только весь воскъ соскоблитъ. Бабки (нетронутыя) валяются во всѣхъ мѣшкахъ и сѣткахъ; онѣ лоснятся точно наша бутылочка съ масломъ, которой мы постоянно пользуемся. Въ грамотѣ онъ ни аза не разберетъ, если ему не твердить пять разъ одно и то же; намедни отецъ заставилъ его разбирать по складамъ слово „Маронъ" — такъ этотъ грамотей Марона превратилъ въ Симона[1]), такъ что я сама себя прозвала дурой за то, что вмѣсто того, чтобы учить его пастиословъ, даю ему хорошее воспитаніе, думая найти въ немъ подспорье на черный день. Другой разъ, когда мы — или я, или его отецъ, подглуховатый и подслѣповатый старикъ — велимъ ему сказать какое-нибудь мѣсто изъ трагедіи, приличное его возрасту — такъ онъ цѣдитъ, какъ сквозь дырявый мѣшокъ: „Аполлонъ ....покровитель....ловцовъ[2])". „Да вѣдь это", говорю я, „сумѣетъ сказать тебѣ, несчастный, даже твоя матушка, никогда не обучавшаяся грамотѣ, да и любой фригіецъ". А попробуй-ка посильнѣе

---

[1]) Кто такое Маронъ? Оставляя въ сторонѣ догадку Кеніона, думавшаго о Вергиліи Маронѣ, намъ остаются двѣ, вѣрнѣе три, возможности: 1) допустить, что отецъ разбиралъ съ сыномъ девятую книгу Одиссеи, въ которой встрѣчается

Μάρων Εὐάνθεος υἱός,
ἱρεὺς Ἀπόλλωνος ὃς Ἴσμαρον ἀμφιβεβήκειν.

(ст. 197). Но это былъ бы со стороны Метротимы очень неудачный примѣръ. Что мудренаго въ томъ, что ея сынъ этого Марона не знаетъ? — 2) Предположить, что Маронъ былъ „героемъ" того города, гдѣ происходитъ дѣйствіе; къ сожалѣнію, мы не знаемъ, чтобы Маронъ гдѣ либо, кромѣ Маронеи ѳракійской (это ясно и помимо ненадежнаго свидѣтельства Филострата Heroicus II 8 стр. 680) и, пожалуй, аттической почитался какъ герой; съ другой стороны, ужасъ Метротимы былъ бы всего понятнѣе при этомъ предположеніи. — 3) Признать *Μάρωνα* именемъ какого нибудь изъ всѣмъ извѣстныхъ тогда современниковъ и земляковъ Герода.—Что касается слова *Σίμων*, то объясненіе Крузіуса, по которому *Σίμων* — „подлецъ" (какъ въ пословицѣ) кажется мнѣ болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ мнѣніе Бюхелера, что Метротима имѣетъ въ виду in jactu talorum nomen (Pollux VII 205).

[2]) Такъ понимаетъ это мѣсто Крузіусъ. Точно также и въ слѣдующемъ стихѣ я не принимаю непонятной конъектуры Бюхелера *τὰ λῇς* вм. *τάλης* или *τάλας*.

постращать его — такъ онъ или три дня не знаетъ порога нашего дома и тѣмъ временемъ разоряетъ свою мать, бѣдную старуху, или взберется на крышу и сидитъ тамъ, вытянувъ ноги и опустивъ голову, точно мартышка. А мнѣ-то каково видѣть его тогда, какъ ты думаешь! И не столько его самого жалко, сколько черепицъ, которыя крошатся точно хворостъ[1]), такъ что при приближеніи зимы меня заставляютъ платить по три полушки за каждую черепицу. Плачешь, да ничего не подѣлаешь: всѣ жильцы въ одинъ голосъ твердятъ, что это сдѣлалъ Метротиминъ сынъ Коккалъ — и чувствуешь, что это правда, такъ что даже раскрыть ротъ совѣстно.... Уже пожалуйста, Ламприскъ, если хочешь, чтобы вотъ эти богини дали тебѣ счастье и удачу для твоей дальнѣйшей жизни....“ Тутъ мальчуганъ, разумно молчавшій до тѣхъ поръ, не можетъ побороть свое нетерпѣніе и грубо обрываетъ мать, называя ее по имени: „Только языка своего, Метротима, не сули ему, благо у него свой есть, такой же длинный“[2]). Но тутъ чаша переполняется, и слѣдуетъ жестокая расправа, очень подробно описанная Геродомъ. Подъ конецъ проказникъ дѣлается „пестрѣе змѣи“; но Метротимѣ кажется, что все еще не достаточно; Лам-

---

[1]) Ст. 43 сл. *κοὐ τόσος λόγος τοὐδε,*
ἀλλ' ὁ κέραμος πᾶς ὥσπερ ἴτ(ρ)ια θλῆται.

Въ чтеніи ст. 43 всѣ согласны (о невозможномъ чтеніи Ruth'a говорить не стоитъ), но Бюхелеръ переводитъ его невѣрно neque huic vero est tanti; это и само по себѣ невозможно (требуемый Бюхелеромъ смыслъ могла бы имѣть лишь фраза *κοὐ — τῷδε*; мой переводъ подтверждаютъ безчисленные примѣры, въ родѣ Xen. *Cyr.* V 3, 26 *τὰ τείχη ἄν πειραθείην διασῶσαι, τῶν δ'ἄλλων μείων λόγος,* Hdt. VIII 102. *Μαρδονίου λόγος οὐδεὶς γίγνεται* и др.) и противорѣчитъ слѣдующему. — Зато конъектуру Ruth.'а *ἴτρια* (печенье, ср. нашъ „хворостъ“) я считаю несомнѣнной; чтеніе Бюхелера *ἰτίη* опровергается лучше всего его же переводомъ tegulae omnes tanquam vimina flectuntur ac franguntur; никогда черепицы не flectuntur, а lenta vimina какъ нельзя менѣе годятся въ аналогію хрупкимъ tegulae и imbrices.

[2]) Ст. 59 сл. Метротима:

ἀλλ' εἴ τί σοι, Λαμπρίσκε, καὶ βίου πρῆξιν
ἐσθλὴν τελοῖεν αἵδε κἀγαθῶν κύρσαις...
Кокк. *μὴ γλᾶσσαν αὐτῷ, Μητροτίμη, (μὴ) ἐπεύχεο,*
ἕξει γὰρ οὐδὲν μεῖον'. Лампр. *εὐθίης κοῦ μοι;*

Таково мое чтеніе (рук. *μη λασσον* т. е. *ἔλασσον*) и распредѣленіе. Что въ ст. 60 происходитъ смѣна дѣйствующихъ лицъ, доказываетъ *παράγραφος* надъ словомъ *ἕξει*. Остальные даютъ ст. 59 сл. Ламприску.

прискъ обѣщаетъ ей продержать ея сына нѣсколько времени у себя, подъ домашнимъ арестомъ, и познакомить его въ это время основательно, подъ аккомпаниментъ розги, съ книгой; это обѣщаніе ее успокоиваетъ, и она уходитъ разсказать обо всемъ мужу.

Я нарочно привелъ in extenso жалобу Метротимы; въ ней заключается главный интересъ нашей сценки съ бытовой точки зрѣнія. Нѣтъ надобности доказывать, что эта женщина отнюдь не комическій персонажъ. Она уже на склонѣ лѣтъ, она почти-что вдова, такъ какъ ея старый мужъ, „страдающій и глазами и ушами", къ работѣ очевидно неспособенъ. Она — глава семьи; ея сына сосѣди называютъ „сыномъ Метротимы", а не по отчеству; отца, стало быть, какъ бы не существуетъ. Она очень бѣдна: ей трудно платить учителю грамоты его ничтожное мѣсячное жалованіе, трудно отдать нѣсколько полушекъ за разбитыя черепицы. За свои трудовые гроши она рѣшила дать сыну хорошее воспитаніе, надѣясь на будущее; но этотъ сынъ развивается такъ, какъ часто развиваются мальчики, не чувствующіе надъ собой авторитета отца; наука ему не по вкусу, зато онъ дружится съ людьми самой сомнительной нравственности и играетъ съ ними въ азартныя игры на деньги, взятыя у матери, или — что̀ еще вѣроятнѣе, — вырученныя за проданную домашнюю утварь. Таково горе этой маленькой семьи. Все же поэтъ постарался о томъ, чтобы портретъ его героини вышелъ не слишкомъ гармоничнымъ; онъ внесъ въ ея горе тотъ диссонансъ, который присущъ неподдѣльному горю по крайней мѣрѣ тѣхъ людей, которые не пріобрѣли путемъ строгаго самоизученія и самовоспитанія нѣкоторой, можно сказать, гладіаторской выправки. Здѣсь, прежде всего, комическая нотка: нескончаемость рѣчи бѣдной старушки, приводящей не только всякіе пустяки изъ жизни ея сына, но и сдѣланныя ею по поводу этихъ пустяковъ довольно пустыя замѣчанія. Здѣсь, во вторыхъ, добрая доля наивнаго эгоизма; можно не придавать значенія словамъ Метротимы, что ей жаль не сына, который можетъ полетѣть съ крыши и сломать шею, а черепицъ; эти слова она могла сказать въ сердцахъ. Но она открыто сознается, что давая сыну хорошее воспитаніе, она думаетъ о себѣ; это очень тонкая и правдивая черта. Материнская любовь, такимъ образомъ, не особенно велика; мнѣ думается, что современный реалистъ остался бы вполнѣ доволенъ характеромъ этой матери.

Послѣ матери займемся типомъ супруги; мы встрѣчаемъ его въ первой сценкѣ. Метриха, хорошенькая молодка, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ оставлена своимъ мужемъ Мандрисомъ; онъ уѣхалъ,— ну, разумѣется, туда, куда уѣзжали тогда предпріимчивые люди, въ Египетъ, къ „доброму царю“ Птолемею Евергету; о тонкомъ панегирикѣ этому послѣднему была рѣчь выше. Въ это то скучное время отсутствія мужа ее посѣщаетъ ласковая старушка Гиллида, „тетка Гиллида“, какъ ее называетъ Метриха; судя по всему, она врядъ ли могла свободно навѣщать свою молодую подругу въ бытность ея мужа. Метриха ей рада: есть съ кѣмъ поболтать; а чтобы болтать можно было безъ стѣсненій, прислуга высылается изъ комнаты. Предосторожность оказывается умѣстной: старушка „рѣчь ведетъ обинякомъ“, но цѣль, къ которой она стремится, довольно ясна. „Давно ты уже вдовой сидишь, дитятко мое? Вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ Мандрисъ уѣхалъ въ Египетъ, уже десять мѣсяцевъ прошло, а написалъ ли онъ тебѣ хоть одну букву съ тѣхъ поръ? Позабылъ онъ тебя; вотъ что: полюбилось ему вино изъ новой чарки. А въ Египтѣ живется хорошо — охъ, какъ хорошо! Чего тамъ только нѣтъ! и богатство, и слава, и зрѣлища, и царская милость. А женщинъ тамъ столько, сколько звѣздъ на небесномъ сводѣ; и всѣ онѣ первыя красавицы, не хуже тѣхъ трехъ богинь, что̀ нѣкогда предстали передъ Парисомъ на горѣ Идѣ“. Сравненіе это для этихъ богинь вовсе не лестно; набожная Гиллида сознаетъ это и бормочетъ про себя: „авось онѣ не разслышали, что я про нихъ сказала“[1], а затѣмъ снова обращается къ своей собесѣдницѣ: „Такъ зачѣмъ же ты, бѣдняжка, сиднемъ сидишь дома („кресло грѣешь“, какъ она картинно выражается)? Сама не успѣешь оглянуться, какъ наступитъ старость, и пропадетъ твоя красота[2]. Перестань тосковать, повеселись денька два или три, съ новымъ другомъ. Нехорошо кораблю стоять на одномъ якорѣ. Неровенъ часъ, нагрянетъ буря... ну, не пугайся, дитятко, да хранятъ тебя боги отъ нея — но вѣдь

---

[1]) I ст. 35 сл. *λάθοιμ' εἰποῦσα.* Вообще въ основу разбора этой сценки положено изданіе Крузіуса.

[2]) Ст. 38 *καί σευ τὸ ὥριμον τεφρὴ* (sic) *κάψει. Τεφρὴ* здѣсь „сѣдина“ (ср. VII 71 *ναὶ μὰ τήνδε τὴν τεφρὴν κόρσην*), а не „пепелъ“, т.-е. „смерть“, какъ можно бы подумать по переводу Бюхелера tuamque juventam cinis hauriet. Ср. (*ἡ*) *πολιά* въ примѣрахъ у Steph. Thes. VI 1844.

буря можетъ разразиться хоть сейчасъ; такъ вотъ тогда-то онъ, этотъ другъ, спасетъ тебя и не дастъ вѣтрамъ унести тебя въ море. Всяко бываетъ". „Чего же тебѣ надо?" — спрашиваетъ ошеломленная Метриха. — „А насъ никто не подслушиваетъ?" — „Нѣтъ, никто"[1]). — „Такъ вотъ слушай". Тутъ Гиллида рисуетъ своей подругѣ портретъ идеальнаго юноши, который разъ увидалъ ее на одномъ празднествѣ и съ тѣхъ поръ забыть не можетъ; если вѣрить Гиллидѣ, онъ внѣ себя, онъ изнываетъ, но все-таки обнаруживаетъ достаточно здраваго смысла, какъ видно изъ того, что онъ обратился со своими жалобами не къ вѣтрамъ и листьямъ деревьевъ, подобно герою Каллимаха, а къ опытной Гиллидѣ, и притомъ, какъ показываетъ слѣдующее, не съ пустыми руками. За то та описываетъ его въ самыхъ яркихъ краскахъ. Какъ подобаетъ благородному эллину, онъ нѣсколько разъ былъ побѣдителемъ на пиѳическихъ и истмическихъ играхъ — не чета Мандрису, стало быть. Онъ невѣроятно богатъ; при этомъ онъ человѣкъ смирный и добрый, мухи не обидитъ; онъ — алмазъ непорочный. Онъ сверхъ того щедръ и подаритъ подругѣ такую вещь, о которой она даже мечтать не смѣла. „Послушайся меня", заключаетъ искусительница свою рѣчь, „клянусь богами, я говорю это изъ любви къ тебѣ". Но это увѣреніе не помогаетъ; Метриха, при всей своей неопытности, поняла, чего требуютъ отъ нея. Она не падаетъ въ обморокъ, не обрушивается на старуху съ проклятіями и бранью, а только строго и не безъ скрытой угрозы замѣчаетъ ей: „Недаромъ, Гиллида, слово молвится: волосъ бѣлѣетъ, и умъ тупѣетъ. Клянусь возвращеніемъ Мандриса и милой Деметрой, другой бы я этихъ рѣчей не простила; я проучила бы ее такъ, что она запѣла бы у меня другимъ голосомъ, и впредь считала бы порогъ моего дома своимъ врагомъ. Да и тебя я прошу обращаться съ такими рѣчами къ уличнымъ щеголихамъ, а не ко мнѣ.

[1]) Ст. 42 сл. Пользуясь догадками Бюхелера въ Rhein. Mus. я возстановляю это сильно поврежденное мѣсто слѣдующимъ образомъ (мои предложенія напечатаны разрядкой):

κεῖνος, ἣν ἔλθῃ
[λίψ — μᾶ, φίλη, ἔλθοι] μηδὲ εἷς — (σ') ἀναστήσει
με [θορ] μί [σας]. τὸ δ [ῶμα] δὲ ἄγριος χειμὼν
[κάτεισι σείσων αὐτίκ']. οὐδὲ εἷς οἶδεν
[τὸ μέλλο]ν ἡμέων· ἄστατος γὰρ ἀνθρώποις
[ζοή... Метр. τί οὖν φ] ή [ς]; Гилл. ἀλλὰ μή τις ἔστηκε и т. д.

Пускай уже Пиѳіева дочь, Метриха, грѣетъ себѣ кресло; не будутъ, по крайней мѣрѣ, люди смѣяться въ глаза Мандрису". Итакъ соблазнительница потерпѣла полную неудачу; но Метриха прекрасно понимаетъ, что такихъ людей, какъ Гиллида, надобно или не знать вовсе, или — разъ завязавъ съ ними знакомство — беречь. Она призываетъ прислугу, чѣмъ заодно заставляетъ старуху дать разговору другое направленіе, и велитъ ей принести для гостьи чарку добраго вина. Гиллида сначала ворчитъ, но пить не отказывается; только при уходѣ она посылаетъ во тьму кромѣшную несговорчивую подругу[1]) и желаетъ долгой юности двумъ другимъ кліенткамъ, которыми она, очевидно, имѣетъ основаніе быть довольной.

Сценка съ Метротимой стояла особнякомъ въ древней литературѣ; настоящую мы въ состояніи сопоставить съ тремя аналогичными произведеніями: во первыхъ, съ одной сценой въ комедіи Плавта „Mostellaria“ (ст. 177 сл.), встрѣчавшейся, вѣроятно, и въ греческомъ подлинникѣ, обработанномъ Плавтомъ, — въ комедіи Филемона, современника Менандра; во вторыхъ, съ элегіей Овидія (Amores I, 7); въ третьихъ, съ сценкой Лукіана („Разговоры гетеръ", 7). Главный мотивъ вездѣ одинъ и тотъ же: пожилая женщина предлагаетъ молодой красавицѣ, ради богатыхъ подарковъ и обезпеченія въ будущемъ, измѣнить обѣту вѣрности. Второстепенныя различія въ фабулѣ мы можемъ оставить безъ вниманія, такъ какъ не въ фабулѣ заключается главный интересъ сценокъ Герода; ограничимся одной этологіей. Въ этомъ отношеніи самый сильный недочетъ оказывается на сторонѣ Овидія; красавица не охарактеризована вовсе, или почти что вовсе; про нее сказано только, что она краснѣетъ. Что же касается старухи, то она является у Овидія вѣдьмой въ буквальномъ смыслѣ слова: она своими чарами стягиваетъ луну съ небосклона, вызываетъ тѣни умершихъ, летаетъ по воздуху и т. д.; подобно Геродовой Гиллидѣ, и она любитъ выпить, но у нея эта страсть, по которой

---

1) Ст. 88. Нетрудно убѣдиться, что по характеру Гиллиды такое заключеніе необходимо. На этомъ основаніи я послалъ Крузіусу такое возстановленіе стиха: *σὺ δ'εὐτύχει μοι τέκνον. Ἆ [ιδηι συγχωρέω] ταύτην*, которое имъ было очень удачно измѣнено въ *Ἀ [ἴδης γήμαι] ταύτην*. Но Бюхелеръ прочиталъ въ своемъ exemplar photographicum послѣ *α* еще и *λ*; до контроля этого чтенія Крузіусомъ оставляю это мѣсто подъ сомнѣніемъ.

она и названа Дипсадой, превосходитъ всякую разумную мѣру: поэтъ насъ увѣряетъ, что она никогда не встрѣчаетъ утренней зари въ трезвомъ видѣ. Новый другъ, котораго она рекомендуетъ красавицѣ, обладаетъ только однимъ качествомъ: онъ неизмѣримо богатъ. Она пускается въ длинное разсужденіе о томъ, что это качество замѣняетъ всѣ остальныя. Присмотрѣвшись ближе, мы замѣчаемъ, что въ этомъ разсужденіи и заключается главный интересъ элегіи, что все остальное — не болѣе какъ рамка къ нему; другими словами — поэтъ преслѣдовалъ не этологическую, а моралистическую цѣль; а если такъ, то несправедливо и сравнивать его съ Геродомъ. Гораздо ближе къ Героду въ этомъ отношеніи Плавтъ, alias Филемонъ. Филолахетъ, честный юноша, выкупилъ за отцовскія деньги прекрасную невольницу Филематіонъ, и ему угрожаетъ поэтому жестокій нагоняй со стороны строгаго родителя; въ ожиданіи этого послѣдняго онъ пришелъ полюбоваться на свое новое счастье и случайно дѣлается свидѣтелемъ разговора Филематіонъ съ ея старой прислужницей Скафой. Скафа говоритъ Филематіонъ приблизительно то же, что Гиллида Метрихѣ. Но странное дѣло! Сопоставляя Плавта съ Геродомъ, мы находимъ, что у Герода все просто, естественно, у Плавта шаржировано и шаблонно. Шаржъ мы можемъ оставить на совѣсти римскаго поэта, допуская, что подлинникъ этимъ грѣхомъ грѣшенъ не былъ; но и тогда перевѣсъ окажется на сторонѣ Герода. Почему это? Потому, что у Филемона эта сцена существуетъ ради фабулы, у Герода ради себя самой. Фабула требуетъ, чтобы Филематіонъ была изображена идеаломъ душевной чистоты; это необходимо для того, чтобы наши симпатіи оставались на сторонѣ юноши, пренебрегшаго ради ея отцовской волей; во имя этой цѣли поэтъ нѣсколько отступился отъ полной естественности, между тѣмъ какъ Геродъ ничѣмъ связанъ не былъ. Этотъ примѣръ очень поучителенъ: онъ какъ нельзя лучше доказываетъ, что только бытовая сценка, а не комедія, могла быть той формой, въ которой нуждалась этологическая поэма. А если такъ, то мы заранѣе должны будемъ относиться съ особеннымъ интересомъ къ тому автору, у котораго мы заимствовали нашу третью параллель — Лукіану. Дѣйствительно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ бытовой сценкой, такой же, какъ и сценка Герода, только написанной прозой, а не стихами, отъ чего естественность, разумѣется,

можетъ только выиграть. Но къ сожалѣнію, это только такъ кажется; при болѣе внимательномъ изученіи сборника, къ которому принадлежитъ и наша сценка, именно „Разговоровъ гетеръ“, дѣлается очень вѣроятнымъ, что его сценки представляютъ собою переложеніе въ прозу сценъ, заимствованныхъ изъ комедій Менандра и его сподвижниковъ, при чемъ главная задача автора состояла, разумѣется, въ томъ, чтобы избѣжать характера отрывочности, осторожно порвать нити, связывавшія избранныя имъ сцены съ фабулой всей комедіи, такъ, чтобы онѣ являлись цѣльными и законченными. Это ему прекрасно удалось въ нашей сценкѣ. Этотъ разъ искусительница — родная мать; она недовольна тѣмъ, что ея дочь отталкиваетъ отъ себя всѣхъ богатыхъ и щедрыхъ юношей, которые желали бы ухаживать за нею, и ладитъ только съ однимъ невзрачнымъ молодымъ человѣкомъ низкаго происхожденія и безъ всякаго состоянія. Дочь защищаетъ свой поступокъ, но не такъ, какъ это дѣлаетъ Филематіонъ Плавта. Она не говоритъ: „Я его одного люблю, я хочу быть ему вѣрной“. Въ той бѣдной средѣ, въ которую насъ вводитъ авторъ, любовь и вѣрность составляютъ лишь часть пышнаго наряда гетеры; въ немъ блистаютъ лишь на улицѣ и въ кругу веселящейся молодежи; дома его не носятъ, такъ какъ онъ плохо гармонировалъ бы съ реализмомъ голыхъ стѣнъ и битой утвари. Дѣвушка говоритъ, что ея бѣдный другъ обѣщалъ ей то, чего не привыкли обѣщать, и подавно не привыкли сдерживать богатые юноши — обѣщалъ жениться на ней. „Обѣщалъ!“ вздыхаетъ мать; но дочь тоже понимаетъ, что она играетъ съ большимъ рискомъ для себя — съ рискомъ потерять свою молодость и все-таки остаться ни съ чѣмъ. Она дѣлаетъ такъ не потому, чтобы была увѣрена въ успѣхѣ, а потому, что не видитъ для себя другой возможности пристроиться; съ этимъ должна согласиться и мать. Какъ видно изъ этого эскиза, по части реализма Лукіанъ не уступаетъ Героду, въ чемъ, впрочемъ, нѣтъ большой заслуги, если сообразить, что онъ жилъ четырьмя столѣтіями позже его. За Геродомъ остается лишь одно преимущество — неподражаемая прелесть народной рѣчи.

Познакомимся теперь съ третьимъ изъ женскихъ типовъ Герода — съ самодуркой-барыней. Имя ей — Битинна. Если бы я имѣлъ возможность привести въ точномъ переводѣ всѣ ея рѣчи — мнѣ не трудно было бы выставить ее настоящей родоначальницей героинь

„Пошехонской старины". Но точность переводчика имѣетъ свои предѣлы; познакомиться съ грубымъ цинизмомъ, который характеризуетъ эту женщину въ ея сношеніяхъ со своей челядью[1]), можно только въ подлинникѣ. Относительно содержанія я долженъ ограничиться краткимъ намекомъ: рѣчь идетъ о Гастронѣ, красавцѣ-рабѣ Битинны, котораго та приревновала къ какой-то другой женщинѣ, Амфитеѣ. Наша барыня изображена вообще женщиной съ необузданными страстями и склонной къ насилію; а тутъ еще предметъ ея ревнивой ненависти является вмѣстѣ съ тѣмъ ея рабомъ, ея полной собственностью. Нечего и говорить, что происходитъ сцена, достойная самыхъ темныхъ временъ крѣпостного права. Битинна велитъ другому рабу, Пиррію, вязать „лакомку" Гастрона, да потуже, и отвести въ мельницу, служившую

---

[1]) Одинъ образчикъ я долженъ привести, такъ какъ онъ затемненъ въ изданіи Бюхелера. V 27 сл. Гастронъ говоритъ

ἄνθρωπός εἰμι, ἥμαρτον· ἀλλ' ἐπὴν αὖτις
ἔλῃς τι δρῶντα τῶν σὺ μὴ θέλῃς, στίξον.

Затѣмъ слѣдуетъ *παράγραφος*, доказывающая, что говоритъ другое лицо; этому благопріятствуетъ и *ἀσύνδετον*; дальнѣйшіе два стиха у Кеніона имѣютъ слѣдующую форму:

προς Αμφυταιην ταυτα μη με πληκτιζεν
μεθ ης αλιν δῖ και εμον· η... οψηστρον

Бюхелеръ очень вѣрно дополняетъ *ἀπόψηστρον*, но врядъ ли справедливо, вопреки традиціи, оставляетъ эти слова Гастрону, пишетъ *καὶ ἐμὸν ἦστ' ἀπόψηστρον* и переводитъ cum Amphytaea haec noli mihi suscensere, quacum molere oportet meumque statutum est hostorium; я предлагаю дать эти два стиха Битиннѣ и писать такъ:

πρὸς Ἀμφυταίην ταῦτα, μὴ 'μέ, πληκτίζευ,
μεθ' ἧς (σ') ἀλεῖν δεῖ καὶ ἐμὸν [φλ]ῆ[ν ἀπ]όψηστρον.

Т.-е. „не надобно мнѣ твоихъ нѣжностей; прибереги ихъ для Амфитеи, съ которой тебѣ придется молоть муку и..." Въ частности замѣчу, что *πληκτίζεσθαι* имѣетъ здѣсь такое же значеніе, какъ Strab. XI 512 *πινόντων ἅμα καὶ πληκτιζομένων πρὸς ἀλλήλους ἅμα τε καὶ τὰς συμπινούσας γυναῖκας,* Dio Cass. XLVI 18, 4 *ἀνὴρ σκωπτόλης ἀθυρόγλωσσος πρὸς γυναῖκα ἑβδομηκοντοῦτιν πληκτιζόμενος,* и въ др. м., между тѣмъ какъ требуемаго Бюхелеромъ значенія это слово не имѣетъ нигдѣ; затѣмъ, что грубое *φλῆν* = *ἐσθίειν*, ср. Arist. *Eir.* 1036 *φλᾶν ταῦτα πάντα καὶ σποδεῖν*, *Plut.* 694 *τῆς ἀθάρας πολλὴν ἔφλων;* наконецъ, что *ἀπόψηστρον (ἅπ. λεγ.)* = *ἀπόψημα*, подобно тому какъ *ἀπόμακτρον* = *ἀπόμαγμα* и что въ основу легло то значеніе глагола, въ которомъ его употребляетъ Аристофанъ *Plut.* 816 *ἀποψώμεσθα δ'οὐ λίθοις ἔτι, ἀλλὰ σκοροδίοις ὑπὸ τρυφῆς, Ran.* 490 *ἐγὼ δ'ἀνέστην καὶ προσέτ' ἀπεψησάμην.*

въ тоже время и застѣнкомъ для провинившихся рабовъ. Заплечнымъ мастеромъ состоялъ тамъ нѣкто Гермонъ; ему Битинна велитъ передать Гастрона, чтобы онъ наградилъ ея бывшаго любимца кнутомъ, давъ ему тысячу ударовъ въ спину и тысячу въ животъ; „смотри не забудь", говоритъ она Пиррію: „тысячу сюда и тысячу сюда; слышалъ?" Пиррій уходитъ, уводя съ собой Гастрона на вѣрную смерть. Тутъ поэтъ прибавилъ новую интересную черту; повидимому, прочимъ рабамъ приходилось не мало терпѣть отъ прихотей Гастрона, пока онъ пользовался милостями барыни; за то съ какой радостью набросился на него теперь этотъ самый Пиррій, съ какимъ наслажденіемъ влечетъ онъ его на пытку, поскорѣе, чтобы Битинна не успѣла опомниться! Но Битинна все таки опомнилась; въ самомъ дѣлѣ, что она сдѣлала? Убьютъ въ ея отсутствіи ея раба, не давъ ему и сотни ударовъ, пропадутъ даромъ три мины, которыя она заплатила за него и главное — не надъ кѣмъ ей будетъ болѣе изливать свою злобу. „Скорѣе, скорѣе, раба", говоритъ она прислужницѣ, „зови ихъ обратно, пока они еще недалеко". Эта прислужница, Кидилла, играетъ интересную роль въ этомъ гадкомъ хозяйствѣ. Она, дѣвушка съ добрымъ сердцемъ, имѣетъ большую власть надъ своей, въ корень испорченной, госпожей; послѣдняя — неизвѣстно какими судьбами — вскормила ее, какъ она сама выражается, на своихъ собственныхъ рукахъ и любитъ не менѣе родной дочери. Кидилла рада; она пускается въ догонку за удаляющимися. „Пиррій, остановись! Аль ты оглохъ? Тебя зовутъ! Господи, что это такое! Подумаютъ, что ты тащишь какого то гробокрадцу, а не товарища-раба! Не совѣстно ли тебѣ съ такой силой волочить его на пытку? Смотри, Пиррій; не пройдетъ пяти дней, какъ я увижу твои собственныя ноги въ тѣхъ же оковахъ, которыя ты приготовилъ для него". Пиррій волей-неволей возвращается. Тѣмъ временемъ Битинна успѣла придумать другое наказаніе. „Его ты введи сюда и оставь связаннымъ, говоритъ она Пиррію, „а самъ пойди за Косіемъ — тѣмъ, что клеймитъ рабовъ, и вели ему придти сюда съ иглами и чернилами. Будешь ты у меня пестрымъ", говоритъ она съ злорадствомъ Гастрону, „не такъ, такъ иначе". Но тутъ Кидилла вступается за несчастнаго. „Прости его", говоритъ она жестокой госпожѣ, „сели хочешь, чтобы твоя дочь осталась живой, если хочешь выдать ее замужъ и ласкать малютокъ - внучатъ". Но Битинна

слишкомъ оскорблена; ея честь, о которой она имѣетъ очень своеобразныя понятія, слишкомъ глубоко ранена. „Не мучьте меня, Кидилла“, говоритъ она, „а то я вонъ убѣгу изъ дома. Какъ! мнѣ отпустить этого негоднаго раба? Да вѣдь послѣ этого первая встрѣчная можетъ по праву плюнуть мнѣ въ лицо. Нѣтъ! коль скоро онъ не умѣетъ вести себя по человѣчески, пускай хоть клеймо на его лбу научитъ его знать, кто онъ“. „Но вѣдь черезъ пять дней двадцатое число и праздникъ Гереній“[1]), замѣчаетъ Кидилла. Это въ самомъ дѣлѣ дѣйствуетъ на барыню: она отпускаетъ раба, но только на время. „Дай намъ только справиться съ чествованіемъ мертвыхъ, и будетъ тебѣ праздникъ послѣ праздника“[2]). Такимъ образомъ сцена кончается угрозой, но мы ей болѣе не вѣримъ: черезъ пять дней гнѣвъ Битинны успѣетъ остыть, Гастронъ опять понравится ей за тѣ же качества, за которыя нравился раньше, и предсказаніе Кидиллы относительно Пиррія сбудется. Дѣйствіе нашей сценки, такимъ образомъ, закончено.

Перейдемъ къ болѣе отрадной картинѣ. Четвертая сценка вводитъ насъ въ храмъ Асклепія, повидимому въ Косѣ. Нѣкая Коккала съ подругой пришла помолиться богу и принести ему пѣтуха

---

[1]) Въ подлинникѣ (ст. 80) *ἀλλ' ἔστιν εἰκάς καὶ Γερῆνι' ἐς πέμπτην*, такъ что можно понимать и такъ: „но сегодня двадцатое число и черезъ пять дней Гереніи“. Это толкованіе я считаю менѣе вѣроятнымъ; на родинѣ Герода *εἰκάδες* вообще были праздниками (ср. III 53), такъ что указаніе на предстоявшія Гереніи были бы излишны. Эти послѣднія были, какъ видно изъ ст. 84 *ἐπεὰν δὲ τοῖς καμοῦσιν ἐγχυτλώσωμεν* праздникомъ умершихъ, подобно аѳинскимъ Анѳестеріямъ и римскимъ Feralia; интересенъ фактъ, что уже пятый день до Гереній имѣлъ полупраздничный характеръ; отсюда мы заключаемъ, что и на родинѣ Герода празднику душъ предшествовала „родительская недѣля“, какъ въ Римѣ Фераліямъ parentales dies. Но почему же праздникъ умершихъ назывался Гереніями? Что герой лезбосскаго города Герена здѣсь ни при чемъ, совершенно ясно; а то пришлось бы допустить, что и все дѣйствіе происходитъ на Лезбосѣ и спеціально въ Геренѣ. Не имѣетъ ли какого либо отношенія къ нашему Герену аристофановъ *Γέρης*? (Eccl. 932 *σοὶ γὰρ φίλος τίς ἐστιν ἄλλος ἢ Γέρης*; ср. 994 сл. *ὀρρωδῶ τὸν ἐραστήν σου... ὃς τοῖς νεκροῖσι ζωγραφεῖ τὰς ληκύθους*). Ср. *λέβης* и *Λεβήν*. — Другой вопросъ — не тожественны ли эти Гереніи съ праздникомъ, упоминаемымъ VII 85 *τῇ γὰρ εἰκοστῇ* (NB) *τοῦ Ταυρεῶνος ἡκατῆ γάμον ποιεῖ τῆς Ἀρτακήνης*; отношеніе Гекаты къ празднику умершихъ самое естественное; что же касается свадьбы Артакены, то напомнимъ, что и въ Аѳинахъ въ праздникъ умершихъ, Анѳестеріи, происходила мистическая свадьба Діониса съ архонтшей-царицей *(Διονύσου γάμος)*.

[2]) Объясненіе Бюхелера мнѣ непонятно.

въ жертву за исцѣленіе отъ болѣзни; она творитъ молитву, а затѣмъ, вмѣстѣ съ подругой, разсматриваетъ художественныя произведенія, которыми наполненъ храмъ. Эта тема сразу вызываетъ сравненіе съ идилліей Ѳеокрита „Праздникъ Адониса“, о которой рѣчь была выше. Результатъ сравненія можетъ быть высказанъ въ немногихъ словахъ: идиллія Ѳеокрита живѣе и поэтичнѣе, сценка его подражателя однообразнѣе и реалистичнѣе. Начнемъ съ самой молитвы. У Ѳеокрита она сплошь написана торжественнымъ и поэтичнымъ слогомъ и изобилуетъ прекрасными картинами: „Владычица, возлюбившая Гольги, Идалій и высокій Эриксъ, золотомъ играющая Афродита! сколь прекраснымъ привели тебѣ Адониса отъ вѣчно текущаго Ахеронта, на двѣнадцатый мѣсяцъ, нѣжноногія Горы; самыя медленныя среди блаженныхъ любезныя Горы, но съ радостью встрѣчаютъ ихъ всѣ смертные, такъ какъ онѣ всегда что-либо съ собою приносятъ. Киприда, Діонина дочь! ты, какъ гласитъ преданіе среди людей, сдѣлала безсмертною изъ смертной Беренику, вливъ амбросіи въ грудь женщинѣ; въ благодарность тебѣ, многоименная и многочтимая, Береникина дочь, Арсиноя, чудной красоты, какъ Елена, всѣмъ, что только есть прекраснаго, украшаетъ Адониса“ и т. д. Въ молитвѣ героини нашего Герода тоже встрѣчается нѣсколько гомерическихъ словъ, но они производятъ у нея такое же впечатлѣніе, какъ церковнославянскія словеса въ устахъ нашихъ богадѣленокъ. „Слава тебѣ, владыко Пэанъ, хранящій Трикку, обитающій въ миломъ Косѣ и Эпидаврѣ; слава и твоей родительницѣ Коронидѣ и Аполлону; слава и Гигіеѣ, которой ты касаешься своей десницей; слава и тѣмъ, кому посвящены эти жертвенники, Панацеѣ и Эпіонѣ и Іасо́; слава и Подалирію и Махаону, исцѣлителямъ отъ жестокихъ болѣзней, разрушившимъ домъ и стѣны Лаомедонта; слава всѣмъ богамъ и богинямъ, поселившимся у твоего очага, отецъ Пэанъ! Примите милостиво отъ меня на ужинъ этого пѣтуха, глашатая моей хижины, котораго я приношу вамъ въ жертву. Наша жизнь — жизнь бѣдная и трудная, а то мы принесли бы тебѣ быка или жирную свинью по поводу болѣзней, которыя ты снялъ съ насъ, коснувшись насъ, владыко, своими цѣлительными руками“. Служитель принялъ отъ нихъ пѣтуха, и богомолки, въ ожиданіи его отвѣта, остаются однѣ на паперти, среди чудныхъ статуй. Вторая женщина, повидимому, уже раньше бывала въ Косѣ; она объясняетъ своей

подругѣ то, что она видитъ; та приходитъ ото всего въ восторгъ. Нечего и говорить, что на нее болѣе всего дѣйствуютъ изображенія реалистическія. „Смотри, душенька, на эту дѣвочку, съ какой жадностью она глядитъ вверхъ на яблоко; такъ и кажется, что она тутъ же духъ испуститъ, если ей его не дадутъ! Нѣтъ, ты смотри, Кинна, ради Мойръ, какъ этотъ мальчишка душитъ стараго гуся! Если бы я не знала, что онъ изъ камня, я бы подумала, что онъ вотъ-вотъ у моихъ ногъ загогочетъ! Право, со временемъ люди сумѣютъ и въ камни влить жизнь". Послѣднее замѣчаніе Коккалы намъ особенно интересно, такъ какъ группа, къ которой оно относится — мальчикъ, душащій гуся — намъ сохранена. Ея подруга, Кинна, какъ женщина, видавшая виды, не выражаетъ своего энтузіазма; она знаетъ, что самое лучшее онѣ увидятъ въ самомъ храмѣ, куда, однако, еще не пускаютъ. Не пускаютъ другихъ, но Кинна увѣрена, что ее и Коккалу, благодаря ея протекціи, впустятъ. „Иди за мной, душенька", говоритъ она подругѣ, „и я покажу тебѣ такую вещь, какой ты еще отъ роду не видывала. Эй, Кидилла", зоветъ она прислужницу, „поди-ка, кликни служителя". Но Кидилла сама поглощена окружающей и невиданной роскошью; она, какъ бы очнувшись, удивленно смотритъ на госпожу. Та внѣ себя. „Тебѣ говорятъ", кричитъ она въ сердцахъ, „чего ты зазѣвалась? А она и вниманія не обратила на мои слова и стоитъ, выпучивъ глаза на меня пуще рака! Говорятъ тебѣ: иди и позови служителя! — Что за тварь! Ни въ праздникъ ни въ будни нельзя похвалить тебя; вездѣ ты меня бѣсишь. За то клянусь тебѣ, Кидилла, вотъ этимъ самымъ богомъ — хоть и не хочется мнѣ сердиться, все таки ты заставляешь меня — клянусь, повторяю: придетъ тотъ день, когда ты почешешь свою глупую башку!" Подруга старается успокоить расходившуюся Кинну. „Не давай во всемъ воли своему сердцу, Кинна; она, вѣдь, раба, а у рабы уши тупостью законопачены". Между тѣмъ народу стало прибывать; двери храма отворяются, поднимаютъ занавѣсъ. У Коккалы глаза разбѣгаются: въ храмѣ картинная галлерея, и какихъ только картинъ тамъ нѣтъ! „Смотри, Кинна, что за чудныя вещи! Ну, кто бы не подумалъ, что это написала какая нибудь новая Аѳина? Слава ей, владычицѣ! Мнѣ кажется, если уколоть этого самаго мальчика — у него ранка будетъ; а куски говядины у него на сковородѣ — они какъ будто прыгаютъ, точно горячіе! А сереб-

ряный ухватъ! Вотъ вытаращили бы глаза Міеллъ и Патекискъ, Лампріоновъ сынъ (ювелиры, повидимому)! они подумали бы, что онъ и взаправду серебряный. А вотъ этотъ быкъ съ проводникомъ и женщиной, идущей вслѣдъ, и вотъ этотъ носастый, и этотъ курносый — тихая жизнь у нихъ такъ и смотритъ изъ глазъ! Право, если бы это мнѣ, какъ женщинѣ, не было неловко, я завизжала бы, какъ бы быкъ меня не забодалъ — смотри какъ онъ косится другимъ глазомъ!" Кинна гордо улыбается: „Да, милая моя, счастливыя руки у эфесца Апелла на всякія картины; про него нельзя сказать, что онъ одно умѣетъ, а другого нѣтъ; случится ему приняться за бога — онъ и бога сумѣетъ изобразить. Такъ то, душенька: кто не смотритъ съ восторгомъ на него и на его работы, того слѣдуетъ повѣсить внизъ головой въ мастерской скорняка!" Здѣсь разговоръ обѣихъ пріятельницъ прерываетъ приходъ служителя, который объявляетъ имъ, что богъ очень милостиво принялъ ихъ приношеніе; послѣ краткихъ хозяйственныхъ распоряженій со стороны Коккалы, подруги удаляются.

Такова наша сценка; въ ней молитвы чередуются съ созерцаніемъ предметовъ искусства, послѣднее опять прерывается бранью по адресу рабы; все вмѣстѣ составляетъ живую картину дѣйствительности. Только одно мѣсто нашей поэмы производитъ впечатлѣніе чего-то дѣланнаго; это — панегирикъ Апеллу; оно и навело меня на мысль, что поэтъ былъ самъ эфесцемъ и хотѣлъ почтить память своего велика гоземляка. Но — чтобы вернуться къ составнымъ частямъ нашей сценки — молитвы встрѣчаются у Герода только здѣсь; онѣ интересны съ сакральной точки зрѣнія и найдутъ себѣ мѣсто рядомъ съ другими молитвами, въ особенности съ однородными пѣснями-пэанами въ честь Асклепія, которыя обнаружили раскопки послѣднихъ лѣтъ. Художественные восторги тоже встрѣчаются только здѣсь; мѣсто имъ отнынѣ въ сборникѣ археологическихъ свидѣтельствъ изъ древности — Schriftquellen Овербека. Ни въ какой сборникъ не войдетъ интересная развѣ только съ культурноисторической точки зрѣнія перебранка съ рабыней; между тѣмъ она является излюбленной темой Герода. Не беремся рѣшать вопроса, была ли въ Греціи тупость рабынь больше, или сварливость хозяекъ; какъ бы то ни было, но въ древнѣйшемъ греческомъ памятникѣ, въ которомъ выступаетъ современная хозяйка со своей рабыней — въ „Лисистратѣ" Аристо-

фана (ст. 184) обращеніе первой къ послѣдней имѣетъ слѣдующую гуманную форму: „Гдѣ Скиѳена? Ты чего зазѣвалась? Дай-ка намъ щитъ“, и т. д. У Герода это — неизбѣжный тонъ; даже добродѣтельная Метриха прогоняетъ прислугу фразой, которую можно передать такъ: „ну, поворачивайся, раба!“ Во второй и третьей сценкахъ рабынь нѣтъ, четвертая — наша; о героинѣ пятой сценки, самодуркѣ Битиннѣ, рѣчь была выше; шестая — имѣющая содержаніемъ „интимный разговоръ“ двухъ подругъ, въ сущность котораго мы вникать не будемъ — начинается со слѣдующей картины. Къ мѣщанкѣ Кориттò приходитъ ея подруга Метрò; она вѣжливо приглашаетъ ее присѣсть, но оказывается, что и присѣсть некуда; прислуга не догадалась принести кресло посѣтительницѣ. Вспыльчивая Кориттò выходитъ изъ себя: „Обо всемъ должна я сама распорядиться; ты же, дура, ничего не сумѣешь сдѣлать отъ себя. Что это, право! глыбой какой-то, а не рабой, торчишь ты въ домѣ; за то, когда тебѣ отсыпаютъ крупу, ты всѣ крупинки считаешь, и если хоть чуточку просыпать, — ты цѣлый день ворчишь и кипятишься, такъ что даже стѣнамъ тошно дѣлается“. Тѣмъ временемъ раба пошла за кресломъ, но видя, что оно все въ пыли, считаетъ своимъ долгомъ предварительно почистить его. Это еще болѣе бѣситъ хозяйку. „Это ты теперь вздумала его гладить и чистить, когда въ немъ потребность? Злодѣйка, кланяйся этой моей подругѣ; не будь ея, дала бы я тебѣ отвѣдать моей ладони“. Подруга тоже не изъ благодушныхъ; она не успокаиваетъ хозяйку, какъ это дѣлаетъ богомолка Коккала, а только соболѣзнуетъ ей. „Ахъ, милая Кориттò, ты несешь такое же ярмо, какъ и я; и мнѣ, точно собакѣ, приходится лаять и оскаливать зубы на этихъ проклятыхъ; однако, о чемъ я пришла поговорить съ тобою....“ Недогадливая раба опять не замѣчаетъ, что подруги желаютъ быть наединѣ. „Убирайтесь вы отсюда“, кричитъ Кориттò, сопровождая свое приказаніе непонятнымъ для насъ ругательствомъ, „только уши да языкъ у васъ есть, всего другого какъ бы не бывало“. Раба, разумѣется, уходитъ и возвращается только къ концу сценки провожать уходящую гостью; конецъ, къ сожалѣнію, сильно пострадалъ въ рукописи, все же изъ отрывковъ видно, что ей и тутъ достается отъ ея неугомонной госпожи.

Отъ восьмой сценки были обнародованы сначала только первые три стиха; но самое заглавіе: „Сновидѣніе“ позволяло намъ дога-

дываться, что содержаніемъ сценки было нѣчто похожее на забавный сонъ пряхи въ „Лягушкахъ“ Аристофана, или на сонъ рыбака въ 21 идилліи Ѳеокрита. Теперь, благодаря нѣсколькимъ новымъ лоскуткамъ, число стиховъ достигло тридцати; къ сожалѣнію то мѣсто, гдѣ начинается разсказъ сновидѣнія, сильно попорчено; гораздо лучше сохранилось начало — новая варіація на излюбленную тему Герода. Просыпается хозяйка, и начинается содомъ. „Вставай, раба Псилла; будетъ тебѣ храпѣть! Наша свинья, чего добраго, издохнетъ отъ жажды. Ужъ не ждешь ли ты, пока солнце тебя не прожаритъ? И какъ это у тебя, безчувственной, бока не болятъ отъ этого спанья! А ночи нынче девятичасовыя! Вставай, говорятъ, зажги свѣтильникъ, если хочешь, и пусти свинью пастись. Ты еще ворчишь? Видно, у тебя затылокъ чешется, и будетъ чесаться до тѣхъ поръ, покуда я не приглажу его палкой. Мегаллида, глупая, и ты спишь сномъ Эндиміона? Твоя работа, видно, не очень тревожитъ тебя; а у насъ нѣтъ даже повязки на праздникъ, и на весь домъ не найдется даже одной маленькой шкурки шерсти. Вставай, глупая“. И такъ далѣе.

Какъ видно, служанкамъ не очень хорошо жилось въ изображаемомъ Геродомъ обществѣ; о положеніи рабовъ — кромѣ совершенно особаго типа, Гастрона въ пятой сценкѣ — мы узнаемъ гораздо меньше. Виною тому то обстоятельство, что почти всѣ сценки Герода имѣютъ содержаніемъ женскую жизнь. Мущины выступаютъ на первый планъ только въ двухъ, второй, которую я пропускаю съ умысломъ, и седьмой. Эта послѣдняя очень интересна; ее я приберегъ къ концу.

Она озаглавлена: „Сапожникъ“; дѣйствіе происходитъ въ мастерской самого героя, сапожника Кердона; къ нему является покупательницей нѣкая Метрό, мѣщанка повидимому, и съ ней двѣ подруги; третья почему-то не рѣшается войти и останавливается у дверей. „Вотъ, Кердонъ“, говоритъ Метрό, „я привела къ тебѣ своихъ подругъ; авось у тебя найдется показать имъ хорошую работу, достойную твоихъ рукъ“. „Не даромъ, Метрό, я такъ люблю тебя“, любезно отвѣчаетъ сапожникъ, и тотчасъ зоветъ раба: „Дримилъ, вынеси женщинамъ большую скамейку. У, тебя зовутъ! Опять заснулъ? Эй, Пистъ, дай ему хорошенько въ морду. чтобы онъ стряхнулъ эту свою спячку. А то лучше шиломъ....“ Порча текста не даетъ перевести дословно продолженія этой

рѣчи; все же видно, что Дримилъ скамейку наконецъ приноситъ. Затѣмъ второй рабъ, Пистъ, по приказанію хозяина, отпираетъ шкафы одинъ за другимъ. Сначала разсматриваются сандаліи; Кердонъ восхваляетъ свой товаръ: „Любуйся, Метро́: вотъ подошва, самая первѣйшая изъ всѣхъ подошвъ. Посмотрите и вы, женщины: каблукъ какъ придѣланъ, точно мѣдными гвоздями прибитъ. Никакого изъяна тутъ нѣтъ; никто не скажетъ, что въ этой сандаліи одно хорошо, а другое не хорошо, нѣтъ, вся она чудо какъ хороша. А цвѣтъ какой!" и т. д. Нѣсколько далѣе онъ приснащиваетъ свою рѣчь обычными у торговцевъ его гильдіи завѣреніями: „Да откажутъ мнѣ боги во всѣхъ радостяхъ жизни, если я лгу. Я вѣдь не то, что другіе; тѣ только и норовятъ, чтобы содрать съ покупателей крупный барышъ, а по части искусства куда имъ до меня!" Затѣмъ онъ распространяется о своей горемычной жизни, но видя, что покупательницъ эти подробности не интересуютъ, переходитъ къ дѣлу. „А впрочемъ", говоритъ онъ, „не въ словахъ нуждается коммерція, а въ деньгахъ; если эта пара тебѣ не нравится, Метро́, то мальчикъ принесетъ другую, затѣмъ еще одну, пока вы не убѣдитесь сами, что Кердонъ сказалъ вамъ сущую правду". Дѣйствительно, приносятъ столько разнаго товару, что отъ однихъ названій голова кругомъ идетъ; Метро́, однако, возвращается къ той парѣ, которая была показана первой. Наступаетъ психологическій моментъ. „Сколько возьмешь за ту первую пару?" спрашиваетъ Метро́, „только смотри, не слишкомъ громко греми, а то мы убѣжимъ". Кердонъ отвѣчаетъ уклончиво: „Нѣтъ, ты сначала вникни во всѣ достоинства этой работы, а затѣмъ уже сама назначь цѣну; коли будешь знать товаръ, никакого подвоха тебѣ отъ меня не будетъ. А затѣмъ я уже знаю, коли тебѣ нужна настоящая сапожничья работа, ты и цѣну назовешь такую — клянусь тебѣ моей сѣдой головой, изъ которой уже и волосы вылѣзаютъ, — чтобы искусному мастеру было чѣмъ закусить". Храбрится Кердонъ, а самъ про себя молитву творитъ: „Ой не оставьте меня, Гермесъ и Посула, благодѣтели мои! Если и теперь неводъ вернется пустымъ, я право не знаю, чѣмъ намъ посолить похлебку". „Ты что бормочешь?" спрашиваетъ Метро́; „говори ясно, какая цѣна этой парѣ". „Ужъ право", отвѣчаетъ Кердонъ, „какой бы стороной ни показать ее, меньше чѣмъ за мину ее уступить нельзя; даже если бы сама

Аѳина ее покупала, она не выторговала бы ни одной полушки". Метро́ только смѣется. „Не даромъ въ твоей лавченкѣ", говоритъ она, „такъ много всякаго добра. Береги тщательно свой товаръ; къ двадцатому числу Тавреона мѣсяца Геката справляетъ свадьбу Артакены, тутъ то ей башмаки и понадобятся; тогда то, можетъ быть, онѣ и принесутъ тебѣ то, что ты запросилъ, навѣрное принесутъ; только сшей себѣ мѣшокъ, а то твои мины ласки растаскаютъ." — „Ужъ какъ хочешь", говоритъ Кердонъ, „а только сама Геката не получитъ этой пары за меньшее, чѣмъ за мину, и Артакена не получитъ". Такъ дѣло и разстраивается; къ счастью подруги Метро́ оказываются болѣе сговорчивыми, въ особенности одна молодая женщина, которую Кердонъ осыпаетъ своими любезностями, такъ что въ концѣ концовъ обѣ стороны остаются очень довольны другъ другомъ.

Таково сочиненіе, которому лишь теперь, послѣ двухъ слишкомъ тысячелѣтій, было суждено занять вновь подобающее ему мѣсто во всемірной литературѣ. Само собою разумѣется, что его научный интересъ далеко не исчерпывается вышесказаннымъ. Для филолога драгоцѣнна между прочимъ и его форма; Геродъ пользуется т. н. „хромымъ ямбомъ", вполнѣ сознательно, какъ это обнаружила послѣдняя находка, подражая древнему Гиппонакту, отъ котораго намъ сохранились лишь жалкіе отрывки; а такъ какъ слѣдующій поэтъ, писавшій этимъ стихомъ — баснописецъ Бабрій — жилъ около пяти сотъ лѣтъ позже Герода, то легко понять, какой интересъ должны представлять, съ чисто филологической точки зрѣнія, стихи Герода. Загадочное „вступленіе" римскаго сатирика Персія, написанное тѣмъ же ямбомъ, дѣлается для насъ понятнѣе благодаря Героду; при естественномъ родствѣ этологическаго направленія съ сатирическимъ представляется очень вѣроятнымъ, что Персій просто подражалъ Героду. Лингвистика тоже не осталась въ проигрышѣ; сценки Герода написаны тѣмъ же іоническимъ діалектомъ, какъ и исторія Геродота, но вслѣдствіе своего драматическаго характера и предпочтенія, которое въ нихъ оказывается низменной, вульгарной рѣчи, доставляютъ намъ очень много новаго по части языка. Къ тому же рѣчь Герода испещрена всякими пословицами и поговорками; любители древняго folk-lore'а и спеціально парэміографіи найдутъ здѣсь обильную жатву. О реаліяхъ я и не говорю; громадная важность нашей находки для

этой области классической филологіи достаточно явствуетъ изъ ея содержанія.

Обо всемъ этомъ я упоминаю лишь вскользь; въ видахъ единства я рѣшился ограничиться одной только историко-литературной стороной интересующаго насъ сочиненія. Обыкновенно тотъ, кто одно какое-нибудь литературное явленіе разсматриваетъ съ особенной обстоятельностью, дѣлается склоннымъ преувеличивать его значеніе. Постараемся избѣжать этой ошибки; бросимъ издали прощальный взглядъ на Герода, представляя себѣ его въ обществѣ прочихъ греческихъ поэтовъ, которые никогда не переставали быть учителями человѣчества; тогда правильная перспектива возстановится сама собой. Впрочемъ и тутъ выясненные выше факты помогутъ намъ вѣрно оцѣнить интересное литературное явленіе, о которомъ идетъ рѣчь, въ ряду другихъ явленій.

Мы видимъ, что реализмъ въ греческой поэзіи явился тогда, когда окружающая человѣка среда пошлой обыденности была объявлена интересной; мы видѣли также, что это послѣднее событіе, если его можно такъ назвать, было дѣломъ науки. Отсюда слѣдуетъ, что Геродъ и родственные ему поэты, если таковые были, принадлежатъ болѣе къ греческой наукѣ, чѣмъ къ греческой поэзіи; терминъ „ученой поэзіи“, примѣняемый обыкновенно къ поэзіи александрійскаго періода, является въ данномъ случаѣ совершенно умѣстнымъ, хотя и въ нѣсколько иномъ смыслѣ. Каково же наше отношеніе къ греческой наукѣ? Ее, прежде всего, мало кто знаетъ, по весьма естественнымъ причинамъ, но мнѣнія большинство людей о ней довольно невысокаго; греки предполагали движеніе солнца вокругъ земли, не знали о существованіи Америки, считали воду элементомъ, не имѣли понятія объ электричествѣ, и т. д. Затѣмъ, если кто беретъ на себя трудъ ознакомиться съ греческой наукой, то въ результатѣ получается обыкновенно очень пріятное разочарованіе; оказывается, что греки знали очень много такихъ научныхъ истинъ, которыя мы склонны принимать за открытія новѣйшаго времени, что они умѣли строить довольно сложныя машины. Чѣмъ болѣе изслѣдователь углубляется въ свой предметъ, тѣмъ болѣе преисполняется онъ уваженіемъ къ нему. На этомъ то и слѣдуетъ остановиться трезвому человѣку; фантасты, правда, идутъ нерѣдко далѣе и доказываютъ, смотря по своей спеціальности, что древніе предвосхитили у новѣйшихъ ученыхъ

бактеріологію и антисептическое лѣченіе, что они знали электричество хотя и въ формѣ тайнаго ученія, что имъ были извѣстны взрывчатыя вещества, не уступающія по своей силѣ пороху и т. д. Конечно, относительно Герода такія крайности невозможны уже потому, что онъ слишкомъ доступенъ. Мы можемъ требовать для него только нѣкоторой доли того уваженія, которое люди свѣдущіе воздаютъ греческой наукѣ, какъ необыкновенно раннему и сравнительно очень мощному проявленію наблюдательной силы человѣческаго ума. На этомъ мы останавливаемся; нѣтъ причины опасаться, чтобы кто-нибудь не вздумалъ ставить поэта Метротимы и Кердона въ одинъ рядъ съ знаменитыми писателями-реалистами новѣйшихъ временъ.

Не таково наше отношеніе къ великимъ поэтамъ Эллады, начиная Гомеромъ и кончая Еврипидомъ; ихъ никто не станетъ читать съ той снисходительной и поощрительной улыбкой, съ которой видавшій виды человѣкъ привѣтствуетъ первый успѣхъ сильнаго, но еще незрѣлаго таланта. Всякій, кто имѣлъ счастье прочесть и понять ихъ произведенія въ подлинникѣ — переводъ показываетъ лишь изнанку узора — знаетъ, что онъ имѣлъ передъ собой не первую, слабую попытку молодого еще человѣчества, возобновленную съ тѣхъ поръ съ гораздо болѣе серьезнымъ успѣхомъ, а нѣчто единственное въ своемъ родѣ, чего не превзошли и не могутъ превзойти всѣ послѣдовавшіе поэты всѣхъ временъ. Таковы преимущества идеальной поэзіи; ея представители не чужіе лучи отражаютъ, а свѣтятъ своимъ свѣтомъ и согрѣваютъ насъ теплотой своего сердца; они сообщаютъ намъ не то, что они подслушали, а то, что они прочувствовали и до чего додумались.

А со всѣмъ тѣмъ ничто не мѣшаетъ намъ съ интересомъ относиться къ новонайденному предшественнику новѣйшихъ изъ новыхъ писателей; слѣдуетъ только помнить, что не онъ и не кто-либо изъ его сподвижниковъ стараго и новаго времени, а пѣвецъ „Прометея“ былъ Прометеемъ нашей культуры.

Ө. Зѣлинскій.

Къ начальной исторіи Рима.

Традиціонная исторія Рима начинается съ основанія укрѣпленнаго „города" на Палаціи. Основаніе Рима, въ качествѣ палатинской крѣпости, есть, безъ сомнѣнія, историческій фактъ, засвидѣтельствованный не только непоколебимою вѣрою въ него со стороны преданія, но и существованіемъ священнаго помэрія вокругъ Палація, описаннаго Тацитомъ. Достовѣрность этого факта признается и современной наукой, между прочимъ, въ лицѣ профессора Ю. А. Кулаковскаго („Къ вопросу о началѣ Рима" Кіевъ 1888 г.). Послѣдующія строки имѣютъ цѣлью, исходя отъ этого факта, изложить нѣкоторыя сужденія о начальной исторіи Рима. При этомъ, пользуясь вообще матеріаломъ, хорошо извѣстнымъ всякому, кто занимается древнѣйшей исторіей Рима и его учрежденій, мы находимъ достаточнымъ представить здѣсь преимущественно только положительную сторону дѣла и въ возможно общей формѣ.

Въ вопросѣ объ основаніи Рима обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторыя чисто топографическія соображенія и прежде всего то обстоятельство, что городъ основанъ былъ именно на Палаціи, а не въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ, напр. на Авентинѣ. Почему традиція признаетъ исходною точкою исторіи римскаго народа укрѣпленіе именно этого холма, а не заложеніе крѣпости на Капитоліи, несравненно болѣе важномъ во всѣхъ отношеніяхъ? Такое предпочтеніе Капитолію Палація со стороны преданія было бы необъяснимо, еслибы для этого, съ самаго же начала, не было никакихъ фактическихъ данныхъ, т.-е. еслибъ палатинская крѣпость, въ томъ или другомъ смыслѣ, не была дѣйствительно древнѣе капитолійской. Историческая подкладка выбора именно этого мѣста настолько же несомнѣнна, насколько вообще несомнѣненъ самый фактъ основанія Рима въ качествѣ города на Палаціи. Въ чемъ же, однако, могло заключаться такое предпочтительное отношеніе къ Палацію со стороны самихъ основателей этой крѣпости? Тра-

диція даетъ намъ на это полный отвѣтъ, но отвѣтъ этотъ столь опредѣлененъ и точенъ, что именно вслѣдствіе этого и возбуждаетъ нѣкоторое, невольное сомнѣніе.

Между мнѣніями, высказанными вопреки традиціи о причинахъ, могшихъ вызвать основаніе укрѣпленнаго города на Палаціи, наименѣе удовлетворительнымъ представляется, конечно, то, по которому укрѣпленіе возведено здѣсь для защиты и обезопасенія рѣки Тибра. Избраніе Палація для этой цѣли было бы одинаково неудачно, считать ли это вызваннымъ чисто военными соображеніями или же, прежде всего, интересами торговли. Для такихъ надобностей былъ бы гораздо болѣе пригоденъ сосѣдній Авентинъ, въ особенности если защита имѣла быть направлена внизъ по теченію, т.-е. противъ проникновенія непріятеля со стороны моря; если же защита рѣки должна была быть обращена вверхъ по рѣкѣ, то опять былъ бы пригоднѣе Капитолій, какъ болѣе близкій къ берегу рѣки и обозрѣвающій ее вверхъ по теченію вдоль всего Марсова поля. Еще болѣе неудачнымъ былъ бы выборъ мѣста на Палаціи въ томъ случаѣ, еслибъ опасность въ этихъ мѣстахъ угрожала изъ-за рѣки. Доступъ къ Тибру со стороны Палація былъ первоначально навѣрное весьма неудобенъ, такъ какъ низменная площадь между Палаціемъ и рѣкой съ одной стороны, и Авентиномъ и Капитоліемъ съ другой — представляла собою сперва болотистое пространство, загрязняемое водами, стекавшими сюда отчасти изъ Субуры, отчасти изъ Мурційской долины. Польза, которую палатинское укрѣпленіе могло тогда приносить для охраны Тибра, была бы, при такихъ обстоятельствахъ, весьма сомнительна, въ особенности, если бы рядомъ съ военными цѣлями имѣлись въ виду также и торгово-политическія соображенія. Правда, это пространство у подножія Палація превратилось со временемъ въ бойкое торговое мѣсто съ своего рода купеческой биржей при ara maxima и съ базарной торговлей на Velabrum[1]), forum boarium и forum olitorium. Но это уже скорѣе результатъ возникновенія крѣпости на Палаціи, а не наоборотъ; да и это оказалось возможнымъ только по осушеніи этой мѣстности при помощи позднѣйшей cloaca maxima, пересѣкающей діагонально все это пространство.

---

[1]) Vēlabrum происходитъ, очевидно, отъ vēlum „полотняный навѣсъ" и обозначаетъ мѣсто для устройства балагановъ; такое же velabrum было еще въ другомъ мѣстѣ Рима, гдѣ-то подъ Каринами.

Также и самый планъ крѣпости на Палаціи доказываетъ, что первоначальный строитель этого укрѣпленія вовсе не думалъ объ удобствѣ сообщенія большихъ массъ съ рѣкой, такъ какъ съ этой стороны была только лѣстница-тропинка, необходимая для доставленія воды, между тѣмъ какъ единственный въѣздъ на Палацій до позднѣйшихъ временъ былъ со стороны Веліи (clivus Palatinus, проходившій мимо храма Юпитера Статора и упиравшійся въ sacra via). Правда, со временемъ оказалось необходимымъ устроить проѣзжую дорогу съ Палація по направленію къ рѣкѣ, но и эта дорога исходила отъ того въѣзда въ палатинскую крѣпость, начинаясь подлѣ храма Юпитера Статора и оканчиваясь на „базарѣ" (Velabrum). Названіе ея — nova via указываетъ, что она новѣе другой via, подъ которой надо разумѣть, безъ сомнѣнія, sacra via, такъ какъ это единственныя двѣ улицы въ предѣлахъ Сервіевыхъ стѣнъ, которыя обозначались словомъ via[1]). Любопытно направленіе этой „новой дороги": тѣсно огибая палатинскій холмъ, она, сдѣлавъ поворотъ, идетъ параллельно съ направленіемъ cloaca maxima и на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея. Очевидно, когда ее строили, будущая cloaca maxima представляла собою еще открытую канаву (ср. Liv. 38, 6 и 56, 2), но уже достаточно благоустроенную, такъ что на ея берегахъ могъ уже возникнуть базаръ.

Существованіе главнаго въѣзда со стороны Веліи позволяетъ сдѣлать заключеніе, что въ случаѣ непріятельскаго нападенія ресурсы для защитниковъ крѣпости ожидались именно съ этой стороны; другими словами, ближайшія къ этому въѣзду мѣста должны были находиться во власти тѣхъ, кому понадобилось заложеніе крѣпости на Палаціи. Воспоминаніе о предѣлахъ территоріи этой именно общины, создавшей для себя убѣжище на Палаціи, сохранилось, повидимому, въ праздникѣ, названномъ septimontium и пріуроченномъ къ слѣдующимъ 7 пунктамъ города Рима: Palatium, Cermalus (обрывъ Палація со стороны Капитолія), Velia, Oppius, Cispius, Fagutal (ложбина между Оппіемъ и Цеспіемъ) и Subura. Расположеніе и общій характеръ этой территоріи, не связанной между собою никакимъ рѣзко очерченнымъ топографическимъ признакомъ, указываетъ на нѣкоторую искусственность возникновенія

[1]) Слово via др. veia изъ *vehja (отъ vehere) обозначаетъ именно „проѣзжую дорогу" и употребляется преимущественно о загородныхъ дорогахъ.

септимонтія, сложившагося въ этомъ именно видѣ, повидимому, не на основаніи естественныхъ условій, а въ силу случайныхъ какихъ-либо обстоятельствъ. Предѣлы этого древнѣйшаго „семихолмія“[1]) распадаются въ сущности на три части, изъ которыхъ одну составляетъ Палатинскій холмъ (Palatium, Cermalus), другую Оппій и Цеспій съ Фагуталомъ (вмѣсто этихъ трехъ названій съ теченіемъ времени вошло въ употребленіе одно общее, бывшее уже исключительно въ ходу въ концѣ республики, именно „Эсквилинскій холмъ“) и, наконецъ, третью — Субура съ Веліей. Эта топографическая тройственность территоріи древнѣйшаго септимонтія отразилась и на устройствѣ Серміевыхъ четырехъ regiones, изъ которыхъ одна обнимаетъ Палацій (regio Palatina), другая Эсквилинъ (regio Esquilina), третья же Субуру съ Веліей (по крайней мѣрѣ въ верхней ея части), къ которымъ присоединенъ еще обширный Целійскій холмъ, примыкавшій однимъ своимъ угломъ къ Веліи. И замѣчательно, что послѣдняя regio названа regio Suburana, очевидно, потому, что въ этомъ городскомъ участкѣ Субура составляла главнѣйшую часть по своей древности и населенности, между тѣмъ какъ Целій является, при всей своей обширности, только позднѣйшимъ привѣскомъ средней части древняго септимонтія. Но въ особенности интересна четвертая regio, regio Collina, какъ по своему названію, такъ и по расположенію. Она тянется вдоль всей территоріи септимонтія, будучи отдѣлена отъ него съ одного края ложбиной между Виминальскимъ и Эсквилинскимъ холмами, а далѣе чертою, опредѣляющеюся линіей cloaca maxima и направляющеюся изъ-за форума, поперекъ послѣдняго. Такъ какъ cloaca maxima на всемъ своемъ протяженіи замѣняетъ собою открытую прежде канаву, занявшую, въ свою очередь, мѣсто неустроенной прежде болотистой и топкой полосы, то нужно думать, что жители септи-

[1]) Понятіе о „семихолміи“ сохранялось въ народной памяти съ такою устойчивостью, что съ измѣненіемъ обстоятельствъ оно начало примѣняться и къ позднѣйшей распространенной территоріи города Рима, а именно сперва къ территоріи, вошедшей въ предѣлы Сервіевыхъ стѣнъ: mons Capitolinus, m. Palatinus, m. Aventinus, m. Caelius, m. Esquilinus, collis Viminalis и collis Quirinalis (ср. Martial. 4, 64, гдѣ по отношенію къ Яникулу говорится: *hinc* septem dominos videre montes et totam licet aestimare Romam). Въ христіанское время вмѣсто обоихъ colles принимаются въ расчетъ два montes по ту сторону Тибра: m. Ianiculus и m. Vaticanus (въ до-христіанское время не было особаго mons Vaticanus, а были вообще montes Vaticani).

монтія, по всей межѣ своихъ владѣній, были достаточно отгорожены отъ своихъ сосѣдей, поселившихся въ предѣлахъ позднѣйшей regio Collina. Что же касается названія „regio Collina", то оно объясняется тѣмъ, что для обозначенія „холмовъ" по ту сторону, выше намѣченной межевой черты, употреблялся терминъ collis, въ то время какъ по сю сторону говорили mons. Такое различіе топографическихъ терминовъ само по себѣ указываетъ, что населеніе той и другой стороны не было вполнѣ однородно[1]).

Зарубежныхъ сосѣдей септимонтія традиція называетъ сабинянами, а сосѣдство ихъ изображаетъ она недружелюбнымъ. Сказанія о борьбѣ римлянъ съ сабинянами несомнѣнно древняго происхожденія, такъ какъ въ позднѣйшее время племя это представляло слишкомъ скромный и политически ничтожный элементъ. Подобнымъ образомъ и самый городъ Cures въ республиканское время никогда не имѣлъ какого бы то ни было значенія, ради котораго сказанія о завоевательномъ движеніи сабинянъ могли бы концентрироваться именно около него[2]). Преданіе, сохранившее память о выдающемся положеніи города Куръ, должно идти, слѣдовательно, съ незапамятныхъ временъ. Притомъ и вообще всѣ эти сказанія о движеніи сабинянъ таковы, что нельзя не признать за ними большой правдоподобности, какъ по существу, такъ даже и въ разныхъ частныхъ подробностяхъ. Сабиняне принадлежатъ именно къ той италійской отрасли индоевропейской вѣтви, которая своимъ распространеніемъ по всей почти средней и южной Италіи въ достаточной мѣрѣ засвидѣтельствовала свою національную экспансивность[3]). Если же въ позднѣйше время сабиняне, жившіе вверхъ

[1]) Mons, основа mon-ti (ср. mon-ti-um), повидимому отъ корня men въ eminere; collis одного происхожденія съ columen = culmen, columna отъ корня cel въ ex-cellere; производнымъ словомъ отъ collis является также названіе города Collatia (ореографія Conlatinus есть результатъ такъ наз. народной этимологіи). Къ сожалѣнію, осское слово для понятія „гора" неизвѣстно. Сабиняне времени Варрона (по r. r. 3, 1, 6) говорили teba = collis. Тотъ же Варронъ присвоиваетъ употребленіе слова teba также и древней латыни (отсюда и названіе рѣки Tiberis = „горная рѣка", „рѣка, идущая съ горъ", равно какъ и Tibur и др.). Къ этому же корню принадлежитъ, м. б., и осское teforom на Аньонской надписи.

[2]) Напротивъ у самихъ сабинянъ, по крайней мѣрѣ на родинѣ Варрона, въ Reate, сказанія о великомъ движеніи ихъ племени концентрировались вокругъ имени Кутилійскаго озера.

[3]) Интересно, что тѣ части этой италійской отрасли, которыя, подвинувшись наиболѣе впередъ съ замѣтнымъ еще въ позднѣйшее историческое время стрем-

по Тибру за Лукретилемъ, пользовались репутаціей скромнаго и мирнаго населенія, то изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что не могло быть такого момента, когда по какимъ-либо причинамъ и среди этого племени пробудилось, такъ сказать, стихійное влеченіе къ движенію впередъ, столь свойственное національному характеру той италійской отрасли, къ которой и они принадлежали[1]); движеніе это тѣмъ болѣе объяснимо, что цѣлью его служило недалекое море, къ которому путь былъ имъ указанъ теченіемъ Тибра. Итакъ нельзя видѣть здѣсь вообще нѣчто невозможное, немыслимое. Кромѣ того и самыя подробности извѣстій объ этомъ движеніи, въ особенности изъ числа тѣхъ, которыя приняты Ливіемъ, въ общихъ своихъ очертаніяхъ имѣютъ рѣшительно характеръ внутренней правдоподобности. Въ періодъ Тарквинія Гордаго, по этимъ извѣстіямъ, великое движеніе сабинянъ принадлежало уже прошлому; но что и тогда еще броженіе среди сабинянъ не улеглось, видно изъ перехода къ римлянамъ рода Аппія Клавдія со всѣми кліентами еще при жизни Тарквинія Гордаго, но уже послѣ его изгнанія[2]). Сказаніе о сабинской коровѣ признаетъ это движеніе законченнымъ еще при Серві Тулліи. Сказаніе это важно въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, потому что оно примыкаетъ къ имени строителя городскихъ стѣнъ (при чемъ безразличны и время и личность Сервія Туллія), и во-вторыхъ, потому что оно

леніемъ къ дальнѣйшему распространенію, сохранили грамматическій строй своего языка въ большей сохранности („оскій языкъ"), чѣмъ тѣ части, которыя, оставшись позади нихъ и рано подпавши подъ чужое политическое вліяніе (этрусковъ, римлянъ), успѣли уже нѣсколько исказить языкъ („сабино-сабелльскіе діалекты").

[1]) Это, впрочемъ, болѣе или менѣе обще-индоевропейская черта. Индоевропейцы обязаны своимъ распространеніемъ не своей храбрости или государственному устройству, или какимъ либо особо выдающимся умственнымъ способностямъ. Многіе народы, напр. египтяне, были нисколько не хуже ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Индоевропейцы берутъ верхъ своею наклонностью къ переселеніямъ и своею способностью ассимилировать съ собою чужія народности. И дѣйствительно, исторія индоевропейскаго племени съ древнѣйшихъ поръ и до настоящаго времени состоитъ въ безостановочномъ движеніи впередъ за предѣлы своей этнографической территоріи, при чемъ безразлично, приходится ли имъ сталкиваться съ чужими народами или же съ родственными, но почему-либо въ данный моментъ менѣе способными къ отпору, элементами.

[2]) Этотъ Аппій назывался будто прежде Аттіемъ (Liv. II, 16, 4: Attius Clausus, cui postea Appio Claudio fuit Romae nomen). Однако въ дѣйствительности было наоборотъ: Appius есть форма сабинская, соотвѣтствующая латинской формѣ Accius, съ которой смѣшивалось имя Attius.

пріурочено къ храму Діаны на Авентинѣ, служившему средоточіемъ латинскаго союза подъ главенствомъ Рима. Оба эти обстоятельства врядъ-ли случайны, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ послѣднему, между движеніемъ сабинянъ и возвышеніемъ Рима среди другихъ латинскихъ городовъ существуетъ явный параллелизмъ, заключающій въ своемъ основаніи очевидно причинную связь.

Римъ возвысился въ данное время и въ данномъ видѣ, безъ сомнѣнія, только благодаря тому, что вслѣдствіе благопріятныхъ обстоятельствъ сдѣлался центромъ отпора, оказаннаго маленькимъ латинскимъ племенемъ экспансивному передвиженію сабинянъ, направленному къ распространенію ихъ племени въ латинской области. Движеніе сабинянъ шло изъ-за Лукретиля и охватило не только всю стрѣлку между Тибромъ и Аніеномъ, но перешло далѣе на югъ черезъ Аніенъ, пріобрѣвъ крѣпкую позицію въ Коллаціи, которая занимала центральное положеніе по линіи Аніена. Сабинское движеніе, распространяясь къ югу отъ Аніена въ латинской области, не могло не столкнуться и съ Альбалонгой, тогдашней метрополіей латинскихъ общинъ. Диктаторъ Меттій Фуфетій несомнѣнно сабинянинъ, какъ доказываетъ его имя[1]), а борьба Рима съ Альбалонгой повидимому не что иное, какъ борьба съ сабинянами, засѣвшими въ Альбалонгѣ и предъявлявшими оттуда притязаніе на владычество надъ бывшимъ союзомъ латинянъ. По изложенію у Ливія (1,36), борьба Рима съ сабинянами закончилась при Тарквиніи Старшемъ. Положеніе дѣлъ изображается здѣсь весьма

[1]) Собственное имя Mettius, повидимому, не что иное, какъ римская народная передѣлка нарицательнаго имени meddis или meddiss изъ * met-dic-s, ср. judex изъ jus-dic-s. Въ римской литературѣ встрѣчается это слово въ формѣ meddix или medix, напр. у Эннія: summus ibi capitur meddix, occiditur alter; Liv. 23, 35: medix tuticus summus magistratus erat Campanis; 24, 19; 26, 6. Производство meddis изъ * metdix засвидѣтельствовано одной надписью, въ которой читается сокращеніе metd. Предполагаемое metdis относится къ Mettius, какъ напр. Caecilis къ Caecilius, такъ какъ вообще въ им. падежѣ собственныхъ именъ въ древней латыни свободно чередовалось окончаніе -ios (-io) или -ius (-iu) съ -is (-i). Mettius Fufetius оказывается такимъ образомъ = meddix Fufetius, причемъ meddix выражаетъ здѣсь приблизительно то же самое, что и лат. dictator. При этомъ нельзя не замѣтить, что Mettius Fufetius является такимъ же двойникомъ Меттія Курція, начальника сабинскаго въ войнѣ съ Ромуломъ (Liv. 1, 12, 2), какъ самъ Tullus Hostilius оказывается двойникомъ Гостія Гостилія, сражавшагося при Ромулѣ со стороны римлянъ.

опаснымъ: сабиняне перешли Аніенъ, но были отбиты; Коллація была у нихъ отнята и отдана младшей линіи Тарквиніевъ, прозванной отъ этого Коллатинскими. Такая судьба Коллаціи въ общихъ чертахъ настолько правдоподобна, насколько, наоборотъ, сказоченъ характеръ завоеванія Альбалонги. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что послѣднее обстоятельство свидѣтельствуетъ о значительно бóльшей древности самого факта. Завоеваніе и разрушеніе Альбалонги окружено въ народной памяти разными сказаніями именно вслѣдствіе прежняго религіознаго и политическаго значенія этого города для всего латинскаго народа, между тѣмъ какъ завоеваніе Коллація, хотя и весьма важное въ военномъ отношеніи, получило чисто династическій характеръ. Загадочное разрушеніе древней метрополіи латинскаго союза объяснимо уже на основаніи одного предположенія, что военныя дѣйствія не были направлены противъ коренныхъ жителей, а противъ сабинянъ, завоевавшихъ этотъ городъ и поставившихъ тамъ своего metdis'а. Объясненіе будетъ еще полнѣе, если предположить, что въ моментъ разрушенія Альбалонги Римъ уже находился подъ чужимъ политическимъ вліяніемъ, т.-е. подъ вліяніемъ этрусскихъ Тарквиніевъ. При этомъ, правда, пришлось бы отнести паденіе Альбалонги къ нѣсколько болѣе позднему времени, чѣмъ относитъ его традиція (что и безъ того вѣроятно само по себѣ), или же, наоборотъ, необходимо допустить, что Тарквиніи пользовались вліяніемъ въ Римѣ раньше еще, чѣмъ переселились туда[1]).

Завоеваніе Коллаціи и, повидимому, также и Альбалонги было въ дѣйствительности отвоеваніемъ этихъ городовъ у сабинянъ. То же самое можно съ большою вѣроятностью предположить также и относительно другихъ латинскихъ городовъ, завоеваніе которыхъ приписывается отчасти Тарквинію Старшему, отчасти Анку Марцію, а отчасти даже Ромулу. При такомъ предположеніи будетъ по-

[1]) Существованіе рода Тарквиновъ, Таркновъ или Тархновъ въ этрусскомъ городѣ Цере засвидѣтельствовано множествомъ надписей. Городъ же Цере около этого времени составлялъ весьма важный пунктъ съ обширной греческой торговлей (онъ имѣлъ даже особое греческое имя Ἄγυλλα), служа разсадникомъ греческой культуры въ этой части Этруріи. Черезъ посредство именно этого города получилъ также и Римъ зачатки греческой образованности, слегка передѣланной на этрусскій ладъ (ср. напр. римскую тогу или стиль Капитолійскаго храма). Только въ концѣ царскаго періода греческое культурное вліяніе сдѣлалось непосредственнымъ благодаря сношеніямъ съ Кумами.

нятнѣе, почему завоеванные города становятся не dediticii, а, напротивъ, союзниками, правда, второстепенными, но все же союзниками. Если Римъ является тутъ не просто завоевателемъ, а, напротивъ, освободителемъ и защитникомъ отвоеванныхъ у сабинянъ латинскихъ городовъ, то, съ одной стороны, понятно, что города эти трактуются не какъ покоренные по праву завоеванія, а съ другой и то, почему Римъ въ этомъ новомъ[1]) латинскомъ „союзѣ" занимаетъ такое господствующее положеніе. Такимъ образомъ, въ силу обстоятельствъ, Римъ, очищая понемногу латинскую область отъ сабинскаго нашествія, становился мало по малу во главѣ латинскаго племени. Вслѣдствіе того и союзный храмъ, бывшій дотолѣ въ Альбалонгѣ, основывается теперь въ Римѣ, на Авентинѣ.

Наконецъ, и самая постройка Сервіевыхъ стѣнъ въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, которые оказываются даже слишкомъ просторными вплоть до самаго конца республиканскаго періода, свидѣтельствуетъ о томъ, что строитель этихъ стѣнъ представлялъ себѣ Римъ, какъ убѣжище для весьма многочисленнаго населенія. Притомъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ топографическаго характера можно даже въ точности опредѣлить направленіе, откуда угрожала опасность населенію, ради защиты котораго предпринято это грандіозное укрѣпленіе Рима. Съ одной стороны обращаетъ на себя вниманіе то, что самая солидная часть всѣхъ этихъ сооруженій, такъ называемый Сервіевъ валъ, былъ обращенъ именно въ ту сторону, откуда распространялось сабинское движеніе, т.-е. въ сторону Аніена. Наоборотъ, съ противоположной стороны города, т.-е. изъ-за Тибра, опасность для Рима въ моментъ постройки Сервіевыхъ стѣнъ была, повидимому, ничтожна. Это можно заключить изъ того, что по берегу рѣки вовсе не было стѣны, которая, спускаясь съ одной стороны съ Капитолія, а съ другой съ Авентина, упиралась прямо въ рѣку и тутъ заканчивалась. За то за рѣкой, на Яникулѣ, построено особое укрѣпленіе,

[1]) Терминъ prisci Latini можетъ быть понимаемъ различно (напр., о прежнемъ союзѣ подъ главенствомъ Альбалонги); но въ той связи, въ какой онъ читается у Ливія 1, 38, 4, проще всего было бы понимать его въ смыслѣ „бывшіе Латинцы" т.-е. города, бывшіе прежде латинскими (принадлежавшими къ латинскому союзу), но потомъ подпавшіе подъ власть сабинянъ, вслѣдствіе чего и разстроился третій союзъ латинскихъ городовъ.

по Ливію при Анкѣ Марціи, въ дѣйствительности же навѣрное позже момента построенія Сервіевыхъ стѣнъ. Но извѣстіе Ливія все же заключаетъ въ себѣ долю исторической правдоподобности въ томъ смыслѣ, что на Яникулѣ съ незапамятныхъ временъ устроена была вышка для наблюденія и оповѣщенія о приближеніи непріятеля. Подъ Яникуломъ въ этомъ случаѣ нужно, однако, разумѣть не ближайшую къ Тибру часть этой гористой мѣстности, называемую теперь Gianicolo *κατ' ἐξοχήν*, а лежащую позади его высоту, называемую нынѣ Monte Mario, съ которой открывается свободный видъ на Римъ и на его окрестности за Сервіевымъ валомъ; это то мѣсто, гдѣ находились упоминаемыя въ выше приведенномъ мѣстѣ изъ Марціала (4, 64) Iuli jugera pauca Martialis, которыя longo Ianiculi jugo recumbunt [1]). Такимъ образомъ военный отрядъ, наблюдавшій съ Яникульской вышки за приближеніемъ непріятеля (обычай, сохранявшійся до позднѣйшаго времени въ качествѣ обряда для центуріатскихъ комицій), имѣлъ въ виду возможность появленія непріятеля съ той именно стороны, гдѣ происходила борьба сабинскаго и латинскаго элемента.

И такъ предположеніе, что Римъ возвысился въ борьбѣ латинскаго племени съ нашествіемъ сабинянъ, нельзя назвать неосновательнымъ. Мало того: Римъ могъ даже и возникнуть благодаря этой же борьбѣ, т.-е. возникнуть какъ городъ. Правда, въ пользу того положенія, что сосѣдями септимонтія, занявшими позднѣйшую коллинскую regio, были именно сабиняне, можно сослаться почти исключительно только на сказаніе. Однако если признать правдоподобнымъ или, по крайней мѣрѣ, возможнымъ, что въ періодъ, предшествовавшій Тарквинію Гордому, Риму дѣйствительно пришлось выдержать борьбу съ насѣдавшими на латинцевъ сабинянами, то нѣтъ причины отрицать возможность и того, что сабиняне, распространяясь къ югу отъ Аніена, проникли также и на территорію позднѣйшаго Рима, отстоящую сравнительно не очень далеко отъ перехода черезъ Аніенъ при Антемнахъ, и что, найдя здѣсь латинское поселеніе (септимонтій), пытались наложить на него руку по праву завоевателей. Эта-то опасность и могла послужить поводомъ для основанія крѣпости

[1]) Срав. Dion. Hal 5, 22; 9, 24; 9, 14: *ἔστι δὲ τοῦτ' ὄρος ὑψηλὸν ἀγχοῦ τῆς 'Ρώμης πέραν τοῦ Τιβέριος ποταμοῦ κείμενον, ἐξ οὗ σύνοπτός ἐστιν ἡ 'Ρώμη σταδίους ἀμφὶ τοὺς ἑκκαίδεκα.* См. Rhein. Mus. 1891, стр. 135 сл.

на Палаціи, между тѣмъ какъ сабиняне, не одолѣвшіе септимонтія съ перваго же натиска, заняли параллельный съ септимонтіемъ хребетъ Квиринала, укрѣпивъ также и съ своей стороны Капитолійскій холмъ, составлявшій естественное продолженіе Квиринала. Оба эти холма еще въ концѣ республики и началѣ императорскаго періода были соединены довольно высокимъ переваломъ (съ clivus argentarius), снесеннымъ только при Траянѣ.

Появленіе сабинскаго переселенческаго элемента на территоріи позднѣйшаго Рима засвидѣтельствовано традиціей, которая, въ свою очередь, вполнѣ соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ времени, отмѣченнаго великимъ движеніемъ сабинянъ. Традиція сообщаетъ о жестокой борьбѣ между сабинянами и латинскими римлянами; и дѣйствительно, сосуществованіе двухъ крѣпостей на смежныхъ холмахъ въ связи съ вышеизложенными топографическими обстоятельствами можетъ служить вещественнымъ доказательствомъ вооруженнаго соперничества между montani и collini. Традиція повѣствуетъ, наконецъ, о торжествѣ латинскаго элемента съ признаніемъ, однако, за сабинскими пришлецами правъ союзниковъ; также и этой части преданія нѣтъ причины не довѣрять. Если же отнятіе у сабинянъ Капитолія изображается только въ видѣ обратнаго полученія латинцами того, что̀ было у нихъ отнято хитростью, то это происходитъ, съ одной стороны, по аналогіи дѣйствительнаго отвоевыванія многихъ латинскихъ городовъ, а съ другой и отъ того, что позднѣйшія поколѣнія, для которыхъ Капитолій представлялся уже въ позднѣйшемъ, священномъ значеніи, не могли себѣ представить, чтобы Римъ могъ существовать нѣкогда безъ Капитолія. Торжество латинскаго элемента выразилось, повидимому, въ томъ, что часть занятой сабинянами территоріи была у нихъ отнята, составивъ нѣчто въ родѣ союзнаго ager publicus. Капитолійское укрѣпленіе получило, такимъ образомъ, характеръ и названіе „главной крѣпости“ (Capitolium отъ caput) сравнительно съ крѣпостью на Палаціи, потерявшею послѣ этого прежнее свое значеніе, тѣмъ болѣе, что латинскіе римляне, въ силу своего главенства въ „союзѣ“, имѣли право смотрѣть на Капитолій, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, какъ на свою же собственность. Рядомъ съ капитолійской горой отошло отъ сабинянъ для „союзныхъ“ надобностей еще и небольшое пространство у подножія Капитолія (т.-е. между нимъ и будущей cloaca maxima); мѣсто это предна-

значалось для „сходокъ“ союзнаго населенія, для обсужденія общихъ дѣлъ (ср. подобную „союзную“ сходку латинцевъ въ рощѣ Ферентины у Liv. 1, 50, 1). Тамъ же возникло потомъ и зданіе для засѣданій сената, очевидно взамѣнъ болѣе древняго мѣста подъ открытымъ небомъ на такъ наз. area Volcani. Тамъ же была, наконецъ, и тюрьма. Мало того, и знаменитый храмъ Януса также можетъ быть признанъ дѣйствительно остаткомъ тогдашняго положенія дѣлъ, такъ какъ мѣсто его, насколько оно опредѣлимо, соотвѣтствуетъ какъ нельзя лучше предполагаемому направленію линіи, которая отдѣляла „союзную“ землю отъ территоріи, оставшейся за квиринальскими сабинянами; весьма возможно, что эта новая граница сабинской территоріи была какъ-нибудь отгорожена, напр., рвомъ, проведеннымъ на небольшомъ пространствѣ отъ Капитолія (позади тюрьмы) и до мѣста будущей cloaca maxima; позднѣйшій храмъ Януса и могъ быть тогда простымъ проходомъ для сообщенія „коллинцевъ“ съ союзной территоріей [1]). Наконецъ, незачѣмъ возставать и противъ сопоставленія слова Quīrītes съ именемъ Quīrīnus, отъ котораго безспорно произведено и названіе collis Quīrinalis, хотя созвучіе съ Cŭres можетъ быть, правда, только случайно [2]). Формула populus Romanus Quiritium могла имѣть первоначально такой смыслъ: populus Romanus et (populus) Quiritium, при чемъ формула эта сужена для обращенія къ „союзному“ народу въ собраніяхъ на comitium. Впослѣдствіи, когда первоначальныя обстоятельства давно уже измѣнились, родительный Quiritium стали понимать въ смыслѣ gen. explicativus, при которомъ populus Romanus (цѣлое) = Quirites (отдѣльныя единицы, составляющія это цѣлое). Поэтому Quirites, будучи уже понимаемо въ послѣднемъ смыслѣ, начало быть употребляемо въ видѣ сокращеннаго обращенія къ собранному на комиціи народу вмѣсто прежней полной формулы populus Romanus Quiritium [3]). Однимъ словомъ, если допустить правиль-

[1]) Двуликая фигура Януса не что иное, какъ подражаніе подобнымъ изображеніямъ Гермеса, помѣщавшимся на перекресткахъ. Постановка ея принадлежитъ, конечно, уже періоду греческаго культурнаго вліянія.

[2]) Но производство слова Quīrites отъ cŭria или отъ cŭris = hasta фонетически еще менѣе вѣроятно, чѣмъ отъ Cŭres.

[3]) Изрѣдка встрѣчающаяся варіація этой формулы: populus Romanus Quirites можетъ быть объяснена одинаково какъ изъ древняго, такъ и изъ позднѣйшаго значенія этой формулы.

ность предположенія о великомъ движеніи сабинянъ, то сказанія о первоначальной исторіи Палація и Капитолія могутъ быть признаны вполнѣ правдоподобнымъ отраженіемъ дѣйствительныхъ фактовъ, какъ въ общемъ, такъ и во многихъ частностяхъ, не исключая и знаменитой битвы (т.-е. вѣрнѣе битвъ) на форумѣ. Возникновеніе сказаній о борьбѣ римлянъ съ какими-то жалкими сабинянами на самомъ форумѣ и изъ-за Капитолія было бы психологически совсѣмъ необъяснимо, если бъ они не основывались на дѣйствительныхъ событіяхъ. Топографическія данныя въ сказаніяхъ вообще являются наиболѣе устойчивымъ элементомъ въ сравненіи съ искаженіемъ перспективы времени и съ произволомъ въ пріуроченіи личныхъ именъ [1]).

---

[1]) Слово fŏrum производятъ обыкновенно отъ одного корня съ fŏras и fŏris; въ такомъ случаѣ оно было бы по корню и по значенію близко къ русскому „дворъ“ и обозначало бы нѣчто „наружное“ или „окраину“, какою дѣйствительно является знаменитый впослѣдствіи форумъ по отношенію къ первоначальной территоріи септимонтія; подобнымъ образомъ и forum boarium, и forum olitorium расположены на „окраинѣ“ Сервіева города. Тѣмъ не менѣе такое производство не совсѣмъ удовлетворяетъ, такъ какъ при этомъ приходится отдѣлять fŏrum отъ fŏrus. Послѣднее, употреблялсь обыкн. во множ. числѣ (fori), обозначаетъ „грядки“ (садовыя), „пласты“ (въ ульяхъ) „отдѣленія“ (въ circus maximus Liv. 1, 35, 8), а въ уменьшительной формѣ foruli „перегородки“ (въ книжныхъ шкапахъ). Основнымъ значеніемъ нужно, повидимому, считать значеніе „грядки“, по сходству съ которыми названы этимъ же словомъ и отдѣленія въ циркѣ и прочіе случаи. А грядки могли быть обозначены словомъ fori оттого, что онѣ отдѣляются одна отъ другой канавками, при чемъ самое fori и обозначало первоначально эти послѣднія. Въ такомъ случаѣ forus сближается съ глаголомъ (per)-fŏrare, несомнѣнно производнымъ отъ како-либо существительнаго, т.-е. при нашемъ сближеніи именно отъ fŏrus въ значеніи „борозда, канавка между грядками“. Въ такомъ случаѣ и fŏrum могло первоначально имѣть значеніе „канавы“, а именно „открытая канава“ въ противоположность къ позднѣйшей закрытой cloaca (вѣроятно этрусскій терминъ). И дѣйствительно, cloaca maxima пересѣкаетъ форумъ по самой срединѣ (и нѣсколько наискось). Такимъ образомъ выраженіе ad forum (вм. in foro) могло имѣть первоначально буквальный смыслъ. Также и forum boarium могло обозначать первоначально „канава, прорытая для водопоя скота“. Что же касается другихъ форумовъ, въ особенности иногороднихъ, то они не что иное, какъ перенесеніе готоваго уже термина forum въ позднѣйшемъ смыслѣ „площадь“, „рынокъ“. При такомъ производствѣ, слова fŏrum, fŏrus, fŏrare, относимыя об. къ тремъ разнымъ корнямъ, сводятся къ одному знаменателю (первоначальное значеніе fŏrare было бы „рыть канаву“, затѣмъ вообще „прорывать“). Было-ли, однако, нѣкогда рядомъ съ этимъ и слово forum = „дворъ“, подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ мѣсто у Cic. *leg.* 2, 24, 61 можетъ основываться на недоразу-

Итакъ Римъ могъ не только возвыситься благодаря именно движенію сабинянъ, но также и возникнуть въ качествѣ палатинской крѣпости. При этомъ, конечно, необходимо предположить (а понятіе о „септимонтіи" позволяетъ сдѣлать такое предположеніе), что еще до „основанія города" жило здѣсь латинское населеніе, достаточно сильное для того, чтобы устоять противъ надвигавшихся сабинянъ. Избраніе Палацiя для „основанія города" со стороны отбивавшагося отъ сабинянъ латинскаго населенія является при данныхъ условіяхъ вполнѣ понятнымъ, тѣмъ болѣе, что Палацій принадлежалъ въ то время, повидимому, къ наименѣе населеннымъ частямъ септимонтія. Объ этомъ съ одной стороны прямо свидѣтельствуетъ традиція, а съ другой стороны археологическія находки показали, что древнѣйшее поселеніе на территоріи Рима вообще нужно искать не здѣсь, а на Эсквилинѣ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ выше изложенному толкованію древнѣйшей исторіи Рима.

Правда, и латинское населеніе здѣсь пришлое, явившееся сюда откуда-то съ сѣвера и принесшее еще оттуда умѣнье строить укрѣпленныя мѣста для своей защиты. Но это было, повидимому, задолго до движенія сабинянъ, оказавшагося теперь второй индоевропейской волной, нахлынувшей на Лацій, послѣ того какъ первая волна, латинская, успѣла уже здѣсь устроиться подъ главенствомъ и защитою Альбалонги. И если сохранились какія-либо преданія о первоначальномъ заселеніи септимонтія, то они должны были теперь слиться въ одно общее сказаніе объ „основаніи" города. Борьба римлянъ съ сабинянами была, безъ сомнѣнія, упорная и продолжительная и обошлась, повидимому, не безъ помощи со стороны этрусковъ, сумѣвшихъ изъ этого извлечь и свою пользу въ лицѣ Тарквиніевъ. Но память объ этихъ событіяхъ, дѣйствительно положившихъ начало послѣдующему величію Рима, сохраняла въ преданіяхъ такую свѣжесть и отчетливость, что въ періодъ перваго культурнаго разцвѣта, въ концѣ царскаго правленія, событія эти составляли, очевидно, дѣла недалекаго прошлаго. Преданіе распредѣляетъ всю исторію борьбы съ движеніемъ сабинянъ

мнѣнія самого Цицерона (forum sepulcri могло обозначать „вырытое мѣсто для гробницы", а не vestibulum sepulcri). Къ одному корню съ русскимъ „дворъ" принадлежитъ заимствованное у сабинянъ hortus (вм. ожидаемаго *fortus), а также и co-hors, тоже заимствованное у самнитянъ.

между четырьмя именами: Ромуломъ, Тулломъ Гостиліемъ, Анкомъ Марціемъ и Тарквиніемъ Старшимъ, что равносильно представленію о четырехъ поколѣніяхъ, т.-е. о времени, нѣсколько превышающемъ одно столѣтіе, такъ какъ Нума, составляя явно позднѣйшую вставку въ спискѣ царей, итти въ счетъ не можетъ, да и самимъ преданіемъ тутъ не считается. Многія изъ этихъ еще при послѣднемъ Тарквиніи сравнительно столь свѣжихъ преданій могли найти мѣсто у современныхъ греческихъ (куманскихъ, сицилійскихъ и вообще велико-греческихъ) писателей, черезъ посредство которыхъ они могли дойти въ подлинномъ видѣ и до древнѣйшихъ римскихъ анналистовъ.

Одной изъ самыхъ характеристическихъ чертъ сказаній является, если такъ можно выразиться, перетасовка фактовъ въ ихъ пріуроченіи ко времени и лицамъ. Факты, въ дѣйствительности отстоявшіе другъ отъ друга на большой промежутокъ времени, въ преданіи отрѣшаются отъ прочной датировки, и, существуя рядомъ въ разсказахъ того же поколѣнія, размѣщаются и перемѣщаются произвольно, какъ камушки калейдоскопа. Вслѣдствіе этого дѣянія разныхъ лицъ и разныхъ временъ могутъ группироваться произвольно, то вокругъ одного имени, то вокругъ другого; давно совершившееся можетъ быть отнесено къ болѣе позднему времени, и, наоборотъ, позднѣйшее къ болѣе отдаленному прошлому; и все это изукрашается фантазіей, дополняется существующими въ данное время сказочными элементами, какъ фактическими, такъ и личными и т. д. Поэтому въ сказаніяхъ о первоначальной исторіи Рима наименѣе надежный элементъ заключается въ приписываніи отдѣльныхъ дѣяній тому или другому опредѣленному лицу, равно какъ и наоборотъ пріурочиваніе тѣхъ или другихъ именъ къ опредѣленному факту. Въ виду неустойчивости этого элемента (въ противоположность къ топографическому) не было бы нисколько удивительно, еслибъ напр. Титъ Тацій[1]) первоначально

[1]) Нѣчто подобное случилось, повидимому, и съ именемъ Мезенція. Приблизительно параллельно съ водвореніемъ Тарквиніевъ въ Римѣ и распространеніемъ ихъ власти на всю латинскую область, происходило постепенное расширеніе этрусскаго владычества по западному берегу Италіи далеко на югъ, а именно морскимъ путемъ и притомъ въ союзѣ съ карѳагенянами. Ок. 540 г. до Р. Хр. этруски вытѣснили фокеянъ изъ Корсики, проникли позже въ Кампанію и угрожали самимъ Кумамъ. Съ 474 г. до Р. Хр. обстоятельства измѣнились, когда

вовсе не принадлежалъ къ кругу преданій о сабинскомъ движеніи; и дѣйствительно, нѣкоторыя данныя какъ будто указываютъ на то, что имя Тита Тація имѣло первоначально какое-то отношеніе къ плебеямъ и вообще къ автохтонному элементу Лаціума; это видно напр. изъ того, что могилу Тита Тація показывали на Авентинѣ и что смерть его пріурочивали къ Лаврентской области, этому, повидимому, древнѣйшему средоточію туземнаго населенія (въ періодъ, предшествующій гегемоніи Альбалонги, т.-е. утвержденію латинскаго элемента въ странѣ). Пріобщеніе Тита Тація къ сабинянамъ могло произойти на основаніи сходства его имени съ названіемъ братства Тиціевъ (sodales Titii retinendis Sabinorum sacris). Подобнымъ образомъ и триба Тиціевъ (Tities) была отожествлена съ квиринальскими сабинянами благодаря этому же сходству именъ, тѣмъ болѣе что и триба рамновъ въ своемъ названіи обнаруживала нѣкоторое сходство съ названіемъ римлянъ. Искусственность отожествленія двухъ трибъ съ обѣими „союзными" частями римскаго населенія явствуетъ уже изъ положительной невозможности подыскать какое-нибудь удовлетворительное объясненіе историческаго происхожденія третьей трибы луцеровъ. По всему видно, что дѣленіе на три трибы было искони свойственно латинскому населенію септимонтія, принесшему это дѣленіе съ собою изъ своей прародины, т.-е. явившемуся въ Лаціумъ въ видѣ трехъ племенъ или трибъ. Такое дѣленіе встрѣчается и у другихъ индоевропейскихъ народовъ; такъ напр., то же самое дѣленіе на 3 части (филы) повторяется также у дорянъ, между тѣмъ какъ въ Аттикѣ были первоначально 4 филы; подобнымъ образомъ населеніе осской Капуи было раздѣлено на пумперіи, т.-е. на 5 трибъ и т. п. Поэтому и число 300 для сената должно быть признано искони обыч-

---

сиракузскій тираннъ Гіеронъ разбилъ кампанскихъ этрусковъ и затѣмъ предпринялъ нѣсколько экспедицій въ самую Этрурію. Окончательно разорена была прибрежная Этрурія тиранномъ Діонисіемъ въ 384 г. до Р. Хр. Благодаря этому вмѣшательству сиракузскихъ тиранновъ Этрурія лишилась политическаго вліянія. Но и послѣ этого этруски долгое время держали въ страхѣ всѣ прибрежныя страны Италіи, но уже въ качествѣ морскихъ разбойниковъ. Такимъ же разбойникомъ является въ сущности и царь Мезенцій, обложившій податью виноградники прибрежной полосы Лаціума (ср. H. Peter, Hist. Rom. rell. стр. 55). Онъ принадлежитъ, повидимому, уже времени упадка Этруріи, а не времени ея политическаго могущества, а тѣмъ менѣе къ доисторической эпохѣ.

нымъ[1]), равно какъ и число 300 для конницы и 3000 для пѣхоты. Такому взгляду на происхожденіе римскихъ трибъ не противорѣчитъ и этимологическій составъ ихъ названій, могущихъ быть объясненными безъ натяжки изъ чисто латинскаго языкового матеріала. Прежде всего Ramnes и Tities представляютъ собою, повидимому, древнія формы им. множ. числа по 2-му склоненію = Ramni, Titii (равно какъ и род. Titium можетъ быть = Titiorum), между тѣмъ какъ Luceres, образованное какъ proceres, принадлежитъ, повидимому, искони къ 3-му склоненію. Это морфологическое различіе и послужило основаніемъ для различія въ употребленіи формъ Ramnenses и Titienses по отношенію къ всадникамъ привилегированныхъ центурій, въ то время какъ Luceres также и въ этомъ случаѣ оставалось обыкновенно безъ всякаго измѣненія. Что же касается этимологіи, то Lūceres явно примыкаетъ къ корню lūc (въ lux lūcis, lūceo и пр.) и по своему значенію оно = illūstres. Подобнымъ образомъ Tĭties = Tĭtii столь же очевидно происходитъ отъ причастія *tĭ-tus (употребляемаго какъ собственное имя Tĭtus) отъ корня ti въ значеніи „уважать", какъ въ греч. *τίω* (titus = *τιτός*); къ этому же корню принадлежитъ и tĭ-tulus (ср. Corssen, Beitr. стр. 373), а также и tĭ-mor, tĭ-meo въ сравненіи съ *τι-μή τι-μάω;* слѣд. также и Titii (Tities) = „потомки титовъ, т.-е. уважаемыхъ". Такія названія для трибъ не могутъ показаться неумѣстными, если принять въ расчетъ, что собственными представителями и властителями въ трибахъ были первоначально только патриціи; кліенты, правда, тоже входили въ эти древнія трибы, но на правахъ подчиненныхъ; плебеи же находились въ совершенно особомъ положеніи. Относительно слова Ramnes = Ramni прежде всего очевидно, что его созвучіе съ Romani чисто случайное, такъ какъ ни фонетически, ни морфологически не представляется никакой возможности для соединенія обѣихъ формъ. Слово Ramni (= Ramnes) можно дѣлить на его составныя части двояко: Ra-mni или Ram-ni. Въ первомъ случаѣ окончаніе -mni составляетъ суффиксъ причастія страд. залога въ той же формѣ, какая имѣется въ alumnus, pilumnoe poploe и др.; корень же Ra можетъ быть = ră въ ră-tus, ră-tio и пр. съ основнымъ значеніемъ

[1]) Цифра 100 для Ромулова сената получилась на основаніи порядковъ, бывшихъ въ употребленіи при выборахъ interrex'а, и подтверждалась отожествленіемъ основныхъ жителей Рима съ одной изъ трехъ трибъ.

„считать“ (ср. pro rata parte или portione), такъ что Ra-mni = „считаемые“ или въ переносномъ смыслѣ „почитаемые“. Если же напротивъ предпочесть дѣленіе Ram-ni, то это можетъ происходить изъ *rab-ni (ср. Sam-nites и Sab-ini) отъ корня rab въ rabies, rabĭdus, такъ что Ramni было бы = furiosi (въ смыслѣ „воинственные“) или изъ *rap-ni отъ корня rap въ rapio, rapidus (ср. somnus и sop-or) со значеніемъ „стремительные“. Во всякомъ случаѣ и здѣсь основное значеніе должно принимать въ почетномъ смыслѣ.

Если же трибы рамновъ, тиціевъ и луцеровъ были искони латинскія, то какое положеніе занимали тогда сабиняне? Традиція отвѣчаетъ, что они состояли на правахъ foederati, т.-е. сохраняли внутреннее самоуправленіе. Однако единственнымъ остаткомъ этого сабинскаго самоуправленія служило въ позднѣйшее время братство тиціевъ: sodales Titii retinendis sacris Sabinis. Спрашивается, какимъ образомъ и когда отдѣлилось духовное самоуправленіе сабинянъ отъ свѣтскаго и какимъ путемъ изгладились слѣды послѣдняго? Наиболѣе удовлетворительный отвѣтъ получимъ въ томъ случаѣ, если приведемъ это дѣло въ связь съ учрежденіемъ Ramnes, Tities и Luceres posteriores при Тарквиніи Старшемъ (Liv. 1, 36). Смыслъ традиціи тутъ таковъ, что еще Тарквиній Старшій задумалъ то же самое, что удалось только Сервію Туллію, т.-е. ввести новое дѣленіе римскаго народа взамѣнъ древнихъ трехъ трибъ, повидимому уже мало соотвѣтствовавшихъ фактическому положенію дѣлъ. Но такое нововведеніе не могло состояться тогда въ полномъ объемѣ вслѣдствіе оппозиціи старыхъ трибъ, представителемъ которыхъ въ легендѣ является авгуръ Атта Навій[1]). Тарквиній долженъ былъ удовлетвориться полумѣрой, состоявшей въ томъ, что новыя части римскаго народа, увеличившагося вслѣдствіе соединенія съ квиринальскими сабинянами и переселеніями

[1]) Замѣчательно, что оппозиція имѣла здѣсь характеръ религіозный. При этомъ затрудненія, послужившія предлогомъ для оппозиціи, лежали не въ религіи новыхъ гражданъ, а въ религіи самого царя. Вопросъ былъ поставленъ именно такимъ образомъ, что, такъ какъ существующая организація была освящена авспиціями (авспиціи эти приписываются, конечно, самому родоначальнику римлянъ, и притомъ — что заслуживаетъ особаго вниманія — одинаково по отношенію ко *всѣмъ* тремъ трибамъ), то нельзя де тутъ ничего измѣнить безъ новыхъ авспицій. Тарквиній же, какъ видно по исходу дѣла, не былъ въ состояніи исполнить этого условія, что и доказываетъ его религіозное, а слѣдовательно и вообще этнографическое отличіе отъ представителей римскихъ трибъ.

изъ другихъ пострадавшихъ отъ сабинскаго движенія латинскихъ общинъ (между прочимъ изъ Альбалонги), были приписаны къ древнимъ тремъ трибамъ, не сливаясь, однако, съ ними, а составляя своего рода только ихъ привѣсокъ, при чемъ оба эти элемента въ каждой трибѣ числились отдѣльно въ качествѣ Ramnes priores и Ramnes posteriores, Tities priores и Tities posteriores, Luceres priores и Luceres posteriores. При этой то чисто административной мѣрѣ Тарквинія Старшаго квиринальскіе сабиняне могли оказаться приписанными къ трибѣ тиціевъ, т.-е. могли войти въ составъ Tities posteriores. Припискою ихъ къ одной этой трибѣ проще всего объясняется тотъ фактъ, что существовали только sodales Titii retinendis sacris Sabinis, но не было такого же братства рамновъ или луцеровъ; послѣднія двѣ трибы въ такихъ спеціально сабинскихъ братствахъ, конечно, не нуждались, если ихъ posteriores состояли изъ латинцевъ. Послѣдующія реформы Сервія Туллія совсѣмъ устранили прежнюю систему дѣленія гражданъ; но и тутъ еще необходимо было сдѣлать нѣкоторую уступку старымъ традиціямъ устройствомъ шести привилегированныхъ центурій всадниковъ съ прежнимъ наименованіемъ Ramnenses (подр. equites), Titienses, Luceres priores и posteriores.

Отъ преданія объ „основаніи“ и прочей начальной исторіи Рима нужно отличать сказанія о его основателѣ, Ромулѣ. Вопросъ о времени возникновенія образа этого heros eponymos зависитъ отъ того, когда вошли въ употребленіе названія Roma и Romani, раньше ли основанія палатинской крѣпости или послѣ. Судя, однако, по тому, что Roma не поддается объясненію по даннымъ латинскаго языка[1]), нужно думать, что это названіе не латинское, связанное съ мѣстностью септимонтія, быть можетъ, еще со времени, предшествовавшаго занятію ея латинцами[2]). Въ такомъ случаѣ образъ „основателя“ Рима оказался бы древнѣе основанія палатинской крѣпости. Что же касается „біографіи“ Ромула, то издавна обращалъ на себя вниманіе разсказъ о рожденіи и воспитаніи

---

[1]) Даже и объясненіе Корссена отъ корня sru = ῥυ, заключающагося въ греч. ῥέω (изъ ῥεϝω), по которому Rōma было бы = „городъ при рѣкѣ“, неудовлетворительно, такъ какъ отъ корня reu (слабая степень ru) получилось бы по латыни *Rouma, а далѣе *Rūma, но никакъ не Rōma.

[2]) Усвоеніе со стороны новыхъ насельниковъ прежде существовавшихъ географическихъ терминовъ — явленіе самое обыкновенное.

братьевъ-близнецовъ вплоть до открытія ихъ происхожденія и родства съ албанскими царями, т. е. то, что заключается у Ливія въ гл. 4, 5 и въ первыхъ двухъ параграфахъ главы шестой. Разсказъ этотъ составляетъ одно стройное, художественно закругленное цѣлое съ чертами чисто драматическими. На это указывалъ еще Діонисій (1, 84), а также Плутархъ (*Rom.* 8): *ὕποπτον μὲν ἐνίοις ἐστὶ τὸ δραματικὸν καὶ πλασματῶδες*. Съ другой стороны извѣстно, что ходячая редакція этого разсказа восходитъ къ анналисту Кв. Фабію Пиктору, пользовавшемуся въ свою очередь сочиненіемъ нѣкоего Діокла Пепареѳскаго, который, насколько было извѣстно Плутарху, первый изложилъ подробно исторію основанія Рима *(ὅς δοκεῖ πρῶτος ἐκδοῦναι Ῥώμης κτίσιν)*. Объ этомъ Діоклѣ почти ничего болѣе неизвѣстно (см. Peter, Hist. Rom. rell. стр. LXXX); тѣмъ не менѣе то немногое, что̀ объ немъ знаемъ, позволяетъ предполагать, что это былъ скорѣе поэтъ, и притомъ поэтъ драматическій[1]), воспользовавшійся римскими сказаніями о Ромулѣ и Ремѣ, какъ темой для одной изъ своихъ драмъ. Отсюда драматичность и цѣльность этого разсказа[2]). Исторія брошенныхъ въ дѣтствѣ дѣтей и признаніе ихъ по достиженіи ими зрѣлаго возраста со стороны ихъ родственниковъ составляетъ одинъ изъ любимѣйшихъ сюжетовъ греческой драмы. Да и соотвѣтствующія сказанія были вообще очень распространены и не въ одной Греціи; такое же сказаніе было извѣстно также о Кирѣ персидскомъ. Съ другой стороны столь же распространены были сказанія о полубожественномъ происхожденіи основателей городовъ. Слѣдовательно, отдѣльные элементы разсказа о Ромулѣ и Ремѣ могли существовать самостоятельно и въ Римѣ; но форма, въ которую они облечены и связаны между собою, принадлежитъ, повидимому, Діоклу Пепареѳскому, который въ свою очередь могъ здѣсь оказаться и не совсѣмъ оригинальнымъ, подражая прежнимъ какимъ-либо образцамъ въ греческой литературѣ. По крайней мѣрѣ исторія рожденія обоихъ римскихъ близнецовъ поразительно схожа съ разсказомъ о Тиронѣ *(Τυρώ)* въ Од. λ, 235 сл.[3]).

---

[1]) Ср. Rhein. Mus. 1888, стр. 569 и слѣд.

[2]) Отсюда и не-латинскій видъ именъ Numitor и Amulius.

[3]) Ср. Rh. M. l. c., а также статью Энгельмана въ Jahrb. d. kaiserl. deutschen archäologischen Instituts V, гдѣ собраны всѣ вещественныя (художественныя) и литературныя данныя, касающіяся миѳа о Тиронѣ. Подобнаго же проис-

Если такимъ образомъ въ греческую литературу проникали даже и сюжеты для художественныхъ произведеній, то тѣмъ болѣе вѣроятно, что и въ исторической прозѣ великогреческихъ писателей времени процвѣтанія Кумъ попадались извѣстія объ историческихъ фактахъ царскаго періода Рима[1]). Эти-то извѣстія греческихъ писателей и послужили потомъ образцами и источникомъ для римскихъ хроникъ, начавшихъ появляться, повидимому въ значительномъ количествѣ, приблизительно поколѣніе спустя послѣ основанія республики. Періодъ высшаго процвѣтанія Кумъ совпадаетъ съ періодомъ всеобъемлющаго культурнаго прогресса въ Римѣ. А когда Кумы, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ, быстро стали спускаться съ прежней высоты своего величія, пока, наконецъ, не очутились во власти осскихъ кампанцевъ, то и въ Римѣ произошелъ замѣтный застой въ культурномъ прогрессѣ, получившемъ новую пищу только тогда, когда римляне снова столкнулись съ греческой культурой на берегахъ Тарентскаго залива.

И. Нетушилъ.

хожденія, какъ разсказъ о юности Ромула и Рема, повидимому, также разсказы изъ семейной хроники Тарквиніевъ. Въ особенности бросается въ глаза противоположность между подробнѣйшимъ изложеніемъ обстоятельствъ, доходящимъ до мелочей по отношенію къ возвышенію (Liv. c. 39—42, 1) и концу Сервія Туллія (с. 46—48), съ одной стороны, и отсутствіемъ подробностей въ изложеніи его общественной дѣятельности — съ другой.

[1]) Къ этому же времени принадлежитъ принятіе въ Гесіодову Θеогонію имени Латина; вставка эта, очевидно, южно-италійскаго или сицилійскаго происхожденія и доказываетъ тогдашнее политическое положеніе Лаціи.

Къ вопросу о гипэтральныхъ храмахъ въ Римѣ.

(Ov. Fast. I, 75 сл.).

Въ аѳинскихъ извѣстіяхъ нѣмецк. археологическаго института (XVI стр. 334 сл.) Дёрпфельдъ, исходя отъ несоотвѣтствія результатовъ раскопокъ извѣстію Витрувія о храмѣ Олимпійскаго Зевса въ Аѳинахъ, приходитъ къ заключенію (сходному, впрочемъ, съ Griech. Kultusaltertümer Штенгеля стр. 19), что большинство греческихъ и римскихъ храмовъ, не имѣя отверстій въ крышѣ, получали свѣтъ исключительно черезъ дверь, которая для этой цѣли (а также и для пропуска дыма) имѣла обыкновенно весьма почтенные размѣры (въ Парѳенонѣ напр. она была вышиною въ 10 метровъ и шириною въ 5); гипэтръ существовалъ, по мнѣнію Дёрп-

фельда, лишь въ отдѣльныхъ обширныхъ храмахъ (напр. въ храмѣ Аполлона въ Дельфахъ). При существованіи хотя нѣкотораго количества гипэтральныхъ храмовъ въ Римѣ получается вполнѣ удовлетворительное объясненіе для Ov. *Fast.* I, 75—78:

cernis, odoratis ut luceat ignibus aether
et sonet accensis spica Cilissa focis?
flamma nitore suo templorum verberat aurum
et tremulum summa spargit in aede iubar.

Поэтъ описываетъ здѣсь утренніе часы праздника новаго года. Зимою въ Римѣ вставали задолго до зари (lucubrare); между прочимъ, писатели употребляли это время для кабинетныхъ занятій (ср. напр. предисловіе къ Cic. *Parad.* или къ Gell. *N. A.);* зато, конечно, съ вечера ложились рано спать. Общественная же жизнь начиналась сейчасъ съ разсвѣтомъ (поэтому Плиній Старшій отправлялся на службу къ императору Веспасіану еще ante lucem, см. Pl. *Epist.* III, 5, 9). На разсвѣтѣ же начиналось и богослуженіе въ храмахъ. А такъ какъ переходъ отъ ночного мрака къ дневному свѣту совершается на югѣ весьма быстро, то приготовленія должны были начинаться до наступленія этого момента. Поэту, жившему на Палаціи, въ такомъ мѣстѣ, съ котораго ночью, при лунномъ освѣщеніи, храмъ Юпитера Капитолійскаго казался весьма близкимъ, и съ котораго, слѣдовательно, долженъ былъ открываться видъ на долину форума — какъ и изъ дома Цицерона — легко было наблюдать оттуда картину пробуждающагося праздника, когда съ первыми признаками разсвѣта то здѣсь, то тамъ начинали освѣщаться городскіе храмы отъ пламени, возженнаго на курительныхъ (внутреннихъ) жертвенникахъ. „Посмотри, говоритъ онъ, какъ воздухъ сверкаетъ уже благоухающими огнями, отъ того, что (= et explicativum) на возженныхъ жертвенникахъ горитъ уже съ трескомъ киликійскій шафранъ; пламя своимъ заревомъ доходитъ до позолоченныхъ потолковъ храмовъ, распространяя на вершинѣ зданія дрожащее сіяніе“. Дымъ, выходя въ отверстіе въ крышѣ и будучи достаточно освѣщенъ снизу вслѣдствіе небольшой сравнительно высоты римскихъ храмовъ, могъ быть хорошо виденъ издали передъ наступленіемъ полнаго разсвѣта. При такомъ толкованіи этихъ стиховъ получаемъ такой анализъ всего мѣста: 1) начало гражданскаго дня; римляне просыпаются: 4 стиха — 71 сл.; 2) свѣтаетъ; въ храмахъ начинается богослуженіе: 4 стиха — 75 сл.; 3) разсвѣло; публика устремляется къ Капитолію, куда должны вскорѣ прибыть обѣ консульскіе процессіи: 4 стиха — 79 сл.; 4) торжество на Капитоліи въ честь Юпитера: 4 стиха — 83 сл.

И. Нетушилъ.

Имена прилагательныя на -bilis у Плавта и Теренція[1].

Переходимъ ко второй ступени развитія значенія именъ на -bilis — къ значенію матеріально-потенціальному.

Грань между обоими видами возможности настолько шатка и неопредѣленна, что они не только не исключаютъ другъ друга, но и часто могутъ совпадать [2]), а результатомъ такого совпаденія являются слова, соединяющія въ себѣ оба потенціальныя значенія и притомъ такъ, что иногда бываетъ трудно замѣтить, которое изъ этихъ значеній преобладаетъ въ словѣ. Такъ слово credibilis, какъ замѣтилъ и Ганссенъ, обозначаетъ нѣчто среднее между возможностью матеріальной и моральной, или, вѣрнѣе, оба вида возможности вмѣстѣ (то, что заслуживаетъ вѣры, вмѣстѣ съ тѣмъ легко можетъ быть во всякое время принято на вѣру); точно также и нѣкоторыя другія изъ перечисленныхъ выше именъ прилагательныхъ усвоили себѣ, помимо морально-потенціальнаго значенія, нѣкоторый оттѣнокъ удобоисполнимости выражаемаго въ нихъ дѣйствія, какъ amabilis, aequiperabilis; даже герундивъ можетъ получать такой оттѣнокъ (intolerandus). Но тутъ все-таки морально-потенціальное значеніе выступаетъ на первый планъ; а могутъ быть и такіе случаи, гдѣ оно или совсѣмъ заслоняется, или отодвигается на второй планъ значеніемъ матеріально-потенціальнымъ. Эти-то случаи и представляютъ вторую ступень развитія значенія именъ прил. на -bilis.

У Плавта сюда относятся слѣдующія имена прилагательныя:

---

[1]) Окончаніе; см. выше стр. 49.

[2]) Въ случаяхъ такого совпаденія моральная возможность, какъ зависящая отъ существенныхъ свойствъ самого характеризуемаго предмета, должна предшествовать, а матеріальная, какъ зависящая отъ обстоятельствъ, можетъ къ ней присоединяться, но не наоборотъ.

1) aequabilis — *Capt.* 502. : vis hostilis cum istoc fecit meas opes aequabiles („сдѣлала возможнымъ уравненіе нашихъ правъ“).

2) indomabilis = „неукротимый“ — *Cas.* 811 sq. : edepol ne tu, si equos esses, esses indomabilis, — quo argumento? — nimis tenax es.

3) exorabilis — *St.* 74. : ut exoremus; novi ego nostros: exorabilist („его легко уломать“).

4) inlocabilis — о невѣстѣ, не могущей найти жениха только потому, что у нея нѣтъ приданаго — *Aul.* 191 sq. : virginem habeo grandem dote cassam atque inlocabilem, neque eam queo locare quoiquam.

5) perplexabilis — *Asin.* 792. : neque ullum verbum faciat perplexabile. Ганссенъ видитъ въ этомъ словѣ инструментальное значеніе, по нашему мнѣнію, напрасно. Лангенъ (Beitr. стр. 148) вѣрно переводитъ verbum perplexabile чрезъ „ein Wort, das anders gedeutet werden kann, als sie es gemeint hat“ („слово, могущее быть истолковано въ иномъ смыслѣ, чѣмъ какой ему придаетъ говорящій“, т.-е. „двусмысленное слово“), сопоставляя съ этимъ nomen perplexum (*Mil.* 435) = „ein mit Bewusstsein verkehrter Name“ („нарочно переиначенное имя“). Если, такимъ образомъ, причастіе perplexum имѣетъ страдательное значеніе, то ничто не мѣшаетъ придать таковое же и имени прил. perplexabilis, оставляя въ сторонѣ *Aul.* 259, гдѣ гл. perplexari употребленъ безъ всякаго объекта.

6) sperabilis — *Capt.* 518. : nulla vitae meae salus sperabilist („нечего ждать спасенія“, говоритъ Тиндаръ, видя, что обманъ его неминуемо долженъ быть раскрытъ).

7) intolerabilis = собств. „невыносимый“, отс. „неоплатный“ — *Aul.* 532 sq. : haec sunt atque aliae multae in magnis dotibus incommoditates sumptusque intolerabiles (въ предыдущихъ стихахъ говорится о томъ, какъ тяжело ложится на мужа страсть жены къ нарядамъ).

8) invendibilis — о товарѣ, не находящемъ покупщика — *Poen.* 391 sq. : invendibili merci oportet ultro emptorem adducere; proba mers facile emptorem reperit.

У Теренція именъ прил. на -bilis этой категоріи четыре, а именно:

1) adfabilis = „доступный“, „снисходительный“ (собств. „такой, съ которымъ легко заговорить“) — *Ad.* 896: meditor esse adfa-

bilis (говоритъ Демея, выказывавшій себя раньше далеко не снисходительнымъ отцомъ, но къ концу піесы перемѣняющій свой образъ дѣйствій).

2) inexorabilis = „неумолимый“, „непреклонный“ — *Phorm.* 497: ingenio duro atque inexorabili.

3) memorabilis = „поддающійся словамъ“, „подд. описанію“ — *Andr.* 625: hocine credibile aut memorabile? (говоритъ человѣкъ въ крайнемъ негодованіи).

Можно бы memorabile принять и въ морально-потенціальномъ значеніи (= dignum quod memoretur, scil. quia fidem non excedit), но мы предпочли иное толкованіе, какъ болѣе простое (ср. Aristoph. *Av.* 420: *λέγει μέγαν τιν' ὄλβον οὔτε λεκτὸν οὔτε πιστόν*). Такому толкованію не мѣшаетъ соединеніе этого слова съ credibilis, ибо это послѣднее также въ довольно значительной степени приняло матеріально-потенціальный оттѣнокъ.

4) tolerabilis = „сносный“, — *Heaut.* 205 sq. : paulo quist homo tolerabilis, scortari crebro nolunt (sc. parentes).

Дзятцко въ прим. къ *Phorm.* 226 придаетъ этому слову активный смыслъ („терпѣливый“). Ганссенъ (стр. 276) — пассивный; послѣднее, на нашъ взглядъ, вѣрнѣе.

По отношенію къ этой второй группѣ именъ прил. на -bilis замѣтимъ, прежде всего, то, что нѣкоторыя изъ нихъ еще въ довольно значительной степени удержали древнѣйшее морально-потенціальное значеніе; таковы sperabilis, которое удобно могло бы быть замѣнено чрезъ speranda, intolerabilis (sumptus intolerabiles — расходы, которые, съ одной стороны, покрывать трудно, а съ другой — и вовсе не слѣдуетъ, потому что они непроизводительны), invendibilis (inv. mers, какъ видно изъ противоположенія proba mers, есть товаръ, который не только не можетъ быть проданъ, но и по своимъ качествамъ негоденъ къ продажѣ).

Далѣе отмѣтимъ то обстоятельство, что Теренцій въ этой категоріи даетъ уже одно такое имя прил. на -bilis, которое не встрѣчается у Плавта (именно adfabilis), между тѣмъ какъ въ первой категоріи мы у него нашли исключительно такія, которыя уже встрѣчаются въ комедіяхъ Плавта. Если принять, кромѣ того, во вниманіе, что всѣ представители этой второй категоріи у Плавта встрѣчаются лишь по одному разу, то можно заключить, что во время Теренція чисто-потенціальное значеніе, безъ герун-

дивнаго оттѣнка, именъ прил. на -bilis не было уже такой новинкой, какою оно представляется у Плавта.

Впослѣдствіи это матеріально-потенціальное значеніе (пассивное) стало для именъ прил. на -bilis преобладающимъ и усвоялось почти всѣмъ безъ исключенія тогда впервые появлявшимся именамъ прил. этого рода (чему примѣровъ особенно много у Овидія); прежнее же морально-потенціальное значеніе удержалось, по большей части, за такими лишь именами прил., которыя были съ этимъ значеніемъ унаслѣдованы отъ доклассическаго періода (какъ credibilis, mirabilis, nobilis и т. п.). Такимъ образомъ исчезла всякая почти разница въ значеніи между суффиксами -bili- и -li-; оба они стали смѣшиваться, и это смѣшеніе повело къ двоякимъ послѣдствіямъ: къ исчезновенію, такъ сказать, упраздненію въ языкѣ нѣкоторыхъ образованій и къ разнымъ уклоненіямъ отъ первоначальнаго способа образованія им. прил. на -bilis. И хотя у Плавта и Теренція мы еще не видимъ этихъ результатовъ въ полномъ ихъ развитіи, однако и къ нашимъ авторамъ они имѣютъ нѣкоторое отношеніе.

Уже у Плавта мы почти совсѣмъ не видимъ присоединенія суффикса -li- къ глагольнымъ основамъ, заканчивающимся гласнымъ звукомъ: exanimalis (*Bacch*. 848. *Rud*. 221) и vapularis изъ vapulalis — (*Pers*. 21) — единственные у него представители такого образованія именъ прилагательныхъ [1]). У Теренція такихъ примѣровъ совсѣмъ уже нѣтъ, а во всей остальной римской литературѣ намъ пришлось найти еще только одинъ примѣръ присоединенія суффикса -li- къ глагольной основѣ на гласный звукъ — нарѣчіе fastidiliter у Варрона (*Sat*. fr. 78 B.).

Съ другой стороны, глагольныя основы на согласный звукъ, отъ которыхъ образуются имена прил. на -lis, не соединяются со сложнымъ суфф. -bili , за исключеніемъ одной основы глаг. utor, отъ которой мы еще у Плавта и Теренція встрѣчаемъ utibilis и utilis. Между тѣмъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что разъ оба суффикса имѣли различное значеніе, то отъ многихъ, если не отъ всѣхъ, глагольныхъ основъ возможно было образованіе именъ прилагательныхъ съ тѣмъ и другимъ суффиксомъ.

---

1) Да и то образованіе слова vapularis (по всей вѣроятности) принадлежитъ самому Плавту (tribunus vapularis какъ бы по аналогіи съ trib. militaris).

Значитъ распредѣленіе глагольныхъ основъ между суффиксами -li- и -bili-, по которому основы на гласный звукъ стали соединяться съ суффиксомъ сложнымъ, а основы на согласный — преимущественно съ простымъ, вызвано было отождествленіемъ значенія этихъ суффиксовъ, при которомъ параллельное существованіе именъ прил. на -lis и -bilis отъ однихъ и тѣхъ же глагольныхъ основъ стало излишнимъ, и если это распредѣленіе основъ мы уже у Плавта находимъ почти вполнѣ завершившимся, то, стало быть, уже въ такое древнее время оба данные суффикса въ значительной степени смѣшались.

Можно прослѣдить еще, какъ единственное оставшееся въ римской литературѣ имя прил. на -bilis отъ основы такого глагола, отъ котораго уцѣлѣло также имя прил. на -lis, вытѣсняется этимъ послѣднимъ; мы говоримъ о сл. utibilis и utilis, уже неоднократно нами упомянутыхъ.

Utilis, по своему образованію, должно было первоначально обозначать такой предметъ, который легко можно употребить къ чему-нибудь, и въ этомъ значеніи встрѣчается у Плавта *Epid.* 291 (quem hominem inveniemus ad eam rem utilem? = „кого найдемъ мы такого, чтобы легко было употребить [1]) на такое дѣло?“) и у Теренція *Andr.* 287 (quam illi utraeque res nunc utiles et ad pudicitiam et ad rem tutandam sient = „насколько ей теперь легко сдѣлать употребленіе“ и т. д.); имя сущ. utilitas у Плавта и Теренція также еще не значитъ „польза“, но „способность владѣть“ (*Epid.* 634: satin ego oculis utilitatem optineo sincere an parum? — по отношенію къ зрѣнію utilitas означаетъ собственно „возможность пользоваться имъ“) или „готовность къ услугамъ“ (*Eun.* 309: Chaerea, aliquid inveni modo quod ames; in ea re utilitatem ego faciam ut cognoscas meam). Соотвѣтственно этому inutilis у Плавта обозначаетъ „такой, котораго ни на что употребить нельзя“, т.-е. „ни на что негодный“ (*Pseud.* 794: multilocum, gloriosum, insulsum, inutilem) или „ненужный“ (*Asin.* 763: inutilis pictura), но не „безполезный“. Но затѣмъ utilis начинаетъ принимать значеніе utibilis, сперва основное (*Trin.* 24: in aetate utile et conducibile = „въ жизни слѣдуетъ прибѣгать къ этому и можно отсюда ожидать пользы“), потомъ переносное („полезный“), въ каковомъ мы его видимъ разъ

[1]) Или: „чтобъ онъ былъ готовъ на такую услугу“.

у Плавта (*Capt.* 325), семь разъ у Теренція и затѣмъ въ классической латыни. Тогда utibilis становится лишнимъ и начинаетъ пропадать: у Плавта оно еще въ большинствѣ (5 разъ противъ 3), у Теренція уже попадается только разъ, а затѣмъ выходитъ изъ употребленія совсѣмъ. Что касается второго результата смѣшенія суффиксовъ -li- и -bili-, то онъ выражается, во-первыхъ, въ образованіи именъ прил. на -bilis отъ именныхъ основъ, подобно тому какъ отъ этихъ основъ искони образовывались имена прил. на -lis, и во-вторыхъ, въ присоединеніи суфф. -bili- къ глагольнымъ основамъ, распространеннымъ звукомъ t (s). Перваго рода неправильныхъ образованій мы не только у Плавта и Теренція, но и въ классическій періодъ еще не видимъ; что же касается второго, то уже у Цицерона подчасъ попадаются слова въ родѣ comprehensibilis, хотя и рѣдко, а затѣмъ, уже въ послѣклассическій періодъ, именъ прил. на -tibilis и -sibilis появляется все больше и больше и, наконецъ, они переходятъ и въ романскіе языки (франц. visible, sensible и под.). У Плавта и Теренція, у которыхъ, какъ мы видѣли, суффиксъ -bili- еще въ большинствѣ случаевъ сохранилъ свое древнѣйшее герундивное значеніе, мы не можемъ, конечно, ожидать, чтобы въ образованіи имени прилагательнаго съ этимъ суффиксомъ участвовала примѣта part. perf. pass. — t (s). Дѣйствительно, мы у нихъ этого и не находимъ; только Men. 168. цитата Нонія даетъ inlutibili. Это inlutibili не укладывается въ стихъ и не дается ни одною рукописью Плавта (онѣ даютъ частью inlucido, частью inlutido), а кромѣ того, оно было бы, какъ уже нами замѣчено, единственнымъ неправильнымъ образованіемъ этого рода не только у Плавта, но и вообще въ до-классической латыни. А потому уже со времени Камерарія появлялись поправки; послѣдней была поправка Purus inlutili, принятая въ изданіяхъ Брикса и Шелля. Но inlutili, какъ намъ кажется, не вполнѣ подходитъ по смыслу: имена прилагательныя такого образованія имѣютъ, какъ мы видѣли, значеніе близкое къ part. perf. passivi, а это значеніе здѣсь не подойдетъ [1]). Не слѣдуетъ ли читать вмѣсто inlutili — inlubili? Тогда именъ прил.

[1]) Если part. perf. passivi и принимаетъ иногда потенціальное значеніе (см. ниже), то это все-таки не даетъ права принимать и имя прил. inlutilis въ такомъ же значеніи, потому что у Плавта имена прил. на -tilis (-silis) никогда не обозначаютъ возможности. Къ тому же отриц. -in-, въ сложеніи съ которымъ

на -bilis съ матеріально-потенціальнымъ значеніемъ страдат. залога оказалось бы девять, и девятое было бы такимъ же ἅπαξ λεγόμενον, какъ остальныя восемь[1]).

Третья ступень въ развитіи значенія интересующихъ насъ именъ прилагательныхъ есть та, на которой они, удержавъ еще пассивное значеніе, утратили почти всю свою потенціальность. Матеріальная возможность, какъ могущая въ любое время перейти въ дѣйствительность, довольно близка къ этой послѣдней, а потому иногда и можетъ разсматриваться съ точки зрѣнія своего осуществленія. И вотъ, когда имена прилагательныя на -bilis усвоили себѣ значеніе матеріальной возможности, то могло случаться, что въ этомъ значеніи на первый планъ выступалъ элементъ осуществленія дѣйствія, заслоняя собою элементъ потенціальный.

Утратившими потенціальный смыслъ Ганссенъ (стр. 278) считаетъ имена прил. nobilis и ignobilis, да развѣ еще inmutabilis (*Epid.* 577), вмѣсто котораго онъ, впрочемъ, предлагаетъ читать inmutatilis. Что касается nobilis и ignobilis, то мы выше нашли возможнымъ иначе объяснить ихъ значеніе; но относительно трехъ мѣстъ у Плавта мы соглашаемся съ Ганссеномъ въ томъ, что въ нихъ данныя имена прил. почти приравнялись по значенію къ notus и ignotus. Мѣста эти слѣдующія: *Pseud.* 1111 sq.: cum his mihi nec locus nec sermo unquam convenit neque is (= eis) nobilis fui (я съ ними не былъ знакомъ); ibid. 592: quis hic est qui oculis meis obviam ignobilis[2]) (= „незнакомецъ"; такъ объясняетъ и Фестъ) obicitur? ibid. 964: peregrina facies videtur hominis atque ignobilis (ср. *Trin.* 765 – 767).

Объ inmutabilis рѣчь будетъ ниже. Къ данной же категоріи можно отнести еще сл. sepelibilis (*Cist.* I, 1, 64), которое Ганссенъ причисляетъ къ именамъ прил. матеріально-потенціальнаго значенія. Намъ кажется, что если „stultitiam facias sepelibilem" въ слѣ-

part. perf. pass. получаетъ потенціальный смыслъ, не присоединяется къ этимъ именамъ прилагательнымъ не только у Плавта, но, насколько намъ извѣстно, вообще въ латинскомъ языкѣ.

[1]) Inlutibili могло или просто быть подставлено кѣмъ-либо вмѣсто inlubili по догадкѣ или по непониманію этого послѣдняго, или же могло развиться изъ inlubibili, по желанію исправить описку. Inlubilis образовано нами по аналогіи съ solubilis, volubilis, mobilis и т. п.

[2]) Рукопись A и цитата Феста даютъ ignobilis, другія рукописи — ignorabilis.

дующемъ (65) стихѣ объясняется чрезъ „in latebras abscondas pectore penitissumo", то рѣчь идетъ не о простой возможности, а объ исполненіи дѣйствія, т.-е. переводъ будетъ не „сдѣлай возможнымъ схоронить", но скорѣе „сдѣлай, чтобы глупость твоя была схоронена", такъ что въ данномъ мѣстѣ sepelibilis по значенію приближается къ sepultus (или sepultilis, если дозволительно образовать такое слово).

Замѣтимъ, что уже между именами прил. на -bilis первой и второй категорій нѣкоторыя имѣютъ значеніе, близко подходящее къ фактическому: такъ, aequabilis (*Capt.* 302) почти = aequus, exoptabilis (*Stich.* 395) почти = exoptatus; но потенціальное значеніе въ нихъ все же достаточно ясно обнаруживается. Съ другой стороны part. perf. pass., обозначающее совершившійся фактъ, слагаясь съ отриц. in —, пріобрѣтаетъ потенціальный смыслъ (invictus — *Mil.* 57, indomitus — *Bacch.* 612. *Men.* 110. *Trin.* 751, ср. русск. „неоцѣненный", „несравненный", „несказанный", греч. *αἱρετός* при *ἐξαίρετος*, *ἄφατος* при *παλαίφατος* и т. п.). Ясно, что потенціальное значеніе иногда можетъ переходить въ фактическое и наоборотъ, т.-е. что въ одномъ и томъ же словѣ на первый планъ можетъ выступать то первое, то второе.

Но перечисленныя только-что имена прил. на -bilis не совсѣмъ утратили свое потенціальное значеніе: „neque is nobilis fui" заключаетъ въ себѣ и ту мысль, что говорящаго эти слова лица извѣстной категоріи „не могли знать", равно какъ и ignobilis въ обоихъ приведенныхъ мѣстахъ обозначаетъ не только, что такого-то не знаютъ, но и что его „не могутъ знать или узнать"; также и sepelibilis, хотя и близко по значенію къ sepultus, но все же не совсѣмъ равно ему, а представляетъ скорѣе нѣчто въ родѣ participii praesentis passivi. Мы выдѣлили эти три имени прил. въ особую категорію только потому, что въ нихъ потенціальное значеніе очень ослабѣло, настолько ослабѣло, что его въ переводѣ почти даже невозможно передать.

Подобныхъ случаевъ мы однако уже у Теренція не замѣчаемъ; равнымъ образомъ и въ классическій періодъ и все остальное время прилагательныя на -bilis всегда имѣютъ ясно выраженный потенціальный характеръ, съ которымъ и переходятъ въ новѣйшіе языки. Можно думать, что послѣ Плавта въ развитіи значенія данныхъ именъ прил. произошла реакція, остановившая его на второй ступени.

До сихъ поръ мы оставались въ предѣлахъ пассивнаго значенія именъ прил. на -bilis; но они имѣютъ у нашихъ авторовъ значеніе и другихъ залоговъ, что намъ теперь и предстоитъ разсмотрѣть.

Ближе всего къ страдательному значенію стоитъ значеніе возвратное.

Возвратный залогъ въ латинскомъ языкѣ можетъ быть по формѣ тождественъ со страдательнымъ, а потому и имя прилагательное, долженствующее по своей формѣ имѣть страдательное значеніе. Между именами прил. на -bilis у Плавта есть одинъ примѣръ этого рода — mobilis (= „подвижной", „ловкій") — *Mil.* 630: sum pedibus pernix, manibus mobilis. У Теренція такихъ примѣровъ нѣтъ; въ классической латыни они встрѣчаются, хотя и не въ большомъ числѣ (mobilis, volubilis и т. п.).

Затѣмъ слѣдуютъ имена прил., происходящія отъ основъ глаголовъ интранзитивныхъ, обозначающихъ состояніе. Извѣстно, что страдательный залогъ такихъ глаголовъ въ безличной формѣ употребляется въ активномъ смыслѣ (для Плавта примѣры — *Pseud.* 457: quid agitur? — statur hic ad hunc modum; *Pers.* 17: quid agitur? — vivitur; *Pseud.* 453: itur ad te, Pseudole, и др.). Соотвѣтственно этому, отъ такихъ глаголовъ могли образовываться имена прил. съ пассивнымъ суффиксомъ и активнымъ значеніемъ, но, конечно, интранзитивнымъ. Относящіяся сюда имена прил. на -bilis суть слѣдующія:

А. У Плавта:

1) conducibilis = греч. συμφέρων („могущій принести пользу", „выгодный") — слово, принадлежащее, насколько извѣстно, одному Плавту и употребленное имъ чаще, чѣмъ какое-либо другое прил. на -bilis — 7 разъ[1]): *Bacch.* 52 (non ego istuc facinus mihi, mulier, conducibile esse arbitror), *Epid.* 256 (reperiamus aliquid calidi conducibilis consili), 260 (consilium catum atque ad eam rem conducibile), 388 (fuit conducibile hoc quidem mea sententia); *Cist.* I, 1, 80 (matronae magis conducibile est istuc, mea Gelenium); *Trin.* 24 sq. (in aetate utile et conducibile), 36 (ita vincunt illud conducibile gratiae). Употребляется это слово только о предметахъ отвлеченныхъ (facinus, consilium) и притомъ въ среднемъ родѣ (nom., acc. и одинъ разъ genet.).

[1]) Можетъ быть, такое частое употребленіе этого слова объясняется тѣмъ, что Плавтъ имъ постоянно переводилъ греческое συμφέρων.

2) discordabilis = „склонный, готовый къ ссорѣ" — *Capt*. 402: ingenio haud discordabili.

3) stabilis = греч. βέβαιος („прочный") — *Aul*. 233 sq.: neutrubi habeam stabile stabulum... asini mordicus me scindant, boves incursent cornibus; *Bacch*. 520: profecto stabilest (= certumst, „я твердо рѣшилъ") me patri aurum reddere; *Merc*. 653: quae patria aut domus tibi stabilis esse poterit? Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ первомъ и третьемъ примѣрѣ предметы, къ которымъ относится stabilis, можно разсматривать и не какъ субъекты гл. stare, а какъ обстоятельства мѣста, такъ что, напр., stabile stabulum будетъ не = stabulum, quod stare possit, а = st., in quo stare (т.-е. assidue remanere) possim. Поэтому мы въ этихъ двухъ примѣрахъ имѣемъ, можетъ быть, дѣло не съ активно-интразитивнымъ, а съ особаго рода пассивнымъ значеніемъ слова stabilis, при каковомъ значеніи грамматическимъ субъектомъ является обстоятельство мѣста гл. stare, вмѣсто логическаго объекта, котораго этотъ глаголъ имѣть не можетъ.

4) prostibilis = „продажный" — *Pers*. 837: absque me foret et meo praesidio, hic (leno) faceret te prostibilem propediem (говоритъ Токсилъ Лемниселенидѣ).

В. У Теренція:

1) Stabilis — какъ у Плавта *Bacch*. 520. — *Ad*. 66: imperium gravius aut stabilius.

2) praestabilis = „предпочтительный" — *Hec*. 284: quanto fuerat praestabilius ubivis gentium agere aetatem quam huc redire!

Отмѣтимъ по поводу выше перечисленныхъ примѣровъ, что во всѣхъ нихъ прилагательныя на -bilis, отступивъ отъ чисто-пассивнаго значенія, отступили вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ первоначальнаго значенія моральной возможности. Это же относится и къ послѣдней группѣ — активно-транзитивной, къ которой мы теперь и приступаемъ.

Какъ уже нами замѣчено, Ганссенъ, отвергая возможность активно-транзитивнаго значенія занимающихъ насъ именъ прилагательныхъ въ доклассической латыни, расходится въ этомъ во мнѣніи съ прочими учеными, касавшимися даннаго вопроса. Онъ прямо говоритъ, что данныя прилагательныя никогда не употребляются въ дѣйствительно-активномъ смыслѣ („niemals wirklich activ" — стр. 286) и что предметы, къ которымъ они прилагаются, никогда

не представляются сознательно или самостоятельно дѣйствующими, но всегда странствующими или же только механически - дѣйствующими („sie schliessen sich nie an bewusst oder selbstständig thätig, sondern an leidend oder nur mechanisch thätig gedachte Substantiva an" — стр. 290). По его мнѣнію, активное значеніе именъ прилагательныхъ на -bilis, произведенныхъ отъ основъ транзитивныхъ глаголовъ, можетъ быть только кажущимся; на дѣлѣ же при тѣхъ изъ нихъ, которыя не имѣютъ пассивнаго или возвратнаго значенія, грамматическій субъектъ можетъ быть только либо причиной, либо орудіемъ дѣйствія, но никакъ не дѣйствующимъ лицомъ; а потому такія имена прилагательныя могутъ имѣть только инструментальное или причинное значеніе. Подъ эти два значенія Ганссенъ и старается подвести всѣ имѣющіеся въ памятникахъ доклассическаго лат. языка примѣры именъ прил. на -bilis указаннаго разряда. Инструментальное значеніе онъ приписываетъ слѣдующимъ именамъ прилагательнымъ:

А. У Плавта:

1) adiutabilis — *Mil.* 1144: vos modo porro ut occepistis date operam adiutabilem; *Pers.* 673 sq.: edepol dedisti, virgo, operam adiutabilem, probam et sapientem et sobriam.

2) inpetrabilis — *Epid.* 341 sq.: pro di inmortales, mi hunc diem ut dedistis luculentum, ut facilem atque inpetrabilem! *Most.* 1162: non potuit venire orator magis ad me inpetrabilis quam tu; *Merc.* 604 sq.: pulcre os sublevit patri; inpetrabilior[1]) qui vivat nullus est.

3) lucrificabilis — *Pers.* 712: ne hic tibi dies inluxit lucrificabilis.

4) lidificabilis — *Cas.* 759 sqq.: nec pol ego Nemeae credo neque ego Olympiae neque usquam ludos tam festivos fieri, quam hic intus fiunt ludi ludificabiles seni nostro Olympioni vilico.

В. У Теренція:

1) placabilis — *Phorm.* 960 sq.: nunc quod ipsa ex aliis auditura

---

[1]) Такой формы сравнительной степени отъ именъ прил. на -bilis у Плавта болѣе не встрѣчается, тогда какъ описательныя формы съ magis у него употреблены пять разъ: *Curc.* 168. *Cist.* IV, 1, 1. *Mil.* 613. *Trin.* 748. *Most.* 1162 (въ послѣднемъ мѣстѣ отъ того же inpetrabilis). У Теренція, напротивъ того, описавія чрезъ magis въ данномъ случаѣ не бываетъ, но и простая форма сравн. степени у него употребляется только въ Nom. или Acc. Sing. Neutr. (*Phorm.* 961. *Ad.* 66. 608. *Hec.* 284). Простая форма превосходной степени у Теренція не встрѣчается вовсе, у Плавта одинъ разъ (*Aul.* 633).

sit, Chremes, id nosmet indicare placabilius est; *Ad.* 608: te ipsum purgare ipsi coram placabilius est.

2) vincibilis — *Phorm.* 226: iustam illam causam, facilem, vincibilem, optumam.

Причинное значеніе, по Гассену, имѣютъ, кромѣ utibilis и conducibilis, которыя мы уже выше имѣли возможность объяснить иначе, еще три имени прил. у Плавта, а именно:

1) exitiabilis — *Epid.* 605 sq.: Epidicum operam quaerendo dabo; si invenio, exitiabilem ego illi faciam hunc ut fiat diem.

2) inmemorabilis — *Cist.* II, 2, 2 sq.: ut illaec (anus) hodie quot modis sibi moderatrix fuit atque inmemorabilis.

3) voluptabilis — *Epid.* 21: voluptabilem mihi nuntium tuo adventu adportas.

Разсматривая всѣ эти примѣры, прежде всего нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ явныхъ натяжекъ въ объясненіяхъ Ганссена. Такъ, едва ли кто повѣритъ, что при inmemorabilis субъектъ (anus) дѣйствительно былъ только „механически-дѣйствующей" причиной дѣйствія гл. memorare, а не дѣйствующимъ лицомъ его. Также при inpetrabilis (*Merc.* 605. *Most.* 1162) Евтихъ и Каллидамантъ, которымъ придается это имя прил., не могутъ считаться только „механическими орудіями" дѣйствія гл. inpetrare, даже въ томъ случаѣ, если inpetrare, какъ полагаетъ Ганссенъ, въ самомъ дѣлѣ обозначало бы только „добиваться чего-либо для себя". Но inpetrare у Плавта употребляется также о достиженіи чего-нибудь въ пользу другого лица (*Aul.* 687. 695. *Cas.* 269—271), а потому Евтихъ и Каллидамантъ должны считаться дѣйствующими лицами: они сами „inpetrant", а не „per eos inpetratur alqd".

Далѣе, мы не совсѣмъ понимаемъ, почему изъ трехъ именъ прилагательныхъ, опредѣляющихъ слово dies, два (lucrificabilis и inpetrabilis) отнесены къ инструментальному значенію, а третье (exitiabilis) — къ причинному. Кажется, слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, или во всѣхъ случаяхъ принимать день за орудіе дѣйствія, или во всѣхъ — за причину. Но какъ день можетъ быть орудіемъ дѣйствія, да еще „механически-дѣйствующимъ"? Если у Плавта день олицетворяется какъ божество (*Bacch.* 255), если объ этомъ днѣ говорится, что онъ „amoenitate amoena amoenus oneravit" Эргасила (*Capt.* 774) и „pessumus inluxit corruptor" для Дордала (*Pers.* 780), то, значитъ, день разсматривается не какъ

простая причина тѣхъ событій, которыя совершаются во время его, но какъ существо, устраивающее ихъ, подобно Фортунѣ: день приноситъ людямъ прибыль (d. lucrificabilis), какъ Fortuna lucrifica (*Pers.* 515), день исполняетъ желанія (d. inpetrabilis), на подобіе вѣрнаго друга и товарища (какъ Евтихъ и Каллидамантъ — amici inpetrabilis), день же можетъ принести человѣку гибель (d. exitiabiles). Итакъ, мы считаемъ имена прил. inmemorabilis, inpetrabilis, lucrificabilis, exitiabilis словами активно-транзитивнаго значенія. Къ нимъ мы присоединяемъ и сл. incogitabilis (*Mil.* 544: me fuisse caecum, excordem, incogitabilem), которое Ганссенъ причисляетъ къ именамъ прил. активно-интранзитивнаго значенія. Что гл. cogitare — транзитивный, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, разъ онъ имѣетъ прич. cogitatus съ пассивнымъ значеніемъ (*Trin.* 227); на это же указываетъ его происхожденіе и значеніе (не просто „размышлять“, а „обдумывать что-либо“).

Относительно другихъ приведенныхъ выше именъ прил. можно согласиться съ Ганссеномъ, хотя слѣдуетъ замѣтить, что у Плавта нерѣдко предметъ, въ сущности служащій лишь причиной или орудіемъ дѣйствія глагола, разсматривается какъ самостоятельно-дѣйствующій. Такъ, напр., *Merc.* 607: illaec interemit me oratio вм. illa oratione me interemisti; *Bacch.* 51: harundo alas verberat; *Mil.* 589 sq.: illius oculi atque aures atque opinio transfugere ad nos, и во мн. др. мѣстахъ. По аналогіи съ такими примѣрами можно бы присвоить активно-транзитивное значеніе, разъ мы признали его въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимымъ, еще словамъ voluptabilis и adiutabilis, принимая въ такомъ случаѣ опредѣляемыя ими сл. nuntius и opera за дѣйствующіе предметы при гл. *voluptare и adiutare (несмотря на то, что *Pseud.* 19 и сказано: iuvabo te... opera). Еще должно замѣтить, что при ludificabilis опредѣляемое слово (ludi) представляетъ, какъ кажется, не столько орудіе, сколько внутренній объектъ гл. ludificari; можетъ быть, тоже относится и къ сл. vincibilis у Теренція[1]). Въ такомъ случаѣ эти слова можно отнести и къ пассивному значенію (матеріально-потенціальному). Такимъ образомъ именъ прил. на — bilis съ при-

[1]) Донатъ къ *Phorm.* 226. приписываетъ сл. vincibilis активное значеніе; Дзятцко принимаетъ это объясненіе. Но Ганссенъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что оборотъ „causa vincit“ несвойственъ латинскому языку, почему и нельзя согласиться съ Донатомъ.

чиннымъ значеніемъ не останется ни одного, а инструментальное значеніе останется только за сл. placabilis у Теренція, да еще за inmutabilis у Плавта (*Epid.* 577 sq.: scio quid erres: quia vestitum atque ornatum inmutabilem habet haec). Слово inmutabilis Ганссенъ принимаетъ въ пассивномъ смыслѣ („измѣненный") безъ потенціальнаго значенія и, какъ уже сказано, предлагаетъ измѣнить въ inmutatilis; но можно обойтись безъ его поправки, принимая inmutabilis въ см. „могущій придать ей иной, незнакомый видъ" (vestitus atque ornatus inmutabilis = vest. atq. orn., quo inmutari potest).

Итакъ, подобно глагольнымъ формамъ страдательнаго залога, имѣющимъ активное значеніе (какъ iuratus, incogitatus - *Bacch.* 612, placendus — *Trin.* 1159, pereundus — *Epid.* 74 и всѣ verba deponentia), нѣкоторыя изъ именъ прил. на — bilis у Плавта имѣютъ также активное (транзитивное или интранзитивное) значеніе. Но не у одного Плавта замѣчается это явленіе: съ нимъ приходится встрѣчаться, хотя и не часто, и въ классической латыни: активно-интранзитивное значеніе имѣетъ, напр., stabilis, активно-транзитивное — terribilis (едва ли вѣрно мнѣніе Ганссена, что это слово имѣетъ инструментальное значеніе), dissociabilis (Hor. c. I, 3, 22), penetrabilis (Verg. *Aen.* X, 481) и др. Закончивъ обзоръ именъ прилагательныхъ на — bilis, обратимся къ другимъ словамъ съ суффиксомъ bili, встрѣчающимся у нашихъ авторовъ.

Изъ четырехъ нарѣчій на - biliter, встрѣчающихся у Плавта (у Теренція такихъ образованій нѣтъ), два, какъ кажется, имѣютъ активное значеніе, а именно:

1) dissimulabiliter[1]) — *Mil.* 260: hominem investigando operam huic dissimulabiliter (= dissimulanter) dabo.

2) cruciabiliter — *Pseud.* 950: nisi effecero, tum cruciabiliter cum carnufice me accipito.

Изъ другихъ двухъ — пассивнаго значенія — одно можетъ имѣть морально-потенціальный оттѣнокъ:

3) pollucibiliter — *Most.* 24: opsonate pollucibiliter (= „закупайте припасы въ такомъ количествѣ и такого качества, чтобъ они годились хоть на жертвенное пиршество"), а другое сохраняетъ матеріально-потенціальное значеніе своего имени прил.:

---

[1]) Оно дается только рукописью A; другія рукописи даютъ dissimulando.

4) perplexabiliter — *Stich.* 85: perplexabiliter earum hodie perpavefaciam pectora („двусмысленными словами").

Впрочемъ, относительно нарѣчій вообще трудно сказать что-нибудь опредѣленное, почему Ганссенъ и отказывается отъ ихъ разсмотрѣнія.

Имена сущ. на — bilitas, произведенныя отъ основъ именъ прил. на — bilis, у нашихъ авторовъ встрѣчаются слѣдующія:

1) amabilitas — съ тѣмъ же морально-потенціальнымъ значеніемъ, какъ и прил. amabilis — *Poen.* 1174. *Stich.* 741. („красота", „изящество").

2) nobilitas — также съ сохраненіемъ значенія имени прил. nobilis — „знатность" (*Capt.* 299), „слава" (*Rud.* 933. Ter. *Hec.* 797), „гордость" (*Mil.* 1324).

3) cruciabilitas — кажется, безъ особенно яснаго потенціальнаго оттѣнка — „мученіе" (*Cist.* II, 1, 3).

Глаголы stabilire — *Amph.* 194, constabilire — *Capt.* 453. Ter. *Ad.* 771 („упрочивать", „улаживать") и nobilitare — *Ter.* 1021 („дѣлать извѣстнымъ") сохраняютъ значеніе соотвѣтствующихъ именъ прил., равно какъ и производное отъ осн. гл. stabilire имя сущ. stabilimentum — *Curc.* 367.

Въ заключеніе даемъ перечень именъ прил. на -bilis у нашихъ авторовъ.

А. Плавтъ. 1. Пассивное морально-потенціальное значеніе: aequiperabilis *Curc.* 168. *Trin.* 466. amabilis *Asin.* 674. *Stich.* 737. in-amabilis *Bacch.* 614. castigabilis *Trin.* 44. conmemorabilis *Pseud.* 525. credibilis *Bacch.* 616. *Merc.* 210. *Poen.* 1329. *Trin.* 606. in-credibilis *Bacch.* 614. *Rud.* 912. donabilis *Rud.* 654. excruciabilis *Cist.* IV, 1, 1. exoptabilis *Stich.* 395. memorabilis *Capt.* 684. *Curc.* 8. *Stich.* 729. (inmemorabilis *Capt. prol.* 56). mirabilis *Epid.* 225. *Trin.* 931. nobilis *Cist.* I, 2, 6. *Poen.* 758. *Rud.* 619. *Trin.* 831. i-gnobilis *Amph.* 440. optabilis *Bacch.* 159. in-testabilis *Curc.* 30. *Mil.* 1417. utibilis *Bacch.* 1. *Most.* 859. *Merc.* 1005. *Mil.* 613. *Trin.* 748. verberabilis *Aul.* 633.—2. Пассивное матеріально-потенціальное значеніе: aequabilis *Capt.* 302. in-domabilis *Cas.* 811. exorabilis *Stich.* 74. in-locabilis *Aul.* 191. perplexabilis *Asin.* 792. sperabilis *Capt.* 518. in-tolerabilis *Aul.* 533. in-vendibilis *Poen.* 341.—3. Пассивное значеніе съ весьма слабымъ потенціальнымъ оттѣнкомъ: nobilis *Pseud.* 1112. i-gnobilis *Pseud.* 592. 964. sepelibilis *Cist.* I,

1, 64.—4. **Активно-интранзитивное значеніе:** conducibilis *Bacch.* 52. *Epid.* 256. 260. 388. *Trin.* 25. 36. discordabilis *Capt.* 402. prostibilis *Pers.* 837. stabilis *Aul.* 233.—5. **Возвратное значеніе:** mobilis *Mil.* 630.—6. **Инструментальное значеніе:** inmutabilis *Epid.* 577. ludificabilis *Cas.* 761.—7. **Активно-транзитивное значеніе:** adiutabilis *Mil.* 1144. *Pers.* 673. in-cogitabilis *Mil.* 544. exitiabilis *Epid.* 606. inpetrabilis *Epid.* 342. *Merc.* 605. *Most.* 1162. in-memorabilis *Cist.* II, 2, 3. voluptabilis *Epid.* 21. lucrificabilis *Pers.* 712.

Въ этотъ перечень не вошли четыре им. прил., не принятыя въ текстъ: ignorabilis *Pseud.* 592, adlaudabilis *Pers.* 673, in-lutibilis *Men.* 168, utibilis *Men.* 984.

B. Теренцій. 1. **Пассивное морально-потенціальное значеніе:** credibilis *Andr.* 625. in-credibilis *Eun.* 1049. *Heaut.* 624. *Phorm.* 239. 247. *Hec.* 377. memorabilis *Heaut.* 314. mirabilis *Heaut.* 387. nobilis *Eun.* 204. 952. *Heaut.* 227. 609. *Ad.* 15. 502. i-gnobilis *Phorm.* 120. utibilis *Phorm.* 690.—2. **Пассивное матеріально-потенціальное значеніе:** adfabilis *Ad.* 896. in-exorabilis *Phorm.* 497. memorabilis *Andr.* 625. tolerabilis *Heaut.* 205.—3. **Активно-интранзитивное значеніе:** stabilis *Ad.* 66. praestabilis *Hec.* 284. —4. **Инструментальное значеніе:** placabilis *Phorm.* 961. *Ad.* 608. vincibilis *Phorm.* 226.

Н. Гельвихъ.

Къ Софоклу.

Въ L. *O. C.* стихи 1447—1450=1462—1465 читаются такъ:

στρ. *νέα τάδε νεόθεν ἦλθέ μοι*
βαρύποτμα κακὰ παρ' ἀλαοῦ ξένου,
εἴ τι μοῖρα μὴ κιγχάνῃ
ἀντ. *ἴδε μάλα μέγας ἐρείπεται*
κτύπος ἄφατος ὅδε διόβολος. ἐς δ' ἄκραν
δεῖμ' ὑπῆλθε κρατὸς φόβαν.

Сравнивая между собой схему приведенныхъ стиховъ въ строфѣ и антистрофѣ, мы замѣчаемъ, что второй стихъ антистрофы заключаетъ въ себѣ двумя краткими слогами болѣе, чѣмъ соотвѣтствующій стихъ строфы. Для того, чтобы устранить это несоотвѣтствіе, большинство издателей, по почину Германа, повторяютъ слово *νέα* въ началѣ второго стиха строфы, не обращая вниманія

1) на то, что повтореніе этого слова при *νεόθεν* является очень натянутымъ, и 2) что разсматриваемый стихъ становится черезъ это усѣченной трохаической пентаподіей съ анакрузисомъ изъ двухъ краткихъ слоговъ, которая совершенно не вяжется съ предшествующимъ стихомъ, представляющимъ изъ себя неусѣченный ямбическій диметръ. Болѣе правильный путь къ исправленію второго стиха строфы, кажется мнѣ, избралъ Наукъ, который предлагаетъ считать въ немъ слово *κακὰ* за позднѣйшую вставку. Если мы согласимся съ этимъ предложеніемъ Наука, то второй стихъ строфы будетъ представлять изъ себя такой же неусѣченный ямбическій диметръ, какъ и предшествующій ему первый. Но поправка Наука не только не возстановляетъ соотвѣтствія между параллельнымъ стихомъ антистрофы, но даже еще болѣе нарушаетъ его. Поэтому мы должны произвести въ антистрофѣ не только слѣдующую перестановку словъ, предлагаемую Джеббомъ: *μέγας, ἰδέ, μάλ᾽ ὅδ᾽ ἐρείπεται κτύπος ἄφατος διόβολος ἐς δ᾽ ἄκραν*, но и признать слово *ἄφατος* за позднѣйшую вставку, вызванную порчей соотвѣтствующаго стиха строфы. Если мы вмѣстѣ съ Гледичемъ уничтожимъ *τι* въ третьемъ стихѣ строфы и *δεῖμ᾽* въ соотвѣтствующемъ стихѣ антистрофы, такъ какъ въ противномъ случаѣ строеніе этого стиха является сомнительнымъ съ точки зрѣнія ритмики, то ритмическое значеніе трехъ разсматриваемыхъ нами стиховъ будетъ таково:

στρ. *νέα τάδε νεόθεν ἦλθέ μοι,*
βαρύποτμα [κακὰ] παρ᾽ ἀλαοῦ ξένου
εἴ [τι] μοῖρα μὴ κιγχάνει
ἀντ. *μέγας, ἰδέ, μάλ᾽ ὅδ᾽ ἐρείπεται*
κτύπος [ἄφατος] διόβολος ἐς δ᾽ ἄκραν
[δεῖμ᾽] ὑπῆλθε κρατὸς φόβαν.

⏑ ⁞ ⏑͡⏑⏑ ⏑ ⏑͡⏑⏑ ⏑ | – ⏑ –
⏑ ⁞ ⏑͡⏑⏑ ⏑ ⏑͡⏑⏑ ⏑ ⁞ – ⏑ –
⏑̲ – ⏑ | – | – ⏑ –

Въ L. *O. R.* стихъ 1330=1350 читается такъ:

ὁ κακὰ κακὰ τελῶν ἐμὰ τάδ᾽ ἐμὰ πάθεα
νομάδος ἐπιποδίας ἔλαβέ μ᾽ ἀπό τε φόνου.

Нѣкоторые ученые, объяснявшіе ритмическое значеніе этого стиха, принимаютъ его за дохмическій диметръ съ распущеннымъ конечнымъ долгимъ слогомъ во второмъ дохміи (слѣдующее за *φόνου* слово начинается съ гласной), не обращая вниманія на то, что этотъ стихъ представляетъ самостоятельный періодъ, какъ это показываетъ зіяніе въ концѣ его въ строфѣ и антистрофѣ; другіе ученые, также признавая этотъ стихъ за дохмическій ди-

метръ, полагаютъ, что въ стихѣ строфы первый краткій слогъ второго дохмія замѣненъ посредствомъ двухъ краткихъ слоговъ, а въ стихѣ антистрофы — второй перваго и второго, не смотря на то, что не могутъ указать ни одного вполнѣ надежнаго примѣра дохмія, въ которомъ была бы допущена такая замѣна. Поэтому, какъ мнѣ кажется, правъ Веклейнъ, который въ строфѣ выбрасываетъ слова *κακὰ* и *ἐμὰ* (тѣмъ болѣе, что нѣкоторое колебаніе по отношенію къ этимъ словамъ въ текстѣ L даетъ ему право на это), а въ антистрофѣ — слово *ἐπιποδίας*, которое встрѣчается только въ данномъ мѣстѣ. Если мы сверхъ того рукописное *πάθεα* замѣнимъ вмѣстѣ съ Эльмслеемъ посредствомъ *πάθη* и съ нимъ же *νομάδος* посредствомъ *νομάδ'*, а также измѣнимъ *ἔλαβε* въ *ἔλαβεν*, то получимъ совершенно правильный ямбическій диметръ:

ὁ κακά [κακὰ] τελῶν [ἐμὰ] τάδ' ἐμὰ πάθη
νομάδ' [ἐπιποδίας] ἔλαβεν μ' ἀπό τε φόνου.

⏑ ⋮ ⏑́⏑⏑ – ⏑ | ⏑́⏑⏑ – ∧

Путь, какимъ проникла въ текстъ порча, могъ быть таковъ: при слове *νομάδ'* явилась глосса *ἐπὶ πόας* (Камбелль предлагаетъ читать эти слова вмѣсто сомнительнаго *ἐπιποδίας*), затѣмъ, превратившись по ошибкѣ въ *ἐπιποδίας*, приникла въ текстъ антистрофы и заставила измѣниться слово *νομάδ'* въ *νομάδος*; въ строфѣ же для возстановленія соотвѣтствія были удвоены слова *κακά* и *ἐμά*.

Я. Денисовъ.

Къ Еврипиду.

Стихи *Phoen.* 1287 и 1288=1299 и 1300 читаются такъ:

στρ. *ἔλεος ἔλεος ἔμολε ματέρος δειλαίας.*
δίδυμα τέκεα πότερος ἄρα πότερον αἱμάξει
ἀντ. *πέσεα πέσεα δάι' αὐτίχ' αἱμάξετον.*
τάλανες, ὅ τι ποτὲ μονομάχον ἐπὶ φρέν' ἠλθέτην.

Но схема этихъ стиховъ въ такомъ видѣ не поддается никакому объясненію, которое можно было бы признать удовлетворительнымъ съ точки зрѣнія ритмики. Въ виду этого можно предположить, что во второй строкѣ мы имѣемъ ошибочное соединеніе двухъ самостоятельныхъ стиховъ: ямбическаго диметра, который въ строфѣ оканчивается словомъ *ἄρα*, въ антистрофѣ — словомъ *μονομάχον*, и дохмическаго монометра. Первая строка не дѣлится на двѣ такихъ же величины, какъ вторая, поэтому намъ остается только прибѣгнуть къ исправленію рукописнаго текста ея. Совершенно удовлетворительно, съ точки зрѣнія ритмики, строка эта можетъ быть объяснена въ томъ случаѣ, если мы въ строфѣ выкинемъ слово *ἔλεος*,

въ антистрофѣ — *πέσεα*. Ходъ порчи текста былъ, повидимому, такой: первоначально было повторено въ строфѣ слово *ἔλεος* для того, чтобы сдѣлать схему этого стиха одинаковой со схемой послѣдующаго, а потомъ, для возстановленія соотвѣтствія, было повторено уже въ антистрофѣ слово *πέσεα*. Ритмическое значеніе разсматриваемыхъ стиховъ въ исправленномъ видѣ таково:

στρ. ἔλεος ἔμολε ματέρος δειλαίας.
δίδυμα τέκεα πότερος ἄρα
πότερον αἱμάξει
ἀντ. πέσεα δάι᾽ αὐτίχ᾽ αἱμάξετον
τάλανες ὅ τι ποτὲ μονομάχον
ἐπὶ φρέν᾽ ἠλθέτην.

⏑ ⏑́ ⏑ ⁝ ⏑‴ ⏑ ⏑ —″ ⏑ —́ | —‴ ⏑ —″
⏑ ⁝ ⏑″ ⏑ ⏑ ⏑́ ⏑ ⏑ | ⏑″ ⏑ ⏑ ⏑́
⏑ ⏑́ ⏑ ⁝ —‴ ⏑ —″

Я. Денисовъ.

Къ Аристотелю.

(Anal. pr. II, 23 p. 68 b 15—29.)

Георгъ Гротъ (Aristotle, I, p. 269 примѣч. *a)*, опираясь на общій смыслъ аристотелевскаго ученія объ индукціи, признаетъ текстъ въ строкѣ 20-ой *Anal. pr.* p. 68 b испорченнымъ и предлагаетъ вмѣсто слова *μακρόβιον* поставить здѣсь слово *ἄχολον*. Но подобная замѣна едва-ли сколько-нибудь измѣнила бы философское содержаніе данной главы. Желая охарактеризовать индуктивный выводъ, Аристотель сопоставляетъ его съ силлогизмомъ (или — точнѣе — съ болѣе совершеннымъ силлогизмомъ, ибо онъ и на индукцію смотритъ, какъ на выводъ силлогистическій), составленнымъ изъ тѣхъ-же терминовъ, какіе фигурируютъ въ заключеніи индуктивномъ. Такимъ образомъ *A* — *μακρόβιον*, *B* — *ἄχολον*, *Γ* — *ἄνθρωπος*, *ἵππος*, *ἡμίονος* etc. — термины силлогизма. Между тѣмъ Аристотель, какъ извѣстно, считаетъ модусъ barbara за основной типъ силлогистическаго вывода и, вѣроятно, въ виду этого въ общихъ своихъ разсужденіяхъ о силлогизмѣ, постоянно предполагаетъ, будто термины умозаключенія образуютъ лѣстницу, такъ что одинъ изъ нихъ оказывается понятіемъ, подчиненнымъ по отношенію къ другому термину, а послѣдній — подчиненнымъ по отношенію къ третьему. Среднюю ступень въ лѣстницѣ представляетъ терминъ средній (силлогизмъ, о которомъ идетъ рѣчь въ 23-ей главѣ, и принадлежитъ къ модусу barbara). Таково должно быть и въ разсматриваемомъ примѣрѣ отношеніе между *A*, *B* и *Γ*, т.-е. *B* — понятіе, подчиненное по отношенію къ *A*, и *Γ* — подчиненное по

отношенію къ *B*. И Аристотель самъ на это обстоятельсто указываетъ, прибавляя въ строкѣ 19-ой — *τό δ' ἐφ' ᾧ* и въ 20-ой — *ἐφ' ᾧ δέ* (т.-е. *τὸ δ' ἐφ' ᾧ τὸ A κατηγορεῖται B*. Ср. Беккеровское изд. т. V „Index aristotelicus“ ed. Herm. Bonitz p. 268 a 13—31, a 57—b 6). Итакъ, *B* означаетъ собственно „существа, не имѣющія желчи, а eo ipso и долго живущія“. Меньшимъ же терминомъ Γ въ силлогизмѣ, который Аристотель ставитъ въ параллель индуктивному заключенію, является не понятіе, а отдѣльные объекты или представленія. Говоря о томъ, чтó *Γ* выражаетъ, Аристотель хочетъ указать, къ какому разряду эти объекты относятся. Чтобы остаться вполнѣ пунктуальнымъ, онъ долженъ былъ бы сказать: *Γ* — объекты, принадлежащіе къ группѣ существъ, лишенныхъ желчи, а потому и долго живущихъ (положимъ — *τὸ καθ' ἕκαστον ἄχολόν τε καὶ μακρόβιον)*. Вмѣсто этого онъ могъ сказать короче — *τὸ καθ' ἕκαστον ἄχολον*, и — нѣсколько неопредѣленнѣе — *τὸ καθ' ἕκαστον μακρόβιον*. Послѣднее выраженіе менѣе опредѣленно, ибо имѣются въ виду объекты, которымъ необходимо приписать оба предиката, а такъ какъ *μακρόβιον* — понятіе высшее, то можно предположить, что есть и существа, которыя принадлежатъ къ классу *μακρόβια,* но стоятъ внѣ разряда *ἄχολα*. Какъ бы то ни было, выходитъ, что мы подъ *Γ* должны разумѣть одну и ту-же группу живыхъ существъ, сохранимъ ли мы въ 20-ой стр. слово *μακρόβιον* или замѣнимъ его словомъ *ἄχολον*, и поправка Грота, на самомъ дѣлѣ, не измѣняетъ приведеннаго въ 23-ей главѣ примѣра нисколько.

При обыкновенномъ чтеніи Гроту кажется странной связь между двумя предложеніями, стоящими ниже (стр. 21—22): *τῷ δὴ Γ ὅλῳ ὑπάρχει τὸ A. πᾶν γὰρ τὸ ἄχολον μακρόβιον*. Мѣсто это, принять ли конъектуру нашего автора или нѣтъ, можетъ быть истолковано слѣдующимъ образомъ. Аристотель хочетъ тутъ, чтобы лучше выяснить свой примѣръ, поименовать посылки индуктивнаго вывода. Когда онъ называетъ вторую посылку (стр. 22—23) — *ἀλλὰ καὶ τὸ B, τὸ μὴ ἔχειν χολήν, παντὶ ὑπάρχει τῷ Γ*, ему нечего говорить, какую роль сужденіе это играетъ въ силлогизмѣ: это уже ясно изъ словъ (стр. 17): *τῶν AΓ μέσον τὸ B*. Но первая посылка (стр. 21): *τῷ δὴ Γ ὅλῳ ὑπάρχει τὸ A* является въ силлогизмѣ заключеніемъ; а о немъ Аристотель еще не упоминалъ. Съ цѣлью обратить вниманіе читателя на то, откуда это сужденіе въ силлогизмѣ берется, ему и нужно было бы назвать обѣ посылки дедуктивнаго умозаключенія. Но онъ — короче — приводитъ только посылку бóльшую (стр. 22—23): *πᾶν γὰρ τὸ ἄχολον μακρόβιον*.

Если указанное мѣсто оставить безъ исправленія, говоритъ Гротъ, то возможность сдѣлать во второй посылкѣ индуктивнаго вывода обращеніе полное, а не per accidens, вовсе не будетъ на

самомъ дѣлѣ обусловливать нашего права вывести заключеніе, ибо для того, чтобы мы это право имѣли, группою объектовъ *Г* долженъ у насъ исчерпываться разрядъ *B* — *ἄχολα*, а не А — *μακρόβια*. Но какое бы толкованіе мы термину *Г* ни придавали, Аристотель утверждаетъ, что обращенію подлежатъ *B* и *Г* (стр. 23: *εἰ οὖν ἀντιστρέφει τὸ Γ τῷ B*...), а слѣдовательно, въ *Г* должны быть соединены всѣ *ἄχολα*, и намека на то, будто необходимо совпаденіе между группами *Г* и *A*, мы у него нигдѣ не встрѣчаемъ. Во всякомъ же случаѣ поставленный Гротомъ вопросъ, слѣдуетъ ли обращеніе второй посылки признать за conditio sine qua non для индуктивнаго вывода тогда, когда *Г* означаетъ *τὸ καθ' ἕκαστον μακρόβιον* или только если этотъ терминъ выражаетъ *τὸ καθ' ἕκαστον ἄχολον*, теряетъ всю свою цѣну въ виду того, что примѣръ остается одинаковымъ какъ при одномъ, такъ и при другомъ чтеніи.

Наконецъ, Гротъ указываетъ и на то, что у Iulius'a Pacius'a (изд. 1584 г.) и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ XV и XVI в. (Aldus'a 1495 г., Sylburg'a 1587 г. и Casaubon'a 1590 г.) строки 21—22 читаются иначе, чѣмъ у Buhle, Bekker'a, Waitz'a и Didot. Одно изъ этихъ чтеній было принято уже раньше Боэціемъ, что̀ доказываетъ его переводъ. Къ чтенію этому приспособлены и три латинскихъ перевода XVI в. (Vives'a и Valentinus'a Basil. 1542, Iunta Venet. 1552 и Cyriacus'a Basil. 1563). У ученаго нашего времени Barthélemy St. Hilaire'a переводъ названныхъ строкъ предполагаетъ текстъ въ томъ его видѣ, какой онъ имѣетъ въ изданіи Pacius'a. Такимъ образомъ переводчики и издатели, думаетъ нашъ авторъ, давно замѣтили испорченность текста 23-ей главы и старались внести соотвѣтствующія исправленія, только попытки ихъ остались неудачными. Само собою разумѣется, что если видѣть въ этихъ указаніяхъ Грота доводъ въ пользу предложенной конъектуры, то его нельзя считать убѣдительнымъ.

П. Лейкфельдъ.

Къ Тибуллу.

I 1, 7.

Чтеніе seram не вяжется съ maturo tempora и grandia poma. Слѣдуетъ читать feram въ значеніи „дѣлать богамъ приношенія" (ср. подобную брахилогію при facere) въ точномъ соотвѣтствіи слѣдующему nam veneror. Эпитетъ teneras при vites ясно указываетъ на метонимическое значеніе послѣдняго слова. Смѣшеніе же ſ и f въ рукописяхъ встрѣчается часто.

И. Н.

Этимологія названія Кавказа.

Къ числу наиболѣе извѣстныхъ и до сихъ поръ удовлетворительно не объясненныхъ названій классической географической номенклатуры принадлежитъ безспорно слово „*Καύκασος*“. Оно встрѣчается еще въ твореніяхъ Гесіода и обозначаетъ, какъ кажется, общее географическое имя для Кавказскаго перешейка, но ни греческимъ языкомъ, да и кавказскими языками не объясняется. Кавказскіе горцы до сихъ поръ не имѣютъ на своихъ языкахъ какого-либо общаго названія для страны, и только мѣстность близъ г. Владикавказа носитъ у Ингушей[1]) названіе Капкая. Въ древности ни клиновидные надписи, ни Библія не знаютъ этого имени; у средневѣковыхъ же армянскихъ и арабскихъ авторовъ имъ называется лишь одинъ главный хребетъ. Тѣмъ не менѣе названіе „*Καύκασος*“ принадлежитъ очевидно иранскимъ нарѣчіямъ и можетъ быть совершенно отчетливо объяснено посредствомъ авестанческаго *Kavi* „царь“ (по-пехлевійски *Kai)* и древне-иранскаго *ky* „гора“, т.-е. царь-гора. Величественный видъ снѣговой линіи Кавказскаго перешейка не могъ не поразить иранскія племена Азіи, отъ каковыхъ и заимствовали, надобно полагать, это имя малоазійскіе греки. Глубокіе и ясные слѣды, которые повсюду оставилъ иранскій элементъ на Кавказѣ, почти указываютъ на тотъ фактъ, что одно изъ иранскихъ нарѣчій служило, вѣроятно, тѣмъ же въ этой странѣ, чѣмъ служитъ и теперь въ Азіи персидскій языкъ, и чичероне грековъ, быть можетъ, и называли горы Кавказа на общепринятомъ языкѣ „царемъ горою“.

А. Гренъ.

Medius Fidius = med *Jous Fidius.

Клятвенное это выраженіе толковалось еще въ древности и толкуется и понынѣ такъ: me Dius Fidius. Такъ напр. Элій Стилонъ производилъ dius Fidius изъ Diovis filius, Варронъ же отожествлялъ dius съ divus, сопоставляя его съ оборотомъ sub divo. Отожествленіе dius съ divus принимается обыкновенно и теперь, при чемъ divus въ свою очередь считается побочною (или болѣе древнею) формою къ deus, въ виду санскр. dēvas, ср. напр. Stolz² стр. 262. Однако, сколько видно, особаго божества подъ наименованіемъ Dius (= divus или deus) Fidius не было. Наименованіе это есть, повидимому, только результатъ ученаго толкованія оборота medius Fidius и встрѣчается главнымъ образомъ у грамматиковъ, ср. Preller-Jordan³, Rom. Myth. стр. 270 сл. Тѣмъ не менѣе терминъ Dius Fidius получилъ отчасти и практическое примѣненіе, но опять-таки только благодаря ученымъ филологамъ конца республики, отожествлявшимъ

[1]) Чеченское племя на сѣверѣ Кавказа въ Султенскомъ отдѣлѣ Влад. округа.

извлеченное изъ клятвы medius Fidius божество Dius Fidius съ квиринальскимъ (in colle) Semo Sancus. Въ приравненіи Dius Fidius къ Semo Sancus вполнѣ вѣрно сопоставленіе эпитета Fidius съ эпитетомъ Sancus, такъ какъ послѣднее слово, будучи одного корня съ sancio[1]), обозначало „освящающій“, „скрѣпляющій“ (ср. напр. Виргиліево „qui foedera fulmine sancit) т.-е. то же самое по смыслу, что̀ и fidius = πίστιος. Тожество значеній въ Sancus и Fidius повлекло за собою и отожествленіе значенія Semo и Dius, которое и толковалось какъ heroum aliquis ab Jove genus ducens, такъ какъ и Semo принималось = heros на основаніи этимологіи Semo изъ semi-homo въ смыслѣ semi-deus[2]). Отсюда получился сложный (искуственный) терминъ Semo Sancus deus Fidius, существовавшій уже при Овидіи, какъ видно изъ *Fast.* VI, 213 сл.

Вмѣсто дѣленія me — dius предлагаемъ толкованіе med — *Jūs, при чемъ *Jūs = *Jous изъ *Di̯esu = *Ζεύς* т.-е. предполагаемый древній именительный къ сложному Jūp-piter (изъ *Jūs-piter, между тѣмъ какъ Jū-piter заключаетъ въ себѣ Jū изъ *Jou = *Di̯eu̯ = *Ζεῦ)*. Тотъ-же именительный *Jous можно принимать также и для извѣстнаго стиха Эннія:

> Juno Vesta Minerva Ceres Diana Venus Mars
> Mercurius *Jous Neptunus Volcanus Apollo

вмѣсто обычнаго чтенія: Mercurius Jovi' Neptunus и пр. (Jovi' = Jovis). Вокализація сонанта i̯ въ med-i̯ūs однородна съ такою же вокализаціей въ quoniam изъ quoni̯am = quom-jam; тоже самое имѣемъ и въ medius = *μέσος (μέσσος)* изъ medi̯os, въ alius = *ἄλλος* изъ *ali̯os, venio изъ *veni̯o и т. д., ср. Stolz[2] стр. 261. Относительно вин. mēd = mē см. „Пад.“ стр. 264. Краткая просодія перваго слога въ mĕdius fidius (если только она дѣйствительно существовала) могла произойти путемъ народной этимологіи, какъ принимаетъ Otto Keller, Lateinische Volksetymologie стр. 35, хотя его отожествленіе слова dius съ Diovis мало удовлетворительно какъ въ фонетическомъ отношеніи, такъ главнымъ образомъ потому, что эта рѣдкая форма Diovis есть, повидимому, ни что иное, какъ сабинскій эквивалентъ римскаго (и умбрійскаго) корня Jov-, какъ можно судить по осскому *Διουϝεί* или Diovei = лат. Jovi; подобнымъ образомъ и форму Vēiovis можно признать собственно римскимъ варіантомъ сабинскаго Vēdiovis.

---

[1]) Но только не = sanctus, съ которымъ оно смѣшивалось еще въ древности, а изъ *sancu̯os (какъ видно изъ Sanqualis porta) съ тѣмъ же суффиксомъ, какъ и въ vivus при vivo; для Sancus изъ Sancu̯os (по произношенію = *Sanquos) ср. cum и quom.

[2]) Основа sēmōn-(въ Sēmo) относится къ основѣ sēmĕn — (въ sēmen, seminis), какъ sermōn-(sermo) къ nōmen (nōmen, nominis).

И. Нетушилъ.

Къ вопросу объ Астипалеѣ.

Въ іюлѣ прошлаго года на одномъ изъ засѣданій Берлинской Академіи наукъ Г. Кипертъ читалъ рефератъ подъ заглавіемъ „Astypalaia. Ein Beitrag zur geographishen Etymologie"[1].

Здѣсь почтенный ученый указываетъ на то, что мѣстности, носившія въ древности названіе Ἀστυπάλαια, въ своемъ вертикальномъ разрѣзѣ представляютъ сходную форму.

Объ островѣ Астипалеѣ онъ говоритъ слѣдующее: „Островъ образуютъ двѣ вполнѣ одинаковой высоты и одинаковой ширины горныя массы, соединенныя длиннымъ, очень узкимъ и плоскимъ перешейкомъ. Такая же форма повторяется и въ другихъ мѣстностяхъ, носящихъ это имя"...

Подъ конецъ реферата Кипертъ приходитъ къ такому заключенію: „Въ трехъ мѣстностяхъ несомнѣнно, а въ двухъ съ большой вѣроятностью вертикальный разрѣзъ даетъ одинаковую форму — глубокаго пониженія почвы между двухъ взаимно соединенныхъ возвышенностей".

Эта форма дала поводъ къ обозначенію извѣстныхъ мѣстностей именемъ Ἀστυπάλαια, которое, по предположенію Киперта, не эллинскаго, но восточнаго происхожденія: эллины лишь видоизмѣнили его подъ вліяніемъ своего родного языка и вмѣстѣ съ тѣмъ осмыслили. „Понятіе низкаго во всѣхъ семитическихъ языкахъ выражается корнемъ SPL (евр. и ассир. šap̄al, сир. šp̄al, араб. safala)" говоритъ нѣмецкій ученый и строитъ гипотезу, что „образованное по аналогіи отглагольное имя eštap̄ôl, значеніе котораго „низина" подходитъ ко всѣмъ указаннымъ мѣстностямъ, греки легко могли передѣлать въ Ἀστυπάλαια и такимъ образомъ придать ему видъ имени своего національнаго языка".

Послѣднее предположеніе заслуживаетъ полнаго вниманія и съ нимъ можно согласиться, но Кипертъ имъ не ограничивается и строитъ другое въ заключительныхъ строкахъ своего реферата. По его мнѣнію, родосскій демъ Астипалея, мѣстоположеніе котораго неизвѣстно, получилъ свое названіе отъ какого-либо родосскаго мыса такой же формы, какъ мысы, носившіе названіе Ἀστυπάλαια (въ Аттикѣ и Каріи). Мысомъ такой формы на островѣ Родосѣ является нынѣ называемый Πρασονῆσι. Ergo, м. Πρασονῆσι назывался въ древнія времена Ἀστυπάλαια ἄκρα[2]).

---

[1]) См. Berl. Phil. Wochenschrift 1891, p. 1440, Sitzungsberichte der königlich-preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. XXXIX. XL. 30 iuli 1891, pp. 839—844.

[2]) Вотъ собственныя слова Киперта: „So ist es schliesslich wohl nicht zu gewagt für das einzige topographisch nicht nachweisbare Astypalaia, den nur in rhodischen Inschriften (Ross Hellen. 117, кромѣ указанной Кипертомъ надписи, см. Archäol.-epigr. Mittheil. aus Österreich. VII (1883), p. 121, № 46)

Оставимъ пока въ сторонѣ эту мало убѣдительную аргументацію. Въ одномъ изъ своихъ рефератовъ, читанномъ на засѣданіи Нѣмецкаго Археологическаго Института 1 апрѣля прошлаго года, я указывалъ между прочимъ на то, что нигдѣ у древнихъ авторовъ не встрѣчается упоминаніе о мысѣ родосскомъ *Ἀστυπάλαια* и что надписи родосскія говорятъ лишь о демѣ такого названія, почему и предлагалъ считать отожествленіе родосскаго *Πρασονῆσι* съ *Ἀστυπάλαια ἄκρα* на картахъ Киперта ошибочнымъ. Какъ бы въ отвѣтъ на мой рефератъ онъ прочелъ свой. Узнавъ содержаніе послѣдняго сперва изъ краткаго отчета о немъ въ Berl. Phil. Wochenschrift, и основываясь на слѣдующихъ словахъ Киперта, приведенныхъ здѣсь: „Кромѣ извѣстнаго острова и одноименнаго съ нимъ города, имя *Ἀστυπάλαια* носятъ мѣстности на островахъ Самосѣ, Косѣ и Родосѣ, кромѣ того два упоминаемые лишь какъ мысы, пункта у береговъ Аттики и Каріи", я въ своей замѣткѣ „*Τοπογραφικά*" (въ *Νέα Σμύρνη* отъ 20 ноября, 1891 г.) писалъ по этому поводу: „*Ἐκ τούτου δῆλον γίγνεται, ὅτι ὁ σοφὸς ἀνὴρ κατέλαβε νῦν τὸ σφάλμα του, πρέπει δέ, νὰ τὸ διορθώσῃ καὶ ἐν τῷ προμνησθέντι χάρτῃ του*".

При болѣе близкомъ ознакомленіи съ рефератомъ оказывается, что Кипертъ не намѣренъ исправлять свою карту и всячески старается доказать существованіе родосскаго мыса Астипалеи, по аргументація его слишкомъ слаба. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что м. *Πρασονῆσι* имѣетъ по своей формѣ нѣкоторое сходство съ мысами, называвшимися въ древности *Ἀστυπάλαια*. Но неужели отсюда можно выводить заключеніе о томъ, что и назывался у древнихъ онъ такимъ же именемъ, какъ эти мысы. Развѣ родосскій демъ Астипалея не могъ быть названъ по аналогіи съ самосской и косской Астипалеей, „древними городами", а не „мысами"?

Гораздо лучше было бы, если бы Кипертъ вмѣсто того, чтобы помѣщать на своей картѣ о. Родоса фантастическій и лишь въ его гипотезѣ существующій мысъ *Ἀστυπάλαια*, постарался не забывать о такихъ родосскихъ мысахъ, дѣйствительное существованіе которыхъ не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. Сюда относятся 1) *Μυλαντία* и 2) *Πανὸς ἄκρον*. О первомъ говоритъ Стефанъ Византійскій п. сл. (*ἄκρα ἐν Καμίρῳ τῆς Ῥόδου*), о второмъ Птолемей въ описаніи о. Родоса (*Geogr.* V, 2, 34). Однако ни того, ни другого не находимъ въ „Specialkarte d. westl. Kleinas." XIV.

Такимъ образомъ, относительно родосской Астипалеи я держусь ранѣе высказаннаго мною мнѣнія и доводы Киперта считаю слишкомъ софистическими.

С. Селивановъ.

---

genannten Demos, die Veranlassung zur Benennung gleichfalls in einem Vorgebirge von ganz ähnlicher Form, wie die besprochenen, zu suchen: als ein solches bietet sich die sonst namenlose Südspitze der Insel, jetzt Prasonisi genannt".

Латинскій inf. fut. pass.

Латинскій inf. fut. pass. состоитъ, какъ извѣстно, изъ такъ наз. супина на -um, т.-е. acc. sing. отглагольнаго сущ. съ основой на -tu- (-su-) = IV скл., и инфинитива iri.

Употребленіе этой сложной формы довольно ограничено: въ поэзіи она встрѣчается лишь у Плавта (*Cas.* 699 *Curc.* 491, *Rud.* 1242, *Truc.* 886) и Теренція (*Andr.* 177, *Eun.* 139, *Ad.* 70. 694, *Hec. prol.* II, 32), изъ прозаиковъ чаще всего у Цицерона (по Дрегеру — 33 раза); у другихъ прозаиковъ она или вовсе не замѣчается, или замѣчается крайне рѣдко (у Тацита — 1 разъ).

Такъ какъ ire глаголъ интранзитивный, то, казалось бы, проще всего разсматривать эту сложную форму за inf. pass. безличнаго выраженія itur съ зависящимъ отъ него супиномъ, напр. datum iri = inf. къ datum itur.

Такимъ образомъ и толкуютъ эту форму нѣкоторые грамматики [напр. Kühner, Ausf. Gr. II, 534, также L. Lange, Bildg. d. lat. inf. praes. pass. Wien 1889, p. 51][1]), принимая напр. Ter. *Hec. prol.* II, 32 rumor venit datum iri gladiatores не за acc. c. inf., а за inf. datum iri съ зависящимъ отъ супина acc. obi. — gladiatores, другими словами за inf. безличнаго выраженія: itur datum gladiatores.

Не говоря о разстановкѣ словъ, отводящей въ прозѣ спорному acc. въ предложеніи обыкновенно мѣсто accusativi subi., а равно и о такихъ примѣрахъ, какъ Ter. *Eun.* 139 si fidem habeat se iri praepositum tibi apud me, въ которомъ при praepositum мы имѣли бы три дополненія, противъ такого толкованія говорятъ случаи явно личнаго употребленія разсматриваемой формы, именно: Plaut. *Rud.* 1242 mi istaec videtur praeda praedatum irier; Cic. *ad Att.* XI, 13, 4 neque tam mihi desperatum iri videbantur[2]) (res nostrae). Quint. IX, 2, 88 reus parricidii... damnatum iri videbatur (въ приводимой Квинт. контроверсіи), наконецъ, указываемый Гелліемъ (X, 14, 3) интересный примѣръ изъ Катона: in hac contumelia, quae mihi per huiusce petulantiam factum itur.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что выраженія, въ родѣ rumor venit datum iri gladiatores, а тѣмъ паче такія, какъ te a me ludibrio laesum iri (Cic. *ad Fam.* V, 2, 1), въ живой рѣчи издревле разсматривались, несмотря на интранзитивность глаг. ire, за личные пассивные обороты, т.-е. за acc. c. inf. pass., способный переходить въ nom. c. inf. и даже въ независимый личный оборотъ (contumelia factum itur).

Какъ, однако, объяснить это странное явленіе?

---

[1]) Такъ уже Геллій (X, 13, 4): «contumeliam factum iri» significat iri ad contumeliam faciendam, i. e. operam dari, quo fiat contumelia.

[2]) Безъ сомнѣнія, вѣрное чтеніе рукоп. X Y Z.

Мало вѣроятія представляетъ объясненіе, по которому личное употребленіе разсматриваемаго инфинитива развилось изъ безличнаго вслѣдствіе смѣшенія acc. obi. съ acc. subi.: неизмѣняемость супина въ такихъ случаяхъ, какъ: urbem expugnatum iri, urbes expugnatum iri, gladiatores datum iri вмѣстѣ съ интранзитивностью глагола ire должны были препятствовать такому смѣшенію въ случаяхъ, въ родѣ: oppidum expugnatum iri, hominem occisum iri и т. п.

Объясненіе, по нашему мнѣнію, возможно двоякое:

1) въ разсматриваемой формѣ можно видѣть сознательное обращеніе въ страд. залогъ активнаго инфинитива ire съ супиномъ (= part. fut. act. съ esse), начавшееся съ такихъ оборотовъ, какъ напр. existimo exercitum nostrum urbem hostium expugnatum ire = expugnaturum esse (независимо: exercitus noster urbem hostium expugnatum it = expugnaturus est), въ которыхъ выраженіе expugnatum ire, имѣющее при себѣ дополненіе urbem hostium, являлось въ сознаніи активнымъ транзитивнымъ инфинитивомъ съ футуральнымъ оттѣнкомъ[1]). Разъ такое представленіе соединялось съ этимъ оборотомъ, то превращеніе его въ страд. залогъ не могло представлять больше затрудненій, чѣмъ обращеніе въ страд. залогъ активныхъ оборотовъ съ выраженіями circum ire или praeter ire; а къ такому обращенію подобныхъ оборотовъ должно было вести стремленіе къ опредѣленности и ясности выраженія. Такимъ образомъ естественно могли появиться страдательные обороты, въ родѣ: existimo urbem hostium ab exercitu nostro expugnatum iri.

Явившійся разъ въ такого рода случаяхъ пассивный inf. могъ быть далѣе употребляемъ прямо для образованія пассивныхъ оборотовъ acc. c. inf. безъ лог. подлежащаго, какъ rumor venit datum iri gladiatores; - litteras tibi redditum iri putabam (Cic. *ad Att.* VII, 1, 1); nec fratrem ob dictum capite et fortunis per te oppugnatum iri (Metell. ap. Cic. *ad Fam.* V, 1, 1), и nom c. inf., какъ выше приведенное reus damnatum iri videbatur. Указанный выше случай личнаго употребленія indic.: quae (contumelia) mihi... factum itur — опирается, безъ сомнѣнія, на acc. c. inf. contumeliam factum iri, изъ котораго indic. заимствованъ по аналогіи: contumeliam factum iri: contumelia factum itur = urbem circum iri: urbs circum itur. Предполагать обратное отношеніе, т.-е. искать начала формы inf. fut. pass. въ индикативѣ, не позволяетъ, съ одной стороны, единичность и отмѣченная уже въ древности вычурность употребленнаго Катономъ выраженія, а съ другой, отсутствіе поводовъ къ обращенію въ страд. залогъ оборота, въ родѣ: hic mihi contumeliam factum it, сравнительно съ оборотомъ: hunc mihi contumeliam factum ire video.

[1]) Древніе грамматики такія выраженія называютъ прямо inf. fut. act.

Мы не скроемъ, однако, отъ читателя, что въ древнѣйшихъ памятникахъ латинскаго языка, въ которыхъ встрѣчается inf. fut. pass., др. сл., что ни у Плавта, ни у Теренція мы не находимъ ни одного примѣра предположеннаго нами перваго фазиса развитія разсматриваемаго явленія, т.-е. ни одного примѣра acc. c. inf. fut. pass. съ лог. подлежа́щимъ (ab c. abl.). Это, быть можетъ, лишь случайное явленіе, но при оцѣнкѣ предложеннаго объясненія происхожденія разсматриваемой формы оно, по нашему мнѣнію, должно быть принято въ расчетъ. Въ виду этого обстоятельства мы считаемъ нелишнимъ предложить вниманію грамматиковъ другое объясненіе даннаго явленія.

2) Возможно, что въ оборотахъ, въ родѣ: urbem (acc. subi.) expugnatum iri, вовсе нѣтъ сознательнаго обращенія въ страдат. залогъ выраженія urbem (acc. obi.) expugnatum ire, какъ нами выше было предположено; вѣроятно, мы тутъ имѣемъ дѣло съ простымъ дифференцированіемъ оборота expugnatum ire, имѣвшимъ первоначально какъ активное, такъ и пассивное значеніе, въ зависимости отъ стоящаго при немъ подлежащаго: exercitum expugnatum ire (exercitus expugnatum it = войско идетъ [стремится] къ взятію) — значеніе активное, urbem expugnatum ire (urbs expugnatum it = городъ идетъ [близится] къ взятію), gladiatores datum ire (gladiatores datum eunt) — значеніе пассивное, ибо urbs expugnatur, non expugnat; gladiatores dantur (техн. т.). Что имена сущ. на -tus (-sus), производныя отъ транзитивныхъ глаголовъ, имѣли и активное и пассивное значеніе, подобно нашимъ отглагольнымъ: завоеваніе, писаніе, строеніе и т. п., не подлежитъ сомнѣнію, это видно изъ такихъ примѣровъ, какъ: ornatus, apparatus, partus, sensus и т. д.

Итакъ мы полагаемъ, что напр. въ фразѣ: rumor venit datum iri gladiatores пассивное значеніе оборота datum iri gladiatores зависѣло отъ сочетанія субъекта gladiatores съ суп. datum — ибо gladiatores dantur —, при чемъ iri = ire, относясь къ нему, какъ fieri къ fiere, др. сл. irī есть параллельная форма къ irē (другой пад. отлаг. имени? другое развитіе общей формы irei?), какъ fieri (fierei) къ fiere[1]). Какъ на установленіе формы fieri, вм. требуемой fiere, въ глаг. fio, такъ точно и на установленіе ф. iri въ разсматриваемомъ оборотѣ имѣло вліяніе ихъ пассивное значеніе.

Что, однако, форма iri въ разсматриваемомъ случаѣ рано стала считаться формою страд. залога, видно изъ приведеннаго выше примѣра Plaut. *Rud.* 1242, въ которомъ употреблена форма irier, а равно и изъ Катоновскаго quae (contumelia) mihi factum itur.

---

[1]) См. Neue, II, 334. 407. 610. — Что въ лат. inf. impf. первоначально въ одной формѣ совмѣщались оба залога и что параллельныя къ ф. на -re, -e формы на -ri, -i лишь мало-по-малу закрѣпились за страд. залогомъ, нынѣ всѣми, кажется, принято, а равно и то, что формы на -rier, -ier составляютъ лишь распространеніе формъ на -ri, -i (посредствомъ экспонента страд. зал. -r? — Ср. также Arch. für lat. Lexikogr. u. Gramm., 1890, p. 132).

Результатъ:

1) Такъ наз. inf. fut. pass. въ оборотахъ acc. c. inf. и (рѣдко) въ nom. c. inf. представляетъ собою сочетаніе пассивнаго супина съ inf. impf. act. глаг. eo, въ которомъ, подъ вліяніемъ пассивнаго значенія всего выраженія, установилась, какъ въ inf. fieri, форма на -ri,; послѣдняя еще до Плавта разсматривалась за форму страд. залога.

2) Въ безличныхъ оборотахъ, какъ Liv. XXIX, 14, 1: in eam spem erecta civitas erat, in Africa eo anno bellatum iri, составляющихъ inf. къ безлично-пассивнымъ выраженіямъ (bellatum itur), ф. iri (irei) имѣетъ страдательное значеніе, какъ bellari, pugnari, surgi, въ качествѣ inf. къ bellatur, pugnatur, surgitur; впрочемъ, и здѣсь можно видѣть употребленіе выработавшагося выше указаннымъ путемъ inf. fut. pass., по аналогіи: pugnari, pugnatum esse, pugnatum iri.

3) Въ фразѣ „contumelia mihi factum itur" личный пассивный индикативъ заимствованъ изъ инфинитива (acc. или nom. c. inf. fut. pass.).

О. Шеборъ.

Къ Аристотелю.

Ἀθηναίων πολιτεία, c. 63 (p. 159 Ken.).

До открытія Аристотелева сочиненія свѣдѣнія объ организаціи суда присяжныхъ въ Аѳинахъ извлекались, между прочимъ, изъ схолій къ Аристофановымъ комедіямъ. На основаніи одной изъ этихъ схолій, къ 277 ст. *Πλοῦτος*, долженъ быть исправленъ текстъ Кеніона именно на основаніи схоліи, касающейся способа обозначенія каждаго судьи, числившагося въ одной изъ десяти секцій. Равеннскій схоліастъ говоритъ: *ἔρχεται ἕκαστος εἰς τὸ πινάκιον ἔχων ἐπιγεγραμμένον τὸ ὄνομα αὐτοῦ καὶ πατρόθεν καὶ τοῦ δήμου καὶ γράμμα ἕν τι μέχρι τοῦ κ* (ed. Dindorfii Oxon. 1838. IV, p. 120). Объ этихъ же самыхъ табличкахъ говоритъ и Аристотель: *ἔχει δ' ἕκαστος δικαστὴς πινάκιον πύξινον, ἐπιγεγραμμένον τὸ ὄνομα τὸ ἑαυτοῦ πατρόθεν καὶ τοῦ δήμου καὶ γράμμα ἓν τῶν στοιχείων μέχρι τοῦ κ.* Ясно, что между *τὸ ἑαυτοῦ* и *πατρόθεν* должно быть возстановлено *καί*.

Θ. Мищенко.

Къ теоріи древне-латинскаго ударенія.

Говоря въ „Фил. Обозр." I, отд. 2, стр. 144 о теоріи древне-латинскаго ударенія, мы допускали (въ пунктѣ б) возможность латинскаго ударенія на 4-мъ слогѣ отъ конца, если гласный третьяго слога имѣлъ характеръ сварабхактическаго полугласнаго, не восполняющаго обычную мѣру полныхъ слоговъ; къ этому же разряду причислили мы также bálneum изъ *bálineum = *βαλανεῖον*. Въ настоящее время мы имѣемъ возможность сузить объемъ и этого случая, исключивъ изъ него производство bálneum изъ *bálineum. На основаніи данныхъ, собранныхъ у Келлера (Lat. Volksetym. стр. 263 сл.), оказывается, что вплоть до конца республики слово это сохраняло повидимому, свой полный видъ безъ всякой синкопы. Такъ у Плавта читается balineae, у Теренція balineis (*Phorm.* 339), у Цицерона balineum, у Ливія balinea (23, 18); даже еще въ императорское время, какъ у писателей, такъ и на надписяхъ встрѣчается это слово въ разныхъ формахъ, но обыкновенно съ i въ основѣ: balineum, balinea, balineus, balinei, balineo, balineis и др. Но рядомъ съ этимъ съ древнѣйшихъ же поръ употреблялось balneator съ синкопой гласнаго i (впрочемъ у Плавта *Rud.* 527 еще balineator, по *Poen.* 703 balniator); такимъ же образомъ и balnearius (напр. у Катулла), balnearis, balneatrix, balneatorius; мало того, даже уменьшительное balneoloe и balneolum (оба у Циц.) имѣетъ синкопу. Различіе между balineae (balinea, balineum), съ одной стороны, и balneator, balneolae (balneolum) — съ другой происходитъ отъ того, что въ первомъ случаѣ бо́льшая часть формъ (падежей) имѣла удареніе именно на i, вслѣдствіе чего гласный этотъ и не выпадалъ: balíneae, balíneis, balíneum и пр., между тѣмъ какъ формы balneator, balneolae и т. д. могли лишаться своего i, потому что на немъ не было ни главнаго, ни побочнаго ударенія: bàlneátor, balnéolae. Если же тѣмъ не менѣе рядомъ съ balíneae со времени Помпонія (v. 35 Ribb.) и въ особенности подъ вліяніемъ поэтовъ Августова вѣка появляется bálnea (позже и въ прозѣ и на надписяхъ; также balneum, balneae[1]), то это нужно считать просто аналогическимъ приноровленіемъ къ balneator и balneolae. Такъ какъ такимъ образомъ незачѣмъ предполагать удареніе *bálineum, то исчезаетъ еще одна опора Корссеновской теоріи о древне-латинскомъ ударенiи.

И. Нетушилъ.

[1]) Впрочемъ Georges (Lex. d. lat. Wortformen s. v.) допускаетъ формы balneum и balneae также для Цицерона (повидимому, неправильно вмѣсто balineum и balineae.

II. ХРОНИКА.

Археологическая хроника эллинскаго Востока.

Мѣстностью, наиболѣе изслѣдованною во всѣхъ отношеніяхъ, является, безспорно, Аттика; но спѣша, къ окончанію этого предварительнаго очерка, мы не можемъ останавливаться съ должной подробностью на ея многочисленныхъ археологически интересныхъ пунктахъ. Упомяну слѣдующіе: Пирей съ хорошо сохранившимися фундаментами укрѣпленій въ разныхъ пунктахъ и вокругъ всѣхъ трехъ гаваней. Остатки доковъ въ гавани Зеѣ, два театра и музей въ зданіи гимназіи довершаютъ археологическій интересъ Пирея. Затѣмъ Рамнунтъ съ двумя храмами Немезиды, гдѣ въ недавнее время производились интересныя раскопки, подробности о которыхъ будутъ изложены въ отчетѣ о раскопкахъ 1891 года; Мараѳонъ съ своимъ знаменитымъ курганомъ, раскопаннымъ въ 1890 году, при чемъ онъ оказался дѣйствительно тѣмъ, за что его считало всегда преданіе, въ противоположность мнѣнію Шлимана, видѣвшаго въ немъ доисторическій могильникъ[1]). Здѣсь же умѣстно будетъ упомянуть о предпринятомъ еѳоріей древностей систематическомъ изслѣдованіи всѣхъ могильниковъ пока только Аттики. Въ ней одной насчитывается ихъ нѣсколько сотъ. Нечего и говорить, что эта работа затянется на десятки лѣтъ, но важность ея для всѣхъ отраслей археологіи очевидна. Пока изслѣдованы могильники въ мѣстностяхъ Веланидѐца, Петрѐца, Вурвȧ, Амарȣси и Вȧри. Раньше были раскопаны гробницы въ Менѝди и Спатѣ. Конечно, подобно тому какъ и у насъ въ южной Россіи, многія изъ этихъ гробницъ находятся и будутъ находиться разграбленными въ древности или въ недавнее время искателями кладовъ и аген-

---

[1]) О новыхъ роскопкахъ см. *Δελτίον* 1890 стр. 123 и сл. С. А. Селивановъ, Замѣтки о раскопкахъ въ Греціи въ 1890 году. Ж. М. Н. Пр. 1891, январь.

тами торговцевъ древности, но наука должна итти даже на неудачи, чтобы спасти для себя то, что еще можетъ быть спасено. Интересны развалины дема Өорика; хорошо сохранился оригинальный по плану театръ и часть укрѣпленій. На мысѣ Суніи сохранилось нѣсколько колоннъ отъ храма Аөины.

Теперь мы переходимъ въ Мегариду, обыкновенно причисляемую еще къ сѣверной Греціи. Дѣйствительно, пейзажъ здѣсь представляетъ продолженіе өріасійской равнины. Прелестна дорога, извивающаяся по самому берегу Сароническаго залива изъ Элевсина въ Мегары (теперь параллельно ей, но нѣсколько выше, проходитъ желѣзная дорога). Городъ Мегары не сохранилъ никакихъ остатковъ древности, несмотря на то, и можетъ быть, именно потому, что лежитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находился встарину. Небольшой музей заключаетъ главнымъ образомъ надписи.

Коринөіею начинается собственный Пелопоннесъ. Нынѣшній Коринөъ лежитъ не на мѣстѣ древняго, находящагося на разстояніи верстъ шести отъ моря, тогда какъ новый Коринөъ — городокъ приморскій. Онъ основанъ въ 1858 году, когда страшное землетрясеніе разрушило почти до основанія деревню, стоявшую на мѣстѣ древняго Коринөа, тѣмъ не менѣе снова возникшую и называющуюся теперь въ противоположность новому — Старымъ Коринөомъ. Новый Коринөъ не заключаетъ, понятно, никакихъ древностей; въ немъ только, въ довольно обширныхъ размѣрахъ, процвѣтаетъ торговля поддѣльными антиками. Старый Коринөъ лежитъ у подножія Акрокоринөа. Въ немъ обращаетъ на себя вниманіе археолога небольшая руина храма. Сохранилось всего семь колоннъ: пять отъ западной узкой стороны и двѣ отъ южной. Часть архитрава, лежащая еще на этихъ колоннахъ, едва держится па нихъ, такъ какъ вся руина часто расшатывалась землетрясеніями. Надо думать, что ближайшее сильное землетрясеніе заставитъ ее рухнуть. Храмъ чрезвычайно приземистъ; капители громадны и необыкновенно сильно выступаютъ изъ-подъ архитрава. Все это заставляетъ видѣть въ нашемъ храмѣ одинъ изъ древнѣйшихъ образчиковъ дорійскихъ храмовъ въ Элладѣ[1]). Восхожденіе на

[1]) Послѣднее изслѣдованіе, излагающее результаты новой раскопки, давшей возможность возстановить вполнѣ планъ храма, принадлежитъ Дерпфельду. Ath. Mitt. XI. стр. 297.

Акрокориноъ можно рекомендовать въ особенности любителямъ перспективъ, такъ какъ на немъ гораздо болѣе остатковъ турецкаго времени, чѣмъ древнихъ. Отъ святилища Афродиты сохранилось едва лишь нѣсколько мраморныхъ брусьевъ. Зато панорама, открывающаяся отсюда въ ясный день, великолѣпна: Сароническій заливъ лежитъ у ногъ зрителя, какъ на ландкартѣ. Остатки знаменитаго истмійскаго святилища находятся близъ мѣстечка Каламаки, лежащаго на мѣстѣ древнихъ Кенхрей, гавани Коринѳа на Сароническомъ заливѣ. Раскопка, произведенная здѣсь въ 1883 году членомъ французской школы Monceaux, совершенно неудовлетворительна: вѣроятно, у него не хватило времени, или денегъ, или терпѣнья. Такія пробныя раскопки, въ особенности часто практикуемыя французами, приносятъ одинъ вредъ: онѣ только указываютъ агентамъ торговцевъ древностями мѣста, гдѣ можно надѣяться что-нибудь найти[1]). Впрочемъ, въ данномъ случаѣ, особыя условія мѣста были неблагопріятны для успѣшной раскопки. Въ самомъ священномъ округѣ истмійскомъ нынѣ находится кладбище. Раскопками обнаружены ворота священнаго округа, съ прилегающими частями стѣны[2]). Сохранились на Истмѣ также остатки стѣны, его пересѣкавшей, и Діолка, т.-е. особаго приспособленія для перетаскиванія по сухому пути мелкихъ судовъ изъ одного моря въ другое.

Изъ Коринѳа въ настоящее время идутъ желѣзныя дороги по двумъ направленіямъ: на югъ—къ Аргосу съ вѣтвями на Навплію и Милы (*Μύλα* — древняя Лерна), и къ западу, вдоль побережья

---

[1]) Можно было бы разсказать цѣлую серію фактовъ, иллюстрирующихъ дѣятельность этихъ секретныхъ копателей, но нѣчто грандіозное по своему варварству пришлось мнѣ узнать въ Мараѳонѣ. За нѣсколько мѣсяцевъ до моего прибытія туда, тамъ были найдены однимъ изъ крестьянъ двѣ мраморныя фигуры мужская и женская (по всей вѣроятности, отъ одной изъ построекъ Ирода Аттика. см. Leake, Демы, перев. Вестермана стр. 68). Долго не находя между туристами покупателей на статуи — конечно потому, что ихъ невозможно было бы вывезти — они продали какому то англичанину головы, отбивъ ихъ отъ туловищъ, и въ мое пребываніе тамъ искали покупателей на туловища. Таковая „раздробительная продажа" имъ пришлась, повидимому, по вкусу. Одинъ изъ плодовъ нелѣпыхъ законовъ о невывозѣ древностей.

[2]) О раскопкахъ см. отчеты Monceaux въ Gazette archéologique 1884—85 passim и у Reinach'a Chroniques d'Orient стр. 10 (отдѣльн. изд. = Rev. Arch. 1883 стр. 364).

Коринѳскаго залива, въ Патры[1]). Близъ первой изъ этихъ линій лежатъ Немея, Микены, Тиринѳъ, Эпидавръ, Аргосъ. Вторая линія изъ интересныхъ въ археологическомъ отношеніи пунктовъ задѣваетъ только Сикіонъ; Эгіонъ же и Патры, лежащіе на ней, только именами своими напоминаютъ знаменитые ахейскіе города и не сохранили почти никакихъ древнихъ памятниковъ, по крайней мѣрѣ, монументальныхъ. Патры — одинъ изъ центровъ продажи и, повидимому, фабрикаціи поддѣльныхъ древностей.

Мы взглянемъ сначала на мѣстности, лежащія близъ первой изъ упомянутыхъ линій. Отъ Немейскаго храма Зевса сохранилось только три колонны; отъ прочихъ колоннъ сохранилось довольно много жернововъ, лежащихъ на землѣ правильными рядами, такъ какъ онѣ упали вслѣдствіе землетрясеній. Чтобы добраться до этихъ трехъ колоннъ немейскаго святилища надо совершить двухчасовую поѣздку въ примитивнѣйшей изъ повозокъ по примитивнѣйшей изъ дорогъ, такъ что, несмотря на привѣтливость немейской долины, лежащей у подножья красивой горы Фуќа — совершенно правильнаго наклонно усѣченнаго конуса — можно сказать, что поѣздка въ Немею — игра, не стоющая свѣчъ, для большинства даже интересующихся археологіею путешественниковъ; въ особенности же, если примитивнѣйшій экипажъ завезетъ васъ, по недоразумѣнію (какъ то случилось со мною), вмѣсто древней Немеи (нынѣ *Ἡράκλεια)* въ оффиціально называющуюся „*δῆμος Νεμέας*“ деревню *ἅγιος Γεώργιος*, лежащую еще часа на два дальше, на мѣстѣ древняго Фліунта. Здѣсь тоже, правда, сохранились въ крестьянскихъ домахъ фрагменты надписей, но монументальнаго нѣтъ ничего.

Микены и Тиринѳъ я обхожу, такъ какъ читатели нашего журнала могли познакомиться съ раскопками, произведенными здѣсь Шлиманомъ и затѣмъ археологическимъ обществомъ, изъ статьи проф. В. П. Бузескула въ первомъ томѣ. Напротивъ, серьезное вниманіе надо остановить на Эпидаврѣ. Эпидавръ, или лучше святилище Асклепія Эпидаврійскаго, отстоящее отъ собственнаго

---

[1]) Я употребляю эту форму имени, потому что и теперь греки всегда называютъ городъ *Πάτραι*. Болѣе употребительная форма Патрасъ происходитъ отъ итальянскаго Patrasso, въ свою очередь образовавшагося отъ греческаго *εἰς Πάτρας*.

Эпидавра на 3 слишкомъ часа пути, представляетъ послѣ Олимпіи наибольшій археологическій интересъ по количеству и значенію своихъ монументальныхъ остатковъ. Обыкновенно въ Эпидавръ ѣздятъ черезъ Навплію, отъ которой туда ведетъ шоссе. Раскопки въ святилищѣ Асклепія велись съ перерывами, начиная съ 1881 года, и снова энергически продолжаются съ тѣхъ поръ, какъ закончено изслѣдованіе аѳинскаго акрополя. Замѣчанія о послѣднемъ фазисѣ этихъ раскопокъ войдутъ въ обзоръ открытій 1891 года, теперь же мы остановимся на томъ, что открыто въ первый періодъ 1881—85 годовъ[1]).

Раскопки обнаружили главную часть священнаго округа и на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея прислоненный къ горѣ театръ[2]). Описаніе святилища Павсаніемъ (II, 27) дозволяетъ опредѣлить названіе и назначеніе главныхъ зданій, а надписи, большое число коихъ найдено при раскопкахъ, отчасти свидѣтельствуютъ о точности описанія Павсанія, отчасти дозволяютъ опредѣлить авторовъ скульптуръ, процессъ постройки, а также время сооруженія различныхъ зданій. Религіозный центръ святилища — это, разумѣется храмъ Асклепія, находящійся въ сѣверо-восточной части священнаго округа. Это дорійскій *περίπτερος*, имѣющій по 6 колоннъ на фронтахъ и по 11 по длиннымъ сторонамъ. Его внутреннее расположеніе не представляетъ ничего особеннаго. Его фронтоны были украшены скульптурами, отъ которыхъ сохранились значительные остатки, находящіеся теперь въ аѳинскомъ центральномъ музеѣ. Восточный фронтонъ былъ украшенъ изображеніемъ кентавромахіи, западный — амазономахіи. Кромѣ того на послѣднемъ находились еще изображенія нереидъ, сидящихъ на гиппокампахъ. Надпись о постройкѣ этого храма, найденная здѣсь же, говоритъ, что *τύποι*,

---

[1]) Общіе обзоры эпидаврійскихъ раскопокъ у Diehl'я Excursions стр. 311 слл. S. Reinach, Chroniques стр. 402. 538. 690. Изданія находокъ въ *Ἐφημερίς* и *Πρακτικά* соотвѣтствующихъ годовъ. На русскомъ языкѣ есть нѣсколько статей, упоминающихъ о раскопкахъ Эпидавра: Н. А. Александровскій, Раскопки эпидаврійскаго святилища Асклепія. Ж. М. Н. Пр. 1890. Іюнь. С. А. Жебелевъ, Замѣтка о мѣстоположеніи Авата въ эпидаврійской святынѣ Асклипія. ibid. Іюль. См. также обзоры аѳинскихъ археол. изданій В. В. Латышева за 1885—6 годы въ II и III томахъ Записокъ Имп. Р. Археолог. Общества.

[2] Планы священнаго округа и архитектурные чертежи приложены къ *Πρακτικά* 1882—3, 1883 и 1884 годовъ.

т.-е. рисунки для скульптурнаго украшенія храма были выработаны художникомъ Тимоѳеемъ; исполнены были скульптуры имъ же въ сообществѣ съ другими художниками. На этомъ основаніи Фукару удалось опредѣлить, приблизительно, дату зданія[1]). Дѣло въ томъ, что Тимоѳей упоминается Пліиніемъ (Н. N. XXXVI, 30) какъ одинъ изъ скульпторовъ, работавшихъ надъ Мавсолеемъ, сооруженнымъ въ серединѣ IV в. Надпись о постройкѣ храма Асклепія (Ἐφ. Ἀρχ. 1886, столб. 145/6 слѣд.) по начертанію своему должна относиться къ болѣе ранней эпохѣ. Фукаръ останавливается приблизительно на 375—80 годахъ, какъ на возможно ранней эпохѣ дѣятельности Тимоѳея и, слѣдовательно, созданія скульптуръ храма. Статуя Асклепія, находившаяся въ этомъ храмѣ, была работы паросца Ѳрасимеда, послѣдователя Фидія. Она была сдѣлана изъ золота и слоновой кости и представляла бога сидящимъ на тронѣ; правая рука его лежала на головѣ змѣи, а у ногъ лежала собака. Понятіе о внѣшнемъ видѣ этой статуи даютъ монеты Эпидавра IV в. и рельефы съ изображеніемъ сидящаго Асклепія, найденные здѣсь же, и, по предположенію Каввадіи, издавшаго ихъ впервые, представляющіе копіи со статуи. Второе изъ зданій, находящихся въ священномъ округѣ — знаменитый ϑόλος Поликлета. Отъ него сохранились фундаментъ и значительная часть архитектурныхъ частей, дозволяющихъ реставрировать его видъ. Это большое круглое зданіе, около 20 метровъ въ діаметрѣ; подъ поломъ, представляющимъ паркетъ изъ бѣлаго и чернаго мраморовъ, родъ крипты изъ трехъ концентрическихъ ходовъ, соединенныхъ между собою проходами. Французскій архитекторъ Defrasse, изслѣдовавшій ϑόλος, предполагаетъ, что эти узкіе проходы, въ которыхъ едва можетъ пробраться человѣкъ, предназначались для регулированія воды священнаго источника, надъ которымъ былъ построенъ ϑόλος, который былъ тѣмъ, что нѣмцы называютъ Brunnenhaus[2]). Это объясненіе остроумно и, конечно, заслуживаетъ бо́льшаго вниманія, чѣмъ мнѣніе Каввадіи, видѣвшаго въ этихъ ходахъ коридоры, по которымъ двигались мистическія процессіи, и кромѣ того

[1]) Bull. de corr. hellen. 1890 стр. 589. Скульптуры изданы въ Ἐφ. Ἀρχ. 1884 табл. 3. 4. и 1885 табл. 1. 2. Также у Brunn-Bruckmann'а въ I выпускѣ Denkmäler (рельефъ Асклепія).

[2]) Bull. de corr. hellen. 1890. p. 631 слл.

оно показываетъ самое назначеніе *θόλος*'а, о которомъ Павсаній ничего не говоритъ, такъ что можно было бы подумать, что это зданіе было чисто декораціоннаго характера. Но въ виду полнаго отсутствія воды, или даже слѣдовъ ея на стѣнкахъ коридора, засвидѣтельствованнаго Каввадіей и Дерпфельдомъ, кажется, надо обождать съ безусловнымъ принятіемъ мнѣнія Defrasse'a. Много толковъ было также о томъ, какому Поликлету принадлежитъ постройка *θόλος*'а—старшему ли, жившему въ концѣ V в., или младшему, жившему въ началѣ IV-го. И этотъ вопросъ рѣшенъ, повидимому, окончательно въ упомянутой статьѣ Фукара[1]). Присутствіе знака H въ памятникахъ каменотесовъ исключаетъ возможность постройки его въ V вѣкѣ, а сличеніе надписи, представляющей отчетъ о постройкѣ *θόλος*'а съ надписью о постройкѣ храма, приводитъ къ заключенію, что *θόλος* былъ построенъ нѣсколько позже храма, слѣдовательно Поликлетъ, строитель *θόλος*'а былъ Поликлетъ Младшій. Какъ снаружи, такъ и внутри *θόλος*'а, находилось по колоннадѣ, изъ коихъ наружная была дорійскаго, а внутренняя коринѳскаго стиля. Замѣчательно, что при раскопкѣ земли вокругъ *θόλος*'а была найдена, повидимому, уже въ древности нарочно зарытая коринѳская капитель, превосходной сохранности. Объясняютъ этотъ фактъ различно. Одни, какъ Каввадія[2]), видятъ въ ней оригиналъ мастера, зарытый для вящшей сохранности, другіе[3]) — копію римскаго времени, но тогда фактъ бережнаго зарытія непонятенъ.

Кромѣ храма и *θόλος*'а, внутри самаго священнаго округа находятся еще жертвенникъ, два портика, изъ которыхъ одинъ двух-

---

[1]) С. А. Жебелевъ, во время написанія своей упомянутой статьи, вѣроятно, не зналъ статьи Фукара, иначе онъ не говорилъ бы о знакахъ каменотесовъ «нацарапанныхъ» на архитектурныхъ частяхъ, какъ о неважномъ аргументѣ въ пользу IV в. Дѣло въ томъ, что здѣсь дѣло идетъ не о начертаніи буквъ, а о знакѣ H, введенномъ въ алфавиты греческихъ городовъ на грани V и IV вв. Что касается восхищенія Павсанія, то оно 1) дѣланно, какъ всегда, 2) не говоритъ непремѣнно противъ Поликлета Младшаго, такъ какъ несомнѣнно, что древніе часто смѣшивали двухъ Поликлетовъ и, кромѣ того, старшій болѣе, все-таки, былъ знаменитъ, какъ скульпторъ.

[2]) *Ἐφ. Ἀρχ.* 1885. 231/2 и таблица 10.

[3]) Фуртвенглеръ. Berl. Phil. Woch. 1888 p. 1484 cf. Reinach, Chroniques p. 588.

этажный[1]), и, какъ во всѣхъ извѣстныхъ священныхъ округахъ — рядъ базъ, небольшихъ экседръ и т. п. Восточная сторона святилища раскопками 1881—85 годовъ не затронута и изслѣдовалась въ послѣднее время. На юго-востокѣ къ священному округу примыкаетъ небольшой храмикъ Артемиды; еще южнѣе — рядъ зданій болѣе поздняго времени, гимназія, пропилеи и др. также невполнѣ еще раскопанныхъ. Наконецъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ всей этой группы зданій, отдѣленный отъ нея потокомъ, живописно расположенъ театръ — третья достопримѣчательность Эпидавра. Строителемъ этого театра Павсаній называетъ также Поликлета. Это предположеніе находитъ себѣ оправданіе въ необыкновенной роскоши и изяществѣ какъ цѣлаго, такъ и частей, изяществѣ, производящемъ впечатлѣніе даже на совершенно чуждыхъ классическому міру людей. Мѣста для зрителей здѣсь, какъ и въ театрѣ Діониса въ Аѳинахъ, широкой полосой раздѣлены на верхнюю и нижнюю части; непосредственно передъ этой діазомой и непосредственно за нею, равно какъ и непосредственно близъ орхестры находятся три ряда особенно удобныхъ почетныхъ мѣстъ; лѣстницами нижняя часть мѣстъ для зрителей дѣлится на 13 *κερκίδες*, а верхняя на 25; орхестра представляетъ полный кругъ; сцена носитъ слѣды значительныхъ передѣлокъ въ римское время; въ болѣе древнюю эпоху она, повидимому, представляла собою стѣну, украшенную іонійскими колоннами, передъ которою (т.-е. на орхестрѣ) происходило дѣйствіе пьесы.

Кромѣ Эпидавра, въ Арголидѣ археологическій интересъ представляетъ еще самъ Аргосъ. Его акрополь — Ларисса представляетъ изъ себя довольно высокую гору, хранящую на своей вершинѣ значительные слѣды какъ древнихъ, такъ и средневѣковыхъ укрѣпленій. У подошвы Лариссы расположенъ довольно большой театръ, въ которомъ нынѣшней осенью производились пробныя раскопки, о которыхъ у насъ будетъ рѣчь въ свое время. Въ Аргосѣ, въ по-

[1]) Павсаній II. 27 говоритъ: *τοῦ ναοῦ δέ ἐστι πέραν ἔνθα οἱ ἱκέται τοῦ θεοῦ καθεύδουσιν*. Въ надписяхъ объ исцѣленіяхъ это мѣсто называется *ἄβατον*. Большинство ученыхъ искали этотъ *ἄβατον* въ одномъ изъ упомянутыхъ портиковъ. С. А. Жебелевъ, по нашему мнѣнію, совершенно справедливо думаетъ, что *ἄβατον* надо искать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, напр. въ зданіи, лежащемъ къ Ю. В. отъ храма. Зданіе это теперь раскопано и результаты, кажется, не противорѣчатъ высказанному предположенію.

мѣщеніи демархіи, находится музей съ небольшимъ числомъ надписей и скульптуръ третьестепеннаго достоинства. Интересенъ только рельефъ Поликлетовскаго стиля, изображающій юношу съ лошадью. Въ шкафахъ находятся фрагменты изъ раскопокъ, произведенныхъ въ аргосскомъ храмѣ Геры и близлежащей купольной гробницѣ. Отъ Аргоса вѣтвь желѣзной дороги продолжается еще нѣсколько на западъ къ *Μύλαι* (Лернѣ). На этомъ пути находится извѣстная аргосская пирамида, сложенная изъ большихъ полигональныхъ камней и, какъ кажется, по употребленію мѣстами цемента, реставрированная въ средніе вѣка. По сѣверной вѣтви желѣзной дороги, тянущейся отъ Коринѳа въ Патры, единственный археологически интересный пунктъ — Сикіонъ. Здѣсь были производимы американской школой раскопки. На территоріи древняго Сикіона, равно какъ въ сосѣдней деревнѣ Василико, находится не мало остатковъ древности. Американскіе археологи ограничились систематической раскопкой театра, одного изъ самыхъ большихъ въ Элладѣ. Замѣчательна орхестра эллиптической формы[1]).

Въ Аркадіи до сихъ поръ еще нѣтъ желѣзной дороги, такъ что тому, кто хочетъ путешествовать съ удобствомъ, приходится прибѣгать къ болѣе дорогому и медленному способу передвиженія въ экипажахъ. Здѣсь интереснѣйшіе пункты: Тегея, Мантинея и лежащая между ними новая Триполица, въ которой устраивается центральный музей древностей сѣвернаго Пелопоннеса, Ликосура и Мегалополь. Немногочисленные остатки Тегеи находятся близъ деревень *ἅγ. Σῶστις* и *Πιαλί*. Близъ первой находится некрополь, изслѣдовавшійся еще въ 60-хъ годахъ и въ свое время давшій много интереснаго матеріяла. Вторая лежитъ отчасти на самыхъ остаткахъ города; такъ среди нея находятся остатки раскопаннаго въ 1879 году германскимъ археологическимъ институтомъ храма Аѳины Алеи, главной достопримѣчательности Тегеи, построеннаго въ началѣ IV в. знаменитымъ Скопасомъ[2]). Это былъ дорическій *περίπτερος*, имѣвшій по 6 колоннъ на фронтахъ и по 13 на длинныхъ сторонахъ. Колонны были всѣхъ трехъ орденовъ. Фронтонныя группы, по описанію Павсанія, представляли: восточная — Калидонскую охоту, западная — битву Телефа противъ Геракла

---

[1]) Подробный отчетъ см. Amer. Journ. of Archeology 1889 p. 267—292.

[2]) О раскопкахъ см. Athen. Mitteil. т. III. IV и въ особ. V стр. 52 сл.

на р. Каикѣ въ Мисіи (VIII 45). Отъ этихъ группъ уцѣлѣло едва лишь нѣсколько обломковъ: двѣ человѣческія головы и голова вепря, найденные притомъ на значительномъ разстояніи отъ храма. Теперь онѣ находятся въ центральномъ музеѣ Аѳинъ[1]). Кромѣ того, въ музеѣ самой деревни Піали находятся еще нѣсколько фрагментовъ архитектурныхъ частей и скульптуръ храма, между прочимъ части фриза (или, быть можетъ, архитрава по примѣру храмовъ въ Ассѣ и на мысѣ Суніи) съ изображеніемъ животныхъ: львовъ, быка и др., нападающихъ другъ на друга[2]). Поодаль отъ деревни стоитъ руина византійской церкви *παλαιὰ Ἐπισκοπή*, встроенной въ античное зданіе, повидимому, театръ. Послѣ недавнихъ раскопокъ французской школы здѣсь тоже устроена коллекція древностей, найденныхъ въ окрестностяхъ Тегеи.

Мантинея замѣчательна тѣмъ, что сохранила весьма значительные остатки своихъ стѣнъ. Здѣсь французская археологическая школа производила раскопки въ 1887—8 годахъ, руководимыя тѣмъ же Фужеромъ. Изъ описанія Мантинеи Павсаніемъ (VIII. 9) видно, что главныя зданія находились близъ театра. Такимъ образомъ театръ, находящійся приблизительно въ центрѣ городского перибола и давно извѣстный, сталъ естественной точкой отправленія работъ. Изслѣдователямъ удалось открыть сцену, орхестру и нѣсколько рядовъ сѣдалищъ. Театръ чрезвычайно простъ и весь построенъ искусственно, такъ какъ на его мѣстѣ не было никакого холма, къ которому его можно было бы прислонить. *Κοῖλον* дѣлилось на 7 керкидъ; существованіе діазомы не доказано. Къ востоку отъ театра найдены фундаменты нѣсколькихъ храмовъ, которые болѣе или менѣе гадательно отождествляются съ упоминаемыми у Павсанія. Къ востоку же отъ театра тянется довольно объемистый рынокъ, окруженный портиками и экседрами. Изъ

---

[1]) *Κατάλογος Κεντρ. Μουσείου.* пп. 67—69. Изображались и описывались нѣсколько разъ. Ath. Mitt. VI. p. 393 табл. XIV, XV. *Ἐφ. Ἀρχ.* 1886 стр. 17, табл. II. Послѣднее и лучшее изданіе, сдѣланное, къ сожалѣнію, съ слѣпковъ Antike Denkmäler 3-я тетрадь, табл. XXXV.

[2]) Они были извѣстны еще давно. Два сохранившіеся до сихъ поръ рельефа снова описаны и изданы геліогравюрой Фужеромъ въ Bull. de corr. hellen. 1889. стр. 477 табл. VI и 1890 стр. 512 табл. XII. Рисунокъ съ третьяго, теперь утраченнаго, уступленный Фужеру для изданія Конце, сдѣлавшимъ его въ 1860 году съ оригинала, см. въ Bull. 1891. стр. 821.

памятниковъ скульптуры, найденныхъ въ Мантинеѣ, замѣчательнѣйшіе — три барельефа, изъ которыхъ на двухъ изображено по три музы, а третій занятъ сценой состязанія Аполлона съ Марсіемъ. Есть большая вѣроятность, что рельефы эти составляли облицовку базы группы Латоны, Аполлона и Артемиды, которая была произведеніемъ Праксителя. Конечно, было бы смѣло утверждать, что и рельефы базы принадлежатъ Праксителю, но во всякомъ случаѣ они его школы, что подтверждается и ими самими. Недостаетъ, слѣдовательно, четвертаго рельефа съ остальными тремя музами. Еще интересны статуетка Телесфора и нѣкоторые другіе куски[1]).

Близъ Ликосуры открытъ, на средства ефоріи, въ 1889—90 гг. храмъ Владычицы (Персефоны), упоминаемый Павсаніемъ. Это простой *πρόστυλος*. Открыты базисъ и значительное число частей группы, изображавшей Деметру и Владычицу на тронѣ, по бокамъ котораго стоятъ Артемида и титанъ Анитъ[2]).

Въ 1890 году начались раскопки англійской школы въ Мегалополѣ, продолжавшіяся и въ 1891 году. Занимались главнымъ образомъ раскопкой театра, величайшаго въ Греціи. Открыта сцена, изъ-за эпохи которой возгорѣлся впослѣдствіи жаркій споръ между Вальдштейномъ, руководителемъ раскопки, и Дерпфельдомъ. Ближайшій къ орхестрѣ рядъ сѣдалищъ состоитъ изъ мраморныхъ креселъ съ написанными на нихъ именами мѣстныхъ филъ[3]).

Двѣ дороги ведутъ изъ Аркадіи въ Спарту: одна черезъ Мегалополь, нынѣ Синáно, служащій узловымъ пунктомъ шоссе въ Пелопоннесѣ, другая — черезъ Триполицу, Тегею, Селласію. Эта

---

[1]) Результаты раскопокъ съ планами и снимками важнѣйшихъ находокъ Bull. de corr. hellen. 1887. стр. 485 сл. 1888. стр. 105 сл. + таблицы I, II, III. (Аполлонъ и музы) 376 + табл. IV (стела). 1890. стр. 65 слл. + табл. I (общій планъ М.), стр. 244 сл. + табл. XVII—XVIII (планъ главнаго района раскопокъ) и рисунками въ текстѣ. Здѣсь же рѣзкій отвѣтъ Шлиману, отозвавшемуся въ Berl. Ethnolog. Zeitschr. о раскопкахъ, что онѣ „не систематичны подобно делосскимъ и не привели ни къ какому результату". Шлиманъ былъ, кажется, отчасти правъ. Ср. что мы выше говорили о раскопкахъ Дельфъ. Стр. 595 слл. Табл. VIII и VII (Телесфоръ и женскій бюстъ). Всѣ статьи принадлежатъ Фужеру.

[2]) См. объ этихъ раскопкахъ *Δελτίον* 1889 стр. 122. 153. 161. 170. 202. 225. 1890 стр. 87. 99. 113. 133.

[3]) См. пока *Δελτίον* 1890. 49. 71. 79. 149. 161. С. А. Селивановъ. Ж. М. Н. Пр. 1891. Отд. кл. фил. стр. 15.

послѣдняя одна изъ труднѣйшихъ во всей Греціи. Впрочемъ, теперь шоссе должно быть окончено на всемъ ея протяженіи, но въ ту эпоху, когда мнѣ пришлось ее продѣлывать, можно смѣло утверждать, что всѣ, кто хоть разъ рѣшался на нее, въ моментъ совершенія готовы были, подобно мнѣ и моимъ спутникамъ, клясть день рожденія и по благополучномъ миновании — считать себя равными солдатамъ Аннибала и Суворова. Не мудрено, что Спарта тогда вообще рѣдко посѣщалась (а если и посѣщалась, то съ моря черезъ Гиѳіонъ нын. Мараѳониси), тѣмъ болѣе изслѣдовалась. На туристовъ смотрѣли, какъ на чудища, и толпа зѣвакъ осаждала двери гостинницы, гдѣ эти послѣдніе стояли. Теперь все это должно быть не такъ. Въ противоположность ходячему представленію о суровости природы Лаконики — пейзажъ ея роскошнѣйшій и изящнѣйшій изъ всѣхъ, видѣнныхъ мною въ Греціи. Великолѣпна картина долины Эврота, открывающаяся совершенно неожиданно съ отроговъ Парнона, преодолѣніе котораго и представляетъ главную трудность пути. Здѣсь становится понятнымъ гомеровскій эпитетъ Лакедемона *κοίλη*. Дѣйствительно, у вашихъ ногъ лежитъ лощина, запертая между двумя стѣнами: одной — на которой вы стоите, другой — чернымъ, страшнымъ, покрытымъ облаками Тайгетомъ, тянущимся передъ глазами зрителя параллельно Парнону. Налѣво горизонтъ представляетъ море, просвѣчивающее какъ бы въ окошко между этими двумя стѣнами; подъ ногами — прелестный зеленый коверъ съ прорѣзывающимся серебристой лентой Эвротомъ. Бѣлые домики Спарты граціозно просвѣчиваютъ изъ-за купъ зелени; кажется до нея такъ близко... Но это обманъ зрѣнія — дороги еще остается часа три. Когда вы минуете отрывистый и опасный спускъ и очутитесь среди прелестной долины Эврота, вы испытываете пріятнѣйшее изъ разочарованій. Вмѣсто суровой, непріютной мѣстности, какою всякій охотно представляетъ Лаконику, вы попадаете въ роскошный садъ. Климатъ глубокаго юга, климатъ Палермо, Мессины, проникаетъ все ваше существо, и усталость отъ головоломной дороги мгновенно исчезаетъ. Дорога извивается вдоль береговъ Эврота и нѣсколько разъ пересѣкаетъ его въ бродъ; олеандры, тутовыя деревья, южные тополи, магноліи и вся прочая прелесть европейскаго юга густо одѣваетъ берега. Но если природа разочаровываетъ странника, въ первый разъ посѣщающаго Спарту, въ

пріятную сторону, то горькое разочарованіе ожидаетъ его, если онъ ждетъ, такъ сказать, столичныхъ памятниковъ древности, если онъ даже новую Спарту представляетъ себѣ mutatis mutandis въ такомъ отношеніи къ Аѳинамъ, въ какомъ напр. Неаполь находится въ Риму. Скудное, грязное поселеніе, состоящее изъ двухъ перекрещивающихся улицъ — вотъ современная Спарта. Правда, за городомъ, въ рощахъ маслинъ и тутовыхъ деревьевъ, находится нѣсколько торчащихъ изъ земли фундаментовъ (между прочимъ т. наз. гробница Леонида, персидскій портикъ и т. д.), но все это совершенно не изслѣдовано. Главнымъ пунктомъ, притягивающимъ интересъ археолога въ Спартѣ, будетъ музей, находящійся въ зданіи съ претензіями на дорическій стиль, но въ которомъ не было при насъ ни одного цѣлаго стекла, а потолокъ, штукатурка котораго совершенно обвалилась, свѣсился надъ серединой комнаты и грозилъ ежеминутнымъ паденіемъ. Но собраніе довольно богато и интересно[1]). Здѣсь имѣются интереснѣйшіе представители мѣстной архаики: знаменитая Спартанская стела съ изображеніемъ мущины, угрожающаго мечомъ женщинѣ, которая толкуется различно[2]), нѣсколько рельефовъ, изображающихъ Діоскуровъ, стоящихъ по бокамъ архаическаго идола, въ которомъ видятъ изображеніе Елены, древнѣйшіе дощатые рельефы съ изображеніемъ паръ божествъ, сидящихъ на тронахъ и держащихъ въ рукахъ — мужское божество чашу, а женское гранату и т. д.; также рядъ важныхъ надписей. Въ домахъ Спарты находятся, между прочимъ, двѣ половыхъ мозаики: одна — съ изображеніемъ Европы на быкѣ, другая — Ахилла на Скиросѣ; обѣ — римскаго времени. Имѣются въ частныхъ рукахъ и скульптурные фрагменты, по бо́льшей части вошедшіе въ упомянутый интентарь. Близъ Спарты, на отрогахъ Тайгета, находится средневѣковая Мистра́ съ нѣсколькими, довольно хорошо сохранившимися, византійскими церквами, изъ коихъ замѣчательнѣйшая т. наз. *Παναγία Περίβλεπτος* съ хорошо сохранившимся цикломъ фресокъ и остат-

---

1) Dressel und Milchhöfer, Die antiken Kunstwerke aus Sparta und Umgebung. Аѳ. 1878 съ 6-ю таблицами (Изъ Ath. Mitteil. II). Краткое извлеченіе у Бедекера стр. 286—7.

2) Фрагменты метопы селинунтскаго храма С съ изображеніемъ этого же сюжета см. у В. Мальмберга, Метопы древне-греческихъ храмовъ. Дерптъ 1892. и табл. I рис. 4.

ками весьма изящныхъ скульптуръ иконостаса[1]). Въ прочей Лаконикѣ прославились въ послѣднее время Амиклы (Вафіо) своей купольной гробницей, въ которой, между прочимъ, были найдены два замѣчательныхъ золотыхъ сосуда съ изображеніемъ укрощенія дикихъ быковъ, много разъ издававшіеся[2]).

Въ Мессенію изъ Лаконики можно попасть или черезъ тайгетское ущелье Лángада, которое я не проходилъ, но про которое знающіе его говорятъ, что это нѣчто еще болѣе трудное, чѣмъ вышеописанная дорога изъ Тегеи въ Спарту (такъ что гомеровская поѣздка Телемаха и Писистрата изъ Пилоса въ Спарту, т.-е. очевидно черезъ Лáнгада, въ повозкѣ является полной невозможностью), или черезъ Мегалополь. Въ такомъ случаѣ отъ Спарты въ Мегалополь надо ѣхать верхами, а оттуда въ Мессенію уже идетъ удобное шоссе. Природа Мессеніи тоже роскошная, но не такая художественная, какъ природа Лаконики. Если послѣдняя сплошной садъ и цвѣтникъ, то Мессенія сплошной огородъ и разсадникъ плодовыхъ деревьевъ. Археологически интереснаго здѣсь мало; такъ напр. на Иѳомѣ сохранились остатки древняго укрѣпленія, а подъ нею значительные остатки стѣнъ древней Мессены, при чемъ отдѣльныя партіи, напр., большой круглый дворъ, имѣющій стратегическое значеніе подобное Дипилу, весьма интересны[3]). На мѣстѣ древняго Пилоса — въ Корифасіи и на близлежащемъ островкѣ Сфактеріи Шлиманъ производилъ раскопки, не приведшія ни къ какому результату.

На границахъ Мессеніи, Аркадіи и Элиды находилась въ древ-

---

[1]) Кажется, церкви Мистры не только не изданы, но и не описаны. Мой спутникъ проф. А. В. Праховъ во время нашего пребыванія въ Мистрѣ подробно описалъ *Περίβλεπτος* и снялъ съ нея планъ, но и то и другое до сихъ поръ въ его портфелѣ.

[2]) Описаніе раскопокъ *Δελτ.* 1889. 96. 107. 225. Изданы находки въ *Ἐφ. Ἀρχ.* 1889. 129/30 и слѣд. и таблицы 7, 8, 9, 10. (Цунда). Недавно кубки переизданы съ акварели и описаны Перро Bull. de corr. hell. 1891 стр. 493—537 и табл. XI, XII, XIII, XIV.

[3]) Въ одной изъ деревень, лежащихъ близъ Мессены — *Μαυρομάτι* находится также музейчикъ древностей и надписей, найденныхъ въ окрестностяхъ. Есть даже мѣстное описаніе ихъ: *Τὰ σωζόμενα Ἰθώμης, Μεσσήνης καὶ τῶν πέριξ, ὑπὸ Σταύρου Οἰκονομάκη. Ἐν Καλάμαις* (Каламата — гавань Мессеніи). 1879. Экземпляръ (я думаю, единственный въ Россіи) этого сочиненія находится въ моей библіотекѣ.

ности Фигалія, знаменитая въ археологіи своимъ храмомъ Аполлона Эпикурія, фризъ котораго составляетъ съ изображеніемъ кентавромахіи и амазономахіи одно изъ главныхъ украшеній Британскаго музея. Храмъ, отъ котораго сохранились почти всѣ колонны съ лежащимъ на нихъ архитравомъ, былъ дорическій *ἑξάστυλος*, имѣвшій по 15 колоннъ на длинныхъ сторонахъ. Внутреннее расположеніе его совершенно своеобразно и объясняется тѣмъ, что къ древнему храмику, оріентированному, какъ обыкновенно, входомъ на востокъ, были сдѣланы въ болѣе позднее время (въ V в.; зодчимъ его былъ строитель Пареенона, Иктинъ) пристройки, превратившія его въ большой храмъ, оріентированный входомъ на сѣверъ, такъ что древняя целла превратилась теперь въ *ἄδυτον* новой, втрое бо́льшей. Идолъ (первоначально бронзовый, впослѣдствіи мраморный) остался на прежнемъ мѣстѣ т. е. у западной, теперь продольной стѣны храма; древняя дверь, находящаяся какъ разъ противъ идола, также сохранилась, такъ что получился единственный примѣръ храма съ особымъ боковымъ входомъ въ *ἄδυτον*. Пристройка, по предположенію Дёрпфельда, не была собственно увеличеніемъ целлы, а небольшимъ, пристроеннымъ къ ней дворикомъ, окруженнымъ портикомъ, колонны котораго соединены со стѣнами простѣнками. Вокругъ этого-то портика, вокругъ обширнаго impluvium'а и тянулся упомянутый фризъ[1]).

Такимъ образомъ намъ осталась, въ заключеніе, Олимпія. Раскопки этого знаменитаго святилища слишкомъ обширны и сложны по результатамъ, чтобы мы могли остановиться на нихъ въ этомъ бѣгломъ очеркѣ съ должной подробностью[2]). Творецъ науки классической археологіи, знаменитый Винкельманъ, лелѣялъ мысль о раскопкахъ Олимпіи, высказывавшуюся раньше его Монфоко-

[1]) Роскошное изданіе храма барона Штакельберга — Der Apollotempel zu Bassae. Римъ 1826 fol. Вопросъ о томъ, найденъ ли фризъ цѣликомъ, служившій темой продолжительныхъ ученыхъ споровъ, рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ упомянутымъ въ прим. 2 на 76 предшествующей хроники С. Ивановымъ въ Annali 1865 стр. 29 сл. Способъ рѣшенія выставляетъ въ полномъ блескѣ сметку русскаго человѣка. Онъ смѣрилъ длину фриза въ Лондонѣ, смѣрилъ длину четырехъ сторонъ impluvium'а въ Фигаліи — оказалось, что онѣ вполнѣ совпадаютъ. Что и требовалось доказать. Если бы нашелся теперь другой Ивановъ для фронтонныхъ группъ Олимпіи!

[2]) Труды этой экспедиціи были изданы въ трехъ роскошныхъ folio подъ редакціей A. Blouet.

номъ; но несмотря на то, что онъ всячески хлопоталъ и у своихъ богатыхъ друзей, и даже у папскаго престола, этой мысли тогда не суждено было осуществиться. Первые удары заступа въ Алтидѣ было суждено сдѣлать французской экспедиціи — Expédition scientifique de Morée — въ 1829 г.[1]) Раскопки открыли храмъ Зевса, было найдено нѣсколько фрагментовъ метопъ, которые находятся теперь въ Луврѣ; но полную раскопку суждено было произвести новой германской имперіи, желавшей тѣмъ показать всему образованному міру свои гуманитарныя симпатіи. Душой дѣла былъ знаменитый Эрнстъ Курціусъ, которому стоило большой борьбы подвигнуть парламентъ на вотированіе 800 тысячъ марокъ на это дѣло, которое должно было принести плоды лишь невещественные, такъ какъ заранѣе рѣшено было и составляло самый духъ предпріятія — веденіе дѣла вполнѣ безкорыстное: всѣ художественныя богатства должны были остаться въ Греціи. Германія оставила за собой право публикаціи и воспроизведенія находокъ въ гипсѣ. Раскопки продолжались шесть зимнихъ семестровъ съ 4 окт. 1875 г. по 20 марта 1881 года (нов. стиля). Въ раскопкахъ Олимпіи участвовали, а отчасти на нихъ воспитались, такія ученыя силы какъ Курціусъ, Адлеръ, Гиршфельдъ, Трей, Вейль, Фуртвенглеръ, Пургольдъ, Беттихеръ, Дёрпфельдъ и др.

Центръ Алтиды и вмѣстѣ исходную точку раскопокъ и нашего обозрѣнія составляетъ храмъ Зевса, построенный въ V в. мѣстнымъ зодчимъ Либономъ. Это дорическій *περίπτερος* въ 6 × 13 колоннъ. Между колоннами замѣтны слѣды бронзовыхъ статуй; целла имѣетъ 100 олимп. футовъ въ длину и 50 въ ширину, полъ ея состоитъ отчасти изъ черныхъ туфовыхъ плитъ, упоминаемыхъ Павсаніемъ, какъ положенныхъ на томъ мѣстѣ, куда ударила молнія, чѣмъ Зевсъ хотѣлъ показать удовольствіе Фидіевымъ ко-

[1]) Литература Олимпіи обширна. Въ теченіе раскопокъ отчеты о нихъ появлялись въ Archaeologische Zeitung (гдѣ между прочимъ изданы надписи), и затѣмъ раскопки описаны въ предварительномъ изданіи: Ausgrabungen zu Olympia. Berlin 1876—1881. V томовъ. Надписи не переизданы. Приготовляется теперь громадное и дорогое изданіе подъ заглавіемъ Olympia, гдѣ все будетъ издано и объяснено на основаніи совмѣстныхъ трудовъ многихъ научныхъ силъ. Хорошія популярныя изложенія A. Bötticher, Olympia 2-е изд. 1886. A. Flasch, статья Olympia у Баумейстера.

лоссомъ, здѣсь помѣщавшимся (V 11). Крыша была крыта мраморными черепицами, часть которыхъ сложена на близлежащемъ Пелопіонѣ, въ томъ порядкѣ, какъ лежала на крышѣ. Знаменитыя фронтонныя группы и бóльшая часть метопъ, найденная при раскопкахъ, помѣщены въ музеѣ, о которомъ — ниже. Передъ восточнымъ фронтомъ Олимпійскаго храма расположенъ рядъ базъ съ надписями въ томъ самомъ порядкѣ, какъ ихъ упоминаетъ Павсаній въ V и VI книгахъ своего описанія Эллады, посвященныхъ Олимпіи. Изъ этихъ базъ замѣчательнѣйшая — это состоящая изъ восьми огромныхъ треугольныхъ глыбъ база Ники Пеонія изъ Менды, также находящейся въ музеѣ. Непосредственно къ сѣверу отъ храма — остатки дома Эномая, видѣнные Павсаніемъ; еще сѣвернѣе остатки эллипсоидальнаго алтаря Зевса; нѣсколько западнѣе — фундаменты Пелопіона, неправильной формы пятиугольника съ особыми небольшими пропилеями. Къ сѣверу отъ Пелопіона, между нимъ и Гереономъ, остатки другого алтаря, можетъ быть, исконной олимпійской святыни, такъ какъ есть основаніе считать его болѣе древнимъ, чѣмъ Гереонъ, а этотъ послѣдній — древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ греческихъ храмовъ. Онъ представляетъ собою дорическій *περίπτερος* въ 6 ╳ 16 колоннъ. Замѣчательнѣе всего въ этомъ храмѣ разница между его колоннами въ величинѣ, разстояніи, капителяхъ и т. д. Это объясняется проще всего тѣмъ, что храмъ былъ первоначально деревянный и, лишь по мѣрѣ обветшанія, каждая часть его отдѣльно замѣнялась каменной. Еще Павсаній видѣлъ одну деревянную колонну. Крыша вся, повидимому, была деревянная, такъ какъ отъ нея не осталось ни кусочка. Въ этомъ то храмѣ былъ найденъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ упоминаетъ его Павсаній, Гермесъ Праксителя, составляющій гордость музея Олимпіи. Отъ архаическаго идола Геры сохранилась голова. Къ западу отъ Гереона находится Филиппейонъ, круглое зданіе, напоминающее *θόλος* Поликлета, построенное Филиппомъ II Македонскимъ въ память Херонейской битвы. Къ сѣверо-востоку Экседра Ирода Аттика, которая есть не что иное, какъ архитектурное заключеніе водопровода, проведеннаго Иродомъ въ Олимпію изъ верхней долины Алфея. Эта экседра находится у подножія холма Кроноса, составляющаго естественную сѣверную границу Алтиды. Къ востоку отъ экседры подошва холма срѣзана въ видѣ довольно обширной

террасы. На этой террасѣ находится рядъ домиковъ, разной величины и формы — это сокровищницы отдѣльныхъ греческихъ городовъ: Сиракусъ, Эпидамна, Византіи, Сибариса, Кирены, Селинунта, Метапонтія, Гелы и наилучше всѣхъ сохранившаяся, съ фронтономъ украшеннымъ скульптурами, сокровищница Мегаръ[1]). Подъ террасой съ сокровищницами находится третій храмъ Олимпіи — Метроонъ, дорическій небольшой *περίπτερος* въ 6 × 11 колоннъ. Къ востоку отъ этого храма, подъ террасой сокровищницъ, рядъ базъ отъ статуй Зевса, воздвигнутыхъ на штрафныя деньги атлетовъ, не соблюдшихъ предписаній олимпійскаго агона (*Ζᾶνες*). Къ этимъ статуямъ примыкаетъ сводчатая галлерея, ведущая на стадій, который остается не раскопаннымъ: сдѣланы только зондировки съ цѣлью узнать мѣста обѣихъ метъ и измѣрить разстояніе между ними. Зондировки увѣнчались полнымъ успѣхомъ: оба камня, служившіе фундаментами метъ, найдены на мѣстахъ. Разстояніе между ихъ центрами, т.-е. олимпійская стадія оказалась равною 192,27 метра; $^{1}/_{600}$ этой величины — 0,3205 метра равняется олимпійскому футу и эта мѣра длины, дѣйствительно, есть кратная всѣхъ построекъ Олимпіи, чѣмъ доказывается вѣрность предыдущаго расчета. Восточную границу Алтиды представляетъ портикъ Эхо, южную и западную — монументальныя стѣны, съ нѣсколькими пропилеями, главныя изъ которыхъ находятся на югѣ. Внѣ такимъ образомъ ограниченной Алтиды на юго-востокѣ, югѣ и западѣ отъ нея находится еще цѣлый рядъ обширныхъ и роскошныхъ зданій, по бо́льшей части римскаго времени: 1) т. наз. римскій домъ или домъ Нерона на востокѣ, 2) Булевтеріонъ греческаго времени, 3) къ югу отъ послѣдняго т. наз. Южный портикъ, 4) на юго-западѣ лишь отчасти раскопанный Леонидеонъ, построенный элейцемъ Леонидомъ приблизительно въ IV в. до Р. Хр. и упоминаемый Павсаніемъ. Прежде принимали за Леонидеонъ зданіе, находящееся на ю.-в. отъ Алтиды и отчасти застроенное домомъ Нерона. Часть архитрава съ надписью, найденная въ 1886 году рѣшила дѣло. 5) Къ зап. отъ Алтиды и къ сѣверу отъ Леонидеона найдена византійская церковь и къ ней примыкающіе жилые дома: одинъ,

[1]) О фронтонѣ этой сокровищницы писалъ на русскомъ языкѣ В. Мальмбергъ въ Зап. Имп. Р. Археол. Общ. II стр. 225 сл.

небольшой, греческаго времени и другой бо́льшій — римскаго. 6) Къ сѣверу къ этому комплексу строеній примыкаютъ почти вполнѣ раскопанная палестра и почти вовсе не раскопанная гимназія, повидимому, громадное зданіе. Отъ гимназіи раскопанъ только уголъ и пропилеи, отдѣляющіе ее отъ палестры. 7) На сѣв.-з., примыкая тѣсно къ Гереону и холму Крона, лежитъ Пританей. Наконецъ 8) въ двухъ мѣстахъ, къ сѣверу отъ Пританея и къ западу отъ византійской церкви, находятся еще двѣ руины римскаго времени, повидимому, остатки бань.

Произведенія скульптуры, а также наиболѣе интересныя архитектурныя части хранятся въ музеѣ, построенномъ въ древнегреческомъ стилѣ по рисункамъ Дёрпфельда на средства Сингроса, извѣстнаго богатаго банкира. Это великолѣпное просторное свѣтлое зданіе, не безъ техническихъ однако недостатковъ въ исполненіи. Такъ напр. въ боковыхъ корридорахъ, сквозь великолѣпный потолокъ, сдѣланный на античный манеръ изъ черепицъ, струями идетъ дождь, образуя цѣлыя озера на мозаичномъ полу. Главная зала, длина которой равняется ширинѣ храма Зевса, заключаетъ скульптуры храма; обѣ продольныя стѣны заняты фронтонными группами; налѣво помѣщается группа восточнаго фронтона, изображающая приготовленія къ состязанію Пелопса и Эномая, приписываемая Павсаніемъ Пеонію изъ Менды, автору упомянутой Ники; направо — группа западнаго фронтона, чрезвычайно живая композиція, изображающая борьбу лапиѳовъ съ кентаврами на свадьбѣ Пириѳоя. Эта группа приписывается Павсаніемъ Алкамену, современнику Фидія. Археологовъ на этихъ группахъ постигло горькое разочарованіе: они надѣялись найти произведенія, напоминающія Парѳенонъ, а нашли довольно грубыя и чисто декоративныя вещи. Многія изъ группъ кентавромахіи просто комичны, когда ихъ смотрѣть вблизи, а восточный фронтонъ представляетъ собою въ высшей степени безсвязную композицію, которую можно, пожалуй, считать за прототипъ шахматныхъ фигуръ. Козлищемъ отпущенія служитъ, конечно, Павсаній, который напуталъ что-нибудь относительно этихъ фронтоновъ. Ученый споръ относительно композиціи и значенія какъ отдѣльныхъ фигуръ, такъ и цѣлыхъ группъ далеко еще не конченъ, и всѣ тетрадки Jahrbuch'а Археологическаго института полны статьями, предлагающими разныя новыя объясненія. Мы, разумѣется, не

будемъ здѣсь входить въ разборъ этихъ споровъ, откладывая это до болѣе удобнаго случая. Въ этой же залѣ находятся метопы, при чемъ части, находящіяся въ Луврѣ, пополнены здѣсь гипсовыми слѣпками; въ этой же залѣ находится и Ника Пеонія; въ небольшомъ кабинетѣ — поставленный на свой древній пьедесталъ Гермесъ Праксителя; въ коридорахъ, окружающихъ главную залу, помѣщаются остальные мраморы. Громадная масса бронзъ въ мое время была размѣщена еще въ деревянныхъ баракахъ, построенныхъ для временнаго помѣщенія древностей во время раскопокъ; только особенно интересныя вещи были помѣщены въ главной залѣ, въ двухъ стеклянныхъ витринахъ.

Нашъ краткій обзоръ древностей Эллады конченъ. Теперь мы будемъ слѣдить постепенно и гораздо подробнѣе изъ книжки въ книжку за дальнѣйшими успѣхами археологіи на эллинскомъ Востокѣ. Пока мы должны были поневолѣ ограничиться материкомъ Эллады, такъ что нашъ обзоръ, собственно говоря, не соотвѣтствовалъ нашему заглавію. Успѣемъ ли мы когда-нибудь бросить взглядъ на недавнія судьбы археологіи и на островахъ и въ мірѣ греческихъ колоній — пока сказать не можемъ, но за дальнѣйшими ея успѣхами постараемся слѣдить по возможности равномѣрно на всемъ эллинскомъ Востокѣ.

А. Щукаревъ.

Кіевское отдѣленіе Общества классической филологіи и педагогики.

Въ теченіе второй половины 1891 года общество имѣло три засѣданія, не считая административныхъ по текущимъ дѣламъ.

Засѣданіе 7 ноября. 1) Докладъ проф. Сонни — Ovid. *Fast.* II 192 (Menaleam tactis ne lavet Arcton aquis). Подробной экзегезой референтъ выяснилъ неудобство чтенія tactis и предложилъ поправку — tacitis, оправдавъ ее палеографическими соображеніями. Членъ общества Ляхотинскій, соглашаясь съ доводами референта насчетъ необходимости исправить текстъ, предложилъ чтеніе castis, ссылаясь, между прочимъ, на употребленіе этого эпитета въ стихѣ 174. Эту поправку призналъ вполнѣ подходящей и самъ докладчикъ. 2) Проф. Кулаковскій сдѣлалъ сообщеніе

объ изслѣдованіи проф. Шварца «О государствѣ аѳинскомъ, сочиненіе неизвѣстнаго автора V вѣка». (Москва 1891). Представивъ общую характеристику этого новаго труда, посвященнаго памятнику, вызвавшему въ западно-европейской наукѣ столь обширную спеціальную литературу, референтъ подробно остановился на теоріи проф. Шварца и отстаивалъ тотъ взглядъ, что 'Α. π. есть цѣльное произведеніе одного автора, дошедшее до насъ съ пропусками и весьма немногими вставками. 3) Членъ общества Турцевичъ обратилъ вниманіе сочленовъ на вышедшую въ 1891 г. книгу Weise, Charakteristik der lateinischen Sprache и подробно ознакомилъ собраніе съ содержаніемъ первой главы этого сочиненія, представляющей наибольшій интересъ въ педагогическомъ отношеніи. 4) Проф. Кулаковскій познакомилъ сочленовъ съ содержаніемъ только что вышедшей первой книги журнала «Филологическое Обозрѣніе» и сдѣлалъ предложеніе о выпискѣ его въ библіотеку общества, каковое и было принято.

Засѣданіе 19 ноября. 1) Докладъ проф. Кулаковскаго — Hor. *Carm.* I, 28. Референтъ доказывалъ, что стихотвореніе это представляетъ не діалогъ, какъ принимается то многими комментаторами Горація, а монологъ, при чемъ подъ *me* въ стихѣ 22 поэтъ разумѣетъ себя самого. Рефератъ вызвалъ продолжительное обсужденіе, въ которомъ приняли участіе многіе изъ присутствовавшихъ членовъ. 2) Членъ общества Турцевичъ прочелъ «Нѣсколько словъ о princeps и principatus». Остановившись сначала на возникновеніи употребленія слова princeps въ значеніи «главы государства» и указавъ на тексты Цицерона, Цезаря, Горація, референтъ изложилъ затѣмъ теорію Моммзена. Утвержденіе послѣдняго, будто princeps есть республиканское понятіе и потому именно избрано было оно Августомъ для общаго обозначенія новой власти, въ титулатурѣ коей не могло по этому самому найти мѣста, референтъ ослаблялъ разными доводами и соображеніями. По его мнѣнію, уже въ самомъ началѣ императорскаго режима слово princeps утратило свой республиканскій характеръ. Обозначеніе терминомъ principatus режима первыхъ трехъ вѣковъ имперіи въ противоположность Діоклетіано-Константиновой монархіи, введенное даже въ руководства (Willems, Schiller), референтъ считаетъ по меньшей мѣрѣ неудобнымъ. 3) Членъ общества Анненскій представилъ подробный разборъ комментарія г. Цыбульскаго къ III пѣснѣ Иліады (изд. Георгіевскаго и Манштейна), указавъ на многія погрѣшности какъ въ общей его части, какъ и въ частныхъ объясненіяхъ.

Засѣданіе 5 декабря. 1) Докладъ проф. Леціуса — Hor. *Carm.* I, 3, 1—8. Разобравъ и сведя въ группы объясненія, какія даны были много-

численными комментаторами Горація, по поводу частицы *sic*, начинающей собою первые два стиха, референтъ доказывалъ, что ни одно объясненіе не устраняетъ всѣхъ трудностей этого текста. 2) Членъ общества Поспишилъ прочелъ разборъ конкурснаго сочиненія ученика Грабовскаго (переводъ и комментарій рѣчи Исократа κατὰ τῶν σοφιστῶν) и предлагалъ присудить автору почетный отзывъ. 3) Проф. Лецiусъ изложилъ нѣсколько критическихъ замѣчаній о книгѣ г. Скворцова: «О надлежащемъ приготовленіи учителей гимназіи».

Отчетъ о дѣятельности Кружка преподавателей древнихъ языковъ въ Москвѣ въ 1891—1892 ак. году.

Засѣданіе 12 октября 1891 г.

Э. В. Черный прочиталъ замѣтку «О преподаваніи греч. синтаксиса въ V и VI классахъ гимназій на основаніи новыхъ учебныхъ плановъ».

По новымъ учебнымъ планамъ систематическое прохожденіе греч. синтаксиса полагается въ VI классѣ, а въ V кл. рекомендуется проходить синтакс. правила лишь примѣнительно къ чтенію авторовъ. Но среди отдѣловъ синтаксиса, назначенныхъ для VI класса, не показано очень многихъ отдѣловъ (пропущено, напр., согласованіе, употребленіе члена, прилагательныхъ, падежей, залоговъ, косвенной рѣчи, предложеній цѣли, слѣдствія и др.), которые такимъ образомъ должны быть пройдены въ V классѣ въ 2-ое полугодіе, что̀, даже при «примѣнительномъ» прохожденіи, является невозможнымъ при двухъ нед. урокахъ, назначенныхъ планами на грамматику. Поэтому референтъ, полагая, что, пока на переводныхъ испытаніяхъ въ VI классѣ по греч. яз. будетъ требоваться переводъ съ русскаго яз., до тѣхъ поръ нельзя ограничиваться случайнымъ упоминаніемъ важныхъ для такого перевода отдѣловъ синтаксиса, предлагалъ ввести систематическое изученіе греч. синтаксиса со 2-го полугодія V класса.

Присутствовавшіе (въ числѣ 14) на засѣданіи члены Кружка, находя труднымъ, при двухъ нед. урокахъ, начинать систематическое изученіе греч. синтаксиса съ V кл., сочли вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ строго и точно выдѣлить наиболѣе важныя правила изъ всѣхъ отдѣловъ греч. синтаксиса, съ сокращеніемъ противъ того, что требуется для чтенія авторовъ, и систематически знакомить учениковъ VI класса только съ этими правилами. Комиссія, въ которую вошли преподаватели: В. Г. Аппельротъ, А. С. Владимірскій, С. А. Радецкій и Г. А. Фишеръ, взяла на себя трудъ выработки въ этомъ смыслѣ програмы по греч. синтаксису для VI класса.

Засѣданіе 23 ноября 1891 г.

Послѣ распорядительнаго засѣданія выслушаны были: докладъ комиссіи, учрежденной на предшествующемъ засѣданіи, и выработанная ею программа.

По обсужденію этого доклада, большинство членовъ Кружка (присутствовало 25 членовъ) пришли къ тому заключенію, что при существующемъ распредѣленіи учебнаго времени не представляется возможности основательно проходить греч. синтаксисъ въ V и VI классахъ, находя, что для изученія греческаго синтаксиса въ томъ объемѣ, который необходимъ для разумнаго и основательнаго пониманія греч. авторовъ, требуется три полугодія, при чемъ въ первое полугодіе на грамматику съ упражненіями должно быть назначено 3 урока, а въ два другія полугодія — 2 урока въ недѣлю.

Послѣ этого предсѣдатель, указавъ на то, что положенное учебными планами чтеніе Ксенофонта во второе полугодіе IV класса не достигаетъ своей цѣли, такъ какъ ученики приступаютъ къ чтенію его безъ достаточнаго знанія грамматики, не ознакомившись основательно даже съ греч. этимологіей, кромѣ того читается онъ обыкновенно въ IV кл. въ ничтожномъ объемѣ, а между тѣмъ отнимаетъ время отъ грамматики, — высказалъ мнѣніе, что было бы цѣлесообразнѣе въ IV классѣ не читать Ксенофонта, а употреблять всѣ пять уроковъ въ оба полугодія на прохожденіе грамматики вмѣстѣ съ чтеніемъ хрестоматіи. Всѣ члены Кружка согласились съ мнѣніемъ предсѣдателя.

Въ виду выяснившихся потребностей, Кружокъ поручилъ предсѣдателю ходатайствовать передъ учебнымъ начальствомъ о разрѣшеніи провести въ школьную практику оба вышеуказанныя измѣненія въ учебныхъ планахъ.

Засѣданіе 21 декабря 1891 г.

Предсѣдатель сообщилъ, что попечителемъ Московскаго округа изданъ циркуляръ о томъ, чтобы 1) всѣ пять уроковъ греческаго яз. въ IV классѣ употреблять на грамматику съ чтеніемъ хрестоматіи и письменными упражненіями, предоставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ педагогическимъ совѣтамъ, при особо счастливомъ составѣ IV класса, разрѣшать во 2-е полугодіе чтеніе Анабасиса и 2) во 2-мъ полугодіи V класса посвящать на чтеніе Гомера лишь 3 урока, а остальные 3 употреблять на прохожденіе греч. синтаксиса съ упражненіями.

Г. А. Фишеръ прочелъ рефератъ: «Plat. *Apol.* 17с (*οὐδὲ γὰρ ἂν δήπου — εἰς ὑμᾶς εἰσιέναι*). Опытъ генетическаго объясненія».

Если принять въ соображеніе тѣ измѣненія, которыя были вызваны въ указанномъ мѣстѣ требованіями стилистики и реторики, то можно возста-

новить въ точности слова высказанной Платономъ мысли въ томъ видѣ, который они имѣли до этой стилистической и реторической обработки. Возстановивъ на этомъ основаніи первоначальный текстъ (разбираемому тексту, по мнѣнію реф., предшествовалъ другой въ такомъ видѣ: οὐδὲ γὰρ ἂν δήπου οὕτω πρέποι, ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, ἐμοὶ τηλικῷδε ἀπολογεῖσθαι κεκαλλιεπημένοις λόγοις, ῥήμασί τε καὶ ὀνόμασι, καὶ κεκοσμημένοις, ὥσπερ πρέποι ἂν μειρακίῳ χρωμένῳ κεκαλλιεπημένοις λόγοις, ῥήμασί τε καὶ ὀνόμασι, καὶ κεκοσμημένοις), мы получаемъ очень неприглядный въ стилистическомъ и реторическомъ отношеніи періодъ, но за то въ грамматическомъ отношеніи онъ будетъ совершенно прозраченъ. Если сопоставить этотъ необработанный текстъ съ тѣмъ, который читается у Платона во всѣхъ изданіяхъ и рукописяхъ, то дѣлается яснымъ, что 1) τῇδε τῇ ἡλικίᾳ почти тоже, что ἐμοὶ τηλικῷδε; 2) τῇδε τῇ ἡλικίᾳ зависитъ отъ πρέποι ἄν; 3) μειρακίῳ и πλάττοντι зависитъ отъ пропущеннаго πρέποι ἄν; 4) πλάττοντι причастіе сред. р.; 5) пропущенное πρέποι ἂν сочиняется здѣсь съ причастіемъ; 6) слова ἄνδρες, ἡλικίᾳ, μειρακίῳ Платонъ поставилъ подъ рядъ, одно за другимъ, сознательно и порядокъ ихъ не дѣло случая, а имѣетъ свое значеніе; 7) слова ὥσπερ μειρακίῳ πλάττοντι λόγους поставлены между двумя небольшими паузами и произносились нѣсколько быстрѣе прочихъ, съ незначительнымъ измѣненіемъ интонаціи.

Такое объясненіе вызвало возраженіе среди присутствовавшихъ членовъ: нѣкоторымъ оно казалось искусственнымъ и не соотвѣтствующимъ художественной простотѣ платоновскаго языка; указывали, между прочимъ, на то, что вся трудность исчезаетъ, если приведенныя слова Сократа не относить къ его личности, а понимать въ общемъ смыслѣ; я, говоритъ онъ судьямъ, не буду щеголять передъ вами реторически фразами, да и вообще «человѣку въ такихъ лѣтахъ не прилично вѣдь было бы предстать передъ вами уподобляясь юношѣ, подбирающему слова (чтобы рѣчь выходила связной)».

С. И. Любомудровъ прочелъ докладъ «О книжкахъ Н. Скворцова: a) Объ организмѣ гимназіи и b) О надлежащемъ приготовленіи учителей гимназіи».

Изложивъ содержаніе обѣихъ книжекъ и отмѣтивъ нѣкоторую односторонность и теоретичность взглядовъ г. Скворцова, референтъ указалъ на слѣдующія его положенія, которымъ, на взглядъ референта, принадлежитъ будущность: 1) господствующимъ факторомъ гимназическаго ученія долженъ быть ученикъ; 2) въ преподаваніи должно быть наблюдаемо строгое единство общей методы съ примѣненіемъ ея къ возрасту учащихся; 3) возможно

большее число учебныхъ предметовъ въ классѣ должно быть сосредочено въ рукахъ одного учителя; 4) учитель, кромѣ общаго научнаго образованія, долженъ обладать надлежащей педагогической подготовкой.

Оживленную бесѣду вызвалъ четвертый пунктъ; нѣкоторые члены выражали желаніе, чтобы до основанія учительскихъ семинарій университеты (гл. обр. филог. фак.) взяли на себя задачу подготовки будущихъ учителей, другіе находили эту задачу несоотвѣтствующей идеѣ университетскаго преподаванія.

А. В. Адольфъ сдѣлалъ сообщеніе о брошюрѣ Шиллера: Hausarbeit und Schularbeit[1]).

Изложивъ содержаніе брошюры и, безусловно соглашаясь съ даннымъ авторомъ ея опредѣленіемъ и разъясненіемъ «интенсивнаго метода преподаванія», референтъ съ особенной подробностью остановился на идеѣ концентраціи въ преподаваніи древнихъ языковъ, требующей, чтобы всѣ упражненія и грамматика примыкали къ чтенію авторовъ. Находя требованія Шиллера въ значительной мѣрѣ согласными съ духомъ нашихъ учебныхъ плановъ и приложимыми къ нашимъ гимназіямъ, референтъ указывалъ на особую цѣнность этихъ требованій именно въ настоящее время, когда — не говоря уже о грамматикѣ, завоевавшей себѣ прочное мѣсто, какъ самостоятельный предметъ преподаванія — къ эмансипаціи стремятся и комментаріи къ древнимъ авторамъ (ставшие теперь обязательнымъ пособіемъ). Послѣднее обстоятельство, на взглядъ референта, представляетъ особую опасность, ибо въ большинствѣ случаевъ эти комментаріи, безъ всякой мѣры сообщая ученику свѣдѣнія изъ различныхъ областей знанія, оторваны при этомъ отъ почвы, то-есть текста автора, лишены единства и представляютъ собою какую-то энциклопедическую науку, грозящую внести полную «децентрацію», упразднить личность учителя и погубить основную цѣль изученія древнихъ языковъ, — чтеніе самихъ классич. авторовъ (а не комментаріевъ къ нимъ).

Кружокъ сочувственно отнесся къ требованіямъ Шиллера, но высказано было, между прочимъ, опасеніе, что изученіе грамматики на текстѣ авторовъ нанесетъ ущербъ чтенію послѣднихъ, которые рискуютъ стать лишь матеріаломъ для вывода грамматическихъ правилъ. На это реф. отвѣтилъ, что настоящее чтеніе авторовъ (въ среднихъ классахъ) начинается тогда, когда этимологія и главныя синт. правила уже усвоены учениками, и при чтеніи авторовъ придется дополнять сравнительно немного, если только отмѣчать новыя явленія, а правила, обобщающія ихъ, можно проходить потомъ и по учебнику, чтò рекомендуетъ и Шиллеръ.

[1]) Рефератъ объ ней помѣщенъ въ «Филол. Обозр.», т. I, отд. 2, стр. 181.

Засѣданія 11, 18 и 19 января и 8 февраля 1892 г.

Разсматривался и обсуждался проектъ распредѣленія латинскаго и греческаго синтаксисовъ по классамъ гимназій, составленный В. Д. Исаенковымъ. Въ послѣднемъ засѣданіи избранъ въ почетные члены Кружка членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія Николай Михайловичъ Благовѣщенскій.

Засѣданіе 29 февраля 1891 г.

А. Н. Быковъ прочелъ рефератъ: «Какія данныя сравнительнаго языкознанія могутъ быть сообщаемы ученикамъ гимназій?»

Примѣненіе данныхъ сравнительнаго языкознанія въ гимназіи не должно выходить изъ области изучаемыхъ въ гимназіи языковъ. Оно очень полезно въ этимологіи: изученіе формъ дѣлается болѣе сознательнымъ, замѣчается общность явленій въ изучаемыхъ языкахъ и облегчается запоминаніе формъ. Важно знаніе корня, различеніе словообразовательныхъ тематическихъ суффиксовъ съ ихъ морфологическими измѣненіями и префиксовъ, сравненіе аналогичныхъ явленій, напр., въ яз. греч. и слав., греч. и лат., наконецъ объясненіе фонетическими законами фактовъ, представляющихъ, повидимому, уклоненіе отъ «правила». Свои положенія референтъ разъяснялъ соотвѣтствующими примѣрами.

Во время преній сдѣланы были возраженія въ томъ смыслѣ, что сравнительное языкознаніе въ школьной этимологіи можетъ быть весьма опасно: трудно тутъ найти мѣру, многое не установлено еще и въ наукѣ, и является рискъ сообщенія ученикамъ ложныхъ свѣдѣній, и что сравнивать общія явленія языковъ можетъ быть полезнѣе въ области синтаксиса.

А. П. Ланговой сдѣлалъ сообщеніе о брошюрѣ М. Бреаля: «Древніе языки въ среднемъ образованіи», недавно переведенной на русскій яз.[1]).

Передавъ содержаніе первой, исторической части брошюры, референтъ съ особой обстоятельностью остановился на второй части, гдѣ авторъ разбираетъ всѣ виды школьныхъ упражненій и дѣлаетъ ихъ дидактическую оцѣнку, затѣмъ предостерегаетъ будущихъ учителей отъ ошибокъ: злоупотребленія ученостью, логикой, мелочностью требованій, наконецъ, даетъ будущимъ учителямъ указанія общаго свойства — о нравственныхъ качествахъ учителя. Послѣ чего референтъ указалъ на достоинства изложенія и цѣнность педагогическихъ взглядовъ Бреаля.

Докладъ вызвалъ оживленную и надолго затянувшуюся бесѣду. Указывали на рядъ прекрасныхъ мыслей, которыми полна брошюра, и которыми можно

[1]) Это сообщеніе въ сокращенномъ видѣ напечатано ниже во 2-мъ отд.

и нужно пользоваться въ школьной практикѣ тѣмъ болѣе, что эти мысли вполнѣ отвѣчаютъ новымъ запросамъ отъ классическаго образованія — воспитанію въ духѣ истиннаго гуманизма; указывали далѣе, что лекціи Бреаля поучительны по своему духу терпимости и уваженія къ серьезнымъ противникамъ классицизма, равно какъ и по своей консервативной тенденціи, по высокому взгляду на призваніе учителя и по теплому чувству къ учащимся дѣтямъ. Въ качествѣ главнаго недостатка отмѣчено было почти полное молчаніе о греческихъ авторахъ и объ ихъ великомъ образовательномъ значеніи.

Засѣданіе 30 марта 1892 г.

А. В. Адольфъ прочелъ рефератъ: «Янъ Амосъ Коменскій и его значеніе въ исторіи средней школы».

Не касаясь біографіи Коменскаго, референтъ остановился лишь на той сторонѣ его педагогической дѣятельности, которая имѣетъ отношеніе къ средней школѣ и, главнымъ образомъ, къ преподаванію языковъ. Рефератъ по своему содержанію состоялъ изъ двухъ частей.

Въ первой части послѣ характеристики латинскихъ (протестантскихъ) и іезуитскихъ школъ начала 17 вѣка съ ихъ дисциплиной, сводившейся на дрессировку и мертвеннымъ, схоластическимъ преподаваніемъ, имѣвшимъ дѣло со словами, а не съ предметами, — референтъ, отмѣтивъ нѣкоторыя попытки внести въ латинскія школы новую жизнь (Ратихій), перешелъ къ выясненію общаго смысла реформаторской дѣятельности Коменскаго, и подробно остановился на основныхъ принципахъ его педагогики, выраженныхъ въ его соч. «Didactica Magna», причемъ изложилъ его взглядъ на цѣли и характеръ воспитанія, назначеніе школъ, какъ «мастерскихъ гуманности», на ихъ организацію и на универсальность обученія. Вторая часть реферата посвящена была сначала изложенію рекомендуемыхъ Коменскимъ общихъ правилъ преподаванія: 1) съ вѣрнымъ успѣхомъ, 2) легкаго и пріятнаго, 3) основательнаго и 4) сокращеннаго и скораго (приведены были только наиболѣе важныя и примѣнимыя къ преподаванію языковъ), а затѣмъ выясненію основныхъ требованій Коменскаго при изученіи языковъ, которое, по его мысли, должно итти параллельно съ изученіемъ предметовъ. При этомъ референтъ остановился на проповѣди Коменскаго объ изгнаніи изъ школы классическихъ авторовъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ «учителей добродѣтели» Платона, Сенеки, Эпиктета) для преобразованія ее на началахъ истиннаго христіанства и выяснилъ причины такого исключительнаго взгляда. Наконецъ изложена была система руководствъ и пособій для изученія языковъ: Vestibulum, Ianua, Palatium, Thesaurus и соотвѣтствующія имъ четыре рода

пособій, и въ заключеніе разсмотрѣны написанныя самимъ Коменскимъ учебники: Vestibulum, Ianua, отдѣльный латинскій этимологическій словарь къ ней (Silva latinae linguae) и наконецъ Orbis pictus (въ его русскомъ переводѣ, 2-е изд. 1788 г.), при чемъ обращено было вниманіе на способъ, которымъ въ нихъ приведена въ исполненіе идея совмѣстнаго изученія словъ и вещей.

«Если теперь, такъ закончилъ референтъ свой очеркъ, послѣ общаго выясненія взглядовъ Коменскаго на преподаваніе языковъ и послѣ изложенія его дидактическихъ пріемовъ, мы спросимъ, что же осталось отъ Коменскаго для нашего времени, чѣмъ мы черезъ два съ половиной столѣтія послѣ него можемъ у него воспользоваться, то отвѣтъ на такой вопросъ вовсе не будетъ затруднителенъ. Руководящіе дидактическіе принципы Коменскаго до того просты и неоспоримы, что и теперь стоятъ и будутъ вѣчно стоять во всей своей силѣ, ибо они основаны на сущности человѣческаго интеллекта и необходимой связи человѣческаго мышленія съ объектами этого мышленія, подлежащими чувственному и духовному воспріятію; они затѣмъ основаны на первенствующемъ значеніи въ мірѣ человѣческомъ нравственныхъ принциповъ, безъ которыхъ всякое знаніе есть ничто; наконецъ, они имѣютъ въ виду идеальную цѣль, высокое призваніе человѣка, и поэтому разсчитаны на утилизацію всѣхъ силъ человѣка, всѣхъ задатковъ, вложенныхъ въ него Создателемъ. Разумѣется, и рѣчи быть не можетъ о примѣненіи къ нашему времени цѣликомъ всей системы Коменскаго; значительная ея часть, особенно практическая, стала уже достояніемъ исторіи, но все же и теперь его учебники служатъ превосходными образчиками «реальнаго метода», т. е. сочетанія реальнаго и формальнаго элементовъ, идеальныхъ цѣлей воспитанія съ практическими цѣлями обученія — все это, разумѣется, въ предѣлахъ тѣхъ средствъ, которыя были тогда въ его распоряженіи. У него мы и теперь можемъ поучиться, какъ составлять содержательныя фразы и статьи, какъ въ естественной послѣдовательности располагать учебный матеріалъ сообразно съ умственнымъ ростомъ учащихся, какъ развивать нравственныя чувства на сухомъ съ перваго взгляда и неблагодарномъ матеріалѣ, притомъ, что всего важнѣе, видимъ все это не въ абстрактной теоріи, а на реальныхъ образцахъ. Онъ поучителенъ даже и съ той стороны, которая теперь представляется странной намъ, воспитаннымъ на иныхъ понятіяхъ, нежели религіозные люди 17 вѣка. Какъ ни странно читать его пламенную проповѣдь объ изгнаніи изъ школы классическихъ авторовъ, но, на мой взглядъ, эта часть его «Дидактики» чрезвычайно поучительна, и чтеніе ея доставляетъ мнѣ истинное удовольствіе. Эти предостереженія, дѣлаемыя во имя

чистоты нравственнаго идеала, заставляютъ взглянуть серіознѣе на выборъ авторовъ, цѣлыхъ ихъ сочиненій или отдѣльныхъ партій, для чтенія въ нашихъ школахъ, наводятъ на мысли, напр. о томъ, не слишкомъ ли мы культивируемъ форму въ ущербъ содержанію и во имя этого культа исключаемъ изъ школы Тацита, Сенеку, Плутарха и цѣлый годъ сидимъ съ учениками надъ рѣчами Цицерона.

Но оцѣнивать Коменскаго только съ той спеціальной точки зрѣнія, которую я выбралъ для настоящаго реферата, значитъ не упомянуть и десятой доли его заслугъ передъ человѣчествомъ. Чтобы дать его общую оцѣнку, пришлось бы коснуться чуть ли не всей области педагогики: вездѣ онъ является реформаторомъ, всюду онъ вноситъ свѣтъ истинной гуманности.

И этотъ великій педагогъ-славянинъ, какъ это ни странно, былъ забытъ славянскимъ же міромъ. По крайней мѣрѣ въ Россіи Коменскій остается и до сихъ поръ мало извѣстнымъ. Русскій переводъ его «Дидактики», изданный въ 1877 году въ крайне ограниченномъ числѣ экземпляровъ[1]), совершенно разошелся и въ продажѣ не существуетъ; отдѣльныхъ оригинальныхъ сочиненій о Коменскомъ на русскомъ языкѣ нѣтъ; есть нѣсколько статей въ журналахъ, изъ которыхъ заслуживаетъ упоминанія рѣчь г. Миропольскаго[2]); изъ переводныхъ сочиненій есть книга Палацкаго о Коменскомъ[3]); можно указать на главу о Коменскомъ въ «Исторіи педагогики» Шмидта и въ «Исторіи воспитанія» Раумера — вотъ и все. Чуть ли не всякій нѣмецкій учебникъ, хотя бы на своей родинѣ онъ и прошелъ незамѣченнымъ, у насъ непремѣнно послужитъ или предметомъ обработки или источникомъ для какого-либо учебника и пособія. А «Ianua» и «Orbis» Коменскаго, выдержавшіе безчисленное количество изданій, воспитавшіе десятки поколѣній, внушавшіе къ себѣ любовь учащихся (а много ли теперь такихъ учебниковъ?) совершенно неизвѣстны нашимъ педагогамъ, между тѣмъ какъ въ этихъ старыхъ книжкахъ можно найти гораздо болѣе полезнаго (разумѣется, mutatis mutandis), нежели въ безсодержательныхъ «Книгахъ упражненій» нѣмецкихъ авторовъ. Словомъ Коменскій забытъ и забытъ незаслуженно, оттѣсненный нѣмцами. И только, можетъ быть, теперь, когда сами нѣмцы начали признавать въ немъ отца разумной и здравой педагогики, когда и мы какъ будто начинаемъ выбираться на самостоятельную дорогу и сомнѣваться въ спасительности одной «формальной культуры ума», унаслѣдованной отъ

[1]) Онъ печатался въ приложеніи къ журналу «Семья и Школа» за 1875—77 гг.
[2]) Напечатанъ въ журн. М. Н. Пр. 1871, май, іюнь, іюль.
[3]) Переводъ печатался въ Тр. Кіевской Дух. Акад. за 1869 г.

нѣмцевъ, можетъ быть, теперь мы вспомнимъ и по достоинству оцѣнимъ Коменскаго и, отправляясь отъ установленныхъ имъ дидактическихъ принциповъ, быть можетъ, создадимъ свой особый «реальный методъ» въ преподаванiи древнихъ языковъ и оригинальную русскую школу въ области народнаго образованiя, подобно тому, какъ уже создана русскими талантами оригинальная школа въ живописи и литературѣ».

В. Г. Аппельротъ прочиталъ рефератъ: «Объ экзаменахъ зрѣлости по древнимъ языкамъ».

На экзаменѣ зрѣлости ученикъ долженъ показать не только свои познанiя, но и умственную зрѣлость, которой онъ никогда не обнаружитъ въ шаблонныхъ отвѣтахъ по грамматикѣ и такъ наз. древностямъ и литературѣ: онъ докажетъ ими лишь свою память и, пожалуй, знанiе фактовъ, которые въ его представленiи иногда и не осмыслены. Особенно теперь, когда устный отвѣтъ грозитъ совершенно совпасть съ письменнымъ, надо подумать о его разумной постановкѣ; слѣдуетъ выкинуть изъ програмы экзамена всѣ мелочи и давать вопросы, постоянно исходя изъ текста автора, въ такой формѣ, чтобы ученикъ подумалъ, прежде чѣмъ сталъ отвѣчать. Нечего бояться, что этотъ экзаменъ займетъ много времени: если учитель будетъ довольствоваться, напр. двумя вопросами, онъ будетъ не продолжительнѣе нынѣшняго. Вообще этотъ экзаменъ слѣдуетъ поставить рацiональнѣе и, гдѣ много абитурiентовъ, раздѣлять испытанiя на два дня. Референтъ высказался при этомъ за уничтоженiе экзаменовъ въ прочихъ классахъ, кромѣ IV и VI, и за переводъ учениковъ на основанiи годовыхъ занятiй: тогда бы выгадалось время на болѣе основательное производство испытанiй зрѣлости. Подводя итогъ сказанному, референтъ указалъ на важное значенiе второй части въ отвѣтѣ ученика гимназiи, какъ воспитанника гуманитарной школы: въ нее должно входить разсужденiе, которое только и можетъ внести разумный элементъ въ испытанiе зрѣлости. Въ заключенiе референтъ привелъ два отрывка (изъ Xen. *Hell.* II 2, 10—15 и Hom. *Il.* VI 37—65), на которыхъ и постарался выяснить характеръ вопросовъ, соотвѣтствующихъ, на его взглядъ, экзамену зрѣлости.

По поводу этихъ desiderata было, между прочимъ, высказано мнѣнiе, что, какъ они ни важны, однако на практикѣ требуютъ большого ограниченiя, такъ какъ, разъ они станутъ болѣе или менѣе обязательными, они могутъ вызвать дрессировку, самую вредную въ педагогическомъ отношенiи, и свести все на одни слова, за которыми не скрывается никакого содержанiя; но члены Кружка безусловно согласились съ требованiемъ, чтобы вопросы на устномъ экзаменѣ зрѣлости не удалялись отъ текста автора.

Засѣданіе 25 апрѣля 1891 г.

С. И. Любомудровъ прочиталъ рефератъ: «О классномъ чтеніи Ксенофонтова Анабасиса».

Ограничиваясь четырьмя первыми книгами, какъ единственно пригодными для класснаго чтенія, референтъ указалъ на необходимость, какъ въ виду краткости времени, такъ и въ силу характера самого сочиненія, сдѣлать надлежащій выборъ читаемыхъ мѣстъ, который способствовалъ бы образованію цѣльнаго представленія. Избранныя партіи должны быть сгруппированы вокругъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ: Кира въ первой части, Клеарха и Ксенофонта — во второй. Коснувшись метода чтенія, референтъ настаивалъ на возможномъ ограниченіи реальныхъ толкованій, для того, чтобы они не подавляли содержанія, и предлагалъ связать съ чтеніемъ элементарное изученіе синтаксиса и упражненія въ видѣ обратныхъ переводовъ, метафразъ и т. п.

Мысли реферата и предложенный методъ чтенія Анабасиса встрѣчены были полнымъ сочувствіемъ со стороны членовъ Кружка какъ въ принципѣ, такъ и въ частностяхъ. Предложенный выборъ мѣстъ признанъ весьма удачнымъ, а способъ чтенія практичнымъ и согласнымъ съ требованіями новыхъ учебныхъ плановъ.

А. С. Владимірскій предложилъ на обсужденіе вопросы изъ области лат. грамм.: о fut. II при postquam и ut, о coni. potent. въ косв. рѣчи, объ inf. послѣ recusare, а также нѣсколько вопросовъ о правописаніи латинскихъ словъ.

VARIA.

— Текущій академическій годъ ознаменовался въ Россіи обиліемъ диссертацій по части классической филологіи, написанныхъ для соисканія ученыхъ степеней. Степень доктора получили: греческой словесности — А. Н. Шварцъ (въ Новоросс. ун.) за изслѣдованіе о [*Ξενοφῶντος*] *Ἀθηναίων πολιτεία*, С. И. Соболевскій (въ Моск. унив.) за соч. „Syntaxis Aristophaneae capita selecta", В. А. Шефферъ (въ Московскомъ унив.) за соч. „Аѳинское гражданство и народное собраніе", ч. I, и А. Н Деревицкій (въ Харьковскомъ универс.) за сочин. „О началѣ историко-литературныхъ занятій въ древней Греціи"; доктора философіи — А. Н. Гиляровъ (въ Спб. унив.) за соч. „Источники о софистахъ. Платонъ, какъ историч. свидѣтель"; магистра римской словесности — М. Крашенинниковъ (въ Спб. унив.) за сочин. „Римскіе муниципальные жрецы и жрицы"; магистра философіи А. Казанскій (въ Новоросс. унив.) за сочин. „Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи" и магистра исторіи и теоріи искусства — В. Мальмбергъ (въ Спб. унив.) за соч. „Метопы древне-греч. храмовъ".

— Коммиссіей, составленной въ историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго унив., премія Василія Петровича Боткина въ размѣрѣ 1200 р. присуждена проф. В. Ернштедту за соч. „Порфирьевскіе отрывки изъ атт. комедіи". Для слѣдующаго конкурса на премію В. П. Боткина комиссіей предложена тема: „Геродотова Скиѳія въ свѣтѣ результатовъ новѣйшей археологіи". Сочиненіе можетъ быть представлено или въ систематическомъ изложеніи, или въ видѣ подробнаго комментарія къ Геродотовой Скиѳіи.

— Съ настоящаго года лейпцигскимъ книгопродавцемъ Тейбнеромъ будетъ издаваться подъ редакціей Мюнхенскаго профессора К. Крумбахера спеціальный журналъ по византиновѣдѣнію подъ названіемъ „Byzantinische Zeitschrift". Журналъ будетъ носить международный характеръ. Статьи будутъ помѣщаться сначала на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, а затѣмъ предполагается ввести англійскій, итальянскій и новогреческій языки. Въ журналѣ обѣщали принимать участіе всѣ выдающіеся византинисты, въ томъ числѣ и русскіе ученые. Цѣна годового изданія въ 4-хъ выпускахъ (каждый около 10 печ. листовъ) — 20 марокъ.

— Въ одномъ изъ засѣданій Берлинская академія наукъ обсуждала вопросъ объ изданіи новаго Thesaurus linguae latinae, мысль о созданіи котораго, на основаніи самостоятельнаго изслѣдованія источниковъ, высказалъ еще Фр. Авг. Вольфъ. По предполагаемому плану, слова будутъ расположены въ Thesaurus въ алфавитномъ порядкѣ, за исключеніемъ собственныхъ именъ; въ него входятъ всѣ слова латин. яз., какъ литературнаго (до по-

ловины VII в. по Р. Х.), такъ и народнаго, всѣ *ἅπαξ λεγόμενα* и слова надписей; при каждомъ словѣ указывается его происхожденіе, употребленіе и исчезновеніе изъ языка, причемъ принимается во вниманіе и соединеніе его съ другими словами. Число сотрудниковъ опредѣлено въ 50 человѣкъ, а окончательная обработка матеріала поручается 10 лицамъ, при послѣдней редакціи руководителя, ежегодно докладывающаго о ходѣ работы коммиссіи, которая уже доводитъ о томъ до свѣдѣнія министерства. Десять томовъ этого словаря потребуютъ: 6 лѣтъ на собираніе матеріала и 12 лѣтъ на окончательную его обработку и печатаніе; издержки на первыя 6 лѣтъ — 140,000 мар., а на послѣднія 12 — 360,000 мар. (всего 500,000 м.). Академія считаетъ возможнымъ выполненіе этой работы, которая дастъ возможность историческаго изученія не только древне-латин., но и романскихъ языковъ и представитъ цѣлую энциклопедію древности, только при участіи государства, при руководствѣ корпораціи ученыхъ, а вышеуказанныя издержки представляются ей слишкомъ незначительными.

— Саломонъ Ренакъ въ октябрѣ 1891 г. узналъ въ небольшой терракоттѣ изъ собранія гр. де-Сартижъ (найдена въ Аѳинахъ) воспроизведеніе Праксителевскаго Діониса, описаннаго Каллистратомъ, *Ἔκφρασις* VIII; а нѣсколько раньше тотъ же типъ указанъ былъ Милани въ одной бронзовой статуэткѣ коллекціи г. Самбона: юный богъ стоитъ, слегка согнувъ въ колѣнѣ правую ногу и опираясь о тирсъ поднятой лѣвой рукой, а въ протянутой правой держитъ канѳаръ; голова его убрана плющемъ, черезъ лѣвое плечо перекинута небрида (шкура пантеры).

— Въ засѣданіи Берлинскаго археологич. общества, въ февралѣ 1891 г., Пухштейнъ прочелъ рефератъ о женскомъ помѣщеніи въ гомеровскомъ домѣ. По мнѣнію этого ученаго, изъ Одиссеи нельзя доказать существованія особаго женскаго помѣщенія въ нижнемъ этажѣ, тѣмъ болѣе, что по гомеровскому воззрѣнію *μέγαρον* есть собственно семейная зала, гдѣ у очага впереди всѣхъ занимаетъ мѣсто хозяйка дома. А что Пенелопа живетъ въ *ὑπερῷον*'ѣ, то это основывается на томъ, что какъ разъ къ тому времени, когда Одиссея получила свою послѣднюю отдѣлку, въ обыденной жизни совершилось раздѣленіе греческаго дома на гинэконитисъ и андронитисъ, и для перваго отведенъ былъ гипероонъ; лишь позднѣе гинэконитисъ изъ генероона перешелъ въ особый домъ съ отдѣльнымъ дворомъ (ср. дворецъ въ Тиринѳѣ). Въ Иліадѣ болѣе позднее представленіе, что жена живетъ въ гипероонѣ, выступаетъ лишь въ мѣстахъ, не признаваемыхъ за древнія и первоначальныя (*B* 513; *Π* 184). — Точно такое же вторженіе новыхъ взглядовъ можно видѣть и въ гомеровскомъ дворѣ, который былъ окруженъ комнатами, тогда какъ тиринѳскій имѣлъ ихъ только на одной сторонѣ. Вообще, повидимому, древне-гомеровскій домъ въ расположеніи двора, мегарона, спаленъ и кладовыхъ имѣлъ большое сходство съ женскимъ отдѣленіемъ тиринѳскаго дворца (ибо *α* 425 возникло изъ подражанія стихамъ *ξ* 5—6, а изображеніе дворца Пріама съ *θάλαμοι ἔνδοθεν αὐλῆς* въ Ζ 242 является позднѣйшимъ). Итакъ, надо отличать древне-гомеров. домъ — простое сооруженіе, по образцу микенскихъ по-

строекъ, и ново-гомеров. домъ съ гипероономъ и *θάλαμοι* справа и слѣва на дворѣ, вполнѣ согласный съ обще-греческою домовою постройкою историческаго времени; основная форма послѣдней должна была закончиться уже во время разцвѣта эпической поэзіи (см. Arch. Anz., 1891, I, p. 42 слд.).

— Наши свѣдѣнія объ этрусскомъ языкѣ значительно расширились благодаря находкамъ послѣдняго времени. При ближайшемъ разсмотрѣніи полотняныхъ лоскутьевъ, въ которыя завернуты были египетскія муміи изъ греко-римской эпохи, найденныя еще въ 1849 г. и съ 1859 года находящіяся въ Загребскомъ національномъ музеѣ, на нихъ оказался этрусскій текстъ. По предположенію вѣнскаго проф. Краля, эти лоскутья первоначально составляли большой полотняный свитокъ съ 12 столбцами текста, затѣмъ онъ попалъ въ качествѣ макулатуры въ руки египетскихъ бальзамировщиковъ, которые не глядя на текстъ порвали его на части. Найденный текстъ по количеству словъ представляетъ собою наибольшій изъ имѣющихся въ настоящее время памятниковъ этрусскаго языка; въ немъ 200 строкъ, въ которыхъ насчитывается слишкомъ 1200 словъ. По признанію спеціалистовъ, подлинность его стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Недавно также у Lago di Perugia (древняго Тразименскаго озера) открытъ этрусскій некрополь, въ которомъ найдены урны съ болѣе чѣмъ пятьюдесятью надписями.

— Въ Оксфордѣ 24 февраля сего года представлена была на греческомъ языкѣ комедія Аристофана „Лягушки“. Для этого случая былъ сдѣланъ англійскій переводъ комедіи и написана музыка.

— Московская школьная жизнь въ текущемъ учебномъ году ознаменовалась сценической постановкой 3 и 6 января сего года въ актовомъ залѣ Московской V гимназіи драмы Еврипида „Троянки“. Поставлена была не вся драма, а только главныя сцены. Женскія роли исполнялись воспитанницами женской классической гимназіи г-жи С. Н. Фишеръ, а мужскія — учениками VIII кл. Московской V гимназіи. Представленіе было дано при возможно полной античной обстановкѣ, причемъ музыка для хоровъ спеціально на этотъ случай была написана проф. консерваторіи А. Корещенко, а либретто для публики незнакомой съ греч. яз. служилъ также сдѣланный на этотъ случай переводъ сценъ изъ „Троянокъ“ г-жи О. Вейссъ. Все это вмѣстѣ, а также ансамбль исполненія, какого не достигали еще при прежнихъ представленіяхъ античныхъ драмъ въ московскихъ учебныхъ заведеніяхъ, сдѣлало представленіе „Троянокъ“ истиннымъ событіемъ въ жизни нашей классической школы.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

I. ОБЩІЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Что такое содержательная фраза и содержательная статья?

По поводу новыхъ латинскихъ хрестоматій, вызванныхъ учебными планами 1890-го года.

Основой и исходной точкой для всѣхъ классныхъ занятій и практическихъ упражненій по латинскому языку долженъ служить по новымъ учебнымъ планамъ латинскій текстъ связнаго содержанія. Фразы допускаются только на первыхъ порахъ изученія латинскаго языка, но и тутъ онѣ должны быть „непремѣнно содержательны“.

Содержательность фразъ до послѣдняго времени считалась въ школьной практикѣ излишнею роскошью. Самое слово „фраза“ въ обыкновенномъ разговорѣ давно уже стало синонимомъ безсодержательнаго набора словъ. Языкъ, это органическое цѣлое, пытались разложить на содержаніе и форму и послѣднюю клали въ основу первоначальнаго обученія, считали возможнымъ изучать сначала одни слова, символы предметовъ, и только потомъ, на дальнѣйшихъ ступеняхъ обученія, переходить къ самымъ предметамъ, для которыхъ слова эти служатъ только условными знаками. Языкъ съ перваго же разу преподносился ученикамъ въ видѣ какого-то мертваго и безполезнаго матеріала, въ видѣ вокабулъ и грамматическихъ формъ, а не въ видѣ живой рѣчи, имѣющей реальное содержаніе и служащей для выраженія мысли. Искусственно отнимая у обученія всякій интересъ и дѣлая его безцѣльнымъ въ глазахъ ученика, этотъ неестественный пріемъ имѣлъ много и другихъ печальныхъ послѣдствій. Говорятъ, что хрестоматія не есть кодексъ нравственныхъ правилъ или сводъ научныхъ данныхъ, что она представляетъ только средство въ воз-

можно краткій срокъ ознакомить ученика съ законами языка. Этимъ оправдываютъ пустоту фразъ и всевозможныя нелѣпости, въ нихъ заключающіяся. При такомъ взглядѣ предполагается, что вниманіе учениковъ будетъ сосредоточено на формѣ, что ученики и учитель не станутъ добиваться смысла, не станутъ вникать въ содержаніе. Но прежде всего ни одно представленіе не проходитъ чрезъ сознаніе безъ слѣда, и ложныя или нежелательныя представленія оставляютъ въ сознаніи и нежелательные слѣды. Разумное преподаваніе не допускаетъ и мысли, чтобы въ классѣ говорился вздоръ: всякое слово, всякая мысль, высказанныя въ классѣ, должны носить авторитетъ серьезности и правды; все, что дѣлается въ классѣ, должно не только въ цѣломъ, но и въ каждой мельчайшей подробности содѣйствовать основной воспитательно-образовательной цѣли. Что мы сказали бы объ учителѣ исторіи или географіи, который часть урока посвящалъ бы ознакомленію съ исторіей или странами, а часть удѣлялъ бы на разсказываніе небылицъ? Почему же только на урокахъ древнихъ языковъ допускаютъ пустыя и вздорныя мысли въ надеждѣ, что авось онѣ не лягутъ въ сознаніи ученика? Почему только здѣсь позволяется заниматься пустословіемъ, говорить слова, не вникая въ смыслъ? Въ хрестоматіи каждая мысль должна быть полезной, какъ и во всякомъ другомъ учебникѣ. Было бы очень желательно, чтобы каждая фраза давала знаніе или нравственный урокъ, но мы не рѣшаемся пока ставить для сборниковъ фразъ такія требованія. Дѣло въ томъ, что употребляемые у насъ сборники настолько неудовлетворительны, что простая содержательность фразъ была бы уже огромнымъ шагомъ впередъ. Гдѣ ужъ толковать о поучительности и положительной пользѣ, когда фразы эти не удовлетворяютъ даже элементарнымъ требованіямъ логики.

Въ самомъ дѣлѣ, въ простѣйшемъ видѣ фраза должна представлять собою предложеніе, т.-е. выраженное словами сужденіе, а сужденіе есть, какъ извѣстно, обозначеніе признаковъ предмета. Когда мы читаемъ, напр., „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“, то мы встрѣчаемъ фразы: „Изъ темнаго лѣсу выходитъ кудесникъ... волхвы не боятся могучихъ владыкъ... правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ... твой конь не боится опасныхъ

трудовъ..." Здѣсь или конкретнымъ предметамъ (кудесникъ, встрѣтившій Олега, Олеговъ конь) приписывается тотъ или иной, существенный или случайный признакъ, или совокупности однородныхъ предметовъ (понятія: волхвы, языкъ волхвовъ) приписывается признакъ существенный. Теперь забудемъ на время о существованіи „Пѣсни" и возьмемъ тѣ же фразы безъ контекста, самостоятельно. Абсолютно взятое слово „кудесникъ" уже будетъ не указаніемъ на конкретный предметъ, а родовымъ обобщеніемъ, понятіемъ, обнимающимъ всѣ однородные предметы. У насъ получается логическая нелѣпость: понятію приписывается признакъ совершенно случайный. Точно такъ же въ „Пѣсни" говорится о точно опредѣленномъ конѣ, а самостоятельно взятая фраза: „конь не боится опасныхъ трудовъ", не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на единичность и конкретность предмета: „конь" это понятіе родовое, а видовымъ и конкретнымъ оно дѣлается только тогда, когда фраза эта стоитъ въ контекстѣ, когда изъ предыдущихъ и послѣдующихъ словъ и мыслей мы заключаемъ, что здѣсь рѣчь идетъ о точно опредѣленномъ конѣ, а не о конѣ вообще. Наши сборники фразъ переполнены фразами, въ которыхъ единичные предметы называются словомъ, означающимъ родовое обобщеніе или понятіе о всей совокупности однородныхъ предметовъ. „Полководецъ ведетъ войско", „хозяйка имѣетъ корову", „зданіе высоко", „поле земледѣльца обширно", — въ подобныхъ фразахъ рѣчь идетъ объ отдѣльномъ „полководцѣ", объ одной какой-то „хозяйкѣ", объ одномъ „зданіи", „полѣ", а названія берутся прямо родовыя. Но единичный предметъ мы называемъ родовымъ именемъ только тогда, когда предметъ извѣстенъ слушателю, когда о немъ только что шла рѣчь. Если мы только-что говорили объ извѣстной хозяйкѣ, то наша фраза: „хозяйка имѣетъ корову", понятно; если же я ни съ того ни съ сего скажу: „хозяйка имѣетъ корову", то слова мои, не имѣя никакого реальнаго содержанія, поставятъ въ полный тупикъ слушателя. Что за хозяйка? кто она? гдѣ живетъ? и т. д. Я буду понятъ только тогда, если отвѣчу на всѣ эти вопросы, если съ помощью перечисленія многихъ признаковъ родовое понятіе „хозяйка" сдѣлаю единичнымъ представленіемъ объ одномъ, извѣстномъ

мнѣ и слушателю человѣкѣ. Но разъ слушатели или читатели суть жители разныхъ мѣстъ и никогда не переживали общихъ впечатлѣній, то, сколько бы ни прибавляли опредѣленій, мы все-таки не будемъ имѣть возможности дать родовому названію конкретное содержаніе. Дѣло не измѣняется, если мы говоримъ о многихъ предметахъ. Фраза: „враги бросаютъ оружіе“, только тогда будетъ содержательна, когда читатель въ точности будетъ знать, кто эти враги, когда чтеніе этой фразы возстановитъ въ его воображеніи конкретный эпизодъ битвы. Такимъ образомъ, вырывая фразу изъ контекста, мы беремъ только слова прежнія, а логическая роль этихъ словъ необходимо измѣняется уже самымъ процессомъ отдѣленія фразы отъ контекста: представленія обращаются въ понятія, предметы теряютъ свою конкретность, а признаки остаются тѣ же и принадлежащее единичному предмету навязывается цѣлому роду. Иные учебники почти сплошь состоятъ изъ такихъ логически несостоятельныхъ фразъ. Употребленіе родовыхъ понятій вмѣсто конкретнаго обозначенія точно опредѣленныхъ предметовъ, соединенное съ указаніемъ частнаго признака,— это главнѣйшая причина безсодержательности фразъ. Но слишкомъ случайные признаки неумѣстны даже и тогда, когда обозначеніе предмета сдѣлано логически правильнымъ способомъ. Тутъ нарушаются требованія чисто педагогическія. Ученику, который только что учится сознательно различать предметы, нужно видѣть признаки, если не существенные, то во всякомъ случаѣ рѣзкіе, характеризующіе предметъ. Если же мы, скрывая рѣзкіе признаки, указываемъ только случайные и неважные, то мы даемъ ученику ложное освѣщеніе предмета и неправильное о немъ понятіе. Неужели, говоря, напр., о такомъ исключительномъ признакѣ „моряка“, какъ любовь его къ сраженіямъ, мы уясняемъ ученику смутное для него понятіе „морякъ“? Чѣмъ исключительнѣе признакъ, приписываемый предмету, тѣмъ безсодержательнѣе фраза. Составители сборниковъ изъ желанія втиснуть въ фразу излюбленныя слова доходятъ иной разъ до настоящей виртуозности въ придумываніи всякихъ казусовъ. Подумайте, какъ часто въ жизни человѣчества бывалъ, напр., такой казусъ, что „господинъ разсказывалъ рабамъ о смѣлости моряковъ“! Но мы считаемъ неумѣстными въ сбор-

никахъ не только эти казусы, но и всякое обозначеніе частныхъ и случайныхъ признаковъ. Выборъ такихъ признаковъ дѣло произвола и обыкновенно ни на чемъ не основанъ. Странно преподносить ученику такую, напр., „истину“, что „жители Галліи имѣютъ оружіе“, если онъ не знаетъ другихъ признаковъ Галліи, которые гораздо существеннѣе. Мало ли кто еще имѣетъ оружіе! мало ли въ Галліи предметовъ болѣе интересныхъ и важныхъ, чѣмъ какое-то „оружіе“ ея жителей! Игнорировать важное и указывать ничтожную мелочь значитъ говорить пустяки. Съ другой стороны, нельзя назвать иначе, какъ пустословіемъ, и такія, напр., фразы: „Днемъ бываетъ свѣтло“; „мы живемъ на землѣ“; „птицы летаютъ“; „огонь горячъ“ и т. п. Какъ ни малъ еще дѣтскій кругозоръ, но и для дѣтей уже нѣкоторыя истины донельзя очевидны, такъ что констатированіе ихъ является совершенно безцѣльнымъ. Избѣгая подобныхъ труизмовъ, мы, разумѣется, должны избѣгать и такихъ фразъ, которыя превышаютъ умственное развитіе учениковъ. Ученикамъ перваго класса безполезно было бы и объяснять такія, напр., положенія, что „чернь легковѣрна“, что у германцевъ добрая нравственность поддерживалась не столько законами, сколько обычаями и т. д. Кромѣ того фразы не должны заключать въ себѣ неправильныхъ обобщеній („жители берега моряки“; „богатые несчастны“ и т. д.), неосновательныхъ противоположеній („греки больше любили маленькій Делосъ, чѣмъ плодородный Египетъ“), тавтологій, путаницы между понятіями („растенія украшаютъ лѣсъ“, „растенія и травы украшаютъ землю“ и т. п.), одностороннихъ выводовъ и другихъ логическихъ ошибокъ.

Кромѣ логической несостоятельности, фразы грѣшатъ обыкновенно и противъ педагогическихъ требованій. Содержаніе ихъ бываетъ обыкновенно вымышленнымъ. Кромѣ прямого вымысла сюда принадлежатъ и тѣ случаи, гдѣ вымыселъ явился искусственнымъ путемъ — вслѣдствіе выдѣленія фразы изъ контекста. Въ самомъ дѣлѣ, если фразу лишить ея конкретной обстановки, оторвать отъ предыдущихъ и послѣдующихъ мыслей, поясняющихъ ее и дающихъ ей фактическое содержаніе, то фраза перестанетъ быть указаніемъ на фактъ и получитъ всѣ признаки прямого вымысла. Фраза: „воины сражались храбро“,

пока была въ контекстѣ, въ исторической статьѣ, имѣла значеніе фактическое, указывала на дѣйствительно гдѣ-нибудь бывшее сраженіе, но, разъ мы ее оторвали отъ текста, она потеряла всѣ признаки фактичности и стала вымысломъ. Сборники бываютъ переполнены такими фразами, искусственно пріобрѣтшими характеръ вымысла. Удобно ли въ школьномъ дѣлѣ подобнаго рода содержаніе фразъ и можно ли даже назвать такія фразы содержательными? Конечно, нѣтъ. Правда, вся поэзія основана на вымыслѣ, но тамъ, во-первыхъ, вымыселъ долженъ быть непремѣнно правдоподобнымъ, а во-вторыхъ, поэзія не имѣетъ ничего общаго со школьными фразами. Поэзія пользуется вымысломъ для идеальнаго воспроизведенія жизни, для созданія картинъ и образовъ, и результатомъ являются поэтическія произведенія, имѣющія каждое свое особое содержаніе и особую идею. Но какой смыслъ имѣла бы куча вымышленныхъ мелочей, если бы изъ нихъ нельзя было создать одного цѣлаго, если бы онѣ не служили для созданія картинъ и произведеній? Безцѣльный вымыселъ фразъ вноситъ въ сознаніе ученика огромную массу ложныхъ свѣдѣній, невѣрныхъ представленій, неправильныхъ положеній. Ученикъ самъ не умѣетъ еще отличить вымысла отъ правды и принимаетъ за нее вымыселъ. Безцѣльный вымыселъ мало чѣмъ отличается отъ лжи, а что сказать о такомъ обученіи, которое ведется съ помощью матеріала, сообщающаго ученикомъ завѣдомо ложное? Прочтите нѣсколько страницъ любого сборника фразъ и вы сразу очутитесь среди какого-то фантастичнаго міра, ничего не имѣющаго общаго съ дѣйствительностью. Тутъ вы встрѣтите и прямо невѣрныя свѣдѣнія, особенно же изъ области исторіи; тутъ васъ будутъ увѣрять, что „дождь вредитъ розамъ“, что „раки живутъ на землѣ“, что рыбаки постоянно живутъ на волнахъ, что тучи на Альпахъ „имѣютъ мѣстопребываніе“, и т. д. Если вѣрить сборникамъ, то оказывается, что мы живемъ среди всѣхъ ужасовъ рабства и пиратства, что лѣса наши кишатъ дикими звѣрями, которые то и дѣло поѣдаютъ „коровъ земледѣльцевъ“, что города наши украшены храмами „боговъ и богинь“, а „острова статуями“, что сады „нашихъ земледѣльцевъ“ усажены розами, что мы приносимъ жертвы своимъ богамъ и т. д. Вся обстановка

древняго міра причудливо переплетается съ нашей дѣйствительностью. Мало того, передъ нами фигурируетъ вся та масса людей и народовъ, о которой говоритъ исторія. Оказывается, что Крезъ еще живъ и „имѣетъ большое богатство“, что „римляне осаждаютъ города галловъ“, что греки и теперь все „сражаются съ македонянами“, что „карѳагеняне имѣютъ множество кораблей“, что вмѣсто англичанъ господствуетъ въ Индіи Александръ Македонскій, что персы сражаются не пушками и ружьями, а „стрѣлами и копьями“, и т. д. Кромѣ подобныхъ грубыхъ анахронизмовъ въ сборникахъ выдумывается огромная масса фантастичныхъ событій, немыслимыхъ фактовъ, невѣрныхъ дѣйствительности положеній. „Пѣхотинцы“ наши вѣчно сражаются, „флотъ нашъ“ терпитъ бури, мы ежечасно только и дѣлаемъ, что разоряемъ страны и избиваемъ жителей, „наши полководцы“ вѣчно ободряютъ солдатъ, „легіоны строятъ валъ“, жители ловятъ пиратовъ и т. д. Сколько лжи и нелѣпостей вынесетъ ученикъ изъ этого фантастичнаго калейдоскопа, если его не увѣрить, что все это пишется въ книгѣ „нарочно“, что все это выдумки, что его дѣло заучивать формы, а не придираться къ смыслу! Къ такимъ же невѣрнымъ дѣйствительности фразамъ относятся въ сборникахъ и тѣ, гдѣ фигурируютъ мѣстоименія „я“ и „мы“ или „ты“ и „вы“, а сказуемое указываетъ на дѣйствіе или признакъ, вовсе не свойственный дѣтямъ. Ученикъ говоритъ о „своемъ“ сынѣ, о „своихъ“ дочеряхъ, о своихъ собственныхъ домахъ, которые будто „всегда открыты для бѣдныхъ“; онъ патетично восклицаетъ, что всю жизнь свято служилъ отечеству, онъ знаетъ толкъ въ „старомъ и новомъ винѣ“, онъ торопитъ куда-то моряковъ, говоритъ рѣчи „земледѣльцамъ“, разспрашиваетъ господина, „гдѣ его рабы“, совѣтуетъ своимъ школьнымъ друзьямъ „украшать золотомъ храмы“, освѣдомляется у нихъ, не „участвовали ли они въ томъ сраженіи“, и т. д. Все это умѣстно въ устахъ не дѣтей, а лицъ иного возраста, иныхъ профессій и положеній. Но фраза остается безсодержательною и тогда, если при подлежащемъ „я“ или „мы“ указывается дѣйствіе, возможное для ученика. Если иной ученикъ, читая фразы: „мой братъ боленъ“, „я вижу земледѣльца и его жену“, скажетъ, дѣйствительно, правду, все-таки у тысячи другихъ учениковъ

братья здоровы, тысячи другихъ учениковъ не видятъ изъ класснаго окна никакого „земледѣльца“ и никакой „жены“. Безсодержательны и тѣ фразы, гдѣ говорится о какомъ-то фантастичномъ второмъ лицѣ, которому приписываются самыя неожиданныя свойства и дѣйствія. Въ классѣ сидятъ ученики и учитель; къ кому же обращается ученикъ, восклицающій, напр.: „я справедливъ, а ты несправедливъ“? Изучать второе лицо спряженій можно не иначе, какъ на сентенціяхъ и пословицахъ, гдѣ второе лицо употреблено для обобщенія. Составители сборниковъ любятъ выводить во фразахъ учителей и учениковъ, но дѣлается это всегда въ самомъ неестественномъ, фальшиво сантиментальномъ тонѣ: при переводѣ такихъ фразъ дѣлается какъ-то неловко и учителю, и ученикамъ. Такимъ образомъ сборники не только даютъ ученикамъ ложныя свѣдѣнія и безцѣльный вымыселъ, но и самихъ учениковъ учатъ говорить о себѣ неправду. Но педагогическимъ требованіямъ фразы не удовлетворяютъ иногда и въ другомъ отношеніи. Онѣ должны беречь нравственное чувство дѣтей, а межъ тѣмъ толковать о рабахъ и рабыняхъ, о наказаніяхъ и бичахъ любимое дѣло составителей сборниковъ, гдѣ мы встрѣчаемъ даже такія фразы: Vinciemus malos servos — это дѣти-то будутъ заковывать злыхъ рабовъ! Еще чаще толкуется въ сборникахъ объ „умерщвленіяхъ“, „убіеніяхъ“, „избіеніяхъ“ и т. д.; людскія отношенія представляются въ видѣ постоянныхъ „взятій“, „опустошеній“, „сраженій“ и т. д. Очень много фразъ берется обыкновенно изъ историческихъ сочиненій. Выборъ такихъ фразъ — дѣло очень трудное, особенно если онѣ предназначаются для дѣтей, еще не учившихся исторіи. Историческая фраза содержательна для читателя только въ томъ случаѣ, если онъ хорошо знакомъ съ той исторической обстановкой, среди которой совершается указанный фактъ. Переводить историческія фразы можно не иначе, какъ вводя учениковъ въ эту историческую обстановку. Встрѣтивъ фразу: „Дарій былъ побѣжденъ Александромъ“, учитель долженъ указать время, мѣсто, поводъ и причину факта, сообщить, кто такое Дарій и Александръ и — самое главное — выяснить ученикамъ понятія „македонская держава“ и „царство персидское“. А выяснить ихъ значитъ не только указать по картѣ (это не гео-

графическіе термины, а политическіе организмы, имѣвшіе исторію), но и прослѣдить возникновеніе этихъ монархій. Очевидно, подобная работа не совсѣмъ умѣстна на латинскомъ урокѣ. Исходъ одинъ — не брать историческихъ фразъ, если онѣ касаются единичныхъ фактовъ. Если учитель не даетъ объясненій, то въ такихъ фразахъ реальное содержаніе имѣетъ для учениковъ только признакъ, приписываемый какимъ-то предметамъ; ученикъ узнаетъ, что „сражались", „поражали", „возвращались", „вторгались" и т. д., а названія предметовъ не вызываютъ въ немъ никакихъ представленій. Знать же, что люди могутъ „сражаться", „возвращаться" и т. д., вовсе не значитъ — знать историческіе факты. Фактическое содержаніе имѣютъ эти фразы только для насъ, знающихъ исторію; такое же содержаніе онѣ имѣли и тогда, когда были въ контекстѣ, въ статьѣ историческаго содержанія. Если же ученикъ не видитъ контекста и не можетъ на основаніи своихъ историческихъ знаній представить фактъ во всей его конкретной формѣ, со всѣми предшествующими и послѣдующими обстоятельствами, то историческая фраза для него является лишенной историческаго содержанія и ученикъ видитъ только то, что какому-то неизвѣстному предмету приписывается случайный признакъ. Другое дѣло — фразы, иллюстрирующія бытъ, нравы, обычаи, вѣрованія и понятія народа: онѣ вполнѣ пригодны для хрестоматій, но и тутъ учитель обязательно долженъ дать ученикамъ понятіе о всякомъ народѣ и всякой мѣстности, упоминаемой въ фразѣ. Такія фразы могутъ быть содержательны и безъ контекста, потому что онѣ означаютъ дѣйствія, многократно повторявшіяся и не состоящія въ неразрывной связи съ цѣпью другихъ историческихъ фактовъ. Есть еще третій родъ историческихъ фразъ — это фразы біографическаго характера. Въ хрестоматіяхъ онѣ всегда безсодержательны. Существуетъ особый шаблонъ для ихъ составленія: берется имя и потомъ прибавляется прилагательное, означающее неопредѣленно превосходную степень, въ соединеніи съ нарицательнымъ („поэтъ", „ораторъ", „полководецъ" и т. д.) или безъ него. Каждая хрестоматія считаетъ своею обязанностью съ первыхъ же поръ дать ученику огромную коллекцію такихъ прилагательныхъ („великій", „величайшій", „превосходный",

„выдающійся“, „славный“, „знаменитый“, „извѣстный“ и т. д.), совершенно неумѣстныхъ въ первое время обученія языку, потому что все это синонимы, въ которыхъ трудно разобраться и которые не имѣютъ никакого реальнаго содержанія, такъ какъ указываютъ на высшую степень, не указывая самаго признака. Да и понятія „поэтъ“, „ораторъ“ — вовсе не дѣтскія: дѣти думаютъ, что поэтъ это тотъ, кто пишетъ стихи, а ораторъ — кто много говоритъ.

Такимъ образомъ для содержательности фразъ, мы думаемъ, можно установить слѣдующія требованія:

1. Единичные предметы и частныя понятія не должны означаться словомъ, указывающимъ только на родовое понятіе.

2. Сказуемое не должно приписывать предмету признаковъ случайныхъ.

3. Фразы не должны, съ одной стороны, превышать умственнаго развитія учениковъ, съ другой — не должны заключать и такихъ истинъ, которыя даже для дѣтей перваго школьнаго возраста давно уже стали донельзя очевидными.

4. Фразы не должны заключать неправильныхъ обобщеній, неосновательныхъ противоположеній, путаницы понятій и другихъ логическихъ ошибокъ.

5. Фраза должна давать истинныя свѣдѣнія.

6. Содержаніе фразъ не должно противорѣчить дѣйствительности.

7. Фразы должны беречь нравственное чувство дѣтей.

8. Фразы не должны касаться единичныхъ историческихъ фактовъ, непонятныхъ безъ ихъ исторической обстановки.

Эти требованія касаются самаго содержанія, но и форма въ школьномъ дѣлѣ важна. Изученіе латинскаго языка имѣетъ между прочимъ и ту цѣль, чтобы научить учениковъ свободно владѣть своею рѣчью. Каждый школьный урокъ долженъ между прочимъ быть и урокомъ русскаго языка. Если ужъ въ разговорной рѣчи ученика учитель долженъ поправлять каждое неудачное выраженіе и слѣдить за малѣйшими ошибками, то что сказать послѣ этого объ учебникахъ, гдѣ цѣлыя страницы написаны какимъ-то невозможнымъ жаргономъ. Кромѣ очевидныхъ ошибокъ противъ стиля, латинизмовъ и искусственныхъ выраженій школьная практика установила цѣлую массу услов-

ныхъ оборотовъ рѣчи, нетерпимыхъ нигдѣ, кромѣ школьныхъ хрестоматій. Правильность стиля мы ставимъ настолько высоко, что считаемъ неумѣстною въ сборникѣ всякую фразу, гдѣ есть хоть малѣйшее нарушеніе законовъ языка и стиля.

Предыдущія соображенія показываютъ, что чѣмъ больше частныхъ случаевъ обнимаетъ фраза, тѣмъ она содержательнѣе. Наиболѣе годны фразы, заключающія въ себѣ пословицы и сентенціи: тутъ меньше всего поводовъ выдавать частное и случайное за общее; къ тому же такія фразы даютъ не только знаніе, но часто и нравственное правило. Но самое главное достоинство пословицъ и сентенцій заключается въ томъ, что онѣ уже при самомъ появленіи своемъ на свѣтъ облечены въ форму отдѣльныхъ фразъ. Всякая другая фраза есть нарочно вырванная частица статьи или книги, а пословица или сентенція есть органическое цѣлое, которое ни отъ чего не отрывается, а берется въ томъ самомъ видѣ, какъ возникла. Изъ народныхъ пословицъ нужно учиться составлять фразы, потому что только здѣсь фраза есть не искусственный продуктъ школьной практики, а органическій продуктъ языка, всякое же другое прозаическое и поэтическое произведеніе появляется въ видѣ связной рѣчи, а не въ видѣ фразы. Изъ знакомства съ пословицами мы увидимъ тѣ условія, при которыхъ фраза не только можетъ существовать, какъ органическое цѣлое, но и представлять собою нѣчто цѣнное по содержанію. Содержаніе пословицъ настолько цѣнно, что онѣ цѣлые вѣка передаются изъ устъ въ уста, служа поученіемъ и правиломъ практической мудрости. Эта цѣнность содержанія зависитъ отъ того, что пословица обнимаетъ массу жизненныхъ случаевъ, заключаетъ неопровержимую истину и способна часто примѣняться на практикѣ. Чѣмъ ближе фраза подходитъ къ этимъ условіямъ, тѣмъ она содержательнѣе.

Такимъ образомъ пословицы и сентенціи — самый желательный матеріалъ для сборниковъ фразъ. Онѣ даютъ фразу въ наиболѣе удобной формѣ, и вся задача составителя сводится къ удачному выбору ихъ по содержанію. Многія пословицы и сентенціи неудобны для школьнаго сборника потому, что выражаютъ недоступную дѣтямъ идею. Особенно это можно сказать о такъ-называемыхъ изреченіяхъ мудрецовъ, которыя

обыкновенно бывают не простымъ правиломъ житейской мудрости, а краткимъ резюме цѣлой философской системы. Затѣмъ нужно избѣгать такихъ пословицъ, которыя бываютъ не правиломъ мудрости, а простымъ констатированіемъ нежелательныхъ явленій человѣческой жизни (manus manum lavat; ubi bene, ibi patria, и т. п.).

Мы выставили самыя скромныя требованія для содержательности фразъ; но употребляемые у насъ сборники настолько не удовлетворяютъ даже этимъ требованіямъ, что, если бы выпустить изъ нихъ безсодержательныя фразы, то объемистыя книги обратились бы въ тощія брошюрки.

Отъ фразъ учебные планы рекомендуютъ скорѣе переходить къ статьямъ. Употребляемыя въ сборникахъ статьи можно раздѣлить на слѣдующія группы: 1) описанія, 2) басни, 3) миѳологическіе разсказы и разсказы о герояхъ, 4) анекдоты и историческіе разсказы, 5) разговоры, 6) разсужденія.

Описаніе, какъ это видно изъ любого учебника словесности, есть перечисленіе въ извѣстномъ порядкѣ признаковъ предмета. Описанія бываютъ научныя или прозаическія, дающія понятіе о предметѣ и перечисляющія характерные и существенные признаки*), и художественныя или поэтическія, дающія представленіе или картину. Перваго рода описаніе предполагаетъ предварительную строго-логическую работу сравненія предметовъ и отвлеченія общихъ и неизмѣнныхъ признаковъ. Если же этой работы не сдѣлано, то описаніе будетъ случайнымъ, неполнымъ, безсодержательнымъ и даже невѣрнымъ. Полная произвольность въ подборѣ признаковъ составляетъ самую отличительную черту помѣщаемыхъ въ хрестоматіяхъ описаній. Рядомъ съ двумя-тремя характерными признаками обыкновенно берется масса совершенно мелочныхъ и исключительныхъ: для характеристики деревьевъ сообщается, что они „даютъ тѣнь“, для характеристики Альпъ, что на нихъ „живутъ многія птицы“, Москву характеризуютъ тѣмъ, что въ нее „приходятъ земле-

*) Логическое понятіе составляется изъ однихъ существенныхъ признаковъ, но въ описаніе могутъ входить и характерные признаки, обнимающіе почти всѣ предметы даннаго ряда. При составленіи логическаго понятія о человѣкѣ намъ незачѣмъ указывать, что человѣкъ имѣетъ двѣ руки и двѣ ноги, но при описаніи мы можемъ указать и этотъ признакъ.

дѣльцы", лошадь тѣмъ, что „она пьетъ чистую воду", отечество тѣмъ, что въ немъ идутъ „сильные дожди", и т. п. На ряду съ совершенно случайными признаками мы постоянно встрѣчаемъ и противоположную крайность: намъ хотятъ описать Италію, а перечисляютъ признаки, принадлежащіе цѣлой сотнѣ странъ; намъ хотятъ дать понятіе о „военныхъ корабляхъ нашего отечества" и указываютъ только то, что они „велики", имѣютъ „все необходимое" и идутъ „съ величайшей быстротой". Но безсодержательность происходитъ не только отъ набора случайныхъ, не характеризующихъ предмета признаковъ или слишкомъ общихъ мѣстъ, но и отъ попытокъ указывать неодинаковость или измѣняемость признаковъ. Въ описаніяхъ то и дѣло встрѣчаемъ слова „различный", „неодинаковый", „многіе", „бываетъ", „не всѣ" и т. д. Область „случайнаго" и „различнаго" необъятна, но она и не имѣетъ отношенія къ выясненію понятій. Описаніе должно давать только общіе признаки, а толковать, что такіе-то признаки принадлежатъ „нѣкоторымъ" или „многимъ" предметамъ, и не опредѣлять, какимъ именно, значитъ не выяснять, а запутывать понятіе. Далѣе, понятіе получится, если будутъ указаны всѣ существенные признаки: чѣмъ меньше ихъ въ описаніи, тѣмъ оно безсодержательнѣе. Подъ громкими заглавіями: „Мое отечество", „О человѣкѣ", „О животныхъ" и т. д., въ сборникахъ скрывается обыкновенно самое мизерное содержаніе: понятіе „мое отечество" исчерпывается, напр., всего двумя признаками—обширностью страны и обиліемъ „тѣнистыхъ лѣсовъ". Неполнота и односторонность описаній проявляется и въ томъ, что составители, описывая самые разнообразные предметы: металлы, львовъ, воздухъ, законы и т. д., всячески стараются свести дѣло къ „грекамъ" и „римлянамъ". Неужели, напр., пересчитывать птицъ, которыя летаютъ въ воздухѣ, и потомъ сводить рѣчь на „гусей въ Капитоліи" значитъ давать понятіе о „воздухѣ"? Понятіе о львахъ получается не изъ перечня басенъ, которыя сочинили о нихъ греки и римляне, а изъ данныхъ естественной исторіи. Полнота нужна и при выясненіи отдѣльныхъ признаковъ: говоря, напр., о мѣстонахожденіи металловъ, нельзя ограничиваться указаніемъ, что желѣзо добывается „въ Италіи". Перечень признаковъ въ описаніяхъ долженъ подчи-

няться извѣстному плану, причемъ за исходную точку можно брать мѣсто, время, относительную важность, близость и отдаленность и другія соотношенія признаковъ. Описанія, помѣщаемыя въ сборникахъ, часто представляютъ самыя причудливыя комбинаціи признаковъ съ самыми рѣзкими переходами отъ одного предмета къ другому, ничего не имѣющему съ нимъ общаго: начнетъ авторъ рѣчь о Греціи, а закончитъ фразой: „земледѣльцы пашутъ землю, земледѣльцевъ украшаетъ прилежаніе", начнетъ о животныхъ, а кончитъ „созвѣздіями" и т. д. Въ общемъ итогѣ описанія представляютъ чаще всего не систематическое перечисленіе признаковъ, а причудливую бесѣду о томъ и о семъ, „взглядъ и нѣчто" по поводу предмета, указаннаго въ заглавіи. Думаютъ, что дать описаніе значитъ поговорить что-нибудь о предметѣ. Иначе какъ объяснить такія странныя темы, какъ: „О человѣкѣ", „О измѣнчивости всего", „О животныхъ", „О законахъ" и т. п. Неужели въ статейкѣ, предназначенной для перваго или второго класса, можно дать хоть самое бѣглое понятіе о такихъ обширныхъ и сложныхъ предметахъ? Всѣ эти описанія сводятся къ случайному набору десятка фразъ, гдѣ упоминается, дѣйствительно, имя, стоящее въ заглавіи статейки, но гдѣ нѣтъ ни малѣйшей попытки систематизировать и изложить признаки предмета. Если для описанія берутся явленія природы, предметы изъ животнаго и растительнаго міра, страны, народы, то и тутъ мы имѣемъ дѣло не съ данными науки, не съ естественноисторическими и географическими свѣдѣніями, а съ ходячими и случайными обобщеніями, набранными безъ всякой связи и порядка. Особенно неудачными бываютъ тѣ описанія, гдѣ нужны спеціальныя научныя знанія: тутъ не могутъ помочь даже грубыя и часто ложныя ходячія обобщенія. Вотъ, напр., какъ дѣлается описаніе „морскихъ волненій"! „Вѣтеръ и буря причины морскихъ волненій. Волненіемъ мы называемъ сильное движеніе (!) моря. У морскихъ береговъ (?) волненія бываютъ сильны (!), у морскихъ береговъ Россіи (?) часто бываютъ опасныя волненія. Причины волненій движеніе земли и луны (!). Частыя и сильныя волненія причиняютъ кораблямъ много вреда, ибо (!) сила волнъ велика". Историческія описанія, относящіяся къ древнему быту, государственному и общественному устройству,

состоятъ обыкновенно изъ набора общихъ мѣстъ и не заключаютъ ни малѣйшаго колорита мѣстности и эпохи. Хотятъ, напр., дать описаніе римскаго войска, и все дѣло сводятъ къ такимъ общимъ фразамъ: „были храбры", „были смѣлы", „состояли изъ конницы и пѣхоты" и т. п.

Изложеніе описаній, особенно на первыхъ страницахъ хрестоматій, тоже поражетъ многими странностями. Статейки состоятъ обыкновенно изъ короткихъ предложеній, и первая задача изложенія — вставить въ каждое предложеніе стоящее въ заглавіи слово, такъ что мѣстоименія вводятся въ рѣчь только во второй половинѣ назначенныхъ для перваго класса учебниковъ. Намъ укажутъ на такъ-называемыя методическія требованія. Но изученіе мѣстоименій даже легче изученія именъ: умѣть склонять мѣстоименіе значитъ заучить десятокъ формъ и только, а чтобы умѣть склонять имена, нужно не одно знаніе парадигмы, но и умѣнье отличать основу, приставлять нужныя окончанія, узнавать категорію рода, числа, падежа и т. д. А самое главное — мы не имѣемъ ни малѣйшаго права ради методическихъ требованій искажать рѣчь. Это значило бы не учить дѣтей искусству выражать свои мысли, а посягать даже на тѣ зачатки правильной рѣчи, которые они пріобрѣли дома и до насъ. Но составители описаній пропускаютъ часто союзы, нарѣчія и вообще всякія выраженія, служащія для перехода отъ одной мысли къ другой. Вслѣдствіе такого упрощенія стиля исчезаетъ иногда всякая связность изложенія и статьи являются подборомъ самостоятельныхъ фразъ. Для такихъ курьезныхъ продуктовъ приноравливанья текста къ изучаемымъ правиламъ новѣйшіе составители хрестоматій придумали даже особое названіе — „фразо-статьи". Если отдѣльныя фразы мало помогаютъ выработкѣ искусства выражать свои мысли, то эти „фразо-статьи" приносятъ уже положительный вредъ: тамъ параграфа фразъ ученикъ не приметъ за статью, а здѣсь такой же параграфъ фразъ, но только помѣченный оглавленіемъ, ему прямо выдаютъ за связную рѣчь, за образецъ искусства соединять предложенія въ связную рѣчь.

На предъявленныя нами требованія относительно содержанія и изложенія описаній намъ возразятъ, что въ статьяхъ, назначенныхъ для младшаго возраста и для обученія латинскому

языку, неумѣстны экскурсіи въ область спеціальныхъ наукъ, что для дѣтей недоступно систематическое описаніе явленій природы и органической жизни, что наконецъ тѣ слова и термины, къ которымъ пришлось бы прибѣгнуть въ такихъ описаніяхъ, вовсе не нужны при обученіи латинскому языку. Мы согласны съ этимъ, но дѣлаемъ отсюда совсѣмъ другой выводъ: мы думаемъ, что, если такія описанія недоступны, то описаній и не должно быть, и совершенно не допускаемъ возможности замѣнять ихъ случайнымъ наборомъ первыхъ попавшихся подъ руку фразъ и обобщеній, имѣющихъ, пожалуй, нѣкоторое отношеніе къ предмету, но не дающихъ о немъ никакого понятія. Но, съ другой стороны, есть не мало предметовъ, описаніе которыхъ не требуетъ ни спеціальныхъ знаній, ни спеціальныхъ терминовъ; это особенно можно сказать объ описаніяхъ единичныхъ предметовъ: городовъ, странъ, отдѣльныхъ животныхъ и т. д.

Поэтическія описанія тоже были бы гораздо умѣстнѣе въ сборникахъ, чѣмъ наборъ общихъ и пустыхъ фразъ о „римскихъ воинахъ“ или о „запахѣ цвѣтовъ“, но для составленія такихъ описаній требуется нѣкоторый талантъ и во всякомъ случаѣ картинность и живость изложенія, которыми не отличается почти ни одно описаніе въ сборникахъ. Обязательнымъ условіемъ для такихъ описаній должна быть типичность признаковъ. Лучше описать утро, вечеръ, зиму, лѣто, засуху или бурю, чѣмъ толковать о какомъ-нибудь домѣ никому невѣдомаго „дяди Петра“ или описывать „нашу московскую дачу“.

Посмотримъ теперь, каковы въ сборникахъ басни. Басня единогласно считается самымъ подходящимъ матеріаломъ для первыхъ ступеней школьныхъ занятій съ учениками. Развивая своею образностью и поэзіей чувство изящнаго, она кромѣ того заключаетъ въ себѣ и мораль, и знаніе, и пищу для фантазіи. Басня, какъ и пословица, является въ хрестоматіи не въ видѣ отрывка отъ какого-то цѣлаго, а въ видѣ самостоятельнаго и законченнаго произведенія. Такъ какъ басни не выдумываются составителями сборниковъ, а берутся изъ Эзопа или Федра, то единственно важный вопросъ для насъ, насколько удачно дѣлается выборъ басенъ. При выборѣ басенъ на первомъ планѣ должны стоять два условія: выводъ изъ

басни долженъ отличаться строго-нравственнымъ характеромъ, и самая басня должна быть вполнѣ доступной дѣтскому пониманію. Мы, напр., сочли бы неудобной басню, гдѣ проповѣдуется, что мы имѣемъ полное право убивать тѣхъ, кто намъ вреденъ и не оправдываетъ нашего довѣрія („Пастухъ и собака“), гдѣ ястребъ свое „желаніе наполнить желудокъ“ считаетъ достаточнымъ поводомъ, чтобы растерзать соловья („Соловей и ястребъ“), гдѣ ёжъ выгоняетъ змѣю изъ ея норы, за то, что она пріютила его („Ежъ и змѣя“), гдѣ разсказывается, какъ мальчикъ обманулъ одного жаднаго человѣка и укралъ у него одежду, какъ сычъ обманулъ стрекозу и съѣлъ ее, какъ цѣлый рядъ животныхъ убиваетъ другъ друга только потому, что убивающій „великъ“, а убиваемый „малъ“. Какое нравоученіе можно вывести изъ этихъ возмутительныхъ поступковъ? Изображеніе дурного и безнравственнаго имѣетъ воспитательное значеніе только въ томъ случаѣ, если вызываетъ въ умѣ читателя идеалъ противоположнаго; а подобныя басни не вызываютъ въ ученикѣ никакихъ нравственныхъ чувствъ. Неумѣстны и тѣ басни, гдѣ можно сдѣлать двоякій выводъ, гдѣ вмѣсто натянутаго нравственнаго вывода, обязательно сообщаемаго учебникомъ, гораздо легче сдѣлать выводъ безнравственный. Козелъ помогъ лисицѣ выбраться изъ колодца, а она оставила его въ колодцѣ да еще насмѣялась надъ нимъ. Учебникъ, слѣдуя Эзопу, даетъ выводъ: не входи туда, откуда не сумѣешь выйти; но ученикъ прежде всего видитъ, что изъ-за помощи товарищу козелъ погибъ, и можетъ заключить, что помогать другому не выгодно. Къ такому же нежелательному выводу могутъ привести ученика и другія излюбленныя составителями сборниковъ басни: „Муравей и стрекоза“, „Левъ, оселъ и лисица“, „Союзъ со львомъ“ и др. Древніе баснописцы, въ частности Эзопъ, басни писали обыкновенно на одинъ опредѣленный случай, напр., съ цѣлью убѣдить народъ принять то или иное рѣшеніе: изъ такихъ басенъ не всегда удобно дѣлать общіе выводы. Въ сборникахъ неумѣстны такія, напр., басни, какъ „Птицеловъ и жаворонокъ“ (жаворонокъ, попавши въ сѣти, говоритъ птицелову: „если ты такіе города строишь, то немного будешь имѣть жителей“), „Юпитеръ и лягушки“ (лягушки недовольны кроткимъ

царемъ и просятъ себѣ другого), „Волки и овцы“ (волченята, взятые въ заложники, выдаютъ овецъ), „Мыши и кошки“ и др. Неумѣстны и тѣ басни, гдѣ разсказъ ведется на почвѣ античныхъ воззрѣній, или изображаются мало-понятные ученикамъ нравы и черты быта: ученикъ прочтетъ съ недоумѣніемъ о сидящихъ на площади „прорицателяхъ“, объ убѣжавшемъ въ храмъ ягненкѣ, объ отказѣ лисицы „внести въ списокъ“ осла и зайца и т. п.

Что касается изложенія, то мы ошибемся, если понадѣемся найти въ сборникахъ что-нибудь въ родѣ басенъ Крылова, замѣчательныхъ по своей картинности и жизненности. Если ужъ передѣлки Федра отличаются риторичностью, то странно ждать живости изложенія тамъ, гдѣ басни пишутся *на* извѣстный отдѣлъ грамматики. Одну и ту же басню сборники излагаютъ обыкновенно различными способами и притомъ, чѣмъ ближе къ началу сборника, тѣмъ короче. Чѣмъ сокращеннѣе способъ изложенія, тѣмъ больше басня отличается сухостью и малосодержательностью. Благодаря передѣлкамъ, басня иной разъ такъ далеко удаляется отъ оригинала, что дѣлается неузнаваемою. Въ этихъ передѣлкахъ особенно жалка разговорная рѣчь, отъ которой больше всего зависитъ живость басни.

Къ отрывкамъ повѣствовательнаго характера относятся въ сборникахъ разсказы миѳологическіе и историческіе и анекдоты. Миѳологія излагается обыкновенно въ видѣ статеекъ, носящихъ заглавіе: „Меркурій“, „Марсъ“, „Вулканъ“ и т. д. Статейки эти по содержанію нужно отнести не къ разсказамъ, а къ описаніямъ. Онѣ отличаются всѣми тѣми недостатками описаній, которые указаны нами выше: тутъ та же претензія дать понятіе съ помощью неполнаго перечня признаковъ, случайныхъ или слишкомъ общихъ, то же перепрыгиванье отъ одного предмета къ другому и т. д. Авторъ хочетъ, напр., разсказать „басню о циклопахъ“, а вмѣсто того начинаетъ о Гомерѣ: о его временахъ, отечествѣ и жизни, затѣмъ вмѣсто басни перечисляетъ такіе признаки, которые входятъ въ понятіе о любомъ нецивилизованномъ народѣ, приводя мимоходомъ ученика въ недоумѣніе отзывомъ о „холодахъ“ въ Сициліи, и заканчиваетъ все это непонятной для учениковъ фразой, что „молніи боговъ были произведеніями циклоповъ“.

Другой не забываетъ сказать, что циклопы „имѣли глазъ на лбу“, но опять отдѣлывается случайными фразами. О богахъ говорится въ настоящемъ времени; римскія и греческія божества сваливаются въ одну кучу; есть даже мѣста, гдѣ ученики обращаются къ богамъ. Если же статейка имѣетъ претензію дать болѣе конкретное содержаніе, то она переполняется кучей непонятныхъ ученику именъ лицъ и предметовъ: на пяти строчкахъ разсказа о „Янусѣ“ ученикъ встрѣчается, напр., съ Нумой, пуническими войнами, капитоліемъ, Августомъ, поэтами, Ливіемъ, латинянами и т. д.

Мы думаемъ, что знакомить ученика съ миѳологіей можно только въ извѣстной системѣ, хотя бы самой элементарной и краткой. Миѳологическія понятія для ученика — вещь совершенно необычная. Вся суть миѳологіи заключается въ понятіи о многобожіи, т.-е. въ разграниченіи власти надъ міромъ между нѣсколькими существами, и получить понятіе о миѳологическомъ божествѣ значитъ отдѣлить сферу его власти и вліянія отъ сферъ остальныхъ боговъ. Ученикъ усвоилъ христіанское понятіе о Богѣ. Основные признаки этого понятія, иначе говоря, свойства Божіи, вытекаютъ изъ того, что Богъ единъ. Языческое же понятіе о богѣ должно состоять изъ другихъ признаковъ, не имѣющихъ ничего общаго съ христіанскимъ понятіемъ. Знакомя ученика съ миѳологіей, прежде всего нужно выяснить ему это родовое языческое понятіе, а для этого необходимо систематически указать разграниченіе сферъ власти и вліянія между богами. Въ противномъ же случаѣ, если прямо начнемъ съ ученикомъ переводить статью, напр., объ Аполлонѣ, то видовыя свойства Аполлона ученикъ будетъ присоединять къ единственно извѣстному ему христіанскому понятію о Богѣ. Систематически-сравнительное обозрѣніе миѳологіи выяснитъ и общее понятіе, и видовыя понятія объ отдѣльныхъ божествахъ. Давши ученикамъ эти понятія, можно ознакомить ихъ и съ разсказами о богахъ и отношеніяхъ боговъ къ людямъ. Но въ миѳахъ важно не аллегорическое изображеніе явленій природы, недоступное пока ученикамъ, а ихъ нравственное содержаніе. Такимъ образомъ выборъ миѳовъ долженъ быть самый осмотрительный. Нужно брать тѣ эпизоды, гдѣ есть нравственная идея или высоко-поэтическія картины.

Вотъ, напр., миѳъ о похищеніи Прозерпины. Если ученикъ не знаетъ отношеній этого миѳа къ явленіямъ природы, то для него ничуть не интересны подробности, что какой-то Плутонъ появился на колесницѣ, увезъ дѣвицу и т. д., но его живо могло бы тронуть изображеніе того, какъ неутѣшная мать долго и тщетно искала свою дочь: эти поиски авторъ и долженъ сдѣлать главнымъ содержаніемъ статьи. Вполнѣ умѣстны въ сборникахъ разсказы о Филемонѣ и Бавкидѣ, Ніобѣ, Танталѣ, Мидасѣ, Ѳдипѣ и т. д. Но эпизодъ долженъ быть „закругленъ“: всѣ дѣйствія должны быть мотивированы и статья должна отличаться единствомъ содержанія.

Разсказы о Геркулесѣ, Тезеѣ, Одиссеѣ, аргонавтахъ для учениковъ первыхъ классовъ могутъ имѣть только то значеніе, какое имѣютъ вообще сказки. Они, какъ и сказки, должны поэтому отличаться живостью и картинностью изложенія, ибо только въ этомъ случаѣ фантастичное имѣетъ для дѣтей приманку. Ошибочно было бы пытаться изложить миѳъ о Геркулесѣ или троянской войнѣ въ какихъ-нибудь десяти строчкахъ: въ этомъ случаѣ получится голый перечень именъ или одна схема событій, не дающая никакой пищи ни уму, ни фантазіи.

Переходя къ статьямъ историческаго содержанія, остановимся прежде всего на біографіяхъ и характеристикахъ. Біографія, какъ простое изложеніе фактовъ въ порядкѣ времени, гораздо доступнѣе дѣтскому пониманію, чѣмъ характеристика, требующая обобщеній и систематизаціи фактовъ. Межъ тѣмъ составители сборниковъ начинаютъ почему-то съ характеристикъ, самого труднаго изъ всѣхъ видовъ историческаго повѣствованія. Такой неестественный порядокъ ведетъ, конечно, къ печальнымъ послѣдствіямъ. Прежде всего совершенно немыслимо дать характеристику историческаго лица въ какихъ-нибудь десяти строчкахъ. Человѣческая личность, а тѣмъ болѣе личность историческаго дѣятеля — это такое многосложное цѣлое, что дать о немъ понятіе можно не иначе, какъ указавши цѣлую массу признаковъ. Если талантливые писатели даютъ намъ образцы краткихъ характеристикъ, то это характеристики типовъ, а не отдѣльныхъ реальныхъ личностей. Краткая характеристика реальной личности можетъ быть только выводомъ изъ массы фактовъ, уже знакомыхъ читателю. Если

историкъ даетъ краткую и мѣткую характеристику данной личности, то онъ предполагаетъ, что читатель хорошо знакомъ со всѣмъ тѣмъ матеріаломъ, который послужилъ для обобщеній, а иначе онъ долженъ сейчасъ же подтвердить все фактами. Теперь представьте, что ученику даютъ, напр., такую характеристику Цицерона: Цицеронъ былъ превосходнымъ ораторомъ, ревностнымъ защитникомъ отечества, хорошимъ писателемъ, вѣрнымъ другомъ, „отцомъ отечества". Для насъ эта характеристика имѣетъ нѣкоторый смыслъ, потому что каждому изъ этихъ признаковъ мы даемъ мысленно содержаніе, припоминая массу фактовъ изъ жизни Цицерона, подтверждающихъ признакъ. Но что припомнитъ ученикъ? какое онъ дастъ содержаніе этимъ общимъ мѣстамъ? Онъ ничего не знаетъ о Цицеронѣ; ничего не будетъ знать и прочитавши характеристику, потому что ни одно изъ приведенныхъ нами обобщеній не можетъ вызвать въ его умѣ никакихъ реальныхъ представленій. Подобная характеристика есть только указаніе категорій, къ которымъ относятся дѣйствительные признаки, а не указаніе самыхъ признаковъ. Мы не получимъ никакого понятія о негрѣ, если намъ кто-нибудь скажетъ, что негръ „имѣетъ кожу" (но не скажетъ какую), „имѣетъ волосы" (но не скажетъ какіе), „имѣетъ носъ" (но не скажетъ какой) и т. д. Предлагаемыя сборниками характеристики какъ разъ напоминаютъ такое „опредѣленіе" негра съ тою лишь разницею, что къ обозначенію категорій они прибавляютъ одно изъ тѣхъ прилагательныхъ, которыя означаютъ неопредѣленно-превосходную степень качества, не опредѣляя вовсе самаго этого качества („славный", „извѣстный", „великій", „замѣчательный" и т. д.). Мы уже говорили, что всякій сборникъ считаетъ своею первою обязанностью дать ученику какъ можно больше такого рода прилагательныхъ, и первое „ознакомленіе" ученика съ исторіей и великими людьми состоитъ въ обильномъ разсыпаніи направо и налѣво этой кучи эпитетовъ. Выбросьте вонъ всю эту кучу, если не хотите пріучать дѣтей къ пустословію и громкимъ фразамъ! — Но иныя характеристики даже у насъ, людей знакомыхъ съ исторіей, не вызываютъ никакихъ представленій. Онъ „обучалъ и воспитывалъ юношей", „научилъ ихъ говорить правду и повиноваться закону" и на-

конецъ „открылъ имъ многія полезныя вещи". Угадайте, кто этотъ „онъ!" У скольких педагоговъ мелькнетъ сладкая мысль, что и они все это дѣлали! А сколько милліоновъ людей умерло, вполнѣ заслуживши эту характеристику! И такихъ „характеристикъ" въ сборникахъ не мало. Историческія лица, какъ сказочные герои, являются внѣ времени и пространства. Авторы считаютъ возможнымъ обходиться безъ всякой исторической обстановки, а если и даютъ историческія свѣдѣнія, то въ видѣ намековъ, голыхъ перечней, голаго упоминанія невѣдомыхъ войнъ, невѣдомыхъ битвъ, невѣдомыхъ именъ. Если же въ характеристики попадаютъ признаки реальные, то они часто отличаются совершенною случайностью и неожиданностью. Въ общемъ итогѣ характеристики рѣдко даютъ представленіе о названной въ нихъ личности: чаще дѣло сводится къ громкимъ фразамъ и общимъ мѣстамъ, не дающимъ ни фактическихъ знаній, ни нравственныхъ уроковъ. Не лучше дѣло обстоитъ и въ статейкахъ, имѣющихъ претензію охарактеризовать древнія учрежденія, бытъ, правленіе и т. д.: тутъ тоже все сводится обыкновенно къ эпитетамъ „великій", „крѣпкій", „храбрый" и т. д., признаки берутся не характерные, и при всей бѣдности признаковъ встрѣчаются постоянно отступленія и неожиданные переходы отъ одного предмета къ другому.

Біографій въ элементарныхъ хрестоматіяхъ почти нѣтъ или, точнѣе говоря, біографіи сводятся къ характеристикамъ. Такъ какъ біографію немыслимо представить въ видѣ маленькой статейки, то составители сборниковъ вмѣсто подробнаго фактическаго изложенія пытаются дѣлать обобщенія, а эти попытки замѣнить подробное изложеніе многихъ фактовъ краткими обобщеніями и дѣлаютъ изъ предполагаемой біографіи характеристику и притомъ, какъ мы видѣли, неудачную. Все это доказываетъ, по нашему мнѣнію, что ни біографіи, ни характеристики неудобны для первоначальной хрестоматіи по латинскому языку.

Переходя къ статьямъ собственно историческимъ, мы прежде всего считаемъ ошибочнымъ тотъ взглядъ, что знакомство съ исторіей можно начинать съ конспектовъ и перечней. Конспективное изложеніе полезно для справокъ, для сопоставленія

и обобщенія извѣстныхъ уже фактовъ, для воспроизведенія пріобрѣтенныхъ уже знаній. А для ученика, не учившагося еще исторіи, конспектъ не дастъ никакихъ знаній, такъ какъ онъ самъ по себѣ непонятенъ и скученъ, а если учитель станетъ влагать въ него содержаніе, то урокъ латинскаго языка по необходимости превратится въ урокъ исторіи. Историческая статья должна заключать не перечень, а разсказъ, при чемъ разсказать можно или отдѣльный эпизодъ, или рядъ послѣдовательныхъ событій, объединенный и законченный по своему содержанію. Но эпизодъ долженъ тоже представлять собою законченное цѣлое: въ немъ долженъ быть основной сюжетъ и извѣстная общая мысль, достаточно выясненная подробностями. Что мы сказали бы о писателѣ, который, обѣщавши разсказать намъ о какомъ-нибудь приключеніи, страницы три посвятитъ „введенію" и „предшествовавшимъ обстоятельствамъ", а о самомъ приключеніи разскажетъ въ одной строчкѣ? Подобное мы не рѣдко видимъ въ историческихъ статейкахъ сборниковъ. Вотъ, напр., обѣщаютъ намъ разсказать „о твердости Павла Македонскаго": былъ такой-то Павелъ, было такое-то сраженіе, а затѣмъ тріумфъ, — во время тріумфа умерли дѣти этого Павла, и наконецъ стоитъ фраза, что „онъ спокойно перенесъ это бѣдствіе". Такимъ образомъ разсказъ „о твердости" заключается въ одной фразѣ, а остальное — „предшествующія обстоятельства". — Если мы возьмемъ историческое сочиненіе и разложимъ связное изложеніе событій на эпизоды, то далеко не всякій эпизодъ можно взять изъ сочиненія и сдѣлать отдѣльнымъ разсказомъ: большинство эпизодовъ представляютъ неразрывную часть цѣлаго и при извлеченіи теряютъ весь свой интересъ и содержательность. Въ сборники можно помѣщать только тѣ эпизоды, гдѣ есть не только единство сюжета, но и общая идея, дающая нравственный выводъ. Въ противномъ случаѣ статья будетъ безсодержательнымъ отрывкомъ, безъ начала и конца. Вотъ, напр., статья объ осадѣ Алезіи. Это тоже эпизодъ, но онъ получаетъ смыслъ только въ общемъ изложеніи галльской войны: тамъ въ числѣ многихъ другихъ фактовъ можно указать и этотъ сравнительно мелочной фактъ. Но какая цѣль и польза брать его отдѣльно? Для ученика онъ является непонятнымъ обрыв-

комъ изъ какого-то неизвѣстнаго цѣлаго: для него это рядъ случайныхъ дѣйствій, неизвѣстно, гдѣ, когда, кѣмъ и для чего совершенныхъ, а слова „Цезарь“, „галлы“, „Алезія“ не вызываютъ въ немъ никакихъ представленій. Въ сборникахъ цѣлая масса такихъ отрывковъ, лишенныхъ содержанія уже тѣмъ самымъ, что они оторваны отъ цѣлаго. Къ такимъ же неумѣстнымъ статьямъ относятся и тѣ, гдѣ въ пяти строчкахъ „разсказывается“ о „диктаторѣ Камиллѣ“, въ шести строчкахъ „о войнахъ римлянъ“, вообще, гдѣ нѣтъ никакого эпизода, а есть два-три указанія на единичные и отрывочные факты. Но и выборъ эпизодовъ съ общей идеей и основнымъ сюжетомъ дѣло не легкое. Идея эта должна конечно имѣть воспитательное значеніе для учениковъ и быть для нихъ доступной. Сборники не всегда держатся этихъ правилъ. Что, напр., за подвигъ подавлять въ себѣ ради тріумфа печаль о гибели своихъ собственныхъ дѣтей? Иные эпизоды останутся непонятными вслѣдствіе малаго знакомства учениковъ съ древними воззрѣніями и бытомъ. Что, напр., поймутъ ученики въ разсказѣ о Дамокловомъ мечѣ? Нужно имѣть много историческихъ свѣдѣній, чтобы составить себѣ понятіе о роли греческихъ тиранновъ и объ отношеніи къ нимъ населенія. Или какой, напр., смыслъ доказывать дѣтямъ примѣрами нелѣпость такихъ исключительныхъ и странныхъ обычаевъ, какъ это мы встрѣчаемъ въ статьяхъ о коняхъ сибаритовъ и о Пизоновомъ рабѣ? Вообще мы не высоко цѣнимъ тѣ избитые анекдоты о Пизонѣ, Назикѣ, Симонидѣ, Апеллесѣ и т. п., безъ которыхъ у насъ не можетъ обойтись ни одинъ учебникъ по древнимъ языкамъ. Несравненно полезнѣе было бы знакомство съ подвигами самоотверженія, любви къ ближнимъ, патріотизма, твердости, дружбы и т. п. Сборники даютъ разсказы и о такихъ подвигахъ, но кругозоръ ихъ очень ограниченъ: они повторяютъ десятка два излюбленныхъ сюжетовъ изъ древней исторіи и совершенно не касаются того необъятнаго матеріала, который даетъ средняя, новая и новѣйшая исторія всѣхъ государствъ и народовъ. Еще ограниченнѣе тотъ источникъ, изъ котораго сборники черпаютъ содержаніе статей второго рода, т.-е. тѣхъ, которыя представляютъ попытку послѣдовательно изложить цѣлый рядъ событій. Для нихъ какъ бы не существуетъ всего того,

что случилось послѣ Арминія и пораженія легіоновъ Вара. Огромное поле исторической жизни народовъ искусственно суживается до самыхъ микроскопическихъ размѣровъ — до исторіи греческихъ и римскихъ войнъ. Персидскія войны, пуническія, войны Пирра, Александра Македонскаго и немногія другія — вотъ къ чему сводится вся исторія всѣхъ временъ и народовъ. Даже въ древней исторіи грековъ и римлянъ составители сборниковъ не видятъ ничего кромѣ сраженій, завоеваній, опустошеній, взятій и т. п. насилій. Они не могутъ сослаться въ свое оправданіе на то, что древніе авторы не даютъ другого матеріала, потому что статейки не изъ древнихъ авторовъ ими берутся, а обыкновенно составляются самостоятельно, и въ лучшемъ случаѣ изъ древняго автора берется только сюжетъ, а не самое изложеніе.

Намъ остается сказать о разговорахъ и разсужденіяхъ. Трудно придумать что-нибудь фальшивѣе и безсодержательнѣе этихъ разговоровъ о вставаніи и гуляніи, о подаренныхъ книгахъ, о болѣзняхъ дѣдовъ и дядей, о читаніи „прекрасныхъ" басенъ и т. п. Вмѣсто картинъ дѣтской жизни намъ преподносятъ самыя сентиментальныя небылицы. Какъ неестественны эти безконечные восторги разныхъ Петровъ да Карловъ: одинъ восхищается деревенскою и городскою жизнью, другой славнымъ изреченіемъ древнихъ мужей, что „лучшая часть нашего существа безсмертна", третій убѣжденно восклицаетъ, что „учиться полезно и прекрасно" и т. д. Самая форма діалогическая является чѣмъ-то крайне неуклюжимъ и безцѣльнымъ и совсѣмъ не носитъ характера разговорной рѣчи, да и знакомство съ латинскою разговорною рѣчью совершенно не нужно для учениковъ перваго и втораго класса. Еще больше безцѣльно введеніе въ эти разговоры названій такъ-называемыхъ обыденныхъ предметовъ, не говоря уже о томъ, что эти названія составлены часто въ позднѣйшую эпоху и обыкновенно представляютъ грубое уподобленіе предметовъ древне-римскаго обихода предметамъ нашего времени, о которыхъ римляне не имѣли и понятія. Безсодержательны и тѣ разговоры, гдѣ какой-нибудь „сынъ" разсказываетъ о томъ, что учитель говорилъ въ классѣ: здѣсь все дѣло сводится обыкновенно къ перечню разныхъ назидательныхъ предметовъ и темъ. Кое-какъ

мы можемъ помириться только съ тѣми разговорами, гдѣ въ драматической формѣ излагается миѳологическій, напр., эпизодъ, т.-е. гдѣ дается болѣе или менѣе законченная по своему содержанію сценка.

Что касается разсужденій, то въ хрестоматіяхъ, предназначаемыхъ для перваго класса, они едва ли умѣстны. Приводимыя въ такихъ хрестоматіяхъ статейки являются обыкновенно случайнымъ наборомъ мало связанныхъ между собою мыслей и совершенно не заключаютъ въ себѣ признаковъ разсужденія: онѣ представляютъ не развитіе одной какой-нибудь мысли, сопровождаемое примѣрами и доказательствами, а нѣсколько случайныхъ положеній, относящихся къ указанному въ заглавіи предмету или вопросу. Вопросы часто берутся совершенно недоступные для дѣтей (о „мудрости", „человѣческая воля" и др.).

Мы кратко указали причины безсодержательности фразъ и статей; мы видѣли, что содержаніе ихъ часто не удовлетворяетъ ни законамъ словесности, ни требованіямъ логики. Требованія эти на столько важны, что во всей области школьнаго обученія не можетъ быть ни одного предмета, для котораго можно было бы ими пожертвовать. Напрасно иные думаютъ, что безсодержательность объясняется самымъ методомъ изученія латинской грамматики. Методомъ можно объяснить только изложеніе и расположеніе матеріала, а предметы и мысли, составляющіе содержаніе, почти не зависятъ отъ метода. Развѣ можно, напр., сказать, что по первому склоненію склоняются болѣе доступныя дѣтскому пониманію слова, чѣмъ по третьему или четвертому? Выборъ предметовъ и мыслей зависитъ вовсе не отъ того, къ какому склоненію или спряженію пріурочивается данная статья. Не правила грамматики виноваты въ безсодержательности фразъ и статей, а ложное убѣжденіе, что слова можно изучать безъ мысли, безъ яснаго представленія о самыхъ предметахъ.

П. Первовъ.

II. ОБЗОРЪ КНИГЪ.

[Ξενοφῶντος] Ἀθηναίων πολιτεία. **О государствѣ аѳинскомъ, сочиненіе неизвѣстнаго автора V вѣка до Р. Х. Критическое изслѣдованіе А. Шварца. Москва 1891** (180 стр.).

Книга г. Шварца принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя, независимо отъ достигнутыхъ авторами самостоятельныхъ результатовъ, имѣютъ несомнѣнную и большую цѣнность какъ добросовѣстные и по возможности полные своды матеріаловъ по избраннымъ авторами вопросамъ. Всѣмъ, кто только занимается аттическими древностями и аттической исторіей, приходится постоянно имѣть дѣло съ псевдоксенофонтовымъ сочиненіемъ „О государствѣ аѳинскомъ"; благодаря книгѣ г. Шварца мы не только получили возможность легко и быстро оріентироваться въ объемистой и разрозненной литературѣ, вызванной этимъ интереснымъ и драгоцѣннымъ, но крайне запутаннымъ сочиненіемъ, — но въ очень многихъ случаяхъ, при той обстоятельности, съ которой г. Шварцъ разбираетъ мнѣнія своихъ предшественниковъ, избавлены отъ необходимости сличать другія пособія. Разумѣется, это касается лишь случайныхъ справокъ по отдѣльнымъ вопросамъ; занимающійся спеціально упомянутымъ сочиненіемъ попрежнему обязанъ считаться съ изслѣдованіями Кирхгофа, М. Шмидта, Ланге и др.

Если бы достоинства разбираемой книги исчерпывались вышесказаннымъ, то и тогда ея авторъ имѣлъ бы полное право на нашу благодарность за свой солидный и добросовѣстный трудъ. Но эта книга является не только сводомъ матеріаловъ, а главнымъ образомъ и прежде всего самостоятельнымъ изслѣдованіемъ; съ этой точки зрѣнія мы и принуждены отнестись къ ней. Она распадается на три главныхъ отдѣла: введеніе (стр. 1—63), текстъ псевдоксенофонтова памфлета съ пространнымъ критическимъ комментаріемъ (стр. 64—83) и объяснительныя примѣчанія (стр. 84—174). Съ антикварной точки зрѣнія наибольшій интересъ представляютъ послѣднія, съ литературной — первое; съ него я и позволю себѣ начать.

Прежде всего авторъ излагаетъ намъ въ общихъ чертахъ (глава первая) главныя мысли, которыя хотѣлъ развить сочинитель памфлета. Вполнѣ стройно выступаетъ задуманное памфлетистомъ дѣленіе своего разсужденія на двѣ части, изъ ко-

торыхъ первая должна была быть посвящена доказательству, что аѳиняне *εὖ διασῴζονται τὴν πολιτείαν*, вторая — что они *εὖ διαπράττουσι τἆλλα ἃ δοκοῦσιν ἁμαρτάνειν τοῖς ἄλλοις Ἕλλησιν*. Указавъ, такимъ образомъ, на несомнѣнную послѣдовательность памфлетиста въ развитіи главныхъ мыслей своего сочиненія, авторъ затѣмъ доказываетъ существованіе цѣлаго ряда мимоходныхъ замѣтокъ, не связанныхъ ни съ главными мыслями, ни между собой, и зачастую противорѣчащихъ первымъ, — замѣтокъ, которыя ради удобства отпечатаны имъ въ текстѣ разрядкой. Разумѣется, указанныя авторомъ особенности памфлета были извѣстны и раньше; но онъ излагаетъ ихъ въ томъ видѣ, что о задуманномъ имъ объясненіи можно догадаться заранѣе, онъ *προκατασκευάζει*, какъ выразился бы древній риторъ. Въ полемику — напр. относительно самаго факта дихотоміи, отрицаемаго Кирхгофомъ и Ланге, — онъ здѣсь не вдается; она прибережена до „объяснительныхъ примѣчаній", гдѣ мы и находимъ ее на стр. 85 и сл. Для читателя, знакомаго съ вопросомъ, такой методъ ничего неудобнаго не имѣетъ; но въ интересахъ прочихъ читателей было бы лучше не строить города на незавоеванной окончательно, а только оккупированной впредь до будущаго завоеванія землѣ. Но это мелочь, и въ принципѣ я готовъ признать право каждаго автора вести нить своего изслѣдованія по собственному усмотрѣнію. Во второй главѣ авторъ переходитъ къ разбору гипотезъ, предложенныхъ новѣйшими учеными для объясненія вышеозначенныхъ странностей. Эти гипотезы онъ дѣлитъ на три группы, обозначая ихъ именами трехъ архегетовъ: Рошера (объясняющаго эти странности допущеніемъ довольно сложнаго психологическаго процесса въ душѣ памфлетиста) Кобета (полагающаго, что наша *Ἀθ. πολ.* есть не что иное, какъ извлеченіе изъ первоначальнаго, написаннаго въ діалогической формѣ трактата) и Кирхгофа (прибѣгающаго къ предположенію, что странности сохраненнаго намъ сочиненія — плодъ небрежности діаскеваста александрійскихъ временъ, невѣрно соединившаго дошедшіе до него отрывки). Съ особенной обстоятельностью останавливается авторъ на послѣдней теоріи, пользующейся наибольшимъ авторитетомъ; но, назвавъ Кирхгофа, онъ долженъ былъ, думается мнѣ, назвать и Ланге, который значительно исправилъ Кирхгофову гипотезу, не прибѣгая притомъ къ другимъ пріемамъ, кромѣ тѣхъ, которые считаются позволительными въ критикѣ даже гораздо лучше сохраненныхъ авторовъ, напр. Тацита. Къ моему удивленію имя Ланге въ текстѣ вовсе не упоминается, а встрѣчается только въ примѣчаніи на стр. 20; здѣсь г. Шварцъ, ссылаясь въ своей полемикѣ противъ теоріи перестановокъ на несогласіе въ отдѣльныхъ пунктахъ ея приверженцевъ (аргументъ,

къ слову сказать, не особенно доказательный), продолжаетъ такъ: *наивное самодовольство, поэтому, Ланге достигнутыми имъ результатами можетъ вызвать только улыбку* (*ем. p. post. p. 411*). Ланге и „наивное самодовольство"! Nonne, отвѣчу словами Цицерона, ut ignis in aquam conjectus continuo restinguitur et refrigeratur, sic refervens falsum crimen in prudentissimam et modestissimam vitam collatum statim concidit et extinguitur? И въ чемъ же высказывается это наивное самодовольство? Пусть насъ разсудитъ самъ читатель: si ea, quae hucusque disputavimus, recte disputata sunt (NB), alteram jam seriem... effecimus, in qua sententiae eo nexu decurrunt, quo melior fortasse excogitari potuit (NB), qui tamen a scriptoris optimatis ingenio non abhorrere videtur. Eam autem seriem unius tantum particulae transpositione effecimus. Мнѣ кажется, скромнѣе нельзя было и выразиться. Вообще въ книгѣ г. Шварца вездѣ проглядываетъ странная и ничѣмъ не объяснимая враждебность къ Ланге; насколько она основательна, показываетъ наше мѣсто. Спѣшу прибавить, что вообще наша книга производитъ пріятное впечатлѣніе именно своимъ дѣловымъ, спокойнымъ и безпристрастнымъ тономъ.

Далѣе — въ третьей главѣ — авторъ толкуетъ о выдѣленныхъ имъ въ первой главѣ побочныхъ замѣткахъ, которыя онъ дѣлитъ на двѣ группы: простыя полемическія возраженія преимущественно моралистическаго характера и историческія справки; подробнѣе онъ останавливается на второй группѣ, какъ болѣе интересной, а именно на II 17 (о вѣроломствѣ демократіи), II 18 (объ *οὐκ ἐῶσι κωμῳδεῖν τὸν δῆμον*) и III 11 (о союзѣ съ мессенцами). Путемъ тщательнаго разбора этихъ трехъ мѣстъ онъ приходитъ къ результату, что авторъ ихъ былъ *человѣкомъ, непосредственно съ событіями этой эпохи незнакомымъ, которому они представлялись чѣмъ-то уже отдаленнымъ,* между тѣмъ, какъ авторъ самого памфлета писалъ несомнѣнно раньше 424 года. Результатъ этотъ невольно подкупаетъ читателя своимъ остроуміемъ; все же я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько неважныхъ замѣчаній по второму пункту и нѣсколько болѣе существенныхъ, можетъ быть, по третьему. Я вовсе не сѣтую на автора за то, что онъ не пользовался моей статьей De lege Antimachea scaenica — хотя знакомство съ ней, быть можетъ, и побудило бы его не повторять ошибочнаго мнѣнія, будто принятый въ архонтствѣ Морихида законъ о комедіи былъ внесенъ Антимахомъ, — не сѣтую потому, что самъ не вѣрю болѣе въ возможность рѣшить убѣдительнымъ образомъ вопросъ о законахъ *περὶ τοῦ μὴ κωμῳδεῖν ὀνομαστί*. Это, по моему мнѣнію, такая же crux, какъ и извѣстные римскіе законы ut plebiscita populum tenerent. Но рѣшительно не согласнымъ съ фактами слѣдуетъ

признать утвержденіе автора, будто второй (или третій) изъ этихъ законовъ, законъ Сиракосія *былъ и вовсе мертворожденнымъ, ибо въ самый годъ его изданія Фринихъ въ своемъ „Монотропѣ“ нашелъ возможнымъ не только безпрепятственно выбранить самого автора декрета, но самымъ недостойнымъ образомъ* (?) *насмѣяться и надъ цѣлымъ рядомъ другихъ именъ.* Слова *ἀφείλετο γὰρ κωμῳδεῖν οὓς ἐπεθύμουν* несомнѣнно принадлежатъ Фриниху; но даже если предположить, что они принадлежатъ схоліасту, то и тогда *ἀφείλετο* будетъ очень неудачнымъ словомъ по отношенію къ мертворожденному закону. Не проще ли допустить, что законъ Сиракосія не мѣшалъ поэтамъ бранить по своему усмотрѣнію *ἰδιώτας ἀνθρωπίσκους* въ родѣ Ликея, Телея и др.?— Что касается третьяго пункта, то не слишкомъ ли смѣлымъ будетъ утвержденіе автора (стр. 37): *Изъ весьма точныхъ* (utinam quidem!) *показаній Θукидида, Діодора и Плутарха мы знаемъ, что третья Мессенская война длилась отъ 464—455 г.*? Вѣдь уже давно высказано Крюгеромъ мнѣніе, что Θукидидово *δεκάτῳ ἔτει* произошло путемъ недоразумѣнія изъ *δ'τῳ=τετάρτῳ ἔτει*, и это мнѣніе принято м. пр. Бузольтомъ; а въ такомъ случаѣ экспедиція Никомеда будетъ прямымъ послѣдствіемъ окончанія Мессенской войны. Но вотъ найдена новая книга Аристотеля — которой авторъ, какъ видно изъ комментарія, уже могъ пользоваться,— а согласно ей третья Мессенская война — допуская, что она была десятилѣтней — длилась отъ 459 до 449 года (ср. Bauer, Literarische und historische Forschungen zu Aristoteles *Ἀθηναίων πολιτεία* стр. 85), такъ что экспедиціи спартанцевъ въ Фокиду (448/447) и Аттику (446/445) были послѣдствіями окончанія третьей Мессенской войны. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ слова памфлетиста *ὅτε εἵλοντο Λακεδαιμονίους ἀντὶ Μεσσηνίων, ἐντὸς ὀλίγου χρόνου Λακεδαιμόνιοι καταστρεψάμενοι Μεσσηνίους ἐπολέμουν Ἀθηναίοις* окажутся соотвѣтствующими истинѣ.

Въ четвертой главѣ авторъ даетъ свое объясненіе происхожденія выдѣленныхъ въ гл. 1 побочныхъ вставокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и происхожденія нашего памфлета въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сохранился. Отдѣлавшись вкратцѣ отъ объясненій приверженцевъ Рошера и Кобета, онъ доказываетъ, что выдѣленныя мѣста — *замѣтки, вызванныя чтеніемъ трактата у какого-то олигарха сравнительно болѣе поздняго времени (эпохи, повидимому, реставраціи), который, принадлежа къ крайней аристократической партіи, не прощавшей демократіи ея усиленія, приписалъ свои злобныя выраженія противъ утвержденій трактата, при чемъ обратилъ вниманіе только на темныя стороны демократіи.* Въ еще болѣе позднее время эти замѣтки были чисто механическимъ путемъ слиты съ самымъ памфлетомъ. Аналогію авторъ находитъ въ судьбѣ Политики Аристотеля. Особенно

удачной мнѣ кажется пятая глава, въ которой авторъ доказываетъ, что наша Ἀθ. πολ. — *древнѣйшій примѣръ той формы рѣчей, которыя начиная съ этого времени дѣлаются излюбленной формой не только практическаго краснорѣчія, но и тѣхъ политическихъ разсужденій и памфлетовъ, которыми такъ изобилуетъ IV вѣкъ.* Противъ двухъ послѣднихъ главъ я ничего сказать не могу.

Такимъ образомъ унитарной теоріи Рошера, эпитоматорной теоріи Кобета и діаскевастической теоріи Кирхгофа г. Шварцъ противопоставляетъ свою, теорію интерполяціонную, или, выражаясь точнѣе, аггрегаціонную. Не берусь рѣшить на мѣстѣ, правъ ли онъ или нѣтъ; но мнѣ кажется, что его теорія имѣетъ будущность. Она проста и убѣдительна, съ помощью ея задача рѣшается легко и безъ остатка — преимущества, которыми не могутъ похвастаться предшественники г. Шварца.

Я остановился подробнѣе на первой части разбираемой книги какъ въ виду ея основной важности, такъ и потому, что она одна допускаетъ подробный разборъ, будучи цѣльнымъ изслѣдованіемъ. Во второй и третьей части мы имѣемъ дѣло съ частностями, придется поэтому ограничиться общей характеристикой. Тутъ я, повинуясь долгу критика, пожалуюсь прежде всего на отсутствіе обозначенія главъ въ заголовкѣ страницъ, очень ощутительное для читателя, не знающаго трактата наизусть; пожалуюсь кстати и на отсутствіе указателя въ концѣ книги. Но этимъ мои жалобы исчерпаны. Въ установленіи текста г. Шварцъ болѣе консервативенъ, чѣмъ его предшественники; его интерполяціонная теорія дозволяетъ ему во многихъ мѣстахъ, признаваемыхъ раньше испорченными, обойтись безъ всякихъ измѣненій — что̀ разумѣется, является новой рекомендаціей этой теоріи. По той же причинѣ авторъ — если я не ошибаюсь — воздерживается отъ собственныхъ конъектуръ, благо въ конъектурахъ вообще недостатка нѣтъ; между послѣдними онъ сдѣлалъ разумный выборъ, при чемъ свою мотивировку онъ даетъ либо вкратцѣ подъ текстомъ, либо — гдѣ нельзя было обойтись безъ болѣе обстоятельнаго разбора мѣста — въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ. Что касается этихъ послѣднихъ, помѣщенныхъ особо и занимающихъ болѣе половины всей книги, то они, могутъ быть названы первымъ подробнымъ и полнымъ комментаріемъ на интересующее насъ сочиненіе. Въ нихъ, прежде всего, авторъ взялся доказать главное положеніе первой главы введенія, что Ἀθ. πολ. — если оставить въ сторонѣ побочныя замѣтки — является органическимъ цѣлымъ, вполнѣ послѣдовательно построеннымъ по опредѣленному плану. Этотъ „тектоническій“ комментарій, напечатанный ради удобства особымъ шрифтомъ, вышелъ довольно простран-

нымъ, что и не удивительно въ виду важности вопроса и представляемыхъ матеріей трудностей. Остальная часть комментарія посвящена разбору отдѣльныхъ мѣстъ.

Отмѣчу съ особеннымъ удовольствіемъ, что авторъ въ транскрипціи греческихъ именъ не даетъ никакой поблажки итацизму. Было бы желательно, чтобы въ этомъ отношеніи г. Шварцъ нашелъ какъ можно болѣе единомышленниковъ, и чтобы наши ученые перестали наконецъ искусственно расширять пропасть между филологами и образованной публикой вообще.

Ѳ. Зѣлинскій.

Handbuch der klassischen Alterthumswissenschaft, herausgegeben von Iwan Müller. II. Band: Griech. und lat. Sprachwissenschaft. Zweite neubearbeitete Auflage. Nördlingen 1890 (A. Griechische Grammatik von K. Brugmann, B. Lateinische Grammatik von Fr. Stolz und J. G. Schmalz, C. Lexicographie, D. Rhetorik, E. Metrik, Anhang. Musik [1]).

На очереди, для настоящаго реферата, стоитъ разсмотрѣніе отдѣловъ, посвященныхъ синтаксису, греческому (Бругмана) и латинскому (Шмальца). Прежде чѣмъ перейти къ нѣкоторымъ частнымъ замѣчаніямъ, имѣющимъ служить (кстати сказать) прежде всего для охарактеризованія разбираемыхъ сочиненій, согласно цѣлямъ журнала, мы попытаемся предварительно изложить общую точку зрѣнія для облегченія нашей задачи.

Разныя направленія въ разработкѣ индо-европ. языковъ, съ которымъ такъ или иначе приходится по сю пору считаться, могутъ быть сгруппированы и охарактеризованы въ слѣдующемъ приблизительно видѣ.

Прежде всего, каковъ бы ни былъ характеръ частныхъ видовъ научныхъ грамматическихъ занятій, но въ общемъ можно признать не болѣе какъ только двѣ струи, лежащія въ основаніи всей языковѣдной науки: философскую (философія языка) и историческую (исторія языка).

Первая изъ нихъ распадается на логическую и психологическую. Логическое направленіе въ языковѣдѣніи ставитъ (вѣрнѣе: ставило) себѣ задачею раскрывать въ языкѣ найденныя логикою категоріи мышленія, предполагая (и это предположеніе казалось наиболѣе убѣдительнымъ), что языкъ есть результатъ логическаго мышленія человѣка и что, слѣдова-

[1] Продолженіе; см. „Фил. Обозр." т. I, отд. 2, стр. 29 и 187.

тельно, въ этомъ отношеніи, всѣ языки между собою равны (такой, очевидно, вполнѣ правильный выводъ оказывался, однако, уже менѣе убѣдительнымъ). Направленіе это въ настоящее время можно считать вообще уже отжившимъ свой вѣкъ, по крайней мѣрѣ въ наукѣ, такъ какъ оно въ научномъ отношеніи неправильно, въ качествѣ апріористическаго шаблона, и притомъ даже педагогически не совсѣмъ безупречно[1]). Но въ свое время оно пользовалось громадною популярностью, благодаря блестящему изложенію у Беккера и его подражателя Heyse. Въ настоящее время прочнѣе всего держится еще, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ грамматикѣ древнихъ языковъ, дѣленіе придаточныхъ предложеній по категоріямъ времени, цѣли и т. д. Но даже и отъ этого дѣленія, которое въ силу привычки казалось бы неизбѣжнымъ[2]), разсматриваемые нами синтаксисы Бругмана и Шмальца отказались окончательно, какъ отъ дѣленія чисто схематическаго, не соотвѣтствующаго даннымъ исторіи индо-европейскихъ языковъ.

Впрочемъ исходною точкою для системы Беккера послужили нѣкоторыя превратно понятыя идеи философскаго направленія въ языковѣдѣніи, основаннаго В. Гумбольдтомъ. Тенденція гумбольтовской философіи языка заключалась, однако, не въ шаблонномъ подчиненіи логикѣ грамматики, а въ изслѣдованіи самыхъ процессовъ мышленія, лежащихъ въ основаніи языкового творчества. Вліянію этого направленія, заслуживающаго, въ отличіе отъ беккеріанизма, названія психологической школы языковѣдовъ, главнымъ представителемъ которой, послѣ Гумбольдта, былъ Штейнталь, издатель журнала „Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft“[3]), слѣдуетъ при-

---

[1]) Ср. объ этомъ напр. Steinthal, Logik, Grammatik und Psychologie; Jolly, Schulgrammatik und Sprachwissenschaft; Wackernagel, der Unterricht in der Muttersprache. Нельзя однако не сознаться, что въ педагогическомъ отношеніи логическая система грамматики обладаетъ и нѣкоторыми, довольно важными достоинствами, чѣмъ только и можно объяснить, что въ русской грамматикѣ, и, въ особенности въ синтаксисѣ, шаблонный беккеріанизмъ процвѣтаетъ въ значительной степени и понынѣ. Но именно эти достоинства логическаго направленія, не коренясь по существу своему въ грамматикѣ, а, напротивъ, будучи только внесены въ нее, оказываютъ какъ разъ грамматикѣ, можно сказать, медвѣжью услугу, служа одной изъ главнѣйшихъ причинъ недостаточной успѣшности въ гимназическомъ обученіи этому предмету, чѣмъ, въ свою очередь, можно объяснить, какъ естественное послѣдствіе, также и сравнительно слишкомъ малый процентъ молодыхъ ученыхъ силъ, обращающихся къ научнымъ занятіямъ именно по русской грамматикѣ, въ противоположность литературѣ.

[2]) Срвн. напр. Jolly l. c., стр. 77; id. Ein Kapitel vergleichender Syntax, стр. 8 сл.

[3]) Также точно и покойный А. А. Потебня, въ особенности въ его „Введеніи“ (и вообще въ его трудахъ по русской грамматикѣ), равно какъ и въ оставшейся въ рукописи „Теорія поэзіи“.

писать, между прочимъ[1]), и возникновеніе новой школы сравнительныхъ языковѣдовъ, принимающихъ въ расчетъ также и психологическія основанія языковыхъ процессовъ (ср. у Бругмана въ предисловіи ко 2-му изданіи греческой грамматики, стр. 4).

Подобнымъ образомъ и въ области историческаго направленія въ научной разработкѣ грамматики нужно различать прежде всего двѣ группы, нерѣдко сознательно противопоставляющія себя одна другой (ср. у Бругмана, стр. 9): одна — вращающаяся въ историческихъ предѣлахъ одного и того же языка, другая — доискивающаяся, главнымъ образомъ при помощи сравненія съ данными другихъ родственныхъ языковъ, того доисторическаго фундамента, на которомъ зиждутся факты извѣстнаго языка въ историческій періодъ его существованія. Изслѣдованія по спеціальнымъ грамматикамъ отдѣльныхъ языковъ могутъ быть опять двоякаго рода: a) Предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій могутъ служить отдѣльные моменты даннаго языка примѣнительно къ тому или другому періоду литературы, тому или другому писателю: это — дескриптивное (статистическое) направленіе. Къ этому разряду принадлежитъ громадное большинство научныхъ изслѣдованій изъ области латинской и греческой грамматики[2]), не исключая даже такихъ трудовъ, какъ напр. Нейе или Дрегера, представляющихъ собою не что иное, какъ сводку частныхъ изслѣдованій этого рода. Сюда же могутъ быть причислены также и обыкновенныя грамматики обоихъ языковъ, насколько онѣ выдѣляютъ языковой матеріалъ избранныхъ „классическихъ" писателей. b) Другой типъ этого рода ставитъ себѣ задачею прослѣдить извѣстные факты даннаго языка съ перваго ихъ появленія въ литературѣ или вообще письменности, съ ихъ постепенными измѣненіями отъ періода къ періоду, отъ писателя къ писателю: это — собственно историческое направленіе въ узкомъ смыслѣ этого слова (въ сознательной противоположности къ доисторическому періоду существованія того же языка). Сюда принадлежатъ напр. работы по греческому синтаксису въ сборникѣ

---

[1]) Къ тому же источнику восходитъ и развитіе модной въ настоящее время фольклористики, въ распоряженіе которой перешелъ даже и журналъ Штейнталя, измѣнивъ соотвѣтственно этому и заглавіе.

[2]) Какъ примѣръ образцоваго произведенія этого типа можно назвать сочиненіе С. И. Соболевскаго „Syntaxis Aristophaneae capita selecta. De sententiarum condicionalium temporalium relativarum formis et usu", по своимъ пріемамъ и по характеру результатовъ совершенно однородное съ такимъ же прекраснымъ сочиненіемъ изъ области римскихъ сакральныхъ древностей г. Крашенинникова „Римскіе муниципальные жрецы и жрицы". Сопоставленіе этихъ двухъ сочиненій имѣетъ здѣсь цѣлью пояснить, въ какомъ смыслѣ причисленъ наверху „дескриптивный" видъ языковѣдѣнія къ историческому направленію.

Шанца (Beiträge zur historischen Syntax der Griechischen Sprache), а также и латинскій синтаксисъ Шмальца представляетъ собою (и въ этомъ заключается главная его заслуга) умѣлую сводку подобныхъ историческихъ данныхъ латинскаго языка. Ясно, что оба типа историческаго направленія (дескриптивное и собственно-историческое) не исключаютъ другъ друга, служа одной и той же цѣли, именно изслѣдованію исторіи языка.

Другого рода направленія, старое и новое, въ сравнительномъ изученіи индо-европейскихъ языковъ. Отличіе одного отъ другого наиболѣе рельефно выступаетъ во взглядахъ на праязыкъ (ср. наши „Пад." стр. 79 сл.): между тѣмъ какъ старая школа стремилась къ опредѣленію индо-европ. праязыка въ первоначальномъ его видѣ, какимъ онъ обладалъ въ самомъ началѣ своей исторіи, т.-е. во время зарожденія его въ качествѣ флексивнаго языка изъ элементовъ агглутинующихъ, напротивъ, новая школа подразумѣваетъ подъ праязыкомъ вообще лишь заключительный его видъ, какой могъ онъ имѣть въ концѣ своего существованія, т.-е. въ періодъ, непосредственно предшествовавшій распаденію его на отдѣльныя нарѣчія, давшія въ итогѣ частные индоевроп. языки. Старую школу, въ виду того значенія, которое она придавала праязычнымъ реконструкціямъ или grundform'амъ[1]), можно было бы назвать *κατ' ἐξοχήν* реконструктивною, школу же Бругмана — прагматическо-сравнительною, такъ какъ даже при возсозданіи праязычныхъ формъ она имѣетъ въ виду прежде всего причинную послѣдовательность явленій, т.-е. возсоздаетъ доисторическія формы лишь постольку, поскольку онѣ могутъ служить для поясненія историческихъ фактовъ частныхъ индоевроп. языковъ. По отношенію же къ послѣднимъ цѣль современнаго сравнительнаго языковѣдѣнія состоитъ въ томъ, чтобы путемъ сравненія съ данными родственныхъ языковъ опредѣлить, какія явленія (фонетическія, морфологическія, синтактическія) представляютъ собою наслѣдство, хотя уже измѣненное, но принятое еще отъ праязыка, и какія должны быть признаны самостоятельными нововведеніями, развившимися уже на почвѣ того или другого частнаго языка.

Какъ изъ этого видно, сравнительное языковѣдѣніе, понятое въ только что изложенномъ смыслѣ, составляетъ существенное дополненіе къ собственно-историческому направленію въ области спеціальныхъ грамматикъ: послѣднія изслѣдуютъ состояніе данныхъ языковъ въ историческія времена, первое же — доисторическую почву, на которой эти явленія выростали.

---

[1]) Это зависѣло въ свою очередь отъ взглядовъ этой школы, по крайней мѣрѣ при Шлейхерѣ, на жизнь языка, сравниваемую тогда съ жизнью живого организма, и притомъ только въ его физической, животной части.

Примѣнительно къ этому опредѣленію этихъ двухъ типовъ языковѣдѣнія легко вкратцѣ опредѣлять и общій характеръ разсматриваемыхъ нами трудовъ Бругмана и Шмальца. Бругманъ опредѣляетъ возможно древнѣйшее состояніе отдѣльныхъ фактовъ языка съ цѣлью генетическаго изъясненія историческаго ихъ вида, засвидѣтельствованнаго памятниками письменности, напротивъ, Шмальцъ имѣетъ въ виду прослѣдить исторію отдѣльныхъ фактовъ языка за время существованія римской литературы. Такимъ образомъ, еслибъ трудъ того и другого касался одного и того же языка, то оба они восполняли бы взаимно другъ друга, такъ какъ того, чтò есть у Шмальца, не имѣется у Бругмана (ср. его объясненія по этому поводу въ предисловіи ко 2-му изданію, стр. 3), и, наоборотъ, то, чтò даетъ Бругманъ, у Шмальца отсутствуетъ. Однако, между тѣмъ какъ у Бругмана пробѣлъ вполнѣ сознателенъ, какъ видно изъ предисловія, наоборотъ, Шмальцъ замѣтно стремится по мѣрѣ силъ указывать также и генетическій базисъ синтактическихъ фактовъ (ср. его замѣчаніе въ „Введеніи“, стр. 389), но это выходитъ у него крайне неравномѣрно и притомъ вообще неумѣло.

Синтаксисъ Бругмана (стр. 177—235) состоитъ изъ слѣдующихъ оглавленій:

1. Verbum: a) genera verbi, b) основы временъ, c) modi, d) неопредѣленное и причастіе.

2. Nomen: a) родъ существительныхъ, b) падежи, c) прилагательное.

3. Pronomen, 4. Предлоги, 5. Частицы, 6. Соединеніе предложеній.

Со взглядами Бругмана, заключающимися въ послѣдней главѣ (о сложныхъ предложеніяхъ), равно какъ и въ предпослѣдней, представляющей собою перечень греческихъ союзовъ и прочихъ частицъ примѣнительно къ ихъ этимологіи, приходится намъ считаться въ помѣщаемомъ въ этомъ журналѣ циклѣ статей о синтаксисѣ сложныхъ предложеній, греческихъ и латинскихъ, вызванномъ именно вышеупомянутымъ пробѣломъ въ синтаксисѣ Шмальца. Также точно предметы двухъ первыхъ статей Бругмана (о залогахъ и временахъ) составляетъ тему нашего изслѣдованія о „Залогахъ“ (1888 г., напечатаннаго въ качествѣ перваго выпуска 3-го тома „Этюдовъ и матеріаловъ для научнаго синтаксиса лат. языка“) и „Объ основныхъ значеніяхъ греческихъ временъ“ (Ж. М. Н. Пр. Іюнь 1891). Далѣе и по отношенію къ статьѣ о наклоненіяхъ затронуты нами нѣкоторые вопросы въ „Фил. Обозр.“ I, 1, стр. 8—16, равно какъ и по отношенію къ статьѣ о числахъ (о множ. ч.) въ нашихъ замѣткахъ къ Катуллу въ Ж. М. Н. Пр. за 1890 г. Нако-

нецъ въ одной изъ послѣдующихъ книжекъ „Филол. Обозр.“ предполагаемъ коснуться семазіологіи мѣстоименій, поэтому въ настоящемъ случаѣ считаемъ возможнымъ ограничиться этими ссылками, не входя въ подробности соотвѣтствующихъ главъ у Бругмана. Что же касается остальныхъ отдѣловъ синтаксиса Бругмана, то остановимся съ нѣкоторою обстоятельностью на статьѣ о падежахъ, пользуясь этимъ случаемъ для провѣрки нашихъ взглядовъ на этотъ предметъ въ „Падежахъ“, напечатанныхъ въ 1885 г., т.-е. одновременно съ 1-ымъ изданіемъ грамматики Бругмана, но написанныхъ раньше появленія послѣдней.

Нашему вступительному обозрѣнію теоріи падежей (стр. 1—76) соотвѣтствуетъ у Бругмана § 175, въ которомъ, впрочемъ, совмѣщены собственно три вопроса: a) объ основномъ значеніи падежей, b) о происхожденіи нарѣчій и c) о смѣшанныхъ (синкретистическихъ) падежахъ. Разсужденія его объ основныхъ значеніяхъ падежей имѣютъ въ виду, во-первыхъ, теорію шлейхеровскихъ реконструкцій, основанныхъ на той или другой этимологіи падежныхъ суффиксовъ, и, во-вторыхъ, взгляды Дельбрюка и Гюбшмана. Относительно перваго пункта Бругманъ высказывается коротко: „о происхожденіи падежныхъ суффиксовъ имѣются лишь болѣе или менѣе непрочныя догадки; поэтому и первоначальное значеніе падежей нельзя считать доказаннымъ“. Мы употребили здѣсь выраженіе „первоначальное значеніе“, такъ какъ, согласно объясненію на стр. 13, Бругманъ разумѣетъ подъ Grundbedeutung, совершенно въ смыслѣ шлейхеровской школы, то основное значеніе, которое опредѣлялось этимологическимъ значеніемъ суффикса еще въ тѣ времена, когда они только что превращались въ суффиксы изъ первоначально самостоятельныхъ словечекъ, т.-е. въ самомъ началѣ развитія индо-европейскаго праязыка. Для насъ же имѣетъ мѣсто только такое основное значеніе, которое, судя по суммѣ данныхъ, почерпнутыхъ изъ отдѣльныхъ языковъ, существовало вообще въ праязыкѣ, т.-е. прежде всего въ концѣ его существованія (ср. „Пад.“ стр. 81). При этомъ ничего не значитъ, если для того или другого падежа придется принять не одно основное значеніе, а два или даже болѣе, какъ это предполагаетъ Бругманъ, напр. даже для род. падежа (т.-е. для собственнаго индо-европейскаго род., какимъ онъ сохранился въ лат. языкѣ). „Мы не имѣемъ права“, говоритъ Бругманъ, „настаивать на одномъ основномъ значеніи въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ были въ употребленіи два суффикса, не могущіе быть отождествлены, каковы суффиксы род. падежа os (или -es) и sįŏ“. И дѣйствительно, хотя мы въ нашихъ „Пад.“ исходили при изложеніи род. падежа изъ одного предполагаемаго значе

нія (род. = прилагательному, стр. 144), тѣмъ не менѣе самимъ ходомъ разсужденія мы пришли къ заключенію (стр. 156), что основное значеніе род. падежа сводится явственно къ **двумъ** типамъ: аттрибутивно-поссессивному и аппозитивному, замѣнившему форму аппозиціи формою аттрибутивнаго падежа; возможно, слѣдовательно, что оба эти типа распредѣлялись первоначально такъ, что одному изъ нихъ соотвѣтствовалъ суффиксъ -os, другому — суффиксъ -sio. Согласно съ вышеупомянутымъ требованіемъ Бругмана заслуживаетъ нѣкотораго вниманія и наше предположеніе („Пад." стр. 89) о возможности происхожденія окончанія -em (изъ -m) въ вин. падежѣ въ виду цѣльности (при всемъ разнообразіи) его функцій. Самъ же Бругманъ склоняется въ пользу толкованія Лескина, видящаго въ этомъ -em случайно приставшую частицу, не имѣвшую первоначально падежнаго значенія.

Характеризуя далѣе теорію дѣленія падежей на локальные и грамматическіе, Бругманъ опять примыкаетъ всецѣло къ Дельбрюку (ср. „Пад.", стр. 51 сл.), какъ видно особенно изъ его опредѣленія дат. падежа, для котораго нами („Пад.", стр. 352), въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ толкованій, предположено адессивное значеніе, какъ основное, достаточно извѣстное изъ финской грамматики. Отъ Дельбрюка отличается здѣсь Бругманъ только окончательной замѣткой, по которой также и въ грамматическихъ падежахъ первоначальное значеніе должно было быть болѣе конкретное. Однако, по крайней мѣрѣ по отношенію къ вин. и род. падежамъ, эта замѣтка Бругмана заключаетъ въ себѣ положительный регрессъ въ сторону локалистической теоріи.

Вставленное затѣмъ замѣчаніе о нарѣчіяхъ касается главнымъ образомъ ихъ морфологическаго отношенія къ обычнымъ въ данный періодъ даннаго языка падежнымъ формамъ.

Возникновеніе синкретистическихъ (смѣшанныхъ) падежей обусловливается, по опредѣленію Бругмана, вообще слѣдующими двумя процессами: сближеніемъ синтактическихъ функцій и совпаденіемъ морфологическимъ. Но въ частности для греческаго языка Бругманъ предпочитаетъ вообще первую причину; даже при лок. множ. числа на *-οισι* и инстр. того же числа на *-οις* морфологическому сходству онъ придаетъ лишь второстепенное значеніе (ср. однако „Пад.", стр. 324 сл.). Такое пренебреженіе морфологическими условіями выходитъ у Бругмана нѣсколько страннымъ [1]).

[1]) Какъ иногда могутъ смѣшиваться двѣ формы безъ всякаго синтактическаго воздѣйствія просто по морфологическимъ причинамъ, видно напр. изъ смѣшенія им. и вин. множ. ч. въ разныхъ греч. діалектахъ (чаще форма им. идетъ за вин., рѣже наоборотъ, см. у Бругмана стр. 201 и 203). Подобнымъ образомъ русская форма им. „волки" морфологически основывается на вин.

§§ 176 и 177, трактующіе о зват. и имен., касаются главнымъ образомъ замѣны одного падежа другимъ. Также и это явленіе, безъ сомнѣнія, можно объяснить скорѣе морфологическимъ сходствомъ, чѣмъ чисто синтактическими причинами (см. „Пад.", стр. 82 сл.), что̀, до извѣстной степени, допускаетъ и Бругманъ.

При изложеніи вин. падежа (§ 178—180) Бругманъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о случаяхъ формальнаго безразличія им. и вин., главнымъ образомъ въ среднемъ родѣ (см. „Пад.", стр. 89 сл.). Опредѣленіе общаго значенія (отлично отъ „основного" см. у него стр. 13) для вин. падежа („вин. падежъ приводитъ имя въ самую неопредѣленную связь съ глаголомъ") оказывается дѣйствительно слишкомъ „неопредѣленнымъ" для исторической грамматики. Генетически разъясняется синтактическій характеръ вин. падежа весьма удовлетворительно предположеніемъ, что это былъ первоначально единственный косвенный падежъ, постепенно, по мѣрѣ выработки спеціальныхъ („локальныхъ") падежей и предлоговъ, суживавшійся въ своемъ употребленіи, однако такъ, что нѣкоторые древніе типы употребленія продолжаютъ свое существованіе и въ позднѣйшія времена, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ случаяхъ („Пад.", стр. 85, 92 сл.). Также и подраздѣленіе историческихъ типовъ употребленія вин. падежа не отличается у Бругмана какими-либо особыми достоинствами, что̀ онъ и самъ признаетъ, помѣщая подъ чертой пространную оговорку, съ ссылкою на Дельбрюка. Подраздѣленіе это вполнѣ примыкаетъ къ традиціонной грамматикѣ съ ея дѣленіемъ: 1) на вин. внѣшняго объекта, 2) внутренняго объекта, 3) направленія и 4) протяженія, съ тѣмъ только различіемъ, что для первыхъ двухъ нумеровъ Бругманъ предлагаетъ свою терминологію: вмѣсто вин. внѣшняго объекта говоритъ онъ „вин. послѣ verba des Affizirens", при чемъ, какъ примѣръ такого afficere приведено *ἄγειν*. Терминъ этотъ вѣренъ только a parte potiori, не обнимая собою такихъ глаголовъ, какъ напр. „говорить о комъ", „знать про кого" и т. д., навѣрно сочинявшихся прежде съ винит. въ разныхъ индо-европ. языкахъ, ср. „Пад.", стр. 84. Болѣе удаченъ терминъ для винит. внутренняго объекта: „винит. послѣ verba des Hervorbringens" съ подраздѣленіемъ на accus. des Resultates (= полной fig. etym.) и acc. des Inhalts (= сокращ. fig. etym.), хотя и здѣсь, напр. при оборотѣ *νικᾶν πένταθλον*, терминъ Бругмана, какъ общій, такъ и частный, не обходится безъ нѣкоторой натяжки.

Къ этимъ четыремъ рубрикамъ для вин. падежа Бругманъ присоединяетъ „вин. отношенія", но безъ всякой нумераціи на томъ основаніи, что по его толкованію это не самостоятельный типъ, а только случайный результатъ разныхъ частныхъ случаевъ

изъ первыхъ 4 подраздѣленій; къ тому же результатъ этотъ, по мнѣнію Бругмана, создался уже на спеціальной почвѣ греч. языка, но, впрочемъ, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ образцовъ, несомнѣнно унаслѣдованныхъ отъ праязыка. Не трудно замѣтить, что Бругманъ не сумѣлъ въ этомъ случаѣ отрѣшиться отъ прежняго увлеченія санскритскимъ языкомъ, переносившаго все, что имѣется въ этомъ языкѣ, цѣликомъ и въ томъ же видѣ, и на праязыкъ. Между тѣмъ въ настоящее время считается безспорнымъ, что напр. греч. языкъ въ фонетикѣ и морфологіи кое въ чемъ оказывается гораздо болѣе сохраннымъ, чѣмъ санскритъ. Нѣтъ причины отвергать такую же возможность и для синтаксиса. Такимъ образомъ и вин. отношенія можетъ быть признанъ праязычнымъ типомъ употребленія, сохранившимся въ полной силѣ въ греч. языкѣ, между тѣмъ въ санскритѣ остались только кое-какія крохи, ср. „Пад.", стр. 124. Недостаточно, съ точки зрѣнія историческаго направленія, также и изложеніе нарѣчнаго винительнаго (§ 179, ср. „Пад", стр. 114).

Говоря въ § 180 о сопоставляемыхъ винительныхъ (двухъ или нѣсколькихъ), Бругманъ выдвигаетъ особо только два случая, признаваемые имъ проэтническими т.-е. праязычными: 1) соединеніе двухъ внѣшнихъ объектовъ a) при *σχῆμα καθ᾽ ὅλον καὶ κατὰ μέρος* и b) при *ἐρωτάω τί τινα* и т. п., и 2) соединеніе вин. внѣшняго объекта съ вин. внутренняго объекта *(ὄν φίλει παντοίην φιλότητα)*. Удивительно, что тутъ совсѣмъ опущено[1]) соединеніе вин. внѣшняго объекта съ такъ-наз. предикативнымъ вин. (т.-е. двойной вин., переходящій въ страд. залогѣ въ двойной имен.). Наше объясненіе см. „Пад.", 143. Примѣнительно же къ терминологіи Бругмана можно усматривать въ этомъ случаѣ своего рода зевгму, такъ какъ напр. оборотъ creare Ciceronem consulem можетъ быть понимаемъ какъ сведеніе двухъ оборотовъ: 1) creare Ciceronem, гдѣ creare = verbum des Affizirens („выбирать Цицерона" какъ „хвалить Цицерона", „изгонять Цицерона" и т. п.) и 2) creare consulem, гдѣ creare = verbum des Hervorbringens („выбирать консула", какъ частный случай общаго „выбирать выборныхъ магистратовъ").

При изложеніи род. падежа (§ 181 сл.) собственный родительный (§ 182) опять-таки объясняется чисто традиціоннымъ способомъ: „род. падежъ ставитъ одно имя къ другому въ тѣсную связь"; но на чемъ это основано, не указывается ни словомъ. Генезисъ родительнаго представляется намъ въ такомъ видѣ: нѣкогда рядомъ съ единственнымъ (общимъ) косвеннымъ паде-

[1]) Вѣроятно потому, что объ этомъ же умалчиваетъ и Дельбрюкъ (въ Grundlagen).

жомъ (= вин.), служившимъ для опредѣленія глагола во всѣхъ отношеніяхъ, существовалъ параллельно другой падежъ (=род.), игравшій ту же роль по отношенію къ именамъ. Конструкція родительнаго, зависящаго отъ глаголовъ, хотя навѣрно уже имѣвшаяся и въ праязыкѣ, должна быть поэтому объяснена изъ какого-либо частнаго типа употребленія род. падежа при именахъ, какъ это дѣлаетъ и Бругманъ, возводя это къ gen. part. (т.-е. вѣрнѣе къ gen. quant., см. „Пад.“, стр. 160). Однако врядъ-ли вѣрно, если Бругманъ, изъ того же gen. part. (т.-е. quant.) объясняетъ также и род. времени и род. мѣста: первый изъ нихъ (gen. temp.) объясняется очень просто изъ аттрибутивнаго значенія родительнаго падежа, какъ бывшаго прилагательнаго (см. „Пад.“, стр. 235), род. же мѣста, встрѣчающійся изрѣдка въ отдѣльныхъ языкахъ, можетъ быть признанъ аналогической конструкціей, создавшейся путемъ, указаннымъ въ „Пад.“, стр. 237 прим.

Аблативная часть греческаго родительнаго (§ 183) достаточно прозрачна, какъ по своему основному значенію, такъ и по отношенію къ вопросу о томъ, какіе типы употребленія синкретистическаго греческаго родительнаго должны быть отнесены именно къ аблативу. Поэтому Бругманъ останавливается лишь на gen. comporationis, относимомъ правильно къ аблативу (ср. „Пад.“, стр. 352). Напротивъ объясненіе родительнаго при превосходной степени изъ того же аблатива сравненія страдаетъ излишнею шаблонностью; ср. наше изложеніе этого вопроса въ „Пад.“, стр. 158 подъ чертой.

Относительно дат. падежа (§ 184) Бругманъ предполагаетъ, какъ болѣе древній процессъ въ исторіи этого падежа, сліяніе собственнаго (праязычнаго) дательнаго съ инструменталемъ, между тѣмъ какъ локативъ считаетъ онъ примкнувшимъ къ нимъ уже позже, при чемъ въ одной части греческихъ діалектовъ взяла верхъ соединенная дативно-инструментальная форма *(οἴκῳ)*, въ другихъ же форма локатива *(οἴκοι)*. Обозрѣніе употребленія собственнаго дательнаго ничѣмъ не отличается у Бругмана отъ обыкновенныхъ практическихъ грамматикъ. Не объясненъ напр. генезисъ значенія цѣли, свойственнаго дательному падежу. По нашему изложенію въ „Пад.“, стр. 370 сл., значеніе цѣли лежитъ не въ самомъ падежѣ, а въ его соединеніи съ nomina actionis [1]), составляющемъ точную параллель къ такому же соединенію обыкновеннаго dat. commodi съ nomina agentis; значеніе цѣли въ первомъ соединеніи является только переноснымъ употребленіемъ второго; дат. цѣли есть, слѣдовательно, абстрактный видъ болѣе конкретнаго dat. commodi. Зна-

[1]) На этомъ же основывается первоначальное значеніе неопредѣленнаго наклоненія, насколько оно восходитъ къ формѣ дательнаго.

ченіе мѣстнаго направленія, насколько оно встрѣчается въ отдѣльныхъ языкахъ, можетъ быть признано сравнительно болѣе позднимъ явленіемъ, развившимся отчасти на основаніи значенія цѣли, отчасти параллельно съ нимъ (ср. „Пад.“, стр. 364).

Въ отдѣлѣ о локативной части греч. дательнаго падежа (§ 186) Бругманъ упоминаетъ только о двухъ значеніяхъ локатива: объ обыкновенномъ значеніи (на вопросъ „гдѣ“) и о мнимомъ значеніи направленія (на вопросъ „куда“), при чемъ послѣднее объяснено, хотя и правильно, но недостаточно ясно. Совсѣмъ не упомянуто о локативномъ значеніи отношенія, весьма важномъ для объясненія неопредѣленнаго наклоненія, насколько оно формально равняется локативу (ср. „Пад.“, стр. 95).

Въ инструментальной части греч. дательнаго Бругманъ кладетъ въ основаніе соціативное значеніе (по Дельбрюку), но не даетъ генетическаго объясненія связи этого значенія съ просекутивнымъ и собственно инструментальнымъ. По нашему мнѣнію („Пад.“, стр. 270) соціативъ и просекутивъ составляютъ два параллельные типа, къ которымъ въ одинаковой степени примыкаетъ собственный инструменталь, могущій основываться какъ на томъ, такъ и на другомъ типѣ и составляющій, такимъ образомъ, связующее звено между обоими.

Въ общемъ изложеніе падежей у Бругмана является въ значительной степени лишь сокращенной передѣлкой третьей главы Дельбрюковыхъ Grundlagen der griechischen Syntax. Вліяніе Дельбрюка замѣтно и въ прочихъ статьяхъ, насколько предметъ ихъ соотвѣтствуетъ содержанію упомянутаго сочиненія Дельбрюка (въ которомъ напр. совсѣмъ не затронутъ вопросъ о сложныхъ предложеніяхъ). Но Бругманъ превосходитъ Дельбрюка вездѣ тамъ, гдѣ дѣло касается чисто морфологическихъ вопросовъ; ср. напр. изложеніе отдѣльныхъ предлоговъ у Дельбрюка и Бругмана.

Въ сравненіи съ фонетикой и морфологіей, синтаксисъ Бругмана оказывается такимъ образомъ, правда, нѣсколько менѣе самостоятельнымъ, а также и въ одностороннемъ вышеразъясненномъ смыслѣ; но и такъ принадлежитъ этому труду весьма почетное мѣсто въ особенности благодаря обильному морфологическому матеріалу, привлекаемому Бругманомъ для объясненія синтактическихъ фактовъ.

И. Нетушилъ.

La fin du paganisme, étude sur les dernières luttes religieuses en Occident au quatrième siécle par Gaston Boissier. I—II. Paris 1891 (459 и 500 стр.).

Двухтомное сочиненіе извѣстнаго парижскаго профессора и академика Буассье подъ приведеннымъ выше заглавіемъ явилось результатомъ интереса автора къ латинскимъ писателямъ IV вѣка. Выясняя литературный обликъ такихъ представителей христіанской литературы, каковы: Пруденцій, Павлинъ Ноланскій, блаж. Августинъ, св. Іеронимъ, и сопоставляя съ ними современныхъ имъ языческихъ писателей, авторъ пожелалъ ввести этотъ анализъ въ рамки историческаго изложенія и исполнилъ свое намѣреніе съ обычнымъ и давно за нимъ признаннымъ умѣніемъ и искусствомъ. Сухіе силуэты этихъ писателей, каковыми предстаютъ они, напримѣръ, у Эберта въ его извѣстной Geschichte der christlich-lateinischen Literatur (Leipzig 1874), замѣнены подъ изящнымъ перомъ Буассье живыми образами людей, много думавшихъ и чувствовавшихъ, ярко отразившихъ въ своихъ произведеніяхъ современную имъ дѣйствительность. Останавливаясь по преимуществу на тѣхъ чертахъ и данныхъ ихъ произведеній, которыя нерасторжимо соединяютъ ихъ съ языческимъ міромъ и прошлымъ римской литературы, Буассье провелъ въ своемъ произведеніи ту мысль, что новая культура, представляемая этими христіанскими писателями, была въ огромной мѣрѣ преданіемъ языческаго міра, что христіанство усвоило и восприняло въ себя все лучшее изъ древней цивилизаціи, поскольку оно дано въ литературѣ, и такимъ образомъ передало древнее наслѣдіе новому міру.

Въ этой общей мысли автора, которая повліяла и на самое распредѣленіе его интереса къ отдѣльнымъ представителямъ литературы того времени, находитъ нѣкоторое оправданіе то широкое заглавіе, во всякомъ случаѣ не вполнѣ подходящее, такъ какъ оно обѣщаетъ гораздо больше, чѣмъ сколько можетъ найти въ этой книгѣ читатель. Зато, съ другой стороны, авторъ съ подробностью остановился на многомъ, что по отношенію къ IV в. имѣетъ только значеніе подготовительныхъ условій. Разумѣю прежде всего вопросъ о римской школѣ и системѣ образованія въ римскомъ мірѣ. Выясненію этихъ вопросовъ посвящена вторая изъ шести книгъ, на которыя раздѣлено все сочиненіе (I, 171—255). Содержаніе этой книги, гдѣ авторъ начинаетъ съ повѣствованія о самомъ началѣ школьнаго дѣла въ Римѣ,

служитъ введеніемъ къ слѣдующей, третьей книгѣ, въ которой онъ выясняетъ вліяніе языческой по самому своему содержанію школы на христіанскихъ писателей. Подробно остановившись на Тертулліанѣ и Минуціи Феликсѣ (I, 259—338), писателяхъ конца II и начала III вѣка, Буассье входитъ затѣмъ уже непосредственно въ свою тему, обращаясь къ блаж. Августину (I, 339—379). Въ мастерскомъ и изящномъ изложеніи авторъ обосновываетъ и доказываетъ свое положеніе, что школа была той почвой, на которой совершалось приспособленіе и сліяніе древняго язычества съ новымъ христіанскимъ міромъ.

Историческій обзоръ побѣды христіанства составляетъ содержаніе первой книги (I, 11—168), гдѣ представленъ общій очеркъ періода времени отъ Константина Великаго до Юліана включительно. Повѣствованіе о дальнѣйшихъ событіяхъ политическаго характера введено въ изложеніе шестой книги, носящей заглавіе: „Послѣднія боренія“ (II, 267—492). Въ этомъ отдѣлѣ повѣствованіе не имѣетъ уже чисто историческаго характера, какъ въ первой, такъ какъ обзоръ историческихъ фактовъ служитъ только канвой для повѣствованія о борьбѣ идей въ ту пору, а также для выясненія христіанскаго историческаго міровоззрѣнія, которое представилъ блаж. Августинъ въ своемъ знаменитомъ трактатѣ De civitate Dei (II, 339—390).

Въ заключеніе шестой книги, и вмѣстѣ съ тѣмъ самаго сочиненія, авторъ помѣстилъ два общихъ очерка. Первый предназначенъ дать отвѣтъ на вопросъ: „лежитъ ли на христіанствѣ отвѣтственность за гибель Имперіи?“ Подраздѣляя этотъ общій вопросъ на цѣлый рядъ частныхъ, Буассье приходитъ къ отрицательному общему отвѣту (II, 391—445). Второй очеркъ носитъ заглавіе: „Наканунѣ нашествія варваровъ“. Здѣсь авторъ слѣдитъ за постепеннымъ измѣненіемъ во взглядѣ на Имперію съ одной стороны и варваровъ, ее разрушавшихъ, съ другой, за небольшой періодъ времени (Августинъ, Орозій, Сальвіанъ). Первый умеръ вѣрнымъ сыномъ Рима, врагомъ варваровъ, осаждавшихъ въ ту пору его Гиппону. Въ бѣдствіяхъ настоящаго онъ не видѣлъ и не угадывалъ конца строя древняго міра. Орозій видѣлъ уже утвержденіе варваровъ въ нѣдрахъ Имперіи и мирился съ этимъ событіемъ, питая вѣру въ возможность новаго политическаго идеала, который онъ называлъ новымъ словомъ Romania. Сальвіанъ доказывалъ правду варваровъ, громилъ развращенность римской культуры, чувствовалъ себя заодно съ тѣми, кто хотѣлъ отказаться отъ римскаго имени и слиться съ этими обновителями стараго міра.

Въ этомъ союзѣ церкви съ варварами видитъ Буассье не измѣну, а залогъ будущей цивилизаціи, въ которой церковь явилась хранительницею культурнаго наслѣдія древняго Рима.

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ содержаніе новаго произведенія заслуженнаго автора. Не входя здѣсь въ болѣе подробное его разсмотрѣніе, которое мы имѣли недавно случай представить въ другомъ мѣстѣ[1]), позволимъ себѣ замѣтить, что, при всѣхъ достоинствахъ общей концепціи, изложенія и стиля, оно можетъ оказать существенную помощь образованной публикѣ въ ознакомленіи съ древнимъ міромъ на его склонѣ. Но въ спеціальную ученую литературу оно вноситъ гораздо меньше, чѣмъ можно то признать относительно работъ того же автора въ предшествующее время.

Юліанъ Кулаковскій.

Sibyllinische Blätter von Hermann Diels. Berlin 1890 (158 стр.).

Небольшое и полное живого интереса изслѣдованіе берлинскаго профессора Дильса подъ выписаннымъ выше заглавіемъ имѣетъ своимъ предметомъ уясненіе одного стихотворнаго отрывка въ 70 строкъ, сохраненнаго писателемъ II вѣка по Р. Х., Флегонтомъ изъ Траллъ, въ 10-й главѣ его сочиненія Mirabilia *(περὶ θαυμασίων)*. Самый отрывокъ и примѣчанія къ его тексту, критическія и экзегетическія, приложены въ концѣ работы (стр. 108—124) въ видѣ перваго приложенія. Второе приложеніе къ ней составляетъ текстъ первыхъ шести главъ II-й книги Зосима съ критическимъ къ нему аппаратомъ (стр. 125—135). Въ заключеніе помѣщены два указателя къ тексту изслѣдованія и вызвавшаго его отрывка изъ Флегонта (стр. 137—158). Стройное, послѣдовательное и въ высшей степени содержательное изложеніе автора предшествуетъ тексту заинтересовавшаго его фрагмента (стр. 1—108).

Причину своего вниманія къ сохраненнымъ у Флегонта стихамъ авторъ высказываетъ въ самомъ началѣ своей работы: онъ признаетъ въ нихъ не что иное, какъ подлинный отрывокъ изъ тѣхъ Сивиллиныхъ книгъ, которыя хранились на Капитоліи какъ народная святыня римскаго государства. Подъ такимъ обозначеніемъ приведены эти стихи у Флегонта, и Дильсъ считаетъ это несомнѣннымъ; что же до подлинности ихъ, то это слово въ примѣненіи къ данному отрывку имѣетъ особый смыслъ, который разъясняетъ авторъ въ дальнѣйшемъ.

У Флегонта сообщено, что „въ консульство М. Плавція, Секста Карминія Гипсея и М. Фульвія Флакка“, по случаю рожденія

---

[1]) Кіевскія Университетскія Извѣстія. 1891. Октябрь.

въ Римѣ двуполаго человѣка, сенатъ повелѣлъ обратиться къ Сивиллинымъ книгамъ, изъ которыхъ и было извлечено приводимое имъ въ 70 стихахъ указаніе на обряды умилостивленія боговъ и очищенія государства отъ скверны. Приведеніе именъ трехъ консуловъ для обозначенія года составляетъ очевидную ошибку. Прозвище Hypsaeus принадлежитъ Плавцію, такъ что, по устраненіи изъ текста имени Секстъ Карминій, получается точная дата M. Plautio Hypsaeo M. Fulvio Flacco cos., т.-е. 125 годъ до Р. Х. Самую возможность сохраненія отрывка изъ облекавшихся великой тайной Сивиллиныхъ книгъ объясняетъ авторъ тѣмъ, что, въ случаяхъ обращенія къ нимъ, извлеченное изъ нихъ указаніе должно было докладываться въ сенатѣ, а совершенныя въ силу этого указанія церемоніи заносились въ оффиціальную лѣтопись государства, Annales maximi: доказательство того, что и самый текстъ оракула не составлялъ въ такихъ случаяхъ тайны, дано намъ у Ливія, который включилъ въ свое изложеніе перифразъ двухъ отрывковъ изъ предсказаній Марція (25, 12). Эти фальсифицированныя, мнимо древнія, откровенія получили оффиціально аналогичное съ Сивиллинными книгами значеніе государственной святыни и были ввѣрены храненію тѣхъ же децемвировъ, которые вѣдали откровенія Сивиллы. Дильсъ высказываетъ предположеніе, что Ливій зналъ тексты оракуловъ Марція изъ анналъ Фабія Пиктора, отъ котораго ему извѣстенъ былъ также и отвѣтъ Дельфійскаго оракула (23, 11) римскому посольству, въ которомъ участвовалъ Фабій Пикторъ.

Когда въ 125 году до Р. Х. такой страшный prodigium, какъ рожденіе двуполаго человѣка, вызвалъ обращеніе къ Сивиллинымъ книгамъ, то текстъ изъ нихъ могъ попасть въ сенатскіе acta и позднѣе быть занесенъ въ анналы. Римскіе анналисты не могли однако, какъ справедливо замѣчаетъ Дильсъ, сохранить греческій подлинникъ оракула въ своемъ латинскомъ изложеніи. Въ поискахъ за греческимъ писателемъ, который бы могъ, по общему своему настроенію и характеру, проявить интересъ и вниманіе къ даннымъ подобнаго рода, Дильсъ останавливается на стоикѣ Посидоніи, старшемъ современникѣ Цицерона. Этому философу, весьма не чуждому всякаго суевѣрія, какъ то на основаніи разныхъ свидѣтельствъ доказываетъ Дильсъ, принадлежитъ сочиненіе, до насъ не дошедшее, носившее заглавіе *ἱστορίαι τῶν μετὰ Πολύβιον*. Однимъ изъ пріятелей Посидонія былъ Рутилій Руфъ, написавшій римскую исторію на греческомъ языкѣ. Дильсъ считаетъ возможнымъ, что Посидоній заимствовалъ этотъ отрывокъ изъ творенія Рутилія, а Флегонтъ взялъ его у Посидонія.

Установивъ вѣроятность такой судьбы отрывка, Дильсъ ищетъ затѣмъ автора самыхъ стиховъ. Вторая половина отрывка отъ

стиха 30 и до конца даетъ акростихъ, который состоитъ изъ одного цѣльнаго гексаметра и начала второго, а именно:

ἵππῳ ἀγαλλόμενος πάλιν αὖ [χα]κὸν εἰς νέον ἥξει,
αὐτά[ρ]...

Какъ извѣстно, акростихическое построеніе стиховъ считалось признакомъ подлинности Сивиллиныхъ оракуловъ, хотя упоминающій объ этомъ Цицеронъ (De divin. II, 54, 111. 112) самъ заключаетъ, что это условіе предполагаетъ не столько вдохновеніе автора, сколько спокойную сосредоточенность (magis est attenti animi quam furentis). Извѣстно также, что акростихъ есть позднее явленіе въ греческой литературѣ. Онъ вошелъ въ моду во время расцвѣта александрійской учености: древнѣйшій примѣръ сохранившагося акростиха, *Εὐδόξου τέχνη*, относится къ 193—190 году до Р. Х. Въ Римѣ знали акростихъ еще со временъ Эннія, который иногда къ нему прибѣгалъ. Такимъ образомъ, то, что римляне считали подлинными оракулами древней Сивиллы, имѣло въ большинствѣ случаевъ очень позднее происхожденіе.

Въ первой половинѣ оракула, стихи 1—29, нѣтъ акростиха, но несомнѣнно, что и здѣсь онъ былъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выходятъ и здѣсь почти полныя слова[1]). Вѣроятно, мы имѣемъ здѣсь не полный текстъ, т.-е. не всѣ стихи, какъ недостаетъ двухъ и во второмъ оракулѣ (послѣ 52 стиха). Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что Флегонтъ сохранилъ не одинъ оракулъ, а два, которые по времени своего возникновенія имѣютъ приблизительно одинаковую древность.

Переходя къ анализу содержанія обоихъ отрывковъ, которое представляетъ перечисленіе разныхъ способовъ и церемоній очищенія, Дильсъ съ полной убѣдительностью отрицаетъ возможность возникновенія этихъ стиховъ въ эпоху Адріана, какъ думали нѣкоторые изслѣдователи. Исчисливъ и подробно разсмотрѣвъ предписанные въ нихъ обряды, авторъ приходитъ къ выводу, что они всѣ принадлежатъ греческому религіозному ритуалу (стр. 37—56).

Метрическій анализъ стиховъ приводитъ Дильса къ убѣжденію въ искусственномъ ихъ происхожденіи. Стихи сочинены по образцу гомеровскихъ гексаметровъ. Темнота и неясность выраженія — дѣло намѣренности автора этихъ стиховъ. Грамматическій анализъ текста позволяетъ заключить, что авторъ стиховъ не былъ природный эллинъ. Отмѣтивъ ошибки въ употребленіи мѣстоименій, погрѣшности синтаксическія и нѣкоторыя особенности выраженія (*ἀχαΐστί*, v. 16; *Ἑλλήνεσσι*

[1]) Дильсъ дополняетъ стихъ такъ: *Μ]οῖραν ὀπισθομαθ[ῶν, τίν' ἔ]φυ πᾶς εἰς τόπον ἐλθ[εῖν]*, стр. 81.

κεδεῖν, v. 28), Дильсъ устанавливаетъ такой выводъ: оракулы составлены въ Римѣ человѣкомъ, который былъ болѣе свѣдущъ въ ritus graecus, чѣмъ въ sermo graecus (стр. 76).

Для болѣе точнаго опредѣленія времени возникновенія этихъ оракуловъ Дильсъ указываетъ на то, что первый случай очищенія подобнаго продигія, а именно: рожденія двуполаго человѣка, помянутъ подъ 214 годомъ до Р. Х. (Liv. 24, 10, 10). Но на этотъ разъ не было введено никакихъ новыхъ церемоній. Совершены были только усиленныя жертвоприношенія и моленія (supplicationes) при пульвинаріяхъ греческихъ боговъ. Когда же подобный продигій случился затѣмъ въ 209 и опять въ 207 году (27, 11, 4; 37, 5) въ тяжкое для Рима время войны съ Ганнибаломъ, тогда введены были новыя церемоніи и между прочимъ распѣваніе молитвъ 27 дѣвами (ter novenae). Этотъ обрядъ, совершенный впервые въ 207 году, упоминается въ первомъ изъ нашихъ оракуловъ (vv. 1—29). Дильсъ полагаетъ, что подобно тому какъ битва при Каннахъ вызвала къ существованію оракулы Марція, такъ событія 207 года и битва при Sena Gallica послужили поводомъ къ сочиненію перваго изъ двухъ оракуловъ, сохраненныхъ намъ у Флегонта. Что же до второго (vv. 30—70), то онъ былъ сочиненъ около 200 года, когда начиналась война съ Филиппомъ, когда римляне освѣжили свои фиктивныя отношенія къ Трои и выступали на путь новой политики по отношенію къ Востоку.

Этимъ авторъ и могъ бы закончить свое блестящее изслѣдованіе, полное глубокаго знанія, живой мысли, завиднаго дара комбинаціи. Но онъ прибавилъ еще одно звено къ своей аргументаціи, а именно: пожелалъ назвать по имени автора этихъ стиховъ. Онъ угадываетъ его въ Фабіи Пикторѣ. Если мы и въ правѣ приписывать Фабію живое и непосредственное знаніе греческаго обряда, если онъ несомнѣнно владѣлъ греческимъ языкомъ, ибо и его анналы были написаны по-гречески, если, далѣе, вѣроятнымъ можно счесть, что онъ готовъ былъ расширить кругозоръ римской политики по отношенію къ Востоку, то вѣдь тѣмъ не менѣе нѣтъ, думается намъ, никакихъ основаній приписать именно ему религіозный подлогъ. Подобныя вещи принадлежатъ всегда невѣдомымъ людямъ, какъ невѣдомымъ остается и останется авторъ несомнѣнно подложныхъ оракуловъ Марція. Въ лучшихъ людяхъ Рима времени второй пунической войны религіозное настроеніе было, конечно, вполнѣ искреннимъ, а съ этимъ несовмѣстенъ сознательный подлогъ и обманъ. Это желаніе Дильса назвать автора стиховъ по имени, есть, по нашему мнѣнію, увлеченіе даромъ комбинаціи. Его изслѣдованіе и безъ этой подробности достаточно полно и обильно поученіемъ для всѣхъ, занимающихся судьбами древняго міра.

Для заключенія отчета объ этой прекрасной работѣ Дильса остается кратко указать на содержаніе самыхъ оракуловъ. Въ первомъ изъ нихъ, вслѣдъ за обозначеніемъ продигія въ видѣ рожденія двуполаго человѣка, предписываются слѣдующія религіозныя церемоніи: 1) денежный сборъ богинѣ Деметрѣ (v. 10—12), 2) принесеніе въ жертву 3 × 9 быковъ (v. 13), 3) принесеніе въ жертву бѣлой коровы 3 × 9 дѣвами и моленіе ихъ „безсмертной царицѣ", т.-е. Iuno Regina, по объясненію Дильса (v. 13—18), ежедневныя жертвы матронъ Деметрѣ и возженіе ими факеловъ въ ея честь *(λαμπρὸν φάος αἶθε φερόντων)*.— Въ случаѣ повторенія этого продигія предписывается: 1) утроенныя приношенія матронъ Деметрѣ (v. 21—23), 2) жертва Персефонѣ съ моленіемъ дѣвъ (v. 24—28) и 3) денежный сборъ (v. 29).

Во второмъ оракулѣ (vv. 30—70) предписываются слѣдующія церемоніи: 1) принесеніе одѣянія Персефонѣ, 2) „прекраснѣйшій и наилучшій въ свѣтѣ" даръ Персефонѣ, 3) принесеніе чернаго быка Плутону и процессія въ торжественныхъ одеждахъ, 4) принесеніе въ жертву козы Аполлону, 5) моленіе Аполлону, 6) принесеніе въ жертву „царицѣ Герѣ" бѣлой коровы, 7) пѣснь дѣвъ, 8) посвященіе статуи Юнонѣ, 9) ежедневныя приношенія Герѣ, 10) принесеніе въ жертву барановъ подземнымъ богамъ. — Заключительные стихи съ намекомъ на великое освободительное значеніе Трои *(Τρῶς δῆτ' ἐκλύσει σε κακῶν)*, требуютъ, какъ видно изъ контекста, а равно и по акростихическому расположенію стиховъ, продолженія, котораго не сохранилъ Флегонтъ, вѣроятно не нашедши его и въ своемъ источникѣ.

Юліанъ Кулаковскій.

T. Macci Plauti fabularum reliquiae Ambrosianae codicis rescripti Ambrosiani apographum confecit et edidit Guilelmus Studemund. Berolini 1889 (in 4°).

Въ исторіи критики Плавтова текста событіемъ величайшей важности было открытіе, сдѣланное въ началѣ этого вѣка кардиналомъ Анджело Маи. На одномъ пергаменномъ кодексѣ Миланской библіотеки, знаменитой Ambrosiana, заключавшемъ въ себѣ книги Ветхаго Завѣта, усмотрѣлъ Маи подъ буквами этого текста слѣды письма болѣе древняго. При ближайшемъ разсмотрѣніи оно оказалось текстомъ комедій Плавта. Открытіе этого палимпсеста, какъ называются подобнаго рода рукописи, было немедленно утилизовано самимъ Маи. Въ 1815 году опубли-

ковалъ онъ нѣсколько прочтенныхъ имъ фрагментовъ Плавтова текста, которыхъ не было въ существовавшихъ тогда изданіяхъ этого автора. Прошло двадцать съ лишнимъ лѣтъ прежде, чѣмъ вниманіе ученаго міра привлечено было вновь къ этой рукописи. То была первая и крупная заслуга прославившагося впослѣдствіи Ричля. Отправившись въ Италію для занятія рукописями въ 1836 году, Ричль воспользовался своимъ пребываніемъ въ Миланѣ для ознакомленія съ этимъ палимпсестомъ. Онъ блистательно проявилъ свое ученое остроуміе, сумѣвъ сразу понять и оцѣнить всю важность этого кодекса для критики текста Плавтовыхъ комедій [1]). Съ тѣхъ поръ Ричль увлекся Плавтомъ, занимался имъ всю свою долгую жизнь († 1876), два раза принимался за изданіе Плавтовыхъ комедій, доведя его въ первый разъ до половины, а во второй только начавъ. Это предпріятіе великаго учителя было вновь начато его учениками и въ настоящее время близится къ концу [2]).

Въ установленіи Плавтова текста до Ричля наибольшее значеніе имѣли двѣ рукописи. Одна изъ нихъ, такъ называемый Codex Vetus Camerarius, заключающій въ себѣ текстъ 20 комедій Плавта, принадлежитъ XI вѣку, другая Codex decurtatus, съ текстомъ 12 комедій, относится къ XII вѣку. Текстъ Плавта на амбросіанскомъ палимпсестѣ оказался принадлежащимъ V вѣку. Въ VIII вѣкѣ онъ былъ смытъ, чтобы дать мѣсто Книгамъ Царствъ. Въ настоящее же время смытъ этотъ послѣдній, чтобы на пострадавшихъ отъ времени и этихъ смываній пергаменныхъ листахъ можно было пытаться читать Плавта въ томъ видѣ, какъ зналъ его еще древній міръ. Въ виду плохой сохранности самыхъ листовъ и еще болѣе плохой — письма, подвергшагося смыванію въ VIII вѣкѣ и потревоженнаго новымъ смываніемъ тогда написаннаго текста, чтеніе Плавта по этой рукописи представляетъ огромныя трудности. Ричль и послѣдующіе за нимъ изслѣдователи ея довольствовались тѣмъ, что̀ сами могли непосредственно въ ней вычитать, и обогащали этимъ матеріаломъ, какъ текстъ той или иной комедіи Плавта, такъ и apparatus criticus въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ. Извѣстный страсбургскій профессоръ Студемундъ задумалъ трудное дѣло, а именно: вознамѣрился издать точное воспроизведеніе всего, что можно прочесть въ этой рукописи. Дѣло потребовало 25-лѣтней работы. Оно было доведено до конца, и роскошный томъ in 4° подъ приведеннымъ выше заглавіемъ дѣлаетъ доступнымъ для всѣхъ филологовъ амбрprincipal palimpsest

[1]) Opuscula philologica Friderici Ritschelii. Vol. II. Leipzig 1868, pp. 166—197.
[2]) T. Macci Plauti Comoediae. Recensuit Ritschelius sociis opera adsumptis G. Loewe, G. Götz, F. Schoell. Lipsiae, Teubner.

ной работѣ зрѣніе, а преждевременная смерть не позволила ему самому выпустить въ свѣтъ этотъ, дорогой цѣной купленный имъ, трудъ.

Допечатанъ онъ былъ уже послѣ его смерти. Обширный орѳографическій указатель (стр. 499—524, въ два столбца), дѣло первостепенной важности въ подобнаго рода изданіи, составленъ былъ уже не имъ, а Оскаромъ Зейфертомъ. Но это участіе другого человѣка въ работѣ Студемунда отмѣчено въ примѣчаніи подъ текстомъ первой страницы указателя, и на заглавномъ листѣ стоитъ по праву лишь одно имя самозабвеннаго любителя Плавта, Студемунда.

Съ полной увѣренностью можно сказать, что послѣ Студемунда, обладавшаго общепризнаннымъ и блистательно не разъ доказаннымъ мастерствомъ въ дешифровкѣ трудно читаемыхъ палимпсестовъ, никто не прочтетъ на страницахъ Плавтова Codex Ambrosianus больше того, что онъ прочелъ и не угадаетъ лучше, чѣмъ онъ, разные слѣды буквъ текста на истлѣвшихъ или поврежденныхъ мѣстахъ. Цѣной своего зрѣнія купилъ онъ замѣну изученія рукописи простой справкой съ его изданіемъ для всѣхъ филологовъ, занимающихся Плавтомъ. Самое же состояніе этой рукописи таково, что во множествѣ мѣстъ и случаевъ самъ Студемундъ не выдавалъ своего прочтенія ни за что иное, какъ за вѣроятную догадку. Цѣлая система придуманныхъ имъ знаковъ сопровождаетъ отдѣльныя слова и буквы текста въ мѣстахъ сомнительныхъ или въ конецъ истлѣвшихъ. Значеніе этихъ знаковъ объяснено на XXXI и XXXII страницахъ, которыя заканчиваютъ собою введеніе, prooemium.

Во введеніи предложена подробная таблица съ обозначеніемъ содержанія каждаго листа рукописи въ томъ порядкѣ, какой былъ данъ имъ во время написанія па нихъ текста Книгъ Царствъ. Листы рукописи были, при этомъ новомъ употребленіи пергамена, переставлены, какъ то и понятно, самымъ произвольнымъ образомъ (pp. VII—XXII). Въ напечатанномъ у Студемунда текстѣ дано имъ размѣщеніе, соотвѣтствующее ихъ древнему порядку. Отъ трехъ первыхъ комедій (какъ извѣстно, комедіи Плавта были расположены, вѣроятно, еще Варрономъ въ порядкѣ буквъ, начинающихъ ихъ заглавія), Amphitruo, Asinaria, Aulularia, не дошло ничего въ амброзіанскомъ палимпсестѣ. Не сохранилось также и начало четвертой комедіи, Bacchides, текстъ которой начинается здѣсь съ 476 стиха. Въ напечатанномъ у Студемунда текстѣ счетъ ведется по листамъ отъ 116 до 702, т.-е. всѣхъ ихъ 586, или 1172 страницы, по 19 строчекъ на каждой. Цѣльнѣе и лучше другихъ сохранился текстъ комедій: Casina, Persa, Poenulus, Trinummus и Stichus. Если и въ этихъ комедіяхъ недостаетъ не

только отдѣльныхъ стиховъ, но и цѣлыхъ страницъ, то въ остальныхъ, какъ напр. въ комедіи Menaechmi, сохранившееся ограничивается обрывками немногихъ стиховъ или часто нѣсколькими отдѣльными буквами на страницѣ.

Изданіе Студемунда замѣняетъ собою знаменитую, неудобочитаемую и приходящую все въ большее разрушеніе рукопись. Оно даетъ каждому въ руки непосредственно матеріалъ для критики текста и провѣрки критическаго аппарата издателей комедій Плавта. Огромное значеніе именно этого матеріала въ критикѣ текста Плавта и подвигло покойнаго Студемунда на его великій трудъ. Оно всѣмъ, конечно, извѣстно, какъ извѣстны и увлеченія Ричля, его смѣлыя надежды на возможность перешагнуть, при помощи главнымъ образомъ чтеній этой рукописи, черезъ семь вѣковъ, отдѣляющихъ ее отъ Плавта, и возстановить его комедіи въ томъ видѣ, какъ писалъ ихъ самъ авторъ. Увлеченія Ричля оставлены въ настоящее время даже его ближайшими учениками и послѣдователями. Плавтъ писалъ непосредственно для сцены. Его комедіи жили въ преданіи актеровъ и въ ихъ репертуарѣ. При новыхъ постановкахъ ихъ подвергали сокращеніямъ, отступали въ мелочахъ отъ текста, устраняя архаизмы въ формахъ, а быть можетъ и выраженіяхъ. Не малое число данныхъ для уразумѣнія такой судьбы Плавтова текста далъ амброзіанскій палимпсестъ; не мало сохранилъ онъ и архаизмовъ, исчезнувшихъ въ другихъ редакціяхъ, дошедшихъ до насъ въ позднѣйшихъ рукописяхъ, на которыхъ, до его открытія, основывалась критика текста Плавтовыхъ комедій. Не считая вовсе умѣстнымъ входить по поводу Студемундова изданія въ обсужденіе частныхъ фактовъ, напомню въ заключеніе, что и полное имя Плавта стало извѣстно міру только благодаря этой рукописи. Относящіяся сюда мѣста находятся у Студемунда на fol. 224ᵛ и 280ʳ.

Юліанъ Кулаковскій.

Аѳинское гражданство и народное собраніе. Валеріана Шеффера. Часть первая: основы государства и дѣленія гражданъ въ Аѳинахъ. Москва 1891 (444 стр.).

Это сочиненіе, по словамъ автора, должно представить собою полную и цѣльную переработку книги Шемана De comitiis Atheniensium libri tres, изданной еще въ 1819 году и до сихъ поръ не потерявшей вполнѣ свою цѣнность, переработку, разумѣется, на новыхъ основаніяхъ, согласныхъ

съ новыми научными данными, и съ измѣнившихся точекъ зрѣнія. Настоящая книга составляетъ лишь частичное выполненіе задуманнаго авторомъ плана и заключаетъ въ себѣ общее введеніе объ основаніяхъ античнаго государства и главу о дѣленіяхъ аѳинскаго гражданства, родовыхъ и территоріальныхъ. По этому плану все сочиненіе будетъ состоять изъ трехъ частей. Первая часть послѣ общаго введенія должна содержать изслѣдованіе тѣхъ народныхъ дѣленій, принадлежность къ которымъ была обязательна для всякаго аѳинскаго гражданина (что уже выполнено авторомъ въ лежащей передъ нами книгѣ), затѣмъ разсмотрѣніе условій пріобрѣтенія правъ гражданства и наконецъ характеристику комплекса отдѣльныхъ правъ, который заключалъ въ себѣ право аѳинскаго гражданства и тѣ обязанности, которыя оно влекло за собой. Вторая часть будетъ распадаться на двѣ половины: установленіе общихъ принциповъ, опредѣляющихъ и ограничивающихъ кругъ дѣятельности и вліянія аѳинскаго народнаго собранія, и разсмотрѣніе спеціальныхъ компетенцій его въ отдѣльности. Третья часть будетъ посвящена изложенію хода народнаго собранія и дѣлопроизводства въ немъ.—Судя по вышедшей книгѣ, въ которой основательность изслѣдованія вездѣ идетъ въ полной гармоніи съ его широтой, можно надѣяться, что русская научная литература пріобрѣтетъ въ полномъ сочиненіи г. Шеффера капитальное произведеніе. Особенно въ той части своего труда, которая основана на документальныхъ данныхъ, авторъ является полнымъ хозяиномъ всей массы литературнаго и эпиграфическаго матеріала и обнаруживаетъ громадную эрудицію, что и даетъ результатъ цѣнный и для историка и для юриста. Менѣе удачны тѣ мѣста, гдѣ авторъ вращается въ области догадокъ и комбинацій, требующихъ для своего разрѣшенія выхода далеко за предѣлы классической филологіи,—въ вопросахъ о древнѣйшемъ родовомъ бытѣ и юридическихъ институтахъ, связанныхъ съ нимъ. Но это нисколько не умаляетъ отмѣчаемаго нами труда, который является чуть-ли не первымъ въ русской литературѣ такъ обширно задуманнымъ трудомъ по изученію классической древности*).

— *α* —

Geschichte der griechischen Litteratur in der Alexandrinerzeit von Franz Susemihl. 1 Bd. Leipzig. 1891. (стр. XVI+907).

Александрійскій періодъ греческой литературы сдѣлался въ нынѣшнемъ столѣтіи какъ-то предметомъ особеннаго вниманія отчасти вслѣдствіе меньшей разработанности своей сравнительно съ классическимъ періодомъ, отчасти же и вслѣдствіе нѣкотораго сходства съ нашимъ вѣкомъ (напр., относительно

*) Ограничиваясь пока библіографической замѣткой, редакція помѣститъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ „Филол. Обозр.“ разборъ этого труда, взятый на себя А. Н. Щукаревымъ.

слабости литературнаго творчества и преобладанія эрудиціи и археологіи). Впрочемъ, до сихъ поръ объ Александрійскомъ періодѣ появлялись сочиненія, касавшіяся одного какого-либо вида литературы или же отдѣльныхъ писателей и отдѣльныхъ вопросовъ. Припомнимъ, напр., книгу Куа объ Александрійской поэзіи (Couat, La poesie Alexandrine), Роде, О греческомъ романѣ (Rohde, Der griech. Roman), Фритче, О буколической поэзіи (Fritsche, De poetis graecis bucolicis), Ричля и Зеемана, Объ Александрійскихъ библіотекахъ и библіотекаряхъ (Ritschl, Die alexandr. Bibliotheken opusc. 1 ч.; Seemann, De primis sex bibliothecae Alexandrinae custodibus), Лерса, De Aristarchi studiis homericis и пр. Недоставало такимъ образомъ книги, которая обнимала бы собою всю литературу Александрійскаго періода, какъ беллетристическую, такъ и ученую. Эту задачу взялъ на себя Суземиль, отчасти въ сообществѣ со своими учениками. Чтобы познакомить съ книгою Суземиля, представимъ вкратцѣ планъ ея. Раздѣлена она на 25 главъ. Послѣ краткаго введенія объ эллинизмѣ и вульгарномъ греческомъ языкѣ, а также о центрахъ литературныхъ, созданныхъ діадохами, излагается самая исторія литературы въ слѣдующемъ порядкѣ. Сначала философія (2-я гл.), затѣмъ поэзія (элегія, идиллія, иларотрагедія и вообще травестія, обсценная поэзія, новая комедія, трагедія, дидактическая поэма, отъ 3 до 10 гл.); за поэзіей слѣдуетъ беллетристическая проза (романы или фантастическое описаніе странъ и народовъ, преимущественно тенденціозныхъ, написанныхъ съ цѣлью пропагандировать идеи о совершенномъ государствѣ и т. п.). Въ 12-й главѣ говорится о древнѣйшихъ представителяхъ грамматики и вообще филологіи, напр., Зенодотѣ, и въ pendant къ нимъ о библіотекахъ Александрійскихъ. 13-я глава отведена для одного Каллимаха. Въ 14-й идетъ рѣчь о теогоніяхъ и эпосѣ; въ 15-й объ одномъ Эратосѳенѣ; въ 16-й опять о грамматикахъ: Аристофанѣ Византійскомъ, Аристархѣ и др. Затѣмъ 17, 18, 19 и 20 главы содержатъ въ себѣ сборную литературу (книги о разныхъ чудесахъ и курьезахъ въ природѣ и жизни человѣческой, собраніе анекдотовъ, біографическіе и историко-литературные сборники о поэтахъ, философахъ, художникахъ и т. п.). 21-я глава посвящена исторіографіи и историкамъ, за исключеніемъ Полибія, 22-я — географіи и періэгетикѣ, 23-я — математикѣ чистой и прикладной, 24-я — медицинѣ, и наконецъ 25-я остальной литературѣ: сочиненіямъ о сельскомъ хозяйствѣ, зоологіи, минералогіи, снотолковникамъ, сочиненіямъ по гастрономіи. Заканчивается глава, а вмѣстѣ съ нею и первая часть исторіи Александрійской литературы, упоминаніемъ о Мосхіонѣ, оставившемъ описаніе гигантскаго корабля, построеннаго Гіерономъ вторымъ.

Изъ этого видно, что планъ книги не особенно опредѣленный и ясный: то имѣется въ виду хронологическій порядокъ, то не имѣется его; то разсматривается исторія литературы по отдѣльнымъ видамъ, то опять нѣтъ. Непонятно, напр., почему Каллимаху посвящается особая глава, въ то время какъ о немъ уже многое было сказано въ предшествующей главѣ, и почему онъ разсматривается внѣ всякой связи съ поэтами того же рода. Вслѣдствіе этого, такъ сказать, спутаннаго плана связь между частями теряется и существенное въ исторіи Александрійскаго періода недостаточно выдвигается впередъ.

Да и вообще замѣтимъ, что книга Суземиля представляетъ какъ бы рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій, соединенныхъ затѣмъ въ одну книгу, но мало связанныхъ между собою внутренно. Этотъ характеръ книги отчасти объясняется коллективнымъ способомъ ея составленія (о чемъ заявляетъ и самъ авторъ): такъ 25-я глава принадлежитъ ученику его Одеру, статья объ эпиграммѣ Кнааку, о врачахъ (за исключеніемъ троихъ) Вельману. Этотъ недостатокъ плана въ связи съ преобладаніемъ библіографическаго элемента дѣлаетъ книгу Суземиля неудобною для чтенія. Во всякомъ случаѣ читатель, если онъ даже и вытерпитъ до конца, не вынесетъ изъ книги Суземиля вполнѣ яснаго представленія о ходѣ развитія греческой литературы въ Александрійскій періодъ, о ея достоинствахъ и недостаткахъ. Суземиль очень скупъ на общія характеристики и тѣ немногія, которыя даются имъ, значительно уступаютъ по содержанію своему характеристикамъ Бернгарди и Криста (въ исторіяхъ греческой литературы этихъ ученыхъ) или же Штейнталя (въ его Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römer 2 ч.).

Впрочемъ и самъ Суземиль считаетъ свою книгу болѣе справочной и, нужно отдать справедливость, въ этомъ отношеніи она вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію.

А. В—нъ.

Abriss der griechischen Litteraturgeschichte zum Selbstunterricht für Schüler und weitere Kreise von Sitzler. 1 Bd. Die nationale klassische Litteratur von der ältesten Zeit bis zum Tode Alexanders des Grossen. Leipzig 1889 (стр. VIII+546).

Очеркъ греческой литературы Сицлера составляетъ вторую часть „Энциклопедіи классическихъ древностей для гимназій“. Кстати замѣтимъ, что отъ этой энциклопедіи пока вышли три части: 1-я, о религіи и миѳологіи

грековъ и римлянъ, Штоля, 6-е изд.; 2-я, вышеназванный очеркъ Сицлера; 3-я, очеркъ исторіи римской литературы Бендера. Согласно назначенію своему книга Сицлера написана безъ всякаго ученаго аппарата, безъ цитатъ и указаній на источники и пособія, хотя авторъ, какъ это видно изъ его изложенія, очень хорошо знакомъ съ литературою своего предмета. Очеркъ Сицлера имѣетъ то преимущество передъ извѣстной книгой Мунка, что въ немъ болѣе обращено вниманіе на результаты новѣйшихъ изслѣдованій (какъ, напр., въ гомеровскомъ вопросѣ), и болѣе сообщается фактическихъ данныхъ по разнымъ отраслямъ литературы; но за то въ немъ мало или почти нѣтъ переводовъ и выдержекъ изъ авторовъ. Очевидно, книга Сицлера разсчитана не на однихъ учениковъ гимназіи, а на болѣе широкій кругъ читателей. Написана она живо и читается легко.

А. В—нъ.

Исторія греческой литературы Р. К. Джеба. Москва 1891 (стр. 280. 8°).

Достойно большого сожалѣнія, что книжка англійскаго филолога попала въ руки переводчика, столь малосвѣдующаго какъ въ греческой литературѣ, такъ равно въ англійскомъ и даже въ русскомъ языкѣ. Имя Джеба (R. C. Jebb), профессора греческаго языка въ Кембриджскомъ университетѣ, пользуется извѣстностью въ ученомъ мірѣ далеко за предѣлами Англіи, какъ автора нѣсколькихъ цѣнныхъ монографій по исторіи греческой литературы и издателя нѣсколькихъ трагедій Софокла. Настоящая книжка представляетъ сжатый очеркъ, какъ бы конспектъ того, что для англійской публики дали въ пространныхъ курсахъ Магаффи и Джевонсъ. Очеркъ Джеба обнимаетъ исторію греческой литературы отъ до-гомеровскаго времени до закрытія языческихъ школъ по указу Юстиніана (529 г. по Р.Х.), съ немногими замѣчаніями о дальнѣйшихъ судьбахъ греческаго языка и литературы вплоть до возстановленія свободной Эллады, о взаимномъ отношеніи между новоэллинской литературой и античной, классической. Изложеніе предмета разумѣется, догматическое, но авторъ старается избѣгать всего, что можетъ быть пока предметомъ догадки или сомнительной гипотезы, по возможности довольствуясь тѣмъ, что допускаетъ точную формулировку или относительно чего не существуетъ по крайней мѣрѣ непримиримыхъ разногласій въ литературѣ. Хотя предметомъ изложенія служитъ для автора только древняя литература, до 529 г. по Р. Х., однако авторъ разсматриваетъ ее какъ одинъ изъ періодовъ общаго развитія эллинской литературы, возникшей примѣрно въ XI в. до Р. Х. и продол-

жающей жить до нашихъ дней. „Отъ временъ до Гомера по наше время“, говоритъ Джебъ, „грекъ всегда пользовался однимъ и тѣмъ же языкомъ; незначительныя измѣненія были, но они давали непрестанно новыя свидѣтельства гибкости языка и той легкости, съ какою онъ изобрѣтаетъ изящное выраженіе для новыхъ идей. И на этомъ неумирающемъ языкѣ никогда не переставала существовать литература; правда, литература новаго періода была одно время тяжеловата и скудна, однако и здѣсь отъ времени до времени она озарялась воодушевленіемъ греческихъ ученыхъ античнымъ геніемъ“ (гл. 1, § 7. Срвн. русск. перев. стр. 8). Вотъ подлинный взглядъ автора на непрерывность эллинской культуры до нашихъ дней. Обозрѣваемая авторомъ древняя литература подраздѣляется имъ на три періода: ранняя литература, аттическая, и литература упадка (до 475 до Р. Х., до 300-го и до 529-го по Р. Х.). Удовлетворительный переводъ этой книжки на русскій языкъ можетъ быть только весьма желателенъ.

Между тѣмъ уже въ краткомъ предисловіи къ переводу содержится столько странностей и въ формѣ изложенія, и въ самомъ пониманіи предмета, что тутъ же чувствуешь, какую непосильную задачу взялъ на себя нашъ переводчикъ Джеба. Намъ говорятъ, что „настоящее изданіе (sic) изготовлено къ сроку“ (какому?), что хотя въ немъ есть по сознанію переводчика „значительное количество всякаго рода погрѣшностей, но переводчикъ имѣетъ обѣщаніе (sic) проф. А. Н. Шварца исправить книжку (?) и дополнить (??) ее сообразно потребностямъ его слушателей“. Кто пойметъ этотъ наборъ словъ съ привлеченіемъ имени нашего почтеннаго эллиниста, который обѣщалъ будто бы исправить и дополнить книжку уже напечатанную? „Что касается до указаній литературы“, читаемъ дальше, „то ее (вм. ихъ?) можно найти въ большинствѣ руководствъ на любомъ (?) изъ иностранныхъ языковъ, и потому (?) мы не считаемъ нужнымъ перепечатывать ее; тѣмъ болѣе, что предлагаемая книжка исключительно имѣетъ въ виду (sic) дать точку отправленія для дальнѣйшихъ занятій студентовъ“. Присутствіе указаній литературы въ любомъ иностранномъ руководствѣ, кажется, должно бы служить краснорѣчивымъ указаніемъ на необходимость таковыхъ и должно бы побуждать переводчика вносить въ свой переводъ, а не исключать изъ него, этого рода указанія. Переводчикъ однако не остается послѣдовательнымъ, и на стр. 60-й мы находимъ нѣкоторыя литературныя указанія относительно Войны мышей и лягушекъ. Да и вообще исключать что-либо изъ перевода на томъ основаніи, что исключенное можно найти гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, тоже на иностранномъ языкѣ, значитъ показать себя человѣкомъ,

совершенно чуждымъ тому дѣлу, за которое взялся. Потомъ, литературныя указанія становятся только полезнѣе и нужнѣе отъ того, что переводимая книга должна дать основаніе для дальнѣйшихъ занятій студентовъ...

На 2-й стр. перевода читаемъ такія фразы: „Настоящій очеркъ имѣетъ цѣлью быть, такъ сказать, нѣкоторыми рамками“ и проч. (this sketch is intended to serve as a framework into which those who read any of the Greek books etc.). Ясное, сжатое предложеніе подлинника: the unity of Greek Literature is not the unity of a library but the unity of a living bocly такъ переведено: „Единство греческой литературы не есть, такъ сказать, библіотечное единство, это — какъ бы единство органическое“. На той же страницѣ: „Начнемъ съ того, что постараемся указать какую-нибудь яркую характерную черту и чтобы (?) сразу дать понятіе читателю о цѣнности и своеобразномъ интересѣ греческой литературы = But first — Can we point to any broad characteristics which at once give Greek literature a worth and interest of its own for modern life?“

На слѣдующей стр. „убѣжденіями справедливыхъ законовъ“ = by the persuasions of equal law. и т. п. Не лучше обстоитъ дѣло и въ другихъ мѣстахъ книги, что мы постараемся иллюстрировать примѣрами, наугадъ взятыми съ разныхъ страницъ. Стран. 21: гимны боговъ = hymns to the gods. Орфей называется самымъ первымъ легендарнымъ поэтомъ, Геродотъ свѣдующимъ человѣкомъ, „наука дѣлаетъ попытки къ тому, чтобы народиться“, „на этой зарѣ, подававшей большія надежды“, „быстрая стремительность предшествуетъ всегда гибели; но обузданіе самого себя приноситъ благословенія, невидимыя сейчасъ, можетъ быть, но познаваемыя въ надлежащее время“, — такъ переданы слова Артабана Ксерксу, и называются они „тоническими нотами“ исторіи Геродота (стр. 178), „его смерть не могла произойти позже 396 г.“, городъ Амфиполь дважды на той же страницѣ названъ Амфолемъ, Эпидамнъ — Эпидаминомъ, Потидея — Потиденою и проч. и проч., все въ такомъ же родѣ. Ко всему остальному — корректурныхъ недосмотровъ множество. Какъ видитъ читатель, переводъ крайне неудовлетворителенъ и по обилію всякаго рода погрѣшностей напоминаетъ другой переводъ, тоже анонимный и тоже Исторія греческой литературы, Е. Мунка (I часть). Но этотъ послѣдній переводъ сдѣланъ лѣтъ 30 тому назадъ, когда знанія по предметамъ классической филологіи были распространены въ нашемъ обществѣ гораздо меньше, чѣмъ теперь. Въ настоящее время подобный переводъ небольшой англійской книжки, содержащей въ себѣ элементарный обзоръ греческой литературы, — трудно постижимая аномалія.

Есть впрочемъ, въ этомъ переводѣ и положительныя сторона. Джебъ обыкновенно не пропускаетъ случая пояснить предметъ сближеніемъ аналогичныхъ явленій литературъ древне-греческой и родной, англійской. Въ отношеніи стихотворныхъ размѣровъ нашъ переводчикъ пользуется образцами русской поэзіи и высказываетъ нѣсколько замѣчаній о различныхъ основаніяхъ стихосложеній древне-греческаго и русскаго. И все-таки въ заключеніе не можемъ не пожалѣть и о томъ еще, что русскій переводчикъ или издатель сдѣлалъ, кажется, все для того, чтобы удорожить переводъ. Въ оригиналѣ, въ изданіи Дж. Р. Грина, сочиненіе Джеба стóитъ всего 1 шил., т.-е. ни въ какомъ случаѣ не дороже 50 коп.; небольшой форматъ 8° и разгонистая печать значительно увеличили объемъ книжки въ русскомъ переводѣ, что вмѣстѣ съ хорошей бумагой подняло цѣну ея до 1 р. 50 к. Обо всемъ этомъ можно было бы не особенно жалѣть, если бы наличность слабаго перевода не мѣшала скорому появленію безспорно полезной книжки въ переводѣ удовлетворительномъ.

Ѳ. Мищенко.

Paul Guiraud. La vie privée et la vie publique des Grecs. Paris 1890 (XIII + 500).

Извѣстная парижская фирма Гашетта предприняла изданіе небольшой коллекціи подъ общимъ заглавіемъ: „Lectures historiques“, назначеніе коихъ — служить пособіемъ при прохожденіи курса исторіи въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, примѣнительно къ французскимъ программамъ. Въ составъ этой коллекціи входятъ между прочимъ превосходные очерки изъ древнеегипетской жизни эпохи Рамзеса II и ассирійской жизни временъ Ассурбанипала, очерки, принадлежащіе перу такого спеціалиста, какъ Масперо[1]). Къ этой же коллекціи принадлежитъ и книга, заглавіе которой мы выше выписали.

Книга Гиро начинается „общими замѣчаніями“ о греческомъ типѣ и характерѣ, отличительныхъ особенностяхъ спартанцевъ, аѳинянъ и ѳиванцевъ, а также о календарѣ, о системѣ мѣръ, вѣсовъ и монеты въ Греціи (глава I). Вторая глава посвящена „семьѣ“, семейной жизни, положенію женщины и т. д., третья — „воспитанію“, четвертая — „частной жизни“, начиная съ описанія жилища, утвари и одежды и кончая врачами

---

1) Histoire ancienne. Égypte, Assyrie. 1890. Книга эта уже переведена и на нѣмецкій языкъ.

и погребальными обрядами. Далѣе, въ V-й главѣ, рѣчь идетъ о рабахъ, въ VI-й - о трудѣ вообще, о земледѣліи, промышленности и торговлѣ въ частности, и о богатствѣ, банкирахъ и т. п.; въ VII-й главѣ — объ „общественной жизни“, въ VIII-й — о „религіи“, религіозныхъ обрядахъ и учрежденіяхъ; это, наравнѣ съ четвертою, самая большая глава въ книгѣ (до 80 стр.). Затѣмъ говорится объ „управленіи“ (гл. IX), „судѣ“ (гл. X), „налогахъ“ (XI), о „войскѣ и флотѣ“ (XII) и о „международныхъ отношеніяхъ“ (XIII). Послѣднюю, XIV-ю главу составляетъ приложеніе, посвященное краткой характеристикѣ персовъ, ихъ религіи, правленія и т. д. Каждая глава у Гиро въ свою очередь подраздѣляется на небольшіе отдѣлы или параграфы, каждый съ особымъ заглавіемъ. Въ первой главѣ этихъ параграфовъ 10, а, напр., въ восьмой — 33. Это дѣленіе на параграфы или отдѣлы оказывается мѣстами слишкомъ уже мелкимъ, дробнымъ, вслѣдствіе чего изложеніе является подчасъ отрывочнымъ и сухимъ. Для примѣра укажу хотя бы на стр. 195 параграфъ 10, представляющій отрывокъ изъ Ксенофонтовой „Киропедіи“ и озаглавленный „Division du travail industriel“.

Уже изъ простого перечня главъ, изъ коихъ состоитъ книга Гиро, видно, какъ разнообразно ея содержаніе: оно касается частныхъ, религіозныхъ, государственныхъ и правовыхъ древностей. Особенно подробно характеризуется частная жизнь грековъ, ихъ бытъ, нравы и обычаи, и можно только пожалѣть о томъ, что далеко не съ такою подробностью описаны политическій строй Греціи и ея государственныя учрежденія. Такъ, напр., мы не встрѣчаемъ у Гиро указаній на политическую роль геліэи, на ея значеніе въ строѣ аѳинскаго государства, на столь характерный порядокъ аѳинскаго законодательства; лишь мимоходомъ упоминается у него (на стр. 394—395) *о γραφὴ παρανόμων;* слишкомъ мало сказано объ организаціи аѳинскаго союза и т. д. Нужно вообще замѣтить, что книга Гиро не есть собственно исторія. Тутъ описаніе и характеристика преобладаютъ надъ повѣствованіемъ. Составитель книги даетъ намъ изображеніе греческой жизни въ извѣстный моментъ, но онъ не задается цѣлью изображать ея послѣдовательное развитіе; въ его намѣренія, собственно говоря, не входитъ — представить, какъ возникало и видоизмѣнялось то или другое явленіе, то или другое учрежденіе.

Самому Гиро принадлежатъ лишь сравнительно немногіе отдѣлы или параграфы его книги; большею же частью эти параграфы представляютъ не что иное, какъ выдержки изъ источниковъ — изъ древнихъ авторовъ и особенно изъ надписей, — а еще чаще изъ лучшихъ новѣйшихъ спеціальныхъ со-

чиненій по тому или другому вопросу. Такъ, напр., много отрывковъ взято изъ „La cité antique“ Фюстель-де-Куланжа, изъ „L'éducation athénienne au V et au IV siècle“ Поля Жирара, изъ „Dictionnaire des antiquités“ (Daremberg et Saglio), изъ руководствъ по греческимъ древностямъ Шемана, Гильберта, изъ извѣстнаго труда Бёка („Die Staatshaushaltung der Athener“), изъ книги Conat, „Aristophane et l'ancienne comédie attique“ и проч. Такіе отрывки у Гиро приводятся нерѣдко въ нѣкоторомъ сокращеніи, а иногда и съ небольшими измѣненіями. Параграфы распредѣлены и связаны между собою искусно, какъ ни трудно было при подобномъ составѣ книги избѣжать противорѣчій и повтореній; повтореніе замѣтно лишь на стр. 292 (конецъ 22 и начало 23 параграфа), гдѣ рѣчь идетъ о Панаѳинеяхъ.

Такимъ образомъ „La vie privée et la vie publique des Grecs“ Гиро — своего рода хрестоматія и вовсе не претендуетъ на какую-либо самостоятельность или оригинальность. Это не есть ученый, спеціальный трудъ. По самому своему назначенію это книга популярная, которая можетъ служить хорошимъ пособіемъ при преподаваніи греческой исторіи и древностей.

Книга Гиро снабжена рисунками, заимствованными изъ „Histoire des Grecs“ Дюрюи и изъ „Dictionnaire des antiquités“ (Daremberg et Saglio).

В. Бузескулъ.

F. O. Weise, Characteristik der lateinischen Sprache. Ein Versuch. Leipzig 1891. (141 стр.).

Авторъ этого небольшого сочиненія пріобрѣлъ почетную извѣстность своими „Греческими словами въ латинскомъ языкѣ“ (Die griech. Wörter im Latein 1882), могущими служить весьма надежнымъ пособіемъ во всѣхъ вопросахъ, касающихся культурнаго вліянія Греціи на Римъ, въ особенности въ долитературный періодъ. Въ этой же области вращается добрая половина и новаго сочиненія Вейзе, въ которомъ представленъ, въ 4 главахъ, опытъ характеристики латинской рѣчи.

Въ первой главѣ разсматривается латинскій языкъ въ связи съ національнымъ характеромъ римлянъ. Черты послѣдняго, основывающіяся на преобладаніи ума и воли надъ воображеніемъ и впечатлительностью, Вейзе находитъ въ отраженіи и въ языкѣ. Будучи людьми съ практическимъ направленіемъ, склонными къ трезвой серіозности, римляне не обладали надлежащимъ предрасположеніемъ къ такимъ проявленіямъ ум-

ственной дѣятельности, въ которыхъ имѣетъ существенное значеніе подвижная пылкость воображенія и впечатлительная воспріимчивость, качества, которыми въ такой степени были одарены греки, какъ доказываетъ ихъ миѳологія, ихъ философія, ихъ поэзія, ихъ искусства. Поэтому и языкъ грековъ мягче и роскошнѣе, языкъ же римлянъ, напротивъ, болѣе силенъ и мужествененъ. Первое сказывается въ богатствѣ и мягкости вокализма, второе въ сочетаніяхъ согласныхъ звуковъ. Преобладаніе вокализма у грековъ и консонантизма у римлянъ влечетъ за собою склонность къ ассонанція у первыхъ и къ аллитераціи у послѣднихъ. Аллитерація же, столь излюбленная римлянами какъ въ древній періодъ, такъ еще въ обширныхъ размѣрахъ у Виргилія[1]), не прибавляетъ стиху, по опредѣленію Вейзе, красоты, но придаетъ ему силу и мощь. Національный характеръ римлянъ выразился особенно въ латинскомъ синтаксисѣ съ его строгими формами, основанными на послѣдовательномъ проведеніи принципа подчиненія побочнаго главному, какъ напр. въ сочетаніи главныхъ и придаточныхъ предложеній, въ cons. temp и вообще въ опредѣленіи временъ и т. д.; въ косв. рѣчи главный глаголъ является какъ-бы въ роли генерала, указывающаго всѣмъ частямъ подчиненнаго ему отряда словъ и предложеній надлежащее мѣсто и надлежащій видъ. Во всемъ этомъ Вейзе видитъ выраженіе силы характера и рѣшительности, мужества и сознанія долга. Отсюда получается удивительная ясность и точность латинской рѣчи. Стремленію къ точности приписываетъ Вейзе, между прочимъ, и сохраненіе твор. падежа въ лат. языкѣ, а также и предпочтеніе конкретныхъ выраженій, даже излюбленную римскими писателями игру словъ и ихъ наклонность къ дихотомическому построенію рѣчи съ антитезами и параллелизмомъ соотвѣтствующихъ частей. Однимъ словомъ, латинскимъ синтаксисомъ руководитъ послѣдовательность и логическая точность; словесная оболочка мыслей подсказывается умомъ, красота же ея формы, говоря вообще, играетъ второстепенное значеніе. Между тѣмъ какъ грамматика отражаетъ въ себѣ общій обликъ національнаго характера, лексиконъ въ свою очередь даетъ указанія насчетъ частностей національнаго міровоззрѣнія. Здѣсь Вейзе указываетъ на характеристическій для римлянъ недостатокъ доморощенныхъ словъ для обозначенія культурныхъ заимствованій. Греческій языкъ имѣетъ сравнительно далеко меньшее количество чужихъ словъ, несмотря на то, что культурное вліяніе востока на Грецію было нисколько не меньше, чѣмъ

[1]) А также еще и позже, въ силу литературной традиціи, напр. у script. hist. Aug. ср Rhein. Mus. 1892 стр. 45 сл.

Греціи на Римъ, что и объясняется меньшею подвижностью фантазіи у римлянъ. Этимъ же качествомъ національнаго характера римлянъ объясняется далѣе и недостатокъ названій для произведеній и явленій мѣстной италійской природы, а также и недостатокъ самостоятельныхъ epitheta ornantia, могущихъ свидѣтельствовать о наблюденіи природы. Наоборотъ, все то, что имѣло для римлянина практическое значеніе, дало для лексикона большое обогащеніе. Не касаясь терминологіи юридической, созданной именно римлянами, Вейзе указываетъ для примѣра на богатство въ обозначеніи степеней родства и въ обозначеніи обычной пищи (примѣръ: „свинина"). Въ области метафоры обогащенію лексикона служили издавна только образы, заимствованные отъ земледѣлія и военнаго искусства, этихъ двухъ устоевъ римскаго государства; позже уже въ литературѣ, вошли въ употребленіе тропы, относящіеся къ морю и охотѣ (стр. 53); еще позже привлечены къ сравненію техническія выраженія фехтовальнаго (гладіаторскаго) искусства и другихъ общественныхъ игръ, равно какъ и театра, далѣе медицины и вообще разныхъ наукъ и искусствъ (стр. 61). Наконецъ и простая этимологія разныхъ словъ обнаруживаетъ первоначальный взглядъ народа на обозначенное этими словами дѣло (примѣры: disciplina, mulier, ludus = школа, iubeo, virtus, religio, названіе мѣсяцевъ, nomina и cognomina, имена боговъ); то же самое касается и пословицъ и вошедшихъ въ поговорку изреченій. Таково въ общихъ чертахъ содержаніе первой части, цѣль которой — освѣтить факты языка примѣнительно къ національному характеру.

Во второй части, озаглавленной „языкъ и культурное развитіе", излагается собственно не то, что выражено въ заглавіи, а только исторія литературнаго (преимущественно прозаическаго) языка римлянъ подъ вліяніемъ греческой литературы, вплоть до Фронтона и Апулея. Здѣсь сгруппированы общеизвѣстные факты римской литературной исторіи съ пріуроченіемъ ихъ къ тенденціи сочиненія Вейзе. Не можетъ быть большей разницы, чѣмъ та, которая замѣчается между языкомъ первыхъ литературныхъ опытовъ въ Римѣ и между языкомъ древнѣйшаго творенія греческой поэзіи, гомерическаго эпоса: тамъ суровая и жесткая трезвость, здѣсь живая и пріятная наглядность. Но съ теченіемъ времени обстоятельства мало-по-малу измѣнились. Въ архаичный періодъ преобладалъ древне-римскій способъ; въ классическое время произошло уравновѣшеніе греческаго формальнаго изящества съ важностью и серіозностью римскаго типа; вмѣстѣ же съ упадкомъ древне-римскаго національнаго характева искажался также и литературный языкъ, потерявъ подъ собою твердую національную почву.

Болѣе оригинальна третья глава, трактующая о языкѣ римскихъ поэтовъ (точнѣе: классическихъ) примѣнительно къ слѣдующимъ четыремъ основнымъ условіямъ поэтической дикціи: 1) Главный законъ поэзіи — это красота формы. Вейзе говоритъ поэтому сперва о метрической формѣ римской поэзіи, а затѣмъ о языкѣ по отношенію къ подбору словъ, обнаруживающемуся у римскихъ поэтовъ въ удаленіи вульгарныхъ выраженій и выработкѣ свойственныхъ только поэтическому стилю реченій (въ томъ числѣ и греческихъ словъ). 2) Вторымъ главнымъ условіемъ языка поэтовъ Вейзе признаетъ наглядность; здѣсь идетъ у него рѣчь объ epitheta ornantia и о разныхъ другихъ фигурахъ и тропахъ, встрѣчающихся у римскихъ поэтовъ. 3) Третье условіе поэтическаго слога — естественность и непосредственность выраженія; въ этомъ отношеніи римская поэзія страдала рефлексіей, свойственной трезвой прозѣ, но вытекавшей изъ римскаго національнаго характера (въ этомъ смыслѣ Горацій болѣе всѣхъ римскихъ поэтовъ близокъ къ прозаическому слогу). 4) Наконецъ поэтическая дикція требуетъ для себя большей свободы и непринужденности въ примѣненіи языковаго матеріала, и здѣсь Вейзе ведетъ рѣчь о разстановкѣ словъ, объ архаизмахъ, о неологизмахъ въ словообразованіи, въ значеніи словъ, въ синтаксисѣ и въ послѣднемъ отношеніи о грецизмахъ. Результатъ: римскимъ поэтамъ нельзя отказать въ усердіи и стараніи, но ихъ природныя силы, соотвѣтствующія ихъ національному характеру, не могли равняться греческому генію, да и языкъ римлянъ представлялъ для поэзіи менѣе гибкій матеріалъ, чѣмъ языкъ грековъ.

Наконецъ въ четвертой главѣ разсматривается „народный языкъ" [1]) съ слѣдующихъ точекъ зрѣнія: a) склонность къ удобству рѣчи, выражающаяся въ стремленіи къ упрощенію и униформаціи въ фонетикѣ, морфологіи, словообразованіи, синтаксисѣ и значеніи словъ. b) Стремленіе къ наглядности, ясности и понятности; здѣсь затрогивается, между прочимъ, такъ наз. народная этимологія; хотя она далеко не свойственна только народному языку, какъ видно изъ всѣхъ приведенныхъ у Вейзе примѣровъ; также и повтореніе существительнаго при относительномъ мѣстоименіи напрасно отнесено только насчетъ народнаго языка. c) Большее участіе темперамента въ способѣ выраженій. Заключеніе; народный языкъ римлянъ обнаруживаетъ больше вліянія фантазіи и темперамента, чѣмъ литературный, находясь такимъ образомъ ближе къ языку поэ-

[1]) Отъ „народнаго языка" нужно отличать „обиходный" языкъ образованныхъ классовъ (sermo cotidianus ср. Quint. XII, 10, 40), а этотъ послѣдній опять отъ „литературнаго языка". О различія послѣднихъ двухъ по отношенію къ такъ наз. серебряной латыни ср. Rhein. Mus. 1892 стр. 16 сл.

товъ, чѣмъ къ прозѣ. Такой выводъ, повидимому, не совсѣмъ согласенъ съ тѣмъ, что въ началѣ книги сказано о національномъ характерѣ римскаго народа вообще. Кажущееся противорѣчіе, не объясненное, впрочемъ, у Вейзе, зависитъ отъ того, что древнѣйшій латинскій языкъ былъ достояніемъ лишь одной опредѣленной части Италія, именно маленькаго Лаціума съ Римомъ во главѣ, и къ этому-то періоду идетъ все то, что приведено въ первой главѣ въ связи съ національнымъ характеромъ римлянъ. Въ послѣдней же главѣ, посвященной „народному" языку, автору приходится имѣть дѣло преимущественно съ явленіями позднѣйшаго времени, когда на смѣну собственно римскому народу сталъ вырабатываться обще-италійскій народъ съ другими уже чертами національнаго характера, легшими въ основаніе теперешняго италіанскаго темперамента, столь отличнаго отъ древне-римскаго типа, перенесеннаго въ Лаціумъ откуда-то съ сѣвера по (Гельбигу).

Въ общемъ новое сочиненіе Вейзе рѣшаетъ поставленную себѣ задачу правильнымъ и умѣлымъ способомъ. Фактическая сторона, выдвигающая по возможности лишь безспорные или общеизвѣстные моменты, вызываетъ возраженіе лишь изрѣдка. Такъ напр. на стр. 32 объясненіе франц. conversation изъ основного значенія лат. глагола conversari умѣстно развѣ только въ какой-либо фельетонной causerie; нисколько не лучше сдѣланный тамъ же выводъ изъ сомнительной этимологіи слова mulier отъ mollis, или слова homo отъ humus въ библейскомъ смыслѣ[1]); замѣчаніе о ведахъ (стр. 48) сдѣлано, повидимому, лишь для краснаго словца (такъ какъ напр. относительныя предложенія въ ведахъ какъ разъ противорѣчатъ тому, что утверждаетъ тамъ Вейзе); не вѣрно замѣчаніе (стр. 89) о томъ, будто дат. направленія, напр. it clamor caelo, въ языкѣ поэтовъ сохранился (это, наоборотъ, неологизмъ, см. мои „Пад." стр. 359 и 361); на стр. 109 проблематично не только производство слова Roma, но еще болѣе толкованіе значенія волчицы въ исторіи Ромула; на стр. 98 приведены стихи Эннія съ именами 12 главныхъ боговъ въ обычной формѣ (однако вмѣсто Iovi' т.-е. Iovis можно читать скорѣе Ious=*Ζεύς*, т.-е. форму именительнаго, заключающуюся въ Iūp-piter изъ* Ious-piter, въ отличіе отъ Iū-piter=зват. *Ζεῦ*).

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе. Изъ предисловія видно, что Вейзе придаетъ своей книгѣ въ извѣстной степени значеніе школьнаго пособія. Нѣтъ, поэтому, ничего предосудитель-

---

[1]) Если homo и humus одного корня, то homo обозначало сперва „человѣка" низкопоставленнаго, подчиненнаго, слугу (ср. hŭmilis и hūmanus), какъ и русское „человѣкъ" (въ сравненіи съ „челядь").

наго въ томъ, если въ книгѣ, предназначенной, хотя бы посредственно, для нѣмецкой молодежи, встрѣчаемъ обильныя замѣчанія, имѣющія содѣйствовать подъему въ юношахъ нѣмецкаго національнаго духа. Но все-таки со стороны дѣло выглядитъ иной разъ какъ чрезмѣрное увлеченіе, близкое къ ὕβρις. Указываемъ на это въ тѣхъ видахъ, чтобы, если кто-нибудь возьмется перевести эту книжку на русскій языкъ (чего она рѣшительно заслуживаетъ), не вздумалъ бы переложить дословно также и похвалъ нѣмецкимъ національнымъ добродѣтелямъ (начиная высокимъ положеніемъ, занимаемымъ будто бы женщиной въ нѣмецкомъ обществѣ, и кончая пресловутой честностью). Въ двухъ мѣстахъ Вейзе затрогиваетъ и русскій языкъ. По его опредѣленію, на стр. 8, латинскій языкъ занимаетъ по характеру своихъ звуковъ середину между мягкостью богатаго гласными италіанскаго языка и скопленіемъ согласныхъ въ русскомъ, стоя въ этомъ отношеніи ближе къ нѣмецкому, чѣмъ къ греческому языку. Слѣдуя ходу мыслей автора, читатель долженъ прійти къ такому заключенію, что въ характерѣ латинскаго консонантизма отражается устойчивость и крѣпость національнаго характера римлянъ. Но вывода этого авторъ почему-то не дѣлаетъ; не потому ли, что послѣдовательно пришлось бы приписать то же самое, и притомъ еще въ большей степени, и русскому національному характеру?

И. Н.

Сцены изъ трагедіи Еврипида „Троянки". Переводъ съ греческаго Ольги Вейссъ. Изданіе Женской классической гимназіи. Москва, 1892 (62 стр.).

Переводъ сценъ изъ „Троянокъ" предназначался, какъ сказано въ предисловіи, „служить пособіемъ для зрителей на ученическомъ представленіи" ихъ. „Поэтому онъ не можетъ имѣть притязанія удовлетворить строгимъ требованіямъ, которыя предъявляются учено-литературнымъ трудамъ такого рода". Такое заявленіе переводчицы должно бы, повидимому, отрѣзать критикѣ всякую возможность разбирать этотъ переводъ даже только съ литературной точки зрѣнія, не говоря уже о его отношеніи къ подлиннику; однако же мы рѣшаемся обратить на него вниманіе читателей, хотя онъ и имѣетъ спеціальное назначеніе, опредѣлившее и выборъ сценъ изъ трагедіи, и самый способъ выраженія. Достоинства этого перевода таковы, что заставляютъ

признать его явленіемъ, выдающимся надъ многими произведеніями нашей литературы въ этой области, тѣмъ болѣе, что трудъ г-жи Вейссъ — первый переводъ классическаго автора на русскій языкъ, принадлежащій женщинѣ.

Переводъ приходится всегда разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: со стороны его вѣрности подлиннику и со стороны его литературныхъ достоинствъ. Г-жа Вейссъ, заботясь главнымъ образомъ объ удобочитаемости и о вѣрности въ передачѣ содержанія, нигдѣ не слѣдуетъ рабски за греческимъ подлинникомъ. Особенной свободой перевода отличаются хоры и вообще всѣ лирическія части трагедіи. Діалоги же переданы съ достаточной точностью, насколько послѣдняя допускается духомъ русскаго языка. Но мѣстами, несомнѣнно изъ стремленія заполнить стихъ, встрѣчаются вставки, иногда довольно длинныя, не имѣющіяся у Еврипида. Напр. на стр. 5 (ст. 8 по Гартунгу, съ изданія котораго сдѣланъ переводъ) вставлено слово „тамъ“— „который тамъ теперь дымится“, *ἣ νῦν καπνοῦται,*—требующее отъ актера особаго жеста, неяснаго изъ словъ самого автора; „огонь гремящихъ молній“ (ст. 80) вм. греч. *πῦρ κεραύνιον,* при чемъ сдѣланное дополненіе несовсѣмъ удачно и по смыслу; „я знаю, но не всѣмъ заразъ могу отвѣтить“ (ст. 244) вм. одиноко стоящаго *οἶδα* у Еврипида; „уничтожить враговъ, для насъ съ тобой обѣихъ ненавистныхъ“ (ст. 400) — слово „обѣихъ“ излишне, особенно при своемъ положеніи послѣ цезуры; слова хора на стр. 56 (ст. 1007—1009) распространены почти вдвое противъ подлинника. — Можно бы ничего не говорить объ этихъ вставкахъ и, по временамъ, распространеніи текста при переводѣ, если бы этотъ пріемъ, иногда положительно неизбѣжный, не былъ опасенъ, такъ какъ онъ ведетъ иногда къ ослабленію впечатлѣнія.

Вообще говоря, переводъ г-жи Вейссъ почти не заключаетъ въ себѣ погрѣшностей, обусловленныхъ невѣрною передачей текста. Мы рѣшаемся указать здѣсь замѣченные промахи, имѣя въ виду исключительно исправленіе ихъ въ другомъ изданіи „Троянокъ“, которое, по моему убѣжденію, должно бы быть сдѣлано для всей образованной публики. Эти errata сводятся къ слѣдующему:

Стр. 9 (ст. 70): „Я знаю, что Аяксъ увлекъ Кассандру силой вм. *ἡνίκα εἷλκε,* означающаго „въ ту минуту, какъ... и болѣе соотвѣтствующаго вопросу Аѳины.

Стр. 10 (ст. 95 сл.): „Онъ губитъ города“... вм. *ὅστις*: безуменъ всякій, кто губитъ города...

Стр. 13: Вмѣсто „хора“ долженъ значиться „полухоръ“; выходъ остальныхъ плѣнницъ означенъ словами этого „полухора“: „Троянскія жены! Идите сюда“ и т. д. (ib.)

Стр. 15 (ст. 231 сл.): „Какую онъ вѣсть принесетъ
Намъ, бѣднымъ рабынямъ дорійскихъ селеній?
не ясно, и даже, можетъ быть, не вѣрно, во всякомъ же случаѣ — двусмысленно, тогда какъ *δοῦλαι γὰρ δὴ | Δωρίδος ἐσμὲν χθονὸς ἤδη* значитъ одно: „мы вѣдь уже рабыни дорійской земли", т.-е. вообще грековъ.

Стр. 24 (ст. 410): „любовью пламенѣетъ | Къ Менадѣ сей". По греч. *Μαινάδος* въ этомъ стихѣ означаетъ просто „безумную", въ каковомъ смыслѣ это слово употребительно и у Гомера, и Гартунгъ напрасно напечаталъ его съ большой буквы, чѣмъ и ввелъ нашу переводчицу въ заблужденіе.

Стр. 27 (ст. 457): „спутницы Гекубы" едва ли соотвѣтствуетъ греч. *φύλακες*, означающему здѣсь, повидимому, служанокъ, обязанныхъ „беречь" свою госпожу (die Hüterinnen у Гартунга).

Стр. 34 (ст. 606): „Къ рабству | Привелъ насъ славный родъ"... въ подл. *τὸ δ' εὐγενὲς | ἐς δοῦλον ἥκει*, т.-е. преданъ рабству, попалъ въ рабство.

Стр. 39 (ст. 709): „коль вѣсть несешь худую" вм. *πλὴν ἐὰν λέγῃς καλά*, имѣющаго противоположный смыслъ. Но, можетъ быть, здѣсь принято было переводчицей рукописное *κακά*.

Стр. 40 (ст. 716]: „съ троянскихъ башенъ мы должны его низвергнуть", говоритъ Талѳибій, передавая Андромахѣ слова Одиссея въ собраніи вождей, что ясно изъ формы *δεῖν*, зависящей отъ *λέξας*, въ греч. текстѣ. Въ переводѣ же послѣ этого стиха вмѣсто точки запятая, и онъ оказывается оторваннымъ отъ предыдущаго.

Стр. 60 (ст. 1233): „вы, троянцевъ дѣвы", передаетъ греч. *Τρῴων παῖδες* едва ли вѣрно, такъ какъ эти троянки, составляющія хоръ, только что оплакивали своихъ мужей (стр. 58); здѣсь *παῖδες*, очевидно, значитъ „дѣти, дочери".

Таковы замѣченныя нами погрѣшности: онѣ весьма незначительны и по количеству, и по качеству, и нисколько не умаляютъ достоинствъ перевода, который, не обладая излишнею точностью, вполнѣ вѣрно передаетъ мысль и духъ подлинника. Что касается самаго стиха то онъ былъ бы гораздо живѣе и сильнѣе, если бы г-жа Вейссъ избрала пять стопъ вм. шести, черезчуръ тяжелыхъ для нашего уха; но довольно правильное пользованіе цезурой, столь рѣдко встрѣчающееся въ нашихъ переводахъ, значительно облегчаетъ чтеніе. Стихъ, за очень рѣдкими исключеніями, всюду правиленъ, а во многихъ мѣстахъ, куда относятся всѣ лирическія партіи, достигаетъ воодушевленія, силы и красоты, увлекающей читателя: этому особенно способствуетъ риѳма, всюду весьма удачная и красивая [1]). И

[1]) Лишь въ монологѣ Гекубы (стр. 12) мы считаемъ не особенно удачной риѳму „царица — томиться".

діалоги были бы значительно живѣе, если бы окончанія стиховъ не были однообразны: слѣдовало бы чередовать ударяемыя окончанія съ неударяемыми, а не пользоваться исключительно послѣдними[1]). Напр. на стр. 8 слова Аѳины: „И помощи твоей просить я собираюсь“ безъ труда можно бы такъ передѣлать: „И помощи твоей просить я собралась“; на стр. 11 заключительный стихъ пролога: „И, все опустошивъ, самъ гибнетъ вслѣдъ за этимъ!“ Лучше бы кончить на слова „за тѣмъ!“, такъ какъ ударяемое окончаніе стиха наиболѣе соотвѣтствуетъ концу монолога; на стр. 16 (ст. 242) вм. „различнымъ господамъ судьба васъ назначаетъ“ лучше было бы „отдала“; заключительные стихи въ монологѣ Талѳибія на стр. 41 (ст. 1729 сл.) „тогда и сына похоронишь, | Да и къ себѣ скорѣй ты привлечешь ахейцевъ“, въ виду притомъ риѳмы *λίχοις — τύχοις* въ подлинникѣ, можно было бы передать такъ: „тогда и сына погребешь, | Да и къ себѣ скорѣй ахейцевъ привлечешь“. Также заключительныя слова Менелая, стр. 47 (ст. 857): „Ее на корабль въ Элладу мы отправимъ“ — лучше бы, какъ намъ кажется, измѣнить: „въ Элладу отошлемъ“; и другія передѣлки подобнаго рода, какъ видитъ читатель, вполнѣ были бы возможны даже при сохраненіи александрійскаго стиха.

Метрическая сторона правильна почти вездѣ. Всѣ погрѣшности сводятся въ этомъ отношеніи къ слѣдующимъ: семь стопъ вм. шести на стр. 6: „Однѣ, Ѳессалія взяла другихъ, вожди аѳинянъ“, на стр. 25: „Циклопъ, въ Лигуріи ему готовитъ козни Кирка“ (выпустить „ему“) и на стр. 36: „О женщинѣ молва идетъ, ей не избѣгнуть толковъ“; пять стопъ вм. шести на стр. 28: „Къ вершинамъ горъ! И брошусь я съ утеса“; тоже на стр. 41: „сырой земли тебя спасти отъ смерти!“; на этой же страницѣ (вверху) находимъ и единственный примѣръ неправильнаго ударенія „ѐще можемъ“, хотя его легко было избѣжать перестановкой словъ: „а мы съ одной женой еще бороться можемъ“.

Что касается стиля, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ нельзя согласиться съ переводчицей и желателенъ былъ бы иной способъ выраженія: но это, конечно, сплошь и рядомъ, дѣло личнаго вкуса. Мы и не останавливались бы на неудачныхъ, на нашъ взглядъ, выраженіяхъ, но указывая на нѣкоторые стихи, которые можно бы было построить лучше, мы руководимся исключительно желаніемъ способствовать возможному усовершенствованію этого прекраснаго перевода. Вотъ эти, послѣднія уже, наши замѣчанія, касающіяся языка и способа передачи нѣкоторыхъ мѣстъ въ переводѣ:

[1]) Лишь стихъ „Кассандра, дочь моя безумная, бѣжитъ“, на стр. 19 является желательнымъ исключеніемъ.

Стр. 5 (ст. 6): „не покидала духа | Заботливая мысль“ вм. ἐκ φρενῶν, — или „ума“, или просто „меня“.

Стр. 7: неудачно передана рѣчь Аѳины.

Стр. 12: ряды кораблей „встали“ въ заливахъ — правильнѣе „стали“, ибо „встали“ = ἀνέστησαν, поднялись.

Стр. 17: (ст. 258): „Съ кѣмъ эту дочь мою судьба соединила“, — недостаточно оттѣненъ отвѣтъ на вопросъ Талѳибія, что по-греч. выражено постановкою ταύταν въ началѣ стиха; можно бы точнѣе передать такъ: „Ее, скажи мнѣ, съ кѣмъ судьба соединила?“

Стр. 19 (ст. 296): „Себѣ на выгоду, Ахейцамъ же въ убытокъ“, — выразительнѣе и лучше, какъ кажется, пропустить „же“: „Себѣ на выгоду, Ахеянамъ — въ убытокъ“.

Стр. 28: стихи 495 сл. подлинника переданы слабо, вслѣдствіе замѣны конструкціи текста другою.

Стр. 32 (ст. 579): „Ужель, супругъ мой, не придешь?“ — не передаетъ вполнѣ греч. μόλοις, ὦ πόσις, μοι = приди, о супругъ, ко мнѣ!

Стр. 36 (ст. 643 сл.): греч. νοῦς передано черезъ „образъ мыслей“, каковое значеніе едва-ли подходитъ къ предложенію: „Довольствовалась я его (т.-е. образа мыслей) лишь руководствомъ“.

Стр. 48, ст. 865: „Она опять твой духъ, какъ прежде, отуманитъ“, говоритъ Гекуба Менелаю объ Еленѣ; въ текстѣ кратко: μή σ' ἕλῃ πόθῳ, чтобы она не увлекла тебя страстью или лучше „чтобы страсть не овладѣла тобой“.

Стр. 61: „варваровъ въ странѣ“ — такая разстановка словъ, еще кое-гдѣ встрѣтившаяся намъ въ этой книжкѣ, не совсѣмъ удобна.

Тамъ же, ст. 1251: ἐνθουσιᾷς, δύστηνε, τοῖς σαυτῆς κακοῖς — очень слабо переданъ въ переводѣ: „Отъ горя, бѣдная, ты потеряла разумъ“; — здѣсь не передано то волненіе, которое въ эту минуту овладѣваетъ Талѳибіемъ и которое отлично выражено Еврипидомъ, какъ постановкою ἐνθουσιᾷς въ началѣ стиха, такъ и цезурою послѣ δύστηνε.

Подъ текстомъ даны кое-гдѣ примѣчанія, но не достаточно полныя: напр. не объяснено слово „Питана“ на стр. 60 (сѣв. кома Спарты).

Не лишнее также было бы сдѣлать нѣкоторыя указанія на движенія дѣйствующихъ лицъ, обычныя въ драматическихъ произведеніяхъ новаго времени.

Общее же впечатлѣніе отъ перевода г-жи Вейссъ получается самое благопріятное: рѣдко приходится читать переводъ класическаго автора на русскій языкъ, сдѣланный съ такимъ воодушевленіемъ и поэтическимъ колоритомъ. Особенно удачны, какъ мы уже замѣтили, лирическія партіи, обработанныя пере-

водчицей, повидимому, съ особенною любовью; напр.: гимнъ Кассандры (стр. 19 сл.), ея прощаніе съ родиной и матерью (стр. 26 сл.), пѣснь хора на стр. 57—60 и др. Приводимъ для примѣра начало брачной пѣсни Кассандры:

Выше держи
Огонь святой,
Прямо неси
Передъ собой!
  Впередъ!
  И вотъ
Въ славу безсмертнымъ богамъ
Я наполняю сей храмъ
Радостнымъ блескомъ огней.
О повелитель Гименъ, Гименей! и т. д.

Мы остановились такъ долго на этомъ переводѣ въ той надеждѣ, что онъ не окажется первой и послѣдней работой переводчицы, обнаружившей рѣдкій талантъ къ передачѣ поэтической стороны подлинника на родной языкъ, и что въ такомъ случаѣ, можетъ быть, и наши посильныя замѣчанія окажутся не совсѣмъ безполезными; а кромѣ того мы не могли удержаться отъ желанія познакомить читателей хоть отчасти съ новымъ переводомъ, отличающимся крупными достоинствами.

Надѣемся, что г-жа Вейссъ надумаетъ дать русской публикѣ и полный переводъ „Троянокъ“, тѣмъ болѣе, что значительная часть работы уже выполнена.

В. Аппельротъ.

В. Мусселіусъ. Русско-латинскій словарь. С.-Петербургъ 1891. (VI+424).

Для того, чтобы судить о достоинствахъ какого-либо научнаго сочиненія, надо прежде всего уяснить себѣ, какую цѣль оно преслѣдуетъ и какой кругъ читателей имѣетъ въ виду. Относительно этого авторъ разбираемаго нами словаря говоритъ въ предисловіи, что сперва онъ предполагалъ своимъ словаремъ доставить краткое пособіе ученикамъ старшихъ классовъ гимназій и ограничиться самымъ необходимымъ матеріаломъ, но впослѣдствіи рѣшился расширить свою программу, надѣясь, что въ такомъ расширенномъ видѣ словарь можетъ служить пособіемъ не для однихъ учениковъ гимназій. Итакъ для кого же предназначается этотъ словарь? Вопросъ этотъ далеко не-

праздный, и мы особенно настаиваемъ на немъ потому, что отъ того или другого рѣшенія его, какъ увидимъ ниже, зависитъ объемъ и содержаніе словаря.

Всѣ лица, имѣющія надобность въ русско-латинскомъ словарѣ, могутъ быть раздѣлены на три или, вѣрнѣе сказать, на двѣ группы: къ первой относятся тѣ, которые переводятъ съ русскаго на латинскій языкъ текстъ, приспособленный для такого перевода, — это преимущественно ученики гимназій; вторую группу составляютъ тѣ, которые переводятъ на латинскій языкъ русскій текстъ, не приспособленный для такого перевода, или же излагаютъ собственныя мысли по-латыни: сюда принадлежатъ главнымъ образомъ студенты, магистранты и докторанты. Что г. Мусселіусъ предназначалъ свой трудъ не для однихъ только лицъ первой категоріи, видно какъ изъ его собственныхъ словъ, приведенныхъ нами выше, такъ и изъ содержанія его лексикона: тутъ помѣщено много вокабулъ такихъ, которыя врядъ ли встрѣтятся ученику въ какой либо книгѣ упражненій, а если и встрѣтятся, то навѣрно будутъ объяснены въ примѣчаніи, какъ напр. *автодидактъ*, *акула*, *гагара*, *газета*, *гардина* и пр. Намъ остается, слѣдовательно, предположить, что г. М. при составленіи своего труда имѣлъ въ виду также и лицъ второй группы. Въ такомъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго автора, который нашелъ возможнымъ выпустить „слова рѣдко встрѣчающіяся, большинство словъ, обозначающихъ предметы и явленія, которыя не были извѣстны древнимъ, и собственныя имена“ (за исключеніемъ небольшого количества географическихъ названій). На основаніи этого принципа г. М. пропускаетъ напр. слѣдующія слова: *автоматъ*, *абрикосъ*, *багажъ*, *бюджетъ*, *глаголъ*, *падежъ* (и другіе грамматическіе термины), *картавый*, *кощунство*, *деверь*, *шуринъ*, *соболь*, *правительство*, *оглавленіе*, *подвалъ*, *явленіе* (въ драмѣ) и пр. Гдѣ же искать эти слова пишущему по-латыни, если они ему понадобятся? А они очень легко могутъ понадобиться: мы по собственному опыту знаемъ, какъ трудно бываетъ начинающему филологу справляться даже съ такими простыми выраженіями, какъ напр. „глаголъ regere *сочиняется* съ вин. пад.“

Кромѣ того, чѣмъ руководился составитель при выборѣ между словами, часто встрѣчающимися и рѣдко встрѣчающимися? Почему напр. слово *автодидактъ* попало въ лексиконъ, а *автоматъ* нѣтъ? Почему *персикъ* помѣщенъ, а *абрикосъ* не удостоенъ этой чести? *акула*, *академія*, *горностай*, *золовка*, *свинецъ* есть, а *осетръ*, *ареопагъ*, *соболь*, *деверь*, *телецъ* нѣтъ? Въ такихъ пропускахъ и непослѣдовательности заключается, по нашему мнѣнію, главный недостатокъ труда г. Мусселіуса.

Но не будемъ слишкомъ строги къ автору: „на нѣтъ“, говоритъ пословица, „и суда нѣтъ“; посмотримъ лучше, каковъ тотъ матеріалъ, который онъ намъ даетъ. Въ этомъ отношеніи словарь, безспорно, заслуживаетъ полнаго одобренія. Г. М. обратилъ большое вниманіе на два пункта: на фразеологію, которой его словарь богаче, чѣмъ всѣ его предшественники (жаль только, что онъ еще не приводитъ русскихъ пословицъ и поговорокъ съ указаніемъ соотвѣтствующихъ латинскихъ), и на то, чтобъ латинскія слова и выраженія, помѣщенныя въ его лексиконѣ, были классическими, съ крайней неохотой давая тамъ, гдѣ нельзя было обойтись, слова и выраженія, не встрѣчающіяся у образцовыхъ писателей, и отмѣчая это каждый разъ извѣстными знаками. Латинскія слова и фразы, соотвѣтствующія тѣмъ или другимъ русскимъ, приводятся, конечно, не всѣ, а лишь наиболѣе употребительныя, насколько мы могли судить по сравненію съ матеріаломъ, собраннымъ у Георгеса въ его подробномъ словарѣ; при этомъ по б. ч. указывается различіе между синонимами.

Однако, не смотря на всѣ эти достоинства, трудъ г. Муселіуса далеко нельзя назвать безукоризненнымъ даже и въ вышеуказанномъ отношеніи. Составителю словаря необходимо быть въ совершенствѣ знакомымъ съ тѣми языками, которые входятъ въ словарь. Между тѣмъ г. М., насколько можно судить по нѣкоторымъ даннымъ[1]), не обладаетъ особенно тонкимъ знаніемъ русскаго языка, и это отразилось до извѣстной степени на его работѣ.

Такъ, слово *лапа* онъ передаетъ черезъ ungula, что, какъ извѣстно, означаетъ „копыто“ (можетъ быть г. М. думаетъ, что у лошади есть лапы?).

Подъ рубрикой *кубокъ* мы читаемъ: „кубокъ poculum; бокалъ scyphus, calix“; мы желали бы знать, въ чемъ авторъ видитъ разницу между кубкомъ и бокаломъ и, если такая разница существуетъ, то соотвѣтствуетъ ли она различію между приведенными латинскими названіями. Намъ кажется, что такой разницы, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, нѣтъ; во всякомъ случаѣ по своему виду ни calix, ни scyphus не похожи на нашъ кубокъ или бокалъ, а по своему назначенію (какъ сосуды для питья вина) и эти оба слова, и другія, напр. cantharus, carchesium, равно годятся и для „кубка“, и для

1) Такъ, мы встрѣтили въ лексиконѣ нѣсколько словъ и оборотовъ, которыхъ никто въ литературномъ языкѣ не употребитъ, напр.: *амфитеатрально, ваяю, гадкость, кочевщикъ, сльпость, гамъ собакъ,* и т. п. Нѣкоторыя изъ нихъ приводятся, правда, въ толковомъ словарѣ Даля, но, по всей вѣроятности, изъ какихъ-нибудь областныхъ говоровъ. Неизвѣстно также, почему г. М. полагаетъ, что слова *затья* и *матеріалъ* обыкновенно употребляются во множественномъ числѣ.

,,бокала", и для ,,рюмки". Замѣчательно, что и самъ г. М. подъ рубрикой *бокалъ* переводитъ это слово чрезъ poculum.

Довольно интересна также рубрика *леденистый*. Слово это г. М. передаетъ черезъ glacie adopertus, obtectus, понимая его, очевидно, въ смыслѣ ,,покрытый льдомъ". Нѣсколько иначе, кажется, понимаетъ его Даль, толкуя его въ своемъ словарѣ такъ: ,,со льдомъ, полный льду, полумерзлый, леденѣлый". Въ Академическомъ словарѣ (I изд.) этого слова вовсе не имѣется. Что касается меня лично, то я, хотя и природный русскій, но такого прилагательнаго не знаю, да и въ самомъ существованіи его, по крайней мѣрѣ въ языкѣ нашего образованнаго общества, сильно сомнѣваюсь (встрѣчается оно, правда, въ модной новѣйшей пѣсенкѣ ,,конфетка моя леденистая", но въ другомъ совсѣмъ значеніи, да и здѣсь оно *ἅπαξ εἰρημένον*).

Немного ниже, подъ словомъ *ледовитый*, г. М. пишетъ: ,,л. море mare congelatum или concretum glacie; такъ назыв. л. океанъ Oceanus glacialis". Какъ видно отсюда, г. М. дѣлаетъ различіе между ледовитымъ моремъ и ледовитымъ океаномъ и, если судить потому, что mare онъ пишетъ съ маленькой буквы, а Oceanus — съ большой, онъ принимаетъ „ледовитое море" за нарицательное имя, разумѣя подъ этимъ просто „замерзшее море". Но у насъ „Ледовитое море" и „Л. океанъ" означаютъ одно и то же и употребляются исключительно въ значеніи собственнаго имени. Повидимому, г. М. былъ введенъ въ ошибку Академическимъ словаремъ, гдѣ „ледовитый" объясняется словами „покрытый льдомъ", при чемъ приводятся тѣ оба выраженія, но безъ упоминанія, что они употребляются только какъ собственныя имена. Кстати скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о выраженіяхъ concretum glacie и frigore concrescere (*леденѣть*). Г. М. приводитъ ихъ безъ всякаго значка, а между тѣмъ эти выраженія, какъ кажется, поэтическія: по крайней мѣрѣ Кишера въ своемъ французско-латинскомъ лексиконѣ (подъ словами geler и glacé) отмѣчаетъ ихъ какъ взятыя изъ Овидія и Вергилія; Клоцъ также цитируетъ для перваго выраженія Ovid. *Trist*. III, 12, 29; Verg. *Georg*. I, 236; для второго Lucret. VI, 845; Verg. *Aen*. XII, 905; Mart. IV, 3; поэтому Георгесъ въ нѣмецко-латинскомъ словарѣ не безъ причины, кажется, пропустилъ эти выраженія. Что же касается названія Oceanus glacialis, которое въ нашемъ словарѣ отмѣчено звѣздочкой въ знакъ того, что оно „не встрѣчается у древнихъ писателей", то такое обозначеніе невѣрно, потому что выраженіе это есть у Ювенала.

Очень интересно по неопредѣленности своего значенія слово *амуниція*. Въ нашемъ лексиконѣ оно переведено посредствомъ arma, armatura, у Ивашковскаго apparatus bellicus, у Бѣли-

кова belli apparatus, militaris instructio, у Ходобая-Виноградова omnia quae ad bellum opus sunt. Чтобы правильно передать этотъ терминъ по-латыни, надо прежде уяснить себѣ, что подъ нимъ разумѣется по-русски. Опредѣленія его, приводимыя въ нашихъ толковыхъ и энциклопедическихъ словаряхъ, нѣсколько разнятся между собою. Академическій словарь даетъ такое объясненіе: „военный снарядъ или военные припасы, каковы суть солдатскіе мундиры, обувь, сумы, тесаки, ружья и проч.“ Словарь Плюшара: „подъ симъ названіемъ заключаются казенныя вещи, снаряженіе солдата составляющія, какъ-то: киверъ, каска, портупея, перевязь, патронная сума, лядунка, ранецъ съ ремнями, ружейный ремень и пр.“ Почти то же сказано и у Даля. У Березина говорится: „такъ называются всѣ вообще предметы, составляющіе снаряженіе солдата и коня, кромѣ вещей мундирныхъ, бѣлья и обуви“. Всѣ эти опредѣленія, за исключеніемъ перваго, согласны въ томъ, что амуниціей называется сумма всѣхъ вещей, находящихся на солдатѣ, кромѣ его одежды; Академическій словарь включаетъ сюда и одежду. Я съ своей стороны, несмотря на авторитетъ такихъ извѣстныхъ толкователей, думаю нѣсколько иначе. Не знаю, что разумѣется подъ словомъ „амуниція“ на техническомъ военномъ языкѣ, но въ обыкновенномъ, разговорномъ языкѣ нашего общества этимъ словомъ отчасти обозначаются (согласно съ опредѣленіемъ Академическаго словаря) всѣ вещи, находящіяся на солдатѣ, но главнымъ образомъ, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, подъ „амуниціей“ разумѣется одежда солдата; мало того, „амуниція“ нерѣдко употребляется теперь (правда, немного въ шутливомъ тонѣ) въ смыслѣ всякой одежды вообще, не только военной, но и гражданской. Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ нами выраженій arma и armatura какъ разъ не заключаютъ въ себѣ понятія объ одеждѣ, apparatus bellicus (belli) и omnia quae ad bellum opus sunt слишкомъ общи и болѣе указываютъ на разные военные снаряды въ родѣ машинъ; смыслъ выраженія instructio militaris для меня неясенъ. Я предложилъ бы для передачи слова „амуниція“ два выраженія: ornatus militaris (Cic. *Off.* I, 18, 61) и vestitus militaris (Nep. *Dat.* 9, 3), которыя, обозначая все надѣтое на солдатѣ — и оружіе, и одежду, а главнымъ образомъ одежду, наиболѣе соотвѣтствуютъ понятію „амуниція“. Кстати замѣчу, что смыслъ этого слова поняли и вѣрно передали гг. Ходобай и Виноградовъ, переведя фразу „не имѣю ам. для войска“ non est или non habeo unde vestiam milites.

Глаголъ *выцвѣтать* г. М. передаетъ посредствомъ deflorescere, florere desinere, понимая это слово въ очень рѣдкомъ значеніи, какъ синонимъ глагола „отцвѣтать“; въ томъ же

смыслѣ впрочемъ понимаютъ его и другіе наши лексикографы — Ивашковскій, Бѣликовъ, Ходобай — Виноградовъ; но оно имѣетъ еще два значенія: 1) „вступать въ пору полнаго цвѣта“ (или „усовершиться цвѣтомъ“, какъ сказано въ Академическомъ словарѣ) — о растеніи, и 2) „линять, блѣднѣть“ — о матеріи, въ какомъ значеніи этотъ глаголъ почти исключительно и употребляется въ языкѣ нашего общества; по-латыни это colorem amittere или remittere, pallidiorem fieri.

Подъ словомъ *пахучій* мы читаемъ: „bene olens, odoratus (благовонный)“. Повидимому, и здѣсь нашего автора ввелъ въ заблужденіе Академическій словарь, гдѣ для этого прилагательнаго дано только одно объясненіе: „издающій сильный пріятный запахъ“; вѣрнѣе толкованіе Даля: „съ запахомъ, болѣе съ пріятнымъ;.... съ сильнымъ запахомъ вообще“; слѣдовательно, значенія bene olens и odoratus не всегда годятся для нашего „пахучій“; всего болѣе ему соотвѣтствуетъ поэтическое odorus; въ прозѣ придется поставить какое-нибудь описаніе въ родѣ odorem vehementem или gravem reddere.

Далѣе, при переводѣ словъ *вьюга* и *мятель* vis creberrimae nivis (какъ и у Ходобая-Виноградова) не выражается главный отличительный признакъ вьюги — вѣтеръ. Кромѣ того, выраженіе это, хотя и не отмѣченное въ нашемъ словарѣ никакимъ знакомъ, повидимому, есть дѣланное, а не заимствованное изъ древнихъ авторовъ, судя по тому, что у Георгеса при немъ (подъ словомъ Schneegestöber) поставлена звѣздочка (можетъ быть, оно составлено по образцу creberrimae grandinis у Liv. XXVIII, 39). Въ такомъ случаѣ, лучше было бы воспользоваться описаніемъ nives vento mixtae, которое предлагаетъ Р. Фохтъ[1]) (стр. 87) на основаніи Liv. XXI, 58, 3 vento mixtus imber, или, наконецъ, если уже не передавать понятія вѣтра, то перевести эти слова просто черезъ nives, по Негельсбаху (стр. 139).

---

[1]) Матеріалы для упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій съ объясненіями Рихарда Фохта. — Латинская стилистика Негельсбаха, приспособленная для русскихъ школъ Александромъ Страховымъ. — Нашего автора можно вообще упрекнуть за полное пренебреженіе къ этимъ двумъ (почти единственнымъ) пособіямъ по латинской стилистикѣ на русскомъ языкѣ, которыя во многихъ случаяхъ были бы ему очень полезны. Изъ первой книги онъ могъ бы напр., позаимствовать еще переводъ словъ: *гарнизонный* (стр. 39), *добросовѣстный* (5), *кибитка* (89), *отрывокъ* (2), *подвалъ* (5), *правительство* (8), *явленіе* (154) и т. д. Изъ второй: *календарь* (стр. 111) compositio anni; г. М. даетъ для этого слова только fasti, что обозначаетъ книгу — мѣсяцесловъ и не годится, напр., въ выраженіи: „Юліанскій календарь“; *поведеніе* (124) facta — гораздо ближе, чѣмъ mores въ нашемъ словарѣ, что значитъ „характеръ“; *распускать паруса по вѣтру* (409), *съ покорностью* (128), *публично* (68), *сладость минуты* (61) и т. д.

Не посчастливилось нашему автору во многихъ случаяхъ также при переводѣ названій предметовъ, неизвѣстныхъ древнему міру, которые онъ, вопреки своему принципу, иногда допускаетъ въ свой лексиконъ, передавая одни изъ нихъ словами, обозначающими похожіе предметы, извѣстные древнимъ, а для другихъ придумывая описанія.

Батистъ, изобрѣтенный только въ XIII столѣтіи, не можетъ быть тождественъ съ carbasus уже потому, что батистъ выдѣлывается изъ льна или хлопчатой бумаги, а carbasus приготовлялся изъ особаго рода древесной шерсти — gossypium (Marquardt, v. VII, p. 471); такимъ образомъ, carbasus вмѣсто „батиста“ можно подставить только тамъ, гдѣ нѣтъ нужды въ точности перевода. Съ такимъ же правомъ можно подставить напр. еще byssus. Надо замѣтить, что Кишера, болѣе послѣдовательно держащійся правила не включать въ лексиконъ словъ, означающихъ новыя понятія, пропустилъ и это слово.

Подобнымъ образомъ, мы встрѣчаемъ въ нашемъ словарѣ *жесть,* которая также была неизвѣстна античному міру и изобрѣтена, какъ говорятъ, въ новыя времена въ Богеміи. Слово это г. М., вмѣстѣ съ Ходобаемъ - Виноградовымъ, переводитъ черезъ lamina. Но lamina, по опредѣленію Форчеллини proprie dicitur metalli, aut ligni, aut marmoris frustum in latitudinem ductum, crassius tamen quam bractea; слѣд., lamina указываетъ на внѣшній видъ предмета, а не на матеріалъ его. Это вообще пластинка изъ какого бы то ни было вещества (у писателей упоминаются laminae золотыя, серебряныя, мѣдныя, желѣзныя, свинцовыя, костяныя, деревянныя), между тѣмъ какъ жесть приготовляется изъ листового желѣза, покрытаго слоемъ олова. Такимъ образомъ, вѣрно передается смыслъ этого слова описаніемъ ferrea lamina stanno illita, которое даетъ Бѣляевъ въ своемъ русско-латинскомъ лексиконѣ.

Подъ словомъ *кирка* сказано: „кирка ligo (земледѣльческое орудіе для разрыхленія земли, устраненія корней); dolabra (сѣчка, ломъ)“. Что это значитъ? Авторъ, повидимому, хочетъ сказать, что dolabra была похожа на нашу сѣчку или ломъ; но, во-первыхъ, сѣчка и ломъ значительно разнятся другъ отъ друга, такъ что изъ этого сравненія нельзя понять, какого вида была dolabra; во-вторыхъ, если она имѣла сходство съ сѣчкой или ломомъ, то она не имѣла ничего общаго съ киркой, и, въ-третьихъ, dolabra (см. рисунокъ у Рича), на самомъ дѣлѣ, нисколько не похожа ни на сѣчку, ни на ломъ, а гораздо болѣе именно на кирку.

Такое же невѣрное примѣчаніе сдѣлано при словѣ *пуля:* „пуля glans (глиняная или свинцовая пуля, которую, раскаливъ, метали на враговъ)“. На чемъ основано такое объясне-

ніе, мы читаемъ у Георгеса (подъ словомъ Kugel): онъ ссылается на Caes. B. G. V, 43, 1: septimo oppugnationis die maximo coorto vento ferventes fusili ex argilla glandes fundis et fervefacta iacula in casas, quae more Gallico stramentis erant tectae, iacere coeperunt. Изъ этого мѣста однако вовсе не слѣдуетъ, что glandes всегда бросали раскаленными; въ данномъ случаѣ была въ этомъ надобность, такъ какъ нужно было зажечь непріятельскіе шалаши; для той же цѣли и метательныя копья (т. е. ихъ наконечники) были раскалены (fervefacta); обыкновенно же, разумѣется, этого не за чѣмъ было дѣлать, и самая обстоятельность описанія Цезаря до нѣкоторой степени указываетъ на необычность факта.

Очень любопытно взглянуть еще на переводъ слова *сѣни* — primus locus aedium; atrium. Всякаго, кто сколько-нибудь знакомъ съ устройствомъ римскаго дома, удивитъ, какое сходство нашелъ г. М. между параднымъ, нерѣдко роскошнымъ атріумомъ, представлявшимъ главную комнату римскаго дома, и нашими сѣнями, которыя никто и не назоветъ даже комнатой. Что всего страннѣе, г. М. этимъ же словомъ переводитъ слово „зала", какъ будто сѣни и зала одно и то же. Также мало годится и выраженіе primus locus aedium. Выраженіе это заимствовано, по всей вѣроятности, изъ Praefatio Корнелія Непота § 6: cuius materfamilias non primum locum tenet aedium atque in celebritate versatur? Неужели кто-нибудь подумаетъ, что у римлянъ хозяйка дома сидѣла въ сѣняхъ? Какъ всѣмъ извѣстно, здѣсь разумѣется тотъ же атріумъ (почему онъ такъ названъ, объ этомъ сказано у Марквардта, т. VII, стр. 222). Въ такомъ случаѣ, что же въ римскомъ домѣ соотвѣтствовало нашимъ сѣнямъ? Обыкновенный переводъ этого слова чрезъ vestibulum (у Ивашковскаго, Бѣликова) также невѣренъ, потому что такъ назывался у римлянъ открытый на улицу дворикъ передъ домомъ, а не часть самаго зданія. Одно время я думалъ о возможности переводить „сѣни" посредствомъ prothyron по Витрувію, которое нѣкоторые ученые (напр Ричъ, Мазуа) считаютъ за небольшой корридоръ, находившійся между выходной дверью и атріумомъ. Но если даже подъ prothyron дѣйствительно разумѣется именно эта часть дома (см. Marquardt, VII, 231), то она скорѣе соотвѣтствуетъ нашей передней, чѣмъ сѣнямъ. Оказывается, что въ римскомъ домѣ совсѣмъ не было сѣней, а слѣд. нѣтъ для нихъ и техническаго названія. Я предложилъ бы поэтому воспользоваться для перевода слова „сѣни" словомъ, выражающимъ общее понятіе входа, — aditus (domus).

Названіе другой части нашего дома — *крыльцо* г. М. вмѣстѣ съ Ивашковскимъ выражаетъ описаніемъ scalae in publicum ferentes. Въ этомъ переводѣ, мнѣ кажется, есть двѣ неточности:

во-первыхъ, лѣстница не составляетъ неотъемлемой принадлежности крыльца: стоитъ пройти только по улицѣ, чтобъ убѣдиться въ этомъ; во-вторыхъ, крыльцо не всегда ведетъ in publicum: въ каждомъ домѣ есть и заднее крыльцо, ведущее во дворъ. Понятіе о крыльцѣ у насъ не совсѣмъ опредѣленно; въ старину этимъ именемъ обозначалась, кажется, особая пристройка къ дому, чрезъ которую входили въ сѣни; въ настоящее время крыльцомъ мы называемъ отчасти пространство передъ наружной дверью (включая сюда и самую дверь) съ одной или нѣсколькими ступенями, или безъ ступеней, но съ навѣсомъ, или съ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ; отчасти же мы называемъ крыльцомъ и самыя сѣни. У римлянъ, повидимому, было нѣчто очень похожее на наше крыльцо, т. е. по крайней мѣрѣ дверь со ступенями (см. Marquardt, VII, 219), но особаго слова для обозначенія его не было; поэтому „крыльцо" въ первомъ смыслѣ мы должны переводить посредствомъ ianua, fores, ostium, напр. „онъ постучался у крыльца" ianuam, ostium, fores pulsavit (pultavit). При такомъ переводѣ мы будемъ имѣть и слово для выраженія понятія о заднемъ крыльцѣ — posticum или postica.

Я укажу еще на передачу одного слова — *горностай*. Въ нашемъ лексиконѣ, какъ и у Ходобая-Виноградова, этотъ звѣрокъ названъ mustela. Но этимъ именемъ римляне называли вовсе не горностая, а ластку (см. Генъ, Культурныя растенія и животныя, стр. 275), которая для нихъ замѣняла нашу кошку: горностай, правда, одной породы съ ласткой, но называть его именемъ этой послѣдней такъ же ошибочно, какъ называть волка canis; если можно горностая обозначать словомъ mustela, то это же имя можно дать и хорьку, и куницѣ, и соболю, — животнымъ, принадлежащимъ къ тому же классу. Между тѣмъ горностай, кажется, былъ извѣстенъ римлянамъ, по крайней мѣрѣ императорскаго періода: Плиній въ двухъ мѣстахъ упоминаетъ о Pontici mures, подъ чѣмъ, какъ всѣ согласны, онъ разумѣетъ именно горностая. Кишера (подъ словомъ hermine) приводитъ также его средневѣковое названіе herminia; этимъ же именемъ обозначается онъ и въ настоящее время въ зоологіи — mustela erminia.

Мнѣ остается сказать еще о двухъ оборотахъ, которые для такого пуриста, какъ нашъ лексикографъ, непростительны. Это, во-первыхъ, dies novissima или summa — свѣтопреставленіе; хотя обычное правило о родѣ слова dies и допускаетъ исключенія, однако въ такомъ соединеніи мужескій родъ встрѣчается гораздо чаще, какъ напр. die primo, altero, tertio и т. д.; summo ludorum die читаемъ въ письмѣ Азинія Полліона (Cic. *Fam.* X, 32, 2). Другой оборотъ, еще болѣе неклассическій, на-

ходимъ въ переводѣ выраженія *по свидѣтельству Ливія* auctore Livio, — оборотъ, встрѣчающійся въ этомъ значеніи только въ позднѣйшей латыни (см. Krebs-Allgayer, Antibarbarus).

Этимъ мы заканчиваемъ свои замѣчанія о словарѣ г. Мусселіуса. Всѣ указанные недостатки, если даже ихъ считать важными, всетаки по малочисленности своей стушевываются предъ хорошими качествами этой книги: ubi plura nitent, non ego paucis offendar maculis. Въ заключеніе прибавимъ, что внѣшній видъ книги прекрасный и матеріалъ размѣщенъ очень удобно (что имѣетъ немалое значеніе въ лексиконѣ): каждая русская вокабула, начинающая новую статью, напечатана особымъ жирнымъ шрифтомъ, рѣзко выдѣляющимъ ее отъ дальнѣйшаго текста, гдѣ приводится фразеологія, относящаяся къ этому слову.

С. Соболевскій.

Plan der Iliaslektüre in zwei Jahreskursen entworfen von H. Kluge. Leipzig 1891 (XI + 39).

Авторъ задается цѣлью дать для учениковъ такой выборъ мѣстъ Иліады, чтобы они, читая Иліаду два года, имѣли возможность получить полное и завершенное знакомство съ нею, равно какъ ясное представленіе о характерѣ гомеровской поэзіи и объ изображаемыхъ ею людяхъ и эпохѣ. Признавая неестественность разсѣченія Иліады на двѣ половины и практическую несостоятельность требованія Каммера[1]), чтобы выборъ партій для чтенія съ учениками обусловливался ихъ подлинностью (каждая гимназія, замѣчаетъ Клюге, тогда имѣла бы свою Иліаду), нашъ авторъ прежде всего требуетъ, чтобы при этомъ выборѣ принимались въ расчетъ педагогическія соображенія; а съ педагогической точки зрѣнія непригодными будутъ тѣ партіи Иліады, которыя вредятъ ясности разсказа и могутъ быть выпущены безъ всякой потери для ученика. За опущеніемъ такихъ партій остается 12000 стиховъ, которые и должны быть прочитаны въ классѣ и дома. Въ видахъ распредѣленія этихъ стиховъ на два курса, Клюге выдѣляетъ въ нихъ: 1) изложеніе хода дѣйствія, начиная отъ ссоры Ахилла и Агамемнона вплоть до смерти Гектора и 2) эпизоды, не подвигающіе дѣйствія, но цѣнные въ художественномъ и педагогическомъ отношеніяхъ. Первая партія назначается для перваго года чтенія Иліады, вторая — для второго года.

Въ нашихъ гимназіяхъ Иліада читается полтора года и при сравнительно маломъ числѣ уроковъ, назначенныхъ на чтеніе Иліады, она не можетъ

---

[1]) См. разборъ книги Каммера: Ein ästh.-Komm. въ «Фил. Обозр.», томъ I, отд. 2, стр. 55.

читаться въ такомъ объемѣ, какой возможенъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ. Тѣмъ не менѣе мы приводимъ здѣсь предложенный Клюге планъ чтенія Иліады въ томъ расчетѣ, что онъ, можетъ быть, пригодится и нашимъ учителямъ, хотя бы для упорядоченія чтенія этого первокласснаго и въ педагогическомъ отношеніи произведенія.

I. Ссора царей и четыре битвы Иліады.

1. Удаленіе Ахилла: *A* 1—429 : 488—611. — 2. Первая битва: *B* 1—210; 278—483. *Γ* 1—120; 245—382; 449—461. *Δ* 1—249; 422—544. *Z* 1—118; 503—529. *H* 1—312. — 3. Вторая битва: *Θ* 1—349; 485—565. — 4. Третья битва: *Λ* 1—574. *M* 41—85; 182—471. *N* 1—248; 723—837. *Ξ* 1—152. *O* 653—746. *Π* 1—167; 198—305; 351—418; 684—867. *P* 1—139; 183—318; 626—643; 656—761. *Σ* 1—34; 70—242. *T* 1—41. — 5. Четвертая битва: *T* 356—424. *Y* 1—175; 259—503. *Φ* 1—232; 514—551. *X* 1—515.

II. Эпизоды.

1. Поѣздка въ Хрису *A* 430—487. — 2. Ѳерситъ *B* 211—277. — 3. Сцена на Скейской башнѣ *Γ* 121—244. — 4. Смотръ, устроенный войску Агамемнономъ *Δ* 250—421. — 5. Подвиги Діомеда *E* 1—909. — 6. Встрѣча Главка и Діомеда *Z* 119—236. — 7. Гекторъ у Париса и Елены *Z* 312—369. — 8. Гекторъ и Андромаха *Z* 370—502. — 9. Посольство къ Ахиллу *I* 1—713. — 10. Эпизодъ съ Долономъ *K* 1—579. — 11. Гибель Сарпедона *Π* 419—683. — 12. Заготовка оружія для Ахилла *Σ* 368—617. — 13. Примиреніе царей *T* 42—281. — 14. Ахиллъ въ волнахъ Скамандра *Φ* 233—382. — 15. Борьба боговъ *Φ* 383—513. — 16. Погребеніе Патрокла *Ψ* 1—897. — 17. Выкупъ и погребеніе Гектора *Ω* 1—804.

Свою книгу авторъ назначаетъ и для учениковъ. Вторая ея половина содержитъ краткое изложеніе содержанія всѣхъ пропущенныхъ мѣстъ и эпизодовъ въ порядкѣ текста, такъ что ученики, пользуясь ею, могутъ всегда оріентироваться въ содержаніи и, восполняя не читаемыя въ подлинникѣ мѣста, получить понятіе о цѣлой поэмѣ.

А. В. А.

Латинская хрестоматія. Часть I этимологическая. Для 1-го кл. и перваго полугодія II-го кл. гимназій. Составилъ С. Любомудровъ. Москва 1891 (стр. 18+XII+84).

Въ составъ этой хрестоматіи входитъ исключительно латинскій текстъ, а именно: сотня пословицъ, 20 басенъ, краткій очеркъ миѳологіи и сказанія о герояхъ (аргонавты, Геркулесъ, троянская война, Одиссей, основаніе Рима). Вполнѣ удовлетворяя требованіямъ содержательности, матеріалъ этотъ отличается и въ высшей степени цѣлесообразнымъ расположеніемъ. Авторъ задался цѣлью „постепенно породнить“ ученика „съ новымъ, чуждымъ для него кругозоромъ, не разсѣивая и не

отвлекая во всѣ стороны его вниманія, но сосредоточивая его на чемъ-либо цѣльномъ, характерномъ". Этимъ „характернымъ цѣлымъ" являются у него миѳическія сказанія грековъ и римлянъ, которыми открывается ихъ подлинная исторія и съ которыми поэтому вполнѣ естественно ознакомиться прежде знакомства съ исторіей въ собственномъ смыслѣ, тѣмъ болѣе что по своему фантастичному характеру сказанія эти представляютъ лучшую умственную пищу для перваго школьнаго возраста, когда еще такъ богато дѣтское воображеніе. Отъ фантастичнаго міра басенъ ближе всего переходъ къ чудесному въ разсказахъ о богахъ и герояхъ, и это чудесное гораздо болѣе оживитъ преподаваніе, чѣмъ сухая исторія или какія нибудь описанія; да и самая оригинальность древняго міра ярче предстанетъ ученикамъ въ миѳологическихъ разсказахъ, чѣмъ въ статьяхъ иного содержанія. — Въ изложеніи сказаній образцомъ авторъ взялъ книжку Нибура: „Исторія греческихъ героевъ", но для полнаго усвоенія содержанія необходимы еще добавочныя объясненія со стороны учителя, ознакомленіе учениковъ съ картой древняго міра, съ изображеніями боговъ и т. д.[1]) Стиль въ общемъ отличается простотой и легкостью конструкціи, что особенно важно въ элементарной хрестоматіи.

Посмотримъ теперь, насколько хрестоматія удовлетворяетъ своей главной цѣли, насколько она удобна для ознакомленія учениковъ съ этимологіей латинскаго языка. Считая лучшимъ шансомъ успѣха „свободу преподаванія", составитель тѣмъ не менѣе указываетъ въ предисловіи „одинъ изъ многихъ способовъ" примѣненія хрестоматіи къ дѣлу преподаванія. Весь ходъ преподаванія онъ распредѣляетъ по слѣдующимъ тремъ ступенямъ: 1) по хрестоматіи — пословицы и поговорки, изъ грамматики — склоненіе именъ, спряженіе наст. вр. и нѣкоторые предлоги; 2) по хрестоматіи — басни, изъ грамматики — четыре спряженія, мѣстоименія, числительныя, нарѣчія; 3) по хрестоматіи — чтеніе миѳологіи, по грамматикѣ — пополненіе этимологіи. Въ предѣлахъ каждой ступени расположеніе матеріала не приведено въ соотвѣтствіе съ принятой въ грамматикахъ системой изученія склоненій и спряженій, такъ что для изученія, напр., перваго склоненія придется не первыя пословицы брать, а выбирать подходящія изъ всего запаса пословицъ. Но положимъ, мы перевели каждый отдѣлъ цѣликомъ, хотя бы и не въ томъ порядкѣ, какой даетъ хрестоматія, — будетъ-ли послѣ этого усвоенъ и соотвѣтствующій отдѣлъ грамматики, достаточно-ли

---

[1]) Первая, напр., фраза, вводящая въ древній міръ, сообщаетъ, что главнѣе и выше всѣхъ боговъ былъ Юпитеръ, но гдѣ это? у кого? когда? и т. д. Статейки о богахъ скорѣе впрочемъ можно назвать характеристиками, чѣмъ разсказами, и онѣ требуютъ особенно много дополнительныхъ свѣдѣній.

въ каждомъ отдѣлѣ (и во всѣхъ предшествующихъ) матеріала для этого усвоенія? Только многократная встрѣча съ извѣстною формой, многократное примѣненіе къ дѣлу извѣстнаго окончанія даетъ ученику прочное съ ними знакомство. Въ прежнихъ хрестоматіяхъ, состоявшихъ обыкновенно изъ фразъ, для изученія каждаго склоненія, каждаго мѣстоименія, каждаго глагольнаго времени и т. п. предлагалось два-три параграфа фразъ, въ которыхъ ученикъ не разъ примѣнялъ или встрѣчалъ каждое изучаемое имъ окончаніе, и параграфы эти переводились цѣликомъ, потому что это было единственнымъ средствомъ прочно усвоить данную парадигму или правило и научиться употреблять ихъ въ дѣло. Если же мы возьмемъ разбираемую хрестоматію и переведемъ, напр., весь первый отдѣлъ, предназначенный для ознакомленія со всѣми склоненіями именъ, то мы ни разу не встрѣтимъ ни одного зват. падежа, при изученіи существительныхъ ни разу не встрѣтимъ род. п. мн. ч. 1-го скл., дат. мн. и им. мн. 2-го скл., род. и дат. мн., им. и вин. мн. ср. р. 3-го скл., род., дат. ед. и всего мн. ч. 4-го скл., род. и дат. ед. и дат., вин. и тв. мн. 5-го скл. Второй отдѣлъ назначенъ между прочимъ для изученія числительныхъ, но переведя весь второй и первый отдѣлъ, мы встрѣтимъ только слѣдующія формы: bis, prima, четыре формы отъ unus, alter, duo, tertium и quinquaginta. Гдѣ же и какъ изучить всѣ остальныя числительныя? Какъ изучить, положимъ, спряженіе страд. з., когда во всемъ первомъ и второмъ отдѣлѣ изъ 280 формъ, приводимыхъ обыкновенно въ парадигмахъ страд. з. четырехъ спряженій, мы встрѣчаемъ только 17 формъ? Составитель предлагаетъ, встрѣтивши въ пословицѣ слово перваго склоненія, написать „на доскѣ окончанія послѣдняго“, окончанія эти „повторить нѣсколько разъ на всевозможные лады“, потомъ „склонять хоромъ, гуськомъ, въ одиночку“ и т. д., „при чемъ предпосланные хрестоматіи образцы дадутъ достаточно матеріала“, хотя подъ рубрикой „образцы склоненій и спряженій“ предпосланы не образцы, а просто перечень словъ, соединенныхъ въ группы по окончаніямъ и склоненіямъ. Такимъ образомъ текстъ остается самъ по себѣ, а склоненія изучаются особо, даже съ помощью особыхъ словъ, не встрѣчавшихся въ текстѣ. Если и дальше слѣдовать этому же рецепту, то при словѣ quinquaginta придется задать ученику всѣ числительныя количественныя, при словѣ aperto, единственной формѣ 4-го спр. страд. з. въ первомъ и второмъ отдѣлѣ, задать по грамматикѣ 4-ое спр. страд. з. и т. д. При такой системѣ изученіе грамматики грозитъ обратиться въ простое заучиванье парадигмъ и правилъ, которое будетъ конечно безплоднымъ вслѣдствіе невозможности примѣнять ихъ къ дѣлу. Заставить же учителя для каждой не

подтвержденной хрестоматіею формы составлять изъ прежняго или новаго матеріала новыя фразы, новый текстъ значитъ заставлять его составлять новую, дополнительную хрестоматію. Если же изучать только тѣ формы, которыя встрѣтятся въ текстѣ, съ небольшими развѣ добавленіями, то къ чему же служитъ предлагаемое составителемъ распредѣленіе грамматическаго матеріала? Въ такомъ случаѣ придется переводить статью за статьей и обращаться къ грамматикѣ для систематическаго повторенія или усвоенія только тогда, когда большинство формъ, входящихъ въ извѣстный отдѣлъ грамматики, будетъ по одиночкѣ уже исчерпано. Но и при этой системѣ для нѣкоторыхъ отдѣловъ грамматики намъ долго не дождаться такого момента, когда большинство входящихъ въ нихъ формъ будетъ усвоено практически, изъ чтенія текста. Возьмемъ хоть бы числительныя. Если мы даже переведемъ всю хрестоматію — а она назначена для перваго класса и для перваго полугодія второго класса —, то и тогда ознакомимся изъ всѣхъ порядковыхъ только съ primus, tertius, nonus, decimus и vicesimus, и тогда не встрѣтимъ ни разу milia, формъ, образованныхъ черезъ вычитаніе, и др. Для выполненія программы не мало потребуется дополненій, новыхъ примѣровъ и фразъ, всякаго рода сопоставленій и группировокъ. Но этого мало: давая одинъ латинскій текстъ, хрестоматія возлагаетъ на учителя всю работу составленія перифразъ, русскаго текста для перевода на латинскій, вопросовъ для пересказа и т. д.

П. Первовъ.

Греческая грамматика для гимназій. Составили Э. Курцъ и Э. Фризендорфъ. С.-Петербургъ 1890 (VI + 255).

Къ значительному числу пространныхъ и краткихъ греческихъ грамматикъ на русскомъ языкѣ, появившихся въ послѣдніе годы и назначенныхъ для употребленія въ нашихъ гимназіяхъ, присоединилось въ началѣ прошлаго учебнаго года еще выше названное руководство. Внимательно прослѣдивъ все содержаніе этого новаго учебника, представляющаго русскую обработку нѣмецкаго оригинала тѣхъ же авторовъ, мы, признаться, нашли въ немъ существенные недостатки какъ въ общей системѣ и группировкѣ матеріала, особенно въ этимологіи, такъ и въ способѣ изложенія правилъ, особенно синтаксическихъ, и думаемъ, что онъ нуждается въ существенныхъ исправленіяхъ.

За доказательствами дѣло не станетъ. Для этого мы считаемъ самымъ удобнымъ держаться порядка параграфовъ самого учебника, разбирая отдѣльно всѣ главные, замѣченные нами въ немъ недостатки, неточности и болѣе крупныя неисправности. Предварительно, однако, считаемъ нужнымъ выяснить нѣкоторыя общія, основныя положенія, принимаемыя въ соображеніе при вопросѣ о задачѣ и объемѣ учебника греческой грамматики, назначенной для русскихъ гимназій.

Точка зрѣнія авторовъ на задачу такого учебника, примѣнительно къ новымъ „Учебнымъ планамъ" 1890 года, изложена въ предисловіи и заключается въ никѣмъ уже теперь не оспариваемомъ положеніи „что грамматическое преподаваніе должно быть только средствомъ, а не цѣлью". Потому-то авторы и ограничились „задачею сообщить ученику основательное знаніе только самаго необходимаго"; они вообще стремились „достичь возможнаго упрощенія школьной греческой грамматики не только путемъ точнаго и осмотрительнаго выбора всего необходимаго ученику, но и помощью ясной и наглядной группировки матеріала, равно какъ и вполнѣ вразумительнымъ изложеніемъ грамматическихъ правилъ". Насколько удачно авторы выполнили эту прекрасную, назначенную себѣ самимъ задачу въ указанныхъ отношеніяхъ, мы увидимъ при разборѣ отдѣльныхъ параграфовъ.

Въ послѣднее время, въ нашей учебной литературѣ замѣтно, вообще, слишкомъ одностороннее увлеченіе краткостью, сжатостью и упрощеніемъ грамматики латинскаго и особенно греческаго языка. По нашему многолѣтнему опыту и основанному на немъ убѣжденію, школьная грамматика древнихъ языковъ не должна быть упрощаема и сокращаема въ ущербъ точности изложенія правилъ и количеству матеріала, который долженъ содержать въ себѣ, въ систематическомъ, научномъ порядкѣ, всѣ главныя явленія языка, часто встрѣчающіяся въ читаемыхъ у насъ авторахъ. Въ частности же, учебникъ греческой грамматики (этимологіи и синтаксиса), вовсе не противорѣча духу новыхъ „Учебныхъ плановъ", а напротивъ, соображаясь съ ихъ указаніями, долженъ служить не только для начальнаго болѣе или менѣе систематическаго изученія этимологіи и синтаксиса, но и надежнымъ справочнымъ руководствомъ для учениковъ (особ. VII и VIII кл.) и грамматическимъ путеводителемъ ихъ въ продолженіе всего гимназическаго курса, при чтеніи авторовъ, какъ аттическаго, такъ и іоническаго, отчасти даже дорическаго (для чтенія хоровъ трагедій) діалектовъ, равно какъ и при переводахъ съ русскаго языка на греческій въ III—VI классахъ. При этомъ должно быть предоставлено дидактическому усмотрѣнію и опыту пре-

подавателя выпускать при начальномъ прохожденіи греческой грамматики, одно или другое, менѣе важное и частное, отлагая подробности до того времени, когда можно будетъ ознакомить съ ними учениковъ при чтеніи авторовъ.

При разборѣ учебника гг. Курца и Фризендорфа мы увидимъ, что онъ, придерживаясь по объему вообще золотой середины (что составляетъ похвальную сторону его), однако, съ одной стороны, содержитъ кое-что лишнее для школьной грамматики, а съ другой — пропускаетъ иногда необходимыя указанія, какихъ, въ особенности для русскаго ученика, не долженъ упускать изъ виду даже самый краткій учебникъ греческой грамматики.

Главная же отличительная черта разбираемой нами грамматики отъ другихъ и главное ея (какъ думаютъ сами авторы) преимущество заключается, по ихъ словамъ, въ слѣдующемъ (стран. IV и V предисловія): „На основаніи болѣе строгаго примѣненія понятія о неправильности, мы выдѣляемъ изъ массы, такъ называемыхъ, неправильныхъ глаголовъ значительное число глаголовъ, имѣющихъ совершенно правильное производство временъ, и тѣмъ самымъ значительно облегчаемъ изученіе этой трудной главы. Въ силу сказаннаго, мы отказываемся отъ введеннаго Г. Курціусомъ и еще донынѣ часто встрѣчаемаго подраздѣленія глаголовъ на *-ω* на 4 класса правильныхъ и на такое же число классовъ неправильныхъ глаголовъ. Дѣйствительно, въ чемъ глаголъ *τέμνω (τεμῶ, ἔτεμον, τέτμηκα)* окажется болѣе неправильнымъ при сравненіи съ глаголомъ *βάλλω (βαλῶ, ἔβαλον, βέβληκα)*, если не будемъ принимать во вниманіе ихъ хотя различныхъ, по обоюдно (?) правильно распространенныхъ основъ настоящаго времени, или чѣмъ отличается *ἥβησα* отъ *ἐτίμησα* относительно образованія временъ? По нашему мнѣнію, слѣдуетъ уже съ самаго начала занятія пріучить (лучше: пріучать) ученика находить глагольную основу во всѣхъ глаголахъ, имѣющихъ правильное образованіе формъ; вслѣдствіе того мы помѣстили въ началѣ спряженій обзоръ всѣхъ различныхъ способовъ распространенія основъ въ настоящемъ времени. Настоящее время, подобно имен. пад. именъ существительныхъ 3-го склоненія, должно быть для ученика опредѣленнымъ даннымъ, и ученикъ при спряженіи глагола обязанъ предварительно (откуда?) знать, кромѣ настоящаго времени, и потребную для производства временъ основу глагола. Въ доказательство того, что распространеніе настоящаго времени не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на образованіе временъ, мы приводимъ слѣдующіе примѣры:

осн.	*εὑρ*	буд. вр.	*εὑρήσω*	наст.	*εὑρίσκω*
„	*μελλ*	„ „	*μελλήσω*	„	*μέλλω*
„	*βλαστ*	„ „	*βλαστήσω*	„	*βλαστάνω* и т. д.“.

„Вслѣдствіе всего этого“, продолжаютъ авторы — „у насъ для неправильныхъ глаголовъ получился совершенно особый принципъ дѣленія, который опирается на производство временъ“ (а praesens съ imperfectum не времена ли?), „и исходя изъ послѣдняго, приводитъ однородныя явленія къ единству, помимо какого-либо примѣненія распространенныхъ основъ настоящаго времени“. Въ этомъ и весь недостатокъ „особаго принципа дѣленія“.

Упомянутый „особый принципъ дѣленія“ придуманъ авторами на ошибочномъ, въ своей основѣ, взглядѣ на неправильность и поэтому на шаткомъ основаніи. Вѣдь *вся* неправильность греческихъ глаголовъ состоитъ именно въ различіи основъ настоящаго времени, т.-е. несовершеннаго (длительнаго) вида отъ основы (такъ-называемой) глагольной или чистой, отъ которой производятся прочія времена (кромѣ praes. и imperf.), въ числѣ послѣднихъ и будущее время, которое выражаетъ оба вида, несовершенный (длительный) и совершенный (краткій, аористическій *). Слѣдовательно, смѣшивать и соединять глаголы различной основы настоящаго времени въ одну группу значитъ „miscere quadrata rotundis“ и, вмѣсто облегченія, затруднять постепенное изученіе разнообразныхъ глагольныхъ формъ богатѣйшаго греческаго языка. Какого же, право, можно ожидать „облегченія“ отъ перенесенія глагола изъ одного многочисленнаго однороднаго разряда въ другой болѣе общій, но за то слишкомъ разнокалиберный по своему составу? — Легко сказать, что ученикъ долженъ „находить уже съ самаго начала глагольную основу во всѣхъ глаголахъ“, — но какъ же онъ найдетъ ее, если ему, напр., относительно *λείπω, τέμνω, ἡβάσκω,* предварительно не указать, какая глагольная основа и какимъ именно образомъ она распространилась (усилилась) для полученія основы настоящаго времени и какіе именно глаголы распространяютъ (усиливаютъ) основу настоящаго времени посредствомъ подъема или удлиненія основной гласной, какіе приставленіемъ *ν* (одного или вмѣстѣ съ гласной), *σκ, ε,* и какіе производятъ свои времена отъ нѣсколькихъ, совсѣмъ различныхъ, основъ? Вслѣдствіе этого, помѣщать уже „въ началѣ спряженій обзоръ всѣхъ различныхъ способовъ распространенія основъ въ настоящемъ времени“, не выдѣляя, по крайней мѣрѣ, гла-

*) Напр. *γράψω* буду писать, напишу. Поэтому futurum нельзя относить къ одному совершенному („фактическому“) виду, какъ это дѣлаетъ М. Вукъ въ своей „Греч. Грамматикѣ“ стр. 60, § 53, 54, 59, 62 и въ § 122: „Будущее фактическаго вида (fut. I и II) выражаетъ, подобно аор., лишь (?) будущее наступленіе дѣйствія въ дѣйствительности (?), безъ означенія (?) его продолжительности“. Названіе аористическаго вида фактическимъ — слишкомъ одностороннее; означаетъ же и imperf. факты прошедшаго времени длительные и многократные.

головъ чистыхъ (неусиленнаго или нераспространеннаго класса), по ихъ простотѣ образованія, въ первую, отдѣльную, такъ-сказать, образцовую группу,— значитъ не кстати и слишкомъ рано заваливать и обременять (вмѣсто выставляемаго на видъ облегченія) память учениковъ сразу всѣмъ пестрымъ разнообразіемъ способовъ образованія временъ. Весь вопросъ сводится, очевидно, къ тому, какіе именно глаголы распространяютъ (усиливаютъ, удлиняютъ) глагольную основу для полученія основы настоящаго времени такъ или иначе,— такъ что перечень по отдѣльнымъ группамъ (классамъ) употребительнѣйшихъ глаголовъ одинаковаго между собой образованія настоящаго времени (praesentis и imperfecti), въ противоположность производству остальныхъ временъ, оказывается, между прочимъ, необходимымъ именно для того, чтобы облегчить изученіе разнообразныхъ формацій греческаго глагола. Что „распространеніе настоящаго времени (точнѣе: распространеніе основы praes. и imperf.) не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на образованіе (дополни: прочихъ) временъ“, конечно, не нуждается въ доказательствахъ, а важно оно именно для самой простой, естественной группировки глаголовъ, чтобы однородныя явленія, какъ это вообще водится въ наукѣ, сопоставлять по отдѣльнымъ разрядамъ, а не сваливать въ одну или нѣсколько перемѣшанныхъ кучъ. Вслѣдствіе этого въ настоящей грамматикѣ, вмѣсто обѣщаннаго упрощенія, на дѣлѣ выходитъ усложненіе и eo ipso значительное затрудненіе изученія греческаго языка. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, назвать упрощеніемъ и облегченіемъ изученія греческаго глагола то обстоятельство, что гг. Курцъ и Фризендорфъ придумали, вмѣсто хулимыхъ ими 8 классовъ,— тремя больше, т.-е. 11, а именно 5 классовъ правильныхъ (§ 113—117) и 6 неправильныхъ глаголовъ (§ 166—171)?

Въ подстрочномъ примѣчаніи предисловія заявляется, что „настоящее изданіе на русскомъ языкѣ не есть простой переводъ“ нѣмецкаго, намъ неизвѣстнаго, ихъ изданія, а „составляетъ полнѣйшую переработку, при которой, главнымъ образомъ, было обращено вниманіе на сближеніе и сравненіе формъ языковъ греческаго и русскаго“. Но это сравненіе, на нашъ взглядъ, вышло весьма недостаточно и мѣстами неудачно. Это особенно замѣтно въ синтаксисѣ, да и не удивительно: синтаксисъ греческаго языка представляетъ много, иногда поразительнаго, сходства съ синтаксисомъ языка русскаго.

Теперь обратимся къ частностямъ.

Въ § 1 этимологіи недостаетъ сопоставленія греческаго алфавита съ происшедшею отъ него церковно-славянскою и русскою азбукой, что́, кажется, напрашивается само собой въ учебникѣ, назначенномъ для русскихъ школъ.

§ 8 произвольно предписываетъ, при раздѣленіи словъ по слогамъ, „къ слѣдующему слогу относить столько согласныхъ, сколько удобно произносится разомъ“; — но возникаетъ вопросъ: кѣмъ? грекомъ ли, или русскимъ? Почему же тогда не раздѣлять *ἄ-νθρω-πος*, а *ἄν-θρω-πος;* вѣдь русскому, для котораго даются эти указанія, произнести разомъ *νθρ* (напр. ндравъ) — вовсе не затруднительно.

Въ примѣчаніи къ § 14 слѣдовало бы прибавить, что ставить двѣ точки (puncta diaereseos) лишне въ томъ случаѣ, когда постановка знаковъ придыханія и ударенія уже достаточно указываетъ на отдѣльное произношеніе гласныхъ, напр. *ἄυπνος*.

Въ § 27, 5 „*γέ* quidem“ — въ III классѣ рѣдкій ученикъ знаетъ значеніе латинскаго quidem. Вообще подобнаго рода переводы и сравненія съ латинскимъ, а не русскимъ или обоими языками вмѣстѣ, въ нашихъ учебникахъ (назначаемыхъ для начинающихъ изучать языкъ), объясняя неизвѣстное неизвѣстнымъ же или мало-извѣстнымъ, напоминаютъ формулу $x = y$. Грамматика гг. Курца и Фризендорфа иногда грѣшитъ въ этомъ отношеніи; напр. въ § 19 „*Ἀθήνησι(ν)* Athenis“ (= въ Аѳинахъ или изъ Аѳинъ“?); въ § 87 „fratrem eius“ и „suum fratrem“ — почему не по-русски: его брата, своего брата?

Кстати здѣсь замѣтимъ, что въ нѣкоторыхъ §§ произвольно и непослѣдовательно греческія слова переводятся на русскій или латинскій языкъ, а въ другихъ нѣтъ, и въ одномъ и томъ же § то переводятся, то нѣтъ; см. § 93 и др.

Къ § 40, 3. Не только „негреческія собственныя имена на *ᾱς*“ имѣютъ въ род. пад. ед. ч. дорическое окончаніе *ᾱ*, но и греческія дорическаго нарѣчія, употребляемыя также аттиками, напр. *Φοιβίδας* — *Φοιβίδα*, *Εὐρώτας* — *Εὐρώτα* и т. п.

Въ § 42, 2 зват. пад. вм. *ὦ ἄδελφε* — лучше (по преданію большей части рукописей и печатныхъ текстовъ) правильное *ὦ ἀδελφέ*.

Въ § 49 слова: „Основой называется та часть слова, которая лежитъ въ основаніи всѣхъ падежей“ — есть тавтологія.

Въ § 53, вмѣсто парадигмы, крайне рѣдкаго въ прозѣ слова *ἡ φιλότης*, слѣдовало просклонять другое слово, тѣмъ болѣе, что отъ этого отвлеченнаго имени множественное и тѣмъ болѣе двойственное число врядъ ли попадется даже учителю во всей греч. литературѣ, не говоря уже о неудобномъ русскомъ переводѣ множ. ч.

Изъ таблицы § 58 „*γλυκύς* ср. р. *γλυκύ*“ ученикъ вынесетъ ложное мнѣніе, что *γλυκύς* рода мужескаго и женскаго, такъ какъ форма *γλυκεῖα* здѣсь не значится.

Въ § 61 приведенъ только рѣдкій дат. пад. *ἥρῳ* вмѣсто болѣе частаго и правильнаго *ἥρωι*, и род. и дат. двойств. ч. *ἥρῳν* вмѣсто правильнаго *ἡρώοιν*.

Въ § 93 напечатано „*ὅτι* (и *ὅ τι*)" вмѣсто: *ὅ τι* (и *ὅ,τι*), что̀ или что́, въ отличіе отъ союза *ὅτι*, что (безъ ударенія). На эту разницу вовсе не лишне было бы также обратить вниманіе ученика.

Въ заглавіяхъ §§ 94 и 95, вмѣсто „таблица соотносительнымъ мѣстоименіямъ" и „нарѣчіямъ" должно быть: „таблица соотносительныхъ мѣстоименій — нарѣчій". Въ томъ же § 94 недостаетъ русскихъ значеній; — для чего же перечислять ученику греческія неизвѣстныя ему слова безъ даннаго значенія?

Въ § 96, 3 сказано: „Coniunctivus выражаетъ въ главныхъ предложеніяхъ побужденіе" — только? — а далѣе читаемъ: „passivum (страдательный залогъ), въ которомъ подлежащее является страдающимъ, т.-е. терпящимъ относительно себя дѣйствіе другого" — не вполнѣ вразумительно. Въ прим. 2, тамъ же, не прибавлено то весьма важное обстоятельство, что аористъ глаголовъ deponentia passiva, при страдательной формѣ, имѣетъ значеніе дѣйствительнаго залога. То же самое пропущено въ § 172, причемъ не мѣшало бы прибавить русское точное значеніе всѣхъ перечисленныхъ здѣсь аористовъ.

Въ этомъ же § недостаетъ хоть самаго краткаго указанія на раздѣленіе греч. временъ по 3 видамъ. Хотя подробное изложеніе видового различія относится собственно къ синтаксису, тѣмъ не менѣе оно уже въ этимологіи должно быть (какъ многое другое), по необходимости, предварительно отмѣчено въ краткихъ, общихъ чертахъ для того, чтобы объяснить ученику передачу отдѣльныхъ греч. временъ (слѣд. въ таблицѣ спряженія) тѣмъ или другимъ русскимъ видомъ и представить ему возможность при переводахъ по хрестоматіи (этимолог. фразъ или статей) выбирать, по русскому виду, то или другое греч. время.

Въ образецъ правильнаго спряженія глаголовъ на -*ω* *λύω* не годится, во-первыхъ, потому, что имѣетъ односложную основу, вслѣдствіе чего не можетъ представлять удобнаго примѣра для постановки удареній многосложныхъ формъ (*παιδεῦσαι*, *παιδεῦσαι*, *παίδευσαι*, — *παίδευσον*, *παιδεῦσον* и т. п.), а во-вторыхъ, потому что основная гласная у него то удлиняется, то остается краткою. Кромѣ того въ этой парадигмѣ недостаетъ точнаго перевода иныхъ формъ, напр. *λύων* значитъ не только „развязывающій" (что́ собственно *ὁ λύων*), но также „развязывая".

Кстати замѣтимъ, что въ § 96, 4 при participium слѣдовало прибавить, что оно равно русскому причастію и дѣепричастію. Въ той же таблицѣ спряженія *λύσας* и *λελυκώς* озна-

чаютъ не только „развязавшій" (чтó собственно *ὁ λύσας),* но также „развязавъ или развязавши" (того же самаго недостаетъ при part. med. и pass.). *Λύσομαι* не только „я развяжу", но также: я буду развязывать (для себя), и *λυθήσομαι* не только „я буду развязанъ", но также: я буду развязываемъ, меня будутъ развязывать, меня развяжутъ.

Въ § 103 читаемъ: „Приращеніе (augmentum) признакъ прошедшаго времени и ставится...", а въ § 106, 1 такимъ же слогомъ: „удвоеніе (reduplicatio) признакъ совершеннаго дѣйствія и ставится...", а такъ какъ выраженія „прошедшее время" и „совершенное дѣйствіе" для русскаго ученика совпадающія понятія, тѣмъ болѣе, что онъ въ предыдущей таблицѣ спряженія при аористѣ училъ русскій глаголъ совершеннаго (по русской грамматикѣ) вида („я развязалъ"), — то выходитъ: все равно, чтó приращеніе, чтó удвоеніе.

§ 106, 6 объ аттическомъ удвоеніи изложенъ очень неясно.

Въ § 111 „perf. *ἠναντίωμαι* или *ἐνηντίωμαι*" большая — и для школьной грамматики — лишняя рѣдкость.

§ 112 между прочимъ гласитъ: „Чтобы найти чистую основу глагола, нужно знать, чѣмъ распространена основа настоящаго времени, и отбросить тѣ звуки, посредствомъ которыхъ совершилось распространеніе". А если въ основѣ настоящаго времени растяженіе (или усиленіе, подъемъ гласной), то что отбросить или выпустить, или вообще какъ тутъ быть? Къ тому же эта разница основъ не объясняется ни единымъ примѣромъ.

Въ § 113 сказано: „Первый (нераспространенный) классъ обнимаетъ глаголы, въ которыхъ глагольная основа въ настоящемъ времени является нераспространенною", а въ противорѣчіе этому, вслѣдъ затѣмъ, между примѣрами приводятся, страннымъ образомъ, также „*τήκω,* осн. *τηκ, τρίβω — τριβ, λείπω — λειπ, φεύγω — φευγ*". Да развѣ это нераспространенныя основы, т.-е. глагольныя? Таковыми всѣ считаютъ, напротивъ, вовсе не указанныя въ этой книгѣ именно вслѣдствіе ошибочной системы основы *τᾰκ (ἐ-τᾰκ-ην), τρῐβ (ἐ-τριβ-ην), λῐπ(ἔ-λῐπ-ον), φῠγ (ἔ-φῠγ-ον).*

Приведенный въ § 115, 2 и § 127 глаголъ *νίζω* (осн. *νιβ*) въ аттической этимологіи не долженъ имѣть мѣста, такъ какъ онъ попадается почти только у Гомера и другихъ поэтовъ.

Къ § 126: основа отъ *τιτρώσκω* не *τρο,* а *τρω.*

Въ § 130, 1 и 3 при образованіи aor. II act. и medii, какъ и въ § 148 (aor. II pass.) опять ни однимъ словомъ не упомянуты чистыя или глагольныя основы, напр. *λῐπ, τᾰκ,* отъ которыхъ эти времена производятся, а просто сказано: „Основы, имѣющія долгій гласный или двугласный, въ aor. II имѣютъ краткій гласный", причемъ отъ *λείπω* приводится только осн. *λειπ,* отъ

φεύγω только *φευγ* (!) и т. д. — Въ томъ же § 130, 3, на основаніи указанной уже путаницы въ понятіи о неправильности, отнесены къ „правильнымъ" глаголамъ даже *θιγγάνω, ἀφικνοῦμαι, χάσκω* и *ἀποθνήσκω,* — между тѣмъ какъ къ „неправильнымъ" отнесены однородные съ ними praesentia, а именно: *αὐξάνω* къ I неправильному классу, *μανθάνω, ἁμαρτάνω, βλαστάνω, καταδαρθάνω, αἰσθάνομαι, ἀπεχθάνομαι* и еще *εὑρίσκω* ко II, *δάκνω, λάμβανω, λαγχάνω, λανθάνω, πυνθάνομαι* и *τυγχάνω* къ IV, а *βαίνω* и *φθάνω,* вмѣстѣ съ *ἀποδιδράσκω, γηράσκω, γιγνώσκω* и *ἁλίσκομαι,* къ V неправильному классу (§ 166—170). Оказывается, что глаголы съ распространенною основой praesentis посредствомъ *ν* (*-νω, -άνω, -νέομαι),* т.-е. глаголы по Курціусу и другимъ одного 5-го класса, разбросаны у гг. Курца-Фризендорфа по 4 классамъ: IV-му правильному (§ 116) и неправильнымъ I (§ 166), II (§ 167), IV (§ 169) и V му (§ 170), а глаголы на *-σκω* (по Курціусу и другимъ одного 6-го класса) разсѣяны по правильному V (§ 117) и неправильнымъ II (§ 167 *εὑρίσκω*), V (§ 170) и VI (*πιπράσκω,* § 171).

Въ § 140, прим. 2. Окончанія *αται* и *ατο* (вмѣсто *νται* и *ντο*) свойственны почти исключительно одному іоническому діалекту (Гомера и Геродота) и не должны имѣть мѣста въ этимологіи аттическаго діалекта. Изъ читаемыхъ въ нашихъ гимназіяхъ авторовъ попадается такая форма всего только одинъ разъ (Xen. An. IV, 8, 5 *ἀντιτετάχαται*). См. R. Kühner „Ausführl. Gramm. der griech. Spr.", Formenlehre, § 214. 8. Этимъ примѣчаніемъ слѣдовало пополнить то, что сказано въ главѣ „о гомеровскомъ нарѣчіи" § 353, е.

Въ таблицѣ спряженія § 154 *τίθημι, δίδωμι, ἵστημι* недостаетъ точныхъ значеній многихъ временъ и наклоненій, что́ при *ἵστημι* особенно важно. Приведенныхъ тамъ значеній далеко недостаточно. Въ концѣ параграфа переводъ „*καθίστημι* привожу въ состояніе, med. прихожу въ состояніе" — мало понятенъ; лучше и проще: ставлю (поставилъ), постановляю, учреждаю, perf. *καθέστηκα* состою.

Въ § 158 *ἵημι* не „посылаю", а пускаю; med. не „спѣшу", а пускаюсь, стремлюсь. Посылаю и спѣшу — мѣстами только у Гомера.

Въ § 161 при спряженіи *εἶμι* опять недостаетъ русскихъ значеній обоихъ видовъ, особенно при imperat., infin., part. и imperf. „Optat. (почему выпущенъ conj.?), infin. и partic. имѣютъ значеніе" не только „praes. и fut.", но также аориста.

§ 163, 14 *στορέννυμι*", — такой формы нѣтъ, а есть *στόρνυμι* (см. R. Kühner „Verbalverzeichniss" стр. 910 или Veisch „Greec verbs irregular and defective") или *στρώννυμι* (№ 17).

Въ § 167, 4: *καταδαρθάνω* значитъ „не сплю" (что́ *καθεύδω*

§ 166, 6), а засыпаю; 18 *καθίζω* въ praes. и imperf. никогда не значитъ „сижу" (= *κάθημαι*), а transit. сажаю, intrans. сажусь.

Въ § 169 „основа съ протяжнымъ гласнымъ" — должно быть: съ удлиненною (или усиленною) гласной (напр. *δακ — δηκ*).

Въ § 170 *ἁλίσκομαι* — кромѣ „меня берутъ", часто переводимъ: попадаюсь, попадаю (въ плѣнъ).

Въ § 171, 2, прим.: „вмѣсто *ἐλεύσομαι* въ прозѣ употребляется *εἶμι*" — невѣрно; надо *πρόσ-ειμι (προσ-ιέναι)*, потому что *εἶμι* значитъ не „приду", а пойду. Къ fut. *ἥξω* слѣдовало прибавить: *ἀφίξομαι, παραγενήσομαι* и *παρέσομαι* (прибуду). „Остальныя формы praes. и imperf. замѣняются формами глаг. *εἶμι*" — тоже невѣрно, потому что *ἰέναι* значитъ идти или пойти (оба вида), не „приходить, прійти", что́ = *προσιέναι;* imperf. же *ᾖειν* или *ᾖα* значитъ шелъ или пошелъ (оба вида), не „приходилъ", что́ выражается сложными глаг. *προσῄειν* или *ἀφικνούμην, παρεγιγνόμην*. Вообще *ἔρχομαι* дополняется формами глаг. *εἶμι* только въ сложномъ (съ предлогами) видѣ: *ἀπέρχομαι — ἀπῄειν* и т. п.

Въ § 173 недостаетъ употребляемаго въ грамматикахъ, хрестоматіяхъ и словаряхъ латинскаго названія media passiva, соотвѣтственно названію deponentia passiva (въ § 172).

Въ § 174 къ числу „deponentia" № 1 ошибочно отнесенъ глаголъ *αἱρέομαι,* который вовсе не можетъ быть названъ deponens, потому что отъ него имѣется activum *αἱρέω*. То же самое относится къ № 2 *ᾕρημαι* (причисленному тоже къ deponentia).

Но главныя наши замѣчанія касаются синтаксиса, на которомъ мы и остановимся въ слѣдующей книжкѣ журнала.

Э. Черный.

Объ организмѣ гимназіи (часть теоретическая). Н. Скворцова. Москва 1881. — Объ организмѣ гимназіи (часть практическая). Его же. Москва 1889. — О надлежащемъ приготовленіи учителей гимназіи. Его же. Москва 1890. — Объ университетскомъ ученіи вообще и историко-филологическомъ въ частности. Его же. Москва 1891 г.

Г. Скворцовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, къ сожалѣнію, немногихъ у насъ руководителей учебнаго дѣла, которые съ неохладѣвающей энергіей трудятся надъ теоретической разработкой вопросовъ нашего средняго и высшаго образованія. Изъ четырехъ приведенныхъ выше сочиненій его три касаются непосредственно гимназіи и по содержанію своему представляютъ подробное обсужденіе самыхъ существенныхъ вопросовъ гимназическаго ученія. Взглядъ автора достаточно выясняется уже изъ самаго заглаві

брошюръ. Для него гимназія — живой организмъ, развивающійся по своимъ законамъ, внѣ зависимости отъ внѣшнихъ вліяній и вѣяній; у гимназіи есть опредѣленная цѣль — подготовленіе къ университету — и она стремится осуществить ее, избирая наиболѣе вѣрныя дидактическія средства. Авторъ — защитникъ древнихъ языковъ (правда нѣсколько односторонній), въ которыхъ онъ цѣнитъ главнымъ образомъ формально-образовательную силу, и ревностный проповѣдникъ „концентраціи“ гимназическаго ученія. Вообще первая часть, имѣющая нѣсколько полемическій характеръ, несмотря на присущую автору тяжеловатость и неясность изложенія, читается съ большимъ интересомъ. — Въ практической части обращаютъ вниманіе планъ учебныхъ занятій и глава о научной подготовкѣ учителей. Не сочувствуя той узкой спеціализаціи, которая въ настоящее время стала какъ-бы правиломъ среди учителей гимназіи, авторъ возстаетъ противъ „предметной“ системы и предлагаетъ замѣнить ее системой „класснаго преподаванія“. Въ виду этого научная подготовка будущихъ учителей должна быть, по мнѣнію автора, организована такъ, чтобы они были въ состояніи преподавать какъ можно болѣе предметовъ гимназическаго курса. Безъ этого немыслима настоящая „концентрація“.

Но и правильно организованное научное образованіе учителей не гарантируетъ еще успѣха дѣла: гимназія не обучаетъ только, но и воспитываетъ, а чтобы дѣйствовать воспитывающимъ образомъ, мало знать хорошо свое дѣло, надобно получить еще и надлежащую дидактическую подготовку. Этому вопросу посвящена третья брошюра автора: „О приготовленіи учителей гимназіи“. Обсуждая рядъ мѣръ, примѣнявшихся въ этомъ направленіи у насъ и за границей, г. Скворцовъ предлагаетъ съ своей стороны основать сначала хотя бы при одномъ изъ нашихъ университетовъ педагогическую семинарію, куда бы могли на годъ поступать окончившіе курсъ въ университетѣ и готовящіеся къ преподавательской дѣятельности. Связь такой педагогической семинаріи съ университетомъ достаточно гарантировала бы вполнѣ научную постановку дѣла; съ другой стороны, кандидаты, сдавъ государственный экзаменъ, удостовѣряющій ихъ научныя познанія, могли бы всецѣло отдаться изученію дидактики.

Послѣдній трудъ г. Скворцова посвященъ университету. Смотря на университетское ученіе также съ чисто дидактической точки зрѣнія, авторъ видитъ прямую цѣль его въ „воспитаніи умовъ высшаго порядка“. Сообразно съ этимъ въ университетѣ должна быть допущена, конечно, и свобода преподаванія и свобода ученія, — но и ту и другую необходимо урегулировать на почвѣ „дидактическаго элемента“. Для установленія послѣдняго недостаточно однѣхъ министерскихъ программъ, опредѣляющихъ лишь объемъ курса; для этого необходимы такъ называемые „годегетическіе“ указатели, которые опредѣляли бы „дидактическій объектъ“, другими словами все учебное содержаніе, со стороны состава, мѣръ, порядка и способовъ его исполненія. Самыя лекціи профессоровъ должны носить болѣе дидактическій, нежели отвлеченно-научный характеръ; онѣ должны быть для студентовъ назиданіемъ, руководящимъ ихъ въ научныхъ познаніяхъ, которыя

они обязаны пріобрѣтать не затверживаніемъ лекцій, а самостоятельнымъ изученіемъ и работами. Непосредственное наблюденіе и руководство такими студенческими работами должно быть возложено на корпорацію доцентовъ, которые такимъ образомъ превратятся въ профессорскихъ адъюнктовъ. Вмѣсто чтенія лекцій они будутъ заниматься съ небольшой группой студентовъ, или разбирая съ ними, по указанію профессора, ученыя сочиненія, или руководя ими въ разрѣшеніи отдѣльныхъ научныхъ вопросовъ.

Каждый факультетъ есть *τὸ ζῷον*, живой организмъ, въ которомъ однѣ дисциплины имѣютъ основное, другія второстепенное значеніе, но который, во всякомъ случаѣ, представляетъ одно недѣлимое цѣлое. Дробить факультетъ на спеціальныя отдѣленія значитъ производить сѣченіе живого организма, повторять работу неискуснаго платоновскаго повара. Истинная задача факультетской дидактики состоитъ въ томъ, чтобы сосредоточить ученіе на основномъ, а остальныя дисциплины данной области знанія расположить такъ, чтобы онѣ составляли одно цѣлое.

Какъ же прилагается все сказанное въ частности къ историко-филологическому факультету?

Понятіе „*λόγος*“ въ обширномъ смыслѣ обнимаетъ: a) слово, b) разумъ, c) свободу разума; согласно этому основными дисциплинами историко-филологическаго факультета должны быть: a) филологія, т.-е. грамматика и литература, b) философія, c) исторія. Всѣ дисциплины, — этого требуетъ дидактика, — должны быть предъявляемы въ формахъ типическихъ. Такіе типы въ ихъ чистомъ первоначальномъ видѣ представляетъ лишь міръ греко-римскій. Отсюда истекаетъ требованіе, чтобы всѣ безъ исключенія студенты историко-филологическаго факультета прежде всего изучали латинскій и греческій яз., какъ уцѣлѣвшее „капище“ міровоззрѣнія двухъ передовыхъ народовъ древности. Въ общемъ авторъ считаетъ обязательными для всѣхъ слѣдующіе предметы: a) древніе авторы, b) исторія древней литературы, c) древности, d) политическая исторія, e) исторія русская и всеобщая, f) русскій яз. и литература русская и всеобщая, g) логика, философія, h) политика и антропологія. Прочіе предметы, какъ-то: сравнительное языковѣдѣніе, славяновѣдѣніе, археологія, метрика и т. д. должны считаться факультативными. Весь университетскій курсъ онъ дѣлитъ на три періода (по четыре терма въ каждомъ), сообразно преобладанію въ нихъ одной изъ трехъ основныхъ группъ предметовъ; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что логику и философію предполагается читать только въ одномъ второмъ періодѣ, тогда какъ остальные обязательные предметы проходятъ чрезъ весь курсъ. Наибольшее количество лекцій (560 изъ общаго числа 1960 часовъ) и самостоятельныхъ занятій студентовъ удѣляется чтенію и толкованію древнихъ авторовъ. Въ первый періодъ изучаются сочиненія, обращающія вниманіе въ стилистическомъ отношеніи, во второй — сочиненія философскаго и въ третій — политическаго характера.

Организованное такимъ образомъ ученіе имѣетъ, по мнѣнію автора, слѣдующія преимущества: во-первыхъ, учащіеся избѣгаютъ научной спеціализаціи, которая на университетской скамьѣ является началомъ не сво-

боды, а рабства въ наукѣ; во-вторыхъ, за занятіями ихъ можетъ быть учрежденъ правильный и постоянный контроль; наконецъ, въ третьихъ, съ учрежденіемъ должности профессорскихъ адъюнктовъ университетъ получитъ надежный контингентъ будущихъ хорошихъ профессоровъ; мало-помалу можетъ установиться правильное преемство, въ которомъ для науки является болѣе залоговъ успѣха, нежели въ теперешней какъ бы конкуренціи приватъ-доцентовъ съ профессорами.

Мы остановились съ большею подробностью на послѣднемъ трудѣ г. Скворцова, какъ потому, что онъ появился сравнительно недавно, такъ и потому, что онъ представляетъ особый интересъ. Самая идея подобной организаціи университетскаго ученія (особенно на историко-филологическомъ факультетѣ) вынесена авторомъ, повидимому, изъ порядковъ въ англійскихъ университетахъ, о которыхъ онъ неоднократно отзывается съ большой похвалой. За нимъ остается честь разработки этой идеи въ частностяхъ примѣнительно къ нашимъ потребностямъ. Но не въ томъ его главная заслуга: важно то, что онъ чуть ли не первый взглянулъ на университетъ, какъ на „научно-воспитательную школу", и указалъ, что истинная реформа высшаго образованія можетъ совершиться единственно на почвѣ дидактической. *С. Л.*

F. Aly, Das Wesen des Gymnasiums. Berlin 1891.— E. Zeller, Gymnasium und Universität. Berlin 1891.

Обѣ брошюры касаются одного и того же вопроса о сущности и цѣляхъ классической школы, но разсматриваютъ его не въ одинаковомъ объемѣ. Целлеръ, первоклассный ученый, обсуждаетъ его съ точки зрѣнія ученаго университетскаго профессора. Для него цѣль гимназіи — подготовка молодыхъ людей къ университету. Поэтому гимназія и не должна заканчивать общее образованіе, а давать лишь подготовку для будущихъ научныхъ занятій, т.-е. основательное „формальное образованіе". Послѣднее же лучше всего достигается изученіемъ древнихъ языковъ, которые, со стороны своего содержанія, цѣнны еще и потому, что въ классической древности коренится начало всей современной науки. Такимъ образомъ знакомство съ языкомъ и литературой древнихъ необходимо для занятій всякой наукой. Доказательство важности классическаго образованія въ этомъ отношеніи Целлеръ видитъ между прочимъ въ томъ фактѣ, что прошедшіе классическую школу съ бо́льшимъ успѣхомъ работаютъ и въ области естествознанія, нежели не учившіеся въ гимназіи. — Али ставитъ вопросъ нѣсколько шире. Страхъ божій, любовь къ отечеству и классическое образованіе суть три устоя гимназіи. Отечественный языкъ и отечественная литература не могутъ стать центромъ преподаванія. Классицизмъ, помимо указанныхъ Целлеромъ преимуществъ, имѣетъ еще и то значеніе, что направляетъ умъ къ идеальнымъ, вѣчнымъ благамъ и, такимъ образомъ, на ряду съ христіанствомъ является въ настоящее время главнымъ носителемъ идеализма. *А. В. А.*

III. ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

а) Русскіе журналы.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, XL (1891), 7, 8, 9 (іюль, августъ, сентябрь).

7. Критика и библіографія.—**R. v. Scala,** Die Studien des Polybios. I. Stuttgart. 1890, стр. 171—203: „Трудъ Скалы, несомнѣнно, одно изъ самыхъ видныхъ и полезныхъ новѣйшихъ пріобрѣтеній филологической и исторической науки и заслуживаетъ, конечно, самаго полнаго къ себѣ вниманія, но, впрочемъ, и полнаго недовѣрія къ своимъ выводамъ". *А. Покровскій.* — Georgii Cyprii Descriptio Orbis Romani, ed. **H. Gelzer,** Lipsiae 1890, стр. 204—213. „Кромѣ заслуги лучшаго изданія прежде изданныхъ памятниковъ и новоизданныхъ *Τακτικά*, трудъ Гельцера представляетъ очень важное изслѣдованіе: это его примѣчанія на „описаніе" Георгія, занимающія 131 страницу". *Г. Дестунисъ.*—Наши учебныя заведенія. Нѣсколько свѣдѣній объ окончательныхъ университетскихъ испытаніяхъ въ комиссіяхъ въ 1889 и 1890 годахъ, стр. 23—45. Отдѣлъ классической филологіи. — „Аѳинское государственное устройство" Аристотеля (русскій перев.), гл. 29—41, стр. 1—11.— **В. Бузескулъ,** Ѳемистоклъ и Эфіальтова реформа Ареопага'(по поводу 25-й гл. *Ἀϑην. πολιτεία*), стр. 12—24. Сличеніе свидѣтельства трактата объ участіи Ѳемистокла въ дѣлѣ реформы Ареопага со свидѣтельствомъ Ѳукидида и другихъ источниковъ приводитъ къ заключенію, что этотъ разсказъ трактата есть, вѣроятно, вымышленный анекдотъ, являющійся притомъ позднѣйшею вставкой.

8. Критика и библіографія. (Книжныя новости.) Лукіанъ. Сочиненія. Съ греческаго перевелъ **В. Алексѣевъ,** СПБ. 1891, стр. 460: „Переводъ отличается живымъ и легкимъ языкомъ. Къ числу достоинствъ можно отнести отсутствіе неологизмовъ".— Отдѣлъ классической филологіи.— „Аѳинское государственное устройство" Аристотеля (рус. перев.), гл. 42—63 (окончаніе), стр. 25—44.— **Ѳ. Мищенко,** къ Полибію, II, стр. 45—52: 1) Изъ VI, 27, 6 и 31 ясно, что praetorium въ римскомъ лагерѣ былъ въ тылу легіоновъ, находившихся во фронтѣ лагеря (вопреки мнѣнію Ганзеля и Шиллера).— 2) Въ intervallum (*κένωμα*), или пустомъ пространствѣ въ 200′ = 60 метр. между стоянкой войска и валомъ, судя по VI, 31,11.12, не помѣщалось никакихъ отрядовъ. — 3) *Ὑπογραφή* въ VI, 53,5 означаетъ раскраску (восковыхъ изображеній предковъ) подъ цвѣтъ кожи, а не „под-

пись", какъ думаетъ Марквардтъ (Röm. Privatalt. 237 прим.).— 4) Горацій Коклесъ заранѣе обрекъ себя (*κατὰ προαίρεσιν*) на смерть (*μετήλλαξε τὸν βίον*).— 5) Въ VIII, 30,13: *ὥστε ἐπίστασιν γενέσθαι παρ' ὁδὸν ἐπὶ τὴν πόλιν* идетъ рѣчь объ „остановкѣ передъ городомъ".— 6) Въ X, 5,1: *ὁ δὲ λαβὼν πρῶτον κτλ.*, какъ кажется, слѣдовало бы *πρῶτον* измѣнить въ *πρωὶ τὴν (λαμπρὰν ἐσθῆτα κτλ)*.—7). Въ X, 16,5 рукоп. *πραχθέντων* предпочтительнѣе чѣмъ *πραθέντων*, введенное Казобономъ.— **С. Селивановъ,** Къ статьѣ „Нѣсколько неизданныхъ родосскихъ надписей, стр. 53—56. Отвѣтъ г. Ернштедту и сообщеніе двухъ надписей, изъ коихъ въ первой читается *Βρασία* — имя дема въ линдійской области, можетъ быть, тождественное съ *Πράσιοι* у Страбона, X, 3, 19. (с. 472).

Ѳ. Ѳ. Успенскій, Богословское и философское движеніе въ Византіи XI и XII вѣковъ, стр. 102—159. — Критика и библіографія.— Греческо-русскій словарь, изданный Кіев. отдѣл. Общества класс. филол. и педагогіи, изд. 2-ое (обраб. А. Поспишиль), стр. 270—298: „И пропуски словъ, и невѣрныя указанія на сферу ихъ употребленія, какъ кажется, даютъ право заключать, что аттическіе ораторы были просмотрѣны (составителями) не особенно внимательно... Лириковъ читать съ Кіевскимъ Словаремъ, кажется, вовсе невозможно... Такимъ образомъ, 2-ое изданіе, мнѣ кажется, по своему достоинству должно быть поставлено гораздо ниже перваго". **С. Соболевскій.**—Наши учебныя заведенія. Императорскій С.-Петербургскій Историко-Филологическій Институтъ въ 1890—91 году.—Отдѣлъ классической филологіи.— **Н. Ланге.** „Первая аналитика" Аристотеля, кн. I, гл. 1—6 (русскій переводъ), стр. 57—76. — **О. Шеборъ,** Критическія замѣтки, стр. 77—85: 1) Къ Plaut. *Capt.* 201, гдѣ предлагается чтеніе Cap. Oh, óh, oh.— Lo. Eiulátione haud ópus est multa: nón placent | Spectácula istaec quae óculis multum *μειρακιώδη* optruditis | In ré mala animo sí bono utare, ádiuvat. — 2) Къ Catull. XLI, 1. 8, гдѣ, въ зависимости отъ конъектуры Г. Э. Зенгера, предлагается чтеніе: A me ante asse puella defututa и Non est sana puella nec rogare | Quanti sit solet aestimanda nasum.— **М. Мандесъ,** Къ Гомеровскому гимну на Аполлона, стр. 86—90. Стихи 452—474 и 448—450 принимаются за интерполяціи; вторая вставлена для объясненія первой, гдѣ Аполлонъ является просто смертнымъ мужемъ. — **К. С—скій,** Изъ Тибулла: I, 5 и II, 4 (стих. перев.), стр. 91—94.— **В. Л.,** Изъ стихотвореній Моска Сиракузскаго: Эротъ-бѣглецъ, Море и земля, Эротъ-земледѣлецъ (стих. перев.), стр. 95—96.

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, LVIII (1891). Книги 4—6.

Кн. 4. Д. Шестаковъ, Галикарнасская надпись конца 80-й олимпіады и важность ея при изученіи Геродота, стр. 68—82. Эту надпись, найденную на мѣстѣ древняго Галикарнасса, съ именами Лигдамида и Паніасида, на основаніи палеографическихъ данныхъ авторъ относитъ къ V стол. до Р. X. Что же касается ея содержанія, то авторъ

слѣдуетъ Кирхгофу, который видитъ въ указанныхъ именахъ личности роковыя (по сообщ. Свиды) въ жизни Геродота, а въ договорѣ — одно изъ послѣдствій большого политическаго переворота. Авторъ убѣжденъ, что Геродотъ не остался чуждымъ этому движенію (надпись, судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно отнести къ годамъ его молодости). — Наконецъ отмѣчаются по надписи особенности галикарнасскаго діалекта. — **Д. Шестаковъ,** Изъ гомеровскихъ гимновъ, стр. 119—126. I. Къ Аполлону Делійскому. VI. Къ Афродитѣ. XXIV. Къ Гестіи. XXVII. Къ Аѳинѣ (переводъ разм. подл.).— Критика и библіографія. Inscriptiones antiquae etc. vol. II. ed. **B. Latyschev,** стр. 4—9. „Мы получаемъ теперь надежный доступъ къ опредѣленной группѣ документальныхъ матеріаловъ для исторіи, этнографіи, археологіи древняго Боспорскаго царства, въ такомъ видѣ, какой, говоря вообще, возможенъ при настоящемъ уровнѣ эллинской эпиграфики и свѣдѣній о Боспорскомъ царствѣ". *Ѳ. Мищенко.*

Кн. 6. В. Л. Избранныя эпиграммы Марціала, стр. 17—26. Стихотворный переводъ 58 эпиграммъ изъ первыхъ двѣнадцати книгъ.

Кіевскія Университетскія Извѣстія, XXXI (1891), 7—9 (іюль—сент.).

№ 7. А. Гиляровъ. Источники о софистахъ. Платонъ, какъ историческій свидѣтель, стр. 307—358 (окончаніе).

№ 8. Гр. Павлуцкій, Коринѳскій архитектурный орденъ, стр. 1—100. I. Происхожденіе простой коринѳской капители не обязано Каллимаху, а относится къ очень древней эпохѣ. Ея характеръ древне-восточный, и она возникла подъ вліяніемъ египетскихъ образцовъ чрезъ посредство, вѣроятно, Финикіи (полное ея развитіе въ I в. до Р. Хр., напр.: „Башня вѣтровъ" въ Аѳинахъ). — II. Азіатскія вліянія положили начало второму типу коринѳской капители (который видимъ, напр., на памятникѣ Лисикрата), украшенія которой сперва исполнялись изъ металла; а Каллимахъ перенесъ металлическія формы капители на мраморъ. — III. Строительныя особенности коринѳскаго ордена.

Русскій Филологическій Вѣстникъ, XIII (1891), 3, 4.

№. 3 М. Покровскій, Звательная форма единств. числа въ латинскомъ языкѣ, стр. 111—116. Звательная форма въ индо-европ. праязыкѣ была только въ един. числѣ, а во множ. ч. ее замѣняла форма именит. падежа съ перенесеннымъ на корень удареніемъ. Вслѣдствіе связи этихъ двухъ формъ, 1) въ нѣкоторыхъ языкахъ именит. пад. вытѣсняетъ собою зват. пад. и 2) зват. формы нѣкоторыхъ именъ могутъ служить именительными пад. Оба эти явленія авторъ находитъ и въ латинскомъ языкѣ и доказываетъ это рядомъ примѣровъ.

Гимназія, VI (1891), 7—9 (въ одной книгѣ).

Шрадеръ, Гимназіи и реальныя училища. Воспитаніе и обученіе.— Гл. 3. Образованіе характера. Гл. 4. Единство образованія (перев., продол-

женіе), стр. 81—176.— **П. Нервовъ,** Преподаваніе латинской грамматики. III. Спряженіе глаголовъ. 2. Время и видъ (продолженіе), стр. 1—46. Указавъ на неточность и даже невѣрность опредѣленія „вида" въ учебникахъ, авторъ, признавая видъ свойствомъ, присущимъ значенію глагола, а не формальной категоріей, опредѣляетъ оба вида такъ: „несовершенный видъ означаетъ, что дѣйствіе не распространилось еще на весь предметъ, на точно опредѣленную часть предмета или на точно опредѣленную группу предметовъ", а „соверш. видъ означаетъ дѣйствіе, распространившееся на весь точно обозначенный объектъ". Поэтому, если дѣйствіе не допускаетъ постепенности перехода отъ одной части предмета къ другой, то глаголъ не имѣетъ несоверш. вида, напр. очнуться, очутиться.— Предлоги въ качествѣ приставокъ не всегда образуютъ соверш. видъ, но чаще даже — совершенно другой по значенію глаголъ. Авторъ подробно изслѣдуетъ значеніе всѣхъ приставокъ латин. глагола, а затѣмъ разбираетъ русскія приставки, образующія совершенный видъ и не имѣющія себѣ соотвѣтствія въ латин. яз. — Перейдя къ разсмотрѣнію латин. временъ, авторъ, между прочимъ, доказываетъ, что термины будущихъ врем. въ латинскихъ грамматикахъ не вѣрны, что perf. historicum вполнѣ соотвѣтствуетъ русскому совершенному виду, что perf. praesens — дѣленіе, совершенно излишнее для школьной грамматики, что imperfectum вполнѣ соотвѣтствуетъ несовершенному виду и что по-латыни не имѣютъ perfectum тѣ же глаголы, которые и по-русски не образуютъ совершеннаго вида (при чемъ обращается вниманіе на точный переводъ словъ, вмѣсто котораго часто является лишь подборъ синонима). — **Райдтъ,** Въ англійскихъ гимназіяхъ. IV. „Sugley-house" близъ Newcastle-on-Tyne, стр. 46—65. — О спеціальномъ назначеніи гимназій и учительскихъ корпорацій въ маленькихъ городахъ (съ нѣм.), стр. 66—72. Учителя школъ съ научнымъ назначеніемъ должны служить умственнымъ интересамъ общества, устраивая собранія для чтенія научныхъ рефератовъ, лучшихъ произведеній литературы и т. п. — **Ѳ. Штифтаръ,** Замѣчанія къ грамматикѣ Эллендта-Зейфферта, стр. 73—90: замѣчанія касаются §§ 234—246 и правилъ объ условныхъ предложеніяхъ. — **Р. Фолькманъ,** Реторика грековъ и римлянъ, перев. Н. Веригинъ, стр. 93—114. — **В. Аппельротъ,** Изображенія божествъ въ древней Греціи, стр. 115—121. Древнѣйшими изображеніями боговъ были деревья; затѣмъ слѣдовали *ἀργοὶ λίθοι* и *ξόανα,* мало-по-малу получавшія опредѣленную форму; переходомъ къ человѣческимъ изображеніямъ служитъ герма; сначала уродливыя и безжизненныя, изображенія боговъ, со времени Дедала, быстро развиваются, стремясь къ образу совершеннаго человѣка. — **С. Гинтовтъ,** Возможность и польза параллельной грамматики пяти изучаемыхъ въ гимназіяхъ языковъ, стр. 142—146. Рекомендуется сравнительно-грамматическій методъ преподаванія языковъ, для большей связи ихъ между собой въ сознаніи ученика. — Приложеніе. **O. Weissenfels,** Горацій. Значеніе для цѣлей гимназическаго преподаванія и принципы толкованія въ классѣ, стр. 1—64.

Вѣра и Разумъ, VIII (1891), 13—18 (іюль — сентябрь).

№ 16. Отдѣлъ философіи. — **Н. К.** О благодѣяніяхъ (De beneficiis) Л. Аннея Сенеки къ Эбуцію Либералію, кн. V, гл. 15—25 (переводъ, продолженіе), стр. 169—186.

№ 17. Іеромонахъ Григорій, Сочиненіе блаженнаго Августина „О градѣ Божіемъ", какъ опытъ христіанской философіи исторіи, стр. 295—320.— Отдѣлъ философіи. — **Ѳ. Зеленогорскій,** Природа и жизнь по природѣ по Аристотелю, стр. 178—208. Авторъ указываетъ на содержаніе трехъ сочиненій Аристотеля о природѣ (Исторія животныхъ, О частяхъ животныхъ, О происхожденіи животныхъ) и на зависимость его даже и въ этихъ трактатахъ отъ Платона. При изученіи природы Аристотель различаетъ двоякаго рода причины: a) необходимость и b) цѣль, или a) матерію и b) форму (имѣющую много общаго съ „идеей" Платона). Но онъ не держится рабски методовъ Платона (напр. критикуетъ дихотомію) и требуетъ „естественной классификаціи" животныхъ. Въ первомъ сочиненіи онъ пользовался методомъ дѣленія по родамъ и видамъ, а во второмъ — уже дѣленіемъ сложнаго на составныя части, которому онъ отдавалъ предпочтеніе. Говоря о душѣ, Аристотель дѣлилъ ее на три части и пытался дать ей опредѣленіе.

Историческій Вѣстникъ, XII (1891), 7—9 (іюль—сент.).

№ 8. Отдѣлъ критики и библіографіи **А. Бѣляевъ,** Характеристика археологіи, стр. 490 слѣд. Авторъ поставилъ задачей представить историческій очеркъ археологіи и указать причины быстраго роста ея въ текущемъ столѣтіи, а также обратить вниманіе на ея научную сторону, при чемъ говоритъ особенно о до-исторической археологіи, указывая на полную еще неразработанность относящихся сюда вопросовъ и даже на отсутствіе методовъ изслѣдованія. *С.* — Смѣсь. — Археологическій кладъ. О находкѣ въ селѣ Парутинѣ.

№ 9. Критика и библіографія. — **П. Ардашевъ,** Переписка Цицерона, какъ источникъ для исторіи Ю. Цезаря, стр. 680 слѣд.: „Это студенческое сочиненіе автора, несмотря на недостатки, вызванные обширностью темы, въ общемъ прочтется не безъ пользы тѣми, кто желаетъ ближе ознакомиться съ эпохой послѣднихъ лѣтъ республики". *А. К.*

Русское Обозрѣніе, II (1891), 7—9 (іюль—сент.).

Кн. 8. Е. Ѳ. Изящная литература древнихъ египтянъ, гл. I—IV, стр. 682—724. Гл. I — О грамотности въ Египтѣ и общественномъ положеніи „писаря"; гл. II — О вліяніи характера страны на характеръ литературы; гимны, эпосъ; гл. III — Египетскія сказки; гл. IV.— Разсказы, носящіе романическій характеръ и знакомящіе насъ съ положеніемъ женщины. — Критика и библіографія.— Историческое Обозрѣніе, ч. 1

и 2. „Въ немъ много полезныхъ статей и интересная хроника. Вообще говоря, Истор. Обозрѣніе почтенное и полезное изданіе". *П. Безобразовъ.*

Кн. 9. Четвертая эклога Виргилія. Полліонъ. Перев. гексаметромъ **Вл. Соловьевъ,** стр. 160—163.

Русскій Вѣстникъ, томы 215, 216 (1891), кн. 7—9 (іюль—сент.).

Кн. 7. А. Любимовъ, Изученіе природы въ древности и въ новое время, стр. 219—242. Гл. VIII. Ученіе Платона о природѣ. 1. Платонъ и геометрія древнихъ. 2. Космологическая часть „Тимея". 3. Физическая часть „Тимея". — Гл. IX. Заключеніе отъ мыслимаго къ дѣйствительному по ученію Аристотеля.

Вѣстникъ Воспитанія, II (1891), 4—8.

Кн. 7. С. Любомудровъ, Воспитаніе и обученіе въ англійскихъ public schools, стр. 92—124. Во второй главѣ авторъ, между прочимъ, говоритъ о преподаваніи древнихъ языковъ въ англійскихъ public schools: о чтеніи древнихъ писателей, о сочиненіи лат. и греч. стиховъ, о письменныхъ работахъ, — наконецъ о недостаткахъ этого преподаванія, страдающаго сухостью и формализмомъ.

b) Иностранные журналы.

Revue des études grecques, IV (1891), № 15.

Th. Reinach, Hérodas le mimographe, p. 209—232. Время жизни Герода, судя по содержанію его мимовъ, относится къ александрійской эпохѣ, къ царствованію Птолемея Филадельфа и Эвергета (247—222 г. до Р. Х.), такъ что онъ является непосредственнымъ послѣдователемъ Θеокрита и Каллимаха; мѣстомъ его жительства должна быть признана М. Азія и скорѣе всего Косъ: на это указываютъ и доризмы, попадающіеся въ его мимахъ, написанныхъ вообще на іонич. нарѣчіи, но испорченномъ варваризмами. Подробно изложивъ содержаніе новооткрытыхъ мимовъ *(μῖμοι γυναικεῖοι)* Герода, авторъ, отказывая ему въ поэтическомъ дарѣ, признаетъ важность этихъ мимовъ, какъ вѣрно передающихъ дѣйствительность и знакомящихъ съ частною жизнью III в. — **Ch.-Em. Ruelle,** Problèmes musicaux d'Aristote, p. 233—267. Переводъ IX отдѣла *περὶ προβλημάτων* Аристотеля, касающагося музыкальнаго искусства или скорѣе мелодіи, съ постояннымъ комментаріемъ. — **S. Reinach,** Deux inscriptions de l'Asie-Mineure. I. Convention entre Aegae et Olympos, p. 268—275. Въ мартѣ 1890 г. въ деревнѣ Iénigjé Keui найдена плита съ надписью, относящейся къ IV в., около эпохи Александра Великаго; текстъ ея (на эол. діал.) представляетъ договоръ эгейцевъ съ олимпенійцами относительно перехода стадъ козъ и барановъ съ одной территоріи на другую. Здѣсь разумѣется, очевидно, Олимпъ Иды (Strab. X, 470) или Олимпъ въ Іоніи, къ ю.-в. отъ Смирны (Plin. V, 29, 31). Въ діалектич. отношеніи интересны формы *ἔον, ὑμολογία* и новыя слова *ἔπερος* (м. б., баранъ), *ἀρ-*

νηάς (ягненокъ), *χιμαιράς* (коза) и *ἔταλον (= ἀταλόν)*. — II. Le sanctuaire de la Sibylle d'Erythrée, p. 276—276. Надпись въ стихахъ, представляющая, вѣроятно, эпитафію, вырѣзана съ боку мраморной плиты, найденной въ Эриѳрахъ и относящейся, судя по надписи на другомъ, найденномъ тамъ же, мраморѣ, ко времени между 161 и 169 г. по Р. Хр. Она говоритъ отъ имени Сивиллы: „Я пророчица Сивилла, служительница Феба, старшая дочь нимфы Наяды. Мое отечество — только Эриѳры, а не какой-ниб. другой городъ, и мой смертный отецъ былъ Ѳеодоръ и т. д." (всего 16 ст.). Можетъ быть, этимъ разрѣшается вопросъ о прозваніи Сивиллы Герофилы — Эриѳрской. — **Al. Sorlin Dorigny,** Phylactère alexandrin contre les épistaxis (съ рис), p. 287—296. — Объясненіе рисунковъ и надписей на двухъ сторонахъ бронзоваго диска (амулета), относимаго авторомъ ко второй половинѣ II в. по Р. Х. — Notes et documents. — **Al.-Emm. Contoléon,** Inscriptions grecques inédites, 297—300; приведенъ текстъ пяти надписей. — **H. de la Ville de Mirmont,** Notes sur divers passages d'Apollonios de Rhodes, p. 301—313; критическія замѣтки къ Argonautica, I, 566—567; II, 743—745; III, 847; IV, 289 и 308. — Bullétin epigraphique par Th. Reinach, p. 314—338. — Bibliographie, p. 339—342.

Journal des Savants. 1891. 7—9 (Juillet — Septembre).

7. Gaston Boissier, Les poésies de Catulle, стр. 409—422. Авторъ разбираетъ комментарій къ Катуллу, составленный Бенуа и изданный Тома́ вмѣстѣ съ метрическимъ переводомъ Ростана. Переводъ признается слишкомъ дословнымъ и довольно грубымъ. Обсуждая метрическую сторону, авторъ дѣлаетъ замѣчаніе, что метры Катулла проложили путь для поэзіи Горація, который однако не особенно цѣнилъ своего предшественника, вѣроятно, вслѣдствіе необузданности поэзіи послѣдняго. Автору представляется вѣрнымъ замѣчаніе Бенуа, что Аттисъ Катулла обязанъ своимъ происхожденіемъ личнымъ впечатлѣніямъ поэта отъ азіатскихъ религіозныхъ обычаевъ. — **Ch. Lévêque,** по сочиненію Chaignet, Histoire de la psychologie de Grecs излагается здѣсь практическая психологія стоиковъ. Вопреки мнѣнію Ogereau, Essai sur le système philosophique des Stoiciens, авторъ доказываетъ, что стоики признавали врожденныя идеи, стр. 423—435.

8. G. Perrot, Les fouilles de Schliemann à Troie, II, стр. 465—478 (продолженіе; см. Фил. Обозр. т. I, отд. 2, стр. 196). Немногія данныя Гомера, касающіяся троянской мѣстности, все-таки до того ясны, что о какой-нибудь другой мѣстности, кромѣ Гиссарлика и Бунаръ-баши, не можетъ быть и рѣчи. Лешевалье, высказывавшійся за Бунаръ-баши, принималъ смѣшеніе именъ Симоиса и Скамандра. Но такое смѣшеніе невѣроятно, и за ключи, упоминаемые у Гомера, нѣтъ надобности принимать тѣ, что находятся у Бунаръ-баши. Также и Бали-дагъ, гдѣ Мольтке искалъ Трою, не можетъ быть мѣстомъ древняго города. — **H. Weil,** Les scolies génevoises de l'Iliade, стр. 479—490. Толкованіе и исправленіе нѣкоторыхъ мѣстъ въ цѣнныхъ схоліяхъ къ XXI пѣснѣ Иліады.

9. G. Boissier, La chevelure de Bérénice, стр. 511—528. Разборъ книги Nigra, La chioma di Berenice, Milano 1891 (текстъ Катулла съ переводомъ и комментаріемъ).— **H. Weil,** Nouveaux fragments de l'Antiope d'Euripide, стр. 528—540. Переводъ и объясненіе около 100 стиховъ изъ новонайденныхъ отрывковъ Еврипидовой Антіопы, а также подробное изложеніе хода мыслей трагедіи.

Bulletin de correspondance hellénique (École française d'Athènes), XV année (1891), livr. I—II et III—IV.

I—II. Henri Lechat, Terres cuites de Corcyre, p. 1—112, pl. I—VIII. Подробное научное описаніе 79 терракотовыхъ статуэтокъ изъ коллекціи Карапаноса. — **Th. Homolle,** Comptes et inventaires des temples Déliens en l'année 279, p. 113—168. Продолженіе подробнаго комментарія къ документамъ, изданнымъ въ предыдущемъ томѣ журнала. — **Gaston Deschamps** et **Georges Cousin,** Inscriptions du temple de Zeus Panamaros, p. 169—209. Первая часть статьи посвящена изложенію полученныхъ изъ надписей свѣдѣній о мѣстныхъ жречествахъ и праздникахъ, затѣмъ изданы 32 новыя надписи, преимущественно посвятительныя и почетныя. — Variétés (p. 210—212). **P. F(oucart)** издалъ двѣ новыя надписи, найденныя у Porto-Raphti (въ Аттикѣ): одна, неполная, содержитъ контрактъ объ отдачѣ въ аренду земельнаго участка, другая — пограничный столбъ земельнаго участка и дома, данныхъ однимъ гражданиномъ въ приданое за дочерью.

III—IV. M. Clerc, Fouilles d'Aegae en Eolide, p. 213—237. Описаніе гробницъ некрополя, выдержка изъ дневника раскопокъ (28—30 іюня 1882 г.), затѣмъ описаніе найденныхъ терракоттъ и предметовъ изъ глины, стекла и металловъ, наконецъ — краткое описаніе 6 найденныхъ монетъ.— **Gustave Fougères,** Fouilles au gymnase de Délos, p. 238—288. Описаніе общаго плана зданія и разныхъ его частей, затѣмъ этюдъ объ эфебіи на Делосѣ, содержащій въ себѣ: 1) эпиграфическіе тексты, 2) изложеніе организаціи эфебической коллегіи, ея праздниковъ и игръ. — **Th. Homolle,** Inscription de Couphonisi, p. 288—292. Текстъ и краткій комментарій фрагмента делосской надписи, найденной на о. Куфониси между оо. Наксомъ и Аморгомъ.— **E. Babelon,** Les monnaies et la chronologie des rois de Sidon sour la domination des Perses Achéménides p. 293—320, pl. XV—XVI. — **Gustave Fougères,** Bas-relief de Tégée représentant un taureau, p. 321—327. Описаніе барельефа, найденнаго въ 1860 г. Конце и Михаэлисомъ и относящагося, по мнѣнію автора, къ тому же скульптурному произведенію, къ которому относится лсвъ, описанный имъ въ XIV томѣ журнала. — **P. Jamot et G. Deschamps,** Inscriptions de la Grèce du Nord, p. 327—343. 22 надписи разнаго содержанія, открытыя авторами, во время путешествія по сѣверной Греціи въ іюлѣ 1888 г., въ гг. Гипатѣ, Канцѣ, Ламіи и др. — **Th. Homolle,** Inscriptions d'Athènes provenant du téménos du Démos et des Charites,

p. 344—369 и прибавленіе p. 369—373. Въ числѣ надписей есть пять интересныхъ декретовъ и пьедесталъ съ именемъ извѣстнаго художника Бріаксида, жившаго во 2-й пол. IV в. до Р. X. — **G. Radet,** Notes de géographie ancienne, p. 373—380. Опредѣленіе мѣстоположенія мало-азійскихъ городовъ Кидраръ и Каллатаба, упоминаемыхъ уже у Геродота (VII, 31).— **Paul Jamot,** Fouilles à Thespies et à l'hiéron des Muses de l'Helicon. Fragments d'une statue de bronze, p. 381—403, pl. XV.— **Ernest Legrand** et **G. Doublet,** Inscriptions d'Eubée, p. 404—412. 25 надписей разнаго содержанія, преимущественно надгробныхъ. — **Louis Couve,** Inscription d'Oréos, p. 412—415. Списокъ проксеновъ. — *Ἰωάννης Π. Λάμπρος, Ἀνέκδοτον τετράδραχμον „Νάβιος", τυράννος τῆς Σπάρτης,* p. 415—418.— **G. Cousin,** Inscriptions d'Asie Mineure, p. 418—430. Три надписи изъ дер. Джиби (по дорогѣ въ Стратоникею) и 18 изъ Эски-гиссара (Стратоникеи), разнаго содержанія. — Institut de correspondance Hellénique, p. 431—440. Отчетъ о двухъ первыхъ засѣданіяхъ Института, основаннаго при французской школѣ въ 1876 г. тогдашнимъ директоромъ ея Дюмономъ (нынѣ уже покойнымъ), но ни разу не собиравшагося въ тринадцатилѣтнее директорство Фукара (1878—1891) и нынѣ возобновленнаго вновь назначеннымъ директоромъ Омоллемъ. Въ отчетѣ приведена рѣчь Омолля, произнесенная при возобновленіи Института. — Nouvelles et correspondance, p. 441—458. Хроника археологическихъ изслѣдованій и открытій на эллинскомъ Востокѣ за первое полугодіе 1891 г., написанная г. Омоллемъ.

Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik, CXLIII и CXLIV (1891), 7—9.

7 Heft. I. E. **Kurtz,** Zu Plutarch Moralia, 433—444. Исправляется и толкуется много мѣстъ, испорченныхъ въ рукописяхъ или издателями.— **M. Schneider,** Zu Theokritos, стр. 444. Въ Адоніасусахъ Θеокрита ст. 84—86 суть слова Горго (*δὲ* въ 84 ст. соотв. *πρᾶτον* въ ст. 78).—**R. v. Scala,** Zur philosophischen Bildung Isocrates, стр. 445—448. Приводятся мѣста изъ Исократа, въ которыхъ этотъ ораторъ обнаруживаетъ знакомство съ философскими системами или заимствуетъ мысли у философовъ, особ. у Ксенофана.— **P. Stengel,** Die Opfer für Flussgötter, стр. 449—453. Жертвы, приносимыя греками рѣчнымъ божествамъ, разсматриваются авторомъ въ связи съ жертвенными обрядами вообще и религіей. Эти жертвы имѣли очистительный характеръ, и животныхъ никогда не бросали въ рѣку. Жертву троянцевъ въ *Φ* 130 слѣд. должно объяснять такъ, что лошадей бросали въ воду близъ устья рѣки, откуда они сейчасъ же уносились въ море. — **R. Peppmüller,** Zur griechischen Anthologie, стр. 453. 454. Эпиграмма Планудовой антологіи XVI, 300 отмѣчаетъ содержаніе поэмъ Гомера по ихъ начальнымъ стихамъ; 4 ст. составленъ по *μ* 416, и 6-й по *ψ* 296.— **L. Paul,** Zur Erklärung der beiden Apologien des Justinus Martyr, стр. 455—464. Критическія замѣтки къ отдѣльнымъ мѣстамъ. — **G. F. Unger,** Die Glaubwürdigkeit der kapitolinischen

Konsultafeln, III и IV, стр. 465—496 (продолженіе; см. Филол. Обозр. т. I, отд. 2, стр. 197). Въ третьей главѣ разсматриваются консульскіе списки у Діодора; въ четвертой — подвергаются критикѣ другіе доводы Моммсена и Цихоріуса, выставленные ими противъ достовѣрности капитолійскихъ консульскихъ списковъ.— **Ph. Loewe,** Zu Ovidius amores, стр. 500. Въ I 8, 104 предлагается чтеніе natent вм. latent.—**W. Heraeus,** Nach einmal haud impigre, стр. 501—507. Приводятся новыя доказательства возможности такой ошибки сознанія, подъ вліяніемъ которой Ливій въ XXXII, 16, 11 написалъ haud impigre въ смыслѣ простого impigre. — **I. Lange,** Zu Caesars bellum civile, стр. 507—508. Въ III, 25 предлагается слова duriusque... exspectabat (вм. exspectabant) ставить передъ quantoque eius. — **O. May,** стр. 508, въ той же книгѣ De bello civ. гл. 44, 6 предлагаетъ вм. quae писать quare. — **H. Draheim,** De Aviani elegis, стр. 509—511. Признавая много искусства и изящества въ стихосложеніи Авіана, авторъ подтверждаетъ это нѣкоторыми наблюденіями надъ метрической стороной его элегическихъ дистиховъ. — **G. Goetz,** Zu den Lucanargumenten, стр. 512. Приводятся наиболѣе важныя варіанты двухъ испанскихъ рукописей.

8 und 9 Heft. I. **K. Busche,** Zu Euripides Hecabe, стр. 513—528. Авторъ защищаетъ во многихъ мѣстахъ рукописное чтеніе противъ конъектуръ новѣйшихъ критиковъ. — **K. Buresch,** Die pseudosibyllinischen Orakel und ihre letzte Bearbeitung, стр. 529—555. По поводу новаго изданія псевдосивиллинскихъ оракуловъ въ обработкѣ Rzach'a, Бурешъ доказываетъ научную несостоятельность этой обработки, основанной на недостаточномъ знаніи языка и реалій и представляющей рядъ легкомысленныхъ и искажающихъ текстъ конъектуръ.— **O. Apelt,** Zu Platons Politeia, стр. 556 и 557. Въ VII, 532[bc] вм. θεῖα предлагается чтеніе θέα, а въ I, 336e вм. οἷόν τε σύ — ἰοὺ ἰού.— **F. Blass,** Archaische griechische Inschriften, стр. 557—560. Разъясняются со стороны языка и толкуются двѣ архаическія греч. надписи, изданныя Френеромъ въ Revue Archéol. за 1891 г.— **Bernhard Schmidt,** Alte Verwünschungsformeln, стр. 561—576. Формулы проклятія, бывшія въ употребленіи у грековъ и римлянъ, имѣютъ между собою то общее, что ими всегда нѣчто дурное прогоняется отъ говорящаго или вообще отъ жилища человѣка въ такія мѣста, гдѣ оно никому вредить не будетъ, особенно въ море или на вершины горъ. Авторъ приводитъ сохранившіеся у древнихъ писателей случаи употребленія этихъ формулъ, составлявшихъ, собственно говоря, достояніе языка народнаго. Въ вышеприведенномъ смыслѣ разъясняются выраженія εἰς или κατ' αἶγας ἀγρίας и εἰς κόρακας (= въ тѣ мѣста, гдѣ живутъ дикія козы и вóроны, т.-е. въ мѣста пустынныя, уединенныя; если же идетъ рѣчь о болѣзняхъ, то эти выраженія означаютъ желаніе, чтобы болѣзнь вышла изъ человѣка и поселилась въ козахъ или вóронахъ).— **E. Dittrich,** Zu Kallimachos, стр. 576. — **W. Hoerschelmann,** Vermischte Bemerkungen, стр. 577—588. I. Sappho. Обсуждается гипотеза о существованіи двухъ Сапфо: одной, любившей Фаона, и другой, знаменитой поэтессы. II. Theo-

gnis. Въ стихѣ Θеогнида 425 *πάντων μὲν μὴ φῦναι ἐπιχθονίοισιν ἄριστον* чтеніе *πάντων* древнѣе чтенія *ἀρχήν*. Замѣна перваго послѣднимъ принадлежитъ ритору Алкидаму, ученику Горгія. III. **Propertius.** Стихи V 11, 18 и слѣд.: det pater hic umbrae mollia iura meae, | aut, si quis posita iudex sedet Aeacus urna, | in mea sortita iudicet ossa pila объясняются такъ: пусть самъ царь преисподней своею верховною властью укажетъ мнѣ (Корнеліи) подобающее по заслугамъ мѣсто, или пусть состоится формальный судъ: для меня будетъ исходъ одинъ, моя добродѣтель восторжествуетъ, — huc non noxia veni. Въ ст. 20 предлагается чтеніе is mea sortita vindicet ossa pila.— **G. Thilo,** Zu den Punica des Silius Italicus, стр. 589—624. Наблюденіе надъ рукописной традиціей текста.— **P. F. Unger,** Die Glaubwürdigkeit der capitolinischen Consultafeln, стр. 625—655 (Окончаніе). Гл. V. Источникъ хронографа. Гл. VI. Достовѣрность „полотняныхъ книгъ" (libri lintei). — **J. Nicole,** Zu den Genfer Scholien der Ilias, стр. 656. Четыре поправки текста въ схоліи къ XXI пѣснѣ Иліады. — **F. Polle,** Zu Diodors Bibliothek, стр. 656. Въ IV 3, 3 *καθόλου* слѣдуетъ поставить впереди или позади *μιμουμένας*.

II. **Paul Dörwald,** Der didaktische Wert des Xenophontischen Agesilaus, стр. 331—341 (Heft 7.) и 369—408 (Heft 7. 8.). Для чтенія съ учениками рекомендуются четыре сочиненія Ксенофонта въ такомъ порядкѣ: *Ἀνάβασις, Κύρου παιδεία, Ἀγησίλαος, Ἀπομνημονεύματα.* Изъ Анабасиса выносится симпатичный образъ самого Ксенофонта, какъ человѣка и вождя; въ Киропедіи и Агесилаѣ начертывается идеалъ истиннаго царя, причемъ въ первомъ сочиненіи подробно описывается приготовленіе къ царской власти, во второмъ является законченный типъ царя въ его характерѣ и поступкахъ; наконецъ изъ Воспоминаній возстаетъ обликъ великаго мудреца, высоко-нравственнаго человѣка, самоотверженнаго патріота и реформатора своего вѣка. — Особенно подробно останавливается авторъ на Агесилаѣ, какъ сочиненіи, рѣже другихъ читаемомъ въ гимназіи. Это не *ἐγκώμιον*, это портретъ дѣйствительно рѣдкаго для своего времени человѣка, начертанный рукой вѣрнаго друга. Ученикъ вынесетъ изъ этого сочиненія воспоминаніе о возвышенной личности спартанскаго царя, который посвятилъ свою жизнь служенію родинѣ, близившейся къ паденію, понятіе объ идеальномъ правителѣ, составившееся при свѣтѣ Сократовской философіи, наконецъ дополнительныя черты къ характеристикѣ Ксенофонта, особенно со стороны его политическихъ убѣжденій. Вообще же чтеніе вышеуказанныхъ сочиненій, по мнѣнію автора, должно значительно расширить кругозоръ ученика и повліять образовательно на умственный складъ его. — **Alfred Biese,** Die griechischen Lyriker in den oberen Classen, стр. 415—426. Авторъ рекомендуетъ ввести чтеніе греческихъ лириковъ въ послѣднемъ классѣ. Лирика вообще дѣйствуетъ облагораживающимъ образомъ на сердце и фантазію. Греческая же лирика необходима: безъ нея непонятенъ Горацій и другіе римскіе поэты; она оживляетъ и иллюстрируетъ многія эпохи греческой исторіи (Каллинъ, Солонъ, Симонидъ и т. д.); представляетъ много характерныхъ чертъ изъ греческаго міровоззрѣнія и

фика; наконецъ даетъ возможность ученику составить понятіе о постепенно-правильномъ ходѣ развитія греческой литературы отъ эпоса къ лирикѣ и драмѣ. — **W. Enoch,** Die antike Sage in Sexta, стр. 426—438. Доказывается, между прочимъ, что сказанія древняго міра какъ нельзя болѣе подходятъ къ возрасту дѣтей и дѣйствуютъ на нихъ особенно образовательно, и что они даютъ превосходный матеріалъ для первоначальнаго изученія латинскаго языка, вводя учащихся въ новый кругъ понятій и внося смыслъ въ чуждыя формы незнакомаго языка.

Hermes, XXVI (1891), 3.

M. Wellmann, Sostratos, ein Beitrag zur Quellenanalyse des Aelian, стр. 321—350. Въ ряду скудныхъ отрывковъ довольно обширной въ древности іологической литературы особое значеніе имѣетъ та глава Эліана, гдѣ этотъ компиляторъ говоритъ о ядовитыхъ змѣяхъ, о дѣйствіяхъ ихъ укушенія и о средствахъ противъ ихъ яда. Совпаденіе этой главы съ тѣмъ, что мы находимъ у Никандра и у Никандрова схоліаста объясняется пользованіемъ однимъ источникомъ, которымъ только и можетъ быть Аполлодоръ, отецъ всѣхъ іологовъ. Нѣкоторыя уклоненія Эліана отъ Никандра и даже отъ Аполлодора доказываютъ, что не послѣдній былъ для нихъ непосредственнымъ источникомъ, а Сострать. Установивъ время жизни Сострата (вторая половина I вѣка до Р. Х.), авторъ затѣмъ сопоставляетъ отрывки его книгъ *περὶ βλητῶν καὶ δακέτων, περὶ ζῴων* и сочиненій по медицинѣ.— **I. Vahlen,** Zu Sophokles und Euripides Elektra, стр. 351—365. Сравнивая роли Клитемнестры и Электры въ одноименныхъ драмахъ Еврипида и Софокла, Валенъ доказываетъ, что Клит. у Еврипида напередъ защищается отъ тѣхъ упрековъ, которые дѣлаетъ своей матери Электра у Софокла; Еврипидъ вложилъ въ уста Клит. защитительную рѣчь, которая должна была поставить ее выше Софокловой Клитемнестры. Возраженіе, которое Электра дѣлаетъ своей матери у Еврипида, во второй половинѣ, имѣетъ прямое отношеніе къ соотвѣтствующему мѣсту въ драмѣ Софокла (срав. наприм. ст. 1093 и слѣд. у Еврипида со ст. 579 и слѣд. у Софокла или ст. 1087—1093 у Еврипида со ст. 597—602 у Софокла). Все это доказываетъ, что Еврипидъ создавалъ свою драму, имѣя въ виду Софокла, съ затаенной цѣлью превзойти послѣдняго. **Hans von Arnim,** Entstehung und Anordnung der Schriftensammlung Dios von Prusa; стр. 366—407. Авторъ старается установить порядокъ сочиненій Діона, которыя (въ числѣ 80) дошли до насъ въ крайне запутанномъ собраніи. Онъ доказываетъ, что *Εὐβοικός*, еще до изданія мелкихъ сочиненій Діона (не позже начала 5 вѣка), стоялъ отъ нихъ совершенно отдѣльно и въ искаженномъ видѣ попалъ въ руки Синезія, который помѣстилъ его послѣ четырехъ рѣчей *περὶ βασιλείας*.— **W. Soltau,** Zur Chronologie der Hispanischen Feldzüge 212 — 206 v. Chr. (Ein Beitrag zur Quellenkritik des Livius), стр. 408—439. Въ большихъ отрывкахъ третьей декады (какъ и четвертой) Ливій вообще слѣдуетъ одному источнику, къ которому онъ въ заключеніе, обыкновенно при переходѣ къ другому источнику, прибавляетъ нѣкоторые варіанты. Источ-

чики онъ избираетъ всегда сообразно обработываемому имъ матеріалу. Въ кн. 25—29, при описаніи испанскихъ событій, онъ слѣдуетъ Клавдію, который примирилъ анналистическую традицію съ Полибіемъ и служилъ такимъ образомъ посредникомъ между Ливіемъ и греческими авторами. Шесть мѣстъ въ кн. 26—29, прямо взятыхъ у Полибія, Солтау считаетъ позднѣйшей вставкой самого Ливія. — **U. Ph. Boissevain,** Zonaras' Quelle für die römische Kaisergeschichte von Nerva bis Severus Alexander, стр. 440—452. Начиная съ 11, 21 источникомъ для Зонары служитъ не полный Діонъ, а эпитоматоръ его Ксифилинъ. Въ виду этого для историка эпохи отъ Траяна до Александра Севера, за весьма немногими исключеніями, Зонара не имѣетъ никакого значенія. — **A. Höck,** Der Odrysenkönig Hebrytelmis (Nachtrag zu S. 76—117; см. „Филол. Обозр." т. I, ч. II, стр. 92), стр. 453—462. Изъ надписи, обнародованной въ *Δελτίον ἀρχαιολ.* V, 203, авторъ выводитъ, что между Медокомъ и Котисомъ I былъ у Одрисовъ царемъ Гебрительмисъ, возобновившій съ Аѳинами прежнія дружественныя отношенія.—**F. Burger,** Stichometrisches zu Herodot, стр. 463—471. Cod. Paris. 1633 Геродота, начиная отъ III, 71, 6, носитъ несомнѣнные слѣды „дробной стихометріи" (Partialstichometrie); буква Р стоитъ черезъ 57—61 строку; каждый *στίχος* содержитъ ровно 28 буквъ. Такъ какъ и Cod. Paris. 1634 имѣетъ тотъ же знакъ на тѣхъ же мѣстахъ, то отсюда выводъ, что одинъ кодексъ переписанъ съ другого или что оба восходятъ къ одному архитипу. — Miscellen. **W. Dittenberger,** Zur Hekatompedon-Inschrift, стр. 472—479. — Idem, *Διόνυσος δημοτελής*, стр. 474—477. — **H. Diehls,** Zu den Genfer Iliasscholien, стр. 478.—**B. Kübler,** Zu Tertullian *(de Spect. 10)*.

Philologus, L (1891), 2.

P. Hartwig, Herakles und Geras, стр. 185—190. Изображеніе борьбы Геракла съ Геромъ (олицетвореніе старости) на одной вазѣ (Лувра № 343) и одной амфорѣ (Британскаго Музея № 864), относящихся къ V в. до Р. Хр., доказываетъ, что вазовая живопись этого вѣка дошла до такого реализма, который не чуждается даже воспроизведеній отвратительнаго. Это, правда, находится въ противорѣчіи съ общимъ характеромъ греческаго „важнаго" искусства V вѣка, но, если принять въ расчетъ нѣкоторыя данныя (напр. изображенія морщинистыхъ старухъ на зап. фронтонѣ храма въ Олимпіи, или то, что мы знаемъ о Димитріи изъ Алопеки и живописцѣ Павсонѣ), то, можетъ быть, и въ „важномъ" искусствѣ V вѣка найдемъ слѣды сознательнаго реалистическаго направленія, теперь обыкновенно приписываемаго эпохѣ діадоховъ. — **G. F. Unger,** Eudoxos von Knidos und Eudoxos von Rhodos, стр. 191—229. Евдоксъ изъ Книда, врачъ и астрономъ, родился въ 420/19 или 419/8 году и умеръ въ 368/7 или 367/6. Его путешествіе въ Египетъ относится къ 396/5 или 395/4 году. Эвдоксъ изъ Родоса написалъ *γῆς περίοδο;* въ срединѣ III вѣка до Р. Хр. Унгеръ устанавливаетъ содержаніе каждой изъ девяти книгъ этого сочиненія. — **C. Radinger,** Zur Schrift vom Staate der Athener, стр. 229. Рядъ поправокъ къ тексту Кеніона. — **L. Bornemann,** Pindars achte

pythische Ode nebst einem Anhang über die Pythiadenrechnung, стр. 230—247. Авторъ сначала останавливается на отдѣльныхъ трудностяхъ текста этой лебединой пѣсни Пиндара, потомъ разъясняетъ основную мысль оды и излагаетъ ходъ мыслей по системамъ. Началомъ счисленія по пиѳіадамъ авторъ считаетъ Ol. 49, 3. — **B. Todt,** Ueber das erste Standlied des Chores in den Sieben gegen Theben des Aeschylos v. 274—355, стр. 248—261. Авторъ даетъ новую рецензію текста перваго стасимона и пространно ее обосновываетъ. Въ заключеніе указывается на то обстоятельство, что за годъ до постановки „Семи противъ Ѳивъ" на сцену, были завоеваны аргивянами, разграблены и разрушены Микены, и высказывается предположеніе, что въ разбираемомъ мѣстѣ поэтъ описываетъ дѣйствительность и косвенно высказываетъ свое сочувствіе пострадавшему городу. — **P. Natorp,** Protagoras und sein „Doppelgänger", стр. 262—287. Положеніе Протагора *πάντων χρημάτων μέτρον ἄνθρωπος* разъясняется въ томъ смыслѣ, что вопросы объ истинности и дѣйствительности явленій рѣшаетъ только ограниченное сужденіе человѣка. Сочиненіе *περὶ τέχνης,* опирающееся на иное пониманіе этого положенія, по мнѣнію автора, не можетъ быть приписано Протагору. — **F. Dümmler,** Zum Herakles des Antisthenes, стр. 288—296. Въ діалогѣ Антисѳена кентавръ Хиронъ является настоящимъ наставникомъ въ добродѣтели, и отношенія его къ Ахиллу изображаются такими, какими были отношенія Сократа къ Алкивіаду. Ксенофонтовъ Кинегетикъ примыкаетъ къ этому діалогу, только относительно Паламеда 1, 11 проглядываетъ полемика, направленная противъ Антисѳена. — **W. Schmid,** Bemerkungen über Lucians *Leben* und Schriften, стр. 297—319. Авторъ дѣлаетъ попытку установить хронологическій порядокъ сочиненій Лукіана. Лукіанъ родился около 115 г.; годы его риторическаго образованія: ок. 131—155; время появленія очень многихъ его сочиненій — ок. 155—180; послѣ 180 года появились: Alexander, Hermotimus, Philopseudes; послѣ возвращенія къ рецитаціямъ — Hercules, Bacchus, Vera historia, Asinus; наконецъ къ самымъ послѣднимъ годамъ жизни писателя — De lapsu in salutando, Apologia. — **H. Köstlin,** Zur Erklärung und Kritik des Valerius Flaccus, стр. 320—335. — **M. Petschenig,** Bemerkungen zum Texte des Ammianus Marcellinus, стр. 336—353. — **M. Manitius,** Beiträge zur Geschichte römischer Dichter im Mittelalter, стр. 354—372 (продолженіе; см. Phil. XLIX, стр. 554). Въ этой статьѣ авторъ останавливается на Ювеналѣ и латинской Иліадѣ. Въ продолженіе всей средневѣковой эпохи Ювеналъ пользовался высокимъ уваженіемъ, какъ poeta ethicus, a Ilias latina, или латинскій Гомеръ, служила рядомъ съ повѣствованіями Диктиса и Дарета главнымъ источникомъ для знакомства съ троянской войной. Авторъ приводитъ изъ всѣхъ средневѣковыхъ писателей вплоть до Каролингской эпохи мѣста, въ которыхъ прямо или косвенно проглядываетъ знакомство съ Ювеналомъ и съ лат. Иліадой. — Miscellen. — **Cr.,** Nachträgliches über Onoskelia, *ὄνος ὕεται* und Oknos., стр. 373—374. — **R. v. Scala,** Sprichwörtliches bei Polybios fr. 121, стр. 375—377. Выраженіе *καθάπερ*

εἰς παλίγκυρτον напоминаетъ рыбацкую поговорку *εὕδοντι κύρτος αἱρεῖ* и взято Полибіемъ, вѣроятно, изъ очень распространеннаго въ древности разсказа о необычайномъ счастіи аѳинскаго полководца Тимоѳея, на котораго въ 373 году въ Аѳинахъ ходила каррикатура, изображавшая Тим. спящимъ, а у его головы богиню счастія, которая рыбацкой сѣтью ловила для него непріятельскіе города. — **H. Fischer,** Ein Spruchvers im Iacobusbriefe, стр. 377—379. Въ словахъ посланія ап. Якова I 17: *πᾶσα δόσις ἀγαθὴ καὶ πᾶν δώρημα τέλειον* авторъ видитъ стихотворную поговорку, которой апостолъ придалъ иной смыслъ. — **H. Fischer,** Die Haartracht der Sueben (Tac. *Germ.* 38), стр. 379—380. — **P. Hagen,** Zu Antisthenes, стр. 381—384. Рѣчь идетъ объ Антисѳеновомъ діалогѣ „Архелай" и о слѣдахъ этого діалога у Діона Хрисостома и въ псевдоплатоновскомъ Клитофонтѣ.

Rheinisches Museum für Philologie, XLVI (1891), 3.

E. Fabricius, Ueber den Entwurf des griechischen Theaters bei Vitruv, стр. 337—342. Авторъ излагаетъ планъ греческаго театра по Витрувію и защищаетъ послѣдняго отъ упрековъ въ неясности и недомолвкахъ. Эти недостатки происходятъ не отъ способа выраженія Витрувія, а отъ недостаточныхъ познаній его комментаторовъ. — **F. Vollmer,** Die Abfassungszeit der Schriften Quintilians, стр. 343—348. Выводы: Книга „De causis corruptae eloquentiae" составлена въ 92 г. по Р. Хр.; Institutio oratoria написана въ 95, издана Трифономъ — въ 96 г. не позже 18 сентября. — **K. Dziatzko,** Joh. Tzetzes und das Plautusscholion über die alexandrinischen Bibliotheken, стр. 349—370. Между схоліями къ Плавту и текстомъ Тзетза (II Введ.) существуетъ гораздо больше, чѣмъ думаютъ, точекъ соприкосновенія; притомъ несомнѣнно, что схоліастъ Плавта имѣлъ передъ собою лучшій текстъ Тзетза, нежели мы имѣемъ. Крамеровскій трактатъ *περὶ κωμῳδίας*, по крайней мѣрѣ тотъ его отдѣлъ, который касается александр. библіотекъ и рецензіи гомеровскаго текста, представляетъ собою отчасти извлеченіе изъ введенія Тзетза и не заслуживаетъ особаго вниманія. Въ приложеніи разъясняется вопросъ о *βίβλοι ἀμιγεῖς* и *συμμιγεῖς* александрійскихъ библіотекъ. Подъ первыми авторъ разумѣетъ свитки, заключавшіе въ себѣ полное сочиненіе, или законченную часть сочиненія, а подъ вторыми — такіе, конецъ которыхъ не совпадалъ съ концомъ сочиненія и которые въ большинствѣ случаевъ содержали въ себѣ конецъ одного и начало другого сочиненія. — **M. Ihm,** Zur Ueberlieferung des Pelagonius, стр. 371—377. — **R. Wagner,** Die Sabbaitischen Apollodorfragmente, стр. 378—419. Авторъ подробно разъясняетъ значеніе новонайденныхъ фрагментовъ Аполлодоровой библіотеки для критики этого автора, равно какъ для сужденія о греческомъ героическомъ эпосѣ и его традиціи. — **F. Marx,** Zur Charakteristik des Verfassers der Rhetorica ad Herennium, стр. 420—425. Заключеніе этой риторики, дѣтски-незрѣлое и лишенное всякаго вкуса, тѣмъ не менѣе подлинно; это классная работа какого-то юноши, *σχολικὸν ὑπόμνημα*, заключающая

въ себѣ въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ, но не всегда удачно, dictata magistri. — **Fr. Rühl,** Ueber die von Mr. Kenyon veröffentlichte Schrift vom Staate der Athener, стр. 426—464. Выводы: Изданный Кеніономъ трактатъ вполнѣ согласуется съ тѣми отрывками, которые цитировались въ древности въ видѣ выдержекъ изъ ходившаго подъ именемъ Аристотеля трактата *Ἀθηναίων πολιτεία,* и написанъ подъ конецъ Ламійской войны. Но по расположенію матеріала, по его обработкѣ и по содержанію онъ недостоинъ Аристотеля. Согласуясь въ антикварной части съ обычной традиціей, новый трактатъ въ исторической части, гдѣ онъ содержитъ много новыхъ данныхъ, заключаетъ много невѣрнаго и невозможнаго. Такъ какъ онъ и въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, которыя мы можемъ сравнивать съ соотвѣтствующими мѣстами дошедшихъ до насъ сочиненій великаго политика-теоретика, стоитъ гораздо ниже послѣднихъ, то на основаніи всего этого онъ не можетъ быть приписываемъ Аристотелю. Всѣ историческія данныя трактата, насколько они не подтверждаются другими данными, недостовѣрны.— **C. Wachsmuth,** Timagenes und Trogus, стр. 465—479. Сочиненіе Тимагена *περὶ βασιλέων* является главнымъ источникомъ Трога, который на ряду съ нимъ пользовался и другими греческими писателями независимо отъ Тимагена.— Miscellen. **L. Enthoven,** Zu Appian, II 11; 50, стр. 480. — **I. M. Stahl,** Nachträgliches über athenische Amnestiebeschlüsse, стр. 481—487. Приводятся относящіяся сюда данныя изъ Аристотеля *Ἀθην. πολ.* — **J. E. Kirchner,** *Ἀπολλόδωρος Πασίωνος Ἀχαρνεύς,* стр. 488. Къ Demosth. XLV, 28. 46.— **O. Immisch,** De Carcino Pompeiano, стр. 488—489. — **G. Gundermann,** Lucretius et Solinus, стр. 489—493.— **M. Manitius,** Zu Dracontius' carmina minora, стр. 493—494. — **M. Ihm,** Vegetius mulomed. III, 60, 1. — **E. Pernice,** Altitalisches Pfund, стр. 495—496. Указаніе на существующіе экземпляры и указаніе вѣса.

Archiv für Geschichte der Philosophie. Band IV (1891), 3.

A. Chiappelli, Nuove ricerche sul naturalismo di Socrate, стр. 369—413. Въ первой обработкѣ „Облаковъ“ Аристофанъ осмѣивалъ лишь физическія воззрѣнія Сократа и только въ новой ихъ обработкѣ, которая не была окончена и не ставилась на сцену и потому осталась неизвѣстной Платону и Ксенофонту, онъ обвиняетъ Сократа въ развращеніи юношества. Этой перемѣнѣ въ характерѣ Аристофановскихъ нападокъ соотвѣтствуетъ дѣйствительная перемѣна въ философскомъ направленіи Сократа, неизвѣстная ни Ксенофонту, ни Платону, которые знали Сократа старикомъ. До этой перемѣны Сократъ былъ сторонникомъ натуръ-философской школы. Онъ былъ ученикомъ Архелая и въ молодыхъ годахъ читалъ сочиненія Анаксагора. У Ксенофонта, Memor. I 4 и IV 3, излагаются воззрѣнія, близкія къ взглядамъ Анаксагора и его послѣдователей, особенно Діогена изъ Аполлоніи. Въ Memor. и въ Phäd. 96ᵃ можно подмѣтить не мало слѣдовъ тѣхъ объясненій явленій природы, которыя Аристофанъ влагаетъ въ уста Сократу въ „Облакахъ“. Даже на собственно сократовское ученіе

не остались безъ вліянія его предшественники, Демокритъ и Гераклитъ.— **G. Säpke,** Zur Geschichte der cynischen Sekte. 1. Theil. стр. 414—423. I. Отношенія Антисѳена къ Ксенофонту. Авторъ опровергаетъ мнѣніе, что Ксенофонтъ стоитъ на почвѣ киническаго ученія и что его изложеніе сократовскаго ученія не имѣютъ никакой цѣны для характеристики историческаго Сократа. II. Доказывается, что Телесъ принадлежалъ къ кинической школѣ, но что въ своемъ ученіи онъ былъ не самостоятеленъ. III. Керкидъ изъ Мегалополя ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть причисляемъ къ кинической сектѣ. — **A. Gercke,** Ursprung der aristotelischen Kategorieen, стр. 424—441. Ученіе о категоріяхъ, страдающее существенными недостатками, создано не Аристотелемъ, а въ существенныхъ частяхъ заимствовано изъ Академіи. Уже у Платона можно найти значительное число категорій; изъ нихъ Аристотель — сначала въ „Топикѣ", которая была составлена еще въ Академіи — сдѣлалъ выборъ и, чтобы довести ихъ до десяти, прибавилъ двѣ, впослѣдствіи имъ самимъ оставленныя, категоріи *ἔχειν* и *κεῖσθαι*. Этимъ ученіемъ онъ затѣмъ пользовался въ Никомаховой Этикѣ I 4, чтобы съ его помощью опровергнуть ученіе объ идеяхъ. Аристотель не пытался подробно обосновать ученіе о категоріяхъ. Сочиненіе *κατηγορίαι* по внѣшнимъ и внутреннимъ причинамъ слѣдуетъ признать подложнымъ; оно, по всей вѣроятности, вышло изъ перипатетической школы, отъ которой несомнѣнно исходятъ шесть послѣднихъ главъ. — **H. Diels,** Zwei Funde, стр. 478—494. I. *Ἀθηναίων πολιτεία*. Въ ней напрасно будемъ искать философскихъ точекъ зрѣнія и свойственныхъ философскому языку выраженій; только въ гл. 9 выраженіе *καθόλου* и вся мысль ея напоминаютъ философію Аристотеля (срв. Полит. B 8. 1268^b 39). Аѳинское гражданское устройство обсуждается съ точки зрѣнія практическаго государственнаго дѣятеля. Отсюда — точки соприкосновенія съ *ΔΕ* Политики. Кроткій, добродушный, человѣколюбивый характеръ аѳинянина выступаетъ здѣсь еще ярче, нежели въ Политикѣ. II. Три надписи, найденныя въ Аѳинахъ у Башни вѣтровъ и относящіяся къ 121 г. по Р. Х.: 1) письмо (на лат. яз.) императрицы Плотины, вдовы Траяна, къ Гадріану, въ которомъ она проситъ своего сына о дарованіи нѣкоторыхъ правъ эпикурейской школѣ; 2) благопріятный отвѣтъ Гадріана и 3) письмо (на греч. яз.) Плотины къ тогдашнему представителю эпикурейской школы въ Аѳинахъ, Попилію Ѳеотиму, сообщающее ему отвѣтъ императора. — Jahresbericht. **L. Stein und P. Wendland,** Bericht über die nacharistotelische Philosophie der Griechen und die römische Philosophie 1887—1890. I. Die ältere Stoa von L. Stein, стр. 495—518.— **A. Müller,** Bericht über semitisch-griechische Philosophie, стр. 519—528.

Mittheilungen des Kaiserlich Deutschen Archaeologischen Instituts. Athenische Abtheilung. Band XVI (1891), H. 1 u. 2.

1. Otto Kern, Eubuleus und Triptolemos, S. 1—29, Taf. I u. II. Опроверженіе общераспространеннаго мнѣнія, что найденная въ Элевсинѣ и изображ. въ *Ἐφημ. ἀρχαιολ.* 1886, на табл. 10, голова юноши принадле-

житъ Праксителевой статуѣ Евбулея. — **Emil Szanto,** Zum Gerichtswesen der Attischen Bundesgenossen, S. 30—45. Содержаніе статьи авторъ резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ: „So viel scheint aus der Vergleichung dieser beiden Inschriften[1]) hervorzugehen, dass der von Athen im vierten Jahrhundert ausgeübte Gerichtszwang in viel ausgedehnterer Weise bestand, als man bisher anzunehmen berechtigt war".— **Paul Wolters,** Marmorkopf aus Amorgos, S. 46—58. Этюдъ о головѣ архаической эпохи изъ собранія аѳинскаго археол. общества.— **Bruno Sauer,** Untersuchungen über die Giebelgruppen des Parthenon, S. 59—94, Taf. III. Подробное изложеніе результатовъ новыхъ изслѣдованій автора.— **F. Hiller von Gaertringen,** Das Denkmal Chäremons von Nysa, S. 95—101. Копія и примѣчанія къ надписи, найденной въ дер. Акче близъ древней Нисы и содержащей въ себѣ письмо какого-то римскаго магистрата и два письма царя Миѳридата, имѣющія отношеніе къ нисскому гражданину Херемону, врагу Миѳридата. Въ прибавленіи къ статьѣ (S. 101—106) **Th. Mommsen** даетъ историческій комментарій къ надписи. По его мнѣнію первое письмо принадлежитъ Г. Кассію, правителю провинціи въ Азіи во время первой войны римлянъ съ Миѳридатомъ.— **S. Selivanov,** Inscriptiones Rhodiae inedilae, S. 107—126. Тѣ же надписи, которыя изданы и въ Журн. Мин. Нар. Просв. за апрѣль 1891 г. (см. „Филол. Обозр." т. II, отд. 2, стр. 186). — **Ferd. Dümmler,** Inschrift aus Itanos, S. 127—129. Возстановленіе плохо сохранившейся архаической надписи, изд. въ Museo ital. di ant. classica v. I.— **A. Wilhelm,** Inschriften aus Lesbos, S. 130—132. Пять неизданныхъ надписей.— *Ἀλ. Ἐμμ. Κοντολέων, Ἀφροδίτη Στρατονικίς,* S. 133—135. Сообщаетъ двѣ надписи, опредѣляющія мѣстоположеніе святилища названной богини близь Смирны.— Litteratur, S. 135—140. Новыя книги. Статьи филол., археолог. и этнографическаго содержанія въ греческихъ журналахъ и газетахъ. — Funde, S. 140—149. Новыя изслѣдованія и находки въ Аѳинахъ, Лаконіи, Кизикѣ, Лаодикеѣ у Лика, Апамеѣ, Траллахъ и Патарахъ ликійскихъ. Сообщено нѣсколько новыхъ надписей изъ всѣхъ этихъ мѣстностей, кромѣ Аѳинъ. — Sitzungsprotokolle, S. 149—152. Въ засѣданіи 23 дек. 1890 м. пр. С. А. Селивановъ сдѣлалъ сообщеніе объ одной изъ открытыхъ имъ на о. Родосѣ архаическихъ надписей. Въ засѣданіи 18 февр. 1891 м. пр. A. Wilhelm сдѣлалъ сообщеніе объ аѳинскомъ декретѣ въ честь Аристомаха Аргосскаго, подробно разобранномъ проф. Ѳ. Ѳ. Соколовымъ въ Журн. М. Н. Просв. за ноябрь 1879 г., и призналъ полную правильность сдѣланнаго г. Соколовымъ опредѣленія времени этой надписи.

2. **P. Wolters,** Zur Athena Hygieia des Pyrros, S. 153—165, Taf. 6.— **Alb. Thumb,** Inschriften von den griechischen Inseln, S. 166—181. Надписи разнаго содержанія съ о—вовъ Ѳеры, Іоса и Аморга (№ 11 = Bull. de corr. hell. XV p. 288).— **Bruno Sauer,** Das *ἄγαλμα* der Archer-

[1]) Аморгская, изд. въ Bull. de corr. hell. II, p. 280 и Наксійская, изд. въ *Ἀθήναιον* VII p. 95, n. 7.

mosbasis, S. 182—190. Доказываетъ, что на названномъ пьедесталѣ находилось изображеніе сфинкса. — **Conze,** Hermes Kadmilos, S. 191—193. Описаніе обломка рельефа съ названнымъ изображеніемъ, недавно пріобрѣтеннаго Британскимъ музеемъ.— **G. Weber,** Der unterirdische Lauf des Lynos bei Colossai, S. 194—199. — **Alfred Brückner,** Das Reich des Pallas, S. 200—234. Разборъ и топографическое пріуроченіе аттическаго преданія о Паллантѣ и Паллантидахъ. — **Th. Mommsen,** Inscriptio Apamensis, S. 235—239: „Fragmentum... de anni Asiani ordinatione secundum litteras Paulli Fabii proconsulis inter a. u. c. 744 et 753 decreto provinciae ita instituta, ut annus is iam a Iuliano re vix differet". — **S. Selivanov,** Ad inscriptiones Rhodias ineditas supplementum, S. 240—242. Поправки и дополненія къ статьѣ, напечатанной въ предыд. книжкѣ. — **Jakob Wackernagel,** Zu Athen. Mittheil. XVI S. 112 (S 243—4). Предлагаетъ поправки въ чтеніи одной изъ изданныхъ г. Селивановымъ архаическихъ надписей о. Родоса.— **Emil Szanto,** Die „Felswarte" bei Smyrna, S. 244—246: „nicht Felswarte, sondern Opferstätte".— **Max Mayer,** Zu Myron's Perseus, S. 246—248. Объясненіе къ Plin. *Nat. Hist.* IV, 57. — Nachtrag zu Athen. Mittheil. XV S. 332: новая копія изданной въ указ. м. надписи.— Litteratur, S. 250—251.— Funde, S. 252—266. Новыя изслѣдованія и находки въ Аѳинахъ, Микенахъ, Тиринѳѣ, Мидеѣ, Епидаврѣ, Мегалополѣ, Лепреѣ, Ѳессаліи и Магнесіи на Меандрѣ. Изъ Ѳессаліи сообщены 5 надписей В. Graef'омъ, свѣдѣнія изъ прочихъ мѣстностей даны Дёрпфельдомъ и Вольтерсомъ.— Sitzungsprotokolle, S. 256. Въ засѣданіи 1 апр. 1891 г. между прочимъ г. Селивановъ сдѣлалъ сообщеніе „Zur Topographie von Rhodos".

Mittheilungen des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abtheilung, VI (1891), 1, 2.

1. A. Michaelis, Storia della Collezione capitolina de antichità fino all' inaugurazione del Museo (1734), стр. 3—66. Авторъ впервые даетъ полную исторію собранія древностей Капитолійскаго Музея, слѣдя за постепенными его приращеніями отъ 1300 года вплоть до 1734, года освященія Музея. — **A. Mau,** Miscellanea Pompeiana, стр. 67—72. Рѣчь идетъ о помпейской базиликѣ и о фрескѣ, изображающей Дедала и Икара. — **Ch. Hülsen,** Jahresbericht über neue Funde und Forschungen zur Topographie der Stadt Rom 1889—1890, стр. 73—150. Съ планами и рисунками.

2. Th. Mommsen, I fasti dei sex primi ab aerario, стр. 157—162. Коллегія sex primi стояла во главѣ финансоваго и архивнаго вѣдомства въ Римѣ. М. дополняетъ и объясняетъ два отрывка сенатскаго постановленія отъ 23 г. до Р. Хр. о должностныхъ лицахъ эраріа, и отрывки фастовъ указанной коллегіи, обнимающихъ годы 12—20 и 80—81 по Р. Х. — **A. v. Domaszewski,** Praefectus equitatus, стр. 163—167. Изъ одной надписи времени имп. Клавдія дѣлается выводъ, что въ военное время римская

кавалерія формировалась въ большіе корпуса подъ начальствомъ одного лица. — **A. Mau,** Il portico del foro di Pompei, стр. 168—175. Описаніе портика и исторія его постройки. — **R. Weisshäupt,** Das Telephos-Relief der Villa Borghese, стр. 177—182. Этотъ рельефъ, по мнѣнію автора, изображаетъ сидящую Артемиду, а передъ нею мать, которая отдаетъ своего ребенка подъ покровительство богини, и есть „обѣтный образъ", относящійся къ первымъ дѣсятилѣтіямъ IV в. до Р. Хр.— **P. Bienkowski,** Lo scudo di Achille, Tav. IV, V, VI, стр. 183—207. Описаніе двухъ найденныхъ въ 1882 году мраморныхъ обломковъ съ грубыми изображеніями сценъ Ахиллова щита. Надпись, проходящая по срединѣ одного обломка: „*Ἀσπὶς Ἀχιλλῆος Θεοδώρηος καθ' Ὅμηρον*", сообщаетъ имя художника Θеодора, который извѣстенъ намъ какъ творецъ Иліакскихъ таблицъ. — **M. Ihm,** Delle tavole lusorie romane, стр. 208—220. Описывается нѣсколько новыхъ игральныхъ дощечекъ. — **Klitsche de la Grange,** Di un nuovo gruppo di tombe rinvenuto nelle necropoli di Allumiere, стр. 221—225. Описываются вновь разрытыя могилы въ некрополяхъ Аллюміера и найденные въ нихъ два глиняные сосуда и бронзовая фибула. — **F. Petersen,** Funde, стр. 226—240. Сообщенія, между прочимъ, о новомъ музеѣ папы Юлія въ Римѣ, о находкахъ въ могилахъ Ветулоніи у Болоньи, объ античномъ театрѣ, открытомъ въ Сполето, о приращеніяхъ музея Діоклетіановыхъ термъ въ Римѣ. — **L. v. Sybel,** Zu Skopasfrage, стр. 241—245. Отмѣтивъ характеристическую черту Скопасовскихъ головъ эфебовъ — поднятые волосы на лбу, что̀ составляло характ. признакъ аттич. прически — авторъ дѣлаетъ выводъ, что въ Скопасѣ и съ этой стороны слѣдуетъ видѣть аттическаго художника.—**A. Kalkmann,** Fedra, стр. 246—249. По поводу помпейской фрески, представляющей влюбленную Федру.— **H. Urlichs,** Ueber die Abfassungszeit der statue antiche des Ulisse Aldrovandi, стр. 250—251. Приводятся доказательства въ пользу того, что этотъ болонскій естествоиспытатель написалъ свои Statue antiche въ 1550 году.

Zeitschrift für die österreichischen Gymnasien, XLII (1891), 7—9.

7. F. Drechsler, Zur Kritik und Exegese des Rhetors Seneca, стр. 588—501. Разсматриваются пять мѣстъ изъ контроверсій и столько же мѣстъ изъ свазорій.

8. 9. I. Simon, Abkürzungen auf griechischen Inschriften, стр. 673—711. Въ первой части собраны и расположены въ алфавитномъ порядкѣ 609 сокращеній, встрѣчающихся въ греческихъ надписяхъ до 146 года до Р. Хр. При каждой надписи приводится ея дата и мѣсто нахожденія. Во второй части сдѣланы выводы. Сокращенія, согласно выводамъ автора, не даютъ ничего для сужденія о датѣ надписей. — **L. Laistner,** *Κένταυρος,* стр. 711—719. Сначала разсматриваются этимологіи ряда греческихъ словъ на *-αυρος,* затѣмъ названіе цвѣтка *κενταύριον;* въ концѣ изслѣдуемое слово сопоставляется съ индогерм. ganda = ужасъ.

Zeitschrift für das Gymnasialwesen, XLV (1891), 7—9.

7. 8. W. Schrader, Zum Gedächtniss Meineke, стр. 385—394. — **A. Grossman,** Ueber die Behandlung der altklassischen Lectüre auf unseren Gymnasien, стр. 395—399. Авторъ предлагаетъ уничтожить домашнія занятія учениковъ по приготовленію къ классному чтенію авторовъ и задавать только повтореніе прочитаннаго въ школѣ. — **Kobilinski,** Die lateinische Sprache auf dem Gymnasium, стр. 399—410. Авторъ требуетъ измѣненія методы въ преподаваніи грамматики. Прежде всего явленія языка не слѣдуетъ классифицировать по ихъ употребляемости и ставить правиломъ только наиболѣе употребительныя формы. Такія строгія правила, выставляемыя въ синонимикахъ, стилистикахъ и др., не оправдываются словоупотребленіемъ даже Цицерона. Рядомъ съ нынѣшними образцами, Цицерономъ и Цезаремъ, и въ грамматическихъ упражненіяхъ слѣдуетъ ставить и другихъ школьныхъ авторовъ. — Рецензіи. — Jahresberichte: **H. Kallenberg,** Herodot; **R. Schneider,** Caesar.

9. A. Huther, Zur Reform des Gymnasial-Lehrplans, стран. 529—556. — Рецензіи. — Jahresberichte: **R. Schneider,** Caesar; **C. Rothe,** Homer (höhere Kritik).

ΕΦΗΜΕΡΙΣ ΑΡΧΑΙΟΛΟΓΙΚΗ, ἐκδιδομένη ὑπὸ τῆς ἐν Ἀθήναις Ἀρχαιολογικῆς ἑταιρίας. Περίοδος τρίτη. 1891.*)

Χρ. Τσούντας, *Ἐκ Μυκηνῶν, σ.* 1—44, *πίν.* 1—3. Описаніе нѣсколькихъ новыхъ находокъ „микенской" эпохи. — ***Β. Στάης,*** *Ἀγάλματα ἐκ Ραμνοῦντος, σ.* 45—62, *πίν.* 4—7. Описаніе четырехъ статуй, найденныхъ при раскопкахъ въ храмѣ Θемиды, въ Рамнунтѣ (въ Аттикѣ). Одна изъ нихъ представляетъ Θемиду, другая — жрицу, третья — юношу, четвертая относится къ числу такъ называемыхъ „Гермъ". Интересъ этихъ памятниковъ скульптуры увеличивается тѣмъ, что на пьедесталахъ ихъ сохранились надписи, дающія возможность близко опредѣлить время и обстоятельства посвященія статуй. Статуя Θемиды изваяна художникомъ Херестратомъ изъ Рамнунта.— ***Β. Στάης,*** *Λείψανα Φειδιακοῦ ἀναγλύφου, σ.* 63—70, *πίν.* 8, 9. Обломки рельефнаго украшенія пьедестала статуи Немезиды въ Рамнунтѣ, которое, по словамъ Павсанія (I, 33, 7), было изваяно знаменитымъ Фидіемъ.— ***Β. Ι. Λεονάρδος,*** *Ἀμφιαρείου ἐπιγραφαί, σ.* 71—142. Продолженіе изданія эпиграфическихъ памятниковъ, найденныхъ авторомъ при раскопкахъ въ святилищѣ Амфіарая близь Оропа въ 1884 г. Въ числѣ вновь изданныхъ надписей (№№ 34—60) есть нѣсколько весьма интересныхъ для исторіи святилища.— **R. Weisshaeupl,** *Παραστάσεις γραίας μεθυούσης, σ* 143—152, *πίν.* 10. Описаніе найденнаго на о. Скиросѣ сосуда,

*) Хотя по программѣ „Ефимерида" должна выходить въ количествѣ 4-хъ выпусковъ въ годъ, но за 1891 г., по недостатку матеріала или средствъ, изданъ всего одинъ выпускъ (192 стр. съ 15 табл.), содержащій въ себѣ 7 большихъ статей и двѣ маленькія въ „смѣси".

изображающаго пьяную старуху, съ надписью: *Γραῦς ἥδε οἰνοφόρος κεχαρημέ[νη ὥ]δε κάθηται.* — **Θεμ. Σοφούλης,** *Ἀρχαιολογικαὶ μελέται. Ἡ νίκη τοῦ Ἀρχέρμου,* σ. 153—182, *πίν* 11—15. — **Κ. Δ. Μυλωνᾶς,** *Λάρναξ μαρμαρίνη μετ' ἐκτύπου ἀναγλύπτου παραστάσεως,* σ. 183—1888, *πίν.* 9 *τοῦ ἔτους* 1890. Описаніе найденнаго въ Патрахъ и пріобрѣтеннаго аѳинскимъ арх. обществомъ мраморнаго саркофага съ изображеніемъ охоты на Калидонскаго вепря.— *Σύμμικτα (σ.* 189—192): **Χρ. Τσούντας,** *Τάφος θολωτὸς ἐν Κάμπῳ* (въ Пелопоннесѣ, въ 2 часахъ къ с. отъ Кардамилы; краткое описаніе раскопокъ).— **Ἀνδρ. Σκιᾶς,** *Τίσυρος Κρητικὴ πόλις* (указываетъ, что въ схоліяхъ къ Ѳеокр. III, 2 упоминается критскій городъ Титиръ и что къ этому городу должны относиться монеты съ надписью *Τισυροι).*

Berliner Philologische Wochenschrift [1]), XI (1891), 27—52.

Val. v. Schoeffer, рец. книги: H. Swoboda, Die griechischen Volksbeschlüsse, стлб. 991—997 и 1040—1049. Выводъ: Матеріалъ подобранъ весьма старательно и удачно, но есть недостатки въ его расположеніи. Результаты же изслѣдованія не вездѣ заслуживаютъ признанія и основываются иногда на предвзятыхъ взглядахъ, иногда на документахъ, не имѣющихъ никакой силы. — **Val. v. Schoeffer,** Polybios ins Russische übersetzt von Th. Mistschenko. Band I. рецензія, стлб. 1199—1203. Выводъ: Введеніе „Полибій и федеративная Эллада" написано съ большимъ знаніемъ дѣла и новѣйшей литературы предмета; переводъ сдѣланъ гладкимъ, литературнымъ языкомъ, и нѣкоторыя его ошибки происходятъ отъ излишняго иногда стремленія передать періоды Полибія отрывистымъ слогомъ. — **φ.** Рецензія книгъ: Livi Andronici et Cn. Naevi fabularum reliquiae, emend. et adnot. L. Mueller; L. Muelleri De Pacuvii fabulis disputatio; L. Muelleri de Accii fabulis disputatio, стлб. 1523—1524. Отмѣчается въ частностяхъ несогласіе автора этихъ книгъ со взглядами Риббека.

Das humanistische Gymnasium. Organ des Gymnasialvereins. II (1891), Heft. 1—4 [2]).

Среди явленій, вызванныхъ реформою средняго образованія въ Германіи, особенное вниманіе какъ по своей симпатичной цѣли, такъ и по именамъ сотрудниковъ обращаетъ появившійся два года тому назадъ журналъ съ выписаннымъ выше заглавіемъ. Исторія возникновенія его вкратцѣ слѣдующая. Сторонники классическаго образованія, въ числѣ ихъ директоръ Гейдельбергской гимназіи Г. Улигъ, Ѳ. Моммсенъ, О. Іегеръ, Э. Целлеръ, Г. Кропачекъ и др., рѣшили для борьбы съ радикальной партіей педагоговъ, подкапывающихся подъ самые устои гимназіи, основать общегерман-

[1]) Въ еженедѣльныхъ журналахъ отмѣчаются только труды русскихъ ученыхъ и статьи по поводу книгъ, изданныхъ въ Россіи.

[2]) Выходитъ брошюрами въ 3 листа, четыре раза въ годъ; цѣна безъ пересылки 3 марки; адресъ: Heidelberg — Carl Winter's Universitätsbuchhandlung.

скій ферейнъ и особый органъ, цѣлію которыхъ было бы „охранять гуманистическую школу, съ одной стороны защищая ее отъ несправедливыхъ нападеній, съ другой — обсуждая тѣ улучшенія, въ которыхъ могутъ нуждаться гимназіи какъ относительно своей организаціи, такъ и относительно хода обученія (§ 1 устава ферейна)“. Мысль встрѣтила общее сочувствіе не только въ Германіи, но и за границей, и общее число членовъ вскорѣ дошло почти до 2500 человѣкъ. Редакцію журнала принялъ на себя д-ръ Улигъ. Изъ восьми выпусковъ за два года, имѣющихся въ настоящее время, четыре первые (за 1890 г.) посвящены главнымъ образомъ вопросамъ, волновавшимъ тогда весь педагогическій міръ Германіи, — указамъ императора, преніямъ въ палатѣ депутатовъ, петиціямъ, брошюрамъ за и противъ классическаго образованія. Въ четырехъ выпускахъ 1891 г. обращаютъ вниманіе слѣдующія статьи: Улига — „Die Einheitschule mit lateinlosem Unterbau (H. I, III, IV), гдѣ авторъ опровергаетъ доводы, приводимые въ пользу однородной подготовительной школы для реалистовъ и гимназистовъ, въ видѣ трехлѣтняго гимназическаго курса (VI, V, IV) безъ латинскаго языка, и О. Iегера — „Ueber bleibendes und vergängliches am humanistischen Gymnasium“ (см. Фил. Обозр. т. I, отд. 1, стр. 88); затѣмъ обстоятельныя рецензіи появляющихся брошюръ, между ними: „Die Zukunft des deutschen Gymnasiums“ von Treitschke (H. I); Nuovi scritti pedagogici“ di P. Villari; „Schularbeit und Hausarbeit“, von Schiller (см. Фил. Обозр. т. I, отд. 2, стр. 181). „Die Fragen der Schulreform von Ziegler; „Die Berliner Dezemberconferenz“ von Hornemann (H. III, VI); наконецъ сообщенія о положеніи классическаго образованія въ другихъ странахъ, въ видѣ корреспонденцій изъ Норвегіи, Россіи, Англіи и т. п. — Для оцѣнки направленія журнала приводимъ одно характерное мѣсто изъ рѣчи Улига, сказанной имъ въ генеральномъ собраніи ферейна 19-го мая 1891 г. Упоминая объ опасностяхъ, грозящихъ гуманистическому образованію, онъ обращаетъ вниманіе на то, что настоящее тяжелое для гимназіи время требуетъ особыхъ усилій со стороны преподавателей. „Задача учителей древнихъ языковъ въ наше время несравненно труднѣе, чѣмъ въ серединѣ текущаго столѣтія. Имъ приходится оборонять ту ниву, на которой они прежде безпрепятственно сѣяли и собирали жатву. Прежде неразрывная связь нѣмецкой и античной культуры подразумѣвалась сама собой: теперь это приходится уяснять, показывая тысячу нитей, которыми связана наша изящная литература и искусство, наша наука, нашъ общественный бытъ съ греко-римской древностью. Прежде высокое уваженіе къ античной литературѣ у воспріимчивыхъ учениковъ являлось само собой: теперь это чувство приходится будить, часто борясь съ противнымъ теченіемъ. Обученіе Закону Божію, имѣющее въ виду одно знаніе и не дающее никакой пищи сердцу, считалось всегда недостаточнымъ: теперь и классическое образованіе не исполнитъ своего назначенія, если оно не будетъ также согрѣвать и чувство ученика (wenn die Schüler durch ihn nicht auch erwärmt werden)“.

IV. НОВЫЯ КНИГИ.

а) Вышедшія въ Россіи.

Аристофанъ. Всадники, комедія. Перев. А. Станкевичъ. СПБ. — 75 к.

Беккеръ, К. Ф. Древняя Исторія, вновь обработ. В. Мюллеромъ. Съ рисунками и раскрашенными картами. Часть I. Древній міръ; первый и второй періоды (до смерти Кира). Часть II. Древній міръ; третій періодъ (отъ Кира до Александра). СПБ. — Цѣна каждой части 1 рубль.

Бреаль, Мишель. Древніе языки въ среднемъ образованіи. Лекція, читанныя въ Сорбоннѣ въ 1891 году. Перев. съ франц. Н. Сперанскій. Москва.— 75 к.

Гинтовтъ, С. И. Фразеологія Юлія Цезаря (по Тегге). Первая книга о Галльской войнѣ. СПБ. — 25 коп.

Гомеръ, Иліада. Перев. Н. И. Гнѣдича; редижированъ Пономаревымъ. Изд. 2. СПБ. — 75 к.

Еврипидъ, Алкестида, драма. Съ греческаго перевелъ В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. (Дешевая библ. Суворина). СПБ. — 10 к.

Еврипидъ, Іонъ, трагедія. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями (Дешевая библіотека). СПБ. — 10 к.

Зембергъ, К. Руководство по римскимъ древностямъ. Изд. 3. Рига.

Киричинскій, Е. Вокабулярій къ избраннымъ жизнеописаніямъ Корнелія Непота. Пособіе для учениковъ. Вып. I. Мильтіадъ, Ѳемистоклъ, Аристидъ, Павсаній. Варшава.

Ксенофонтъ, Воспоминанія о Сократѣ. Кн. I. Съ введеніемъ и примѣчаніями К. Гибеля. Царское Село. — 40 к.

Курціусъ - Гартель. Синтаксисъ греческаго языка, съ приложеніемъ очерка грамматики Гомеровскаго діалекта. Съ необходимыми измѣненіями, перев. съ нѣм. А. Бронзовъ. СПБ.

Новосадскій, Н. И. Культъ Кавировъ въ древней Греціи. Варшава. — 1 р. 50 к.

Отчетъ о дѣятельности Кружка преподавателей древнихъ языковъ въ Москвѣ. М. — 30 к.

Павлуцкій, Гр. Коринѳскій архитектурный орденъ. Съ 50 рисунками и 8 фототип. табл. Кіевъ. — 2 р.

Плутархъ. Сравнительныя жизнеописанія. Т. II, вып. 2. Периклъ и Фабій Максимъ. Съ греч. перевелъ В. Алексѣевъ; съ введеніемъ и примѣчаніями. (Дешевая библ.). СПБ. — 15 к.

Плутархъ. Сравнительныя жизнеописанія. Т. II, вып. 3. Алкивіадъ и Коріоланъ. Съ греч. перевелъ В. Алексѣевъ. (Дешевая библ.). СПБ. — 15 к.

Присѣлковъ, А. Нѣсколько словъ о педагогическихъ собраніяхъ. Тифлисъ. — 25 к.

Сборникъ статей по класической филологіи. Вып. III. СПБ.

Сенека, Л. Анней, Сатира на смерть императора Клавдія. Съ лат. перев.

В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. СПБ. — 30 к.

Софоклъ, Антигона. Греч. текстъ съ русскими примѣчаніями А. Д. Вейсмана. Изд. 2. СПБ.

Фолькманъ, Р., Риторика грековъ и римлянъ. Переводъ И. Веригина. Ревель.

Шульцъ, Г. Ф., Критическія замѣтки къ тексту трагедіи Софокла „Царь Эдипъ". Харьковъ. — 1 р. 50 к.

---

b) Вышедшія за границей.

Ahrens, H. L., Kleine Schriften. I. Band: Zur Sprachwissenschaft. Besorgt von C. Haeberlin. Mit einem Vorwort von O. Crusius. — 16 m.

Ἀναγνωστάκη, *Ἀ. Ἡ ἰατρικὴ τοῦ Ἀριστοφάνους. Ἀθήνησιν.*

Ἀριστοτέλους *Ἀθηναίων πολιτεία ἐκδιδομένη ἐπὶ τῇ βάσει τῆς δευτέρας Ἀγγλικῆς τοῦ Κ. Κέννου ἐκδόσεως, προτάσσεται δὲ εἰσαγωγὴ ὑπὸ Ἀ. Ἀγαθονίκου. Ἀθήνησιν.*

Aristotelis, *Πολιτεία Ἀθηναίων*. Rec. Frider. Blass. Biblioth. Teubner. Leipzig.

Aristotelis, *Πολιτεία Ἀθηναίων*, ed. G. Kaibel et U. v. Wilamowitz-Moellendorf., 2. Aufl. Berlin. — 1,80 M.

Beschreibung der antiken Skulpturen mit Ausschluss der pergamenischen Fundstücke. Mit 1266 Abb. Hrsg. von der Generalverwaltung der königl. Museen zu Berlin. — 25 M.

Blümner, Hugo. Studien zur Geschichte der Metapher im griechischen. I Heft: Ueber Gleichniss und Metapher in der attischen Komödie. Leipzig. — 8 M.

Bonnet, M. La philologie classique. Paris. 3,50 fr.

Curtius, E. Die Tempelgiebel von Olympia. Berlin. — 2 M.

Detto, W. A., Horaz und seine Zeit. 2. verb. Aufl. Berlin (mit Abbildungen). — 3 M.

Dieterich, Albr. Abraxas. Studien zur Religionsgeschichte des spätern Altertums. Leipzig. — 4,40 M.

Freund, W. Wanderungen auf klass. Boden. 4. u. 5. Hft: Rom. Breslau. — 1 M.

Gemoll, W., Die Realien bei Horaz. Heft. I. — 1,80 M.

Georgii, H. Die antike Aeneiskritik, aus den Scholien und anderen Quellen hergestellt. Stuttgart. — 10 M.

Gutschmid, Alfr. v. Kleine Schriften, herausg. v. Fr. Rühl, III. Band. Schriften zur Geschichte der nichtsemitischen Völker von Asien. — Leipzig.

Hale, Die Cum-Konstruktionen, Uebersetzt von Neitzert. Vorwort von B. Delbrück. Leipzig. 6 M.

Herzog, E. Geschichte und System der römischen Staatsverfassung. II, 2. Verfassung der Kaiserzeit. Leipzig. — 8 M.

Hoffmann, Em. Das Modus-Gesetz im lateinischen Zeitsatze. Antwort auf Hale's „The cum-Constructions". Wien. 1 M.

Horatius, Sermonum et epistularum libri. Mit Anmerkungen von Luc. Mueller. I. Satiren. Leipzig. — 8 M.

Immerwahr, W. Die Kulte und Mythen Arkadiens. I Band. Die arkadischen Kulte. Leipzig. — 4 M.

Καμπούρογλου, Δ. *Ἱστορία τῶν Ἀθηναίων II, τ. 1—5. Ἀθήνησιν.*

Καμπούρογλου, Δ. *Μνημεῖα τῆς ἱστορίας τῶν Ἀθηναίων. Ἀθήνησιν.*

Keller, O. Lateinische Volksetymologie und Verwandtes. Leipzig.—10 M.

Kopp, W. Geschichte der römischen Litteratur für höhere Lehranstalten und zum Selbststudium. 6. Aufl., besorgt von O. Seyffert. Berlin. — 2 M.

Miller, Die Alexandergeschichte nach Strabo. II. Teil. Würzburg.

Μιστριώτου, Γ. *Τὰ αἴτια τοῦ ἀρχαίου καὶ τοῦ νεωτέρου Ἑλληνικοῦ πολιτισμοῦ. Ἀθήνησιν.*

Mitteis, L. Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des Römischen Kaiserreichs. Leipzig. — 14 M.

Pasdera, Arturo, Dizionario di antichità classica, con illustrazioni e carte. Fascicolo I. Torino, Palermo. — 1,60 лиръ.

Plüss, Th. Sophokles' Elektra. Eine Auslegung. Leipzig.— 3 M.

Preger, Th. Inscriptiones graecae metricae ex scriptoribus praeter anthologiam collectae. Lipsiae. — 8 M.

Reichenberger, S. Die Entwickelung des metonymischen Gebrauchs von Götternamen in der griechischen Poesie bis zum Ende des alexandrinischen Zeitalters. Karlsruhe. — 2,40 M.

Σακελλαρίου, Ἀ. *Τὰ Κυπριακά Ι. Ἀθήνησιν.*

Schwartz, Ed. Scholia in Euripidem, vol. II, Berlin. — 9 M.

Schwegler, A. Geschichte der Philosophie im Umriss. Ein Leitfaden zur Uebersicht. 15 Aufl. ergänzt von K. Köber. Stuttgart.— 4 M.

Σκιᾶς, Ἀ. Ν. *Περὶ τῆς Κρητικῆς διαλέκτου. Ἀθήνησιν.*

Sonntag, M. Vergil als bukolischer Dichter. Leipzig. — 5 M.

Sophoclis Aiax. Cum verbis ac litteris codicis optimi atque antiquissimi. Ed. I. Holub. Freiwaldau. — 0,90 M.

Sophokles, Antigone. Ein Beitrag zur Geschichte und Beurteilung des antiken Dramas, von H. Welzhofer, Berlin. — 1 M.

Sortais, Gaston, Ilios et Iliade. Les ruines de l'Ilios. La formation de l'Iliade. Essai de restauration de l'Iliade primitive. L'Olympe et l'art homeriques. Paris.

Zeller, Ed. Die Philosophie der Griechen I. Allgemeine Einleitung. Vorsokratische Philosophie. I. Hälfte. 5. Aufl. — 13 M.

Редакторы-издатели: **А. Адольфъ, В. Аппельротъ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ

КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1892 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Кіевск. Универс. Извѣстіяхъ печатаются: 1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта. 2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету. 3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей. 4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ. 5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся. 6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ. 7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета. 8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета. 9. Годичные отчеты по Университету. 10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями. 11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи. 12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ. 13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей. 14. Ученые труды преподавателей и учащихся. 15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части — 1) — оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2) — неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами — *критико-библіографическимъ,* посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники,* заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Кіевскія Университетскія Извѣстія въ 1892 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копеекъ, а съ пересылкой семь рублей. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **Извѣстій**, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университетовъ платятъ за годовое изданіе **Кіевск. Университетскихъ Извѣстій** 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ В. Иконниковъ.

I. ОБЩІЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Индуктивный методъ преподаванія латинской грамматики.

По поводу «Опыта методики первоначальнаго обученія латинскому языку» І. Дрбоглава и новыхъ латинскихъ хрестоматій.

Ставя связный латинскій текстъ основой и исходной точкой для всѣхъ классныхъ занятій и практическихъ упражненій, новые учебные планы вносятъ этимъ не мало новаго въ методику преподаванія древнихъ языковъ. Изученіе грамматики по связному тексту составители новѣйшихъ хрестоматій называютъ обыкновенно индуктивнымъ или практическимъ методомъ, въ противоположность прежнему, дедуктивному; впрочемъ детальной разработки новаго метода они не даютъ. Единственной попыткой такой разработки является „Опытъ методики" г. Дрбоглава. Хотя книжка эта вышла довольно давно, еще до появленія новыхъ учебныхъ плановъ, все-таки мы считаемъ полезнымъ начать именно съ нея потому, что она, во-первыхъ, какъ мы сказали, представляетъ единственную попытку систематической разработки новаго метода, а во-вторыхъ — служитъ источникомъ и для тѣхъ немногихъ замѣтокъ о преподаваніи, которыя мы находимъ въ предисловіяхъ новѣйшихъ латинскихъ хрестоматій.

Книжка г. Дрбоглава есть примѣненіе къ изученію латинскаго языка идей Гербарта, развитыхъ ученикомъ его Циллеромъ. Требуя подчиненія всего школьнаго обученія цѣлямъ воспитательнымъ, непосредственной задачей воспитанія Циллеръ считаетъ выработку воли. Для этого, кромѣ возбужденія интереса къ обученію и живого отношенія къ дѣлу со стороны учителя, онъ требуетъ, чтобы ученикъ постоянно зналъ цѣль, къ которой стремится, чтобы онъ никогда, даже при повтореніяхъ и исправленіи работъ, не испытывалъ умственнаго застоя[1]), и наконецъ, чтобы „вызываемая ученіемъ умственная

1) Но кто же станетъ повторять съ учениками то, что они уже хорошо знаютъ, и развѣ приходится исправлять то, что усвоено?

дѣятельность пересиливала и подавляла всѣ прочія стремленія", что̀ „возможно только при образованіи сильныхъ представленій" и при „достаточномъ времени для полнаго выясненія" ихъ. Послѣднее требованіе, приписывающее представленіямъ такую важную роль при выработкѣ воли, дѣлается понятнымъ только при знакомствѣ съ общей системой философіи Гербарта, который всю душевную дѣятельность сводитъ къ смѣнѣ представленій, даже желанія и чувствованія считаетъ только особыми способами существованія въ нашей душѣ представленій, борьбою ихъ между собою.

Все вновь изучаемое „должно пройти въ головѣ ученика пять разныхъ степеней: анализъ, синтезъ, ассоціацію, систему и функцію, которыя образуютъ въ своей совокупности одинъ методическій кругъ". Посмотримъ, что скрывается подъ этими нѣсколько странными терминами.

Анализъ требуетъ переходить отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ простого къ сложному. Какъ же авторъ примѣняетъ къ дѣлу это элементарное и общепризнанное требованіе? Извѣстнымъ онъ считаетъ содержаніе переводимой статьи, а неизвѣстнымъ — форму, способъ выраженія. Но мы думаемъ, что если ученикъ впервые открылъ какую-нибудь страницу своей латинской хрестоматіи, то онъ увидитъ передъ собою латинскія буквы и слова, а не „связное изображеніе міра мыслей", которое обнаружится только послѣ ознакомленія съ словами, разбора, перевода, послѣ всей той классной и домашней работы, которая для того и нужна, чтобы вложить въ концѣ концовъ въ форму содержаніе. Имѣя передъ глазами, напр., оглавленіе: „Ворона и кувшинъ", ученики при самыхъ гигантскихъ усиліяхъ ума и воображенія, пока не переведутъ, не будутъ въ состояніи догадаться, о какихъ отношеніяхъ вороны къ кувшину будетъ говориться въ этой баснѣ. „Каждый ученикъ читалъ какой-нибудь разсказъ про ворону, знаетъ эту птицу, знаетъ, что Крыловъ не признаетъ за ней большой догадливости, но слыхалъ, быть можетъ, отъ охотниковъ много (!) разсказовъ, которые убѣждаютъ насъ въ противномъ". Но если бы дѣйствительно встрѣтился такой поразительный составъ перваго класса, что каждый ученикъ много бесѣдовалъ съ охотниками о воронахъ, всѣ эти „знанія" не помогли бы всетаки угадать, что̀

сдѣлала ворона съ кувшиномъ или кувшинъ съ вороной. При томъ же эти предварительные разговоры о волкахъ, ослахъ и лисицахъ, основанные на мало вѣроятномъ предположеніи, что первоклассники знакомы съ разсказами Авдѣевой, Гриммовъ, со всѣми баснями Крылова, Хемницера и т. п., возможны только при переводѣ басенъ; а какія предварительныя знанія выложатъ ученики при переводѣ описаній, анекдотовъ, миѳологическихъ и историческихъ разсказовъ? Въ предварительномъ ознакомленіи съ содержаніемъ авторъ видитъ средство возбудить вниманіе и интересъ къ изученію. Но это вѣрно только до извѣстной степени. Заинтересовать ученика можно въ томъ случаѣ, если мы только затронемъ сюжетъ статьи и не будемъ его исчерпывать, если мы только поставимъ интересные вопросы и не будемъ пока ихъ рѣшать. Но въ такомъ случаѣ нельзя будетъ сказать, что содержаніе ученикамъ извѣстно, да при томъ же авторъ вовсе не ограничивается такимъ затрогиваніемъ сюжета: онъ прямо предлагаетъ читать ту же самую басню въ разсказѣ Крылова или Хемницера, а его послѣдователи категорически заявляютъ, что учитель долженъ прежде всего разсказать басню близко къ тексту. (Нач. лат. хрест. Сига, в. I. 91 г., стр. VII). При такомъ предварительномъ пересказѣ содержанія вниманіе не только не возбуждается, но даже искусственно притупляется. Мы думаемъ, что вся занимательность занятій заключается въ томъ, что ученикъ, имѣя сначала передъ глазами рядъ непонятныхъ словъ, постепенно, шагъ за шагомъ, своими собственными усиліями оживляетъ эти слова, находитъ въ нихъ связь и смыслъ, составляетъ фразы и наконецъ получаетъ законченное цѣлое, получаетъ интересную басню. Въ этомъ постепенномъ проникновеніи въ смыслъ, въ этомъ собственноручномъ созиданіи стройнаго цѣлаго изъ безжизненныхъ и непонятныхъ съ перваго разу элементовъ и заключается все удовольствіе занятій, весь интересъ изученія. Разсказать статью значитъ отбить у учениковъ охоту къ дальнѣйшему изученію ея. Это противорѣчитъ и тому требованію автора, чтобы ученики всегда знали цѣль занятій. Онъ говоритъ, что ошибочно было бы выставить цѣлью даннаго урока, напр., изученіе перваго склоненія: „ученики будутъ безучастны“. Другое дѣло будетъ, по его мнѣнію, если мы поставимъ цѣль „общедоступную“ — напр.,

ознакомленіе съ „разсказомъ объ одной воронѣ“. Но вѣдь эта цѣль будетъ достигнута уже въ тотъ самый моментъ, какъ учитель ознакомитъ учениковъ съ содержаніемъ басни, анализъ же формъ и всѣ четыре слѣдующія степени методическаго круга стоятъ позади этой, достигнутой уже, цѣли. Если ученики знаютъ уже содержаніе, то вся послѣдующая работа: разборъ, заучиванье словъ и формъ, переводъ, перифразы и т. п., является чѣмъ-то механическимъ и безжизненнымъ, такъ что мы искусственно уничтожаемъ всѣ тѣ выгоды обученія, которыя обусловливаются содержательностью и цѣльностью переводимой статьи.

Начинать съ содержанія авторъ требуетъ для того, чтобы переходить отъ этого якобы „извѣстнаго“ къ неизвѣстному, къ формѣ, и видитъ въ этомъ переходѣ „процессъ апперцепціи“. Когда содержаніе извѣстно, то, по мнѣнію автора, этимъ „подготовлена почва для быстрой и твердой апперцепціи новаго, для усвоенія новой формы“. Но неужели, чѣмъ больше ученики слышали или читали разсказовъ о воронѣ, тѣмъ очевиднѣе для нихъ станетъ, что отъ corvus родительный падежъ будетъ corvi, тѣмъ успѣшнѣе они усвоятъ первое склоненіе? Напрасно авторъ приводитъ изъ Вундта законы удачной апперцепціи: между кувшиномъ или поступками вороны и между падежами или склоненіями нѣтъ никакихъ сходныхъ точекъ, отъ содержанія нѣтъ психологическаго перехода къ формѣ. Но стоитъ повести дѣло наоборотъ, и мы сейчасъ же встрѣтимся съ апперцепціей: слова и окончанія создаютъ фразу, т.-е. нѣчто, имѣющее уже содержаніе, изъ фразъ составляются связная рѣчь и статья. Такимъ образомъ, если начинать съ формы, то представленія будутъ накопляться какъ разъ по закону апперцепціи, и содержаніе будетъ вытекать изъ формы.

Послѣ анализа содержанія, по плану автора, переходятъ къ формальному анализу, но здѣсь разумѣется опять не то, что обыкновенно такъ называется въ грамматикѣ (гдѣ анализъ = разбору) или логикѣ: авторъ разумѣетъ здѣсь простое выдѣленіе изъ неизвѣстнаго или еще неразработаннаго грамматическаго матеріала извѣстныхъ ученику словъ и формъ. Выдѣленіе это, конечно, полезно, но только до извѣстной степени; межъ тѣмъ авторъ впадаетъ въ крайность: онъ требуетъ при переводѣ каждой статейки выписывать всѣ знакомыя слова и

разбирать всѣ знакомыя формы. Повтореніе имѣетъ цѣлью восполнить и укрѣпить знанія, а если эта цѣль достигнута, то дальнѣйшее повтореніе будетъ не только безполезной, но и притупляющей работой. Мы не понимаемъ, какъ это ежедневное выписыванье и ежедневный разборъ словъ sunt или est можетъ вызвать въ ученикѣ охоту къ занятіямъ. Авторъ идетъ еще дальше: ученикъ у него долженъ умѣть даже „повторить то, что выработано анализомъ“, умѣть повторять эти повторенія! Съ точки зрѣнія Гербарта, который предполагаетъ въ душѣ человѣка какую-то огромную кладовую съ огромнымъ запасомъ скрытыхъ, затаенныхъ представленій, всѣ эти безпощадныя повторенія имѣютъ еще нѣкоторый смыслъ, потому что изъ встрѣчи и борьбы этихъ затаенныхъ представленій съ новыми, входящими въ сознаніе, онъ объясняетъ всю духовную дѣятельность человѣка, всѣ явленія не только ума, но и чувства и воли [1]). Но какое же значеніе имѣютъ эти повторенія для той апперцепціи, о которой говоритъ Вундтъ и которую авторъ считаетъ обычнымъ пріемомъ всякаго обученія? Она мыслима только между однородными впечатлѣніями. Самъ авторъ говоритъ, что нужны тѣ „старыя представленія, которыя имѣютъ отношеніе къ предначертанной цѣли“. Если цѣль каждаго урока — сообщить что-нибудь новое, то и повторять нужно только то, изъ чего это новое будетъ вытекать; повторять разборъ давно знакомыхъ словъ умѣстно тогда, если на этомъ разборѣ будутъ основаны новыя формы или правила. При выдѣленіи извѣстнаго авторъ предлагаетъ ученикамъ отыскивать между прочимъ по окончаніямъ знакомыя формы въ текстѣ и высоко ставитъ способность предугадывать „разсказъ и объясненія“. Но положимъ, ученикъ ознакомился со вторымъ склоненіемъ и ему въ незнакомомъ текстѣ предлагаютъ угадать по окончаніямъ знакомыя формы. Если текстъ такъ приноровленъ, что всѣ формы на *us* въ немъ относятся непремѣнно ко второму склоненію, то тутъ не будетъ никакого угадыванія, а будетъ простое чтеніе по порядку всѣхъ словъ на *us;* если же текстъ не приноровленъ, то ученикъ будетъ имѣть полное право

[1]) Профессоръ М. Троицкій такъ выражается объ этой сторонѣ психологіи Гербарта: «Дикость толкованія феноменовъ чувства и воли превосходитъ всякую мѣру вѣроятности» (Нѣм. психол., стр. 551).

считать „знакомыми“ формами второго склоненія и virtus, и quercus, и вообще всякое слово на *us*. Догадка цѣнна только въ томъ случаѣ, если она есть удачное примѣненіе къ дѣлу того или иного критерія, а догадки наобумъ едва ли содѣйствуютъ методическому развитію дѣтскаго ума.

Гораздо интереснѣе для насъ слѣдующая за анализомъ ступень — синтезъ, который, по терминологіи автора, состоитъ въ усвоеніи новыхъ представленій. Здѣсь мы узнаемъ, какъ переводить и какъ усвоивать при этомъ грамматическія свѣдѣнія. Переводъ авторъ называетъ синтезомъ содержанія, а усвоеніе новыхъ формъ, слѣдующее за переводомъ, — формальнымъ синтезомъ. Мы уже видѣли, что основнымъ требованіемъ для анализа авторъ поставилъ переходъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Но при анализѣ требованіе это не было выполнено: отъ содержанія мы переходили къ формѣ, но форма эта была элементомъ уже „извѣстнымъ“. „Неизвѣстное“ мы встрѣчаемъ только при синтезѣ, но и тутъ есть „неизвѣстное“ по содержанію и „неизвѣстное“ по формѣ, такъ что вмѣсто установленной авторомъ системы перехода отъ извѣстнаго содержанія къ неизвѣстной формѣ на дѣлѣ мы видимъ нѣчто совершенно иное: отъ извѣстнаго содержанія (беремъ точку зрѣнія автора: съ нашей точки зрѣнія анализъ содержанія относится къ области „неизвѣстнаго“) мы переходимъ (не прямо, а послѣ формальнаго анализа) къ неизвѣстному содержанію (синтезъ содержанія) и отъ извѣстной формы (формальный анализъ) переходимъ (опять не прямо) къ неизвѣстной формѣ (формальный синтезъ).

Въ основу синтеза авторъ кладетъ „законъ постепенной ясности“, который заключается въ томъ, что „новыя познанія должно сообщать ученику не массами, но постепенно и, такъ сказать, отсчитывая ихъ“[1]). И „прежде всего учитель и ученикъ должны вполнѣ ясно сознавать, на какія части распадается тотъ сложный матеріалъ, съ которымъ имъ предстоитъ

[1]) Авторъ приписываетъ открытіе этого закона Ратихію. Но правило: Nicht mehr denn einerley auf einmahl у Ратихія сводится къ тому, что не должно одновременно читать болѣе одного древняго автора; преподаваніе же у него основано какъ разъ на обратномъ пріемѣ: онъ рекомендуетъ сначала пересказать всего Теренція, затѣмъ перевести дословно всего Теренція, еще разъ перевести, въ четвертый разъ приняться съ самаго начала, но уже положивши рядомъ грамматику, и т. д.

знакомство". Конечно, учитель долженъ имѣть систему, но какъ будетъ „сознавать" ее ученикъ, который не знаетъ еще ни одного элемента, входящаго въ нее? какъ можно знать цѣлое, не зная ни одной его части? Затѣмъ „изъ сложнаго матеріала отчетливо выдѣляется одна только часть", и „ученикъ долженъ возможно глубже вникнуть въ содержаніе одной лишь этой части", затѣмъ уже изученная часть „вновь приводится въ связь съ цѣлымъ", такъ что „поочередно сосредоточиваясь на отдѣльныхъ частяхъ и затѣмъ опять возстановляя ихъ связь съ другими, мы постепенно знакомимся съ цѣлымъ". Усвоенныя части образуютъ въ сознаніи „непрерывную цѣпь представленій", „ряды представленій" воспроизводятся „такою же цѣпью, какою легли въ нашу память", и вся задача учителя сводится такимъ образомъ къ тому, чтобы уложить представленія въ видѣ прочной цѣпи. Авторъ добавляетъ, что этотъ законъ необходимъ и на всѣхъ другихъ степеняхъ методическаго круга (для чего же тогда считать его основой синтеза?). Цѣнность этихъ теоретическихъ положеній зависитъ отъ отвѣта на вопросъ: какъ довести ученика „до полной ясности пониманія" каждой отдѣльной части? какъ добиться составленія прочной цѣпи? Авторъ не предлагаетъ ничего иного кромѣ повторенія, этой излюбленной педагогами панацеѣ отъ всякихъ золъ. Но это еще не бѣда: „каждый рядъ представленій", добавляетъ онъ, „долженъ быть повторяемъ въ разнообразныхъ измѣненіяхъ". Такимъ образомъ для упроченія цѣпи представленій предлагается средство, радикально разрушающее связь между звеньями: чтобы закрѣпить элементы въ извѣстномъ ряду, нужно по возможности ихъ перемѣшивать!

Переходя къ практической части, мы прежде всего встрѣчаемся съ вопросомъ, можетъ ли въ самомъ дѣлѣ синтезъ содержанія предшествовать формальному синтезу, можно ли переводить, не разбирая текста. На первыхъ порахъ обученія переводъ дѣлается по словарю, въ которомъ всѣ „слова переведены въ томъ же порядкѣ и въ той же формѣ, въ какихъ встрѣчаются въ разбираемыхъ статьяхъ", — иначе говоря, ученикамъ дается готовый подстрочный переводъ. Впрочемъ авторъ, кажется, думаетъ, что ученики и сами участвуютъ въ составленіи перевода (когда нѣтъ указаннаго словаря). Дано

заглавіе: „Ворона и кувшинъ — Cornix et urna“. „Изъ заглавія“, говоритъ онъ, „можно догадаться, что ворона, о которой будетъ рѣчь, находитъ кувшинъ“, т.-е. что слово reperit значитъ „находитъ“. Но есть ли тутъ хоть малѣйшее логическое основаніе сказать, что reperit значитъ не „увидѣла“, не „опрокинула“, не „испугалась“, не „замѣтила“, а именно „находитъ“? „Что было въ кувшинѣ?“ спрашиваетъ учитель, и авторъ увѣряетъ, что ученики не скажутъ „квасъ“, „молоко“, „ничего“, а непремѣнно догадаются, что въ немъ была вода и что, значитъ, aqua = вода. „Воды было немного“... „встрѣчается другое затрудненіе. Отгадайте!“ Но кто же угадаетъ? На свѣтѣ бываютъ цѣлыя тысячи непредвидѣнныхъ затрудненій... Такія-то упражненія авторъ называетъ переводомъ „путемъ догадки“. Переводъ у автора сопровождается пространными объясненіями, въ такомъ родѣ: „Urna erat profunda, поэтому ворона не могла далеко всунуть головы — другой бы (?) такъ и ушелъ и оставилъ кувшинъ въ покоѣ; но ворона чувствуетъ сильную жажду, а бѣда, какъ говорится, деньгу родитъ. Ворона дѣлаетъ опытъ“, — тутъ только переводится слѣдующее слово. Какая неблагодарная задача — басню, состоящую изъ пяти всего строчекъ, пересказать такъ, чтобы вышла цѣлая печатная страница!

При первой же статьѣ мы встрѣчаемъ такую неожиданную приписку: „въ слѣдующихъ басняхъ синтезъ содержанія опущенъ, во избѣжаніе лишнихъ повтореній“. Мы только что дошли до капитальнѣйшаго пункта всего метода, и вдругъ авторъ заявляетъ, что этотъ пунктъ онъ считаетъ нужнымъ пропустить. Мы не знаемъ, какихъ онъ боится повтореній, какъ отъ готоваго, даннаго учителемъ перевода перейти къ такому переводу, который былъ бы результатомъ умственной работы самихъ учениковъ, не знаемъ, какъ возможно переводить безъ формальнаго изученія текста. Съ одной стороны, разборъ составляетъ у автора часть формальнаго синтеза, т.-е. происходитъ послѣ окончательнаго уже перевода. Когда переводъ дается учителемъ, то вполнѣ естественно разборъ дѣлать послѣ, основываясь на самомъ переводѣ. Но съ другой стороны, авторъ говоритъ о необходимости „переводить по конструкціи“, когда ученики пріобрѣтутъ уже нѣкоторое знаніе этимологическихъ

формъ. „Конструктивный методъ“, по его словамъ, пріучаетъ „разсматривать каждую мысль и ея части на основаніи общихъ законовъ“. Изъ этого, кажется, можно заключить, что подъ конструкціей онъ разумѣетъ не разстановку словъ, какъ это обыкновенно разумѣютъ, а синтаксическій разборъ. Значитъ, и онъ сознаетъ, что нельзя переводить безъ предварительнаго или совмѣстнаго синтаксическаго разбора. Странно только, что для этого главнѣйшаго момента при изученіи текста въ его многоразрядной системѣ не нашлось даже особаго мѣста: синтаксическій разборъ, лежащій въ основѣ всей работы, направленной къ уразумѣнію текста, остался внѣ рубрикъ и входитъ, какъ нѣчто добавочное, то въ формальный синтезъ, то въ синтезъ содержанія, хотя и не можетъ быть отнесенъ къ области содержанія. Есть и еще очень важное затрудненіе. Если переводъ долженъ предшествовать формальному синтезу, т.-е. ознакомленію съ новыми формами, то какъ же ученики смогутъ перевести тѣ формы, которыя еще не изучены? Правда, когда ученики станутъ переводить болѣе или менѣе самостоятельно, такихъ новыхъ формъ въ текстѣ будетъ немного; но если въ цѣлой статьѣ встрѣтилась хоть одна незнакомая форма, напр. превосходная степень, ученикъ все таки не сумѣетъ перевести ее, если не проходилъ еще степеней сравненія. Не всякую форму можно угадать на основаніи остальныхъ, извѣстныхъ формъ данной фразы или статьи; угадать, и то съ большимъ рискомъ, можно только то, что вытекаетъ изъ синтаксической зависимости словъ другъ отъ друга: падежъ имени можно угадать по глаголу, но числа нельзя, потому что число не обусловливается синтаксическою связью словъ, а такъ какъ число есть необходимая функція всякаго склоняемаго слова, то во все время изученія склоненій всякую новую форму ученику придется переводить наобумъ, и онъ постоянно станетъ ошибаться; то же можно сказать о степеняхъ, о времени и т. д. Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ переводъ придется дѣлать учителю; мы не говоримъ уже о тѣхъ формахъ и оборотахъ, которые представляютъ по своему строенію большія отступленія отъ русскаго языка: странно ожидать, что ученикъ, не знакомый съ abl. abs., сумѣетъ перевести этотъ оборотъ.

Формальный синтезъ — это собственно и есть изученіе грам-

матики. Для ознакомленія съ нимъ остановимся на первой баснѣ. Учитель предлагаетъ около сотни различныхъ вопросовъ, даетъ цѣлый рядъ опредѣленій и обобщеній: ученики узнаютъ, что такое заглавіе, наклоненіе, залогъ, пояснительныя слова, краткое предложеніе, склоненіе, противительный союзъ и т. д. Все это, прежде всего, не есть нѣчто „новое“: это тотъ же формальный анализъ. Эти категоріи вытекаютъ изъ законовъ не языка, а логики: нельзя сказать, что при такомъ разборѣ законы одного языка сравниваются съ законами другого. Притомъ же мы дѣлаемъ выводы вовсе не изъ латинскихъ словъ, а изъ русскихъ, данныхъ при переводѣ: латинскій текстъ даетъ только новые звуки, а все логическое содержаніе почерпается изъ соотвѣтственныхъ русскихъ словъ. Но страннѣе всего дѣлать опредѣленія. Если всѣ эти категоріи усвоены уже на урокахъ русскаго языка, то для чего дѣлать эти выводы, что залогомъ называется то-то, слитнымъ предложеніемъ то-то и т. д.? неужели по одному слову можно было бы понять, что̀ такое залогъ, что̀ такое наклоненіе? Автору поневолѣ приходится дѣлать опредѣленія формальныя, т.-е. основываться не на сути дѣла, а на словопроизводствѣ терминовъ: tentat есть изъяв. н., потому что „этимъ словомъ прямо заявляется (!), что̀ дѣлаетъ предметъ“; пояснительныя слова это тѣ, „которыми данная мысль болѣе поясняется“; опредѣленіе это то, что̀ „передаетъ съ большею опредѣленностью“, а страд. з. означаетъ „состояніе“ предмета! Что вышло бы, если бы учитель русскаго языка сталъ пробавляться подобными наивными опредѣленіями... Самые вопросы иной разъ вызываютъ одно недоумѣніе: „что выражаетъ reperit“? (нужно отвѣтить: „выражаетъ то, что̀ предметъ дѣлаетъ“!); имѣемъ urna и urnam: „какъ называется такое (!) измѣненіе въ русскомъ языкѣ“? и т. п. Кромѣ всего этого затрогивается масса такихъ категорій, которыя не только не нужны для пониманія текста, но мало значенія имѣютъ и въ общемъ курсѣ грамматики, какъ напр. дѣленіе нарѣчій и союзовъ по значенію. Среди грамматическихъ опредѣленій сообщается, конечно, кое-что и новое[1]).

---

[1]) Первые опыты и тутъ неудачны: „Какой падежъ in urna? Въ русскомъ языкѣ *этотъ* (!) падежъ называется предложнымъ“... „Мы говоримъ: ворона приближается къ кувшину, а по-латыни безъ предлога — urnae. Угадайте, *почему*,

Въ дальнѣйшихъ статьяхъ грамматическихъ опредѣленій гораздо меньше, но все-таки формальный синтезъ не оправдываетъ того опредѣленія, которое далъ ему авторъ: кромѣ новыхъ свѣдѣній въ него постоянно входитъ разборъ и повтореніе, а также упражненія въ образованіи новыхъ формъ отъ другихъ аналогичныхъ словъ. По закону апперцепціи новыя знанія нужно выводить изъ прежнихъ, уже усвоенныхъ. Такимъ образомъ грамматическія правила приходится основывать или на данномъ предварительно переводѣ или на томъ запасѣ грамматическихъ свѣдѣній, который уже усвоенъ учениками; если же невозможенъ ни тотъ ни другой путь, то остается прибѣгнуть къ догматическому методу. Если мы основываемся на русскомъ переводѣ, то разсужденія наши совершаются по такой формулѣ: если „волки" соотвѣтствуетъ слову lupi и если „волки" им. мн. ч., то и lupi — им. мн.; если lupi оканчивается на i и есть вмѣстѣ съ тѣмъ им. п. мн. ч., то, значитъ, им. мн. ч. оканчивается на i. Спрашивается, насколько логически цѣнны эти два умозаключенія; можно ли распространить эту формулу и на другіе случаи? Далеко нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ первомъ умозаключеніи меньшая посылка предполагаетъ тождество формъ lupi и „волки", но это тождество — явленіе случайное: падежъ и число латинскихъ словъ далеко не всегда совпадаютъ съ падежемъ и числомъ русскаго слова. Вся латинская грамматика, а особенно синтаксисъ, и есть не что иное, какъ изученіе тѣхъ случаевъ, гдѣ падежъ, число, родъ, склоненіе, время, залогъ, наклоненіе латинскаго слова не совпадаютъ съ соотвѣтствующими категоріями русскихъ словъ; если бы категоріи двухъ языковъ при переводѣ совпадали всегда, то не существовало бы двухъ отдѣльныхъ грамматикъ. Такимъ образомъ мы прежде всего изъ детальнаго знакомства со всей грамматикой должны убѣдиться, можетъ ли быть въ данномъ случаѣ совпаденіе категорій, но тогда наше умозаключеніе превращается въ petitio principii или простую тавтологію. Въ школьной практикѣ предварительный вопросъ о совпаденіи категорій рѣшается учителемъ, который только тогда и предлагаетъ ученику сдѣлать указанное нами умозаключеніе, когда категоріи должны совпа-

какой падежъ urnae!" Основаніе для угадыванія одно — это русскій дат. п.; и выходитъ, что дат. urnae стоитъ потому, что „къ" требуетъ дат....

дать. Такимъ образомъ ученикъ выходитъ изъ ложнаго принципа, что категоріи русскаго слова должны всегда совпадать съ категоріями латинскаго, и не ошибается онъ только потому, что учитель, безъ его вѣдома, искусственно направляетъ его, наталкивая на указанное умозаключеніе только тамъ, гдѣ оно возможно. Второе умозаключеніе тоже далеко не такъ цѣнно, какъ можетъ показаться съ перваго раза. Изъ двухъ посылокъ: „lupi оканчивается на i“, „lupi есть им. п. мн. ч.“, нельзя сдѣлать вывода, что им. п. мн. оканчивается на i. Логика допускаетъ въ этомъ случаѣ не общее заключеніе, а только частное, т.-е. „нѣкоторые имен. падежи мн. ч. оканчиваются на i“. Такимъ образомъ ученикъ узнаетъ, что въ им. п. мн. ч. бываетъ иногда окончаніе i, а гдѣ и часто ли это бываетъ, это остается неизвѣстнымъ. Мало того: такъ какъ слова „нѣкоторые“, „иногда“ совершенно не опредѣляютъ объема понятія, то съ полною вѣроятностью ученикъ можетъ сдѣлать заключеніе только о томъ случаѣ, который указывается въ посылкахъ, т.-е. о словѣ lupi.

Далеко не всегда можно основывать новыя грамматическія свѣдѣнія и на томъ запасѣ грамматическаго матеріала, который уже усвоенъ учениками. Мы говоримъ о запасѣ матеріала изъ латинской грамматики, потому что основываться на свѣдѣніяхъ изъ русской грамматики это и значило основываться на русскомъ переводѣ. Если ученики усвоили, напр. латинское первое склоненіе, то изъ этого запаса знаній мы никакъ не могли бы вывести окончаній второго, третьяго и т. д. склоненій. Всѣ склоненія, дѣйствительно, имѣютъ общія категоріи числа, падежа, рода, но эти категоріи суть общая логическая основа обоихъ языковъ; изучать латинскую грамматику значитъ изучать не эту основу, а тѣ отличія, которыя развились, несмотря на общность основы; знать второе склоненіе значитъ знать окончанія этого склоненія, а они вовсе не вытекаютъ изъ общей логической основы, не вытекаютъ изъ понятія о числѣ, падежѣ или родѣ. Между каждымъ новымъ окончаніемъ и прежними существуетъ не отношеніе сходства, а отношеніе различія. Если мы указываемъ иногда сходство двухъ какихъ-нибудь окончаній въ разныхъ падежахъ и склоненіяхъ, то это указаніе есть просто мнемоническое средство, которое вовсе не даетъ права заключать, что одно окончаніе зависитъ отъ другого.

Такимъ образомъ выходитъ, что новыя знанія приходится почти всегда сообщать догматически и выводъ ихъ изъ прежнихъ знаній оказывается призрачнымъ[1]).

Таковъ у автора формальный синтезъ. Предварительныя разсужденія автора о необходимости „вникать“ и „сосредоточивать все вниманіе“ ученика на каждой отдѣльной части, связывать части съ цѣлымъ, скрѣплять представленія въ ряды, осталось, какъ видимъ, безъ всякаго приложенія къ дѣлу. Умѣстно-ли тутъ толковать объ углубленіи и доведеніи до полной ясности, когда весь синтезъ представляетъ вопіющее противорѣчіе всему этому, когда по поводу самой маленькой статейки рѣшается цѣлая сотня вопросовъ, когда отъ одного слова сейчасъ же переходимъ къ слѣдующему и къ каждому пристегиваемъ по особому правилу, когда каждая строчка текста вызываетъ цѣлый рядъ не связанныхъ другъ съ другомъ правилъ и знакомитъ съ совершенно различными формами. Впрочемъ и самъ авторъ черезъ нѣсколько страницъ послѣ разсужденій объ углубленіи и сосредоточиваніи сообщаетъ, къ немалому удивленію, что при образованіи новыхъ рядовъ представленій „задача обученія заключается въ томъ, чтобы возможно скорѣе придать каждому ряду представленій систематичность и законченность“.

Подводя итогъ всему вышесказанному, мы видимъ, что изученіе грамматики до сихъ поръ сводится къ тому, что по поводу тѣхъ или иныхъ словъ текста ученикамъ сообщаются новыя формы и правила. Было бы наивно думать, что этого достаточно для усвоенія грамматики и умѣнья ею пользоваться. И вотъ на помощь являются еще три степени: ассоціація, система и функція.

Ассоціація это примѣненіе выведеннаго при синтезѣ закона къ новому матеріалу, „чтобы убѣдиться на дѣлѣ, что законъ этотъ остается неизмѣннымъ и въ другихъ соединеніяхъ“. Авторъ различаетъ два вида ассоціаціи. Берутся два примѣра на одно и то же правило. При ихъ сравненіи„ разнородныя пред-

[1]) Вотъ примѣръ такихъ призрачныхъ выводовъ. Нужно доказать, что имена на us муж. рода, и авторъ дѣлаетъ это такъ: „какого рода сущ. asinus, смотря по его значенію? Какимъ окончаніемъ выражается муж. р. въ им. прил. aegrotus? Итакъ, окончаніе us служитъ у этихъ словъ признакомъ муж. рода“. Но кто же опредѣляетъ родъ слова asinus по значенію? Для чего нужно окончаніе us, если родъ уже опредѣленъ по значенію? Неужели родъ по значенію всегда совпадаетъ съ родомъ по окончанію?

ставленія вытѣсняютъ другъ друга", „общее же остается и становится тѣмъ яснѣе"[1]) (немного ниже авторъ даже такъ выражается: „приведенные примѣры уничтожаются взаимно"). Опредѣляя второй видъ ассоціаціи, авторъ считаетъ возможнымъ утверждать совершенно противоположное: тутъ тоже берутся два примѣра съ одинаковыми элементами и съ противоположными, но оказывается, что „каждое изъ противоположныхъ представленій, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, выступаетъ въ сознаніи съ полною силою, такъ какъ не затемняется другимъ". Далѣе оказывается, что примѣры можно заимствовать „не только изъ другихъ частей синтеза, но и изъ анализа"; но какъ же очутились въ анализѣ примѣры на правило, изученное только при синтезѣ? вѣдь анализъ есть повтореніе извѣстнаго, а новое правило сообщено было уже послѣ анализа, при синтезѣ. Но и этого мало: авторъ предлагаетъ ученикамъ „составлять свои комбинаціи", свои фразы и даже толкуетъ о „творческой дѣятельности и воображеніи"; но не слишкомъ ли смѣло будетъ поручать ученикамъ составлять примѣры на правила, которыя только еще нужно вывести изъ этихъ ожидаемыхъ примѣровъ? Впрочемъ и это основное положеніе автора, что „посредствомъ ассоціаціи выдѣляется" законъ, на дѣлѣ не оправдывается: всѣ законы были выдѣлены еще при синтезѣ и притомъ безъ помощи сравненій, изъ единичныхъ примѣровъ.

Обращаясь отъ этихъ противорѣчій къ практической части книги, мы подъ рубрикой „ассоціація" находимъ не что иное, какъ простыя фразы, составленныя изъ усвоенныхъ раньше словъ и на усвоенныя въ синтезѣ правила. Это и есть тотъ суррогатъ, которымъ восполняется недостатокъ данныхъ, представляемыхъ связною статьею. При новомъ методѣ пришлось прибѣгнуть къ тѣмъ самымъ средствамъ, на которыхъ основанъ былъ прежній методъ. Подъ громкимъ заглавіемъ „ассоціація" оказались такія же и даже болѣе безсодержательныя

---

[1]) Авторъ прибавляетъ, что взаимно подавленныя представленія „не исчезаютъ", а „только находятся подъ порогомъ сознанія и во всякое время могутъ быть опять подняты въ сознаніе". Какъ хорошо было бы, если бы ученики дѣйствительно обладали этой чудесной способностью никогда не забывать ни одного переведеннаго примѣра!

фразы, чѣмъ тѣ, къ которымъ мы привыкли въ прежнихъ хрестоматіяхъ. Но это еще не все: авторъ вдругъ сталъ доказывать, въ противорѣчіе всей своей системѣ, что содержаніе не важно, что оно „удаляетъ насъ отъ прямой цѣли", что послѣ синтеза мы должны „имѣть въ виду только одну форму". Такимъ образомъ онъ сталъ отрицать даже тотъ основной принципъ, которымъ и былъ вызванъ цѣлый новый методъ. Этими-то безсодержательными фразами онъ думаетъ развить „творческую дѣятельность", „воображеніе" и „эстетическое чувство" и даже научить „думать на иностранномъ языкѣ"!

Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что разъ въ основу обученія положенъ связный текстъ, разъ признана одинаковая важность и неразрывная связь формы и содержанія, то никакихъ суррогатовъ не должно быть. Фразы прибавлены для того, чтобы пополнить недостатокъ примѣровъ на изучаемыя правила, но это можно было бы сдѣлать и съ помощью новыхъ связныхъ статей. Конечно, это было бы гораздо труднѣе. Сборники статей, какъ и сборники фразъ, должны удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ: 1) чтобы примѣровъ для упражненій было совершенно достаточно, 2) чтобы слова были наиболѣе употребительныя и 3) чтобы они встрѣчались возможно чаще и въ различныхъ сочетаніяхъ. Давать ученику съ каждой новой строкой текста все новыя и новыя слова вовсе не значитъ обогащать его запасомъ словъ: умственнымъ запасомъ они дѣлаются только тогда, если часто повторяются и притомъ не по тетради или словарю, а въ текстѣ. Задача составителя хрестоматій — всякую послѣдующую статью приноровить къ предыдущимъ, такъ чтобы формы и слова повторялись по нѣскольку разъ и въ различныхъ сочетаніяхъ. Послѣднее достигается не повтореніемъ содержанія, такъ какъ новая комбинація словъ даетъ и новое содержаніе, а подборомъ наиболѣе простыхъ и употребительныхъ словъ и выраженій.

На слѣдующей за ассоціаціей ступени, которую авторъ называетъ системой, выведенное при синтезѣ правило „изолируется окончательно"; для этого оно формулируется по возможности коротко и отмѣчается въ учебникѣ или записывается въ тетрадь, при чемъ авторъ предпочитаетъ послѣднее. Но такъ какъ правило, по словамъ самого автора, все-таки „въ душѣ всегда

остается связаннымъ съ единичными явленіями", такъ какъ при правилѣ приводятся и записываются и примѣры, а краткая формулировка обязательна не только здѣсь, но и гдѣ бы то ни было, то выходитъ, что система есть не что иное, какъ простое повтореніе выведенныхъ при синтезѣ правилъ, сопровождаемое записываніемъ ихъ или помѣткою въ учебникѣ. Функція есть опять повтореніе, при чемъ повторяются или одни правила, или „прежнія упражненія" съ видоизмѣненіями, или наконецъ берутся новые примѣры на прежнія правила[1]).

Таковъ у автора методическій кругъ, ведущій къ усвоенію грамматики практическимъ путемъ. Авторъ называетъ свой методъ психологическимъ. Мы видѣли, насколько оправдались на дѣлѣ его психологическія положенія. Другіе такое попутное изученіе грамматики на связномъ текстѣ называютъ индуктивнымъ методомъ. Предыдущія наши соображенія достаточно даютъ намъ матеріала, чтобы указать роль индукціи въ подобномъ методѣ.

Индукція можетъ быть полной и неполной и только первая ведетъ къ несомнѣнному и рѣшительному заключенію. Изъ двухъ видовъ полной индукціи первый имѣетъ мѣсто тогда, когда намъ извѣстны безусловно всѣ единичные предметы или явленія даннаго рода: заключеніе въ этомъ случаѣ есть какъ бы краткое резюме того, что уже есть въ посылкахъ. Полная индукція перваго вида и есть тотъ путь, которымъ въ теченіе вѣковъ, трудами многихъ ученыхъ, составлена лежащая передъ нами латинская грамматика. Другіе способы установленія несомнѣнныхъ положеній и законовъ тутъ были совершенно неприменимы; тутъ не играла никакой роли не только дедукція, но даже полная индукція второго вида, основанная на идеѣ причинности, на убѣжденіи въ общности законовъ для всѣхъ явленій той или иной области. Оставляя въ сторонѣ логическую основу языка, мы должны замѣтить, что чисто-грамматическіе его законы далеко не имѣютъ той общности, которою отличаются напр. законы логики или природы. Когда мы наблюдаемъ явленія природы, то часто достаточно бываетъ немно-

[1]) Напрасно авторъ думаетъ, что эти упражненія отличаются отъ ассоціаціи, гдѣ ученики руководствовались будто бы „однимъ лишь чутьемъ языка". Какое ужъ у первоклассниковъ можетъ быть чутье языка, совершенно имъ еще незнакомаго!

гихъ случаевъ, чтобы установить между явленіями причинную связь и въ силу этого распространить усмотрѣнный законъ на всѣ безъ исключенія однородные случаи. Но въ области языка совсѣмъ не то: сколько бы разъ мы ни наблюдали, что, напр., слова на *us* имѣютъ въ тв. *o*, мы все-таки не будемъ въ правѣ вывести законъ, что слова на *us* имѣютъ въ тв. *o*. Это происходитъ оттого, что между окончаніями *us* и *o* нѣтъ никакой причинной связи. Мало того: окончаніе *o* есть совершенная случайность для тѣхъ или иныхъ словъ на *us*. Грамматика даетъ „правило", что слова на *us* второго склоненія имѣютъ въ тв. *o*; но подобное правило не имѣетъ никакого логическаго значенія и есть простая тавтологія. Что такое-то слово на *us* — второго склоненія, это только и можно узнать по другому данному падежу того же слова, напр. по твор.: у насъ получается кругъ въ доказательствѣ. Такимъ образомъ, если мы имѣемъ слово на *us* и не имѣемъ другихъ падежей отъ него, то мы совершенно лишены возможности знать, какое у него будетъ окончаніе въ тв.— *o*, *e* или *u*: при каждомъ отдѣльномъ словѣ намъ придется отдѣльно запоминать его окончаніе въ тв. п. Въ грамматикахъ для отличія склоненій указываютъ обыкновенно род. п., но конечно все сказанное нами о тв. п. вполнѣ примѣнимо и къ род. и ко всякому другому. Но и двѣ падежныя формы отъ слова на *us* не даютъ еще намъ достаточнаго логическаго основанія утверждать, что данное слово будетъ слѣдовать тому однообразію явленій, которое извѣстно въ грамматикахъ подъ именемъ схемы склоненій. Доказательствомъ этого служитъ масса такъ называемыхъ исключеній. Въ сферѣ напр. явленій природы исключенія суть только кажущаяся непослѣдовательность по сравненію съ закономъ, которая не отвергаетъ, а подтверждаетъ законъ. Въ области же формальной грамматики всякое исключеніе имѣетъ такую же логическую законность, какъ и самое правило: для окончанія *im* въ вин. п. 3-го склоненія столько же логическихъ основаній, сколько и для окончанія *em*. Грамматическія исключенія и суть тѣ отрицательныя инстанціи (instantiae contradictoriae), которыя отнимаютъ всякое значеніе у индуктивнаго заключенія разбираемаго нами вида.

Такимъ образомъ грамматика составлена исключительно путемъ полной индукціи перваго вида. Какой же видъ индукціи

примѣнимъ въ школьной практикѣ, при изученіи грамматики? О примѣненіи полной индукціи перваго вида, конечно, не можетъ быть и рѣчи, но полная индукція второго вида тоже, какъ мы видѣли, неприменима къ выводу грамматическихъ законовъ. Остается неполная индукція черезъ простое перечисленіе, дающая заключенія условныя и проблематическія. Цѣнность такихъ заключеній прямо пропорціональна числу наблюдаемыхъ случаевъ, но и огромное число случаевъ не даетъ несомнѣннаго заключенія. „Наведеніе при помощи простого перечисленія", говоритъ Бэконъ, „есть способъ дѣтскій и заключаетъ шатко, подвергаясь опасности отъ противорѣчащихъ случаевъ; обыкновенно оно заключаетъ на основаніи меньшаго числа случаевъ, чѣмъ слѣдуетъ, — на основаніи находящихся подъ рукою». Въ обыденной жизни для большинства людей это единственный способъ доказательства. Этимъ способомъ выводятся всѣ положенія, основанныя на такъ-называемомъ здравомъ смыслѣ, всѣ обычныя обобщенія, касающіяся общества и людей. Неполная индукція черезъ простое перечисленіе есть наиболѣе распространенный источникъ всякаго рода человѣческихъ заблужденій. Ею порождены всевозможные предразсудки, предубѣжденія, суевѣрія, всевозможные ложные взгляды на явленія природы и человѣческой жизни. Этимъ грубымъ и небрежнымъ способомъ обобщенія пользуются обыкновенно неразвитые люди, которые не умѣютъ сравнивать, отдѣлять существенное отъ несущественнаго и доискиваться причинъ. Точная и послѣдовательная умственная работа здѣсь замѣняется легкомысленнымъ выводомъ изъ того только матеріала, который случится подъ рукою. Чѣмъ меньше подъ рукою такого матеріала, тѣмъ легкомысленнѣе выводъ, и верхомъ легкомыслія будетъ выводить правило изъ одного-двухъ случаевъ. Изъ предыдущаго обзора индуктивнаго метода мы видѣли, что латинскій текстъ даетъ здѣсь примѣръ, а изъ этого примѣра ученикъ долженъ вывести грамматическое правило. Это самый грубый видъ индукціи, какой только можно представить, потому что здѣсь нѣтъ даже никакого обобщенія, а прямо конкретная случайность принимается за законъ; для обобщенія, т.-е. сравненія и вывода общаго элемента, нужно имѣть по меньшей мѣрѣ два предмета или случая, а къ одному случаю логически непримѣнимы самыя

понятія „сравнивать“ и „обобщать“. Выводъ правила изъ одного примѣра основывается на положеніи, что всякое попавшее подъ руку грамматическое явленіе есть общій законъ для всего состава даннаго языка. Но это, очевидно, полный абсурдъ. Если бы ученикъ дѣйствительно дѣлалъ выводы, то, встрѣтивши род. horti, онъ вывелъ бы законъ, что всѣ слова латинскаго языка оканчиваются въ род. на i; встрѣтивши ср. р. мн. ч. vetera, долженъ бы убѣдиться, что всѣ латинскія слова или, по крайней мѣрѣ, всѣ прилагательныя оканчиваются въ ср. р. мн. ч. на *a*. Намъ возражаютъ: „но онъ выводитъ правило подъ руководствомъ учителя“. Конечно. Ученикъ хочетъ вывести правило, что латинскія слова въ род. оканчиваются на *i*, но учитель руководитъ имъ и добавляетъ „слова второго склоненія“, а мы уже видѣли, что значитъ это добавленіе: второе склоненіе узнается по окончанію *i* въ род. п., слѣд. *i* въ род. имѣютъ только тѣ слова, которыя имѣютъ въ род. *i*... Въ концѣ концовъ ученикъ только то и узнаетъ, что данное слово оканчивается на *i* и что есть какое-то невѣдомое „второе склоненіе“, къ которому принадлежатъ какіе-то неизвѣстныя слова. Ученикъ хочетъ вывести правило, что прилагательныя имѣютъ въ ср. мн. ч. окончаніе *a*, а учитель исправляетъ, указывая, что прилагательныя 3-го скл. *не* имѣютъ окончанія *a*. Выводъ ученикомъ правилъ „подъ руководствомъ учителя“ сводится къ тому, что ученикъ на каждомъ шагу дѣлаетъ ложныя обобщенія, а учитель на каждомъ шагу исправляетъ его, указывая, что правило распространяется не на всѣ однородные случаи, а только на нѣкоторые, которые онъ обнимаетъ терминами „такое-то склоненіе“, „такое-то спряженіе“. Но вѣдь, пока не изучены эти склоненія и спряженія, пока ученикъ не знаетъ, каковы падежныя окончанія даннаго склоненія и какія относятся къ нему слова, термины эти представляютъ vox insignificans и не имѣютъ для ученика никакого резоннаго содержанія. Такимъ образомъ поправка учителя, ограничивая выводъ ученика, но, не ставя точныхъ границъ, уничтожаетъ этимъ самымъ все значеніе вывода; для ученика остается несомнѣннымъ только наблюдаемый имъ фактъ, а неопредѣленное указаніе, что фактъ этотъ иногда можетъ повторяться, безъ знанія, гдѣ и когда онъ повторяется, не имѣетъ для ученика

никакого значенія и ничуть не расширяетъ его свѣдѣній. Когда явленія подчиняются не одному единообразію, а нѣсколькимъ частнымъ единообразіямъ (склоненія и спряженія), то обобщеніе возможно только въ томъ случаѣ, если мы предварительно знакомы со всей схемой этихъ единообразій. Кромѣ того, при изученіи грамматики мы встрѣчаемъ массу явленій, стоящихъ совершенно особнякомъ и не подходящихъ ни подъ одно единообразіе: сюда относятся всевозможныя исключенія, многія правила объ употребленіи падежей и т. д. Далѣе при изученіи грамматики встрѣчается масса явленій очень сложныхъ, такъ что ученикъ при всѣхъ усиліяхъ не могъ бы отличить въ нихъ существенное отъ несущественнаго; сюда относится большинство синтаксическихъ правилъ. Въ общемъ итогѣ „руководство" учителя при индуктивномъ методѣ почти вездѣ сводится къ тому, что правила даетъ учитель, а индукція ученика ограничивается тѣмъ, что онъ постоянно ошибается въ обобщеніяхъ. Да и цѣлесообразно ли пріучать ученика къ легкомысленнымъ выводамъ изъ одного или двухъ фактовъ? Неужели этотъ грубый пріемъ, постоянно ведущій къ заблужденіямъ, пригоденъ для того, чтобы дисциплинировать умъ и пріучать къ точному и правильному мышленію? Какая получилась бы смѣшная картина, если бы ученикъ изъ школы перенесъ впослѣдствіи этотъ способъ заключенія и въ свою жизнь и сталъ бы направо и налѣво сыпать авторитетными приговорами, выводя каждый изъ одного факта!

Но если въ высшей степени странна претензія на основаніи самаго ограниченнаго числа данныхъ и съ помощью самаго грубаго пріема мышленія „въ короткій срокъ учебнаго времени снова создать всю научную систему, на что ученымъ понадобилось много столѣтій"[1]), то какое же логическое значеніе остается за тѣмъ методомъ, который называютъ индуктивнымъ и при которомъ за примѣромъ слѣдуетъ правило? Значеніе довольно скромное: оно вполнѣ вытекаетъ изъ самаго логическаго понятія о примѣрѣ. Примѣръ логика никогда не считала доказательствомъ. Онъ служитъ не для вывода, а для нагляднаго разъясненія закона или правила. Въ примѣрѣ граммати-

[1]) На это разсчитываетъ авторъ разбираемой методики.

ческій законъ облеченъ въ конкретное содержаніе; чтобы выдѣлить это конкретное содержаніе, правило нужно знать a priori. Объ учителѣ, пожалуй, можно сказать, что онъ выводитъ законъ, но этотъ терминъ ничуть не указываетъ на тотъ процессъ, который называется индукціей. Учитель здѣсь беретъ законъ уже готовый, давно выведенный путемъ полной индукціи перваго вида и помѣщенный въ любомъ учебникѣ грамматики. Работа учителя сводится къ тому, что онъ знакомитъ учениковъ съ закономъ сначала въ конкретной формѣ, а потомъ, зная предварительно законъ въ его отвлеченномъ видѣ, отдѣляетъ существенное отъ случайнаго. Ученикъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы исполнить этой работы самостоятельно, потому что она основана на предварительномъ знаніи закона. При отдѣленіи существеннаго и случайнаго можетъ принять участіе и ученикъ, но это участіе по необходимости бываетъ совершенно пассивнымъ; онъ можетъ отвѣчать на руководящіе вопросы учителя, но при томъ только условіи, если эти вопросы такъ поставлены, что сами по себѣ предрѣшаютъ отвѣтъ. Само собою разумѣется, что онъ отвѣтитъ и на тѣ вопросы, гдѣ требуется не обобщеніе, а простое наблюденіе факта. Когда учитель, указывая, что неопр. 1-го оканчивается на *are,* спрашиваетъ, какого спряженія глаголъ ornare, то для отвѣта требуется простое наблюденіе факта, сопровождаемое самымъ элементарнымъ умозаключеніемъ.

Исключивши многія воображаемыя достоинства разбираемаго метода, мы легко увидимъ, что онъ немногимъ отличается отъ прежняго, который называютъ дедуктивнымъ. Предполагаютъ, что по прежнему методу сначала заучивались теоретическія правила, а потомъ уже они подкрѣплялись примѣрами. Но такое предположеніе можно объяснить развѣ только тѣмъ, что въ грамматикахъ и сборникахъ упражненій напечатаны сначала правила, а потомъ примѣры. Мы не думаемъ, чтобы сколько-нибудь опытный преподаватель считалъ себя когда-нибудь обязаннымъ постоянно держаться этого порядка. И прежде дѣло обыкновенно начиналось съ примѣровъ: сначала разбирались примѣры, а потомъ выяснялось изъ нихъ и правило. Вопросъ о порядкѣ имѣетъ значеніе только при изученіи сложныхъ правилъ, а при заучиваньи, напр., окончаній онъ является совер-

шенно празднымъ. Окончанія всегда и вездѣ изучались по парадигмамъ, а парадигма и есть конкретный примѣръ. Начнемъ ли мы изученіе съ парадигмы, съ фразы или съ связной статьи, процессъ изученія вездѣ будетъ въ сущности одинаковъ: вездѣ на конкретномъ примѣрѣ выясняется общее правило. Но зато будетъ огромная разница въ другомъ отношеніи.

Доселѣ мы говорили о процессѣ изученія отдѣльныхъ явленій языка. Но безсвязное изученіе огромной массы отдѣльныхъ явленій такъ же утомительно и безполезно, какъ изученіе числа оконъ или комнатъ въ каждомъ отдѣльномъ домѣ какого-нибудь большого города. Связь между отдѣльными элементами и явленіями языка бываетъ двоякая. Отдѣльныя слова связываются въ мысли и человѣческую рѣчь, отдѣльныя правила въ научную систему грамматики. Изученіе отдѣльныхъ словъ будетъ изученіемъ словаря, а не языка. Съ другой стороны, если мы выучили въ совершенномъ безпорядкѣ большое число правилъ, то они, во-первыхъ, не долго будутъ держаться въ памяти, а во-вторыхъ, не могутъ пойти въ практическое употребленіе, потому что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вмѣсто того, чтобы сразу обратиться къ извѣстному пункту системы и сразу найти въ немъ требуемое правило, придется сполна перебирать весь умственный запасъ ихъ, а безъ системы и перебрать ихъ сполна немыслимо. Безъ системы невозможна наука, но и усвоивать науку нельзя безъ системы.

Когда мы начинаемъ изученіе прямо съ парадигмъ, то изученіе сразу происходитъ въ научной системѣ, но зато тутъ совершенно нѣтъ смысловой связи между элементами языка: вмѣсто мыслей и связной рѣчи мы имѣемъ дѣло съ многократнымъ повтореніемъ одного и того же слова. Если же для изученія грамматики откроемъ первый попавшійся подъ руку связный текстъ и будемъ изучать грамматическія явленія по мѣрѣ перевода статьи, то мы будемъ имѣть смысловую связь между элементами языка, но зато совершенно не будемъ имѣть связи между изучаемыми правилами, потому что порядокъ изученія ихъ будетъ всецѣло зависѣть отъ порядка переводимыхъ словъ. Такимъ образомъ въ первомъ случаѣ есть связь между грамматическими явленіями, но нѣтъ связи между элементами рѣчи, связи смысловой; во второмъ случаѣ — наобо-

ротъ Но для изученія языка и грамматики необходима, какъ мы сказали, та и другая связь. Компромиссомъ между этими противоположностями доселѣ служили такъ называемыя фразы. Здѣсь, дѣйствительно, съ одной стороны слова, связаны по смыслу; съ другой, самые примѣры подобраны по группамъ на каждое извѣстное правило, и группы эти расположены примѣнительно къ грамматическо-научной системѣ. Но это кажущееся совмѣщеніе той и другой связи въ сущности не достигаетъ ни той ни другой цѣли. Расположеніе фразъ по группамъ и приноровленіе группъ къ грамматическо-научной системѣ не избавляетъ отъ необходимости систему изучать особо; а съ другой стороны, хотя слова соединены здѣсь въ предложенія, но предложенія эти все-таки не соединены въ связную человѣческую рѣчь, не говоря уже о томъ, что они часто не заключаютъ въ себѣ строго-опредѣленной мысли (фразы отличаются безсодержательностью), — такимъ образомъ и смысловая связь оказывается совершенно недостаточною.

Какъ же, спрашивается, совмѣстить безъ взаимнаго ущерба и смысловую связь и связь между грамматическими явленіями, которая выражается въ грамматическо-научной системѣ? которую изъ нихъ приспособить къ другой? Отвѣтъ можетъ быть одинъ. Смысловая связь можетъ быть самою разнообразною, а грамматическо-научная система (говоримъ объ общеупотребительной) одна; видоизмѣняющееся можно приноровлять къ неизмѣнному, но не наоборотъ. Парадигмы нельзя превратить въ связную рѣчь, но связную рѣчь можно приноровить къ грамматическо-научной системѣ. Въ этомъ приноровленіи лежитъ центръ тяжести всего метода; если текстъ не приноровленъ, то элементарное изученіе по нему грамматики невозможно. Если на десяти строкахъ мы встрѣтимъ десятки формъ изъ самыхъ разнообразныхъ отдѣловъ грамматики, то у насъ получится такой хаосъ единичныхъ явленій, общихъ понятій, категорій и терминовъ, въ которомъ мы ни въ какомъ случаѣ не сумѣемъ разобраться. Безъ выясненія родовыхъ понятій, категорій и терминовъ нельзя объяснить ни одного единичнаго факта, а единичный фактъ не дастъ содержанія ни одному родовому понятію. Въ слѣдующихъ десяти строкахъ мы встрѣтимъ не новое подтвержденіе усвоеннаго, а новый хаосъ единичныхъ

фактовъ и общихъ понятій. Съ каждой новой строкой будетъ накопляться масса несвязанныхъ мелочей, не ясно усвоенныхъ терминовъ, непонятныхъ общихъ понятій; чѣмъ дальше мы пойдемъ, тѣмъ больше будемъ удаляться отъ возможности внести въ этотъ хаосъ какой-нибудь порядокъ.

Подъ „системой“ въ разбираемой методикѣ разумѣлось повтореніе правилъ, выведенныхъ изъ той или иной статьи и приведенныхъ въ извѣстный порядокъ. Это, очевидно, не имѣетъ ничего общаго съ тою системою, о которой мы говоримъ. О грамматическо-научной системѣ авторъ ничего не говоритъ въ своей методикѣ. Это, впрочемъ, вполнѣ понятно: приноровленіе къ грамматическо-научной системѣ не относится къ искусству преподаванія, это дѣло не учителя, а составителя хрестоматіи. Если текстъ не приноровленъ, то учителю остается только замѣнить такую хрестоматію другою.

Принятая въ грамматикахъ система, конечно, представляетъ переходъ отъ простого къ сложному, отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному, но было бы излишнимъ педантизмомъ слѣдовать тому или иному учебнику грамматики даже въ мелочахъ. Такъ какъ классное изученіе латинской грамматики есть изученіе отличій ея отъ русской, то начинать естественнѣе всего съ такого текста и такихъ словъ и формъ, которые представляютъ меньше всего этихъ отличій. Странно было бы предлоги, союзы или нарѣчія изучать непремѣнно послѣ склоненій и спряженій; неизмѣняемыя части проще всего изучать, такъ какъ здѣсь изученіе сводится къ простому усвоенію латинскаго слова. Посредственное управленіе изучить легче, чѣмъ непосредственное (т.-е. безъ предлоговъ), единичныя въ своемъ родѣ мѣстоименія проще усвоить, чѣмъ склоненіе существительныхъ, четвертое и пятое склоненіе проще третьяго и т. д. Разъ начавши изученіе извѣстной схемы, необходимо конечно сейчасъ же довести его до конца, и было бы огромной ошибкой перепрыгивать отъ одного склоненія къ другому и снова возвращаться къ первому. Пока не наполнена одна схема, нѣтъ нужды переходить къ другой, слѣдующей за нею. Но съ другой стороны, ничто не мѣшаетъ изучать одновременно двѣ разнородныхъ схемы, напр. склоненіе и спряженіе. Больше двухъ параллельныхъ схемъ не должно брать; три—четыре схемы затрудняли бы уче-

ника въ распредѣленіи матеріала. Когда указаны всѣ элементы той или иной схемы, это не значитъ еще, что нужно переходить къ другой схемѣ. Ознакомленіе съ таблицей склоненія не даетъ еще прочнаго знанія: нужны кромѣ того достаточныя упражненія. Такимъ образомъ задача составителя — не только правильно распредѣлить матеріалъ, но и дать вполнѣ достаточное число примѣровъ для упражненія, которое должно слѣдовать тотчасъ же послѣ первоначальнаго усвоенія. Чѣмъ больше примѣровъ, тѣмъ легче выяснится правило, тѣмъ больше пріобрѣтутъ ученики навыка употреблять правило въ дѣло. Напрасно думаютъ, что изученіе грамматики по связному тексту избавляетъ отъ необходимости продолжительнаго упражненія въ однихъ и тѣхъ же правилахъ, которое прежде достигалось подборомъ и переводомъ цѣлыхъ параграфовъ фразъ на одно и то же правило. Нельзя научиться употребленію въ дѣло правилъ многократнымъ повтореніемъ одной и той же статьи[1]), т.-е. повтореніемъ однихъ и тѣхъ же конкретныхъ случаевъ.

Когда ученикъ окончилъ частичное изученіе извѣстнаго отдѣла грамматики, необходимо обратиться къ самому учебнику. Авторъ разбираемой методики рекомендуетъ записыванье въ тетрадь правилъ послѣ перевода каждой отдѣльной статьи. Но этимъ, конечно, мы никогда не достигнемъ усвоенія грамматическо-научной системы. Записать правило — дѣло не лишнее, но записывая факты по мѣрѣ усвоенія, мы не получимъ никакой схемы, а если приводить записанное въ порядокъ, по мѣрѣ выясненія схемы, то придется многократно переписывать одно и то же. Отдѣлы, для систематизаціи которыхъ придется обращаться къ учебнику грамматики, должны быть по возможности коротки; такимъ отдѣломъ, напр., должна быть не глава о склоненіи существительныхъ, а каждое склоненіе въ одиночку.

Надлежащимъ образомъ приноровленная статья будетъ заключать въ себѣ трояк аго рода матеріалъ: а) простѣйшія формы, не измѣняющіяся по категоріямъ или не требующія для своего усвоенія особыхъ правилъ, — сюда относятся: нарѣчія, предлоги, многіе союзы, такъ называемыя „начала“ всякихъ словъ, т.-е. формы, въ которыхъ слово стоитъ въ словарѣ, и др.,

[1]) Авторъ разбираемой методики чуть не десять разъ возвращается къ повторенію на пространствѣ одного методическаго круга.

б) примѣры на схемы и правила, пройденныя раньше, и в) примѣры на изучаемыя схемы. Въ плохо приноровленныхъ статьяхъ мы встрѣчаемъ кромѣ того много такого матеріала, который не относится ни къ проходимымъ, ни къ пройденнымъ схемамъ и правиламъ. Составители хрестоматій должны помнить, что это забѣганье впередъ во всякомъ случаѣ есть зло, и притомъ такое, которое нельзя назвать неизбѣжнымъ. Присутствіе формъ и примѣровъ, относящихся къ схемамъ и правиламъ, которыя будутъ пройдены только впослѣдствіи, указываетъ лишь на то, что на составленіе хрестоматіи положено мало труда. Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать съ этими попавшими не на свое мѣсто формами? Вполнѣ уяснить и усвоить ихъ нельзя, потому что пониманіе ихъ обусловлено знакомствомъ съ цѣлымъ рядомъ категорій и правилъ, относящихся къ совершенно иному, еще совсѣмъ незнакомому отдѣлу грамматики. Объясненіе же, сдѣланное мелькомъ и поверхностно, будетъ совершенно безполезнымъ и сейчасъ же забудется. Еще безполезнѣе заучиванье этихъ формъ безъ всякаго объясненія, съ однимъ готовымъ переводомъ. Лучшій исходъ — послѣ даннаго учителемъ перевода оставлять эти формы пока безъ вниманія, но и въ этомъ случаѣ получатся неестественные пробѣлы: такую латинскую рѣчь съ непонятными мѣстами нельзя даже назвать связною.

Таковъ индуктивный методъ. Вся суть здѣсь не въ новомъ пріемѣ вывода правилъ, а въ связномъ текстѣ. Но если изученіе грамматики по связному тексту представляетъ огромный шагъ впередъ сравнительно съ изученіемъ ея по безсодержательнымъ фразамъ или чисто теоретически, зато и связный текстъ долженъ подчиняться самымъ строгимъ условіямъ; если онъ этимъ условіямъ не удовлетворяетъ, то и самое изученіе грамматики по нему невозможно.

П. Первовъ.

II. ОБЗОРЪ КНИГЪ.

Э. Р. Штернъ. Новооткрытая Аѳинская политія Аристотеля. Одесса. 1892. (Оттискъ изъ II вып. „Лѣтописи Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ". 42 стр.)

Не смотря на то, что со времени открытія Аристотелевой *Ἀϑηναίων πολιτεία* прошелъ всего годъ съ небольшимъ, объ этомъ трактатѣ уже имѣется обширная литература. И у насъ, въ Россіи, знаменитая находка обратила на себя вниманіе. Изъ посвященныхъ ей на русскомъ языкѣ работъ, по тщательному знакомству съ литературой вопроса и по стремленію взглянуть безпристрастно на изучаемый памятникъ, выдается рефератъ проф. Э. Р. Штерна, читанный имъ 5 ноября прошлаго года въ Историко-Филологическомъ Обществѣ, состоящемъ при Новороссійскомъ университетѣ, и напечатанный въ II вып. „Лѣтописи" Общества.

Рефератъ г. Штерна состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой референтъ знакомитъ съ содержаніемъ вновь открытаго памятника, указывая преимущественно на тѣ пункты, въ которыхъ его извѣстія существенно разнятся отъ общепринятаго взгляда или являются цѣннымъ обогащеніемъ нашихъ познаній относительно исторіи развитія аѳинскаго государственнаго устройства (стр. 25); во второй части онъ останавливается на столь спорномъ теперь вопросѣ объ авторѣ *Ἀϑηναίων πολιτεία* и о ея значеніи, какъ историческаго источника. Проф. Штернъ стоитъ за авторство Аристотеля и подвергаетъ критикѣ мнѣніе Шварца, высказавшаго предположеніе о принадлежности *Ἀϑηναίων πολιτεία* Димитрію Фалерскому, — Кауэра, который видитъ въ ней работу какого-нибудь малоспособнаго Аристотелева ученика, не справившагося съ своею задачею и не сумѣвшаго воспользоваться сдѣланными ему указаніями учителя, и Рюля, который отозвался о новооткрытомъ трактатѣ, какъ о никуда негодномъ произведеніи. По мнѣнію г. Штерна, мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ авторствѣ Аристотеля, если только мы не придерживаемся „ложнаго взгляда на авторитетность и значеніе великаго философа въ области исторіи". „Къ сожалѣнію", продолжаетъ проф. Штернъ, „ни порицатели,

ни защитники нашего трактата не свободны отъ этого ложнаго взгляда. Рюль усматриваетъ въ Аристотелѣ какого-то непогрѣшимаго папу и оттого, замѣтивъ, что вновь найденная Политія не свободна отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, смѣло отрицаетъ возможность, что Аристотель могъ быть ея авторомъ; и съ другой стороны Бауэръ, Дильсъ и другіе, именно потому, что увѣрены въ аристотелевскомъ происхожденіи нашего трактата, придаютъ ему значеніе Священнаго Писанія, которому безусловно надо слѣдовать. Пора, мнѣ кажется, при такомъ положеніи вещей вспомнить о той простой истинѣ, что Аристотель, несомнѣнно геніальный мыслитель и глубокій ученый, все-таки человѣкъ, дитя своего времени, и что онъ, какъ писатель конца IV в., въ своихъ свѣдѣніяхъ, разсужденіяхъ и взглядахъ на прошлое аѳинскаго государства въ значительной степени зависитъ отъ своихъ источниковъ. Такимъ образомъ ближайшей задачей современной филологіи является изслѣдованіе вопроса объ источникахъ Аристотеля въ нашемъ трактатѣ; только по рѣшеніи этой сложной задачи, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ точностью возможно опредѣлить значеніе и достовѣрность сообщенныхъ имъ свѣдѣній" (стр. 38—39). „Главное и безсмертное значеніе новооткрытой Аѳинской политіи Аристотеля", по словамъ г. Штерна, заключается въ томъ, что сообщенныя въ ней новыя данныя „позволяютъ намъ впервые смотрѣть собственными глазами на аѳинскую политическую жизнь, что они даютъ намъ впервые возможность самостоятельно и правильно оцѣнить значеніе отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ учрежденій и отвести исторіи государственнаго устройства среди общей исторіи Аѳинъ то видное и центральное мѣсто, которое оно по справедливости заслуживаетъ." (стр. 42).

Таковъ взглядъ проф. Штерна на *Ἀθηναίων πολιτεία*, взглядъ въ сущности довольно умѣренный и сравнительно безпристрастный; по крайней мѣрѣ онъ свободенъ отъ тѣхъ восторженныхъ и преувеличенныхъ похвалъ, какія мы встрѣчаемъ у другихъ защитниковъ новооткрытаго трактата; а возраженія г. Штерна противъ Шварца, Кауэра и Рюля большею частью мѣтки и убѣдительны. Только едва ли недостатки и особенности новаго для насъ источника можно объяснить одними пріемами того времени и тѣмъ, что „humanum est errare". Эти недостатки и особенности объясняются, быть можетъ, еще и тѣмъ, что *Ἀθηναίων πολιτεία* написана, повидимому, какъ говорится, въ одинъ присѣстъ (на основаніи заранѣе собраннаго матеріала), что авторъ не успѣлъ самъ окончательно отдѣлать и внимательно просмотрѣть свое произведеніе[1]), и что, сверхъ того, дошед-

[1]) *Ἀ. π.* составляетъ лишь часть огромнаго труда, въ которомъ разсмотрѣно было 158 политій, и написана была незадолго до смерти Аристотеля, между 329 и 325г.

шая до насъ редакція далеко не свободна отъ пропусковъ, перестановокъ и постороннихъ добавленій. Что касается упоминанія г. Штерномъ Филохора въ числѣ источниковъ Аристотеля (стр. 39), то это, по всей вѣроятности, опечатка, такъ какъ извѣстно, что Филохоръ жилъ и писалъ послѣ Аристотеля.

Со многими замѣчаніями и наблюденіями проф. Штерна нельзя не согласиться. Таково, напр., его указаніе на то, что мы въ сущности не имѣемъ возможности на основаніи данныхъ языка отвергать принадлежность новооткрытаго трактата Аристотелю уже по той простой причинѣ, что редакція большинства изъ дошедшихъ до насъ сочиненій великаго стагирита принадлежитъ не ему самому, а его ученикамъ (на это указываетъ и В. А. Шефферъ, „Аѳинское гражданство и народное собраніе", введеніе). Таково замѣчаніе, что жеребьеваніе архонтовъ, существовавшее при Солонѣ, отмѣнено было при тираннахъ и возстановлено (въ нѣсколько иномъ видѣ) послѣ Клисѳена (такъ и Кеніонъ). Въ относящихся сюда извѣстіяхъ *Ἀϑ. πολ.* (гл. 8 и 22) Ренакъ, напр., усматриваетъ противорѣчіе и поэтому считаетъ начало 8-й главы интерполяціей, на ряду съ описаніемъ Драконовой конституціи и анекдотомъ о Ѳемистоклѣ. Но само по себѣ извѣстіе *Ἀϑ. πολ.* о способѣ избранія архонтовъ при Солонѣ не представляется невѣроятнымъ: еще задолго до открытія трактата, Фюстель де Куланжъ доказывалъ древность употребленія жребія въ Аѳинахъ; а кажущееся противорѣчіе между гл. 8 и 22 легко устранить, если именно признать, что жребій отмѣненъ былъ тираннами (недаромъ же *Ἀϑ. πολ.* говоритъ: *μετὰ τὴν τυραννίδα πρῶτον*), которые, понятно, могли находить жребій неудобнымъ для себя, и что слова *οἱ δὲ πρότεροι πάντες ἦσαν αἱρετοί* — или неумѣстная въ данномъ случаѣ глосса, или касаются всѣхъ тѣхъ архонтовъ, которые избирались послѣ тиранніи. Все затрудненіе возникаетъ, значитъ, вслѣдствіе того, что авторъ *Ἀϑ. πολ.* не упомянулъ категорически о перемѣнѣ въ способѣ избранія архонтовъ въ промежутокъ между Солономъ и Клисѳеномъ. Но мы, въ нашемъ трактатѣ, имѣемъ аналогичные примѣры пропусковъ: когда авторъ въ своемъ мѣстѣ не говоритъ о лицахъ и событіяхъ, о которыхъ потомъ вдругъ упоминаетъ, какъ будто они уже извѣстны читателю: въ гл. 37 — *ὅσοι τυγχάνουσιν τὸ ἐν Ἠετιωνείᾳ τεῖχος κατασκάψαντες*; гл. 35 — *Ἀρχεστράτου νόμους*.

Что касается анекдота о Ѳемистоклѣ, то проф. Штернъ, соглашаясь съ высказаннымъ мною мнѣніемъ („Ж. М. Н. Пр.", 1891, іюль), что участія Ѳемистокла въ реформѣ ареопага допустить нельзя, не рѣшается однако признать этотъ анекдотъ за позднѣйшую вставку. Между прочимъ онъ указываетъ на то, что разсказъ о Ѳемистоклѣ находится въ соотвѣтствіи съ

другими хронологическими показаніями нашего трактата, что тутъ мы имѣемъ другую хронологическую версію. На слѣды послѣдней указываю и я въ своей статьѣ, и именно въ виду существованія такой версіи я и не рѣшался въ болѣе категорической формѣ настаивать на томъ, что анекдотъ о Өемистоклѣ есть вставка. Во всякомъ случаѣ я не думалъ (какъ, повидимому, объясняетъ мои слова проф. Штернъ), что анекдотъ этотъ возникъ въ позднѣйшее время, напр. въ Александрійскую эпоху. Возникъ онъ, безъ сомнѣнія, гораздо раньше, но въ текстъ нашего трактата могъ быть вставленъ лишь впослѣдствіи. Впрочемъ, повторяю, въ виду слѣдовъ другой хронологической версіи, я не буду отстаивать свою догадку, хотя какъ объяснить молчаніе Плутарха? Невозможность участія Өемистокла въ реформѣ ареопага несомнѣнна, хотя и теперь еще есть изслѣдователи, принимающіе этотъ разсказъ *Ἀθ. πολ.* за исходную точку для новыхъ хронологическихъ построеній (напр. Бауэръ, отчасти Свобода и др.).

Но самымъ труднымъ и въ то же время чрезвычайно важнымъ вопросомъ является вопросъ о Драконовомъ законодательствѣ. Если признать за достовѣрное то, что говорится въ 4-й главѣ *Ἀθ. πολ.* объ этомъ законодательствѣ, то ходъ внутренней исторіи Аѳинъ до Солона, дѣятельность и значеніе послѣдняго и т. д. представляется намъ въ совершенно иномъ видѣ, нежели прежде. Проф. Штернъ говоритъ по поводу этого: „Ни одинъ народъ нигдѣ и никогда не вырабатывалъ формы своего государственнаго устройства въ произвольныхъ прыжкахъ. Вездѣ эти формы являются выраженіемъ и слѣдствіемъ разныхъ политическихъ и экономическихъ условій, и переходъ отъ одной формы государственнаго устройства къ другой совершается постепенно и послѣдовательно. Въ непосредственномъ переходѣ отъ правленія родовой знати къ демократической тимократіи Солона такой послѣдовательности нѣтъ, и вотъ причина, почему многіе ученые давно уже высказывали сомнѣнія въ цѣльности нашей традиціи, дополняя и исправляя ее разными, отчасти весьма остроумными, догадками. Изложеніе нашего автора объ олигархическомъ государственномъ устройствѣ Дракона представляетъ теперь это необходимое посредствующее звено между прежнимъ политическимъ состояніемъ и реформами Солона“ (стр. 9). Затѣмъ на стр. 40—41 проф. Штернъ касается вопроса, почему въ нашемъ остальномъ преданіи нѣтъ указанія на дѣятельность Дракона, какъ политическаго реформатора. Но тутъ возникаетъ и цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, затрудненій и недоумѣній, еще ждущихъ разрѣшенія. Чѣмъ объясняется, напр., очевидное сходство между конституціей Дракона, какъ описана она въ 4 гл. трактата, и

олигархіей 411 г.? тѣмъ ли, что 4-я глава есть интерполяція, заимствованная изъ тенденціознаго источника, какъ предполагаютъ, напр., Headlam и Reinach, или же, наоборотъ, тѣмъ, что олигархи конца V в. стремились возвратиться къ старинѣ, къ строю отцовъ? Недаромъ же прибавка Клитофона къ псефизмѣ Пиѳодора гласила: *προσαναζητῆσαι δὲ — καὶ τοὺς πατρίους νόμους οὓς Κλεισθένης ἔθηκεν* (гл. 29; ср. Busolt. Philol. B. 50, стр. 395—6)? Не странно ли, что пентакосіомедимновъ, всадниковъ и зевгитовъ мы встрѣчаемъ уже во время Дракона, до Солона? Какой могъ быть raison d'être такого дѣленія гражданъ въ до-Солонову эпоху? Мы знали, вѣдь, другое дѣленіе — на евпатридовъ, геоморовъ и деміурговъ. И какъ примирить противорѣчіе между 4-ю главою и гл. 7-ю, въ которой говорится, что Солонъ отмѣнилъ Дракононы законы, за исключеніемъ уголовныхъ, и что онъ *τιμήματα διεῖλεν εἰς τέτταρα τέλη, καθάπερ διῄρητο καὶ πρότερον?* Значитъ ли это, что Солонъ лишь привелъ въ тѣсную связь дѣленіе гражданъ на классы по состоянію съ самымъ государственнымъ строемъ (Кеніонъ)? Или, быть можетъ, нововведеніе Солона — относительно классовъ гражданъ — состояло въ томъ, что онъ предоставилъ право участвовать въ судѣ и собраніи и ѳетамъ, дотолѣ безправнымъ, закрѣпощеннымъ и обремененнымъ долгами? Гомперцъ предполагаетъ, что Солонъ лишь формулировалъ то, что̀, такъ сказать, уже „бытовало" въ аѳинскомъ обществѣ, лишь точнѣе опредѣлилъ границы между классами, уже существовавшими и до него. Но такому объясненію противорѣчитъ то обстоятельство, что для того, чтобы взимать неодинаковый штрафъ съ пентакосіомедимна, всадника и зевгита (какъ это мы видимъ въ конституціи, описываемой въ 4 главѣ), нужно было уже опредѣлить и границы между этими классами. Замѣтимъ, что, наоборотъ, въ описаніи смутъ послѣ Солона *Ἀθηναίων πολιτεία* сообщаетъ объ избраніи 10 архонтовъ изъ евпатридовъ, агройковъ (геоморовъ) и деміурговъ, тогда какъ тутъ мы не ожидали бы встрѣтить эти старые термины. Далѣе, какимъ образомъ Плутарху, который не разъ въ своихъ біографіяхъ цитируетъ Аристотелеву *Ἀθ. πολ.*, повидимому, остались совершенно неизвѣстными политическія реформы Дракона (см. Sol., 17, 19; на Аристотелеву „Политику" не указываю, такъ какъ конецъ II книги ея едва ли принадлежитъ Аристотелю)? Объясняется ли это тѣмъ, что Плутархъ игнорировалъ свидѣтельства нашего трактата, не внимательно относился къ нимъ, или пользовался ими изъ вторыхъ рукъ, или же это объясняется тѣмъ, что въ бывшей у него подъ руками редакціи *Ἀθηναίων πολιτεία* не было того описанія Драконовой конституціи, которое находится въ дошедшей до насъ редакціи? И, наконецъ, возможно ли, чтобы архонтомъ

эпонимомъ былъ Аристэхмъ, а Драконъ, повидимому, одинъ изъ ѳесмоѳетовъ, вводилъ реформы, видоизмѣнявшія строй государства? Ренакъ, напр., считаетъ это положительно невѣроятнымъ (Revue des études grecques, 1891, p. 141). Правда, впослѣдствіи мы видимъ, что Клисѳенъ, напр., свои реформы производитъ въ архонтство Исагора (*Ἀθ. πολ.*, гл. 21); но тогда реформаторъ могъ опираться на народное собраніе, во времена же Дракона именно должность перваго архонта имѣла громадное значеніе, и, когда Солону поручаютъ произвести реформы, его выбираютъ въ архонты-эпонимы.

Въ виду такихъ недоумѣній высказано было предположеніе, что описаніе Драконовой конституціи въ *Ἀθ. πολ.* есть интерполяція. Что это описаніе, дѣйствительно, производитъ впечатлѣніе вставки, это признается иногда и тѣми, кто не отвергаетъ принадлежности 4-й главы Аристотелю (напр. В. А. Шефферъ). Тогда, конечно, приходится считать интерполяціей и упоминаніе о Драконовой конституціи въ 41 гл. и въ началѣ 3-й (въ послѣднемъ случаѣ слово *Δράκοντος* возстановляется редакторами; въ facsimile же можно разобрать, кажется, только одну *δ*). Но нельзя ли допустить еще одно объясненіе? Нельзя ли подъ *τοὺς θεσμοὺς ἔθηκεν* понимать изданіе только лишь гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, сводъ обычнаго права (какъ это — до открытія трактата — обыкновенно и принимали, а въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ: *ἡ δὲ τάξις αὕτη* (или, принимая поправку проф. Г. Ѳ. Шульца, *αὐτὴ*) *τόνδε τὸν τρόπον εἶχε. ἀπεδέδοτο κτλ.* видѣть описаніе самаго государственнаго строя, не созданнаго Дракономъ, а лишь существовавшаго въ то время, т.-е. нельзя ли въ *ἡ δὲ τάξις* видѣть не синонимъ предшествующаго слова *τοὺς θεσμοὺς*, а нѣкоторое противоположеніе? Вѣдь, не сказано категорически, что именно Драконъ предоставилъ политическія права тѣмъ, кто могъ отправлять службу въ вооруженіи, и т. д., а употребленъ страдательный залогъ и притомъ давнопрошедшаго времени *(ἀπεδέδοτο)*. Такимъ образомъ, описываемый строй Драконъ могъ застать ужъ существующимъ (къ этому близко подходитъ мнѣніе P. Meyer'a, предполагающаго, что Драконъ ничего новаго не ввелъ, а лишь кодифицировалъ уже существовавшее)[1]). Тогда станетъ намъ понятнымъ и молчаніе остальнаго нашего преданія, не исключая и Плутарха, о политическихъ реформахъ Дракона, и изданіе Дракономъ законовъ въ архонтство Аристэхма: въ качествѣ ѳесмо-

---

[1]) Замѣтимъ, что способъ упоминанія о Драконѣ въ 41 гл. отличается отъ способа упоминанія о другихъ реформаторахъ: при упоминаніи Дракона не стоитъ числительнаго, такъ что читателю неясно, выдѣляетъ ли авторъ *ἡ ἐπὶ Δράκοντος* въ особую эпоху въ исторіи развитія аѳинскаго государства, подобно напр. конституціи Ѳесея и Солона?

ѳета онъ могъ, конечно, кодифицировать обычное право; это прямо входило въ сферу компетенціи ѳесмоѳетовъ: *θεσμοθέται — ᾑρέθησαν*, говоритъ нашъ трактатъ, — *ὅπως ἀναγράψαντες τὰ θέσμια φυλάττωσι πρὸς τὴν τῶν παρανομούντων κρίσιν* (гл. 3). А что тимократическій элементъ въ аѳинскомъ государственномъ строѣ существовалъ еще и до Дракона, это видно и изъ *Ἀθηναίων πολιτεία*, гл. 3: *τὰς μὲν ἀρχὰς καθίστασαν ἀριστίνδην καὶ πλουτίνδην*, и далѣе: *ἡ γὰρ αἵρεσις τῶν ἀρχόντων καὶ πλουτίνδην ἦν*. Конечно, это не исключаетъ возможности, что описаніе конституціи, бывшей при Драконѣ, не принадлежитъ самому Аристотелю.

Таковы тѣ вопросы и недоумѣнія, которые возникаютъ по поводу четвертой главы и которые еще не разрѣшены.

В. Бузескулъ.

А. Н. Щукаревъ. Изслѣдованія въ области каталога аѳинскихъ архонтовъ III вѣка до Р. Х. (300—265 г. до Р. Х.). С.-Петербургъ 1889. (187 стр.).

Названное сочиненіе было уже раньше разобрано мною въ рецензіи, напечатанной въ Berlin. Phil. Wochenschr. (1891, № 5); данное его обсужденіе не является повтореніемъ послѣдней, а вполнѣ независимой отъ нея критикой (хотя, конечно, нѣкоторые основные взгляды должны быть общіе), что обусловливается уже разницею въ цѣляхъ, которыя тогда и теперь преслѣдуетъ рецензентъ. Предшествующая моя критика была предназначена для иностранцевъ и притомъ преимущественно для ученыхъ, спеціально занимающихся греч. хронологіей; у насъ же раздѣленіе труда въ области классической филологіи еще не достигло такихъ размѣровъ, а потому при данной рецензіи имѣется въ виду познакомить вообще филологическую публику съ цѣннымъ научнымъ трудомъ и, главнымъ образомъ, указать на тѣ его результаты, которые представляютъ общій интересъ.

На это я обращаю особое вниманіе, такъ какъ „Изслѣдованія въ области каталога архонтовъ“ по своему заглавію скорѣе способны оттолкнуть, нежели привлечь читателя, ожидающаго встрѣтить лишь сухія хронологическія вычисленія. На важное значеніе даннаго труда для исторіи указалъ отчасти уже самъ авторъ, говоря, что вмѣстѣ съ именами аѳинскихъ архонтовъ „классифицируется цѣлый рядъ единственныхъ современныхъ событіямъ документовъ аттической исторіи этого времени“ (т.-е. надписей). Но помимо этого общаго результата много

цѣнныхъ частныхъ выводовъ дается намъ, такъ сказать, по пути, благодаря тому методу, который авторъ исключительно примѣнилъ въ своемъ изслѣдованіи. Дѣло въ томъ, что для установленія очереди архонтовъ можно воспользоваться двумя методами, чисто хронологическимъ (или календарнымъ), основаннымъ на вычисленіи смѣны простыхъ и високосныхъ годовъ, и историческимъ. Авторъ, считая первый изъ нихъ сбивчивымъ и ненадежнымъ (взглядъ свой онъ обосновываетъ подробно во введеніи), всецѣло руководится послѣднимъ, который состоитъ въ томъ, что архонты, на основаніи событій, переданныхъ намъ изъ лѣтъ ихъ правленія, приводятся въ извѣстную послѣдовательность и пріурочиваются затѣмъ къ опредѣленнымъ годамъ или же къ ограниченному періоду времени. Понятно, что мы такимъ образомъ, до нѣкоторой степени, вращаемся въ кругу: каталогъ архонтовъ долженъ служить для хронологической классификаціи документовъ историческихъ, а изъ послѣдовательности фактовъ, ими передаваемыхъ, выводится порядокъ смѣны архонтовъ. Но этотъ circulus vitiosus до нѣкоторой степени исправляется, такъ какъ выводъ, сдѣланный на основаніи одной группы свидѣтельствъ, подвергается контролю со стороны остальныхъ. Конечно, и при этомъ отводится много мѣста для гаданій, и нерѣдко возможны различныя комбинаціи. Въ виду этого всякое средство, помогающее намъ элиминировать нѣкоторыя изъ подобныхъ комбинацій, должно быть принято съ благодарностью. Нельзя, слѣдовательно, одобрить вполнѣ, что авторъ не постарался воспользоваться и другимъ методомъ, календарнымъ, хотя бы ради контроля выводовъ, полученныхъ имъ другимъ путемъ. Нѣкоторыя проистекшія отсюда ошибки указаны мною въ вышеупомянутой рецензіи, гдѣ для примѣра я разобралъ неправильное распредѣленіе документовъ между архонтатами двухъ Анаксикратовъ.

Остановившись на разборѣ даннаго труда со стороны методологической, я долженъ коснуться еще одного принципа автора, съ коимъ я отнюдь не могу согласиться. Онъ принимаетъ за основное положеніе, что въ народныхъ постановленіяхъ, составленныхъ въ честь отдѣльной личности, заслуги послѣдней предъ государствомъ перечисляются въ порядкѣ строго-хронологическомъ, и отсюда дѣлаетъ выводы насчетъ послѣдовательности упоминаемыхъ историческихъ фактовъ или называемыхъ архонтовъ. Не отрицая правильности такого воззрѣнія въ отдѣльныхъ случаяхъ, я долженъ рѣшительно высказаться противъ возведенія его въ общее правило. Уже a priori оно должно казаться маловѣроятнымъ, если вспомнить, что подобные декреты составлялись почти всегда въ виду особенной, недавно оказанной услуги чтимаго лица, при чемъ авторъ закона для

вящшаго captatio benevolentiae напоминалъ народу и о прежнихъ благодѣяніяхъ не только его, но и его предковъ, иногда начиная т. ск. ab. ovo. Трудно предположить, чтобы эти ораторы, иногда люди довольно необразованные, для подобныхъ постановленій, кои, судя по числу до насъ дошедшихъ, ежегодно изготовлялись десятками, если не сотнями, производили точныя историческія и хронологическія изслѣдованія; вспомнимъ, какія грубыя ошибки дѣлаетъ ораторъ Андокидъ даже тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ исторіи собственнаго семейства, дѣда и прадѣда своего. Сверхъ того весьма часто въ подобныхъ документахъ должности, нѣкогда занимаемыя чтимымъ лицомъ, перечисляются группами, — неужто мы предположимъ, что въ Аѳинахъ существовалъ обычай въ отдѣльные періоды жизни нести обязанности стратега, далѣе переходить къ разнымъ посольствамъ, наконецъ заканчивать карьеру агоноѳетіей? Но если подобныя апріорныя разсужденія и могутъ быть признаны неубѣдительными (хотя и авторъ для своего положенія не далъ никакихъ доказательствъ), то во всякомъ случаѣ подобное общее правило, выставленное по догадкѣ, теряетъ всякую силу, разъ будетъ указано хоть одно исключеніе, — я укажу ихъ два, не подлежащихъ никакому сомнѣнію. Въ знаменитомъ декретѣ, предложенномъ Стратокломъ въ честь оратора Ликурга (C. I. A. II 240), послѣ перечисленія всѣхъ произведенныхъ имъ построекъ, изъ коихъ большая часть, по крайней мѣрѣ, должна быть отнесена ко времени царствованія Александра, мы читаемъ: „Александру, овладѣвшему Ѳивами и покорившему всю Азію и остальныя части вселенной, онъ постоянно противился ради народа.... за что и народъ на требованіе Александра объ его выдачѣ отвѣтилъ отказомъ и т. д." — конечно, тутъ разумѣется то требованіе, которое предъявилъ Александръ послѣ разрушенія Ѳивъ, когда онъ еще и не началъ похода въ Азію. Другой примѣръ, относящійся къ хронологіи архонтовъ последней четверти III-го вѣка, гдѣ принципъ автора приводитъ насъ къ явному противорѣчію съ несомнѣнными историческими фактами, подробно разобранъ мною въ моемъ „Аѳинскомъ гражданствѣ" (т. I, стр. 422—23), на которое я и позволю себѣ сослаться.

Послѣ этихъ принципіальныхъ возраженій, сдѣланныхъ нами А. И. Щукареву, перейдемъ къ указанію наиболѣе интересныхъ изъ отдѣльныхъ результатовъ, имъ добытыхъ. Въ первой главѣ авторъ подвергаетъ разсмотрѣнію списокъ архонтовъ 300—293/2 г., сохраненный намъ въ Діонисіевомъ жизнеописаніи оратора Динарха. Дѣло въ томъ, что Діонисій обѣщаетъ намъ дать списокъ 70 архонтовъ, при которыхъ жилъ Динархъ до своего возвращенія изъ изгнанія въ Аѳины, и называетъ лишь

69 именъ, почему большинство ученыхъ принимаетъ пропускъ одного имени въ указанномъ періодѣ (до 300 г. списокъ архонтовъ подтверждается Діодоромъ). Авторъ весьма подробно и обстоятельно разобравъ всѣ мнѣнія этихъ ученыхъ, путемъ весьма остроумнаго объясненія доказываетъ несомнѣнно, что никакого пропуска въ спискѣ нѣтъ: Діонисій просто сложилъ 40 лѣтъ (т. наз. *ἀκμή*) + 15 (время пребыванія Динарха въ Аѳинахъ) + 15 (время его изгнанія въ Халкидѣ) и получилъ 70 лѣтъ, но при этомъ (отсчитавъ первые — проблематическіе — 40 лѣтъ сполна), во второмъ и третьемъ періодѣ принялъ начатые года за полные (фактъ очень часто повторяющійся у античныхъ хронологовъ) и такимъ образомъ годъ архонта Анаксикрата засчиталъ дважды какъ послѣдній годъ второго и какъ первый годъ третьяго періода; получилось несоотвѣтствіе 69 архонтовъ на 70 лѣтъ, котораго по небрежности Діонисій не замѣтилъ. Въ концѣ главы (также и въ слѣдующихъ) авторъ прилагаетъ перечень всѣхъ эпиграфическихъ документовъ и свидѣтельствъ (весьма скудныхъ) писателей, въ коихъ упоминаются архонты указаннаго періода, при чемъ присоединяетъ иногда довольно пространныя и весьма интересныя разсужденія относительно нѣкоторыхъ документовъ: такъ, въ данной главѣ онъ подробно останавливается на декретѣ въ честь комика Филиппида (C. I. A. II 314) и на памятникахъ, гдѣ упоминается архонтъ Никій *ὕστερος*. Относительно перваго нужно замѣтить, что авторъ напрасно толкуетъ о какомъ-то посольствѣ Филиппида къ царю Лисимаху: *ἀποδημήσας πρὸς τὸν βασιλέα Λυσίμαχον* не можетъ имѣть такого смысла — Филиппидъ, какъ частный человѣкъ, жилъ при дворѣ Лисимаха, какъ другіе поэты при дворахъ разныхъ діадоховъ. Это доказывается и тѣмъ, что онъ позаботился похоронить аѳинскихъ гражданъ, павшихъ въ битвѣ при Ипсѣ; если бы онъ (по мнѣнію автора) былъ посланъ изъ Аѳинъ по полученіи тамъ извѣстія о битвѣ, то ему не пришлось бы хоронить своихъ соотечественниковъ: въ жаркую лѣтнюю пору на знойномъ плоскогоріи Малой Азіи ихъ трупы давнымъ давно бы сгнили до неузнаваемости. Неправильны слѣдовательно и всѣ остальныя разсужденія автора по поводу этого „посольства" и намъ нечего на нихъ останавливаться; непонятно только, какъ онъ можетъ и при своемъ толкованіи видѣть здѣсь доказательство того, что „хронологическій порядокъ перечисленія заслугъ никогда не нарушался въ документахъ такого рода" (стр. 71): во всякомъ случаѣ сначала упоминается раздача хлѣба, присланнаго по просьбѣ Фил. царемъ при архонтѣ Евктемонѣ (299 г.), а затѣмъ погребеніе аѳинянъ, павшихъ при Ипсѣ за два года передъ тѣмъ. Не могу обойти молчаніемъ и другой ошибки, допущен-

ной авторомъ при толкованіи этой надписи въ чисто филологическомъ отношеніи. Разсуждая о мачтѣ, дарованной царемъ для Панаѳеней, авторъ понимаетъ слова *ἃ ἐκομίσθη ἐπ' Εὐκτήμονος ἄρχοντος* въ смыслѣ несенія въ самой процессіи, и даже выражаетъ удивленіе, что всѣ ученые (за однимъ исключеніемъ) не хотятъ признать этого единственно возможнаго объясненія. Оно именно невозможно: во-первыхъ, слова „они были носимы въ процессіи" были бы переданы по гречески imperfect'омъ, а не аористомъ, во-вторыхъ, глаголъ *κομίζειν* никогда не можетъ передавать просто понятіе „нести", а всегда значитъ или „унести" или „принести" („нести" *φέρειν, φορεῖν*); чтобы передать мысль, принимаемую авторомъ, по гречески должно было быть сказано *ἃ ἐφορεῖτο ἐπ' Εὐκτ.*, а данныя слова могутъ только значить „которыя (мачта и рея) были доставлены (т.-е. въ Аѳины) въ архонтство Евктемона". За то я вполнѣ долженъ согласиться съ авторомъ въ его разсужденіи относительно Никія *ὑστέρου*, когда онъ доказываетъ, что неправильности въ счетѣ пританій и т. д. въ это архонтство объясняются его позднимъ вступленіемъ въ должность, обусловленнымъ въ свою очередь предшествующей тиранніей Лахара. Относительно вопроса о повторенныхъ стратегіяхъ Федра (C. I. A. II 331), приписываемыхъ авторомъ этому одному году архонта Никія, я къ окончательному рѣшенію прійти не могъ.

Вторая глава (архонты: Лисія, Кимонъ... Діоклъ, Діотимъ, Исей, Евѳій. Четырехлѣтняя война. Сверженіе Димитрія. Годы 292/1—285/4) составляетъ настоящій центръ труда и самую, по моему мнѣнію, цѣнную его часть. Хотя самъ авторъ указываетъ на шаткость той почвы, на которой ему приходится строить зданіе своей хронологіи, нигдѣ его умѣнье пользоваться всѣмъ существующимъ (иногда довольно скуднымъ) матеріаломъ и дѣлать удачныя сопоставленія документовъ, его осторожность въ собственныхъ выводахъ, его благоразуміе въ критикѣ чужихъ мнѣній не представляются намъ въ болѣе блестящемъ видѣ. Упрекнуть его, главнымъ образомъ, можно лишь относительно плана изложенія. Сначала онъ излагаетъ свои воззрѣнія на исторію этого времени и на хронологическій порядокъ относящихся сюда архонтовъ, обосновывая ихъ разными доказательствами, а затѣмъ разбираетъ пространно противорѣчивыя построенія другихъ ученыхъ (особенно, конечно, Дройзена, а кромѣ того Клинтона, Диттенбергера, Шуберта, Унгера, Виламовица-Меллендорфа и друг.). Подобный разборъ является, такъ сказать, post festum и правильнѣе былъ бы обратный порядокъ: сначала расчистить поле для собственныхъ построеній. Самымъ цѣннымъ результатомъ всей главы является опредѣленіе времени такъ назыв. „четырехлѣтней"

войны, упоминаемой лишь въ декретѣ въ честь Демохара въ псевдо-плутарховой біографіи Демосѳена (р. 850). Отождествивъ ее съ четырехлѣтнимъ періодомъ опаснаго положенія Аѳинъ, который указывается намъ въ элевсинскомъ декретѣ въ честь стратега Аристофана (Ἐφ. ἀρχ. 1884, 135), онъ убѣдительно относитъ послѣдній ко времени 7-лѣтняго правленія Димитрія Поліоркета въ Македоніи, а затѣмъ, на основаніи общихъ историческихъ соображеній, пріурочиваетъ его точнѣе къ 292/1—290/89 г. (архонтаты Лисія, Кимона и третьяго, коего имя не сохранилось).

Весьма цѣнно также для исторіи указанной эпохи постановленіе аѳинское въ честь Зенона, начальника флота царя Птолемея, которое авторъ очень остроумно возстановилъ изъ двухъ фрагментовъ уже раньше опубликованныхъ; изъ него мы узнаемъ, что этотъ адмиралъ, дѣйствовавшій противъ Димитрія во время его сверженія съ македонскаго престола (какъ вывелъ авторъ изъ этой же надписи), былъ уже въ Аѳинахъ въ началѣ архонтата Діокла. Но насчетъ года правленія этого архонта я съ авторомъ согласиться не могу. Онъ совершенно правильно опредѣлилъ, какъ мнѣ кажется, время правленія Димитрія въ Македоніи годами 294/3—288/7, но ошибочно пріурочиваетъ къ послѣднему году архонта Діокла: если въ первые дни этого года уже состоялось постановленіе въ честь египетскаго вождя, заботившагося о „спасеніи народа“, то Аѳины въ это время уже были свободны отъ владычества Димитрія, а онѣ отъ него отпали (какъ выводитъ самъ авторъ) мѣсяца черезъ два послѣ его бѣгства изъ Македоніи; слѣдовательно его низверженіе съ престола произошло въ годъ предшественника Діокла, и архонтатъ послѣдняго должно пріурочить къ году, слѣдовавшему за изгнаніемъ Димитрія, т.-е. къ 297/6 г. Вмѣстѣ съ нимъ передвигаются на годъ и всѣ его ближайшіе преемники: Діотимъ, Исей, Евѳій. Относительно перечисленныхъ въ концѣ главы эпиграфическихъ документовъ авторъ особенныхъ примѣчаній не даетъ.

Глава третья (Архонты: Горгія. Анаксикратъ. Димоклъ... Поліевктъ. Іеронъ... Архонты современники Хремонидовской войны) самая краткая изъ всѣхъ и особенныхъ результатовъ не даетъ. Время 4 изъ относящихся къ этому періоду архонтовъ извѣстно было уже намъ изъ литературныхъ источниковъ (Горгій, Анаксикратъ, Демоклъ къ гг. 280/79—278/7, Пиѳаратъ къ 271/0 г.), насчетъ двухъ другихъ, Поліевкта и его непосредственнаго преемника Гіерона авторъ приходитъ только къ результату, что они должны быть отнесены къ четырехлѣтію отъ 277—74 г., наконецъ еще четырехъ (Пейѳидема, Менекла, Никія Отринейца и Евбула) авторъ пріурочиваетъ ко времени

очень плохо намъ извѣстной Хремонидовской войны, относительно коей даетъ нѣкоторыя замѣчанія. Интересна здѣсь лишь датировка архонтовъ Менекла и Никія Отринейца, которыхъ большинство ученыхъ ставятъ лѣтъ на 20 раньше, и съ бóльшимъ, кажется мнѣ, основаніемъ, нежели можетъ привесть въ свою пользу авторъ; особенно постановленіе изъ архонтата Никія въ честь начальника наемныхъ войскъ Стромбиха (С. I. A. II 317 и 318), помогавшаго аѳинянамъ при освобожденіи города въ 287 г., не могло быть составлено 20 лѣтъ спустя.

Въ особомъ приложеніи, наконецъ, авторъ приводитъ имена шести архонтовъ (вмѣстѣ съ перечнемъ документовъ, гдѣ они упоминаются), которые должны были править въ періодъ между 290 и 271 г., но не могутъ быть точнѣе пріурочены къ извѣстнымъ годамъ: Аристонимъ,... лай, Урій, Телоклъ, Ксенофонтъ и Филократъ; еще двое по предположенію отнесены имъ къ той же эпохѣ: Антимахъ и Главкиппъ.

Моя рецензія чаще, чѣмъ я хотѣлъ, принимала полемическій тонъ, потому что легче перечислить отдѣльные пункты, въ коихъ мнѣ приходится не соглашаться съ авторомъ, чѣмъ изложить вполнѣ содержаніе его труда: это бы значило пересказать всю исторію Аѳинъ за 30—40 лѣтъ, исторію притомъ темную, гдѣ часто приходится итти не прямой дорогой и съ большимъ трудомъ предварительно расчищать себѣ путь среди обломковъ античнаго преданія, погребенныхъ подъ цѣлымъ лѣсомъ конъектуръ и соображеній новѣйшихъ ученыхъ. Книга А. Н. Щукарева составляетъ, несомнѣнно, цѣнный вкладъ въ нашу научную литературу, и никто, интересующійся исторіей Греціи въ эллинистическій періодъ, не можетъ безнаказанно оставить ее безъ вниманія, всякій же прочитавшій ее, вмѣстѣ съ рецензентомъ, будетъ благодарить автора за полученныя назиданія и пожелаетъ дальнѣйшаго продолженія его труда.

Въ концѣ не могу не выразить сожалѣнія, что автору угодно было принять русскую орѳографію греческихъ словъ и именъ по византійскому произношенію: слова въ родѣ „димократія", „Еввулъ", „Віотія" и т. д. кажутся мнѣ варварскими, въ Иродотѣ я не узнаю отца исторіи, въ Ирѣ не могу признать супругу отца боговъ и людей, а развѣ только подругу „Омировскаго" нищаго.

В. Шефферъ.

А. Н. Шварцъ. Къ исторіи древне-греческихъ рельефовъ на золотыхъ вещахъ, найденныхъ въ южной Россіи. Москва 1892. (Изъ XV тома „Древностей", изд. Импер. Моск. Археол. Общ.) — 19 стр. и 2 таблицы.

Останавливая вниманіе читателя, главнымъ образомъ, на двухъ произведеніяхъ, найденныхъ на югѣ Россіи — золотомъ медальонѣ съ головою Паллады изъ Куль-Оба (Табл. I, 1) и налучьѣ изъ Чертомлыцкаго кургана (I, 3), — авторъ рѣшительно отвергаетъ то довольно распространенное мнѣніе, что какъ эти, такъ и имъ подобныя металлическія издѣлія привозились въ южныя колоніи Понта Эвксинскаго изъ Греціи, и именно изъ Аѳинъ[1]). Въ своемъ опредѣленіи ихъ происхожденія, г. Шварцъ присоединяется къ выводамъ, сдѣланнымъ уже въ 1887 году Гринвеллемъ и особенно въ 1889 году — Гаузеромъ[2]), отмѣтившимъ, на основаніи сходства типовъ головъ на медальонѣ и на статерѣ Кизика (Табл. I, 2), родственную между ними связь. Не аѳиняне, такимъ образомъ, а іоняне Малой Азіи оказывали рѣшительное вліяніе на металлическую технику южной Россіи, въ доказательство чего авторъ приводитъ цѣлый рядъ весьма вѣскихъ соображеній. Что же касается времени возникновенія этихъ рельефныхъ украшеній, то имъ едва-ли можетъ быть V в., какъ это думаетъ Ад. Фуртвенглеръ, а скорѣе IV столѣтіе или рубежъ V и IV вв., такъ какъ на нихъ несомнѣнно вліяніе скульптуръ Парѳенона, передѣланныхъ, правда, во вкусѣ обитателей тѣхъ мѣстностей, для которыхъ эти вещи предназначались. Таковы любопытные результаты этого изслѣдованія, которое, очень кстати, поднимаетъ и разрѣшаетъ вопросъ, мало и весьма поверхностно разсмотрѣнный авторами „Русскихъ Древностей" (Вып. II). Въ искусствѣ колонистовъ Понта Эвксинскаго приходится, повидимому, различать памятники туземнаго производства, хотя и носящіе явные слѣды іоническаго вліянія, отъ издѣлій и предметовъ искусства, привезенныхъ изъ Греціи, особенно изъ Аѳинъ (см. прим. 35а), или же на мѣстѣ сдѣланныхъ греческими, а не туземными мастерами. Одни носятъ опредѣленный, шаблонный характеръ, въ другихъ — видимъ болѣе дѣйствительнаго творчества. А что даже выдающіеся художники аѳинскіе работали въ этихъ дальнихъ краяхъ, это, какъ кажется, несомнѣнно: по крайней мѣрѣ, найденная въ Ольвіи и опубликованная В. В. Латышевымъ (Inscr. orae septentr. P. Eux. I, № 145, Loewy, Inschr. gr. Bildh., p. 383, № 76a) надпись свидѣтельствуетъ о дѣятельности тамъ знаменитаго Праксителя, такъ какъ возстановленная тѣмъ же ученымъ и отнесенная имъ къ IV в. надпись эта гласитъ: *Π[ρ]αξιτέλης Ἀθ[ηναῖος ἐποίησεν]*. Такъ скрещивались здѣсь вліянія различныхъ направленій, находя себѣ, конечно, нѣкоторое противодѣйствіе въ туземныхъ вкусахъ и традиціяхъ.

1) Ср. Л. Стефани, CR. 1864, стр. 144 слд.; г. Кизерицкій въ Ath. Mittheil. 1883; стр. 291 слд.; гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ, Русскія Древности. Вып. II, стр. 143.
2) Въ его Die neu-attischen Reliefs. Stuttgart 1889.

В. А.

Handbuch der klassischen Alterthumswissenschaft, herausgegeben von Iwan Müller. II. Band: Griech. und Lat. Sprachwissenschaft. Zweite neubearbeitete Auflage. Nördlingen 1890 (A. Griechische Grammatik von K. Brugmann, B. Lateinische Grammatik von Fr. Stolz und J. G. Schmalz, C. Lexicographie, D. Rhetorik, E. Metrik, Anhang. Musik[1]).

Въ предшествующей книжкѣ „Ф. О.“ дана нами общая характеристика синтаксиса Шмальца сравнительно съ Бругманомъ. Остается сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія для охарактеризованія труда Шмальца примѣнительно къ тѣмъ задачамъ, которыя онъ самъ себѣ поставилъ и о которыхъ говоритъ на стр. 390 слѣдующее: „Въ изложеніи синтаксиса въ настоящее время приходится повернуть на путь исторической грамматики, отказавшись изъ прежняго избитаго способа, втискивавшаго въ готовыя формы мышленія и логическія категоріи то, чтò сложилось историческимъ путемъ. Правда, историческій методъ въ синтаксисѣ еще недостаточно разработанъ; тѣмъ не менѣе то, что въ этомъ направленіи сдѣлано, заслуживаетъ примѣненія, какъ по отношенію къ группировкѣ матеріала, такъ и въ его объясненіи. Такимъ образомъ всякое синтактическое явленіе должно быть прослѣжено по своему возникновенію и дальнѣйшему развитію, должно быть по возможности объяснено психологическимъ путемъ и должно найти подходящее мѣсто въ распредѣленіи матеріала“. Въ этой самохарактеристикѣ Шмальцъ напираетъ собственно на двѣ различныя вещи: a) распредѣленіе или группировку синтактическихъ данныхъ и b) исторію отдѣльныхъ фактовъ синтаксиса съ указаніемъ ихъ психологической подкладки.

Что касается прежде всего второго пункта, то главное достоинство и преимущество труда Шмальца и заключается именно въ историческомъ освѣщеніи отдѣльныхъ явленій лат. синтаксиса (съ стилистикой), и притомъ, какъ уже замѣчено, преимущественно примѣнительно къ исторіи этихъ явленій въ узкомъ смыслѣ слова, т.-е. постольку, поскольку они засвидѣтельствованы документально римскою литературою. Въ этомъ отношеніи это первый опытъ дѣйствительно историческаго изложенія лат. синтаксиса, такъ какъ здѣсь не дается одинъ сырой матеріалъ, какъ у Дрегера, но дѣлаются и соотвѣтствующіе выводы о судьбахъ отдѣльныхъ конструкцій и оборотовъ литературнаго языка, начиная съ первыхъ сатурническихъ поэтовъ и кончая христіанскими писателями. Согласно съ цѣлями сборника историческая картина судебъ каждаго отдѣльнаго случая изображается въ возможно общихъ очертаніяхъ, при чемъ

[1]) Продолженіе; см. „Фил. Обозр.“ томъ II, отд. 2, стр. 34.

полнота посредствующихъ звеньевъ зависитъ, конечно, отъ полноты монографической разработки данпаго вопроса. Несмотря на безконечное, повидимому, количество спеціальныхъ монографій, эту предварительную работу нельзя все-таки считать еще законченной. Но то, что имѣется въ этой обширной отрасли грамматической литературы, нашло у Шмальца свое мѣсто и примѣненіе. Въ этой области, можно сказать, Шмальцъ не имѣетъ себѣ равнаго соперника, за исключеніемъ развѣ Вельфлина. За то вопросы, выходящіе изъ этой области, ему рѣшительно не по плечу, какъ уже было замѣчено раньше. Въ особенности онъ неудовлетворителенъ въ вопросахъ, касающихся морфологической семазіологіи[1]), въ которыхъ нельзя обойтись безъ содѣйствія сравнительнаго языковѣдѣнія. Впрочемъ во многихъ случаяхъ происходитъ это отъ малой разработки тѣхъ или другихъ вопросовъ. Таково напр. совсѣмъ недостаточное изложеніе исторіи условныхъ періодовъ (§ 295 и 297); таково замѣчаніе о „странномъ“ употребленіи слова liberi объ одномъ ребенкѣ (стр. 536 прим.); таково причисленіе къ „локативнымъ“ союзамъ не только quom и quoniam, но даже donec, quoad и quatenus и т. п. Но что̀ особенно удивительно, Шмальцъ оказывается не на высотѣ своей задачи даже въ такихъ вопросахъ, въ которыхъ имѣются напр. столь авторитетныя Vorarbeiten, какъ труды Дельбрюка по отношенію къ падежамъ. Болѣе всего странно удержаніе старыхъ понятій о характерѣ латинскаго аблятива (въ § 91), тѣмъ болѣе что правильное толкованіе упомянуто въ примѣчаніи подъ наименованіемъ „eine andere Auffassung“, но впрочемъ даже безъ указанія главнаго представителя этой Auffassung.

Недостатокъ сравнительной и даже общей лингвистической подготовки сказывается также и по отношенію къ первому изъ выше указанныхъ двухъ пунктовъ, а именно по отношенію къ классификаціи фактовъ лат. синтаксиса и стилистики. Еще въ 1879 г., по поводу появленія 2-го изданія „Исторической грамматики“ Дрегера и „Полной грамматики лат. языка“ Кюнера, Deecke указывалъ (въ Bursian's Jahresber.) на неудовлетворительность систематическаго распредѣленія синтактическаго матеріала. Поэтому заслуживаетъ полнаго одобренія, что Шмальцъ обратилъ серьезное вниманіе, по мѣрѣ силъ своихъ, также и на это важное обстоятельство. Вѣдь удачная группировка обозрѣваемаго матеріала имѣетъ не одно только формальное, но даже и очень существенное значеніе. Уже одно выдѣленіе однородныхъ явленій въ особыя группы, равно какъ

[1]) Морфологическая семазіологія трактуетъ о значеніи формъ склоненія и спряженія въ ихъ синтаксическомъ примѣненіи (см. ниже), въ отличіе отъ лексической семазіологіи, касающейся значенія словъ.

и обоснованное разобщеніе разнородныхъ данныхъ составляетъ само по себѣ важный факторъ въ дѣлѣ объясненія и освѣщенія грамматическаго матеріала (не даромъ же и школа перипатетиковъ разрабатывала съ такимъ усердіемъ понятіе о классификаціи вообще).

Шмальцъ дѣлитъ свой трудъ прежде всего на двѣ части: синтаксисъ и стилистику, хотя самъ же (на стр. 533) сознается, что стилистика имѣетъ много соприкосновеній съ грамматикой (sic!) и что строгое разграниченіе обѣихъ частей до сихъ поръ вообще никѣмъ не достигнуто, да и врядъ ли достижимо. Мы попытаемся указать, что все-таки достижима тутъ по меньшей мѣрѣ бо́льшая послѣдовательность и основательность классификаціи, чѣмъ та, которую встрѣчаемъ въ трудѣ Шмальца.

Матеріалъ собственнаго синтаксиса группированъ у Шмальца по слѣдующей схемѣ:

А. Простыя предложенія.

1. „Утверждающія“ предложенія (т.-е. вообще всѣ не вопросительныя): a) подлежащее; b) сказуемое (къ этому пункту отнесено согласованіе, а также и времена, наклоненія и залоги); c) опредѣленіе и приложеніе; d) падежи; e) причастія; f) предлоги.
2. Вопросительныя предложенія.

B. Сложныя предложенія:

1. Сочиненіе.
2. Подчиненіе: a) подчиненіе безъ всякихъ мѣстоименій и союзовъ; b) подчиненіе при помощи: aa) относительныхъ мѣстоименій и союзовъ и bb) союзовъ (распредѣленныхъ по ихъ падежной формѣ).

Не трудно здѣсь замѣтить отсутствіе точнаго руководящаго принципа прежде всего въ группировкѣ всей первой половины (А). Неудовлетворительность дѣленія видна во-первыхъ уже въ пріуроченіи подраздѣленій a), b) и пр. къ отдѣлу объ „утверждающихъ“ предложеніяхъ, хотя они касаются одинаково и вопросительныхъ предложеній. Отсутствіе принципа видно далѣе и въ самыхъ этихъ подраздѣленіяхъ, такъ какъ рядомъ съ подлежащимъ, сказуемымъ, опредѣленіемъ и приложеніемъ группируются параллельно и падежи, могущіе функціонировать то въ значеніи подлежащаго, то сказуемаго, то опредѣленія или причастія. Въ особенности не повезло глагольной категоріи: между тѣмъ какъ одна часть ея функцій подведена подъ рубрику сказуемаго, распадающуюся на статью о согласованіи рядомъ съ параллельными статьями о временахъ, наклоненіяхъ и залогахъ, другая часть (именно причастія) получила самостоятельное мѣсто наряду съ подлежащимъ, сказуемымъ и пр., третья (abl. abs.) трактуется въ отдѣлѣ о падежахъ, и, нако-

нецъ, четвертая (неопредѣленное накл. и acc. c. inf. съ nom. c. inf.) отнесена даже въ отдѣлъ о сложныхъ предложеніяхъ, въ частности въ рубрику объ асиндетическомъ подчиненіи. Послѣднее обстоятельство особенно удивительно въ научной исторической грамматикѣ. Вѣдь съ точки зрѣнія послѣдней не можетъ быть никакого сомнѣнія насчетъ того, что не только простое неопредѣленное, но даже и acc. c. inf. не представляетъ собою никакой „Anknüpfung eines zweiten Satzes an einen ersten". Конструкцію acc. c. inf. можно разсматривать какъ особый видъ подчиненныхъ предложеній, развѣ лишь въ практическихъ видахъ на пользу тѣхъ, кому приходится еще только впервые знакомиться съ этою особенностью лат. языка; да и тутъ не лишнее имѣть въ виду, что acc. c. inf. не есть особый видъ подчиненныхъ предложеній, а только соотвѣтствуетъ такимъ предложеніямъ въ новыхъ языкахъ. Правда, исходная точка этой конструкціи лежитъ за предѣлами лат. языка, такъ что тутъ невозможно обойтись безъ услугъ сравнительнаго языка; однако какъ разъ объ этомъ предметѣ имѣемъ спеціальное, но тѣмъ не менѣе легко доступное сочиненіе Jolly, Geschichte des Infinitivs (1873). Основаніемъ для классификаціи неопредѣленнаго наклоненія въ научной исторической грамматикѣ могутъ служить только слѣдующіе два момента: a) неопредѣленное наклоненіе по своему происхожденію есть несомнѣнно форма именная, а функціи ея развились на основаніи одного изъ значеній того падежа, къ которому оно принадлежитъ; b) вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленное накл. находится въ теснѣйшей морфологической связи, особенно въ позднѣйшее время, съ глагольной категоріей вообще, выражая, по меньшей мѣрѣ, виды дѣйствія, отчасти и время и даже модальность (напр. въ соединеніи съ ἄν по-гречески). Поэтому мѣсто неопредѣленному — или въ отдѣлѣ о падежахъ (= семазіологія формъ склоненія) или въ отдѣлѣ о глаголахъ (= семазіологія формъ спряженія). Первая изъ этихъ двухъ возможностей казалась бы даже заслуживающей предпочтенія, такъ какъ значеніе неопредѣленнаго развилось изъ того или другого падежнаго значенія. Тѣмъ не менѣе вторая возможность должна быть признана болѣе удобной, такъ какъ, во-первыхъ, форма неопредѣленнаго можетъ восходить къ разнымъ падежамъ (по-латыни къ локативу или къ дательному), а во-вторыхъ, генезисъ неопредѣленнаго наклоненія въ позднѣйшее время былъ давнымъ-давно забытъ въ такой степени, что неопредѣленное можетъ быть теперь причислено къ падежамъ лишь наравнѣ съ такими нарѣчіями, суффиксы которыхъ давно вышли изъ живого употребленія въ склоненіи именъ. То же самое касается и конструкціи acc. c. inf., генезисъ которой обнаруживаетъ случайное соединеніе двухъ паде-

жей, именно винительнаго прямого предмета и локатива, выражающаго отношеніе, на каковомъ значеніи въ этомъ случаѣ и основывается употребленіе формы неопредѣленнаго наклоненія (см. Пад. стр. 95). Вообще въ историческій періодъ существованія индо-европейскихъ языковъ глагольная категорія обособилась отъ именной настолько, что съ этимъ фактомъ приходится считаться также и научной грамматикѣ, при чемъ, конечно, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ отдѣла о падежахъ основное падежное значеніе той или другой глагольной конструкціи должно быть указано съ достаточною точностью. Поэтому и abl. abs. правильнѣе помѣстить въ отдѣлѣ о причастіи (а послѣднее, въ свою очередь, въ отдѣлѣ о глагольной категоріи вообще), чѣмъ въ отдѣлѣ о падежахъ.

Во второй части синтаксиса, посвященной изложенію сложныхъ предложеній, новое дѣленіе придаточныхъ союзныхъ предложеній проведено слишкомъ одностороннимъ образомъ, такъ какъ въ основаніе этого дѣленія легла исключительно падежная форма каждаго отдѣльнаго союза, въ то время какъ основное (этимологическое) значеніе корней этихъ союзовъ оставлено совершенно въ сторонѣ. Кромѣ того даже и примѣнительно къ падежной формѣ союзовъ далеко не всегда указана генетическая связь позднѣйшихъ конструкцій даннаго союза съ значеніемъ (или значеніями) того падежа, къ которому союзъ этотъ принадлежитъ по своему суффиксу. Наконецъ, при такомъ слишкомъ внѣшнемъ признакѣ дѣленія, не могутъ обрисоваться съ достаточной ясностью ни разные пути, которыми слагалась категорія сложныхъ предложеній, ни разныя наслоенія въ исторіи этой категоріи. Тѣмъ не менѣе попытка Шмальца, несмотря на ея большое несовершенство, все-таки составляетъ весьма крупный шагъ впередъ въ изложеніи этой части грамматики.

Вообще вторая часть синтаксиса, при большей однородности трактуемаго ею матеріала, представляетъ менѣе поводовъ для возраженій по отношенію къ классификаціи, чѣмъ первая часть съ своимъ явно разнороднымъ матеріаломъ. Разнородность эта и сказывается на искуссвенности дѣленія, присущей болѣе или менѣе всѣмъ грамматикамъ, при чемъ пестрота схемы нерѣдко еще увеличивается отъ того, что сюда же вводится и разсужденіе о частяхъ рѣчи, какъ напр. въ Ausf. Gramm. d. lat. Sprache Кюнера. Шмальцъ упростилъ эту часть, отнесши всецѣло къ стилистикѣ отдѣлъ объ особенностяхъ употребленія частей рѣчи. Упрощеніе это нельзя считать, однако, законченнымъ. Необходимо выдѣлить въ особую группу также и все то, что̀ касается частей предложенія, но, конечно, въ узкомъ смыслѣ и безъ всякихъ натяжекъ. По выдѣленіи и этой группы

остается еще обширная группа грамматическаго матеріала, однородность котораго не трудно подмѣтить. Дѣло въ томъ, что этотъ остатокъ трактуетъ исключительно объ употребленіи формъ склоненія (числа, падежи) и спряженія (времена, наклоненія, залоги). А такъ какъ употребленіе это для исторической грамматики является генетическимъ развитіемъ основного значенія (или значеній) каждой отдѣльной морфологической категоріи, то отсюда ясно, что все это должно составлять особый отдѣлъ о синтактическомъ значеніи флексивныхъ формъ или иначе — морфологическую семазіологію (полнѣе „семазіологію формъ склоненія и спряженія)". Такимъ образомъ для матеріала, отнесеннаго Шмальцемъ къ „синтаксису", получимъ слѣдующую схему, пригодную не только для научной исторической грамматики, но могущей быть полезной также и для школьной практики:

А. Ученіе о предложеніяхъ (собственный σύνταξις):

1. Устройство (отдѣльныхъ) предложеній: a) разные виды предложеній (общія опредѣленія); b) части предложеній (подлежащее, сказуемое и пр.); c) согласованіе частей предложеній.

2. Способы соединеній (нѣсколькихъ) предложеній между собою: a) сочиненіе или паратаксисъ (и его способы); b) подчиненіе или гипотаксисъ (и его способы и виды).

Б. Ученіе о значеніи флексивныхъ формъ по ихъ употребленію въ предложеніи (семазіологія формъ).

1. Значеніе и употребленіе формъ именной флексіи: a) падежи безъ предлоговъ; b) падежи съ предлогами[1]).

2. Значеніе и употребленіе формъ глагольной флексіи a) чисто глагольныя формы: залоги, наклоненія, времена; b) именныя формы глагольной флексіи: неопредѣленное, супинъ, герундій, причастіе.

Слово „въ предложеніи" подъ буквой Б, напечатанное разставкой, имѣетъ цѣлью служить поясненіемъ тѣсной связи этого отдѣла грамматики съ собственнымъ синтаксисомъ.

Дѣленіе это оказывается возможнымъ, какъ видно, только при томъ условіи, если вмѣстѣ съ Шмальцемъ выдѣлить отдѣлъ о частяхъ рѣчи и причислить его къ стилистикѣ. И дѣйствительно, связь этого отдѣла съ собственнымъ синтаксисомъ, т.-е. съ ученіемъ о предложеніяхъ, далеко менѣе тѣсная, чѣмъ при морфологической семазіологіи. Правда, и при изложеніи особенностей употребленія частей рѣчи имѣемъ дѣло главнымъ

1) Сюда же принадлежитъ собственно и статья о „числахъ"; но такъ какъ тутъ условія оказываются разными при разныхъ частяхъ рѣчи, то, по крайней мѣрѣ въ практическихъ грамматикахъ, удобнѣе соединить этотъ пунктъ съ стилистикой.

образомъ съ семазіологіей, но только не съ семазіологіей формъ, а словъ, при чемъ послѣднія разсматриваются, правда, не сами по себѣ (какъ въ лексической семазіологіи), а лишь настолько, насколько дѣло касается устройства связной рѣчи: стилистическая семазіологія.

Если такимъ образомъ Шмальцъ упростилъ понятіе о синтаксисѣ[1]), выдѣленіемъ изъ него отдѣла о частяхъ рѣчи, то нельзя сказать того же о его стилистикѣ, страдающей, кромѣ того, не меньшею безпринципностью дѣленія, чѣмъ самый синтаксисъ. Стилистика Шмальца заключаетъ въ себѣ слѣдующія подраздѣленія: 1) Особенности въ употребленіи частей рѣчи. 2) Разстановка словъ. 3) Періоды. 4) Чистота и умѣстность выраженій. 5) Богатство и разнообразіе изложенія. 6) Простота и краткость рѣчи. Не можетъ быть сомнѣнія, что, по крайней мѣрѣ, послѣднія три статьи (а въ значительной степени и вторая съ третьей) принадлежатъ столько же къ стилистикѣ, сколько и къ реторикѣ. И дѣйствительно, о томъ же самомъ, о чемъ трактуетъ здѣсь Шмальцъ, идетъ рѣчь вторично (отчасти короче, отчасти полнѣе) немного ниже въ четвертой главѣ реторики Фолькмана, помѣщенной въ томъ же томѣ (стр. 662 сл.). Реторика Фолькмана обработана не съ грамматической точки зрѣнія, какъ слѣдовало ожидать для этого тома Handbuch'a, а примѣнительно къ технической наукѣ о краснорѣчіи древнихъ риторовъ. Тѣмъ не менѣе наше требованіе легко могло бы уложиться и въ теперешнюю программу этого тома даже въ томъ видѣ, какъ она исполнена. Дѣло въ томъ, что римскіе риторы (напр. Квитиліанъ III, 3) установили въ своей наукѣ 5 подраздѣленій, соотвѣтствовавшихъ практическимъ условіямъ: 1) inventio (ученіе о нахожденіи матеріала для составленія рѣчей); 2) dispositio (о распредѣленіи этого матеріала); 3) elocutio (о его формальной отдѣлкѣ со стороны языка); 4) memoria (о заучиваніи выработанныхъ такимъ образомъ рѣчей); 5) pronuntiatio или actio (о произнесеніи ихъ). Отдѣлъ объ elocutio и составляетъ въ общихъ чертахъ требуемую нами грамматическую реторику, объемъ которой съ достаточной полнотою очерченъ напр. у Квитиліана, гдѣ этому предмету посвящены гл. VIII (de virtute elocutionis, de perspicuitate, de ornatu, de generibus sententiarum, de tropis) и гл. IX (quo differant figurae a tropis, de figuris sententiarum, de figuris verborum, de compositione: ordo, junctura, numerus). Согласно

[1]) Разница между синтаксисомъ и стилистикой будетъ заключаться въ слѣдующемъ: *синтаксисъ* указываетъ роль формальныхъ элементовъ въ ихъ отношеніяхъ *къ предложенію, стилистика* же разсматриваетъ роль отдѣльныхъ словъ или цѣлыхъ группъ въ *связной рѣчи вообще* безъ отношенія къ предложенію (по существу) или его конструкціямъ.

съ этимъ отдѣлъ объ elocutio у Фолькмана могъ бы ограничиваться теоріей стилей (низкаго, средняго, высокаго); все же прочее могло бы быть соединено въ одно цѣлое съ соотвѣтствующими статьями стилистики Шмальца. Въ такомъ случаѣ и этотъ отдѣлъ грамматической науки нашелъ бы подобающее мѣсто и надлежащее освѣщеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ могла бы быть устранена и безсистемность стилистики Шмальца, такъ какъ матеріалъ ея явно распадался бы на двѣ разныя части:

1) стилистическая семазіологія: ученіе объ особенностяхъ въ употребленіи частей рѣчи;

2) стилистическая реторика, къ которой могутъ быть отнесены всѣ остальныя статьи стилистики Шмальца вмѣстѣ съ указанною частью реторики Фолькмана.

Безсистемность дѣленія въ стилистикѣ Шмальца происходитъ отъ новизны самого дѣла, и Шмальцу приходится тутъ быть новаторомъ, если не всецѣло, то во всякомъ случаѣ еще болѣе, чѣмъ въ собственномъ синтаксисѣ. Неудивительно, если Шмальцъ, создавая въ силу обстоятельствъ новый типъ латинской стилистики — стилистику историческую, не сумѣлъ сразу отрѣшиться отъ прежнихъ понятій, успѣвшихъ пустить глубокіе корни. Прежняя школа стилистиковъ, съ Негельсбахомъ[1]) во главѣ, представляла себѣ стилистику въ видѣ систематическаго сборника наставленій для пріобрѣтенія умѣнья писать по-латыни возможно правильно и изящно. Очевидно, что при такой постановкѣ вопроса стилистика по необходимости почерпала матеріалъ съ одной стороны изъ синтаксиса, а съ другой — изъ реторики съ фразеологіей по срединѣ, не находя точно опредѣленныхъ границъ ни въ ту, ни въ другую сторону. При новой постановкѣ дѣла разграниченіе явленій можетъ, а, слѣдовательно, и должно быть проведено съ возможною точностью и отчетливостью, чего у Шмальца пока еще не имѣемъ.

Въ настоящее время мы находимся въ періодѣ историческаго направленія грамматическихъ дисциплинъ. Когда будутъ установлены этимъ путемъ достаточно полныя и точныя понятія объ отдѣльныхъ языковыхъ явленіяхъ въ ихъ исторической и прагматической послѣдовательности, тогда наступитъ очередь для философіи языка съ ея отвлеченными опредѣленіями и обобщеніями, а классификація языковыхъ явленій составитъ, конечно, одну изъ первыхъ ея задачъ[2]). Но это уже касается внутренняго освѣщенія основаній и процессовъ

---

1) Объ этой стилистикѣ будетъ у насъ рѣчь въ слѣдующей книжкѣ „Фил. Об.“.

2) Ср. попытку основной классификаціи науки о языкѣ у Потебни, Зап.[2] стр. 38 съ своеобразнымъ (но врядъ ли удачнымъ) опредѣленіемъ терминовъ „синтаксисъ“, „синтактическій“.

общаго языковаго творчества. Историческій же методъ, при содѣйствіи сравнительнаго метода, долженъ давать фактическую картину судебъ и взаимной связи языковыхъ явленій въ данномъ языкѣ или въ данной отрасли языковъ; картина эта была бы, однако, не полная, еслибъ недоставало достаточно ясной группировки этихъ явленій въ томъ видѣ, какъ она сложилась въ силу историческихъ условій.

И. Нетушилъ.

Wilh. Christ. Geschichte der griechischen Litteratur bis auf die Zeit Iustinians. 2-te vermehrte Aufl. Mit 24 Abbild. München, 1890. (Стр. XII + 769.)

Общія сочиненія, имѣющія своею цѣлью объединить результаты частичныхъ изслѣдованій и представить въ ясныхъ, сжатыхъ, но полныхъ обзорахъ тѣ положительныя данныя, которыми располагаютъ нынѣ отдѣльныя дисциплины филологической науки, имѣются въ нынѣшней ученой литературѣ въ такомъ значительномъ количествѣ, что сдѣлать между ними выборъ для начинающаго филолога и вообще для образованныхъ людей, интересующихся этою отраслью знанія, представляется дѣломъ весьма нелегкимъ. Особенно посчастливилось, кажется, за послѣднее время по части такихъ общихъ сочиненій исторіи греческой литературы. Книги Джевонса, Бендера, Нажотта (Nageotte), Круазе, Эде́ (Edet), Криста (1-е и 2-е изд.), Зитцлера, Эгже (Egger), отчасти Зиттля (3-й томъ), не говоря уже о новыхъ изданіяхъ трудовъ Магаффи, Коппа, Дельтура, Пьеррона и др., — всѣ появились въ теченіи послѣднихъ пяти-шести лѣтъ. Не всѣ онѣ, разумѣется, равно цѣнны, не всѣ и разсчитаны на одинаковый кругъ читателей. Здѣсь мы намѣрены представить рефератъ объ одной изъ нихъ, полное названіе которой приведено выше и для которой солидною рекомендаціею служитъ и имя ея автора, и необычайно быстрое появленіе второго изданія.

„Исторія греческой литературы“ Криста составляетъ часть извѣстнаго собранія „Handbuch der klassischen Alterthumswissenschaft“, издаваемаго Ив. Мюллеромъ и знакомаго русской публикѣ по переводамъ „Греческихъ древностей“ Бузольта и „Политической исторіи Греціи“ Пёльмана. Всѣмъ руководствамъ, входящимъ въ составъ этого собранія, свойственна простая, весьма доступная и ясная форма изложенія, большая

сжатость и совершенная самостоятельность, — достоинства, которыми отличается и трудъ Криста. Въ книгѣ послѣдняго читатель не встрѣтитъ ни утомительныхъ и ненужныхъ подробностей, ни излишней массы подстрочныхъ примѣчаній, въ коихъ нашъ авторъ помѣстилъ лишь самонужнѣйшія выдержки изъ источниковъ, необходимыя литературныя указанія да кое-какія дополненія и разъясненія къ тексту. Впрочемъ, и при самомъ строгомъ выборѣ матеріала, сочиненіе Криста, въ составъ котораго введены лишь самыя существенныя данныя исторіи греческой литературы, представляетъ объемистый томъ почти въ 800 страницъ большого формата и убористой печати.

Книга заключаетъ въ себѣ краткое введеніе (о томъ, что такое исторія литературы, о методахъ этой науки, ея дѣленіи, объ историко-литературныхъ занятіяхъ въ древности, о новѣйшихъ работахъ по этому предмету) и затѣмъ распадается на два крупныхъ отдѣла: классическій періодъ греческой литературы (до Аристотеля включительно) и послѣ-классическій періодъ (до временъ Юстиніана). Въ концѣ книги имѣется приложеніе, посвященное спеціальной (научной) литературѣ древнихъ грековъ и христіанскимъ писателямъ. Въ изложеніи исторіи перваго періода (классическаго) Кристъ придерживается эйдографическаго метода и разсматриваетъ сперва поэтическія произведенія по ихъ родамъ (эпосъ, лирика, драма), потомъ прозаическія (исторія, краснорѣчіе, философія). Во второмъ отдѣлѣ встрѣчаемъ болѣе дробное дѣленіе на хронологическіе подъотдѣлы (вѣкъ александровскій, римскій періодъ отъ Августа до Константина, римскій періодъ отъ Константина до Юстиніана) съ общею характеристикою для каждаго и съ тѣмъ же порядкомъ разсмотрѣнія литературныхъ произведеній по родамъ въ предѣлахъ каждаго.

Не совсѣмъ понятно, отчего Кристъ не счелъ нужнымъ примѣнить принципъ хронологическаго дѣленія и къ первой части своего труда. По поводу римскаго періода греческой литературы онъ самъ говоритъ: „am leichtesten wäre es dieselbe einfach bis zum Schlusse des Alterthums oder bis zur Regierung Justinians reichen zu lassen. Aber ein Zeitraum von mehr als 500 Jahren ist zu gross und würde die zur selben Zeit lebenden Vertreter verschiedener Litteraturgattungen zu weit auseinanderrücken. Den Redner Dion erst nach Zosimos oder den Epigrammatiker Agathias vor Strabon und Plutarch zu behandeln, geht doch nicht an“ (стр. 525). Но развѣ это соображеніе не было бы справедливо также и для слишкомъ шестисотлѣтняго классическаго періода? Неужели трактовать сперва о Менандрѣ, Филемонѣ, Дифилѣ, а потомъ о логографахъ и философахъ-гилозоистахъ въ практическомъ отношеніи удобнѣе, нежели говорить объ

ораторъ Діонъ после Зосима? Неужели аттическій періодъ греческой литературы отличается отъ предшествующихъ ему стадій развитія литературной деятельности въ Греціи не въ такой степени резко, какъ римскій періодъ отъ века александрійской образованности? И не заслуживалъ ли бы онъ более обстоятельной и общей характеристики, нежели те разрозненныя, брошенныя вскользь замечанія, которыя находимъ въ параграфахъ 123, 128, 248 и 276?...

Мастерская статья о греческомъ языке и его діалектахъ, которою начинается изложеніе исторіи классическаго періода (стр. 10 сл.), собственно была бы скорее на своемъ месте во „введеніи", где не мешало бы также присоединить и несколько словъ о греческомъ алфавите и предположительной давности греческой письменности. Нашъ авторъ относится съ видимою сдержанностью къ темъ формальнымъ и теоретическимъ вопросамъ, которымъ Бергкъ посвятилъ добрую треть перваго тома своей „Griechische Litteraturgeschichte", — да, разумеется, и общій характеръ сочиненія не позволилъ Кристу расширить рамки своего „введенія" до более значительныхъ размеровъ; темъ не менее и стремленіе къ краткости не должно переступать меру необходимаго. А оно переступаетъ эту меру зачастую на первыхъ девяти страницахъ разсматриваемаго труда, посвященныхъ предварительнымъ замечаніямъ, да, какъ увидимъ ниже, и на дальнейшихъ его страницахъ не редко.

Отделъ о Гомере и пресловутомъ гомеровскомъ вопросе принадлежитъ къ лучшимъ частямъ книги. Собственная теорія Криста о Гомере и гомеровскомъ эпосе составляетъ слишкомъ твердое и заветное его убежденіе для того, чтобы онъ могъ отказать себе въ довольно подробномъ ея изложеніи; но она не помешала ему отнестись къ прочимъ теоріямъ съ тою объективностью, какой мы въ праве требовать отъ „руководства", и читатель, мало знакомый съ предметомъ, вынесетъ изъ чтенія соответствующихъ местъ книги вполне ясное и отчетливое о немъ представленіе. Не можемъ при этомъ не отметить съ полнымъ удовольствіемъ и того, что, несмотря на усердныя старанія многихъ ученыхъ за последнее время поколебать значеніе древнихъ свидетельствъ о такъ называемой литературной коммиссіи Писистрата и ея роли въ исторіи гомеровской критики, Кристъ предпочелъ сохранить прежнюю точку зренія на этотъ предметъ и не увлекся примеромъ Флаха и Лудвиха, считающихъ Писистратову редакцію гомеровскихъ песенъ за тенденціозный и противоречивый миѳъ.

Гомеровскимъ гимнамъ нашъ авторъ уделилъ меньше места, нежели они заслуживаютъ. Къ тому же самое изложеніе вопроса о гимнахъ таково, что врядъ ли читатель, незнакомый съ нимъ

по другимъ сочиненіямъ и не читавшій самихъ гимновъ, будетъ въ состояніи разобраться въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя онъ можетъ почерпнуть изъ книги Криста. Что напр. сообщитъ ему эта книга хотя бы о первомъ гимнѣ нашей коллекціи? Только то, что изъ всѣхъ гимновъ — это древнѣйшій и прекраснѣйшій, что онъ представляетъ собственно соединеніе двухъ однородныхъ стихотвореній, предназначавшихся для разныхъ мѣстъ почитанія Аполлона и отмѣченныхъ различнымъ характеромъ, что авторъ первой его части называетъ себя слѣпымъ пѣвцомъ изъ Хіоса, а авторъ второй принадлежалъ къ Гесіодовой школѣ, что Ѳукидидъ и Аристофанъ приписывали авторство Гомеру, а схоліастъ Пиндара — гомериду Киnэѳу, каковой однако скорѣе можетъ считаться интерполяторомъ стихотворенія. Вотъ и все. Ни слова объ объемѣ Аполлонова гимна, о его содержаніи и его эстетическихъ достоинствахъ, наконецъ о томъ, въ чемъ же заключается различіе между двумя его частями и между двумя-ли только. Я полагаю, что эта поэма въ 546 стиховъ заслуживала даже въ такомъ руководствѣ, какова книга Криста, нѣсколько бо́льшаго къ ней вниманія. Изложеніе прочихъ гимновъ также чрезмѣрно кратко, при чемъ основной характеръ эпическаго гимна или, какъ называли этотъ литературный родъ, проэмія, — такъ сказать, стиль его, остался совершенно невыясненнымъ.

Послѣ весьма поучительныхъ главъ объ эпическомъ циклѣ, Гесіодѣ и гесіодическомъ эпосѣ слѣдуетъ глава 6-я, заключающая въ себѣ трактатъ о „позднѣйшихъ эпикахъ". Въ число этихъ эпиковъ Кристъ включилъ два, три лица, о дѣятельности которыхъ сохранились полубаснословныя сказанія и о которыхъ стоило бы упомянуть развѣ только въ подстрочномъ примѣчаніи. Таковъ извѣстный Аристей, мнимый авторъ поэмы объ одноглазыхъ Аримаспахъ, таковъ Абарисъ, таковъ Эпименидъ критскій, — все имена, ничего не говорящія ни уму, ни сердцу историка литературы. Въ позднѣйшія времена, когда политическія, коммерческія, партійныя и иныя цѣли вызывали появленіе всевозможныхъ литературныхъ поддѣлокъ, весьма немалое число дѣятелей историческихъ и даже лицъ чисто миѳическихъ, вовсе непричастныхъ литературѣ, по волѣ безцеремонныхъ фальсификаторовъ прослыли авторами разнаго рода сочиненій; но это не обязываетъ историковъ литературы трактовать о нихъ, какъ о подлинныхъ авторахъ, и даже, руководясь показаніями Свиды, проставлять при каждомъ изъ нихъ, по меньшей мѣрѣ, сомнительныя хронологическія даты.

Лирика, къ которой затѣмъ переходитъ нашъ авторъ, представляетъ предметъ, хорошо ему знакомый: вѣдь и свою довольно громкую извѣстность онъ пріобрѣлъ главнымъ образомъ

благодаря работамъ по греческой метрикѣ. Какъ и подобаетъ, онъ приступаетъ къ этому отдѣлу послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ разъясненій объ отношеніи греческой лирической поэзіи къ музыкѣ, ибо „до временъ пелопоннесской войны текстъ лирическихъ произведеній и мелодія шли у грековъ нога въ ногу". Къ сожалѣнію, темный терминъ „*νόμος*", съ которымъ мы при этомъ прежде всего встрѣчаемся въ книгѣ Криста, объясненъ имъ недостаточно вразумительно. Выходитъ такъ, какъ будто бы номъ, какъ поэтическій родъ, представлялъ такое сочетаніе музыки и стихотворнаго текста, въ которомъ послѣдній занималъ совершенно подчиненное мѣсто. Очевидно, Кристъ смѣшиваетъ номъ, какъ форму музыкальной композиціи, представлявшую нѣчто аналогичное нашей програмной музыкѣ, съ номомъ, какъ видомъ лирическихъ стихотвореній, довольно тѣсно соприкасавшимся въ своемъ развитіи съ вышеупомянутыми эпическими проэміями, для коихъ даже употреблялось и названіе „прономій" (Steph. Byz. s. v. *Μίλητος;* срв. Suid. s. v. *Τιμόθεος*). Нѣкоторая сбивчивость и неполнота замѣтна и въ дѣленіи нома: кромѣ *νόμοι κιθαρῳδικοί* и *αὐλῳδικοί* существовали еще и „*νόμοι κιθαριστήριοι, οἷς καὶ προσηύλουν*" (Poll. IV, 83), т.-е. такіе номы, въ которыхъ пѣнію сопутствовали два музыкальныхъ инструмента, — киѳара и флейта; *νόμοι κιθαριστικοί* и *αὐλητικοί* правильно объяснены авторомъ въ смыслѣ чисто музыкальныхъ композицій (стр. 99 „für einfaches Instrumentalspiel", *ψιλὴ μουσική*), но черезъ четыре страницы говорится, что аргосецъ Сакадъ „war der Dichter des berühmten auletischen *νόμος Πυθικός*", который, стало-быть, былъ снабженъ и стихотворнымъ текстомъ (стр. 103), что врядъ ли справедливо.

Періоду болѣе развитой лирики, когда вырабатывается форма элегіи съ многоразличными видами мелоса и шутливой поэзіи, Кристъ предпосылаетъ „eine älteste, textarme Periode der griechischen Lyrik und Musik". Насколько это основательно, трудно судить, такъ какъ это не болѣе, какъ гипотеза. Мы склонны, напротивъ, думать, что даже въ ту отдаленную пору, когда художественное творчество предковъ греческаго народа производило еще нерасчлененные продукты, въ которыхъ слово, мимика и напѣвъ сочетались въ одно цѣлое, когда слѣдовательно въ литературной области царилъ синкретизмъ, преобладающимъ элементомъ все таки былъ элементъ словесный. Вѣдь и вплоть до временъ упадка эллинизма музыка занимала въ Греціи весьма подчиненное положеніе и вовсе не отличалась такимъ богатствомъ и разнообразіемъ формъ, которое бы позволяло поставить ее не только выше богато развитой лирики, но хотя бы даже въ уровень съ нею. Трудно

поэтому думать, что до обособленія лирики изъ первоначальнаго нерасчлененнаго, синкретическаго цѣлаго, въ которомъ она сочеталась съ музыкою, мимикою и орхестикою, „текстъ“, т.-е. слово, выраженная въ словѣ поэтическая мысль, воплощенный въ немъ поэтическій образъ, былъ чѣмъ-то второстепеннымъ, отступалъ на задній планъ передъ элементами музыкальными и мимическими.

За элегиками и ямбографами слѣдуютъ у Криста мелики съ Алкеемъ и Сапфо во главѣ и представители хорической поэзіи (Алкманъ, Аріонъ, Стесихоръ и проч.). Различіе между отдѣльными видами мелоса и хоровыхъ пѣсенъ нашъ авторъ устанавливаетъ въ особой главѣ, озаглавленной: „Arten der Lyrik im engeren Sinn“. Воздерживаясь отъ болѣе мелочныхъ замѣчаній, которыя бы можно было сдѣлать по поводу относящихся сюда параграфовъ книги, не могу не выразить своего удивленія касательно того мѣста, какое Кристъ отводитъ произведеніямъ народной поэзіи. Простыя, безыскусственныя пѣсни народа всегда составляли въ Греціи живой родникъ, изъ котораго черпала и свою силу, и свое вдохновеніе художественная лирика. Сами древніе понимали эту связь, и напр. Клеархъ (у Аѳинея XIV, 639 а) въ народныхъ любовныхъ пѣсняхъ (*τὰ ἐρωτικὰ ᾄσματα καὶ τὰ Λοκρικὰ καλούμενα*) усматривалъ образцы эротическихъ стихотвореній Сапфо и Анакреонта. Похоронныя причитанья и плачи (*θρῆνοι*), свадебныя, колыбельныя, застольныя, пастушьи пѣсни, пѣсни хороводныя, пѣсни жнецовъ, прях, собирателей винограда, пѣсни дѣтскія и военныя, волшебныя заклинанья, которыя, какъ называетъ самое ихъ названіе *ἐπῳδαί*, не произносились, а пѣлись, — все это представляло исходный пунктъ той поэзіи греческаго народа, которую мы знаемъ по письменнымъ памятникамъ, а потому и заслуживало упоминанія въ самомъ началѣ отдѣла о греческой лирикѣ. Между тѣмъ Кристъ трактуетъ объ этомъ важномъ предметѣ какъ бы мимоходомъ, въ видѣ дополнительнаго замѣчанія къ статьѣ о меликахъ, и далеко не съ тою полнотою, какая желательна и возможна даже при скудости имѣющихся въ наличности остатковъ греческой народной поэзіи. Самая скудость эта, являющаяся результатомъ чисто внѣшнихъ обстоятельствъ, а отнюдь не недостаточной производительности греческаго духа, представлена у Криста въ невѣрномъ освѣщеніи, разъ онъ указываетъ на нее „gegenüber der enormen Zahl, die unser deutsches Volk an solchen Dichtungen besitzt“.

Пиндару посвящена большая глава, аттическимъ лирикамъ — другія. Затѣмъ идетъ отдѣлъ о драмѣ съ довольно обстоятельнымъ изложеніемъ необходимѣйшихъ данныхъ изъ сценическихъ древностей. По отношенію къ новѣйшимъ предположеніямъ объ

устройствѣ греческой сцены, высказанным Дёрпфельдомъ, Гённеномъ и др., Кристъ остается на сторонѣ консервативной критики и даже не упоминаетъ объ этихъ предположеніяхъ, снискавшихъ однако за послѣднее время многихъ ревностныхъ сторонниковъ (см. A. Müller, Die neueren Arbeiten auf dem Gebiete des griech. Bühnenwesens. Philologus, VI Suppl. Bd., 1 Hälfte). На стр. 170 авторъ ошибочно приписываетъ филамъ полученіе наградъ на драматическихъ состязаніяхъ: какъ доказано проф. П. В. Никитинымъ, драматическіе агоны были состязаніями между хорегами, но не между филами. Послѣ параграфовъ 132 и 133 читатель вправѣ былъ бы ожидать, что Кристъ, сообщившій впереди знаменитое Аристотелевское опредѣленіе трагедіи (стр. 162), изложитъ вкратцѣ и ученіе Аристотеля о частяхъ трагедіи, чего онъ, къ сожалѣнію, не дѣлаетъ и ниже, въ статьѣ объ Аристотелевской „Поэтикѣ“ (стр. 417). Весь отдѣлъ о драмѣ занимаетъ въ книгѣ больше ста страницъ (160—272), при чемъ авторъ почему-то присоединилъ къ разсмотрѣнію средней комедіи и изложеніе исторіи новой комедіи, которая будто бы такъ тѣсно связана съ поэзіею до александрійскаго періода, что не можетъ быть отъ нея отдѣлена (стр. 268). Этотъ взглядъ Криста послужилъ только къ вящему усиленію той непослѣдовательности въ диспозиціи книги, на которую я указалъ выше.

Прозаическимъ писателямъ авторъ разсматриваемаго сочиненія удѣлялъ меньше мѣста, нежели поэтамъ: логографамъ напр. посвящено четыре страницы, Геродоту восемь, Θукидиду семь, но въ этихъ предѣлахъ собрано весьма много важнаго матеріала; а характеристики Геродота и Θукидида, при полной объективности, отличаются большою обстоятельностью и подобающимъ вниманіемъ къ указаніямъ новѣйшей отрицательной критики. Въ противовѣсъ однако неблагопріятному сужденію Ктесія о достовѣрности свидѣтельствъ Геродота, которое Кристъ отмѣчаетъ на страницахъ своей „Исторіи греческой литературы“ дважды (стр. 287, прим. и 307), слѣдовало бы указать также и на полубаснословный и отчасти романическій характеръ произведеній самого Ктесія со ссылкою на Rohde, Der griech. Roman, стр. 39 и 193. — Изложеніе исторіи краснорѣчія грѣшитъ нѣкоторою недостаточностью литературныхъ указаній (при Антифонтѣ напр. недостаетъ ссылки на большое сочиненіе Cucuel'я о языкѣ и стилѣ этого оратора и изслѣдованіе Kohm'а о подлинности его тетралогій; въ статьѣ о Демосθенѣ не находимъ указанія на Uhle, De prooem. collectionis, quae Demosthenis nomine fertur, origine и Бласса, которые держатся на Демосθеновы проэміи иного взгляда, нежели нашъ авторъ и цитуемый имъ Свобода), а равно несоблюденіемъ пропорціо-

нальности въ отдѣльныхъ частяхъ. Тоже слѣдуетъ сказать и относительно отдѣла, посвященнаго философіи, гдѣ предшественники Платона и Аристотеля, особенно же сократовцы, трактованы слишкомъ поверхностно.

Исторія послѣ-классическаго періода греческой литературы открывается у Криста занимающею восемь страницъ характеристикою его. Здѣсь читатель найдетъ краткія свѣдѣнія объ александрійскихъ библіотекахъ и о музеѣ, о Пергамѣ, Антіохіи и другихъ просвѣтительныхъ центрахъ временъ діадоховъ. Подъ рубрикою „Поэзія" на первомъ мѣстѣ, какъ и подобаетъ, стоитъ элегія и эпиграмма, затѣмъ слѣдуютъ — идиллія, эпосъ, драма и пародія, но, разумѣется, при многосторонности александрійскихъ поэтовъ нашему автору не удалось выдержать во всѣхъ частяхъ эту систему, и напр. Каллимахъ, помѣщенный среди элегиковъ, трактуется въ этомъ же мѣстѣ и какъ авторъ Гекалы и эпическихъ гимновъ, и даже какъ прозаикъ и составитель цѣлой массы ученыхъ сочиненій по разнымъ отраслямъ знанія. Напротивъ, въ небольшомъ параграфѣ, посвященномъ Александру Этольскому, упоминается почти исключительно о его элегіяхъ и не говорится ни о дошедшихъ до насъ эпиграммахъ его, ни о его эпическихъ, кинедологическихъ и драматическихъ произведеніяхъ (послѣднія отнесены къ § 346), ни о его ученыхъ трудахъ.

Мы не будемъ останавливаться на дальнѣйшихъ частяхъ полезной и содержательной книги Криста, такъ какъ изъ предложеннаго краткаго обзора почти двухъ третей ея достаточно выясняется общій характеръ этого произведенія. Замѣтимъ только, что нѣкоторый схематизмъ, которымъ оно страдаетъ, обнаруживается съ особенною рельефностью именно во второй его половинѣ, гдѣ изложеніе вообще суше, сжатѣе и бѣднѣе интересомъ. Здѣсь не рѣдкость встрѣтить страницы, представляющія безжизненную номенклатуру. Къ числу наиболѣе удачныхъ статей въ послѣднихъ отдѣлахъ книги принадлежатъ §§ 423 слл. (о Плутархѣ), §§ 466—490 (о позднѣйшей софистикѣ и о Лукіанѣ), §§ 550 слл. (о греческомъ романѣ, — главнымъ образомъ по Роде). За то весьма недостаточно обработанъ вопросъ о Гиппократѣ (§ 580): во первыхъ, статья объ „отцѣ врачебной науки", который былъ однимъ изъ древнѣйшихъ представителей греческой прозы, отнесена на самый конецъ книги, подъ рубрику спеціально-научной литературы; во-вторыхъ, перечень важнѣйшихъ сочиненій Гиппократа и гиппократовцевъ не снабженъ никакою общею характеристикою. Какъ показалъ Пошенридеръ (Кристъ ссылается лишь на одно изслѣдованіе этого автора, относящееся къ Аристотелю, — назову здѣсь поэтому другое: „Die platonischen Dialoge in ihrem Verhältnisse

zu den Hippokratischen Schriften". Bamberg 1882), не только Аристотель, но и Платонъ пользовался трактатами Гиппократа, а „великій стагиритъ" этимъ трактатамъ обязанъ многими мыслями, разсѣянными въ его естественно-научныхъ сочиненіяхъ. Поэтому всего лучше было бы не нарушать хронологической послѣдовательности и отвести Гиппократу, отличавшемуся и большимъ литературнымъ талантомъ, мѣсто среди прочихъ древнихъ греческихъ прозаиковъ, писавшихъ на іоническомъ нарѣчіи, — первыхъ піонеровъ философской мысли и исторической науки.

Книга Криста заключается спискомъ попадающихся въ ней собственныхъ именъ и 24-мя изображеніями выдающихся литературныхъ дѣятелей. Послѣднія и по выбору, и по исполненію составляютъ весьма цѣнное ея украшеніе.

Безъ сомнѣнія, разсмотрѣнная нами „Исторія греч. литературы" пріобрѣла уже многихъ друзей и пріобрѣтетъ со временемъ еще больше. Она обладаетъ крупными и безспорными достоинствами, удобна для справокъ, интересна, какъ сводъ новѣйшихъ результатовъ научнаго изслѣдованія въ области греческой литературы, доступна по своему изложенію и для начинающихъ филологовъ, и для неспеціалистовъ, относительно не велика по объему и не дорога по цѣнѣ. Но, какъ мы видѣли, она не безъ недостатковъ, и нѣкоторые изъ нихъ довольно существенны. Кристъ говоритъ: „Über einen umfangreichen Gegenstand ein Buch von kleinem Umfang zu schreiben ist auch eine Kunst, die ihren Mann fordert". Это дѣйствительно трудное искусство, и оно дается не сразу: сочиненіе, о которомъ у насъ шла рѣчь, выдержитъ, конечно, нѣсколько изданій и постепенно освободится отъ разнаго рода недочетовъ, не мѣшающихъ ему, впрочемъ, и въ настоящемъ своемъ видѣ служить полезнымъ пособіемъ при учебныхъ и даже ученыхъ занятіяхъ.

А. Деревицкій.

Ch. Bénard. L'esthétique d'Aristote et de ses successeurs. Paris 1889. (386 стр. in 8°.)

Ближайшимъ побужденіемъ говорить о книгѣ, вышедшей въ свѣтъ больше трехъ лѣтъ тому назадъ, послужилъ для меня рефератъ г. Аппельрота объ аристотелевской поэтикѣ въ гимназическомъ преподаваніи, изложенный въ „Отчетѣ о дѣятельности Кружка преподавателей древнихъ языковъ въ Москвѣ"

(М. 1892, стр. 15 сл.). Какъ явствуетъ изъ этого Отчета, г. Аппельротъ настаиваетъ на необходимости знакомить учениковъ гимназіи при чтеніи греческихъ трагедій съ основными положеніями эстетической теоріи Аристотеля, въ особенности же съ его ученіемъ о трагедіи, — о составныхъ частяхъ послѣдней, о характерахъ дѣйствующихъ лицъ, о различныхъ моментахъ драматическаго дѣйствія (*δέσις, τύχης μεταβολή, λύσις*) и т. д. Члены Кружка отнеслись къ этой мысли сочувственно, и, разумѣется, такъ же отнесется къ ней и всякій, кому близки и дороги интересы школьнаго преподаванія греческаго языка. Ознакомленіе съ аристотелевскою теоріею трагедіи безусловно необходимо для полнаго пониманія всѣхъ особенностей греческой драмы, столь во многомъ отличной отъ современныхъ произведеній драматической поэзіи.

Но извѣстно, съ какими трудностями сопряжено чтеніе «Поэтики» Аристотеля, какъ много въ ней темнаго и сомнительнаго, начиная съ знаменитаго опредѣленія трагедіи, въ которомъ слова: *φόβος, ἔλεος, κάθαρσις* до сихъ поръ продолжаютъ смущать комментаторовъ. Поэтому не могу не обратить вниманія читателей, интересующихся этимъ предметомъ, на сочиненіе Бенара, весьма способное служить полезнымъ пособіемъ при изученіи эстетической теоріи великаго стагирита.

Уже Вильгельмъ Гумбольдтъ сказалъ: «всякое пониманіе есть вмѣстѣ и непониманіе, всякое согласіе въ мысляхъ — вмѣстѣ и несогласіе». Большинство ученыхъ, приступавшихъ въ возсозданію аристотелевской эстетики по тѣмъ ея обрывкамъ, которые сохранились тамъ и сямъ въ его твореніяхъ, вносило много личнаго и произвольнаго въ истолкованіе этихъ обрывковъ. Философы смотрѣли на ученіе Аристотеля сквозь призму собственныхъ философскихъ теорій, и такимъ образомъ, говоритъ Бенаръ, въ XVII вѣкѣ д'Обиньякъ, Дасье, Буало, Корнель и другіе имѣли свою аристотелевскую эстетику, въ XVIII в. Баттё, Дюбо, Мармонтель и др. — свою, а въ наше время есть Аристотель кантовскій, фихтевскій, гегеліанскій, гербартовскій, шопенгауеровскій, не считая Аристотелей, которыхъ готовы изготовить намъ англійскіе, французскіе и нѣмецкіе эстетики-позитивисты: «pour ce qui est du véritable Aristote, il est assez difficile à reconnaître sous ses divers travestissements».

Авторъ занимающаго насъ сочиненія въ противовѣсъ всѣмъ этимъ ученымъ фикціямъ старается нарисовать картину подлинно-аристотелевскихъ эстетическихъ воззрѣній, заранѣе примиряясь съ тѣми пробѣлами, которые въ виду недостаточности нашихъ свѣдѣній въ подобной картинѣ должны быть неизбѣжны. И слѣдуетъ отдать ему справедливость, — онъ сумѣлъ сгру-

передать и объяснить все то, что уцѣлѣло до нашихъ дней отъ эстетики Аристотеля, съ большимъ толкомъ, вразумительностью и объективностью.

Книга распадается на двѣ части. Въ первой ея половинѣ разсматривается аристотелевское опредѣленіе *«прекраснаго» (τὸ γὰρ καλὸν ἐν μεγέθει καὶ τάξει)* и отношеніе понятія о *«прекрасномъ» (καλόν)* къ понятіямъ о *«добромъ» (ἀγαθόν)* и *«полезномъ»*, — далѣе, понятіе объ искусствѣ и *μίμησις*, какъ основномъ принципѣ художественнаго творчества; дѣлается попытка опредѣлить, въ чемъ состоитъ художественный идеалъ Аристотеля, предлагается аристотелевское дѣленіе искусствъ, подробно (въ двухъ главахъ) разъясняется содержаніе «Поэтики», говорится о взглядахъ стагирскаго философа на музыку и ея этико-педагогическое значеніе, на орхестику и мимику, на живопись, скульптуру и архитектуру, на искусства, предназначенныя для свободнорожденныхъ, развивающія тѣло и возвышающія душу, и ремесла, занятія которыми должны принадлежать рабамъ. Тамъ, гдѣ это возможно и необходимо, къ сравненію привлекается ученіе Платона, а въ обширномъ «заключеніи» указывается на значеніе аристотелевской теоріи для древней эстетики.

Весь этотъ (первый) отдѣлъ составляетъ въ книгѣ самостоятельное цѣлое. Вторая часть (стр. 159 – 369) заключаетъ въ себѣ обзоръ эстетическихъ ученій перипатетиковъ, эпикурейцевъ, стоиковъ, скептиковъ, эклектиковъ (Цицерона и Плутарха), наконецъ людей, не бывшихъ философами въ болѣе тѣсномъ значеніи этого слова, — реторовъ, грамматиковъ, историковъ искусства, поэтовъ, художниковъ и проч. Послѣднюю главу занимаетъ изложеніе эстетики неоплатониковъ. Въ концѣ книги приложена весьма полезная критико-библіографическая замѣтка о новѣйшей ученой литературѣ, посвященной вопросу объ эстетическихъ воззрѣніяхъ Аристотеля.

Сочиненіе Бенара написано съ обычною для французовъ ясностью и доступно по своему изложенію и для неспеціалистовъ. Къ сожалѣнію, оно обезображено множествомъ опечатокъ, отъ которыхъ пострадали въ особенности попадающіеся въ книгѣ греческіе тексты. Многіе изъ нихъ вслѣдствіе этого рѣшительно неудобочитаемы. Въ цитатахъ мы также кое-гдѣ замѣтили неточности[1]).

А. Деревицкій.

---

[1]) По отношенію къ затронутому вопросу необходимо указать на превосходную книгу Рейнкенса: Aristoteles über Kunst, besonders über Tragödie. Exegetische und kritische Untersuchungen von Dr. J. H. Reinkens, Wien 1870,

Г. Ф. Шульцъ. Критическія замѣтки къ тексту трагедіи Софокла „Царь Эдипъ". Харьковъ 1891.

Книга г. Шульца состоитъ изъ двухъ частей: въ первой изъ нихъ излагаются вкратцѣ недостатки традиціоннаго текста Софокла и принципы современной конъектуральной критики; во второй предлагаются конъектуры къ нѣкоторымъ мѣстамъ „Царя Эдипа".—Первая часть носитъ характеръ библіографическій и не представляетъ ничего новаго. Г. Шульцъ слѣдуетъ въ общемъ принципамъ, выработаннымъ современной филологіей, какъ они высказываются въ трудахъ Наука, Геймзота и др. Во второй части Г. Шульцъ предлагаетъ конъектуры къ семи мѣстамъ царя Эдипа: къ стихамъ 11, 18, 88, 227, 360, 579 и къ хору 1086—1109. Г. Шульцъ приводитъ сначала традиціонный текстъ (по Laurentianus), затѣмъ разбираетъ конъектуры новѣйшихъ ученыхъ и, наконецъ, показавъ ихъ неудовлетворительность, предлагаетъ свою. Выходитъ довольно обстоятельный разборъ каждаго мѣста, тѣмъ болѣе, что Г. Шульцъ беретъ такіе стихи, которыми критика много занималась и которые поэтому даютъ обильный матеріалъ, такъ сказать, для критики самихъ критиковъ. Изъ конъектуръ г. Шульца лучшими можно считать къ 18 ст. *(οἱ δὲ νερτέρων* вм. *οἱ δε ἠιθέων)*, къ 88 *(εὖ τυχεῖν* вм. *εὐτυχεῖν)*, къ 360 *(ἦ ἔκπαγλος λόγος* вм. *ἢ 'κπειρᾷ λέγειν)*, и къ 579 *ἀρχῆς ἐκείνῃ πάντα σῆς ἴσον νέμων* вм. *ἄρχεις δ' ἐκείνῃ ταὐτὰ γῆς ἴσον νέμων*. Остальныя же конъектуры едва ли могутъ считаться удачными. Такъ къ 11 ст. *σπερχθέντες* (вм. *στέρξαντες)* не идетъ ни по смыслу, ни по употребленію своему у аттиковъ. Точно такъ же весьма смѣла и неправдоподобна поправка къ 227 ст. *(κεἰ μὲν πολεῖ τῆδ' αὐτόχειρ, ἐκφαινέτω αὐτός μοι αὐτὸν* и пр. вм. *κεἰ μὲν φοβεῖται τοὐπίκλημ' ὑπεξελὼν αὐτὸς καθ' αὑτοῦ* и пр.). Гораздо лучше поправка Бледса (Blaydes): *καὶ μὴ φοβείσθω τοὐπίκλημ' ὑπεξελεῖν αὐτὸς καθ' αὑτοῦ*. Наконецъ весьма сомнительна конъектура къ 1101 ст. *ἢ σύ γ' ἐκ θηράτορος Λοξίου* вм. *ἢ σέ γε θυγάτηρ Λοξίου*. Лучше поправка Арндта *ἢ σέ γ' εὐνάτειρα Λοξίου*. Въ заключеніе замѣтимъ, что г. Шульцъ при каждой конъектурѣ считаетъ нужнымъ наглядно представить, какимъ образомъ первоначальный, вѣрный текстъ могъ быть искаженъ переписчиками и получить ту форму, какую онъ имѣетъ въ рукописи Laurentianus. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы тутъ имѣемъ дѣло съ такими догадками, которыя представляются намъ не болѣе, какъ игрою фантазіи (напр. къ ст. 227, стр. 72).

А. В.

(339 стр.). Въ ней, помимо точнаго изложенія и разбора эстетическаго ученія Аристотеля, читатель найдетъ сводъ всѣхъ выдающихся толкованій знаменитаго аристотелевскаго опредѣленія трагедіи и особенно слова *κάθαρσις*. Эта книга одна замѣняетъ, такимъ образомъ, цѣлую библіотеку: къ ней, кромѣ Бенара, можно прибавить развѣ только тѣ изъ статей Бернайса, которыя появились послѣ 1870 г. (напр. J. Bernays, Zwei Abhandlungen über die aristot. Theorie der Drama, Berlin, 1880). — На русскомъ языкѣ есть переводъ „Поэтики" — В. И. Захарова, Варшава 1885 съ предисловіемъ и примѣчаніями, впрочемъ мало цѣнными въ виду незнакомства переводчика съ новѣйшей литературой по этому вопросу. *Ред.*

Gai Institutiones ad codicis Veronensis apographum Studemundianum in usum maxime academicum edidit Theodorus Dydynski. Adjecta est Russica versio et commentatio de vita et scriptis Gai. Варшава 1890—1891.

Институціи Гая. Кн. I—II. Перевелъ по изданію Крюгера и Штудемунда Михаилъ Бобинъ. Харьковъ 1892.

„Римское право, какъ въ своей исторіи, такъ и въ своей системѣ должно быть основнымъ требованіемъ юридическаго испытанія... Основаніемъ устнаго и письменнаго испытанія будетъ служить подлинный текстъ институцій Гая и императора Юстиніана“. Такое указаніе экзаменныхъ требованій вызвало еще въ 1887 г. появленіе въ свѣтъ Институцій Гая въ переводѣ Д. Расснера. Въ настоящее время лежатъ передъ нами два новые перевода: Варшавскаго профессора Ѳ. М. Дыдынскаго и харьковскаго стипендіата по каѳедрѣ римскаго права М. Бобина. Оба эти перевода передаютъ только первые два комментарія Гая (у Расснера переведены всѣ 4 комментарія). Профессоръ Дыдынскій давно извѣстенъ, какъ знатокъ и спеціалистъ по этому автору. Еще въ 1865 г. изданъ имъ въ Варшавѣ польскій переводъ подъ заглавіемъ: Instytucye Gaja przepolszył, uwagami opatrzył i pierwotwór dodał Dr. Teodor Dydyński. Русское изданіе, печатавшееся въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ за 1890—1891 годы заключаетъ въ себѣ прежде всего списокъ изданій и переводовъ Гая, а также и сочиненій, касающихся этого писателя. Затѣмъ слѣдуетъ латинскій текстъ и параллельно съ нимъ, на каждой половинѣ каждой страницы, русскій переводъ съ присоединеніемъ кое-какихъ ссылокъ и замѣчаній тутъ же подъ русскимъ переводомъ. Нельзя не признать такого распредѣленія весьма практичнымъ. Къ этому въ заключеніе прибавлено довольно обширное „Введеніе“ о Веронскомъ спискѣ Институцій и о жизни и сочиненіяхъ Гая[1]). Профессору Дыдынскому при составленіи его труда былъ извѣстенъ и переводъ Расснера, о которомъ, однако, онъ отзывается слѣдующимъ образомъ: „Жаль, что редакторъ перевода, котораго языкъ отличается впрочемъ ясностью, не обратилъ вниманія на юридическую терминологію и не постарался уразумѣть точнѣе опредѣленія Гаевыхъ Институцій. Переводъ служитъ пособіемъ для учащихся, а потому его долженъ отличать правильный способъ выраженія“. Сличеніе обоихъ показываетъ, что переводъ проф. Дыдынскаго во многихъ мѣстахъ выглядитъ только какъ бы исправленною переработкою перевода Расснера. Исправленія

---

[1]) Въ этомъ введеніи стр. XL Юстиніанъ все еще называется Управдой, хотя теперь уже не можетъ быть сомнѣнія, что славянское имя этого императора ничто иное, какъ pia fraus.

эти въ большинствѣ случаевъ являются дѣйствительнымъ улучшеніемъ; но есть и неудачныя исправленія. Такъ напр. I, 46: si testamento scriptis in orbem servis libertas data sit Расснеръ переводитъ такъ: „Если рабамъ, записаннымъ въ завѣщаніи по порядку, дана будетъ свобода". По этому поводу, Дыдынскій дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Расснеръ не понялъ смысла выраженія in orbem", а затѣмъ переводитъ это мѣсто такъ: „Если рабамъ, перечисленнымъ въ завѣщаніи безъ извѣстнаго порядка, дана будетъ свобода". Выраженіе „безъ извѣстнаго порядка" есть, очевидно, только исправленіе выраженія Расснера „по порядку", а не самостоятельный переводъ термина in orbem; впрочемъ, самъ Расснеръ предлагаетъ въ поправкахъ, ускользнувшихъ отъ вниманія проф. Дыдынскаго, правильный, хотя не совсѣмъ ясный переводъ „по кругу". Дѣло въ томъ, что на основаніи lex Fufia Canina по завѣщанію можно было тогда отпускать только извѣстное количество рабовъ, пропорціонально къ общему ихъ количеству. Если же въ завѣщаніи было поименовано больше рабовъ, чѣмъ дозволялось, то для отпущенія на волю просто отсчитывались первыя имена въ спискѣ до положенной закономъ нормы, остальные же рабы оставались ни съ чѣмъ. Въ обходъ этого закона былъ придуманъ способъ записыванія именъ въ видѣ круга или вѣнка, или, какъ характеризуетъ его эпитоматоръ Гая: in circulo, ut qui prior, qui posterior nominatus sit, non possit agnosci. Объ этой-то уловкѣ и говоритъ Гай въ указанномъ мѣстѣ. Кстати сказать, также и выраженіе „дана будетъ свобода", повторяющееся у Расснера и Дыдынскаго, не совсѣмъ точно, такъ какъ именно по этому же мѣсту Гая такое завѣщаніе въ этой части признавалось недѣйствительнымъ, такъ что никто изъ рабовъ не получалъ свободы. Другой примѣръ. Слѣдующее мѣсто (I, 122) „ideo autem aes et libra adhibetur, quia olim aereis tantum nummis utebantur, et erant asses, dupondii, semisses, quadrantes, nec ullus aureus vel argenteus nummus in usu erat, sicut ex lege XII tabularum intellegere possumus" переведено у г. Дыдынскаго такъ: „Мѣдь и вѣсы употребляются потому, что нѣкогда пользовались только мѣдными деньгами, такъ что существовали ассы: (!) dupondii, semisses, quadrantes, а не было въ употребленіи ни одной золотой или серебрянной монеты". Что здѣсь двоеточіе послѣ „ассы" не составляетъ случайной опечатки, видно изъ того, что слѣдующія затѣмъ слова: veluti asses librales erant et dupondii pondo duas erant libras, nam inde etiam dupondius dictus est переведены такъ: „Такъ напр. ассы были вѣсомъ въ два (!) фунта, почему монета эта (!) и названа была dupondius". Такой переводъ несомнѣнно не только очень страненъ, но вдобавокъ еще довольно

курьезенъ, такъ какъ онъ вызванъ случайной ошибкой (повидимому типографской) у Расснера, который печатаетъ первую часть такъ: „и были ассы: (!) dupondii, semisses, quadrantes и не было въ употребленіи ни одной золотой или серебряной монеты“; но далѣе вѣрно и вполнѣ ясно: „ассы, напримѣръ, были вѣсомъ въ фунтъ, а dupondii были вѣсомъ въ 2 фунта“.

Ограничиваемся этими двумя указаніями, свидѣтельствующими о недостаточномъ вниманіи со стороны г. Дыдынскаго къ латинскому тексту. Мы не хотѣли этимъ умалить его заслуги, а желали только показать, что появленіе новаго перевода вслѣдъ за его трудомъ не является дѣломъ излишней роскоши, а имѣетъ такую же raison d'être по отношенію къ своимъ предшественникамъ, какъ и переводъ проф. Дыдынскаго по отношенію къ работѣ г. Расснера.

Главное достоинство новаго перевода г. Бобина заключается въ вѣрности и точности въ передачѣ содержанія, свидѣтельствующей о хорошихъ познаніяхъ въ латинскомъ языкѣ вообще, и по отношенію къ языку Гая въ частности. Мысли подлинника воспроизводятся правильно, не только по отношенію къ отдѣльнымъ оборотамъ и реченіямъ, свойственнымъ какъ классической, такъ и „серебряной“, спеціально юридической, латыни, но и по отношенію къ ихъ мѣсту въ окружающемъ ихъ контекстѣ. Въ этомъ отношеніи переводъ г. Бобина стоитъ выше перевода проф. Дыдынскаго; по крайней мѣрѣ, такихъ недоразумѣній, какія указаны выше, въ переводѣ г. Бобина не имѣется. Но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить нѣкоторой сдержанности въ пріемахъ г. Бобина, какъ переводчика, въ противоположность авторитетной самоувѣренности г. Дыдынскаго. Различие это обнаруживается въ особенности въ передачѣ техническихъ терминовъ. Между тѣмъ какъ проф. Дыдынскій старается послѣдовательно представить, по возможности, цѣльный русскій текстъ, г. Бобинъ предпочитаетъ нерѣдко удержать латинскій терминъ безъ перевода (напр. dediticii, causae probatio, in bonis, sui juris, cretio и мн. др.). Послѣдній пріемъ дѣлаетъ переводъ нѣсколько пестрымъ, но зато значительно облегчаетъ трудъ переводчика, стремящагося къ возможно болѣе точной передачѣ текста Гая; сохраненіе же латинскихъ терминовъ не противорѣчитъ ясности перевода, такъ какъ термины эти, по большей части, объясняются тутъ же, въ текстѣ Гая. Правда, всякая попытка подыскать для этихъ терминовъ удачное русское выраженіе сама по себѣ весьма симпатична. Однако и русское выраженіе должно имѣть характеръ неизмѣннаго техническаго термина. Между тѣмъ въ переводѣ профессора Дыдынскаго передается не рѣдко только существенный смыслъ всего оборота вольными словами, и притомъ разными въ раз-

ныхъ мѣстахъ. Такъ напр. въ одномъ и томъ же параграфѣ (I, 32) оборотъ: causam probare переведенъ двоякимъ способомъ: „защищать дѣло (сына)“ и „(самъ) предъявлять (свои) права“; подобнымъ образомъ разно и въ другихъ мѣстахъ, даже буквально „доказать причину“ (I, 66). Г. Бобинъ сохраняетъ вездѣ оборотъ causae probatio, вслѣдствіе чего достигается, правда, бо́льшая точность, но переводъ все-таки, на нашъ взглядъ, былъ бы лучше, если бъ переводчику удалось подыскать удачный русскій терминъ. Нужно надѣяться, что въ будущихъ изданіяхъ, которыхъ можно ожидать съ полною увѣренностію, г. Бобинъ откажется по возможности отъ обнаруживаемой теперь сдержанности въ этомъ отношеніи. Терминъ, конечно, есть нѣчто условное, и поэтому и г. Бобину придется предварительно условиться по этому дѣлу съ читателями своей книги. Удобнымъ мѣстомъ и случаемъ могъ бы оказаться подобный словарь юридическихъ терминовъ, встрѣчающихся въ текстѣ Гая, какой приложенъ къ переводу г. Расснера. Можетъ быть, и г. Бобинъ найдетъ возможнымъ присоединить къ переводу послѣднихъ двухъ комментаріевъ Гая, если онъ ихъ предполагаетъ издать, толковый словарчикъ всѣхъ терминовъ, оставшихся у него не переведенными, съ опредѣленіемъ ихъ значенія (или ссылкою на такое опредѣленіе у Гая), и вмѣстѣ съ тѣмъ съ указаніемъ способа (или способовъ) ихъ передачи на русскій языкъ. Также и въ остальныхъ частяхъ своей работы, при вторичномъ пересмотрѣ ея, переводчикъ найдетъ навѣрное достаточно поводовъ для измѣненій и поправокъ, по крайней мѣрѣ, въ формальномъ отношеніи; для этой цѣли можетъ оказать ему нѣкоторую услугу извѣстная книга Кальба „Roms Iuristen nach ihrer Sprache dargestellt (1890)“, въ которой Гай трактуется на стр. 73—88. Вообще мы желали бы, чтобы г. Бобинъ въ этомъ дѣлѣ соединялъ цѣли юриста съ задачами филолога; данныя для этого, повидимому, у него есть. Гай имѣетъ важное значеніе также и для классической филологіи въ разныхъ вопросахъ римскихъ древностей. Г. Бобинъ можетъ оказать добрую услугу русской филологической наукѣ, если онъ поработаетъ спеціально именно надъ этимъ римскимъ авторомъ.

И. Н.

M. V. (sic!) **Martialis epigrammata. М. В. Марціала эпиграммы въ переводѣ и съ объясненіями А. Фета. Т. I и II. Москва 1891 г.** (XXIII + 933).

Г. Фетъ не уставая продолжаетъ обогащать отечественную литературу переводами древне - классическихъ произведеній. Почти каждый годъ изъ подъ его пера появляется новый римскій поэтъ, облеченный въ русскую рѣчь и русскій стихъ. Къ сожалѣнію, количеству не всегда соотвѣтствуетъ качество. Изданный въ 1890 году переводъ Плавтовой Авлуларіи былъ встрѣченъ со стороны критики единодушною и вполнѣ заслуженною похвалою[1]). Мы искренно жалѣемъ, что о появившемся годомъ позже переводѣ Марціала не можетъ быть такого одобрительнаго отзыва. Правда, и въ новѣйшемъ трудѣ нашего заслуженнаго переводчика есть несомнѣнныя достоинства, и въ немъ вездѣ видно, что авторъ широко и свободно владѣетъ богатствами родной рѣчи и располагаетъ творческою силою въ области слова[2]). Этихъ-то качествъ хватило на такое, нѣсколько вольное, воспроизведеніе, какимъ (скажемъ къ счастью) является переводъ Авлуларіи. Но для Марціала г. Фетъ почему-то предпочелъ болѣе близкую, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ формальномъ отношеніяхъ, передачу, и даже задумалъ придать своему труду нѣкоторый ореолъ филологической уче-

---

[1]) Напр. отзывы проф. Шебора въ „Фил. Обозр." I, отд. 2 стр. 57 сл. и проф. Кулаковскаго въ „Русск. Обозрѣніи" II (1891), кн. 2, стр. 917 сл.

[2]) Несовсѣмъ удачнымъ показалось намъ употребленіе нѣкоторыхъ народныхъ выраженій и оборотовъ напр. sp. 7, 10 подкладалъ; II 86, 3 видомъ пусть бороды... не колодникъ (barba reorum); IV 88, 4 нюня кліентъ (querolus cliens); IV 88, 7 морщлявый; X 97, 1 для поджошки. Довольно часто попадаются невѣрныя ударенія, напр. взáймы (I 76, 8); тяжбá (II 32, 1); чтобы́ (sp. 3, 2; I 51, 4; II 57, 8; X 51, 7); какъ бы́ (I 48, 4 и принимаетъ какъ бы́ доблести нѣкую часть; VII 60, 6); ýже (I 11, 3 ýже горячаго бы не достало услугъ приносящихъ; 101, 10 звалъ меня къ мрачнымъ волнамъ ýже свободнымъ сходя). Нельзя также не отмѣтить злоупотребленія разными излишними словами, служащими исключительно для пополненія стиха, въ родѣ то, вотъ, совсѣмъ, уже, все и подобныхъ Flükwörter". Напр. I 7, 1 Стеллы вотъ моего отрада голубка; I 22, 8 для великихъ хребтовъ сохраняются эти вотъ когти; I 39 8 пусть пропаду если все это вотъ не Деціанъ; VI 93, 2 старый сосудъ что разбитъ вотъ на срединѣ пути (ср. sp. 17, 2; II 14, 2; 23, 4 и т.) д. I 48, 6 не сохраниться вѣрнѣй въ клѣткѣ-то даже ему; I 49, 3 къ завтраку тамъ и Вобеска-то нѣжная къ жертвѣ звѣрей тебѣ выставитъ; I 101, 2 для господина-то кладъ. VI 68, 8 развѣ Алкиду назадъ Гила-то не отдала? VI 77, 1 такъ какъ ты бѣденъ какимъ и Иръ-то не былъ несчастный (ср. sp. 27, 6; I 15, 4; III 40, 4; V 12, 1; X 77, 4; XII 22, 1; 51, 1 и т. д.). I 61, 9 Гадесъ веселый своимъ все Каніемъ гордъ; III 41, 2 ящерицá все жива, и серебро-то страшитъ (ср. V 12, 5; VIII 3, 19; 62, 1 и т. д.) I 21, 6 эту руку уже видѣть Порсена не могъ; II 48, 8 и забирай ужъ себѣ Нероновы термы (ср. I 35, 14; II 48, 4; VIII 58, 2 и т. д.).

ности, снабдивъ его и латинскимъ текстомъ подлинника, и біографическимъ введеніемъ, составленнымъ графомъ Олсуфьевымъ, и объяснительными примѣчаніями. Такая задача, однако, оказалась поэту не по силамъ. У него не хватило знанія ни латинскаго языка, ни античной культуры. Раздѣляя весьма распространенное заблужденіе, будто дословный, буквальный переводъ есть переводъ точный, близкій и вѣрный[1]), г. Фетъ, для сохраненія особенностей оригинала, повидимому, считаетъ достаточнымъ ограничиваться переложеніемъ отдѣльныхъ словъ и выраженій, вмѣсто того, чтобы какъ можно точнѣе воспроизводить общій смыслъ ихъ, при чемъ какъ будто совершенно забываетъ о пропасти, отдѣляющей современную культуру отъ античной, современныя понятія и взгляды отъ понятій и взглядовъ древняго міра, и какъ будто совершенно не признаетъ разницы въ духѣ латинскаго и русскаго языковъ. Г. Фетъ даже для отдѣльныхъ словъ, имъ переводимыхъ, не пріискиваетъ наиболѣе подходящаго значенія, а беретъ, ничего же сумняся, первое попавшееся или случайно ему извѣстное. Зная, напр., что „remittere" иногда соотвѣтствуетъ русскому „прощать", онъ переводитъ „remittere alicui ius domini" черезъ „прощать кому права господина" (I 101, 7), „remittere alicui loricam" (= освобождать кого отъ ношенія панцыря) черезъ „прощать кому панцырь" (IX 56, 5); помня, что „urgere" иногда = „гнести", онъ передаетъ „urgere opus" черезъ „гнести работу" (VIII 33, 16) и т. п. Само собою разумѣется, что при такомъ способѣ передачи всѣ выраженія, основанныя на свойственныхъ латинскому языку фигурахъ, въ родѣ метафоръ, метонимій, синекдохъ, *ἓν διὰ δυοῖν* и т. п., въ переводѣ г. Фета вышли по большей части прямо непонятными для того, кто не знаетъ соотвѣтствующихъ латинскихъ выраженій. У него пчела сбираетъ съ Сиканской весны (II 46, 1), сосуды пахнутъ осенями (III 58, 7), сучья текутъ плодами (XI 41, 3); гордое поле снесло крыши у бѣдняковъ (вр. 2, 8); Минерва кому-то острѣй наточила сердце (VI 64, 6); что-то происходитъ въ самый сильный разгаръ Діаны Цезарской (вр. 12, 1); чья-то Паллада не уступаетъ Тартесскимъ тискамъ (VII, 28, 3); изъ тростинокъ кладутъ Либитину (X 97, 1) и т. д. и т. д. Тоже самое непониманіе разницы латинскаго и русскаго языковъ мы встрѣ-

[1]) Ср. предисловіе къ переводу Вергилія стр. VI: „Признаемся, при переводѣ мы постоянно исполнены опасенія, какъ бы внѣшнее совершенство русскаго стиха не отстало отъ его буквальности, хотя въ рѣшительную минуту выбора, не задумавшись, всегда готовы склонить вѣсы на сторону послѣдней". Цицеронъ (de optim. gen. § 14) про свой переводъ Демосѳена и Эсхина съ гордостью заявляетъ: nec converti ut interpres, sed ut orator. Г. Фетъ, повидимому, сознательно стремится къ тому, чтобы convertere ut interpres, non ut poeta.

чаемъ относительно синтаксическаго построенія рѣчи. Длинные латинскіе періоды нигдѣ не разбиты на болѣе мелкія предложенія, слѣдствіемъ чего являются неуклюжія конструкціи и стеченіе громоздскихъ придаточныхъ предложеній. Какъ утомительно дѣйствуютъ на читателя, напр., эти вѣчные періоды, начинающіеся съ союзовъ „какъ" (= dum и cum) и „что" (= quod)!

sp. 11, 1 Какъ медвѣдь съ быстротой по кровавой вертѣлся аренѣ,
То способность бѣжать, ввязнувъ въ клею, потерялъ.
sp. 20, 1 Какъ Мирина одни, а Тріумфа просили другіе,
Цезарь заразъ обѣщалъ ихъ и т. д.
sp. 22, 1 Какъ опасенья полны, вожаки носорога дразнили,
И продолжалъ накипать звѣря огромнаго гнѣвъ,
Сомнѣвались уже и т. д.
(ср. sp. 25[b], 1; 29, 1; 30, 1; I 13, 1; 21, 1; 42, 1; 78, 1; 85, 1; 111, 1 etc.).
sp. 16, 1 Что подхваченъ въ эѳиръ быкъ скрылся въ срединѣ арены,
Не искусство тому, а благочестье виной.
sp. 17, 1 Что любовно съ мольбой тебѣ слонъ поклоняется, Цезарь,
Хоть вотъ только что былъ онъ такъ страшенъ быку,
Это дѣлаетъ онъ и т. д.
(ср. sp. 6, 1; 25, 1; I 8, 1; 44, 1; 95, 1 etc.).

Иногда переводъ, вслѣдствіе сохраненія латинской конструкціи, является вполнѣ непонятнымъ; напр. въ мѣстахъ, гдѣ извѣстная формула божбы sic — ut (или повелит. накл.) дословно передана г. Фетомъ: VII 28; 29; 72; 74; 96; 99.

Не менѣе неудачно, чѣмъ содержаніе, передана внѣшняя форма. По мнѣнію г. Фета, „по счастью русскій языкъ владѣетъ гекзаметромъ и пентаметромъ"[1]). Мы не раздѣляемъ этой увѣренности и видимъ въ попыткѣ Гнѣдича и Жуковскаго ввести въ русскую литературу античныя стихотворныя формы неудачное подражаніе нѣмецкому заблужденію, оставшееся, къ счастью, безъ всякаго вліянія на дальнѣйшій ходъ литературнаго развитія[2]). Законы русскаго стихосложенія, по принципу

[1]) Ср. предисловіе къ Вергилію, стр. V.

[2]) Не будь Фоссова перевода Гомера, и нашимъ переводчикамъ, конечно, и въ голову не пришло бы создавать русскій гексаметръ. Что введеніе античныхъ размѣровъ въ нѣмецкую литературу было ошибкою, это начинаютъ сознавать сами нѣмцы, см. напр. Wilamowitz, Euripides Hippolytos, Einleitung, стр. 8. Увлеченіе псевдо-античными стихотворными формами Виламовитцъ справедливо объясняетъ тѣмъ, что въ то время нѣмецкая литература еще не имѣла установившагося стиля для отдѣльныхъ родовъ поэзіи, указывая и на то, что романскіе народы, обладавшіе вслѣдствіе своей болѣе древней культуры издавна опредѣлившимся поэтическимъ стилемъ, сохранили себя свободными отъ заблужденія переводовъ „въ размѣрѣ подлинника". Въ нѣмецкой литературѣ псевдо-гексаметръ и псевдо-пентаметръ закрѣплены классическими произведеніями Гёте и Шиллера, облеченными въ эту несвойственную ихъ языку форму. У насъ дѣло обстоитъ благополучнѣе: къ счастью, въ русской литературѣ нѣтъ ни одного выдающагося самостоятельнаго произведенія, которое было бы написано псевдо-античнымъ размѣромъ.

своему, на-столько различны отъ правилъ античнаго метрическаго искусства, что изъ смѣшенія обоихъ могъ произойти только жалкій ублюдокъ. Такимъ, дѣйствительно, и является гексаметръ Жуковскаго и Гнѣдича въ глазахъ каждаго, кто знаетъ и чувствуетъ, что такое античный гексаметръ. Въ еще болѣе жалкомъ видѣ представляются гексаметры и пентаметры г. Фета, такъ какъ въ еще большей степени противорѣчатъ духу и русскаго, и древняго стихосложенія. Позволимъ себѣ указать на слѣдующіе пункты:

1) Вмѣсто спондея, могущаго въ античномъ гексаметрѣ замѣнять собою дактиль, г. Фетъ допускаетъ трохей по примѣру Гнѣдича и Жуковскаго (подражавшихъ, кстати сказать, въ этомъ отношеніи нѣмецкимъ образцамъ[1]). Но у послѣднихъ трохей употребленъ гораздо рѣже[2]), у г. Фета же нерѣдко попадаются гексаметры даже съ тремя трохеями, которые, конечно, совершенно измѣняютъ характеръ дактилическаго размѣра; напр.:

sp. 12, 1 Въ самый сильный разгаръ Діаны Цезарской, только
V 87, 3 Да всёго мудренѣй: öна нё чадолюбива.

2) Неизвѣстно, въ силу какихъ соображеній г. Фетъ позволяетъ себѣ совершенно пропускать слабую часть дактиля, т.-е. замѣнять дактиль однимъ ударяемымъ слогомъ:

I 21, 3 Страшнаго дива не снéсъ || мя́гкосердечный противникъ.
I 44, 1 Что причудливый бѣ́гъ || зáйцевъ и львиныя шутки
— 3 И что дважды я тóжъ || дѣ́лалъ, коль видишь ты, Стелла
I 53, 8 Посреди лебедéй || Лéдиныхъ бродитъ случайно.
I 93, 1 Съ вѣрнымъ Фабриціемъ тýтъ || вмѣстѣ Аквинъ почиваетъ.
I 107, 1 Часто ты мнѣ говорúшь || Лýцій возлюбленный Юлій.

3) Неблагозвучности и шероховатости гексаметровъ и пентаметровъ г. Фета въ значительной степени способствуетъ его привычка выдвигать удареніемъ односложныя слова, по смыслу неимѣющія ударенія:

I 1, 3 Тó зачѣмъ же въ театръ, Катонъ суровый, явился?
Или же только затѣмъ ты́ приходилъ, чтобъ уйти?
I 2, 5 Но чтобъ узналъ ты, гдѣ я́ продаюсь, и не путался, въ цѣломъ
I 3, 8 Такъ на плащѣ поддадутъ, чтó до небесъ ты взлетишь.
I 4, 1 То владыки земли строгость тогда отложи.
I 4, 5 Какъ на Тимелу глядишь и нá шута ты Латина.

4) Многосложныя слова очень часто неправильнымъ образомъ имѣютъ по два ударенія:

sp. 6^b, 2 Блáгорóднымъ молва чтила[3]) Иракла трудомъ.

---

[1]) Г. Фетъ, повидимому, думаетъ, что и въ латинскомъ гексаметрѣ чередовались трохеи съ дактилями; ср. предисловіе къ Вергилію, стр. VI: „дозволяя себѣ по мѣрѣ надобности замѣнять дактили трохеями, подобно оригиналамъ“.

[2]) Жуковскій, очевидно, избѣгалъ употребленія трохеевъ; въ 12 пѣснѣ Одиссеи ихъ напр. всего 4, въ 19—2. Въ первыхъ пѣсняхъ они встрѣчаются чаще.

[3]) Вѣроятно г. Фетъ хотѣлъ сказать „считала“ или „почитала“.

ep. 7, 7 На́коне́цъ претерпѣлъ онъ казнь за то, что отцу онъ...
ep. 12, 3 По́росе́нокъ прыгнулъ у матери бѣдной изъ раны...
ep. 15, 4 Также невиданнаго объема и льва распростеръ онъ.
ep. 21, 4 Ка́ковы́мъ, мы сочли, роща была Гесперидъ
ep. 27, 2 Ва́рварска́я никакихъ чудъ не питала земля.

5) Противоположная отмѣченной подъ 3 и 4 неправильность состоитъ въ томъ, что слова, имѣющія въ контекстѣ рѣчи удареніе, остаются безъ ударенія въ стихѣ:

I 14, 5 Какъ, добычу схвативъ, щадить ее левъ мо̆жӗтъ алчный.
I 20, 4 Пусть бы какъ Клавдій съѣ̆лъ грибъ, съѣлъ бы и ты же такой.
I 26, 10 Если пйть сверхъ десяти чаръ стӑнӗшь, Секстиліанъ.
I 31, 3 Какъ дорогую Пудентъ пӗрво̆й роты заслужитъ награду.
I 39, 1 Ежели кто мо̆жӗтъ быть между рѣдкихъ друзей упомянутъ.

6) Весьма существеннымъ недостаткомъ гексаметра г. Фета является несоблюденіе цезуры, этого столь необходимаго условія правильнаго теченія ритма. Правда, псевдо-гексаметру новыхъ языковъ недоступны тонкія правила, выработанныя древними поэтами относительно дѣленія стиха посредствомъ цезуры, отъ строгаго соблюденія которыхъ, главнымъ образомъ, и зависитъ изящество античнаго стиха; тѣмъ не менѣе и въ гексаметрѣ новыхъ языковъ непозволительно совершенно пренебрегать цезурою, такъ какъ въ противномъ случаѣ это не будетъ стихъ, а наборъ извѣстнаго числа ударяемыхъ и неударяемыхъ слоговъ. У г. Фета однако довольно часто попадаются стихи, лишенные даже намека на цезуру:

I 8, 1 Что великаго Тра́зеи и́ поученьямъ Катона
I 26, 6 Тутъ Опимія стараго чудная пьется амфора
I 48, 4 Что жъ изумительнѣй, онъ изъ врага исходитъ проворнѣй
I 53, 5 Башлыкомъ онъ лингонскимъ, грязною шерстью измаранъ
I 103, 9 И Вейентскаго краснаго пьешь густой ты осадокъ

7) Что касается до построенія второго стиха элегическаго двустишія, то достаточно указать на слѣдующіе примѣры „пентаметровъ":

I 31, 2 Всѣ, Энколпъ, своего центуріона любимецъ
I 98, 2 Но патрону не дастъ ничего онъ: хирагра знать то
II 40, 8 Лихорадкой сочли, о глупцы? Тутъ обжорство одно.
VII 65, 2 Гаргиліонъ, двадцать лѣтъ кто уступить бы воленъ.
X 4, 11 Ни извѣдать себя: Каллимаха *Αἴτια* читай.
X 51, 6 Римъ у тебя! о солнце! о въ туникѣ покой!

Если, въ виду такого полнаго неумѣнія справляться съ гексаметромъ и пентаметромъ, сохраненіе этихъ размѣровъ представляется не совсѣмъ понятнымъ даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ими написанъ подлинникъ, то употребленіе гексаметра или элегическаго дистиха для передачи другихъ метровъ является еще менѣе объяснимымъ. А между тѣмъ этими размѣрами г. Фетъ нерѣдко передаетъ и граціозные подвижные гендека-

силлабы и своевольные, вычурные сказонты; напр. I 10; 64; II 13; 17; 55; 57; 65; III 84; 93 и т. д.

Правда, въ большинствѣ случаевъ и фалекійскіе и холіямбическіе стихи переданы у него особымъ, очевидно имъ самимъ изобрѣтеннымъ размѣромъ, характеръ котораго не совсѣмъ легко опредѣлить. Это смѣсь дактилей и трохеевъ, чередующихся безъ опредѣленнаго правила. Отдѣльные стихи (даже въ одномъ и томъ же стихотвореніи) состоятъ изъ 4, 5 или 6 стопъ, при чемъ въ срединѣ стиха допускается упущеніе слабой части стопы. Нельзя себѣ представить ничего болѣе безобразнаго: это не стихъ, а пародія на стихъ. Позволимъ себѣ привести нѣсколько примѣровъ, выписывая для полноты впечатлѣнія цѣлыя эпиграммы.

I 104 Пестрой что шеей несетъ тяжкія ярма
Пардъ, и ужаснѣйшіе тигры готовы
Бичъ терпѣливо сносить, и золотыя
Узды съ зубцами жуютъ даже олени,
Что на возжахъ медвѣдей держатъ ливійскихъ,
И такой, какъ, гласятъ, былъ въ Калидонѣ
Вепрь на пурпурной идетъ сворѣ покорно,
Что нескладные возъ тащатъ бизоны,
И что не прочь заплясать слову покорно
Вожака своего чернаго, чудо:
Этого кто жъ бы не счелъ зрѣлищемъ вышнихъ?
Все жъ это каждый пройдетъ, словно бы мелочь,
Кто лишь увидитъ у львовъ скромную ловлю,
Какъ утомляетъ ихъ страхъ зайцевъ проворныхъ.
Пустятъ и схватятъ опять, пойманныхъ любятъ
И безопаснѣй у нихъ въ зѣвѣ добыча,
Коей раскрытую пасть имъ предоставить
Радость и въ страхѣ держать зубы надъ нею,
Какъ ловитву сдавить мягкую жалко,
Отъ распростертыхъ быковъ только вернувшись.
Но милосердье ввелось тутъ не искусствомъ,
А понимаютъ и львы, чьи они слуги.

Здѣсь фалекійскій стихъ подлинника (–́ – –́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏑) переданъ размѣромъ, основная схема котораго слѣдующая: –́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ ⏑ –́ ‖ –́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ или –́ ⏑ –́ ⏑ ⏑ –́ ‖ –́ ⏑ ⏑ –́ ⏑. Она въ данномъ случаѣ проведена еще сравнительно строго. Совершенно иначе тотъ же самый фалекійскій стихъ переданъ г. Фетомъ, напр. XII 63:

Жирнаго лучше Венафра Кордуба
Исетра сосуда нисколько ни хуже,
Бѣлыхъ овецъ ты Галеза превыше
Вовсе не кровью иль пурпуромъ лживымъ,
Только стадами въ природной окраскѣ,
Ты своего пристыди-ка поэта,
Даромъ моихъ не читалъ бы онъ пѣсенъ.
Я отъ поэта хорошаго снесъ бы,
Коему честь оказалъ бы взаимно.

Женъ холостякъ соблазняетъ безъ мщенья,
Что отнимаетъ слѣпой, не утратитъ.
Нѣту разбойника голаго хуже,
Нѣтъ безопаснѣй плохого поэта.

Здѣсь въ стихѣ г. Фета основная схема: –́ ∪∪ –́ ∪∪ –́ ∪∪ –́ ∪.
Какъ примѣръ передачи холіямбическаго метра

∪∪ (∪∪)
(∪̲ – ∪ – ∪̲ – ∪ – ∪ – – ∪)

приводимъ V 14:

Въ первомъ всегда ряду садиться привычный
Въ то еще время Нанней, какъ дозволено было,
Лагерь свой перенесъ; два-три раза прогнанъ,
И межъ самыми креслами словно бы третьимъ
Сзади Гая и Луція только усѣлся.
Голову капоромъ скрывъ, оттуда торчитъ онъ,
Глядя глазомъ однимъ непристойно на игры.
Прогнанъ несчастный и тутъ, онъ идетъ по проходу
И полуопершись на крайнемъ сидѣньи,
Плохо держась на другомъ колѣнѣ, онъ кажетъ
Всадникамъ — что онъ сидитъ, Леиту — что сталъ онъ.

Стало быть –́ ∪∪ –́ ∪ –́ ∪ –́ ∪∪ –́ ∪
–́ ∪∪ –́ ∪∪ –́ ∪∪ –́ ∪∪ –́ ∪
–́ ∪ –́ ∪∪ –́ ∪ –́ ∪∪ –́ ∪ и т. д.

Нѣсколько иначе VII 7:

Хоть и зимній Арктосъ и грубая Певка
И подъ ударомъ копытъ Истръ разогрѣтый
И съ сокрушеннымъ ужъ Рейнъ рогомъ трикраты
Держитъ смирителя царствъ лживыхъ народовъ,
Міроправитель тебя и отецъ надъ землею,
Все же для нашей мольбы ты далекъ быть не можешь.
Тамъ и глазами съ тобой и душами мы, Цезарь;
И до того всѣ сердца ты одинъ увлекаешь,
Что не знаетъ сама толпа и великаго Цирка,
Пассерину теперь бѣжать или Тигру.

Стихи 2, 3, 4 представляютъ собою схему –́ ∪∪ –́ ∪∪ –́ –́ ∪∪ – ∪.

Не знаемъ, для чего г. Фетъ изобрѣлъ эти размѣры, и стоятъ ли они, по его мнѣнію, ближе къ античному или же русскому стихосложенію.

Приведенныя нами четыре эпиграммы въ то же время могутъ служить образцами слога и языка въ переводѣ г. Фета. Просимъ читателя еще разъ внимательно ихъ прочитать: онъ согласится, надѣемся, что онѣ вполнѣ непонятны и что только при сличеніи съ латинскимъ подлинникомъ можно догадаться, о чемъ въ нихъ идетъ рѣчь. Такимъ-то наборомъ словъ представляются добрыя двѣ трети Фетовскаго Марціала. Но и въ

остальной трети не осталось и слѣда подлинника, не осталось и слѣда его остроумія, легкости и игриваго изящества.

Филологическая сторона перевода стоитъ на одинаковомъ уровнѣ съ литературною. Какъ мы замѣтили выше, г. Фетъ старается быть близкимъ къ оригиналу; онъ даже отождествляетъ (по нашему мнѣнію, неправильно) близость съ дословностью. Тѣмъ непріятнѣе поражаютъ читателя частыя неточности въ передачѣ, а также и прямые промахи, происходящіе отъ невѣрнаго пониманія латинскаго текста. Въ посвященіи своего труда Великому Князю Константину Константиновичу г. Фетъ сообщаетъ, что его переводъ „изъ стиха въ стихъ" былъ критически провѣренъ графомъ А. В. Олсуфьевымъ. Не знаемъ, чѣмъ объяснить, что эта критическая провѣрка оказала такъ мало вліянія на исправность перевода: почти на каждой страницѣ остались непріятныя ошибки. Не чувствуя себя призванными исправлять всѣ погрѣшности перевода, укажемъ только на нѣкоторые примѣры, опять-таки наугадъ выхваченные нами изъ разныхъ книгъ:

I 31, 8 tonsum fac cito, sero virum
скоро его остриги, поздно вели возмужать.

Смыслъ подлинника: „Фебъ, дай, чтобы мальчикъ Энколпъ, вслѣдствіе обѣта тебѣ рано остриженный (внѣшній знакъ достиженія зрѣлаго возраста), поздно возмужалъ".

I 49, 13 сл. praestabit illic ipsa figendas prope
Vobesca prandenti feras.
къ завтраку тамъ и Вобеска-то нѣжная (?)
въ жертву звѣрей тебѣ выставитъ.

I 49, 19 December canus et bruma impotens
Бѣлый Декабрь... съ зимою безплодною (вм. лютою).

I 49, 37 сл. mercatur alius grande et impotens sophos:
miserere tu felicium.
Пусть одобреній кто ищетъ безсмысленныхъ,
Жалость къ счастливцамъ почувствуетъ.

Вмѣсто: „Пусть другіе добиваются громкаго, неистоваго браво: ты пожалѣй о счастливцахъ".

I 62, 3 Dum modo Lucrino, modo se permittit Averno
Лишь разрѣшаетъ себѣ то въ Лукринъ, то въ Авернъ погружаться.

I 88, 5 faciles buxos гибкія ильмы вм. легко добываемый буксъ. Въ другихъ случаяхъ buxus также невѣрно переведено черезъ букъ (II 14, 15; 41, 7; III 20, 13; XII 32, 8; XIV 25, 2).

II 46, 7 tu spectas hiemem succincti lentus amici
pro scelus! et lateris frigora trita tui.
Ты равнодушно глядишь зимой на раздѣтаго друга
О позоръ! какъ къ нему стужа въ бока забралась.

Hiems въ данномъ случаѣ = algor, т.-е. состояніе зябнущаго (также употребляется греч. *χειμών*, ср. напр. Plat. Tim. p. 85' *χειμῶνα καὶ τρόμον ἐντὸς παρέχει* = ознобъ и дрожь), а frigora trita = негрѣющее потертое платье; latus же обозначаетъ спутника, какъ VI 68, 4.

III 19, 6 vivebatque anima deteriore fera
И въ животномъ еще низшая двигалась жизнь.
IV 55, 20 et certos iaculo levi Silaos (sc. referre versu)
(стихомъ помянуть) И Силаи копьемъ огражденные легкимъ

(вм. „и силаевъ вѣрно мечущихъ легкія копья").

V 16, 5 falciferi.. templa Tonantis
у храма Косой Звенящаго.
VI 48, 1 non est hic, rogo, Cinna, barbarismus?
Этотъ Цинна, скажи, развѣ не варваризмъ?
VII 39, 8 quantum cura potest et ars doloris
Какъ забота сильна въ боли притворной.

Cura et ars конечно *ἓν διὰ δυοῖν* = искусное лѣченіе.

VIII 36, 24 iam tacet Eoum barbara Memphis opus
Ужъ на востокѣ молчитъ варваровъ чудо Мемфисъ.

Вм. варварскій Мемфисъ уже молчитъ о чудѣ Востока (т. е. о пирамидахъ; пересталъ ими хвалиться).

IX 51, 7 et si iam nitidis alternus venit ab astris,
pro Polluce mones Castora ne redeat.
И хоть кто бы изъ нихъ съ блестящихъ звѣздъ ни явился,
Вмѣсто Поллука нейти ты бы Кастора молилъ.

Г. Фетъ смѣшалъ alternus съ alteruter.

IX 94, 2 os hominis! срамъ людской! (вм. наглость человѣка!)
X 48, 1 et pilata redit iamque subitque cohors
Бритая тронулась вспять и ужъ уходитъ гурьба.

Вм.: и когорта вооруженная дротиками уже уходитъ и смѣняется другою (о смѣнѣ дворцоваго караула).

X 51, 2 ...et alternum Castora fugit hiems
И убѣгаетъ зима Кастора смѣны двойной.
XI 106, 1 si vacas havere
если ты отъ привѣтствій свободенъ.

Нельзя также не пожалѣть о томъ, что переводчикъ не обратилъ вниманія на передачу именъ собственныхъ, которая лишена всякой выдержки и подчасъ прямо невѣрна. Такъ напр. рядомъ съ правильными формами Ликорида (I 72, 6; III 39 etc.), Ирида (IV 19, 10; XII 29, 6), Іантида (VI 47; VII 15 etc.), Филлида (X 81; XI 50 etc.), мы читаемъ Лаиса: (III 11; X 78, 12), Таиса (III 8; 11; IV 12 etc.), Лириса (II 73) и Мелэна (VII 29, 8), Филэна (IV 65; VII 67 etc.; только XII 22 правильно Филэнида), Альцеста (вм. Алкестида, IV 75, 6). Въ двухъ мѣ-

стахъ двѣ женщины превратились въ мужчинъ (I 102 „Ликоринъ“ вм. Ликорида, II 33 „на Филэна“ вм. „на Филэниду“). Ias, -adis (I, 34, 7) вѣрно передано черезъ Іада, но Lycas-adis (I 71, 2) черезъ Лика. Весьма разнообразно передаются также мужскія имена на -as, -ae. а) Achillas — Ахилла (III 91, 4; но VIII 57, 1 Ахиллъ), Labycas — Лабика (VII 87, 9), Baccara — Баккара (VI 59, 2; но заглавіе „на Баккара“); б) Ladas — Ладъ (II 86, 8; X 100, 5); Cydas — Цидъ (X 83, 8), Hylas — Гилъ (III 19, VIII 9); Patrobas — Патробъ (II 32, 3); в) Midas — Мидасъ (VI 86, 4); Lichas — Лихасъ (IX 64, 7); Athas — Атасъ (IV 19, 8). Iollas превратился въ Іолоя (XI, 41, 7), а Heras въ Герата! (VI 78, 3). Рядомъ съ „Вацерра“ (Vacerra, VIII 69; XI 66 etc.) встрѣчается „Ацерръ“ (Acerra, I 28); рядомъ съ правильными формами Макръ (V 28, 5; XII 98, 7), Апръ (XII 70), гораздо чаще попадаются менѣе правильныя Мацеръ (V 21, 1; X 17, 18), Аперъ (X 15; XI 34; XII 30), Аѳеръ (IV 37; 38 etc.), Асперъ (VIII 49). Подобная же двойственность передачи замѣчается относительно диѳтонга au, который въ транскрипціи является то въ видѣ ау, то въ видѣ ав: Ауѳидій (V 61, 10), Фаустъ (XI 64), Фаустинъ (I 25; 114; III 2 etc.), Паулинъ (II 14; III 78); но въ то же время Авѳидія (III 70, 1), Фавстъ (II 14, 11), Павлъ (II 20; V 4 etc.), Гавръ II 89; IV 67 etc. (VIII 27 дважды „Горъ!“). Ithys передано черезъ Итисъ (V 67, 6; X 51, 4), Thelys черезъ Телинъ (X 52, 1); правильнѣе было бы Итій и Телій. Tethys sp. 3, 6 передается черезъ Теѳиса (правильнѣе было бы Теѳія), при чемъ дается слѣдующее примѣчаніе: „Теѳиса морская богиня, супруга и сестра Океана, независимо отъ Нереиды Ѳетиды“. Тѣмъ не менѣе обѣ смѣшиваются X 44, 2, гдѣ Tethys передано черезъ Ѳетида. Вліяніе какого-то французскаго источника замѣчается въ формахъ Сэретанскій (Caeretanus, VII 73, 3), Силикъ (Cilix, VI 72), Фиселы (Ficeliae, VI 27, 2 и въ примѣчаніи къ этому мѣсту), Стасій (Statius, прим. къ IV 54, 8), Панникъ (Pannychus, II 36; VI 39, 9; 67 etc.). Camonius (VI 85) названъ Камономъ, Voconius (VII 29, 1) Вокономъ, Sabineius (III 25, 3) Сабиніемъ, Alcimus (I 88) Алциміемъ (вѣроятно, подъ вліяніемъ того же французскаго источника). Massylus (VIII 55, 1) передано черезъ Массилійскій вм. Массильскій, а Massilitanus (XIII 123) черезъ Массійскій вм. Массилійскій.

Рядомъ съ переводомъ, какъ мы уже замѣтили выше, напечатанъ текстъ подлинника. Такая прибавка при иныхъ обстоятельствахъ могла бы казаться нецѣлесообразною и лишенною основанія[1]); въ данномъ же случаѣ она является не совсѣмъ

[1]) Прибавленіе къ переводу подлиннаго текста, по нашему крайнему разумѣнію, имѣетъ смыслъ только въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, если переводъ предн-

излишнею, потому что латинскій текстъ служитъ весьма важнымъ подспорьемъ для пониманія русскаго перевода, который безъ того, какъ мы уже замѣтили, въ большинствѣ случаевъ оставался бы совершенно загадочнымъ и непонятнымъ. Къ сожалѣнію, это подспорье не всегда оказывается надежнымъ, такъ какъ латинскій текстъ перепечатанъ (со множествомъ ошибокъ и опечатокъ) изъ извѣстнаго изданія W. Gilbert'a, переводъ же сдѣланъ по какому-то другому изданію, слѣдствіемъ чего явилось частое несоотвѣтствіе русскаго перевода съ напечатаннымъ en regard латинскимъ текстомъ. Позволимъ себѣ привести нѣсколько примѣровъ:

I 45, 1 въ лат. текстѣ напечатано cura, г. Фетъ переводитъ бумага (carta). Кромѣ того, Гильбертъ въ концѣ предложенія поставилъ вопросительный знакъ, чѣмъ существенно измѣняется весь смыслъ эпиграммы; г. Фетъ, вмѣстѣ съ прежними изданіями, придаетъ предложенію утвердительный смыслъ.

I 106, G (ilbert и латинскій текстъ изданія г. Фета) dolorem, Ф. (т. е. переводъ г. Фета) стыдъ (= pudorem).

I 114, 6 G vivat, Ф живетъ (= vivit).

II 48 G сохраняетъ передаваемый въ рукописяхъ порядокъ стиховъ; Ф (вмѣстѣ съ прежними изданіями) переставляетъ 5 и 6 стихи.

IV 80 G переставляетъ стихи слѣдующимъ образомъ: 3, 4, 1, 2, 5, 6; Ф придерживается общепринятаго порядка.

V 19, 12 G (по конъектурѣ Munro) e lamnisve Tagi scripula tota decem (= или всего 10 скрупуловъ изъ металла Тага, т.-е. золотую вещицу вѣсомъ всего въ 10 скрупуловъ); Ф въ десять скрупуловъ лишь яркую тогу (= flammarisve togae scripula tota decem).

V 50, 3 G potes, Ф желалъ (= velis).

VI 32, 4 G tota, Ф обнаженную (= nuda).

VII 37, 6 G media, Ф увлаженную (= madida).

VII 84, 4 G iacentem, Ф нѣмому (= tacentem) и мн. др.

Примѣчанія, которыми г. Фетъ снабдилъ свой переводъ, не достигаютъ своей цѣли — служить „помощью читателю въ дѣлѣ пониманія нашего автора".

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ они представляютъ собою объясненія попадающихся въ текстѣ Марціала именъ

значается служить пособіемъ для пониманія оригинала (таковы нѣкоторыя французскія éditions bilingues), во-вторыхъ, если переводъ основанъ на самостоятельныхъ измѣненіяхъ въ области критики текста и интерпретаціи, и, такъ сказать, служитъ кратчайшимъ выраженіемъ добытыхъ научныхъ результатовъ (таковы напр.: переводъ Антигоны Бёка, переводъ Катулла Гейзе, переводы изъ Эсхила и Еврипида Виламовитца). Г. Фетъ ни того ни другого, конечно, въ виду имѣть не могъ.

собственныхъ и техническихъ терминовъ. Добрая половина изъ нихъ имѣетъ до того элементарный характеръ, что съ недоумѣніемъ приходится спрашивать: неужели г. Фетъ предназначилъ свой переводъ Марціала для учениковъ 1-го и 2-го классовъ? Можно ли въ самомъ дѣлѣ предполагать, что человѣкъ, берущійся за чтеніе Марціала (хотя бы и въ переводѣ), нуждался въ объясненіяхъ слѣдующаго рода: Скиѳія... страна на сѣверъ отъ Чернаго и Каспійскаго морей (ср. 7, 1); Тибуръ, нынѣшнее Тиволи, городъ въ Лаціи, на склонѣ горы (I 12, 1); центуріонъ, начальникъ центуріи, взвода солдатъ (I 31, 1); Геликонъ, гора въ Беотіи, посвященная музамъ (I 76, 20); Меценатъ... былъ дѣятельнымъ покровителемъ наукъ и искусствъ (I 107, 3); Терпсихора муза танцевъ (III 68, 5); Мельпомена муза трагедіи (IV 31, 7); Олимпіады, періодъ времени изъ четырехъ лѣтъ, въ концѣ которыхъ праздновались Олимпійскія игры, служившія у грековъ мѣриломъ лѣтосчисленія (IV 45, 4). Нерѣдко примѣчанія не имѣютъ никакого отношенія къ тексту. Такъ, напримѣръ, II 29, 2 у Марціала упоминается о перстнѣ съ сардоникомъ; г. Фетъ находитъ необходимымъ сообщить по этому поводу слѣдующее: „Сардоникъ, полублагородный камень, употреблявшійся преимущественно для печатей и камей, и который тоже поддѣлывали. Онъ состоялъ изъ трехъ наслоеній (см. Плин. Нат. XXX 2, § 197), изъ коихъ два онъ долженъ былъ имѣть какъ ониксъ, и третье, подходящее къ сердолику или карнеолю. Эти наслоенія — черное, бѣлое и красное, но первое можетъ быть сѣрымъ или коричневымъ; только второе и третье безусловно нужны, ибо безъ второго онъ не могъ бы быть ониксомъ, а безъ третьяго сардониксомъ“ X 30, 1. Марціалъ говоритъ о виллѣ Аполлинарія, находившейся близъ Формій; г. Фетъ считаетъ своимъ долгомъ разсказать въ примѣчаніи, что Форміи были „построены лаконцами“, и что здѣсь „прежнее мѣстопребываніе лестригоновъ съ ихъ царемъ Антифатомъ“. Для чего это? У Марціала обо всемъ томъ ни полслова не говорится. Съ другой стороны именно то, что прежде всего требовало бы объясненія, обойдено молчаніемъ; разумѣю, главнымъ образомъ, связь поэзіи Марціала съ современной поэту политической и бытовой жизнью, поводы, вызвавшіе отдѣльныя эпиграммы, ихъ общій смыслъ, способъ изложенія и развитіе мыслей, встрѣчающіеся въ нихъ намеки и каламбуры, однимъ словомъ, все, что съ такимъ успѣхомъ разработано Фридлендеромъ и съ такою мастерскою краткостью изложено въ его комментаріи. Всего этого г. Фетъ почти совсѣмъ не касается, а между тѣмъ именно при его способѣ передачи такія объясненія являются прямою необходимостью.

Но хуже всего неимовѣрные промахи и самыя грубыя погрѣшности, попадающіяся почти въ каждой строкѣ примѣчаній г. Фета. Ограничимся нѣкоторыми образчиками.

I 61, 5 Аполлодоръ, подражатель автору комедій Менандру, былъ рожденъ въ Александріи въ Египтѣ. 1) О томъ, чтобы комикъ А. подражалъ Менандру, ничего неизвѣстно. 2) Комикъ А. былъ родомъ не изъ Александріи, а изъ Кариста. 3) Марціалъ имѣетъ въ виду не комика А., а современнаго неизвѣстнаго поэта того же имени; ср. примѣчаніе Фридлендера.

II 6, 15 Бовиллы, небольшой городокъ близъ Рима, по Аппіевой дорогѣ, недалеко отъ рощи Музъ передъ Капенскими воротами. М. сравниваетъ читателя, съ нетерпѣніемъ ожидавшаго появленія новой книжки его эпиграммъ и при чтеніи ея по лѣности своей остановившагося на второй страницѣ, съ нерадивымъ путникомъ, спѣшащимъ въ Бовиллы и остановившимся у рощи Музъ (у самыхъ воротъ Рима). Уже изъ этого видно, что Бовиллы не могли быть недалеко отъ рощи Музъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ городокъ находился въ разстояніи 12 римск. миль (17 верстъ) отъ Рима.

IV 23, 4 Каллимахъ, знаменитый римскій (!) поэтъ.

IV 88, 7 Пиценъ въ Умбріи.

VI 2, 4 Серетъ городъ Умбріи (т.-е. Caere въ Этруріи).

VII 2, 4 Павзаній передаетъ, что сарматы подбирали панцырь изъ кабаньихъ ногтей. Paus. I 21, 7, описываетъ сарматскій панцырь изъ конскихъ копытъ[1]), а Марціалъ въ данномъ мѣстѣ упоминаетъ о панцырѣ (вѣроятно также сарматскомъ) изъ кабаньихъ ногтей, принадлежавшемъ Домиціану.

VII 12, 6 Архилогъ (sic!) Лакедемонскій (!) поэтъ.

X 4, 12 *Ἄιτια* (sic!) (основаніе) въ смыслѣ основы бытія; Каллимаха, вѣроятно, отличались темнотою изложенія.

X 25, 4 Абдера городъ Ѳракіи, родина Пиѳагора (!).

Введеніе о жизни Марціала, составленное графомъ А. В. Олсуфьевымъ, представляетъ собою дословную перепечатку изъ самостоятельнаго его труда о Марціалѣ.

Въ заключеніе не можемъ не высказать еще разъ нашего сожалѣнія о томъ, что г. Фетъ, для перевода Авлуларіи избравшій единственно вѣрный способъ передачи литературнаго произведенія[2]), въ слѣдующемъ же своемъ трудѣ, въ угоду мнимой

---

[1]) Такого рода панцырь былъ найденъ въ курганѣ въ Роменскомъ уѣздѣ. См. Древности, изд. граф. Толстымъ и Кондаковымъ, II стр. 65.

[2]) См. прекрасное разсужденіе Виламовитца „Was ist übersetzen?“ (Euripides Hippolytos, griechisch und deutsch von U. von Wilamovitz-Möllendorf 1891, стр.

точности и въ погонѣ за столь плохо ему дающейся ученостью, отклонился отъ вѣрнаго пути. Позволяемъ себѣ выразить надежду, что о слѣдующемъ своемъ переводѣ онъ самъ съ гордостью заявитъ: converti non ut interpres, sed ut poeta.

А. Сонни.

Греческая грамматика для гимназій. Составили Э. Курцъ и Э. Фризендорфъ. С.-Петербургъ 1890 (VI+255)*).

Приступаемъ теперь къ разбору синтаксиса.

§ 182. „Именное сказуемое, служащее дополненіемъ"... путаница въ синтаксической терминологіи. Тамъ же: „именное сказуемое... выражается именительнымъ пад., а не творительнымъ, какъ въ русскомъ яз." — здѣсь слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, прибавить ограниченіе: „какъ большею частью въ русскомъ яз.", а то вѣдь вовсе не рѣдко бываетъ: во что, за что, иногда даже сходный съ греч. яз. двойной имен. или винит. у лучшихъ русскихъ писателей.

Къ § 185. Аттики не писали *ἡ Δῆλος νῆσος*, а *Δῆλος ἡ νῆσος*, рѣже *ἡ νῆσος ἡ Δῆλος* (см. K. W. Krüger, „Griech. Sprachlehre für Schulen", § 50, 7, Anm. 2).

§ 188. „Членъ замѣняетъ часто мѣст. притяж., если относительно лица не можетъ быть сомнѣнія" — какого лица? Лучше: владѣльца; при этомъ совсѣмъ лишне прибавлять: „такъ особенно при обозначеніи одежды, частей тѣла, родственниковъ и т. п.", потому что эта замѣна притяжательнаго мѣстоименія греч. членомъ имѣетъ самое общее приложеніе.

Въ § 190 неясно сказано: „то оно..." Что? — предшествуютъ вѣдь 3 имени сред. рода, къ которымъ „оно" можно отнести: имя существительное, сказуемое, прилагательное.

Въ § 193 примѣчаніе изложено очень неясно. Въ немъ м. пр. сказано: „Если послѣ *οὗτος* стоитъ существительное...", а въ приведенномъ примѣрѣ *ἐν Πέρσαις νόμος ἐστὶν οὗτος* — существительное какъ разъ передъ *οὗτος*.

Въ § 196, 1, при *εὖ* и *κακῶς ποιέω τινά* недостаетъ весьма частыхъ: *ἀγαθὰ* или *κακὰ ποιεῖν τινα*, тѣмъ болѣе, что и при двойномъ винительномъ (§ 198) нѣтъ помину объ этомъ.

1—22); особенно стр. 7: „И тутъ приходится осуждать букву и служить духу, не перелагать слова и предложенія, а воспринимать и воспроизводить мысли и чувства. Форма должна мѣняться, содержаніе оставаться неизмѣннымъ... Остается душа, но она переходитъ въ новое тѣло: истинный переводъ — метемпсихоза".

*) Окончаніе; см. выше, отд. 2, стр. 86.

Въ § 198 недостаетъ указанія на аналогичное употребленіе двойного винительнаго пад. въ латинскомъ яз. при глаголахъ: docere, celare и др. Для учениковъ V и VI классовъ такое сравненіе съ извѣстными имъ уже явленіями латинскаго синтаксиса весьма важно.

Въ § 210 неясно выражено правило: „Дательный падежъ личныхъ мѣстоименій *(μοί, σοί, ἡμῖν, ὑμῖν)* употребляется для выраженія того лица, которое принимаетъ душевное участіе въ дѣйствіи (dat. ethicus)“, ибо по приведенному примѣру *„μή μοι θορυβήσητε“* говорящій не только не хочетъ принимать „душевнаго участія“ въ шумѣ, а напротивъ, негодуя на крикъ, выражаетъ свое неудовольствіе.

Также неудачно выражено и правило въ § 222: „Родительный цѣлаго означаетъ цѣлое, часть котораго упоминается“(!).

Въ § 223: *„τέμνειν τῆς γῆς“* — такая рѣдкость (только разъ у Thuc. I, 56, 6, но тамъ же выше *τῆς γῆς τὴν πολλήν,* какъ и II, 56, 4) въ школьной грамматикѣ оказывается излишнею.

Въ § 224 не прибавлено указанія на то важное обстоятельство, что genitivus obiectivus обыкновенно не вставляется между членомъ и существительнымъ, отъ котораго зависитъ.

Въ § 226 при *τυγχάνω τινός* недостаетъ самыхъ частыхъ значеній: достигаю чего, получаю что-н., безъ которыхъ нельзя правильно перевести приведенный примѣръ *συγγνώμης τυχεῖν.* Далѣе при *ἔχομαί τινος,* вмѣсто „держусь за что“ надо поставить: держусь чего, примыкаю къ чему, — а то какъ же перевести ученику приведенный затѣмъ примѣръ: *νόμων ἔχεσθαι πάντα δεῖ τὸν σώφρονα?*

§ 230 гласитъ: „При сравнительной степени родительный пад. означаетъ предметъ, съ которымъ сравнивается“ — и только! Кто или что сравнивается? — и опять недостаетъ указанія на вполнѣ аналогичный русскій родительный пад. (съ примѣрами), которое способно лучше всякой дефиниціи уяснить правило русскому ученику. При этомъ, вообще. нельзя не порицать въ разбираемой нами грамматикѣ того недосмотра, что за всякимъ, по крайней мѣрѣ болѣе важнымъ, правиломъ не приводится хотя одинъ самый разительный греческій примѣръ вмѣстѣ съ русскимъ точнымъ переводомъ. Exempla docent.

Въ § 242, 1 *ἐπί* съ род. не значитъ „до“: *ἐπὶ Σάμου πλεῖν* (Th. I, 116), а (по направленію) къ С. или противъ С. При *ὑπό* съ род. пад. (тамъ же, 4) недостаетъ значенія: изъ-подъ чего.

Въ § 249 сказано, что „падежъ (относительнаго мѣстоименія) зависитъ отъ положенія (?), занимаемаго имъ въ предложеніи“. Какъ понимать это „занимаемое положеніе“? Отъ мѣста?

Въ § 252 не сказано, что дѣйствительный залогъ такого значенія называемъ винословнымъ (causativum). Далѣе, въ

томъ же §, съ непостижимой наивностью, совсѣмъ неудобной въ педагогическомъ отношеніи, глаголъ *γαμεῖσθαί τινι* приводится м. пр. въ примѣръ того, что „то же (т. е. винословное) значеніе можетъ имѣть и средній залогъ, если подлежащее поручаетъ кому-нибудь произвести дѣйствіе надъ нимъ (подлежащимъ) или для него".

§ 253. Глаголъ *κινοῦμαι*, двигаюсь, не просто medium, а medium-passivum, такъ какъ aor. *ἐκινήθην* = я двинулся; почему и мѣсто ему не здѣсь, а въ § 173, гдѣ, впрочемъ, пропущено само названіе „media-passiva". Туда же относятся приведенные въ прим. 1 и 2 глаголы *φαίνομαι*, *λυποῦμαι* и *διαφέρεσθαι*, а *διαλέγεσθαι*, какъ deponens passivum, къ § 172. Въ томъ же прим. 1 сказано: „Нѣкоторые глаголы средняго залога прямого переводятся на русскій языкъ непереходными глаголами", — но первый же глаголъ *γεύομαι* (отвѣдываю чего = ѣмъ что-я.) переводится переходнымъ глаголомъ (см. Ѳ. Буслаева, Ист. грам. русскаго яз. § 175.) Въ отд. 2 того же § *ἀποδίδομαι* (продаю) объясняется „отдаю въ свою пользу", — но его скорѣе слѣдуетъ отнести къ отд. 3. Тамъ же *ἀμύνω τινί* переведено „отражаю для кого" вмѣсто: *ἀμύνω τινά τινι*, отражаю кого отъ кого.

Глава о временахъ и видахъ изложена особенно неудачно, при чемъ главнымъ образомъ сильно хромаетъ объясненіе видовой разницы временъ греческаго и русскаго глаголовъ. Такъ въ § 256, 1 утверждается, будто „настоящее время" означается посредствомъ (одного) indic. praes. и perf. и „будущее" тоже „посредствомъ (одного) indic. fut. I и fut. exacti"; — выходитъ, что напр. *λέγω αὐτὸν ταῦτα ποιεῖν* не можетъ значить: я говорю, что онъ это дѣлаетъ (praes.), а *λέγω αὐτὸν ταῦτα ποιήσειν* не значитъ: я говорю, что онъ это сдѣлаетъ (fut.). Тамъ же читаемъ: „Какъ въ латинскомъ, такъ и въ греческомъ языкѣ времена раздѣляются въ другомъ (какомъ же?) отношеніи на главныя и историческія".

Въ отд. 2 того же § 256 названія, „совершенное, однократное, законченное дѣйствіе", а затѣмъ „длительный или несовершенный видъ" и т. д. — спутаны, а терминъ „однократный" объ аористѣ употребленъ односторонне и невѣрно. Развѣ „однократное" дѣйствіе не можетъ быть, съ одной стороны, также длительнымъ (напр.: онъ велъ, жилъ — однократно, хотя и болѣе-менѣе продолжительно), а, съ другой стороны, вмѣстѣ и законченнымъ (напр. двинулъ, бросилъ — однократно и окончательно)? Далѣе утверждается: „видъ означается всѣми формами греческаго глагола, за исключеніемъ (?) причастій". Развѣ *(ὁ) ποιῶν* дѣлая, дѣлающій и дѣлавшій, и *(ὁ) ποιήσας* сдѣлавъ, сдѣлавши, сдѣлавшій — не означаютъ видовъ?

Въ отд. 4 того же § невѣрно толкуется о томъ, что „взаим-

ное временное отношеніе одного дѣйствія къ другому (одновременность, преждевременность, послѣдовательность) выражаютъ въ греч. языкѣ одни только (?) причастія". Вообще аористъ по всѣмъ своимъ наклоненіямъ (исключая одинъ imperat.) способенъ означать предшествованіе (Vorzeitigkeit; а то „преждевреме́нность" — собств. преждевре́менность = Frühzeitigkeit) одного дѣйствія другому, вполнѣ соотвѣтственно формамъ русскаго совершеннаго вида, и выражаетъ это предшествованіе по отношенію къ прошедшему времени черезъ свое изъявительное наклоненіе, а по отношенію ко всѣмъ временамъ черезъ прочія свои наклоненія; напр. *ἐπειδὰν διαπράξωμαι, ἃ δέομαι, ἥξω* Xen. *Anab.* II, 3, 29. *Τάφος δὲ ποῖος δέξεταί μ', ὅταν θάνω = ἐμὲ θανόντα* Eur. I. T. 625. Совсѣмъ не кстати прибавлено: „вслѣдствіе чего о послѣдовательности временъ, существующей въ лат. яз., не можетъ быть рѣчи", потому что здѣсь о „послѣдовательности временъ", конечно, не въ выше употребленномъ значеніи слѣдованія одного дѣйствія за другимъ, а въ общепринятомъ значеніи „consecutio temporum", даже съ точки зрѣнія самихъ составителей, не идетъ рѣчь, а говорится собственно объ относительномъ (релятивномъ) значеніи временъ, какое представляютъ напр. лат. plusquamperfectum и futurum exactum. Опять путаница въ терминологіи и (sit venia verbo) — безсмыслица.

Въ § 259 и во многихъ другихъ мѣстахъ неправильно употреблено само слово „правильный" въ значеніи „обыкновенный": „Praesens нѣкоторыхъ глаголовъ имѣетъ, кромѣ правильнаго значенія, также и значеніе...". Очевидно, авторовъ ввело въ заблужденіе нѣмецкое слово „regelmässig", имѣющее двоякое значеніе: 1) = regelrecht, правильный, 2) = gewöhnlich, обыкновенный. Тамъ же *ἀκούω,* въ значеніи перфекта, слѣдовало переводить не „я услышалъ", а точнѣе: знаю по слуху; *ἀδικῶ* — не „я провинился", а я виновенъ; *νικῶ* — не „я побѣдилъ", а я побѣдитель; *ἡττῶμαι* — не „меня побѣдили", а я побѣжденъ; *φεύγω* — не „я вытребованъ въ судъ, я изгнанъ", а я подъ судомъ, обвиненъ, или я бѣглецъ, живу въ изгнаніи (въ ссылкѣ). Первыя значенія соотвѣтствуютъ собственно аористу, а не перфекту. Далѣе: *ἥκω* и *οἴχομαι* имѣютъ въ imperf. вовсе не „чаще обыкновенное значеніе" (какъ утверждается въ прим.), а аористическое: *ἧκον* я пришелъ, *ᾠχόμην* я ушелъ (а не „я приходилъ—уходилъ").

§ 260: „Формы длительнаго дѣйствія, praes. и особ. imperf., обозначаютъ начатое дѣйствіе, которое намѣревались, но не успѣли привести въ исполненіе (praes. и imperf. conatus)." — Кто? Нѣмецкое „man" въ этомъ случаѣ неудобно и нескладно передавать множественнымъ числомъ прошедшаго времени „на-

мѣревались“ и „успѣли“, особенно послѣ настоящаго „обозначаютъ“; лучше такъ: Формами... означается..., которое кто-н. намѣревается (намѣревался), но не успѣваетъ (не успѣлъ)... Далѣе „*ἔδωκε* онъ далъ“ объясняется въ скобкахъ загадочными словами: „а другой взялъ“(!). Въ примѣрахъ глаголы „*ἀπολλύμεθα* и *διδόμενον*“ имѣютъ обыкновенное значеніе, а не de conatu.

Въ § 261 читаемъ слишкомъ одностороннее утвержденіе, будто „въ разсказѣ черезъ imperfectum выражаются второстепенныя обстоятельства, сопровождавшія главное дѣйствіе“ (повторено въ § 264). Съ одной стороны, всѣ греч. времена способны выражать одинаково первостепенныя, главныя, какъ и второстепенныя, сопровождающія обстоятельства, смотря по виду и времени, а съ другой стороны, imperfectum выражаетъ также главное (первостепенное) дѣйствіе, если оно длительно или многократно.

Къ прим. 2. Imperfectum употребляется часто вмѣсто аориста не только отъ названныхъ тамъ 5 глаголовъ, но вообще отъ глаголовъ движенія и рѣчи.

Въ § 262 *ἔκλαυσα* вмѣсто „я расплакался“ — скорѣе: я заплакалъ, а вмѣсто *ἔσχον* „я схватилъ“ — я возымѣлъ, задержалъ, захватилъ. Въ № 4 упоминается, что indic. aoristi выражаетъ также „дѣйствіе, разсматриваемое какъ одно цѣлое, какъ прóстой историческій фактъ“; для чего прибавлено „простой“? развѣ сложный историческій фактъ нельзя уже выразить аористомъ въ собирательномъ или суммарномъ смыслѣ? напр. *Θησεὺς ἐς τὴν νῦν οὖσαν πόλιν συνῴκισε πάντας (τοὺς τῆς Ἀττικῆς οἰκήτορας)* Thuc. II, 15, 2. То же самое относится къ пустому и лишнему слову „просто“ въ § 264.

Въ прим. къ § 263 двойной переводъ *ἐβασίλευσα* „воцарился (вступилъ на престолъ) и процарствовалъ“ предпочтительнѣе многословнаго описанія существительными именами: „означаетъ кромѣ начала царствованія и все царствованіе, разсмотрѣнное какъ одинъ нераздѣльный фактъ“.

Въ § 265 о гномическомъ аористѣ замѣчено: „Греки представляютъ фактъ (какой? въ какомъ случаѣ?) какъ прежде разъ случившійся, предполагая, что при одинаковыхъ условіяхъ онъ все будетъ повторяться“, — при чемъ опять не достаетъ, по крайней мѣрѣ, по одному примѣру русскаго прошедшаго времени совершеннаго (= аористическаго) вида и латинскаго perfectum такого же употребленія въ пословицахъ и имъ подобныхъ изреченіяхъ; напр.: Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ. Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci.

Примѣч. § 266 лишне, такъ какъ употребленіе imperfect. для выраженія прошедшаго, продолжавшагося или повторявшагося дѣйствія, наравнѣ ли, или раньше другого дѣйствія (при чемъ

выраженіе „преждесовершенное“ дѣйствіе здѣсь собственно не подходитъ къ смыслу правила), — вполнѣ совпадаетъ съ употребленіемъ прошедшаго времени русскаго глагола несовершеннаго (или длительнаго) вида и не составляетъ исключенія изъ главнаго правила объ употребленіи imperfect. вообще (§ 261).

Весьма ощутителенъ въ разсмотрѣнныхъ нами §§ объ употребленіи imperf. и аориста недостатокъ указаній на очень замѣчательную и въ высшей степени важную разницу въ употребленіи видовъ между греческимъ и русскимъ языками въ отрицательныхъ предложеніяхъ. Кромѣ того, ни однимъ словомъ не упоминается не менѣе бросающееся въ глаза отличіе видовъ при *πολλάκις* съ aor. *(π. ἐθαύμασα,* я часто удивлялся), а также исключительное употребленіе imperfecti при *ἀεί* (= всегда, только съ несовершеннымъ видомъ прошедшаго времени). Этотъ важный пропускъ противорѣчитъ обѣщанію предисловія сближать и сравнивать оба языка.

Въ § 267 читаемъ странное и притомъ туманное выраженіе о perfectum: „если въ данную минуту либо подлежащее, либо дополненіе еще состоитъ подъ вліяніемъ законченнаго дѣйствія“.

Въ § 269 описательный переводъ *κτήσασθαι* „пріобрѣтая нажить“ и *κτᾶσθαι* „стараться пріобрѣтать“ — надо замѣнить простымъ и притомъ болѣе точнымъ и вѣрнымъ: пріобрѣсть — пріобрѣтать. Тамъ же попадается опять неясное выраженіе „временное понятіе“, какъ и въ § 335, 10с „временной смыслъ“.

§ 272 начинается такъ: „Изъявительное наклоненіе есть форма опредѣленнаго утвержденія и вопроса“, — дефиниція сильно хромающая, по которой никакъ нельзя, напримѣръ, ставить indic. въ предложеніи съ неопредѣленнымъ мѣстоименіемъ (напр. *λέγει τι* или *ἆρα λέγει τι),* или съ отрицаніемъ (напр. *ταῦτα οὐ λέγει).* Содержаніе № 4 того же §, во-первыхъ, совсѣмъ лишне (особенно въ школьной грамматикѣ), а, во-вторыхъ, невѣрно, потому что *τίς οὐκ ἀκήκοεν* ошибочно переводить русскимъ „сослагательнымъ наклоненіемъ“: „кто бы не слышалъ?“ (это германизмъ: wer hätte nicht gehört?), а надо просто: кто не слыхалъ? Такъ же *πῶς οἶδα* вовсе не „откуда мнѣ бы знать?“, а какъ мнѣ знать?

Въ § 273 вмѣсто „отличить“ надо „отличать“ или „различать“, а вмѣсто „Imperat. praes. означаетъ дѣйствіе, которое должно продолжаться или повторяться“ удобопонятнѣе для русскаго ученика и притомъ вѣрнѣе было бы сказать такъ: греч. imperat. praes. соотвѣтствуетъ русскому повелительному наклоненію несовершеннаго вида. Несообразно затѣмъ слѣдующее правило: „Imperat. aor. означаетъ дѣйствіе, которое должно быть немедленно (!) совершено“. У Ксенофонта, напр., читаемъ: *ὑμεῖς, ἔφη Κῦρος, ἀπαγγείλατε τῷ Ἰνδῶν βασιλεῖ τάδε* (*Cyr.* II, 4, 8), вы до-

несите инд. царю слѣдующее (когда придете изъ Персіи, въ которой они находятся, въ Индію, — значитъ никакъ не „немедленно", а послѣ весьма продолжительной, многодневной дороги); или у Платона: *αὔριον ἀφικοῦ* (*Lach.* 201c), приди завтра. Русскому ученику опять достаточно сказать вкратцѣ и ясно: греч. imperat. aoristi вполнѣ соотвѣтствуетъ русскому повелительному наклоненію совершеннаго вида. — Но о видовой разницѣ двухъ imperat., praes. и aor., опять и помину нѣтъ.

Въ § 274 при *ἄγε, ἄγετε, φέρε* опять недостаетъ обѣщаннаго сближенія и сравненія съ русскими повелит. „давай, давайте" и т. п. Въ № 2 того же §, какъ и въ § 281, выраженіе „нерѣшительные вопросы" неудачно — вмѣсто: вопросы, выражающіе недоумѣніе или сомнѣніе.

Въ § 275 — очевидное противорѣчіе между правиломъ и примѣчаніемъ. Въ правилѣ сказано: „желательное наклоненіе употребляется въ независимыхъ предложеніяхъ для выраженія желанія, независимо отъ того, считается ли осуществленіе желанія возможнымъ или нѣтъ", — а въ прим. говорится: „если неосуществимость желанія должна быть выражена, то ставится" то-то. Ошибка, и притомъ самая крупная и сбивчивая, въ правилѣ: вмѣсто словъ „независимо отъ того, считается... или нѣтъ" должно быть: когда желаніе относится къ будущему времени, т.-е. представляется еще исполнимымъ, — между тѣмъ какъ желаніе, относящееся къ случаю прошедшему или въ настоящее время уже проходящему, выражается indic. историческихъ временъ или посредствомъ *ὤφελον* c. inf., первое — aor., второе — imperf. Кромѣ того стоило прибавить, что желательное наклон., въ значеніи желанія, ставится всегда безъ *ἄν* и только въ praes. и aor. (рѣдко perf., а futurum никогда).

Въ прим. 2 § 276 сказано: „Въ качествѣ potentialis прошедшаго вр. служитъ indicat. историческихъ временъ съ *ἄν* (aor., рѣже imperf.)"; — не „рѣже", а смотря по виду; напр. *ᾤετό τις ἄν*, кто-н. думалъ бы, могъ (бы) думать, а *ᾠήθη ἄν τις*, кто-н. подумалъ бы, могъ (бы) подумать.

Въ § 279 b, терминъ „causativa", противъ общепринятаго въ грамматикахъ значенія „винословнаго", употребленъ не кстати о глаголахъ „показывать, обнаруживать". Прим. 1 содержитъ указанія, большею частью лишнія для русскаго ученика, такъ какъ означенное тамъ употребленіе греч. временъ обыкновенно совпадаетъ съ употребленіемъ временъ русскаго языка. То же самое слѣдуетъ замѣтить относительно пр. 1 къ § 280.

§ 280 начинается такъ: „Зависимые (надо вставить „или") косвенные вопросы вводятся косвенно или прямо вопросительными мѣстоименіями и нарѣчіями". Въ такъ напечатанномъ видѣ выходитъ странное противорѣчіе, будто косвенные во-

просы выражаются также прямо; мы желали бы предположить здѣсь пропускъ соединительной черточки: косвенно- или прямовопросительными... Тамъ же (въ правилѣ и въ прим. 1) неудачны и двусмысленны выраженія: „настоящія“ и „ненастоящія вопросительныя предложенія“ или „вопросы“, — лучше: собственныя и несобственныя... Въ прим. 3 *σκέψαι, εἴπερ... πορευσόμεθα* не выражаетъ „сомнѣніе“, а скорѣе ожиданіе.

Въ § 281 опять очевидное и крупное противорѣчіе. Правило о coniunct. dubitativus (вмѣсто этого названія тамъ: нерѣшительные косвенные вопросы) въ зависимыхъ предложеніяхъ объясняется, между прочимъ, слѣдующимъ примѣромъ: *ὁρῶ σε ἀποροῦντα, ποίαν ὁδὸν ἐπὶ τὸν βίον τράπῃ,* — а прим. говоритъ: „Если въ нерѣшительныхъ косвенныхъ вопросахъ подлежащее не то же самое, чтó въ главномъ предложеніи, то вмѣсто сослаг. (желат.) наклоненія ставится ind. fut. или *δεῖ*“, — значитъ въ приведенномъ примѣрѣ Ксенофонтъ (*Mem.* II, 1, 23), поставивъ все-таки coni. *τράπῃ,* сдѣлалъ непростительную ошибку.

Въ § 283, прим. 1 не упомянуто о полномъ соотвѣтствіи греческ. infin. послѣ глаголовъ просьбы, требованія и т. п. русскому неопредѣленному наклон., чтó объяснило бы эту замѣтку проще и лучше всякаго многословія и толкованія о союзѣ „чтобы“. Прим. 2 говоритъ: „Къ *ὅπως* и *ὡς* (а не къ *ἵνα*) присоединяется иногда *ἄν*“ но является вопросъ: когда? или для чего? Вообще авторы неосторожно обращаются съ пустыми выраженіями, въ родѣ „иногда, большею частью, обыкновенно, просто“ и т. п., несмотря на свое высказанное въ предисловіи обѣщаніе быть „точными, осмотрительными и вразумительными“ (напр. въ § 130, 1 „aor. II рѣдко производится отъ прав. глаг.“, 167 „большую часть временъ“, 169 „времена большею частью“ и въ другихъ случаяхъ).

Въ § 285, 3, слѣдуетъ прибавить, что цѣль выражается также оборотами: *ἐπὶ τῷ...* или *τοῦ... ἕνεκα* съ infinit.

Слѣдующіе §§ 287 и 288 о предложеніяхъ времени сообщаются въ этомъ мѣстѣ слишкомъ рано, въ несистематическомъ порядкѣ. Извѣстно, что предложенія времени подчиняются, на ряду съ предложеніями относительными, большею частью, однимъ и тѣмъ же правиламъ съ условными предложеніями, почему и самый естественный порядокъ изложенія такой: условныя предложенія, затѣмъ относительныя, наконецъ временныя, хотя послѣднія двѣ главы весьма цѣлесообразно соединить въ одну общую главу относительныхъ и обстоятельственныхъ, такъ какъ оба рода этихъ предложеній представляютъ полное сходство (за исключеніемъ только infin. послѣ *πρίν*). Такая естественная послѣдовательность изложенія названныхъ предложеній и соединеніе сходныхъ явленій въ одну

цѣльную главу способны въ значительной степени облегчить пониманіе правилъ ихъ употребленія, между тѣмъ какъ обратный порядокъ, захватывая иное впередъ, вводитъ путаницу, затрудняя обозрѣніе и сравненіе аналогичныхъ явленій языка. Послѣ такого превратнаго порядка изложенія немного пользы принесетъ таблица, въ родѣ „обзора наклоненій въ придаточныхъ наклоненіяхъ" § 337, въ которой повторяются нѣкоторыя, отмѣченныя уже нами, неисправности.

Въ § 287 *ἐπεί* и *ἐπειδή* переводятся только: „послѣ того какъ", какъ будто эти союзы не могутъ означать также одновременности дѣйствія, т. е. соединяться не только съ aor., но и съ imperf. = „между тѣмъ какъ", „въ то время какъ"; напр. въ началѣ Xen. *Anab.*: *ἐπεὶ δὲ ἠσθένει Δαρεῖος καὶ ὑπώπτευε τελευτὴν τοῦ βίου...*, или Xen. *Anab.* I, 2, 1: *ἐπεὶ δ' ἐδόκει...* и безчисленное количество разъ.

§ 288, 1, учитъ: „Союзъ *πρίν* употребляется 1) съ неопредѣленнымъ наклон. (acc. c. inf.)" — только ли accus.? Когда подлежащее управляющаго глаг. тождественно съ подлежащимъ infin., то бываетъ nomin. c. infin., чему имѣется множество примѣровъ; такъ *πολλοὶ ἀποθνήσκουσι πρότερον πρὶν δῆλοι γενέσθαι οἷοι ἦσαν* (Xen. *Cyr.* V, 2, 9). То же пропущено при *ὥστε*.

Къ § 289. *Ὥστε* переводимъ не только „такъ что", а весьма часто: такъ чтобы..., особенно съ infin., въ случаяхъ, перечисленныхъ въ § 290, въ которыхъ почти исключительно и по-русски бываетъ „такъ чтобы" съ неопред. накл. Здѣсь опять недостаетъ обѣщаннаго въ предисловіи сближенія и сравненія съ русскимъ языкомъ.

Въ № 1 этого же § 289 къ слову „наступившій" *(ὥστε ἐνικήσαμεν)* слѣдовало бы прибавить: наступающій, —авшій *(ὥστε — ἐπήγνυτο)* и имѣющій наступить *(ὥστε — καταληφόμεθα)* фактъ, или высказать правило иначе и проще.

Къ § 290, 2 нужно замѣтить, что *ὥστε* c. infin. ставится далеко не всегда въ зависимости отъ условнаго предложенія. Въ данномъ тамъ примѣрѣ *ὥστε ἔχειν* infin. поставленъ на общемъ основаніи (по § 289, 2): такъ чтобы они могли, чтобы имъ (можно было) имѣть...; но въ другихъ случаяхъ, при зависимомъ отъ условнаго предложенія *ὥστε*, бываетъ такое наклоненіе, какое требуется по выражаемому смыслу и по связи предложенія; напр. *εἴ τις χρῷτο τῷ ἀργυρίῳ, ὥστε πριάμενος κακόν τι διὰ τοῦτο κάκιον ἔχοι, πῶς ἂν ἔτι τὸ ἀργύριον αὐτῷ ὠφέλιμον εἴη;* (Xen. *Oec.* I, 13.) Вообще здѣсь недостаетъ потребнаго указанія на то, что *ὥστε* c. verbo finito часто употребляется какъ самостоятельная частица слѣдствія (послѣ точки на строкѣ или надъ ней) въ значеніи itâque, и что въ такомъ случаѣ за нимъ могутъ слѣдовать всѣ наклоненія независимыхъ пред-

ложеній (не только „modi potentiales", по прим. 3 къ № 1); напр. *Ἕτοιμοί σε σῶσαι καὶ ἄλλοι· ὥστε μήτ' ἀποκάμῃς σαυτὸν σῶσαι μήτε δυσχερῶς σοι γενέσθω*... поэтому ты не преминь... и не стѣсняйся... (Plat. *Crito* 45[c]).

Въ § 292 опять наталкиваемся на слово „просто" („условіе просто высказывается"...) и недоумѣваемъ, для чего авторы въ дефиниціи 1-й формы условнаго предложенія съ indic. прибавили къ „полной увѣренности" еще слова „съ математическою (!) точностью", — не для большей ли научности?

Въ § 294 при *εἰ* c. optat. читаемъ: „Условіе представляется какъ субъективное, произвольное (?) предположеніе", — должно быть не „произвольное", а предполагаемое или представляемое возможнымъ условіе. Далѣе толкуется неточно и сбивчиво: „при чемъ не обращается вниманія на возможность или невозможность (недѣйствительность)", — такъ какъ, наоборотъ, этотъ случай условнаго предложенія именно представляетъ даже недѣйствительное возможнымъ, особенно въ живомъ воображеніи поэта, что́ доказываетъ одинъ изъ слѣдующихъ затѣмъ примѣровъ: *οἶκος δ' αὐτός, εἰ φθογγὴν λάβοι, σαφέστατ' ἂν λέξειεν.*

Въ § 295 недостаточно ясны слова объ *εἰ* c. indic. истор. вр.: „условіе и слѣдствіе представляются какъ недѣйствительныя (ирреальныя)", а далѣе совсѣмъ странныя выраженія: „Въ протасисѣ ставится imperf., если условіе въ настоящее время не существуетъ (!), а ind. aor. — если условіе въ прошедшее время не существовало (!)". Само условіе, конечно, существуетъ и существовало, иначе не было бы условнаго предложенія.

§ 296 объ infin. и partic. c. *ἄν,* — не говоря уже о томъ, что изложенъ очень коротко, а потому и неясно, — въ этомъ мѣстѣ сообщается слишкомъ рано, такъ какъ главы о неопредѣленномъ наклон. (особ. accus. и nomin. c. infin.) и причастіи, не предшествовали, а еще впереди.

Къ § 298. *Εἰ καί* и *ἐὰν καί* переводимъ, въ уступительномъ значеніи, не „если и", а — хотя (и), хотя бы (и); также *καὶ εἰ* и *καὶ ἐάν* не переводимъ „и если", а — даже если (бы), если (бы) даже. *Οὐδ' εἰ* не переводимъ „даже не... если" (порядокъ словъ!), а — даже если, или — если даже... (то) не. Составителей опять сбило съ толку нѣм. „wenn auch, auch wenn, auch selbst nicht... wenn", буквально переведенное „если и, и если, даже не... если". Въ этомъ §, сверхъ того, недостаетъ указанія на отрицат. уступительныя предложенія съ *οὐδ' ἐάν,* о чемъ забыто упомянуть и въ § 327 прим. 1, въ которомъ стоило бы прибавить, что уступит. предложенія вводятся также посредствомъ *οὐδ' εἰ* и *οὐδ' ἐάν,* т.-е. имѣютъ отрицаніе *οὐ,* какъ при уступительномъ причастіи, между тѣмъ какъ: *εἰ καὶ μή, κἂν μή*. Къ отрицательнымъ „*εἰ* или *ἐὰν καὶ μή, καὶ εἰ* или *ἐὰν μή* въ § 298 тоже

не лишне бы прибавить: слитное *κἂν μή* и *εἰ μηδέ, μηδ' εἰ, ἐὰν μηδέ, μηδ' ἐάν*.

§ 299 I отличается слѣдующимъ многословіемъ и замѣчательнымъ слогомъ: „Въ относительныхъ предложеніяхъ объяснительныхъ, опредѣляющихъ или описывающихъ какое-нибудь понятіе главнаго предложенія и легко обращаемыхъ (!) въ самостоятельное (неподчиненное) предложеніе" и т. д.

Слѣдующія главы о неопредѣленномъ наклон. и причастія изложены лучше предшествующихъ. Однако и здѣсь кое-что замѣтимъ.

Въ § 308 находимъ примѣръ *δεινὸς φαγεῖν* съ его переводомъ „большой ѣдокъ" неудобнымъ и лишнимъ на ряду съ приведеннымъ тамъ же *δεινός λέγειν*.

§ 310, b: „Причастіе имѣетъ временное значеніе относительное", — не только временное, но также „видовое", о чемъ мы говорили уже выше и въ чемъ сомнѣнія быть не можетъ.

§ 312. Вмѣсто „адвербіальнаго" причастія русскимъ ученикамъ понятнѣе будетъ обстоятельственное.

§ 316. Переводы, въ родѣ (подъ а) *χαίρω τιμώμενος* „я радуюсь тому, что я почитаемъ" и (подъ b) *ἀκούω σου λέγοντος* „слышу тебя говорящимъ", а также въ § 317а *Χειρίσοφος ἐτύγχανεν ἀπών* „случилось, что Х. отсутствовалъ"; *τὸ στράτευμα τρεφόμενον ἐλάνθανε Κύρῳ* „было скрыто, что войско содержалось для К." и *ὁ παῖς ἔλαθέ με πεσών* (не очень то классическій примѣръ!) „онъ упалъ, не будучи замѣченнымъ мною", — не могутъ заслуживать одобренія.

Въ § 317 при *τυγχάνω* c. part. недостаетъ самаго частаго перевода „тогда", „въ то время", а за то приводится неприменимый къ лицамъ глаголъ „случаюсь". При *διατελῶ, διαγίγνομαι* (недостаетъ еще *διάγω, διαμένω, διατρίβω*) и *παύομαι* пропущено то немаловажное въ видовомъ отношеніи явленіе, что дополняющее ихъ participium всегда только praesentis, какъ и русское неопред. наклон. несовершеннаго (длительнаго) вида. *Λανθάνω* вовсе не значитъ „я скрываюсь" (это выражаютъ media *κρύπτομαι, καλύπτομαι* и сложныя), а — я скрытъ, незамѣтенъ, остаюсь незамѣченнымъ.

Что participium aoristi при indicat. aor. какъ другихъ, такъ и глаголовъ *φθάνω, λανθάνω, εὖ ποιῶ* и т. п. означаетъ не „одновременное" дѣйствіе, — что́ утверждаетъ прим. 2 сего §, наравнѣ съ большею частью нѣмецкихъ и, конечно, также слѣдующихъ по ихъ стопамъ, русскихъ учебниковъ греч. синтаксиса, — а такое же предшествованіе одного дѣйствія другому, какъ и въ другихъ случаяхъ, это очевидно по русскому дословному, точному переводу такихъ partic. aor. всегда совершеннымъ видомъ дѣепричастія, выражающимъ, въ связи съ

личною формой глагола того же вида, тоже предшествованіе; напр. *ταῦτα εἰπὼν ἐπαύσατο* (Xen. *An.* I, 3, 12), сказавъ это, онъ замолчалъ; *εὖ ἐποίησας ἀναμνήσας με*, ты хорошо сдѣлалъ, напомнивъ мнѣ это и др.

Въ § 319, прим., невѣрно утвержденіе, что „при *χαίρω, ἥδομαι* и т. д. можно ставить и предложеніе съ *ὅτι* или *εἰ*", потому что *εἰ* послѣ *χαίρω* и *ἥδομαι* вовсе не встрѣчается. *Ὅτι* или *εἰ* встрѣчается лишь послѣ *θαυμάζειν, ἀγανακτεῖν, ἄχθεσθαι, αἰσχύνεσθαι* и т. п.

Въ § 321 при словахъ: „Отглагольное прилагательное на *τός* означаетъ совершеніе (?) дѣйствія или возможность" не обращено вниманія на соотвѣтствіе русскому страдательному причастію на -мый и на двоякое видовое значеніе отглаг. прилаг.: a) страдательнаго причастія обоихъ видовъ, какъ совершеннаго, такъ и несовершеннаго; b) возможности (способности и достоинства), также въ страдательномъ смыслѣ (послѣднее важное обстоятельство не упомянуто); напр. *ἀγαπητός* любимый и возлюбленный; *ὁρατός* видимый; *ποιητός* (с)дѣланный; такъ и въ данномъ примѣрѣ *ὁ Πειραιεὺς ἦν ἀφύλακτος καὶ ἄκληστος* = Пирей не былъ охраняемъ и запираемъ = не охранялся и не запирался.

Слѣдующая глава объ отрицаніяхъ изложена тоже не вполнѣ удачно. Въ § 326, прим. 2, слова „съ лишнимъ" (отрицаніемъ *μή*) и „лишнее" *(μὴ οὐ)* — сами лишни. Если въ первомъ случаѣ *μή*, а во второмъ *μὴ οὐ* лишни, то зачѣмъ же все-таки ставятъ ихъ? — § 328 начинается такъ: „Въ греческомъ языкѣ очень употребительно скопленіе отрицаній". Затѣмъ невѣрно утверждается, будто „греческій языкъ употребляетъ отрицанія въ этомъ отношеніи совершенно (?!) такъ, какъ русскій языкъ". Разница довольно значительна и столь важна, что обойти ее или отнестись къ ней поверхностно въ учебникѣ, назначенномъ для русскихъ гимназій, совсѣмъ непростительно.

Въ главѣ о частицахъ (§ 333—336) помѣщено много лишнихъ для школьной грамматики подробностей, относящихся скорѣе къ словарю, чѣмъ къ грамматикѣ. Въ § 335, 15, прим. 7 читаемъ: „Всѣ эти выраженія *(μὴ ὅτι, οὐχ ὅτι, οὐχ ὅπως)* основываются на эллипсѣ, при чемъ при *μή* или *οὐ* слѣдуетъ дополнить verbum dicendi: *μή τις λεγέτω, ὅτι*, не должно говорить, что..., *οὐ λέγω, ὅτι* не говорю, что...". Такое объясненіе найдемъ весьма сомнительнымъ, когда сравнимъ эти выраженія съ русскимъ близкимъ переводомъ: не то, что..., не то, чтобы... Здѣсь дополняется въ мысли не всегда verbum dicendi (говорить), а глаголъ, соотвѣтствующій смыслу даннаго предложенія; напр. *οὐχ ὅπως τῶν ἑαυτοῦ τι ἐπέδωκεν, ἀλλὰ καὶ τῶν ὑμετέρων πολλὰ ὑφῄρηται* объясняется такъ: онъ не то (подразум.

сдѣлалъ, думалъ, а не „говорилъ"), чтобы прибавить что-нибд. изъ своего, а напротивъ, отнялъ многое изъ вашего.

То же самое приходится замѣтить также относительно главы „О гомеровскомъ нарѣчіи" (§§ 338—366), въ которой весьма многое можно бы предоставить словарю; напр. большую часть §§ 350, 356, въ § 357 *πέσσω* и весь отд. 2, §§ 360, 3 и 366.

Въ послѣдней главѣ: „Важнѣйшія правила просодіи и метрики" находимъ лишними для нашихъ гимназій примѣчанія къ § 367, 1 и 5, а также весь § 377 о троханческомъ тетраметрѣ, а отчасти и § 378 объ анапестическомъ диметрѣ. Содержаніе послѣднихъ двухъ параграфовъ удобнѣе сообщается ученикамъ при чтеніи трагедіи на-ряду съ другими болѣе рѣдкими размѣрами хоровъ. Къ тому же метрическій разборъ хоровъ нерѣдко пропускается преподавателями на основаніи „Учебныхъ плановъ" 1890 г., стран. 69.

Въ § 368, 3 къ согласнымъ *(λ, μ, ν, ρ)*, передъ которыми у Гомера слогъ съ одной согласной въ концѣ считается долгимъ, слѣдовало прибавить еще отпавшія впослѣдствіи *Ϝ* (какъ показываетъ въ приведенномъ примѣрѣ *τις Ϝείλεσκεν)*, *σ*, *σϜ*.

Наконецъ мы находимъ весьма неудобнымъ заставлять ученика справляться въ двухъ греческихъ указателяхъ: I. „Алфавитномъ указателѣ глаголовъ", II. „Греческомъ указателѣ" (какъ будто указ. I. не былъ греческій), и въ III. „Русскомъ указателѣ". Насколько они полны, сказать не беремся.

Приведенныхъ указаній, смѣемъ думать, достаточно для оправданія высказаннаго нами въ началѣ настоящей статьи мнѣнія, что учебникъ гг. Курца и Фризендорфа нуждается въ весьма многихъ существенныхъ исправленіяхъ*).

Э. Черный.

Латинская хрестоматія для низшихъ классовъ. Составили С. Радецкій и В. Соколовъ. Москва 1891 (XXI + 124 + 104).

Составители этой книги поставили себѣ задачей дать такое руководство, „которое, служа существеннымъ подспорьемъ при усвоеніи важнѣйшихъ отдѣловъ грамматики, уже съ самаго

*) Рецензентъ „Гимназіи" (1890, № 8—10, стр. 738 и слѣд.), г. Гинтовтъ, указываетъ въ разсмотрѣнной нами грамматикѣ лишь пять незначительныхъ недостатковъ и первое свое возраженіе обращаетъ противъ того, что въ одномъ мѣстѣ § 44 передъ словами „въ остальныхъ случаяхъ" вмѣсто точки съ запятой поставлена запятая. Противъ другого его, ужъ совсѣмъ несправедливаго, упрека, будто „при гекзаметрѣ (§ 374) не находимъ перечисленій главнѣйшихъ цезуръ съ обычными ихъ наименованіями", я долженъ защитить составителей, такъ какъ эти цезуры съ ихъ наименованіями перечисляются въ отд. 8 того же параграфа, только на слѣдующей, 240-й страницѣ.

начала давало бы содержательный и плодотворный матеріалъ для чтенія и служило бы подготовленіемъ къ непосредственному знакомству съ древними авторами и осмысленному ихъ переводу". Такимъ образомъ содержаніе они ставятъ на видномъ мѣстѣ, требуя, чтобы оно, „расширяя духовный кругозоръ учащихся новыми и дѣльными знаніями, будило ихъ любознательность и умственныя силы и въ то же время развивало ихъ нравственное чувство". Хрестоматія состоитъ изъ 98 страницъ латинскаго, 36 русскаго текста, „синтаксическихъ правилъ" и трехъ словарей. Латинскій и русскій текстъ состоятъ изъ фразъ и статей. Фразы въ общемъ итогѣ подобраны довольно удачно: большинство ихъ состоитъ изъ сентенцій и представляетъ мысль вполнѣ законченную и полезную по содержанію[1]). По содержательности фразъ эта хрестоматія выгодно отличается отъ многихъ другихъ; жаль только, что въ ней слишкомъ много историческихъ фразъ (около 200, пятая часть общаго числа фразъ), которыя, указывая на единичные и непонятные безъ исторической обстановки факты, въ большинствѣ случаевъ остаются для учениковъ безсодержательными[1]). Между сентенціями мы встрѣчаемъ много и пословицъ, при чемъ параллельно съ латинскимъ приведены часто и русскія пословицы. Этотъ богатый запасъ изреченій и пословицъ составители справедливо считаютъ лучшимъ матеріаломъ и для заучиванья наизусть. Связныя статьи отличаются разнообразіемъ содержанія и представляютъ постепенный переходъ отъ легкаго къ болѣе трудному. Въ первыхъ отдѣлахъ хрестоматіи съ фразами чередуются басни, выборъ которыхъ вообще удаченъ, хотя мы не желали бы такихъ басенъ, какъ Luscinia et accipiret. Связный латинскій текстъ, предназначенный для I класса, состоитъ изъ 21 басни, 2 описаній, 6 разсужденій (есть даже разсужденіе „о мудрости"!), 6 анекдотовъ, 1 миѳологическаго разсказа, 6 историческихъ характеристикъ и 8 историческихъ разсказовъ. Къ характеристикамъ мы относимъ статьи о Пиндарѣ, Августѣ, Аристидѣ и Ѳемистоклѣ, римскомъ сенатѣ и др., такъ какъ онѣ состоятъ изъ перечня „свойствъ" и общихъ фразъ и не заключаютъ изложенія событій, а одна статья увѣряетъ даже, что „предки наши", древніе жители Россіи, намазывали стрѣлы ядомъ, питались обыкновенно мясомъ и т. д., однимъ словомъ, скиѳовъ смѣшиваетъ со славянами. Нѣкоторые анекдоты тоже не осо-

[1]) Неудачныхъ фразъ немного. Примѣры: Bella sunt causa morborum variorum. Nusquam est, qui ubique est. Vulgus credulum peccata et vitia laudat. A Jove principium (почему не а Deo?). Si desideras pacem, para bellum, и др.

[1]) Попадаются даже такія фразы: Prudentia unius viri (?) tota Graecia magno periculo liberata est. Consules, censores, praetores, aediles summi erant reipublicae (?) custodes.

бенно удачны, напр., тѣ, гдѣ разсказывается о несправедливости Главка, который въ то же время отличался справедливостью, о больномъ, который день страдалъ жаромъ, другой ознобомъ, третій водянкой[1]), о чудесномъ явленіи Кастора и Поллукса въ образѣ юношей, которые, вѣроятно, не мало смутятъ мальчугановъ перваго класса. Изъ историческихъ статей иныя представляютъ голые перечни именъ и фактовъ (5, 21, 24, 25). Курсъ II и перваго полугодія III класса заключаетъ около 30 историческихъ разсказовъ, почти столько же анекдотовъ, 19 басенъ, 12 миѳологическихъ разсказовъ о герояхъ, 6 разсужденій и до 50 изреченій, соединенныхъ въ группы подъ рубриками: Apte dicta и др. Разсказы въ большинствѣ случаевъ даютъ полезныя и доступныя для даннаго возраста свѣдѣнія или же заключаютъ нравственную идею, имѣющую болѣе или менѣе воспитательное значеніе. Ученики знакомятся съ подвигами Ромула, Леонида, Эпаминонда, Фабіевъ, Коклеса и многихъ другихъ героевъ древности, преимущественно, впрочемъ, полководцевъ; лица и событія выбраны наиболѣе извѣстныя. Но между анекдотами встрѣчаются или пустыя по содержанію (о Назикѣ, о рабѣ Пизона, объ Антигонѣ и циникѣ, объ Апеллесѣ на пиру у Птоломея и др.) или мало понятныя для учениковъ (о жалобномъ ораторѣ, о прорицателѣ, о Ксенократѣ, который беретъ взятку, чтобы не выказать пренебреженія къ щедрости царя и др.)[1]). Латинскій текстъ заканчивается 6 страницами изъ Цезаря (о Галліи и галлахъ, о свевахъ, о войнѣ съ альпійскими народцами и др.) и 10 баснями Федра въ подлинномъ изложеніи. При выборѣ матеріала составители пользовались многими нѣмецкими руководствами, а также и первоисточниками, т.-е. древними авторами, въ противоположность другимъ хрестоматіямъ, которыя чаще всего представляютъ нехитрую передѣлку той или иной нѣмецкой книжки. Русскій связный текстъ состоитъ изъ 12 разсказовъ, 9 басенъ, 8 описаній, 2 разсужденій и др. Многія статьи взяты изъ русскихъ авторовъ. Между прочимъ, мы находимъ тутъ нѣсколько отрывковъ изъ русской исторіи (о смерти Олега, о началѣ русскаго государства, о подвигѣ Сусанина, о могуществѣ монголовъ), а также разсказы о св. Андреѣ, св. Георгіи, краткія, но выразительныя описанія засухи, весны, ласточки и т. д. Въ общемъ итогѣ латинскія

[1]) Весь анекдотъ построенъ на почти непереводимой игрѣ словами bonum „хорошо“ и bonum „благо“, „добро“.

[1]) Подъ рубриками: Apte dicta тоже встрѣчаются не совсѣмъ удачные отрывки, въ родѣ того, напр., гдѣ господинъ острить по поводу раба, обреченнаго на смерть (ст. 60, 3). Есть образецъ и пустыхъ школьныхъ разговоровъ (ст. 50); нѣкоторыя разсужденія очень безсодержательны.

и русскія статьи удовлетворяютъ и требованіямъ логически-стройнаго и послѣдовательнаго изложенія. Стиль вообще отличается правильностью. Первая латинская статья предлагается, когда ученики съ помощью фразъ уже ознакомились съ двумя склоненіями именъ и почти всѣми формами настоящаго времени, и уже начальныя статьи состоятъ не изъ однихъ именъ и глаголовъ, но изъ надлежащимъ образомъ связанныхъ предложеній, со всѣми необходимыми для этого частями рѣчи. Иные отрывки, впрочемъ, не отличаются законченностью содержанія; напр., въ статейкѣ: De rei militaris virtute (32) ученикъ съ недоумѣніемъ встрѣтитъ выраженія huic imperio, haec forensis laus, сдѣлавшіяся совершенно непонятными, вслѣдствіе неудачнаго извлеченія отрывка изъ контекста. Въ русскомъ текстѣ встрѣчаются такія выраженія: „Римское государство было спасено содѣйствіемъ одного Цицерона". „Честные люди не считаютъ ничего дороже добраго мнѣнія". Предлагаемый хрестоматіей русскій текстъ едва-ли можетъ быть названъ подспорьемъ „къ закрѣпленію разученнаго латинскаго матеріала", такъ какъ, состоя изъ новыхъ словъ и выраженій, онъ представляетъ нѣчто совершенно самостоятельное и по содержанію и, значитъ, требуетъ при переводѣ столько же самостоятельнаго труда, какъ и латинскій текстъ.

Весь назначенный для перевода матеріалъ приноровленъ составителями къ принятой ими системѣ постепеннаго изученія грамматическихъ формъ и правилъ. Склоненія изучаются параллельно со спряженіями, и курсъ I класса состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Первое скл. — praesens activi; 2) II скл. — fui и praesens passivi; 3) III скл. — perfectum; 4) IV и V скл. — futurum I; 5) Степени сравненія — imperfectum; 6) Числительныя; 7) Мѣстоименія — plusqu. и futurum II. Каждая новая схема усвоивается сначала съ помощью фразъ, затѣмъ берутся латинскія статьи, которыя и должны составлять центръ тяжести, и наконецъ русскія. Вотъ, напр., подробный планъ 5 отдѣла: сначала идутъ два §§ латинскихъ и одинъ § русскихъ фразъ, гдѣ ученики встрѣчаютъ много примѣровъ на степени сравненія; затѣмъ идетъ латинская басня, гдѣ, впрочемъ, на употребленіе степеней всего одинъ примѣръ, и статейка De sapientia съ 7 примѣрами; послѣ этого переводится статейка съ русскаго съ 2 примѣрами степеней. Затѣмъ ученики знакомятся съ imperfectum съ помощью латинскихъ и русскихъ фразъ, 5 статей латинскихъ и 2 русскихъ, при чемъ въ фразахъ и въ трехъ изъ статей ученикъ встрѣчаетъ и степени сравненія. Курсъ II класса идетъ въ такомъ порядкѣ: 1) Повтореніе I курса — особенности рода и 3 скл., всѣ формы отъ sum и сложныхъ съ нимъ; 2) Сослагат. — ut, ne, qui = ut is, cum, quin, косв. в.;

3) Всѣ inf. и part., ger. и sup. — acc. c. inf.; 4) Глаголы 3 спр. на io, отл. и полуотл. — переводъ русскихъ причастныхъ формъ; 5) Abl. abs., переводъ дѣепричастій — гл. неправ., недост., безличные. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ статей на всѣ вообще пройденныя формы и правила: эта вторая половина латинскаго текста хрестоматіи по объему почти не уступаетъ всей первой. Такое распредѣленіе матеріала нельзя было бы не назвать цѣлесообразнымъ, еслибы статьи, дѣйствительно, давали достаточно примѣровъ на изучаемую въ извѣстномъ отдѣлѣ схему или правило. Но дѣло въ томъ, что приспособленіе статей къ тому или иному отдѣлу оказывается во многихъ случаяхъ недостаточнымъ. Вотъ, напр., статья: Sermo de ludo et labore. Она помѣщена въ отдѣлѣ, назначенномъ для изученія глаголовъ edo, fero, volo, nolo, malo: въ ней, дѣйствительно, разъ встрѣчается форма volo. Но если довольствоваться такимъ критеріемъ, то еще съ бо́льшимъ основаніемъ ее можно было бы отнести къ отдѣламъ, гдѣ изучается perfectum, futurum, мѣстоименія, нарѣчія, безличные глаголы и мн. др. Такихъ статей съ однимъ только примѣромъ на изучаемую схему или правило довольно много[1]). Въ результатѣ выходитъ, напр., что въ 9 статьяхъ, назначенныхъ для изученія quin (и косв. в.), мы не встрѣчаемъ ни одного примѣра на quin; въ 3 статьяхъ на вопр. и неопр. мѣстоим. находимъ всего одну форму quidam; въ 10 статьяхъ на fut. II, переводъ которыхъ займетъ больше 10 уроковъ, найдемъ 5 формъ этого времени, въ 9 статьяхъ на употребленіе всѣхъ формъ пов., герундія и супина встрѣтимъ только ambulando, dictu, dic, colloca, puta; въ 10 статьяхъ на глаг. edo, volo, nolo, malo (и fero) есть volo, voluit, noli, malo, а отъ edo нѣтъ ни одной формы и т. д. Такимъ образомъ, несмотря на обиліе связнаго текста, многія схемы и правила придется усвоивать съ помощью фразъ или даже теоретически. Къ достоинствамъ распредѣленія нужно отнести то, что, переводя матеріалъ, относящійся къ извѣстному отдѣлу, ученики, кромѣ изучаемыхъ въ этомъ отдѣлѣ формъ и правилъ и изученныхъ раньше, почти не встрѣчаютъ никакихъ другихъ.

Вторая часть книги состоитъ изъ синтаксическихъ правилъ и словарей. 25 элементарнѣйшихъ синтаксическихъ правилъ помѣщены въ словарѣ для I класса, въ которомъ слова размѣщены по отдѣльнымъ статьямъ. Отдѣльно помѣщенъ синтаксическій матеріалъ, назначенный для II класса, при чемъ всѣ правила изложены съ достаточной обстоятельностью и наглядностью. Словари составлены довольно тщательно: вездѣ, по

---

[1]) Беремъ, напр., курсъ II класса. Такими статьями оказываются 1, 2, 4, 7, 8, 9, 12, 17, 18 и т. д. — въ той же пропорціи.

возможности, дано первоначальное значеніе слова, приведены цѣлыя выраженія, а при именахъ собственныхъ есть необходимыя объясненія, впрочемъ, слишкомъ краткія и неопредѣленныя; но въ общемъ итогѣ словъ оказывается такая огромная масса, что изучить ихъ въ теченіе назначеннаго времени не представляется ни малѣйшей возможности. Для одного перваго класса назначено 1625 словъ, не считая особыхъ выраженій и цѣлыхъ оборотовъ. Такое постоянное чередованіе все новыхъ и новыхъ словъ не только не даетъ ученику прочнаго умственнаго запаса ихъ, но и мѣшаетъ ему пріобрѣсти навыки въ пользованіи изученнымъ грамматическимъ матеріаломъ. Составители мало заботились о томъ, чтобы слова были болѣе употребительныя и чаще повторялись.

П. Первовъ.

Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ. Гай Саллюстій Криспъ. Югуртинская война. Съ введ., прим., 24 рис. и геогр. картою. Объяснилъ К. Зембергъ. Изданіе второе. Часть I: Текстъ. Часть II: Комментарій. Царское село 1891. (91+83 стр.)

Настоящее изданіе разбираемой книги ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ перваго, вышедшаго въ 1890 году; сдѣланы лишь нѣкоторыя незначительныя дополненія и урѣзки въ комментаріи. Такъ какъ эта книга есть изданіе для нашихъ гимназій, гдѣ Саллюстій читается въ пятомъ классѣ, то она должна удовлетворять слѣдующему простому требованію: стоя на уровнѣ знанія и пониманія учениковъ V класса, т.-е. не повторяя имъ знакомаго и не забѣгая впередъ, она должна помогать имъ въ уясненіи содержанія и формы избранной монографіи Саллюстія. Къ искреннему сожалѣнію, г. Зембергъ не вполнѣ справился со своей задачей и совершенно упустилъ изъ виду вышеуказанную точку зрѣнія.

Уже одно знакомство съ „Введеніемъ" даетъ полное представленіе о существенныхъ недостаткахъ труда г. Земберга. Авторъ не соблюдаетъ элементарныхъ требованій, которымъ должно удовлетворять всякое школьное изданіе: послѣдовательности изложенія, точности опредѣленій и строгой разборчивости въ выборѣ сообщаемаго ученикамъ матеріала. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить непохвальный пріемъ — объясненіе какого-либо факта лишь при вторичномъ упоминаніи о немъ[1]). Пріемъ

[1]) Этотъ недостатокъ замѣчается и въ комментаріи. Такъ, на фразеол. слово animus указывается въ гл. 4,4, а объясняется оно ниже въ § 5; portare срв. 36, 1 39, 4; principia 49, 6 и 50, 2.

этотъ ненаученъ, а еще менѣе можетъ быть оправданъ съ дидактической точки зрѣнія; онъ, какъ мы склонны думать, обусловливается скорѣе всего рабской зависимостью автора отъ его источниковъ и пособій. Напр., на стр. 4 введ. г. Зембергъ глухо упоминаетъ о Ѳукидидѣ, и лишь на 5 стр. называетъ его „знаменитымъ историкомъ и т. д."; тоже и относительно provincia Africa: въ началѣ 7 стр. говорится о какой-то невѣдомой ученику „римской провинціи", и только въ прим. къ гл. 3, 4 упоминается provincia Africa „состоявшая изъ прежнихъ владѣній кареагенянъ"; на 15 стр. дается рис. римскаго лагеря „по Полибію", и лишь въ прим. къ гл. 36, 1 объясняется, кто былъ этотъ Полибій. Отсутствіемъ строгой послѣдовательности изложенія объясняются и тѣ мѣста, которыя останутся непонятными для ученика безъ предварительныхъ, но совершенно не данныхъ объясненій, или будутъ превратно истолкованы. Такъ на стр. 4 сказано: Саллюстій желалъ „содѣйствовать демокр. партіи и во время своего невольнаго досуга", при чемъ не объяснено, почему „невольнаго"; далѣе: „сочиненіе de bello Iug. преслѣдуетъ извѣстную цѣль" (стр. 5); „Цезарь поставилъ себѣ за правило избѣгать всякаго необыкновеннаго слова" (стр. 5); „Будучи еще юношей, Югурта при осадѣ Нуманціи (131—133) обнаружилъ смѣлый ... характеръ" (стр. 7) — выходитъ, что самъ Югурта осаждалъ Нуманцію; „Югурта... заключилъ выгодный для себя миръ"... и „былъ вызванъ въ Римъ, чтобы тамъ оправдаться" (стр. 7); послѣ словъ: „Марій первый сталъ набирать солдатъ, не обращая вниманія на ихъ имущ. цензъ" сейчасъ же говорится: „Боевымъ построеніемъ была фаланга, непрерывная линія, имѣвшая 8 рядовъ въ глубину" — выходитъ, что это было при Маріи или послѣ Марія, между тѣмъ какъ фаланга была въ ходу лишь до Камилла; кромѣ того, безъ объясненія остаются загадочными эти 8 рядовъ; при описаніи боевого построенія по манипуламъ не указано, что такое построеніе примѣнялось до Марія, съ котораго начинается построеніе по когортамъ, а то слова „во времена республики" на стр. 9 крайне неопредѣленны (исторія военнаго дѣла у римлянъ во времена республики знаетъ три боевыя построенія), и ученикъ, знакомый съ когортнымъ построеніемъ изъ Цезаря, будетъ сбитъ съ толку; на стр. 15 сказано: „передъ сраженіемъ sarcinae снимались" — непонятно, съ чего снимались. Далѣе, издатель Саллюстія совершенно забываетъ, что онъ пишетъ свой комментарій для учениковъ V класса, незнающихъ другихъ авторовъ, кромѣ Корн. Непота, Цезаря и м. б. Овидія. Чѣмъ же иначе объяснить такое замѣчаніе: „Въ произведеніяхъ Саллюстія, какъ и у Цицерона и Тацита, можно прослѣдить послѣдовательное развитіе слога и языка"; даже и безъ

указанія на Циц. и Тац. слова эти останутся пустымъ звукомъ для ученика. Въ IV главѣ введенія приводятся testimonia veterum о Саллюстіи; тутъ и Тацитъ, и Геллій, и Квинтиліанъ, и указаніе на то, что „въ позднѣйшія времена слогъ С. находилъ многихъ подражателей". Какой же авторитетъ представляютъ для ученика совершенно неизвѣстныя ему имена? Или вотъ какъ объясненъ рис. 8: „Lituus, найденный на днѣ рѣки Witham близъ Tattershall'а въ Линкольнширѣ" — ну что, если любознательный ученикъ спроситъ у своего учителя, гдѣ эта рѣка Witham и что это за Tattershall въ Линкольнширѣ? про тотъ же самый lituus выше сказано, что это „мѣдный инструментъ, походившій на авгурскій жезлъ" (x = y). Съ такимъ изложеніемъ, несоотвѣтствующимъ потребности учениковъ средняго класса, вполнѣ гармонируетъ и самый языкъ; выраженія: „объективный" (стр. 4), „тенденціозный", „психологическіе мотивы" (6), „интервалы" (10, гдѣ можно сказать „промежутки") совсѣмъ не умѣстны. Помимо этого попадаются и прямо невозможныя слова и выраженія; таковы напр.: „двулезвейный" (мечъ, 11) „низкотонная" (труба, 13) „царство Нумидіи" (6), „комиссія римлянъ" (7), „вооруженіе составляли слѣдующіе предметы" (11). Неудачно также стремленіе выразиться „по-русски" тамъ, гдѣ комментаторъ приравниваетъ exercitus дивизіи, legio полку, manipulus ротѣ, centuria взводу, ala полку и turma эскадрону, помимо того, что тутъ и фактическаго соотвѣтствія никакого нѣтъ; „главной квартирой" нельзя назвать палатку полководца въ лагерѣ (стр. 16), равно какъ винею — „бесѣдкой" (стр. 28); наконецъ, отмѣтимъ странное выраженіе: „обозъ и машины перевозились на вьючныхъ животныхъ (iumenta)" — точно „вьючныя животныя" какая то особая порода животныхъ; слѣдуетъ сказать: „на лошадяхъ, волахъ, мулахъ, которые въ такомъ случаѣ называются общимъ именемъ iumenta, т.-е. вьючныя животныя".

Въ главѣ IV введенія находимъ вещи, совершенно неумѣстныя въ педагогическомъ отношеніи. Вотъ какъ учитель рекомендуетъ ученикамъ своего автора: „Ему ставили въ укоръ его собственную жизнь, такъ мало соотвѣтствовавшую нравоучительному характеру его сочиненій", и выше, въ гл. I: „Поводомъ къ его удаленію изъ сената послужилъ его безнравственный образъ жизни"; кромѣ того, очевидно, для болѣе полной нравственной характеристики Саллюстія г. З. прибавляетъ, „Получивъ въ управленіе, съ титуломъ проконсула, плодороднѣйшую часть Нумидіи..., онъ пріобрѣлъ большія богатства" (гл. I) и что у него, какъ у писателя, „историческая точность иногда отодвигается на второй планъ... тенденціозными соображеніями". Какое же понятіе послѣ этого со-

ставитъ себѣ ученикъ о нравственной личности автора, къ чтенію котораго онъ приступаетъ? Вѣдь г. З. предварительно уже сообщилъ ему, что это былъ развратникъ, лицемѣръ, грабитель и взяточникъ и, наконецъ, лживый и недостовѣрный писатель. Какъ жалкими покажутся ученикамъ возвышенныя рѣчи лицемѣра (въ началѣ трактата) о прочности нравственныхъ благъ и бренности и ничтожествѣ благъ матеріальныхъ! Г. Зембергъ не понимаетъ, что онъ сразу губитъ то дѣло, которому мнитъ принести пользу своимъ комментаріемъ, что раскрыть передъ дѣтьми, еще не знающими никакихъ нравственныхъ сдѣлокъ, явное противорѣчіе между словомъ и дѣломъ, не только не давши ему подобающей нравственной оцѣнки, но еще оставляя его безъ всякой оговорки точно фактъ обыкновенный, съ которымъ можно мириться, — значитъ санкціонировать лицемѣріе. По отношенію къ Саллюстію, сочиненія котораго назначаются для чтенія въ классѣ, слѣдовало бы сдѣлать одно изъ двухъ: или, указавши на это противорѣчіе, въ заключеніе прибавить: „такой лицемѣръ не заслуживаетъ того, чтобы читать и толковать его сочиненія“, или, если ужъ ихъ читать, то обязательно слѣдовало бы освободить Саллюстія отъ значительной доли обвиненій или сгладить противорѣчіе между его образомъ жизни и моральнымъ характеромъ его сочиненій указаніемъ на то, что впослѣдствіи онъ раскаялся, исправился и порвалъ связь съ своимъ прошлымъ. Спасти нравственную личность Саллюстія считаютъ своей задачей многіе ученые, а для педагога, толкующаго ученикамъ его сочиненія, это должно быть прямою обязанностію.

Значительную часть шестой главы мы считаемъ излишней. Въ ней г. Зембергъ цѣлыхъ десять страницъ посвящаетъ объясненію вещей, совершенно чуждыхъ Саллюстію. Для примѣра возьмемъ литеру B: „вооруженіе войска“. Здѣсь изъ двухъ десятковъ объясненныхъ словъ едва пять встрѣчаются у нашего писателя. Все, что надо знать ученику V класса изъ этой главы для пониманія Саллюстія, онъ обязанъ усвоить въ IV классѣ при чтеніи Цезаря. Г. З. не курсъ древностей пишетъ, а истолковываетъ Саллюстія, почему было бы гораздо полезнѣе для дѣла замѣнить эту VI главу краткимъ, но основательнымъ историческимъ введеніемъ. Самъ же онъ вразбродъ, но крайне упорно намекаетъ на какую-то „народную“, „демократическую“ партію, на „знать“, „аристократовъ“, „дворянство“ (sic!), „оптиматовъ“[1]). Отчего бы вмѣсто упоминанія

[1]) Такая же неустойчивость терминовъ, крайне неудобная въ педагогическомъ отношеніи, замѣчается и въ употребленіи слова „архаическій“ (гл. 13, 5 и др). на ряду съ „архаистическій“ (гл. IV введ.). Если самъ г. Зембергъ полагаетъ каку-

разныхъ наножниковъ, перевязей и т. п. не дать связной характеристики этой народной партіи и партіи сената, тѣмъ болѣе, что Bellum Iug. въ основѣ есть все таки политическій памфлетъ.

Переходимъ теперь къ главной части труда г. Земберга — комментарію[2]).

Прежде всего мы отказываемся понимать цѣли комментатора, когда онъ цѣлыя латинскія выраженія, а иной разъ и предложенія передаетъ готовыми русскими оборотами. Для учениковъ V класса переводъ автора дѣло не новое; уже на Цезарѣ они научились нѣкоторымъ пріемамъ перевода, и г. Зембергъ долженъ былъ бы разсчитывать на значительную самостоятельность учениковъ, читающихъ Саллюстія. Давать переводъ слѣдовало бы въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда дѣйствительно невозможно разсчитывать на находчивость даже хорошаго ученика, или когда переводъ можетъ представить собой нѣчто типичное, какъ бы обобщеніе ряда частныхъ фактовъ въ языкѣ. Переводъ же, преподносимый въ неумѣренныхъ дозахъ и безъ разбора, влечетъ за собой вовсе нежелательныя послѣдствія. Въ подобныхъ случаяхъ самостоятельность учениковъ какъ бы замираетъ, они успокаиваются на данномъ въ книгѣ переводѣ или пересказѣ текста, и, какъ мы знаемъ по опыту, учителю стоитъ большого труда вызвать въ головѣ ученика логическій переходъ отъ выраженія оригинала къ его русскому переводу. Послѣдній получаетъ для ученика значеніе единичнаго явленія, схватывается одной его памятью и нисколько не помогаетъ ему разобраться въ аналогичныхъ явленіяхъ языка. Не полезнѣе-ли въ этихъ случаяхъ поглубже войти въ логическую или грамматическую основу текста и предоставить ученику самому подыскивать соотвѣтствующее русское выраженіе. Комментарій же г. Земберга на добрую половину сводится къ переводу или, точнѣе говоря, пересказу латинскаго текста.

Но разъ комментаторъ въ своихъ „объяснительныхъ примѣчаніяхъ“ главное мѣсто отводитъ переводу, то мы вправѣ требовать, чтобы этотъ переводъ былъ вѣренъ оригиналу и, если не изященъ, то, по крайней мѣрѣ, былъ сдѣланъ правильнымъ,

---

нибудь разницу между этими словами, то ученикъ долженъ знать ее, если же нѣтъ, — зачѣмъ сбивать его съ толку?

[2]) При разборѣ комментарія мы останавливаемся только на первыхъ 50 главахъ. Думаемъ, что этого количества вполнѣ достаточно для сужденія о достоинствѣ всего комментарія, такъ какъ комментарій къ этимъ главамъ 1) составляетъ больше половины всѣхъ объясненій — 40 стр. изъ 65 и 2) очевидно, долженъ былъ, по расчету г. З., служить главной частью всего комментарія и ввести учениковъ въ пониманіе Саллюстія, — оттого онъ пространнѣе и полнѣе комментарія къ гл. 51—114, состоящаго почти исключительно изъ переводовъ.

литературнымъ языкомъ. Но то и другое не всегда можно сказать о переводахъ г. З.

Отмѣтимъ сначала непохвальный обычай употреблять иностранныя слова, гдѣ не идетъ дѣло о техническихъ терминахъ; они совершенно неумѣстны при переводѣ древняго писателя, ибо придаютъ ему несвойственный простотѣ оригинала оттѣнокъ. Въ переводахъ г. З. мы встрѣчаемъ напр., такія слова: „узурпаторская власть" (къ гл. 3, 1), „олигархія" (къ 3, 4), „компрометтирующій" (къ 15, 5), „цивилизованы" (къ 19, 5), „популярность" (45, 1). Далѣе переводы, какъ напр., „смотрѣвшій съ презрѣніемъ на Юг. за его..." (11, 3), „далъ его ему въ помощники" (12, 3), „прежде пользы доставить хлопоты" (14, 4), „скитаясь безъ опредѣленнаго мѣстожительства" (18, 2; им. ед., значитъ, „мѣстожительство?") „вслѣдствіе природнаго мѣстоположенія" (23, 1) — весьма даже не безупречны со стороны стиля. Къ этой же категоріи надобно отнести и тѣ переводы отдѣльныхъ выраженій, которые въ предложенномъ видѣ даютъ плохой переводъ всего мѣста, иногда даже не позволяютъ составить какой бы то ни было переводъ. Что за переводъ получимъ, если воспользуемся напр. въ гл. 6, 3 данными у г. З. русскими выраженіями для exacta sua aetate и parvis liberis, или примемъ въ 14, 9 ferro = armis, въ 14, 18 переводъ для huic imperio, въ 14, 25 — для per съ прибавленіемъ рекомендуемаго „заклинаю васъ", въ 19, 1 — для sollicitata plebe, въ 27, 3 — для ubi... timet и delicti conscientia, въ 41, 5 — для dignitatem и libertatem; такихъ переводовъ можно бы указать еще больше: очевидно, г. Зембергъ самъ не пробовалъ переводить по своимъ указаніямъ, а предоставилъ сдѣлать это ученикамъ. Но помимо такихъ неудобныхъ, хотя въ сущности вѣрныхъ для отдѣльныхъ выраженій переводовъ, у г. З. мы встрѣчаемъ изрядное количество переводовъ неточныхъ и прямо невѣрныхъ. Отмѣтимъ лишь нѣкоторые.

Гл. 1, 5 ut... gloria aeterni fierent значитъ: что... черезъ славу обрѣли бы себѣ безсмертіе, а не „пріобрѣли бы себѣ вѣчную славу"; 2, 3 aucta — достигнувъ высшаго развитія, у г. З. „достигнувъ извѣстной степени развитія; 6, 1 pleraque tempora не „много времени", а „почти все время"; 6, 4 studia accensa не „горячая преданность", — accensa in Jug. здѣсь описanie gen. obi.; 7, 1 timor не „страхъ", а „трусость"; 7, 7 въ выраженіяхъ munificentia animi et ingeni sollertia слова animi и ingeni необходимо перевести: „открытый характеръ и гибкость ума"; 8, 1 factiosi „вліятельные" — такой переводъ не передаетъ дурного смысла этого прилагат. (срв. гл. 31, 5 inter malos factio est); 14, 4 neque mihi in manu fuit, Jug. qualis foret по даннымъ указаніямъ надо перевести такъ: „и не въ

моей власти было опредѣлить, каковъ будетъ Югурта", что̀ искажаетъ я́сный смыслъ мѣста: я не былъ въ силахъ сдѣлать Югурту такимъ, какимъ ему надлежало быть по отношенію ко мнѣ; 24, 4 fidei не „защиты", но „вѣры"; 25, 3 privata gratia не „расположеніе къ одному лицу", а „вліяніе одного лица", п. ч. здѣсь сопоставляются двѣ воздѣйствовавшія на сенатъ силы: благо государства и деньги Югурты; 38, 5 anceps не „съ фронта и съ тылу", какъ объясняетъ г. З., а in castris (tumultus etc) и extra castra (hostes etc); 40, 1 legati здѣсь послы, а не „легаты"; 40, 3 mala illa разум. не судебное преслѣдованіе, а результаты суда: штрафъ, заточеніе, изгнаніе; 44, 4 quantum etc. не „все... время, а „ту часть... времени", 46, 5 expediti не „легковооруженные", а „безъ багажа". Неточно также переведены: 2, 1 secuntur; 2, 4 artes animi; 4, 3 conviviis; 14, 1 ius et imperium, in „черезъ"; 14, 3 secundum ea; 14, 23 spectaculum; 15, 3 bonum скорѣе „правда"; 19, 8 ad necessitudinem rei; 28, 2 postquam... adventabant; 31, 19 deditícius est; 35, 5 itinera egressusque и др.

Относительно переводовъ отдѣльныхъ словъ замѣтимъ еще, что они вездѣ даются въ такой формѣ, которая соотвѣтствуетъ предполагаемому г. З. переводу всего мѣста. Врядъ ли это удобно. Этимъ стѣсняется свобода въ выборѣ русскихъ выраженій и для другихъ словъ, стоящихъвъ той или другой связи съ переведеннымъ выраженіемъ, и переводу придается подчасъ странный видъ, непріятный и для глаза вслѣдствіе видимаго несоотвѣтствія латинскому тексту и потому неудобный въ педагогическомъ отношеніи; таковы переводы: uti mos est „сообразно съ..." (6,1); barbara „на туземномъ" (18, 10); duos „обоими" (21, 2); potiora „болѣе надежнымъ" (26, 2) и др. под.

Самыя объясненія состоятъ изъ перифразъ, указаній логической связи, грамматическихъ объясненій (сравнительно рѣдкихъ; но разъ въ гл. 25, 5 приводится цѣлое правило, которое можно найти въ любой школьной грамм.) и реалій — изъ древностей и исторіи. Въ число недостатковъ слѣдуетъ отнести полное отсутствіе указаній для перевода болѣе длинныхъ періодовъ, строй которыхъ часто приходится измѣнять сообразно съ требованіями русскаго языка. Въ этомъ дѣлѣ ученики V класса еще мало опытны.

По объему комментарій г. Земберга выгодно отличается отъ другихъ подобныхъ изданій. Г. З. даетъ объясненія въ умѣренной дозѣ, необременительной для ученика, не удаляется отъ текста, не упраздняетъ учителя, давая просторъ и для классныхъ объясненій, и не щеголяетъ „ученостью". Это очень похвальныя качества. Есть, правда, ссылки на Ливія, Катона, „многія мѣста сочиненій" Цицерона (15, 4); есть и довольно

странные обращенные къ ученику вопросы: „дословно?“ „собственно?“, — но какъ рѣдкія исключенія. За то мы насчитали въ разбираемой части комментарія множество совершенно лишнихъ указаній и не нашли подчасъ весьма нужныхъ для ученика объясненій. Мы знаемъ, что сужденіе о „нужномъ и ненужномъ“ въ школьномъ комментаріи часто зависитъ отъ личнаго взгляда, но въ данномъ случаѣ подъ „ненужнымъ“ мы разумѣемъ вещи, которыя должны быть хорошо извѣстны среднему ученику, а подъ „нужнымъ“ то, безъ чего ему будетъ недоступно непосредственное пониманіе текста. Лишними указаніями считаемъ м. пр. данныя при слѣдующихъ словахъ: гл. 1 contra, bonarum rerum; 4 inertiae; 6 decбra и cum; 8 multorum; 11 foret = esset; 12 singulis = каждому; 13 incessit отъ incedo; 14 uti = какъ, eius, unde; 15 ultro; 16 vicit; 17 oceani; 18 uti pecoribus; 20 belli causam; 21 plerumque, illis; 22 facturum; 27 delicti conscientia (г. З. почему то любитъ часто указывать на abl. causae, очевидный безъ всякихъ указаній; еще 29, 1, 4; 31, 25; 48, 4 и др.); 31, 15 haec это, 28 praestat лучше; 46 Roma изъ Рима и мн. др. под., самыя элементарныя. Съ другой стороны, весьма были бы нужны объясненія словъ: гл. 1 pollens potensque, aliena; 2, 4 incultu; 3, 2 hostilia; 4, 6 in sese, perinde; 7, 1 manu promptus; 13, 5 postquam съ imperf.; 14, 1 patres conscripti, munimenta (что это не приложеніе), 21 ferox; 23 amisisti (zeugma) и мн. др.; въ первыхъ 50 главахъ мы насчитали такихъ пропусковъ слишкомъ сотню.

Но самый серьезный недостатокъ комментарія заключается въ какой-то незаконченности его и неясности, которыя замѣчаются во многихъ мѣстахъ. Здѣсь, какъ и въ введеніи, многое будетъ или непонято, или ложно истолковано учениками. Сообщаются иногда совершенно невѣрныя свѣдѣнія. Ограничимся указаніемъ наиболѣе разительныхъ случаевъ.

1, 3 „подразумѣвается ea“; не ea, а quae (послѣ quippe).

3, 1 hac tempestate... „имѣется въ виду смутное время послѣ Югуртинской войны (!)“ — вѣроятно, послѣ убіенія Цезаря. Странный недосмотръ! 3, 4: gratificari зависитъ не отъ libido, какъ толкуетъ г. З, а отъ соединенія libido tenet (= lubet).

11, 7 „plusq. поставлено по отношенію къ тому времени, когда уже выяснилось, какъ глубоко этимъ былъ оскорбленъ Югурта“. Что г. З. хочетъ сказать этимъ?

13, 1 divolgatur... invadit... discedunt „каждый изъ этихъ глаголовъ является слѣдствіемъ (!) предшествующаго ему глагола“, — смѣшеніе понятій!

14, 11 находимъ утвержденіе, что „ecferens архаическая форма вмѣсто efferens“. — 14, 21 reddat — coni. optativus, а не potentialis.

16, 2 откуда г. З. знаетъ, что Гай Гракхъ „лишилъ самъ себя жизни?“

20, 3 accedere не можетъ въ данномъ мѣстѣ имѣть значенія se conferre ad, a = aggredi; оттого и acc. — loca.

25, 4 невѣрно замѣчаніе, что princeps senatus былъ „или одинъ изъ новоназначенныхъ, или одинъ изъ бывшихъ консуловъ“. Princeps senatus обыкн. былъ vir censorius.

35, 2 „gerebat = gesturus erat“. Странное уравненіе!

39, 2 здѣсь какъ бы отождествляются socii и nomen Latinum, а далѣе 40, 2 они какъ будто различаются. Вообще при сравненіи этихъ двухъ мѣстъ получается неясное представленіе о socii и nomen Latinum. Въ послѣднемъ мѣстѣ не ясно также, изъ-за чего эти народы „могли произвести волненія“; слѣдовало прибавить: „подстрекаемые обѣщаніемъ гражданскихъ правъ“.

43, 2, читаемъ загадочное поясненіе: „всѣ прочія дѣла онъ считалъ общими и для себя, и для другого консула; поэтому (?) онъ ихъ предоставилъ послѣднему“.

43, 5; que ни „здѣсь“, ни гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ не имѣетъ противительнаго значенія.

46, 3 „Metello = дат. п. дѣйствующаго лица = тв. п. съ предл. ab.“. Объясненіе невѣрное: здѣсь cognitum = notum, оттого и дат. п.

Эти примѣры мы брали наудачу изъ начала, середины и конца разсматриваемой части комментарія. Мы бы легко могли утроить число примѣровъ сбивчиваго, неяснаго и невѣрнаго толкованія[1]); не дѣлаемъ этого по недостатку мѣста.

Въ заключеніе отмѣтимъ непохвальное употребленіе грамматическихъ терминовъ, которыхъ ученикъ не знаетъ изъ грамматики, какъ напр. appositio partitiva (1, 4) или appositio explicativa (14, 15), равно какъ рѣшительно загадочное для ученика употребленіе слова „классическій“ (8, 2; 10, 1; 18, 12; 19, 2 и въ др. м.); для ученика Саллюстій, какъ и Цезарь, несомнѣнно „классическій“ авторъ, и вдругъ, къ своему удивленію, онъ узнаетъ, что его проза не „классическая проза“, что его языкъ не „классическій языкъ“. Это слѣдовало бы пояснить, тѣмъ болѣе, что во Введеніи есть цѣлая глава „Объ особенностяхъ языка Саллюстія[2])“. Но г. З. этого нигдѣ не дѣлаетъ.

---

[1]) Предоставляемъ читателю самому просмотрѣть объясненія г. З. еще хотя бы къ слѣдующимъ мѣстамъ Саллюстія: 10, 2 gloria invidiam vicisti; 12, 3 proxumus lictor (ученикъ можетъ подумать, что ликторы ходили и за должностнымъ лицомъ); 13, 8 spe... premio; 17, 4 declivem latitudinem (что значитъ „наоборотъ?“); 18, 8 quisque; 27, 3 lege Sempronia; 29, 5 satura lanx; 31, 10 quasi... habeant; и мн. др.

[2]) Гдѣ, впрочемъ, о подлинныхъ особенностяхъ Саллюстіева языка не говорится вовсе.

Съ внѣшней стороны книжка г. З. не оставляетъ желать ничего лучшаго: бумага и шрифты превосходны, корректура — тщательная [1]).— Въ лат. текстѣ иногда показано количество гласныхъ, но какой-либо системы мы не могли примѣтить. Въ abl. s. напр., часто отмѣчается ā тамъ, гдѣ смѣшеніе съ nom. s. невозможно (напр. 15, 3 suā... pro gloriā, 27, 1 gratiā и др.), въ 49, 2 напечатано memŏres, а рядомъ pristinae безъ обозначенія колич. предп. слога, между тѣмъ какъ это слово ученики склонны читать неправильно. Есть и другіе подобные примѣры.

Два слова о рисункахъ. Многіе изъ нихъ, какъ намъ кажется, помѣщены въ настоящемъ изданіи Саллюстія только для того, чтобы „иллюстрированное" изданіе не осталось безъ иллюстрацій. Не говоря ужъ о рисункахъ, иллюстрирующихъ военное дѣло (такихъ 18, а всего помѣщено 24) и болѣе умѣстныхъ въ изданіи Цезаря [2]), другіе носятъ случайный характеръ (напр. рис. 13 и 15), а между тѣмъ занимаютъ много мѣста и увеличиваютъ объемъ книжки. По нашему мнѣнію, слѣдовало бы, кромѣ карты Африки, ограничиться рисунками: 14-мъ, 16-мъ и 21-мъ, къ которымъ надлежало бы прибавить планъ сраженія на Муѳулѣ (къ гл. 48—52).

Алексѣй Андреевъ.

Н. Скворцовъ, О надлежащемъ приготовленіи учителей гимназій. Москва 1890 (VII+71).

Въ указанномъ трудѣ г. Скворцовъ требуетъ открытія особыхъ педагогическихъ семинарій, которыя (стр. 17) „опираясь своими корнями въ университетъ, плоды свои непосредственно давали бы гимназіи". Такъ какъ формула эта не даетъ еще яснаго представленія о характерѣ и устройствѣ желаемыхъ авторомъ учебныхъ заведеній, то онъ и старается, по мѣрѣ силъ, въ книжкѣ своей, дать читателю болѣе точное опредѣленіе. Къ сожалѣнію, ему это не удалось. Силы его оказались недостаточными, а ясныя опредѣленія, повидимому, вообще составляютъ слабую сторону нашего автора. Даетъ онъ нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній, но, вообще, книжка его вышла неудачной. Къ разряду толковыхъ мыслей можно, наприм., отнести слѣдующія замѣчанія. На стр. V предисловія мы читаемъ: „Надлежащую прочность свою и силу гимназическое ученіе можетъ получить только

---

[1]) Изъ опечатокъ замѣчены нами: въ 1-ой части (стр. 1—43) только petenitbus (гл. 18, 3); во 2-ой (стр. 1—59): Аппулія (гл. 27, 2), значитъ (вм. значатъ 27, 4), moram (вм. moras 30, 3), blebi (31, 8) и Гиппонномъ (87, 4).

[2]) Откуда нѣкоторые и взяты; напр. рис. 17 въ сущности изображаетъ планъ осадныхъ работъ подъ Аварикомъ.

непосредственно, такъ сказать, изъ рукъ хорошо подготовленныхъ къ нему учителей". На стр. 41 г. Скворцовъ высказываетъ ту же самую мысль: „Всѣ учрежденія интеллектуальнаго характера имѣютъ прочность и историческую силу, когда они производятся не почеркомъ пера, а порождаются, образуясь изъ живого начала", при чемъ лишь не выяснено, что такое „учрежденія интеллектуальнаго характера" и что такое „историческая сила". На стр. 42 авторъ справедливо требуетъ, чтобы во главѣ желаемаго имъ учрежденія было одно лицо. „Всякое, внутренно преданное этому дѣлу лицо, несомнѣнно, будетъ полезнѣе, чѣмъ, напримѣръ, педагогическій комитетъ, управлявшій педагогическими курсами и рѣшавшій педагогическіе вопросы большинствомъ голосовъ". *Οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη, εἷς κοίρανος ἔστω* именно тотъ, кто знаетъ дѣло. Укажемъ еще на стр. 33, гдѣ г. Скворцовъ даетъ характеристику стараній нашего министерства рѣшить вопросъ о приготовленіи учителей.

Правда, помимо указанныхъ мѣстъ еще кое-гдѣ въ брошюрѣ г. Скворцова встрѣчается та или другая болѣе или менѣе дѣльная мысль — но только какъ рѣдкое исключеніе. Бо́льшая часть его труда состоитъ изъ общихъ мѣстъ; мысли автора отличаются туманностью и отсутствіемъ всякаго практическаго смысла; изложеніе страдаетъ отъ обилія словъ и избытка неясности. Самоувѣренность автора не въ состояніи вознаградить такихъ крупныхъ недостатковъ. Приводить примѣры — не стоитъ труда: слѣдовало бы для этой цѣли отмѣтить три четверти всей разбираемой мною книжки. Стиль—высокопарный и тяжелый. На стр. 13-ой попадается періодъ, обнимающій не менѣе 22 строкъ, — и это не единственный примѣръ. Относительно тона изложенія я ограничусь тѣмъ, что отмѣчу два глубокомысленныя разсужденія и одну полемическую замѣтку нашего автора. Стр. 14: г. Скворцовъ заключаетъ свое разсужденіе о томъ, что „факультеты наши все болѣе и болѣе становятся простыми школами даннаго ремесла" слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Напротивъ мы, кажется, склонны думать, что міръ существуетъ для ремесла славистовъ, дантистовъ, криминалистовъ и прочихъ спеціалистовъ, въ томъ числѣ и классиковъ". Не менѣе глубокой кажется другая мысль, высказанная на стр. 53-ей (авторъ отрицаетъ пользу изученія психологіи для будущихъ учителей): „За предѣлами истинно научныхъ, спеціальныхъ интересовъ... рѣшеніемъ разнообразныхъ психологическихъ вопросовъ могутъ, конечно, заниматься и занимаются, для препровожденія времени, какія нибудь парадныя общества, состоящія изъ поэтовъ, романистовъ, ученыхъ женщинъ и разныхъ, свободныхъ отъ всякихъ философскихъ затрудненій философовъ, но для будущихъ учителей занятія такого рода... были бы... тратою времени" Cui bono? На стр. 32, полемизируя противъ русскихъ семинарій, авторъ говоритъ: „Тѣмъ болѣе установившійся въ этихъ семинаріяхъ порядокъ (т.-е. возложеніе руководства на директора гимназіи или на способныхъ учителей) можетъ вести семинаристовъ къ усвоенію предстоящаго имъ дѣла какъ ремесла, что къ такому ремесленничеству учительскаго дѣла въ Германіи, къ слову сказать, естественно ведетъ въ свою очередь принципіальное, основанное на

порядкѣ государственныхъ экзаменовъ, различіе учителей по праву преподаванія въ старшихъ, или только въ среднихъ и низшихъ классахъ". Я не понимаю, какая причинная связь между указаннымъ порядкомъ и ремесленническимъ отношеніемъ учителей къ дѣлу. Порядокъ этотъ основанъ на совсѣмъ разумныхъ педагогическихъ соображеніяхъ и имѣетъ въ виду только интересы дѣла. Однако пора приступить къ разбору содержанія разсматриваемаго труда.

Въ предисловіи авторъ указываетъ на трудность вопроса о надлежащемъ приготовленіи учителей. Спрашивается: „въ какомъ отношеніи должны быть поставлены теоретическое изученіе педагогическаго дѣла и практическая къ нему подготовка?". Г. Скворцовъ съ своей стороны высказывается въ пользу теоріи (стр. VI): „Дѣло приготовленія учителей должно быть поставлено на твердомъ основаніи правильнаго теоретическаго образованія ихъ въ области педагогики и дидактики". Затѣмъ онъ самъ себя опровергаетъ: „Однако... въ области самой философіи часто не сходятся на одной ея дисциплинѣ", но въ концѣ концовъ онъ все таки, на основаніи довольно заурядной аргументаціи, заявляетъ: „Правильную и цѣлесообразную организацію дѣлу даетъ теорія" и продолжаетъ: „Задача такой организаторской теоріи состоитъ въ томъ, чтобы открыть магистральный путь дѣла, на которомъ оно, будучи поставлено на практикѣ, при всѣхъ возможныхъ здѣсь случайностяхъ своего положенія, въ состояніи было бы развиваться изъ себя самого и всегда въ порядкѣ вполнѣ цѣлесообразномъ". Отъ предисловія не отличается самое изслѣдованіе, и я крайне сомнѣваюсь въ томъ, что г. Скворцову удалось открыть „магистральный путь", а теоріи вообще онъ трудомъ своимъ оказалъ плохую услугу.

Въ 1-й части труда своего нашъ авторъ, въ двухъ послѣдующихъ версіяхъ (стр. 1—14 и 15—17), излагаетъ трудность поставленнаго имъ вопроса Исходитъ онъ изъ того предположенія, что исключительно-научное образованіе не даетъ достаточной подготовки къ учительскому званію. Причина этой недостаточности, по его мнѣнію, заключается „въ общемъ положеніи въ настоящее время научнаго дѣла". Съ одной стороны, наука окончательно лишилась своего догматическаго характера: „науки состоятъ только изъ вопросовъ, на которые ищутъ отвѣтовъ"; съ другой стороны, въ техникѣ науки „статистика, наблюденіе и анализъ все болѣе и болѣе преобладаютъ надъ умственнымъ созерцаніемъ и синтезою"; спеціализація является причиною того, что науки обращаются въ ремесла „безъ просвѣтительнаго значенія ихъ для духа тѣхъ, кто занимается науками". Отъ этого недостатка болѣе всего страдаютъ тѣ области, которыя находятся въ прямомъ отношеніи къ средней школѣ. Авторъ, повидимому, хочетъ сказать, что ознакомленіе съ извѣстной наукой, во время пребыванія въ университетѣ, не даетъ и не можетъ дать надлежащаго приготовленія къ учительскому званію. Я согласенъ съ г. Скворцовымъ въ томъ, что въ этомъ бренномъ мірѣ далеко не все поставлено такъ, какъ слѣдуетъ, что и на нѣкоторыхъ „ученыхъ" нерѣдко отражается невыгодное вліяніе крайней спеціализаціи, но я отрицаю причинную связь между спеціализаціей наукъ и ремесленни-

ческимъ отношеніемъ многихъ учителей къ дѣлу. Авторъ это утверждаетъ, но не доказываетъ. Я долженъ напомнить ему о той простой истинѣ, что всякое цѣлое состоитъ изъ частей; послѣднія мы собираемъ, стараемся поставить ихъ на то мѣсто, на которомъ онѣ должны стоять, стараемся ихъ согласовать взаимно и такимъ образомъ сдѣлать цѣлое живымъ нашимъ достояніемъ. Напротивъ, г. Скворцовъ прямо беретъ цѣлое какъ „просвѣтительное" начало, забывая о томъ, что такой способъ ведетъ или къ отвергнутому имъ самимъ догматизму съ обязанностью iurare in verba magistri, или же къ общимъ разсужденіямъ о томъ, что еще не понято, что не перешло еще въ плоть и кровь. Подобныя общія разсужденія, какъ извѣстно, въ большинствѣ случаевъ могутъ называться пустыми разглагольствованіями, лишенными всякой научной цѣнности. Съ этимъ взглядомъ будетъ согласенъ всякій, кто, какъ я, имѣлъ случай бороться противъ свойственной большинству нашихъ студентовъ наклонности къ общимъ и неопредѣленнымъ задачамъ. Спеціальныя занятія составляютъ фундаментъ всякой науки. Не всѣмъ суждено добраться до вершины ея, но такъ всегда было и будетъ. По мнѣнію г. Скворцова современная наука не даетъ будущимъ учителямъ прочнаго и общаго образованія. Ни то, ни другое положеніе не отличается убѣдительностью. Я не вижу ничего вреднаго для учителя въ томъ, если онъ въ университетѣ, съ одной стороны, убѣдился въ несостоятельности человѣческаго познанія вообще, а съ другой — основательно познакомился хоть съ однимъ предметомъ. Г. Скворцову слѣдовало отыскивать другія соображенія въ пользу желаемыхъ имъ педагогическихъ семинарій. Онъ. съ своей стороны, не хочетъ измѣнить современнаго характера наукъ, но требуетъ особыхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ кандидаты, кончившіе курсъ въ университетѣ, могли бы получать настоящую подготовку къ своему призванію. Формула, которою онъ опредѣляетъ характеръ своихъ семинарій, выписана мною выше. Формулу эту онъ считаетъ единственно спасительной.

Во 2-й части авторъ излагаетъ положеніе дѣла въ Пруссіи. Онъ не находитъ въ этой странѣ ничего отраднаго. Между прочимъ онъ упоминаетъ объ извѣстномъ фактѣ, что относительно приготовленія учителей школовѣды въ Германіи различаютъ теперь „старую" и „новую" школу и что „особенность старой школы состоитъ между прочимъ въ томъ, что лица, имѣющія соотвѣтствующее научное образованіе... непосредственно допускаются къ преподаванію". Сторонники старой школы отрицаютъ пользу пробнаго года, какъ переходной стадіи. Благодаря имъ, говоритъ г. Скворцовъ, „пробный годъ какъ прежде, такъ и доселѣ, подобно нѣкоторымъ другимъ порядкамъ въ нѣмецкомъ учебномъ мірѣ, напримѣръ, университетской учебной свободѣ (Lernfreiheit), оказывается учрежденіемъ вообще довольно запущеннымъ". Относительно послѣдняго полемическаго замѣчанія я съ авторомъ спорить не стану, въ виду того, что я самъ получилъ свое научное образованіе подъ вліяніемъ порицаемой г. Скворцовымъ нѣмецкой „запущенности", но за то я считаю себя обязаннымъ заступиться за „старую" школу. Г. Скворцовъ указываетъ на одну рѣчь бывшаго прус-

скаго министра фонъ-Госслера, гдѣ послѣдній заявляетъ, что пробный годъ на практикѣ часто оказывается не пробнымъ годомъ, а первымъ годомъ службы, и что цѣлый рядъ знаменитыхъ педагоговъ находитъ такое положеніе дѣла даже желательнымъ. По этому поводу г. Скворцовъ позволяетъ себѣ слѣдующее неумѣстное замѣчаніе (стр. 29): „Попросту говоря, дѣло находится въ запущеніи; и эти „знаменитые педагоги", какъ ихъ называетъ министръ, на самомъ дѣлѣ могутъ быть только нѣкоторые директора и старшіе учителя гимназій, для которыхъ настоящее положеніе „пробнаго года" вообще, конечно, не нежелательно". Авторъ хочетъ сказать, что probandus по отношенію къ нимъ исполняетъ обязанность батрака! — Могу увѣрить г. Скворцова, что названные педагоги не руководятся такими низкими, матеріальными соображеніями. Почтенный авторъ не понимаетъ, что, по мнѣнію „старыхъ", самое важное въ учителѣ — человѣкъ, его личность и характеръ. По древнему опредѣленію медикъ есть vir bonus medicandi peritus; подобнымъ образомъ и учитель греческаго языка, по мнѣнію „старыхъ", долженъ быть vir bonus sermonis Graeci peritus. Peritia ему даетъ, или долженъ давать, университетъ, а bonitas, нравственной прочности, — не даютъ ему ни профессорскія лекціи, ни теоретическое изученіе педагогики или наблюденіе организма гимназіи — этого требуетъ г. Скворцовъ: — источники этой силы находятся въ совершенно иной сферѣ. Учитель не есть человѣкъ, не зависящій отъ умственнаго и нравственнаго уровня окружающей его среды. Старая школа, считая личность учителя самымъ важнымъ моментомъ, предполагаетъ, что вліяніе указанныхъ факторовъ въ большинствѣ случаевъ выгодное и что человѣкъ, кончившій курсъ университета, одновременно успѣлъ пріобрѣсть себѣ ту внутреннюю прочность, которая болѣе ручается за успѣшное исполненіе призванія, нежели даже лучшая теоретическая подготовка. Вѣрно ли это предположеніе или нѣтъ, это другой вопросъ: я ссылаюсь только на тотъ несомнѣнный фактъ, что нѣмцы, при упрекаемой г. Скворцовымъ старой школѣ и при крайней своей „запущенности", все-таки кое-что сумѣли создать въ учебномъ дѣлѣ, и что въ Россіи найдется не мало учителей, умѣющихъ вести преподаваніе съ полнымъ успѣхомъ, безъ спеціальнаго приготовленія въ педагогической семинаріи. Я, разумѣется, ничего не имѣю противъ основанія подобныхъ учебныхъ заведеній. Кандидатамъ нашимъ не вредно было бы учиться еще годъ или два — большинство изъ нихъ, къ сожалѣнію, является къ экзамену уже черезъ 4 года,— но было бы крайне наивно видѣть въ семинаріи панацею противъ всѣхъ указанныхъ г. Скворцовымъ непріятныхъ явленій въ учебномъ дѣлѣ, противъ механическаго и мертвеннаго отношенія къ дѣлу, противъ отсутствія чувства долга у нѣкоторыхъ учителей и т. д. Причины этихъ явленій коренятся гораздо глубже, но до такого сознанія нашъ авторъ еще не дошелъ.

Въ 3-ей части г. Скворцовъ описываетъ устройство требуемыхъ имъ семинарій. Я приведу его слова (стр. 36): „Дѣломъ кандидатовъ будетъ, при усвоеніи ими яснаго и точнаго пониманія задачи гимназическаго ученія вообще, раскрытіе и уясненіе научныхъ познаній, усвоенныхъ

ими черезъ факультетское ученіе, какъ въ отношеніи матеріальномъ, такъ и въ методическомъ — въ такомъ планѣ (планъ не изложенъ!), который бы вполнѣ соотвѣтствовалъ цѣли гимназическаго ученія такъ, чтобы впослѣдствіи, въ положеніи учителей, они не были для своихъ учениковъ, какъ иногда теперь, или только передатчиками того и такъ, чему и какъ они учились въ университетахъ, только въ меньшемъ объемѣ, или большею частію — репетиторами учебниковъ, но сами были бы для нихъ, такъ сказать, живыми учебниками". „Дѣло кандидатовъ практически состоитъ въ изученіи ими природы и условій познающаго человѣческаго разума, въ непосредственномъ наблюденіи явленій его въ учебной сферѣ гимназіи", „въ разработкѣ каждымъ личныхъ своихъ силъ и въ развитіи способности къ творческому употребленію ихъ въ дѣлѣ своего призванія". Яснѣе и опредѣленнѣе авторъ и въ дальнѣйшемъ о своихъ семинаріяхъ не высказывается. Онъ не изъясняетъ, какимъ именно образомъ на дѣлѣ пріобрѣтается желаемая имъ способность. Все, что онъ требуетъ отъ семинарій, весьма желательно, но я сомнѣваюсь, что наши кандидаты, по прохожденіи курса педагогической семинаріи, будутъ обладать указанными г. Скворцовымъ способностями. Надо начинать съ другого конца.

Для того, чтобы точнѣе опредѣлить желаемую имъ организацію учительскихъ семинарій, авторъ даетъ мотивированные отвѣты на рядъ вопросовъ. Отвѣты его заключаютъ въ себѣ немного справедливыхъ мыслей, приведенныхъ мною отчасти выше, но вообще сбивчивы и туманны. Нигдѣ онъ не выражается съ должной ясностью, ни разу онъ не разъясняетъ своихъ мыслей и требованій взятыми изъ практики примѣрами.

Въ первыхъ трехъ отвѣтахъ онъ требуетъ: 1) чтобы основаны были семинаріи, какъ особыя, самостоятельныя заведенія; 2) чтобы семинаріи находились въ связи съ университетами, въ томъ смыслѣ, должно быть, что семинаристы продолжаютъ заниматься научно (ясно это не сказано), и 3) чтобы педагогическая семинарія сперва была устроена при одномъ какомъ-либо университетѣ, а не при всѣхъ сразу. Съ этими требованіями мы можемъ согласиться, разъ мы вообще стоимъ за семинарію.

Четвертый вопросъ относится къ внѣшнему порядку семинаріи. Авторъ требуетъ одного директора и двухъ адъюнктовъ, а для кандидатовъ — казеннаго содержанія и интерната. Говоритъ онъ на стр. 45-ой такъ: „Ужели можно признать серіознымъ требованіе, чтобы молодой человѣкъ, готовящійся къ учительству, посвященъ былъ во всѣ дрязги дѣйствительной жизни?" Дѣйствительная жизнь слагается „изъ дрязгъ, сплетенъ, изъ погоней за наживой, за играніемъ ролей въ обществѣ безъ занятія дѣломъ." Пожалуй, это вѣрно, но отсюда еще не слѣдуетъ то, что выводитъ г. Скворцовъ. Поэтъ говоритъ: „Es bildet ein Talent sich in der Stille, sich ein Charakter in dem Strom der Welt", и учитель долженъ обладать характеромъ. Неужели г. Скворцовъ думаетъ, что учителя, прошедшіе курсъ замкнутой семинаріи, окажутся менѣе воспріимчивыми относительно соблазновъ грѣшнаго *αἰὼν οὗτος?* На его взглядъ выходитъ, что молодые люди, кончившіе Петербургскій и Нѣжинскій институты, въ нравственномъ отношеніи стоятъ

куда, выше бывшихъ студентовъ университетовъ. Положеніе это, по крайней мѣрѣ, еще не доказано. Я повторяю: самое важное — нравственная атмосфера всего общества; ему всегда будетъ соотвѣтствовать уровень учителей, и закрытыя учебныя заведенія не въ состояніи противодѣйствовать заразѣ, разъ она есть. Къ концу 4-го отвѣта авторъ кое-что говоритъ и о занятіяхъ семинаристовъ (стр. 47): „Три-четыре гимназическихъ урока (въ недѣлю?) и раза 2 или 3 въ недѣлю по два часа для внутреннихъ занятій въ семинаріи, въ томъ или другомъ изъ указанныхъ видовъ". Указаны слѣдующіе виды: слушаніе лекцій, чтеніе важныхъ и необходимыхъ для нихъ сочиненій подъ руководствомъ директора или его адъюнктовъ и обсужденіе такъ называемыхъ рефератовъ.

Въ пятомъ отвѣтѣ авторъ подробнѣе разсуждаетъ объ указанныхъ видахъ (р. 48—62). Яснаго представленія о занятіяхъ семинаристовъ я не получилъ. Г. Скворцовъ все повторяетъ и повторяетъ, что семинаристы должны наблюдать, самостоятельно развивать свои силы и поставлять и основательно рѣшать относящіеся къ наблюденію вопросы. Вотъ и все. Психологію онъ отвергаетъ, но за то отстаиваетъ изученіе путей и условій человѣческаго познанія: отъ этого онъ ожидаетъ всякихъ благъ. Но и относительно этихъ студій онъ отрицаетъ пользу всякихъ руководителей и всякой дрессировки. Кандидаты, на его взглядъ, не могутъ научаться педагогической методикѣ нигдѣ, какъ только сами у себя: самонаблюденіемъ и погруженіемъ въ самихъ себя. Тѣмъ не менѣе они требуютъ руководства (стр. 56 и слѣд). Тутъ ужъ я ничего не понимаю. О рефератахъ мы читаемъ (стр. 60), что они должны „относиться къ разнымъ вопросамъ (это очень просто!) разработываемымъ въ направленіи, преимущественно соотвѣтствующемъ нуждамъ этого дѣла". Очень ясно! Въ рефератахъ кандидаты должны обнаружить „какъ основательное научное знаніе предмета (?), такъ и пониманіе дидактическаго мѣста и формы этого знанія въ планѣ общаго научнаго образованія, основанное какъ на непосредственномъ наблюденіи путей и условій развитія знанія въ головѣ учащагося, такъ и на точныхъ данныхъ ученія о человѣческомъ познаніи". Это еще яснѣе!

На стр. 62-ой авторъ справедливо жалуется на то, что, къ сожалѣнію, часто „учатъ или преподаютъ знанія, не производя въ учащихся увлеченія достиженіемъ истины, не возбуждая въ нихъ чувства удовольствія при достиженіи ея и не рождая въ душахъ ихъ никакого живого интереса знанія", но онъ увѣренъ въ томъ, что его семинаристы на все это окажутся вполнѣ способными. Credat Iudaeus Apella!

Повторяю: я ничего не имѣю противъ учительскихъ семинарій съ ясными программами въ родѣ Seminarium Praeceptorum въ Галлѣ, но я не ожидаю отъ нихъ полнаго упраздненія тѣхъ недостатковъ, отъ которыхъ страдаетъ учебное дѣло.

Іосифъ Леціусъ.

Мишель Бреаль. Древніе языки въ среднемъ образованіи. Перевелъ Н. Сперанскій. Москва 1892 (IV+99).

Брошюра Бреаля заключаетъ въ себѣ изложеніе, въ нѣсколько распространенномъ видѣ, лекцій, читанныхъ авторомъ въ прошломъ году въ Сорбоннѣ будущимъ преподавателямъ древнихъ языковъ. Здѣсь всего шесть лекцій, изъ которыхъ первыя три посвящены историческому очерку классическаго образованія во Франціи; вторая половина книги трактуетъ о современной постановкѣ французской классической школы и сущности преподаванія классическихъ языковъ (главнымъ образомъ латинскаго).

Предварительно авторъ останавливается вкратцѣ на принципіальномъ вопросѣ средняго образованія. Система образованія, говоритъ Бреаль, не можетъ создаться сразу: она слагается вѣками. Очень можетъ быть, что классическая система нуждается въ реформѣ; но изъ всѣхъ перемѣнъ, которыя нельзя дѣлать быстро, перемѣна системы образованія требуетъ всего больше времени. Создавать новую систему образованія можно только съ величайшей постепенностью, сохраняя основу и осторожно мѣняя нить за нитью. Педагогическія преобразованія имѣютъ еще одну особенность: для нихъ необходимъ преобразованный составъ преподавателей.

Но пока преподаваніе древнихъ языковъ существуетъ, необходимо, чтобы оно велось плодотворно. А между тѣмъ приходится считаться съ различными злоупотребленіями, которыя постепенно вкрались въ нашу систему, какъ это видно изъ историческаго очерка классицизма во Франціи. — Бреаль различаетъ три главныхъ періода классицизма, нѣкоторые слѣды которыхъ оставлены каждымъ изъ нихъ въ современной школѣ.— Въ первый періодъ — средніе вѣка — существовала, такъ наз. „варварская латынь". Но у этого языка было то великое качество, что онъ былъ живой языкъ, съ одной стороны международный, съ другой — выразитель всей средневѣковой культуры. Изученіе этого языка въ средней школѣ отличалось тогда бо́льшей жизненностью и свободой, давало инстинктивное чувство языка благодаря простотѣ и смѣлости въ методахъ преподаванія. Современное образованіе отъ этого періода унаслѣдовало нѣсколько схоластическій характеръ преподаванія грамматики — слѣдъ, оставленный логикой на грамматикѣ. Возрожденіе, второй періодъ, представляетъ прямую противоположность среднимъ вѣкамъ, которые, начавъ съ изученія сущности древняго міра, потомъ забыли о сущности за формой. Возрожденіе обратилось непосредственно къ классической древности. Но какъ только стали заниматься языкомъ классическихъ писателей, латинскій языкъ сталъ языкомъ мертвымъ. Въ средней школѣ изолированность латинскаго языка характеризовалась появленіемъ множества учебниковъ логики и грамматики, а на почвѣ этой изолированности постепенно возникъ потомъ новый взглядъ на древніе языки, что они „формируютъ умъ". — Третій изъ указанныхъ нами періодовъ возникаетъ въ Германіи и ведетъ свое начало съ послѣдней трети XVIII вѣка, со времени второго гуманизма. Главнымъ жрецомъ классицизма тутъ явился поэтъ и философъ Гердеръ. Характерной особенностью этого періода было то, что греческій языкъ сталъ

ставить выше латинскаго и прямо ему противопоставлять. Даровитые ученики Гердера (Фр. Авг. Вольфъ, Вильг. Гумбольдтъ и мн. др.) создали потомъ цѣлую науку классической древности, распавшуюся впослѣдствіи на отдѣльныя дисциплины. Тутъ и къ учителямъ средней школы стали предъявлять требованія научнаго образованія. — Но въ наше время началась реакція въ той самой странѣ, которая создала новые взгляды на классицизмъ. Это объясняется отчасти современнымъ стремленіемъ общества создать новые типы школы. Но во всякомъ случаѣ, классическое образованіе (studia humanitatis) еще долго будетъ сохранять за собою первое мѣсто, которое для него является не случайностью, а результатомъ историческаго процесса.

Переходя къ сущности этого образованія, Бреаль сначала останавливается на такъ называемой „формальной культурѣ ума", которая мало-по-малу сдѣлалась излюбленной темою педагоговъ, и нѣсколько ограничиваетъ ее. Несомнѣнно, говоритъ онъ, что формальное образованіе одинъ изъ благодѣтельнѣйшихъ результатовъ изученія древнихъ языковъ, но имъ однимъ довольствоваться нельзя, и самъ онъ достигается тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ дальше и выше ставить конечную цѣль.

Далѣе, авторъ даетъ оцѣнку всѣмъ видамъ упражненій, практикуемыхъ въ современной франц. школѣ: переводы на древніе языки, переводы на отечественный языкъ и чтеніе авторовъ. На этомъ отдѣлѣ мы останавливаться не будемъ, замѣтимъ только, что, по мнѣнію Бреаля, къ чтенію авторовъ должны примыкать всѣ домашнія работы и съ нимъ должны быть связаны и extemporalia, которымъ Бреаль приписываетъ важное значеніе для повѣрки знаній учениковъ. Изученіе языка, которое надо начинать по возможности раньше, должно быть сразу аналитическимъ и практическимъ. „Эвристическій" методъ къ лат. языку неприложимъ, такъ какъ требуетъ очень много времени и кромѣ того въ распоряженіи учениковъ есть множество признанныхъ пособій.

Сдѣлавъ эти указанія, полезныя для начинающихъ педагоговъ, Бреаль предостерегаетъ ихъ отъ ошибокъ въ преподаваніи. Прежде всего — злоупотребленіе ученостью, которое является, напр. въ видѣ лингвистики; далѣе, невозможная мелочность въ преподаваніи грамматики, увлеченіе логикой грамматики и т. п. Наконецъ, авторъ даетъ будущимъ учителямъ совѣты общаго свойства: о нравственныхъ качествахъ, характерѣ преподавателя, авторитетѣ его среди учениковъ и др. Учитель, говоритъ Бреаль, всей своею жизнью долженъ доказать, что занятія древними языками на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ разговоръ съ благороднѣйшими людьми прошедшихъ временъ.

Таково, въ самыхъ общихъ чертахъ, содержаніе этой книжки, въ которой учитель древнихъ языковъ найдетъ много интереснаго, а еще болѣе поучительнаго.

А.Ланговой.

III. ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

а) Русскіе журналы.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, XL (1891), 10, 11, 12 (**октябрь — декабрь**).

10. Ѳ. Успенскій, Богословское и философское движеніе въ Византіи XI и XII вѣковъ (окончаніе), стр. 283—324. — Критика и библіографія. **Д. Бѣляевъ,** *Βυζάντινα.* Очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ. Кн. I. Обзоръ главныхъ частей большого дворца византійскихъ царей, С.-Пб. 1891, стр. 532—547. „Отнынѣ ни одному ученому спеціалисту нельзя будетъ обойтись безъ критическаго разысканія г. Бѣляева". *Г. Дестунисъ.* — Отдѣлъ класс. филологіи. — **О. Шеборъ,** Критическія замѣтки, стр. 1—10. Plaut. *Curc.* 329 sqq. предлагается чтеніе: scíres velle grátiam tuam atque tibi opitulárier, | Ut decet hominem amícum amico: noluit frustrarier (ст. 331 сл.).— 4) Ibid. 380 sqq.: въ ст. 383 уничтожается знакъ препинанія: nunc míhi quaeratur úsus est pecúnia, гдѣ usus est = opus est.. — 5) Ibid. v. 455: лакуна между video и leno salve, указанная уже Флекейзеномъ, восполняется такъ: video lenonem, a quo (или unde) virginem | Mercatust miles. Leno, salve.— 6) Ibid. 212 sq.: предлагается чтеніе: Ph. Quándo ego te vidébo? Pl. Em istic vérbo vindictám para: | Si amas, eme, ne rogites. Facito ut pretio pervincás tuo, т.-е. позаботься о томъ, чтобы ты могъ свободно говорить, когда желаешь меня видѣть. — 7) Propert. III (Lachm. IV) 1, 23: предлагается чтеніе: omnia post famae fingit maiora vetustas, гдѣ famae — изъ Cod. Neap., вм. obitum, занесеннаго сюда изъ ст. 22. — **В. Е.** Къ Аристофану, стр. 10. Лягушки, 1071 сл. — въ словахъ Діониса предлагается читать: *νῦν δ' ἀντιλέγειν κοὐκέτ' ἐλαύνειν πλὴν δευρὶ καὖθις ἐκεῖσε* вм. *πλεῖν*. — **Н. Ланге,** „Первая Аналитика" Аристотеля (продолженіе), гл. 7—15 (переводъ), стр. 11—32.

11. Отдѣлъ класс. филологіи. — **Н. Ланге,** „Первая Аналитика" Аристотеля (продолженіе), гл. 15, 16 (переводъ), стр. 33—35. — **Ѳ. Мищенко,** Общность имуществъ на Липарскихъ островахъ, стр. 36—53. Липарскіе острова заняты были въ началѣ VI в. до Р. Х. книдянами и родосцами, которые, вмѣстѣ съ туземцами, основали политическую общину, гдѣ не только земля, но и вся движимость была въ общемъ владѣніи (ср. Критъ и Спарту). Затѣмъ о-въ Липара былъ раздѣленъ на участки въ личное владѣніе, хотя прочіе острова оставались во владѣніи общемъ. Наконецъ, и всѣ острова были подѣлены на участки, съ передѣломъ земли черезъ

каждыя 20 лѣтъ по жребію. Судя по Ливію (V, 28) и Плутарху (Камиллъ, 8) коллективизмъ существовалъ у липарцевъ еще и въ 394 г. до Р. Х. — Къ такимъ выводамъ приходитъ авторъ, полемизируя съ Віоле и особенно съ Фюстель де Куланжемъ и Т. Ренакомъ, искажавшимъ факты въ угоду предвзятой теоріи. — **Р. Леперъ,** Къ вопросу о димахъ Аттики, стр. 54—64. На основаніи *Ἀθηναίων πολιτεία* Аристотеля подтверждается принятое Германомъ показаніе Пселла о дѣленіи Аттики на 30 частей при Клисѳенѣ (10 филъ = 30 *τριττύες*); всѣ противорѣчія между показаніями объ этомъ дѣленіи только кажущіяся. А если такъ, то демы были подраздѣленіемъ триттій, причемъ общепринятое до сихъ поръ число 100 демовъ еще нуждается въ подтвержденіи, такъ какъ оно нигдѣ прямо не дано, а только выводится изъ Геродота V, 69 и Геродіана, который говоритъ объ Арафенѣ, какъ одномъ изъ 100 героевъ (эпонимовъ демовъ). Но уже изъ названій демовъ ясно, что не всѣ они имѣли своихъ эпонимовъ; а 100 героевъ — это тѣ, изъ именъ которыхъ Пиѳія выбрала этихъ эпонимовъ по просьбѣ Клисѳена (см. Poll. VIII, 110; *Ἀθ. πολ.* 21, p. 57).

12. Е. Рѣдинъ, Рукописи съ византійскими миніатюрами въ библіотекахъ Венеціи, Милана и Флоренціи, стр. 299—317. **М. Куторга,** Изъ неизданныхъ его сочиненій. О правительственной дѣятельности аѳинскихъ гражданъ и о понятіяхъ древнихъ эллиновъ о службѣ, стр. 343—392. — I. Различные виды правительствъ древнихъ греч. республикъ: демократіи, аристократіи и политіи. Равноправная община Аѳинъ при Периклѣ. Права и обязанности аѳин. гражданъ. Повинности. Обще-эллинская идея о законности. — II. Различіе политическаго устройства греч. республикъ отъ новыхъ. Преобладаніе личности и отсутствіе представительнаго начала у эллиновъ. Исполнительная власть. Кругъ дѣятельности аѳинскаго вѣча. Отличіе вѣчъ отъ парламентовъ. Законодательная и правительственная власть аѳин. гражданъ. Остракизмъ. — III. Подданство по понятіямъ грековъ. Воззрѣніе ихъ на государственную службу. Платонъ о двойственной категоріи должностей. Теорія Целлера (о *συναιτία*, съ коею авторъ не согласенъ). Разборъ „Политика" Платона. Опроверженіе взгляда Целлера на политію Платона. — Критика и библіографія. — **Ю. Кулаковскій,** Керченская христіанская катакомба 491 г., стр. 394—405. ***В. Латышевъ*** излагаетъ результаты изслѣдованія проф. Кулаковскаго открытой имъ въ 1890 г., въ Керчи, катакомбы, относящейся, судя по надписи, къ 491 г. по Р. Х. и покрытой написанными на стѣнахъ надписями (которыя между прочимъ служатъ любопытнымъ свидѣтельствомъ о способѣ произношенія греч. звуковъ боспорскими греками V в., такъ какъ писавшій сообразовался, очевидно, съ произношеніемъ, а не съ правилами орѳографіи: оно было уже весьма близко къ современному греческому, и единственнымъ исключеніемъ является произношеніемъ *η* какъ *ε*, ср. *δημονίου* = *δαιμονίου*), отмѣчая при этомъ тщательность изслѣдованія и его научныя достоинства. Статья заканчивается разсужденіемъ объ именахъ погребенныхъ въ катакомбѣ лицъ. Отдѣлъ класс. филологіи. — **Р. Леперъ,** Къ вопросу о димахъ Аттики (продолженіе), стр. 65—110. — Число демовъ при Кли-

сөенѣ неизвѣстно, а, сколько демовъ приходилось на каждую триттію, зависѣло отъ того, сколько въ каждой мѣстности было самостоятельныхъ поселеній. Далѣе, на основаніи цѣлаго ряда соображеній, авторъ опредѣляетъ границы для трехъ основныхъ частей Клисөеновскаго дѣленія Аттики: 1) для городского округа, 2) береговой полосы (*παραλία*) и 3) срединной полосы (*ἡ μεσόγειος*) и, обсудивъ показаніе Страбона о демахъ Аттики (IX, 11, p. 395—24, p. 400), гдѣ вм. *Ἀζηνιεῖς* читаетъ *Ἀτηνεῖς*, обращается къ вопросу о распредѣленіи демовъ по триттіямъ, каковой и рѣшается сперва относительно городской полосы. — **С. Ж.**, Къ Фотію, стр. 111. У Фотія въ его Bibliotheca (ex rec. Bekkeri, 1824, I), p. 72 a, 14 вм. *Αὐτόλυκον* предлагается чтеніе *Αὐτόδικον*, на основаніи одной оропской надписи. — **В. Л.** Изъ стихотвореній Тиртея (стих. перев.): Увѣщанія, 1. 2. 3; Маршевая пѣснь, стр. 112—115. — **В. Л.** Изъ стихотвореній Біона Смирнскаго (стих. перев.), fr. VI, X, XII, XIII, XVII Ahrens, стр. 116—119. — **В. Л.** Изъ стихотвореній Моска Сиракузскаго (стих. перев.), Похищеніе Европы, стр. 120—124.

Кіевскія Университетскія Извѣстія. XXXI, (1891) 10—12 (октябрь — декабрь).

№ 10. Г. Павлуцкій, Коринөскій архитектурный орденъ, продолженіе, стр. 101—158 и оконч. въ **№ 11,** стр. 159—202. IV. Памятники коринөскаго ордена. Исторія коринөскаго зодчества въ Греціи и постепеннаго развитія декоративныхъ элементовъ коринөской капители. V. Коринөскій орденъ въ Римѣ. — Приложено много фототипій. — **Критика и библіографія.** La fin du paganisme, par G. Boissier. Представивъ въ обстоятельномъ очеркѣ „общую канву, въ предѣлахъ которой держится изложеніе въ обширномъ сочиненіи Буассье“, проф. *Ю. Кулаковскій* указываетъ на существенные его недостатки („ни одинъ изъ литературныхъ вопросовъ не разработанъ съ достаточной глубиной и послѣдовательностью“) и отмѣчаетъ его огромныя литературныя достоинства.

№ 11. Н. Бубновъ, О значеніи римской исторіи во всемірной. Вступ. лекція, стр. 1—16. Римское государство представляетъ собою наиболѣе удавшуюся попытку объединенія всѣхъ народовъ, связавъ ихъ не только силой оружія (какъ это было въ вост. деспотіяхъ), не только одной культурой (какъ это было въ греч. мірѣ по смерти Александра), но и своимъ правомъ. Осуществивъ на практикѣ равенство между свободными людьми, оно не смогло уничтожить рабство и эту вторую половину задачи оставило новымъ народамъ. Въ этомъ и заключается міровое значеніе римскаго государства, а слѣд. и римской исторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно завѣщало народамъ, занявшимъ его мѣсто, и идею мірового господства, воскресавшую не разъ, не только въ политической формѣ, но и въ религіозной. ...„Исторія Рима есть, такъ сказать, узелъ всемірной исторіи. Всѣ историческія нити древняго міра сошлись въ Римѣ, и изъ него же тянутся всѣ жизненные нервы новаго міра, для сознательнаго изученія исторіи котораго поэтому необходимо изучить предварительно исторію Рима“.

№ 12. Ю. Кулаковскій, Христіанская церковь и римскій законъ. Публ. лекція, стр. 1—32. Авторъ, ограничиваясь первыми двумя вѣками нашей эры, имѣетъ въ виду выяснить вопросъ о такъ наз. „гоненіяхъ". Начавъ „съ характеристики политическаго строя древняго міра въ пору начала христіанства", авторъ опредѣляетъ затѣмъ „отношеніе Рима къ религіи того народа, въ нѣдрахъ котораго зародилось христіанство" и выясняетъ „тѣ условія римскаго правового строя, въ силу которыхъ возможны были, съ одной стороны — не только самое существованіе, но и повсемѣстное распространеніе, ростъ и процвѣтаніе христіанства, а съ другой — кровавое преслѣдованіе исповѣдниковъ Христа". Благопріятными для христіанства условіями были: презрѣніе римской государственной власти къ „безбожному суевѣрію", ея полная религіозная терпимость и признаніе законности христіанскихъ (погребальныхъ) обществъ, гоненія же шли изъ самыхъ нѣдръ общества, которое отстаивало себя противъ новыхъ вѣрованій, несшихъ разрушеніе старому міру, и по указаніямъ котораго власть карала только нарушеніе порядка.

Филологическія Записки. XXX (1891). Вып. I—VI.

И. Водуэнъ-де-Куртенэ, Изъ лекцій по латинской фонетикѣ, стр. 273—344 (вып. II. IV—V. VI). О латинскихъ фонемахъ: t, d, n, s, r, l, j, k, g, ku (ku, qu), gu (gu, gu), n, h, носовой пазвукъ. Глава 24. Общія корреспонденція или соотвѣтствія: А) долгія локализованныя фонемы, Б) группы локализованныхъ фонемъ. В) корресп., происшедшія подъ вліяніемъ фонемъ другихъ слоговъ. Глава 25. Общія соотвѣтствія краткихъ вокаловъ; фонемы a, e, o, i, u. — Ипполитъ, траг. Еврипида, въ перев. Е. Шнейдера. Рецензія *В. Алексѣева* (вып. IV—V). „Переводъ вѣрно воспроизводитъ текстъ подлинника и свидѣтельствуетъ о добросовѣстномъ изученіи греческаго текста". — М. Туллій Цицеронъ, О дружбѣ, русскій переводъ **В. Алексѣева** (вып. IV—V. VI).

Гимназія, IV (1891), 10—12 (въ одной книгѣ).

K. Nägelsbach, Вѣроученіе Гомера (переводъ), стр. 1—41.— **Р. Фолькманъ,** Реторика грековъ и римлянъ, пер. Н. Веригинъ (окон.), стр. 41—58.— **Е. Циль,** Воспоминанія стараго педагога (съ нѣм., оконч.), стр. 109—131.— **А. Образцовъ,** Побуждать или поощрять?, стр 132—142. Отвергается побудительный способъ преподаванія съ его системою отмѣтокъ, требующихъ слишкомъ многихъ жертвъ среди учениковъ, и одобряется способъ поощрительный, основанный на постоянномъ повтореніи пройденнаго, при чемъ авторъ отмѣчаетъ два неудобства второго способа: опасность впасть въ излишнюю снисходительность и быть на дурномъ счету у начальства. На практикѣ оба способа должны итти рука объ руку, съ преобладаніемъ второго; а мы видимъ на дѣлѣ обратное. — Въ виду новыхъ учебныхъ плановъ, авторъ указываетъ на необходимость измѣнить существующую методу преподаванія древнихъ языковъ и перейти къ методѣ эвристической. Что же касается контроля надъ занятіями учителя, то

авторъ симпатизируетъ порядкамъ Кавказскаго уч. округа. — **O. Weissenfels,** Горацій. Значеніе для цѣлей гимназическаго преподаванія (перев.), стр. 65—181. — **Е. Кирпичникскій,** Иліада и Одиссея Гомера, въ изложеніи В. Криста (съ нѣм.), стр. 1—52.

Вопросы философіи и психологіи. Книги 6—10 (1891).

Критика и библіографія. **Э. Л. Радловъ** „Объ истолкованіи" Аристотеля; русскій переводъ. С.-Пб. 1891 (кн. 8). *Е. Челпановъ* отмѣчаетъ отсутствіе необходимаго комментарія, равно какъ несообразности перевода, совершенно извращающія и затемняющія смыслъ подлинника. — **А. Н. Деревицкій,** О новомъ трактатѣ Аристотеля и его значеніи для аѳинской демократіи. Харьковъ 1891 (кн. 8). Библіогр. замѣтка. — **М. И. Каринскій,** Безконечное Анаксимандра. СПБ. 1890 (кн. 9). „Авторъ высказываетъ весьма много цѣнныхъ замѣчаній о пониманіи безконечнаго и другими древнѣйшими мыслителями. Отличительной чертой работы служитъ полнѣйшая самостоятельность и образцовая точность. Спеціалистъ найдетъ въ ней много новаго и поучительнаго". *Алексѣй Введенскій.*

Вѣра и Разумъ, VIII (1891), 19—24 (окт.—дек.).

№ 20. Отдѣлъ философіи. — **Н. К.** О благодѣяніяхъ (De beneficiis) Л. Аннея Сенеки къ Эбуцію Либералію (перев., продолж.), стр. 356—364.

Историческій Вѣстникъ, XII (1891), 10—12 (окт.—дек.

№ 10. Критика и библіографія. — Марціалъ, біограф. очеркъ **гр. Олсуфьева,** М. 1891, стр. 258 слѣд. Назначеніе книги не совсѣмъ ясно; языкъ ея испещренъ латинскими фразами и галлицизмами. Содержаніе не блещетъ интересомъ, чтó, впрочемъ, зависитъ отъ темы. Но авторъ внимательно изслѣдовалъ матеріалъ, доставляемый произведеніями Марціала, и критич. пріемы его вполнѣ удовлетворительны. *А. К.*

Русская мысль, XII (1891), 10—12 (окт.—дек.).

Кн. 11. Библіограф. отдѣлъ. — **I. Schwarcz,** Die Demokratie, II. B., 1. Abth. 1891; стр. 487—490.— Шварцъ не пишетъ систематической исторіи, а даетъ лишь рядъ критическихъ замѣчаній по поводу историческаго матеріала. Прежде всего бросаются въ глаза претензія и задоръ автора, грубыя выходки котораго отчасти, впрочемъ, зависятъ отъ его полнаго несогласія съ общепринятыми мнѣніями. Въ общемъ однако книгу эту нельзя игнорировать, какъ реакцію противъ преклоненія передъ классической древностью.

Кн. 12. Библіограф. отдѣлъ. Les découvertes de Ninive et de Babylone au point de vue biblique. Conférences par **J. Walther.** Avec 25 figures. Lausanne, стр. 535 сл.: Авторъ знакомитъ въ живомъ разсказѣ съ изысканіями англо-франц. археологовъ и съ ихъ результатами; изложеніе предназначается для большой публики; рисунки хороши и подобраны пре-

восходно. — **Дютшке,** Олимпъ. Миѳологія древнихъ грековъ и римлянъ, С.-Пб. 1892, изд. Суворина: „Книжка заключаетъ въ себѣ много свѣдѣній по миѳологіи, составлена занимательно и переведена хорошо; издана отлично". — Русская школа, (янв.— октябрь): „Книжки... богаты содержаніемъ... Это изданіе заняло почетное мѣсто въ нашей повременной печати".

Русская Школа, II (1891) №№ 1—12.

Статьи, имѣющія отношеніе къ преподаванію древнихъ языковъ въ гимназіяхъ, суть слѣдующія: С. **Николаева,** Хроника школьной жизни въ Германіи за ноябрь-декабрь 1890 г. (№№ 1, 2, 3). — **М. Денкова,** Педагогическая и философская подготовка учителей среднихъ учебн. заведеній (№№ 2, 3). — **А. Нейфельда,** Къ вопросу о реформѣ среднеучебныхъ заведеній въ Германіи (№ 9). — **П. С.** 1) Изъ хроники школьной жизни Германіи, — результаты берлинской конференціи (№№ 10 и 12) и 2) Реформа средняго образованія во Франціи (№ 10). — Въ критич. отдѣлѣ № 11, *Д. Ѳ. Бѣляевъ* даетъ обстоятельный разборъ брошюры д-ра Д. Трифановскаго „Наша общеобразовательная школа, ея недостатки и необходимость и возможность для Россіи положить въ основаніи ея новыя начала" Москва 1891. Выводъ: не понимая цѣли преподаванія древнихъ яз. въ гимназіяхъ и вообще имѣя смутныя понятія объ истинныхъ задачахъ гимназическаго образованія, д-ръ Т. самъ не знаетъ, что говоритъ, ополчаясь противъ европейскаго образованія, будто бы ненужнаго для русскихъ, и исключая обученіе иностраннымъ языкамъ, особенно древнимъ, изъ средней школы, которая, по мысли г. Т., должна воспитывать не русскихъ только гражданъ, а „вселенскихъ".

Журналы: „Русское Обозрѣніе" (кн. 10—12), „Русскій Вѣстникъ" (кн. 10—12), „Наблюдатель" (кн. 7—12) и „Вѣстникъ Европы" (кн. 4—12) — за 1891 г. не содержатъ статей, имѣющихъ отношеніе къ классич. филологіи и педагогикѣ.

b) Иностранные журналы.

Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes, XV (1891), livr. 3, 4.

3. O. Riemann (некрологъ), p. 161. — **F. G. Kenyon.** Nouveaux fragments d'Hérodas, p. 162—167. — Приводится весьма плохой сохранности текстъ 11 фрагментовъ. — **C. E. Ruelle,** Corrections anciennes et nouvelles dans le texte des problèmes musicaux d'Aristote, p. 168—174. Эти поправки должны, между прочимъ, оправдать переводъ Проблемъ въ Rev. des ét. gr., IV, p. 233—267, и указать на необходимость новаго ихъ изданія. — **O. R.** Tamquam = dans la pensée que... „въ той мысли, что..." употребляется не только въ поздней латыни, но и у Цицерона, напр. *Brut.* I, 5; стр. 174. — **R. Cagnat,** Correction d'un passage de Pline l'Ancien, p. 175 сл. Въ *Hist. nat.* V, 4, 29 вм. Chimavense

должно читаться Chiniavense, что доказывается одной надписью, найденной въ Тунисѣ (ordo Chiniavensium peregrinorum). — Въ приложеніи: Revue des Revues de 1890: нѣмецкіе фил. журналы, p. 65—144 (продолженіе).

4. Содержитъ въ себѣ только Revue des Revues: обзоръ европейскихъ и американскихъ журналовъ за 1890 (и отчасти за 1889 г.), p. 145—370 (съ указателями 371—408); изъ русскихъ журналовъ указаны: Журн. Мин. Нар. Просв. (p. 357—365), Варшавскія Унив. Изв. (p. 365 сл.), Уч. Зап. Казанскаго унив. (p. 366—368) и Филол. Зап. (p. 368)[1]).

Revue des études grecques, IV (1891), № 16.

M. Dubois, Strabon et Polybe, p. 343—356. Авторъ указываетъ на сходство между Полибіемъ и Страбономъ, какъ бы взявшимъ себѣ перваго за образецъ. Общими чертами у нихъ является одинаковое міровоззрѣніе и тождественность ихъ отношенія къ Риму. Страбонъ и самъ признаетъ себя ученикомъ Полибія, и онъ, дѣйствительно, ближе къ нему, чѣмъ Титъ Ливій. — **Th. Reinach,** Inscription de l'île de Cos, p. 357—376. Найденная въ мѣстечкѣ Kerméti надпись, текстъ которой приводится авторомъ, знакомитъ насъ съ финансовымъ положеніемъ Коса во II-мъ в. до Р. Х. (189—167 г.), а также и съ нѣкоторыми культами. — **P. Tannery,** Sur une épigramme attribuée à Diophante, p. 377—382. Даются нѣкоторыя исправленія въ текстѣ. — Notes et documents. — **T. R.** Un sarcophage de Sidon, p. 383 сл. Въ Саидѣ, при раскопкахъ 1887 и 1888 г., найдено много саркофаговъ, изъ коихъ одинъ изображенъ на приложенной къ статьѣ гравюрѣ: онъ греческаго стиля, изъ паросскаго мрамора, украшенъ по бокамъ 18-ю фигурами женщинъ въ положеніи плачущихъ, раздѣленныхъ одна отъ другой іоническими колоннами. Внизу, по карнизу, охотничьи сцены. Онъ относится къ концу V-го или началу VI-го вѣка. — **G. Schlumberger,** Une relique Byzantine, p. 385—387. Недавно найдена часть черепа св. Акиндина въ серебряной оправѣ, пропавшая послѣ эпохи революціи. — **Al. Contoléon,** Inscription de Chersonèse, p. 388—390. Приводится текстъ найденной въ 1891 г. близъ Севастополя греческой надписи, представляющей первую, вполнѣ сохранившуюся, клятву греческихъ магистратовъ (см. выше „Фил. Обозр.", отд. I, стр. 89). — **T. R.** Inscriptions d'Égypte, p. 391 сл. Текстъ двухъ надписей. — Variétés. — **G. Mistriotis,** Les causes de la civilisation grecque dans l'antiquité et dans les temps modernes, p. 393—396. М. различаетъ шесть факторовъ цивилизаціи: расу, солнце и климатъ, вліяніе болѣе древнихъ культуръ, религіозную, общественную и частную жизнь и, по отношенію къ каждому изъ нихъ, проводитъ параллель между древними и современными греками. — Correspondance grecque, p. 398 сл. — Actes de l'association.

---

1) Непріятно поражаетъ искаженіе русскихъ именъ: Naradnavo, Gevreiskii vopros, Silarov вм. Гиляровъ, Gilanov вм. Ждановъ, Padlov вм. Радловъ и мн. др.

Journal des Savants. 1891. 10—12 (Octobre — Décembre).

10. G. Perrot, Les fouilles de Schliemann à Troie, III, стр. 594—617 (продолженіе; см. № 9). Отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ Шлиманомъ и Дёрпфельдомъ на Гиссарликѣ. Особенно подробно Перро́ останавливается на описаніи второго города (отъ материка) — древней Трои — его стѣнъ, воротъ, башенъ, дворца и найденныхъ предметовъ. Къ статьѣ приложенъ планъ раскопокъ.

11. N. Weil, Les Mimiambes d'Hérodas, стр. 655—673. Разбирая два изданія Герода: Kenyon'а и Rutherford'а, Вейль хвалитъ осторожность и точность перваго издателя и порицаетъ произвольную обработку текста второго. Попутно дѣлается много поправокъ и объясненій къ тексту. Наконецъ говорится о мѣстѣ поэта въ греческой литературѣ и о его близости къ Θеокриту въ обработкѣ матеріала и къ Гиппонакту въ выборѣ метра.

12. G. Perrot, Les fouilles de Schliemann à Troie. IV, стр. 709—728. Авторъ отмѣчаетъ полное согласіе данныхъ, добытыхъ раскопками, съ показаніями Гомера. Ненайденные два ключа, точно описанные у Гомера, могли изсякнуть, тѣмъ болѣе, что и древность объ нихъ не знала. Открытый городъ могъ быть разрушенъ только такъ, какъ говоритъ преданіе. Предположенія Беттихера о томъ, что Шлиманомъ открытъ некрополь, ни на чемъ не основаны.

Bulletin de correspondance hellénique, XV année (1891), livr. V—VI.

Henri Lechat, Aphrodite. Statuette en bronze de la collection de M. Constantin Carapanos, p. 461—481, pl. IX et X. Подробный этюдъ о вполнѣ сохранившейся статуэткѣ, найденной въ Эпирѣ и относящейся, по мнѣнію автора, къ V в. до Р. Х. — **G. Radet,** Inscription de Kios en Bithynie, p. 481—487. Списокъ эфебовъ временъ императора Нервы. — ***Π. Α. Παντελίδης,*** *Περὶ τῶν ἀρχαίων θειούχων θερμῶν ἐν Νισύρῳ τοῦ Ἀρχιπελάγους,* p. 488—490. Краткое описаніе открытаго авторомъ теплаго источника на о. Нисирѣ, признаваемаго тожественнымъ съ упоминаемымъ у Страбона. — **A. Joubin,** Note sur une inscription de l'Amphiaraion, p. 490—492. Текстъ и краткій комментарій неизданнаго декрета, къ сожалѣнію плохо сохранившагося; „...on pourrait croire qu'ils'agit: 1° d'une offranse ou d'une redevance en nature remise au temple par quelques personnes, dont les noms sont portés dans la seconde inscription; 2° de la confection de divers objets consacrés, à fabriquer avec le produit de la vente de ce blé". — **George Perrot,** Les vases d'or de Vafio, p. 493—537, pl. XI—XIV. Подробное изслѣдованіе о двухъ архаическихъ золотыхъ сосудахъ, найденныхъ въ куполообразной гробницѣ въ Вафіо.— **V. Bérard,** Inscriptions d'Asie Mineure, p. 583—562. 38 надписей разнаго содержанія, преимущественно римскихъ временъ, изъ разныхъ мѣстностей Каріи, Ликіи, Писидіи, Памфиліи и Фригіи. Продолженіе будетъ. — ***Νικ. Ι. Γιαννόπουλος,*** *Ἐπιγραφαὶ τῆς ἐπαρχίας Ἁλμυροῦ,* p. 562—571. Четырнадцать новыхъ эпиграфическихъ текстовъ изъ разныхъ мѣст-

постей древней Фтіотиды; большинство надписей — надгробныя, есть также нѣсколько записей о взносахъ денегъ вольноотпущенниками. — **G. Radet et P. Paris,** Inscriptions d'Amorgos, p. 571—608. Новыя надписи въ числѣ 52, между ними 17 декретовъ разныхъ временъ и разнаго содержанія, 8 надписей посвятительныхъ, одна посвятительная христіанская въ 2-хъ экземплярахъ и 25 надгробныхъ, въ томъ числѣ нѣсколько метрическихъ.— **L. Heuzey,** Statues Espagnoles de style gréco-phénicien, p. 608—625, pl. XVII. Описаніе вполнѣ сохранившейся женской статуи и нѣсколькихъ головъ, найденныхъ въ 1860 г. въ Испаніи „dans la région montagneuse située en arrière de la côte d'Alicante et de Murcie" и хранящихся въ Мадритскомъ музеѣ. — **Th. Homolle,** Observations épigraphiques, p. 625—629. Содержаніе этихъ „Observations" подробно изложено въ аѳинской корреспонденціи г. Селиванова въ предыдущей книжкѣ „Фил. Обозр." (отд. I, стр. 84 сл.). — **Ernest Legrand,** Inscriptions d'Astipalée, p. 629—636. 18 новыхъ надписей разнаго содержанія (преимущественно надгробныхъ), въ томъ числѣ пять метрическихъ и невполнѣ сохранившееся письмо императора Адріана къ астипалейцамъ.

Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik, CXLIII и CXLIV (1891), 10—12.

10. Heft. I. **A. Fleckeisen,** Zur Kritik des Plautus und Terentius, стр. 657—684. I. Въ *Aulul.* 701 допускается чтеніе picis = φῖκας (=σφίγγας), основанное на обычномъ у древнихъ римлянъ смѣшеніи сфинксовъ съ грифами. II. Исправляется во многихъ мѣстахъ текстъ пролога Казины. III. Исправляя текстъ *Andr.* 768, Флек. доказываетъ существованіе прил. scelerus въ смыслѣ scelestus и предлагаетъ читать его въ *Adelph.* 159 и у Плавта въ *Most.* 504 и *Rud.* 456. IV. Въ *Adelph.* 585 рекомендуется читать (по конъект. Клерика) illi salignis, а въ *Heaut.* 147 сл. me tantisper и вм. fiam — vivam. — **O. Meltzer,** Zur Vorgeschichte des dritten Punischen Krieges, стр. 685—688. Требованіе, предъявленное въ 149 г. до Р. X. римлянами къ кареагенянамъ, чтобы они, по разрушеніи стараго города, основали новый на разстояніи не менѣе 80 стадій (decem milia passuum) отъ моря, напоминаетъ начало 4-й книги „Законовъ" Платона, гдѣ такое же разстояніе отъ моря полагается для идеальнаго города. Авторъ предполагаетъ, что въ такомъ требованіи сказалось вліяніе партіи Сципіона Назики (Corculum), къ которой принадлежало много почитателей греческой культуры, хорошо знакомыхъ и съ Платономъ, и которая, какъ извѣстно изъ источниковъ, стояла за сохраненіе Кареагена. — **H. Magnus,** Studien zur Ueberlieferung und Kritik der Metamorphosen Ovids, стр. 689—706. Доказывается, что fragmentum Bernense представляетъ собою совершенно самостоятельную, лучшую рецензію текста. — **O. Linsenbarth,** Zu Vergilius Aeneis, стр. 706 сл. Данными изъ естеств. ист. оправдывается фактъ, на который указываетъ Вирг. (*Aen.* IV, 402 и сл.), что муравьи, собирая хлѣбныя зерна, питаются ими. — **G. Friedrich,** Die Parabase im Curculio des Plautus, стр. 708—712. Въ ст. 463 не при

halophantam зачеркивается, а послѣднее слово объясняется какъ образованіе съ (h)alum (= alium чеснокъ): sycophanta *φαίνει σῦκα*, halophanta *φαίνει* hala. Ст. 472 устраняется изъ текста, а ст. 485, въ которомъ и. Oppiam слѣдуетъ читать quaerito, поставляется за 482-мъ. — **W. Schwarz,** Die Potamophylacia, стр. 713—716. Это имя обозначаетъ не мѣстность въ Египтѣ, а должность по рѣчной полиціи. — **E. Dittrich,** Zu Propertius, стр. 716, рекомендуетъ въ IV, 2 ст. 19 (въ такомъ видѣ: mendax fama. roges: alius mihi etc), но ставитъ послѣ 12-го. — **W. Liebenam,** Bemerkungen zur Tradition über Germanicus, стр. 717—736. Отношенія Тиберія къ Германику изображены Тацитомъ не вполнѣ вѣрно дѣйствительности. Нигдѣ онъ не доказываетъ своего предположенія объ исконной враждѣ перваго къ послѣднему. Противъ нея прямо говорятъ приводимые Тацитомъ факты (назначеніе Г-ка проконсуломъ, депутація отъ Тиб. и мн. др.). Традиція объ этой враждѣ основана на противоположностяхъ въ характерѣ того и другого, и укрѣпленію такой традиціи особенно могла способствовать Агриппина послѣ смерти Г-ка. Тацитъ неосновательно относитъ вражду къ болѣе раннему времени и создаетъ трехъактную драму о заранѣе задуманной Тиберіемъ и послѣдовательно приведенной въ исполненіе гибели Г-ка. Л. подвергаетъ критической провѣркѣ эти три акта. I. Прежде всего, въ описаніи возстанія легіоновъ на Рейнѣ, Тацитъ, по его мнѣнію, скрываетъ истинныя причины возстанія, сравнительно съ Діономъ и Светоніемъ, невѣрно изображаетъ поворотъ въ настроеніи мятежныхъ легіоновъ, а въ описаніи конца возстанія и поводовъ къ походу въ Германію, явно отступаетъ отъ дѣйствительности, чтобы выставить въ яркомъ свѣтѣ нравственную личность Г-ка въ противоположность Друзу. — **H. Deiter,** Zu Caesars bellum Gallicum, стр. 736, предлагаетъ читать въ VII. 74, 1 multitudine, si ita accidat eius accessus, munitionum; въ VIII. 36, 1 perterrito.

II. **A. Rieder,** Lebens- und Glaubensansichten des Reisebeschreibers Pausanias, стр. 466—475. Авторъ разбираетъ политическія, нравственно-религіозныя и натуралистическія воззрѣнія Павсанія и доказываетъ ихъ самостоятельность и оригинальность. — **R. Meister,** Über die Metode der griechischen Schullectüre in Prima, 475—483. Для лучшаго ознакомленія съ греч. литературой, необходимо расширить по возможности объемъ читаемаго. Дѣло не въ толкованіяхъ; чѣмъ больше ученикъ читаетъ, тѣмъ больше онъ проникается духомъ античной литературы. При чтеніи напр. Софокла авторъ предлагаетъ учителямъ одни (легкія) партіи задавать для домашняго приготовленія ученикамъ и требовать отъ нихъ только вѣрнаго перевода, другія — самимъ переводить передъ классомъ и объяснять. Такая обоюдная работа очень полезна; она позволяетъ прочесть трагедіи четыре, и въ переводахъ и разборахъ учителя даетъ ученику образецъ для подражанія. — **P. Salkowski,** Erläuternde Bemerkungen zu Cic. de off. I c. 32. 33. 42, стр. 484—491. Сочиненіе Циц. De officiis имѣетъ для средней школы глубоко-образовательное значеніе. Авторъ подкрѣпляетъ это положеніе разборомъ трехъ указанныхъ главъ,

въ которыхъ обсуждается вопросъ о выборѣ призванія, при чемъ сопоставляетъ древне-языческое воззрѣніе на нравственную цѣнность человѣческой дѣятельности съ воззрѣніями христіанскими. Изъ этого сравненія ученикъ долженъ вынести убѣжденіе, что христіанство несравненно шире и глубже понимаетъ задачи жизни, нежели ихъ понимало язычество. — **K. Brinker,** Die lateinische Casussyntax auf Grundlage von Caesar (B. G. I—VII) und Corn. Nepos, стр. 491—502; продол. H. 11, стр. 613—527 и оконч. H. 12, стр. 586—606. Полный статистическій матеріалъ изъ Цезаря и Корн. Непота для ученія о падежахъ, расположенный по обычнымъ грамматическимъ рубрикамъ.

11. Heft. I. H. Düntzer, Ueber den *Προμηθεὺς πυρφόρος* des Aischylos, стр. 737—650. Авторъ защищаетъ взглядъ Велькера, видѣвшаго въ *Προμ. πυρφόρος* первую драму Прометеевой трилогіи *(Πρ. πυρφ., Πρ. δεσμώτης, Πρ. λυόμενος),* противъ Вестфаля, считающаго эту драму третьей, примыкавшей къ *Προμ. λυόμενος,* при чемъ устанавливаетъ мѣсто дѣйствія, составъ хора и героевъ первыхъ, среднихъ и заключительныхъ сценъ во всѣхъ трехъ драмахъ. — **F. Polle,** Zu Demosthenes Friedensrede, стр. 750 слѣд. Въ § 24 *πρὸς δὲ* принимается въ смыслѣ нарѣчія: „но кромѣ того"... — **O. Höfer,** Zu Eusebios *προπαρ. εὐαγγελική,* стр. 751 слѣд. Въ V, 20, 3 вм. *ἱππότην* слѣдуетъ читать *ἱππότης* и вм. *Ναυάτου* — *Ναυπάκτου.* — **E. Dittrich,** Zu Euanthes bei Athenaios, стр. 752. Приводимый въ 296[c] отрывокъ изъ эпич. поэта Эв. передается въ метрич. формѣ съ нѣк. измѣненіями. — **F. Lüders,** Randbemerkungen zu Xenophons Anabasis, стр. 753—766. Критическія и объяснительныя примѣчанія къ 24-мъ мѣстамъ Ксеноф. Анабасиса. — **K. Liebhold,** Zu Platons Gorgias, стр. 767 слѣд., въ 503[c] вм. *τοῦτο δὲ τέχνη τις εἶναι* читаетъ *τοῦτο δὲ τέχνης τινὸς δεῖται;* въ 513[d] текстъ измѣняется такъ: ... *ἑκάστῳ ἐπὶ τὸ θεραπεύειν... πρὸς ἡδονὴν ὁμιλοῦντι... καταχαριζομένῳ, ἀλλὰ διαμαχομένῳ;* въ 517[e] вм. *οὐδὲν θαυμαστόν ἐστιν ὄντα* предлагается чтеніе: *οὐ θαυμαστόν ἐστιν οὐδ' ὄντα.* — **G. Knaack,** Zu den griechischen Epigrammatikern, стр. 769—775. Критическія замѣтки къ нѣкоторымъ эпиграммамъ Палатинской антологіи съ провѣркой свѣдѣній, сообщаемыхъ этими эпиграммами объ ихъ авторахъ. — **E. Goebel,** Zu Homeros, стр. 775—778. *Θ* 646 вм. *ἄντυγι πάλτο* предлагается чтеніе *ἄντυγ' ἐπᾶλτο; Π* 338 вм. *καυλὸν* — *καλόν (ἀμφί* тогда нарѣчіе); *Πηλῆος υἱός (Α* 489. *Π* 21 и др.) предпочитается чтенію *Πηλέος υἱός.* — **K. Manitius,** Zu Hipparchos Commentar der Phainomena des Aratos und des Eudoxos, стр. 779—792. Излагается содержаніе Гиппархова комментарія и предлагаются поправки текста. — **W. Liebenam,** Zur Tradition über Germanicus (продолж.), стр. 793—816. II. Походы Германика въ Германіи описаны Тацитомъ такъ, что на первый планъ выступаетъ необычайная доблесть римскаго вождя, его геніальная предусмотрительность, обаяніе среди солдатъ, которые, вслѣдствіе беззавѣтной преданности своему вождю, преодолѣваютъ всякія препятствія и достигаютъ неимовѣрныхъ успѣховъ, — въ то время какъ въ топографическихъ и хронологическихъ данныхъ допускается масса неточностей и противорѣчій и

значительно умаляются силы и мужество германцевъ. При такой обстановкѣ особенно ярко выступаетъ недоброжелательство и подозрительность Тиберія, отозвавшаго Германика въ Римъ въ самый разгаръ его побѣдоносной дѣятельности. Но не эти мелкія чувства были причиной отозванія Германика, а рѣшимость Тиберія слѣдовать завѣщанной ему Августомъ политикѣ (Tac. ann. I, 11 addideratque consilium coërcendi intra terminos imperii), тѣмъ болѣе что онъ самъ много разъ убѣждался въ безуспѣшности завоевательной политики по отношенію къ германцамъ. Почести, которыми былъ осыпанъ Германикъ по возвращенія въ Римъ, не допускаютъ мысли о затаенной ненависти къ нему Тиберія. — **H. Lewy**, Alte Verwünschungsformeln, стр. 816. Два дополненія къ статьѣ B. Schmidt'а въ H. 8 и 9 („Фил. Обозр." выше стр. 108).

II. **R. Thiele**, Zur Gestaltung der lateinischen Lectüre im Gymnasium, стр. 527—544. Читать изъ авторовъ слѣдуетъ только то, что питаетъ умъ и чувство, соблюдая при этомъ правило: puero reverentia debetur. Необходимо расширить кругъ читаемыхъ въ гимназіи лат. авторовъ и обратить серіозное вниманіе на христоматіи и комментированныя изданія древнихъ авторовъ, которыя должны вполнѣ отвѣчать своему важному назначенію. Въ заключеніе авторъ набрасываетъ планъ лат. христоматіи и школьнаго изданія классиковъ. — **Paul Mahn**, Über das Correctum der schriftlichen Arbeiten, стр. 560—566. Авторъ требуетъ, чтобы корректурныя работы никогда не дѣлались механически, но вызывали разумную дѣятельность, а съ нею и интересъ ученика. Предъ раздачей тетрадей учитель, заранѣе распредѣливъ по категоріямъ ошибки учениковъ, обсуждаетъ ихъ совмѣстно съ классомъ, повторяя при случаѣ тотъ или другой отдѣлъ грамматики; затѣмъ выдаются тетради и correctum задается на домъ; выписаны должны быть лишь мѣста ошибочныя, однако такъ, чтобы выписанное представляло законченную мысль. Correctum должно быть подано на слѣдующій же день; еще лучше, если предъ письменнымъ correctum весь переводъ проходится въ классѣ устно.

12. Heft. I. **C. Rüger**, Zur pseudodemosthenischen Rede wider Euergos und Mnesibulos, стр. 817—822. Попытки исправленія текста въ нѣскольнихъ мѣстахъ. — **K. Liebhold**, Zu Xenophons Apomnemoneumata, стр. 822. Въ III, 10, 2 между τἆλλα и ὡσαύτως предлагается вставить ἅ. Смыслъ тогда получается вполнѣ удовлетворительный. — **P. Schulze**, Zur pseudolukianischen Schrift περὶ ὀρχήσεως, стр. 823—828. Этотъ панегирикъ принадлежитъ какому-то ритору азіатской школы и написанъ въ защиту пантомимовъ, которые начали было приходить въ упадокъ, но опять ожили при Маркѣ Авреліи. Въ это-то время авторъ панегирика задался цѣлью снискать для нихъ покровительство въ высшихъ сферахъ. — **R. Clotz**, Metrisches zu Plautus Casina, стр. 829—847. Изслѣдованіе метрическихъ и ритмическихъ формъ въ аргументѣ, прологѣ и трехъ мелическихъ отрывкахъ Казины. — **M. Kiderlin**, Zum neunten Buche des Quintilianus, стр. 848—850. Критическія замѣтки. — **J. Netušil**, Über die Bedingungssätze, стр. 851—855. Критически разо-

бравъ предложенныя Полле (въ № 4; „Фил. Обозр." т. I, 2, 197) виды условныхъ періодовъ, авторъ устанавливаетъ для лат. яз. слѣдующія ихъ формы: 1) индикативную, которая можетъ иногда замѣнять потенціальную и ирреальную формы; 2) потенціальную (coni. perf. въ придат. предл. всегда имѣетъ релятивное значеніе); 3) ирреальную; 4) фиктивную съ coni. praes. по отношенію къ настоящему и coni. imperf. — по отношенію къ прошедшему; въ прид. предл. можетъ быть и coni. perf. въ релятивномъ смыслѣ, для означенія предшествованія. Греч. формѣ съ ἐάν соотвѣтствуетъ въ лат. періодъ съ indic., для выраженія желаніи—обыкн. ind. fut.; въ прид. предл. встрѣчается и coni. praes. (срв. Cic. *De or.* II 176).—**C. Häberlin,** Zu Sidonius Apollinaris, стр. 856. Въ *Epist.* III, 11 предлагается вм. vigilax читать virgilians. — **F. Knoke,** Zu Tacitus Germania, стр. 857—864. Толкованіе гл. 2, 16—20, гдѣ идетъ рѣчь о происхожденіи имени Germania. — **W. Liebenam,** Bemerkungen zur Tradition über Germanicus, стр. 865—888. III. Дѣйствія Германика на Востокѣ изображены Тацитомъ въ видѣ подвиговъ какого-то рыцаря безъ страха и упрека. Въ дѣйствительности поступки Германика были таковы, что могли вызвать справедливый гнѣвъ Тиберія и неудовольствіе Пизона, но предполагать, какъ это дѣлаетъ Тацитъ, рядъ тайныхъ происковъ обоихъ этихъ „враговъ" Германика нѣтъ никакого фактическаго основанія. Отношенія Пизона къ Германику изображены у Тацита односторонне: первый является олицетвореніемъ злобы, послѣдній безотвѣтно-кроткимъ существомъ. Послѣднія минуты Германика описаны съ очевидными риторическими прикрасами. — Въ концѣ статьи авторъ затрогиваетъ вопросъ объ источникахъ Тацита, и главнымъ источникомъ, изъ котораго черпалъ Тацитъ свѣдѣнія о Германикѣ, считаетъ жившее еще въ устахъ современниковъ преданіе о Германикѣ, котораго народная молва идеализировала, какъ любимаго героя. Оттого и пристрастное отношеніе къ Германику. Но такое „пристрастіе" еще не подрываетъ довѣрія къ правдивости повѣствованія Тацита, ибо не доказано, чтобы онъ, зная истину, искажалъ ее тенденціозно. Тацитъ всегда останется величайшимъ историкомъ Рима, но преклоненіе предъ его геніемъ вовсе не исключаетъ критики.

II. **Th. Vogel,** Die Dehnung des syntaktischen Unterrichts in den alten Sprachen, стр. 577—585. Какъ исключительно грамматическое направленіе, такъ и желаніе изгнать всякое систематическое прохожденіе грамматики изъ преподаванія древнихъ языковъ одинаково вредно. Авторъ предлагаетъ въ низшихъ и среднихъ классахъ довольствоваться краткой элементарной грамматикой, содержащей самое необходимое для изученія на память; въ старшихъ, для справокъ, болѣе полную, откуда ученикъ могъ бы почерпнуть объясненіе той или другой особенности, встрѣченной при чтеніи автора. Разсматриваемыя въ связи съ другими явленіями, эти особенности лучше усвоятся; съ другой стороны, грамматическія объясненія не займутъ времени больше, чѣмъ и другого рода толкованія. Оставить грамматику въ старшихъ классахъ невозможно; безъ нея преподаваніе древ. яз. выродится въ краснобайство объ авторахъ и ихъ сочиненіяхъ.

Hermes, XXVI (1891), 4.

M. Wellmann, Alexander von Myndos, стр. 481—566. I Al. als Zoologe. Попытка возстановить содержаніе его зоологической компиляціи, которою, какъ главнымъ источникомъ, пользовались Эліанъ и Аѳеней, и собраніе дошедшихъ до насъ отрывковъ изъ его сочиненій. II. Al. als Paradoxograph. Тотъ же Александръ изъ Минда признается авторомъ парадоксографической компиляціи, которою пользовался Аѳеней.—**J. Geffken**, Zur Kenntniss Lykophrons, стр. 567—579. Изслѣдуя отношеніе Ликофрона къ источникамъ, авторъ доказываетъ, что цѣлью Ликофрона въ его „Александрѣ" было — сбить съ толку читателя и что для этой цѣли служатъ ему разныя средства: дробленіе сказанія, противорѣчія, дикая разстановка словъ, замѣна однихъ собственныхъ именъ другими и мн. др. — **G. Kaibel**, Zu Herodas, стр. 580—592. Текстъ VI и IV сценокъ съ критико-экзегетическимъ комментаріемъ. — **E. Bethe**, Proclos und der epische Cyclus, стр. 593—633. Всѣ извлеченія, какія даетъ Проклъ изъ киклическихъ эпопей, взяты имъ, иногда буквально, изъ Аполлодоровой библіотеки; поэтому всѣ основанныя на Прокловыхъ данныхъ реконструкціи поэмъ троянскаго круга падаютъ сами собою, и значеніе остается лишь за прямо переданными отрывками этихъ поэмъ. — Не имѣетъ также никакой цѣны и сообщеніе Прокла о составѣ эпическаго цикла. — Авторъ пытается дать опредѣленіе послѣдняго и относитъ къ нему лишь нѣкоторыя ѳиванскія и троянскія эпопеи. — Miscellen. — **A. Kiessling**, Tacitus Ann. IV, 43, стр. 634 сл. О Volcatius Moschus.—**F. Pichlmayr**, Zu Sex. Aur. Victor, стр. 636.

Philologus, L (1891), 3.

G. Wentzel, Mythographische Miscellen, стр. 385—392. 1 *Ποσειδῶνος γοναί*. Сказаніе о рожденіи Посейдона, приводимое Павсаніемъ (VIII. 8, 2), не указываетъ на беотійскую Арну, а есть мѣстное аркадское сказаніе. — **G. Busold**, Zur Gesetzgebung Drakons, стр. 393—400. Изложеніе Драконова законодательства въ *Ἀθην. πολ.* Аристотеля подлинно, но не опирается на непосредственные источники. — **C. Radinger**, Zur Schrift vom Staate der Athener, стр. 400. Рядъ конъектуръ. — **A. Bauer**, Ansichten des Thukydides über Kriegführung, стр. 401—429. Авторъ доказываетъ высокую компетентность Ѳукидида въ военномъ дѣлѣ и ставитъ его въ этомъ отношеніи гораздо выше Ксенофонта; затѣмъ излагаетъ взгляды Ѳукидида на необходимость реформъ въ аѳинской арміи и на другіе спеціальные вопросы военнаго дѣла, напр. на боевую пригодность легковооруженныхъ войскъ и конницы и др.; наконецъ полемизируетъ съ E. Schwartz'емъ по поводу толкованія Thuc. I. 10, 5. — **G. Hirschfeld**, *Νίκη τοῦ δεῖνος*, стр. 430—435. Слово *Νίκη* съ род. имени собств. въ нѣкоторыхъ надгробныхъ надписяхъ мало-аз. побережья должно было указывать прохожимъ на крѣпость въ христіанской вѣрѣ, которую умершій обнаружилъ при жизни. Можетъ быть и намекъ на мученичество.— **C. v. Holzinger**, Aristoteles athenische Politic und die Herakliddischen Excerpte, стр. 436—446. Гераклидовы отрывки совершенно при-

мыкають къ новооткрытой Арист. политіи; ихъ слѣдуетъ приписать младшему Гераклиду (изъ Гераклеи въ Понтѣ), который взялъ ихъ непосредственно изъ Аристотеля. — **O. Crusius,** Die Betonung des Hinkiambus nach dem Herondaspapyrus, стр. 446. Доказывается, что холіямбъ имѣетъ тѣ же ударенія, что и ямб. триметръ; разница лишь просодическая. — **W. Soltau,** Zur römischen Chronologie, стр. 447—357. Авторъ трактуетъ 1) объ астрономическихъ основахъ римской хронологіи и 2) о нундинальныхъ литерахъ римскихъ календарныхъ годовъ между 445 и 190 до Р. Х. — **R. Heinze,** Anacharsis, стр. 458—468. Скиеъ Анахарсисъ, противникъ гимнастики въ діалогѣ Лукіана *Ἀνάχαρσις ἢ περὶ γυμνασίων*, является представителемъ цѣлаго направленія, исходившаго отъ кинической школы. — **C. Radinger,** Zu Herodot, стр. 468. На основаніи *Ἀθην. πολ.* Аристотеля исправляются нѣкоторыя мѣста Геродота. — **M. Faber,** Zum Fünfkampf der Griechen, стр. 469—498. Выводы: 1) метаніе копья происходило не въ цѣль, а впередъ на возможно дальнее разстояніе; 2) прыганье состояло въ тройномъ скачкѣ; 3) пять состязаній происходили въ такомъ порядкѣ: прыганье, бѣгъ, метаніе диска, метаніе копья, борьба; 4) мѣстомъ состязаній былъ стадіонъ; 5) побѣдителемъ считался тотъ, кто въ общемъ состязался наиболѣе успѣшно, при чемъ побѣда въ борьбѣ не была непремѣннымъ условіемъ. — **M. Petschenig,** Zu Ammian, стр. 498, 544 и 565. Крит. замѣтки къ нѣкот. мѣстамъ XXI и XXII кн. — **W. Nestle,** Über griechische Göttermasken, стр. 499—506. Принимая въ расчетъ древній обычай — посредствомъ соотвѣтствующихъ украшеній превращать въ изображенія боговъ предметы религіознаго почитанія, можно думать, что найденныя терракотовыя маски боговъ служили именно для такой цѣли. — **C. Haeberlin,** Iuv. Sat. XI, 156, стр. 506, вм raucus предлагаетъ читать draucus. — **B. Todt,** Zu Aeschylos' Sieben gegen Theben, стр. 507—528. Толкованіе и исправленіе 19 мѣстъ. — **Fr. Cauer,** Studien zu Theognis, стр. 529—544. Указываются диттографіи въ рукоп. преданіи. — **L. Holzapfel,** Zu Plutarchs Biographien, стр. 545—549. Рядъ конъектуръ. — **Th. Widmann,** Über den Verfasser des bellum Africanum und die Pollio-Hypothese Landgrafs, стр. 550—565. Изъ многихъ мѣстъ b. Afric. (I. 5, 28; 47, 6; 60, 4 и др.) видно, что авторъ этого сочиненія состоялъ при V легіонѣ, б. м. командовалъ имъ въ качествѣ легата. Полліонъ же не имѣлъ никакого отношенія къ этому легіону и не былъ очевидцемъ всей войны. — Miscellen. **K. Tumpel,** Lesbiaca. *Πυλαιίδεες,* стр. 566—570. — **I. Baunack,** Zu den Weihgeschenklisten aus dem Kabirion, стр. 568—570. — **R. Meister,** Die Weihinschrift aus dem kretischen Asklepieion, стр. 570—573. — **E. Klusmann,** Zu Boëtius de phil. consol., стр. 573—576.

Rheinisches Museum für Philologie, XLVI (1891), 4.

H. Swoboda, Zu den Urkunden v. Pergamon, стр. 497—510. Изслѣдуются дошедшія въ надписяхъ народныя постановленія, особенно со стороны формы, затѣмъ по нимъ дѣлаются нѣкоторые выводы о государствен-

ныхъ учрежденіяхъ Пергама временъ царей. — **E. Bethe,** Vergilstudien, стр. 511—527. I. Эпизодъ съ Лаокоономъ. Двѣ традиціонныя версіи у Виргилія стоятъ рядомъ и даже взаимно перекрещиваются. Въ основу своей передачи онъ положилъ вторую версію, болѣе новую, по которой совѣщаніе о деревянномъ конѣ происходитъ на морскомъ берегу; позднѣе онъ вставилъ въ свой разсказъ обѣ сцены съ Лаокоономъ, соотвѣтствующія древнѣйшей версіи, по которой совѣщаніе о конѣ происходитъ передъ Пріамовымъ дворцомъ. Эти сцены не вполнѣ гармонируютъ съ эпизодомъ о Синонѣ. — **K. Tümpel,** Poseidon-Brasilas von Kos in Athen. стр. 528—551. Павсаній (I. 2, 4) правильно объяснилъ группу храма Деметры въ Аѳинахъ изображеніемъ борьбы Посейдона съ косскимъ гигантомъ Полиботомъ, но не понялъ надписи, въ которой Посейдону дается косское прозваніе *βρασίλας (= ἐνοσίχθων)*. — **C. Wachsmuth,** Neue Bruchstücke aus den Schriften des Grammatikers Krates, стр. 552—556. Фрагменты сочиненій Кратеса, заключающіеся въ женевскихъ схоліяхъ къ Иліадѣ. — **C. v. Jan,** Die Metrik des Bacchius, стр. 557—576. Рѣчь идетъ о ритмически-метрическомъ приложеніи ко второй гармоникѣ Бакхія (изъ временъ Константина). — **C. Hosius,** Die Handschriften des Properz, стр. 577—582. Результаты изслѣдованія 22-хъ италіанскихъ рукописей. — **E. Fabricius,** Zur Geschichte des zweiten Athenischen Bundes, стр. 583—598. Списокъ членовъ второго аѳинскаго союза (CIL. II, 17) восполняется именемъ Ясона изъ Феръ, вступившаго въ союзъ въ 375 г. и вышедшаго изъ него между 373 и 371. Затѣмъ дѣлаются нѣкоторыя замѣчанія о составѣ и развитіи этого союза. — **A. v. Domaszewski,** Zur Geschichte der römischen Provincialverwaltung. III. Der iuridicus Britanniae und der Garnisonwechsel der legio II adiutrix, стр. 599—605. Должность iuridicus Britanniae была учреждена Агриколой при введеніи новаго судопроизводства. Въ надп. CIL. IX 5533 legatus Augustorum provinciae Britanniae есть то же что iuridicus Britanniae. Когда II легіонъ былъ отозванъ изъ Британніи — неизвѣстно; при Домиціанѣ онъ стоялъ уже въ Паннонiи. — **F. Marx,** Zur Rhetorik ad Herennium, стр. 606—612. Разсматриваются отступленія отъ классическаго словоупотребленія. — Miscellen. **O. Immisch,** Ad Melampodiam, стр. 613 сл. Замѣтка къ Apoll. *bibl.* III. 6, 7, 7. — **J. M. Stahl,** Zum Psephisma des Demophantes, стр. 614 слѣд. Къ Андокиду, *Myst.* 96 слѣд. — **H. Diels,** Apollod. fragmentorum Sabbaiticorum supplementum, стр. 617 слѣд. — **R. Wagner,** Ikarion, стр. 618 сл. О мѣстоположеніи дема Икарія и возвышенности Икаріонъ. — **V. Gardthausen,** Griechische Inschrift von Ilium, стр. 619. — **M. Manitius,** Über Hexameterausgänge in der lateinischen Poesie, стр. 622 сл. Статистическій обзоръ исходовъ гексаметра (односложныхъ, 4-сложныхъ и 5-сложныхъ) отъ Лукреція до „Aenigmata" Евсевія. — **E. Pernice,** Italische Mine, стр. 626 слѣд. Доказывается, что въ Италіи была въ ходу мина въ 491 гр. — **F. B.,** Herodas Mimiamben, стр. 632. Текстъ первой сценки съ критич. комментаріемъ.

Archiv für Geschichte der Philosophie. Band IV (1891), 4.

E. Thomas, Über Bruchstücke griechischer Philosophie bei dem Philosophen L. Annaeus Seneca, стр. 540—573. I. На основаніи подробнаго толкованія Sen. *Nat. quaes.* IV 2, 22, гдѣ приводится взглядъ Θалеса на ежегодный разливъ Нила, авторъ устанавливаетъ такой смыслъ всего мѣста: Если вѣрить Θалесу, то пассатные вѣтры становятся на пути теченія Нила и задерживаютъ его бѣгъ, загоняя море въ его устья; такимъ образомъ Нилъ долженъ уходить назадъ, въ себя; при этомъ вода не прибываетъ, а скорѣе стоитъ, лишенная истока, но гдѣ только не встрѣтитъ препятствій, тамъ, за недостаткомъ мѣста, выходитъ изъ береговъ. II—IV. Указываются во многихъ мѣстахъ Сенеки намеки на эпикурійское ученіе. — **C. Bäumker,** Eine bisher unbekannte mittelalterliche Übersetzung der *Πυρρώνειαι ὑποτυπώσεις* des Sextus Empiricus, стр. 574—577. Переводъ относится ко второй половинѣ XIII вѣка по Р. Х. Для характеристики приводится нѣсколько отрывковъ. — **H. Diels,** Neue Fragmente des Xenophanes und Hippon, стр. 652—656. Отрывки, сохранившіеся въ женевскихъ схоліяхъ къ Иліадѣ. Отрывокъ изъ Ксенофана съ дополненіями Дильса таковъ: *Πηγὴ δ' ἐστὶ θάλασσ' ὕδατος, πηγὴ δ' ἀνέμοιο· | οὔτε γὰρ ἐν νέφεσιν [πνοιαὶ κ' ἀνέμοιο φύοιντο ἐκπνείοντος] ἔσωθεν ἄνευ πόντου μεγάλοιο | οὔτε ῥοαὶ ποταμῶν οὔτ' αἰθέρος ὄμβριον ὕδωρ, | ἀλλὰ μέγας πόντος γενέτωρ νεφέων ἀνέμων τε | καὶ ποταμῶν.*— Jahresbericht. **L. Stein** und **P. Wendland,** Jahresbericht über die nacharistotelische Philosophie der Griechen und die römische Philosophie, стр. 657 слѣд. — Остальныя статьи не имѣютъ отношенія къ древней философіи.

Mittheilungen des Kaiserlich Deutschen Archaeologischen Instituts. Athenische Abtheilung. Band XVI (1891), 3, 4.

3. Ἀλέξανδρος Ἐμμ. Κοντολέων, *Ἐπιγραφὴ τῆς Σκαπτοπαρήνης.* S. 267—279. Въ началѣ статьи авторъ подробно описываетъ обстоятельства открытія надписи, найденной въ 1868 г. близъ деревни Джумая, въ Болгаріи; затѣмъ слѣдуетъ замѣтка редакціи съ объясненіемъ расположенія надписи на камнѣ и указаніемъ средствъ, бывшихъ въ ея распоряженіи для возстановленія ея текста, наконецъ, слѣдуетъ текстъ и его возстановленіе, въ которомъ приняло участіе нѣсколько ученыхъ (Т. Моммзенъ, Виламовицъ, О. Гиршфельдъ, Дильсъ). Надпись, по интересу своего содержанія, вполнѣ заслуживаетъ такого вниманія къ себѣ: въ ней заключается длинное и подробное прошеніе скаптопаринцевъ къ императору Гордіану о томъ, чтобы ихъ не безпокоили проѣзжіе и солдаты, насильственно требовавшіе отъ нихъ квартиръ и содержанія, съ отвѣтнымъ рескриптомъ императора.— Въ особой статейкѣ (стр. 279—282) **Th. Mommsen** разъясняетъ значеніе этого документа для ознакомленія съ администраціей провинцій. — **Th. Mommsen,** Inschrift aus Apameia Kibotos. S. 282—284. Текстъ

новаго обломка надписи такого же содержанія, какъ изданный тѣмъ же авторомъ, въ томъ же томѣ журнала на стр. 235 сл. (см. „Фил. Об." II, отд. 2, стр. 117).—**W. Judeich,** Inschriften aus Ioniens. S. 285—299. Новыя надписи разнаго содержанія въ числѣ 27, изъ Ериѳръ, Клазоменъ, Пріены и Теоса.— **Max. Mayer,** Noch einmal Lamia. S. 300—312 u. Tafel IX, X. Этюдъ о лекиѳѣ аѳинскаго національнаго музея съ изображеніемъ Ламіи въ видѣ безобразной женщины, мучимой четырьмя сатирами.—**P. Herrmann,** Athletenkopf aus Perinthos. S. 313—333 u. Taf. IV, V. Заключеніе: „Главной моей цѣлью было доказать, что Миронъ не могъ создать тотъ типъ головы, о которомъ шла рѣчь". — **W. Dörpfeld,** Der Hypäthraltempel. S. 334—344. Выводъ: послѣ того какъ раскопками установленъ тотъ фактъ, что единственный приводимый Витрувіемъ примѣръ большого гипетральнаго храма есть Олимпіейонъ въ Аѳинахъ, спорный вопросъ объ освѣщеніи античныхъ храмовъ можетъ быть рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что, хотя и были единичные большіе гипетральные храмы-диптеры, по вообще греческіе и римскіе храмы получали освѣщенія не сверху, а только черезъ двери.—**Ad. Wilhelm,** Inschriften aus Messene. S. 345—355. Пять надписей разнаго содержанія, списанныхъ авторомъ въ музеѣ дер. Маврамати на горѣ Иѳомѣ. — **Rich. Meister,** Archaische Rhodische Grabinschriften. S. 356—357. Разборъ двухъ надписей изъ числа изданныхъ г. Селивановымъ въ томъ же томѣ Mitth., стр. 107. —***Ἀχιλ. Σ. Διαμαντα-ρᾶς,*** *Ἀρχαία ἐπιγραφὴ ἐν Ἀντιφέλλῳ τῆς Λυκίας*. S. 358—359. Надпись—надгробная, римскихъ временъ. — Litteratur. Funde (свѣдѣнія о новыхъ находкахъ и изслѣдованіяхъ въ Аѳинахъ, Гиѳіи, Мегалополѣ, Рамнунтѣ, Птоонѣ и Салоникѣ; изъ послѣдняго города Мордтманъ сообщаетъ нѣсколько надписей). Ernennungen. S. 359—370.

4. **Paul Wolters,** Rotfigurige Lutrophoros. S. 371—405. Этюдъ о большой вазѣ, найденной осенью 1890 г. въ Аѳинахъ, на землѣ покойнаго Шлимана.—***Ἀλ. Ἐμμ. Κοντολέων,*** *Ἐπιγραφαὶ τῆς νήσου Κῶ*, S. 406—406. Три новыя надписи, изъ коихъ одна содержитъ въ себѣ весьма интересный уставъ культа Посейдона. — **Joh. Toepffer,** Koisches Sakralgesetz, s. 411—432. Подробный разборъ вышеупомянутой надписи. —**P. Wolters,** Relief aus Akarnanien, S. 433—437 и Taf. IX. Подробное описаніе надгробія съ рельефнымъ изображеніемъ пѣвца, аккомпанирующаго себѣ на лирѣ; авторъ относитъ памятникъ къ началу V в. до Р. Х. — **J. N. Mordtmann,** Kyzikenische Inschrift, S. 437—440. Исправленный текстъ надписи, изданной Доллингомъ въ XIII томѣ того же журнала. — **F. Hiller von Gärtringen,** Das Denkmal Chaeremon's von Nypa. II. S. 441. Нѣсколько поправокъ къ надписи, изданной въ этомъ же томѣ, на стр. 95 (см. „Фил. Об." II, 1, отд. 2, стр. 116). — Litteratur. Funde (краткія свѣдѣнія о раскопкахъ, предпринятыхъ нѣмецкимъ археолог. институтомъ въ Аѳинахъ съ цѣлью отыскать остатки зданій, упоминаемыхъ Павсаніемъ на Аѳинской горѣ).

Mittheilungen des Kaiserlich Deutschen Archaeologischen Instituts. Römische Abtheilung. VI (1891), 3, 4.

3. **F. Studniczka,** Archaisches Thonrelief der Sammlung Santangelo, стр. 254—257. Описаніе изображенія женской фигуры въ длинномъ одѣяніи, украшенномъ тремя рядами фигуръ юношей и женщинъ. Фигура по техникѣ напоминаетъ микенскія издѣлія.—**A. Mau,** Bibliografia Pompeiana, стр. 258—269. По поводу двухъ книгъ о Помпеяхъ: Sogliano, Il tempio nel foro triangolare di Pompei и v. Duhn und Jacobi, Der griechische Tempel in Pompeii. — **E. Petersen,** Griechische Bronze, съ таблицами, стр. 270—278. Фигура изображаетъ нагого юношу съ наклонившейся впередъ верхней частью тѣла и руками, опирающимися о колѣни. Авторъ полагаетъ, что на плечахъ этой фигуры сидѣла другая и что вся группа изображала дѣтскую игру (чехарду).—**J. Six,** Un ritratto del re Pirro di Epiro, съ табл., стр. 279—284. Находящійся съ давнихъ поръ въ Неаполитанскомъ національномъ музеѣ бюстъ, въ македонскомъ шлемѣ и съ дубовымъ вѣнкомъ, принимается авторомъ за портретъ Пирра. Авторъ особенно отмѣчаетъ сказывающуюся въ чертахъ лица аффектацію и нѣкоторое подобіе съ изображеніями Александра Македонскаго. Какъ извѣстно, Пирръ тщился быть похожимъ на великаго царя, но въ дѣйствительности напоминалъ скорѣе „повара изъ Лариссы", по выраженію Лукіана.—**A. Milani,** Le recenti scoperte in Verona, стр. 285—301. Описаніе найденныхъ въ Веронѣ обломковъ античныхъ статуй.—**E. Petersen,** Funde, стр. 302—306.

4. **Luigi Milani,** Aggiunta alla relazione sulle recenti scoperte di antichità in Verona, p. 307—331. Кромѣ нѣсколькихъ портретныхъ (напр. Клавдія Друза) и др. статуй (напр. три женскихъ статуи), особенное вниманіе обращаетъ на себя найденная при раскопкахъ въ Веронѣ база со стволомъ дерева и съ надписью *Πραξιτέλης ἐποίει,* которую Милани относитъ къ римской эпохѣ. — **Ch. Hülsen,** Miscellanea epigrafica (продолженіе; 1890, p. 287), p. 332—348.— Опубликованъ текстъ нѣсколькихъ (XI—XV) лат. надписей съ объясненіями. — **A. Cozza,** Di un antico tempio scoperto presso Alatri, p. 439—359. Объ античномъ храмѣ, въ видѣ амфипростила, открытомъ около Алатри. — **E. Petersen,** Funde, p. 360—376 (см. выше, стр. 226 и 302). О новѣйшихъ находкахъ въ Италіи, каковы могилы бронзоваго вѣка въ Copezzato, Castrocaro и др. мѣстахъ, могилы близъ Кумъ, термы, вазы изъ Сициліи и мног. друг. — Sitzungsprotocolle (съ таблиц. X—XII).

Zeitschrift für die österreichischen Gymnasien, XLII (1891), 10—12.

11. **A. Kornitzer,** Zur Wanderung des Aeneas durch die Unterwelt, стр. 961-965. Въ Энеидѣ VI 260 Сивилла, вступая съ Энеемъ въ царство тѣней, совѣтуетъ ему обнажить мечъ (vaginaque eripe ferrum), между тѣмъ какъ нигдѣ не представляется случая пустить въ ходъ это оружіе, и нѣсколько далѣе (стр. 292 слѣд.) сама Сивилла указываетъ Энею на полную безвредность призраковъ. Тутъ мы имѣемъ примѣръ одного изъ многихъ чисто внѣшнихъ подражаній Виргилія Гомеру (срв. λ 48 слѣд.). —

A. Engelbrecht, Zu Cicero pro rege Deiotaro, стр. 965—968, 8, 23, milites считаетъ за объектъ къ первому misit, а non (передъ habuisse) устраняетъ изъ текста.—**J. Schmidt,** Zu Caes. bell. Gall. I 26, стр. 969. Вм. die quarto предлагается чтеніе die orto.

12. J. Zahlfleisch, Zur Nikomachischen Ethik des Aristoteles; zur Seelenlehre, стр. 1057—1067. Критическія замѣтки. — **R. Novák,** Zu Plinius dem Jüngeren, стр. 1067—1069. Предлагается чтеніе: *Epist.* 2, 19, 4 si auditorum intentio languescit; *Paneg.* 13 nec mihi etc., 25 non tanta etc., 62 ut senatus favor apud principem noceat.

Zeitschrift für das Gymnasialwesen, XLV (1891), 10—12.

N. Skworzow, Die wissenschaftlichen Beschäftigungen des zukünftigen Gymnasiallehres, № 12, стр. 721—728. Авторъ вкратцѣ излагаетъ свои мысли о научныхъ занятіяхъ будущихъ учителей гимназіи, высказанныя имъ раньше въ брошюрѣ „Объ университетскомъ ученіи“ и т. д. (выше „Фил. Обозр.“, отд. 2, стр. 95). — **O. Kübler,** Das lateinische Scriptum in der Reifeprüfung, № 12, стр. 728 сл. Авторъ защищаетъ противъ Т. Шиллера необходимость латинскаго письменнаго перевода на испытаніи зрѣлости. — Jahresberichte. **C. Rothe,** Homer (höhere Kritik), оконч. (№ 10); **U. Zernial,** Tacitus' Germania (1886—1890), (№ 11 и 12); **P. Deuticke,** Vergil (№ 11 и 12).

Gymnasium, IX (1891), 13—24.

H. Eichler, Zur Koncentration im griechischen Unterrichte, стлб. 597—604. Въ преподаваніе древнихъ языковъ должно внести строгую концентрацію и центромъ, въ значительной степени, должна служить латинская грамматика, синтаксисъ которой имѣетъ огромное образовательное значеніе. Къ нему долженъ примыкать и школьный греческій синтаксисъ, насколько это возможно, сообщая только правила отступающія отъ законовъ лат. яз. и не упоминая о явленіяхъ сходныхъ. Въ видѣ пробы авторъ подвергаетъ параллельному разсмотрѣнію правила объ условныхъ періодахъ и нѣк. др. — **M. Wetzel,** Zur Verteidigung des sogenannten Schullatein, стлб. 773—782. Авторъ нѣсколько ограничиваетъ требованія Кобилинскаго въ ZfGW. (см. „Фил. Обозр.“ выше, стр. 119). Не слѣдуетъ подражать уклоненіямъ отъ обычнаго словоупотребленія, даже если подобныя уклоненія встрѣчаются у лучшихъ классич. писателей. Если не поставить правиломъ болѣе частыя явленія противъ болѣе рѣдкихъ, но не противныхъ духу языка (каковы: potior c. gen., gaudio complere, абстрактныя подлежащія при переходн. глаголахъ и мн. др.), то ученикъ всегда будетъ брать обороты, согласные съ его роднымъ языкомъ, и противоположность между школьной латынью и латынью авторовъ будетъ еще больше. — **F. Lohr,** Was sollen wir im sprachlich-hist. Unterrichte veranschaulichen, стлб. 813—822 и 853—866. Объясненіе реалій при чтеніи авторовъ должно быть непремѣнно наглядно и сопровождаться или чертежами на доскѣ или показываніемъ рисунковъ и моделей. Примѣне-

мое надлежащимъ образомъ наглядное преподаваніе историко-литературныхъ предметовъ не разсѣиваетъ учениковъ, а, воспитывая ихъ способность зрѣнія и образуя вкусъ, изощряетъ сообразительность, устраняетъ пустомысліе и отражается благотворно на другихъ предметахъ преподаванія.

Listy Filologické, XVIII (1891), 4—6.

F. Krsek, Literatura římska na Rusi, стр. 271—283 (оконч.). Перечень переводовъ римскихъ классиковъ, изданныхъ въ Россіи въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ хронологич. порядкѣ исторіи римской литературы и русскихъ сочиненій по части этой послѣдней (по указат., изд. проф. Д. Нагуевскимъ). — **V. Steinmann,** Studie homerske, стр. 284—288 и 336—344. 9. *ἐλέλικτο Λ* 39 отъ *ἑλίσσω*, а *N* 558 отъ *ἐλελίζω*; *ἐλελίχθησαν Z* 106 и *ἐλελιξάμενος B* 316 отъ *ἑλίσσω*. 10. *ἵστασαν; ἵστασο; ἱστάμενος* со сложными; *ἵστατο, ἵσταντο* со сложными. — **E. Swoboda,** Ad Minucii Felicis Octavium, стр. 286—288 и 330—335. Критическія замѣтки къ тексту. — **I. Novák,** Přispěvki k výkladu basni Homerových, стр. 321—330. 1. Сѣкиры въ Одиссеѣ при состязаніи жениховъ. Выводы: сѣкиры эти были поставлены въ мегаронѣ, по меньшей мѣрѣ на 60 цм. надъ поломъ, и не имѣли рукоятокъ. 2. Была ли въ гомеровскомъ домѣ женская комната? Особой женской залы не было, но, безъ сомнѣнія, были отдѣльныя комнаты для женщинъ.—Критика. Д.И. Нагуевскій, Энеида Виргилія. Полное изд. *F. Krsek* описываетъ это изд. и отмѣчаетъ его цѣлесообразность.

Wochenschrift für klassische Philologie, VIII (1891), 1—52.

A. Sonny, Zu Catull. c. 68 a, стлб. 53 слѣд. Признавая крайне несостоятельнымъ мнѣніе Бирта, что это стихотвореніе есть отвѣтъ Катулла (изъ Тибура?) Манлію на его просьбу м. пр. о munera Veneris, т.-е. по толкованію Бирта, о присылкѣ ему, Манлію, въ Верону, изъ Рима scortillum, — авторъ доказываетъ, что смыслъ стих., по отношенію къ munera Veneris, таковъ: Катуллъ изъ Вероны пишетъ отказъ своему другу, который, очевидно, приглашалъ его покинуть Верону (шутливо увѣряя, что тамъ нѣтъ красавицъ), для того, чтобы въ его обществѣ облегчить свои страданія. А эти страданія могли происходить отъ измѣны ему или смерти любимой особы (къ этому вполнѣ подходитъ и выраженіе крайняго отчаянія въ ст. 1—4). — **J. Stowasser.** Замѣтка о кн. Лукіана Миллера, De Accii fabulis disputatio (стлб. 95): „Книжка эта есть цѣнный вкладъ въ литературу объ Акціи“. — **L. Mendelssohn,** Zu Zosimus, стлб. 725 слѣд. Замѣтка къ III 2, 4. — **J. Lezius,** Zur Bedeutung von satura, стлб. 1131 слѣд. Выводы тѣ же, что и въ статьѣ объ этомъ предметѣ въ „Фил. Обозр.“ — **J. Lezius.** Рецензія соч. С. Лихотинскаго. Объ употребленіи причастій у Тацита (см. „Фил. Об.“ т. I, 2, 188), стлб. 1229—1232. „Изложеніе нѣсколько пространно, но вездѣ вразумительно и ясно. Богатое собраніе примѣровъ дозволяетъ провѣрить выводы автора, который несомнѣнно обладаетъ тонкой наблюдательностью по отношенію къ явленіямъ языка“.

IV. НОВЫЯ КНИГИ.

а) Вышедшія въ Россіи.

Виноградовъ, Н. Латинская хрестоматія для II и III кл. Съ картой Италіи и Греціи. М. — 1 р.

Горацій. Сатиры. Книга I. Латинскій текстъ съ примѣчаніями и статьей о Гор. С. Боршевскаго. Владикавказъ. — 25 к.

Денисовъ, Я. Дохмій. Глава изъ греческой метрики. Москва.

Джеббъ, Р. Гомеръ. Введеніе къ Иліадѣ и Одиссеѣ. Съ англійскаго С.-Пб. — 1 р. 50 к.

Дрбоглавъ, І. Пособіе для первоначальнаго обученія лат. яз. Курсъ 1 и 2 кл. Изд. 4. Тифлисъ. — 80 к.

Еврипидъ. Вакханки, трагедія. Съ греч. перевелъ В. Алексѣевъ. Съ введ. и прим. (Деш. библ.) С.-Пб.— 10 к.

Ждановъ, С. Сократъ, какъ педагогъ. Харьковъ.

Корнелій Непотъ. Избранныя біографіи. Съ введ., прим., 43 рис., и географ. картой. Объяснилъ Левъ Георгіевскій. Изъ Иллюстр. собр. греч. и рим. класс. Царское Село. — 70 к.

Корнелій Непотъ. Избранныя жизнеописанія. Съ прилож. геогр. карты. Изд. Е. Киричинскій. Варш. — 20 к.

Кэги, А. Сборникъ упражненій по греческой этимологіи въ обработкѣ И. Страхова. Часть I. Имена и прав. глаг. на -ω. Москва. — 80 к.

Мазуринъ, К. Олимпія. По Виктору Лалу и Полю Монсо. Роскошное изданіе съ фототипіями. Москва.

Мальмбергъ, В. Метопы древнегреческихъ храмовъ. Изслѣдованіе въ области декоративной скульптуры. Съ 4 табл. рис. Дерптъ.

Платона Федонъ. Русскій переводъ съ введ., предисл. и примѣчаніями Н. Виноградова. Москва. — 60 к.

Плутархъ. Сравнительныя жизнеописанія. Томъ III, вып. 1. Тимолеонтъ и Павелъ Эмилій. Съ греч. перевелъ В. Алексѣевъ. (Дешевая библ.). С.-Пб. — 15.

Плутархъ. Сравнительныя жизнеописанія. Томъ III, вып. 2. Пелопидъ и Марцеллъ. Съ греч. перевелъ В. Алексѣевъ. (Деш. библ.) С.-Пб. — 15 к.

Радецкій, С. X пѣснь Одиссеи Гомера съ объясненіями. Москва. — 30 к.

Скворцовъ, Н. Что дѣйствительно нужно теперь нашимъ гимназіямъ. Москва. — 50 к.

Ходобай, Латинская грамматика. Курсъ гимназическій. Изд. 10, обр. А. Адольфомъ, Москва. — 1 рубль.

Черный, Э. Греческая грамматика гимназ. курса. Часть I. Этимологія. Изд. 7. Москва. — 1 рубль.

Черный, Э. Книга упражненій къ греческой этимологіи. Изд. 7. Москва. — 80 к.

Черный, Э. Краткое руководство по греческому синтаксису. Для гимназій. Изд. 3. Москва. — 65 к.

Черный, Э. Начальная греч. хрестоматія. Ч. II. Изд. 2. Москва. — 60 к.

b) Вышедшія за границей.

Berger, Ph. Histoire de l'écriture dans l'antiquité. Avec gravures. Paris. — 3, 50 fr.

Blass, F. Die Entdeckungen auf dem Gebiete der klassisch. Philologie im J. 1891. Rede. Kiel. — 1 M.

Boughi, R. Die römischen Feste. Illustrirt von Sartorio und Fleres. Deutsch von A. Ruhemann. Wien. — 8 M.

Bullinger, A. Aristoteles' Metaphisik klargelegt bis in alle Einzelheiten. München. — 4 M.

Caesaris Comment. de b. Gallico. Herausg. v. J. Prammer. Leipzig. 1 M.

Ciceros, Reden gegen Catilina und für d. Dichter Archias. Erklärt von K. Halm. 13 Aufl. bes. v. G. Laubmann. Berlin. — 1, 20 M.

Cicero Rede für Murena, erkl. von J. Strenge. Gotha. Text und Kommentar. — 0,75 M.

Euripides, Iphigenie in Taurien. Für den Schulgebrauch erklärt von S. Merkler, Gotha, Perthes. — 1, 20 M.

Fisch, R. Die lateinischen nomina personalia auf -o, onis. Ein Beitrag zur Kenntniss des Vulgärlateins. Berlin. — 5 M.

Gabelentz, G. Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse. Leipzig. — 14 M.

Grundig, F. I. A. Comenius nach s. Leben u. Wirken. Gotha. — 1 M.

Hahne, Kurzgefasste griechische Syntax für den Schulgebrauch. Braunschweig.

Harder, F. und **R. Paukstadt,** Griechische Schulgrammatik. 2 Tl. Syntax. (39 стр.) — 0, 80 M.

Hartfelder, K. Das Ideal einer Humanistenschule. Leipzig. — 0, 80 M.

Herbst, L. Thukydides. Erklärungen und Wiederherstellungen. Buch I — IV. Leipzig. — 2, 80 M.

Herondae mimiambi. Ed. Fr. Buecheler. Bonn. — 2, 40 M.

Horatius, rec. Orellius. Ed. IV maior. II. Curavit W. Mewes. Berlin. — 3 M.

Horaz' lyrische Gedichte. Erkl. von G. Müller. Strassburg. — 2, 25 M.

Ihne, W. Zur Ehrenrettung des Kaisers Tiberius. Aus dem Englischen mit Zusätzen von Wilh. Schott. Strassburg 3, 50 M.

Ioël, K. Zur Erkenntniss der geistigen Entwicklung und der schriftstellerischen Motive Platos. Berlin. — 2 M.

Iosephi opera ed. et apparatu critico instruxit B. Niese. III. Antiquitatum judaicarum libri XI — XV. Berlin. — 18 M.

Kayser, W. I. A. Comenius. Hann. — Linden. — 2 M.

Kiepert, H. Spezialkarte vom westlichen Kleinasien. Berlin. — 10 M.

Kreyher, Joh. L Annaeus Seneca und seine Beziehungen zum Urchristentum. Berlin. — 5 M.

Lefmann, S. Franz Bopp, sein Leben und seine Wissenschaft. 1. Hälfte. Berlin. — 8 M.

Livi liber IX. Für den Schulgebrauch erklärt von E. Ziegeler. Gotha, Pertes. — 1, 10 M.

Lückenbach, A. De Germaniae quae vocatur Taciteae fontibus. Marburg. — 1, 20 M.

Lovatelli Ersilia. Römische Essays, autorisierte Uebersetzung, mit Vorwort v. Eugen Petersen. Leipzig. — 6 M.

Monro, D. B. A Grammar of the Homeric dialect. 2 ed. Oxford. — 12 sh.

Müller, V. Lateinisches Lese- und Uebungsbuch für Quinta. — Также къ ней Alphabetisch geordnetes Wörterverzeichnis. Altenburg. 1, 60 M. + 0, 40 M.

Novum Testamentum Graece, für den Schulgebrauch erklärt. IV. Das Evangelium des Johannes v. B. Wohlfart. Leipzig. — 1, 50 M.

Oehler, W., G. Schubert, K. Sturmhoefel, Uebungsbuch für den gramm. Unterricht im Lateinischen. Wörterverzeichniss zu den Uebungsbüchern für Sexta und Quinta. Leipzig. — 0, 80 M.

Paetzolt, F. Latein. Uebungsbuch im Anschluss an Cäsars Gall. Krieg. 1. Tl. Buch I, Kap. 1—29; Buch II—IV. Gotha. — 1 M.

Paris, P. Elatée, la ville, le temple d'Athéna cranaia. Avec figures et planches. Thorin. — 14 fr.

Plutarch, Brutus. Für den Schulgebrauch erklärt v. R. Paukstadt. Gotha, Perthes. — 1,30 M.

Reinach, S. Chroniques d'Orient. Documents sur les fouilles et découvertes dans l'orient hellénique de 1883 à 1890. Paris. 1891.

Rethwisch, C. Jahresbericht über das höhere Schulwesen. V. Jahrgang. Berlin. — 12 M.

Schmidt, L. Der philol. Universitätslehrer, seine Tadler und seine Ziele. Marburg im H. — 0,60 M.

Schultze, Victor. Geschichte des Untergangs des griechisch-römischen Heidentums. Bd. II. Jena — 9 M. (B. I. Jena 1887 — 12 M.).

Schulze, W. Quaestiones epicae. (575 стр.) — 12 M.

Sophokles, Erkl. von E. Wolff. 3. Tl. Antigone. 5. Aufl. — 1,50 M.

Stadler von Wolfersgrün, M. Der Totenkultus bei den alten Völkern. Feldkirch. (Programm) 1891.

Stern, E. Das Hannibalische Truppenverzeichniss bei Livius (XXI, c. 22). Berlin. — 1,50 M.

Susemihl, Fr., Geschichte der griechischen Litteratur in der Alexandrinerzeit. II. Leipzig. — 14 M.

Susemihl, F. Quaestionum Aristotelarum criticarum et exegetic. pars I. Berlin. — 1,50 M.

Sybel, L. v. Wie die Griechen ihre Kunst erwarben. Rede. Marburg. — 0,50 M.

Szanto, E. Das griechische Bürgerrecht. Freiburg i, B. — 4 M.

Thucydides, 2. Buch. Für den Schulgebrauch erklärt von I. Sitzler. Gotha, Perthes. — 1,80 M.

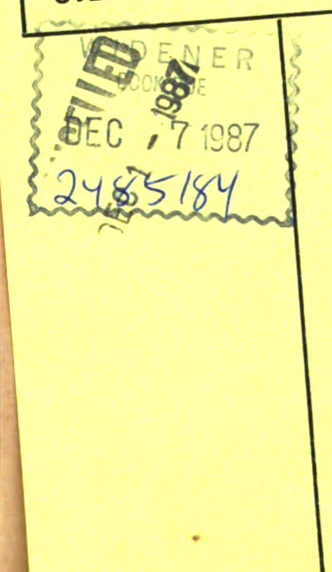
Vergils Aeneis. In verkürzter Form herausg. von J. Werra. Münst. i. W. — 0,95 M.

Wagner, J. Realien des römischen Altertums, für den Schulgebrauch. Brünn. 136 стр. — 2,40 M.

Wecklein, N. Ueber die Stoffe und die Wirkung der griechischen Tragödie. Festrede. München. — 1,40 M.

Wetzel, M. Das Recht in d. Streite zwischen Hale und Hoffmann über die Tempora u. Modi in lat. Temporalsätzen. Paderborn. — 0,60 M.

Winckler, H. Geschichte Babyloniens und Assyriens. Leipzig. — 10 M.

WIDENER
BOOK DUE
CANCELLED
1987
DEC 7 1987
2485184

